

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LVII

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LVII

1894

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1894

СОДЕРЖАНІЕ.

ЮЛЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Юрьева могила. XXV—XXXV. (Продолженіе). И. И. Яенискаго	5
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской . IX. (Продолженіе)	35
III. Идеалы въ искусствѣ. II. Рѣпинъ, Р. И. Сементковскаго	53
IV. Воспоминанія артыста А. А. Нильскаго . XXVI—XXVIII. (Продолженіе)	72
V. Марія Дегужи-Нижегородская . В. А. Потто	94
Иллюстрація: Марія Дегужи-Нижегородская .	
VI. Посobie. (Очеркъ изъ станичнаго быта). А. Березинцева	102
VII. Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства (1846—1848 гг.). По архивнымъ источникамъ. III—V. (Окончаніе). И. Г. Попруженко	119
VIII. Протоіерей Трофимъ Егоровичъ Купинскій , первый изъ духовныхъ кавалеръ Георгіевской ленты . С. Г. Рункевича	134
IX. Тамбовскіе земцы XVII и начала XVIII вѣка. И. И. Дубасова	153
X. Курганы и подземныя пещеры въ Самарской губерніи. П. Л. Юдина	166
Иллюстраціи: 1) Укрѣпленіе на валу близъ села Алексіевскаго на р. Кинели .—2) Подземное озеро въ пещерахъ Бугульминскаго уѣзда .—3) Древнія вещи, найденныя въ Бугульминской пещерѣ : сабли, копыя, топоръ, кольцо, кусокъ серебра.	
XI. Библиографическіе труды В. И. Межова . Д. Д. Языкова	174
XII. Николай Михайловичъ Астыревъ . (Некрологъ). В. Б. Глинскаго	182
XIII. Дневникъ принцессы Алисы . II. (Окончаніе). В. Т.	190
XIV. Первый гражданинъ Франціи . В. Т.	202
Иллюстраціи: 1) Карно , президентъ Французской республики .—2) Карно , ученикъ Политехнической школы .	
XV. Критика и библиографія	217
1) Сочиненія В. Д. Спасовича . Тома V—VII. Спб. 1894. Б. Б. Глинскаго . — 2) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 годъ. Составилъ членъ-секретарь статистическаго комитета Ст. Звѣревъ . Изданіе Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета . Воронежъ . 1894. Л. Павленкова .—3) Словарь русскихъ художниковъ съ XI до XIX вѣка. Составилъ Н. П. Собко . Томъ I, выпускъ первый. А. 1893. В. З—а .—4) Архивъ князя Ф. А. Куракина . Книга четвертая, изданная почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ф. А. Куракинымъ , подъ редакціей В. Н. Смольянинова . Саратовъ . 1893. В. Б. —5) Хр. Лопаревъ . Описаніе рукописей императорскаго общества любителей древней письменности. Часть II. Спб. 1893. С. Т—смаго . — 6) А. Шаховъ . Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ . Спб. 1894. М. М. —7) Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ А. И. Пульхерова . Псковъ . 1893. В. Б. —8) М. Довнаръ-Запольскій . Мотивы свадебныхъ пѣсень пинчуковъ . Гродно . 1893. С. Т—смаго .—9) Сэра Тома Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи . Переводъ, введеніе и примѣчанія Н. М. Болдакова . Спб. 1893. В. Б.	

См. слѣд. стр.

	СТР.
XVI. Историческія мелочи	229
1) Далмація подъ французскимъ владычествомъ. — 2) Отравители и отравительницы. — 3) Сестра Шиллера. — 4) Трехсотлѣтіе Тинторетто. — 5) Юбилей Политехнической школы. — 6) Черепъ Кромвеля. — 7) Останки Людовика XVII. — 8) Новые безсмертныя.	
XVII. Заграничныя историческія новости	246
XVIII. Смѣсь	254
1) Актъ въ археологическомъ институтѣ. — 2) Засѣданіе славянскаго общества. — 3) Вооруженіе XI вѣка. — 4) Семидесятипятилѣтіе Исаакіевскаго собора. — 5) Какъ у насъ сохраняются древнія памятники. — 6) Общество любителей древней письменности. — 7) Годовщивы нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей. — 8) Отчетъ Симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни въ память И. А. Гончарова съ 17-го января 1893 года по 17-е января 1894 года. — 9) Отчетъ о дѣятельности комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. (1893—1894 гг.). — 10) Некрологъ: Н. А. Трескинъ.	
XIX. Замѣтки и поправки	261
1) Портретъ Н. И. Гнѣдича. — 2) Къ біографіи графа Ангальта. К. Волховскаго. — 3) Отъ редакціи.	
XX. Книжное дѣло и періодическая печать въ Россіи въ 1893 году. I. Книжное дѣло. Л. Н. Павленкова	265

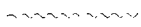
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Н. И. Гнѣдича. — 2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. XLIV—XLVII. (Продолженіе). — 3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

СОВѢТЬ

САРАТОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ,

приступая къ составленію второго выпуска Сборника по культурѣ Саратовскаго края, покорнѣйше просить лицъ, желающихъ принять участіе въ изданіи, сообщать матеріалы, воспоминанія, отдѣльныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи, археологіи, статистикѣ, просвѣщенію, хозяйству, выясненію бытовыхъ и природныхъ условій края г. председателю Совѣта Николаю Петровичу Фролову (Мало-Сергіевская улица, собств. домъ) или члену Совѣта П. О. Лебедеву, редактору «Саратовскаго Листка» (редакція). Статьи, по желанію авторовъ, могутъ быть оплачиваемы.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ

дозв. ценз. спб., 25 июня 1894 г.

ЮРЬЕВА МОГИЛА ¹⁾.

XXV.

ИЮРЬЕВА МОГИЛА ПРОФЕССОРА и Елены были тусклы, и лица ихъ хранили недовольное выраженіе, когда они свидѣлись утромъ.

— Сегодня я къ вашимъ услугамъ,— началъ профессоръ, пожимая руку Елены.—Какой историческій вопросъ долженъ я былъ разъяснить вамъ вчера въ бесѣдкѣ?

Она устремила взглядъ въ даль, подумала и сказала:

— О социніанахъ. Вы какъ-то упомянули о связи социніанства съ еврействомъ. Какая же связь, въ чемъ она?

— Васъ интересуютъ социніане? Къ одиннадцати часамъ мнѣ надо быть въ Каменномъ Бродѣ,—сказалъ профессоръ, взглянувъ на часы.—Я постараюсь удовлетворить ваше желаніе, въ самой, однако, неудовлетворительной формѣ. Изволите видѣть, Елена Кондратьевна, основателемъ социніанской ереси и ея развѣтвленій былъ, собственно говоря, не Социнъ, а докторъ Серветъ, сожженный, какъ вамъ извѣстно, на кострѣ Кальвиномъ за то, что вступилъ съ нимъ въ полемику. Серветъ отрицалъ троичность Бога. Еще до гибели Сервета сѣнскій патрицій Лелій Социнъ, сынъ профессора, составилъ въ Венеці тайное общество съ цѣлью изученія и распространенія серветовой ереси. Инквизиція открыла кружокъ, и Социнъ бѣжалъ. Тогда всѣ отличались религиозной нетерпимостью.

¹⁾ Продолженіе. (См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 305.)

Можетъ быть, Серветъ сжегъ бы Кальвина, если бы сила была на его сторонѣ. Меланхтонъ тоже не могъ похвастать безпристрастіемъ. Но, должно быть, личность Социна была привлекательна, потому что Меланхтонъ полюбилъ его, не смотря на крайнюю разницу во взглядахъ, и указалъ ему на Польшу, какъ на безопасное убѣжище. Онъ снабдилъ его даже рекомендательнымъ письмомъ къ королю Сигизмунду-Августу. Социнъ былъ очень молодъ—двадцати шести лѣтъ. Польшу посѣтилъ онъ два раза, и при дворѣ королевы Бонны встрѣтилъ многочисленныхъ послѣдователей Сервета. Польша въ то время была дѣйствительно очагомъ терпимости. Инквизиція не могла привиться въ ней, потому что была противна ея республиканскому духу. Польскіе паны считали себя абсолютно свободными въ дѣлахъ совѣсти. Ганзейскій городъ Краковъ въ особенности славился терпимостью. Это одна изъ самыхъ любопытныхъ страницъ въ исторіи умственного развитія Польши, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, недостаточно еще обработанная историками. Уже въ XII вѣкѣ въ Польшу спасались альбигойцы. Комунистъ Дульцинъ проповѣдывалъ въ XIV столѣтіи общность имущества и женъ, и его проповѣдь была принята въ Польшѣ съ большимъ радушіемъ. Паны становились дульциніанами, и это такъ напугало папу Іоанна XXII, что онъ на время ввелъ въ Польшѣ инквизицію для истребленія еретиковъ. Но инквизиція сожгла только нѣсколькихъ крестьянъ, паны же остались неприкосновенны. Это была единственная католическая страна въ Европѣ, гдѣ инквизиція не могла бороться съ еретической аристократіей. Гусситы тоже пустили корни въ Польшѣ, лютеране, наконецъ, жидаы. Среди католиковъ юдаизмъ распространялся довольно свободно. По конституціи 1552 года, послѣ двухъ-трехъ дѣлъ, возмущившихъ польское дворянство, инквизиторы лишены были права даже возбуждать какія бы то ни было религіозныя обвиненія противъ шляхтичей. Социніане, или антиринитаріи, имѣли полную возможность открыто выступить съ своимъ отрицательнымъ ученіемъ о Святой Троицѣ. Не успѣлъ потухнуть костеръ Сервета, какъ ужъ на соборѣ польско-литовскихъ протестантовъ раздалась громкая и безнаказанная проповѣдь почти еврейскаго единобожія. Черезъ два года былъ созванъ новый соборъ—въ Пинчовѣ, и число людей въ Польшѣ, думающихъ, что Богъ одинъ, но не троиченъ, оказалось уже значительнымъ. Выступилъ нѣкто Петръ Статоріусъ, который придалъ социніанству еще болѣе жидовскій оттѣнокъ. Нѣкоторые думаютъ, что Статоріусъ самъ былъ французскимъ евреемъ. Владѣлецъ Пинчова, шляхтичъ Лѣсницкій, сначала былъ приверженцемъ Кальвина. Но Статоріусъ убѣдилъ его усвоить социніанскіе взгляды. Не долго думая, Лѣсницкій прогналъ изъ Пинчова всѣхъ кальвинистовъ и отдалъ ихъ типографію и храмъ социніанамъ. Всѣ враги Святой Троицы устремились въ Пинчовъ, и онъ въ короткое время сталъ но-

вымъ Иерусалимомъ іудействующихъ католиковъ. Социніане называли его «богоизбраннымъ гнѣздомъ чистой истины». Началась въ Польшѣ социніанская пропаганда. На ближайшемъ сеймѣ социніане устроили публичный диспутъ съ кальвинистами и такъ успѣшно отстаивали свое ученіе, что всего черезъ два года къ нимъ уже примкнули сотни знатныхъ пановъ. Социніане издали въ Невижѣ біблію на польскомъ языкѣ. Возникъ городъ Раковъ, который затмилъ собою Пинчовъ. Это всегда бываетъ такъ, что когда люди находятъ дѣйствительное или кажущееся нравственное или умственное удовлетвореніе, жизнь начинаетъ имъ улыбаться, они проявляютъ необычную дѣятельность и на болѣе или менѣе продолжительное время становятся не только духовно, но и матеріально счастливыми. Этимъ объясняется, почему раскольники въ Велико-росіи такъ зажиточны и по-своему нравственны, и почему въ нашей Малоросіи то же самое явленіе наблюдается въ селахъ, зараженныхъ штундой. Въ социніанствѣ нашли обновленіе не только польскіе аристократы, но и простой народъ. Раковъ, основанный среди песчаныхъ степей, къ концу XVI вѣка былъ уже цвѣтущимъ и многолюднымъ городомъ. Потомъ онъ долго славился своими промыслами и фабриками. Бумажное производство его было замѣчательно. Въ немъ процвѣтали академія, профессора которой гремѣли на всю Польшу. Это была своеобразная академія: вмѣстѣ съ науками въ ней преподавались, какъ въ теперешнихъ профессиональныхъ школахъ, различныя ремесла, бывшія обязательными для студентовъ. Умственная жизнь кипѣла въ Раковѣ, и этотъ городъ назывался «Сарматскими Аѳинами». Теперь Раковъ жалкое мѣстечко съ одноклассной школой... Пройдемте немножко дальше, — прервалъ себя профессоръ. — Смотрите, идетъ Николай Кондратычъ. Онъ станетъ спорить...

Молодая дѣвушка поднялась со ступеньки террасы, на которой сидѣла въ тѣни, бросаемой домомъ, и пошла съ своимъ женихомъ по аллеѣ. Николай Кондратычъ издали раскланялся съ профессоромъ.

Очутившись въ чащѣ сада, Елена прижала къ себѣ руку профессора и произнесла:

— Пожалуйста, продолжайте. Главная сторона ученія социніанъ, разумѣется, не исчерпывалась отрицаніемъ троичности Бога? Какая у нихъ была мораль?

— Ученіе социніанъ, помимо догматической стороны, сводилось къ тому, что теперь Левъ Толстой считаетъ своей этикой: социніане отрицали судъ людской, объявляли недопустимымъ для своихъ послѣдователей пользоваться властью и оружіемъ, вести войны и казнить преступниковъ и проповѣдывали физическій трудъ. Впрочемъ, они не были противъ раздѣленія труда, какъ толстовцы, и высоко ставили науку. Это была сравнительно здоровая проповѣдь.

Но, благодаря евреямъ, которые были сильны въ Польшѣ, и близости социніанскаго догмата съ іудейскимъ монотеизмомъ, социніанство въ Польшѣ постепенно стало ожиждливаться. Евреи давно хлопотали о распространеніи въ Польшѣ іудаизма. Центромъ ихъ движенія былъ Кіевъ. Именно изъ Кіева пріѣхалъ въ Россію въ XVI вѣкѣ жидъ Схарія, основатель секты жидовствующихъ. Подавленная суровыми казнями, жидовская ересь продолжала таиться въ Москвѣ, не утрачивая связей своихъ съ литовскимъ еврействомъ. Когда въ XVI вѣкѣ въ Москвѣ опять поднялось гоненіе на жидовскую ересь, и вольнодумцы Матвѣй Башкинъ, игумень Артемій, Ѳеодосій Косой, Вассіанъ, Игнатій и др. были заточены, то нѣкоторые изъ нихъ успѣли бѣжать на Литву. Ѳеодосій Косой и Игнатій, убѣжавъ, пристали къ антитринитаріямъ. Ѳеодосій Косой признавалъ единаго Бога и десять заповѣдей, смотрѣлъ на евангелистовъ, какъ на повѣствователей, отрицалъ Пресвятую Троицу, божественность Іисуса, воплощеніе, искупленіе и всѣ таинства, призыванія святыхъ, преданія церкви, писанія святыхъ отцовъ, отвергалъ іерархію и монашество, обряды называлъ идолослуженіемъ и дѣтскими комедіями, иконы идолами, а въ лучшемъ случаѣ картинами, если онѣ хорошо написаны, храмы кумирнями и совѣтовалъ обращать ихъ въ художественные музеи, въ госпитали, въ гостинницы для бѣдныхъ, въ залы для публичныхъ чтеній. Ѳеодосій говорилъ, что не нужно ни царей, ни властей военныхъ и гражданскихъ, не нужно войнъ, рабовъ и господъ, не нужно податей, ибо все это несовмѣстимо съ понятіямъ о христіанствѣ, какъ о братскомъ союзѣ людей; не нужно особенно почитать родителей, если они не заслуживаютъ почтенія, какъ люди; достаточно одного отца—Бога; не нужно брака, потому что всѣ женщины сестры, и нельзя требовать, чтобы любовная склонность продолжалась вѣчно; нельзя презирать чужихъ вѣръ, потому что всѣ вѣры равны, а также всѣ народы равны; приношенія можно дѣлать только разумнымъ людямъ за ихъ разумъ и полезные совѣты; не слѣдуетъ платить помѣщикамъ, воеводамъ и королямъ ни гроша.

XXVI.

Это очищенное жидовство и социніанство, или еедосѣвство, быстро разлилось по Польшѣ и Литвѣ. Антитринитаріи встревожились, но были на столько умны, что стали хлопотать о сліяніи съ еедосѣвцами. Къ тому же, еедосѣвцы разрушали всѣ основы современнаго имъ быта, что должно было вызвать реакцію. Кончилось тѣмъ, что племянникъ Лелія Социна, Фаустъ Социнъ, прибылъ въ Польшу, реформировалъ антитринитаріанство и назвалъ его унитаріанствомъ. Обновленное социніанство и еедосѣвство,

слившись, стали называться «польскими братьями». Главнымъ положеніемъ польскихъ братьевъ было, что Богъ не требуетъ вѣры въ непонятное. Высшимъ критеріемъ они признавали человѣческой разумъ. Конечно, они отвергали ученіе Кальвина о предопредѣленіи и, въ противность Лютеру, утверждали, что одна вѣра не ведетъ къ спасенію. Не считая крещенія таинствомъ, они крестили только взрослыхъ. Это былъ христіанско-еврейскій раціонализмъ. «Польскіе братья» предоставляли полную свободу праздновать кому вздумается воскресенію, кому субботу. Власть они уважали, но возставали противъ права пользоваться оружіемъ и особенно противъ смертной казни. Противъ рабства они возставали только теоретически. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ Симеонъ Будный, даже защищали рабовладѣльчество. Съ Буднымъ спорилъ Яковъ Калиновскій. Паны, приставшіе сначала къ радикальному еодосѣвству, охотно отпали отъ него. Виленскій кастелянъ Кишка, владѣвшій безчисленнымъ множествомъ мѣстечекъ и сель и женатый на дочери Константина Острожскаго, долго покровительствовалъ еодосѣвской ереси. Онъ получилъ блестящее образованіе за границей. Кишка заводилъ типографіи и школы, и христіанско-еврейское вольномысліе Феодосія Косого неудержимымъ потокомъ распространялось по его владѣніямъ. Однако, мягкій Фаустъ Социнъ, только въ компромисѣ видѣвшій спасеніе, повліялъ и на Кишку. Чистое еодосѣвство стало даже преслѣдоваться. Отсюда явились разныя видоизмѣненія еодосѣвской ереси. Существовали секты, впадавшія въ грубое жидовство. Такъ возникла, между прочимъ, секта субботниковъ. Къ концу XVI вѣка и въ началѣ XVII въ Малороссіи было уже много субботниковъ. Въ это время стало ходить по рукамъ вымышленное письмо половца Ивана Смеры, придворнаго врача князя Владимира. Смера будто бы былъ посланъ въ Грецію для изслѣдованія вѣры. Онъ нашелъ въ Александріи какихъ-то совершеннѣйшихъ христіанъ по вѣрѣ и нравамъ, совсѣмъ отличныхъ отъ остальныхъ грековъ. Онъ принялъ ихъ вѣру и, узнавъ, что въ его отсутствіе князь Владимиръ уже крестился по греческому обряду, не возвратился къ нему, а послалъ письмо на мѣдной доскѣ желѣзными буквами на болгарскомъ языкѣ. Доска была найдена въ русской церкви св. Спаса неподалеку отъ древняго Самбора какимъ-то діакономъ. Это было во второй половинѣ XVI вѣка. Правиль кіевской митрополіей Онисифоръ Дѣвочка. Митрополитъ принадлежалъ къ антитринитаріямъ, но въ своемъ еретичествѣ пошелъ дальше, подъ вліяніемъ мѣднаго посланія. «Совершеннѣйшіе христіане» были тѣ же еодосѣвцы, но ужь окончательно съ еврейской окраской. По примѣру митрополита, въ ересь впадали прочіе священнослужители. На церквахъ стали рубить кресты, самыя церкви упразднялись, христіане брались съ евреями и отдавали имъ свои иконы, стыдясь прежняго

идолопоклонства своего. Когда Онисифора Дѣвочку упрекали православные люди въ потворствѣ жидамъ и въ разрушеніи храмовъ, онъ отдѣлывался пустыми оправданіями. Письмо Смеры содержало въ себѣ обѣщаніе, что будетъ время, когда славянскій народъ соединится для похвалы и исповѣданія Единого Бога Израилева, а съ нимъ вмѣстѣ и послѣдній іудейскій родъ вмѣстѣ съ прочими народами познаетъ ученіе Христа и получитъ спасеніе, потому что покорится волѣ Бога своего. Съ разными вариантами, отмѣтитъ которые чрезвычайно трудно и едва ли даже возможно строго научнымъ путемъ, христіанско-еврейскій раціонализмъ, приспособляясь къ обстоятельствамъ времени и мѣста, вспыхивалъ то тамъ, то здѣсь въ Польшѣ и на Украинѣ, находилъ себѣ могущественныхъ покровителей, и въ XVII вѣкѣ его сторонникомъ былъ знаменитый Немиричъ, выдвинувшійся во время гетманства Выговскаго, а въ XVIII вѣкѣ загадочный еврей Франкъ возобновилъ мечтанія «совершеннѣйшихъ христіанъ», слилъ ихъ съ ученіемъ еврейскаго сектанта Сабатея Цеви, и проповѣдь его имѣла нѣкоторый успѣхъ въ Польшѣ. Франкисты вербовали іудеевъ. Наружно евреи принимали христіанство и усваивали польскіе нравы и обычаи во всѣхъ мелочахъ, но внутренно они продолжали считать богоизбраннымъ только еврейскій народъ, тайно праздновали субботу и вѣрили, что Христосъ былъ дѣйствительный Мессія. Я полагаю,—заключилъ профессоръ,—что въ той или другой формѣ всѣ соцініанскія идеи бродятъ и теперь въ мѣстностяхъ, особенно населенныхъ евреями. Стоитъ европейцамъ войти въ самое поверхностное сношеніе съ дикарями, какъ ужъ знакомство это отражается на ихъ образѣ жизни и на ихъ нравственности. Это законъ этнографическаго взаимодѣйствія. Тѣмъ болѣе этнографическое взаимодѣйствіе должно проявляться тамъ, гдѣ соприкасающіяся народности отличаются культурностью. Было бы странно, если бы еврейскій элементъ, такъ глубоко проникающій въ наше общественное тѣло, не отразился на нашихъ воззрѣніяхъ и даже вѣрованіяхъ. Но и на самихъ евреяхъ оставляютъ рѣзкій слѣдъ наши нравы, наши обычаи, наша религія, наше право, наша исторія. Постепенно все нивелируется. Съ обѣихъ сторонъ могутъ совершаться несправедливыя и жестокія дѣла, что будетъ вызывать борьбу и взаимныя гоненія. Но нѣтъ такихъ страданій, которыхъ нельзя было бы хоть на время утолить,—и все стремится къ равновѣсію и къ гармоніи. Подумайте, вашъ папаша въ смертельной враждѣ съ Соломономъ Борисовичемъ, а братъ влюбленъ въ дочь Соломона Борисовича и говоритъ о евреяхъ не иначе, какъ съ бѣшенымъ сочувствіемъ.

— Знаете, Павелъ Ивановичъ,—начала Елена, помолчавъ:—что, если Николай одинъ изъ тѣхъ жидовствующихъ соцініанъ, о которыхъ вы сказали, что они, можетъ быть, существуютъ до сихъ поръ?

Профессоръ взглянулъ на невѣсту и промолвилъ:

— Мы переживаемъ время, когда всѣ стали презирать политику, ударились въ мистицизмъ, и въ нашихъ журналахъ поднимаются странные вопросы—о вредѣ науки, о ненужности прогресса и о томъ, какъ достигнуть личнаго самоусовершенствованія вегетарианствомъ, или жизнью въ дикомъ, первобытномъ состояніи, или, наконецъ, воздержаніемъ отъ брачныхъ узъ. Церковные іерархи уже громятъ ученіе Льва Толстаго, какъ ересь. Какъ недавно еще въ воздухѣ пахло кровью и динамитомъ, такъ теперь пахнетъ ересью, слышится тайно воскуряемый ладанъ, робкій звонъ веригъ и шепотъ покаянныхъ молитвъ. Меня нисколько не удивило бы, Елена, если бы ваша догадка оправдалась; вашъ братъ обнаруживаетъ всѣ данныя, изъ которыхъ слагаются, въ концѣ концовъ, фанатики...

Вдали онъ увидѣлъ Николая Кондратыча и замолчалъ. Елена смотрѣла на брата подъ новымъ угломъ зрѣнія, который рѣзко опредѣлился въ ея умѣ только теперь. Ей показалось, что его длинный носъ—семитическій, а въ его походкѣ сквозить что-то еврейское. Она понимала, что просвѣщенные люди не должны пренебрежительно относиться къ евреямъ; но въ душѣ она ихъ ненавидѣла—мелкой, органической, ничѣмъ не искоренимой ненавистью. Она даже вздрогнула, когда братъ подошелъ.

— Экипажъ готовъ, — сказалъ молодой человѣкъ. — Мнѣ хотѣлось бы поѣхать съ вами, — продолжалъ онъ. — Предметъ какъ будто касается и моей спеціальности. Я узналъ сейчасъ, что отецъ будетъ очень огорченъ, если вы останетесь завтракать въ Каменномъ Бродѣ, но такъ какъ предлогъ для отказа вамъ будетъ найти трудно, то я охотно замѣню предлогъ. вмѣстѣ со мной вы будете гарантированы отъ завтрака.

— Хорошо, — отвѣчалъ Павелъ Ивановичъ и, зайдя въ свой флигель, черезъ минуту вышелъ оттуда въ сѣромъ пальто, въ сѣромъ цилиндрѣ и въ желтыхъ перчаткахъ.

— Какимъ вы франтомъ! — сказалъ Николай.

Ученый посмотрѣлъ на бѣлый шелковый жилетъ Николая и на модный галстухъ его, заколотый брилiантовой булавкой, и ничего не сказалъ.

XXVII.

Нѣкоторое время молодые люди ѣхали молча. Мельница, возвышавшаяся на Юрьевой могилѣ, осталась уже далеко позади. По обѣимъ сторонамъ разстилались степныя пространства. Направо отъ ѣдущихъ на горизонтѣ кое-гдѣ виднѣлись скалистые утесы и купы деревьевъ, сожженныхъ июльскимъ зноемъ. Экипажъ повернулъ, дорога стала уже, и вмѣсто степныхъ пространствъ потянулись

высокіе откосы балки. Весною здѣсь случались оползни: иныя деревья совсѣмъ повисли въ воздухѣ, держась только полуоубаженными корнями. Вѣтеръ, дувшій съ рѣки, зловѣще раскачивалъ ихъ. Но, судя по тому, что вѣтки приняли вертикальное направленіе, деревья висѣли такъ уже многіе годы.

— Какая унылая мѣстность!—нетерпѣливо замѣтилъ Николай.

— Скоро Каменный Бродъ?

— Еще версты три. За тѣмъ дубомъ дорога пойдетъ, вверхъ. Рассказываютъ, что въ старину Каменный Бродъ находился въ самой балкѣ, на днѣ текла рѣка. Крѣпость же, или цитадель, стояла выше, гдѣ теперь усадьба Соломона Борисовича. У жителей на случай военнаго несчастья имѣлись подземные ходы или пещеры въ откосахъ. Какъ-то я еще гимназистомъ забрался сюда и нашель подъ сухими вѣтками входъ въ пещеру. Но, должно быть, она завалилась. Въ ней было не больше двадцати шаговъ и, кромѣ множества летучихъ мышей, я ничего не нашель. Перепугался я, разумѣется, страшно. Вообще, подземные ходы не рѣдкость въ нашемъ краѣ. Вся Волынь и, можетъ быть, весь Юго-Западный край пронизанъ пещерами.

— Въ варварскія, хотя и историческія времена, землянки и подземные ходы, подвалы и пещеры часто служили убѣжищемъ для преслѣдуемыхъ непріятелемъ. Ничего вѣтъ мудренаго... Люди, въ полномъ смыслѣ слова, проваливались сквозь землю,—сказалъ профессоръ.

Впереди виднѣлся дубъ. По мѣрѣ приближенія къ нему, онъ казался все могучѣе. Другія деревья качались отъ вѣтра, а онъ стоялъ неподвижно. Старъ онъ былъ необыкновенно и, можетъ быть, помнилъ еще времена Хмельницкаго. Наконецъ, экипажъ поравнялся съ нимъ. Никогда еще профессоръ, даже разрывая могилы древлянскаго періода, не чувствовалъ себя въ такой близости съ стародавней стариной; у него даже мелькнуло желаніе снять шляпу; но этого онъ не сдѣлалъ бы, даже если бы былъ наединѣ. Онъ боялся поэтическихъ движеній своей души, такъ какъ не могъ опредѣлить, гдѣ кончаются они, и гдѣ начинается глупость. Впрочемъ, онъ все смотрѣлъ на дубъ, на его толстыя, черныя вѣтви и на обильную, яркозеленую листву.

Николай тоже смотрѣлъ на дубъ, счастливая улыбка играла на его губахъ. Подъ нимъ онъ впервые познакомился съ Саррой четыре года назадъ.

Каменнобродская усадьба выступила вдаль на горѣ, съ своими блѣдно-розовыми башенками, на которыхъ вертѣлись красныя пѣтухи и стрѣлы. Подстриженные деревья, похожія на зеленые одуванчики, окружали усадьбу. Ворота представляли собою два пирамидальныхъ столба. Окна дома съ дачными жалюзи и зелеными рѣшетчатыми ставенками весело выглядывали изъ-за ограды. Стран-

ная архитектура усадьбы объяснялась тѣмъ, что домъ строенъ былъ одновременно, нѣсколько разъ горѣлъ и постепенно расширялся, снабжался пристройками, окружался верандами, украшался башенками и террасами и, наконецъ, принялъ теперешній пестрый видъ. На главномъ крыльцѣ въ глубинѣ подъ навѣсомъ стояла пара великолѣпныхъ датскихъ договъ тигровой масти. Позы ихъ были не изъ дружелюбныхъ. Прижавъ маленькія уши, они, казалось, готовы были броситься на гостей.

«Не всѣ евреи, значитъ, боятся держать у себя собакъ»,—подумалъ профессоръ. Но, когда экипажъ, миновавъ главный подъѣздъ, направился къ лѣвому малому, собаки продолжали стоять въ тѣхъ же угрожающихъ позахъ. Профессоръ спросилъ съ сомнѣніемъ:

— Что — не живыя собаки?

— Чучела,—отвѣчалъ Николай, преодолевая страстное желаніе поклониться Саррѣ, до половины высунувшейся изъ окна второго этажа. Должно быть, она недавно встала, и была въ утренней батистовой кофточкѣ. Николай зналъ, что Сарра любитъ поспать.

На дворѣ у одного подъѣзда съ надписью «контора» толпились мужики. Оттуда изъ раскрытыхъ дверей слышались голоса. По-видимому, большая половина дома была обращена въ складъ пшеницы; такими же складами были флигеля, примыкавшіе къ дому, низенькіе съ толстыми стѣнами, недавней постройки. Каменнородская усадьба производила впечатлѣніе чрезвычайно дѣятельнаго хозяйственнаго гнѣзда, гдѣ главную роль играетъ золотой телецъ. Какъ будто и Кондратій Захарычъ всѣ свои силы устремлялъ на служеніе пшеницѣ, но тѣмъ не менѣе хуторъ его не казался торговымъ пунктомъ. Хуторъ былъ строенъ для себя, это было жилое мѣсто, гдѣ искони въ неудобныхъ, но уютныхъ комнатахъ жилъ дворянскій родъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и Корицкіе занимались производствомъ и продажей хлѣба, чтобы жить. Новый каменнородскій владѣлецъ не только продавалъ свой хлѣбъ, но и перепродавалъ чужой. Его усадьба—уголокъ Одессы; онъ жилъ въ Каменномъ Бродѣ, чтобы торговать и обогащаться.

Всеже часть дома, которую занималъ Соломонъ Борисовичъ со своей семьей, находилась въ большой исправности и, какъ можно было заключить по первому бѣглому взгляду, содержалась на городской образецъ.

«Графъ» Станиславъ Адамовичъ Потоцкій выскочилъ на дворъ въ сѣренькомъ шелковомъ сюртучкѣ, мѣшкомъ сидѣвшемъ на немъ, пожалуй, съ чужаго плеча, и, держа руку у глазъ въ защиту отъ солнечныхъ лучей, сталъ кричать обычныя любезности, свидѣтельствующія о гостепріимности Каменнаго Брода. Забывъ свое графское достоинство, онъ собственноручно высадилъ изъ фаетона молодого профессора.

— Тѣмъ болѣе пріятно намъ видѣть у себя достопочтеннаго и славнаго профессора, историка, историографа и археолога — легко сказать, какіе титулы! — тѣмъ болѣе пріятно, что Николай Кондратьичъ пріѣхалъ также, но совершенно неожиданно. Но, однако же, милости просимъ, Николай Кондратьичъ.

Онъ ввелъ гостей въ высокую комнату съ узенькими окнами и съ деревянными дубовыми украшениями на стѣнахъ и, дрожащими руками подвинувъ безъ всякой цѣли нѣсколько предметовъ на столъ, произнесъ:

— А прошу я васъ, пока что, сѣсть и закурить хотя бы папирсы... Ахъ, какая жара, ужасъ! Она все не проходитъ, какъ ее ни ругай... А я тутъ мухъ ловилъ. Да, видите, чѣмъ занимался: на днѣ банки сыворотка, завязано бумагой, и бумага проткнута палочкой. Неосмотрительная тварь влѣзаетъ, но вылѣзти уже не можетъ. Почему не можетъ, хотѣлъ бы я знать? Неужели она такъ глупа, что не соображаетъ? Мушья глупость! То, должно быть, что нибудь удивительное!

XXVIII.

— Гдѣ погребъ съ трупами? — спросилъ профессоръ.

— Въ саду, — отвѣчалъ «графъ». — Но ради безопасности, надо вамъ знать, воздвигнута стѣна, и она подъ замкомъ, а ключъ у Соломона Борисовича.

— Какъ стѣна подъ замкомъ?

— Дверка есть... Что-жъ, я могу принимать у себя кого хочу! — въ волненіи началъ «графъ», вскакивая. — Подождите, Николай Кондратьичъ. Я пойду, переговорю съ Соломономъ Борисовичемъ. Мнѣ дѣла нѣтъ до ссоръ его. Развѣ же я знаю, отчего у него злоба на вашего папапу? Онъ мнѣ не объяснялъ. Папапа вашъ тоже не объяснялъ. А вы объясняли? Ахъ, онъ пархъ! Да если онъ посмѣетъ, я въ одинъ моментъ наплюю на Каменный Бродъ! Я ему дамъ знать! О, я очень вспыльчивый человѣкъ! Были времена, когда не такіе жида стояли у меня въ передней!

Мнимое воспоминаніе о миѣическомъ блескѣ повѣяло кротостью на расходившагося «графа». Онъ улыбулся, сѣлъ и искреннимъ тономъ правдиваго человѣка рассказалъ кстати:

— Я былъ совсѣмъ еще безусымъ юношей, но ужъ любилъ загнуть уголъ. Что дѣлать, широкія традиціи фамиліи и небрежное воспитаніе, направленное въ одну сторону... То представьте себѣ жидовское мѣстечко, посреди котораго, какъ островъ, мой старый домъ и въ немъ съ утра до вечера звонъ полуймперіаловъ и фыркаютъ колоды картъ. А моимъ сосѣдомъ былъ богатый Гальперинъ, у котораго три цурки замѣчательной красоты. Какъ-то я выигралъ у одного армейца тридцать тысячъ...

— Развѣ бываютъ у армейцевъ такія деньги? — спросилъ профессоръ.

— Отчего же? Бываютъ гораздо большія. Тридцать тысячъ очень маленькія деньги, собственно говоря!

— Никогда не видалъ, даже и не слышалъ, чтобы у насъ играли на золото,—замѣтилъ Николай Кондратьичъ.

— Затѣмъ, что золота нѣтъ. Но когда нѣтъ бумажекъ, а есть деньги, то онѣ всегда золотыя или, по крайней мѣрѣ, серебряныя. Но о чемъ же я хотѣлъ?.. А! Гальперинъ! Такъ это я обратился къ нему съ просьбой... Возьми какой хочешь вексель, но, однако же, чтобы черезъ двадцать четыре часа я могъ потушить долгъ чести... Собачья кровь, понимаешь? Маршъ! Онъ сталъ что-то ворчать. Я повернулъ его, да по затылку какъ хлопнулъ. Онъ растянулся и насилиу его отлили водой.

— Но вѣдь армеецъ проигралъ, а не вы.

— Нѣтъ, я проигралъ.

— Но вы только что сказали, что армеецъ.

— Какъ? Вы ошибаетесь. Честное и благородное слово, я проигралъ. Но извольте, я уступаю, какъ хозяинъ, потому что гость всегда долженъ быть правъ,—сказалъ графъ, красный, какъ ракъ, отъ внутренняго, худо сдерживаемаго негодованія.

— Впрочемъ, все равно, — проговорилъ профессоръ. — Что-жъ, Гальперинъ умеръ?

— Какое! Развѣ жида умираютъ!—съ увлеченіемъ вскричалъ Станиславъ Адамовичъ.

— Что-жъ, они безсмертны?

— Не безсмертны, но ихъ душатъ. Какъ только жидъ начинаетъ икать, на него кладутъ подушку и крѣпко держать. Тутъ случается, что больной бьетъ руками и ногами, но подушку не приподнимаютъ съ лица и даже наваливаются на нее всей тяжестью тѣла. Но, пока задушатъ, жидъ успѣетъ дожить до сѣдинъ и много пакостей натворить! О—ей!

— Послушайте, Николай Кондратьичъ,—сказалъ профессоръ:—судя по тѣмъ словамъ г. Потоцкаго, которыя непосредственно относились къ вамъ, и принимая въ соображеніе ваше собственное признаніе, что Соломонъ Борисовичъ не принадлежитъ къ вашимъ друзьямъ, васъ не расположены допустить къ осмотру подвала совместно со мною. Вѣроятно, интересы науки здѣсь не особенно уважаются. Конечно, я тоже уѣду, такъ какъ — передайте г. Потоцкій, вашему патрону — и я, и мой товарищъ пріѣзжали сюда не въ качествѣ гостей, а какъ свѣдущіе люди. Единичный мой осмотръ подвала могъ бы привести меня къ одностороннимъ выводамъ, и мнѣ нужна была помощь натуралиста.

— Помилюйте! Съ какой же стати, господа?—испуганно началъ Станиславъ Адамовичъ.—Моя личность затронута—я не допущу

вась уѣхать! Господинъ профессоръ,—пріятно понизивъ тонъ, прибавилъ онъ:—Соломонъ Борисовичъ непремѣнно ожидалъ вась завтракать...

Тутъ «графъ» выскочилъ изъ комнаты. Въ окно было видно, какъ онъ безъ шапки пробѣжалъ по двору.

XXIX.

Каменнобродскій владѣлецъ Соломонъ Борисовичъ Залшевичъ въ легкомъ матерчатомъ картузикѣ, въ клѣтчатыхъ невыразимыхъ, въ бѣломъ жюлетѣ и въ коротенькомъ легонькомъ пиджакѣ, облежавшемъ его дородную фигуру, сошелъ не торопясь со ступенекъ и направился къ гостямъ. Вслѣдъ за нимъ угодливо ступаль, что-то на ходу объясняя принципалу, «графъ» Потоцкій.

У Соломона Борисовича было круглое, желтое лицо съ сильно подстриженной бородкой. Выпуклые, темнокаріе глаза его смотрѣли самодовольно и какъ бы пренебрежительно. На немъ были желтые башмаки въ видѣ лодокъ, и его непропорціонально тонкія ноги слегка сгибались въ колѣняхъ. Онъ шелъ, почти не поднимая ногъ: можетъ быть, онъ находилъ это болѣе сообразнымъ съ своимъ достоинствомъ, а, быть можетъ, онъ страдалъ ревматизмомъ или аристократической подагрой.

Когда онъ вошелъ въ комнату, профессоръ угадалъ въ немъ неглупаго человѣка, но тщеславнаго и суетнаго. Какъ трудно заглушить деготь запахомъ самыхъ сильныхъ англійскихъ духовъ, такъ дурныя манеры нельзя скрыть подъ внѣшнимъ наскоро воспринятымъ лоскомъ. Такая смѣсь еще противнѣе ничѣмъ не подкрашенной грубости и наглости.

— Господа... очень радъ... Я вижу у себя профессора, имя котораго извѣстно слуху всякаго просвѣщеннаго европейца или даже полуевропейца въ числѣ тѣхъ бѣлыхъ медвѣдей, которыми населены здѣшніе темные края!—началъ Залшевичъ сквозъ зубы и медленно.— Я не знаю, кому благодарить при этомъ, вамъ, профессоръ, или графу Потоцкому, что Николай Кондратьичъ переступилъ за черту Каменнаго Брода и такимъ образомъ далъ мнѣ возможность пожать ему руку и тѣмъ самымъ сдѣлать забвеніе нашихъ непріятныхъ инцидентовъ, случившихся Богъ знаетъ когда—если не ошибаюсь, четыре года назадъ, когда вы были мальчикомъ... То-есть, вы были уже юношей, *s'il vous plaît*, но, всетаки, не тѣмъ равноправнымъ субъектомъ, какъ теперь, на котораго можно положиться, какъ... Нѣтъ, я, кажется, спѣшу выражаться! Я только того мнѣнія, что всѣ народы равны и есть люди съ ногами, съ руками, разумѣтся, съ глазами...

— Эхъ-хе!—протяжно вздохнулъ Соломонъ Борисовичъ, какъ бы отъ избытка чувствъ, и потрясъ руку Николая Кондратьича, у

котораго на глазахъ даже заблестали слезы отъ поворота къ нему симпатій отца Сарры. — И съ сердцами!—заключилъ послѣ паузы Соломонъ Борисовичъ.—Ради Бога, профессоръ! Въ моемъ домѣ кто не бывалъ—и исправники, и становые, губернаторы, и графы, князья, и ксендзы, и даже одинъ бискупъ былъ, и чудотворный падикъ былъ, но, увы, не было профессора! А вы знаете, что, все-таки, я немножко еврей, до двадцати пяти лѣтъ я назывался Шлемкой... Это правда, что я потомъ и въ Вѣнѣ былъ, и Парижа нюхалъ, и до Лондона дѣлалъ маленькій экскурсъ... Я у Ротшильда сидѣлъ въ гостяхъ вотъ такъ... въ двухъ шагахъ отъ него... отъ барона Ротшильда. Ну, не смотря на все, во мнѣ осталась еще жидовская кровь—ученыхъ я считаю выше священниковъ... И когда смѣются надъ талмудомъ, по которому Богъ боится раввиновъ, такъ это именно ученыхъ раввиновъ, потому что наука выше духа Божія... такъ у насъ считается. Милліонъ pardons! Вы осчастливили меня! Не я виноватъ, но старинные трупы, впрочемъ, тѣмъ не менѣе, я польщенъ, и уже велѣно заморозить одну, другую бутылку шампанскаго, что не мѣшаетъ въ нашемъ жаркомъ климатѣ, не правда ли, графъ, столь страдающій отъ палящихъ лучей?

Онъ покровительственно и насмѣшливо потрепалъ по плечу Станислава Адамовича, а тотъ въ отвѣтъ сладострастно зашевелился всѣмъ тѣломъ и преданно посмотрѣлъ прямо въ глаза Соломону Борисовичу.

— А пророс, онъ меня очень напугалъ, этотъ графъ,—сказалъ со смѣхомъ Соломонъ Борисовичъ, протягивая гостямъ большой серебряный портсигаръ, набитый папиросами.—Курите, пожалуйста. Онъ утверждалъ, что вы собираетесь ѣхать, пренебрегая моимъ хлѣбомъ-солью. Слово человѣка, котораго всѣ уважаютъ, начиная отъ первыхъ магнатовъ и кончая послѣднимъ мужикомъ,—я не повѣрилъ. Нѣтъ, сказалъ я, не можетъ быть! У меня есть родной сынъ Іосифъ, и на самомъ дѣлѣ онъ прекрасенъ, какъ Іосифъ, акуратненькій ребенокъ,—такъ я сыномъ клянусь, что была бы кровавая обида!

Профессоръ взглянулъ на Николая Кондратьича, вспомнивъ о запрещеніи Кондратія Захарыча. «Кажется, вы обязались быть предлогомъ?»—говорилъ его взглядъ.

Но молодой человѣкъ былъ внѣ себя отъ радости. Не будь его, профессоръ нашель бы способъ сдѣлать угодное Кондратію Захарычу, тѣмъ болѣе, что лично ему не могъ доставить ни малѣйшаго удовольствія завтракъ съ шампанскимъ. Теперь онъ чувствовалъ, что спасенъя нѣтъ, и что Николай Кондратьичъ непременно останется. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства и не видя въ нихъ ничего серьезнаго и преступнаго, профессоръ рѣшилъ покориться судьбѣ.

— Между тѣмъ, не будемъ терять, господа, драгоценнаго времени, такъ какъ самое главное, чтобы завтракъ не перестоялся,—

сказалъ Соломонъ Борисовичъ,—а мертвые могутъ ждать, какъ извѣстно, долго, въ особенности такіе, которые никогда не разрушаются, parole d'honneur. Милости прошу! Человѣкъ съ ключемъ уже на мѣстѣ... Графъ, куда я положилъ свою шапку? Найдите, пожалуйста... Миліонъ mercis. Благодарю вамъ.

XXX.

Профессоръ, молодой Корицкій и каменнобродскій помѣщикъ прошли черезъ переднюю, съ высокими изразцовыми стѣнами, и очутились въ саду, разбитомъ на неровной и живописной мѣстности. «Графъ» замыкалъ собою шестіе.

Садъ былъ великъ. Сначала глазамъ представилась зеленая лужайка, на которой отдѣльными группами возвышались блѣдно-зеленныя осокори. За ними бѣлѣлись стволы березъ, между тѣмъ какъ аллея была усажена двумя рядами кленовъ въ перемежку съ грабами и дубами. Можно было подумать, что кто нибудь изъ предыдущихъ владѣльцевъ Каменнаго Брода пытался превратить садъ въ ботанической паркъ: такое разнообразіе деревьевъ и кустарниковъ было тамъ. Разныя породы кедровъ хмурились изъ-за круглыхъ каштановыхъ деревьевъ, веселыя липы и ольхи — и рядомъ пасмурныя осины. Дорожекъ и аллей было много, большею частью запущенныхъ. Глуше всѣхъ была та, которая вела къ таинственному подвалу.

— Еслибъ вы знали, я дѣлаюсь немножко безпокоенъ,—началъ Соломонъ Борисовичъ.—Въ дѣйствительности надо имѣть большую привычку, чтобы жить всего въ какой нибудь полверстѣ отъ склада мертвыхъ организмовъ. Конечно, я не могу допускать существованія привидѣній: въ настоящее гуманное время привидѣнія изгоняются изъ образованныхъ мѣстъ въ мужицкія хаты и вообще къ некультурнымъ классамъ народонаселенія Европейской, а также и Азіатской Россіи... Говорятъ, что народонаселеніе стало увеличиваться. Нельзя не порадоваться такому благопріятному исходу... А, впрочемъ, возвратимся къ нашимъ баранамъ, à nos moutons. Итакъ, если нѣтъ ничего ужасающаго за гробами, то почему же непріятно думать... Графъ, вы не знаете, привезли пшеницу изъ-подъ Серебнаго?—озабоченно спросилъ Соломонъ Борисовичъ и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, продолжалъ:—En tous cas, наша паршивая жизнь вызываетъ печальное размышленіе, когда видишь въ остаткѣ какого нибудь скончавшагося субъекта... Ну, а если правду сказать, что намъ извѣстно о другой непаршивой жизни? Зачѣмъ мы будемъ считать, что имѣть вкуснаго куса говядины, рюмочку водочки къ обѣду и къ ужину, каждый день сто рублей въ карманѣ, чистаго бѣлья съ хорошимъ галстукомъ и ботинки,

зонтикъ отъ дождя, а зимою еготовую шубку, постель и милого друга, одѣтаго по картинкѣ и съ брилліантовыми сережками, нѣсколькихъ сыновей и одну дочь — что еще? Положимъ, довольно! Развѣ это очень паршиво, господинъ профессоръ?

Соломонъ Борисовичъ шелъ, переваливаясь, сбивая тросточкой головки съ цвѣтовъ, и философствовалъ. Гости молчали. Профессоръ даже не слушалъ, занятый своими мыслями. И только отъ времени до времени Станиславъ Адамовичъ улыбаясь восклицалъ:

— Вѣрно! Замѣчательно вѣрно! А, что, господа! Кого вы имѣете предъ собою? Слушайте! Съ тѣхъ поръ, какъ я живу въ Каменномъ Бродѣ, я положительно сталъ умнѣе!

XXXI.

Садъ становился все глуше и глуше. Дорожка превратилась въ тропинку, вившуюся по краю скалистой кручи. Внизу шумѣла Синюха; вдали въ просвѣтахъ деревьевъ разстилалась безграничная степь на томъ берегу рѣки. Тамъ была древняя Ханщина — историческій театръ непрестанныхъ партизанскихъ сшибокъ запорожскихъ рыцарей съ татарскими разбойниками. Теперь только могилы напоминали о былой славѣ запорожцевъ...

Профессоръ замѣтилъ, что тропинка проложена по каменнымъ плитамъ, изъ швовъ и трещинъ которыхъ росла трава.

— Что, это тѣ погребя?

— Они простираются еще дальше, — сказалъ Соломонъ Борисовичъ. — Последняя дырка... Графъ, какъ назвать? *L'ouverture*?

— *L'ouverture*, Соломонъ Борисовичъ.

— Проходъ будетъ вѣрнѣе, если порусски! — замѣтилъ Соломонъ Борисовичъ. — Проходъ виденъ, если плыть по рѣкѣ въ лодкѣ. Когда непріатели нападали на Каменный Бродъ и уже нельзя было сопротивляться, то они сбѣгались съ плачемъ сюда и спускались на веревкѣ... Они скрывались въ землѣ, какъ двуногіе кроты! Своды, своды! Только, гдѣ они кончаются, не извѣстно. Я слыхалъ еще въ дѣтскихъ лѣтахъ, что подъ Каменець-Подольскомъ есть очень длинный ходъ, и какъ-то компанія мальчиковъ забралась туда, но уже не возвращалась. Отецъ одного изъ мальчиковъ отправился разыскивать своего сына съ фонаремъ, но уже больше тоже не возвращался. Тогда явился одинъ необыкновенно смѣлый еврей — изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ героями — и рѣшилъ отыскать пропавшихъ... Но онъ нашель только на вторыя сутки громадную лягушку: она была выше его, какъ домъ выше человѣка. Естественно, еврей испугался и бросился бѣжать. Выйдя на свѣтъ, онъ разсказалъ любопытный случай и умеръ отъ истощенія напяр-

женныхъ силъ. Потому уже никто не отваживался спускаться въ подвалъ и, можетъ быть, лягушкѣ теперь нечего кушать.

— Басня о лягушкѣ,—сказалъ Корицкій:— сводится, конечно, къ присутствію смертоносныхъ газовъ въ подобнаго рода подземныхъ глубинахъ.

— У евреевъ есть смѣшное суевѣріе,—началъ черезъ нѣкоторое время Соломонъ Борисовичъ. Не знаю, при чемъ тутъ талмудъ, но говорятъ, есть въ талмудѣ, а именно: будто, когда жида похороняютъ, онъ проползаетъ изъ могилы въ обѣтованную землю подземнымъ каналомъ, который самъ вырываетъ, какъ кротъ! Нашъ жидовскій рай тоже подъ землей. Представьте себѣ огромнаго пространства, гдѣ сто шестьдесятъ тысячъ домовъ, и въ каждомъ домѣ сто шестьдесятъ тысячъ комнатъ, и въ каждой комнатѣ сто шестьдесятъ тысячъ дивановъ, креселъ, стульевъ и столовъ. Все изъ мрамора, изъ малахита, изъ рубина, изъ брилліантовъ...

Показался за купой молодыхъ сосенокъ высокій заборъ съ гвоздями наверху.

— Предохранительные гвозди,—юмористически замѣтилъ Соломонъ Борисовичъ.

— Отъ воровъ?—спросилъ Николай Кондратьевичъ.

— Отъ покойниковъ,—поблѣднѣвъ, сказалъ Соломонъ Борисовичъ.— Что такое!—вдругъ вскричалъ онъ и схватился за животь обѣими руками.— Графъ, кажется, я еще сегодня ничего не кушалъ? вы не помните? Остановитесь, пожалуйста, со мною. Предоставимъ нашимъ любознательнымъ гостямъ самимъ изслѣдовать возбуждающій ихъ сюжетъ. Мнѣ нездоровится...

Онъ оперся на плечо Станислава Адамовича и сдѣлалъ рукою любезный жестъ по направленію къ калиткѣ, которая была раскрыта. У калитки стоялъ тотъ самый казакъ въ синихъ штанахъ и въ смушковой шапкѣ съ желтой выпушкой, который привозилъ письмо на хуторъ.

— А что же вы!—спросилъ профессоръ.

— А возвращусь... Я говорю, мнѣ нездоровится... Откровенно сообщу вамъ, дайте мнѣ десять тысячъ, чтобъ я вошелъ—не войду! Когда я приобрѣлъ Каменный Бродъ, я радовался, какъ малый дитя. Господинъ профессоръ, я уважалъ старину. Былъ я тогда еще необразованный и дикій человекъ, но уже мнѣ было лестно, что Каменный Бродъ есть моя собственность; и достался онъ мнѣ за пустяки. Я вашему папашѣ предлагалъ, Николай Кондратьичъ, но онъ отказался... Никто не хотѣлъ покупать, оттого что съ мертвецами. Я одинъ превозмогъ всеобщее нерасположеніе... Ой, мы подошли такъ близко, что теперь до свиданья!—торопливо произнесъ онъ.— Прямо по стежечкѣ и будетъ желѣзная рѣшетка. Пахомъ, свѣчи и спички съ тобою?

— Со мной!

Соломонъ Борисовичъ отдалъ ему приказаніе проводить къ подвалу Николая Кондратыча и профессора и крикнулъ имъ вслѣдъ:

— Черезъ часъ, *peut-être* черезъ полтора я надѣюсь васъ увидѣть за столомъ... Графъ, вы написали меню? Нѣтъ? Поспѣшите скорѣе къ своимъ обязанностямъ... Охъ, охъ! поддерживайте меня! У меня немножко кружится мозгъ. Я, кажется, черезчуръ много говорилъ. До скорой и пріятной встрѣчи, господа! *Au revoir* съ вами!

XXXII.

Сдѣлавъ нѣсколько десятковъ шаговъ по тропинкѣ, молодые люди увидѣли предъ собою развалины древняго католическаго храма. Задняя стѣна его уцѣлѣла, и на ней можно было видѣть еще блѣдныя краски запрестольнаго образа — распятія. Голова плачущей Маріи Магдалины, припавшей къ подножію креста, была пощажена временемъ больше другихъ частей картины. Живопись принадлежала кисти недюжиннаго художника. Деревья просовывали вѣтки въ узенькія стрѣльчатыя окна. Отъ пола уцѣлѣли двѣ-три чугунныя плиты. Вся мѣстность была завалена грудами мусора и закопченнаго кирпича. Дальше возвышались еще остатки какихъ-то зданій. Можетъ быть, нѣкогда тутъ былъ монастырь, который населяли то православные, то католическіе, то уніатскіе монахи. Безчисленныя галки кружились надъ развалинами, потревоженныя появленіемъ людей. Всюду густо разрослась крапива—запахъ ея насыщалъ собою знойный воздухъ. Духовная жизнь людей погасла здѣсь навсегда, но дѣятельнѣе, чѣмъ когда либо, продолжала шевелиться низшая жизнь—порхали разноцвѣтныя бабочки, жужжали шмели и пчелы, шуршали стрекозы. Обитатели кладбищныхъ мѣстъ, быстროногіе клопы съ черными пятнами на красномъ тѣлѣ бѣгали по кирпичамъ. Быстрая, какъ молнія, ящерица скрылась въ нору.

Казакъ шелъ впереди. Спустившись по ступенькамъ, онъ остановился и сказалъ:

— Можетъ, они тутъ уже погнили. Годовъ десять ихъ не трогали. Соломонъ Борисовичъ хотѣли, чтобъ ксендзъ отпѣлъ, но ксендзъ сказали, что, можетъ, жида. А ихній рабинъ или падикъ тутъ пріѣзжалъ,—такъ не совѣтуетъ. Жида воскресать будутъ въ Іерусалимѣ, и надо же имъ щель, чтобъ съ Украйны на тотъ свѣтъ лѣзть. А впрочемъ, выбачайте, панове. Бабы разное толкуютъ, всего не переслушаешь.

Могучимъ движеніемъ плеча онъ надавилъ рѣшетку, пошатнулъ ее, потянулъ къ себѣ, и петли ея заскрипѣли и завизжали, такъ что Николай Кондратычъ вздрогнулъ.

Низенькую, необыкновенно толстую стѣну, въ которую была вдѣлана эта рѣшетчатая дверь, покрывали затѣйливые барельефы

въ стилѣ возрожденія: цвѣты переходили въ головки съ крылышками, въ руки и въ скипетры. Архитравъ былъ тяжелъ и сложенъ, должно быть, изъ скалистыхъ плитъ во времена, еще предшествовавшія построению храма. Являлась возможность допустить, что подваломъ воспользовались впоследствии, найдя его на мѣстѣ въ готовомъ видѣ. Первобытную грубость архитектуры хотѣли кое-какъ замазать модными барельефами, и оттого получилась такая странная смѣсь дриидическаго стиля съ ренесансомъ.

Пахомъ сошелъ первымъ въ подвалъ и, едва зажегъ свѣчу, какъ съ каменнаго потолка сорвалось нѣсколько черныхъ, мягкихъ комковъ и стали кружить надъ его головой. Это были летучія мыши.

Профессоръ невольно отшатнулся. Рядомъ съ Пахомомъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, скуластый, высокій казакъ, съ черными усами, въ теплой шапкѣ неопредѣленнаго цвѣта и въ рыжемъ армякѣ, застегнутомъ ремневыми петлями на крючкахъ. Тѣнь отъ неизвѣстнаго казака вытянулась и поползла въ глубину подвала, переломившись на аркѣ, за которой помещеніе значительно расширилось. Николай Кондратьичъ съ изумленіемъ подошелъ къ казаку и дотронулся до него. Лицо его было цвѣта дубленой кожи съ сильно запавшими, сморщенными глазами; весь онъ былъ словно гуттаперчевый: обернувъ руку платкомъ, Николай Кондратьичъ нажалъ у пояса, и животъ подался, и тѣло закрипѣло, какъ твердая подошва.

Постепенно глазъ сталъ различать предметы яснѣе. Направо за аркой лежала груда труповъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ было придано осмысленное положеніе: они словно приподымались, очнувшись. Издали казалось, что глаза ихъ широко раскрыты, и на лицахъ застыло выраженіе ужаса и мольбы. У самой арки сидѣлъ на полу, далеко протянувъ свои сухія ноги и опершись спиной о гору труповъ, худой господинъ, похожій на скелетъ, съ длинной узкой бородой. На плечахъ его были накинуты шелковые лохмотья. Лѣвая рука его прижата къ груди.

Наверху на кучѣ труповъ профессоръ увидѣлъ двѣ черныя палки. — Послушай, посвѣти сюда!—приказалъ онъ Пахому.

Николай Кондратьичъ вмѣстѣ съ профессоромъ перешагнули черезъ худого господина, и при ближайшемъ осмотрѣ черныя палки оказались элегантными ножками, обутыми въ темные шелковые чулки. Онѣ принадлежали туловищу дамы. Голова ея была запрокинута и завалена другими трупами, и лица нельзя было разглядѣть. Не смотря на слой вѣковой пыли, можно было различить бѣлье на дамѣ; оно было обшито тонкими кружевами, похожими на паутину, затканную изящными узорами. Николай Кондратьичъ взялся за кружево—оно распалось у него межъ пальцевъ, какъ распадутся крылья мертваго засушеннаго мотылька. Шелковое сѣрое платье въ тонкихъ клѣточкахъ также было обильно убрано кру-

жевами. Короткіе рукава платья едва спускались ниже плеча, оставляя узкую полосу голаго тѣла руки, тѣсно обтянутой высокой лайковой перчаткой. Сдунувъ пыль съ тѣла, Николай Кондратьичъ увидѣлъ, что оно бѣлаго цвѣта.

— Странное явленіе... Право, я не могу объяснить, — сказалъ онъ. — Такъ и быть, разстегнемъ перчатку.

Онъ разстегнулъ. Рука вездѣ вполнѣ сохранилась, поражала бѣлизной и изяществомъ, и только были темны ногти, остриженныя, какъ птичьи коготки.

Машинально онъ опять натянулъ перчатку на мертвую руку и широкими глазами посмотрѣлъ на своего спутника.

— Какого времени?

— Сколько нибудь оередѣленно можно будетъ высказаться вполсѣдствіи, когда мы изслѣдуемъ не одинъ этотъ трупъ... Вы не испытываете волненія? — освѣдомился профессоръ.

— Я взволнованъ въ высшей степени. Я никогда не видѣлъ ничего подобнаго.

— Я тоже, — сказалъ профессоръ.

Прямо противъ него изъ-подъ дамы въ черныхъ чулкахъ выставлялась пепельно-бѣлокурая головка дѣвочки или мальчика, съ худымъ странно улыбающимся личикомъ. Восковыя щеки обтягивали челюсти и зубы и складывались возлѣ ушей въ нѣсколько продольныхъ морщинъ.

— Картина требуетъ довольно сильныхъ нервовъ, — съ искусственной холодностью замѣтилъ профессоръ. — Труповъ такъ много, что намъ нѣтъ никакой возможности сдѣлать подробный осмотръ. Чтобы не расходовать на отрицательные результаты, въ родѣ тѣхъ ощущеній, которыя мы испытываемъ теперь, мы не должны останавливаться на нетипичномъ матеріалѣ. Поищемъ историческихъ примѣтъ и этнографическихъ. Не правда ли? Прежде всего, что за люди? Поляки, какъ всего достовѣрнѣе, или жидаы? Тотъ узкобородый франтъ въ шелковыхъ лохмотьяхъ, во всякомъ случаѣ, характерный семитъ, какъ вы думаете?

— По общему виду — да, — отвѣчала натуралистъ. — Какъ антропологъ и этнологъ, вы, вѣроятно, больше моего знаете. Объективныя мѣрки и признаки еврейскаго типа едва ли примѣнимы въ одиночномъ случаѣ. Надо руководствоваться общимъ впечатлѣніемъ. Напримѣръ, вотъ...

Онъ указалъ на мужчину атлетическаго сложенія, съ широкими плечами. Стоялъ онъ на колѣняхъ въ углу ниши, прислонивъ голову съ густыми низко подстриженными волосами къ изгибу локтя своей правой руки. Платье на немъ почти развалилось, но можно было догадаться, что одѣтъ онъ былъ въ красный кунтушъ.

— Очевидно, полякъ, — пробормоталъ профессоръ.

Груда труповъ издавала тяжелый мучнистый запахъ пыли. Вѣроятно, не разъ мертвецы были ограблены: ноги были разуты. Прикосновеніе къ нимъ оставляло на платьѣ и на рукахъ слой липкаго праха. Постепенно суживаясь, подвалъ понижался. Въ самомъ концѣ его нельзя было стоять во весь ростъ. Когда Пухомъ освѣтилъ эту узкую часть подвала, изъ глубины его, погруженной въ мракъ, выдѣлилась фигура молодого человѣка съ большимъ, выпуклымъ лбомъ и съ головой, далеко ушедшей въ плечи. На немъ были остатки темно-зеленаго бархатнаго кафтана, шитаго золотой мишурой. Ноги его словно застряли въ каменномъ отверстіи, руки судорожно были протянуты впередъ.

— Все, что я вижу, похоже на какой-то сонъ,—сказалъ Николай Кондратьичъ.

— Загадка,—произнесъ профессоръ.

Какъ и по какому случаю въ подвалѣ очутились всѣ эти трупы? Кто свалилъ ихъ въ кучу? Набальзамированы они, или нѣтъ? Кто придавалъ нѣкоторымъ покойникамъ такія странныя положенія? Откуда эти сосновые гробообразные ящики, бѣлѣющіе въ другой нишѣ подвала и тоже наполненные сохранившимися трупами? Почему эти покойники, большею частью, элегантные люди — хотя между ними встрѣчаются и еврейскіе типы — похоронены здѣсь, если они умерли естественной смертью? И что это за ящики, если смерть была насильственная? Почему въ одну кучу свалены паны, жидаы и казаки, старики и дѣти, кавалеры въ кунтушахъ и благородныя пани? Нѣтъ, трупы не бальзамированы, но что же способствовало такому чудесному сохраненію ихъ?

Не былъ ли въ числѣ этихъ покойниковъ и самъ древній владѣлецъ Каменнаго Брода съ женой и дѣтьми? По случаю татарскаго набѣга или возстанія хлоповъ, въ Каменный Бродъ, какъ въ надежную крѣпость, съѣхались искать убѣжища окрестные помѣщики съ своими домочадцами, съ плебанами, съ богатыми жидами, находившимися подъ ихъ протекціей. Судя по платью съ воланами элегантной пани или паненки, это было въ эпоху господства модъ двора Людовика XV. По обыкновенію польскаго магнатства, такое стеченіе гостей, хотя и незванныхъ, должно было непремѣнно сопровождаться блестящими балами. И вотъ въ то время, когда были зажжены въ канделябрахъ и люстрахъ восковыя свѣчи и гремѣла на хорахъ придворная музыка, а панство, щеголяя богатыми нарядами, предавалось веселымъ танцамъ, въ цитадель ворвались враги, благодаря измѣннически отвореннымъ воротамъ, какъ это сплошь и рядомъ бывало тогда, потому что нельзя было положиться на вѣрность надворной милиціи, вербовавшейся изъ казаковъ. Услыхавъ дикіе крики и трескъ выстрѣловъ, паны бросились подъ предводительствомъ своего амфитріона въ люкъ, находившійся въ какой нибудь изъ комнатъ замка. За ними успѣли

проскользнуть два-три человекъ изъ преданныхъ слугъ,—бывали вѣдь и такіе,—и нѣсколько жидовъ. Но едва люкъ захлопнулся за ними, какъ непріятель, осквернивъ случайно оставшихся женщинъ и избивъ мужчинъ, зажегъ разграбленный замокъ. Пожаръ распространился на всѣ постройки и на костель. Пробраться изъ под-земелья къ берегу Синюхи и убѣжать въ Ханцину нельзя было. И татары, и хлопы могли уже знать о существованіи выхода и поставить на рѣкѣ вооруженную стражу. Каждый, спускавшійся на веревкѣ со скалы, былъ умерщвляемъ самымъ варварскимъ образомъ. Тотъ вѣкъ и тѣ люди не знали пощады. Какимъ нибудь ходомъ несчастные паны пробрались въ костельный склепъ, но рѣшетка оказалась заваленной мусоромъ, костель былъ разрушенъ. Между тѣмъ, прошло ужъ не мало времени—начала томить жажда, голодь, дымъ ѣлъ глаза и отравлялъ легкія. Могло быть и такъ, что всѣ сразу задохлись... Когда много лѣтъ спустя какой нибудь потомокъ или родственникъ прежняго владѣльца Каменнаго Брода принялся за реставрацію замка и костела, былъ открытъ подвалъ, и найдены трупы. Рѣшено было ихъ похоронить. Но истощенныя средства владѣльца не позволяли ему сдѣлать богатые гробы... Отсюда эти сосновые ящики. Смерть владѣльца или какая нибудь случайность помѣшала. Время было тревожное — Польшу разрывали внутреннія междоусобія и внѣшніе враги, не до покойниковъ было. Такъ и остались эти мертвецы, всѣми забытые, нерѣдко возбуждая любопытство ксендза или мѣстнаго органиста. Что было цѣннаго у покойниковъ, все постепенно стало достояніемъ живыхъ людей. Въ послѣднее время обновленный костель сгорѣлъ вторично, и только тайный, суевѣрный страхъ теперешняго владѣльца, опасавшагося засыпать землею подвалъ, или его небрежность, или въ самомъ дѣлѣ какое-то смутное уваженіе къ старинѣ спасли трупы отъ полнаго уничтоженія и забвенія.

Всѣ такого рода мысли и предположенія проносились въ головѣ молодого историка и гробокопателя, когда онъ стоялъ передъ трупами въ темномъ подвалѣ и едва преодолевая въ себѣ тоску желанія вернуться какъ можно скорѣе на свѣжій воздухъ. Николай Кондратьичъ между тѣмъ взялъ за плечико трупъ крошечнаго грудного ребенка, легкій, какъ сухой листъ, и положилъ на прежнее мѣсто—въ закоченѣвшія объятія дамы громаднаго роста. Она казалась великаншей, потому, что связки, соединяющія ея члены, ослабли и растянулись.

— Въ высокой степени интересно то,—началь профессоръ:—что вы, Николай Кондратьичъ, живя такъ близко отъ Каменнаго Брода, кажется, первый разъ въ этомъ подвалѣ.

— И въ послѣдній,—сказалъ молодой человекъ и, стряхнувъ пыль съ рукъ, повернулъ назадъ.—Меня нисколько не занимаетъ. Трупы не моя специальность.

— Вы какъ-то говорили,—началь профессоръ, присоединяясь къ нему и тоже отряхая руки и ударяя ладонь о ладонь:—что наука допускаетъ, кромѣ бальзамированія, два способа сохраненія труповъ: овощеніе и обызвествленіе. Какого вы теперь мнѣнія?

— Я того мнѣнія, что здѣсь нѣтъ ни того, ни другого.

— Что же есть?

— Ради Бога, оставьте меня!—нервно закричалъ Николай Кондратычъ.—Я съ ума сойду. Не замѣчаете ли вы, что къ намъ ползеть трупъ?!

Пахомъ страшно закричалъ и уронилъ свѣчу на землю. Огонь погасъ, и въ подвалѣ едва только струился блѣдный пепельно-зеленый свѣтъ далекаго дня. Очертанія труповъ стали какъ-то зловѣщѣе, они расплывались, какъ въ туманѣ.

Профессоръ опустилъ руку въ карманъ, досталъ серебряную спичечницу и зажегъ спичку. Подсвѣчникъ лежалъ у самыхъ его ногъ; онъ наклонился, взялъ подсвѣчникъ и опять освѣтилъ подвалъ.

Николай Кондратычъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, пораженный тѣмъ, что ему мерещилось, или что онъ видѣлъ. Пахомъ шепталъ блѣдными губами: «Да воскреснетъ Богъ!». Странная фигура въ самомъ дѣлѣ подвигалась впередъ, качая головой и выставляя впередъ согнутую въ колѣнѣ ногу.

— Господинъ профессоръ! Я замѣчательно буду гордиться тѣмъ, что имѣлъ возможность нагнать страхъ на людей своей маленькой и, съ позволенія сказать, не очень представительной фигуркой,—весело началъ Тарновицъ и сейчасъ же объяснилъ свое внезапное появленіе.—Извиняйте меня, я преслѣдую васъ по пятамъ, я недостаточно привыкъ къ благоговѣнію, которое вы мнѣ внушаете, и ищу сильныхъ впечатлѣній отъ вашей свѣтлой личности. Мнѣ еще вчера жидки сказали, что вы будете у Соломона Борисовича осматривать покойниковъ и завтракать, и что уже на черномъ дворѣ зарѣзаны молодые пѣтушки по обыкновенному христіанскому обряду. Ну, такъ я написалъ Соломону Борисовичу, что я желаю тоже присутствовать въ Каменномъ Бродѣ, чтобы составлять маленькой корреспонденціи въ «Одесскій Еврейскій Развѣдчикъ» о всемъ, что увижу, на что Соломонъ Борисовичъ увѣдомлялъ меня, что за это самъ еще мнѣ заплатить какихъ нибудь три рубля. Ну, такъ такого благосклоннаго пріема моихъ интеллигентныхъ домогательствъ заставило меня послѣшить въ Каменный Бродъ. Но, пока я доѣхалъ на Ароновской лошаdkѣ, которая всю дорогу брыкалась и угрожала мнѣ смертельнымъ исходомъ, вы успѣли удовлетворить свой научный порывъ; но главное, я имѣлъ счастье заставить васъ еще на мѣстѣ преступленія.. Пожалуйста, господинъ профессоръ, я вижу предъ собою еще Николая Кондратыча Корицкаго, если не ошибаюсь, кандидата естественныхъ наукъ. Спѣшу предста-

виться. Позвольте вашу руку. Отыщите у меня сердце и потрогайте, что оно бьется? Оно нисколько не бьется! Я самъ удивляюсь, что оно такъ равнодушно: «Мертвый, въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся, живущій!». Вотъ мы и на солнышкѣ! Уфъ! Какъ пріятно дышать запахомъ родины... О, родина моя, люблю тебя безмѣрно!.. Это изъ моего собственнаго стихотворенія,—пояснилъ Тарновицъ и смахнулъ съ рѣсницы набѣжавшую слезу.

Николай Кондратьичъ съ отвращеніемъ посматривалъ на свои руки и шелъ молча рядомъ съ профессоромъ, который на ходу заносилъ въ записную книжечку наблюденія. Пахомъ уже оправился и широко улыбался, идя за господами. Впереди всѣхъ ковылялъ Тарновицъ и радостно говорилъ:

— Нѣтъ, дѣйствительно, стоитъ обратить вниманіе на такого отчаяннаго душевнаго равнодушія! Я нисколько не боюсь покойниковъ, я смотрю на нихъ, какъ на устарѣлыя метафизическія бредни. Нѣтъ, это очень удивительно!

XXXIII.

Завтракъ былъ роскошенъ. Онъ былъ накрытъ въ «княжеской палатѣ», такъ называлъ Соломонъ Борисовичъ одну изъ комнатъ каменобродскаго палаца. Когда-то стѣны ея были украшены живописью во вкусѣ Буше — амурами и психеями. Но Соломонъ Борисовичъ нашель болѣе роскошнымъ заклеить живопись дорогими обоями. Кромѣ «княжеской» комнаты, была еще «графская» гостинная и «королевская» зала. Всѣ онѣ отличались другъ отъ друга цвѣтомъ обоевъ.

— Не сохранилось ли въ вашемъ домѣ какой нибудь старины?—спросилъ профессоръ.

— Старины? У меня много историческихъ монетъ!—похвасталъ Соломонъ Борисовичъ.—Я покажу вамъ послѣ завтрака. Будьте здоровы, господинъ профессоръ. Графъ, знаете, что мы сдѣлаемъ въ ознаменованіе такого необыкновеннаго и памятнаго для насъ дня? Мы назовемъ столъ, за которымъ благополучно вкушаемъ въ настоящее время кусочекъ мяса, профессорскимъ.

— Ура!—воскликнулъ Станиславъ Адамовичъ.

Тарновицъ, милостиво допущенный къ трапезѣ своимъ вельможнымъ единовѣрцемъ, поддержалъ «графа»:

— Ура!

— Графъ!—торопливо обратился къ Потоцкому амфитріонъ, какъ бы рѣшаясь на актъ великой щедрости:—откупоривайте сразу двѣ бутылочки шампанскаго!

Когда вино было налито въ бокалы, Соломонъ Борисовичъ, уже слегка подвыпившій, провозгласилъ:

— Де поуеац за профессора! За Николая Кондратьевича! За всѣхъ моихъ друзей!

Всталъ Николай Кондратьевичъ и сказалъ:

— Профессоръ Павелъ Ивановичъ Кленовичъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, какъ это произошло, что я до сихъ поръ ни разу не побывалъ въ подвалѣ, гдѣ время чудеснымъ образомъ сохранило свидѣтелей давно минувшаго... По его компетентному мнѣнію, тамъ долженъ находиться и трупъ древняго владѣльца Каменнаго Брода, погибшаго при слѣдующаго рода обстоятельствахъ. (Тутъ Николай Кондратьичъ разсказалъ о предположеніи профессора). Не смотря на то, что я лично изучалъ науки точныя и принадлежу къ профессиональнымъ реалистамъ и материалистамъ, на самомъ дѣлѣ я мистикъ по настроенію. Я, напимѣръ, думаю, что Соломонъ Борисовичъ, оградивъ стѣною развалины костела со страшными и нетлѣнными останками дѣйствующихъ лицъ невѣдомой намъ трагедіи, поступилъ человѣчнѣе, чѣмъ мы, нарушившіе вѣчный покой, можетъ быть, даже предковъ когонибудь изъ насъ... и, что же, ничего не узнавшіе! Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Затѣмъ я долженъ упомянуть объ одномъ весьма печальномъ для меня обстоятельстве—о враждѣ моего отца съ Соломономъ Борисовичемъ, которая до сего дня вліяла косвенно, но тяжело и на меня. Я не имѣю права входить въ разборъ поведенія отца по отношенію къ Соломону Борисовичу, но скажу, что обращеніе Соломона Борисовича со мною, не смотря на то, что я сынъ его врага, еще разъ укрѣпляетъ меня въ томъ благожелательномъ мнѣніи моемъ о еврейской національности, котораго я сталъ придерживаться съ тѣхъ поръ, какъ началъ самостоятельно мыслить. Возвращаясь же къ моему грѣху, какъ человѣка науки, пренебрегавшаго столь богатымъ археологическимъ матеріаломъ, я скажу, хотя, можетъ быть, и покажусь въ смѣшномъ свѣтѣ инымъ людямъ, что это было нѣчто провиденціальное. Да, вѣрно: если бы я раньше удовлетворилъ свое праздное любопытство, сейчасъ меня не было бы здѣсь, я оставался бы подъ гнетомъ убѣжденія, что Соломонъ Борисовичъ чуждается меня, и, можетъ быть, не скоро принялъ бы мѣры къ сближенію съ нимъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я предлагаю тостъ не за кого либо изъ насъ, здѣсь присутствующихъ, а за тѣхъ покойниковъ, которые нѣмыми языками своими призвали насъ сюда въ этотъ гостепріимный домъ... Вѣчная имъ память!

Всѣ встали. Поднялся и профессоръ.

— *Ainsi soit-il*,—произнесъ Соломонъ Борисовичъ и осушилъ бокаль до дна.

— Вѣчная, такъ вѣчная,—началъ Тарновицъ и вытеръ потъ со лба салфеткой. — Если есть загробный міръ, и тамъ витаютъ на крыльяхъ души покойниковъ и ждутъ воскресенія изъ мертвыхъ, то я этому обстоятельству, въ качествѣ не только интеллектуально

развитаго представителя современной еврейской молодежи, но и главнымъ образомъ гуманнаго мыслителя о текущихъ дѣлахъ и дѣлишкахъ, положительно не вѣрю по стольку, по скольку вопросъ выходить за предѣлы человѣческаго пониманія. Нашъ талмудъ тѣмъ хорошъ, что предписываетъ только исполненіе обрядовъ, предоставляя каждому отдѣльному уму думать о трансцендентальныхъ мелочахъ разныя разнообразности, такъ что нѣтъ, можетъ быть, такого честнаго еврея, который бы не закладывалъ свою собственную фило-софію въ отвѣтъ на такіе возникающіе вопросы, какъ то: что такое Богъ? что было бы, еслибъ не было Бога? что было бы, еслибъ ничего не было? откуда берутся души и куда онѣ дѣваются? и т. д. и т. д. до безпредѣльныхъ предѣловъ этого, такъ сказать, ненасытнаго стремленія познавать непознаваемое. Я нахожусь въ замѣчательномъ сосѣдствѣ съ знаменитѣйшимъ мужемъ, слава о которомъ уже достигла даже до какого нибудь бѣднаго и грустнаго органа южно-еврейской мысли, а именно «Еврейскій Одесскій Развѣдчикъ». Я также вижу налѣво отъ себя кандидата естественныхъ наукъ, только что заявившаго здѣсь о желаніи своемъ быть искреннимъ и самоотверженнымъ приверженцемъ гонимаго, но высоконравственнаго еврейскаго народа. Что мнѣ сказать о графѣ Потоцкомъ, какъ не то, что онъ отдалъ всего себя на услуженіе частному еврейскому лицу и слѣдовательно соприкосновененъ съ израильской сферой? Но если я и ничего не упоминалъ о достоуважаемомъ, благородномъ и возвышенномъ Соломонѣ Борисовичѣ, широкое и, смѣло можно сказать, расточительное гостепримство котораго уже не подлежитъ сомнѣнію, то по ясной причинѣ: онъ представляетъ собою личность, непосредственно заинтересованную въ поднимаемомъ мною важномъ общественно-моральномъ и интеллигентно-философско-религіозномъ вопросѣ. А именно: я пользуюсь случаемъ высказывать въ данныя десять или пятнадцать минутъ свои завѣтныя убѣжденія и свое міровоззрѣніе, міропониманіе или міропредставленіе, какъ вамъ угодно, сдѣлайте ваше одолженіе. Но предварительно я просилъ бы васъ, милостивые государи, не подумать въ сердцѣ своемъ, что я завообразилъ себя пророкомъ въ родѣ Борахія или Шабате Цви. Я, дѣйствительно, того мнѣнія, что Мессія уже приходилъ, и это былъ Иисусъ Христосъ; но самъ я не есть даже ноготь съ лѣвой ноги Мессіи. Кто же я? Странствующій бѣднякъ Тарновиць, больше ничего. Мнѣ смѣшно слушать, когда старые жидаы, въ родѣ того несчастнаго меламеда, у котораго мы съ вами познакомились, господинъ профессоръ, называютъ меня изувѣромъ. Изучая нашъ великій, прекрасный, всеобъемлющій талмудъ, я натыкался, тѣмъ не менѣе, на глупости, о которыхъ не намѣренъ распространяться, потому что онѣ уже приводились цѣликомъ въ книгахъ, враждебныхъ еврейству, и перепечатаны неоднократно въ юдофобскихъ журналахъ. Глупость, повторенная лишній разъ, не станетъ оттого умнѣе.

Но является смущающій вопросъ: какъ объяснить присутствіе дикихъ мнѣній и возмутительныхъ совѣтовъ въ такихъ удивительныхъ твореніяхъ, какъ книги талмуда? Знаю, что отдѣльно вырванныя мѣста въ общей картинѣ не такъ страшны и безобразны... Ну, однако же! Лягушка, которую мы держимъ на тарелкѣ—простите за первое, попавшееся въ головѣ, наглядное доказательство—не такъ страшна, какъ если бы она оказалась во рту любимой нами прекрасной женщины, съ божественными членами и роскошной растительностью. Сдѣлавъ попытку къ поцѣлюю, не предпочтемъ ли мы, въ концѣ концовъ, этой женщинѣ другую, у которой нѣтъ лягушки во рту? Отчего, позвольте васъ спросить, любую фразу изъ пятикнижія мы можемъ читать въ отдѣльности, усматривая въ ней только глубокое содержаніе и обильный смыслъ? Изувѣрь! Пхе! Но я боюсь лягушки, я совѣтую, я хочу, я учу, я настаиваю, я требую (Тарновицъ сжалъ кулакъ и простеръ руку въ воздухѣ), я желалъ бы по-ве-лѣ-вать (сказано было почти шепотомъ, причемъ пальцемъ лѣвой руки ритмично разсѣкался воздухъ), чтобы талмудъ считался лишь историческимъ памятникомъ, чтобы уложеніемъ нравственности и поведенія для евреевъ впредь служилъ ветхій завѣтъ, а изъ раввинскихъ трактатовъ извлечено было бы въ обязательное назиданіе только то, что совпадаетъ съ евангельскими притчами и заповѣдями... Позвольте, это не есть отрѣшеніе отъ іудейства. Талмудъ можетъ оставаться предметомъ изученія для любознательныхъ. Пусть сохранится разумная обрядность, къ которой привыкнулъ Израиль!.. Слушай, Израиль, я говорю тебѣ, неужели ты не усталъ отъ ненависти, которую питають къ тебѣ народы? неужели не надоѣло тебѣ твое мракобѣсіе и буквоѣдство? неужели ты не видишь, что если бы ты былъ дѣйствительно избраннымъ народомъ Божиимъ, а не скопищемъ фарисеевъ, то не былъ бы такъ глупъ и въ то же время высокомеренъ, такъ бѣденъ производительностью, такъ жалокъ и ничтоженъ, такъ презираемъ, такъ трусливъ, такъ, наконецъ, плутовать и изворотливъ. Ты, избивавшій пророковъ своихъ въ древности, горе тебѣ, если ты прольешь и мою капельку крови за то, что я говорю правду губами, запекающимися отъ жажды истины и добра! Я хочу твоего обновленія и спасенія! Нигдѣ, можетъ быть, ни у какой національности не хранится на днѣ столько дремлющихъ силъ... Пробудись же, Израиль!—страшнымъ голосомъ закричалъ Тарновицъ, плеснулъ вино въ потолокъ, разбилъ въ дребезги бокаль, въ изнеможеніи опустился на стулъ и откинулъ голову, между тѣмъ какъ въ углахъ его рта показалась зеленоватая пѣна, и весь онъ сталъ дрожать.

— Злой чудакъ!—проговорилъ Соломонъ Борисовичъ.—Кажется, онъ досталъ себѣ маленькую паучую. Графъ, закройте его салфеткой. Господа, миллионъ pardons, что произошла такая случайность. Не знаю, какъ мнѣ, но вамъ, какъ христіанамъ, мысли бѣднаго

Тарновица могли доставить хоть крошечнаго удовольствія. Надо сказать только дураку, чтобъ онъ поменьше болталъ. Это правда, что жида не признаютъ его Мессіей,—со скрипучимъ смѣхомъ заключилъ Соломонъ Борисовичъ и шумно отодвинулъ свое кресло.

XXXIV.

Николай Кондратьевичъ набралъ воды въ ротъ, откинулъ салфетку и брызнулъ на Тарновица. Его чрезвычайно взволновала и нервная рѣчь Тарновица, и взволновалъ его обморокъ.

— Достаньте гдѣ нибудь нашатырнаго спирту!—сказалъ онъ «графу».

«Графъ» побѣждалъ за нашатырнымъ спиртомъ.

— Не беспокойтесь, Николай Кондратьевичъ, пройдетъ! Бросьте! *Laissez passer!*

Но Николай Кондратьевичъ не покидалъ Тарновица.

— *Laissez passer!*.. О, добрая душа! Пойдемте, Павелъ Ивановичъ, до кабинета!

Нумизматическія сокровища Соломона Борисовича, которыми онъ хотѣлъ похвастать передъ профессоромъ, заключались въ четырехъ витринахъ, купленныхъ имъ по случаю, послѣ смерти графа Заіонца, на вѣсъ.

Кабинетъ былъ украшенъ многочисленными зеркалами въ толстыхъ золоченыхъ рамахъ, и это придавало ему видъ парикмахерской. Въ добавокъ на полкахъ хрустальной горки было сложено крахмальное бѣлье Соломона Борисовича. Рядомъ съ широкой шелковой отоманкой стоялъ несгораемый шкафъ, а надъ нимъ висѣлъ портретъ Спинозы.

— Бенедиктъ де Спиноза! — пояснилъ Соломонъ Борисовичъ, дѣлая удареніе на де. — Купленъ въ Парижѣ, въ отель де Друо... Уфъ! Я тогда не былъ скупой рыцарь.

— Вотъ моя коллекція антиковъ,—началъ онъ, доставая изъ кармана связку стальныхъ ключей и отпирая первую витрину. — Смотрите, — видѣли? Еврейскій сребреникъ... Золотая монета... съ Августомъ. Какое личико, чего стоитъ! Положительно, антикъ. Тутъ польскія... нѣмецкія... ливонскія. Одного золота два съ половиною фунта. Замѣчательное собраніе, я васъ не обманулъ, кажется! *Vraiment.*

Профессоръ похвалилъ коллекцію. Но онъ остановилъ вниманіе не на монетахъ ассирійскихъ и римскихъ и не на средневѣковыхъ, а на двухъ неровныхъ полустертыхъ кусочкахъ серебра, на которыхъ вычеканена была надпись кирилицей.

— Это хорошія монеты,—промолвилъ онъ и указалъ на нихъ.

— А мнѣ мало нравятся! Нѣтъ никакого виду! Дорого ли онѣ стоятъ?

— Никогда не продавалъ и не покупалъ монетъ,—отвѣчалъ Кленовичъ.

— Не угодно ли вамъ принять ихъ въ подарокъ?—вкрадчиво спросилъ Соломонъ Борисовичъ.

— Для себя не возьму, но вы можете пожертвовать ихъ въ нашъ университетъ, за чтò и спѣшу принести вамъ живѣйшую благодарность!

Соломонъ Борисовичъ оторвалъ клочекъ отъ «Новостей» и завернулъ монеты.

— Возьмите. Для науки я хотѣлъ бы ничего не пощадить!

Монеты, пріобрѣтенныя такимъ образомъ профессоромъ Кленовичемъ, были въ самомъ дѣлѣ рѣдчайшія: онѣ относились къ удѣльно-вѣчевому періоду, и на нихъ стояло изображеніе князя Владимира съ его хоругвию, а подпись гласила: «Владимиръ на столѣ, а се его серебро». Профессоръ съ удовольствіемъ опустилъ монеты въ карманъ.

Такъ какъ онъ забылъ пожать руку Соломона Борисовича въ знакъ благодарности, то самъ Соломонъ Борисовичъ сдѣлалъ это за него.

— Чувствительно жму вашу руку,—сказалъ онъ:—за честь, что моя ничтожная лепта дойдетъ до такого высокоуважаемаго учрежденія, какъ императорскій университетъ.

— О монетахъ... въ ихъ подлинности, кажется, нельзя сомнѣваться... впрочемъ, покажетъ экспертиза... можно будетъ написать цѣлый трактатъ,—проговорилъ профессоръ.—До сихъ поръ еще многіе археологи того мнѣнія, что монета не чеканилась при великихъ князьяхъ кіевскихъ.

— Ну, я очень радъ, что они такого мнѣнія!—прервалъ Соломонъ Борисовичъ и опять пожалъ руку молодому профессору. Онъ вспомнилъ о Тарновицѣ и подумалъ, что скандалъ напиваться такъ въ порядочномъ домѣ. Но если у него какаянибудь скверная нервная болѣзнь, то еще хуже.—О моихъ мертвецахъ вы тоже намѣрены написать большого сочиненія?

— Этотъ предметъ требуетъ труда, и я попрошу у васъ позволенія пріѣхать еще не одинъ разъ въ Каменный Бродъ.

— Великолѣпно! великолѣпно!

— Изъ Богополя я выпишу фотографа.

— Снимать фотографіи? Это вполне современно!

— Надо будетъ перебрать трупы по одному. Конечно, загадка скорѣе кладбищнаго характера, чѣмъ археологическаго, но, можетъ быть, современемъ найденъ будетъ какойнибудь историческій документъ, относящійся къ Каменному Броду, и въ немъ раскроется...

— О, certainement, раскроется!—опять прервалъ профессора Соломонъ Борисовичъ и сдѣлалъ пригласительный жестъ обѣими руками по направленію къ витринамъ, выражая тѣмъ довѣріе къ

личной честности своего ученаго гостя.—Прошу васъ полюбоваться особенно золотыми монетами моими, а мнѣ надо будетъ распорядиться. *Parole d'honneur*, если бы этотъ еврейчикъ не былъ какимъ-то чудомъ знакомъ съ вами раньше, я ни за что не пригласилъ бы его за общаго стола. Въ концѣ концовъ, жидовское свинство!

Еще махнувъ руками на золотыя монеты и довѣрчиво улыбувшись, Соломонъ Борисовичъ ушелъ, скользя и шурша по паркету своими лодкообразными ботинками. У него созрѣлъ планъ, свидѣтельствующій о его милосердіи и во всякомъ случаѣ о любви къ спокойствію: онъ рѣшилъ положить въ телѣгу Тарновица и сдать на руки глубочицкимъ жидамъ, которыхъ навѣрно два или три человѣка всегда найдется въ его пшеничной конторѣ.

Профессоръ остался въ нумизматическомъ кабинетѣ одинъ, не только не испытывая ни малѣйшаго поползновенія къ монетамъ, но даже не подозрѣвая, въ какой степени высоко довѣріе, оказываемое ему Соломономъ Борисовичемъ.

XXXV.

Едва «графъ» ушелъ за нашатырнымъ спиртомъ, какъ дверь въ «княжескую палату» тихо раскрылась, и къ Николаю Кондратычу подбѣжала Сарра, съ лицомъ испуганнымъ, съ поднятыми темными бровями и съ улыбающимся яркимъ ртомъ. Вообще выраженіе у ней было чрезвычайно подвижное; улыбка свидѣтельствовала и о страхѣ дѣвушки передъ отцомъ, и о сладости нарушенія запрета, и о радости свиданья. Счастливый цвѣтъ нѣжной, прозрачной кожи выдавалъ всѣ волненія сердца, малѣйшая неровность въ біеніи котораго отражалась въ неровностяхъ румянца. На ней было свѣтлое платье съ красными отворотами на груди и на рукавахъ. Печать избалованности, преувеличеннаго представленія о своей красотѣ и обаятельной женственности, какого-то утонченнаго сладострастнаго лукавства, лежала на всей ея фигурѣ. Почти неуловимая, но раздражающая змѣвидность движеній и сильный, одуряющій запахъ духовъ, составленныхъ изъ смѣси флеръ д'оранжъ, розы и шипра, пѣвучій скрипъ ботинокъ, мягкій шорохъ платья, подъ которымъ не было юбокъ, подавленный, глухой, безпечный смѣхъ, въ то время, какъ у Тарновица судорожно дергались щеки, и надъ нимъ, растерявшись, стоялъ Николай Кондратычъ,—все это производило впечатлѣніе странное, словно внезапно изъ паркета выдвинулся и вернулся какой-то пряный цвѣтокъ, или въ комнату влетѣло существо, похожее и на очаровательную дѣвушку, и на ѣдкую шпанскую муху.

— Что случилось, Ко'ицкій?—шепотомъ спросила она, не выговаривая р. И увидѣвъ, что случилось, вскричала:—Ужасно! ужасно!

Ахъ, бѣдненькій! Онъ уми'аетъ!—Всплеснувъ руками, она успѣла кокетливо откинуть свои волнистые золотые волосы и показать красивый голый локотокъ бѣлой, какъ молоко, руки.—Голубчикъ, какъ неожиданно!—нѣжно заговорила она, устремляя на Николая Кондратьича любящій томный взглядъ и вся загораясь.—Какъ я удивлена!—продолжала она.—Ты мой миленькій жу'авль, и отецъ угощаетъ тебя. Ахъ, ты мой сумасшедшій. Онъ вовсе не уми'аетъ!—и замахала руками, охваченная неистовой радостью.—Онъ живъ! онъ мо'гаетъ глазами.

— Вамъ лучше, Тарновицъ?—спросилъ Николай Кондратьичъ.

— Кто со мной говорить?—дико озираясь и поднимая голову, началъ Тарновицъ.—Ахъ, вы, другъ мой! Я вижу передъ собой также лицо ангела, который пришелъ утѣшать меня. Извините, пожалуйста, Сарра Соломоновна: это не комплиментъ, а сущая правда.

Сарра разразилась звонкимъ смѣхомъ и подарила бѣднаго Тарновица кокетливымъ взглядомъ. Онъ совсѣмъ оправился, и въ дикихъ глазахъ его блеснула искра благодарнаго чувства.

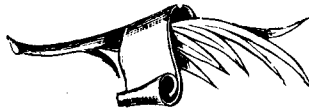
— Что съ вами было?—спросила Сарра.

— То, что со мной было,—хмурия брови, произнесъ Тарновицъ: составляетъ мою тайну. Ахъ, все равно никто мнѣ не повѣритъ! Пусть лучше останется моею специфической тайной?!

Николай Кондратьичъ не успѣлъ обмѣняться съ Саррой ни одной значительной фразой: въ залу вошелъ Соломонъ Борисовичъ (съ одного конца, а съ другого вбѣжалъ съ нашатырнымъ спиртомъ «графъ» Потоцкій).

I. Ясинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

XIX.

Отъѣздъ въ Царское Село. — Боязнь холеры. — Дѣдъ мой графъ Андрей Андреевичъ Толстой. — Его молодость. — Женитьба на дѣввицѣ Барыковой. — Тетушка Прасковья Васильевна Толстая. — Прасковья Степановна Барыкова. — Наши гулянья по Царскосельскому саду. — Игры царскихъ дѣтей на лугу. — Великая княжна Марія Николаевна. — Великій князь Константинъ Николаевичъ и нянька его англичанка Мими. — Императрица Александра Ѳеодоровна. — Александровскій сиротскій корпусъ. — Храбрый кадетъ. — Мое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. — М. и новыя знакомства. — Варвара Павловна Барыкова; ея дружба съ императрицей Александрой Ѳеодоровной. — Знакомство съ дядюшкой Ѳ. И. Толстымъ-американцемъ. — Его похождения. — Холера въ Петербургѣ. — Смерть Василя Алексѣевича Глинки. — Докторъ Спасскій. — Крестины великаго князя Николая Николаевича. — Княгиня Волконская. — Село Кузьмино. — Приклеивающъ художникомъ Черноглазовымъ. — Работы отца. — Возвращеніе въ городъ. — Наблюденія Матрены Ефремовны. — Смерть Венеціановой. — Катенька Глинка. — Семейство Крашенинниковыхъ. — Новыя знакомые. — А. П. Башуцкій. — Его анекдоты. — Наши воскресныя вечеринки.

КАКЪ МНѢ памятенъ день отъѣзда нашего въ Царское Село! На бѣду нашу папенькѣ рано утромъ подали «Сѣверную Пчелу», въ которой онъ прочелъ извѣстіе о быстромъ приближеніи холеры къ Петербургу. Этого было довольно, чтобы подновить панической страхъ мнительнаго отца моего предъ этой ужасной заразой. Онъ сейчасъ же послалъ въ аптеку за предохранительными средствами отъ холеры, самъ натеръ какія-то ниточки дегтемъ, навѣсилъ на нихъ ладонки съ кусочками чеснока и навязалъ все это маменькѣ, Лизанкѣ и мнѣ на шею, потомъ заставилъ всѣхъ насъ проглотить на дорогу по маленькой вонючей пилюлькѣ. Но этого мало: покуда мы еще

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 621.

не сѣли въ карету, онъ окропилъ ее всю внутри и снаружи хлоровою водою и тогда только рѣшился усадить насъ въ нее... Но, видно, и этого показалось еще мало: онъ намочилъ хлоровою водою два полотенца и вывѣсилъ ихъ изъ двухъ открытыхъ оконъ кареты на улицу. Вонь отъ хлора въ каретѣ сдѣлалась невыносимая! Но маменька, чтобы не раздражать папеньку, не перечила ему ни въ чемъ и намъ приказала молчать. А его, кажется, именно эта страшная вонь и успокоила; очень довольный своимъ дѣломъ, онъ самъ сѣлъ къ намъ въ карету, вѣстовые захлопнули дверцы, поваръ Андрей влѣзъ на козлы, крикнулъ ямщику «трогай», и лихая тройка понеслась по улицамъ Петербурга... Правда, народъ останавливался и смотрѣлъ съ удивленіемъ на мокрѣя полотенца, которыя шлепали въ бока кареты... но папеньку это нисколько не смущало; онъ былъ теперь увѣренъ, что сохранно довезетъ насъ до Царскаго Села, гдѣ холеры не будетъ...

Въ Царскомъ онъ сразу точно переродился и сталъ милъ и веселъ, какъ всегда.

Люди наши съ поклажей были посланы наканунѣ. Покуда они разбирались въ маленькой квартирѣ нашей, мы всѣ пошли къ дѣдушкѣ Андрею Андреевичу и застали все его семейство въ сборѣ. Всѣ намъ очень обрадовались и приняли насъ истинно породственному, какъ они это всегда дѣлали... Но прежде чѣмъ я поведу мой рассказъ о томъ, какъ мы прожили въ 1831 году лѣто въ Царскомъ, мнѣ хочется рассказать все, что я знаю о дѣдушкѣ Андрѣе Андреевичѣ. Смолоду онъ былъ военнымъ, служилъ въ гусарахъ, и, судя по рассказамъ о немъ, былъ настоящій гусаръ того времени: человекъ честный, благородный, души добрейшей, но въ дѣйствіяхъ своихъ не сдержанный, размашистый, кутила и забіяка порядочный... Про его молодые годы сохранились до сихъ поръ анекдоты, которые сразу обрисовываютъ его тогдашній характеръ. Вотъ, напримѣръ, одинъ.

Служа въ гусарскомъ полку, молодой Толстой что-то накутилъ. Полковой командиръ сдѣлалъ юношѣ-офицеру строжайшій выговоръ, и хотя это было сдѣлано келейно, въ кабинетѣ начальника, но, видно, графу не понравились рѣзкія выраженія генерала, и дѣдъ мой, долго не думая, далъ своему полковнику командиру пощечину... И сію же минуту самъ снялъ съ себя шпагу и понесъ ее въ дежурную комнату.

— Графъ, остановитесь!—закричалъ ему вслѣдъ генералъ:—еще время исправить дѣло... Опомнитесь, не горячитесь! Дверь была заперта, насъ никто не слышалъ. Сознайтесь мнѣ только въ вашей запальчивости, и я прощу васъ...

Генералу, видно, огласки не хотѣлось.

— Да я-то васъ не прощаю!—сказалъ графъ, распахнулъ дверь въ дежурную комнату, гдѣ было много народу, и, подавая свою шпагу адъютанту, громко сказалъ:

— Извольте арестовать меня! Я за дерзость далъ пощечину его превосходительству...

Толстой былъ преданъ суду и разжалованъ въ солдаты, но и полковой командиръ не усидѣлъ на мѣстѣ.

Говорятъ, дѣдушка еще за какую-то провинность былъ вторично разжалованъ въ солдаты и оба раза опять дослужился до чина полковника. Служа еще въ военной службѣ, графъ Андрей Андреевичъ Толстой женился на дѣвицѣ Барыковой, которая своимъ добрымъ вліяніемъ на него преобразовала его совершенно. Говорили, что прежде онъ спалъ на голомъ полу, на воловѣй кожѣ, любилъ выпить лишнее и бывалъ порою очень вспыльчивъ, но всѣ эти гусарскія замашки онъ бросилъ изъ любви къ женѣ своей...

Я узнала дѣдушку веселымъ, бодрымъ старикомъ, когда онъ служилъ совѣтникомъ въ царскосельскомъ правленіи. До этого времени онъ, вѣроятно, жилъ въ Москвѣ, или гдѣ нибудь въ провинціи, потому что я никогда не видала его. Но и въ то время, когда онъ съ семьєю переехалъ на жительство въ Царское Село, мы, все-таки, не часто видались. Дѣдушка заѣзжалъ къ намъ, когда бывалъ наѣздомъ въ Петербургъ, и мы раза два въ зиму ѣздили повидаться съ нимъ и его семействомъ. Тогда вѣдь желѣзной дороги еще не было, а поѣздка въ экипажахъ до Царскаго стоила дорого, такъ что близко я сошлась съ семействомъ дѣдушки Андрея Андреевича и стала у нихъ своимъ человѣкомъ въ домѣ только съ 1831 года, когда мы переѣхали на все лѣто въ Царское. Семейство дѣдушки тогда состояло изъ жены его, тетушки Прасковьи Васильевны, трехъ дочерей: старшей Елизаветы, средней Александры и меньшей Софіи, и двухъ сыновей, которые тогда были, если не ошибаюсь, юнкерами артиллерійскаго училища.

Не удивляйтесь, пожалуйста, что я жену дѣда моего называю тетушкой, а дочерей ея всегда буду называть кузинами. Я и сама не знаю, отчего это случилось, только я всегда такъ называла ихъ, должно быть, потому, что сестра Лизанька и я были почти однолѣтки съ ними, и на «тетушекъ» онѣ совсѣмъ не были тогда похожи.

Тетушка Прасковья Васильевна, рожденная Барыкова, была женщина очень умная, образованная, прекрасная мать и хорошая родственница. Кромѣ этого, маменька моя рассказывала мнѣ, что тетушка смолоду была очень хороша собой; но и я застала ее еще очень сохранившеюся: у нея были чудные, черные, большіе глаза, очень умное выразительное лицо и самая добрая ласковая улыбка... Тетушка жила вся въ дѣтяхъ и старалась изъ всѣхъ силъ дать имъ прочное, хорошее образованіе. Помню, какъ въ этомъ святомъ дѣлѣ сильно помогала тетушкѣ двоюродная сестра ея, дѣвица Прасковья Степановна Барыкова, которую запросто въ семьѣ всѣ называли подружески Пашенькой, и которую буквально всѣ въ домѣ обо-

жали... Одно ужъ то, что эта молодая дѣвушка сумѣла быть въ одно и то же время и серьезной воспитательницей своихъ племянницъ и ихъ сердечнымъ другомъ, дѣлало ей великую честь. Но и, кромѣ того, эта Пашенька Барыкова была такое прелестное, симпатичное созданье, которое невозможно было не любить... Что же мудренаго, что съ такою помощницею тетушка Прасковья Васильевна въ воспитаніи дочерей своихъ достигла такихъ хорошихъ результатовъ, которые современемъ упрочили за ними любовь и уваженіе свѣта и даже двора... Доживу, Богъ дастъ, и до этого времени и о немъ расскажу все, что знаю. А теперь мнѣ хочется пережить еще разъ счастливое для меня лѣто 1831 года.

Маменька моя, послѣ смерти дяденьки Александра Феодоровича, сильно страдала разстройствомъ нервовъ и потому рѣдко выходила изъ дому, такъ что сестра Лизанька и я ходили гулять или съ папенькой, или съ тетушкой Прасковьей Васильевной и дочерьми ея—Лизанькой и Сашенькой Толстыми... Помню, что тогда излюбленная прогулка наша была—ходить смотрѣть, какъ играли царскія дѣти на зеленомъ лугу противъ Александровскаго дворца. Помню, что всякій вечеръ, на круглой дорожкѣ около луга, густою толпою устанавливались царскосельскіе жители; всякому лестно было полюбоваться на эту живую, семейную картину русскаго царя. И мы всякій вечеръ стояли въ этой толпѣ и жадными глазами слѣдили за каждымъ движеніемъ государя Николая Павловича, императрицы Александры Феодоровны и ихъ красавцевъ дѣтей. Наслѣднику Александру Николаевичу тогда было лѣтъ двѣнадцать; онъ былъ ловкій, статный мальчикъ, всегда окруженный избранными ему товарищами... За наслѣдникомъ шли три сестры его: Марія, Ольга и Александра Николаевны, и такъ лѣсенкой доходили до Константина Николаевича, тогда еще маленькаго, хорошенькаго карапузика, съ которымъ, не стѣсняясь зрителями, вѣчно воевала нянька его, англичанка Мими. Помню, какая разъ вышла баталія у нихъ изъ-за потеряннаго кушака. Англичанка, чтобы наказать мальчика за это преступленіе, насильно повязала его по рубашечкѣ своимъ носовымъ платкомъ, а маленькій великій князь ревѣлъ во все горло и отъ стыда прятался головой къ ней въ юбки... На этотъ неистовый крикъ подошелъ къ нимъ государь, и когда узналъ, въ чемъ дѣло, то далъ сыну маленькій подзатыльникъ и сказалъ:

— Прекрасно, Мими! Прекрасно! Такъ ему и надо, пусть не теряетъ больше своихъ кушаковъ.

Эта англичанка Мими, нянюшка дѣтей Николая Павловича, была большая его любимица, сама боготворила государя и пользовалась его уваженіемъ и дружбою до послѣдняго ея вздоха.

Великая княжна Марія Николаевна была тогда, кажется, общою любимицей всего Царскаго Села. Настоящая картинка собой, она

была такъ мила, ласкова, жива и шаловлива, что полонила кругомъ себя всѣ сердца... Про ея неудержимую веселость и ребячью шаловливость говорили тогда во всѣхъ домахъ Царскаго Села. Разсказывали, напримѣръ, о томъ, какъ великая княжна любила, чтобъ часовые отдавали ей честь, и какъ шустрая дѣвочка умѣла всегда послѣ обѣда ускользнуть на минуту съ глазъ старшихъ, проворно выбѣжать на крыльцо съ апельсиномъ въ рукѣ, сдѣлать книксенъ часовому и сказать ему:

— Миленкѣй солдатъ, сдѣлайте мнѣ честь, я *вамъ подарю апельсинъ...

И часовой, разумѣется, исполнялъ желаніе великой княжны, и она предовольная убѣгала опять во дворецъ. Говорили, что государь Николай Павловичъ поймалъ какъ-то нечаянно на мѣстѣ преступленія шалунью, и съ этихъ поръ было строго запрещено часовымъ отдавать честь великой княжнѣ, когда она одна; а приказано отдавать ей честь только тогда, когда она выходитъ или выѣзжаетъ изъ дворца со своей воспитательницей или съ кѣмънибудь изъ царской фамиліи.

Очень тоже интересно было видѣть, какъ государыня Александра Ѳеодоровна пріѣзжала на зеленый лугъ верхомъ на лошади, предводительствуя малолѣтнимъ Александровскимъ сиротскимъ корпусомъ. Въ этотъ корпусъ принимались сироты военныхъ людей очень малолѣтними, оставались въ немъ до 10 лѣтъ включительно, а потомъ поступали въ 1-й кадетскій корпусъ. Помню, что въ 1831 году въ Александровскомъ корпусѣ были кадетами даже грудныя дѣти, которыхъ мамки въ форменныхъ красныхъ кокошникахъ носили на рукахъ, а сами ребяточки отличались только красными погончиками на бѣлыхъ рубашенкахъ; мѣста офицеровъ при корпусѣ занимали женщины, классныя дамы.

И вотъ, какъ я сказала, выѣдетъ на лугъ государыня, во главѣ этой мелюзги, а за нею потянутся сперва мамки съ грудными ребятами, а потомъ кадетики малъ-мала меньше, въ своихъ военныхъ курточкахъ, съ бѣлыми оборочками кругомъ ворота, и съ боковъ ихъ шеренги важно выступаютъ барыни въ синихъ мундирныхъ платьяхъ. Все это въ полномъ военномъ порядкѣ, точно и въ самомъ дѣлѣ войско. Вотъ Александра Ѳеодоровна подѣдетъ къ государю, приложитъ руку къ правому виску и серьезно рапортуетъ мужу о благосостояніи ввѣреннаго ей корпуса. Государь выслушаетъ серьезно, а потомъ всякій разъ начнетъ тормозить и дразнить игрушечное войско жены своей. Разъ какъ-то Николай Павловичъ, чтобы подзадорить карапузиковъ кадетъ, сказалъ имъ:

— Ну, какіе вы воины, когда у васъ и командиръ баба, и офицеры бабы! Вы просто дѣвченки, и вѣрно всѣ до одного трусишки страшные...

— Не плявда! — пропищалъ одинъ ребячій голосокъ изъ строя.

— То-то не плявда! — передразнилъ его государь: — а что съ тобою будетъ, коли я тебя, храбреца, посажу на пушку и прикажу выстрѣлить?

— Не боюсь, стрѣляй! — отвѣтилъ задорный мальчуганъ.

— Увидимъ твою рысь... Маршъ!.. Полѣзай на пушку! — смѣясь, командовалъ Николай Павловичъ.

Кадетикъ выбѣжалъ изъ строя, вскарабкался на одну изъ небольшихъ пушекъ, которыя стояли у подножія параднаго дворцоваго крыльца и, усаживаясь на ней, какъ на деревянной лошади, опять крикнулъ: «не боюсь!»

— Ну, смотри, держись крѣпче! — сказалъ государь и точно приказалъ выстрѣлить... Раздался выстрѣлъ, лафетъ пушки откатился немного назадъ. Мальчикъ не свалился и не испугался, а усидѣлъ.

— Молодецъ, молодецъ! — крикнулъ царь, схватилъ маленькаго храбреца на руки и крѣпко расцѣловалъ...

Въ этомъ же году я случайно познакомилась съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, который послѣ женитьбы своей на Гончаровой пріѣхалъ съ нею провести лѣто въ Царское. Очень оригинально вышло у насъ это первое знакомство. Въ Царскосельскомъ саду, около самаго спуска безъ ступеней, который до сихъ поръ называется «pente douce» и ведетъ отъ верхней колонады дворца въ садъ, было въ томъ году излюбленное царскосельскою публикою мѣстечко, что-то въ родѣ каменной террасы, обставленной чугунными стульями, куда по вечерамъ тамошній beau-monde собирался посидѣть и послушать музыку.. Только вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ на этой террасѣ собралось такъ много народу, что даже не достало стульевъ двумъ какимъ-то пожилымъ дамамъ. Я, какъ дѣвочка вѣжливая, приученная всегда услуживать старшимъ, сейчасъ же замѣтила, что дамамъ не на что сѣсть, сбѣгала въ садъ, захватила тамъ еще такіе два стула, принесла и подала ихъ двумъ барынямъ. Папенька съ Пушкинымъ въ это время стояли недалеко отъ террасы и о чемъ-то разговаривали. Вдругъ Александръ Сергѣевичъ схватилъ отца моего за руку и громко вскрикнулъ:

— Графъ, видѣли вы, что дѣвочка сдѣлала?

— Какая дѣвочка? Я не видалъ! — отвѣтилъ папенька.

— Да вотъ эта въ панталончикахъ и въ пастушеской шляпѣ: это — какой-то силачъ!

— Эта? Это моя дочь Маша! Что она сдѣлала?

— Да вотъ такіе два чугунныхъ стула подхватила, какъ два перышка, и отнесла ихъ на террасу...

Папенька позвалъ меня и представилъ Пушкину; я ему сдѣлала книксенъ и съ удивленіемъ стала смотрѣть на страшной длины ногти на его мизинцахъ.

— Очень пріятно познакомиться, барышня!—крѣпко пожимая мнѣ руку, смѣясь сказалъ Александръ Сергѣевичъ: — а который вамъ годъ?

— Тринадцать,—отвѣтила я.

— Удивительно!

И они оба съ папенькой начали взвѣшивать на рукѣ тяжелые чугунные стулья, потомъ заставили меня еще разъ поднять ихъ; я опять подняла, какъ перышко...

— Удивительно,—повторилъ Пушкинъ:—такая сила мужчинѣ впору! Поздравляю васъ, графъ, это у васъ растетъ Илья Муромецъ.

— Да, она у меня дѣвочка ничего себѣ,—самодовольно сказала папенька, ласково потрепавъ меня по щекѣ.

Въ домѣ дѣда моего, Андрея Андреевича, я бывала почти каждый день, и мнѣ было очень весело съ моими кузинами. Помню, что тетюшка Прасковья Васильевна, кромѣ дѣтей своихъ и всѣхъ домочадцевъ, была очень привязана къ женѣ родного брата своего, Варварѣ Павловнѣ Барыковой, рожденной Ушаковой. Эта Варвара Павловна въ молодые свои годы, еще въ дѣвичество, поступила на придворную службу и была назначена состоять при особѣ невѣсты великаго князя Николая Павловича, Луизѣ-Шарлотѣ-Вильгельминѣ, принцессѣ прусской, будущей государынѣ Александрѣ Теодоровнѣ. Говорятъ, обѣ молодыя дѣвушки скоро полюбили другъ друга, подружились, и эта дружба, не смотря на то, что Александра Теодоровна впоследствии сдѣлалась императрицей всероссійской, а дѣвица Ушакова вышла замужъ за простаго смертнаго Барыкова, осталась между ними навсегда. Благодарственное вліяніе этой дружбы окажется впоследствии на семействѣ тетюшки Прасковьи Васильевны Толстой; въ свое время повѣдаю обо всемъ. А теперь мнѣ хочется разсказать о новомъ знакомствѣ моемъ еще съ однимъ моимъ дядюшкой, котораго я увидала въ первый разъ тоже въ Царскомъ, въ домѣ дѣдушки Андрея Андреевича. Этотъ интересный дядюшка былъ не кто иной, какъ извѣстный, кажется, всему свѣту, двоюродный братъ отца моего, графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой, прозванный американцемъ, который, по словамъ Грибоѣдова:

«Въ Камчатку сосланъ былъ,

«Вернулся алеутомъ...

«И крѣпко на руку не чистъ»...

Я столько въ дѣтствѣ моемъ наслупалась чисто баснословныхъ разсказовъ о дядюшкѣ моемъ американцѣ Толстомъ, что и неудивительно, что, сидя съ нимъ за обѣдомъ у дѣдушки, я смотрѣла на него, какъ на восьмое чудо свѣта. Но тогда въ Ѳедорѣ Ивановичѣ не было уже ничего удивительнаго, онъ былъ былъ человѣкъ, какъ человѣкъ: пожилой, курчавый, съ просѣдью, лицо красное, съ большими умными черными глазами... и разговаривалъ, и шутилъ за столомъ, какъ всѣ люди, такъ что я начала уже разочаровы-

ваться. Но не успѣли мы совсѣмъ еще отобѣдать, какъ дѣдушка, на мое счастье, хлопнулъ племянника по плечу и весело сказалъ ему:

— Ну, американецъ, потѣши гостей моихъ, покажи дамамъ твою грудь и руки, а послѣ кавалерамъ и всего себя покажешь...

Ѳедоръ Ивановичъ, кажется, очень довольный просьбой дяди, улыбаясь, сейчасъ же началъ разстегивать свой черный сюртукъ. Когда онъ распахнулъ его, у него на груди показался большой образъ, въ окладѣ, св. Спиридонія, патрона всѣхъ графовъ Толстыхъ, который богомольный американецъ постоянно носилъ на груди. Положивъ его бережно передъ собой на столъ, онъ отстегнулъ заправки рубашки, открылъ свою грудь и выпятилъ ее впередъ. Всѣ за столомъ привстали съ мѣстъ и начали внимательно разглядывать ее: вся она сплошь была татуирована. Въ самой серединѣ сидѣла въ кольцѣ какая-то большая пестрая птица, что-то въ родѣ попугая, кругомъ какія-то красно-синія закорючки... Когда всѣ зрители достаточно наглядѣлись на рисунки на груди, Ѳедоръ Ивановичъ Толстой спустилъ съ себя сюртукъ и засучилъ рукава рубашки: обѣ руки его тоже были сплошь татуированы, на нихъ вокругъ обвивались змѣи и какіе-то дикіе узоры... Дамы охали и ахали безъ конца, и съ участіемъ спрашивали:

— Вамъ было очень больно, графъ, когда эти дикіе васъ татуировали? Чѣмъ это они проковыряли узоры? Ахъ, какая страсть!

Когда Ѳедоръ Ивановичъ покончилъ съ дамами, кавалеры увели его на верхъ, въ свѣтелку къ дѣдушкѣ, и тамъ снова раздѣли и разглядѣли уже всего съ ногъ до головы...

Надо знать, что въ продолженіе всей жизни американца Толстого, гдѣ бы онъ ни обѣдалъ, его подъ конецъ стола всюду просили показать его татуированное тѣло, и всюду его разглядывали сперва дамы, а потомъ мужчины, и это ему никогда не надоѣдало.

Американецъ Толстой воспитывался вмѣстѣ съ отцомъ моимъ въ морскомъ корпусѣ. Когда папенька, по невозможности выносить морскую качку, вынужденъ былъ отказаться отъ назначенія въ кругосвѣтное плаваніе вмѣстѣ съ Крузенштерномъ, то на его мѣсто въ это плаваніе былъ назначенъ двоюродный братъ его, графъ Ѳедоръ Ивановичъ Толстой. Но, выѣхавъ въ море, какъ человѣкъ неуживчивой и бѣшеной природы, онъ скоро началъ скучать отъ бездѣйствія въ тѣсной обстановкѣ корабля. Чтобы развлечь свою скуку, онъ придумывалъ всевозможныя непростительныя шалости, которыя нарушали дисциплину корабля. Сначала Крузенштернъ смотрѣлъ сквозь пальцы на проказы молодого графа, но скоро шалости его приняли такіе размѣры, что адмиралу пришлось въ наказаніе сажать Толстого подъ арестъ... Но за каждое наказаніе, выйдя на свободу, онъ платилъ начальству новыми выходками, точно поклялся свести съ ума весь экипажъ. Какъ любитель сильныхъ ощущенийъ, онъ занялся, на примѣръ, тѣмъ, что перессорилъ поголовно

всѣхъ офицеровъ и всѣхъ матросовъ... Да какъ перессорилъ? хоть сейчасъ на ножи, такъ что вмѣсто корабля, назначеннаго для мирнаго плаванія по волнамъ, плавала клѣтка съ разъяренными тиграми... Всякую минуту могло случиться несчастье, а Толстой весело потиралъ руки: обыденная монотонность морской службы была нарушена. И ни одной-то души не оставлялъ въ покоѣ! Старичекъ священникъ, который находился на кораблѣ, любилъ выпить лишнее и былъ очень слабъ. У Ѳедора Ивановича въ головѣ сейчасъ созрѣлъ планъ новой потѣхи: напоилъ батюшку до «положенія ризъ», и когда несчастный священнослужитель, какъ мертвый, навзничъ лежалъ на палубѣ, графъ припечаталъ ему сургучемъ бороду къ полу, украденною изъ каюты Крузенштерна, казенною печатью. Припечаталъ и сидѣлъ надъ нимъ, пока онъ проснется... И только что старичекъ открылъ глаза и хотѣлъ приподняться, Толстой, указывая пальцемъ на печать, крикнулъ ему:

— Лежи, не смѣй! Видишь — казенная печать...

Послѣ принуждены были ножницами подстричь бороду священнику почти подъ корешокъ, чтобы выпустить его на свободу.

Паленька разсказывалъ мнѣ уморительный анекдотъ про своего двоюроднаго брата, какъ онъ на Сандвичевыхъ островахъ потѣшалъ русскихъ матросовъ, заставляя сандвичскаго короля исполнять должность своей собаки: поплюетъ на щепку, крикнетъ «пиль аппортъ» и закинетъ ее далеко въ море. И король плыветъ за ней, схватить ее зубами и принесетъ и подастъ ее Толстому. Но всѣ эти глупости, видно, надоѣли Ѳедору Ивановичу, его стало задѣвать за живое, зачѣмъ въ то время, какъ онъ такъ скучаетъ на кораблѣ и не знаетъ, что съ собою дѣлать, Крузенштернъ можетъ по цѣлымъ днямъ такъ спокойно и тихо писать свои путевыя записки. Толстого брала зависть и злость, и захотѣлось ему во что бы то ни стало сдѣлать спокойному адмиралу какую нибудь такую пакость, чтобы онъ не забылъ ея во всю свою жизнь. И этого достигъ его изобрѣтательный на всякія мерзкія шалости умъ.

У Крузенштерна былъ на кораблѣ любимый орангутангъ, умный, ловкій и переимчивый, какъ человекъ. Такъ вотъ его-то Толстой и избралъ себѣ въ товарищи для того, чтобы насолить хорошенько ученому путешественнику. Разъ, когда Крузенштернъ отплылъ на катерѣ зачѣмъ-то на берегъ, Толстой затащилъ орангутанга въ каюту адмирала, открылъ тетради съ его записками, положилъ на нихъ листъ чистой бумаги и на глазахъ умнаго звѣря началъ марать, пачкать и поливать чернилами по бѣлому листу, до тѣхъ поръ, покуда на немъ не осталось чистаго мѣста. Обезьяна внимательно смотрѣла на эту новую для нея работу. Тогда Ѳедоръ Ивановичъ тихонько снялъ съ записокъ адмирала выпачканный листъ бумаги, спряталъ его въ карманъ и вышелъ изъ каюты, какъ ни въ чемъ не бывало. Орангутангъ одинъ, на свободѣ, за-

нялся секретарскимъ дѣломъ такъ усердно, что въ одно утро уничтожилъ все, что было до сихъ поръ сдѣлано Крузенштерномъ. За это преступленіе адмиралъ высадилъ злодѣя Толстого на какой-то малоизвѣстный островъ и сейчасъ же отплылъ отъ его береговъ.

Судя по рассказамъ объ американцѣ Толстомъ, онъ и на островѣ, живя между дикарями, продолжалъ бѣдокурить напропалую до тѣхъ поръ, пока какой-то благодѣтельный корабль не подобралъ его изъ жалости и татуированнаго отъ головы до ногъ не привезъ обратно въ Россію.

Съ этихъ поръ Ѳедоръ Ивановичъ поселился въ Москвѣ и, по моему, эта вторая его русская жизнь чуть ли не интереснѣе американской. По словамъ самого Ѳедора Ивановича, первымъ его дѣломъ, когда онъ явился въ Москву, было заказать большой образъ св. Спиридонія, скорого помощника, и надѣть себѣ его на грудь. Про св. Спиридонія Толстой рассказывалъ цѣлую легенду, какъ во время пребыванія его въ Америкѣ, въ одну темную ночь, когда онъ былъ на шагъ отъ пропасти, ему явилось лучезарное видѣніе святого, осадило его назадъ, и онъ былъ спасенъ. Тогда же Ѳедоръ Ивановичъ заглянулъ въ устроенный имъ самимъ изъ чего-то календарь, который носилъ всегда при себѣ, и увидѣлъ число 12-го декабря; значить святой, который предсталъ ему въ видѣніи, былъ не кто иной, какъ св. Спиридоній, патронъ всѣхъ графовъ Толстыхъ. Съ этой минуты Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлался мало того, что богомоленъ, а просто ханжей. Но, всетаки, эти новыя религіозныя чувства не помѣшали ему завести въ Москвѣ страшную картежную игру и сдѣлаться яримъ дуэлистомъ. Убитыхъ имъ онъ самъ насчитывалъ 11 человекъ. И онъ, какъ Іоаннъ Грозный, аккуратно записывалъ имена ихъ въ свой синодикъ. Кромѣ того, дядюшка мой въ Москвѣ скоро влюбился въ ножки молоденькой цыганочки-плясуньи Пашеньки и началъ жить съ нею. И вѣрно никогда бы не подумалъ на ней жениться, если бы эта любящая его женщина своимъ благороднымъ поступкомъ не привела его въ совѣсть. Разъ онъ проигралъ въ клубѣ большую сумму денегъ, не могъ заплатить ихъ и долженъ былъ быть выставленъ на черную доску. Графская гордость его не могла пережить этого позора, и онъ собрался всадить себѣ пулю въ лобъ. Цыганочка, видя его въ возбужденномъ состояніи, начала выспрашивать:

— Что съ тобою, графъ? Скажи мнѣ! Я, быть можетъ, могу помочь тебѣ.

— Что ты ко мнѣ лѣзешь? Чѣмъ ты можешь помочь мнѣ? Ну, проигрался! Выставятъ на черную доску, а я этого не переживу!.. Ну, что ты тутъ можешь сдѣлать? Убирайся!

Но Пашенька не отставала отъ него, узнала, сколько ему нужно денегъ, и на другое утро привезла и отдала ихъ ему...

— Откуда ты достала эти деньги?—спросилъ удивленный графъ.

— Откуда? Отъ тебя! Развѣ ты мало мнѣ дарилъ!? Я все прятала... а теперь возьми ихъ, онѣ твои...

Послѣ этого Ѳедоръ Ивановичъ расчувствовался и женился на Пашенькѣ. Отъ этого брака у нихъ было 12 человѣкъ дѣтей, которые всѣ, кромѣ двухъ дочерей, умерли въ младенчествѣ. Довольно оригинально американецъ Толстой расплачивался съ своими старыми долгами: по мѣрѣ того, какъ у него умирали дѣти, онъ вычеркивалъ изъ своего синодика по одному имени убитаго имъ на дуэли человѣка и ставилъ сбоку слово «квитъ». Когда же у него умерла прелестная умная 12-ти-лѣтняя дочка, по счету одиннадцатая, онъ кинулся къ своему синодику, вычеркнулъ изъ него послѣднее имя и облегченно вскрикнулъ: «ну, слава тебѣ, Господи! хоть мой курчавый цыганенокъ будетъ живъ!» Когда я видѣла у дѣдушки Андрея Андреевича въ Царскомъ дядю моего Ѳедора Ивановича, у него въ Москвѣ подростала обожаемая имъ дочка Пашенька.

Отъ тетокъ моихъ изъ Петербурга часто приходили письма. Онѣ писали, что холера страшно косить народъ, но что онѣ ея не боятся, ѣдятъ ягоды, огурцы и что попало, и слава тебѣ, Господи, здоровы... Написали еще, что первую жертвою эпидеміи сдѣлался Василій Алексѣевичъ Глинка: пріѣхалъ изъ должности, покушалъ съ аппетитомъ ботвиньи со льдомъ и къ ночи ужъ его не стало... Шестнадцати-лѣтнюю вдовушку Катеньку сейчасъ же отвезли назадъ къ отцу и матери, а за Василюмъ Алексѣевичемъ пришли съ ногъ до головы засмоленные люди и въ ту же ночь похоронили его на Смоленскомъ холерномъ кладбищѣ, а теперь ищутъ его могилы и до сихъ поръ найти не могутъ... Писали еще, что папенькинъ другъ, докторъ Иванъ Семеновичъ Спасскій, дѣлаетъ чудеса: поставилъ себѣ фонтанели на обѣ руки и ноги и утверждаетъ, что теперь онъ, безъ всякой опасности заразиться, можетъ трогать голыми руками холерныхъ больныхъ... и лечитъ очень успѣшно.

Къ намъ, въ Царское, слава Богу, холера и не заглядывала... Но папенька, всетаки, держалъ насъ на строгой діетѣ и не позволялъ намъ проглотить ни одной землянички... И надо было покоряться нашей горькой участи.

Въ это же лѣто министръ двора, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, доставилъ мнѣ большое удовольствіе, приславъ папенькѣ для нашего семейства билеты на хоры въ церковь Большого дворца для того, чтобъ мы могли видѣть крестины великаго князя Николая Николаевича. Маменька моя и сестра Лизанька были нездоровы, и потому папенька поѣхалъ со мною одинъ. Всю эту великолѣпную церемонію я видѣла съ хоръ прекрасно. Церковь была полна придворными дамами и кавалерами... Шествіе крестинъ началось съ того, что 4 камеръ-лакея въ красныхъ кафтанахъ внесли

въ церковь за зеленыя ширмы маленькую кружевную корзиночку съ новорожденнымъ великимъ княземъ; за нимъ самъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ почтительнѣйшимъ образомъ ввели подъ руки мать министра двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, которая должна была во время крестинъ носить кругомъ купели младенца на золотой подушкѣ. Ее тоже усадили за ширмы въ кресло, и Николай Павловичъ удалился изъ церкви. Почти 90-лѣтняя старушка княгиня Волконская была въ полномъ парадномъ костюмѣ, въ лифѣ *décolletée, manches courtes*, съ бриллиантами на головѣ. Надо было видѣть ея грудь, ея руки, ея трясущуюся голову, на которой бриллиантовые колосья ходили ходункомъ... Все это было такъ страшно, что даже жалко было смотрѣть на старушку, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трогательно было видѣть ея желаніе не отставать отъ двора, продолжать состоять на службѣ и быть полезной обожаемымъ царямъ своимъ до послѣдняго вздоха... Кажется, еслибъ тогда, во вниманіе къ ея лѣтамъ, пожалѣли ее и не пригласили на эту церемонію, она бы кровно обидѣлась и захворала бы съ горя!.. А тутъ она воображала, что дѣлаетъ все, что предписываетъ ей церемоніаль, и носила младенца на золотой подушкѣ, подъ тяжелымъ парчевымъ одѣяломъ... Правда, что за четыре угла подушки и подъ оба локтя старушку поддерживали какіе-то генералы, но она не замѣчала этой помощи и видимо воображала, что сама носить на рукахъ царскаго сына, гордо выступала и была счастлива вполне: она участвовала въ царскомъ торжествѣ, она исполняла свой долгъ...

Прелестны были въ этотъ день двѣ красоточки, великія княжны Марія и Ольга Николаевны, почти еще дѣти, со свернутыми въ толстый жгутъ *à la chinoise* бѣлокуромы косами, въ бѣлыхъ креповыхъ платицахъ и Екатерининскихъ лентахъ черезъ плечо, и съ чисто ангельскими радостными лицами, тоже довольныя-предовольныя, что онѣ участвуютъ въ церемоніи... И я въ тотъ день была на верху блаженства: въ первый разъ въ жизни я видѣла въ сборѣ дворъ и такое великолѣпное торжество. Разумѣется, меня, недавнюю жительницу розоваго дома, все, что я видѣла, такъ поразило и удивило, что я не забыла этого до сихъ поръ.

Остальное лѣто мы много гуляли съ папенькой и маменькой, осмотрѣли всѣ сады и парки Царскаго Села и даже добрались до большого села Кузьмина и тамъ совсѣмъ неожиданно нашли нашихъ хорошихъ знакомыхъ, художника Черноглазова съ его молодой, милою женою. Они, какъ люди бездѣтныя, поселились тамъ на лѣто въ простой мужицкой избѣ для того, чтобы истратить меньше на дачу и быть подальше отъ Царскосельскаго моднаго свѣта. Черноглазову было это на руку, потому что онъ въ это лѣто рѣшился въ тиши сдѣлать великое дѣло. Онъ служилъ живописцемъ по фарфору на императорскомъ фарфоровомъ заводѣ и, какъ хо-

рошій химикъ, кромѣ того, задался идеей найти и воспроизвести вновь утраченныя въ то время краски: *rose Dubarry*, *rouge Dubarry*, *bleu de Sevre* и *vert de Sevre*. Дѣло у него уже шло впередъ, но онъ все еще не былъ доволенъ и до того увлекался, что не выпускалъ изъ рукъ своихъ пробныхъ кусочковъ красокъ: куда ни пойдеть, гдѣ ни присядеть, все натретъ себѣ на палецъ той или другой краски, повернетъ руку къ солнцу и долго на нее смотреть. Въ одинъ прекрасный день бѣднякъ Черноглазовъ за эту штуку чуть не поплатился жизнью. Проснулся онъ чуть свѣтъ, вышелъ на деревенскую улицу и тутъ же, около своего дома, присѣлъ у колодца, потомъ вытащилъ себѣ ведро воды и давай въ него помакивать свои краски, мазать себѣ на руку и разглядывать на солнышкѣ... Разумѣется, въ эту минуту холера совсѣмъ не приходила ему въ голову. Только вдругъ позади него раздались грозные голоса мужиковъ:

— Ты что это тутъ, баринъ, колдуешь? Зачѣмъ нашъ колодезь отравляешь? Холеру на наше Кузьмино хочешь навести?..

— Что вы, ребята, какая это отравка? Это краски!—наивно отвѣчалъ бѣдный художникъ мужикамъ...

— А не отравка, такъ съѣшь ее самъ! А такъ мы тебя не выпустимъ!..

И мужики заставили несчастнаго химика съѣсть всѣ его краски и лили силою изъ ведра ему въ горло согрѣтую на солнцѣ воду до того, что онъ началъ уже захлебываться. Съ нимъ, наконецъ, сдѣлалась страшная рвота; это только и спасло его. При свиданіи съ отцомъ моимъ послѣ этого ужаснаго приключенія, Черноглазовъ ему рассказывалъ, что и не чаялъ остаться живъ, потому что зналъ, сколько яда заставили его проглотить, «и кабы не тепленькая водица, быть бы мнѣ на томъ свѣтѣ!».

Папенька въ это лѣто успѣлъ тоже много наработать: прежде всего онъ разрисовалъ акварелью для государыни Александры Теодоровны прелестный рабочій столикъ, на крышкѣ котораго нарисовалъ стаканъ воды съ букетомъ лиловыхъ сиреней и на одной ихъ вѣточкѣ посадилъ совсѣмъ живую канареечку. Этотъ столикъ такъ понравился императрицѣ, что она возила его съ собою, когда мѣняла мѣстопробываніе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ папенька еще нарисовалъ удивительную вѣтку липы въ цвѣту, которою всѣ, кто ее видѣлъ, восхищались. Этотъ рисунокъ тоже находится въ настоящее время въ Москвѣ, въ знаменитомъ альбомѣ сестры моей Екатерины Теодоровны Юнге.

Въ этомъ году мы переѣхали съ дачи гораздо позднѣе, чѣмъ всегда; дожили въ Царскомъ до конца сентября мѣсяца. Когда мы вернулись въ Петербургъ, карантинъ въ воротахъ академіи былъ уже снятъ, и насъ пропустили въ нашу квартиру, не обкуривая.

Тетокъ моихъ мы нашли здоровыми и веселыми, такъ что по виду ихъ совсѣмъ не было замѣтно, какое ужасное лѣто онѣ прожили въ Петербургѣ. По словамъ ихъ, онѣ совсѣмъ и не думали о холерѣ; зато няня, Матрена Ефремовна, сидя у себя на вышкѣ, не переставала наблюдать за числомъ холерныхъ жертвъ. Говорили, что она съ ранняго утра до поздней ночи считала, сколько провезли по площади покойниковъ, и всякій день отдавала теткамъ отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ и говорила имъ такъ:

— Вотъ на Смоленское вчера провезли столько-то возовъ, по столько-то гробовъ, это выходитъ всего столько-то, а теперь надо прикинуть столько же гробовъ на Волково кладбище да столько же на Охтенское, да на новое холерное подъ Невскимъ монастыремъ столько же и, помоему, выходитъ, что всѣхъ-то вчера въ Петербургѣ померло вотъ столько.

И тутъ скажетъ цыфру, до которой она досчиталась. И что же, тетки мои говорили, что нашъ сѣдой математикъ Матрена Ефремовна, противъ цыфры умершихъ, обозначенной въ газетахъ, очень немногимъ ошибалась.

Изъ числа нашихъ академическихъ знакомыхъ, кромѣ Василя Алексѣевича Глинка, холерою умерла еще прекраснѣйшая женщина, жена академика Марѳа Аѳанасьевна Венціанова, которую мы всѣ очень любили. И умерла чисто отъ страха; она такъ боялась холеры, что закупорила всѣ свои окна и сидѣла впотъмахъ. Разъ ночью ей понадобилось взять что-то съ окна, она приподняла занавѣску и, какъ нарочно, увидала, что со двора ихъ выносили гробъ; этого было довольно, чтобы ее въ то же мгновеніе схватила скоропостижная холера, и она въ страшныхъ судорогахъ къ утру окончила жизнь. Двѣ дочки ея, которыя не захотѣли жить безъ своей мамы, нарочно для того, чтобы заразиться отъ нея и умереть, сняли съ покойницы чулки и надѣли себѣ каждая по одному чулку на ногу, но, къ великому отчаянью ихъ, обѣ остались живы, что, кажется, ясно доказывало, что холера отъ носильныхъ вещей не приставала.

Шестнадцатилѣтнюю вдовушку Катеньку Глинку мы застали уже опять водворившеюся въ ея прежней дѣвичьей комнатѣ на прежнемъ дѣвичьемъ ея положеніи, точно она и замужъ никогда не выходила. Овдовѣвъ, она значительно похудѣла, сонливость, лѣнь съ нею спали, и она стала даже гораздо живѣе и разговорчивѣе, чѣмъ была въ дѣвушкахъ. И тетушка Наталья Аѳанасьевна опять поселилась около Катеньки въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ родственницами и приживалками Ивана Петровича, и всѣ вмѣстѣ прислуживали ей; и отецъ, и мать на нее не могли надышаться. Словомъ, все пошло попрежнему. Говорили, что послѣ покойника Глинка нашли духовное завѣщаніе, по которому онъ завѣщалъ всѣ свои деньги и все свое движимое имущество въ пользу Ка-

тенки. Но странное дѣло, что ни одной изъ богатыхъ вещей, которыя я видѣла въ квартирѣ Василя Алексѣевича, не стояло въ квартирѣ Мартоса; все это было куда-то припрятано; и экипажъ, и лошади были, видно, проданы, потому что ихъ никто не видалъ въ академіи. Иванъ Петровичъ поторопился только поставить на холерномъ кладбищѣ надъ покойнымъ зятемъ своимъ богатый памятникъ. И долго послѣ того туда никто не заглядывалъ, пока наконецъ тетушка Наталья Аванасьевна не выпросила у родителей позволенія сходить съ молодою вдовой на Смоленское поклониться праху покойнаго Василя Алексѣевича... И въ этой могилѣ заснула, кажется, навсегда память объ архитекторѣ Глинкѣ; по крайней мѣрѣ, въ домѣ Мартоса ни одна вещица его не напоминала о немъ. Катенька поступила опять въ полное владѣніе отца и матери и сдѣлалась опять такою же покорною дочерью, какою была до замужества. Только въ домѣ у нихъ пошло теперь все не такъ подѣтски, какъ было до сихъ поръ; всетаки главное лицо въ домѣ, молодая вдовушка Катенька, сдѣлалась разумной женщиной, а не «бѣленькой телятинкой», какъ величали ее прежде. И мужского элемента въ домѣ прибавилось; на побывку въ Петербургъ, для свиданія со своими дѣтьми, пріѣхала изъ деревни старая знакомая Мартоса, помѣщица Крашенинникова и за собою ввела къ нему въ домъ трехъ сыновей своихъ: старшаго Ѳедора Петровича, средняго Александра Петровича, которые оба служили въ какихъ-то министерствахъ, и меньшаго, вновь испеченнаго морскаго офицера Сергѣя Петровича. Скромная, благовоспитанная молодежь полюбилась супругамъ Мартосамъ и скоро сдѣлалась совѣмъ своими людьми у нихъ въ домѣ. Авдотья Аванасьевна забрала ихъ въ руки, какъ родныхъ сыновей, и старшему, Ѳедору Петровичу, скоро препоручила очень заботившее ее важное дѣло, а именно: разобраться въ бумагахъ покойнаго Глинки и привести въ ясность и порядокъ денежныя дѣла своей дочери Катеньки. Услужливый и дѣльный молодой человекъ, не предвидя, сколько горя впослѣдствіи принесетъ ему эта услуга, охотно принялся за возложенное на него порученіе.

Въ такомъ положеніи мы нашли, вернувшись изъ Царскаго, семейство Мартоса.

У насъ тоже скоро настроились наши воскресенья постарому, и тоже прибавилось много новыхъ знакомыхъ; отъ Василя Ивановича Григоровича перебрались къ намъ его друзья, черниговскіе хохлы: неоцѣненное сокровище для вечернихъ воскресныхъ мало-россійскихъ разсказовъ. Да еще право не знаю откуда прибылъ къ намъ камергеръ, литераторъ Александръ Павловичъ Башуцкій, который, помоему, писалъ довольно тяжеловато, но зато говорилъ, какъ по маслу, лился неудержимо, какъ рѣка, не жалѣя для краснаго слова ни матери, ни отца. Въ особенности его отецъ, петербург-

скій комендантъ и любимецъ государыни, былъ «ковломъ отпущенія» во всѣхъ придворныхъ разсказахъ на языкѣ милого сынака...

Разскажу нѣкоторые анекдотцы сынака про батюшку, а то еще чего добраго послѣ забуду про нихъ, а они очень забавны.

Александръ Павловичъ разсказывалъ, что разъ императрица Екатерина II въ Зимнемъ дворцѣ сама разливала чай и угощала имъ гостей своихъ. Вотъ она налила первую чашку и, милостиво улыбаясь, протянула ее посланнику, а онъ, принимая ее изъ рукъ государыни, напыщенно сказалъ ей:

— *Votre Majesté, cette tasse vous ressemble!*

— *Comment, mon cher?*—съ удивленіемъ спросила императрица.

— *Elle est comme vous pleine de bonté,*—сострилъ французъ.

Государыня очень осталась довольна любезнымъ каламбуромъ посланника, а Башуцкаго эта острота, видно, задѣла за живое. «Погоди, мусье, погоди! дай срокъ!—проворчалъ онъ себѣ подъ носъ:—и мы сумѣемъ сострить не хуже тебя».

На другое же утро,—точно на ловца и звѣрь бѣжитъ,—Екатерина усадила Башуцкаго пить съ собою утренній кофе, налила и подала ему чашку... Старичекъ засуетился и, принимая чашку кофе изъ рукъ царицы, поторопился ей выпалить:

— *Votre Majesté, cette tasse vous ressemble! Elle est, comme vous, pleine de bon café,*—договорилъ разомъ всю свою остроту старикъ, не дожидаясь даже, чтобы государыня его спросила, почему это онъ находитъ, что она похожа на кофе.

Екатерина Алексѣевна пришла въ неописанный восторгъ отъ подражательной остроты своего коменданта и долго-долго хохотала до слезъ.

А то, по словамъ Александра Павловича, батюшка его еще неудачнѣе собезьяничалъ у французскаго любезника. Разъ посланникъ, увидавъ, что императрица идетъ по залѣ, заторопился къ ней навстрѣчу, нечаянно поскользнулся на скользкомъ паркетѣ и упалъ на оба колѣна въ ноги царицы... Она испугалась, закричала: «*Monsieur, vous vous êtes fait mal?*» и кинулась поднимать его.

— *O, non, Votre Majesté! je me trouve au contraire très bien!* Je voudrai restér toute ma vie dans cette position devant vous!

И опять находчивое слово посланника понравилось царицѣ. А Башуцкій въ тотъ же вечеръ сдѣлалъ имитацию ловкаго паденія посланника, но она плохо удалась: старичекъ разбѣжался по паркету слишкомъ сильно, поѣхалъ впередъ на слабыхъ ногахъ и вмѣсто того, чтобы пасть передъ царицей на оба колѣна, онъ перекувырнулся на спину и комично задралъ кверху руки и ноги...

— Милый, ты ушибся?—вскрикнула государыня и кинулась поднимать его. Но старичекъ, не подавая ей рукъ, продолжалъ лежать на спинѣ и быстро говорилъ:

— Оставьте меня, не поднимайте. *Je veux rester toute ma vie dans cette position devant vous!*

— Ну, мой милый, это ты напрасно. Увѣряю тебя, что ты совсѣмъ не красивъ собой *dans cette position!*—и императрица опять расхохоталась до слезъ.

Очень интересный случай рассказалъ еще Александръ Павловичъ про свое дѣтство, въ то время, какъ онъ былъ еще маленькимъ пажикомъ въ царствованіе императора Александра I. Вдовствующая государыня Марія Ѳеодоровна очень любила, вмѣсто прогулки, прохаживаться взадъ и впередъ по Эрмитажу. Вотъ разъ, когда она шла тихонько по одной изъ картинныхъ галлерей, на нее неожиданно изъ-за угла боковой комнаты налетѣли нѣсколько маленькихъ пажиковъ, въ числѣ которыхъ былъ тогда и Александръ Башуцкій, и свалили ее съ ногъ... свалили и обмерли отъ ужаса...

— Подымите меня!—шепотомъ сказала императрица, лежа на спинѣ.

Мальчуганы попробовали поднять старушку, но силенки у нихъ не хватило, и они опять опустили ее на паркетъ... Вся бѣда была въ томъ, что вдовствующая государыня сама не могла помочь ни однимъ движеніемъ этимъ малосильнымъ ребятамъ: подъ старость Марія Ѳеодоровна носила на всемъ тѣлѣ лосинную снуровку, оттого ноги ея гнулись въ колѣняхъ съ большимъ трудомъ, и она никакъ не могла подняться сама и встать на ноги.

— Не то вы дѣлаете!—опять тихо заговорила императрица:—подвиньте меня къ стѣнѣ, уприте ногами въ уголокъ, тогда я не буду скользить ногами, и вамъ легче будетъ меня приподнять.

Смышленные мальчики послушались совѣта государыни, дружно взяли за ея плечи, докатили ее до угла, общими силами поставили старушку на ноги и всѣ вмѣстѣ упали на колѣни и стали просить прощенія.

— Ничего, ничего! я не сержусь на васъ, шалунишки! Только смотрите, не говорите никому ни слова о томъ, что вы меня уронили. Боже, васъ сохрани, если объ этомъ узнаетъ государь...

И государыня, милостиво погладивъ по головкамъ маленькихъ повѣсь, опять тихо прошла въ свои внутренніе покои. И тайна эта между вдовствующей императрицей и маленькими пажиками, можетъ быть, и до сихъ поръ не выглянула бы на свѣтъ Божій, если бы бывшему пажику, а теперешнему камергеру Александру Павловичу Башуцкому, не вздумалось потѣшить папенькиныхъ гостей этимъ интереснымъ рассказомъ... Въ большой модѣ были эти рассказы у насъ за ужинами по воскресеньямъ. И Василій Ивановичъ Григоровичъ, и другъ его литераторъ Гребенка немало морили всѣхъ со смѣху своими малороссійскими анекдотами... Но я не берусь передавать ихъ, потому что совсѣмъ не владѣю малороссійскимъ языкомъ, а безъ этого, разумѣется, вся пикантность рассказа будетъ потеряна. Года два позднѣе въ этой вечерней болтовнѣ у насъ изоцрѣялся самъ Николай Васильевичъ Гоголь. Но въ немъ было

дорого то, что онъ, рассказывая такія вещи, отъ которыхъ слушатели его лопались отъ смѣха, самъ никогда не смѣялся: сидитъ серьезно, какъ на похоронахъ, и даже ни разу не улыбнется... Отъ этого все, что онъ ни скажетъ, казалось вдвое смѣшнѣе, и всѣ гости наши такъ его заслушаются, что и не замѣтятъ, какъ ночь пролетитъ, и разсвѣтать начнетъ... а все никому домой идти не хочется. Попросятъ бывало маменьку приказать самоварчикъ поставить и чайку попьютъ, и еще похочутъ... и только тогда нехотя поднимутся съ мѣсть и веселою толпою пойдутъ по площади къ перевозу, потому что Исаакіевскій мостъ въ эти часы еще не былъ наведенъ.

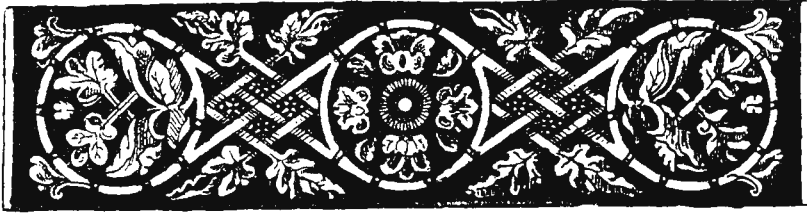
Если бы въ теперешнее время гости такъ шумно расходились по домамъ, то оно бы и не диво. Ужъ навѣрное за ужиномъ было бы выпито безъ хитрости, такъ и не мудрено, что на душѣ у нихъ было бы весело. Но у папеньки за ужиномъ становилось всего двѣ бутылки краснаго вина, такъ что разгуляться его гостямъ было не съ чего. Нѣтъ, гости наши уходили отъ насъ совсѣмъ трезвые: маменькинымъ шишучимъ квасомъ, какъ онъ ни вкусенъ былъ, допьяна не напьешься. И гости наши уносили отъ насъ не винные пары, а только любовь къ хозяину дома и доброе расположеніе ко всему семейству нашему.

Какъ, подумаешь, времена-то переходчивы! Будь это теперь, и отъ нашихъ воскресеній гости потребовали бы поменьше ума и побольше выпивки!..

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДЕАЛЫ ВЪ ИСКУССТВѢ.

II. Рѣпинъ.

ИЗУЧАЯ творчество Антокольскаго, мы пришли къ тому основному выводу, что выборъ сюжетовъ носить у него чисто случайный характеръ, и что онъ даже часто выбираетъ такіе, которые не соответствуютъ роду его дарованія и его художественной натурѣ. Мы старались, кромѣ того, показать, что это явленіе объясняется преимущественно тѣми невыгодными условіями, которыя окружали художника, когда развивался и окрѣпъ его талантъ. Кромѣ того, мы отчасти уже видѣли, что эти условія были почти совершенно тождественны для Антокольскаго и Рѣпина. Оба они — сверстники; оба они въ дѣтствѣ не получили никакого образованія; оба они не имѣли руководителей. Въ этомъ отношеніи, можетъ быть, Рѣпинъ былъ поставленъ въ нѣсколько болѣе благопріятныя условія, потому что онъ тринадцати лѣтъ отъ роду нашелъ себѣ хоть какого нибудь руководителя въ лицѣ провинціального богомаза. Оба они, натуры энергическія и предприимчивыя, вѣрили въ свой талантъ и, не смотря на полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ, пріѣхали въ Петербургъ, чтобы поступить въ академію художествъ, и только благодаря своимъ способностямъ, благодаря своей необычайной выносливости и выдержкѣ, добились цѣли. Въ академіи они подвергались одинаковымъ вліяніямъ; одинаковы были и тѣ вліянія, которымъ они подвергались внѣ академіи среди учащейся мо-

лодежи, черезъ посредство которой они воспринимали общественныя вѣянія 60-хъ годовъ.

Никого, конечно, не можетъ поразить, что при такомъ полномъ сходствѣ вѣшнихъ обстоятельствъ жизни обоихъ художниковъ и творчество ихъ должно представлять общія черты. И дѣйствительно, какъ мы увидимъ, аналогія получается во многихъ отношеніяхъ поразительная. Прежде всего мы должны отмѣтить, что взгляды обоихъ художниковъ на искусство отличаются крайнею неясностью, сбивчивостью, противорѣчивостью. Они, очевидно, не въ состояніи уяснить себѣ даже, каковы основныя задачи искусства, каковъ тотъ путь, который вѣрнѣе всего приводитъ художника къ осуществленію его призванія. Мы видѣли уже, что Антокольскій смотритъ даже на выборъ сюжета, какъ на нѣчто случайное, зависящее отъ «интеллектуальности, такта или чувства гармоніи» художника; мы видѣли, кромѣ того, къ какимъ результатамъ привелъ Антокольскаго такой поверхностный взглядъ на основной источникъ художественнаго творчества. Рѣпинъ обстоятельнѣе высказывается относительно вопроса объ основной задачѣ искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы получаемъ возможность еще полнѣе себѣ уяснить, какъ сбивчивы, неопредѣленны и противорѣчивы понятія объ искусствѣ, сложившіяся у нашихъ выдающихся художниковъ, талантъ которыхъ развился и окрѣпъ во время движенія 60-хъ годовъ.

Когда Рѣпинъ покончилъ со всѣми мытарствами въ академіи художествъ и, увѣнчанный всевозможными наградами, былъ отправленъ за границу, чтобы усовершенствоваться въ своемъ искусствѣ, онъ писалъ оттуда г. Стасову письма, въ которыхъ совершенно откровенно излагалъ свои впечатлѣнія. О Римѣ онъ отзывался слѣдующимъ образомъ: «Отжившій, мертвый городъ, и даже слѣды-то жизни остались мертвые, поповскіе... Только одинъ Микель-Анджело дѣйствуетъ поразительно. Остальное, и съ Рафаэлемъ во главѣ, такое старое, дѣтское, что и смотрѣть не хочется. Какая гадость тутъ въ галереяхъ! Просто не на что глядѣть... Я чувствую, во мнѣ происходитъ реакція противъ симпатій моихъ предковъ: какъ они презирали Россію и любили Италію, такъ мнѣ противна теперь Италія съ ея условной до рвоты красотой». Изъ Парижа Рѣпинъ писалъ: «Живопись теперешнихъ французозъ такъ пуста, такъ глупа, что сказать нельзя. Собственно сама живопись талантлива, но содержанія никакого. Пажъ съ тарелкой, дѣвочка съ цвѣткомъ, просто цвѣты—вотъ картины, великолѣпно написанныя, выставленныя въ лучшихъ магазинахъ... Всюду манера, рутина до скуки. Только реалисты составляютъ исключеніе. Въ будущемъ у нихъ много шансовъ; да и вообще теперь я вѣрю только въ нихъ».

Ровно черезъ двадцать лѣтъ, именно въ прошломъ году, Рѣпинъ опять воспользовался заграничною поѣздкою, чтобы выразить свой

взглядъ на искусство. Онъ вспомнилъ прошлое, то прошлое, когда Брюлловъ признавался «ничтожною личностью», когда «искусство для искусства было пошлой, позорной фразой для художника, когда отъ нея вѣяло какимъ-то развратнымъ педантизмомъ, художники силились поучать, назидать общество, чтобы не чувствовать себя дармоѣдами, развратниками и т. п. ничтожествомъ», когда Базаровъ заявлялъ, что «самъ Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ».

Какъ же относится теперь Рѣпинъ къ тому прошлому, въ которомъ онъ принималъ самъ такое сочувственное участіе, заявивъ вмѣстѣ съ Базаровымъ, что Рафаэль мѣднаго гроша не стоитъ? Теперь, по мнѣнію Рѣпина, Брюлловъ — гигантъ, теперь Рѣпинъ категорически заявляетъ, что онъ «будетъ держаться только искусства, и даже только пластическаго — искусства для искусства, ибо, каюсь, для меня теперь только оно и интересно — само въ себѣ». И художникъ продолжаетъ: «Никакія благія намѣренія автора не останавливаютъ меня передъ плохимъ холстомъ. Въ моихъ глазахъ онъ тѣмъ противнѣй, что взялся не за свое дѣло и шарлатанить въ чуждой ему области, выѣзжаетъ на невѣжествѣ въ этихъ случаяхъ зрителей. И еще разъ каюсь: всякій бесполезный пустякъ, исполненный художественно, тонко, изящно, со страстью къ дѣлу, восхищаетъ меня до безконечности, и я не могу достаточно налюбоваться на него, будь это вода, домъ, колокольня, ширмы»...

Кажется, трудно представить себѣ два болѣе противоположныхъ взгляда, чѣмъ высказанные Рѣпинымъ двадцать лѣтъ тому назадъ и теперь. Тогда онъ свысока относился къ Рафаэлю, теперь восторгается даже Брюлловымъ; тогда его въ искусствѣ интересовало преимущественно содержаніе, теперь — форма; тогда изображеніе «пажа съ тарелкой», «дѣвочки съ цвѣткомъ» казалось ему дѣломъ, недостойнымъ художника, теперь онъ не можетъ налюбоваться «домомъ, колокольнею, ширмою», всякимъ «бесполезнымъ пустякомъ», если только онъ художественно исполненъ; тогда онъ предсказывалъ будущность одному лишь реальному направленію въ искусствѣ, теперь же признаетъ своимъ лозунгомъ: искусство для искусства.

Конечно, теоретическій взглядъ художника на искусство самъ по себѣ еще немного значить. Бываетъ верѣдко, что художникъ, когда онъ беретъ перо въ руки, высказываетъ весьма сбивчивые взгляды на искусство, которыми онъ самъ въ сущности мало руководствуется въ своей художественной дѣятельности. Но такая полная противорѣчивость взглядовъ, какую мы только что отмѣтили у Рѣпина, встрѣчается рѣдко и во всякомъ случаѣ предполагаетъ, если только эти взгляды высказаны искренно, коренной поворотъ и въ художественной дѣятельности. Въ особенности же съ интересующей насъ здѣсь точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія выбора сюжетовъ нельзя не обратить вниманія на художественное

міросозерпаніє Рѣпина. Придавать главное значеніе содержанію значитъ относиться очень вдумчиво къ выбору сюжетовъ; ставить на первый планъ форму значитъ относиться равнодушно къ сюжету: что ни попадется на глаза, все можетъ быть предметомъ картины, потому что вся сила заключается въ художественномъ воспроизведеніи того, что видитъ глазъ. Если Рѣпинъ дѣйствительно въ началѣ своей дѣятельности придавалъ огромное значеніе содержанію, то это не могло не отразиться на его картинахъ, и затѣмъ въ его душѣ долженъ былъ произойти переломъ, чтобы онъ въ концѣ концовъ могъ отречься отъ этого взгляда на искусство и сдѣлаться поклонникомъ формы совершенно независимо отъ содержанія. Слѣдовательно въ началѣ дѣятельности Рѣпина картины его должны были отличаться большою содержательностью, а потомъ содержаніе должно было постепенно уступать мѣсто формѣ до полного торжества художественной отдѣлки надъ содержаніемъ.

Спрашивается, можно ли дѣйствительно прослѣдить на картинахъ Рѣпина этотъ ходъ развитія его творчества, т. е. постепенную замѣну тенденціозности, какъ принято выражаться, чистымъ искусствомъ. Сюжеты Рѣпина представляютъ большое разнообразіе. Чего только онъ не рисовалъ на своемъ вѣку, начиная отъ букета цвѣтовъ и кончая такими картинами, какъ «Запорожцы». Портреты, жанръ, религіозная, историческая, пейзажная живопись, картины тенденціозныя и лишенныя всякой тенденціи, серьезные сюжеты и пустячки—все это чередуется у Рѣпина въ довольно пестромъ безпорядкѣ. Но, тѣмъ не менѣе, не смотря на этотъ видимый хаосъ, въ которомъ разобраться трудно, мы можемъ до известной степени найти руководящую нить въ творчествѣ Рѣпина, если остановимся на его картинахъ въ хронологическомъ порядкѣ и будемъ при этомъ имѣть въ виду капитальныя его произведенія, около каждаго изъ которыхъ группируется не мало подготовительныхъ этюдовъ. Къ сожалѣнію, никакого каталога всѣхъ произведеній Рѣпина не существуетъ, какъ объ этомъ насъ увѣдомилъ самъ художникъ, когда мы къ нему обратились съ соответственнымъ запросомъ. Поэтому намъ пришлось собрать съ затратою большаго труда всѣ имѣющіяся по этому поводу свѣдѣнія, разбросанныя въ разныхъ книгахъ, журналахъ и каталогахъ. Собранныя нами свѣдѣнія на столько полны, что они позволяютъ составить себѣ очень ясное сужденіе о занимающемъ насъ вопросѣ.

За 30-лѣтнюю свою дѣятельность (1863—1893 гг.) Рѣпинъ написалъ 74 портрета, въ среднемъ, слѣдовательно, приходится $2\frac{1}{2}$ портрета въ годъ. Между этими портретами есть не мало сдѣланныхъ по заказу, т. е. за известное вознагражденіе. Мы исключаемъ эти портреты, какъ не имѣющіе значенія съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Должны мы исключить и другую категорію портретовъ, писанныхъ Рѣпинымъ, такъ сказать, изъ дружескаго

расположенія къ тому или другому лицу. Къ первой категоріи относятся такіе портреты, какъ портреты Спасовича (для совѣта Спб. присяжныхъ повѣренныхъ), в. к. Константина Константиновича (для л.-гв. Измайловскаго полка), Вѣляева, Мамонтова и т. д.; ко второй—портреты г. Стасова и его родственниковъ, Антокольскаго и пр. Но затѣмъ есть еще очень многочисленная группа портретовъ, которые не были заказаны художнику и которые писаны, такъ сказать, по собственному внутреннему побужденію. Чѣмъ же руководствуется тутъ художникъ, избирая то или другое лицо для изображенія его на полотнѣ? Понятно, что истиннаго художника могутъ вдохновить только выразительныя черты данной фізіономіи, типичность ея, потому что всякіе другіе мотивы уже не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ искусству. Всякія субъективныя чувства, въ родѣ личной благодарности, уваженія къ заслугамъ и т. д., составляютъ для художника нѣчто второстепенное: какъ художникъ, онъ можетъ увлечься даннымъ лицомъ лишь на столько, на сколько во внѣшнемъ обликѣ этого лица нашло себѣ выраженіе то, что заставило его взяться за кисть. Заурядная фізіономія, даже если она принадлежитъ гению, объектомъ истиннаго художественнаго творчества быть не можетъ. Кого же намъ изображаетъ Рѣпинъ? Допустимъ, умираетъ Писемскій,—у Рѣпина вмигъ готовъ портретъ Писемскаго; Толстой обращаетъ вниманіе на Сютяева,—у Рѣпина готовъ портретъ Сютяева; г-жа Стрепетова производитъ фуроръ въ роли Лизаветы («Горькая судьбина»),—и Рѣпинъ немедленно изображаетъ намъ Стрепетову въ роли Лизаветы; умираетъ Тургеневъ,—и портретъ Тургенева готовъ; умираетъ Гаршинъ,—и Гаршинъ изображенъ Рѣпинымъ; празднуется юбилей Самойлова,—и Рѣпинъ рисуетъ намъ Самойлова; ставится памятникъ Глинкѣ,—и Рѣпинъ изображаетъ намъ «Глинку въ эпоху созданія Руслана»; обращаетъ на себя вниманіе молодой поэтъ Фофановъ или музыканты Бородинъ и Глазуновъ,—немедленно появляются портреты Фофанова, Бородина, Глазунова; говорятъ много о баронессѣ Икскуль,—и баронесса Икскуль изображена Рѣпинымъ; даетъ концерты Ментеръ,—и портретъ Ментеръ готовъ; въ газетахъ пишутъ о графинѣ де-Мерси Аржанто,—и Рѣпинъ пишетъ ея портретъ; философскія произведенія Толстого обращаютъ на него общее вниманіе,—и Рѣпинъ изображаетъ намъ Толстого и въ кабинетѣ, и на отдыхѣ въ лѣсу, и за сохой. Такъ возникли портреты и Шевченко, и Костомарова, и Павлова въ операціонномъ залѣ, и Прахова, и Чистякова, и Драгомирова, и Страхова, и массы другихъ лицъ, которыхъ перечислять было бы слишкомъ долго, да и излишне, потому что основная наша мысль въ достаточной степени уже выяснена и подтверждена.

Въ общемъ мы приходимъ къ тому выводу, что знаменитость дня обязательно находитъ себѣ портретиста въ лицѣ Рѣпина. Даже если не согласиться съ нашею основною мыслью, что истинное

художественное творчество можетъ въ сферѣ портретной живописи обуславливаться единственно характерными чертами данной физиономіи, т. е. если допустить, что художникъ можетъ воодушевиться при писаніи портрета и другими чувствами, напимѣръ, личною благодарностью, заслугами, признаніемъ генія или таланта, все-таки ясно, что такое творчество, какое проявляетъ Рѣпинъ по отношенію къ портретной живописи не можетъ считаться художественнымъ: слишкомъ значительно разнообразіе лицъ, которыхъ онъ воспроизводилъ; кромѣ того, и надо было бы предположить, что Рѣпинъ одинаково можетъ вдохновиться и религіознымъ сектантствомъ, и военнымъ искусствомъ, и музыкою, и философіею, и благотворительностью, и всѣми другими проявленіями человѣческой дѣятельности, потому что онъ изъ всѣхъ ея сферъ беретъ оригиналы для своихъ портретовъ. Если же принять во вниманіе, что онъ всегда рисуетъ данный портретъ въ тотъ именно моментъ, когда его оригиналъ почему либо становится знаменитостью дня, то мы вынуждены будемъ признать, что о художественномъ творчествѣ тутъ не можетъ быть рѣчи, что есть только художественная техника, примѣняемая къ тому или другому случаю. Вся коллекція портретовъ, писанныхъ Рѣпинымъ, такимъ образомъ должна быть, за весьма лишь немногими исключеніями, отнесена къ категоріи произведеній, возникшихъ по внѣшнимъ случайнымъ мотивамъ.

Допустимъ, однако, что портретная живопись — искусство обога рода, подчиняющееся и особымъ правиламъ; допустимъ, что она по существу обуславливается элементами случайными. Это предположеніе не имѣетъ, какъ мы видѣли, серьезныхъ основаній. Но мы дѣйствительно видимъ, что даже значительные художники не брезгаютъ писать портреты за плату или руководствуясь чисто внѣшними побужденіями. Такимъ образомъ намъ придется только констатировать фактъ, что живопись занимаетъ въ этомъ отношеніи сравнительно очень низкую ступень, потому что художники, творящіе не кистью, а перомъ, никогда не согласятся иначе, какъ подъ давленіемъ горькой нужды, творить на указываемыя имъ со стороны темы. Это дѣлаютъ лишь литературные ремесленники. Предположимъ однако, что относительно живописи положеніе дѣлъ иное, и перейдемъ теперь къ другимъ произведеніямъ Рѣпина, исключивъ на первый разъ капитальныя его картины и останавливаясь лишь на разныхъ этюдахъ, эскизахъ, словомъ на болѣе мелкихъ произведеніяхъ.

Если эту категорію произведеній Рѣпина подвергнуть анализу по существу ихъ содержанія, то мы на первый взглядъ не найдемъ никакой руководящей нити для уясненія себѣ вопроса о творчествѣ Рѣпина. Какъ мы уже отмѣтили, онъ рисуетъ все, такъ что естественнѣе спросить, какихъ сюжетовъ Рѣпинъ собственно

не касается. Это могло бы служить свидѣтельствомъ крайней разносторонности его таланта, если бы мы и тутъ не наталкивались на тотъ бросающійся въ глаза фактъ, что художникъ не переходитъ отъ однихъ сюжетовъ къ другимъ по мѣрѣ того, какъ его талантъ крѣпнеть и развивается, а, такъ сказать, пишетъ сразу все, на что его наталкиваютъ обстоятельства. Въ подтвержденіе нашей мысли перейдемъ прямо къ фактамъ. Мы не будемъ касаться тѣхъ произведеній Рѣпина, которыя онъ написалъ для соисканія академическихъ премій. Но уже во время его ученическихъ лѣтъ, т. е. до полученія въ 1871 г. большой золотой медали, мы видимъ, что онъ пишетъ картины на религиозные сюжеты и на историческіе, не избѣгаетъ пейзажной живописи и бытовыхъ сюжетовъ, пишетъ картину: «Диогенъ разбиваетъ чашу», рисуетъ адмиралтейство или, совершая экскурсіи, изображаетъ намъ дачное поселеніе около Выборга: Пикруки или обрывъ на Ижорѣ, штормъ на Волгѣ и бытовые эскизы, вызванные его поѣздкою на Волгу. О послѣднихъ въ каталогахъ говорится, что это эскизы къ «Бурлакамъ», но и «Бурлаками», какъ мы ниже увидимъ, русская живопись обязана не собственной инициативѣ Рѣпина. Получивъ большую золотую медаль и написавъ своихъ «Бурлаковъ», доставившихъ ему такую громкую извѣстность, онъ, повидимому, могъ посвятить себя свободному творчеству, подчиняясь только внутреннему своему влеченію. Но вмѣсто того онъ тотчасъ же принимается за большую работу по заказу, именно пишетъ картину для «Славянскаго базара», состоящую изъ однихъ портретовъ русскихъ, чешскихъ и польскихъ музыкантовъ. Затѣмъ онъ ѣдетъ за границу, въ Италію и Францію. Каковы были тогда его взгляды на искусство, мы уже знаемъ: формѣ онъ не придавалъ большаго значенія, содержаніе представлялось ему особенно существеннымъ, и онъ даже осуждалъ французскихъ живописцевъ за то, что они рисуютъ разные пустяки. Но что же дѣлаетъ самъ Рѣпинъ? Онъ изображаетъ намъ кратеръ Везувія, Везувій днемъ и ночью, нормандскій берегъ, стѣнку стараго замка, стогъ изъ сноповъ, макъ въ полѣ, снопы въ полѣ, челоуѣка со снопомъ, тропинку, межу, мельницу и т. д.—словомъ изображаетъ все, что ни попадется ему на глаза и что почему либо ему кажется интереснымъ. Но о содержаніи тутъ не можетъ быть, конечно, и рѣчи. Это, такъ сказать, простыя пробы кисти безъ опредѣленнаго плана, безъ руководящей идеи.

По возвращеніи на родину Рѣпинъ какъ будто снова начинаетъ творить въ духѣ тѣхъ понятій объ искусствѣ, которыя онъ воспринялъ въ разгаръ 60-хъ годовъ и которыя нашли себѣ выраженіе въ «Бурлакахъ». Интересуютъ его главнымъ образомъ бытовые сюжеты. Такимъ образомъ возникаютъ и знаменитый «Протодіаконъ», и «Типъ изъ обжорнаго ряда», и «Мужичекъ изъ робкихъ», и не менѣе извѣстные «Проводы новобранца». На ряду съ

этимъ подчиненіе вліянію 60-хъ годовъ сказывается и въ тѣхъ довольно многочисленныхъ этюдахъ, которые не появлялись на выставкахъ, а ходили по рукамъ. Однако и тутъ мы должны отмѣтить слѣдующій характерный фактъ, именно постоянное приурочиванье картинъ, этюдовъ и эскизовъ къ разнымъ событіямъ или общественнымъ явленіямъ. Приѣзжаетъ Пироговъ въ Москву, — Рѣпинъ пишетъ эскизъ: «Встрѣча Пирогова въ Москвѣ въ 1881 г.»; вспыхиваетъ война на Балканскомъ полуостровѣ, — и Рѣпинъ пишетъ этюды: «Герой минувшей войны»; происходитъ солнечное затменіе, — и получается эскизъ: «Менделѣевъ на аэростатѣ»; наступаетъ коронація, — и Рѣпинъ пишетъ эскизъ: «Рѣчь старшинамъ Государя Императора». Мало того, по картинамъ Рѣпина вы можете составить себѣ понятіе о томъ, гдѣ онъ путешествовалъ или провелъ лѣто. Съѣздилъ онъ въ Малороссію — и пишетъ: «Вечерныці», «Хатку лѣсничаго», «Бакшу», «Камеру волостного суда въ Чугуевѣ», «Малороссіянина» и «Малороссіянку»; съѣздилъ онъ въ Испанію, — и появляется этюды: «Въ Севильѣ въ 1883 г.»; совершилъ экскурсію въ Финляндію, — и получается этюды: «На Финскомъ заливѣ при лунѣ»; посѣтилъ Парижъ, — и на выставкахъ появляются эскизы: «На парижскомъ кладбищѣ», «Дорога на Монмартръ», «Монмартръ», «Видъ съ Монмартра», «Сена», «Парижскій кафе» и т. д.; побывалъ въ Крыму, — и получились картины: «Прогулка съ проводникомъ на южномъ берегу Крыма» или «Бахчисарай, во дворцѣ и въ окрестностяхъ»; побывалъ на Кавказѣ, — и мы имѣемъ «Военно-грузинскую дорогу» и «Улицу въ Тифлисѣ»; на Волгѣ, — и мы любуемся «Жигулевскими горами» и «Самарской лукой»; въ Абрамцевѣ, — и мы получаемъ изображеніе «Терассы съ двумя фигурами», просто «Терассы» и «На балконѣ»; кстати Рѣпинъ осматриваетъ и другія окрестности Мысквы, — и получается «Нескучное» или «Сарай» и «Внутренность избы на Воробьевыхъ горахъ». Вышелъ Рѣпинъ въ Петербургѣ на улицу при сильномъ морозѣ, — и мы любуемся эскизомъ: «15 градусовъ въ Петербургѣ», увидѣлъ Тарновскую, играющую на роялѣ, — и получился этюды «С. В. Тарновская за роялемъ»; посѣтилъ анатомическій театръ, — и получился эскизъ «Студентки медицины въ препаровочной»; попалъ случайно въ Венецію, — и мы любуемся «Головою члена Совета Десяти»; встрѣтилъ онъ старика въ шубѣ и шапкѣ и рисуетъ намъ этого старика; для разнообразія рисуетъ во множествѣ букеты, простые и «Осенніе», или же «Яблоки», или даже «Капусту».

Мы перечислили далеко не всѣ этюды и эскизы Рѣпина, но и этого неполнаго перечня достаточно, чтобы убѣдиться въ многообразіи его сюжетовъ и въ ихъ случайности. Притомъ мы съ умысломъ исключили тѣ этюды и эскизы, которые служили подготовительными работами къ той или другой изъ болѣе значительныхъ картинъ Рѣпина. Перечисленные нами этюды и эскизы всѣ слѣ-

ланы какъ бы мимоходомъ или же по тому или другому случаю. При самомъ добросовѣстномъ ихъ изученіи вы рѣшительно не въ состояніи уловить, чѣмъ собственно занята мысль Рѣпина, какія идеи, какія чувства его волнуютъ, почему онъ избираетъ одинъ сюжетъ, пренебрегаетъ другимъ. Трудно, напримѣръ, сказать, почему онъ рисуетъ яблоки и капусту, а не груши и рѣдьку, почему онъ отдаетъ предпочтеніе букету предъ цвѣтами, растущими на свободѣ, въ саду или въ полѣ, почему онъ избираетъ для своихъ экскурсій тѣ или другія мѣстности, почему онъ съ лихорадочною поспѣшностью переходитъ отъ религіозныхъ сюжетовъ къ историческимъ, бытовымъ, тенденціознымъ или изображаетъ намъ предметы совершенно безразличныя. Но допустимъ, что и тутъ, т. е. по отношенію къ этимъ столь многочисленнымъ этюдамъ и эскизамъ, примѣнима та точка зрѣнія, что художникъ просто останавливается на томъ, что его занимаетъ, потому что всѣ объ этомъ говорятъ, потому что это составляетъ, такъ сказать, злобу дня. Допустимъ, кромѣ того, что Рѣпинъ многое рисуетъ исключительно для пробы кисти, чтобы набить руку, приблизительно такъ, какъ музыкантъ играетъ гаммы или экзерсисы. Но всякій согласится, что относительно капитальныхъ произведеній всѣ перечисленныя побужденія у истиннаго художника не должны уже играть роли, что тутъ, наконецъ, мы уяснимъ себѣ истинные мотивы его творчества, поймемъ, почему онъ останавливается именно на тѣхъ или другихъ сюжетахъ.

Капитальныхъ произведеній Рѣпина сравнительно немного, и размѣры нашего этюда позволяютъ намъ подвергнуть ихъ обстоятельному анализу, чтобы окончательно рѣшить занимающій насъ основной вопросъ. Собственно намъ приходится исключить изъ числа произведеній этого рода «Воскрешеніе дочери Іаира», потому что картина эта была написана по конкурсу на заданную тему. Г. Стасовъ передаетъ, что Рѣпинъ долго «не хотѣлъ браться за нее, предпочитая лучше пропустить конкурсъ, чѣмъ дѣлать что-то, не идущее къ его вкусамъ и понятіямъ». Изъ этихъ словъ видно, что заданная академіей тема не пришлась по натурѣ художника. Но случайное обстоятельство рѣшило вопросъ. Онъ именно вспомнилъ сцену изъ времени своего дѣтства, тотъ моментъ, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежала только-что скончавшаяся его двоюродная сестра, молоденькая дѣвочка. Сцена эта представилась ему съ такою живостью, что онъ немедленно рѣшился принять участіе въ конкурсѣ, фантазія его разгорѣлась, и «въ немного дней картина была написана». Если вѣрить этому разсказу г. Стасова, то и тутъ слѣдовательно дѣло рѣшило случайность: не будь въ заданной темѣ мертвой дѣвушки, не вспомни Рѣпинъ сцены, видѣнной имъ въ дѣтствѣ, онъ не написалъ бы своего «Воскрешенія дочери Іаира». Но этотъ разсказъ бросаетъ слишкомъ невыгодный свѣтъ на добросовѣстность художника и слишкомъ противорѣчитъ натурѣ Рѣ-

пина, чтобы ему можно было повѣрить. Дѣйствительно, приняться за картину изъ очень отдаленнаго времени, требующую всесторонняго изученія той эпохи, хотя бы для вѣрнаго изображенія внѣшнихъ аксессуаровъ, только вслѣдствіе того, что художникъ вспомнилъ видѣнную имъ въ дѣтствѣ мертвую дѣвочку, и нарисовать картину въ нѣсколько дней, это значило бы относиться крайне легкомысленно и недобросовѣстно къ принятой на себя работѣ. Притомъ же, какъ мы увидимъ, Рѣпинъ никогда не щадилъ труда, когда ему приходилось приступать къ какой нибудь значительной работѣ. Для примѣра укажемъ, что «Рѣчь Государя къ старшинамъ» вызвала 12 предварительныхъ этюдовъ, «Проводы новобранца»—21 этюдъ, «Явленная икона»—29 этюдовъ, «Запорожцы»—31 этюдъ. Отсюда видно, съ какою добросовѣстностью Рѣпинъ относился къ своимъ работамъ, какъ онъ тщательно изучалъ свой предметъ, какъ онъ не щадилъ усилій, чтобы создать по возможности совершенное произведеніе. Въ виду этихъ фактовъ очень трудно повѣрить, чтобы онъ въ молодые годы, приступая къ такому серьезному шагу въ жизни художника, какъ участіе въ конкурсѣ для полученія золотой медали, съ которою связано матеріальное обезпеченіе на многіе годы, довѣрился мимолетному вдохновенію и не приложилъ бы усидчиваго труда для того, чтобы съ честью выдержать предстоящее ему испытаніе. И въ самомъ дѣлѣ, на выставкѣ Рѣпинскихъ картинъ и эскизовъ въ 1891 г. фигурировали между прочимъ этюды: «Свѣчи, ложе и манекенъ къ дочери Гаира 1871 г.». Конечно, уже для составленія этихъ этюдовъ потребовалось не нѣсколько дней. Значитъ, самая картина потребовала нѣсколько мѣсяцевъ упорнаго труда, причемъ не слѣдуетъ еще упускать изъ виду, что Рѣпинъ предварительными своими работами уже былъ подготовленъ къ изображенію библейскихъ сюжетовъ (напомнимъ картину: «Иовъ и его друзья», написанную Рѣпинымъ въ 1869 г., т. е. за два года до «Воскрешенія дочери Гаировой»). Все это не оставляетъ въ читателѣ никакого сомнѣнія относительно добросовѣстности нашего художника, который ко всякому труду прилагаетъ все находящіяся въ его распоряженіи средства и силы. Выясненіе этого обстоятельства имѣетъ для нашей цѣли особенное значеніе, такъ какъ оно доказываетъ, что не въ легкомысліи слѣдуетъ искать причины колебанія теоретическихъ взглядовъ на искусство и крайнюю измѣнчивость сюжетовъ, которыми характеризуется дѣятельность нашего художника.

Какъ бы то ни было, «Воскрешеніе дочери Гаира» написано на заданную тему, и, слѣдовательно, картина эта не можетъ идти въ счетъ съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Слѣдующее большее произведеніе Рѣпина, доставившее ему громкую славу въ Россіи и извѣстность за границу, были «Бурлаки». Насъ, конечно, тутъ не можетъ поразить внезапный переходъ отъ религіознаго сюжета

къ бытовому. Если Рѣпинъ въ Чугуевѣ писалъ образа, а въ академіи картины религіознаго содержанія, то это можетъ объясняться, да и въ значительной степени, дѣйствительно объясняется чисто внѣшними обстоятельствами и необходимостью: надо было учиться, надо было проложить себѣ дорогу въ жизни, а другихъ учителей, другихъ средствъ для этого не было. Быть можетъ, однако, съ нашей точки зрѣнія интереснѣе тотъ фактъ, что какъ только Рѣпинъ, такъ сказать, оперяется, какъ только онъ получаетъ возможность творить самостоятельно, онъ не обращается къ бытовой живописи, а пишетъ пейзажи. Пейзажною живописью онъ занятъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1867 по 1870 г. И на Волгу онъ ѣдетъ, повидимому, еще безъ опредѣленнаго плана. Поѣздка эта ему нужна была, какъ передаетъ г. Стасовъ, «для здоровья», и первымъ плодомъ ея были эскизы, которые не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ «Бурлакамъ», какъ, напримѣръ, «Штормъ на Волгѣ». Весьма вѣроятно, что и другіе эскизы, всего числомъ 19, были сдѣланы вовсе не съ опредѣленною цѣлью и представляли собою не болѣе, какъ одно изъ проявленій потребности художника воспроизводить на бумагѣ или холстѣ то, что привлекало его вниманіе въ самой жизни. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ печать, что Рѣпинъ принялся за картину «Бурлаки» только по непосредственному заказу в. к. Владимира Александровича, имѣвшаго случай полюбоваться упомянутыми этюдами и эскизами. Такимъ образомъ, собственно неизвѣстно, принадлежитъ ли мысль знаменитыхъ «Бурлаковъ» самому Рѣпину, но во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что онъ, во время своей поѣздки по Волгѣ обращалъ особенное вниманіе на бурлаковъ и въ этомъ отношеніи, конечно, подчинился вліянію поэзіи Некрасова.

Успѣхъ «Бурлаковъ», какъ извѣстно, былъ очень значителенъ. Эта картина была имъ окончена въ 1872 г. Въ томъ же году, какъ я уже отмѣтилъ, онъ пишетъ по заказу новую картину для «Славянскаго Базара», затѣмъ ѣдетъ за границу и въ теченіе четырехъ лѣтъ пишетъ исключительно разные случайные этюды. Только черезъ четыре года, т. е. въ 1876 г., появляется новое капитальное его произведеніе, задуманное за границею, картина: «Садко въ фантастическихъ палатахъ морского царя». Картина эта вызвана чисто субъективнымъ настроеніемъ художника, чувствовавшего себя «въ Европѣ такимъ же Садкомъ». Съ нашей же точки зрѣнія интересенъ еще тотъ фактъ, что художникъ избираетъ именно фигуру Садка для выраженія своихъ субъективныхъ чувствъ, т. е. изъ сферы бытовой вдругъ переносится въ сферу нашей народной эпической поэзіи. Мы не знаемъ, чѣмъ собственно вызванъ былъ такой внезапный переходъ въ сферу, повидимому, чуждую художнику; но, судя по дальнѣйшей его дѣятельности, тутъ опять сыграла роль случайность, потому что онъ къ темамъ изъ нашей народной эпической

поэзии больше не возвращался. Напротивъ, во второй половинѣ 70-хъ годовъ и въ началѣ 80-хъ онъ опять рисуетъ бытовые вещи, и притомъ самаго разнообразнаго содержанія, переносясь изъ Москвы въ Малороссію или какую нибудь захолустную деревню, такъ что въ общемъ въ этотъ періодъ преобладаютъ бытовые сюжеты, тѣмъ болѣе, что изъ капитальныхъ произведеній мы должны отмѣтить главнымъ образомъ «Проводы новобранца», проникнутые тою же тенденціею, какая сказалась въ знаменитыхъ «Бурлакахъ». Бытовые сюжеты вообще преобладаютъ до появленія пресловутаго «Іоанна Грознаго», причемъ они имѣютъ либо тенденціозный характеръ въ духѣ 60-хъ годовъ, либо же лишены всякой тенденціи. Только въ 1879 г. онъ выставяетъ картину историческаго содержанія,—первую картину этого содержанія послѣ цѣлыхъ 12 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ историческою живописью совсѣмъ не занимался (званія профессора исторической живописи онъ удостоился лишь въ 1892 г., послѣ появленія на выставкѣ эскиза: «Рѣчь Государя старшинамъ»). Но и въ 1879 г. онъ занимается историческою живописью какъ бы случайно, потому что возвращается къ ней лишь четыре года спустя, когда на выставкѣ 1883 г. появляется его этюдъ: «Ратникъ XVII вѣка», какъ бы предвѣщающій его знаменитую картину: «Іоаннъ Грозный и сынъ его Иванъ».

Какого же рода историческая живопись занимаетъ спорадически Рѣпина въ этотъ періодъ? Картина, выставленная имъ въ 1879 г., обозначена въ каталогахъ слѣдующимъ образомъ: «Правительница царевна Софья Алексѣевна черезъ годъ послѣ заключенія ея въ Новодѣвичій монастырь, во время казни стрѣльцовъ и пытки всей ея прислуги въ 1698 г.». Знаменитый «Іоаннъ Грозный» обозначенъ просто: «Іоаннъ Грозный и сынъ его Иванъ, 16-го ноября 1581 г.». Тутъ въ названіи картины нѣтъ ничего страшнаго, но зато она сама по истинѣ производитъ ужасное впечатлѣніе. «Крови, побольше крови», — вспоминается Отелло. Кровь струится ручьемъ, ею обгренены и руки Грознаго, и его лицо, и лицо его жертвы, несчастнаго царевича, и одежда, и полъ. Выраженіе лица Грознаго вызываетъ въ зрителѣ просто ужасъ, такъ что намѣреніе художника совершенно очевидно. Возвращаясь къ исторической живописи, онъ останавливается на такихъ моментахъ въ нашей исторіи, которые могутъ возбудить къ ней лишь чувство отвращенія. И это тѣмъ болѣе поражаетъ со стороны Рѣпина, что во время всей его предшествовавшей дѣятельности, да и послѣдующей, у него не замѣчается никакой склонности къ кровавымъ или даже просто страшнымъ сюжетамъ. Напротивъ, подобнаго рода сюжеты совершенно не мѣшались съ представленіемъ о всей его художественной дѣятельности, въ которой спокойная рефлексія, хладнокровная, тонкая и глубокая наблюдательность сильно преобладаютъ надъ страстными порывами. Откуда же этотъ внезапный переходъ къ совершенно новымъ сю-

жетамъ, не имѣющимъ, повидимому, никакого отношенія ни къ прежней дѣятельности Рѣпина, ни къ художественному его темпераменту? Вопросъ этотъ остается открытымъ. Въ самомъ развитіи творчества художника мы отвѣта на него не находимъ. Мы не можемъ понять, почему онъ послѣ двѣнадцати-лѣтняго перерыва возвращается къ исторической живописи, вступаетъ вдругъ на новый путь, избирая кровавые сюжеты и отрекаясь отъ бытовой живописи, которая доставила ему столько лавровъ. Одно только очевидно, что не въ самой душѣ художника, не въ его внутреннихъ затаенныхъ думахъ, не въ творествѣ, развивающемся самостоятельно, безъ оглядки на внѣшнія обстоятельства и на временныя общественныя вѣянія можно искать разгадки этого вопроса. Случайный характеръ имѣла вся его предшествовавшая дѣятельность, случайностью, повидимому, объяснялись всѣ его внезапные переходы отъ одного жанра къ другому, случайнымъ можетъ представляться и выборъ кровавыхъ историческихъ сюжетовъ. Дѣйствительно, трудно подыскать примѣръ другого значительнаго художника, — а Рѣпинъ, несомнѣнно, очень выдающійся художникъ, — который такъ кидался бы изъ стороны въ сторону, какъ Рѣпинъ, и творчество котораго носило бы такой неопредѣленный характеръ. Если данный художникъ склоненъ, на примѣръ, къ кровавымъ сюжетамъ, то это болѣе или менѣе отразится на всей его дѣятельности. Если онъ представляетъ собою меланхолическую, элегическую натуру, то всѣ его произведенія будутъ болѣе или менѣе запечатлѣны этимъ характеромъ. Если въ немъ преобладаетъ ироническая жилка, то и она проявится болѣе или менѣе во всѣхъ его произведеніяхъ. Поэтому естественно искать причины быстрой смѣны разнообразныхъ и часто совершенно противоположныхъ сюжетовъ у Рѣпина въ какихъ нибудь внѣшнихъ побужденіяхъ, не зависящихъ отъ внутренняго творческаго процесса.

Года три тому назадъ на выставкѣ картинъ Рѣпина фигурировали, между прочимъ, его этюды къ «Царевнѣ Софьѣ» и къ «Юанну Грозному». Въ числѣ этихъ этюдовъ былъ одинъ, обозначенный: «Профиль Д. М. Гаршина для сына Ивана Грознаго». Фактъ этотъ чрезвычайно характеренъ и любопытенъ съ точки зрѣнія занимающаго насъ вопроса. Итакъ, вотъ какую мысль имѣлъ художникъ: для жертвы Ивана Грознаго онъ избираетъ обликъ всѣмъ извѣстнаго современнаго писателя! Надо ли пояснять, что этотъ замыселъ съ точки зрѣнія серьезнаго художественнаго творчества — просто чудовищенъ. Возможна ли историческая иллюзія, когда мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, какъ Иванъ Грозный убиваетъ человѣка съ внѣшнимъ обликомъ всѣмъ извѣстнаго писателя? Тутъ не только иллюзія невозможна, но получается даже какой-то антихудожественный, непристойный маскарадъ. Для чего же, спрашивается, въ данномъ случаѣ понадобился Рѣпину Гаршинъ? Допустимъ, что черты лица покойнаго писателя очень подходили къ

его художественному замыслу; но развѣ уже то обстоятельство, что эти черты всѣмъ знакомы, не составляетъ непреодолимаго препятствія для воспроизведенія ихъ на исторической картинѣ, посвященной концу XVI вѣка? Какъ бы мы ни желали выгородить художника изъ уваженія къ большому его таланту, мы, тѣмъ не менѣе, должны допустить, что въ данномъ случаѣ онъ пожертвовалъ правдою и серьезнымъ художественнымъ замысломъ для того, чтобы вызвать дешевый эффектъ болѣе чѣмъ сомнительнаго достоинства. Во всякомъ случаѣ очевидно, что не историческая правда, на сколько она доступна художнику, занимаетъ его, составляетъ, такъ сказать, основу его творчества, а чисто внѣшнія побужденія, т. е. желаніе написать картину, которая вызвала бы сенсацію. Громадное большинство лицъ, оцѣнивавшихъ «Іоанна Грознаго», пришли къ заключенію, что картина эта слишкомъ реалистична, что впечатлѣніе, ею вызываемое, не принадлежитъ къ числу эстетическихъ, что она вызываетъ только ужасъ и отвращеніе, что въ ней слишкомъ много совершенно ненужной крови. Значитъ, и въ этомъ отношеніи выяснено желаніе художника вызвать эффектъ приемомъ, не имѣющимъ отношенія къ искусству. Мы должны затѣмъ спросить, почему художникъ рассчитывалъ произвести наибольшее впечатлѣніе, изображая самыя ужасныя сцены изъ нашей исторіи, и пожертвовалъ для нихъ бытовою живописью и пейзажами, которымъ онъ, повидимому, окончательно себя посвятилъ. Въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость художнику: онъ сумѣлъ угодить публикѣ и вызвать въ ней интересъ. Бытовые сюжеты начинали наскучать, и онъ возвратился къ сюжетамъ, правда, не новымъ, но родственнымъ той толпѣ, которая усвоила себѣ преимущественно отрицательныя стороны движенія 60-хъ годовъ. Дальнѣйшія произведенія Рѣпина окончательно подтверждаютъ нашъ взглядъ на истинный характеръ его творчества. Отъ исторической живописи онъ черезъ четыре года обращается снова къ религіозной, совершенно имъ заброшенной со времени полученія золотой медали. Но новая его картина: «Святитель Николай избавляетъ отъ смерти трехъ невинно осужденныхъ», нисколько не означаетъ прочнаго возвращенія къ религіозной живописи. Уже черезъ два года появляется новая историческая его картина «Запорожцы», по тенденціи, однако, нисколько не напоминающая ни «Царевны Софьи», ни «Іоанна Грознаго». Вообще съ «Іоанномъ Грознымъ» прекращается у Рѣпина всякая тенденціозность, и онъ все болѣе и болѣе посвящаетъ свою кисть сюжетамъ безразличнымъ въ общественномъ или политическомъ отношеніи. Духъ времени налагаетъ совершенно явственный отпечатокъ на его творчество: религіозность съ нѣсколькими свѣтскимъ оттѣнкомъ, самобытность съ историческими воспоминаніями,—вотъ почва, на которой возникаютъ новые художественные замыслы Рѣпина. Понятно, что при такихъ условіяхъ эти замыслы не могутъ

отличаться, какъ и прежніе, ни самостоятельностью, ни глубиною. Возьмемъ для примѣра «Запорожцевъ», это послѣднее капитальное произведеніе Рѣпина.

Мысль написать картину изъ исторіи Малороссіи, понятно, легко могла зародиться у Рѣпина. Онъ самъ родомъ изъ Малороссіи и неоднократно уже раньше останавливался на сюжетахъ изъ малороссійскаго быта, комментировалъ Гоголя. Гоголь родился въ Полтавской губерніи и написалъ Тараса Бульбу; Рѣпинъ родился въ Харьковской губерніи, почему не написать ему «Запорожцевъ»? Въ результатѣ, однако, получилось далеко не одно и то же. Мы не беремъ судить о техническихъ достоинствахъ «Запорожцевъ»: по общему признанію, они значительны. Но что касается художественнаго замысла, то онъ не можетъ быть признанъ удачнымъ. Отъ всякой картины требуется, чтобы современный художнику зритель ясно понималъ, что собственно художникъ хотѣлъ изобразить. Въ данномъ случаѣ вы видите запорожцевъ; центральныя фигуры неудержимо смѣются и заражаютъ васъ своимъ веселымъ смѣхомъ. Но въ самой картинѣ нѣтъ объясненія причины этого смѣха. Это уже въ художественномъ отношеніи замыселъ неудачный. Представьте себѣ, что вы входите въ комнату, гдѣ сидятъ смѣющіеся люди, и что вы были предувѣдомлены о причинѣ ихъ смѣха. Можетъ ли ваше веселое настроеніе быть такимъ же сильнымъ, какъ если бы вы вмѣстѣ съ смѣющимися людьми увидѣли или услышали то, что ихъ такъ разсмѣшило? Конечно, нѣтъ. Поэтому, чтобы получить полное художественное впечатлѣніе, причина смѣха должна быть включена въ картину, если она не простой эскизъ или набросокъ. Это упущено художникомъ изъ виду: вы должны заглянуть въ программу, чтобы узнать, почему запорожцы такъ неистово смѣются. При этомъ еще оказывается, что далеко не всѣ запорожцы заражаются смѣхомъ центральныхъ фигуръ, а нѣкоторые остаются совершенно серьезны. Далѣе, то, что значитъ въ программѣ, именно, что «на грозную грамоту султана запорожцы отвѣчаютъ насмѣшками», не можетъ возбудить въ васъ особенно веселое настроеніе, потому что содержаніе этихъ насмѣшекъ вамъ неизвѣстно. Слѣдовательно, чтобы уяснить себѣ прелесть картины, вы должны еще прочитать отвѣтъ запорожцевъ на грамоту султана. Но при этомъ можетъ оказаться, что ихъ юморъ представляется вамъ, т. е. современному зрителю, нѣсколько грубымъ и нѣсколько пошлымъ, т. е. не возбуждаетъ въ васъ вовсе того настроенія, въ какомъ находятся нѣкоторые изъ изображенныхъ запорожцевъ. Въ такомъ случаѣ ихъ смѣхъ уже вовсе не дѣйствуетъ на васъ заразительно, а, напротивъ, начинаетъ васъ раздражать, какъ обыкновенно насъ раздражаетъ смѣхъ, причина котораго намъ неизвѣстна или не вызываетъ въ насъ сочувственнаго отношенія. Затѣмъ мы можемъ любоваться и поучаться мастерскимъ изображеніемъ людей того

времени; но картина по основному своему замыслу утрачивает уже для нас обаяніе и представляется нам произведеніем неудачнымъ. Очевидно, Рѣпинъ, задумавъ картину изъ исторіи Малороссіи, воспользовался случайно подвернувшемся ему подъ руку эпизодомъ, не взвѣсивъ даже, на сколько этотъ эпизодъ пригоденъ для его цѣли. Картина имъ написана съ большимъ мастерствомъ, съ большою затратою силъ, съ чрезвычайно добросовѣстнымъ изученіемъ внѣшняго быта того времени, съ напряженными поисками за типичными фигурами, но, тѣмъ не менѣе, по основному замыслу, получилось произведеніе неудовлетворительное, собственно вовсе не картина, а иллюстрація...

Мы изучили теперь всѣ роды творчества Рѣпина и подкрѣпили каждый изъ нашихъ выводовъ, даже второстепенныхъ, фактическими доводами, предусматривая, что они встрѣтятся раздраженный отпоръ со стороны тѣхъ, къ сожалѣнію, все еще у насъ многочисленныхъ «тонкихъ цѣнителей» или критиковъ, которые переносятъ въ область литературную и даже художественную нетерпимость политической пропаганды. Въ сущности у насъ почти нѣтъ другой критики: писатель или художникъ нашего прихода во всемъ хорошъ; если же онъ принадлежитъ къ другому приходу, все у него скверно. Само собою разумѣется, что такая исключительная точка зрѣнія, можетъ быть, до извѣстной степени умѣстная въ политикѣ, не имѣетъ смысла ни въ литературѣ, ни въ искусствѣ. Совершенство не бываетъ удѣломъ человѣка; даже гении совершаютъ крупныя ошибки. Рѣпинъ не художественный гений; онъ только очень даровитый художникъ. О техникѣ его мы не беремся судить, потому что мы въ этомъ вопросѣ не компетентны; но подавляющее большинство специалистовъ признаютъ его технику очень замѣчательной. Отдавая ему въ этомъ отношеніи должное, мы взяли себѣ оцѣнить здѣсь только идейное содержаніе его творчества и стараемся теперь сдѣлать общій выводъ изъ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ и соображеній.

Достаточно сопоставить Рѣпина съ другими значительными художниками, чтобы понять, чѣмъ отличается его творчество отъ творчества его ближайшихъ предшественниковъ или сверстниковъ. Возьмемъ для примѣра Ѳедотова, Шварца, Семирадскаго, Верещагина, Матейко. Относительно всѣхъ этихъ художниковъ оправдывается слѣдующая основная точка зрѣнія: всѣ они специализировались въ данной области сюжетовъ или по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлаго періода своей жизни работали только надъ однообразными сюжетами. Ѳедотовъ посвятилъ себя почти исключительно бытовымъ сюжетамъ, Шварцъ положилъ всю свою душу на изученіе отечественной исторіи, Семирадскій рисуетъ только на темы изъ классической древности и изъ библейскаго времени, Матейко весь ушелъ

въ польскую исторію, Верещагинъ познакомилъ насъ съ Индіею и съ войнами, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе. Рѣпинъ, какъ мы видѣли, ни на чемъ не специализировался: его сюжеты такъ же разнообразны, какъ разнообразна окружающая насъ жизнь со всѣми ея событіями, тенденціями, вѣяніями. Мало того, Рѣпинъ, какъ неопровержимо подтверждаютъ приведенные нами факты, непосредственно приурочиваетъ свое творчество не только къ этимъ событіямъ, тенденціямъ и вѣяніямъ, но и къ личнымъ обстоятельствамъ своей жизни. Можно было бы сказать, что Рѣпинъ всѣмъ интересуется, что ни подвернется ему подъ руку или что ни обратитъ на себя его вниманія. Отсюда можно сдѣлать дальнѣйшій выводъ, что Рѣпинъ въ своемъ творествѣ живетъ не самостоятельною жизнью, а жизнью окружающаго его общества, что онъ рисуетъ то, что интересуется послѣднее. Спрашивается, однако, мыслимо ли истинное художественное творчество при отсутствіи самостоятельности, при полномъ подчиненіи художника измѣнчивому настроенію общества? Никто не отвѣтитъ на этотъ вопросъ утвердительно. Художникъ можетъ понять духъ своего времени, онъ можетъ усвоить себѣ основныя его стремленія, но подчинить свое творчество разнымъ измѣнчивымъ событіямъ дня, разнымъ мимолетнымъ вѣяніямъ и интересамъ истинный художникъ не можетъ. Его задача шире и глубже, если онъ не простой мастеръ своего дѣла, если въ немъ живетъ въ идейномъ смыслѣ творческій духъ. А Рѣпинъ, какъ мы видѣли, именно подчиняется временнымъ вѣяніямъ и интересамъ, онъ даже находится въ постоянной погонѣ за ними, старается ихъ себѣ уяснить, ихъ понять, чтобы дать соотвѣтствующую имъ картину. Представимъ себѣ на минуту, что Шварцъ не былъ бы преисполненъ любви къ нашему историческому прошлому, что Фодотовъ не проникся бы до глубины души основнымъ духомъ нарождавшейся новой эпохи, что Матейко не былъ бы воодушевленъ пламеннымъ патріотизмомъ, который заставлялъ его искать въ прошломъ своей родины цѣлительнаго бальзама для ранъ, наносимыхъ ему безотраднымъ, на его взглядъ, настоящимъ. Можно ли было бы въ такомъ случаѣ ожидать отъ нихъ такихъ прекрасныхъ въ идейномъ отношеніи картинъ, какія они намъ дали? И не видимъ ли мы, что всѣ великіе художники, гений которыхъ признанъ человѣчествомъ, жили для одной идеи, съ напряженіемъ всѣхъ душевныхъ силъ осуществляемой въ ихъ безсмертныхъ произведеніяхъ? Разносторонность у нихъ можетъ быть большая, но только по формѣ; по существу же всѣ они отличаются единствомъ настроенія и творческой мысли.

Руководящей идеи въ произведеніяхъ Рѣпина найти нельзя. Онъ переходитъ безпорядочно отъ одного сюжета къ другому или, точнѣе говоря, постоянно выбираетъ только такіе сюжеты, о которыхъ онъ предполагаетъ, что они могутъ заинтересовать публику.

Мы не станемъ здѣсь повторять приведенные нами разительные примѣры этого рода, но, подводя итогъ всѣмъ нашимъ выводамъ, мы не можемъ не отмѣтить, что если у Рѣпина руководящей идеи нѣтъ, то у него есть извѣстное единство настроенія, и это единство выражается въ томъ фактѣ, что онъ всячески старается угодить толпѣ. Только съ этой точки зрѣнія мы поймемъ, почему онъ такъ легко переходитъ отъ одного сюжета къ другому, почему онъ не можетъ сосредоточиться на одной группѣ сюжетовъ, почему онъ въ своихъ теоретическихъ взглядахъ на искусство то возмущается художниками, которые рисуютъ пустяки, то столь же категорически заявляетъ, что въ сущности совершенно безразлично, на какомъ сюжетѣ художникъ останавливается, что онъ то съ пренебреженіемъ относится къ Рафаэлю, то восторгается имъ. Онъ самъ не уяснилъ себѣ своихъ взглядовъ на искусство, потому что его мысль, его чувства заняты другимъ: онъ не служитъ идеѣ, онъ не художникъ, онъ мастеръ. Мастерство его можетъ быть замѣчательно, изумительно, но Рѣпинъ, если онъ будетъ творить попрежнему, не оставитъ послѣ себя слѣда въ развитіи русскаго искусства по основному его содержанію, хотя и можетъ оставить слѣдъ, и весьма глубокій, по сравнительному совершенству формы.

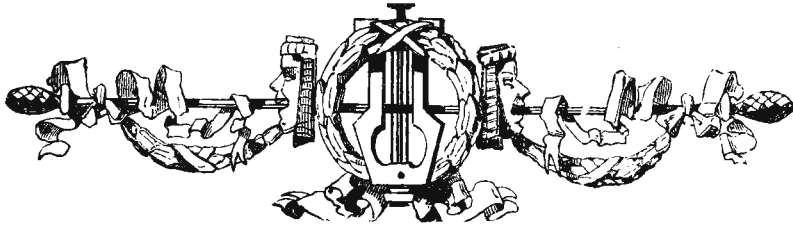
Этотъ основной выводъ уясняетъ намъ сходство въ творествѣ Антокольскаго и Рѣпина. Оба они принадлежатъ къ значительнымъ русскимъ художникамъ новѣйшей формаціи, и время наложило на ихъ творчество совершенно явственный отпечатокъ. Оба они были поставлены въ горькую необходимость, жертвуя идеалами, разрѣшить громадный вопросъ: какъ художнику при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ, при нынѣшнемъ общественномъ строѣ, когда помѣщицья Россія исчезла, когда доходы съ помѣстьевъ или подачки съ разныхъ сторонъ перестали быть основой матеріальнаго обезпеченія людей, посвящающихъ себя служенію идеи, когда художникъ иногда безъ всякой поддержки, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія долженъ выступить съ своими произведеніями на рынокъ и только силою своего таланта, своею выдержкою, своимъ трудолюбіемъ снискать благорасположеніе толпы и найти себѣ поклонниковъ и кліентовъ,—какъ, говоримъ мы, художнику при такихъ условіяхъ проложить себѣ дорогу въ жизни, найти средства и возможность работать для искусства, не умирая съ голоду? Этотъ громадный вопросъ старались разрѣшить и Антокольскій, и Рѣпинъ. Разрѣшили ли они его? Сами они уцѣлѣли и видимо вышли побѣдителями изъ борьбы, заставивъ рынокъ преклониться предъ ихъ талантомъ, покупать ихъ произведенія и дать имъ тѣ матеріальныя средства, въ которыхъ художникъ нуждается для служенія искусству. Но остановились ли они въ этой тяжелой борьбѣ за существованіе, въ этихъ громадныхъ усиліяхъ, которыя должны были сдѣлать не получившіе никакой подготовки крестья-

нинъ-богомазъ и еврей-рѣзчикъ для того, чтобы стать выдающимися художниками, — остановились ли они на необходимомъ, только на томъ, что нужно было для проложенія себѣ дороги въ жизни, или они, соблазненные удачею, зашли дальше, чѣмъ слѣдовало, и до известной степени принесли въ жертву свой талантъ, свое высокое призваніе вкусамъ той толпы, благорасположеніе которой имъ нужно было приобрести? Нашъ этюдъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Мы далеки отъ всякаго осужденія, далеки отъ мысли произносить приговоръ надъ одними изъ первыхъ пионеровъ на чрезвычайно трудномъ поприщѣ, но мы не можемъ не констатировать факта, что въ идейномъ отношеніи творчество Антокольскаго и Рѣпина сильно пострадало отъ указанной нами борьбы за существованіе, и что оба эти художника, первый меньше, второй больше, подчинили свое творчество измѣнчивому настроенію, временнымъ вкусамъ толпы. Стихъ Пушкина: «Пойдите прочь! Какое дѣло поэту мирному до васъ!» — не могутъ повторить ни Антокольскій, ни Рѣпинъ, особенно послѣдній, такъ какъ онъ въ гораздо большей степени, чѣмъ Антокольскій, подчиняетъ, какъ мы видѣли, свое творчество соображеніямъ, имѣющимъ весьма мало общаго съ искусствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получается и отвѣтъ на основной нашъ вопросъ. Оба художника не указываютъ обществу какихъ либо новыхъ идеаловъ, или, точнѣе говоря, отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ только нынѣшнюю неустойчивость и беспорядочность общественной мысли. Въ современной русской беллетристикѣ мы находимъ указанія на нарождающееся новое общественное міровоззрѣніе; въ русскомъ искусствѣ, на сколько представителями его являются Антокольскій и Рѣпинъ, такихъ указаній нѣтъ.

Р. Сементковскій.

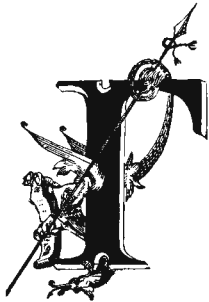

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXVI.

Мои бенефисы.— «Разбойники». — «Коварство и любовь». — Участіе въ «Разбойникахъ» Самойлова и Шумскаго.—Гастроли въ «Разбойникахъ» Дарскаго.—Его эффектъ «вѣшанья».—Спасеніе его изъ петли.—Дружба съ Н. И. Куликовымъ.— «Русскіе романы въ лицахъ».—Анекдотъ.—Трагедія «Неронъ».—Знакомство съ авторомъ.—Его довольство.—Его условія.—Раскаяніе автора.—Мой визитъ къ нему.—Веселая пѣсня съ похороннымъ мотивомъ.—Участіе въ «Неронѣ» Самойлова. — Его роль. — Острота Каратыгина.—Комедія «Странное стеченіе обстоятельствъ».—Экспромтъ Каратыгина.—Крупное недоразумѣніе по поводу вычужденнаго случая.—«Гамлетъ».—По какому случаю я поставилъ его.—Нападки журналистовъ.—Ихъ выходки.—Мнимый анекдотъ про Самойлова и меня.—Представленіе «Гамлета».—«Ревизоръ».—Различныя его списки.—Постановка «Ревизора» П. И. Зубровымъ.—Мое возобновеніе комедіи Гоголя въ достодолжномъ видѣ.—Возвращеніе къ невѣрному экземпляру.

ГОВОРИЯ о постановкѣ трагедіи «Смерть Іоанна Грознаго» въ мой бенефисъ, будетъ кстати припомнить и нѣсколько другихъ моихъ бенефисовъ, тоже не менѣе интересныхъ со стороны ихъ закулисныхъ мелочей.

Избалованный первыми бенефисами съ пьесами Чаева «Дмитрій Самозванецъ» и графа Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», я во все время своей службы заботился о томъ, чтобы интересно составить программу своихъ театральныхъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 650.

именинъ. Всѣхъ бенефисовъ у меня было 19, изъ которыхъ послѣдній былъ юбилейнымъ. Конечно, не всѣ удавалось составлять удачно и часто при выборѣ приходилось грѣшить противъ литературныхъ требованій, но могу за то въ свое оправданіе сказать одно, что всѣ поставленныя мною пьесы имѣли успѣхъ, долго держались на сценѣ и дѣлали хорошіе сборы.

Мнѣ удалось, напимѣръ, выхлопотать у двухъ министровъ дозволеніе вновь играть запрещенныя трагедіи Шиллера «Разбойники» и «Коварство и любовь», которыя до возобновленія ихъ мною не игрались въ Россіи ровно тридцать лѣтъ и не только на русской сценѣ, но даже и на нѣмецкой.

При постановкѣ «Разбойниковъ», роль Франца игралъ В. В. Самойловъ, а роль Карла Моора—я. На сколько Самойловъ былъ превосходенъ, на столько я былъ слабъ. Кромѣ того, при исполненіи Карла, я чуть не потерялъ голоса... Гастролировавшій въ Петербургѣ С. В. Шумскій тоже игралъ Франца и, слѣдуетъ прибавить, очень хорошо, но совсѣмъ иначе, нежели Самойловъ, и, увы, не такъ эффектно, какъ послѣдній.

На Александринской сценѣ «Разбойники» шли по старому переводу, по которому игралъ еще В. А. Каратыгинъ. Въ послѣднее время мнѣ случалось видѣть эту трагедію на частныхъ сценахъ; ее играли совсѣмъ въ другой редакціи. Новѣйшіе актеры, изображающіе Франца, находятъ эффектнымъ вѣшаться на сценѣ, чего въ прежнемъ переводѣ не было. Я нахожу это не только не эффективнымъ, но просто не позволительнымъ зрѣлищемъ. Кромѣ того, что видѣть это неприятно, можетъ случиться и несчастіе, въ родѣ того, какое чуть было не произошло съ актеромъ М. Е. Дарскимъ, пріѣзжавшимъ гастролировать въ Гельсингфорсъ, во время моей антрепризы.

Какъ гастролеру и специалисту по части постановки классическихъ пьесъ, въ которыхъ онъ обыкновенно играетъ, я предоставилъ ему режиссировать самому и вовсе не являлся на репетиціи. Только вспомнивъ какъ-то, что въ роли Франца онъ вѣшается на сценѣ, я пожелалъ узнать, какъ это онъ дѣлаеть, и просилъ его непременно, во избѣжаніе какихъ либо недоразумѣній, повѣситься на репетиціи при мнѣ. Дарскій обѣщаль исполнить мою просьбу, но, будучи отягощенъ хлопотами, объ этомъ забылъ. Позабылъ объ этомъ и я. Во время же самага спектакля, передъ послѣднимъ актомъ, когда стали устраивать приспособленія для вѣшанія я потребовалъ отъ гастролера, чтобы эту сцену онъ предварительно прорепетировалъ. Какъ онъ ни отговаривался, увѣряя меня, что его секретъ безопасенъ и не внушаетъ опасеній, однако я настоялъ на томъ, чтобы онъ исполнилъ мое требованіе.

И вотъ что произошло.

Посреди сцены, на декоративной колоннѣ, былъ вбитъ огромный

крючекъ, за который Дарскій, влѣзая на табуретъ, не замѣтно зацѣпилъ маленькую петлю, бывшую на спинѣ его костюма, подъ которымъ скрывался корсетъ. Перекинувъ для вида веревку и обмотавъ ею горло, онъ оттолкнулъ изъ-подъ ногъ табуретку и такимъ образомъ повисъ на спинѣ. Секретъ оказался незамысловатымъ, но каковъ былъ ужасъ присутствующихъ, когда лицо артиста моментально измѣнилось, глаза налились кровью, и онъ едва могъ показать жестомъ, чтобы его сняли. Всѣ мы бросились къ нему на помощь и сняли съ крюка. Что же оказалось? Онъ забылъ разстегнуть воротъ сорочки подъ костюмомъ, и это самое могло его задушить во время представленія. Его спасла моя осторожность. А вѣдь во время дѣйствія никто бы не догадался подать ему помощь, воображая, что онъ задыхается для натуральности. Оказывается, что подобные эффекты не всегда бываютъ безопасны.

Я былъ весьма друженъ съ покойнымъ режиссеромъ императорскаго театра и извѣстнымъ драматургомъ Николаемъ Ивановичемъ Куликовымъ, который много содѣйствовалъ въ устройствѣ моихъ бенефисовъ. За послѣдніе годы я рѣдко обходился безъ его пьесы или по крайней мѣрѣ имъ присовѣтованной. По моему заказу, Куликовъ скомпановалъ «Русскіе романсы въ лицахъ». Я упротилъ его составить два акта изъ однихъ романсовъ, въ видѣ оперы, безъ разговоровъ. Какъ онъ первоначально ни отговаривался, но, всетаки, принялся за работу, и пьеса вышла очень удачная. Вплослѣдствіи, но уже безъ моей инициативы, онъ составилъ въ подобномъ же родѣ «Цыганскія пѣсни въ лицахъ», имѣющія, какъ извѣстно, неувадаемый успѣхъ. Кстати маленькій анекдотъ, относящійся къ «Русскимъ романсамъ въ лицахъ». Когда Николай Ивановичъ составлялъ эту вещицу, пришелъ къ нему знакомый священникъ и, увидя его за работой, спросилъ:

— Что пишете?

— Бездѣлушку для бенефиса одного пріятели.

— Трагедію или водевиль?

— Ни то, ни се, батюшка. Мы даже не можемъ придумать, какъ назвать эту исторію. Она не драма, не комедія, не трагедія, не водевиль. Вся пьеса состоитъ изъ пѣсенъ и романсовъ, тутъ не говорятъ ни слова, а только поютъ.

— Что же это музыкальная мозаика, что ли, какая?

— Какъ? Какъ вы сказали, батюшка?—радостно воскликнулъ водевильистъ.

— Музыкальная мозаика,—повторилъ священникъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ... Она самая и есть! Чудесно, лучшаго и не придумать. Мы ее такъ и назовемъ. Спасибо вамъ, батюшка.

Въ одинъ изъ моихъ бенефисовъ въ 70-хъ годахъ была пред-
ставлена трагедія «Неронъ». Эту пьесу собирались поставить въ
казенный спектакль съ богатой обстановкой. Я обратился къ П. С.
Федорову, съ просьбой разрѣшить эту пьесу впервые поставить въ
мой бенефисъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Обратитесь къ автору. Это очень чиновный, важный госпо-
динъ. Безъ его согласія дирекція не можетъ распоряжаться пьесой.
Если же онъ ничего противъ этого имѣть не будетъ, то разрѣ-
шимъ и мы.

Я зналъ пьесу, какъ длиннѣйшую и скучнѣйшую вещь, безъ
всякихъ литературныхъ достоинствъ и съ необычайно огромной
ролью самого Нерона. Въ матеріальномъ отношеніи трагедія эта
казалась выгодной. Она должна была сдѣлать сборъ.

Являюсь къ автору. Это былъ генералъ, занимавшій должность
директора въ какой-то канцеляріи.

Отрекомендовавшись, я изложилъ свою просьбу.

— Мнѣ васъ очень жаль, *mon cher*,—отвѣтилъ онъ,—но полез-
нымъ для васъ я быть не могу.

— Почему же, ваше превосходительство?

— А потому, что мою пьесу ждетъ съ нетерпѣніемъ почти
полгорода. У меня бездна знакомыхъ, которые слышали ее въ
моемъ чтеніи. Всѣ они восхищены, очарованы. А такъ какъ въ
бенефисы вы, гг. артисты, имѣете обыкновеніе увеличивать цѣны
на мѣста, то я и не желаю заставлять моихъ друзей переплачи-
вать лишнія деньги за билеты... Вѣдь вы, конечно, набавили бы
цѣны, если-бъ я отдалъ вамъ пьесу. Скажите откровенно.

— Безъ всякаго сомнѣнія, но не потому, что желалъ бы полу-
чить больше денегъ, а изъ уваженія къ вамъ.

— Я васъ не понимаю,—удивленно сказалъ собесѣдникъ.

— Ваша трагедія —такое выдающееся произведение, что пока-
зывать ее въ первый разъ по дешевой цѣнѣ просто-таки грѣшно.
Помоему и дирекція сдѣлаетъ большую ошибку, если позволитъ
играть ее, не набавивъ цѣны, даже въ обыкновенный спектакль.

— Неужели вамъ такъ нравится мой «Неронъ»? — съ самодо-
вольной улыбкой спросилъ авторъ.

— Я отъ него въ восторгѣ. Перечитывая его нѣсколько разъ,
я набрался храбрости явиться къ вамъ и просить его для своего
бенефиса.

— Да, я понимаю васъ, *mon cher*. Не вы одни это говорите.
Но вотъ затрудненіе, если бы я и согласился на вашу просьбу, то
не смогъ бы найти для васъ подходящей роли. Кого вы можете
играть? Роль Нерона у меня очень просилъ Самойловъ. Онъ также,
какъ и вы, просто бредитъ ею.

— Не беспокойтесь. Я согласенъ даже вовсе не играть въ ва-
шей пьесѣ, чтобы имѣть возможность любоваться ею изъ зритель-
наго зала.

— Вы мнѣ очень нравитесь, mon cher. Я бы очень желалъ исполнить вашу просьбу, но меня страшно стѣсняетъ надбавка на мѣста. У меня столько знакомыхъ, которые просили о ложахъ, и я имъ сказалъ, что цѣны будутъ самыя умѣренныя. Вы возбудили во мнѣ столько симпатіи въ вамъ, что я хочу вамъ предложить вотъ что: если вы пообщаете мнѣ, что бель-этажъ будетъ стоить не дороже 15 рублей, то извольте, такъ и быть, я отдамъ вамъ своего «Нерона».

— Сдѣлайте одолженіе. Хоть эта цѣна и черезчуръ ничтожна для такого спектакля, но, дорожа честью, оказываемою мнѣ, я съ удовольствіемъ соглашаюсь на это.

— Въ такомъ случаѣ, пьеса къ вашимъ услугамъ. Можете объявить объ этомъ дирекціи.

Я распрощался съ нимъ до предстоящихъ репетицій. Бенефисъ мнѣ былъ разрѣшенъ, и я получилъ незначительную роль благороднаго раба, угнетаемаго своимъ господиномъ. Роль хороша была тѣмъ, что заключала въ себѣ только одно явленіе. Постановка была очень хороша. Для всего громаднаго персонала участвующихъ сшили новые костюмы, нарисовали новыя декораціи и сдѣлали новыя аксессуары.

Послѣ нѣсколькихъ репетицій, я получаю отъ автора письмо, въ которомъ онъ проситъ немедленно пріѣхать къ нему. Посланный на словахъ передалъ, что генераль не совсѣмъ здоровъ. Ёду и застаю его въ больномъ волненіи. При моемъ появленіи онъ дружески протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Извините меня, mon cher, что я васъ потревожилъ... Я совершенно боленъ. Цѣлую ночь не спалъ. Меня мучила неотвязная мысль: за что я васъ обидѣлъ?!

— Чѣмъ это?—удивился я.

— Какъ чѣмъ? Не я ли стѣснилъ васъ моимъ требованіемъ уменьшить цѣны на бель-этажъ?.. Въ настоящее время, когда я вижу по репетиціямъ, какъ великолѣпно идетъ пьеса, самъ нахожу, что дѣйствительно мало 15 рублей за бель-этажъ. Для «Нерона» эта сумма ничтожна. Она можетъ уронить достоинство трагедіи. Успокойте меня, назначьте цѣну дороже.

— Благодарю васъ за участіе, но теперь измѣнять цѣны поздно.

— Почему поздно? Никогда не поздно исправлять свои ошибки.

— Поздно потому, что цѣны уже утверждены дирекціей.

— Прошу васъ ради моего спокойствія, поѣзжайте немедленно куда слѣдуетъ и постарайтесь, чтобы ихъ не продавали дешевле 25 рублей.

Отправляюсь въ театральную контору. Обращаюсь къ управляющему А. Ф. Юргенсу:

— Позвольте узнать, Андрей Федоровичъ, подписаны директоромъ представленныя мною цѣны на бенефисъ, или нѣтъ еще?

- Какъ же, вотъ онъ!
- Вышла большая ошибка.
- Какая? Въ чемъ?
- Тутъ поставлена цѣна на бель-этажъ 15 рублей, тогда какъ нужно поставить двадцать пять.
- Это почему?
- Я сейчасъ отъ автора. Онъ захворалъ отъ мысли, что заставилъ меня назначить такую дешевую цѣну. Онъ убѣдительно просить исправить ошибку и поставить 25 рублей... потому что пьеса слишкомъ хороша.
- Будетъ ли сборъ и по такой-то цѣнѣ?
- Насчетъ этого беспокоиться нечего. Всѣ логи бель-этажа авторъ беретъ распродать самъ.
- Въ такомъ случаѣ скажите ему, что можно. Я скажу директору.

И тутъ же собственноручно переправилъ на листѣ цыфру 15 на 25. Въ сценѣ на пиру пѣлъ огромный хоръ, музыка для котораго была написана кѣмъ-то специально. Темпъ ея крайне грустный и монотонный. Я удивился, что хоръ начинаетъ пѣсню послѣ словъ кого-то изъ дѣйствующихъ лицъ: «Начинайте скорѣе веселый хоръ».

На одной изъ репетицій я подошелъ къ автору и спросилъ его:

- Извините мое недоумѣніе: хоръ называютъ веселымъ, а музыка точно похоронная?
- Какъ похоронная? Вы, должно быть, *non cher*, мало знакомы съ римскими нравами. Это самый веселый мотивъ, который могъ быть при Неронѣ.

Заглавную роль взялся играть Самойловъ, прельстившійся, должно быть, эффектнымъ положеніемъ героя, который съ перваго дѣйствія начинаетъ мучить и казнить всѣхъ своихъ подданныхъ и послѣдній актъ кончаетъ въ сообществѣ двухъ, или трехъ чело-вѣкъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшихъ до эпилога, но въ концѣ концовъ, все-таки, погибающихъ.

Со стихами трагедіи Самойловъ не церемонился. Облекая онъ въ римскую тогу, голову украсилъ вѣнкомъ и, выйдя на сцену, говорилъ все, что только ни взбредетъ ему на умъ. Изъ пьесы же онъ не сказалъ ни одной живой фразы. Представленіе «Нерона» было утомительно и, не смотря на краткость антрактовъ, оно кончилось въ часъ ночи.

П. А. Каратыгинъ съ П. И. Григорьевымъ свои роли кончали въ 3 дѣйствіи, гдѣ ихъ Неронъ приказываетъ казнить. Придя въ уборную и сбрасывая съ себя римское одѣяніе, Петръ Андреевичъ сказалъ:

- Вотъ всѣ отзываются о Неронѣ дурно, называя его ужаснымъ злодѣемъ, а помоему это—прекрасный чело-вѣкъ. Онъ могъ бы

проморить насъ до конца, а между тѣмъ въ третьемъ еще дѣйствіи надъ нами сжалился и казнилъ. Спасибо ему!

Конечно, пьеса не имѣла никакого успѣха и послѣ пятого представленія была снята съ репертуара на вѣчныя времена.

Какъ иногда ничтожные пустяки служатъ основаніемъ крупныхъ неприятностей! Однажды понадобилась мнѣ для бенефиса небольшая трех-актная пьеска. Переспросилъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ драматурговъ, но ни у кого изъ нихъ не было въ запасѣ таковой. Поэтому, вооружась терпѣніемъ, отправился я рыться въ шкафу нашего театральнаго комитета, членомъ котораго я пребывалъ долгое время. Покойный П. А. Каратыгинъ однажды попросовалъ сдѣлать то же, но, не найдя ничего порядочнаго, сказалъ слѣдующій экспромптъ:

Изъ ящика всю выбравъ требуху,
Я двадцать пять пьесъ прочелъ въ стихахъ и прозѣ,
Но мнѣ не удалось, какъ въ баснѣ пѣтуху,
Найти жемчужину въ навозѣ.

На этотъ разъ я былъ счастливѣе коллеги. Мнѣ попалась весьма занимательная пьеса, называвшаяся:

Странное стеченіе обстоятельствъ.
Комедія въ 3 дѣйст. А. Р—на.
(Сюжетъ заимствованъ).

Внизу тетради былъ проставленъ адресъ автора, какого-то г. Рѣдкина.

Пьеса мнѣ очень понравилась. Я собственноручно нѣсколько исправилъ ее и совершенно машинально, имѣя въ рукѣ карандашъ, зачеркнулъ слова «сюжетъ заимствованъ». Повидавшись съ авторомъ, я отдалъ пьесу играть, и она появилась на афишѣ безъ вычеркнутой мною фразы о заимствованности сюжета. Въ этой комедіи покойные Линская и Павелъ Васильевъ играли такъ великолепно, что успѣхъ съ перваго же представленія былъ обезпеченъ. Публика хотела до слезъ и безконечное число разъ вызывала автора. Г. Рѣдкинъ не безъ достоинства раскланивался изъ директорской ложи.

Черезъ день появились въ газетахъ отчеты о бенефисѣ. Одинъ изъ рецензентовъ рѣзко выразилъ неудовольствіе, что за переведенную съ нѣмецкаго пьесу А. Розена, при вызовахъ автора, развязно раскланивался какой-то неизвѣстный господинъ. Въ концѣ дѣлался упрекъ дирекціи, что она выдаетъ простые переводы за оригинальныя сочиненія.

П. С. Оedorовъ сильно встревожился, долго разсуждалъ объ этомъ въ комитетѣ и, въ наказаніе г. Рѣдкину, хотѣлъ снять съ репертуара его комедію.

— Это недоразумѣніе!—замѣтилъ я ему.

— Нѣтъ-съ, далеко не недоразумѣніе. Это плагиатъ, за который можно поплатиться репутаціей. Я этого автора принужденъ буду судить. Онъ ввелъ въ заблужденіе дирекцію.

— Но, позвольте, Павелъ Степановичъ,—перебилъ я разсердившагося не на шутку начальника репертуара:—это не г. Рѣдкинъ ввелъ въ заблужденіе дирекцію, а я.

— Какъ вы?.. Впрочемъ, да,—вы откопали этого талантливаго водевилиста.

— На экземпляръ, представленномъ въ комитетъ, была оговорка, что «сюжетъ заимствованъ», а я ее вычеркнулъ.

— Да какое же вы имѣли право это сдѣлать? Изъ-за васъ вся дирекція попала впросакъ.

— Нечаянно.

— Нечаянно? Ну, такъ я долженъ вамъ сказать, что вы оказали медвѣжью услугу своему автору. Послѣ этого скандала его пьеса на императорской сценѣ представляема быть не можетъ.

Я указалъ на ея несомнѣнный успѣхъ.

— Ничего не значитъ... Она, слѣдовательно, только потому и хороша, что заимствована... и притомъ чрезвычайно безперемонно.

Наконецъ, послѣ долгихъ объясненій, мнѣ удалось отстоять ея дальнѣйшее появленіе на сценѣ, и она сдѣлала много хорошихъ сборовъ.

Въ 1875 году, недуманно-негаданно, игралъ я «Гамлета» (еще въ старинномъ переводѣ Полевого). Роль эта казалась мнѣ всегда до того трудной, отвѣтственной и непосильной, что я отказывался отъ нея рѣшительно даже и тогда, когда сама дирекція предлагала мнѣ въ ней выступить. Но тутъ я игралъ изъ самолюбія, по капризу.

Вѣроятно, до сихъ поръ многіе помнятъ, какой продолжительной и озлобленной брани подвергался я въ тѣ времена. Господа журналисты были безпощадны. Они избрали меня вѣчною мишенью и въ продолженіе всего моего пребыванія на казенной сценѣ въ эту мишень направляли свои стрѣлы, преисполненныя яда и ничѣмъ невызываемой съ моей стороны ненависти. Мало того, что разносили меня, какъ актера, но даже вторгались въ мою частную жизнь и прямо клеветали на меня, инсинуировали. Въ 1875 году, мѣсяца за два до моего бенефиса, вдругъ я читаю въ одной изъ газетъ, особенно энергично глумившейся надо мной, что ей извѣстно «изъ достовѣрныхъ источниковъ» о моемъ намѣреніи сыграть въ свой бенефисъ Гамлета. По этому поводу было приписано нѣсколько дешевыхъ остротъ и каламбуровъ. Черезъ нѣсколько дней въ этой же газетѣ появляется сообщеніе, что «дирекція благоразумно отказала мнѣ въ постановкѣ на бенефисъ Шекспировскаго перла».

Какъ та, такъ и другая замѣтка заключали въ себѣ ложь, вторая даже обидную. Я возмущился этой репортерской выходкой и вознамѣрился непремѣнно поставить въ бенефисъ «Гамлета», чтобы доказать враждебно относившейся ко мнѣ прессѣ, что дирекція отнюдь не запрещала мнѣ выступить въ этой роли.

Я обратился къ начальству, которое одобрило мое намѣреніе. «но... объявили мнѣ, можетъ встрѣтиться затрудненіе въ декора, цѣяхъ. Спѣшите къ завѣдующему гардеробной и декоративной частью Н. А. Лукашевичу».

Я къ нему.

— Ничего не могу вамъ обѣщать, — отвѣтилъ мнѣ Лукашевичъ. — Въ настоящее время всѣ декораторы заняты новымъ балетомъ. Я увѣренъ, что они не поспѣютъ сдѣлать къ вашему бенефису ни одного костюма, а между тѣмъ «Гамлета» ставить какъ нибудь нельзя. Для него требуется приличная обстановка. Выберите какую нибудь другую пьесу.

— По разнымъ обстоятельствамъ, другого выбрать я ничего не могу. Если нельзя поставить «Гамлета» теперь, то лучше я отложу бенефисъ на годъ, но непремѣнно буду играть его.

Кое-какъ все это устроилось, и представленіе «Гамлета» было улажено. Когда же это извѣстіе дошло до моихъ газетныхъ друзей, то въ продолженіе полутора мѣсяца, буквально изо дня въ день, шла такая травля, что самые непримиримые враги стали меня сожалѣть. Не говоря объ издѣвательствѣ надо мною, стали предупреждаться всѣ артисты, что ихъ участіе въ «Гамлетѣ» не безопасно. Требовали, чтобы они отказались отъ своихъ ролей во избѣжаніе непріятностей. Кто-то даже сочинилъ анекдотъ, какъ я будто бы просилъ В. В. Самойлова (на самомъ дѣлѣ не было и рѣчи) сыграть Полонія, на что Самойловъ будто бы насмѣшливо мнѣ отвѣтилъ:

— Извольте, я сыграю, если вы похлопочете, чтобы пьесу на этотъ разъ переименовали изъ «Гамлета» въ «Полонія».

Публикѣ же совѣтовалось не ходить на это поворное зрѣлище, или же идти только съ одною цѣлью: посмѣяться, такъ какъ де все это должно быть курьезно, дико и безобразно.

Какъ меня ни отговаривали друзья, испугавшіеся газетныхъ демонстрацій, отказаться отъ постановки «Гамлета», но я упрямо рѣшилъ сыграть его во что бы то ни стало, какія бы послѣдствія меня ни ожидали... Бенефисъ состоялся. Трагедія Шекспира прошла болѣе чѣмъ благополучно. Театръ былъ полонъ, и я имѣлъ успѣхъ, хотя, говоря откровенно, я не заслуживалъ и половины его своимъ слабымъ исполненіемъ. Послѣ этого мы еще много разъ играли «Гамлета» и всегда очень успѣшно. Разумѣется, все хорошо, что хорошо кончается, но трудно передать чувства актера, поставленнаго въ такія исключительныя обстоятельства. Выходить въ

отвѣтственной роли послѣ цѣлаго града газетныхъ ругательствъ передъ публикой, предупрежденной о непремѣнномъ провалѣ, это—цѣлый подвигъ... Испытать такое состояніе, какое выпало мнѣ на долю въ день перваго представленія «Гамлета», мнѣ кажется, не приходилось никому, и дай Богъ, чтобы никто его не испытывалъ...

Въ бенефисъ 1881 года я поставилъ «Ревизора» съ новой обстановкой и по прежнему тексту, по которому его играли въ первый разъ въ 1836 году при жизни Н. В. Гоголя.

Комедія эта, какъ мнѣ извѣстно отъ И. И. Сосницкаго, до перваго представленія много разъ передѣлывалась и приспособлялась къ сценѣ авторомъ, при совѣтахъ его друзей, между прочимъ, актеровъ Щепкина и Сосницкаго. До начала семидесятыхъ годовъ она такъ и игралась всюду, пока не пришла идея моему покойному сослуживцу П. И. Зуброву поставить «Ревизора» въ свой бенефисъ по полному тексту, въ первоначальномъ его видѣ, напечатанномъ въ собраніи сочиненій Гоголя.

Многіе доказывали Зуброву, что это повредитъ пьесѣ, что представленіе ея будетъ длиться часа на полтора лишнихъ, что исправленный Гоголемъ текстъ несравненно выгоднѣе и интереснѣе. Онъ, всетаки, настоялъ на своемъ и получилъ разрѣшеніе играть «Ревизора» въ новомъ, ему угодномъ видѣ. Зубровъ, конечно, преслѣдовалъ коммерческія цѣли. Ему нужно было сдѣлать сборъ, чего онъ и достигъ при помощи широкой рекламы.

Зуброву это было разрѣшено только на одинъ спектакль, но послѣ его бенефиса участвовавшіе въ комедіи полѣнились переучивать свои роли, и «Ревизоръ» сталъ играть въ этомъ невѣрномъ видѣ почти на всѣхъ театрахъ, какъ будто бы какая нибудь новость, до того не разрѣшаемая цензурой.

Въ 1881 году на представленную мною пьесу для бенефиса «Христофоръ Колумбъ» я получилъ отъ начальника репертуара Л. рѣшительный отказъ. Не имѣя другой про запасъ пьесы, я надумалъ поставить «Ревизора», но непремѣнно по тому экземпляру, по которому эта комедія игралась при Гоголѣ. Однако, получить на это разрѣшеніе было не такъ легко, какъ, напримѣръ, Зуброву, установившему на императорской сценѣ не того «Ревизора», котораго Гоголь приготовилъ для театра, а того, который попалъ въ печать, съ цѣнною только для библиографовъ полнотою.

— Почему вы знаете, — спросилъ меня Л., — что Гоголь желалъ исполненія своей комедіи именно по тому списку, на который вы указываете, а не по тому, по которому теперь играютъ?

— Я это знаю отъ близкихъ къ Гоголю людей. Напримѣръ, отъ Ивана Ивановича Сосницкаго, который первый игралъ городничаго и былъ друженъ съ авторомъ «Ревизора».

— Гдѣ же этотъ, указываемый вами, текстъ?

— Въ нашей театральной библиотекѣ, въ рукописной.

— Я не могу довѣрить, — возразилъ Л., — ни вамъ, ни Сосницкому, котораго нѣтъ уже на свѣтѣ, ни тѣмъ болѣе рукописи, которую могли передѣлывать помимо самого автора другіе. Если вы доставите мнѣ печатный экземпляръ, схожій съ рукописью, тогда я разрѣшу играть «Ревизора» попрежнему, но не иначе.

Что дѣлать? Гдѣ достать этотъ печатный экземпляръ? Да и есть ли онъ? Я бросился въ Публичную библиотеку и, къ счастью своему, нашелъ тамъ изданіе комедіи 1836 года, съ собственноручной подписью Гоголя «Николаю Васильевичу Дюру отъ автора». Мнѣ любезно разрѣшили взять эту книгу на одинъ день къ себѣ. Конечно, я объяснилъ предварительно свою неотложную надобность въ ней.

Сличивъ экземпляръ съ рукописью, Л. снизошелъ къ моей просьбѣ, и «Ревизоръ» былъ представленъ попрежнему. Однако, вскорѣ послѣ моего бенефиса было приказано опять вернуться къ тексту, напечатанному въ сочиненіяхъ. Итакъ, до сихъ поръ, съ легкой руки П. И. Зуброва, «Ревизоръ» играетъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, а не въ исправленномъ для сцены самимъ авторомъ.

XXVII.

Режиссеръ Е. И. Вороновъ. — Самообразование его. — Его скромное положеніе на сценѣ. — Неожиданное назначеніе главнымъ режиссеромъ. — Завѣтъ А. М. Геденова. — Условіе не влюбляться въ актрисы. — Равнодушіе Воронова къ женщинамъ. — Характеръ Воронова. — Его педантизмъ и пунктуальность. — Штрафъ съ самого себя. — Оштрафованіе Самойлова. — Раздраженіе Самойлова по этому поводу. — Объясненіе съ Вороновымъ. — Невозмутимость его. — Болѣзнь законнѣе семейныхъ обстоятельствъ. — Отношенія режиссера къ артистамъ. — Странность характера относительно портрета. — Страсть Воронова къ писарству. — Обхожденіе съ драматургами. — Отношеніе къ Федотову. — Лаконическій отвѣтъ. — Объясненіе актера-просителя съ Вороновымъ. — Случай съ артисткой Г-вой. — Отказъ отъ режиссирования оперетки. — Взглядъ Воронова на оперетку. — Умѣнье ставить народныя сцены. — Теорія драматическаго искусства, написанная Вороновымъ.

При моемъ поступленіи на сцену, режиссеромъ русской драматической труппы былъ Евгеній Ивановичъ Вороновъ, личность въ высшей степени честная, оригинальная и заслужившая всеобщее уваженіе. Обыкновенно его находили слишкомъ педантичнымъ, черзчуръ строгимъ, непоколебимо упрямымъ и въ то же время весьма справедливымъ, серьезнымъ, хорошо знающимъ свое дѣло. Свое скудное воспитаніе Евгеній Ивановичъ получилъ въ дореформенномъ театральномъ училищѣ и, не смотря на это, онъ считался образованнымъ, умнымъ человѣкомъ; существованію этого мнѣнія

способствовала его начитанность, любознательность, при помощи которой онъ и достигъ довольно таки основательнаго самообразования.

По выходѣ изъ театральнаго училища больнымъ и чахоточнымъ, каковымъ онъ и былъ до конца жизни, Евгеній Ивановичъ занялъ въ драматической труппѣ очень скромное положеніе «незамѣтной полезности». Его актерское дарованіе было весьма сомнительно, своихъ административныхъ способностей онъ ни въ чемъ не проявлялъ и не могъ проявить, а между тѣмъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, получилъ должность главнаго режиссера. Этому почетному возвышенію онъ обязанъ былъ какому-то глупому, скабрзному происшествію, имѣвшему мѣсто за кулисами Александринскаго театра; до него бывшій режиссеръ позволилъ себѣ что-то черезчуръ непозволительное съ одной изъ актрисъ, на что вспылалъ гнѣвомъ директоръ А. М. Гедеевъ, моментально уволившій виновника и на его должность моментально же опредѣлившій актера Воронова. Этотъ выборъ повергъ всю труппу въ недоумѣніе, всѣ удивленно пожимали плечами и скептически присматривались къ дѣятельности новичка режиссера, до этого ничѣмъ себя не зарекомендовавшаго. Наибольшее распространеніе имѣла та догадка, въ которой мотивировалось избраніе Воронова за его скромный, тихій характеръ, за его манеру держаться особнякомъ, за его постоянную сосредоточенность и главное за невнимательность къ дамскому персоналу.

Вотъ какъ самъ Вороновъ рассказывалъ о своемъ назначеніи.

— Въ одно прекрасное утро меня приглашаютъ къ директору. Это неожиданное приглашеніе, конечно, ввергло меня въ смущеніе. Съ трепетнымъ сердцемъ являюсь къ Александру Михайловичу и предъ его грозными очами превращаюсь въ вопросительный знакъ. Оглядѣлъ онъ меня съ ногъ до головы. «Ну, думаю, провинился». Я приготовился выслушать обычное распеканіе, съ жестокими словами, но, противъ чаянія, его превосходительство, не возвышая голоса, проговорилъ: «назначаю тебя режиссеромъ». Это было такъ внезапно, что я не напелся отвѣтомъ, и на лицѣ моемъ, должно быть, выразилось большое изумленіе, потому что Гедеевъ поспѣшилъ замѣтить: «Не удивляйся, я знаю лучше тебя, что дѣлаю. Служи, но помни одно, что ты будешь не начальникомъ, а только распорядителемъ. Самое же главное—не смѣй влюбляться въ актрисы!!». Я поблагодарилъ его за назначеніе и относительно послѣдняго пункта условія сказалъ: «Ваше высокопревосходительство, не извольте беспокоиться насчетъ моей влюбчивости. Я женатъ и довольствуюсь своимъ семейнымъ очагомъ»...

И точно во всю свою жизнь Вороновъ не оказалъ ни малѣйшаго предпочтенія ни одной актрисѣ, не смотря ни на какія съ ихъ стороны искательства, ласки, взгляды и т. п. вѣрныя средства женскаго обольстительнаго кокетства. Онъ былъ не приступень, и

ни одна изъ нихъ не могла никогда смягчить его рѣшеній относительно взысканій, штрафовъ и пр.

Евгеній Ивановичъ обладалъ изумительнымъ хладнокровіемъ и умѣло отстранялъ отъ себя всякія неудовольствія и неприятности, которыя могли быть ему нанесены кѣмъ либо изъ подчиненныхъ, не всегда соглашавшихся съ его дѣйствіями, всегда строго мотивированными правилами и законами. Всѣ его служебныя распоряженія дѣлались согласно печатному положенію объ обязанностяхъ артистовъ; въ своихъ требованіяхъ и взысканіяхъ онъ былъ пунктуаленъ до мелочности и, кромѣ всего этого, обожалъ бумажное дѣлопроизводство. Иногда даже необходимыя личныя объясненія съ начальствомъ и конторой онъ замѣнялъ письменными рапортами и отчетами, что подчасъ доходило до смѣшнаго.

Какъ онъ былъ пунктуаленъ, можно видѣть изъ того, что, будучи режиссеромъ, однажды самъ себя општрафовалъ за получасовое опозданіе на репетицію. Самъ на себя написалъ рапортъ и настоялъ въ конторѣ, чтобъ непременно сдѣлали вычетъ изъ его жалованья. А какимъ образомъ Вороновъ умѣлъ охлаждать гнѣвъ и раздраженіе недовольныхъ имъ артистовъ, можно припомнить одинъ случай съ В. В. Самойловымъ.

Является однажды изъ театральной конторы на репетицію Василій Васильевичъ взволнованный и раздраженный, причиною чего было то, что съ него взяли по рапорту Воронова штрафъ за неявку на репетицію. Войдя въ уборную, гдѣ назначена была считка новой пьесы, и гдѣ еще Евгенія Ивановича не было, Самойловъ скалъ, обращаясь къ сослуживцамъ:

— Чортъ знаетъ, что у насъ нынѣ дѣлается... Никогда небывалое безобразіе! Абсурдъ!

— Что такое?

— Да какъ же: прихожу сейчасъ въ контору, и вдругъ мнѣ преподносятъ сюрпризъ. Смотрю бумагу и глазамъ не вѣрю: я општрафованъ на восемьдесятъ рублей... За что—про что?

— Неужели?

— Да-съ... Я этому, съ позволенія сказать, господину режиссеру послалъ какъ-то записку, что никакъ не могу присутствовать на репетиціи, а онъ взялъ и настрочилъ на меня штрафъ. Я его своевременно увѣдомилъ о невозможности явиться въ театръ, чего ему нужно было?.. Гдѣ онъ, чортъ, его возьми?.. Я съ нимъ сейчасъ такъ поговорю, что отобью охоту жаловаться на меня.

Черезъ нѣсколько минутъ входитъ Вороновъ. Самойловъ бросается къ нему на встрѣчу и только собирается обрушиться на него съ упреками, какъ Евгеній Ивановичъ прехладнокровно и съ невинной улыбкой хватаетъ его за руку и участливо говоритъ:

— Здравствуйте, дорогой Василій Васильевичъ! Что съ вами? Вы точно не въ духѣ?

— Какъ что? Помилуйте... Вы на меня рапортъ строчите, а съ меня деньги берутъ? Что это за новости, что это за порядки? Что это за канцелярщина у насъ появилась?

— Вы напрасно изволите гнѣваться, Василій Васильевичъ,—хладнокровно отвѣтилъ Вороновъ.—Я штрафоваль васъ по обязанности: вы не явились на репетицію...

— Такъ что-жь? Я вѣдь васъ своевременно извѣстилъ запиской о томъ, что не могъ быть... Получили вы эту записку?

— Получить-то ее я получилъ, но что вы въ ней написали?.. По какой причинѣ вы не явились-то?

— Какъ по какой? Кажется, ясно было написано, что не могу быть на репетиціи по домашнимъ обстоятельствамъ.

— Ну, вотъ видите ли, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ... Вы слишкомъ 30 лѣтъ прослужили на сценѣ и не знаете, что по уставу эта причина не принимается во вниманіе. Только болѣзнь допускаетъ игнорированіе репетиціей... одна болѣзнь...

— Вотъ это мило! Болѣзнь!—возразилъ сердитымъ и насмѣшливымъ тономъ Самойловъ.—Такъ, повашему, если бы я написалъ, что у меня внезапное разстройство желудка, то вы меня не подвергли бы штрафу?

— Разумѣется... И, пожалуйста, въ слѣдующій разъ пишите всегда такъ... а ужъ теперь извините... не моя вина, я только исполнитель возложенныхъ на меня обязанностей.

Со всѣми артистами у Воронова существовали отношенія только служебныя. Онъ положительно ни съ кѣмъ не былъ ни друженъ, ни близокъ и потому, конечно, ни къ кому не былъ пристрастенъ, благодаря чему избѣгалъ всякихъ упрековъ. Онъ даже ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ не велъ знакомства домами. Ни у одного изъ нихъ онъ никогда не бывалъ, точно такъ же, какъ и его никто не посѣщаль. Странности его характера можно приписать то, что онъ во всю свою жизнь не позволялъ снять съ себя портрета, почему вовсе и не имѣется его изображенія ни фотографическаго, ни какого либо другого. Онъ это считалъ совершенно бесполезнымъ какъ для себя, такъ и для другихъ.

Евгеній Ивановичъ имѣлъ всегда бодрый видъ, не смотря на то, что былъ уже пожилымъ человѣкомъ. Темнорусые волосы обрамляли его худощавое лицо, всегда казавшееся озабоченнымъ, усталымъ, серьезнымъ. Въ разговорѣ придерживался резонерскаго тона, щеголялъ хладнокровіемъ и любилъ иногда иронизировать. Обладалъ спартанскими наклонностями въ домашнемъ обиходѣ и никогда не занимался своимъ туалетомъ. Покрой костюма имѣлъ оригинальный, всякія удовольствія и развлеченія не признавалъ вовсе и даже слушать о нихъ не хотѣлъ. Имѣлъ непреодолимую страсть къ писарству, почему нерѣдко собственноручно соста

влялъ монтировки новыхъ пьесъ, не говоря уже о рапортахъ и отчетахъ, которыми онъ буквально осаждалъ контору.

Многіе его не любили, но уважали безусловно всѣ. Это уваженіе онъ заслуживалъ своею неподкупностью, справедливостью и честностью... Ко всѣмъ драматургамъ, будь это Островскій, графъ А. К. Толстой, или только что начинающій неизвѣстный бѣднякъ и труженикъ, Вороновъ относился совершенно одинаково. П. С. Оедорова онъ недолюбливалъ, а потому всякое давленіе со стороны начальника репертуара находило въ немъ самоотверженнаго оппонента, въ особенности же его возмущали нападки Павла Степановича на артистовъ, за которыхъ Евгеній Ивановичъ энергично и смѣло заступался. Это я даже испыталъ на себѣ, когда одно время Оедоровъ меня притѣснялъ...

Къ просьбамъ неспособныхъ актеровъ, несносно пристававшихъ къ Воронову о порученіи имъ хорошихъ отвѣтственныхъ ролей, Евгеній Ивановичъ относился безучастно. Напримѣръ, одинъ изъ такихъ незамѣтныхъ, но крайне самолюбивыхъ господъ, упорно и долго насѣдалъ на него съ требованіемъ дебюта. Вороновъ каждый разъ отвѣчалъ ему только однимъ звукомъ: «у!... у!!... у!!!...».

Актеру это, наконецъ, надоѣло, и онъ, выбравъ удобную минуту, потребовалъ объясненія. Подошелъ онъ не безъ волненія къ Евгенію Ивановичу и раздраженно спросилъ:

— Позвольте же узнать, что это за проклятое «у-у-у», которыми вы изволите постоянно отвѣчать на мою просьбу?

— Неужели вы не понимаете?

— Конечно, не понимаю... Да не только я, но, надо полагать, никто въ мірѣ этого не пойметъ...

— Въ такомъ случаѣ я вамъ разъясню: «у» есть междометіе.

— Согласенъ, что междометіе, но что оно у васъ означаетъ?

— У-ди-вле-ні-е!

Всякое приказаніе изъ дирекціи или непосредственно отъ начальства Вороновъ исполнялъ безпрекословно, не выражая ни одобренія, ни порицанія. Къ женской красотѣ онъ не питалъ ни малѣйшаго почтенія; на женскія прелести и костюмы смотрѣлъ на сценѣ, какъ на декорацію, необходимую для пьесы, и строго въ этомъ отношеніи требовалъ приличія и благонравія. Однажды, во время представленія оперетты «Орфей въ аду», въ антрактѣ подходитъ къ Воронову его жена, бывшая также актрисой, и обращаетъ его вниманіе на черезчуръ откровенное декольте артистки Г—вой, которая готовилась предстать передъ публикой въ такомъ видѣ. Евгеній Ивановичъ, съ обычнымъ своимъ спокойствіемъ, приблизился къ Г—овой, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ и невозмутимымъ голосомъ произнесъ, показывая рукой на ея грудь:

— Пожалуйста, уберите все это!!

Вороновъ былъ непримиримымъ врагомъ оперетки, и когда она стала появляться на нашей сценѣ, онъ наотрѣвъ отказался ставить «Прекрасную Елену», предоставивъ это дѣло самому бенефицианту. Свой отказъ онъ мотивировалъ слѣдующимъ доводомъ:

— Я нахожу, что ставить подобную безнравственную пьесу, какъ «Прекрасная Елена», на той же сценѣ, гдѣ играетъ Шекспиръ, Гоголь, Грибоѣдовъ, стыдъ и грѣхъ. Для подобныхъ вещей нужно устроить другой театръ и поставить другого режиссера. Я считаю своею нравственною обязанностью не допускать этой скабрёзной галиматии до императорскаго театра и недоумѣваю, какъ она проникла къ намъ...

И дѣйствительно «Елена» была поставлена безъ его участія.

Въ историческихъ и народныхъ пьесахъ, какъ, на примѣръ, «Смерть Іоанна Грознаго», «Дмитрій Самозванецъ» Чаева и др., Вороновъ мастерски, эффектно и великолѣпно ставилъ народныя сцены. Подъ его управленіемъ толпа жила, это были живыя лица, принимавшія близкое участіе въ ходѣ событій. Всѣ эти картины обыкновенно вызывали общій восторгъ зрителей и имѣли огромный успѣхъ.

Не знаю, на сколько хорошимъ преподавателемъ драматическаго искусства былъ Вороновъ, но свѣдущіе люди отзывались съ большою похвалою о написанной имъ «теоріи».

XXVIII.

И. И. Куликовъ.—Начало знакомства съ нимъ.—Мой первый визитъ къ нему.—Его веселость и остроуміе.—Время его режиссерства на сценѣ Александринскаго театра.—Его строгость.—Случай съ женой его, Варварой Александровной.—Исполнительный сторожъ.—Резолюція Куликова.—Штрафъ съ Куликова.—Объявленіе ему объ этомъ.—«Не вѣрно!»—Находчивость его.—Разговоръ Куликова въ церкви съ двумя офицерами.—Его драматургическая дѣятельность.—Его оперныя либретто.—Зарокъ Куликова относительно работы для театра.—Отмѣна этого зарока.—Служба Куликова на Московской сценѣ и переходъ въ Петербургъ.—Происхожденіе званія «главный» режиссеръ.—Разсказъ Куликова про Максимова.—Пѣшее путешествіе въ гости.—Встрѣча съ актрисой Дюръ.—Ухаживаніе за ней.—Носовой платокъ.—Пропажка пяти рублей.—Ихъ похититель.—Трагическое привзаніе.

Съ Николаемъ Ивановичемъ Куликовымъ, бывшимъ гораздо ранѣе Воронова главнымъ режиссеромъ нашей драматической труппы, я поддерживалъ долготѣнее близкое знакомство. Послѣднія сорокъ лѣтъ жизни онъ занимался исключительно переводами и сочиненіями оригинальныхъ пьесъ, отъ которыхъ имѣлъ хорошій доходъ, дававшій ему возможность безбѣдно существовать.

Когда я впервые встрѣтился съ Куликовымъ, это былъ уже достаточно дряхлый старикъ, ходившій на костыляхъ, однако живо

интересовавшийся театромъ. Мой первый визитъ къ нему былъ вызванъ однимъ изъ закулисныхъ празднествъ, къ которому готовились заранѣе. Я посѣтилъ его съ просьбой сочинить приличную случаю интермедію для торжественнаго спектакля, въ которомъ собирались чествовать, не помню теперь по какому поводу, В. В. Самойлова. Я принималъ большое участіе въ составленіи этого спектакля и намѣревался къ этому же привлечь Н. И. Куликова, какъ талантливаго драматурга, который могъ облегчить задачи устройствей спектакля и помочь имъ своими совѣтами, а главное сочиненіемъ интермедіи.

Чуть не съ первыхъ же словъ я такъ близко сошелся съ Николаемъ Ивановичемъ, что вскорѣ мы сдѣлались большими друзьями. Правда, для Самойловскаго чествованія онъ ничего не устроилъ, но это не помѣшало намъ продолжать знакомство, кончившееся только съ его смертью, послѣдовавшею три года тому назадъ.

Куликовъ хоть кого могъ очаровать своимъ умомъ, неподражаемымъ сарказмомъ, блестящимъ остроуміемъ, а главное—заразительною веселостью, которая не покидала его никогда. Ни почтенный возрастъ, ни мучившія его постоянно болѣзни не удерживали Николая Ивановича отъ юмора, которымъ онъ щеголялъ всю жизнь.

Въ бытность свою режиссеромъ, каковымъ его я, конечно, уже не засталъ, онъ пользовался огромнымъ значеніемъ и вліяніемъ не только за кулисами, но даже и въ дирекціи. Его злаго языка всѣ боялись болѣе всякихъ выговоровъ и распеканій, которыя въ то время были въ большемъ ходу у начальствующихъ лицъ. Насмѣшка же и сарказмъ Куликова дѣйствовали сильнѣе взысканій, благодаря чему онъ нажилъ себѣ массу враговъ и недоброжелателей, которые и способствовали его преждевременному уходу со сцены.

Куликовъ былъ строгимъ режиссеромъ и администраторомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его собственный рассказъ о томъ, какъ онъ разобралъ однажды жалобу своей жены Варвары Александровны ¹⁾ на одного изъ закулисныхъ сторожей.

Дѣло происходило въ Александринскомъ театрѣ. Былъ отданъ Куликовымъ приказъ, чтобы во время спектакля никто не смѣлъ стоять въ кулисахъ, въ особенности первыхъ. Варвара Александровна, забывшая это запрещеніе, явилась на какое-то выдающееся представленіе, когда театръ былъ переполненъ публикой, и заняла мѣсто близъ портала. Какъ нарочно, дежурилъ новый сторожъ, совершенно не знавшій Куликовой. Онъ подошелъ къ ней и попросилъ ее уйти. Та смѣрила его строгимъ взглядомъ и спокойно осталась на занятомъ ею мѣстѣ. Сторожъ настоятельнѣе сталъ требовать удаленія и пригрозилъ жалобой.

¹⁾ Урожденной Сабуровой, дочери знаменитыхъ въ свое время артистовъ Сабуровыхъ.

— Отстань ты отъ меня!—крикнула, наконецъ, Варвара Александровна.—Я пожалуюсь на тебя...

— Жалуйтесь сколько вамъ угодно...

— Да развѣ ты, глупый человѣкъ, не знаешь меня?

— И знать не должно!.. Уйдите подобру-поздорову, безъ грѣха: вотъ вамъ и весь сказъ.

— Я жена главнаго режиссера, и до меня запрещенія не касаются.

— Не могу знать! Мнѣ все единственно... Мнѣ велѣно не допускать—ну, я и не допущаю... Пожалуйте вонъ!

Куликова вспылила и бросилась розыскивать мужа. Минуть черезъ пять она привела Николая Ивановича къ этому исправному сторожу и, жалуясь на него, сказала:

— Сдѣлай милость, объясни этому олоху, кто я... и внуши ему, какъ долженъ онъ обращаться со мной...

Куликовъ приблизился къ дежурному и спокойно, что называется, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», проговорилъ:

— Ты хорошенько замѣть эту барыню... Это, братецъ, моя жена... И если въ другой разъ она будетъ стоять за кулисами, то ты, пожалуйста, ничего не смѣй ей говорить... а просто возьми подъ ручку, да и выведи... Да не забудь прибавить, что торчать за кулисами запрещено всѣмъ безъ исключенія...

Куликовъ въ молодости отличался ловкостью, находчивостью и увертливостью. Однажды, во время его режиссерства, онъ въ чемъ-то проштрафился по службѣ, и директоръ А. М. Геденовъ, сильно разгнѣванный, приказалъ вычесть изъ его жалованья пятьдесятъ рублей, что собственноручно и написалъ на докладѣ, поданномъ изъ конторы. Для объясненія этой резолюціи Александръ Михайловичъ велѣлъ пригласить Куликова въ свою канцелярію, которая находилась рядомъ съ его кабинетомъ. Когда Николай Ивановичъ явился, Геденовъ вздумалъ поинтересоваться впечатлѣніемъ, какое произведетъ его резолюція, и съ этой цѣлью тихонько подошелъ къ двери и сталъ всматриваться въ фізіономію режиссера, который его, конечно, не замѣчалъ.

Куликову показали докладъ, на которомъ красовалась помѣтка Геденова: «удержать изъ жалованья 50 рублей». Онъ со вниманіемъ прочелъ это непріятное для него извѣстіе и съ горячностью сталъ говорить чиновнику:

— Помилуйте... что это за новости... Я ровно ничѣмъ не провинился... Это несправедливо... Невѣрно...

Александръ Михайловичъ, обладавшій вспыльчивостью, мгновенно выскочилъ изъ кабинета и закричалъ на Куликова, совершенно не ожидавшаго такого оборота дѣла:

— Что такое?.. Невѣрно?.. Какъ ты осмѣливаешься говорить это про свое начальство?... Что несправедливо? Что неvěрно? Говори...

Куликовъ, смиренно показывая на бумагу, замѣтилъ:

— Извините, ваше высокопревосходительство... не извольте гнѣваться... а я сказалъ правду...

— Какую? Въ чемъ твоя правда? Отвѣчай!

— Я только сказалъ, что вы изволили невѣрно написать слово «удержать»... Оно у васъ вышло черезъ ѣ, а на самомъ-то дѣлѣ это пишется черезъ ест (е)...

Николай Ивановичъ всегда былъ религіознымъ, вѣрующимъ человѣкомъ. Наканунѣ праздниковъ и въ самые праздники посѣщалъ церковныя службы и подолгу выстаивалъ въ храмахъ, не взирая на слабость ногъ. Однажды, это уже въ послѣдніе годы жизни, онъ слушалъ обѣдню въ домовою церкви. Неподалеку отъ него стояли два молодыхъ офицера, которые все время разговаривали и изрѣдка смѣялись. Такое непристойное ихъ поведеніе ужасно сердило Николая Ивановича, который всячески выражалъ на это неудовольствіе, но тѣ не обращали на него вниманія и продолжали свою веселую бесѣду. Наконецъ, Куликовъ не выдержалъ и, приблизясь къ разговаривавшимъ, тихо замѣтилъ имъ:

— Какіе вы храбрые!

— Что такое?—не безъ строгости переспросилъ одинъ изъ нихъ, уничтожающе осмотрѣвъ старика съ головы до ногъ...

— Я говорю... какой вы храбрый!—повторилъ Куликовъ, глубоко вздохнувъ.

— Какъ вы смѣете,—прошепталъ обидѣвшійся офицеръ.—Что вы хотите этимъ сказать?

— Ничего особеннаго... Дивлюсь только вашей храбрости... Вотъ вы даже Бога не боитесь: все время разговариваете...

Офицеры, конечно, замолчали.

Куликовъ былъ плодовитѣйшимъ водевиллистомъ, и всѣ его какъ оригинальныя пьесы, такъ равно и переводныя пользовались всегда хорошимъ успѣхомъ и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара. Особенно же популярны его: «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ», «Весною», «Средство выгнать волокитъ», «Цыганскія пѣсни въ лицахъ» и др. Послѣднія создали славу извѣстныхъ опереточныхъ артистовъ В. В. Зориной и А. Д. Давыдова, которые были и остались единственными, неподражаемыми исполнителями Стеши и Антипа. Помимо своей драматургической дѣятельности, Николай Ивановичъ былъ также и превосходнымъ либреттистомъ. Онъ не только переводилъ или сочинялъ, но даже самъ подтекстовывалъ. Либретто оперъ «Марта» и «Жидовка» принадлежатъ ему. Онъ же, по заказу знаменитаго композитора Антона Григорьевича Рубинштейна, написалъ слова для его оперы «Купецъ Калашниковъ». Во время этой работы Рубинштейнъ часто посѣщалъ старика, такъ какъ послѣдній по болѣзни не могъ ѣздить къ композитору. Въ одинъ изъ такихъ дѣловыхъ визитовъ познакомился и я съ Антономъ Григорьевичемъ,

который послѣ провѣрки словъ по музыкѣ всегда оставался у Николая Ивановича пить чай и «побесѣдовать».

Я познакомился съ Куликовымъ во время его полнѣйшаго бездѣйствія. Претендуя за что-то на театральный міръ, онъ далъ себѣ зарокъ отстать совершенно отъ сцены даже сочиненіемъ пьесъ, которыя, однако, давали ему изрядный доходъ. И дѣйствительно Николай Ивановичъ долгое время не работалъ для театра, но, сойдясь со мной, перемѣнилъ гнѣвъ на милость и вновь занялся сочинительствомъ комедій, оперетокъ и водевилей. Во время своихъ частыхъ свиданій съ нимъ, мнѣ удалось примирить старика съ любимой имъ сценой...

Въ молодости Куликовъ служилъ актеромъ въ Московскомъ театрѣ, но былъ далеко не выдающимся, хотя въ роли Хлестакова, какъ говорили, былъ весьма не дурень. Сестры же его, Прасковья Ивановна Орлова и Александра Ивановна Шубертъ ¹⁾, въ свое время были извѣстными актрисами, пользовавшимися громаднымъ успѣхомъ. Чувствуя ограниченность своихъ актерскихъ способностей, Николай Ивановичъ впослѣдствіи перешелъ на Петербургскую сцену, гдѣ и занималъ долгое время мѣсто главнаго режиссера.

Кстати слѣдуетъ замѣтить, что до сороковыхъ годовъ не существовало въ Петербургѣ главнаго режиссера, а былъ просто режиссеръ. Это же новое званіе ввелъ въ употребленіе режиссеръ московскаго театра Беккеръ, который, отсылая въ Петербургъ экземпляры новыхъ пьесъ, одобренныхъ къ представленію, удостовѣрялъ, ихъ подлинность, что непременно требовалось отъ режиссера, такую подписью:

«Главный режиссеръ Беккеръ».

А когда то же самое требовалось отъ петербургскаго режиссера для Москвы, то Николай Ивановичъ въ насмѣшку всегда росписывался на отправляемой пьесѣ:

«Самый главный режиссеръ Н. Куликовъ».

Изъ сослуживцевъ своихъ, Николай Ивановичъ былъ болѣе всѣхъ друженъ съ Алексѣемъ Михайловичемъ Максимовымъ, И. И. Сошницкимъ и А. Е. Мартыновымъ. Съ В. В. Самойловымъ же онъ постоянно пребывалъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Они ненавидѣли другъ друга и, при случайныхъ встрѣчахъ, всегда чувствительно пикировались...

Вспоминая своего друга Максимова, Куликовъ однажды рассказывалъ мнѣ забавный случай изъ жизни этого извѣстнаго актера и баловня публики.

¹⁾ Обѣ здравствующія. Первая проживаетъ въ Тверской губ., въ гор. Осташковѣ, гдѣ супругъ ея занимаетъ мѣсто городского головы, а вторая, весною 1893 г. справлявшая пятидесятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности, находится въ Петербургѣ.

Какъ-то разъ я и Максимовъ были приглашены въ гости,— повѣствовалъ Николай Ивановичъ.—Званный вечеръ обѣщаль быть многолюднымъ и торжественнымъ. Съ Алексѣемъ Михайловичемъ я сговорился отправиться туда вмѣстѣ. Наши средства въ то время были скудны вообще, въ тотъ же день въ особенности. Я положился на него, онъ на меня, но когда Максимовъ зашелъ ко мнѣ, чтобы отъ меня отправиться вмѣстѣ на вечеръ, обнаружился нашъ матеріальный кризисъ во всемъ своемъ ужасѣ. Впрочемъ, мы не принадлежали къ числу унывающихъ и отправились въ гости пѣшкомъ, хотя дорога намъ предстояла достаточно далекая... Въ числѣ множества приглашенныхъ была наша сослуживица актриса Дюръ, считавшаяся очень красивою, привлекательною женщиною. Максимовъ все время съ ней балагурилъ и дурачился: признавался въ любви, притворялся разочарованнымъ и угрожалъ покончить жизнь самоубійствомъ, если она не обратитъ на него своего благосклоннаго вниманія. Она много смѣялась и свое равнодушіе къ нему мотивировала его преступною вѣтренностью, съ чѣмъ соглашались многіе, бывшіе въ нашей группѣ. Въ концѣ концовъ Максимовъ шутя отнял у нея носовой платокъ и, цѣлуя его, спряталъ въ свой карманъ.

— Отдайте...—возвратите, запротестовала было Дюръ.

— Ни за что на свѣтѣ!—патетически воскликнулъ Алексѣй Михайловичъ.—Я никогда съ нимъ не разстанусь, онъ пойдетъ со мною въ гробъ и будетъ безмолвнымъ свидѣтелемъ вашего жестокосердія.

Долго она къ нему приставала, но онъ продолжалъ отговариваться шутками и только послѣ ужина Максимовъ возвратилъ ей ея собственность. Передъ самымъ уходомъ, она вдругъ вспомнила, что въ кончикѣ платка была завязана пятирублевая бумажка и начала ее всюду искать, такъ какъ въ платкѣ ея не оказалось. Максимовъ утверждалъ, что никакого узла не видалъ и никакъ не могъ потерять ея деньги. Онъ ловко обратилъ это въ мистификацію съ ея стороны и первый разразился смѣхомъ, говоря:

— Меня не проведешь!... Знаю я эту пятирублевку и удивляюсь, почему вы не обнаружили пропажу въ пять тысячъ рублей... Это было бы ужаснѣ!..

Когда этотъ инцидентъ утихъ, гости стали разъѣзжаться. Я вышелъ съ Максимовымъ на улицу и приготовился маршировать обратно домой, но вдругъ мой попутчикъ начинаетъ громкимъ голосомъ звать извозчика...

Я думалъ, что онъ это дѣлаетъ для важности, чтобы не проиграть въ глазахъ вмѣстѣ съ нами вышедшихъ гостей, и на этомъ основаніи сталъ поддерживать продѣлку товарища. Я громко закричалъ ему:

— Не нужно... хоть немного пройдемся пѣшкомъ... освѣжимся... Тамъ дальше найдемъ возницу...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ Максимовъ.—Я не могу идти пѣшкомъ... я никогда въ жизни не хожу пѣшкомъ... Садимся и ѣдемъ!

— Пожалуйста пройдемся... это такъ пріятно...

— Безъ разговоровъ! Завтра рано вставать и потому время терять нельзя.

Я повиновался. Мы сѣли въ пролетку и поѣхали. Завернувъ за уголь другой улицы, я началъ его уговаривать слѣзть съ извозчика, во избѣжаніе скандала, но онъ и слушать меня не захотѣлъ...

Наконецъ, подѣзжая къ дому, я вдругъ вспомнилъ о затерянной пятирублевкѣ Дюръ и испуганно его спрашиваю:

— Неужели... эти пять рублей... изъ платка?..

— Что-о?—грозно переспросилъ Максимовъ.

— Неужели это ты?..

Алексѣй Михайловичъ сдѣлалъ свирѣпую гримасу и, подражая В. А. Каратыгину, произнесъ трагическимъ голосомъ извѣстную фразу Жоржа изъ «Жизни игрока»:

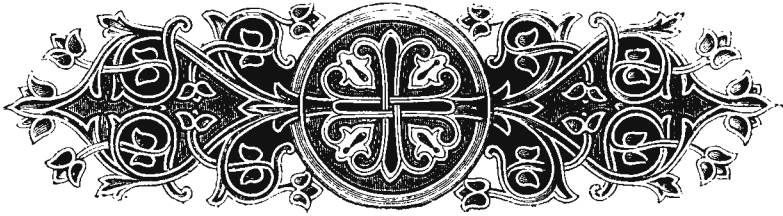
— Не я... не я... а бѣдность и отчаяніе!..

Я не удержался отъ хохота, онъ послѣдовалъ моему примѣру и подробно разсказалъ, какъ ловко удалось ему утаить эту пятирублевку. При полученіи же жалованья Максимовъ, конечно, возвратилъ Дюръ деньги и чистосердечно признался въ своемъ похищеніи, которое было вызвано нашимъ матеріальнымъ недостаткомъ. Она также много смѣялась и ничуть не претендовала на этого не-удержимаго шалуна.

А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МАРІЯ ДЕГУЖИ-НИЖЕГОРОДСКАЯ.

ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ время русское общество заинтересовано было судьбою двухъ маленькихъ плѣнницъ, которыя во время турецкой кампаніи 1877—1878 гг. взяты были войсками въ бою, выросли среди русскихъ полковъ, воспитались на скромныя средства самихъ офицеровъ, позаботившихся устроить имъ по возможности и свѣтлую будущность. Эта черта глубоко трогательная и симпатичная. Мы хотимъ рассказать о судьбѣ еще одной дѣвочки, черкешенки, взятой въ послѣдній періодъ Кавказской войны Нижегородскими драгунами. Ее звали Аѳизе, а потомъ Маріей Дегужи-Нижегородской. Ея исторія заключаетъ въ себѣ такъ много драматизма и такъ рельефно рисуетъ нѣкоторыя характерныя черты самого полка, что заслуживаетъ нѣкотораго вниманія общества.

Марія Дегужи была военною добычею нижегородцевъ. Во время жаркаго боя съ шапсугами, 7-го августа 1860 года, въ ущельѣ рѣчки Аѳипса, одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка, поручикъ Махатадзе, былъ посланъ въ цѣпь съ приказаніемъ начать отступление. До цѣпи было не болѣе 600—400 шаговъ, но ему пришлось проскакать лощину, покрытую мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Въ этой-то лощинѣ вдругъ изъ одного куста выскочилъ пѣшій шапсугъ и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ Махатадзе. Пуля пролетѣла мимо, а Махатадзе мимоходомъ, однимъ взмахомъ пашки, разрубилъ ему голову и поскакалъ далѣе. Мелькомъ онъ замѣтилъ только, что невдалекѣ стояла какая-то женщина съ ребенкомъ на рукахъ, а возлѣ нея вертѣлась маленькая дѣвочка. Возвращаясь назадъ, Махатадзе увидѣлъ трупъ убитаго имъ горца и возлѣ него сидѣвшую дѣвочку;

ни женщины, ни другого ребенка уже не было. Дѣвочка, очевидно, была брошена на произволъ судьбы. Махатадзе взялъ ее на сѣдло и привезъ къ своему эскадрону. Всѣ офицеры собрались посмотрѣть на столь необыкновенную добычу. Дѣвочкѣ на видъ было 4 или 5 лѣтъ; цвѣтныя лохмотья покрывали ее маленькое исхудалое тѣльце; она была не красива собою, или, по крайней мѣрѣ, казалась такой подъ толстымъ слоемъ грязи и пыли, свидѣтельствовавшихъ о долгомъ скитаніи по лѣсамъ послѣ разгрома родного аула. Она не хотѣла, или боялась заговорить, не отвѣчала на вопросы и глядѣла дикой, испуганной козочкой. Съ большимъ трудомъ добились только, что ее зовутъ Афизе.

Впослѣдствіи лазутчики разузнали, что отецъ ея, убитый Махатадзе, былъ уздень 1-й степени, по имени Дегужи, что семейство его вмѣстѣ съ нимъ переселилось въ день битвы и, вѣроятно, успѣло бы спастись, если бы Дегужи не соблазнился, повидимому, легкой возможностью убить русскаго офицера. Искушеніе это стоило ему головы, а дочери его плѣна; жена его успѣла бѣжать, и что случилось съ нею и съ мальчикомъ, котораго Махатадзе видѣлъ мелькомъ при отцѣ во время катастрофы, — осталось неизвѣстно.

Въ средѣ нижегородцевъ возникъ вопросъ, что дѣлать съ дѣвочкой. По старому обычаю, существовавшему у нихъ давно, рѣшено было признать ее дочерью Нижегородскаго полка, заботиться о ея воспитаніи и, по возможности, вывести ее на свѣтлую дорогу. Князь Амилахвари, какъ старшій изъ наличныхъ офицеровъ, взялъ ее на свое попеченіе. Тотчасъ же поскакалъ унтеръ-офицеръ въ станцію Григорьевскую, гдѣ квартировалъ 2-й дивизионъ, чтобы приготовить для приемыша чистое бѣлье, одежду и обувь. Когда вернулись драгуны, дѣвочку обмыли, приодѣли и приютили въ палаткѣ князя Амилахвари. Ближайшій надзоръ за нею порученъ былъ старому солдату Анаскевичу и фельдшеру Плуталову, которые замѣняли ей няньку и были первыми ея воспитателями. Простая добрая ласка русскаго солдата побѣдила упрямство маленькой горянки; она привязалась къ нимъ, полюбила этихъ страшныхъ чужихъ людей, которые носили ее на рукахъ, кормили ее лакомствами, дѣлали ей такія красивыя игрушки и рассказывали такія чудесныя сказки. Мало-по-малу маленькая Маша, какъ называли ее въ полку, освоилась съ своимъ положеніемъ; офицеры баловали ее наперерывъ; она стала звать ихъ братьями и только дичилась одного Махатадзе, не смотря на все его добродушіе и ласку. Быть можетъ, при видѣ его въ маленькой головкѣ смутно возникала страшная картина смерти отца. Она, однако, никогда не высказывала этого, видимо даже старалась побороть въ себѣ это чувство, но впечатлѣніе было уже черзчуръ сильно.

— Маша, — сказалъ ей однажды Амилахвари: — твоя мать жива, если хочешь, ты можешь возвратиться къ ней?

— Я не пойду къ матери,—грустно отвѣтила дѣвочка.

— Почему?

— Когда русскіе догоняли насъ, мой отецъ вернулся и хотѣлъ спасти меня, но его убили; мать же моя бѣжала и меня покинула. Зачѣмъ же я пойду къ ней?

Прошло около года. 20-го мая 1861 года въ станицѣ Николаевской семилѣтняя Афізе (такъ былъ опредѣленъ ея возрастъ по ея складу и по умственнымъ понятіямъ) была окрещена. Обрядъ былъ совершенъ въ Михайло-Архангельской церкви священникомъ Балбуціевымъ, благочиннымъ 5-й бригады Кубанскаго казачьяго войска. Воспріемниками были: командиръ Нижегородскаго полка Николай Павловичъ Граббе и жена казачьяго есаула Шотъ. Маленькая Афізе наречена была во святомъ крещеніи Маріей, а по имени воспріемника получила отчество «Николаевна». Фамилію ей присвоили двойную Дегужи-Нижегородская.

Въ тотъ же день всѣ офицеры, собравшись на крестинный пирогъ къ полковому командиру, постановили по возможности обезпечить будущность Маши матеріальными средствами, а для этого установить постоянные взносы изъ получаемаго жалованья. Въ результатъ этого и явился нижеслѣдующій документъ, подписанный командиромъ полка и всѣми наличными офицерами:

«Дано сіе обязательство штабъ и оберъ-офицерами Нижегородскаго драгунскаго ево королевскаго высочества наслѣднаго принца Виртембергскаго полка дѣвицѣ дворянкѣ (дочери узденя 1-й степени) Маріи Николаевнѣ Дегужи-Нижегородской въ томъ, что каждый изъ нихъ ежетретно, сколько кто самъ пожелаетъ, будетъ жертвовать въ пользу ея деньгами изъ получаемаго жалованья на ея воспитаніе и содержаніе впредь до замужества. По выходѣ же замужъ обязательные взносы прекращаются. Обязательство это распространяется также и на всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые будутъ производимы или переводимы въ сей полкъ.

«Образованная такимъ образомъ сумма, въ составъ которой принимаются и частныя пожертвованія, отсылается въ Московскую сохранную кассу для приращенія процентами. Всѣ документы и наличныя деньги хранить въ полковомъ денежномъ ящикѣ, въ вѣдѣніи полковаго казначея, по тѣмъ же правиламъ и подъ тою же отвѣтственностію, какъ всѣ полковыя суммы».

Чтобы охарактеризовать, какъ смотрѣли сами однополчане на это благое дѣло, приведемъ нѣсколько строкъ изъ современнаго письма одного нижегородца къ другому, бывшему въ то время въ отсутствіи: «Конечно,—сказано въ этомъ письмѣ,—не велика будетъ сумма, которая можетъ быть собрана нашими офицерами, получающими небольшое содержаніе, но все же эти деньги могутъ современемъ обезпечить сироту, попеченіе о которой составляетъ для каждаго изъ насъ святое дѣло»...

Въ пользу «нижегородской Маши», какъ писалось даже въ официальныхъ бумагахъ, поступало много посильныхъ пожертвованій и отъ офицеровъ, фамилій которыхъ мы не встрѣчаемъ подъ обязательствомъ.

Въ жизни дѣтей всегда встрѣчается какое либо выдающееся изъ ряда происшествіе, которое даетъ толчокъ ихъ любознательности и вызываетъ переломъ въ обычномъ ходѣ ихъ умственнаго

Марія Дегужи-Нижегородская.

развитія. Такимъ важнымъ событіемъ въ дѣтской жизни Маріи Нижегородской былъ пріѣздъ въ Бозѣ почившаго государя императора, посѣтившаго Кубанскую область въ 1861 году. Нижегородскій полкъ сопровождалъ государя до Ханъ-Кенды, куда онъ прибылъ ночью. На слѣдующее утро государь обходилъ лагерь. Войска вызваны были на линію. На правомъ флангѣ нижегородцевъ стоялъ начальникъ дивизіи генераль Тихоцкій, командиръ полка, и рядомъ съ нимъ князь Амилахвари. Машѣ велѣно было оставаться въ палаткѣ; но дѣвочка, слышавшая въ послѣдніе дни нескончаемые

«истор. вѣсти.», июль, 1894 г., т. LVII.

7

разговоры про предстоявшій приѣздъ государя, волновалась не меньше другихъ и, наконецъ, не выдержала. Одѣвшись въ красивый азіатскій костюмъ, она потихоньку пробралась позади своихъ драгунъ, и, подвигаясь постепенно все дальше и дальше, никѣмъ не замѣченная, остановилась наконецъ рядомъ съ Тихоцкимъ. Никто ея не видѣлъ. Все вниманіе и всѣ взоры обращены были на приближавшагося государя. Громкое ура неслось по линіи и гулкимъ, перекатнымъ эхомъ отдавалось въ горахъ. Минута была торжественная. Афизе подвинулась еще впередъ и очутилась какъ разъ передъ государемъ. Внезапное появленіе маленькой дѣвочки, среди грознаго военнаго стана, исключавшаго, казалось, всякую возможность присутствія въ немъ посторонняго лица, а тѣмъ болѣе ребенка, видимо изумило государя. Онъ улыбнулся.

— Это что у васъ?—спросилъ онъ Тихоцкаго.

Всѣ оглянулись—и только тутъ увидѣли свою Афизе. Тихоцкій доложилъ государю исторію дѣвочки, усыновленной нижегородцами. Государь обласкалъ ребенка и, взявъ его за руку, повелъ съ собою по лагерю. Такъ счастливая дѣвочка рука въ руку съ императоромъ и обошла всю линію. Вернулась она гордая и радостная. Государь далъ ей конфетъ и цѣлую горсть серебряныхъ денегъ. Маша оставила конфеты у себя, а монеты роздала Анаскевичу и Плуталову.

Съ этого момента, какъ замѣчаютъ очевидцы, Маша точно выросла на цѣлый годъ. Не всегда она чувствовала себя удовлетворенною тѣми свѣдѣніями, которыя могли ей сообщить Плуталовъ или Анаскевичъ, ничего не видѣвшіе дальше Кавказа, а ея любознательности между тѣмъ не было границы. Ей хотѣлось знать то, что знаютъ другія русскія дѣвочки. Наступала пора серьезно заняться ея образованіемъ.

Въ 1862 году, князь Николай Амилахвари (впослѣдствіи убитый на правомъ флангѣ), отправляясь въ Тифлисъ, взялъ съ собою Машу и помѣстилъ ее въ частный пансіонъ madame Фавръ. Живая отъ природы и рѣзвая, Маша усердно принялась за науки, и madame Фавръ, время отъ времени, сообщала полку объ ея успѣхахъ. «Она добрая дѣвочка,—писала она въ одномъ изъ писемъ къ князю Амилахвари,—и надѣюсь изъ нея выйдетъ славная дѣвица». Потомъ помѣстили ее въ заведеніе св. Нины. Здѣсь она все рѣже и рѣже вспоминала свое вольное дѣтство, свои аулы и горы. Прелесть дикой горской жизни теряла уже свое обаяніе, являясь пылкому воображенію только неясными призраками соннаго видѣнія: она начинала жить новою жизнію, жизнію ума и сердца. Нижегородцы позаботились снабдить ее прекраснымъ альбомомъ, въ которомъ находились карточки всѣхъ офицеровъ полка, и, перелистывая ихъ, маленькая Маша всецѣло отдавалась впечатлѣнію своего недавняго прошлаго, чувствовала себя въ кругу дорогихъ существъ,

любящихъ ее и заботящихся о ней. На князя Ивана Гивича Амилахвари она и не смотрѣла иначе, какъ на отца, и даже въ письмахъ называла его папашей. И какъ интересны своею наивностію и задумчивостію ея дѣтскія письма! Въ одномъ изъ нихъ она проситъ о присылкѣ санокъ, чтобы покататься, въ другомъ—проситъ мячикъ, прибавляя, что «куколь у нея много», съ радостію говорить, что «пофранцузски она уже разбираетъ», съ удовольствіемъ сообщаетъ о посѣщеніи ея нижегородскими драгунами, которыхъ неизмѣнно называетъ братьями, жаждетъ свиданія съ княземъ Иваномъ Гивичемъ, передаетъ ему свои маленькія бѣды объ износкѣ башмаковъ и платья, проситъ выслать денегъ на возобновленіе ея костюма и проч., и проч.

Нижегородцы, которыхъ судьба забрасывала въ Тифлисъ, никогда не упустили случая повидаться съ своею любимицею и сообщали свѣдѣнія о ней своимъ товарищамъ. «На этихъ дняхъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ, Д. Шишковъ, въ письмѣ своемъ къ князю Амилахвари:—я былъ на балѣ въ заведеніи св. Нины и видѣлъ нашу Машу. Она узнала меня и цѣлый вечеръ не отходила и танцевала со мною. Его высочество великій князь былъ также на балѣ. Онъ изволилъ много говорить съ Машей и спросилъ меня, кто объ ней теперь заботится. Я отвѣчалъ, что всѣ офицеры полка, а въ особенности ваше сіятельство».

Будущность ясная и тихая, казалось, улыбалась Машѣ. Но тутъ, къ сожалѣнію, повторилась исторія, такъ часто случающаяся съ дѣтми, попавшими въ непривычную для нихъ сферу жизни. Какъ оранжерейный цвѣтокъ, пересаженный въ грунтъ, нерѣдко погибаетъ, не выдержавъ прилива свѣта и воздуха, такъ и полевой цвѣтокъ, поставленный разомъ въ оранжерейныя условія, чахнетъ и умираетъ въ тюремномъ заключеніи. Этотъ цвѣтокъ и можетъ служить эмблемою «нижегородской Маши». Проводя въ прежнее время цѣлые дни въ палаткѣ или на открытомъ воздухѣ, шлепая по цѣлымъ часамъ босыми ноженками по грязи, она чувствовала себя физически гораздо бодрѣе, нежели въ городѣ. Обстановка комнатной жизни и приливъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній отражались губельно на ея организмѣ. Упорная золотуха, появившаяся сперва на головѣ, бросилась въ грудь. Ее лечилъ извѣстный въ Тифлисъ медикъ, Прибыль, но болѣзнь въ началѣ весны 1863 года сдѣлала такіе успѣхи, что начальница заведенія писала въ полкъ, совѣтуя взять Машу и отдать ее на излеченіе какому нибудь туземному медику. Князь Амилахвари распорядился отправить ее къ себѣ въ родовое имѣніе, въ сел. Чалы, Горійскаго уѣзда; тамъ она поправилась и снова возвратилась въ заведеніе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1865 года, Машу перевели въ Закавказскій дѣвичій институтъ; но здѣсь она заболѣла уже скарлатиною, простудилась вновь, и докторъ Гоппе вскорѣ заявилъ, что Маша больна чахоткою, и бо-

дѣвнѣ принимаетъ такіе размѣры, что ей необходимо перемѣнить обстановку и климатъ. 1 февраля 1868 года, ее взяли изъ института опять въ деревню къ князю Амилахвари. Лѣто она провела вмѣстѣ съ классными дамами въ Желѣзноводскѣ, гдѣ, судя по ея письмамъ, много танцевала на вечерахъ, и потомъ жила опять нѣкоторое время въ Чалахъ. Полкъ, между тѣмъ, прибылъ въ Тифлисъ. Чувствовала ли Маша, что ея жизнь вмѣсто расцвѣта угасаетъ, но только она высказала горячее желаніе жить и не покидать болѣе роднаго полковаго общества. Князь Амилахвари уже былъ женатъ, и въ лицѣ княгини Анны Александровны Маша нашла себѣ добрую, любящую маму, ласки которой такъ нужны были этой молодой нѣжной натурѣ. Ей шелъ уже пятнадцатый годъ. Это была дѣвушка высокаго роста, стройная, и если не красавица, то съ добрымъ симпатичнымъ лицомъ, оживлявшимся быстрыми и умными глазами. Въ сухомъ климатѣ Царскихъ Колодцевъ Маша стала чувствовать себя хуже и зимою тихо угасла.

Похороны ея были торжественныя. Весь полкъ, всѣ офицеры и солдаты, сопровождали гробъ «своей Маши» подъ трогательно-величавые звуки погребальнаго марша.

Надъ гробомъ дочери полка, взятой въ бою ребенкомъ, воспитанной офицерами и скончавшейся у нихъ на рукахъ, устроены кирпичный склепъ и надъ нимъ воздвигнута каменная часовня; кругомъ—прекрасный цвѣтникъ. Часовня стоитъ въ углу церковной ограды, и ея оштукатуренныя стѣны издали бросаются въ глаза своею яркою бѣлизною; крыльцо изъ тесанаго камня. Высокій шпиль покрытъ листовымъ желѣзомъ; надъ шпилемъ—крестъ. Внутри—роза со сломаннымъ стеблемъ и образъ св. Маріи, подъ нимъ надпись:

«Сооружено нижегородцами.

«Здѣсь покоится прахъ дочери Нижегородскаго драгунскаго полка, Маріи Дегужи, взятой въ плѣнъ ребенкомъ въ ущельѣ при рѣкѣ Аѳисѣ 7 августа 1860 года. Скончалась въ 1868 году. Цвѣла 15 лѣтъ».

Памятникъ освященъ 1 іюня 1870 года. Тогда же посадили вокругъ него четыре дерева: одно—князь Амилахвари, другое—княгиня Анна Александровна, третье—одинъ изъ офицеровъ, участвовавшій въ дѣлѣ 7 августа, гдѣ взята была Марія, и четвертое—инженерный офицеръ, строившій памятникъ.

Въ день открытія памятника былъ парадъ. Князь Амилахвари обошелъ ряды и, остановившись передъ Лазовымъ, однимъ изъ тѣхъ драгунъ, который былъ при взятіи въ плѣнъ Маріи, произвелъ его въ унтеръ-офицеры. «Просто было сказано,—писать въ своемъ письмѣ одинъ изъ очевидцевъ:—поздравляю, ты унтеръ-офицеръ!» Но я видѣлъ лица солдатъ и на нихъ прочелъ, какъ много чувствовали они въ эти минуты»...

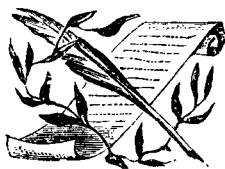
Въ благодарность за сооруженіе памятника во время поминальнаго обѣда, старшій вахмистръ Плетеницкій и унтеръ-офицеръ Лазовой поднесли инженеру простую солдатскую пашку съ перевязью.

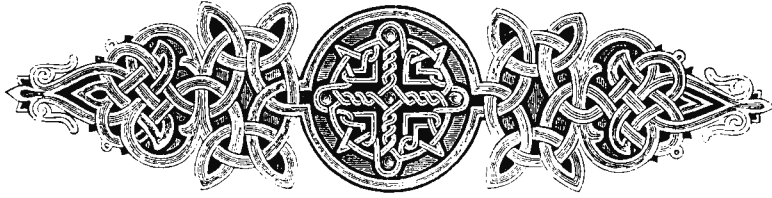
Для увѣковѣченія памяти дочери полка общество офицеровъ постановило ежегодно отправлять изъ процентовъ оставшагося послѣ нея капитала въ мѣстный военный храмъ въ Царскихъ Колодцахъ, при которомъ покоится прахъ ея, 25 рублей для поминовенія усопшей и ремонтрованія памятника.

По смерти Маріи, за всѣми издержками на ея воспитаніе, похороны и памятникъ, остался капиталъ въ 2.068 рублей, подъ официальнымъ названіемъ «капитала дочери полка Маріи Дегужи-Нижегородской». Этотъ капиталъ имѣетъ специальное назначеніе — выдачу ссудъ офицерамъ своего полка.

Въ результатѣ—имя Маріи не умираетъ въ полку, потому что наслѣдіе, оставленное ею, не умаяясь, переходитъ отъ стараго поколѣнія къ новому, поддерживая въ немъ память объ одномъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ эпизодовъ внутренней, такъ сказать, духовной жизни полка.

В. Потто.

ПОСОБІЕ.

(Очеркъ изъ станичнаго быта).

I.

АМАЯ большая комната станичнаго правленія, называемая «майданомъ», шумѣла и гудѣла отъ множества голосовъ. Шло засѣданіе станичнаго схода по продовольственному вопросу. Засѣданіе было бурное. Вся комната, уставленная длинными, черными скамьями, съ бѣлыми номерками, высокая, съ потемнѣвшимъ потолкомъ, съ ободранными стѣнами, съ огромными окнами, въ которыхъ многія стекла были разбиты, — вся комната полна была народа. На скамьяхъ сидѣли выборные отъ каждаго десяти дворовъ станицы («десятидворные»); выборные — степенные, солидные бородачи, въ самыхъ разнообразныхъ фуражкахъ и папахъ, поддевкахъ и пальто офицерскаго покроя, крича, размахивая руками, вскакивая съ мѣстъ, ругаясь другъ съ другомъ и съ атаманомъ, рѣшали предлагаемые на обсужденіе вопросы.

За скамьями стояла густая толпа зрителей, въ числѣ которыхъ были и просители хлѣбныхъ ссудъ. Когда начинали шумѣть и кричать выборные, въ этой толпѣ зрителей также многіе кричали и шумѣли, хотя, по закону, это строго воспрещалось и преслѣдовалось, но нарушители порядка обыкновенно укрывались за чужими спинами отъ зоркаго глаза атамана. Въ толпѣ зрителей были и женщины; эти всѣ исключительно были просительницы — старухи-вдовы и престарѣлыя одинокія дѣвы.

На четырехугольномъ возвышеніи, у той стѣны, на которой висѣлъ портретъ государя и царскій вензель на разорванномъ старомъ полотнѣ, сидѣли вокругъ стола: атаманъ, два «довѣренныхъ», казначей, военный писарь, писарь гражданскій, одинъ мѣстный офицеръ и «есаулецъ». Когда шумъ особенно долго и упорно не прекращался, есаулецъ поднималъ вверхъ свою клюшку и оглушительнымъ, чрезвычайно звонкимъ голосомъ кричалъ:

— М-ма-а-лчи, честная станица!

Шумъ обыкновенно начинался разомъ, взрывомъ, точно вспыхивалъ, и нѣкоторое время стоялъ на одной высотѣ, ни уменьшаясь, ни увеличиваясь. Послѣ перваго окрика есаульца: «молчи, честная станица!», онъ постепенно затихалъ и переходилъ въ жужжаніе, похожее на отдаленный шумъ лѣса или гулъ моря. Наконецъ—второй окрикъ, и одиноко журчали два-три голоса, и затѣмъ на нѣкоторое время наступала тишина передъ новымъ взрывомъ криковъ.

Атаманъ, въ новой папахѣ, съ «наскѣкой» въ рукахъ и пашкой черезъ плечо, дѣлалъ докладъ.

— Выслушайте, господа выборные, заявленіе казака Андрея Ретивова,—поднимаясь съ своего мѣста, съ полулистомъ сѣрой помятой бумаги, сказалъ онъ.

— По-молчи, честная станица!—крикнулъ есаулецъ, хотя тишина въ данную минуту уже никѣмъ не нарушалась.

«Имѣю самую крайнюю нужду въ прокормленіи хлѣбнаго довольствія какъ себя, такъ и своего семейства»,—началъ читать атаманъ заявленіе. И въ это время изъ толпы зрителей выдвинулся въ одинъ изъ проходовъ между скамьями высокій казакъ лѣтъ за пятьдесятъ, съ русой, посеребрившейся бородой, морщинистый и сутуловатый. Это былъ проситель—Андрей Ретивовъ.

«А также нѣтъ у меня никакихъ источниковъ»,—продолжалъ читать заявленіе атаманъ, съ трудомъ разбирая написанное и запинаясь почти на каждомъ словѣ:—«изъ чего бы можно было пріобрѣсти себѣ пропитаніе по такому бѣдственному и неурожайному году; поэтому вынужденъ прибѣгнуть къ вашему благородію подъ покровительство и всепокорнѣйше просить доложить избраннымъ отъ общества, не благоволятъ ли выдать мнѣ изъ станичнаго хлѣбнаго магазина ссуднаго хлѣба на пропитаніе жизненныхъ припасовъ по вашему усмотрѣнію».

Андрей Ретивовъ, слушая свое прошеніе, находилъ, что составлено оно довольно убѣдительно, и пятнадцатый издержанъ имъ на писца не напрасно. Но, взглянувъ на молчавшіе и прислушавшіеся ряды выборныхъ, онъ усомнился, будетъ ли столь же убѣдительно все это и для нихъ. Никогда еще это многоголовое и многоголосое собраніе, называемое сходомъ, не представлялось ему такимъ внушительнымъ, могущественнымъ и непроницаемо таинственнымъ.

— Какъ, господа? заслуживаетъ—дать?—спросилъ атаманъ, окончивъ чтеніе, и сѣлъ.

Двѣ-три секунды гробовой тишины, но вотъ словно буря налетѣла на дремучій старый лѣсъ, и онъ зашумѣлъ грозно и беспорядочно вѣтвями, застоналъ и забушевалъ, весь вздрогнувъ и зашатавшись. Взрывъ оглушительныхъ криковъ, почти вопля, наполнилъ майданъ. Сначала трудно было разобрать въ немъ что нибудь. Самые разнообразные голоса—звонкіе и глухіе, грубые басы и пронзительные тенора—все поднялось и смѣшалось въ одинъ дружный, гулкій стонъ.

— «За-а што?!.. Въ часъ добрый!.. Кому?! способіе? не дать!.. Портки пропилъ!»...

Андрей, окинувъ кругомъ оробѣвшимъ взглядомъ это бушующее море русыхъ, черныхъ, рыжихъ, сѣдыхъ и совсѣмъ бѣлыхъ бородъ, увидѣлъ, что всѣхъ больше кричали, размахивали руками и вскакивали съ мѣста лица, коротко знакомыя и даже близкія ему: тощій старикъ Бѣлоусъ, юркій и маленькій казакъ съ клинообразной бородкой Тереховичъ, лысый и здоровый Травинъ и Котелокъ, урядникъ съ двумя георгіевскими крестами, въ пальто офицерскаго покроя. Всѣ они съ особеннымъ возбужденіемъ и озлобленіемъ кричали противъ него. Андрей вполнѣ искренно не понималъ, какъ могли они вдругъ такъ рѣзко измѣниться на его глазахъ и изъ обычныхъ пріятелей стать ему врагами въ такомъ существенно важномъ для него и его семейства вопросѣ. Съ Тереховичемъ, на примѣръ, онъ третьяго дня сидѣлъ въ кабакѣ и самымъ дружескимъ образомъ разсуждалъ о томъ, какъ лучше ловить сазановъ: на червяка, или на рака? Котелкова жена вчера приходила къ нимъ и завяла ведро муки. Бѣлоусъ сегодня утромъ попросилъ табаку на цыгарку, а Травинъ былъ ближайшій сосѣдь и недавно еще продалъ ему за очень сходную цѣну колеса. И теперь, глядя на ихъ озлобленные и возбужденныя лица, Андрей Ретивовъ не зналъ, чѣмъ это объяснить (усердія къ общественнымъ интересамъ въ въ данномъ случаѣ онъ не допускалъ), и закипалъ справедливымъ негодованіемъ противъ такой «низкости».

— Господа старики! пожалѣйте!—снявъ шапку и кланяясь на всѣ стороны, заговорилъ Андрей своимъ сильнымъ и громкимъ голосомъ, который, однако же, затерялся и потонулъ въ общемъ шумѣ.

— Какая же это возможность—давать и давать?—заговорилъ, стараясь перекричать всѣхъ, Котелокъ, вскакивая съ мѣста и отчаянно жестикулируя одной рукой, сжатой въ кулакъ. Андрей при этомъ неожиданно вспомнилъ, что въ прошломъ году онъ загналъ съ своей пшеницы Котелкову рыжую кобылу, молотилъ на ней и довелъ ее до такого состоянія, что она черезъ двѣ недѣли, по возвращеніи къ хозяину, издохла.

— Всѣхъ не уледотворить! — продолжалъ кричать Котелокъ:— хоть бы самымъ бѣдняющимъ досталось, а то съ голоду помрутъ!..

— А спросить его: засыпалъ онъ, или нѣтъ въ магазинъ-то?— пронзительно дребезжа, вырвался голосъ Бѣлоуса.

— Я-то?.. Я-то, братъ, впередъ твою засыпалъ! — двинувшись по направленію къ Бѣлоусу, загремѣлъ Андрей Ретивовъ.

— То-то и есть-то! Я говорю: спросить надо!.. А то иной пять разъ получить способіе, а засыпать—ни разу не засыпалъ!..

— Нѣтъ! такимъ давать, такъ ничего не останется!—послышалось свادي Андрея:— онъ человѣкъ заживный, можетъ купить на сторонѣ!..

— Это вѣрно: человѣкъ семейный и при достаткѣ,—прокричалъ тамъ же звонкій, козловатый теноръ.

— Ежели такимъ давать, такъ и всѣмъ давать, — опять, вскакивая съ мѣста, закричалъ Котелокъ:—ваше благородіе, заявляю вамъ: и я желаю способіе получить... вынужденнымъ нахожусь!..

— Господа старики! окажите ваше человѣческое уваженіе! Какіе мои достатки?!—стараясь покрыть враждебные голоса, гремѣлъ съ своей стороны Андрей Ретивовъ.

— Шапками торговалъ!..

— Дѣдовскія еще деньги остались!..

Андрей въ эту критическую минуту почувствовалъ рѣдкій приливъ краснорѣчія и, набравши въ грудь побольше воздуха, началъ кричать во всю мочь своего голоса:

— Какъ передъ Богомъ, господа старики, такъ и передъ вами признаюсь: ничего у меня нѣтъ! Коли бы былъ въ силахъ, ни за что не сталъ бы досаждать вамъ просьбой. Легко ли?.. Сейчасъ въ семействѣ моемъ, можно сказать, остались одни ребятишки да бабы. Дѣйствительно, сынъ у меня есть, я не отрекаюсь... Но его нужно справлять въ полкъ—самимъ вамъ извѣстно, чего это стоитъ. Другой сынъ въ полку. Третій сынъ померъ на либизаціи въ нынѣшнее лѣто, Господь прибралъ. Оставилъ троихъ малолѣтнихъ сиротъ и жену на мои же руки... Это вамъ тоже, господа старики, извѣстно. Гдѣ же я возьму чего, господа старики? Обозначьте источникъ, изъ какого могъ бы я заработать себѣ кусокъ хлѣба!..

— М-ма-а-лчи, честная станица!—раздался оглушительный возгласъ есаульца.

Андрей замолчалъ, вздохнулъ и поглядѣлъ кругомъ. Сходъ сталъ затихать. Нѣкоторые изъ выборныхъ участливо и сочувственно глядѣли на него.

— Господа старики! примите мое горькое положеніе!..—началъ опять онъ съ новою силою просьбы и убѣдительности въ голосѣ,— конечно, я не отрекаюсь: сейчасъ у меня есть хлѣбъ, два мѣшка, а черезъ недѣлю мы его доѣдимъ и взять негдѣ, по случаю Божьяго гнѣва—голоднаго года... Явите, господа старики, человѣколюбивую

милость, отпустите, сколько можете... Я не абы какой человекъ, я уплачу лѣтомъ, лишь бы Господь привелъ дожить... У меня сейчасъ пятнадцать десятинъ земли засѣяно. Отпустите, сколько можете...

— Надо пожалѣть, старики, что же: — возвышая голосъ надъ общимъ говоромъ, заговорилъ раскольникъ съ рыжей бородой: — лѣтомъ нѣмцевъ, мужиковъ, мордву кормили, а сейчасъ своимъ не даемъ... Надо пожалѣть!..

— Давайте, старики, давайте! хоть понемножку, а давайте, — прибавилъ другой выборный, тоже раскольникъ, старикъ съ совершенно голой головой.

— Ну, что же, пожалѣть надо, — раздался третій голосъ откуда-то изъ середины скамей.

— М-маа-лчи, честная станица! — опять крикнулъ есаулецъ.

Атаманъ всталъ и спросилъ пропитымъ, хриплымъ голосомъ:

— Дать?

— Въ часъ добрый! надо дать! пожалѣть нужно! — слышались снисходительные и недружные голоса изъ разныхъ мѣстъ.

— Спасетъ васъ Христосъ, господа старики! — низко кланяясь на всѣ стороны, сказалъ Андрей Ретивовъ: — не меня пожалѣли, а внучатъ моихъ малолѣтнихъ, сиротъ...

— Сколько душъ въ семействахъ? — спросилъ у него писарь.

— Одиннадцать.

— По двѣ мѣры довольно будетъ? — сказалъ атаманъ.

— Спасетъ Христосъ, ваше благородіе! Сколько можете, я не вынуждаю.

И откланявшись еще разъ на всѣ стороны, Андрей пошелъ изъ майдана въ судейскую комнату. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ и отеръ потъ съ лысаго лба.

Въ судейской комнатѣ сидѣлъ небольшой казакъ въ лохматой бараньей шапкѣ набекрень и въ рваной шубѣ. Онъ курилъ цыгарку.

— Здорово, Никита! — сказалъ Андрей Ретивовъ, грузно вздохнувъ и садясь рядомъ на скамейку.

— Добраго здоровьяца! — привѣтливимъ и пріятнымъ, тонкимъ голоскомъ отвѣчалъ Никита и еще больше сбиль набекрень свою огромную шапку. Казакъ этотъ, по фамиліи Сударевъ, былъ пьяница и бобыль; гдѣ-то у него были жена и дѣти, но они съ нимъ не жили.

— Ну, что? дали? — спросилъ Андрея Сударевъ, передавая ему цыгарку.

— Дать-то дали, да какъ выйдеть — Богъ знаетъ! — принимая цыгарку, сумрачно сказалъ Андрей: — засѣдатель пріѣдетъ, слѣдствіе наведеть.

— Это ничего, всетаки дали. А мнѣ вотъ отказали. Обчество было и такъ, и сякъ, да атаманъ, рыжеусый дьяволъ, говоритъ: онъ пьяница и тунеядъ, законъ дескать воспрещаетъ такимъ да-

вать; на это, говорить, и предписаніе есть отъ окружного генерала... Пьяница! а ѣсть-то я хочу, или нѣтъ? Онъ то обдумай со своей башкой, чихотка вонючая!..

Андрей сочувственно вздохнулъ, хотя въ душѣ и не особенно соболѣзновалъ Судареву. Они помолчали.

— Ярмонка, говорятъ, разрѣшена, — сказалъ Сударевъ, внимательно слѣдившій за текущими событіями станичной жизни.

— Ярмонка-то ярмонка, — равнодушно замѣтилъ Ретивовъ: — да нечего намъ на ней дѣлать съ нашими капиталами: ишь нынѣ годъ-то какой...

— Годъ, дѣйствительно, — толковать не остается... А все пьютъ!.. Въ кабакѣ народу — руки не пробьешь!..

— Нѣтъ, братъ, не дюже разгуляешься по нонѣшнему году... Иной зайдетъ, стаканъ-два выпьетъ, и кончено... А бывало-то!.. Я вотъ и забылъ ужъ въ ней скусъ, въ водкѣ-то...

Андрей при этомъ солгалъ безъ всякой задней цѣли: въ кабакѣ онъ былъ недавно, въ минувшій праздникъ.

— А вотъ способіе получилъ, надо взбрызнуть. Пойдемъ?! — предложилъ Сударевъ, очень находчивый и быстрый на соображеніе въ вопросахъ, касающихся выпивки.

— Способіе-то — способіе, да годъ-то нынче... — нерѣшительно сказалъ Андрей.

Если бы это былъ не Сударевъ, человѣкъ мало уважаемый, даже презираемый, человѣкъ, который не можетъ «раздѣлить компанію», не имѣеть средствъ даже на полубутылку водки, — Андрей давно бы согласился и пошелъ: онъ былъ бы твердо увѣренъ, что если онъ самъ купить полубутылку водки и разопьетъ ее съ товарищемъ, то и товарищъ этотъ не замедлитъ сдѣлать то же: купить на свои деньги полубутылку и разопьетъ ее съ нимъ. Но теперь, не смотря на сильное искушеніе, онъ не рѣшался итти съ Сударевымъ и искалъ предлога, какъ бы уйти отъ него.

— Ежели денегъ намалѣ, то не сумлѣвайся: у меня на бутылку найдется, — сказалъ Сударевъ, какъ бы читая его тайныя мысли и колебанія.

— Дѣло не въ деньгахъ, — угрюмо отвѣтилъ послѣ продолжительной паузы Андрей, стараясь скрыть истинную причину своего колебанія. Онъ удивлялся тому, что у Сударева появились деньги, и терялся въ догадкахъ, откуда могли онѣ у него появиться.

— Не въ деньгахъ дѣло! — повторилъ онъ: — а годъ-то нынче...

Андрей качнулъ головой и не договорилъ: было ясно, какой нынче годъ.

— Ну, да пойдемъ, пожалуй... такъ и быть, — прибавилъ онъ, тяжело вздохнувъ, какъ бы покоряясь неизбѣжной необходимости, и всталъ. Онъ рѣшилъ, что разъ у Сударева есть деньги, то нѣтъ причины уклоняться отъ его компаніи.

II.

Они вышли изъ станичнаго правленія, повернули сначала направо, по переулку, потомъ направо, по большой улицѣ, и въ концѣ квартала зашли въ домъ, на которомъ была старая, облѣзшая вывѣска съ надписью бѣлыми буквами: «погребъ ренсковой».

Дверь въ кабакъ («погребъ ренсковой») отворялась на веревкѣ и очень туго. Она какъ будто не хотѣла впускать туда посѣтителей и, если ужъ они входили насильно, то неохотно, съ сердитымъ визгомъ и скрипомъ выпускала ихъ назадъ. Струя душнаго, горячаго воздуха встрѣтила Андрея Ретивова и Сударева, когда они отворили дверь и шагнули черезъ порогъ.

Въ кабакѣ находилось довольно много народу. День былъ праздничный; кромѣ того, производился еще смотръ казакамъ второй очереди и былъ назначенъ учебный сборъ малолѣткамъ. Казаки второй очереди и малолѣтки биткомъ набили дальнюю, вторую комнату кабака, въ первой же было сравнительно просторно и тихо. И большинство находящихся въ ней посѣтителей не пили, а явились просто посидѣть и посмотреть на тѣхъ, кто «гуляетъ».

Пахло водкой, махоркой и потомъ. Шумный говоръ и смѣхъ перемѣшивались съ отрывочными звуками пѣсенъ, вырывавшимися изъ той комнаты, гдѣ гуляли малолѣтки, съ крѣпкими ругательствами и топотомъ танцующихъ.

«Чѣмъ-чѣмъ мальчикъ былъ доволенъ»,—

пѣли малютки; молодой казакъ съ длинными, вьющимися черными волосами, высокій, статный и очень красивый, танцевалъ, ловко отбивая въ тактъ пѣсни каблуками, гикалъ и свисталъ, встряхивая молодецки волосами.

— Шире кругъ!—кричалъ по временамъ инструкторъ съ длинной рыжей бородой:—валяй, нѣмецъ! показывай свою развязку!

Андрей Ретивовъ подошелъ къ стойкѣ и, вынувши изъ кармана своихъ желтыхъ, грубаго сукна, шароваръ двугривенный, сказалъ кабатчику:

— Ну-ка, на эту монету...

Старикъ съ горбатымъ носомъ, въ рваномъ сѣромъ зипунѣ, высокій, лысый, совершенно сѣдой, подошелъ къ Андрею съ занскивающимъ, ласковымъ видомъ и сказалъ хриплымъ голосомъ:

— Андрей Марковичъ, здорово! Все ли себѣ живенькій-здоровенькій?..

На лицѣ Андрея появилось вдругъ холодное и враждебное выраженіе. Онъ зналъ, что этотъ старикъ рассчитываетъ получить отъ него стаканчикъ водки; поэтому-то и видъ у него такой ласковый и искательный.

Андрей сухо и грубо сказалъ:

— А-а, босый командерь! отъ тебя никуда не уйдешь!..

Лысый старикъ смутился, проворчалъ что-то сквозь зубы и, чтобы скрыть свое смущеніе, сталъ разсматривать прибитую за стойкой на стѣнѣ лубочную картину, изображавшую встрѣчу Тараса Бульбы съ своими сыновьями.

— Какъ думаешь, Петръ Иванычъ? Кто побьетъ? — спросилъ онъ у кабатчика, читавшаго какую-то книжку.

— Тарасъ ушибетъ, — снисходительно улыбаясь и не подымая головы отъ книжки, отвѣтилъ кабатчикъ.

— Да, Тарасъ двинетъ, — согласился лысый старикъ: — ишь кулаки-то, страсти!..

— Нѣтъ, Остапъ трахнетъ! — опять сказалъ кабатчикъ.

— Пожалуй, братъ, и Остапъ свиснетъ...

Лысый старикъ не могъ не согласиться съ кабатчикомъ, какъ съ человѣкомъ, не рѣдко благоволившимъ ему и почти каждое утро безвозмездно дававшимъ ему стаканчикъ водки; за эту милость Зеновей (такъ звали лысаго старика) выкидывалъ передъ нимъ различные «курбеты»: лаялъ пособачьи, ходилъ на рукахъ.. Кабатчикъ любилъ позабавить себя такимъ невиннымъ способомъ.

— А, можетъ, и Тарасъ пхнетъ... — снова замѣтилъ кабатчикъ.

— Диковины нѣтъ: брызнетъ и Тарасъ.

И, посмотрѣвъ еще нѣсколько минутъ на картину, лысый старикъ отошелъ отъ стойки.

Андрей Ретивовъ съ Сударевымъ помѣстились за маленькимъ не крашеннымъ столикомъ въ углу. Когда они выпили по стаканчику, то на лицахъ ихъ появилось какое-то озабоченное и серьезное выраженіе. Около нихъ ругались между собой два казака: одинъ молодой, съ свѣтлорусой маленькой бородкой, небольшого роста и широкоплечій; другой — высокій, бородатый старикъ, съ веселымъ лицомъ и живыми, узкими глазами.

— Дьяволы вы, больше ничего! — ругался молодой казакъ спокойно и негромко.

— Это отцы-то дьяволы?! Ахъ, ты... — порываясь вскочить съ мѣста и размахивая руками, кричалъ старикъ.

— Отцы! Развѣ такъ отцы дѣлаютъ? Я свою, пришелъ, вотъ насилу выпихалъ отсюда: день при днѣ, день при днѣ въ кабакъ, а дома ѣсть скоро нечего будетъ... Отцы! Что же онъ молодой что-ль? Тѣ его года? Знаешь, какой нонче годъ — шерсть на головѣ запрокидывается отъ нужды, а онъ — въ кабакъ!.. Отцы!.. Вотъ и ты такой же разоритель...

— Брепешь, брепешь, рябая морда!..

— Самъ стрескаешь! Въ Михайловку съ фурами-то небось Артемку послалъ, а самъ въ кабакъ!.. А Артемка бьется теперь съ возами-то...

— Да чортова ты голова!.. У Артемки-то восемь дѣтей, кому за ними хлопотать? Мнѣ что-ль? Чьи они?

— Половина-то твоихъ... Трехъ ты постарался за Артемку, какъ онъ на службу былъ...

— Брешешь, брешешь, поганецъ! Я тебя трахну, потому — не клеветай!..

— Трахнешь? А ежели я трахну, чего отъ тебя останется?.. Привыкли, дьяволы старые, лодарничать, а дѣтямъ отдыху нѣтъ... Мы, по крайней мѣрѣ, хозяйствуемъ, хлопочемъ, намъ и выпить иной разъ не грѣхъ, а вамъ, старымъ чертямъ, и близко-то сюда не слѣдовало бы подходить, не то что...

— Хозяйствуемъ! Ты—хозяинъ?!—съ уничтожающимъ презрѣніемъ въ голосѣ крикнулъ старикъ.

— А то что же?

— Это ты-то хозяинъ?!

— Кинь по народу да найди, кто столько работаетъ, какъ я!...

— Тьфу! больше ничего... Вотъ и разговоръ съ тобой весь... Х-хо-зя-инъ! Всякая тварь, напимѣрь, какаянибудь...

Въ этомъ спорѣ сочувствіе Сударева было всецѣло на сторонѣ старика, то-есть отцовъ. Онъ нѣсколько разъ накидывался на молодого казака со словами: «а тебя съ просомъ ловили! а тебя съ чужой женой захватывали!», но, къ его огорченію, тотъ не обращалъ ни малѣйшаго на него вниманія.

Между тѣмъ Андрей Ретивовъ больше склонялся въ пользу молодого поколѣнія, дѣтей.

«Это правда,—думалъ онъ, устремивъ пристальный взглядъ на бутылку:—намъ-то ужъ, при нашихъ лѣтахъ, и не слѣдовало бы сюда показываться... Это правда—мы лодари, порядочные лодари, все норовимъ на дѣтяхъ выѣхать»... Онъ самъ съ тѣхъ поръ, какъ сыны его подросли, частенько уклонялся отъ работы, валилъ все на сыновъ, ругалъ ихъ ни за что, ни про что, иногда даже и билъ, пока могъ справляться съ ними; если былъ на работѣ, то безтолково распоряжался и лишь мѣшалъ. Онъ часто заходилъ въ кабакъ и хотя пропивалъ немного, но, всетаки, пропивалъ, а когда приходилъ домой, то начиналъ ругаться и драться съ женой. И послѣ ему часто было совѣстно и передъ самимъ собой, и передъ семействомъ, и передъ посторонними людьми, но, всетаки, онъ не могъ никогда удержаться противъ искушенія — посидѣть вотъ въ этой дымной, душной комнатѣ и оставить въ ней копеекъ двадцать-сорокъ...

Онъ оглядѣлся кругомъ и увидалъ, что, кромѣ него, здѣсь находилось только два старика, и то извѣстные пьяницы и нехозяйственные, презираемые люди. И ему стало стыдно за все: и за то, что онъ здѣсь сидитъ, и за то, что онъ пропилъ двадцать копеекъ, и за то, что онъ просилъ ссуду, за которую его теперь бу-

детъ попрекать всякій, и за то, что дома во всё щели глядѣть нужда. Грусть за свою слабость и ничтожество овладѣла имъ, а картина домашней нужды и недостатковъ привела его въ глубокое уныніе.

«Поскорѣе докончить и уйти»,—подумалъ онъ и выпилъ съ Сударевымъ по третьему стаканчику. Выпитая водка не принесла облегченія, а только какой-то горькій осадокъ почувствовался въ душѣ. Мрачныя мысли все не покидали головы, которая стала уже помаленьку шумѣть. «Уйди, уйди отсюда»,—говорилъ голосъ внутри Андрея.

— Ну, надо допивать,—сказалъ рѣшительно Андрей и, поглядѣвъ на того лысаго старика, котораго онъ обидѣлъ у стойки своей холодностью и недружелюбіемъ, крикнулъ ему:

— Зеновей! поди-ка, пропусти одну!..

Лысый старикъ не подалъ виду, что онъ слышитъ приглашеніе, и сталъ внимательно глядѣть какъ разъ въ противоположную сторону.

— Зена!

Зеновей неторопливо и какъ будто удивленно оглянулся, но глаза выдавали его: въ нихъ былъ тотъ сладострастный и просительный блескъ, съ которымъ онъ всегда глядѣлъ на рюмку.

— Поди-ка, дерни,—сказалъ Андрей Ретивовъ и кивнулъ головой въ сторону зеленоватаго стаканчика, стоявшаго передъ нимъ на столѣ.

— Продолжайте, Андрей Марковичъ,—попробовалъ отказаться Зеновей, зная, что такъ всегда сначала дѣлается солидными людьми:—я не могу...

И онъ принялъ совсѣмъ не подходящій къ его внѣшности видъ непьющаго человѣка.

— Ну, буде, буде,—съ усмѣшкой сказалъ Андрей Ретивовъ.

— Напрасно! Сдѣлайте милость, отставьте... Не могу...

— Да буде околачивать языкъ-то!.. Тяни!

На лицѣ Зиноева расплылась вдругъ широкая и счастливая улыбка, которую онъ болѣе уже никакъ не могъ удерживать. Потому онъ сдѣлалъ грустное лицо, взялъ съ видомъ покорности и неизбѣжной необходимости стаканчикъ и сказалъ:

— Ну, за здоровье всѣхъ плѣнныхъ и насъ, военныхъ... Дай, Господи, получить вамъ всего, чего желательно...

И дрожащею рукой опрокинулъ стаканчикъ въ ротъ, крикнулъ, утерся и низко-низко поклонился.

— Козами сѣно травить не стоитъ дѣло,—недовольно сказалъ Сударевъ, когда Зеновей отошелъ.

— Ну, пей!—злобно крикнулъ Андрей: — твоя теперь очередь, покупай!..

— Я-то куплю... Это мнѣ наплевать,—сказалъ увѣренно Сударевъ и допилъ все, что оставалось въ бутылкѣ.

— А-ахъ, никакъ Терешка Хохоль пошелъ?—воскликнулъ онъ вдругъ съ живостью, глядя на дверь, въ которую вышли нѣсколько посѣтителей изъ второй комнаты кабака: — онъ мнѣ, подлець, съ самой осени цѣлковый долженъ и не отдаетъ... Я сейчасъ...

Сударевъ надвинулъ свою огромную лохматую шапку и проворно скрылся за дверью.

Андрей прождалъ его съ полчаса, и когда Сударевъ все не являлся, Андрей понялъ, что онъ «улизнулъ»; ему, очевидно, не на что было купить полубутылку водки. Андрей выругался про себя довольно крѣпко; злоба на то, что онъ поддался на обманъ, что «зря» пропилъ двадцать копеекъ, которыя пригодились бы дома, и угрызения совѣсти поднялись въ немъ. Онъ всталъ и хотѣлъ было идти домой, но вмѣсто того подошелъ, самъ не зная зачѣмъ, къ стойкѣ и на послѣдній пятакъ, бывший въ его карманѣ, выпилъ еще водки. Голова его уже порядочно шумѣла, а на сердцѣ, всетаки, продолжала лежать какая-то досадная тяжесть. Онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и прислушался къ пѣснѣ, доносившейся изъ другой комнаты, грустно подперши щеку рукой.

Пѣсня заняла его.

III.

Онъ былъ художникъ въ душѣ, самъ пѣлъ превосходно, любилъ слушать хорошее пѣніе, но эта пѣсня, которую теперь пѣли въ сосѣдней комнатѣ, была дорога ему по одному воспоминанію. Ее въ послѣдній разъ пропѣлъ въ станицѣ его сынъ Митрофанъ, умершій во время мобилизаціи отъ холеры. Пѣсня эта рвала сердце Андрея тоской; къ горлу и къ глазамъ у него подступали слезы. Когда онъ ее слушалъ, онъ отчетливо представлялъ все подробности, при какихъ видѣлъ въ послѣдній разъ своего сына.

Онъ вспомнилъ знойный и пыльный іюньскій день, вспомнилъ молебень на станичной площади, торжественныя и грустныя лица отправлявшихся на мобилизацію казаковъ, построенныхъ полукругомъ съ лошадьми позади, и всю пеструю, многолюдную улицу. Все молились. Женщины плакали. Молился и плакалъ и онъ, Андрей. Онъ выпилъ много водки, и голова его, припекаемая солнцемъ, трещала отъ боли.

Онъ продолжалъ плакать, когда атаманъ сильнымъ, пьянымъ голосомъ читалъ грамоту Александра I донскимъ казакамъ и манифестъ Александра III, когда казаки пили водку изъ ведра, когда и самъ онъ пилъ водку изъ того же ведра.

Онъ глубокомысленно и одобрительно покачивалъ головой, когда атаманъ говорилъ своимъ сильнымъ, пьянымъ голосомъ:

— Прощу васъ, господа, служить честно и усердно, не пьянствовать и не воровать...

И сотня дружно гремѣла въ отвѣтъ:

— Слушаемъ, ваше благородіе!

— Идете вы на чужую сторону. Можетъ быть, вамъ и не придется быть въ дѣйствиіи, но, должно быть, нѣкоторымъ изъ васъ доведется сложить головы на чужой сторонѣ... Такъ и помните,— атаманъ при этомъ возвысилъ голосъ,—что у васъ здѣсь остались родители... жены... и дѣти!

Атаманъ утеръ слезы, выступившія вдругъ на его глазахъ.

— Слушаемъ, ваше благородіе! Постараемся!

— Да! Жены и дѣти,—думалъ тогда безсвязно Андрей:—у ста шести человекъ—сто шесть женъ и четыре сотни дѣтей.

Статный молодецъ-урядникъ громко и бойко скомандовалъ:

— Смир-но! Сот-ня, са-дись!..

Стуча стременими, цѣпляясь въ тѣснотѣ плотно сдвинутаго ряда пиками и пашками, казаки садятся и стараются раздвинуться. Лошади пятятся пугливо назадъ, топчутся и прыгаютъ.

— По отдѣленіямъ на-право, ша-гомъ м-маршъ!

Опять неловкое, торопливое движеніе—направо по три; лошади снова пятятся назадъ, собираются и топчутся на одномъ мѣстѣ, не слушая узды. Казаки бьютъ ихъ плетями и толкаютъ ногами.

— Пѣ-сен-ни-ки впередъ!

Нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ впередъ и строятся въ два ряда; позади ихъ становятся два знаменосца съ красными знаменами.

— Пр-ря-ма-а!—громко, съ какимъ-то ожесточеніемъ вскрикиваетъ урядникъ.

Сотня трогается. Вся улица, пестрая, запруженная народомъ, нарядная, торжественно и печально настроенная, двигается съ боковъ, спереди, сзади. Пыль поднимается сѣрой тучей. Сердце сжимается томительной тоской разлуки.

«Болятъ, болятъ мое сердечушко,

«Болятъ оно тяжело»,—

зацѣваетъ звучнымъ баритономъ сынъ Андрея и взмахиваетъ вверхъ плетью. И пѣсня разомъ подхватывается, подымается, растетъ и разливается тоскующими переливами. Подголосокъ дрожить, словно плачетъ. Открывается степь, безжизненная, сожженная солнцемъ, однообразная и унылая, какъ эта тягучая пѣсня. Изъ сѣрой тучи пыли мелькаютъ и сверкаютъ на солнцѣ острые концы пикъ; красная полотно знаменъ неподвижно и уныло висятъ на древкахъ.

Вонъ пики въ послѣдній разъ сверкнули на солнцѣ и скрылись за сѣдымъ, молчаливымъ курганомъ. Отрывки пѣсни постепенно замираютъ и пыль медленно садится на дорогу.

— Прощайте, мои родимые!—весь въ слезахъ, пьяный, запыленный и мазанный кричить вслѣдъ сотнѣ Андрей, но никто его не слышитъ. Ребятишки окружаютъ его и звонко хохочутъ надъ его растрепанной и запачканной фигурой.

Черезъ двѣ недѣли изъ Царицына пришло извѣстiе, что два казака изъ сотни умерли. Одинъ былъ Митрофанъ Ретивовъ.

Опять черезъ полтора мѣсяца, въ августѣ, пестрѣетъ главная улица станицы нарядной толпой. Опять торжественное настроенiе видно на лицахъ всѣхъ казаковъ, собравшихся у церковной ограды въ ожиданiи прибытiя сотни съ мобилизаціи. Вотъ показалась пыль изъ-за угла въ концѣ станицы; черезъ нѣсколько мгновений въѣхала сотня. Бойкая пѣсня звенитъ, переливается и дрожитъ въ воздухѣ. Пыль сѣрыми клубами поднимается изъ-подъ ногъ лошадей. Пики опять колеблются и сверкаютъ на солнцѣ. Зеленое новое знамя съ золотыми каймами, съ золотымъ крестомъ и съ золотыми мохрами вѣтся надъ сотней. Люди радуются, а у Андрея, его жены и всего семейства сердце надрывается отъ горя, отъ жгучаго горя и невыносимой душевной боли. И ничего не видно имъ отъ слезъ. Вотъ имъ подвели рыжаго осѣдланнаго коня, передали пику и шапку покойнаго сына и узелъ съ обмундированiемъ... все, что осталось отъ Митрофана Ретивова. А его нѣтъ, нѣтъ и не будетъ никогда... Растерзанная и запыленная, убитая фигура Андрея теперь и у ребятишекъ не вызвала веселья...

IV.

Пѣсня въ сосѣдней комнатѣ затихла. Изъ шумнаго, смѣшаннаго пьянаго говора выдѣлялся какой-то крикливый теноръ.

— Моя жена—баба ничего!—кричалъ онъ:—за ней я ничего такого не замѣчалъ... Ну, знаю я—есть одинъ человекъ... попадетъ онъ мнѣ подъ палецъ, наплачется!..

Андрей взялъ у кабатчика въ долгъ (послѣ долгихъ и униженныхъ просьбъ) закупоренную полубутылку водки, спряталъ ее въ пазуку и вошелъ въ ту комнату, откуда теперь доносился крикливый теноръ. Андрей по голосу узналъ одного изъ товарищей своего покойнаго сына.

Онъ вошелъ и поклонился молодымъ казакамъ, сидѣвшимъ въ переднемъ углу за столикомъ. Ихъ было четверо.

— Пожалуйте, дяденька, съ нами,—сказалъ привѣтливо крикливый теноръ, маленькій рабоватый казакъ, не имѣвшій передняго зуба.

— Милые вы мои!—горестно крутя головой, началъ Андрей растроганнымъ, полупьянымъ голосомъ, со слезами на глазахъ:—мнѣ хотъ поглядѣть на васъ со стороны, и то на сердцѣ легче...

— Да что же вамъ со стороны? Вы пожалуйста съ нами вмѣстѣ время раздѣлить... Покойный Митрофанъ Андреевичъ (дай Богъ ему царство небесное) былъ намъ, можно сказать, ближайшій...

— Милые вы мои!—прижимая корявую руку къ сердцу и нащупывая за пазухой полубутылку, говорилъ Андрей:—не знаю, какъ и выразиться о той болѣзни, какую припечаталъ мнѣ покойный сыночекъ... До конца моей жизни не излѣчится отъ этой раны мое сердце!.. Отъ этой вѣчной раны...

Андрей всхлипнулъ и закрутилъ опять головой.

— Все дѣла Божіи,—сказалъ грустно рябой казачекъ.

— Господняя воля—прибавилъ, сочувственно вздохнувъ, другой.

Наступило тяжелое молчаніе. Въ комнатѣ попрежнему стоялъ смѣшанный, пьяный гулъ и говоръ.

— Вотъ ужъ половина годочка прошло,—плачущимъ голосомъ заговорилъ опять Андрей, утирая кулаками слезы:—а про него ни отколь ни одной вѣсточки не получили... Все время будто все ожидаемъ: вотъ придетъ Митроша, вотъ придетъ, а нѣтъ, все нѣтъ! Навѣрно, потеряли на вѣки... Навѣрно!.. Иной разъ какъ вздумаю да вспомню, такъ лучше прострѣлили бы меня наскрозь!..

Онъ опять, закрывъ лицо руками, началъ всхлипывать; казаки молчали.

— Да, конечно,—заговорилъ рябой казачекъ:—желательно было ему скончать свою жизнь среди своихъ, но... не въ нашей волѣ!.. Подошли мы къ нему, какъ это его схватало, почернѣлъ весь, бѣднячекъ... Говорить: «братцы! не давайте меня въ оппитель, желаю среди васъ помереть»... Ну, что же? просили командира, говорить: «и радъ бы, да не могу; за это меня самого подъ судъ»...

— Страшное дѣло!—прибавилъ высокій, черный казакъ и налилъ въ рюмку водки.

Андрей всхлипнулъ еще нѣсколько разъ и, наконецъ, утеревшись рукавомъ шубы, досталъ изъ-за пазухи полубутылку.

— Выпейте, братцы, отъ меня по стаканчику, — совершенно уже спокойнымъ и обычнымъ своимъ голосомъ сказалъ онъ.

Черезъ полчаса Андрей, сидя съ казаками и опоражнивая стаканчикъ за стаканчикомъ, совсѣмъ повеселѣлъ. Семейная утрата, неурожай, домашняя нужда—все было имъ забыто. Онъ говорилъ, говорилъ безъ умолку о себѣ, о томъ, какой онъ «хозяинъ», что у него, слава Богу, всего какъ слѣдуетъ, достаточно. Конечно, корму для скота было маловато, но онъ купилъ въ Кумылгѣ: у старухи его въ сундукѣ лежало 180 рублей; скота тоже мало осталось, но десятины пятнадцать онъ, всетаки, засѣялъ, а лѣтомъ думаетъ прикупить пару бычковъ... Хлѣбъ у него еще есть «и на сѣмена, и на ѣмины». О томъ, что онъ просилъ пособіе изъ общественнаго запаснаго магазина, онъ умолчалъ. Однимъ словомъ, всего у него оказалось въ избыткѣ.

Черезъ часъ, не совсѣмъ твердо и увѣренно держась на ногахъ, онъ вышелъ изъ кабака на улицу. Былъ уже поздній часъ вечера. Золотисто-румяная заря медленно потухала на западѣ. На ней отчетливо вырѣзались крыши домовъ и шесты колодезь; нѣжная, молодая зелень имѣла чуть замѣтный розовый оттѣнокъ. Станица шумѣла въ разныхъ мѣстахъ; гдѣ-то ругались, гдѣ-то слышалась пѣсня, на перекресткѣ шумѣла, смѣялась и толкалась молодежь. Ничего не было похожего на нужду, ничего не было напоминающаго о ней.

У Андрея Ретивова все легче и легче становилось на душѣ. Про свою нужду онъ совершенно забылъ. Ему хотѣлось пѣть. Въ головѣ былъ шумъ.

— Пѣсню бы что-ль зачать?—сказалъ высокій, черный казакъ, шедшій рядомъ съ Андреемъ.

— Ну-ка, ну-ка, возгаркни!.. Валяй! — подхватилъ рябой казачекъ.

Черный казакъ немного раздумался, потомъ откашлялся и звонкимъ, дребезжащимъ голосомъ началъ:

«Кому счастье, кому радость,
«А миѣ, младцу, грусть-тоска»...

— Вотъ, вотъ!—сказалъ радостно Андрей:—самая моя!
И запѣлъ:

«Про-о-ка-ти-лась она мо-я мла-а-дость,
«Какъ съ горъ му-у-тна-я вода»...

Сильный голосъ его далеко понесся по притихшему воздуху и медленно замиралъ въ дали. Какая-то томительно-сладостная боль и тоска сжали сердце Андрея отъ грустныхъ, плачущихъ переливовъ этой пѣсни, горькой, говорящей о чемъ-то далекомъ, невозвратномъ. Онъ крутилъ головой, помахивалъ въ тактъ руками и заливался съ рѣдкимъ увлеченіемъ, забывъ все на свѣтѣ, весь отдавшись этому пѣнію...

— Ретивовъ! Ты?.. Стой! — послышался сзади знакомый, сильный голосъ.

Андрей оглянулся и тотчасъ же снялъ шапку. Изъ воротъ дома, принадлежащаго купцу Васяткину, выходилъ вмѣстѣ съ хозяиномъ атаманъ. Купецъ Васяткинъ былъ именинникъ, и атаманъ заходилъ къ нему въ гости. У атамана лицо было краснѣе обыкновеннаго, а глаза мутные.

— Ретивовъ, ты гдѣ былъ?—строго спросилъ атаманъ.

— Вашбродъ!—робко и виновато началъ было Андрей.

— Ты гдѣ былъ!? Я тебя спрашиваю! — перебивая его и не давая говорить, крикнулъ атаманъ.

Андрей опустилъ голову, и ни звука въ отвѣтъ. Наступило минутное молчаніе, очень тяжелое и напряженное.

— Въ кабакъ!—злбно крикнулъ атаманъ: — ссуду просиль, а потомъ въ кабакъ? Пѣсни орешь, негодяй?..

— Вашбродь! Какъ собственно понѣшній годъ я...

— М-морда! Чортова морда! Засѣдатель прїѣдетъ, скажу, чтобы ни зерна!

— Вашбродь! Сдѣлайте милость... ежели я въ чемъ...

— Ни зерна! Такъ и скажу на слѣдствїи: ни зерна! Пьяница, старый дьяволъ!

— Вашбродь! Пом-ми-луйте!

— Я тебя, подлеца, миловать не буду!.. Довольно!..

И вдругъ атаманъ, размахнувшись, ударилъ Ретивова. Онъ цѣлил въ ухо, но Андрей проворно увернулся, и кулакъ атаманскїй громко хлопнулъ по его спинѣ.

— Я васъ миловаль, подлецовъ! — хрипя и хватая за воротъ Андрея, закричалъ атаманъ въ восторженномъ и неудержимомъ увлеченїи начальнической расправой.

— Я и рукъ объ тебя марать не хочу, — посылая кулакъ въ шею Ретивову, говорилъ онъ.

Андрей старался увертываться, наконецъ упалъ и сказалъ съ грустною, полною покорностью:

— Вашбродь! Воля ваша!

Атаманъ ударилъ его еще два раза въ спину, удары громко хлопали объ дубленый тулупъ Андрея, и отошелъ. Андрей всталъ, утерся и, когда увидѣлъ, что атаманъ удалился на столько, что не услышитъ его, сказалъ:

— Чортова кривуляка чахоточная! И бьетъ-то, не какъ чловѣкъ, хоть бы чуть было больно...

Потомъ, послѣ минутнаго молчанїя, онъ со злобой прибавилъ:

— Я подамъ!.. Онъ думаетъ, не подамъ, что-ль?..

— Слѣдуетъ, дяденька, — сказалъ рябой казачекъ, стоявшїй вмѣстѣ съ другими товарищами во время расправы атамана на значительной дистанціи: — нынче такого положенїя нѣтъ, чтобы драться...

— Да вѣдь онъ, рыжеусый подлець, могъ меня зашибить! — вдругъ загорячился Андрей: — «ни зерна», говоритъ... Я тебѣ покажу «ни зерна»! Пожалуюсь господину окружному атаману, — будешь знать! Ей-Богу, я этого такъ не оставлю!.. Онъ что же объ себѣ понимаетъ? Что онъ—не онъ, атаманъ? Такъ наплевать мнѣ на него! Нынче онъ атаманъ, а завтра я...

Андрей долго еще бушевалъ и ругался на улицѣ. Радужное настроенїе его было разсѣяно, какъ дымъ. Въ душѣ поднялась злоба, чувство обиды и смутная боязнь, что атаманъ исполнитъ свою угрозу и оставитъ его безъ ссуды.

— Ты думаешь, что ты—птица важная?—бормоталъ онъ, входя уже въ ворота своего двора: — страсть! нынче ты атаманъ, а завтра я.

Андрей не сомнѣвался въ возможности такой комбинаціи, хотя былъ совершенно неграмотенъ и совсѣмъ не годенъ къ такой общественной должности, какъ атаманская.

— Зазнался, рыжеусая свинья!—останавливаясь передъ дверью чулана, продолжалъ ругаться онъ:—а придетъ время, и ты шапку передо мной будешь ломать... Придетъ это время, т-тварь паршивая, придетъ! Попомни ты мое слово!.. Мое слово—олово!..

Онъ постучалъ въ дверь. Было тихо. Станица уже вся заснула. Гдѣ-то лѣниво лаяла собака; издали, изъ сосѣдняго озера, доносились звонкая, раскатистая трель лягушекъ и басистое уканье водяного бычка; въ вербахъ и въ калинникѣ, на огородѣ, щелкали и перекликались соловьи. Изъ прозрачной, смутно-синей глубины неба кротко глядѣли на землю рѣдкія серебристыя звѣздочки.

На стукъ Андрея никто не вышелъ. Онъ долго еще стоялъ у двери, продолжая несвязно бормотать и ругаться. Но усталость брала свое: голось его охрипъ и ослабѣлъ, ноги подгибались, безсильно опускалась голова, и глаза невольно слипались... Не дождавшись никого, онъ снялъ свой дубленый тулупъ, разостлалъ его на крыльцѣ и легъ, положивъ подъ голову шапку.

— Посмотрю я, какъ ты не дашь ни зерна,—были его послѣднія слова:—ежели довести до свѣдѣнія... Я этого не оставляю...

И черезъ минуту онъ захрапѣлъ.

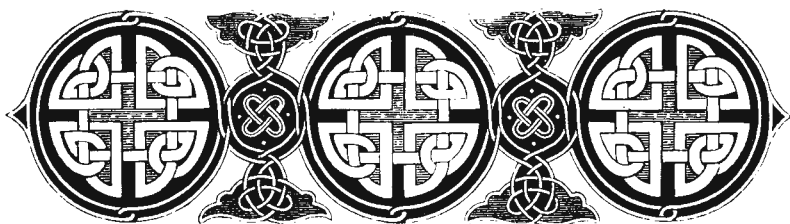
Спустя двѣ недѣли онъ получилъ, всетаки, ссуду изъ общественнаго запаснаго магазина — три четверти пшеницы. Онъ благодарилъ атамана и пообѣщалъ ему мѣшокъ картофелю.

— За вашу добродѣтель, вашбродь,—говорилъ онъ, между прочимъ, стараясь изобразить на своемъ лицѣ самую искреннюю преданность:—я вамъ послужу, ей-Богу, послужу, ей-Богу, послужу... Я васъ не забуду, вашбродь... Повѣрьте моей совѣсти, я васъ не забуду...

Оба — и атаманъ и Андрей Ретивовъ — разстались совершенно довольные другъ другомъ.

А. Березинцевъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОЛЬСКАГО КРЕСТЬЯНСТВА ¹⁾.

(1846—1848 гг.).

(По архивнымъ источникамъ).

III.

ЕЩЕ ПРИ ПЕРВОМЪ проявленіи волненія между пограничными крестьянами западныхъ губерній, императоръ Николай повелѣлъ, чтобы приняты были всѣ зависящія мѣры къ прекращенію крестьянскаго волненія, и чтобы было обращено вниманіе и на всѣмъ извѣстную жестокость помѣщиковъ ²⁾.

Для осуществленія этого повелѣнія, князь Паскевичъ, между прочимъ, предложилъ начальнику 4-го округа корпуса жандармовъ, графу Буксгевдену (4-го (16-го) ноября 1846 г. за № 2706), чтобы онъ доносилъ ему «о всякомъ волненіи между крестьянами, какого бы рода оно ни было, ибо даже подъ видомъ обыкновеннаго неповиновенія помѣщицкой власти могутъ скрываться попытки къ распространенію коммунизма», а также доносилъ бы о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ или арендаторовъ съ крестьянами ³⁾.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 708.

²⁾ Князь Паскевичъ ген.-ад. Бибикову отъ 12-го (24) октября 1846 года за № 2553.

³⁾ Здѣсь не лишне будетъ сказать, что графъ Буксгевденъ, получивъ такое предложеніе, съ своей стороны распорядился, чтобы въ производствѣ «ислѣдованій» о неповиновеніи крестьянъ или угнетеніи ихъ помѣщиками непременно

Графъ Буксгевденъ, стараясь выяснитъ причины, происходившаго между крестьянами, броженія, находилъ, что отвѣтственность за это въ значительной степени должна падать на сельское духовенство, которому секретно было предписано имѣть наблюденіе за духомъ жителей, особенно помѣщиковъ, и доносить о всемъ замѣченномъ. Духовенство же, по словамъ графа Буксгевдена, «руководимое не столько благосмысленнымъ участіемъ къ состоянію рабочаго класса людей, сколько личнымъ своимъ неудовольствіемъ къ нѣкоторымъ помѣщикамъ, посѣваетъ въ крестьянахъ вредный духъ неповиновенія», возбуждая ихъ противъ помѣщиковъ.

Однако же князь Паскевичъ взглянулъ на это дѣло такъ: «нѣсколько случаевъ, изобличающихъ мѣстныхъ священниковъ въ возбужденіи крестьянъ къ неповиновенію владѣльцамъ, не могутъ служить основаніемъ общему обвиненію духовенства въ подстрекательствѣ», съ каковымъ мнѣніемъ вполне согласился и шефъ жандармовъ, принявшій также во вниманіе то единодушіе, съ какимъ шляхта поддерживаетъ свои интересы и употребляетъ разные извороты для удержанія своихъ правъ, «введенныхъ злоупотребленіемъ въ обычай» ¹⁾.

Выше было замѣчено, что въ Западномъ краѣ положеніе крестьянъ было особенно печально. Несомнѣнно, что главную роль здѣсь играло православное вѣроисповѣданіе западно-русскихъ крестьянъ, дававшее польскимъ или полонизованнымъ помѣщикамъ лишній поводъ къ угнетенію бѣднаго хлопа.

участвовали и жандармскіе офицеры. Кіевскому генералъ-губернатору это не понравилось, и кн. Паскевичъ готовъ былъ отиѣнить сдѣланное распоряженіе, но графъ Буксгевденъ отстоялъ его. Въ своемъ объясненіи, представленномъ имъ кн. Паскевичу (отъ 3-го января 1847 г. за № 8), онъ, между прочимъ, говоритъ: «есть высочайшая воля, въ 1842 г. объявленная, чтобы офицеры корпуса жандармовъ непремѣнно участвовали въ производствѣ слѣдствій объ убійствѣ помѣщиковъ своими крестьянами, или ихъ покушеніи въ томъ, для того, чтобы обнаружить: не было ли поводомъ убійства собственное владѣльцевъ худое обращеніе или угнетеніе крестьянъ». О возникшемъ пререканіи дѣло восходило даже на высочайшее воззрѣніе. Шефъ жандармовъ ген.-ад. графъ Орловъ, письмомъ отъ 16-го января 1847 г. за № 104, увѣдомилъ кн. Паскевича, что «государь императоръ повелѣтъ соизволилъ, дабы къ слѣдствіямъ о волненіяхъ и неповиновеніи крестьянъ, отъ какихъ бы причинъ оныя ни происходили, также о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ, арендаторовъ и управителей съ крестьянами, всегда назначаемы были штабъ-офицеры корпуса жандармовъ».

¹⁾ Ген.-адъют. графъ Орловъ кн. Паскевичу отъ 19-го ноября 1847 г. за № 3094. По этому предмету въ ст. г. Петрова «Общественно-политическія броженія въ Кіевской губерніи въ 1846 и 1847 годахъ» читаемъ: «въ то самое время, когда священнослужители Кіевской епархіи получали и стали исполнять начальственное предписаніе относительно наблюденія за дѣйствіями поляковъ и духомъ, въ народѣ распространяемомъ, въ это самое время гражданскіе чиновники въ цѣломъ рядѣ доносовъ кіевскому генералъ-губернатору Вибинову старались очернить въ его глазахъ мѣстное духовенство и обвинить многихъ священнослужителей въ раз-

Вотъ что писалъ кіевскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Бибиковъ, князю Паскевичу, 23-го октября 1846 г. за № 787, о положеніи крестьянъ въ Юго-Западномъ краѣ: «я обратилъ особенное вниманіе на положеніе здѣшнихъ крестьянъ, и въ первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ государю императору въ 1839 году довелъ до высочайшаго свѣдѣнія, что помѣщики и посессоры управляютъ крестьянами безчеловѣчно, и хотя въ защиту крестьянъ принимаются указанныя закономъ мѣры, но онѣ, какъ послѣдствія разныхъ случаевъ или происшествій, принося пользу частную, не сильны отвратить зла общаго.

«Въ 1840 и 1841 годахъ я также всеподданнѣйше докладывалъ государю императору, что здѣшніе крестьяне во время мятежа 1830 года не только не измѣнили своему долгу, не смотря на соблазны поляковъ, но въ свое время предупреждали правительство о заговорѣ и бунтѣ, почему въ приказѣ фельдмаршала князя Сакена, въ маѣ 1831 года, читанномъ въ церквахъ, имъ было обѣщано, что они никогда не будутъ принадлежать возмутившимся помѣщикамъ, но по усмиреніи мятежа это обѣщаніе не было исполнено: крестьяне возвращены тѣмъ же самымъ владѣльцамъ, коихъ захватывали, какъ мятежниковъ, или на коихъ доносили, а взятые въ казну поступили тоже въ управленіе поляковъ, часто родственниковъ тѣхъ, кои по мятежу наказаны и коимъ принадлежали имѣнія. Послѣ сего крестьяне вытерпѣли жестокія преслѣдованія со стороны своихъ господъ: были даже случаи, что при наказаніяхъ имъ повторялось, что таковыя дѣлаются за ихъ вѣрность правительству».

Симпатичная личность генерала-адъютанта Бибикова, употреблявшаго всѣ старанія, чтобы улучшить положеніе крестьянъ Юго-Западнаго края, еще рельефнѣе обрисовывается въ другомъ рапортѣ къ князю Паскевичу (отъ 27 января 1848 г. за № 782), по случаю безпорядковъ, происшедшихъ въ одномъ помѣщичьемъ имѣніи вслѣдствіе того, что управитель не далъ позволенія двумъ крестьянамъ вступить въ бракъ потому только, что они привезли водку изъ другого мѣста, а не изъ мѣстной корчмы.

Благодаря этому, молодые люди не могли освятить свой бракъ церковнымъ обрядомъ, и родители сами благословили ихъ на супружество. Управитель далъ знать объ этомъ становому приставу, который тотчасъ же явился и арестовалъ «виновныхъ» крестьянъ.

ныхъ предосудительныхъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія поступкахъ: обвиненія противъ духовенства, при некомпетентности обвинителей, часто носятъ такой детальный, бытовой оттѣнокъ, что иногда указываютъ этимъ самымъ на болѣе близкій къ духовенству источникъ этихъ доносовъ, именно на польско-шляхетскую среду, имѣвшую возможность слѣдить за священнослужителями на каждомъ шагѣ ихъ жизни. Поэтому можно думать, что доносы на священнослужителей были отместкою имъ со стороны польскаго дворянства и шляхты за наблюденія за ихъ дѣйствіями, сопровождавшееся иногда доносами политическаго характера».

Но «толпа» отбила арестантовъ и произвела такіе беспорядки, что пришлось вызвать эскадронъ гусарь.

«Поступокъ этого управителя, — писалъ Д. Г. Бибииковъ, — есть одинъ изъ тѣхъ притѣснительныхъ и позорныхъ дѣйствій владѣльцевъ противу крестьянъ, которые были столько привычны помѣщикамъ здѣшняго края. Они отличались такими примѣрами жестокостей, такимъ варварствомъ и своеволіемъ надъ своими крестьянами, что я вынужденъ былъ прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ взыскаія: предавать виновныхъ военному суду, держать въ крѣпости подъ арестомъ, кромѣ взятія имѣній въ опеку и введенія въ нихъ казенныхъ инвентарей ¹⁾. Но когда и эти взыскаія не были сильны, чтобы измѣнить старинное направленіе — принимать крестьянъ не за людей, а за вещи, я нашелся въ необходимости всеподданѣйше доложить о всемъ этомъ государю императору еще въ 1840 году и испросить высочайшее соизволеніе на ближайшія опредѣленія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ посредствомъ обязательныхъ инвентарей. Предположеніе это, послѣ огромной переписки, наконецъ получило утвержденіе въ половинѣ прошедшаго (1847) года, и въ настоящее время, какъ можно надѣяться, личность крестьянъ получила нѣкоторое огражденіе, хотя еще не совершенное, но, по крайней мѣрѣ, во многомъ избавляющее ихъ отъ чудовищнаго произвола владѣльцевъ. Въ предупрежденіе же неисполненія со стороны владѣльцевъ инвентарныхъ правилъ, угнетенія или притѣсненія крестьянъ, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволили предавать ихъ военному суду»...

«Слава тобі, генерале», — говорится въ народной пѣснѣ, увѣковѣчившей годъ введенія въ Западномъ краѣ инвентарныхъ правилъ ²⁾

¹⁾ Исчисленіе крестьянскихъ угодій и лежащихъ на крестьянахъ обязанностей и повинностей въ отношеніи помѣщиковъ.

²⁾ В. Шульгинъ, Юго-Западный край въ послѣднее двадцатипятилѣтіе (1838—1863), Кіевъ, 1864:

«Слава тобі, генерале,
Въ віки вичны одъ насъ;
Памятувать и дякувать
Будемо во всякъ часъ.
Було перше мы днюемо
Въ пана на роботы,
Спочивку не знаемо,
Робимо голоты.
А теперъ ты зупынивъ ихъ
Цили йвантарами;
Налякавъ ихъ. Може й буде
Правда і міжъ нами.
Слава тобі, генерале,
Ты нашъ добрый тату!
Може теперъ веселійше
Війдемъ въ свою хату»...

IV.

Въ Сѣверо-Западномъ краѣ, т. е. въ Виленскомъ генераль-губернаторствѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, инвентари, какъ извѣстно, имѣли иную судьбу, чѣмъ въ Юго-Западномъ краѣ. Здѣсь составленіе инвентарей было поручено самимъ помѣщикамъ и вслѣдствіе этого тянулось многіе годы. Помѣщики старались доказать, что введеніе инвентарей крайне тягостно для нихъ и разорительно; дѣло всячески затягивалось и въ концѣ концовъ нисколько не облегчило участи крестьянъ. Эти же послѣдніе, зная о намѣреніяхъ правительства и ожидая отъ введенія инвентарей облегченія отъ многихъ повинностей, волновались и толковали, что помѣщики скрываютъ инвентарное положеніе въ свою пользу, чтобы попрежнему отягощать крестьянъ. Мірскія сходки вездѣ имѣли въ это время угрожающій видъ. Особенно сильное раздраженіе противъ помѣщиковъ, духовенства и чиновниковъ замѣчалось въ Бѣлостокскомъ уѣздѣ¹⁾. Между прочимъ, въ имѣніи Лососьна одинъ изъ крестьянъ просилъ священника освятить ножъ и, когда священникъ началъ расспрашивать его, крестьянинъ простодушно сознался, что «пришло де время расчитаться съ панами за прошлое»... Въ другихъ имѣніяхъ крестьяне, требуемые по уголовнымъ слѣдственнымъ дѣламъ къ свидѣтельству подъ присягою, отказывались отъ исполненія этого требованія. Какъ оказалось потомъ, это произошло вслѣдствіе слуха, что правительство еще въ 1844 году перевело крестьянъ съ барщины на оброкъ, но что, по стачкѣ помѣщиковъ съ чиновниками, крестьянамъ не было объявлено объ этомъ, и ихъ умышленно, подъ разными предлогами, стараются приводить къ присягѣ, чтобы потомъ представить присяжные листы («присяги») высшему начальству, съ донесеніемъ, что крестьяне сами желаютъ «навсегда исправлять» барщинную повинность и не хотятъ быть отъ таковой освобождены²⁾.

Вообще слухи, неизвѣстно откуда исходившіе, играли большую роль въ крестьянской жизни. Витебскіе крестьяне, а за ними ви-

¹⁾ Гр. Буксгевденъ кн. Паскевичу отъ 27 сентября 1846 г. за № 547.

²⁾ Рапортъ виленскаго военнаго, минскаго, гродненскаго и ковенскаго генераль-губернатора, ген.-лейт. Мирковича, кн. Паскевичу отъ 8 сентября 1846 г. за № 1709.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ Кіевской губерніи въ 1848 году. Крестьяне сел. Редбайловки, Чигиринскаго уѣзда, отказались принять инвентарныя книжки для записыванія барщины, объяснивъ земскому исправнику, что въ Малороссіи былъ де такой случай, что крестьяне, взявшіе какія-то книжки, остались въ крѣпостномъ состояніи, а тѣ, которые отказались отъ книжекъ, воспользовались свободою и сдѣлались казаками. Редбайловскіе крестьяне до того волновались, что для водворенія порядка между ними пришлось вызвать эскадронъ уланъ изъ Новомиргородскаго поселенія (донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 23 апрѣля 1848 г. за № 263).

ленскіе, отчаявшись, вѣроятно, дожидаться лучшихъ дней у себя на родинѣ, стали, подѣ предлогомъ работъ на желѣзной дорогѣ, уходить цѣлыми селеніями къ Черному морю, гдѣ, по слухамъ, всѣмъ безпаспортнымъ людямъ давались земли, на которыхъ они могли свободно селиться. Для вразумленія крестьянъ были командированы изъ Петербурга флигель-адъютанты Опочининъ и Назимовъ, причемъ первому изъ нихъ было поручено взять изъ расположеннаго въ городѣ Порховѣ гренадерскаго корпуса одинъ полкъ и слѣдовать съ нимъ въ Витебскую губернію для усмиренія волновавшихся крестьянъ, а также для задержанія самовольно ушедшихъ къ вольнымъ берегамъ. Тогда же подѣ личнымъ распоряженіемъ витебскаго генераль-губернатора кн. Голицына было удержано до семи тысячъ крестьянъ ¹⁾.

Вѣ это же самое время, когда витебскіе крестьяне мечтали о вольныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Ковенской губерніи изнывали въ крѣпостномъ состояніи настоящіе «вольные люди».

Дѣло въ томъ, что въ 1808 году владѣлецъ имѣнія Линковицы и деревень Мѣшколовки и Гостаны, хорунжій Игнатій Карпя, умирая бездѣтнымъ и не имѣя ближайшихъ родственниковъ, завѣщалъ эти имѣнія однофамильцу своему, Евстаѳію Карпя (бывшему виленскому губернскому предводителю дворянства и статскому совѣтнику), а крестьянамъ, населявшимъ имѣніе, въ числѣ 6 тысячъ душъ, даровалъ свободу. Богатый наслѣдникъ, пользуясь своими связями съ мѣстными и губернскими властями, скрылъ вторую часть завѣщанія и вольными людьми сталъ управлять, какъ крѣпостными. Никто не позаботился опредѣлить права и отношенія этихъ людей къ владѣльцу имѣнія, обращавшемуся къ тому же съ ними весьма жестоко.

Наконецъ, въ 1840 году «вольные люди», которымъ, конечно, такъ или иначе воля завѣщателя сдѣлалась извѣстною, рѣшились ходатайствовать о восстановленіи ихъ въ правахъ. Но всѣ старанія ихъ не имѣли никакого успѣха. Дѣло восходило даже до сената, по указу котораго было перенесено изъ Ковенской губерніи въ Минскую, «по причинѣ сдѣлавшихся извѣстными вѣса Карпя и его близкихъ отношеній съ мѣстными властями» Ковенской губерніи. Но и это не помогло. «Вольные люди» потеряли, наконецъ, всякое терпѣніе и отказались повиноваться дворовому управленію. Разумѣется, туда сейчасъ же явились подлежащія власти. Но когда нѣкоторые изъ «зачинщиковъ» были арестованы, то толпа, вооруженная дубинами, бросилась выручать своихъ и произвела при этомъ такіе беспорядки, что пришлось потребовать войска для усмиренія разбушевавшихся вольныхъ людей.

¹⁾ Донесенія графа Буксегвена князю Паскевичу отъ 24-го, 27-го и 31-го мая 1847 г. за №№ 421, 425 и 438 и отъ 17-го іюня 1847 г. за № 514.

Графъ Буксгевденъ, донося объ этомъ князю Паскевичу, выражалъ опасеніе, какъ бы не послѣдовало «серьезнаго возстанія» со стороны этихъ «страдальцевъ», могущаго подать «опасный примѣръ весьма многимъ другимъ тысячамъ крестьянъ этого края, сильно негодующимъ на своихъ помѣщиковъ»¹⁾.

По высочайшему повелѣнію, графу Буксгевдену поручено было произвести «наилучшее слѣдствіе» по этому дѣлу²⁾.

Какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, графомъ Буксгевденомъ было обнаружено, что такихъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю безъ земли, «наберется въ Западномъ краѣ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ», и что всѣ они живутъ безъ письменныхъ договоровъ и управляются владѣльцами «самовольно»³⁾. Графъ Буксгевденъ полагалъ необходимымъ, для прекращенія такого порядка вещей, учредить въ краѣ особую комиссію, которая бы «объяснила освобожденнымъ изъ крѣпостнаго состоянія крестьянамъ ихъ права» и затѣмъ опредѣлила бы отношенія ихъ къ владѣльцамъ земли и этихъ послѣднихъ къ нимъ. Вслѣдствіе этого въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ даже выработанъ проектъ объ улучшеніи быта этихъ вольныхъ людей, которые, по выраженію графа Перовскаго, «быть можетъ, по недоразумѣнію состоятъ у помѣщиковъ въ видѣ крѣпостныхъ»...

Завершилось это дѣло дѣйствительно учрежденіемъ мѣстной комиссіи; но присланный министромъ внутреннихъ дѣлъ предсѣдатель этой комиссіи, маіоръ Цыбульскій, оказалъ, по словамъ графа Буксгевдена⁴⁾, «нетерпимое, одностороннее направленіе своихъ дѣйствій къ пользамъ однихъ только крестьянъ» и этимъ способствовалъ укорененію въ нихъ еще большаго упорства. Вслѣдствіе этого, по представленію гр. Буксгевдена, маіоръ Цыбульскій былъ замѣненъ ст. сов. Васильчиковымъ. Комиссія всячески старалась склонить «вольныхъ людей» къ заключенію контрактовъ съ владѣльцемъ земли; но они никакъ не соглашались. Были пущены въ ходъ совѣты, увѣщанія, угрозы—ничего не помогало. Наконецъ приняты были самыя рѣшительныя мѣры, заставившія «вольныхъ людей» «почти единогласно» сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и принять условія владѣльца. Черезъ нѣсколько времени, однако же, они опять отказались отъ контрактовъ⁵⁾. Тогда Карпя «формальнымъ отказомъ»

¹⁾ Донесенія графа Буксгевдена князю Паскевичу отъ 23-го декабря 1846 г. за № 784 и отъ 11-го января и 7-го февраля 1847 г. за №№ 32 и 142.

²⁾ Отношеніе начальника III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, графа Орлова, къ князю Паскевичу отъ 15-го февраля 1847 г. за № 258.

³⁾ Отношеніе министра внутр. дѣлъ, гр. Перовскаго (по д-ту общихъ дѣлъ), къ ген.-адъют. Вибикову отъ 6-го мая 1847 за № 2458.

⁴⁾ Донесеніе кн. Паскевичу отъ 16-го октября 1848 г. за № 879.

⁵⁾ Донесенія гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 19-го октября и 2-го ноября 1848 г. за №№ 885 и 924.

увѣдомилъ комиссію, что ежели «слѣдственное дѣло», заведенное по жалобамъ на него крестьянъ за прошедшее время, будетъ прекращено, и они не будутъ болѣе предъявлять къ нему претензій, то онъ готовъ простить имъ насчитываемый на нихъ долгъ около 200 тысячъ рублей серебромъ и, кромѣ того, отказывается отъ управленія имѣніями и передаетъ ихъ старшему своему сыну, отличавшемуся, по словамъ графа Буксгевдена, «точностью и добросовѣстностью правилъ». И только тогда «вольные люди» изъявили согласіе на заключеніе контрактовъ.

Тѣмъ не менѣе изъ восьми эскадроновъ уланъ, вызванныхъ туда раньше, признано было необходимымъ оставить, всетаки, половину «для понужденія крестьянъ ко взносу недоимокъ» и «для наблюденія» за исполненіемъ въ точности принятыхъ ими на себя условій ¹⁾...

Одновременно съ этимъ отъ графа Буксгевдена было получено донесеніе о неповиновеніи «вольныхъ людей» на земляхъ графовъ Плятеровъ (имѣнія Корцяны и Александрово, Тельшевскаго уѣзда), а также о томъ, что они уже приведены къ повиновенію и изъявили готовность заключить условія съ владѣльцами ²⁾.

Графу Буксгевдену вообще принадлежитъ честь обнаруженія многихъ вопіющихъ злоупотребленій помѣщицкѣй власти въ западныхъ губерніяхъ, а также случаевъ жестокаго обращенія съ крестьянами.

Рискуя разстроить нервы благосклонному читателю, мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько случаевъ, доведенныхъ графомъ Буксгевденомъ до свѣдѣнія князя Паскевича вслѣдъ за указаннымъ выше распоряженіемъ по этому предмету. Такъ, отъ 29-го ноября 1846 г. за № 685, онъ доноситъ о жестокомъ обращеніи съ крестьянами минской помѣщицы Стоцкой, нисколько не уступающей въ этомъ отношеніи знаменитой Салтычихѣ.

Священникъ села Ремезъ, принадлежавшаго Стоцкой, сообщилъ Мозырскому земскому суду о смерти 13-ти-лѣтняго крестьянскаго мальчика, умершаго вслѣдствіе жестокаго наказанія его помѣщицею и тайно похороненнаго мужемъ Стоцкой на ремезовскомъ кладбищѣ.

Слѣдствіе, произведенное по этому поводу, не только вполнѣ подтвердило справедливость заявленія священника, но и обнаружило цѣлый рядъ чудовищныхъ жестокостей этой помѣщицы. Оказалось, что она наказывала крестьянъ по 100 и болѣе ударами плетью или розгами за самую ничтожную провинность, а то и совѣмъ безвинно, просто по какому нибудь капризу. Напр., ей не понравится, что въ ея присутствіи крестьянинъ заговорить съ кѣмъ либо, или,

¹⁾ То же отъ 6-го ноября 1848 г. за № 937.

²⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 1-го декабря 1848 г. за № 992.

Боже сохрани, улыбнется, и т. п. Она доводила свои жестокости до виртуозности. Однимъ словомъ, это былъ настоящій инквизиторъ въ юбкѣ.

Въ комнатѣ Стоцкой были вбиты два желѣзные пробоя: одинъ въ потолокъ, а другой противъ него, въ полу. Это было ужасное орудіе пытки, достойное среднихъ вѣковъ. Провинившагося крестьянина или крестьянку, предварительно раздѣтаго донага, привязывали ременными вожжами къ этимъ пробоямъ такимъ образомъ, что несчастный оказывался висящимъ въ воздухъ съ вытянутыми вверхъ руками. Затѣмъ начиналось немилосердное сѣченіе его до потери имъ чувствъ. При этомъ Стоцкая и сама любила наносить удары по чему попало и не разбирая чѣмъ: палкою, безменомъ, ножемъ; кусала зубами, душила за горло, топтала ногами въ грудь и животъ. Накладывала виновному на шею желѣзную цѣпь и, замкнувъ ее на пробой, вбитый въ стѣну, лила за шею горячую воду. Зимой приказывала волочить провинившихся обнаженною спиною по острому льду, покрывавшему замерзшую землю, отчего у несчастныхъ совершенно сдиралась кожа со спины. Заставляла ѣсть издохшихъ пьявокъ; жгла раскаленнымъ желѣзомъ и приказывала плясать, приговаривая: «Скачи, враже, якъ панъ каже!». Зауздывала женщинъ палочками, чтобы не сосали отъ коровъ молока, и т. д., и т. д. Крестьяне находились въ такомъ страхѣ, что не смѣли и подумать о томъ, чтобы пожаловаться на помѣщицу. Имъ, какъ Щедринской Аннушкѣ въ «Пошехонской старинѣ», оставалось въ утѣшеніе только одно: это—вѣра, что «рабство есть временное испытаніе, предоставленное лишь избранникамъ, которыхъ за это ждетъ вѣчное блаженство въ будущемъ».

Затѣмъ черезъ мѣсяцъ отъ графа Буксгевдена были получены новыя свѣдѣнія о Стоцкой¹⁾. Дѣло въ томъ, что у нея пропала безъ вѣсти дворовая дѣвка, по имени Тимоценкова. Стоцкая показала ее бѣжавшею, но въ дѣйствительности открылось совсѣмъ иное. Находясь болѣе шести лѣтъ при своей госпожѣ, Тимоценкова подвергалась отъ нея почти ежедневно по два и по три раза наказанію розгами и плетью, отъ 50 до 200 и болѣе ударовъ, вслѣдствіе чего все тѣло ея постоянно было въ ранахъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день (въ сентябрѣ 1846 г.) Стоцкая наказала ее столь жестоко, что несчастная уже не въ состояніи была перенести экзекуціи и черезъ нѣсколько дней умерла. Тѣло ея, по приказанію помѣщицы, было снесено кучеромъ Амбросьевымъ въ ледникъ, гдѣ и оставалось до ночи. Ночью же Стоцкая, въ сопровожденіи своего супруга и кучера, спустилась въ ледникъ и занялась уничтоженіемъ слѣдовъ преступленія. Трупъ былъ разрубленъ топоромъ на три части, сложенные затѣмъ въ мѣшокъ и зарытыя

¹⁾ Донесеніе князю Паскевичу отъ 26-го декабря 1846 г. за № 816.

въ землю. На пятыхъ сутки смертныя останки Тимощенковой были вырыты изъ земли и брошены въ чугунный котель, въ которомъ ихъ варили три часа съ тѣмъ, чтобы отдать потомъ собакамъ на съѣденіе... Однако же мужъ Стоцкой не одобрилъ такой мѣры и взаи́мъ ея предложилъ сжечь останки въ лѣсу. Предложеніе это было принято, и Стоцкій, при содѣйствіи, кучера самъ привелъ его въ исполненіе.

Какъ Стоцкій, такъ и Амбросьевъ оба сознались во всѣхъ преступленіяхъ. Сама же Стоцкая рѣшительно ни въ чемъ не сознавалась.

Интересно, что заперательство Стоцкой побудило товарища предсѣдателя минской уголовной палаты Антонова къ неумѣстной защитѣ этой ужасной женщины. Въ то время, какъ уголовная палата рѣшала лишить ее всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, Антоновъ полагалъ оставить ее только въ подозрѣніи на томъ де основаніи, что она не созналась въ преступленіи. Чѣмъ это дѣло завершилось—неизвѣстно; но минскій губернаторъ, къ которому она поступило потомъ изъ палаты на ревизію, мнѣніемъ положилъ: Стоцкую, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ на 16 лѣтъ. Мужъ Стоцкой умеръ въ тюрьмѣ еще до окончанія дѣла. Что же касается кучера, то въ виду того, что онъ былъ вовлеченъ въ преступленіе «сильною властью помѣщиковъ», рѣшено было наказать его сорока ударами розогъ¹⁾.

А вотъ другое донесеніе графа Буксгевдена, въ которомъ служители алтаря Господня являются въ отвратительной роли инквизиторовъ²⁾.

Въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи у одного изъ воссоединенныхъ изъ униатства, селецкаго благочиннаго, протоіерея Ячиновскаго было украдено 304 рубля сер. Подозрѣніе пало на трехъ казенныхъ крестьянъ имѣнія Бусяжъ и на одного помѣщичьяго, графини Замоиской. Крестьяне тотчасъ были потребованы въ сельское управленіе, гдѣ, въ присутствіи потерпѣвшаго, еще двухъ священниковъ, также бывшихъ униатовъ, сельскаго писаря, старшины, и сотника, были подвергнуты строжайшему допросу. Крестьяне призывали всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что они неповинны въ кражѣ,—имъ не вѣрили и употребляли всѣ старанія къ тому, чтобы привести ихъ къ сознанію. Ихъ «немилосердно» били палкою по головѣ, хлестали розгами, ставили босыми ногами на горячую вьюшку, которую прикладывали также къ щекамъ и другимъ частямъ тѣла... Но и страдая отъ боли, крестьяне продолжали божиться и клясться, что не-

1) Донесеніе дежурства 4-го окр. корп. жанд. начальнику главн. штаба дѣйств. арміи, отъ 10 января 1848 г. за № 11.

2) Донесеніе кн. Паскевичу отъ 2 декабря 1846 г. за № 701.

виновны въ кражѣ. Неизвѣстно, до чего бы дошло это испытаніе судомъ Божиимъ, если бы въ это самое время не нашелся настоящій похититель денегъ: домашній писарь протоіерея Ячиновскаго...

Дѣло это представлялось на столько невѣроятнымъ, что для провѣрки произведеннаго о немъ слѣдствія былъ даже командированъ, по высочайшему повелѣнію, особый штабъ-офицеръ, подполковникъ Прасоловъ, который, удостовѣривъ все изложенное, обнаружилъ еще большія подробности истязаній и пытокъ, которымъ были подвергнуты не только заподозрѣнные въ кражѣ четыре крестьянина, но и родственники ихъ... Между прочимъ, было обнаружено, что одинъ изъ присутствовавшихъ при этой экзекуціи батюшекъ, священникъ Барановскій, допрашивая три года тому назадъ одного крестьянина, заподозрѣннаго въ кражѣ вина, жегъ несчастному пальцы лучиною, а въ другой разъ «испытывалъ» это же средство въ самой церкви, «только инымъ способомъ (?)»¹⁾...

А вотъ помѣщикъ сел. Сморгды, Дубенскаго уѣзда, Волынской губерніи, Аполлонъ Ледуховскій, воздвигнулъ, въ качествѣ новаго Діоклетіана, пѣлое гоненіе противъ крестьянъ, исповѣдывавшихъ православную вѣру. Начальникъ дубенской жандармской команды нашель у него въ селѣ церковнаго старосту, богобоязненнаго старика, скованнымъ двойными желѣзными кандалами; двое другихъ крестьянъ оказались съ набивными колодками, въ которыхъ содержались болѣе трехъ мѣсяцевъ. Затѣмъ былъ найденъ еще одинъ крестьянинъ также въ кандалахъ... Вслѣдствіе гоненій этого помѣщика крестьяне начали ослабѣвать въ православной вѣрѣ и переходить къ обрядамъ католической церкви. Помѣщикъ запрещалъ крестьянамъ говѣть; въ праздничные дни выгонялъ ихъ на барщину и т. д.²⁾

Въ такомъ же родѣ былъ помѣщикъ сел. Тхоровки, Сквирскаго уѣзда, Кіевской губерніи, Страшинскій, высылавшій крестьянъ на барщину въ день Благовѣщенія, когда, по народному повѣрью, даже птица гнѣзда не вьетъ, а также въ страстную недѣлю послѣ принятія Св. Тайнъ и на Пасху³⁾...

Нужно ли еще говорить о другихъ помѣщикахъ, которые засѣкали на мѣстѣ мальчугановъ-пастуховъ за недосмотръ за свиньями, производшими траву хлѣба, или за съѣденный кусокъ сала, растлѣвали крестьянскихъ дѣвочекъ, коптили людей, какъ окорока, въ дымныхъ избахъ и т. п.

Мы покажемъ теперь, на какую ужасную месть способно было это несчастное, угнетенное крестьянство Западнаго края. Вообще

¹⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 21 января 1847 г. за № 51.

²⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 4 февраля 1847 г. за № 133.

³⁾ То же, отъ 10 іюня 1847 г. за № 486.

«истор. вѣстн.», июль, 1894 г., т. LVII.

всѣ данныя, казалось, были къ тому, чтобы и здѣсь повторилось нѣчто въ родѣ галиційской рѣзни. На это, между прочимъ, указываетъ и заключеніе, сдѣланное гр. Буксгевденомъ по поводу случая, о которомъ мы намѣрены рассказать ¹⁾).

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Помѣщикъ фольварка Евсташино, Быховскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Лесневскій, за самовольную отлучку ночью крѣпостнаго своего поваренка Ивки, приказалъ наказать его на другой день утромъ розгами. Родственникъ Ивки, кучеръ Григорій, узнавъ объ этомъ во время самой экзекуціи, бросился вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аванасіемъ «отнимать Ивку», причемъ какъ тотъ, такъ и другой захватили на кухнѣ по поварскому ножу.

Экзекуція происходила въ домѣ эконома Островскаго при запертыхъ дверяхъ. На стукъ Григорія дверь отворилъ самъ Островскій; но едва онъ очутился лицомъ къ лицу съ Григоріемъ, какъ былъ «пронзенъ» ножомъ и упалъ, обливаясь кровью. На его крикъ прибѣжала жена, а за нею братъ Островскаго, молодой человекъ, и съ нимъ старый 85-ти-лѣтній шляхтичъ Бродовичъ. Григорій съ бѣшенствомъ набросился на нихъ. Черезъ нѣсколько секундъ Бродовичъ былъ уже мертвъ, а жена Островскаго лежала рядомъ съ мужемъ. Брату же Островскаго, хотя и израненному, какъ-то удалось выскочить во дворъ, и онъ пустился бѣжать къ господскому дому, отстоявшему отъ мѣста происшествія въ двухстахъ шагахъ. Убійцы бросились вслѣдъ за нимъ... Замѣчательно, что собравшаяся въ это время толпа дворовыхъ не сдѣлала ни малѣйшей попытки задержать ихъ.

Вбѣжавъ въ господскій домъ, убійцы встрѣтили дворянку Эсткову, которая закричала имъ: «что вы дѣлаете?!»... Но Григорій не далъ ей договорить и «воткнулъ» въ нее ножъ. На крикъ несчастной прибѣжали двѣ родственницы помѣщика Лесневскаго, но и ихъ постигнула та же участь. Замѣтивъ, наконецъ, самого Лесневскаго, вмѣстѣ съ гостившимъ у него родственникомъ, Малиновскимъ, убійцы выбѣжали изъ дома, бросились въ конюшню, находившуюся въ 400 шагахъ отъ дома, и, взявъ двухъ неосѣдланыхъ лошадей, поскакали въ противоположную сторону отъ народа...

Въ четырехъ верстахъ отъ деревни, убійцы зашли въ корчму и, выпивъ тамъ водки, поскакали дальше. Проѣзжая черезъ имѣніе помѣщика Порембскаго, Безуевичи, они повернули на господскій дворъ и, привязавъ лошадей у крыльца, сказали слугѣ, чтобы доложилъ о нихъ господамъ. Порембскій сейчасъ же вышелъ къ нимъ, и только успѣлъ спросить, что имъ нужно, какъ Григорій

¹⁾ Донесеніе гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 8-го февраля 1847 года за № 160.

выхватилъ изъ рукава спрятанный туда ножъ и нанесъ Порембскому два смертельныхъ удара, въ бокъ и животъ. Такіе же удары были нанесены вбѣжавшей въ комнату беременной женѣ Порембскаго. Губернантка отдѣлалась сравнительно легче, благодаря тому обстоятельству, что Григорій самого себя при этомъ сильно ранилъ въ руку и уже не въ состояніи былъ добывать свою жертву... Аѳанасій въ это время искалъ дѣтей по комнатамъ, но, къ счастью, никого не нашель... Наконецъ, убійцы выбѣжали изъ дома, вскочили на лошадей и понеслись дальше...

Было около шести часовъ вечера, когда они подѣхали къ имѣнію помѣщика Коморскаго, Плесно; оно находилось въ 12-ти верстахъ отъ дер. Безуевичи и въ 18-ти верстахъ отъ дер. Евсташино. Въ домѣ помѣщика уже горѣли огни. Григорій, слѣзая съ коня, сказалъ брату: «ну, теперь твоя очередь; я довольно поработалъ»... У него сильно болѣла рука.

Не ожидая возвращенія слуги, отправившагося доложить господамъ о приѣздѣ ихъ, убійцы сами вошли въ комнаты. Въ это время помѣщикъ уже шелъ на встрѣчу имъ. Аѳанасій бросился на него и нанесъ ему страшную рану въ животъ. Затѣмъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ было нанесено имъ женѣ Коморскаго, прибѣжавшей на крикъ мужа. Весь домъ мгновенно поднялся на ноги. Сбѣжались слуги, и завязалась борьба съ Аѳанасіемъ. Кто-то сильно ударилъ его по головѣ; онъ упалъ и выронилъ ножъ. Григорій помогъ ему подняться. Онъ схватилъ ножъ и сталъ рубить имъ направо и налево... Выбравшись затѣмъ во дворъ, убійцы сѣли на лошадей и, пользуясь темнотою ночи, ускакали... Только черезъ двое сутокъ они были наконецъ задержаны¹⁾.

Графъ Буксгевденъ, говоря, что это дѣло можетъ дать «полное понятіе о томъ, къ какимъ ослѣпленнымъ преступленіямъ способна чернь, приведенная въ ярость самымъ ничтожнымъ случаемъ», — приходитъ къ заключенію, что описанное преступленіе «не могло быть необдуманнѣмъ», и что «современемъ откроются люди, которымъ было извѣстно намѣреніе преступниковъ совершить убійства»...

V.

Вспыхнувшая въ февралѣ 1848 года въ Парижѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ, Итали и другихъ государствахъ революція освѣтила багровымъ заревомъ весь политическій горизонтъ Европы...

¹⁾ Преданные затѣмъ военному суду, они были казнены шпицрутенами. Григорію было дано 6.000 ударовъ, и онъ умеръ черезъ часъ, а Аѳанасію — 1.500 ударовъ; умеръ черезъ семь часовъ. Многие дворовые, такъ или иначе выразившіе свою безучастность къ преступленіямъ Григорія и Аѳанасія, тоже были подвергнуты разнымъ наказаніямъ (донес. гр. Буксгевдена кн. Паскевичу отъ 13 іюня 1847 г. за № 490).

Само собою разумѣется, что польская эмиграція не могла остаться равнодушною къ совершавшимся въ Европѣ событіямъ и снова забила въ набатъ: «Братья поляки демократы! Миръ обновляется, воскресаетъ!.. Послѣдуемъ за общимъ духомъ вѣка!.. Не дадимъ опередить себя!»... и т. д., и т. д.

О положеніи польскаго вопроса въ Европѣ ген.-ад. Бибииковъ письмомъ отъ 26 марта 1848 г. сообщалъ кн. Паскевичу слѣдующія свѣдѣнія, полученныя имъ частнымъ образомъ «отъ такихъ женщинъ, которыя, по разнымъ отношеніямъ и богатому состоянію, желаютъ сохраненія въ краѣ тишины и спокойствія: польскій демократическій комитетъ въ Парижѣ, признанный французскимъ правительствомъ за законное представительство польскаго народа, распорядился, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій въ Европѣ, отправленіемъ множества агентовъ въ Познань, Галицію, Краковъ, царство Польское, Литву и Волынь, съ цѣлью подготовленія въ этихъ областяхъ всеобщаго возстанія въ духѣ чистаго демократизма». Возстаніе должно было вспыхнуть черезъ три мѣсяца. Средства для увеличенія числа единомышленниковъ дозволялись всякія. Имѣлось въ виду даже пожертвовать «для увлеченія народа» тѣми богатыми польскими помѣщиками, которые оказались бы неподходящими для пользы дѣла. При этомъ ген.-ад. Бибииковъ прибавляетъ, что въ Триестѣ, во время празднованія объявленія конституціи, кричали *vivat* полякамъ, что Сицилія, Неаполь, Венеція, Генуя объявили себя республиками и т. д.¹⁾

Лоренцъ въ своей «исторіи новѣйшаго времени» говоритъ, что «въ 1848 году поляки намѣревались привести въ исполненіе тѣ же планы и попытки, которые такъ неудачно были задуманы ими въ 1846 году; только вожаки ихъ рѣшились начать дѣло съ другаго конца, сообразно измѣнившимся обстоятельствамъ. Изъ Франціи пожаръ долженъ былъ перейти въ Германію и Италію, и затѣмъ въ Польшу; Европа, преображенная революціею, должна была накинута на Россію, гдѣ поляки втихомолку не переставали заботиться о подготовкѣ возстанія».

Но всѣ эти замыслы, какъ и въ 1846 году, такъ и теперь, не имѣли ровно никакого успѣха, благодаря рѣшенію русскаго царя

¹⁾ До какой степени вообще наши власти были осторожны и внимательно относились ко всему, что происходило тогда за границею, видно, напр., изъ донесенія ген.-ад. Бибиикова кн. Паскевичу отъ 6-го марта 1848 г. за № 47 о томъ, что изъ Галиціи получены свѣдѣнія, что жители галиційскихъ городовъ, особенно молодые люди изъ польскихъ семей, совершенно перестали, по примѣру ломбардо-венеціанскихъ жителей, курить сигары и трубки, а курящихъ принуждаютъ бросать то и другое прямо на улицы же. Впрочемъ, если принять во вниманіе безпорядки, происходившіе въ Миланѣ 2-го и 3-го января 1848 года по поводу такого же рѣшенія, принятаго мѣстными патриотами (см. «Исторію итальянской революціи», Гарнье-Паже), то внимательность ген.-ад. Бибиикова къ свѣдѣніямъ о поведеніи галиційской молодежи будетъ вполне понятна.

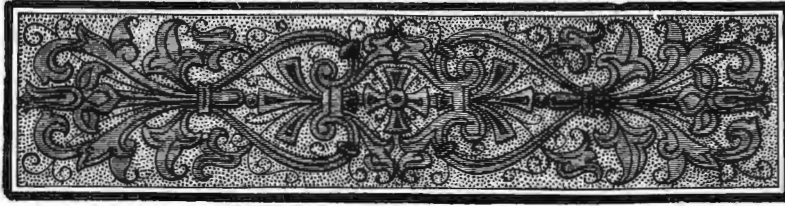
встрѣтить враговъ гдѣ бы они ни были, не щадя себя, и защищать честь имени русскаго и неприкосновенность русскихъ предѣловъ (высочайшій манифестъ 14 марта 1848 г.)...

Такъ окончился этотъ острый періодъ въ исторіи нашей западной окраины, имѣвшій такое важное, рѣшающее вліяніе на судьбу польско-русскаго крестьянина. На этомъ и мы закончимъ нашъ очеркъ. Освобожденіе крестьянъ, о которомъ польскіе демократы мечтали, лишь какъ о средствѣ для возстановленія прежней Польши, было осуществлено русскимъ правительствомъ во имя гуманности и справедливости. Великая крестьянская реформа, завершившаяся, послѣ цѣлаго ряда законодательныхъ мѣръ, послѣднимъ актомъ высочайшей мудрости и милосердія, въ знаменательный день 19 февраля, останется вѣковѣчнымъ памятникомъ тому, кто, по выраженію одного изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ и истинныхъ доброжелателей своей родины, «душу живую въ людяхъ пробудилъ» и «въ счастье вѣру людей воскресилъ»...¹⁾.

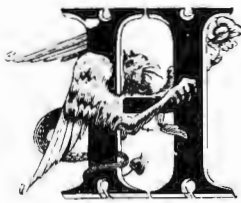
Иліодоръ Попруженко.

¹⁾ Русскія симпатіи въ польской поэзіи (неизданныя произведенія поэта А. Э. Одынца), статья М. И. Городецкаго, см. Историческій Вѣстникъ, 1891 г. апрѣль.

ПРОТОІЕРЕЙ ТРОФИМЪ ЕГОРОВИЧЪ КУЦИНСКІЙ, ПЕРВЫЙ ИЗЪ ДУХОВНЫХЪ КАВАЛЕРЪ ГЕОРГІЕВСКОЙ ЛЕНТЫ.

ЕДАВНО, по случаю столѣтія со дня взятія Измаила, въ печати были оживлены подробности этого геройскаго подвига безсмертнаго Александра Васильевича Суворова. Въ числѣ героевъ-участниковъ славнаго Измаильскаго штурма былъ указанъ, между прочими, священникъ Полоцкаго мушкетерскаго полка. Вотъ какъ описываетъ геройскій подвигъ этого священника авторъ книги «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», полковникъ генеральнаго штаба Н. Орловъ.

«IV колонна бригадира Орлова подошла ко рву Толгаларскаго укрѣпленія лѣвѣе Бендерскихъ воротъ. Часть ея уже взшла на валъ по приставленнымъ лѣстницамъ, тогда какъ остальная часть колонны была еще по сю сторону рва. Тогда Бендерскія ворота растворились, сильная толпа непріятели спустилась въ ровъ, двинулась вдоль его и ударила во флангъ казачьей колоннѣ, угрожая разрѣзать ее пополамъ; положеніе колонны сдѣлалось отчаяннымъ; пики казаковъ разлетаются подъ ударами сабель; казаки остаются безоружными и гибнутъ во множествѣ. Казаки и турки перемѣшались между собою, побѣда колеблется то на одну, то на другую сторону, то слышится громче «ура», то «аллахъ». Суворовъ немедленно понялъ опасность и принялъ мѣры къ ея отраженію. Въ помощь IV колоннѣ былъ двинутъ Воронежскій гусарскій полкъ, бывший въ резервѣ за III колонной, 2 эскадрона Сѣверскаго карабинернаго полка и конный казачій полкъ подполковника Сычова; вся эта конница карьеромъ мчится отъ праваго крыла, получивъ приказаніе врубиться

въ вылазку; кромѣ того, отъ лѣваго крыла посланы всѣ конные резервы; наконецъ, бѣглымъ шагомъ прибыли два батальона Полоцкаго мушкетерскаго полка, составлявшіе резервъ казачьихъ колоннъ. Подъ начальствомъ храбраго своего полковника Яцунскаго, Полоцкій полкъ ударяетъ на непріятеля въ штыки, но въ самомъ началѣ атаки Яцунскій смертельно раненъ, солдаты колеблются; видя это, полковой священникъ высоко поднимаетъ крестъ съ изображеніемъ Искупителя, воодушевляетъ солдатъ и бросается съ ними на турокъ... Орловъ овладѣлъ валомъ» ¹⁾).

Имя этого священника-героя было забыто. Редакція «Вѣстника военнаго духовенства», приводя на страницахъ своего журнала извѣстіе о подвигѣ священника Полоцкаго полка, высказала предположеніе, что это былъ священникъ Герасимъ Семеновичъ Соколовъ ²⁾. Предположеніе оказалось ошибочнымъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ томъ же «Вѣстникѣ» и основанной на документахъ архива святѣйшаго синода, А. Н. Львовъ доказалъ, что неизвѣстный до тѣхъ поръ священникъ-герой измаильскій былъ о. Трофимъ Куцинскій ³⁾.

Полная приключеній жизнь о. Трофима не лишена интереса.

I.

Въ октярѣ 1792 года, екатеринославская духовная консисторія получила прошеніе, подписанное протоіереемъ Трофимомъ Куцинскимъ. О. Куцинскій «прописывалъ», что «покойнымъ синодальнымъ членомъ, преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ екатеринославскимъ и Херсониса Таврическаго, опредѣленъ онъ въ 1787 году отъ полтавской Николаевской церкви въ Павлоградскій легкоконный полкъ, а потомъ переведенъ въ Полоцкій пѣхотный, а изъ онаго въ Днѣпровскій Приморскій гренадерскій полкъ, съ которыми находился въ походахъ: съ первымъ—въ Тавріи и подъ крѣпостью Кинбурномъ, со вторымъ—подъ Очаковомъ, Бендерами и Измаиломъ», при штурмѣ котораго «шелъ съ крестомъ», а съ послѣднимъ былъ «два раза за Дунаемъ»; что за Измаильскій штурмъ «по высочайшему ея императорскаго величества благоволенію данъ ему крестъ на георгіевской лентѣ, и произведенъ онъ покойнымъ

¹⁾ «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», генер. штаба полковника Н. Орлова, Спб., 1890, стр. 68—69. Въ «Новомъ Времени», № 5313, г. М. И. П. о подвигѣ полоцкаго полковаго священника рассказываетъ такъ: «Въ одномъ мѣстѣ, когда командиръ Полоцкаго полка былъ убитъ, солдаты дрогнули, но между ними явился священникъ и, держа въ рукѣ крестъ, закричалъ: «стой, ребята, вотъ вашъ командиръ!».

²⁾ «Вѣстникъ военнаго духовенства», 1891 г., №№ 1 и 2.

³⁾ «Вѣстникъ военнаго духовенства», 1891 г., № 5, «Историческая справка о томъ, кто былъ первый священникъ, получившій крестъ на георгіевской лентѣ...», сообщилъ А. Н. Львовъ.

архієпископомъ Амвросіємъ въ протоіереи, а послѣ отъ ея императорскаго величества пожаловано ему въ награжденіе 500 рублей единовременно и 300 рублей пожизненной пенсіи ежегодно»; что «въ настоящее время», по увольненіи отъ службы въ Днѣпровскомъ полку, онъ безъ мѣста и просить поэтому опредѣлить его на вакантное протоіерейское мѣсто въ Новомиргородъ.

Кинбурнъ, Очаковъ, Измаиль—это жемчужины въ вѣнцѣ русскаго оружія, не потускнѣвшія до сихъ поръ; а въ то время, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ событій, эти три слова покрывали славою всякаго, имѣвшаго право вписать ихъ въ свою біографію. Это обстоятельство, соединенное съ личнымъ присутствіемъ о. Куцинскаго въ консисторіи, повліяло на быстроту консисторскаго дѣлопроизводства. Дѣло было рѣшено въ два дня. По обычному порядку, была наведена «справка», нѣтъ ли о просителѣ въ консисторіи какихъ либо дѣлъ, и оказалось, что имѣется майскій рапортъ изъ Днѣпровскаго полка на имя покойнаго преосвященнаго Амвросія о томъ, что «протоіерей Куцинскій, объявляя надобность быть въ Яссахъ, отлучился въ генварѣ мѣсяцѣ» изъ полка, и такъ какъ полку неизвѣстно было его мѣстонахожденіе, то полкъ просилъ прислать другого священника; что преосвященный послалъ въ полкъ священника Льва Ѳедорова, «изъ селенія Таборскаго», Александрійскаго уѣзда, «но въ резолюціи не объяснено, чтобы на мѣсто Куцинскаго, и что онъ, Куцинскій, отъ полку уволенъ». Затѣмъ, съ другой стороны, протоіерейское мѣсто въ Новомиргородѣ еще августовскою резолюціей покойнаго преосвященнаго оказалось отданнымъ другому лицу—протоіерею города Николаева, Евфимію Савурскому. Наконецъ, въ консисторіи не было найдено никакихъ указаній о рукоположеніи протоіерея Куцинскаго во священника. Последнее заявленіе не имѣло бы, конечно, никакого смысла, если бы въ тѣ времена не встрѣчались случаи самозваннаго священства среди южно-русскаго духовенства, въ лицѣ нѣкоторыхъ выходцевъ изъ славянскихъ земель.

Получивъ отъ консисторіи довольно дипломатичный отвѣтъ, что его, «Куцинскаго, опредѣлить въ Новомиргородъ не можно за немѣніемъ тамъ празднаго мѣста», измаильскій герой не успокоился. Онъ въ тотъ же день подалъ консисторіи новое прошеніе, въ которомъ просилъ опредѣлить его къ «купеческой» успенской церкви въ городѣ Херсонѣ. Но теперь консисторія раскрыла карты. Не рѣшаясь «сама собою опредѣлить» о. Куцинскаго на просимое имъ мѣсто, хотя оно и было вакантно, консисторія обратилась съ рапортомъ къ святѣйшему синоду и, «благопочтеннѣйше о томъ представляя» ему «на благоусмотрѣніе», испрашивала «въ резолюцію указа», а о. Куцинскому предложила ждать рѣшеніе о немъ изъ С.-Петербурга ¹⁾.

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1792 г., № 271.

II.

Выжиданіе не было привычно тѣмъ, которые получали похвальныя аттестаціи отъ Суворова. Не долго думая, о. Куцинскій собрался и отправился въ Петербургъ самъ. Въ первое январское засѣданіе новаго 1793 года святѣйшій синодъ слушалъ уже слѣдующее показаніе о. Куцинскаго о немъ самомъ, изложенное въ прошеніи:

«Въ 1783 году посвященъ я во священника Екатеринославской епархіи въ городъ Полтаву, къ церкви св. Николая Чудотворца; а въ 1784 году опредѣленъ бывшимъ тогда архіепискомъ славенскимъ Никифоромъ въ Полоцкій полкъ, съ которымъ пробылъ въ Таврической области до начатія послѣдней турецкой войны. Во время же продолженія оной былъ съ тѣмъ же полкомъ при осадахъ и взятіи Очакова, Бендеръ и Килии, потомъ—при штурмѣ города Измаила, предшествуя со св. крестомъ предъ полкомъ во время самага жестокаго сраженія и при всходѣ на градскую стѣну. За каковыя мои подвиги, по рекомендаціи его свѣтлости, генераль-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина Таврическаго, удостоился я высокомонаршаго ея императорскаго величества благоволенія о произведеніи меня въ санъ протоіерея, съ возложеніемъ наперснаго креста, что въ 1791 году, октября 19, въ городѣ Яссахъ, покойнымъ преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ екатеринославскимъ, и исполнено. Послѣ сего переведенъ я въ Приморскій Днѣпровскій гренадерскій полкъ и всемилостивѣйше пожалованъ ея императорскаго величества пенсією по 300 рублей въ годъ. Нынѣ въ тотъ полкъ опредѣленъ священникъ другой, почему я остаюсь безмѣстнымъ, а между тѣмъ, за приключившеюся архіепископа Амвросія кончиною, и грамоты на протоіерейскій чинъ получить я не успѣлъ. Прошу снабдить грамотою и опредѣлить къ должности Екатеринославскаго намѣстничества въ ново-завоеванный городъ Дубоксары, въ которомъ, по знанію моему тамошнихъ языковъ, могу званіе свое проходить къ пользѣ тамошнихъ жителей и собственной моею выгодѣ».

Въ прошеніи не было написано, «какой природы» былъ о. Куцинскій и «гдѣ обучался», а также стояло одно неясное мѣсто: знаетъ иностранныя языки, но неизвѣстно какіе. Такъ какъ о. Куцинскій находился тутъ же, то разрѣшить возникшіе вопросы не представилось затрудненій. Въ тотъ же день, 3-го января, онъ записалъ въ синодальной канцеляріи «сказку», что «природою» онъ изъ малороссіянъ, обучался въ Кіевской академіи «съ нижнихъ классовъ и риторики», а языки иностранныя знаетъ молдавскій и польскій.

Наведена была обычная «справка», и оказалось, что въ святѣйшемъ синодѣ имѣется рапортъ покойнаго преосвященнаго екатерино-

славскаго Амвросія, что о. Куцинскому, «за ревностное поощреніе воиновъ къ храбрости, при взятіи турецкаго города Измаила», всемилостивѣйше пожалованъ отъ ея императорскаго величества «бриллиантовый» крестъ, который и возложенъ на него преосвященнымъ въ октябрѣ 1791 года, причемъ о. Куцинскій былъ произведенъ въ протоіереи.

Святѣйшій синодъ рѣшилъ: грамоту на протоіерейство о. Куцинскому выдать слѣдуетъ, и это сдѣлаетъ еодосійскій преосвященный Іовъ, управляющій Екатеринославской епархіей за кончиною архіепископа Амвросія. «Что же слѣдуетъ до опредѣленія его, Куцинскаго, на просимое имъ мѣсто, то какъ святѣйшему синоду состояніе города Дубоксаръ относительно въ немъ жителей, сколько ихъ, какой религіи и есть ли уже въ немъ христіанскія по нашему православному исповѣданію церкви, не извѣстно, а потому протоіерею Куцинскому, яко, по собственному его показанію, не слушавшему богословскаго ученія, вмѣстѣ ли быть въ такомъ пограничномъ городѣ, а особливо при первомъ случаѣ, въ должности по протопопскому его, Куцинскаго, сану: о томъ святѣйшій синодъ рѣшительно заключить не можетъ; для того о семъ предоставить разсмотрѣнію означеннаго епископа Іова—съ тѣмъ, что если въ томъ окажется сумлѣніе, то во уваженіе заслугъ его, протопопа, дать ему другое приличное, по разсмотрѣнію его же, преосвященнаго Іова, мѣсто» ¹⁾).

Приходилось ѣхать назадъ, и о. Куцинскій отправился.

III.

Коса нашла на камень. Человѣкъ мгновенія, воодушевленія, беззавѣтнаго порыва, быстрый, рѣзкій и необдуманнѣйшій, какъ вихрь, встрѣтился лицомъ къ лицу съ тѣмъ упорнымъ постоянствомъ, съ тою непоколебимою твердостью, какія выработывались только въ то «старое время». Преосвященный Іовъ, которому святѣйшій синодъ вручилъ участь о. Куцинскаго, самъ былъ не чуждый военной средѣ человѣкъ, хотя и не былъ знакомъ съ «пороховымъ дымомъ». Сынъ полковника, по фамиліи Потемкинъ, имѣвшій общаго прадѣда со свѣтлѣйшимъ княземъ Таврическимъ, онъ въ дѣтствѣ былъ отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ, вышелъ оттуда въ чинѣ поручика, скоро получилъ слѣдующій чинъ и могъ надѣяться на успѣшный дальнѣйшій ходъ своей карьеры. Но «мірская слава» не влекла молодого офицера. Онъ оставилъ «пространнѣйшій путь, украшенный скороувядающими цвѣтами мірскихъ надеждъ», и избралъ себѣ «путь узкій», исполненный тернія, но зато «освѣщен-

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1793 г., № 290.

ный неувыдающею надеждою небесною». Онъ вышелъ изъ военной службы и тайно постригся въ монахи въ одномъ изъ молдавскихъ монастырей и началъ новую жизнь съ самой низшей ступени, ни въ чемъ не желая пользоваться преимуществами предъ прочими монахами ¹⁾. Когда онъ сталъ уже архіереємъ, онъ сохранилъ отъ прежней своей жизни привычку къ безусловному повиновенію подчиненныхъ и требовательность къ той точности и аккуратности, которыя присущи военной дисциплинѣ мирнаго времени.

Протоіерей Куцинскій составилъ себѣ такой формулярный списокъ: время безызвѣстности, затѣмъ Кинбурнъ, Очаковъ, Измаиль, подвигъ, награда, слава, и, наконецъ, послѣдующее не совсѣмъ пріятное время. Но преосвященный Іовъ не былъ склоненъ признавать такого формуляра и требовалъ точныхъ датъ для всего. Онъ написалъ святѣйшему синоду:

«Въ городъ Дубоксары, въ которомъ имѣется одна только церковь, по силѣ указа святѣйшаго синода отъ 28-го февраля сего года, имѣетъ быть опредѣленъ протопопомъ, когда явится, протоіерей Филоеѣй Влодевичъ, и потому Куцинскому тамъ же быть невмѣстно. Что же надлежитъ до дачи ему на протопопскій чинъ грамоты, то какъ онъ въ прошеніи своемъ, поданномъ въ святѣйшій синодъ, написалъ, будто бы онъ посвященъ во священника въ 1783 году Екатеринославской епархіи, города Полтавы, къ Никольской церкви, а въ 1784 году опредѣленъ бывшимъ тогда архіепископомъ Никифоромъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ, несправедливо, ибо мнѣ извѣстно, что онъ произведенъ въ 1783 году въ Дубоксарахъ православнымъ преосвященнымъ епископомъ ренскимъ Кирилломъ епархіи его въ городъ Могилевъ, къ греческой Георгіевской церкви; да и по справкѣ въ екатеринославской консисторіи съ дѣлами явилось, что вышелъ онъ въ Россію изъ Молдавіи въ 1786 году, и въ первомъ своемъ прошеніи, отъ 25-го января 1787 года, преосвященному Амвросію писалъ, что онъ посвященъ 1-го октября 1783 года означеннымъ епископомъ ренскимъ Кирилломъ къ упомянутой греческой Георгіевской церкви, а не къ полтавской Николаевской, и въ Полоцкій пѣхотный полкъ опредѣленъ по резолюціи архіепископа Амвросія въ іюлѣ 1789 года, а не преосвященнымъ Никифоромъ въ 1784 г. Посему, выводя сомнѣніе, въ дачѣ ему на протопопскій чинъ грамоты поудержался, о чемъ и что въ Екатеринославской епархіи праздныхъ протопопскихъ мѣстъ не имѣется, на священническое же онъ, Куцинскій, никуда не желаетъ быть опредѣленъ, благопочтеннѣйше святѣйшему синоду симъ репортую и испрашиваю въ резолюцію указа, не благоугодно ли будетъ повелѣть отправить его, Куцинскаго, въ другую какую, по благоусмотрѣнію, епар-

¹⁾ С. Г. Рункевичъ, Краткій историческій очеркъ столѣтія Минской епархіи (1793—1893), Минскъ, 1893, стр. 44—45.

хю, гдѣ имѣются праздна протопонскія мѣста, гдѣ онъ можетъ быть опредѣленъ».

Получивъ отъ преосвященнаго Іова такой внушительный рапортъ, святѣйшій синодъ совершенно перемѣнилъ свое прежнее отношеніе къ о. Куцинскому. «Какъ протопопъ Трофимъ Куцинскій въ поданномъ святѣйшему синоду прошеніи своемъ о выходѣ его изъ Россіи въ Молдавію, а изъ оной обратно въ Россію совсѣмъ умолчалъ и несправедливымъ о производствѣ его во священника показаніемъ навлекаетъ о себѣ немалое сумлѣніе», — записано въ журналѣ засѣданій святѣйшаго синода 3-го іюня 1793 года: — «для того преосвященному екатеринославскому Гавріилу въ консисторіи допросить его, какъ о природѣ его, гдѣ съ самаго младенчества находился, чему когда обучался, а потомъ въ бракъ съ кѣмъ и гдѣ именно вступилъ, такъ о времени и причинѣ выхода его изъ Россіи за границу, съ дозволенія-ль команды его сіе имъ учинено, гдѣ точно тамъ находился до произведенія его во священника и потомъ до опредѣленія его преосвященнымъ архіепископомъ Амвросіемъ въ полкъ, и на все то какія имѣетъ доказательства, а особливо на чинъ священства имѣетъ ли ставленную грамоту». Обо всемъ этомъ новый екатеринославскій архіерей долженъ былъ обстоятельно допросить о. Куцинскаго и заручиться неопровержимыми доказательствами справедливости его отвѣтовъ; въ случаѣ непредставленія доказательствъ, собрать, откуда слѣдуетъ, нужныя свѣдѣнія помимо него. «Между тѣмъ, — писалъ святѣйшій синодъ преосвященному Гавріилу въ своемъ указѣ, — въ разсужденіи домогательствъ его, Куцинскаго, къ протопонскому мѣсту, освидѣтельствовать, имѣетъ ли онъ соотвѣтственныя сему достоинству качества совершеннымъ свѣдѣніемъ катехизиса и должностей священническихъ и можетъ ли онъ хоть готовыя печатныя церковныя поученія исправно читать. И что по всему тому окажется, рапортовать святѣйшему синоду» ¹⁾.

IV.

Не прошло и недѣли послѣ синодальнаго постановленія, какъ о. Куцинскій опять появился въ С.-Петербургѣ. Не нашедши покровительства у преосвященнаго Іова, онъ спѣшилъ подъ защиту святѣйшаго синода, сразу выказавшаго къ нему свое благорасположеніе. Однако было уже поздно. Въ синодальномъ журналѣ сдѣлана была только замѣтка: «явилъ протоіерей Куцинскій подорожную, данную ему сего года января 22 отъ командующаго арміею, г. генераль-аншефа и кавалера Михаила Васильевича Каховскаго, для

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода 1793 г., № 290.

прѣзду изъ Яссы до С.-Петербурга... Приказали: на оной подорожной подписавъ явку, отдать ему, протоіерееу Куцинскому, обратно, съ тѣмъ чтобы онъ явился и къ синодальному члену, преосвященному Гавріилу, митрополиту новгородскому; а дабы онъ во дворецъ и въ придворныя церкви своевольно не ходилъ и прошеніями своими ея императорское величество и ихъ императорскихъ высочествъ не утруждалъ, въ томъ, по силѣ синодальнаго указа..., обязать его подпискою».

Что было дѣлать? Оставаться въ Петербургѣ не было никакого резона: до полученія отвѣта отъ преосвященнаго Гавріила дѣло не могло быть двинуто ни на шагъ впередъ. О. Куцинскій немедленно двинулся обратно.

Преосвященный Гавріиль съ первыхъ дней своего прѣзда на екатеринославскую кафедру сталъ къ управлявшему епархіей своему викарію, преосвященному Іову, въ нѣсколько натянутыя отношенія. Естественно, что всѣ, кто у преосвященнаго Іова былъ не въ милости, тѣ нашли себѣ защиту у преосвященнаго Гавріила. Кромѣ того, преосвященный зналъ о. Куцинскаго по слухамъ и зналъ только съ хорошей стороны. Рапортъ преосвященнаго Гавріила святѣйшему синоду объ о. Куцинскомъ носилъ совсѣмъ не тотъ характеръ, какой имѣлъ рапортъ преосвященнаго Іова.

Вотъ его содержаніе.

Родился о. Куцинскій въ городѣ Шаровѣ, «польской области»; отецъ его, малороссіянинъ, Егоръ Ивановичъ Куцинскій, былъ причетникомъ при Николаевской шаровской церкви. До 15 лѣтъ обучался въ «тамошней семинаріи (?) начаткамъ російскаго, латинскаго и польскаго языка до синтаксисы». Пятнадцати лѣтъ «вышелъ въ Кіевъ» и обучалъ тамъ купеческихъ дѣтей, въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, «россійской грамотѣ», а самъ «въ академіи Кіевской приватно по реторику обучался». Потомъ вернулся въ Шаровъ, гдѣ года три былъ дьячкомъ при Георгіевской церкви. Потомъ перешелъ въ «польскій» городъ Могилевъ на Днѣстрѣ, «гдѣ обучалъ купеческихъ, греческихъ и молдаванскихъ дѣтей російскому языку»; здѣсь онъ вступилъ въ бракъ съ купеческою дочерью, молдаванкою, Прасковьею Александровною Могилею, «съ коею и доннынѣ живетъ»; «вѣнчанъ въ Георгіевской церкви архимандритомъ Паисіемъ, который нынѣ проживаетъ въ молдаванскомъ монастырѣ Вама». Черезъ годъ послѣ брака греческій митрополитъ ренскій и браиловскій произвелъ его во діакона 29 сентября 1784 года, а 1 октября — во священника къ могилевской Георгіевской церкви. Пробывъ недѣлю въ Могилевѣ, онъ отправился съ женою въ Яссы, «гдѣ находился годъ подъ защитою російскаго консула Ивана Лаврентьевича Селунскаго, отъ котораго въ маѣ 1786 года, вмѣстѣ со многими молдавцами, въ числѣ которыхъ были, кромѣ него, священники: Леонтій Маковка, нынѣ

умершій, Григорій Зайчевскій, Павелъ Козобродскій, Онуфрій Голиборода, Иоаннъ Чемека и Петръ Алексѣевъ,— по желанію отправился на поселеніе въ Таврическую область, къ губернатору Василию Васильевичу Каховскому». Въ сентябрѣ 1786 года уже, однако, взявъ у Каховскаго паспортъ и переѣхалъ въ Полтаву, къ преосвященному Никифору, который опредѣлилъ его къ полтавской Николаевской церкви. Черезъ полгода новый екатеринославскій архіепископъ Амвросій послалъ его «на время» въ слободу Волненку Павлоградскаго уѣзда. Отсюда онъ уже не вернулся назадъ и былъ опредѣленъ въ Павлоградскій легкоконный полкъ, изъ котораго въ 1789 году перешелъ въ Полоцкій пѣхотный, а въ 1791 году—въ Днѣпровскій Приморскій гренадерскій. Въ подтвержденіе дѣйствительности своего священства о. Куцинскій приложилъ три грамоты—одну о рукоположеніи, другую о разрѣшеніи совершать исповѣдь (по греческому обыкновенію, на это требовалась особая грамота) и одну отпускную,—всѣ три на греческомъ языкѣ. О службѣ въ полкахъ были представлены три аттестата. Затѣмъ о. Куцинскій въ своемъ показаніи прибавлялъ, что «отъ роду имѣеть 35 лѣтъ, что, кромѣ одного разу, изъ Кіева за границу нигуда болѣе не отлучался», и что «ошибка въ показаніи святѣйшему синоду произошла отъ неправильнаго счисленія времени—собственнаго его, или писавшаго»; онъ «проситъ не причестъ ошибки въ вину и оказать ему въ оной снисхожденіе». «Я разсматривалъ представленные мнѣ о. Куцинскимъ документы,—замѣчалъ въ своемъ рапортѣ святѣйшему синоду преосвященный Гавріиль:—и они оказались несомнѣнными. Кромѣ того, самъ митрополитъ рассказывалъ мнѣ при разговорѣ объ Измаильскомъ штурмѣ, во время свиданія нашего въ Яссахъ, о томъ, что Куцинскій имъ посвященъ. Одна только является разность между показаніемъ и документами: время посвященія во діакона въ грамотѣ названо 15 сентября, въ показаніи—29. Но Куцинскій объяснилъ, что грамота была выслана черезъ годъ по посвященіи, и ошибка въ грамотѣ, а онъ самъ хорошо помнитъ день своего посвященія. Согласно указу святѣйшаго синода, Куцинскій былъ подвергнутъ экзамену, и оказалось, что катехизисъ онъ знаетъ, печатныя церковныя проповѣди читать можетъ, іереямъ принадлежащія священнослуженія отправлять умѣетъ». «Чтожъ касается до опредѣленія ему, Куцинскому, протопопскаго мѣста,—заканчивалъ свой рапортъ преосвященный Гавріиль:—то онъ словесно просилъ опредѣлить его опять въ полки».

Въ засѣданіи 22 августа святѣйшій синодъ опредѣлилъ: «какъ о священствѣ Куцинскаго никакого сомнѣнія болѣе нѣтъ, то на протопопскій чинъ нынѣ же снабдить его грамотою; а когда въ какомъ полку откроется вакансія, тогда, по желанію его, опредѣлить его въ полкъ»¹⁾.

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1793 г., № 290.

V.

Прошло семь лѣтъ. О судьбѣ о. Куцинскаго въ эти годы у пишущаго эти строки не имѣется свѣдѣній. Есть одно указаніе, по которому можно судить, что о. Куцинскій получилъ было мѣсто полковаго священника въ одномъ изъ полковъ, бывшихъ подъ командою графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. По крайней мѣрѣ, въ 1794 году, когда началось на Украинѣ воссоединеніе униатовъ и въ новообразованной изъ возвращенныхъ Россіи по второму раздѣлу Польши областей епархіи «Минской, Изяславской и Брацлавской» ощутился недостатокъ въ православныхъ священникахъ, о. Куцинскій, при рекомендательномъ письмѣ графа П. А. Румянцева, былъ переданъ въ распоряженіе тогдашняго архіепископа минскаго, изяславскаго и брацлавскаго, преосвященнаго Виктора Садковскаго¹⁾. Когда, затѣмъ, въ 1795 году епархія преосвященнаго Виктора была раздѣлена на три епархіи: Минскую, Волынскую и Подольскую (Брацлавскую),—о. Куцинскій остался въ послѣдней; здѣсь впутанный въ какое-то кляузное дѣло противъ брацлавскаго епископа Іоанникія, онъ, въ строгое павловское время, потерпѣлъ жестокое наказаніе: былъ лишенъ креста, пенсіи, и, оставшійся безъ всякихъ средствъ къ жизни, нашель нѣкоторый пріютъ у преосвященнаго Виктора Садковскаго, перемѣщеннаго въ 1796 году въ Черниговъ.

Но обратимся къ документамъ.

Осенью 1800 года о. Куцинскій обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: «Родился я, вѣрновсеподданнѣйшій всероссійскаго прародительскаго престола вашего императорскаго величества, въ заграничномъ молдавскомъ городѣ Яссахъ въ 1749 году, 19 сентября, отъ родителей сербской

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ генераль-губернатору новоприсоединенныхъ областей Тимоею Ивановичу Туттолмину преосвященный Викторъ, жалующься на нѣкоторыя неблагопріятныя для успѣха дѣла воссоединенія распоряженія изяславскаго губернатора Василія Сергѣевича Шереметева, между прочимъ, приводитъ его отзывъ объ о. Куцинскомъ, будто онъ «не стоитъ вѣроятія, кромѣ въ кабацѣ или въ другомъ подобномъ мѣстѣ». Преосвященный Викторъ замѣчаетъ по этому поводу: «Относительно о. Куцинскаго: почему рекомендовано его ея императорскому величеству? Почему возложено на него всемилоостивѣйшее бриллиантовый крестъ на георгіевской лентѣ? Почему жалованье ему каждый годъ до смерти по триста рублей опредѣлено? Почему его сіятельство графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій особымъ письмомъ изволилъ его мнѣ рекомендовать, когда онъ есть кабачной?». См. «Письма преосвященнаго Виктора Садковскаго, перваго минскаго архіепископа» (1—Сд), собраны и объяснены С. Г. Рункевичемъ, Минскъ, 1893 г. стр., 159. О. Куцинскій сообщилъ преосвященному Виктору о беспорядкахъ въ Изяславской губерніи вслѣдствіе неумѣлыхъ распоряженій губернатора (тамъ же, стр. 152), и это, очевидно, вызвало рѣзкій отзывъ о немъ со стороны С. В. Шереметева.

націи, тамъ же жительствующихъ. Вступилъ въ бракъ. И какъ по ученію склоненъ былъ къ духовному сану, то, съ воли родителей, по собственному желанію и по аппробаціи ученія моего, митрополитомъ Кирилломъ посвященъ во іерея 3 октября 1784 года къ церкви св. Димитрія въ Яссахъ. Пробывъ при ней малое время, потому болѣе, что старался ревностію къ службѣ Россіи и въ оную войти, при посредствѣ консула Сулунскаго, перешелъ въ городъ Полтаву, къ архіепископу Никифору (который нынѣ на покой въ Московскомъ Даниловомъ монастырѣ) и представилъ ему три грамоты (о посвященіи въ священство, о дозволеніи совершать исповѣдь и отпускную), которыя преосвященный отправилъ въ святѣйшій синодъ, гдѣ онѣ нынѣ находятся. Въ 1785 году опредѣленъ въ Павлоградскій легкоконный полкъ, въ 1788 году—въ Полоцкій пѣхотный, съ которымъ находился въ разныхъ походахъ и штурмахъ, а при страшномъ штурмѣ города Измаила, гдѣ уже войска вашего императорскаго величества были отчаянны отъ сильнаго непріятельскаго сраженія, при предхожденіи моемъ при штурмѣ того города по лѣстницѣ на крѣпость къ нѣкому ободренію російскихъ войскъ, получилъ я въ лѣвую ногу рану, отъ коей часто и всегда чувствую боль и слабость въ здоровьи. Получилъ было я, по рекомендаціи разныхъ генералитетовъ, отъ священнѣйшей десницы всемилостивѣйшей государыни Екатерины II крестъ на георгіевской лентѣ и ежегодную пенсію въ 300 рублей по смерти. Но, по несчастію иностранства, простоты и неосторожности моей, и болѣе—наклонности изъ стороны, за вступленіе въ доносъ на преосвященнаго Іоаннікія, епископа подольскаго, я всего того моего счастья лишился и нынѣ, съ семействомъ моимъ, скитаюсь по наемнымъ домамъ въ крайне бѣдственномъ и скудномъ состояніи. Хотя состою священникомъ въ городѣ Черниговѣ, въ приходѣ Богоявленской церкви, но остаюсь при крайнѣйшемъ безсиліи далѣе пропитать себя съ семействомъ. Всеподданнѣйше прошу повелѣнія возвратить изъ святѣйшаго синода мнѣ мои грамоты и дозволить выѣхать въ прежнее мое отечество, въ городъ Яссы, къ поправленію подупалаго моего до крайности чрезъ выше изъясненное несчастіе недостатка».

При всеподданнѣйшемъ прошеніи было приложено медицинское свидѣтельство о болѣзненномъ состояніи здоровья и аттестатъ, выданный представителями черниговскаго городского общества. Городской штабъ-лекаръ свидѣтельствовалъ, что о. Куцинскій «страдаетъ сильною ломотою въ ногахъ», и что «оная болѣзнь приключилась ему отъ прострѣленія картечью лѣвой ноги, съ поврежденіемъ сухихъ жилъ и самой кости»; что, «усиливаясь часъ отъ часу», болѣзнь «не токмо ноги приводитъ въ великую слабость, но и весь корпусъ тѣла отъ безпрестанной боли, въ поврежденномъ мѣстѣ происходящей, изнуряетъ, почему и излечена быть не можетъ». Аттестатъ не былъ многословенъ: «Находящійся съ 1 января 1799 года при чер-

ниговской Богоявленской церкви протоіерей Трофимъ Куцинскій вель себя чрезъ все время честно, добропорядочно, со всѣми обходительно и въ должности своей радѣтельно. 21 апрѣля 1800 года. Губернаторъ Михайлъ Миклашевскій. Совѣтникъ генеральнаго суда Иванъ Масловичъ. Войсковой старшина Андрей Равичъ». Далѣе шли подписи коллежскаго совѣтника, коллежскаго ассесора, титулярнаго совѣтника, губернскаго секретаря, подпоручика, коллежскаго секретаря, мѣщанина, гвардіи сержанта, гвардіи вахмистра, коллежскаго канцеляриста, дворянина, капитана, губернскаго регистратора—всего 32 подписи, скрѣпленные 32 печатами, представителей всѣхъ слоевъ черниговскаго общества.

Прошеніе со всѣми документами, по высочайшему повелѣнію, было передано статсъ-секретаремъ Кутайсовымъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, тайному совѣтнику Дмитрію Ивановичу Хвостову, съ сообщеніемъ высочайшей воли, чтобы о. Куцинскому были возвращены синодомъ его грамоты, «буде слѣдуетъ». При письмѣ Кутайсова оберъ-прокурору былъ приложенъ и заграничный паспортъ о. Куцинскому, на російскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, на слѣдованіе въ Яссы, за подписью графа Ростопчина въ Гатчинѣ 30-го октября.

Святѣйшій синодъ навелъ въ своей канцеляріи справку, не было ли въ синодѣ дѣла отъ бывшаго архіепископа словенскаго Никифора о посвященіи Трофима Куцинскаго, и оказалось, что не было. Тогда синодъ постановилъ: паспортъ отослать преосвященному черниговскому Виктору для врученія по принадлежности; что же касается грамотъ о. Куцинскаго, то сообщить ему, что «таковыхъ въ святѣйшемъ синодѣ не оказалось въ присылкѣ отъ преосвященнаго Никифора». Все это дѣлалось очень быстро, какъ вообще шло дѣлопроизводство въ павлово время. Прошеніе о. Куцинскаго получено 13 октября 1800 года, паспортъ 30 октября, а письмо Кутайсова, опредѣленіе синода и указъ преосвященному Виктору—31-го¹⁾.

VI.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ о. Куцинскій снова появился въ Петербургѣ. Онъ обратился въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ объ опредѣленіи его снова въ ряды войсковаго духовенства. Вспоминая въ своемъ прошеніи, по обычаю, свое участіе «во многихъ походахъ и сраженіяхъ» и то, что «при взятіи штурмомъ города Измаила» онъ «предходилъ по лѣстницѣ на приступъ, гдѣ въ лѣвую ногу раненъ», «что за свой подвигъ онъ получилъ было достойную награду»,—онъ продолжалъ, что онъ «по всеподданнѣйшему своему

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1800 г., № 666.

«истор. вѣстн., июль, 1894 г., т. LVII.

прошенію въ 1800 году уволенъ по высочайшему повелѣнію въ городъ Яссы для свиданія съ родными; а какъ оныхъ, по довольномъ исканіи, въ живыхъ не нашель», то и возвратился обратно въ Россію съ паспортомъ отъ генеральнаго російскаго консула Василя Ѳеодоровича Малиновскаго. Теперь, «усердно желая продолжать службу въ армейскихъ полкахъ», онъ просить у святѣйшаго синода соотвѣтственнаго распоряженія.

Прошеніе было написано 12 мая въ самой синодальной канцеляріи однимъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ. Въ тотъ же день оно было доложено синоду. Въ синодѣ засѣдали, вѣроятно, лица, помнившія о. Куцинскаго по прежнему времени, но не расположенныя къ нему дружественно. Было постановлено: въ прошеніи о. Куцинскому отказать, съ возвратомъ и самаго прошенія, потому что «высочайшее дозволеніе ему возвратиться въ Яссы послѣдовало въ 1800 году не для свиданія его съ родными, а на постоянное жительство; притомъ онъ, Куцинскій, какъ не состоящій уже болѣе въ числѣ російскихъ подданныхъ, и не можетъ быть опредѣленъ въ армейскій полкъ».

Обстоятельства, повидимому, складывались очень плохо для измаильскаго героя. Однако, судьба не отвернулась отъ него.

Въ сентябрѣ святѣйшій синодъ получилъ изъ сената «вѣдѣніе»: «Сенатъ слушали внесенный изъ комиссіи для пересмотра прежнихъ дѣлъ уголовныхъ списокъ сосланнымъ людямъ въ разныя мѣста, который съ мнѣніемъ всеподданнѣйше поднесенъ былъ на высочайшее благоразсмотрѣніе, а по воспослѣдовавшей конфирмаціи для должнаго по оной исполненія представленъ комиссіей сенату». Въ списокѣ находились двѣ духовныя особы, относительно которыхъ исполненія высочайшей конфирмаціи сенатъ не могъ взять на себя и передавалъ святѣйшему синоду. Въ числѣ этихъ двухъ особъ значился и о. Куцинскій, «по снятіи креста, опредѣленный къ черниговской Богоявленской церкви». Высочайше было конфирмовано: возвратить ему «на георгіевской лентѣ крестъ, всемилостивѣйше пожалованной ему за отличное дѣло, и что касается до опредѣленія къ мѣсту служенія, то сіе представить разсмотрѣнію святѣйшаго синода».

Протоіерей Куцинскій все еще жилъ въ Петербургѣ. Онъ былъ приглашенъ въ синодальную канцелярію, и ему было официально объявлено о высочайшей волѣ. Такъ какъ крестъ былъ отосланъ для храненія въ московскую синодальную ризницу, то туда былъ посланъ указъ о немедленной присылкѣ креста въ святѣйшій синодъ. 16 октября о. Куцинскій росписался въ его полученіи.

Съ «опредѣленіемъ къ мѣсту служенія» прошло не такъ гладко. Въ синодальной канцеляріи взята была у о. Куцинскаго подписка, гдѣ онъ желалъ бы получить мѣсто, и онъ изъявилъ желаніе «быть въ городѣ Нѣжинѣ при соборной Николаевской церкви протоіереемъ». Была наведена справка, и оказалось, что въ Нѣжинѣ при собор-

ной церкви мѣсто не вакантно; тамъ состоитъ протоіереемъ почтенный старецъ Θεодоръ Бѣлявскій, окончившій Киевскую академію, служившій сначала въ городскомъ судѣ и консисторіи, затѣмъ поступившій въ священники и уже болѣе 40 лѣтъ состояшій въ священномъ санѣ, болѣе 12 лѣтъ въ званіи протоіерея, болѣе 7 лѣтъ въ должности благочиннаго, «исправляетъ различныя комиссіи», «сказываетъ проповѣди», и хотя «чѣмъ далѣе, ослабѣваетъ», но «къ послушанію впредь способенъ». Перемѣцать такого почтеннаго старика, «не имѣющаго за собою никакихъ пороковъ», «въ сущее ему притѣсненіе», «единственно въ угожденіе ему, Куцинскому, было бы весьма несправедливо»,—постановилъ святѣйшій синодъ. Протоіерею Куцинскому предложено было поступить на иное какое либо, непремѣнно вакантное, протоіерейское или священническое мѣсто въ Черниговской епархіи, съ тѣмъ, что, когда откроется вакансія въ Нѣжинѣ, онъ можетъ быть переведенъ туда, «если поведенія окажется достойнаго».

Послѣднее замѣчаніе обидѣло о. Куцинскаго. «Какъ будто что замѣчено!»—пишетъ онъ въ новомъ прошеніи святѣйшему синоду. Не желая ѣхать въ Черниговскую епархію на рядовое мѣсто въ ожиданіи будущихъ благъ, о. Куцинскій просилъ у синода опредѣлить его въ городъ Могилевъ, Подольской губерніи, «повѣтовымъ протоіереемъ» (въ Могилевѣ, кстати, былъ у о. Куцинскаго и собственный домъ), или же въ Бѣлоградскую епархію на такое же мѣсто. Святѣйшій синодъ опредѣлилъ: по прошенію отказать, потому что «протоіереи положены, по силѣ узаконеній, только при штатныхъ и городскихъ соборахъ, уѣздныхъ же, или повѣтовыхъ, никогда учреждаемо не было»; въ уѣздахъ существуютъ благочинные, но тѣ назначаются по избранію духовенства и усмотрѣнію епархіальнаго архіерея. Чтобы не остаться безъ мѣста совсѣмъ, послѣ большихъ ожиданій, о. Куцинскій обратился въ святѣйшій синодъ съ новымъ прошеніемъ—опредѣлить его въ Харьковскую епархію, изъ губернскаго казначейства которой онъ получалъ свою пенсію. Эта просьба была исполнена: синодъ отправилъ о. Куцинскаго въ распоряженіе харьковскаго архіерея для опредѣленія на первую открывшуюся протоіерейскую вакансію. 20 декабря о. Куцинскій явился къ харьковскому преосвященному Христофору и былъ опредѣленъ въ уѣздный городъ Волчанскъ къ соборной Троицкой церкви на протоіерейское мѣсто¹⁾.

VII.

Но ему не сидѣлось въ глуши. 22 декабря 1802 года онъ пріѣхалъ въ Волчанскъ, а 12 января слѣдующаго года уже снова

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1802 г., № 666.

былъ съ прошеніемъ у преосвященнаго Христофора. Вспоминая, что въ бытность въ Петербургѣ ему «было обѣщано отъ святѣйшаго синода дать мѣсто въ С.-Петербургѣ», отъ котораго онъ отказался тогда потому, что «жена была, какъ и теперь, за границею, въ Яссахъ», и что самъ онъ «имѣлъ намѣреніе быть въ Слободко-Украинской (Харьковской) епархіи»,—онъ теперь, «не находя выгодъ въ оной оставаться», желаетъ ѣхать опять въ Петербургъ, «для поступленія, по обѣщанію святѣйшаго синода, къ мѣсту въ С.-Петербургѣ». Преосвященный Христофоръ не имѣлъ причины отказывать: онъ распорядился выдать о. Куцинскому паспортъ, и такъ какъ тотъ выразилъ желаніе заѣхать сначала «въ Дубоксары за женою и дѣтьми, которыхъ надѣется тамъ застать», чтобы съ ними вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ, то и паспортъ былъ выданъ на три мѣсяца.

Преосвященный сообщил обо всемъ синоду. Въ серединѣ апрѣля прибылъ въ Петербургъ и самъ о. Куцинскій съ семействомъ. Вѣроятно, о немъ не разъ шла между членами святѣйшаго синода неофициальная рѣчь, и къ его пріѣзду ему было подготовлено подходящее къ его характеру назначеніе. Оберъ-священникъ арміи и флота, синодальный членъ о. Павелъ Озерецковскій, предложилъ ему мѣсто полкового священника въ нижегородскомъ драгунскомъ полку и должность благочиннаго по кавказской инспекціи. О. Куцинскій съ охотою согласился. Получивъ «прогоны» на двѣ подводы и деньги на «путевое» содержаніе, онъ отправился съ семействомъ въ путь—на Кавказъ¹⁾.

VII.

Прошелъ ровно годъ. Въ засѣданіи святѣйшаго синода 14-го апрѣля 1804 года, синодальный членъ, оберъ-священникъ арміи и флота Павелъ Озерецковскій «представилъ» святѣйшему синоду, что священникъ Олонецкаго мушкетерскаго полка Іоаннъ Молодиковъ просить объ увольненіи его, по болѣзни, изъ полка въ епархію. Соглашаясь съ своей стороны на это увольненіе, оберъ-священникъ «представлялъ» святѣйшему синоду: «а на мѣсто его, Молодикова, не благоудно ли будетъ повелѣть въ тотъ Олонецкій мушкетерскій полкъ, квартирующій въ Москвѣ, опредѣлить находящагося нынѣ здѣсь, въ С.-Петербургѣ, изъ Кіевской епархіи уволеннаго протоіерея Трофима Куцинскаго, который чрезъ поданное имъ въ святѣйшій синодъ прошеніе объявилъ желаніе свое поступить въ состояніе армейскаго духовенства». Прошеніе о. Куцинскаго на этотъ разъ было очень несложно: «До 1796 года проходилъ я должность свою при полкахъ, желаю и нынѣ попрежнему

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1800 г., № 666.

поступить въ состояніе армейскаго духовенства». Святѣйшій синодъ дозволилъ опредѣлить о. Куцинскаго въ Олонецкій полкъ. Постоянныя перемѣщенія безпокойнаго протоіерея надобли, наконецъ, синоду, и въ указѣ о новомъ назначеніи о. Куцинскаго было сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: «А какъ онъ, Куцинскій, будучи уже неоднократно опредѣленъ святѣйшимъ синодомъ по собственному его желанію и избранію къ разнымъ мѣстамъ, ни гдѣ, по непостоянству мыслей своихъ, не утвердилъ пребыванія своего и по возвращеніи въ С.-Петербургъ, отрекаясь отъ оныхъ подъ разными предлогами, наноситъ начальству въ разсмотрѣніи просьбъ его излишнее затрудненіе и помѣшательство въ теченіе другихъ дѣлъ; для того ему, Куцинскому, подтвердить съ подпискою, чтобы продолжалъ въ томъ полку свое служеніе безотрицательно подъ опасеніемъ, если и за симъ, сдѣланнымъ ему отъ святѣйшаго синода въ послѣдній разъ снисхожденіемъ, отважится утруждать оный просьбами о переведеніи къ другому мѣсту, поступлено будетъ съ нимъ, яко безпокойнымъ, по строгости законовъ».

27-го мая 1804 года о. Куцинскій, получивъ прогоны на двѣ подводы, въ количествѣ 31 р. 10 к., отправился изъ Петербурга въ Москву¹⁾.

IX.

Въ годъ между Кавказомъ и Москвой о. Куцинскій успѣлъ побывать еще на одномъ мѣстѣ—въ Кіевѣ. На Кавказѣ ему пришлось пробыть очень не долго. Уже въ началѣ октября 1804 года онъ, «увольвшись изъ Нижегородскаго драгунскаго полка», явился въ Кіевъ. Кіевскій митрополитъ на это время былъ въ отсутствіи въ С.-Петербургѣ, по обязанности синодальнаго члена. Въ Кіевѣ оставался митрополичій викарій, преосвященный Теофанъ. Преосвященный, въ силу указа святѣйшаго синода 28-го февраля 1801 года «о дачѣ армейскимъ священникамъ мѣсто при гошпиталяхъ и тому подобныхъ мѣстахъ, гдѣ и жалованье положено», предложилъ о. Куцинскому поступить священникомъ въ кіевскій госпиталь. Онъ сначала согласился, но, «разсмотрѣвшись», отказался наотрѣзъ. Тогда, чтобы не оставлять его «безъ пропитанія», преосвященный предложилъ ему мѣсто при кіевской Доброиколаевской церкви, гдѣ состоялъ всего одинъ священникъ, между тѣмъ какъ при всѣхъ почти кіевскихъ церквяхъ имѣлось по два священника. Имѣя до 600 душъ въ своемъ приходѣ, Доброиколаевская церковь обладала къ тому же чудотворнымъ образомъ и считалась одною изъ доходныхъ церквей. Но тутъ вышла исторія, и о. Куцинскому пришлось покинуть кіевское мѣсто.

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1804 г., № 292.

Церковь Николая Добраго въ Кіевѣ только что поднималась изъ развалинъ. Года четыре тому назадъ энергичный приходскій священникъ о. Іаковъ Мойсеенковъ сумѣлъ собрать кружокъ благотворителей изъ прихожанъ и безъ всякой посторонней помощи, исключительно на приходскія средства, возобновилъ къ этому времени церковь изъ развалинъ. Теперь и священникъ и прихожане приняли за крайнее оскорбленіе, когда къ новоотстроенной церкви, помимо ихъ желанія и вѣдома, былъ опредѣленъ второй священникъ, да еще настоятелемъ и благочиннымъ, и о. Іакову, любимому прихожанами и такъ много потрудившемуся въ дѣлѣ возобновленія церкви, пришлось, такимъ образомъ, отойти на задній планъ. Прихожане подали немедленно прошеніе преосвященному викарію объ освобожденіи ихъ церкви отъ второго священника. Преосвященный отдалъ дѣло на рѣшеніе «дикастеріи» (консисторіи), и та отказала. Тогда прихожане избрали уполномоченнаго и отправили его хлопотать въ Петербургъ.

Пока шло дѣло, самого о. Куцинскаго уже потянуло изъ Кіева. Онъ сталъ просить уволить его отъ Доброниколаевской церкви и отпустить въ Петербургъ, гдѣ ему ранѣе было обѣщано мѣсто при Никольскомъ морскомъ соборѣ, но «по нѣкоторымъ тогдашнимъ обстоятельствамъ» онъ «на то не рѣшился, нынѣ же желаетъ». Получивъ увольненіе и паспортъ, онъ отправился въ Петербургъ и обратился съ просьбою къ митрополиту Амвросію. Но митрополитъ, очевидно, не захотѣлъ оставить о. Куцинскаго въ Петербургѣ. Была наведена справка о просимомъ мѣстѣ, и когда оказалось, что оно занято, то митрополитъ увѣдомилъ о. Куцинскаго, что «при Богоявленскомъ Никольскомъ морскомъ соборѣ вакансіи нѣтъ», и только. Тогда о. Куцинскій обратился къ оберъ-священнику, и тотъ предложилъ ему мѣсто въ Олонецкомъ полку ¹⁾.

Х.

Прошелъ годъ со времени назначенія о. Куцинскаго въ Москву. Въ одно изъ апрѣльскихъ засѣданій святѣйшаго синода въ 1805 году оберъ-священникъ арміи и флота, синодальный членъ о. Павелъ Озерецковскій представилъ синоду, что имъ получено отъ инспектора московской инспекціи, генерала-отъ-инфантеріи Римскаго-Корсакова, прошеніе о. Куцинскаго объ увольненіи его «по слабости здоровья» въ его «отчизну» городъ Яссы. Въ прошеніи подробно была изложена вся, уже извѣстная читателямъ, сложная исторія жизни измаильскаго героя. Напомнивъ, что онъ «природою изъ молдаванскихъ дворянъ», «жилъ въ Яссахъ», «1-го октября 1784 года» ру-

¹⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1804 г., № 292.

коположенъ во священника митрополитомъ Кирилломъ, затѣмъ уволенъ въ Россію и «12-го декабря 1784 года» явился въ городъ Полтаву къ преосвященному Никифору Феотокію, которымъ «былъ экзаменованъ въ чтеніи и пѣніи и, по отобраніи грамотъ, опредѣленъ въ Полоцкій мушкетерскій полкъ», въ которомъ находился «12 лѣтъ» и съ которымъ былъ подъ Кинбурномъ, Очаковомъ, Бендерами, Киліей, наконецъ при штурмѣ Измаила, «гдѣ шель по лѣстницѣ на приступъ впереди войска со св. крестомъ и раненъ въ лѣвую ногу», о. Куцинскій, въ настоящее время чувствуя «слабость въ здоровьи отъ поврежденія ноги картечью» и «обремененный большою семейною тяжестью», просилъ дозволить ему вернуться въ Яссы навсегда, такъ какъ «службы полковаго священника онъ отправлять болѣе не можетъ». Къ прошенію было приложено медицинское свидѣтельство, въ которомъ говорилось, что о. Куцинскій «натуральнаго движенія имѣть не можетъ». Въ приложенной выпискѣ изъ формулярнаго списка значилось, что въ семействѣ о. Куцинскаго имѣются: жена, сынъ 4-хъ лѣтъ и три дочери; ему самому показано 47 лѣтъ.

Въ синодальной канцеляріи наведена была подробная справка объ о. Куцинскомъ, и изъ нея, между прочимъ, видно, что крестъ и пенсія у него были отняты въ іюлѣ 1797 года, и самъ онъ за неправильный доносъ на преосвященнаго Іоаннікія, по высочайшему повелѣнію, былъ опредѣленъ въ Полтавскій Воздвиженскій монастырь «на безысходное содержаніе», но затѣмъ, черезъ годъ, по ходатайству мѣстнаго епархіальнаго архіерея, освобожденъ изъ монастырскаго заточенія и опредѣленъ къ Черниговской Богоявленской церкви.

Святѣйшій синодъ не удерживалъ о. Куцинскаго. Было постановлено: отпустить его въ Яссы и доложить объ этомъ его императорскому величеству. Государь утвердилъ синодальное постановленіе и согласился на сохраненіе за о. Куцинскимъ, по его прошенію, пенсіи, выдача которой назначена была черезъ молдавскаго генеральнаго консула.

Оставалось «совершить надлежащій обрядъ о выѣзжающемъ за границу». Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ трехъ августовскихъ номерахъ подрядъ было печатаемо слѣдующее объявленіе:

«Отъѣзжающіе за границу:

«По высочайшему повелѣнію, протоіерей Трофимъ Куцинскій, живетъ на Воронцовскомъ полѣ, въ приходѣ Іліи пророка, въ домѣ надворной совѣтницы Надежды Алексѣевны Бахметевой».

Вслѣдъ за этимъ въ первый разъ былъ помѣченъ нѣмецъ Нерлихъ и два лица изъ Московскаго университета: магистръ Андрей Чеботаревъ въ иностранные университеты и смотритель университетскаго музея Ритаръ въ Варшаву. Во второй разъ остался

одинъ нѣмецъ Нерлихъ, а въ третій публиковался только о. Куцинскій ¹⁾).

Послѣдняя, третья публикація была сдѣлана 12-го августа. Послѣ этого о. Куцинскій явился въ губернское правленіе и получилъ заграничный паспортъ ²⁾. Съ Россіей онъ уже попрощался навсегда.

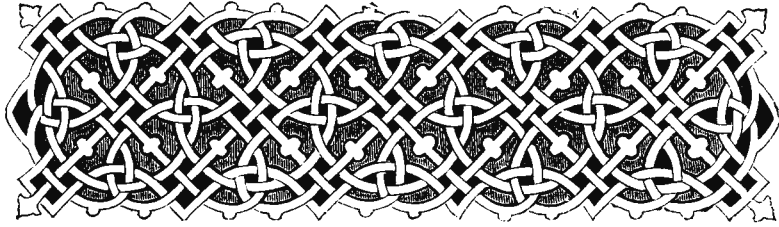
Нашелъ ли себѣ покой на родинѣ этотъ безпокойный измаильскій герой, или еще долго продолжалась его удивительная одиссея?

С. Г. Рункевичъ.

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 1805 г., №№ 62, 63, 64.

²⁾ Дѣло архива святѣйшаго синода, 1804 г., № 292.

ТАМБОВСКІЕ ЗЕМЦЫ XVII И НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

И ЛЕГКО современному русскому земству. Тяжелы его пошлыны, трудны его цѣли и задачи. Работы передъ нимъ видимо-невидимо. Многія сотни нашихъ деревень погибають въ косности, нищетѣ, неряшливости и въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ... Надо помогать всѣмъ этимъ голодающимъ, болѣющимъ и умирающимъ братьямъ, и земства на общій государственноземскій счетъ помогаютъ по возможности. Они учреждаютъ и содержатъ земскія больницы, вызываютъ врачей, фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ... Правда, всего этого нужно было бы гораздо больше, но слава Богу и за то, что есть.

И иная бѣда неминуемая еще далеко не оставила земли нашей. Почти въ полномъ невѣжествѣ и въ ужасныхъ суевѣріяхъ, граничащихъ съ язычествомъ, проводятъ вѣкъ свой милліоны нашихъ соотечественниковъ. И объ этомъ, вмѣстѣ съ другими государственнымими учрежденіями, немалая забота нашему земству. И строятъ наши земцы школы, учителей нанимають и кладутъ прочное начало великому просвѣтительному государственно-земскому дѣлу. Правда, и школъ еще относительно слишкомъ мало, и учителей хорошихъ еще меньше, а все же и это пока хорошо...

На всѣ текуція земскія нужды идутъ суммы не малыя. Не особенно богатые наши земскія селитьбы, конечно, тяготеютъ ими. Въ данномъ случаѣ я останавливаю свое вниманіе на Тамбовскомъ краѣ, представляющемъ одну изъ самыхъ первыхъ въ имперіи платажныхъ губерній.

Тамбовская губернія имѣетъ жителей около 2.600.000. Помимо всякихъ казенныхъ и городскихъ сборовъ, тамбовцы и въ свою

земскую кассу платятъ ежегодно около 2.500.000 рублей. Эти платежи распредѣляются по тремъ рубрикамъ: на народное здравіе, народное образованіе и прочіе обязательныя и необязательныя земскіе расходы. Самый высокій земскій налогъ съ землевладѣльческой десятины 40 копеекъ.

Какъ земскія суммы распредѣляются по рубрикамъ, это видно изъ ежегодныхъ уѣздныхъ земскихъ смѣтъ. Для примѣра я беру смѣту Тамбовскаго уѣзда за 1892 годъ. По тамбовской уѣздной смѣтѣ на народное здравіе приходится: 70.416 р. 40 к.; на народное образованіе—34.889 р. 44 к. и на прочіе расходы—119.078 р. 70 к. Другіе уѣзды, сообразно съ количествомъ и качествомъ ихъ земли, платятъ въ земскую кассу менѣе и по ихъ платежнымъ силамъ слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Козловскій уѣздъ, Борисоглѣбскій, Моршанскій, Кирсановскій, Темниковскій, Липецкій и др.

Если къ этимъ земскимъ налогамъ присоединить казенныя окладныя и неокладныя сборы: первыхъ ежегодно, примѣрно, на сумму около 5.400.000 р. и вторыхъ на 8 милл., то въ общемъ итогѣ получится весьма значительная цифра, съ которой не легко справляться мѣстному небогатому вообще населенію...

Такъ поставлено у насъ платежное дѣло теперь. Не таково оно было у насъ въ старину: въ XVII и началѣ XVIII в. Денегъ наши отдаленные предки платили на всякія подати гораздо меньше, чѣмъ теперь: деньгами, копейками, гривнами и очень рѣдко рублями. Зато разныя натуральныя повинности были такъ разнообразны и велики, что вообще онѣ значительно превышаютъ современную земскую платежную тяготу... Надо взять во вниманіе и то, что предки наши слишкомъ мало и слабо были обезпечены въ своемъ существованіи, между тѣмъ какъ теперь у насъ практикуется относительно бѣднѣйшаго населенія и даровое обученіе, и даровое леченіе; и пути сообщенія у насъ теперь не прежнія, и въ чрезвычайныхъ бѣдственныхъ случаяхъ, постигающихъ обывателей, въ широкихъ размѣрахъ проявляется государственная и земская помощь...

Да, не легка была стародавняя жизнь наша. Тяжелую ношу несли на плечахъ своихъ наши предки и съ великими трудами и жертвами сопрягали свою земско-государственную службу родинѣ... Въ старо-русскихъ областяхъ было тяжело земцамъ, служилымъ людямъ, а на нашихъ сторожевыхъ окраинахъ, представлявшихъ боевой народный авангардъ, было тяготы еще больше. Нужно было и обще-русскую землю охранять, и ассимилировать мѣстный инородческій край... И все это наши тамбовскіе сходы, бродники, утеклецы и переведенцы своевременно и безшумно сдѣлали и сослужили великому Русскому царству великую государственно-народную службу...

Земская служилая тягота началась у насъ очень рано. По лѣ-

тописи, вятичи начали жить на нашей украинѣ въ IX вѣкѣ. Но на самомъ дѣлѣ они жили у насъ, конечно, гораздо раньше, прежде чѣмъ были замѣчены лѣтописцами. Какъ жили они, мы не знаемъ и, вѣроятно, никогда не узнаемъ. Но можемъ догадываться, что жутко было имъ въ чужеземномъ краю, и не легко было имъ дѣлать начинъ мѣстной русской колонизаціи...

Въ началѣ XIII вѣка тамбовскій мецерско-мордовскій край уже значительно обрусѣлъ. У насъ были русскіе города: Липецкъ и Кадомъ. У насъ были вотчины и угодыя русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей. Дѣло налаживалось по русскому народно-государственному укладу; будущее сулило несомнѣнный успѣхъ... Но настала великая всенародная бѣда: пришли татары и пришли первѣе именно къ намъ на рѣку Воронежъ—на Онозу (близъ города Козлова).

Царственная лѣтопись рассказываетъ о первомъ татарскомъ нашествіи такъ:

«Въ лѣто 1237-е татарове, разсвирѣпѣвши зѣло, начаша воевати землю Рязанскую съ великою яростию, и грады ихъ разбивающе и люди сѣкуще и жгуще и плѣнующе. И груди вырѣзываютъ, а съ иныхъ кожу одираху и во огнь вметаху, а инымъ иглы за ногти бѣяху, и поруганіе черницамъ и попадіямъ, княгинямъ и боярынямъ, и простымъ женамъ и дѣвицамъ предъ матерями и сестрами творяху...»¹⁾

Страшная бѣда наша пошла отъ насъ по всей Русской землѣ, кромѣ Новгородской волости. Отъ Батыевыхъ татаръ, отъ народа немилостиваго, не знавшаго благородной русской пословицы: «лежачаго не бьютъ», никому и никакой пощады не было... И взяша,—кратко и выразительно продолжаетъ лѣтопись,—Батыевы татарове Мордовскую землю... Это было зимою, когда тамбовскіе дѣвственные лѣса наши были не такъ дремучи и непроходимы, когда лѣсныя болота и озера замерзли, и мордва жила безопасно...²⁾

Къ этимъ лѣтописнымъ сказаніямъ дополненій и разъясненій не требуется. Картина кратко и выразительно нарисована ярко угнетающая!

Съ тѣхъ поръ надолго наша Тамбовская земля стала безвѣстною. Пусты стали поля и лѣса наши. Надолго, до начала XVII вѣка вся Тамбовская окраина сдѣлалась дикимъ полемъ и дикимъ, лѣсомъ, куда, по лѣтописямъ, прибытка ради людие хождяху звѣрей ловити... И въ этой пустынѣ только изрѣдка выселись татарскія городища, на примѣръ, Урлаповы на мѣстѣ нынѣшнихъ городовъ Тамбова и Козлова, и было отъ того бѣдному краю нашему не легче, а еще горше...

¹⁾ Царственная лѣтопись, стр. 129.

²⁾ Тамъ же, стр. 146.

Въ извѣстномъ «Хожденіи Пименовъ въ Царьградъ» о нынѣшнемъ Тамбовскомъ краѣ, именно о западной его части, сказано такъ: «сіе путное шествіе бысть печально и уныливо, бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села»...

А эти грады и села у насъ и въ то время, всетаки, были, какъ это видно изъ грамоты митрополита Теогноста о Червленномъ Яру... Не было ихъ на степи, гдѣ татарская орда все смыла и уничтожила, но были они въ лѣсныхъ захолустьяхъ и укромныхъ степныхъ балкахъ... Не у насъ ли явилась поговорка: «Богъ напи- таль, никто не видалъ, а кто и видѣлъ—не обидѣлъ»...

Лѣтописи молчатъ о быломъ тамбовскомъ всенародномъ горѣ. Но это великое народное горе несомнѣнно было, и историческое забвеніе не умалить его. И урлаповцы, конечно, донимали нашихъ аборигеновъ, и инья захожія орды, и свои кровные сбродники; и самая мѣстная пустошь съ ея неприютностью, безпомощностью и всякою дикостью была не очень надежнымъ приютомъ для нашихъ аборигеновъ.

Въ половинѣ XVI вѣка, особенно при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, Тамбовскую степь начали охранять. Даже выстроили два города: Шацкъ и Темниковъ. Но охрана была слаба. Такъ, въ 1594 году, весною, на нашу Украину пришли ногайцы въ числѣ 20.000 человекъ. Они шли на Шацкъ. Что они дѣлали у насъ путемъ-дорогой, это ясно. Никому и никакой пощады отъ нихъ не было и не могло быть... Въ маѣ ногайцы одошли къ Шацку, и здѣсь ихъ встрѣтилъ воевода князь В. И. Мосальскій. Мужественный воевода отбилъ всѣ приступы непріятели и прогналъ его за рѣку Медвѣдицу въ татарскую степь ¹⁾. Онъ прогналъ большую татарскую партію, а малыя партіи изъ году въ годъ, безперечь, не давали намъ покою, и настоящей управы на нихъ не было...

Въ смутные годы начала XVII вѣка и весь Тамбовскій край приобщился къ всероссійской безтолочи. Кто стоялъ за Шуйскаго, кто за Самозванца, кто за Владислава, Елатьма стояла за Владислава и литовцевъ, Темниковъ—за Тушинскаго вора, остальные городки съ пригородами за Шуйскаго... Шумѣли, обманывали, били другъ друга и, наконецъ, въ 1613 году успокоились... И съ тѣхъ поръ наступили для нашего края лучшія времена въ томъ смыслѣ, что онъ сдѣлался предметомъ царственнаго вниманія дома Романовыхъ.

Царь Михаилъ Θεодоровичъ весьма серьезно озабоченъ былъ охраною нашего горемычнаго края. Онъ построилъ у насъ города: Тамбовъ, Козловъ, Романовъ, Демпинскъ; онъ же учредилъ черты, валовыя крѣпости, остроги и острожки на татарскихъ сакмахъ и перелазяхъ. Въ 1637 году въ своей окружной грамотѣ онъ писалъ такъ: «въ тѣ (тамбовскія) мѣста крымскіе, ногайскіе и озовскіе

¹⁾ Родъ князей Мосальскихъ, стр. 107.

люди прихаживали изгономъ и тѣ всѣ мѣста воевали, людей побивали и въ полонъ всякихъ людей мужеска и женска пола и младенцевъ имали и села и деревни многія пожгли и до конца разорили... А служилые люди отъ такія великія войны оскудѣли и учинились безлюдны и безлошадны и безоружейны... Ужасающихъ подробностей изъ мѣстнаго былаго быта въ этой грамотѣ нѣтъ, но онѣ несомнѣнно подразумеваются... Молчать о нихъ русскія лѣтописи, молчитъ Тамбовская земля про ту русскую кровь, которая обильно въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій лилась на ней; и жутко становится на сердцѣ при воспоминаніи о тѣхъ свирѣпыхъ житейскихъ драмахъ и о томъ неисходномъ человѣческомъ горѣ, которыя у насъ были и былью поросли... Въ тѣ давнія времена общественная нравственность не только ногайско-татарская, но и наша русская стояла низко, много ниже современной. Наши предки воевали безперечь и бились безпощадно. Плѣнныхъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, они на разные лады мучили, изысканно казнили и передъ лютою смертію рѣзали имъ носы и уши: послѣднія для отсылки въ видѣ трофеевъ по начальству... Конечно, все это вызывалось непрерывными и безпощадными инородческими набѣгами и было, по тогдашнему военно-обычному праву, законно.

Страшное было у насъ то время! Ни одинъ тамбовецъ на всемъ пространствѣ обширной Тамбовской земли не былъ увѣренъ ни въ одномъ спокойномъ днѣ своемъ, потому что наши лютые вороги перелѣзали къ намъ черезъ безчисленные перелазы и сакмы чуть не ежедень. Вотъ почему наши бывлые обыватели XVII вѣка, собираясь на полевая работы, прежде всего припрятавали въ укромныхъ мѣстахъ своихъ робятъ или же брали ихъ съ собою. А на самыя работы выходили оружныя на всякій случай... И, не смотря на всѣ предосторожности, рѣдко пользовались своимъ урожаемъ: то, къ несчастію, саранча ѣла хлѣбъ, то татары и потомъ еще калмыки тотъ хлѣбъ жгли и толочили...

Нудно и страшно было мѣстнымъ обывателямъ дома, но этого еще мало. Ихъ призывали по наряду и безъ мотчанья и къ иной общественно-государственной службѣ: къ строенію и береженію городовъ, городковъ, остроговъ, чертъ и засѣкъ. И все это стоило мѣстному населенію очень дорого. Мѣстные обыватели тысячами и сотнями надолго, на цѣлые мѣсяцы, а то и на годы, отрывались отъ семействъ и хозяйствъ. При этомъ харчи у нихъ были свои, инструменты и оружіе свои. И жили они на государевой службѣ, съ жалованьемъ по 2 рубля въ годъ, кое-какъ въ землянкахъ и палаткахъ, продуваемые степными вѣтрами, поливаемые дождями, на морозѣ зимою и на пеклѣ лѣтомъ... А тутъ еще и воеводы попадались на ихъ горькую долю не всегда милостивые и не рѣдко мучили ихъ зяблою смертію и кнутомъ и разореньемъ и всякимъ боемъ... Такая тяжелая земско-государственная служба

длилась до самой глубокой старости служильцевъ, до слѣпоты и увѣчья... Одинъ изъ такихъ тамбовскихъ служильцевъ такъ плакался царю:

«Отъ тѣхъ твоихъ многихъ государевыхъ службъ сталъ я скорбенъ и животомъ отягченъ, и отъ той животной болѣзни оморокъ ошибаетъ и духъ занимаетъ, и за тою болѣзнию служить мнѣ невозможно... Да у меня-жь, холопа твоего, и отца на службѣ въ Тамбовѣ воровскіе казаки повѣсили». А иные писали короче, но не менѣе выразительно: «сталъ я, государь, на службѣ дряхль и увѣченъ и едва живъ».

Въ то же время тяжелая служба натурою не освобождала нашихъ предковъ отъ разныхъ даней и оброковъ государевыхъ, полоняничныхъ, откупныхъ, таможенныхъ, стрѣлцкихъ, ясачныхъ, медвяныхъ, водныхъ и иныхъ. Казенная копейка, а гдѣ и рубли не пропадали и взыскивались исправно. А денегъ въ обращеніи было мало, и собирались онѣ не въ одну казну, а и въ пользу сборщиковъ, какъ ни билось съ этимъ неисправимымъ зломъ московское правительство.

Мѣстныя воеводскія прицѣпки объявились издавна, и, конечно, всѣ онѣ являлись несомнѣннымъ и серьезнымъ общественно-государственнымъ зломъ. Всѣхъ ихъ не перечислить, да и не надо... Въ концѣ XVI вѣка на сѣверѣ нынѣшняго Тамбовскаго края, въ кадомской мордвѣ, намѣстникомъ былъ Янгличъ-мурза Бедишевъ. За свои многія службы онъ долженъ былъ получать ясаку семь рублей съ полтиною въ годъ. А получалъ на самомъ дѣлѣ гораздо больше и, наконецъ, совершенно доконалъ вѣренный ему край, такъ что кадомскіе обыватели пожаловались на него самому царю Ивану IV и въ своей жалобѣ, не стерпя обидъ, писали: «отъ Янгличъ-мурзы и отъ братьей его идутъ бои, грабежи, насильства великія, и емлютъ Янгличевы пристава съ мордвы деньги многія, и той мордвѣ впредь прожити не можно и ухожей ихъ пусты»¹⁾.

Но всѣ эти тягловыя повинности и рискованныя непрерывныя случайности погранично-степнаго быта, всетаки, до нѣкоторой степени искупались обиліемъ и дешевизною мѣстныхъ земскихъ угодій. Широкій просторъ во всѣ стороны стоялъ передъ тѣми нашими прадѣдами, которые хотѣли работать въ потѣ лица. Если была у кого практическая сметка, могутныя плечи и добрая, завидушая охота, тѣ были матеріально обеспечены... Всякій работающій и сильный обыватель въ былые годы непременно богатѣлъ у насъ, и только лѣнтяи и слабосильные выродки погибали въ нищетѣ. Иллюстраціей къ этимъ моимъ словамъ можетъ служить слѣдующая поступная записка бортника Ивана Васильева, данная имъ на Ранковильскій ухожей елатомцамъ Михайловымъ:

¹⁾ Древняя Россійская Вивлюенка, т. XV, стр. 14, изд. 2-е.

«Се язъ, Иванъ Васильевъ, бортникъ деревни Починокъ, въ нынѣшнемъ 1650 году... поступился есми посадкимъ людямъ, елатомцамъ, верховымъ бортнымъ ухожьемъ сполна, и съ лугами сѣнными, и съ рѣками, и протоки, и съ бобровыми гонны, лосиными купалищами, и со всякою звѣриною ловлею. А государева медвенанаго оброку 15 гривенокъ меду».

Все это многоверстное и разнообразное угодье дано было елатомцамъ по пріятельству, даромъ, такъ какъ у шацкаго бортника Васильева и безъ того было несчетное множество ухожеевъ, съ которыми онъ никакъ не могъ справиться. Очевидно, Васильевъ былъ могучій работникъ, не то, что сосѣдь его мордвинъ Пайка Родкинъ. Этотъ послѣдній, по работной немощи своей, сплосалъ съ окружавшими его безпредѣльными вольными угодьями, не справился съ ними, и невѣдомо, куда и зачѣмъ бѣжалъ. А во дворишкѣ его осталось хоромъ: избенка не крыта, да конюшнишка пластинная; да скотины 4 овцы, да жеребенокъ, да 2 курицы; да четверть кола ржи несѣяной; а больши того никакихъ пожитковъ у него не осталось... А уходя тотъ Пайка буянилъ, бранился всякою неподобною бранью, сосѣдскую женку на гумнѣ билъ и робенка у ней изъ рукъ вышибъ и собаками stravилъ...

Гдѣ пропалъ этотъ непутящій Пайка съ своей горемычной семьей—невѣдомо.

Пайка Родкинъ бѣжалъ по крайней мѣрѣ не одинъ. Къ своей горькой бѣглой жизни онъ присовокупилъ и безответную семью свою. А иные бѣжали одни, покидая семьи на неисходный голодъ, холодъ и на всякую справу воеводскую. И голодали эти злополучныя семьи, пока ихъ непутевыхъ кормильцевъ накрѣпко сыскивали; а затѣмъ и сами, въ силу былыхъ юридическихъ обычаевъ, попадали въ тюрьмы, старые и малые, въ смыслѣ круговой поруки. И я думаю, не очень печалились эти сироты, если ихъ кормильцевъ излавливали... Тогда они присутствовали на городской торговой площади и видѣли, какъ ихъ кормильца нещадно сѣкли кошками, или же били батогами и шелепами. То былъ послѣдній актъ ихъ семейной драмы.

Удивительно то безправіе, въ которомъ Тамбовскій край пребывалъ въ теченіе всего XVII вѣка. Если начинались у насъ между обывателями спорныя дѣла, то тутъ обычно и нерѣдко являлись на сцену извѣстная приказная волокита, прицѣпки и многія взятки. Если же мѣстные жители почему либо избѣгали воеводскаго и приказнаго суда, то въ этихъ случаяхъ чаще всего начинался безобразный самосудъ.

Въ Темниковскомъ уѣздѣ былъ у насъ, на примѣръ, такой случай. Мордва деревни Караушки не поладила изъ-за земли съ русскими крестьянами деревни Стрѣльниковой. И вотъ разъ Карауш-

кинскіе мордовцы выѣхали на старую свою пустошь, гдѣ прежде сего жили дѣды и отцы ихъ, сѣно косить...

«И какъ на ту свою пустошь мы пріѣхали,—жаловалась мордва,— и на той своей пустоши стали, и учили стрѣльниковскіе крестьяне бить насъ ослопами и изъ луковъ стрѣлять. И у мальчика Шайки руку переломили и его-жъ изъ лука пострѣлили, и Степашку Пялкина били и увѣчили и покинули замертво. А у Якушки Латкина ослопомъ голову расшибли и всѣхъ насъ ограбили»...

Точно также жаловался и темниковскій посадскій человекъ Тимошка Ширшиковъ.

«Шель я,—плакался онъ,—въ Темниковъ въ домишко свой и по дорогѣ встрѣтились мнѣ знакомые темниковцы-татары и учили меня мучить и увѣчить кистенями и плетями. И Касимъ-мурза, вынявъ коль, учаль колоть меня въ горло и сорвалъ съ меня крестъ и мошну съ деньгами отнял»...

Буйствовали и безправничали у насъ не одни простецы. Буйствовали и привилегированные владѣльцы. Нѣкто владѣлецъ Я. Кормилицынъ повздорилъ съ своей сосѣдкой Фроловой и на этомъ основаніи неожиданно нагрянулъ на ея имѣніе съ толпою своихъ вооруженныхъ крестьянъ. Послѣ разгрома онъ вымучилъ у Фроловой запись на нѣсколько крестьянскихъ дворовъ съ крестьянами и побѣдоносно вернулся въ свою вотчину, село Лѣтники.

У Кормилицына воровская толпа была въ 50 человекъ, у другихъ бывало и побольше, свыше ста человекъ, и въ такомъ случаѣ мѣстные беззаконники отправлялись въ походъ, никого не боясь. Дома своихъ супротивниковъ они жгли огнемъ, а людей били смертно... И такимъ случаямъ счету нѣтъ, и нѣтъ ни надобности, ни охоты подводить имъ итоги.

Мѣстное безправіе доходило до того, что иные владѣльцы закрѣпощали священниковъ и ихъ семьи, и такихъ горемыкъ было у насъ не мало... Священный санъ не спасалъ ихъ отъ грубыхъ насилій мѣстныхъ беззаконниковъ. Нѣкто священникъ Никита Ивановъ прослужилъ въ своемъ Николаевскомъ приходѣ, въ селѣ Гремячемъ, около 40 лѣтъ. У него были дѣти и внуки. Былъ онъ человекъ степенный, и за это всѣ прихожане и знакомые уважали его. И вотъ этотъ-то старецъ попалъ въ опалу къ нѣкому Лобанову и былъ захваченъ имъ въ крѣпость подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ будто бы его бѣглый крестьянинъ ¹⁾...

Въ данномъ случаѣ мнѣ представляется любопытнымъ и страннымъ также и тотъ фактъ, что наши тамбовскіе праотцы были, всетаки, люди религіозные, основательно считавшіе за счастье, что они православные христіане. Выходило такимъ образомъ практическое противорѣчіе между идеєю и дѣломъ... Отчего это? Вѣроятно,

¹⁾ Архивъ Тамбовской ученой архивной комиссіи, особое дѣло.

отъ того, что самое православіе понимаемо было многими нашими аборигенами односторонне, внѣшне... Тѣ же наши самоуправники, творившіе беззаконная, охотно, добровольно и безкорыстно строили въ нашемъ краѣ многія церкви; дѣлали въ нихъ вклады на поминъ души, лили церковные колокола, строили облаченія, собирали церковныя книги и вообще радѣли церкви. Эта глубоко симпатичная наша бытовая сторона самобытно и искренно развивалась всѣми нашими обывателями: и служилыми людьми, и духовенствомъ, и крестьянствомъ, и посадскими купеческими людьми, и особенно мѣстнымъ боярствомъ. Во главѣ всѣхъ тамбовскихъ радѣтелей церковнаго благочинія въ XVII вѣкѣ стояла, конечно, богатѣйшая вотчинница нашего края великая инокиня Марѳа Ивановна, строительница многихъ нашихъ монастырей и вкладчица землю и утварю въ сельскіе приходскіе храмы. Можетъ быть, ея-то величавый строительно-религіозный подвигъ и былъ отчасти стимуломъ къ мѣстному подраженію...

Нудно было тамбовскому населенію въ теченіе всего XVII вѣка. Земскія и государственныя тяготы его были тогда не въ примѣръ тяжелѣе и разнообразнѣе современныхъ. Но настоящая мѣстная народная туга пришла къ намъ при императорѣ Петрѣ Великомъ. Такого напряженія всѣхъ народныхъ силъ во имя великой государственной идеи, конечно, какое было въ указанное время, русская исторія не знаетъ. И самъ царь работалъ не покладаячи рукъ и всѣмъ его вѣрноподаннымъ не было дано ни отдыха ни сроку. Всѣ повинности XVII вѣка отбывались, какъ и прежде. Но явились и новыя, болѣе сложныя. Платежи натурою усилились до того, что съ мѣстныхъ обывателей собирали, кромѣ былыхъ посопныхъ даней, нитки, мочалу, сѣно и всякую домашнюю живность... Личная государственная служба сдѣлалась обязательною для каждаго обывателя... Мѣстные архивные документы изображаютъ тамбовскую жизнь Петровскаго періода въ самомъ неприглядномъ видѣ. Со всего нашего края, кромѣ многочисленныхъ и разнообразныхъ даней, собирали недоимки, накопившіяся за совершенною обывательскою скудостію. Невольныхъ неплательщиковъ содержали подъ карауломъ безъ выпуска и нещадно били. Все ихъ имущество продавали, и, всетаки, край нашъ, богатый по природѣ, но поразительно бѣдный по инымъ условіямъ экономическаго быта, былъ въ неоплатныхъ казенныхъ долгахъ. Не легки были для тамбовскаго народонаселенія и прежніе подвиги правительственныхъ фискаловъ. Не очень силенъ былъ петербургскій канцелярскій режимъ для поднятія культурнаго уровня нашихъ провинцій, зато силенъ онъ былъ въ дѣлѣ всякихъ изнуреній. Всѣ наши натуральныя повинности совершались подѣ страхомъ жесточайшаго истязанія и въ самокрайней скорости. Въ работу брали даже стариковъ, больныхъ и увѣчныхъ, провожали

ихъ до мѣста военныя команды и часто изнуряли голодомъ и побоями. Работниковъ высылали къ Балтійскому и Азовскому морямъ денно и ночью съ великимъ поспѣшеніемъ, партіями человекъ въ 1.000 и болѣе, и шли съ ними суровые начальники: комиссары, счетчики и подьячіе.

То было время безпощадное. По разнообразнымъ платежамъ, денежнымъ и натуральнымъ, была круговая порука, а по уголовнымъ—вся семья отвѣчала. Все приносилось въ жертву государству; всякая личность исчезала. Можетъ быть, и въ римскія времена не было такой всеобщей и подушной службы государственной идеѣ...

Со всѣхъ нашихъ сословіи денно и ночью, съ великимъ поспѣшеніемъ и подъ опасеніемъ наижесточайшихъ истязаній, смертной казни и штрафовъ, собирали всякихъ работниковъ, учениковъ и служилцевъ: бочаровъ, плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, слесарей, судорбочихъ, ямщиковъ, швцовъ. И всѣхъ ихъ на собственномъ ихъ коштѣ или отправляли въ чуждалнія стороны безсрочно, или же переселяли въ Петербургъ, Кронштадтъ и Азовъ на вѣчныя времена. А всякихъ недорослей дворянскаго и духовнаго чина силою имали въ школяры, солдаты и матросы...

Въ 1715 году майоръ А. И. Ушаковъ командированъ былъ въ Шацкъ, при чемъ ему велѣно было всѣхъ шацкихъ школьниковъ выслать въ С.-Петербургъ. И тѣхъ школьниковъ сыскивать всякими мѣры и какъ возможно наискорѣе, а сыскавъ прислать къ тому маеору на ихъ подводахъ за арестомъ.

Таковыхъ школьниковъ малыхъ и велико-возрастныхъ выслано было изъ Шацка 118 человекъ. Везъ ихъ до Петербурга нарочный курьеръ господинъ Шемякинъ. Остальные школьники, рискуя имуществомъ и самою жизнію, кое-гдѣ ухоронились... А ухорониться было гдѣ: или въ землянкахъ лѣсовъ дремучихъ, или въ болотахъ нашихъ неисходныхъ, или въ балкахъ нашихъ степей безпредѣльныхъ...

А простой народъ нашъ обычно плакался въ то же время на житейскую бѣду свою слѣдующими словами: «всѣ мы помираемъ нынѣ голодною и студеною смертію».

При такихъ условіяхъ укрывательство отъ личной службы и всякихъ повинностей приняло самыя широкіе размѣры. Весь край нашъ наполнился бѣглецами; многіе изъ нихъ погибли сразу голодною и зяблою смертію; а иные умѣли какъ-то ухорониться отъ напрасной смерти и, одичавши, жили лѣтъ по 30 и болѣе въ разныхъ лѣсныхъ и степныхъ зимовьяхъ.

Уклоненіе отъ разныхъ государственно-общественныхъ повинностей доходило у насъ до того, что пропадали цѣлыя и обширныя села. Такъ, въ одномъ Шацкомъ имѣніи князя Волконскаго было

100 дворовъ, и вдругъ не оказалось ни одного: т. е. дворы-то, похилившіеся, и были, но люди всѣ разбѣжались; а у помѣщика Кошаева въ нѣтяхъ оказалось 160 дворовъ.

Но тамбовцы знали и твердо помнили, что вся эта туга—служба государству, и несли свою тяжелую ношу вообще безропотно. Гораздо обиднѣе были для нихъ всякія незаконныя канцелярскія прицѣпки...

Тогда, избитые всякимъ канцелярскимъ и воеводскимъ обычнымъ укладомъ, тамбовцы стали обращаться къ самому царю. Но могущественному царю было не до нихъ. Работая безсмысленно и безъ отдыха, занятый обширными планами, царь обычные судныя и бытовыя дѣла поручалъ своимъ подручнымъ властямъ, строго карая ихъ въ случаѣ незаконнаго употребленія данныхъ имъ полномочій...

Въ 1719 году вышелъ царскій указъ о томъ, какимъ образомъ съ будущаго года челобитчикамъ поступать.

«Понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ и во всякихъ мѣстѣхъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить мощно, что всякому своя обида и не сносна, но притомъ каждому разсудить же, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть, и та коликими войнами и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстность. А хотябъ и такихъ трудовъ не было, возможно одному человѣку за такъ многими дѣлами усмотрѣть. Воистинну сіе не можно не точію человѣку, но и ангелу, понеже и оныя мѣстомъ описаны суть, ибо гдѣ присутствуютъ и гдѣ сего нѣтъ. Однакожь, его величество, не смотря на такіе свои несносные труды въ сей тяжелой войнѣ, въ которой не только что войну вестъ, но и людей въ оной обучать, правы и уставы войскія дѣлать принужденъ былъ. И сіе съ помощію Божіею въ такой добрый порядокъ привелъ, каковой всѣмъ есть извѣстенъ. Но и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привелъ, какъ и войско. Чего ради учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ, въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старыя суды дѣлали, что хотѣли; въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить... Посему паки объявляется его величества слѣдующій указъ».

Далѣе слѣдуютъ подробныя повелѣнія о томъ, куда челобитчики должны обращаться съ своими жалобами, причѣмъ сенатъ объявленъ вышею и безапелляціонною инстанціею... ¹⁾

¹⁾ Копія архива министерства юстиціи, опись 1, вѣзка 5, № 403.

Обо всемъ этомъ велѣно было въ пристойныхъ мѣстахъ выставить листы, дабы всѣ люди про то вѣдали.

Всѣ эти несовершенства нашей тамбовской жизни, между прочимъ, объясняются отсутствіемъ у насъ всякаго серьезнаго образованія: религіознаго и школьнаго. Наши аборигены въ школахъ не учились, книгъ почти не вѣдали и жили преимущественно матеріальною жизнью. Даже и церковныя поученія, по особымъ условіямъ нашей епархіи, были нашимъ предкамъ необычны, потому что у насъ не было книжныхъ пастырей. Тщетно мѣстные епископы разсылали тамбовскимъ причтамъ книжицы съ такимъ увѣщаніемъ, чтобы священники и діаконъ по тѣмъ книжницамъ учились искусно и пристойно водить голосомъ... Для возбужденія проповѣднической энергіи дьячкамъ и понамарямъ велѣно было неупустительно доносить епархіальнымъ властямъ, кто изъ священниковъ и діаконовъ не читаетъ проповѣдей. Но проповѣдническое дѣло и при этихъ условіяхъ у насъ не ладилось. И было, говорятъ наши документы, нерадѣніе къ слушанію (службъ) и роптаніе...

Но нѣтъ худа безъ добра. Свѣтъ Божій свѣтилъ у насъ и въ тѣ нудные дни. Сказано въ писаніи: «Царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ его»...

Если при достиженіи величайшаго и совершеннѣйшаго царства, царства Божія, бываютъ многія несовершенства и паденія, то тѣмъ болѣе—при совершеніи временныхъ земныхъ царствъ. Это самое и было у насъ...

Вмѣстѣ со всѣми тяготами, которыя были у насъ данью отживающему времени, возникали въ тамбовскихъ предѣлахъ и новыя совершенства общественно-государственной жизни. Успѣхи исторической жизни доставались намъ дорогою цѣною, но эти успѣхи были, и на нихъ зиждется современный строй русской государственно-общественной жизни, цѣли и задачи которой обширны и многоплодны, а главное—несомнѣнны...

Царствованіе Петра Великаго незабвенно для русской исторіи не потому только, что при немъ явились у насъ регулярныя арміи, флоты; возникла усиленная торговля съ иностранными государствами, и началась правильная дипломатическая связь съ Западомъ... И въ бытовомъ отношеніи многое было сдѣлано полезнаго, даже въ предѣлахъ Тамбовскаго, тогда глухого и захолустнаго, края. При Петрѣ Великомъ улучшено было наше земледѣліе. Появились у насъ десятки фабрикъ и заводовъ: суконныхъ, полотняныхъ, канатныхъ, винокуренныхъ, кожевенныхъ и др. По нашимъ увѣздамъ стали дѣлать кирпичъ, кафель и цементъ. Въ главныхъ городкахъ нашей обширной провинціи начали строить шпитали (больницы) и заводить пожарныя инструменты и почту. На все мѣстное земско-государственное хозяйство обращено было неусыпное вни-

маніе... Всѣ статьи народнаго промысла были регулированы: и ловленіе птицъ и звѣрей, и лѣсныя порубки, и рыбныя ловли, и бортный промыселъ... Казалось, вся Русская земля превращена была неутомимымъ царемъ-работникомъ въ необъятную профессионально-техническую школу... Горьки были, конечно, начатки Петрова народнаго ученія, но зато и плоды его, вѣроятно, будутъ сладки...

Что дѣйствительно и безъ всякаго сомнѣнія упало у насъ, какъ и во всей Руси, при Петрѣ Великомъ, такъ это наша старорусская излюбленная монастырская жизнь. Монахи и монахини имѣлись въ нашихъ монастыряхъ престарѣлые и дряхлые. Монастырская бѣдность стала доходить до того, что многіе наши монастыри жаловались на свою худобу такъ: «пропитанія себѣ мы не имѣемъ и помираемъ голодною смертію». Наши монастырскія средства дѣйствительно были такъ скудны, что, напримѣръ, игуменіи женскихъ монастырей получали, да и то неаккуратно, по рублю въ годъ, а простыя монахини по 25 коп. и, кромѣ того, по одной четверти съ 2-мя четвериками ржи и по столько же овса... При такихъ условіяхъ весьма понятно, почему наши монастыри жаловались на то, что въ церкви Божіи отъ недостатку воску и вина церковнаго божественное пѣніе оскудѣваетъ...

И. Дубасовъ.

КУРГАНЫ И ПОДЗЕМНЫЯ ПЕЩЕРЫ ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

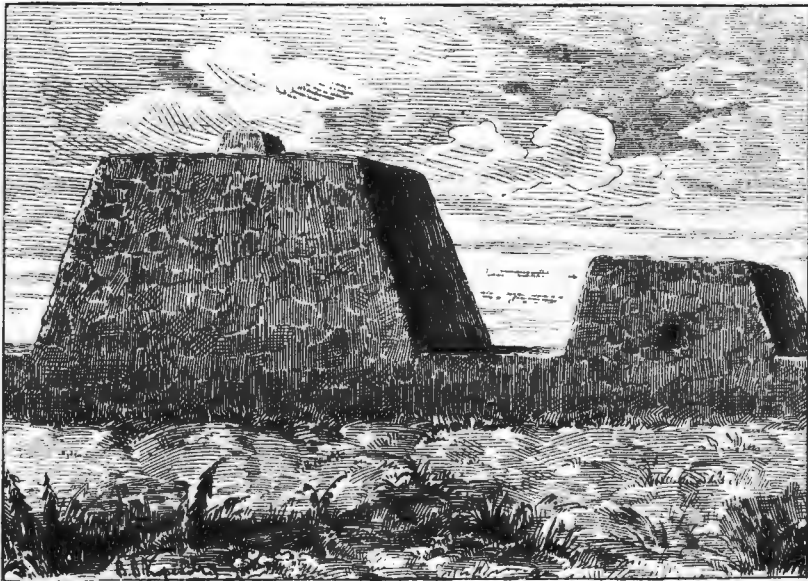
ОЙ ЗНАКОМЫЙ, Д. В. Лисовскій, часто путешествуя по восточной полосѣ Россіи, начиная отъ Нижняго Новгорода и кончая берегами Каспійскаго и Азовскаго морей, близко ознакомился съ остатками старины этого когда-то отдаленнаго, а теперь почти центрального края, и многимъ изъ предметовъ древности составилъ краткія описи, изъ которыхъ, пользуясь его благосклоннымъ разрѣшеніемъ, позволю себѣ познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ нѣкоторыми достопримѣчательностями заволжской стороны, дополнивъ, гдѣ нужно, описаніе ихъ историческими справками и составленными по указаніямъ г. Лисовскаго рисунками.

Край по лѣвую сторону великой русской рѣки представляетъ теперь болѣе или менѣе культурную полосу Россіи, а въ отдаленныя времена, когда наше вліяніе на востокъ не распространялось далѣе береговъ Камы и Волги,—эта широкая полоса между двумя историческими рѣками и быстротечнымъ Яикомъ была необозримой, дѣвственной степью, по которой кочевали только ногаи, потомки жителей Золотой орды, а позднѣе калмыки и киргизы, да въ устьяхъ Урала заводились притоны-станицы лихой казачьей вольницы, стремившейся сюда съ Дона, изъ Запорожья и пограничныхъ селъ Московскаго государства искать приволья въ непроходимыхъ дебряхъ Приуралья, до того еще малоизвѣстнаго. Поэтому на земляхъ этихъ и до сихъ поръ видны остатки владычества ногайскихъ хановъ, разбросанные далеко другъ отъ друга въ видѣ кургановъ и развалинъ туземныхъ, иногда очень значительныхъ поселеній. Съ поступательнымъ же движеніемъ нашимъ на востокъ, какъ, напримѣръ, со времени покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, къ этимъ остаткамъ

прибавились еще возводимыя русской ратью укрѣпленія, которыя, утративъ теперь уже значеніе обороны пограничныхъ русскихъ владѣній, своими развалинами напоминаютъ намъ о борьбѣ Россіи съ непокорными туземными племенами.

Первыми русскими поселеніями Заволжскаго края были города-крѣпости Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ и Самара.

Послѣ покоренія Казани, въ 1556 году, башкиры, бывшіе вотчинники Казанскаго царства, изъявили желаніе вступить въ подданство Россіи. Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, принявъ новыхъ подданныхъ, повелѣлъ обложить ихъ ясакомъ, который они должны были вносить чрезъ воеводъ казанскихъ звѣриными шку-

Укрѣпленіе на валу близъ села Алексѣевского на р. Кинельѣ.

рами и медомъ. Имъ выдана грамота на вѣчное владѣніе занимаемыми ими землями, и грамотой этой Іоаннъ обязывался за себя и за своихъ преемниковъ охранять башкирскія земли отъ всякихъ захватовъ и набѣговъ киргизъ и сибиряковъ.

Затрудняясь, однако, доставкой ясака въ Казань и боясь набѣговъ кочевниковъ, башкиры въ 1573 году подали московскому государю челобитье, «дабы онъ построилъ на ихъ земляхъ городъ, не токмо для того одного, чтобъ имъ положенный на нихъ ясакъ, какъ внутри ихъ жилищъ, платить было льготнѣе, но и отъ непріятелей бы имѣть имъ убѣжище и защиту»¹⁾.

¹⁾ См. Рычковъ, Топографія Оренбургской губерніи, 1887, стр. 372.

Воевода бояринъ Иванъ Нагой, въ слѣдующемъ году, по указу царскому, заложилъ при слияніи рѣкъ Уфы съ Бѣлой небольшой городокъ съ деревянными крѣпостными стѣнами, назвавъ его Уфою ¹⁾.

Немного позднѣе были построены Бирскъ и Мензелинскъ, а весной 1586 года, для огражденія волжскихъ поселеній отъ набѣговъ «низовой вольницы» и казаковъ, на р. Самарѣ, при впаденіи ея въ Волгу, основана крѣпость Самарская ²⁾, первый воевода которой, князь Григорій Осиповичъ Засѣкинъ, состоялъ въ вѣдѣніи казанскаго приказа.

Ногаи, однако, съ неудовольствіемъ смотрѣли на такое возрождающееся могущество Россіи въ ихъ степяхъ, и если не бунтовали противъ нея первое время, то только благодаря вліянію на нихъ царевича Мурата-Гирея, потомка крымскихъ хановъ, который, изгнанный оттуда и проживая въ г. Астрахани, являлся посредникомъ между русскими и ногайцами и дѣйствовалъ довольно ловко въ интересахъ Россіи.

Не смотря на это, туземцы, всетаки, иногда дѣлали отчаянныя попытки завладѣть Самарой, особенно въ 1639 году, когда 10 тысячъ калмыковъ подступили къ городу съ цѣлю совершенно его уничтожить, но горсть удалыхъ защитниковъ разбила на голову скопище дикихъ кочевниковъ.

Неоднократныя кровавыя стычки самарцевъ съ ордынцами обратили вниманіе царя Михаила Ѳеодоровича на Самару, и городъ въ 1648 году былъ пожалованъ набатнымъ колоколомъ, который и понынѣ хранится на колокольнѣ стараго собора.

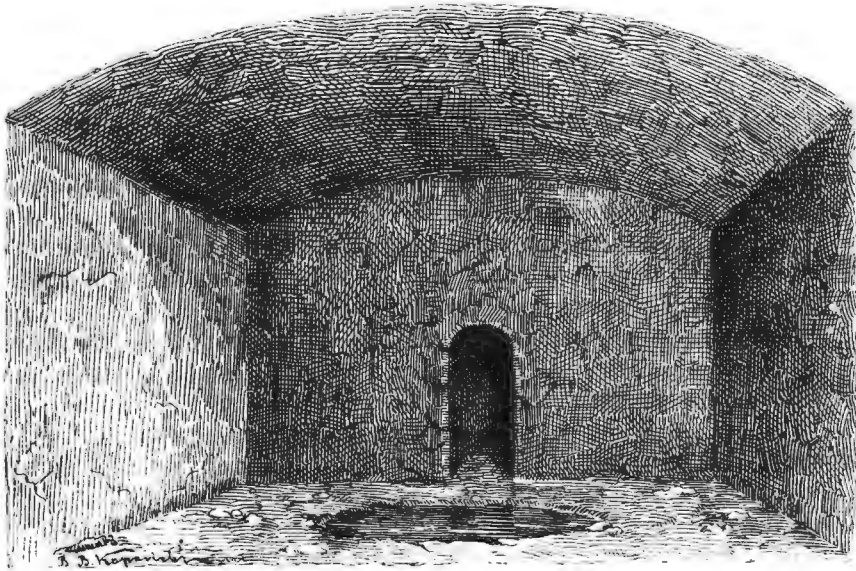
¹⁾ Рычковъ въ своей «Топографіи» говоритъ (стр. 372), что названіе это городу не вновь «придано, но паче прежнее возобновлено, и сущее то, которымъ ногайскіе ханы», ястари живучи въ здѣшнихъ мѣстахъ, городъ сей именovali; и онъ указываетъ на существующее веретахъ въ пяти отъ нынѣшней Уфы «на высокомъ и прекрасномъ мѣстѣ татарское городище, гдѣ ханы тѣ живали», и которое «по текущей подлѣ него рѣкѣ (называвшейся побашкирски—Уфа-Идель) Уфою именовано».

²⁾ О Самарѣ существуетъ довольно любопытное преданіе. Говорятъ, что московскій митрополитъ, святитель Алексѣй, слѣдуя въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Золотую орду (1353 или 1357 г.), остановился на неизвѣстной ему рѣкѣ, которая впадала въ Волгу. Находящіеся при немъ люди, идя по берегу, поросшему густымъ лѣсомъ, увидѣли одну тропинку и по ней къ ужасу своему нашли въ необитаемомъ лѣсу человѣка, забравшагося въ эту глушь, какъ оказалось, для спасенія души. Тотчасъ же донесли объ этомъ святителю. Св. Алексѣй, интересуясь жизнью пустытника, призывалъ его къ себѣ, потомъ самъ былъ у него, разспрашивалъ объ этой мѣстности и, между прочимъ, полюбопытствовалъ узнать названіе рѣки. «Названія ей не знаю; самъ я зову ее Самарой»,—отвѣтилъ пустытникъ. «Святый Алексѣй,—говоритъ лѣтописецъ,—видя добродѣтельное житіе сего пустытника, не только оно названіе подтвердилъ, но, благословляя его и мѣсто, духомъ пророческимъ предрекъ: «Будетъ на сей рѣкѣ градъ того же имени, въ немъ просіяетъ благочестіе, и оный никакому разоренію подвержень не будетъ».

Самымъ тяжелымъ временемъ для Волжскаго края былъ бунтъ Стеньки Разина, а за нимъ Ѳедьки Шелудяка. Помимо того, и кочевники не дремали и наносили ударъ за ударомъ русскимъ поселеніямъ на Волгѣ, Камѣ и Бѣлой.

Чтобы по возможности дать болѣе прочную защиту плодороднымъ землямъ Башкиріи, соприкасавшимся съ волнообразными равнинами Заволожья и Приуралья, и упрочить свое вліяніе въ приволжскихъ степяхъ, русское правительство рѣшило построить рядъ укрѣпленій отъ р. Самары до р. Бѣлой.

Такимъ образомъ, въ 1700 году, въ Заволжскомъ краѣ явился другой значительно укрѣпленный пунктъ: станица Алексѣевская,

Подземное озеро въ пещерахъ Бугульминскаго уѣзда.

названная такъ въ честь царевича Алексѣя Петровича, построенная верстахъ въ 25 отъ г. Самары на берегу той же рѣки, «на высокомъ и отъ природы крѣпкомъ мѣстѣ». Отъ нея въ 1732 году начались строиться еще и еще «регулярныя крѣпостцы, ретраншементы, фельдшанцы и редуты» по направленію къ Уфѣ, образуя новую сторожевую и оборонительную линію, такъ называемую «Ново-Закамскую».

Она начиналась недалеко отъ Алексѣевки, отъ устья р. Кинели, впавшей въ Самару, гдѣ былъ сдѣланъ редутъ, названный Кинельскимъ, и направлялась на р. Сокъ, къ тому мѣсту, гдѣ съ правой стороны впала въ нее р. Кундурча. Тутъ съ лѣвой стороны по теченію ея была построена крѣпость Красноярская, и въ ней на-

значено быть ландмилиціи. Отсюда линія по лѣвой сторонѣ Сока шла до пригорода Сергіевска, что нынѣ Сергіевскія минеральныя воды, затѣмъ поворачивала на р. Черемшань, у которой построена крѣпость Черемшанская, и далѣе до р. Шешмины, на которой былъ сдѣланъ фельдшанецъ Шешминскій. Потомъ линія направлялась на вершину рѣчки Бограчь, версть шестнадцать отъ которой въ лѣсу устроена засѣка, и оканчивалась при рѣкѣ Качуѣ, также фельдшанцемъ, раздѣляя этимъ послѣднимъ Казанскую губернію отъ Оренбургской (теперь Уфимской).

Изъ дѣлъ архивныхъ видно между прочимъ, что отъ Качуя линію эту предполагалось вести дальше на р. Икъ, что впала въ р. Каму близъ села, называемаго Ицкое Устье, но этотъ проектъ съ образованіемъ Оренбургской экспедиціи былъ оставленъ, какъ уже болѣе ненужный, такъ какъ передовая линія восточныхъ укрѣпленій переносилась на Уралъ и его притоки.

Для постройки Закамской линіи вызвано было 15.000 крестьянъ изъ губерній Казанской, Нижегородской и Воронежской за плату «плакатную». Линія тянулась на 222 версты, и для охраны ея были вновь сформированы четыре ландмилиціонныхъ полка, подъ главнымъ начальствомъ командира ея, д. т. с. Ѳедора Васильевича Наумова. Помимо того, для заселенія линіи вызваны отставные солдаты и слобожане изъ старой Закамской линіи.

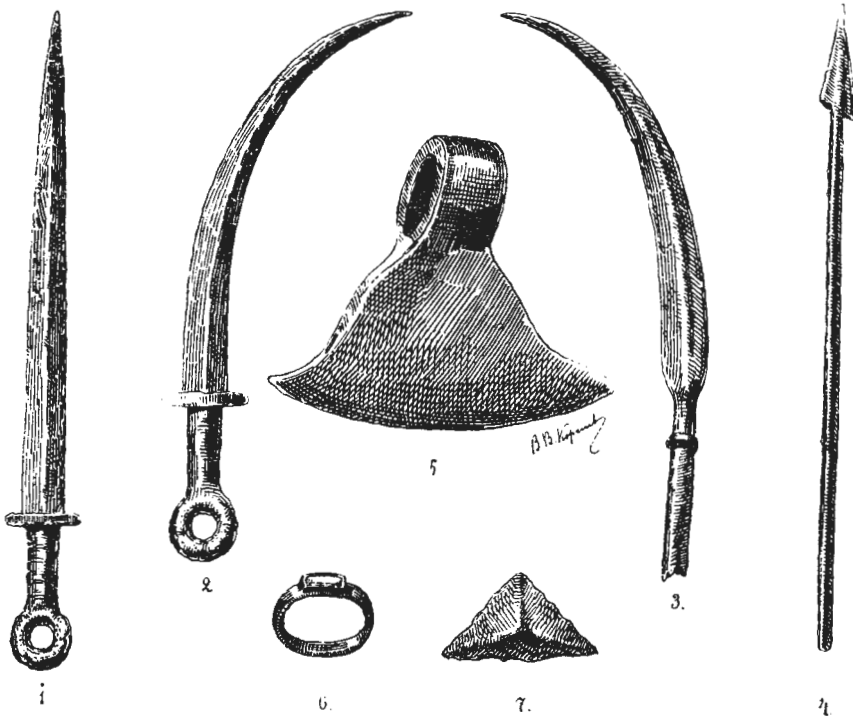
Остатки этой крѣпостной линіи и ея редутовъ до сихъ поръ еще видны кое-гдѣ въ Самарской губерніи. Между селами Алексѣевскимъ (бывшая крѣпость Алексѣевская) и Студенцами, верстахъ въ 25-ти отъ г. Самары, при устьѣ р. Кинели донынѣ сохранилось небольшое, уже частію обвалившееся земляное, четырехугольное укрѣпленіе, сажени 2 вышины и около двухъ ширины, съ двумя чуть-чуть замѣтными амбразурами въ степную сторону и съ углубленіемъ внутри, изъ котораго идетъ подземный ходъ въ другое, немного менѣе перваго, укрѣпленіе. Впереди этихъ укрѣпленій имѣется значительной толщины валъ съ глубокимъ рвомъ впереди.

Мѣстность около ровная. Саженьяхъ въ 70-ти пролегаетъ дорога на г. Бугульму. Кое-гдѣ передъ укрѣпленіями растутъ кустарники, остатки прежняго непроходимаго сосноваго бора, уцѣлѣвшаго теперь только дальше къ селу Бобровки.

Поселяне не разъ во время пахоты выкапывали изъ земли около вала, во рву и въ самомъ валу холодное казацкое и туземное оружіе, челювѣческіе и конскіе черепа, кости и даже древнія серебряныя монеты, хотя послѣднихъ очень мало. Старожилы приписываютъ эти находки остаткамъ отъ стычекъ сторожевыхъ казаковъ съ киргизами, происходившихъ при Кинельскомъ, какъ флангомъ, редутѣ довольно часто въ былое время.

Не мало также находится въ Приволжскихъ мѣстахъ такихъ находокъ, которыя ясно указываютъ на господство здѣсь шаекъ удалой волжской вольницы.

Близъ с. Царевщины, не болѣе версты отъ берега Волги, позади неособенно высокаго вала, у подножія крутой горы, есть нѣсколько пещеръ, лицомъ къ рѣкѣ. Въ 1888 году, въ одной изъ нихъ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина въ землѣ, были найдены: старый

Древнія вещи, найденныя въ Бугульминской пещерѣ.

1 и 2, сабли.—3 и 4, конья.—5, топоръ.—6, кольцо.—7, кусокъ серебра.

заржавленный кинжалъ и золотниковъ въ семь кусокъ серебра, клинообразной формы.

Кругомъ горы лѣсъ, лѣвѣе глубокой оврагъ, а самая вершина совершенно голая, только полусгнившій дубъ сторожить одну изъ главъ приволжскихъ великановъ. Случайно, въ 1889 году, проходя по этой горѣ, г. Лисовскій вмѣстѣ съ мѣстнымъ лѣсничимъ удѣльнаго вѣдомства замѣтили въ дуплѣ дерева маленькій, четверти въ полторы, окованный желѣзомъ, деревянный сундучекъ, запертый внутреннимъ замкомъ. Когда они вскрыли его, то въ немъ оказались уже совсѣмъ истлѣвшія ассигнаціи Екатерининскихъ временъ.

Но что всего больше достойно вниманія, такъ это подземныя пещеры въ Бугульминскомъ уѣздѣ, къ сожалѣнію, еще никѣмъ не изслѣдованныя.

Крестыяне сельца Малый Толкай верстахъ въ 40 отъ Бугульмы, близъ р. Сокъ, на совершенно ровной степной мѣстности, показываютъ неправильной формы, съ какими-то своеобразными зигзагами, по всей вѣроятности, происшедшими отъ обвала, глубокую яму, сажень восемь въ поперечникѣ, довольно крутой спускъ которой ведетъ въ подземелье, представляющее квадратную комнату въ 3 саж. вышины и около сажени по сторонамъ. Изъ нея коридоромъ идетъ отверстіе въ другое подземелье, около 10 саж. ширины и 12 саж. длины. За нимъ такихъ же размѣровъ еще одно и наконецъ втрое больше двухъ первыхъ комната съ озеромъ посрединѣ, приблизительно аршинъ шесть въ діаметрѣ.

Озеро, повидимому, глубокое, вода въ немъ чистая, свѣжая, такъ какъ оно питается родниками. На берегахъ его валяются кости животныхъ и людей. Далѣе слѣдоваль еще рядъ комнатъ, малыхъ и большихъ, отъ 4 до 12 саж. длины и ширины, съ природными хрящеватыми стѣнами, съ единственнымъ по одному направленію коридоромъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ комнатъ были еще найдены предметы древности, какъ-то: серебряное кольцо около вершка въ поперечникѣ съ громаднымъ кускомъ бирюзы, часть человѣческой ноги—голень въ 1¹/₂ арш. длины, масса заржавѣвшаго оружія, по виду туземнаго: сабли, въ видѣ турецкихъ ятагановъ, обоюдоострыя копья съ длинными желѣзными древками, какія-то еще орудія, отчасти похожія на индійскіе томагавки, старинной формы, топоръ безъ топорща, кусочекъ серебра въ 10 золотниковъ вѣса съ вкрапленными въ немъ частицами земли и камней и деревянныя полусгнившія колеса огромныхъ размѣровъ.

Когда и какъ образовалось это подземелье, о томъ нѣтъ никакихъ ни историческихъ, ни легендарныхъ указаній. На притонъ разбойниковъ оно не походитъ, и надо думать скорѣе, что это было прибѣжище прежнихъ кочевавшихъ племень, прятавшихъ тутъ свои достатки отъ другихъ сильныхъ народовъ, тѣснившихъ ихъ. По всей вѣроятности, это остатки отъ народа чудскаго, защищавшаго свои поля и нажитое трудомъ добро отъ свирѣпыхъ полчищъ ногаевъ, вытѣснившихъ вполсѣдствіи природныхъ обитателей приволжскихъ степей въ непривѣтливая, непроходимыя тундры Сибири.

По рассказамъ стариковъ, Бугульминскія подземныя пещеры тянутся болѣе 40 верстъ, кончаясь далеко за предѣлами этого уѣзда къ сторонѣ Волги.

Лѣтомъ 1888 года какой-то татаринъ, слѣдуя изъ Казани пѣшкомъ, провалился въ это подземелье и, не имѣя возможности выйти

изъ него на свѣтъ Божій, пошелъ бродить по нему, отыскивая выходъ. Цѣлый день пробродилъ онъ въ темнотѣ, и только къ вечеру на его крикъ, пахавшій близъ вышепоказанной ямы, крестьянинъ помогъ ему выбраться оттуда.

Потомъ оказалось, что онъ прошелъ этимъ подземельемъ слишкомъ 37 верстъ.

П. Юдинъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ В. И. МЕЖОВА.

«Мы, современники, обязаны облегчать трудъ потомства, а не затруднять его неполнотою или превратною заготовляемыхъ для него матеріаловъ».

В. И. Межовъ.

СРЕДИ НЕБОЛЬШАГО кружка русскихъ библиографовъ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, чаще другихъ появлялся съ своими работами неутомимый и беззаветно преданный дѣлу труженикъ — Владимиръ Измайловичъ Межовъ, недавно, 17 мая, успокоившійся въ могилѣ петербургскаго Смоленскаго кладбища.

Немногими сухими свѣдѣніями очерчивается жизнь покойнаго библиографа. «Межовъ, Владимиръ Измайловичъ, — писалъ онъ самъ, — родился 17 мая 1831 года въ городѣ Саратовѣ; воспитывался въ Гатчинскомъ Сиротскомъ институтѣ, гдѣ кончилъ курсъ наукъ въ 1851 (или 1852) году; поступилъ на службу, годъ спустя, въ Императорскую Публичную Библиотеку, гдѣ и прослужилъ 14 лѣтъ»¹⁾. Но зато наиболѣе полное и ясное понятіе объ утраченномъ дѣятелѣ даютъ его библиографическіе труды, которымъ мы и посвящаемъ предлагаемую статью.

Владимиръ Измайловичъ Межовъ впервые выступилъ въ печати съ такъ называемыми «Библиографическими листками», приложенными къ «Отечественнымъ Запискамъ» (1856 года, 312—XXVII стр.; 1857 года, 314—LVII стр.). Подъ такимъ заго-

¹⁾ См. альбомъ М. П. Семевскаго: «Знакомые», Спб., 1888 г., стр. 170.

ловкомъ онъ сообщилъ «списки» книгъ, нотъ, листовъ и эстамповъ, вышедшихъ въ теченіе двухъ лѣтъ и поступившихъ въ Императорскую Публичную Библиотеку, а также и рецензіи на нѣкоторыя, наиболѣе важныя сочиненія. По оцѣнкѣ извѣстнаго знатока — Геннади, «это — самый полный и отчетливый перечень книгъ, изданныхъ въ Россіи за 1856 и 1857 годы»¹⁾.

Вслѣдъ затѣмъ молодой библиографъ занялся матеріалами для исторіи русской журналистики и въ теченіе десяти лѣтъ почти непрерывно печаталъ свои изслѣдованія, подъ названіемъ: «Повременныя изданія въ Россіи за 1858 — 1867 годы» (Библиографическія Записки, 1858 г., № 15, стр. 460—477; 1859 г., № 5, стр. 149—159; № 6, стр. 185—187; № 16, стр. 496—510; № 17, стр. 528—536; Книжный Вѣстникъ, 1860 г., № 9—21; 1863 г., № 22—24; 1864 г., № 1—3, 6 и 7; 1867 г., № 12—13)²⁾. Прямою цѣлю изслѣдователя было желаніе дать позднѣйшимъ составителямъ исторіи русской журналистики и словесности готовый матеріалъ, котораго главнымъ и необходимымъ условіемъ являлись точность и полнота свѣдѣній. «Если, — говорилъ онъ, — не составлять ежегодно вѣрнаго библиографическаго указателя, то лѣтъ черезъ десять никакимъ образомъ нельзя будетъ найти пути въ лабиринтъ нашихъ повременныхъ изданій, особенно тѣхъ, эфемерное существованіе которыхъ было извѣстно весьма немногимъ. Такъ я вполнѣ увѣренъ, что многіе изъ журналовъ и газетъ, помѣщенные въ моемъ спискѣ, неизвѣстны не только массѣ публики, но врядъ ли попадались на глаза даже нашимъ записнымъ библиографамъ». Дѣйствительно, слова Межова вполнѣ оправдались: въ настоящее время его трудъ служить главною путеводною нитью для тѣхъ, кто желаетъ познакомиться съ русскими періодическими изданіями за 1858—1867 годы, и уже давно признанъ почти безусловно необходимымъ по исполненію³⁾.

Одновременно съ названнымъ изслѣдованіемъ, В. И. Межовъ принялся за составленіе «библиографическихъ указателей» по различнымъ отраслямъ знанія и продолжалъ вести такіе труды, можно сказать, до послѣднихъ дней своей жизни. Они постепенно появились въ видѣ слѣдующей довольно большой вереницы:

1) «Библиографія за 1856 и 1857 годы», М., 1859 г., IV + 444 стр. Изданіе журнала «Русская Бесѣда».

2) «Библиографическій указатель вышедшихъ въ 1859—1862 годахъ въ Россіи книгъ и статей по части языкознанія» (Филологи-

¹⁾ «Литература русской библиографіи», Г. Н. Геннади, Спб., 1858 г., стр. 19.

²⁾ Этотъ трудъ В. И. Межова вышелъ и отдѣльными оттисками: М., 1858 г., 31 стр.; М., 1859 г., 36 стр.; Спб., 1861 г., 204 стр., и 1864 г., 30 стр.

³⁾ См. о томъ «Библиографическія Записки», 1861 г., № 6, стр. 172—176, и № 17, стр. 535—537.

чекія Записки, 1860 г., вып. V — VI, стр. 315 — 331; 1862 г., вып. VI, стр. 1—24). Отдѣльные оттиски: Воронежъ, 1860 г., 19 стр., и 1864 г., 34 стр.

3) «Литература русской географіи, статистики и этнографіи за 1859 — 1880 годы». Этотъ «Указатель книгъ и статей» по названнымъ наукамъ печатался ежегодно въ «Запискахъ» или «Вѣстникѣ Императорскаго Географическаго Общества»; затѣмъ, также ежегодно появлялся отдѣльными оттисками или выпусками; наконецъ, былъ изданъ въ девяти томахъ подъ вышеприведеннымъ заголовкомъ (Спб., 1864 г., т. I; 1867 г., т. II; 1870 г., т. III; Спб., 1873 г., т. IV; Спб., 1874 г., т. V; Спб., 1877 г., т. VI; Спб., 1878 г., т. VII; Спб., 1880 г., т. VIII; Спб., 1883 г., т. IX).

4) «Алфавитный указатель къ «Отечественнымъ Запискамъ», 1854—1858 годы». Спб., 1860 г., 123 стр.

5) «Библиографическій указатель книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, вышедшихъ въ Россіи въ 1858 и 1859 годахъ» (Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1860 г., ч. XL—XLV, кн. 2—4, 9—12; 1861 г., ч. XLVI—XLVIII, кн. 1—6). Отдѣльно: Спб., 1860—1861 г., двѣ книги.

6) Библиографія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ южно-русскомъ краѣ (Основа, 1861 г., № 3, стр. 85—98).

7) Матеріалы для исторіи русской словесности, или указатель книгъ и журнальныхъ статей, вышедшихъ въ 1859 году» (Книжный Вѣстникъ, 1861 г., №№ 11—21).

8) «Программа сочиненія: Литература вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ», Спб., 1861 г., 16 стр.

9) Библиографическій указатель книгъ и журнальныхъ статей, относящихся до южно-русскаго края» (Основа, 1861 г., № 8, стр. 125—126; №№ 11—12, стр. 117—132).

10) «Библиографическій указатель галицко-русской литературы» (Основа, 1862 г., № 6, стр. 104 — 109). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1862 г., 38 стр.

11) «Библиографическій указатель русской археологической литературы за 1859—1861 годы» (Извѣстія Импер. Археологическ. Общества 1862 г., т. IV, вып. I, стр. 76 — 87; вып. II, стр. 174 — 185; вып. III, стр. 243 — 254). Отдѣльно: Спб., 1862 г., 52 стр. Тотъ же «Указатель» за 1862—1865 годы: Спб., 1868 г., 129 стр. Тотъ же «Указатель» за 1866—1868 г.: Спб., 1872 г.

12) «Библиографическій указатель этнографическихъ сочиненій и статей, изданныхъ на русскомъ языкѣ въ Россіи» (Этнографическій Сборникъ, 1862 г., вып. V, стр. 1—50).

13) «Библиографическій указатель вышедшихъ въ Россіи въ 1859, 1860 и 1861 годахъ, книгъ и статей по части педагогики, дидактики и методики» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1862 г., ч. CXVI, кн. 11, приложение). Отдѣльно: Спб., 1862 г., 161 стр. Тотъ же «Указатель за 1862 годъ» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1863 г., ч. CXVIII, приложение). Отдѣльно: Спб., 1863 г., 119 стр. Тотъ же «Указатель за 1863 годъ» (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1864 г., ч. CXXXII, приложение). Отдѣльно: Спб., 1864 г., 125 стр. Затѣмъ эти «Указатели», собранные вмѣстѣ, составили изданіе: «Литература русской педагогики, дидактики и методики», Спб., 1864 г., т. I; Спб., 1865 г., т. II; Спб., 1874 г., т. III.

14) «Библиографическій указатель русской этнографической литературы» (Этнографическій Сборникъ, 1864 г., вып. VI, стр. 1 — 82) Отдѣльно вмѣстѣ съ «Указателемъ», названнымъ выше (№ 11): Спб., 1864 г., 132 стр.

15) «Юридическая библиографія»: указатель книгъ и статей по части правовѣдѣнія за 1859—1864 годы (Журналъ Министерства Юстиціи, 1864 г., т. XX, кн. 4, отд. III, стр. 249 — 360). Отдѣльный оттискъ: Спб., 1864 г., 111 стр. То же за 1864 годъ (Журналъ Министерства Юстиціи, 1865 г., кн. 7). То же за 1865 годъ (тамъ же, 1866 г., кн. 7). То же за 1866 годъ (тамъ же, 1867 г., кн. 8). Всѣ эти «Указатели» собраны въ одинъ томъ, подъ заглавіемъ: «Литература русскаго правовѣдѣнія за 1859—1886 годы» (Спб., 1867 г., т. I).

16) «Крестьянскій вопросъ въ Россіи». Полное собраніе матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса на языкахъ русскомъ и иностранныхъ, напечатанныхъ въ Россіи и за границею, 1764—1864 гг. Спб., 1865 г., VIII + VI + 421 стр. Часть этого труда, обнимающая сочиненія на иностранныхъ языкахъ, вышла подъ заглавіемъ: «Question de l'emancipation des paysans en Russie», Спб., 1865 г.

17) «Литература русской исторіи за 1859—1864 годы», Спб., 1866 г., т. I, XVIII + 418 стр.

18) «Библиографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ» (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1869—1872 гг., ч. CXLIV—CLVI).

19) Краткій статистическій и библиографическій обзоръ литературы русскаго отечественнаго правовѣдѣнія», Спб., 1870 г., 26 стр.

20) «Перечень статей о М. Ю. Лермонтовѣ» («Записки Е. А. Хвостовой», Спб., 1870 г., стр. 258—259).

21) «Юбилей Ломоносова, Карамзина и Крылова». Библиографическій указатель книгъ и статей, вышедшихъ по поводу этихъ юбилеевъ. Спб., 1871 г., IV + 67 + XI стр.

22) «Библиографическій указатель книгъ и статей, относящихся до обществъ, основанныхъ на началахъ взаимности, артелей, положенія рабочаго сословія и мелкой кустарной промышленности въ Россіи», Спб., 1872 г., 42 стр. Прибавленіе первое: Спб., 1873 г. Прибавленіе второе: Спб., 1876 г. Прибавленіе третье: Спб., 1882 г. Прибавленіе четвертое: Спб., 1887 г. Прибавленіе пятое: Спб., 1889 г.

23) «Исторія русской и всеобщей словесности». Библиографическіе матеріалы, расположенные въ систематическомъ порядкѣ и касающіеся литературъ: русской и другихъ славянскихъ нарѣчій, западно-европейской, сѣверо-американской, классической и восточной, за послѣднія 16 лѣтъ (1855—1870 гг.). Спб., 1872 г., XXIII + 708 стр.

24) «Земскій и крестьянскій вопросы». Библиографическій указатель книгъ и статей. Спб., 1873 г.

25) «Библиографическія монографіи». Труды центрального и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Библиографическій указатель книгъ и статей. Спб., 1873 г., IV + 128 стр.

26) «Библиографія еврейскаго вопроса въ Россіи, съ 1855 по 1873 годъ». Спб., 1874 г. и 1875 г.

«истор. вѣстн.», поль, 1894 г., т. LVII.

12

27) «Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ». Библиографическій указатель книгъ и статей о прямомъ обложеніи въ Россіи и за границей. Спб., 1879 г., XXXII + 122 (вмѣстѣ съ А. Н. Субботинымъ).

28) «Юбилей Петра Великаго». Библиографическій указатель литературы Петровскаго юбилея 1872 года съ прибавленіемъ книгъ и статей о Петрѣ I (1865—1876 гг.). Спб., 1881 г., XVI + 230 стр.

29) «Благотворительность въ Россіи». Библиографическій указатель книгъ и статей. Спб., 1883 г., IX + 386 стр.

30) «Вкладъ правительства, ученыхъ и другихъ обществъ на пользу русскаго просвѣщенія». Библиографическій указатель книгъ и статей. Спб., 1886 г., III + V + 348 стр.

31) «Открытие памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ въ 1880 году». Сочиненія и статьи, написанныя по поводу этого торжества. Спб., 1885 г., II + 62 + VII стр.

32) «Puschkiniana». Библиографическій указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочиненій и вызванныхъ ими произведеній литературы и искусства. Спб., 1886 г., V + II + 405 + 1 стр.

33) «Сергѣй Тимоѣевичъ Аксаковъ». Библиографическій указатель книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ его (1816—1852 гг.). Спб., 1888 г., 25 стр.

34) «Туркестанскій сборникъ». Систематическій и азбучный указатель сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и Туркестанскаго края въ особенности, т. 1—150, Спб., 1878 г., VII + 184 стр.; т. 151—300, Спб., 1884 г., VIII + 166 стр.; т. 301—416, Спб., 1888 г., VI + 134 стр.

35) «Сибирская библиографія». Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однѣхъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Тома I—III и отдѣльный выпускъ, содержащій азбучные указатели именъ авторовъ и предметовъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб., 1891—1892. Томъ I: 1891 г., XII + 485 стр. Томъ II: 1891 г., X + 470 стр. Томъ III: 1892 г., X + 303 стр. Выпускъ съ азбучными указателями: 1892 г., 188 стр.

36) «Библиографія Азіи». Указатель книгъ и статей объ Азіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Тома I—II. Спб., 1891—1892 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ названныя библиографическія работы В. И. Межова имѣли важное значеніе для успѣховъ русской науки и, безспорно, еще до сихъ поръ служатъ твердыми руководительными нитями для тѣхъ, кто принимается за изслѣдованія разныхъ научныхъ вопросовъ. Самъ покойный библиографъ вѣрно понималъ цѣль и пользу такихъ трудовъ. «Одна изъ главныхъ причинъ слабаго и неровнаго движенія у насъ науки,—писалъ онъ,—заключается въ отсутствіи библиографическихъ указателей. Дѣйствительно, ученый или писатель, который пожелалъ бы обработать извѣстный вопросъ, будетъ поставленъ въ довольно затруднительное положеніе, не имѣя подъ руками указаній на то, что было написано до него по тому же вопросу. Если онъ захочетъ поступить добросовѣстно, то, само собою разумѣется, прежде долженъ будетъ заняться приготовительными работами, т.-е. отыскиваніемъ

въ массѣ періодическихъ изданій и книгъ пригоднаго для себя матеріала. Сколько драгоценнаго времени, потеряннаго вслѣдствіе этого для науки! Сколько трудовъ, часто не вознагражденныхъ счастливою находкою!...

Но перечисленные нами «библіографическіе указатели» Межова, какъ показываетъ списокъ, были посвящены только нѣкоторымъ «спеціальностямъ» или частнымъ отдѣламъ знанія. Между тѣмъ, покойный бібліографъ уже давно стремился осуществить другую, болѣе важную и весьма трудную задачу: издать «полную роспись русскихъ книгъ и статей, напечатанныхъ въ текущемъ столѣтіи». Онъ, прежде всего, принялъ на себя веденіе «библіографическаго списка новыхъ книгъ» на страницахъ «Книжнаго Вѣстника» и въ теченіе четырехъ лѣтъ (1860—1863 гг.), по сознанію редакціи, «съ безукоризненною точностію и полнотою, своими отличительными качествами», выполнялъ принятую обязанность. Мало того: онъ впервые присоединилъ къ этой своей «книжной росписи» краткіе критическіе отзывы о нѣкоторыхъ изданіяхъ и затѣмъ издалъ ее отдѣльно, подъ названіемъ: «Каталогъ книжной торговли Сеньковскаго и К^о» (Спб., 1863 г., 185 стр.).

Вслѣдъ за этимъ пробнымъ трудомъ, В. И. Межовъ приступилъ къ такому труду, который, по справедливому замѣчанію составителя, «совсѣмъ не появлялся не только въ нашей печати, но и ни въ одной изъ западныхъ литературъ»: это—«Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ», съ указаніемъ критическихъ статей, рецензій и бібліографическихъ замѣтокъ. Онъ издавался, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, по слѣдующему плану: первая книга вышла подъ указаннымъ заголовкомъ, какъ изданіе книжнаго магазина А. Ф. Базунова (Спб., 1869 г., XIII+995+2 стр.); затѣмъ слѣдовали—Первое прибавленіе къ «Систематическому каталогу» (Спб., 1870 г., X+CXVI+199 стр.), Второе прибавленіе за 1870 годъ (Спб., 1871 г., VIII+LIX+XX+180 стр.), Третье и четвертое прибавленія за 1871—1872 годы (Спб., 1873 г., 328 стр.), Пятое и шестое прибавленія за 1873—1874 годы (Спб., 1875 г., 414 стр.), также всѣ изданныя А. Ф. Базуновымъ; послѣ того, какъ необходимое продолженіе, явились: Систематическій каталогъ русскихъ книгъ за 1875—1876 годы (Спб., 1877 г., XX+583 стр.) и «Систематическій каталогъ русскихъ книгъ за 1877—1878 годы» (Спб., 1880 г., IV+627 стр.),—изданія книжнаго магазина Я. А. Исакова; наконецъ, послѣдующіе выпуски «Систематическаго каталога» уже носили заглавія: «Третье прибавленіе къ Систематической росписи книгамъ, продающимся въ книжныхъ магазинахъ И. И. Глазунова, за время съ 1873 по январь 1881 года» (Спб., 1882 г., XVI+936+12*

252 стр.)¹⁾, Четвертое прибавленіе за 1881—1882 годы (Спб., 1884 г., IV+580 стр.) и Пятое прибавленіе за 1883—1887 годы (Спб., 1889 г., VI+999 стр.).

Высокія достоинства этого обширнаго и, увы, теперь неоконченнаго труда давно уже признаны всѣми библиографами. Особенно занялся его разборомъ С. И. Пономаревъ, который, указывая на полноту матеріала, на практичность системы и въ то же время отмѣчая лишь мелочныя неточности или невольныя ошибки, выразилъ въ заключеніи такое мнѣніе: «нельзя не быть особенно признательнымъ г. Межову за указаніе, при книгахъ, критическихъ статей, рецензій и замѣтокъ о нихъ, это—одна изъ счастливейшихъ мыслей, какія когда либо приходили въ голову библиографа; это—великая помощь для всякаго специалиста, и въ этомъ отношеніи каталогъ г. Межова, пожалуй, является единственнымъ во всѣхъ литературахъ...»²⁾.

Наконецъ, еще работая надъ изданіемъ «Систематическаго каталога», В. И. Межовъ рѣшилъ начать печатаніе новаго огромнаго труда, подъ названіемъ «Русская историческая библиографія». Какъ извѣстно, съ такимъ заголовкомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, издавался П. и Б. Ламбиными превосходный библиографическій указатель книгъ и статей по исторіи и другимъ близкимъ къ ней наукамъ, напечатанныхъ въ десятилѣтній періодъ, за 1855—1864 годы (Спб., 1861—1884 гг., десять томовъ). Покойный Межовъ, трудолюбиво собирая разнообразныя библиографическіе матеріалы, счелъ возможнымъ, съ одной стороны, продолжить названную работу гг. Ламбиныхъ и, благодаря поддержкѣ Императорской Академіи Наукъ, довольно быстро напечаталъ свой указатель, подъ тѣмъ же заголовкомъ: «Русская историческая библиографія за 1865—1876 годы включительно» (Спб., 1882—1890 гг., восемь обширныхъ томовъ). Съ другой же стороны, предъ нимъ ясно открывалось отсутствіе полнаго справочнаго указателя за еще бѣльшій періодъ нашей исторической литературы XIX вѣка, отъ 1800 до 1854 года. Имѣя подъ руками кипы выписокъ, веденныхъ, по его словамъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, онъ, на средства И. М. Сибирякова, началъ выпускать изданіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Русская историческая библиографія: указатель книгъ и статей по русской и всеобщей исторіи и вспомогательнымъ наукамъ, за 1800—1854 годы включительно». Уже вышли три тома этого монументальнаго труда (Спб., 1892—

¹⁾ Для яснаго пониманія такого страннаго заголовка необходимо сдѣлать примѣчаніе, что И. И. Глазуновъ издалъ «Систематическую роспись книгамъ» за десятилѣтіе, 1855—1866 гг. (Спб., 1867 г.), и два «Прибавленія» къ ней, за 1867—1872 гг. (Спб., 1869 и 1874 гг.).

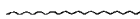
²⁾ См. «Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ», 1877 г., т. XVII, стр. XII—XXVII.

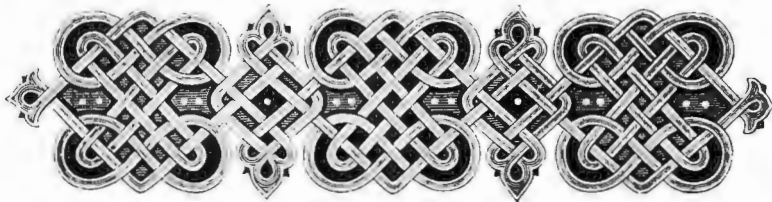
1894 г.); оставалось издать столько же частей, чтобы окончить многолѣтнюю работу; но... на подорогѣ къ цѣли труженникъ-библіографъ опочилъ навѣки...

Вотъ главные библіографическіе труды, которыми В. И. Межовъ приобрѣлъ себѣ имя и почетную извѣстность въ области русскаго книговѣдѣнія. Но чтобы довершить полную обрисовку непрерывной дѣятельности покойнаго, необходимо указать еще на нѣкоторыя его работы, меньшія по объему, какъ, на примѣръ: разборъ «Каталога Тифлисскаго Библіотеки» (Книжный Вѣстникъ, 1862 г., № 11), поправки къ статьѣ О. Леонтовича: «Указатель источниковъ и изслѣдованій по исторіи славянскихъ законодательствъ» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1868 г., ч. СХХХVII, кн. 3), «Библіографическая продѣлка» (Голосъ, 1865 г., №№ 155 и 176), разборъ «Русской Исторической Библіографіи», П. и Н. Ламбиныхъ (Женскій Вѣстникъ, 1867 г., № 9, стр. 33—43), «О составленіи общаго библіографическаго указателя русскою повременной литературы» (Русск. Старина, 1871 г., кн. 10, стр. 449—451), «Письмо по поводу изданія каталога» (Россійская Библіографія, 1881 г., № 79): «Практическіе совѣты начинающимъ заниматься библіографіей» (тамъ же, № 99, стр. 540—546; отдѣльно: Спб., 1881 г., 31 стр.), «О баснѣ: Обѣдъ у Медвѣдя» (Библіографъ, 1885 г., № 2), «Къ біографіи А. С. Пушкина» (тамъ же, 1887 г., №№ 3 и 6—7), «Къ исторіи составленія библіографическихъ указателей къ русскимъ періодическимъ изданіямъ прошедшаго времени» (№№ 4—5), «Воспоминаніе о З. М. Пенкиной (Триполитовой), первой женщины-библіографѣ» (тамъ же, 1888 г., № 4), «Къ біографіи объ А. Н. Сѣровѣ» (Библіографъ, 1889 г., № 12) и «Rossica» Bibliographie des livres et des articles, concernant la Russie» (Приложеніе къ «Библіографу» за 1888 г., №№ 7—8, и за 1889 г., №№ 11—12). Наконецъ, надо назвать одну работу, которая, по своему характеру, стоитъ особнякомъ отъ перечисленныхъ трудовъ покойнаго библіографа: это—его брошюра, подъ названіемъ: «Ядовитыя свойства табака и гибельное вліяніе ихъ на человѣческой организмъ» (Спб., 1871 и 1880 г., два изданія).

Въ заключеніе этой статьи, намъ остается упомянуть, что покойный В. И. Межовъ справедливо выразился о своей многолѣтней и неустанной дѣятельности въ такихъ словахъ: «знаю по опыту, что библіографическая работа скучна, тяжела и къ тому же неблагодарна въ матеріальномъ отношеніи; но я старался по возможности добросовѣстно выполнить свой трудъ»...

Дм. Языковъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ АСТЫРЕВЪ.

(Некрологъ).

ТРЕТЬЯГО ЮНЯ текущаго года русское общество понесло новую утрату: смерть вырвала изъ рядовъ нашихъ народниковъ-беллетристовъ Николая Михайловича Астырева. Нервный ударъ скосилъ окончательно его и безъ того надорванное трудами, лишеніями и всяческими горестями здоровье, и ворота Ваганьковского кладбища, этого печальнаго московскаго литературнаго пантеона, еще разъ открылись, чтобъ пропустить толпу молодежи, писателей и ученыхъ, бережно несшихъ къ отверзтой могилѣ прахъ безвременно скончавшагося изслѣдователя народной жизни.

Чувство щемящей боли проникаетъ въ сердце на краю всякой могилы; но особенно возрастаетъ это чувство, когда на вѣки прощаешься съ молодой жизнью, только что успѣвшею расцвѣсть и уже побитой ранними морозами.

Тяжело умирать,
Хорошо умереть...

вырвался крикъ у изстрадавшагося отъ болѣзней поэта, прошедшаго длинный житейскій путь, создавшаго себѣ громкое имя, извѣстность и почетное положеніе въ литературѣ. Но врядъ ли эти стихи примѣнимы къ писателю, еще не успѣвшему, подъ гнетомъ жизненныхъ обстоятельствъ, развернуть всѣ свои силы и повѣдать чутко слушающей аудиторіи весь запасъ своихъ наблюденій, выводовъ и указаній. Тяжелъ былъ жизненный путь Астырева, много страданія вынесло его нѣжное сердце, и судьба съ какой-то упорной жестокостью дразнила и преслѣдовала его съ самаго ран-

ного возраста; но покойный не падалъ подъ бременемъ невзгодъ, не черствѣлъ сердцемъ и умомъ, а выходилъ изъ всѣхъ испытаній бодрымъ, вѣрующимъ и всегда готовымъ на новыя жизненныя битвы. Запасъ энергіи былъ въ немъ великъ, онъ жилъ, «волнуясь и слѣша», точно предчувствуя свой недолгій вѣкъ. Не кабинетная тишь и покой, не громкая карьера «дѣятеля» и сановника манили его къ себѣ, хотя все это могло быть въ его распоряженіи, нѣтъ, не сюда направлялись его симпатіи; «милая, добрая провинція», «неразгаданный еще сфинксъ, русскій народъ», «полныя драматизма картины деревенской жизни», какъ онъ говаривалъ и писалъ, привлекали его глубоко вдумчивый взоръ, и сюда несъ онъ всѣ свои силы, помыслы и труды. Онъ жилъ въ народъ и для народа; горести и страданія, радости и благополучіе послѣдняго составляли краеугольный камень всей его дѣятельности и практической и теоретической. И, когда со временемъ будущій историкъ нашего общественнаго развитія за послѣднія два десятилѣтія будетъ говорить о такъ называемомъ «народническомъ движеніи», онъ, конечно, не забудетъ отвести на своихъ страницахъ почетное мѣсто Николаю Михайловичу, поставивъ его вслѣдъ за Левитовымъ, Рѣшетниковымъ, Гл. Успенскимъ, Златовратскимъ и другими писателями той же категоріи.

Н. М. Астыревъ родился 16 ноября 1857 г. въ г. Тихвинѣ Новгородской губерніи. Воспитаніе онъ получилъ въ домѣ одного богатаго отставнаго генерала, и съ ранняго дѣтства его окружали комфортъ и удобства: бонны, гувернеры, учителя имѣли о немъ тщательное попеченіе, и, казалось, все сулило счастье и благополучіе; но на 9-мъ году все измѣнилось, и мальчикъ былъ оторванъ отъ своей среды—его отдали полнымъ пансіонеромъ въ 1-ю С.-Петербургскую гимназію, а съ 14 лѣтъ ему уже самому пришлось добывать дневное пропитаніе репетиторствомъ и частными уроками. Съ IV класса Астыревъ простился съ Петербургомъ и перешелъ въ VI Московскую гимназію, но тяжкая болѣзнь прервала на годъ правильный ходъ занятій, и ему не удалось окончить курса въ классической гимназіи. По выздоровленіи, онъ поступилъ въ только что открывшееся реальное училище, которое и окончилъ въ 1878 г.; осенью того же года онъ опять переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ зачислился студентомъ Института инженеровъ путей сообщенія. Здѣсь онъ пробылъ недолго — всего 1½ года; карьера желѣзно-дорожнаго дѣльца не прельщала его. Его волновали тогда вопросы социальныя и экономическіе, какъ волновали они большинство передовой молодежи того времени. Астыреву хотѣлось помочь народу, сблизиться съ нимъ, «сѣсть на землю», какъ тогда говорилось словами Гл. Успенскаго. Этотъ писатель имѣлъ значительное вліяніе на Николая Михайловича, какъ равно и другіе представители народнической литературы, группировавшіеся въ

«Отечественныхъ Запискахъ» вокругъ Щедрина, Елисеѣва, Н. Михайловскаго. Съ студенческой средой Н. М. уже достаточно ознакомился—это была главная цѣль его поступленія въ Институтъ, а жизнь въ городѣ, въ «культурной» средѣ къ тому времени стала ему неавистна. «Необезпеченный матеріально,—говоритъ Астыревъ въ своемъ трудѣ «Въ волостныхъ писаряхъ»,—я не могъ вполнѣ покинуть житейскаго омута, чтобы съ большей или меньшей для себя пользой и пріятностію пережидать непогоду, но долженъ былъ непрестанно работать изъ-за куска хлѣба. Конторскія занятія, единственныя для меня доступныя, опротивѣли мнѣ въ конецъ, благодаря своей сухости и безжизненности; хотѣлось живаго дѣла, хотѣлось общенія съ живыми людьми, хотѣлось доказать самому себѣ свою пригодность на служеніе истиннымъ общественнымъ нуждамъ, а не на одно только служеніе интересамъ различныхъ «компаній» и «товариществъ»; думалось, что такое служеніе можетъ имѣть мѣсто единственно въ деревнѣ». Выборъ поприщъ въ этомъ направленіи невеликъ: народное учительство и сельское писарство. Первое было ему не по душѣ: перспектива казеннаго спеціального экзамена, перспектива возни съ ребятишками и обученія ихъ грамотѣ, не манили Астырева и побудили его отказаться отъ учительства и направить свои поиски ко второму, т. е. къ занятію писарскаго мѣста, предоставляющаго бѣльшій просторъ для практической дѣятельности въ деревнѣ. «Волость, этотъ центръ всего административнаго устройства крестьянства, и волостной писарь, представитель волости, умственный человѣкъ и законникъ, толкователь всякихъ распоряженій и ближайшій исполнитель ихъ—вотъ кто могъ бы принести громадную пользу въ дѣлѣ умственнаго развитія сельскаго населенія»,—таково было до конца дней убѣжденіе Николая Михайловича. И вотъ мы видимъ чрезвычайно оригинальное, можно сказать, единственное явленіе въ жизни нашей интеллигенціи: молодой человѣкъ изъ общества порываетъ связь съ средой и беретъ на себя страшно тяжелую задачу—сдѣлаться связующимъ звеномъ между крестьянствомъ и всѣмъ, что похоже на начальство. Незначительность содержанія (25—35 р. въ мѣсяцъ), масса отвѣтственной работы, для добросовѣстнаго выполненія которой необходимо напрягать чрезмѣрные усилія, косые взгляды деревенской интеллигенціи и аристократіи, начиная съ земскихъ дѣятелей и кончая собратьями по профессіи, недовѣріе сельскаго люда ко всякому «стрюцкому», все это не смущаетъ молодого энтузіаста, и онъ смѣло двигается къ намѣченной цѣли. Его стремленіе въ деревню не носило на себѣ того характера хожденія въ народъ, которое такъ прельщало въ 70-хъ и 80-хъ годахъ молодежь извѣстнаго направленія и которое описано въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей литературы, напримеръ, въ «Нови» Тургенева; равнымъ образомъ оно было далеко отъ Толстовскаго «опрощенія» и превращенія чуть ли не въ первобытное состояніе; ни того ни другого въ его стремленіяхъ не было.

Онъ шелъ во всеоружіи интеллигенціи къ темной массѣ, чтобъ поднять ее до себя, освѣтить окутавшую ее мглу, повѣдать мужику его права и обязанности, пробудить его «тяжелый сонъ, который навѣяли на него татарское иго, московская неволя и барское рабство. Онъ шелъ, чтобъ сказать народу: «ты спишь, заколдованный богатырь, а могучія твои руки и ноги заткали цѣпкой паутиной отвратительные пауки, кровь твою сосутъ паразиты, и на груди твоей усѣлись кучи жабъ и лягушекъ, громкимъ кваканьемъ торжествующія свою побѣду надъ соннымъ... Въ жилахъ твоихъ течетъ еще здоровая кровь, сердце твое еще бьется, но когда-то сильныя руки, грозныя для враговъ, беспомощно лежатъ плетми вдоль полумертваго тѣла, и только изрѣдка пробѣгающая, мимолетная и безрезультатная судорога напоминаетъ паразитамъ, что ты еще живъ,—и они еще быстрѣе начинаютъ ткать свои тенеты, еще безжалостнѣе сосать твою кровь... Встань, богатырь, разорви эти путы, пока тебѣ еще подь-силу ихъ разорвать, раздави паразитовъ, скорпіоновъ и жабъ, покуда они не отравили еще твоего организма»... («Въ волостныхъ писаряхъ», стр. 136—137).

Обстоятельства сложились благопріятно, и Астыревъ въ 1881 г. черезъ посредство одного пріятеля получилъ сначала мѣсто помощника писаря, а затѣмъ и писаря въ волостяхъ Воронежской губерніи. Три года его служенія селу «Кочетову» въ званіи писаря, всѣ мытарства и передраги по этой должности, описаны имъ шагъ за шагомъ въ цитированномъ уже, самомъ капитальномъ изъ всего имъ писаннаго, трудѣ «Въ волостныхъ писаряхъ. Очерки крестьянскаго самоуправленія». Какъ видно отсюда, Николаю Михайловичу подчасъ приходилось очень трудно, но вѣра въ торжество добра и правоту своей дѣятельности придавали ему бодрость и рѣшимость не покладать рукъ. Сначала недовѣрчивые, крестьяне скоро полюбили своего писаря и повѣрили безкорыстію его поступковъ; труды его иногда не пропадали даромъ: онъ подалъ крестьянамъ мысль о передѣлѣ земли и приступилъ къ осуществленію этой мысли, создалъ въ своемъ селѣ хорошій составъ гласныхъ, выдвинувъ умныхъ и способныхъ людей, ограничилъ взяточничество и поставилъ нѣкоторый предѣлъ деревенскимъ хищникамъ, начиная съ мироѣдовъ-односельчанъ и кончая «попомъ-кулакомъ». Но ретивость и энергія интеллигента-писаря пришлись не по вкусу мироѣдамъ и предводителю дворянства. Послѣдній, подъ вліяніемъ первыхъ, поставилъ вопросъ такъ, что Астыреву не осталось ничего другого сдѣлать, какъ подать въ отставку и оборвать только что налаживавшееся дѣло служенія народу. Судьба снова жестоко подсмѣялась надъ нимъ: пришлось проститься съ кочетовцами, производившими своего писаря съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія.

Какъ будто вихремъ бури злой

Мой дождь снесло, и я—изгнанникъ!—

могъ онъ воскликнуть словами Ив. Аксакова.

Когда Астыревъ вернулся въ Москву, его спрашивали: «Какую пользу принесли вы кочетовцамъ за эти годы, и поминаютъ ли васъ добромъ?» Грустный и на первый взглядъ странный отвѣтъ даетъ бывший волостной писарь: «...Я долженъ сознаться,—говоритъ онъ, — что плохо даю себѣ отчетъ, какъ меня поминаютъ кочетовцы, да и поминаютъ ли меня какъ нибудь?» Объясняется это тѣмъ, что «мужикъ—волостью, волостными дѣлами и своимъ всякаго рода начальствомъ нисколько не интересуется и даже не вспоминаетъ о немъ до момента своей личной нужды въ этой волости, въ этихъ старшинахъ и писаряхъ...». По мнѣнію Н. М., онъ о себѣ никакой памяти не оставилъ, ибо онъ для нихъ былъ не человѣкомъ интереснымъ самъ по себѣ, имѣющимъ съ ними общія дѣла, общіе интересы, а только — писаремъ, «наемной шкурой», какъ обозвалъ его одинъ обыватель въ пьяномъ видѣ. Не смотря на грустный тонъ такого отвѣта, убѣжденіе Астырева, однако, не клонится къ отрицанію пользы писарской службы, и не пессимизмомъ вѣетъ отъ слѣдующихъ его словъ: «Я и теперь не поколеблюсь сказать всякому изъ интеллигентовъ, который спросилъ бы меня: «идти ли туда?»— «идти, тамъ ваше мѣсто», точно также, какъ и самъ пойду, если... (но позвольте умолчать, въ чемъ заключается это «если»). И однако, не будучи лицомъ и узкопартийнымъ человѣкомъ, я не могу закрывать глаза и не видѣть самому, да и другимъ не указывать язвъ, разбѣдающихъ народный организмъ: надо знать, на что идешь и что тебя ожидаетъ; если не знаешь,—очень тебѣ трудно будетъ»...

Покинувъ мѣсто писаря, онъ недолго оставался безъ работы: извѣстный московскій статистикъ В. И. Орловъ, отправлявшійся въ Воронежскую губернію для организаціи статистическихъ изслѣдованій, пригласилъ Николая Михайловича въ число сотрудниковъ. Изъ статистиковъ воронежскаго земства онъ перешелъ въ статистическое бюро московскаго земства, временно работалъ также въ Орловскомъ земствѣ. Въ этотъ періодъ времени въ «Ежегодникѣ московскаго губернскаго земства» онъ печаталъ статьи по текущей сельско-хозяйственной статистикѣ. Изслѣдованія о земскомъ добровольномъ страхованіи отъ огня въ Московской губерніи принадлежатъ также его перу; наряду съ этими работами онъ печаталъ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» очерки о крестьянскомъ хозяйствѣ Воронежской губерніи. Въ 1887 г. иркутскій генераль-губернаторъ пригласилъ Астырева, какъ опытнаго изслѣдователя, для работъ по статистикѣ Иркутской и Енисейской губерній; ему же поручена была вся работа по изданію этого обширнаго труда, что и было имъ исполнено въ Москвѣ въ теченіе 1890—1891 гг. По общему признанію специалистовъ, какъ свидѣтельствуютъ «Русскія Вѣдомости», изслѣдованіе двухъ названныхъ губерній представляетъ собою одну изъ самыхъ выдающихся работъ въ нашей статистической лите-

ратурѣ, посвященной изученію народной жизни. Въ этомъ трудѣ Н. М. Астыреву принадлежала весьма видная роль. Въ «Сборникѣ» имѣ написаны нѣсколько самыхъ обширныхъ и серьезныхъ главъ, не считая участія его наравнѣ съ другими въ обработкѣ цыфроваго матеріала. Въ 1891 г. Н. М. составилъ обзорѣніе мѣропріятій всѣхъ русскихъ земствъ по случаю неурожая, помѣщенный въ «Журналѣ Саратовскаго земства».

Еще занимая мѣсто писаря въ Воронежской губерніи, Астыревъ выступилъ въ періодической прессѣ сначала въ качествѣ корреспондента въ «Порядкѣ» и «Русскомъ Курьерѣ», потомъ въ качествѣ статистика-этнографа въ «Воронежскомъ Телеграфѣ» и беллетриста въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Но не эти работы создали ему «литературное имя». Онъ завоевалъ себѣ солидное мѣсто въ литературѣ упомянутыми очерками крестьянскаго самоуправленія «Въ волостныхъ писаряхъ», печатавшимися въ 1885 г. въ «Вѣстникѣ Европы» и вышедшими на слѣдующій годъ отдѣльною книгою. Очерки эти обратили на себя серьезное вниманіе критики, интересующейся народнической беллетристикой. Правдивость, искренность автора, отсутствіе предвзятаго отношенія къ трактуемому предмету, завоевали ему симпатіи читателей и журнальныхъ обозрѣвателей. «Въ ряду книгъ, описывающихъ бытъ крестьянства,— писалъ рецензентъ «Русской Мысли» за 1886 г.,—очеркамъ г. Астырева принадлежитъ, по праву, одно изъ первыхъ мѣстъ». Наиболѣе удачную и полную характеристику молодого писателя сдѣлалъ талантливый представитель той же народнической литературы Влад. Короленко въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» за 1886 г. (№ 201). Характеристика эта на столько мѣтка и справедлива, что къ ней мало что можно прибавить, и дальнѣйшія литературныя произведенія Астырева немного даютъ къ тому матеріала. «Беллетристика этнографическая,—говоритъ г. Короленко,—даетъ сырой матеріалъ, она нѣсколько суха и менѣе интересна. Это недостатокъ. Главное достоинство — подлинность, вѣрность дѣйствительности. Беллетристика художественная даетъ болѣе или менѣе широко обобщенныя картины, типы и, кромѣ того, вводитъ въ изложеніе драматическіе моменты. Это съ одной стороны. Съ другой — она рискуетъ впасть въ односторонность, такъ какъ является результатомъ работы субъективнаго «отвлеченія». Это обуславливаетъ ея недостатки, присутствующіе въ большей или меньшей степени произведеніямъ этого рода. Книга г. Астырева, вслѣдствіе нѣкоторыхъ счастливыхъ обстоятельствъ, представляетъ въ одно и то же время главнѣйшія достоинства обоихъ типовъ, избѣжавъ крупнѣйшихъ недостатковъ того и другого. Г. Астыревъ три года прожилъ среди народа, который и описалъ съ полной живостью, не пускаясь въ область вымысла, не давая воли фантазіи (г. Астыревъ—не художникъ). Но вмѣстѣ съ тѣмъ его произведенія далеки отъ сухихъ этнографическихъ

«снимковъ съ натуры». Въ немъ есть извѣстный центръ, ось, около которой группируется богатый запасъ подлинныхъ фактовъ. Наконецъ, въ книгѣ присутствуетъ также глубоко драматическій моментъ, который съ первыхъ же строкъ захватываетъ всякаго читателя съ живой душой, въ которой хоть разъ въ жизни находили откликъ жизненные вопросы нашего времени... Г. Астыревъ— живой сынъ живого времени... Очевидно, онъ шелъ въ деревню съ запасомъ вѣры, которая одушевляла многихъ, и явился въ народную среду не равнодушнымъ наблюдателемъ. Тѣ факты, которые онъ сумѣлъ отмѣтить съ такою яркостью, падали, очевидно, на почву очень воспримчиваго воображенія. Народная жизнь вторгалась въ чуткую душу интеллигентнаго «искателя». Онъ отмѣчаетъ въ ней не все безразлично... но онъ не выдумываетъ драму въ народномъ вкусѣ. Онъ поставилъ себя въ такое положеніе, которое само по себѣ представляетъ глубоко-захватывающій драматическій моментъ, и ему осталось только правдиво отмѣчать ея фазисы. Повторяемъ, г. Астыревъ не художникъ; это умный наблюдатель и, при томъ, наблюдатель глубоко-заинтересованный».

Какимъ Н. М. выступилъ въ свѣтъ съ своимъ первымъ трудомъ, такимъ онъ сошелъ и въ могилу. Мѣткая наблюдательность, сердечное отношеніе къ описываемому, «заинтересованность», отсутствіе фальшивой притянутости и, къ сожалѣнію, недостатокъ художественныхъ красокъ—таковы главнѣйшія черты и всѣхъ дальнѣйшихъ произведеній автора, печатавшихся въ «Русской Мысли», «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Волжскомъ Вѣстникѣ». Большинство его рассказовъ и очерковъ вышли отдѣльными двумя изданіями «Деревенскіе типы и картинки» и «На таежныхъ прогалинахъ». Въ «Деревенскихъ типахъ» останавливаетъ на себѣ вниманіе святочный рассказъ «Хлѣборобъ», какъ произведеніе глубоко-субъективное, гдѣ подъ фантастическимъ покровомъ авторъ рисуетъ намъ беспомощное положеніе народа, желающаго знать истину, умѣть различать враговъ и друзей и не находящаго выхода своимъ желаніямъ. Эти свои желанія и стремленія онъ будетъ въ состояніи повѣдать лишь тогда, когда просвѣщеніе проникнетъ въ темную народную массу и прогонитъ кошмаръ ужасовъ и невѣжества, опутывающихъ наше крестьянство. Такова тема другого рассказа «Отъ колыбельки до могилки...».

«Свѣточъ знанія уже разгорается и начинаетъ освѣщать темныя народныя массы,—воскликаетъ здѣсь авторъ.—И когда этотъ свѣточъ разгорится полнымъ и яркимъ пламенемъ, тогда явится, скинувъ съ себя ярмо унижительныхъ страховъ, въ своихъ истинныхъ очертаніяхъ неразгаданный еще сфинксъ, русскій народъ, и тогда мы услышимъ его собственную рѣчь о томъ, что онъ думаетъ и чего онъ хочетъ». По возвращеніи изъ Сибири, Астыревъ помѣстилъ въ журналахъ и газетахъ рядъ статей, посвященныхъ

изображенію быта инородцевъ. Вездѣ онъ скорбитъ о невѣжествѣ массы, о закабаленіи слабыхъ сильными, протестуетъ противъ насилій, обмана и хищнической эксплуатаціи.

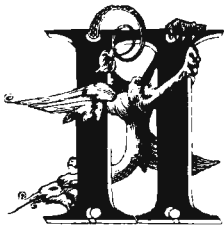
Послѣдніе два года Н. М. не имѣлъ постоянной и опредѣленной работы и цѣликомъ отдался литературному труду, но и здѣсь злая судьба-мачиха не дала ему возможности прочно свить теплое гнѣздышко. «Вихрь злой бури» снова смелъ домъ, и «независящія обстоятельства» прервали дѣятельность Астырева на пользу литературы; «только этою весною, — сказано въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» — послѣ продолжительнаго невольнаго перерыва онъ могъ опять приняться за перо, но тутъ, — какъ говоритъ Некрасовъ, — жизнь оборвалась». Отправляясь изъ Петербурга, не по своей волѣ, на жительство въ одну изъ сѣверныхъ губерній, онъ вынужденъ былъ по состоянию здоровья остановиться въ Москвѣ. Здѣсь онъ помѣстился для леченія сначала въ клиникѣ внутреннихъ болѣзней проф. А. Остроумова, а затѣмъ въ клиникѣ нервныхъ болѣзней проф. А. Кожевникова. Болѣзнь легкихъ — съ одной стороны, страшное нервное расстройство — съ другой, давали мало надежды, чтобы больной скоро и совсѣмъ оправился. Но и этимъ надеждамъ не суждено было сбыться — нервный ударъ далъ иной исходъ болѣзни. Еще за нѣсколько дней до смерти онъ выражалъ редакціи «Русской Жизни» свое горячее желаніе сотрудничать въ этой газетѣ и даже прислалъ «для дебюта» рассказъ «Въ званіи филантропа». Увидать свой трудъ въ печати, однако, ему не суждено было. Земля Ваганьковскаго кладбища плотно покрыла крышку гроба Астырева, и недалеко отъ могилы Левитова упокоился еще одинъ «печальникъ горя народнаго».

В. Глинскій.

ДНЕВНИКЪ ПРИНЦЕССЫ АЛИСЫ ¹⁾.

ОСЛѢ посѣщенія принцессой Алисой Парижа, во время всемірной выставки въ 1867 году, т.-е. въ самую блестящую, повидимому, эпоху второй имперіи, она въ продолженіе двухъ съ половиной лѣтъ, именно до франко-прусской войны, не записываетъ въ свой дневникъ ничего, касающагося политическихъ дѣлъ того времени, и онъ становится нѣсколько монотонной лѣтописью ежедневной, буржуазной, семейной жизни въ маленькомъ нѣмецкомъ городкѣ, съ ея мелочными радостями и волненіями. Только по временамъ она разнообразится описаніемъ поѣздокъ въ Англію, въ Энгадину, живописныя прелести которой принцесса рисуетъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ, въ Берлинъ, въ Дрезденъ и въ Каннъ, гдѣ она провела два мѣсяца въ концѣ 1869 года, во время путешествія ея мужа на Востокъ, вмѣстѣ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ. Объ этой продолжительной разлукѣ съ мужемъ она характеристично замѣчаетъ: «это моя идея, чтобъ Людвигъ предпринялъ путешествіе, которое будетъ для него такъ интересно и полезно, потому что видѣть новыя страны очень развиваетъ людей, но ему чрезвычайно тяжело разстаться со мной и дѣтьми; рѣдко теперь встрѣтишь такого мужа и отца, какъ онъ, а въ настоящее время всѣ молодые люди считаютъ вполне позволительнымъ не обращать вниманія на своихъ женъ, которыя, въ свою очередь, находятъ себѣ удовольствія помимо мужей». Кромѣ своего дорогого Людвигъ, принцесса

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVI, стр. 814.

Алиса болѣе всего заботилась о дѣтяхъ, число которыхъ увеличилось въ концѣ 1868 года рожденіемъ перваго ихъ сына Эрнста-Людвига, теперешняго великаго герцога. «Постоянное безпокойство о дѣтяхъ,—пишетъ она, между прочимъ:—очень тяготитъ меня, такъ какъ на матери лежитъ отвѣтственность не только за ихъ физическое, но и нравственное развитіе. Я постоянно стараюсь воспитать ихъ такъ, чтобъ они не гордились своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, а понимали, что происхожденіе—ничто, а личное достоинство—все; я вполне убѣждена, что принцамъ и принцессамъ необходимо сознавать, что они нисколько не лучше и не выше другихъ, если не обладаютъ личными достоинствами, и что, кромѣ того, ихъ долгъ жить для другихъ и быть примѣромъ для всѣхъ». Хотя принцесса Алиса имѣла вполне разумныя и рациональныя понятія о воспитаніи своихъ дѣтей, но умѣренныя финансовыя средства мѣшали ей вполне примѣнять на практикѣ свои педагогическіе взгляды, и она долго не могла взять гувернантки, а сама учила своихъ дѣвочекъ, способностями и прилежаніемъ которыхъ не могла достаточно нахвалиться. Но вмѣстѣ съ обученіемъ дѣтей она продолжала и свое собственное умственное развитіе, читала много серьезныхъ книгъ, устраивала публичныя лекціи, для чтенія которыхъ приглашала извѣстныхъ ученыхъ, и подружилась съ знаменитымъ Фридрихомъ Страусомъ. О своихъ отношеніяхъ къ ученому экзегету она ничего не говоритъ въ дневникѣ, но ея біографъ, принцесса Елена, представляетъ любопытныя свѣдѣнія объ этомъ эпизодѣ въ жизни сестры. По ея словамъ, съ начала 1870 года принцесса Алиса близко сошлась съ почтеннымъ ученымъ, который тогда жилъ въ Дармштадтѣ и часто проводилъ долгіе часы въ чтеніи ей философскихъ сочиненій и въ разговорахъ съ нею. Между прочимъ, принцесса предложила Страусу прочесть ей и ея друзьямъ рядъ лекцій о Вольтерѣ, но этотъ планъ не удался, по причинѣ болѣзни ея мужа, и по ея просьбѣ онъ прочелъ эти лекціи ей одной, а потомъ уже напечаталъ ихъ отдѣльной книгой, съ посвященіемъ принцессѣ, на что она вполне согласилась, конечно, предварительно посоветовавшись съ мужемъ. «Ея отношенія къ Страусу,—замѣчаетъ принцесса Елена,—возбудили много толковъ и неосновательныхъ осужденій; она всегда любила окружать себя замѣчательными людьми, какихъ бы они ни были мнѣній, и находила большое наслажденіе обсуждать съ ними самыя глубокомысленныя вопросы, при чемъ она отличалась особою способностью побуждать другихъ высказываться откровенно. Поэтому не было ничего удивительнаго, что она подчинилась вліянію такого человѣка, какъ Страусъ, особенно въ тотъ моментъ ея жизни, когда въ ней происходила умственная борьба относительно религіозныхъ убѣжденій. Конечно, эта фаза была непродолжительная, и она вышла изъ нея, послѣ значительныхъ нравственныхъ страданій, вполне сохранивъ свою дѣтскую

вѣру. Хотя, съ теченіемъ времени, она перестала сочувствовать взглядамъ Страуса, но всегда сохраняла глубокое уваженіе къ его рѣдкимъ способностямъ и чистосердечной искренности, а такъ какъ въ Германіи мнѣнія Страуса возбуждали во многихъ недоувѣріе и даже отвращеніе, то требовалось не мало смѣлости, чтобъ принцессѣ находиться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, но она, какъ истинная дочь своего отца, желала до всего дойти опытнымъ путемъ и извлечь изъ всего пользу, что ей въ этомъ случаѣ вполнѣ удалось». Къ этому же періоду дармштадтской жизни принцессы Алисы относится и единственная ея попытка играть въ любительскомъ спектаклѣ въ своемъ домѣ, о чемъ она замѣчаетъ въ дневникѣ: «Сегодня вечеромъ я буду играть при другихъ съ двумя лицами въ нашей столовой маленькую, хорошенькую пьеску: «Am Klavier», но я очень нервна и боюсь, что буду играть дурно, а это было бы очень непріятно».

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1870 года, наконецъ, вспыхнула давно ожидаемая франко-прусская война, и впродолженіе цѣлаго года отголоски ея наполняютъ дневникъ принцессы Алисы. Мы приведемъ изъ него нѣсколько отрывковъ, такъ какъ они рельефно характеризуютъ не только автора дневника, но и ту памятную эпоху, а потому имѣютъ историческое значеніе.

«26-го іюля. Я вчера простилась съ моимъ нѣжно-любимымъ Людвигомъ (отправившимся на войну съ своей гессенской дивизіей, входившей въ составъ 2-й арміи, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла Пруссаго)... Какое страшное время! и возбужденіе такой войны составляетъ преступленіе, за которое придется отвѣтять и которое ничѣмъ нельзя оправдать. Когда солдаты и поселане поютъ: «Die Wacht am Rhein» и «Was ist den Deutschen Vaterland?», вездѣ въ воздухѣ вѣетъ чувствомъ единства и забвенія всѣхъ партійныхъ распрей, такъ что невольно гордишься быть нѣмцемъ. Всѣ женщины стыдятся плакать объ уходѣ на войну своихъ отцевъ, братьевъ и мужей, изъ которыхъ многіе поступили въ армію волонтерами. Эта война національная, и король не могъ иначе поступить съ честью. Въ 9 часовъ утра я должна быть въ Дармштадтѣ. На мнѣ лежитъ много обязанностей. У меня столько работы, въ томъ числѣ, надо заботиться о семействахъ бѣдныхъ солдатъ, оставшихся безъ всякихъ средствъ. Я приняла уже мѣры къ приему раненыхъ и послала четырнадцать сидѣлокъ въ полевые лазареты. Что бы сказать объ этой войнѣ добрый отецъ? Ему было бы по сердцу единство Германіи, которое создано этой войной, но не ужасное средство, приведшее къ благой цѣли.

«28-го іюля. Я не могу уѣхать изъ Кранихштейна (замка близъ Дармштадта), пока наши войска не будутъ вынуждены, чего Боже избави, отступить, и не придутъ французы. Теперь именно такая минута, когда народъ можетъ подвергнуться паникѣ, и я считаю

своимъ долгомъ остаться на своемъ постѣ, такъ какъ это придаетъ народу мужество и довѣріе. Родители моего мужа имѣютъ на войнѣ трехъ сыновей, и они чувствовали бы мое отсутствіе. Къ тому же я здѣсь въ домѣ моего Людвига и ближе къ нему. Конечно, мнѣ было бы лучше у Вики (жены прусскаго наслѣднаго принца, которая приглашала ее на время войны къ себѣ), но ея Фрицъ не подверженъ лично такимъ опасностямъ, какъ мой Людвигъ, и ей нѣтъ основанія такъ беспокоиться, какъ мнѣ, потому что Людвигъ въ качествѣ командира одной дивизіи долженъ быть въ центрѣ всего. День и ночь мысль объ этомъ меня не покидаетъ, но я надѣюсь, молюсь и терпѣливо сношу ниспосланное мнѣ вмѣстѣ съ столькими женщинами испытанье. Работа служить мнѣ развлеченіемъ, и я знаю, что Людвигъ предпочелъ бы, чтобъ я здѣсь оставалась, а его желаніями я должна руководить свои дѣйствія.

«5-го августа. Возвратясь домой, получила извѣстіе о первой побѣдѣ милаго Фрица (подъ Вейсенбургомъ), и что уже прослѣдовали чрезъ Дармштадтъ 500 плѣнныхъ французовъ. Я знаю, что въ этомъ дѣлѣ наши не могли участвовать, но, быть можетъ, была уже битва въ другомъ мѣстѣ. Волненье и беспокойство ужасны. Дай Богъ, чтобъ мой голубчикъ былъ здоровъ и невредимъ, чтобъ онъ поскорѣе вернулся домой послѣ всѣхъ этихъ опасностей; того же я желаю всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ. Я постоянно посылаю все, что нужно для раненыхъ, и пополняю наши склады, неустанно работая и собирая вещи; всѣ попрежнему воодушевлены патріотизмомъ и единствомъ. Наше время торжественная и великая эпоха. Есть что-то возвышающее душу въ этомъ единствѣ высшихъ и низшихъ классовъ. О, еслибъ только все это хорошо кончилось!

«15-го августа. Приѣзжалъ Каннэ (курьеръ англійской королевы); онъ видѣлъ Людвига два дня тому назадъ, и это первое извѣстье, которое я получила отъ него... Сегодня утромъ я видѣла въ нашемъ лазаретѣ сорокъ французскихъ раненыхъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ тюрокосовъ. Многіе изъ нихъ не могутъ говорить ни на какомъ извѣстномъ языкѣ, и французамъ эти дикари также противны, какъ намъ; ихъ фізіономіи отвратительны. Я каждый день ѣзжу два раза въ Дармштадтъ: утромъ и вечеромъ на три часа; это меня очень утомляетъ, но ко мнѣ не могутъ ѣздить, а я должна всѣмъ распорядиться... Кромѣ большаго «Hulfsverein» для больныхъ и раненыхъ, которое помѣщается въ нашемъ дворцѣ, я должна еще ежедневно посѣтить четыре лазарета. Здѣсь ужасно много дѣла; мы такъ близко отъ театра военныхъ дѣйствій. Вчера мы послали въ Понт-а-Муссонъ два большихъ фургона съ больничными принадлежностями. Мои лучшія сидѣлки тамъ; остальные въ здѣшнихъ лазаретахъ, которые еще не были совершенно готовы, когда намъ прислали 150 раненыхъ. Однако, слава Богу, все идетъ удовлетворительно, но я надѣюсь, что не доживу до второй такой

войны—это слишкомъ ужасно. У насъ до 500 раненыхъ; какъ только имъ получше, то мы отправляемъ ихъ на сѣверъ, а ихъ мѣста занимаютъ болѣе тяжкіе пациенты, все равно нѣмцы, или французы. Я ничего не вижу, ничего не обоняю, кромѣ ранъ, и по временамъ бываютъ чрезвычайно тяжелыя впечатлѣнія. Вчера я очень поздно уѣхала домой, потому что одинъ солдатъ едва не умеръ отъ кровоистеченія, такъ какъ докторъ не могъ найти артеріи, и мнѣ пришлось послать свой экипажъ за болѣе опытнымъ хирургомъ, благодаря чему солдатъ живъ и поправляется.

«20-го августа. 16-го, 17-го и 18-го происходили битвы (подъ Марсъ-Ла-Туромъ, Резонвилемъ и Гравелотомъ), я вчера ѣздила на станцію къ генералу Керхеру, нашему военному начальнику, и получила телеграмму о послѣдней нашей побѣдѣ близъ Меца; битва очень кровавая продолжалась девять часовъ, но еще не сообщены имена раненыхъ и убитыхъ. Цѣлыя толпы окружили мой экипажъ и спрашивали меня, какіе изъ нашихъ полковъ были въ огнѣ, но я не могла ничего имъ сказать, старалась ихъ успокоить и уговорить, чтобъ они разошлись по домамъ, обѣцая всѣхъ увѣдомить, какъ только получу извѣстія. Я вернулась къ себѣ съ наболѣвшимъ сердцемъ и провела ночь въ самой мучительной тревогѣ. Утромъ, въ 6 часовъ, получена телеграмма отъ Людвига: онъ и его два брата здоровы; наши потери ужасны: семьдесятъ офицеровъ изъ одной дивизіи. Я тотчасъ поѣхала въ Дармштадтъ къ родителямъ Людвига, и они были очень рады, что ихъ дѣти избѣгли опасности. Весь день меня осаждали бѣдныя жены, матери и сестры, чтобъ узнать объ участи своихъ родственниковъ. Все это переворачиваетъ мнѣ душу.

«25-го августа. Только Богу извѣстно, сколько я страдаю, и какія тяжелыя заботы меня тяготятъ. Но тысячи нѣмокъ несутъ такой же крестъ за отечество и не ропщутъ. Вчера одна бѣдная женщина пришла ко мнѣ и просила помочь ей отправиться на послѣднее поле битвы, отыскать тамъ тѣло своего единственнаго сына и привести его домой; она была очень тиха и покорна судьбѣ. Ежедневно я вижу столько страданій, столько горя. Большое число друзей и знакомыхъ уже погибло. Но я должна гордиться и я дѣйствительно горжусь тѣми отзывами о храбрости Людвига, которые я слышу отъ всѣхъ раненныхъ офицеровъ. Онъ всегда былъ впереди и велъ на враговъ солдатъ въ самомъ сильномъ огнѣ. Вокругъ него такъ и падали массами, и это продолжалось восемь часовъ во время битвы 18-го числа..

«20-го сентября. Не проходитъ дня, чтобъ я не слышала похороннаго барабаннаго боя, и мимо моихъ оконъ постоянно несутъ умершихъ солдатъ или офицеровъ. Какъ глубоко я сожалею ихъ родителей, вдовъ и дѣтей. Мои ребятишки совершенно здоровы, но имъ негдѣ гулять; всюду есть опасность захватить лазаретную

горячку, такъ какъ по улицамъ и площадямъ ходятъ и несутъ массы раненыхъ. Въ баракъ, у самаго нашего сада, 1.200 французскихъ плѣнныхъ, и многіе изъ нихъ больны. Надо надѣяться, что вскорѣ наступитъ конецъ всему этому. Я очень сочувствую императору и императрицѣ. Какіе неблагодарные, пустые и ненадежные люди французы!.. Зачѣмъ они подвергаютъ Парижъ осадѣ, когда ихъ арміи разбиты, и нельзя поправить погибшаго дѣла цвѣтистыми рѣчами и волонтерами.

«22-го сентября. Всѣ жаждутъ мира—и армія, и нація; я полагаю, что такая великая національная война, какъ эта, не требуетъ присоединенія части непріятельской территоріи. Надо взять только то малое количество земли, которое необходимо для урегулированія военной границы, но объединеніе Германіи подъ началомъ одного главы гораздо лучшей и болѣе великій результатъ для подобной войны, чѣмъ территоріальное присоединеніе... Война наивеличайшій бичъ на землѣ, и я постоянно молюсь, чтобъ мы болѣе никогда ея не видали.

«12-го ноября. Въ прошлую ночь я сидѣла долго у постели одного молодого умирающаго солдата; онъ едва дышитъ, а отецъ стоитъ подлѣ него, держитъ его за руку и молча рыдаетъ. «Не плачь, папа!» едва слышно произноситъ юноша. Я отдала бы все, чтобъ спасти жизнь этому красивому, доброму, храброму мальчику, но я боюсь, что это невозможно. Хотя я много видѣла кончинъ, и при мнѣ рыдало много вдовъ и матерей, но всякій новый случай заставляеть мое сердце обливаться кровью и снова, снова проклинать нечестивую войну».

Въ концѣ года принцесса Алиса родила второго сына, и хотя желала, какъ только оправилась, снова вернуться къ своимъ трудамъ и заботамъ, но ея сестра, наслѣдная прусская принцесса, увезла ее со всей семьей въ Берлинъ, гдѣ она отдохнула и восстановила свои расшатанныя силы втеченіе трехъ недѣль, а потомъ снова вернулась въ Дармштадтъ къ своей лихорадочной дѣятельности. На всѣ увѣщеванія сестры не утомлять себя у нея былъ одинъ отвѣтъ: «Я должна работать, чтобъ не думать; я сошла бы съ ума, если-бъ сидѣла сложа руки и думала». «Мои раненые,— говоритъ она въ своемъ дневникѣ 19-го декабря, — были очень рады меня снова видѣть. Но, увы, многимъ еще очень плохо. Однако, двое въ нашемъ домѣ поправляются, и юноша, который шесть недѣль умиралъ, выздоравливаетъ. Я рѣдко испытывала такую радость, какъ увидѣвъ его въ столь удовлетворительномъ положеніи; доктора говорятъ, что я спасла ему жизнь. И его родители будутъ такъ счастливы. Въ мое отсутствіе увеличилось число вдовъ и родителей лишившихся своихъ сыновей; тяжело ихъ посѣтить, но я знаю, что только теплое сочувствіе можетъ быть утѣшеніемъ въ такомъ горѣ»... Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ прежней трудовой, безпокойной

жизни, и, наконецъ, въ іюлѣ 1871 г. кончилась «славная, великая, но ужасная война», вернулся мужъ принцессы Алисы, о которомъ фельдмаршалъ Врангель говорилъ ей: «это настоящій герой», и они оба присутствовали при торжественномъ входѣ германскихъ войскъ въ Берлинъ, о чемъ принцесса отзывается, какъ о самомъ великолѣпномъ, трогательномъ и возвышающемъ душу зрѣлищѣ, когда либо ею видѣнномъ. Сначала на морскихъ купаньяхъ въ Блакенбергѣ, а потомъ въ Англии, принцесса Алиса искала отдыха и успокоенія отъ пережитой ею тяжелой години, и хотя мужъ былъ теперь при ней, но конецъ этого года ознаменовался новымъ для нея испытаніемъ. Ея братъ герцогъ Уэльскій опасно занемогъ тѣмъ же роковымъ тифомъ, отъ котораго умеръ ихъ отецъ, и долго находился между жизнью и смертью; всегда готовая идти, куда ее призывалъ долгъ, принцесса поспѣшила въ Сандрингамъ и помогала своей невѣсткѣ ухаживать за нимъ, пока не миновала всякая опасность.

Возвратясь въ Дармштадтъ въ началѣ 1872 года, принцесса Алиса повела снова свою прежнюю мирную, тихую жизнь, полную заботъ о семействѣ и благосостояніи окружающаго ее населенія. Теперь ея общественная дѣятельность приняла новый характеръ, именно она обратила вниманіе на женскій вопросъ, съ цѣлью улучшить положеніе женщинъ и расширить область ихъ трудовой дѣятельности. По ея почину въ Дармштадтѣ собрался «Frauentag», или женскій конгрессъ, и вотъ какъ она описываетъ въ дневникѣ эту новую фазу своихъ трудовъ на пользу ближнихъ:

«17-го сентября. 9 октября здѣсь соберется митингъ различныхъ существующихъ въ Германіи асоціацій для улучшенія воспитанія и соціальнаго положенія женщинъ, преимущественно средняго класса. Пріѣзжаютъ также делегатки изъ Англии, Швейцаріи и Голландіи. Онъ продлится четыре дня и будетъ очень утомителенъ. Программу засѣданій я составила вмѣстѣ съ моими двумя комитетами и нѣсколькими господами, пріѣхавшими изъ Берлина, но отказалась отъ предсѣдательства, не смотря на всѣ ихъ просьбы, потому что будетъ слишкомъ много народу и все мнѣ незнакомаго. Я предсѣдательствую въ своихъ асоціаціяхъ, и тамъ иногда трудно поддерживать порядокъ среди близко извѣстныхъ мнѣ лицъ, а тутъ захотятъ говорить массы людей, да еще съ противоположными убѣжденіями. Я надѣюсь, что мнѣ удастся устранить обсужденіе всякихъ крайнихъ и неженственныхъ взглядовъ, которые меня приводятъ въ ужасъ. Эти асоціаціи, если ихъ не вести благоразумно, легко доходятъ до нелѣпостей. Мои общества отнимаютъ у меня много времени, такъ какъ надо предварительно изучать и серьезно обдумывать всѣ вопросы. Я уповаю, что мы идемъ по истинному пути. Мы уже имѣли удовлетворительные результаты въ курсахъ для работницъ и въ реформѣ школь, но еще многое остается сдѣ-

латъ, и я надѣюсь, что этотъ митингъ окажетъ большую пользу дѣлу. Во всякомъ случаѣ, я стараюсь хотя сколько нибудь идти по слѣдамъ дорогого отца, который оказалъ такія громадныя услуги ближнимъ.

«13-го октября. Нашъ митингъ сошелъ очень хорошо, было много участниковъ, обсуждавшіеся предметы имѣли большой интересъ, прямо касаясь нашего дѣла, и никто не сказалъ ни слова о политической сторонѣ женскаго вопроса. Школы низшія, среднія и высшія для женщинъ составляли главную программу засѣданій, но, кромѣ того, трактовали о службѣ женщинъ на почтахъ и телеграфѣхъ, о подготовкѣ нянекъ, объ институтахъ кормилицъ, о распространеніи между матерями необходимыхъ свѣдѣній для первоначальнаго ухода за дѣтьми и т. д. Комитетъ пятнадцати ассоціацій, которыя прислали своихъ делегатовъ, собрался въ среду, а вечеромъ нѣкоторые изъ нихъ ужинали у насъ. На слѣдующій день общее собраніе продолжалось отъ девяти часовъ до двухъ съ небольшимъ перерывомъ, потомъ еще разъ собирався комитетъ, а вечеромъ всѣ члены и гости, около пятидесяти человѣкъ, были приглашены къ намъ. На третій день общее собраніе затянулось еще болѣе, и наши англійскія гости были такъ любезны, что произнесли рѣчи. Старая, почтенная миссъ Карпентеръ представила очень интересный отчетъ о женской работѣ въ Англіи и о положеніи королевскаго института въ Дублинѣ; миссъ Гиль объяснила новую систему помощи сиротамъ, состоящую въ отдачѣ ихъ въ частныя руки, а миссъ Винквортъ подробно рассказала о томъ, что сдѣлано въ Англіи для высшаго образованія женщинъ. Всѣ онѣ говорили очень хорошо, но нѣмки еще краснорѣчивѣе. Послѣднія явились со всѣхъ концовъ Германіи, и между нимъ много добрыхъ, благородныхъ и жертвующихъ собою на общее благо личностей. Присутствіе англичанокъ, въ особенности миссъ Карпентеръ, сдѣлавшей столько для улучшенія судьбы арестантокъ, придадо особую важность нашему митингу. Я завтра покажу миссъ Карпентеръ всѣ наши школы, которыя основаны на совершенно иной, чѣмъ въ Англіи, системѣ; нѣкоторыя изъ нихъ хороши, но ни одна не достигаетъ желаемаго совершенства, и много еще надо сдѣлать въ этомъ направленіи. Вообще польза подобныхъ митинговъ состоитъ главнымъ образомъ въ сообщеніи другъ другу результатовъ дѣятельности въ различныхъ странахъ, что невозможно сдѣлать на письмѣ».

6-го іюня того же 1872 года родилась у принцессы Алисы четвертая дочь—Викторія-Аликса-Елена-Луиза-Беатрисса, нынѣшняя высоконазначенная невѣста наслѣдника цесаревича, и съ самаго начала она отзывается о ребенкѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, говоря, что она прелестное, веселое, всегда смѣющееся существо, съ маленькими тонкими чертами, но съ нѣсколько длиннымъ но-

сомъ, и что она вполне олицетворяетъ данное ей прозвище «Солнышко», тѣмъ болѣе, что у нея красновато-каштановые волосы. «Мы назвали ее Алисой, — замѣчаетъ она, — потому что нѣмцы такъ ужасно коверкаютъ мое имя Алисы и произносятъ его Алисэ, что мы думали имъ труднѣе будетъ исковеркать Аликсу». Но вездѣ въ дневникѣ маленькая принцесса не называется иначе, какъ Солнышко, или Алика; такъ, описывая прїѣздъ русской императрицы Маріи Александровны въ Дармштадтъ въ слѣдующемъ году, принцесса Алиса говоритъ: «Тетя Марія провела у меня нѣсколько часовъ и тронула меня своимъ материнскимъ сочувствіемъ; она очень плакала, рассказывая о страшной потерѣ своего старшаго сына; она чрезвычайно женственна, нѣжна и съ истинной религіозной покорностью относится къ сердечнымъ горестямъ; а сегодня вечеромъ она прїѣдетъ посмотрѣть на раздѣванье «Солнышка», что ее очень забавляетъ, такъ какъ она вообще любитъ дѣтей». Материнское сочувствіе императрицы, которое такъ тронуло принцессу, было возбуждено неожиданной и страшной смертью за мѣсяць передъ тѣмъ втораго ея сына, маленькаго Фритти, который, играя одинъ на открытомъ окнѣ, упалъ съ высоты двадцати футовъ на каменную ограду и въ тотъ же день вечеромъ умеръ. Эта первая потеря ребенка сильно повліяла на бѣдную мать, и ея здоровью, и то уже сильно разстроенному, нанесенъ былъ такой ударъ, что она уже никогда совершенно отъ него не оправилась, и даже рожденіе въ слѣдующемъ году пятой дочери Маріи-Викторіи-Теодоры-Леопольдины, которую она всегда называла Майей, такъ какъ она родилась въ маѣ мѣсяцѣ, не могло ее утѣшить. Вся эта грустная эпоха въ ея жизни была проведена преимущественно дома въ Дармштадтѣ съ кратковременными поѣздками въ Англію и въ Бельгію, на морской берегъ; единственными свѣтлыми страницами въ ея дневникѣ за это время представляются тѣ, которыя посвящены путешествію ея въ Италію еще до смерти Фритти. Объ этомъ путешествіи, всегда составлявшемъ ея мечту, она говоритъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, хотя очень бѣгло и кратко. Съ обычнымъ своимъ серьезнымъ отношеніемъ ко всему, она основательно приготвила къ изученію итальянскаго языка и исторіи искусства къ лицезрѣнію художественныхъ и живописныхъ красотъ Италіи.

Со времени тяжелой потери сына еще болѣе развилась въ принцессѣ Алисѣ любовь къ своимъ дѣтямъ, если это только было возможно, и въ послѣдующіе годы ея дневникъ, главнымъ образомъ, переполненъ замѣчаніями о нихъ и размышленіями о воспитаніи. Такъ, 7-го августа 1873 года она говоритъ: «Я такъ много бываю съ моими дѣтьми и такъ привыкла ежедневно заботиться о нихъ, что потеря моего Фритти даетъ себя чувствовать постоянно въ нашемъ тихомъ семейномъ существованіи, въ которомъ мы окружены только дѣтьми, потому горе вдвое, втрое для насъ чувствительнѣе и въѣлось

въ самое сердце. Я молю Бога, чтобъ это испытаніе принесло свою пользу и не осталось безслѣднымъ. День проходитъ такъ быстро, когда можешь дѣлать добро и доставлять другимъ счастье, что всегда остается много неисполненнаго. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что не надо ничего откладывать; дѣти быстро растутъ и покидаютъ родителей, а я желала бы, чтобъ мои ребятки вынесли изъ дома, когда настанетъ для нихъ пора вступить въ жизненную борьбу, только воспоминанье о любви и счастье, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что этотъ домъ останется всегда для нихъ вѣрнымъ убѣжищемъ и поддержкой въ трудныя минуты. Я твердо надѣюсь, что достигну этой цѣли, хотя положеніе родителей очень тяжелое; они все отдаютъ, а иногда ничего не получаютъ въ замѣнъ. Впрочемъ, мои милыя дѣти только источникъ удовольствія для насъ; конечно, у нихъ есть недостатки, какъ у всѣхъ, но они очень привязаны къ намъ, правдивы и всѣмъ довольны. Постоянно имѣя ихъ при себѣ, вѣчно слѣдя за ними и ежедневно руководя ихъ воспитаніемъ, что возможно при нашей спокойной, регулярной жизни, я въ состояніи понять ихъ различные характеры, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не похожъ на другаго». По случаю женитьбы своего брата герцога Эдинбургскаго на великой княгинѣ Маріи Александровнѣ она замѣчаетъ: «Какъ странно, что всегда молодой дѣвухѣ надо оставить все, что ей дорого, все, что она любитъ, и все, что ей близко извѣстно, для сравнительно невѣдомаго... Вообще большая ошибка въ воспитаніи дочерей высшаго англійскаго общества, что главная ихъ забота выйти замужъ. Я намѣрена воспитывать своихъ дочерей безъ этой цѣли, такъ какъ онѣ могутъ наполнить свою жизнь и другимъ хорошимъ дѣломъ... Замужество для одного замужества величайшая ошибка, какую можетъ сдѣлать женщина». Спустя годъ, она записываетъ слѣдующее размышленіе: «Я всегда думаю, что въ концѣ концовъ дѣти воспитываютъ своихъ родителей; ради нихъ такъ много надо сдѣлать, что забываешь себя; въ особенности это бываетъ такъ, когда потеряешь дорогого ребенка»; а спустя нѣсколько времени, она высказываетъ зрѣлыя педагогическія мысли: «Конечно, всего вреднѣе для дѣтей, если о нихъ слишкомъ много говорятъ и слишкомъ ихъ выставляютъ на показъ, но мнѣ удается сохранить до сихъ поръ моихъ ребятшекъ неизбалованными, неэгоистичными. Правда, они занимаютъ въ моей жизни большее мѣсто, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ нашихъ семьяхъ, но это происходитъ отъ того, что я не въ состояніи имѣть при нихъ необходимаго числа отвѣтственныхъ лицъ, и еслибъ я сама не дѣлала для нихъ всего, то имъ было бы это накладно. Я, конечно, не принадлежу по натурѣ къ тѣмъ женщинамъ, которыя исключительно жены, но обстоятельства заставили меня сдѣлаться матерью въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ бываютъ женщины въ частныхъ семействахъ, и мнѣ пришлось вышколить себя

для этой роли, потому что явилась необходимость въ мелкихъ самопожертвованіяхъ. Поклоняться дѣтямъ, слишкомъ носиться съ ними и вѣчно болтать о нихъ — не только не хорошо, но дѣлаетъ нѣкоторыхъ матерей невыносимыми. Я надѣюсь, что я избѣгаю этой ошибки, по крайней мѣрѣ, стараюсь избѣгать, и мой Людвигъ мнѣ всегда говоритъ: «Никто, ни дѣти, ни другіе не знаютъ, что ты для нихъ дѣлаешь». О своемъ дорогомъ «Солнышкѣ» принцесса Алиса часто упоминаетъ въ дневникѣ, кратко замѣчая: «Сегодня Солнышко была вся въ розовомъ и возбуждала общій восторгъ», или «Солнышко представляетъ картину молодецкаго здоровья», или «Алика все хорошѣетъ и становится милѣе». Впрочемъ, принцесса несовершенно отрѣшается отъ вѣшняго міра, и заботы о дѣтяхъ не совершенно заглушаютъ въ ней интересъ къ политическимъ, общественнымъ и литературнымъ вопросамъ: такъ, посѣтивъ Англію въ 1876 году, она сдѣлала визиты Карлейлю и американскому историку Мотлею, бесѣды которыхъ, по ея словамъ, были чрезвычайно интересны, а въ слѣдующемъ году она съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдила за русско-турецкой войной, хотя несочувственно относилась къ распространенію русско-славянскаго элемента и высказывалась противъ Гладстоновской агитаціи по поводу болгарскихъ ужасовъ.

Въ 1877 году въ ея тихой, безмятежной жизни произошелъ значительный переворотъ: не только умеръ отецъ ея мужа, который пользовался теплой любовью всей семьи и о смерти котораго императрица Марія Александровна писала его вдовѣ: «Я любила моего стараго брата болѣе всего на свѣтѣ и чувствую о немъ невыразимое *Sehnsucht*», но и вскорѣ потомъ скончался великій герцогъ, которому наследовалъ мужъ принцессы Алисы. «Я такъ боюсь этой перемѣны въ нашей жизни,—писала она въ дневникѣ:—наше положеніе очень трудное, и меня тяготитъ мысль объ отвѣтственности; во всемъ надо быть первымъ, а многіе не очень хорошо расположены къ намъ». Но въ концѣ концовъ все обошлось гораздо лучше, чѣмъ она ожидала, и новые ея подданные тотчасъ признали ее «*Landesmutter*», матерью страны. «Насъ приняло все населеніе (Дармштадта),—говоритъ она 9-го сентября:—съ удивительнымъ радушіемъ и энтузіазмомъ; эта встрѣча была тѣмъ пріятнѣе, что она не была подготовлена, и что въ ней участвовали одинаково и аристократы, и народъ. Я была сердечно тронута; всѣ школы высыпали на улицы, не смотря на дождь; всѣ дѣвушки были въ бѣлыхъ платьяхъ; вездѣ развѣвались флаги, колокола весело звонили, и насъ забрасывали прекрасными букетиками. Всѣ старыя служажки, бывшіе на войнѣ съ Людвигомъ, пѣли, а вечеромъ хоровыя общества устроили намъ серенаду. Дай Богъ, чтобъ увѣнчались успѣхомъ наши старанія на пользу страны, порученной намъ, и чтобъ на всѣ наши ошибки смотрѣли снисходительно».

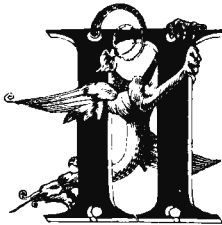
Но недолго пришлось доброй, благонамѣренной принцессѣ заботиться о своихъ подданныхъ. 8-го ноября 1878 года ея мирную, счастливую семью посѣтилъ страшный недугъ—дифтеритъ. Прежде всего заболѣла Викторія, затѣмъ Аликса, Майя и Ирена, наконецъ, сынъ и самъ великій герцогъ. Конечно, принцесса Алиса всецѣло отдалась ухаживанію за больными и съ трогательной нѣжностью записывала въ дневникъ всѣ перипетіи опасной болѣзни дорогихъ ей существъ; такъ, относительно «Солнышка» она говоритъ: «дорогая, милая Алика занемогла; въ три часа утра мнѣ сказали, что у нея жаръ, и что она жалуется на боль въ горлѣ. Я пошла къ ней, и дѣйствительно въ горлѣ, на обѣихъ сторонахъ, были не пятны, а общая толстая бѣлая пленка. Я сейчасъ заставила ее вдыхать то, что было прописано докторомъ. Но она очень страдала, бѣдняжка. Я послала за докторомъ, который живетъ близко, и онъ сказалъ, что у нея очень серьезная фаза болѣзни. Какое ужасное горе и безпокойство; это—такая упорная и часто роковая болѣзнь. Только бы Богъ сохранилъ моихъ дѣтей». «Солнышко» и всѣ остальные больные дѣйствительно оправились, но самая меньшая дѣвочка, Майя, умерла, и сердце матери облилось кровью. Наконецъ, и она сама подверглась заразительному недугу; 6-го декабря у нея открылись вечеромъ слѣды дифтерита, а утромъ она сдѣлала послѣднюю запись въ дневникѣ: «Приходится такъ много переносить горя и страданій, которыя ожидаютъ насъ еще и въ будущіе годы. Всетаки я должна быть благодарна Богу за тѣхъ, которыхъ онъ мнѣ оставилъ. Жизнь не безконечна на этомъ свѣтѣ, слава Богу. Въ немъ столько счастья, но столько печали, а чѣмъ болѣе увеличивается число любимыхъ существъ на небѣ, тѣмъ нашъ переходъ туда легче, а вѣдь тамъ нашъ домъ... Моя чаша переполнена, но я, всетаки, выношу все. Я молюсь ежедневно, чтобъ небо послало мнѣ покорность, но я знаю, что мнѣ придется переносить это горе годами». Однако, судьбѣ было угодно, чтобъ она переносила свое горе только днями, и 14-го декабря, ровно черезъ семнадцать лѣтъ послѣ кончины ея горячо любимаго отца, принцессы Алиса умерла; послѣдними ея словами были: «Майя... Милый папа». Спустя четыре дня ее похоронили въ семейной велико-герцогской усыпальницѣ, въ Ризенгоз, между гробницами столь пламенно любимыхъ ею дѣтей.

В. Т.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ ФРАНЦІИ.

ПУСТЬ тираны правятъ желѣзной рукой, пусть всѣхъ тѣснятъ, уничтожаютъ и будутъ Божиимъ бичемъ, если забытый всѣми отецъ своей страны былъ тщетно добръ, мягокъ, справедливъ». Этими словами изъ Гомера, въ англійскомъ переводѣ Попе, началъ Гладстонъ свою знаменитую рѣчь въ палатѣ общинъ по случаю мученической смерти Царя-Освободителя, и теперь ихъ повторяютъ всѣ лондонскія газеты въ виду трагической кончины Карно. Но роковыя катастрофы, приведшія въ ужасъ и сердечную печаль два дружественные народа, на разстояніи тринадцати лѣтъ, имѣютъ между собою и болѣе тѣсную внутреннюю связь, чѣмъ та внѣшняя общая черта, что они вызываютъ одну и ту же поэтическую строфу: Царь-Освободитель, оставшійся здоровымъ и невредимымъ отъ первой брошенной подъ его экипажъ бомбы, поспѣшилъ на помощь къ раненому казаку, когда вторая бомба причинила ему смерть въ минуту его гуманнаго подвига, а первый гражданинъ Франціи, протѣжая черезъ горячо привѣтствовавшую его толпу, приказалъ коляскѣ ѣхать шагомъ, удалилъ скакавшій подлѣ эскорта, говоря: «Пустите ко мнѣ добрый народъ, я хочу всѣмъ пожать руки», и, протянувъ свою честную руку убійцѣ, погибъ подъ ударомъ кинжала. Еслибъ тотъ и другой не поддались человѣчному движенію своего добраго сердца, то, быть можетъ, избѣгли бы грозившей имъ опасности. Какъ бы то ни было, эти двѣ мрачныя страницы современной исторіи налагаютъ позорное пятно на наше время, которое такъ кичится своимъ прогрессомъ и цивилизаціей. Впрочемъ, Европа можетъ утѣшить себя, если въ этомъ есть утѣшеніе, той мыслью, что не смотря на многочисленныя покушенія на коронованныхъ особъ и правителей государствъ въ продолженіе настоящаго вѣка, только два изъ нихъ окончились трагически, если не считать убій-

ства въ эпоху реставраціи наслѣдника французскаго престола, герцога Берійскаго, а королева Викторія, императоръ Вильгельмъ I, Наполеонъ III, король Гумбертъ, король Луи-Филиппъ и императоръ Францъ-Иосифъ счастливо избѣгали не разъ грозившихъ имъ опасностей. Что касается до президентовъ европейскихъ республикъ, то убійство Карно первое изъ подобныхъ событій, и въ этомъ отношеніи новый свѣтъ далеко оставилъ за собою старый; тамъ подъ пулей убійцы пало въ наше время семь президентовъ: Линкольнъ и Гарфильдъ въ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, Манюель Пардо и Гамонъ Кастильо въ Перу, Лопецъ въ Парагваѣ, а Флоресъ и Берро въ Урагваѣ. Если же мы ограничимся одной французской исторіей, то увидимъ, что Карно первый изъ убитыхъ ея правителей со времени Генриха IV, смерть котораго имѣетъ много сходства съ недавней ліонской трагедіей. Въ обоихъ случаяхъ орудіемъ убійства служилъ кинжалъ, жертва сидѣла въ экипажѣ, который тихо двигался среди толпы, и убійца вскочилъ на его подножку, чтобъ совершить свое кровавое дѣло; наконецъ Равальякъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ такого же фанатизма, какъ Казеріо, но только у перваго этотъ фанатизмъ имѣлъ религіозную подкладку, а у послѣдняго анархическую. Замѣчательно, что въ числѣ убійцъ, покушавшихся въ наше время на правителей государствъ, значительный процентъ выпадаетъ на долю итальянцевъ: такъ, въ 1835 году Фіески подвергаетъ опасности жизнь Луи-Филиппа посредствомъ взрыва, жертвами котораго дѣлаются маршалъ Мортъе и сорокъ два убитыхъ и раненныхъ; во время второй имперіи Піанори два раза стрѣляетъ изъ пистолета въ Наполеона III, а въ 1858 году Орсини бросаетъ въ него бромбу, которая причиняетъ смерть и тяжелыя раны ста пятидесяти лицамъ; Либенги покушается на жизнь Франца-Иосифа, Мелано поднимаетъ руку на неаполитанскаго короля Фердинанда, а Пасананте стрѣляетъ въ короля Гумберта; наконецъ одно изъ двухъ подобныхъ преступленій, окончившихся кровавой развязкой, именно смерть Карно, совершенно миланцемъ Казеріо. Если смотрѣть на его кровавое дѣло просто, какъ на смерть правителя государства, то окажется, что Франція не видала подобнаго событія уже семьдесятъ лѣтъ со времени кончины Людовика XVIII, такъ какъ съ тѣхъ поръ ея монархи Карль X, Луи-Филиппъ и Наполеонъ III умерли въ изгнаніи, а главы второй республики: Ламартинъ и Каваньякъ, также какъ президенты третьей: Тьеръ, Макъ-Магонъ и Гриви, скончались, покинувъ свой высокій постъ. Удаленіе отъ власти предшественниковъ Карно совершалось во всѣхъ трехъ случаяхъ ранѣе истеченія срока ихъ полномочій и подъ давленіемъ враждебныхъ имъ обстоятельствъ: Тьеръ счелъ нужнымъ подать въ отставку въ виду постоянныхъ столкновеній съ консервативнымъ большинствомъ палаты, а Макъ-Магонъ и Гриви напротивъ съ позоромъ удалились подъ гнетомъ

либеральнаго большинства, которое не могло простить первому козней такъ называемаго правительства нравственнаго порядка, а второму его тайнаго, если не явнаго покровительства всѣмъ корыстолюбивымъ продѣлкамъ его зятя Вильсона и К^о. Такимъ образомъ Карно первый намѣревался представить республиканской Франціи Вашингтоновскій примѣръ президента, добровольно оставляющаго власть послѣ честнаго исполненія своей семилѣтней службы, но кинжалъ убійцы помѣшалъ ему окончить свою политическую дѣятельность просто, прозаически, хотя съ благородной гражданской доблестью, и увѣнчалъ его ореоломъ мученика.

Переходя отъ этихъ историческихъ справокъ къ характеристикѣ только что умершаго перваго гражданина Франціи, вполне и со всѣхъ точекъ зрѣнія имѣвшаго право носить этотъ гордый титулъ, необходимо прежде всего остановиться на его генеалогіи, такъ какъ многіе его называли «внукомъ своего дѣда», пока онъ собственными своими достоинствами не доказалъ, что и самъ безъ славы дѣда, знаменитаго «организатора побѣдъ» во время революціи, имѣлъ право занимать свой высокій постъ. Республиканская династія Карно, если можно такъ выразиться, происходитъ отъ чрезвычайно древней и почтенной семьи чисто гальскаго происхожденія, тогда какъ знаменитѣйшіе роды монархической аристократіи, Роаны и Монморанси, ведутъ свое начало только отъ вторженія франковъ. Самая фамилія Карно происходитъ отъ кельтическаго слова карнъ, означающаго святой камень, и на ихъ родинѣ Нолэ, въ департаментѣ Котъ-д'Оръ, до сихъ поръ встрѣчаются памятники глубокой старины, извѣстные подъ названіемъ Креста Карно, Колодца Карно и т. д. Впродолженіе многихъ поколѣній до революціи 1789 г. въ этой семьѣ была наследственной должностъ нотариуса въ Нолэ, и отецъ великаго Карно былъ не только нотариусомъ, но адвокатомъ и судьей въ окрестныхъ мѣстностяхъ, пользуясь громадною популярностью и нравственнымъ вліяніемъ среди сосѣдей. Въ такой-то патріархальной семьѣ средняго сословія, состоявшей изъ двадцати членовъ и представлявшей связующее звено между отжившей аристократіей и еще не народившимся народомъ, появился одинъ изъ немногихъ свѣтлыхъ, незапятнанныхъ дѣятелей французской революціи, о которомъ говорилъ знаменитый нѣмецкій историкъ Нибуръ, нисколько не сочувствовавшій ни Франціи, ни революціи: «Карно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ величайшій человекъ нашего столѣтія, и его добродѣтели доказываютъ, что его натура была соединеніемъ рѣдкихъ совершенствъ; мои политическія убѣжденія вполне расходятся съ его идеями, и моя любовь къ нему можетъ казаться аномаліей, но она на столько жива, что еслибъ я остался на свѣтѣ съ однимъ кускомъ хлѣба въ рукахъ, то почелъ бы громадною для себя честью подѣлиться имъ съ Карно». Получивъ основательное воспита-

Карно, президентъ Французской республики.

ніе прежде на родинѣ, а потомъ въ Парижѣ, молодой Лазарь Карно выказалъ особую способность къ положительнымъ наукамъ и обратилъ на себя вниманіе знаменитаго Д'Аламбера, который предсказалъ ему самую блестящую будущность. Восемнадцати лѣтъ, онъ блестяще выдержалъ экзаменъ въ инженерную школу въ Мезьерѣ, куда принимали только сыновей аристократовъ и

тѣхъ буржуазныхъ семей, которыя, по выраженію того времени, «жили благородно»; а окончивъ тамъ курсъ, онъ получилъ чинъ поручика и, служа въ различныхъ провинціальныхъ гарнизонныхъ городахъ, продолжалъ заниматься математикой и военными науками. Плодомъ этихъ занятій было извѣстное его сочиненіе «Eloge de Vauban», которое удостоено преміи Дижонской академіей и обратило на себя вниманіе не только Франціи, но и Европы. Въ немъ молодой офицеръ, тогда уже достигшій чина капитана, не только блестяще изложилъ военную сторону своего предмета, но и высказалъ такія глубокія философскія, экономическія и политическія идеи, которыя до сихъ поръ составляютъ основу современнаго прогресса. По его словамъ, война извинительна только, когда имѣетъ цѣлью защиту отечества, а не завоеванія, что гуманность первый долгъ полководца, и что цѣль всякаго правительства заставить всѣхъ гражданъ работать, для чего необходимо передавать часть богатствъ имущихъ неимущимъ, давая тѣмъ средство къ работѣ послѣднимъ и лишая первыхъ возможности быть тунеядцами. «Если же, — прибавляетъ онъ, — система налоговъ приводитъ къ противоположному результату, отнимая послѣднія средства у неимущихъ и увеличивая богатства имущихъ, то чего ожидать отъ такихъ чудовищныхъ порядковъ, кромѣ уменьшенія сельскаго населенія, увеличенія злобы и ненависти между гражданами и ослабленія преданности къ отечеству всѣхъ ея сыновъ?» Въ подобныхъ литературныхъ трудахъ и чисто научныхъ занятіяхъ, какъ математикой, такъ и военными предметами, провелъ Карно годы, предшествовавшіе революціи, гордо отказался отъ предложенія брата Фридриха Великаго, принца Генриха, поступить на прусскую службу съ высокимъ чиномъ и занимался въ свободное время писаніемъ стиховъ, подобно многимъ выдающимся политическимъ дѣятелямъ того времени Робеспьеру: Камиллю Демулену, Сенъ-Жюсту и т. д. Но вскорѣ наступило время, когда Карно посвятилъ всѣ свои знанія, всю свою энергію, всю свою жизненную силу, и душу и тѣло на спасеніе Франціи отъ враговъ. Въ первыя времена революціи онъ принималъ небольшое участіе въ политическихъ дѣлахъ и только подавалъ въ учредительное собраніе нѣсколько военныхъ проектовъ, а дѣятельную политическую роль онъ началъ играть лишь въ законодательномъ собраніи и конвентѣ, въ качествѣ депутата того города, гдѣ онъ находился, въ гарнизонѣ, но и тутъ онъ долго держалъ себя въ сторонѣ отъ всѣхъ партій, скромно работалъ для проведенія военныхъ реформъ и не принималъ участія въ жестокихъ мѣрахъ и позорныхъ звѣрствахъ террора, а если и подалъ голосъ въ пользу казни Людовика XVI, то лишь на томъ основаніи, что считалъ его виновнымъ въ преданіи отечества иностранцамъ. Съ этого вторженія во Францію иностранныхъ войскъ

началась великая эпопея, даровавшая Карно вполнѣ заслуженный имъ титулъ организатора побѣдъ. Въ семнадцатъ мѣсяцевъ неустаннаго кабинетнаго труда и личнаго присутствія на полѣ брани, какъ, напримѣръ, въ сраженіи при Ватиньи, гдѣ онъ одержалъ побѣду, которую очень высоко цѣнили Наполеонъ, Карно очистилъ Францію отъ враговъ и создалъ великія арміи, которыя одержали двадцать семь побѣдъ и взяли сто шестнадцать городовъ, двѣсти тридцать фортовъ, девяносто тысячъ плѣнныхъ, громадное количество орудій, знаменъ и т. д. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ создалъ цѣлый рядъ славныхъ полководцевъ, въ томъ числѣ Наполеона, которые доставили Франціи и ея арміи первенствующую роль въ Европѣ. Совершивъ великое дѣло своей жизни, организаторъ побѣдъ не почилъ на лаврахъ, а продолжалъ управлять военнымъ отдѣломъ комитета общественной безопасности, пока наконецъ ему стало не подъ силу нести на себѣ отвѣтственность за дѣйствія товарищей, которые даже пытались его предать суду, чему воспрепятствовали одинъ неизвѣстный голосъ въ конвентѣ, который, воскликнувъ: «Неужели вы посмѣете поднять руку на организатора побѣдъ республиканскихъ армій?»—не только превратилъ враждебное настроеніе конвента въ восторженную овацію въ честь Карно, но и создалъ ему тотъ титулъ, который за нимъ признала исторія. Во время директоріи онъ снова завѣдывалъ военными дѣлами республики и назначилъ Наполеона главнокомандующимъ итальянской арміи, но Барра сталъ интриговать противъ него, и ему грозила казнь, въ настоящемъ случаѣ уже не въ качествѣ террориста, какъ въ послѣдніе дни конвента, а роялиста. Зная, что его враги способны на все, и получивъ предостереженіе, что его или арестуютъ, или убьютъ въ уличной схваткѣ, Карно бѣжалъ въ Швейцарію, гдѣ обнародовалъ подробную записку въ защиту своихъ дѣйствій. Онъ возвратился во Францію послѣ 18 брюмера и былъ назначенъ военнымъ министромъ, но недолго ладилъ съ Наполеономъ и, подавъ въ отставку, энергично протестовалъ противъ деспотическихъ дѣйствій перваго консула, а когда тотъ сдѣлался императоромъ, то онъ одинъ въ законодательномъ собраніи подалъ голосъ противъ провозглашенія имперіи. Никакія ухищренія и предложенія Наполеона, говорившаго ему прямо: «Господинъ Карно, все что хотите, когда хотите и какъ хотите», не могли поколебать его преданности республиканскимъ принципамъ; но когда снова Франціи стало грозить иноземное вторженіе, великій патріотъ забылъ все и предложилъ Наполеону помощь своихъ «старческихъ шестидесятилѣтнихъ рукъ». Онъ былъ назначенъ комендантомъ Антверпена, и тутъ впервые ему, все еще официально капитану, пришлось согласиться на принятіе генеральскаго чина, такъ какъ иначе нарушалась военная субординація тогдашнихъ импера-

торскихъ порядковъ. Онъ геройски защищалъ этотъ городъ до отреченія Наполеона и такъ справедливо, гуманно управлялъ ввѣреннымъ ему округомъ, что до сихъ поръ сохраняются тамъ самыя благодарныя о немъ воспоминанія. Во время Ста Дней Наполеонъ сдѣлалъ его министромъ внутреннихъ дѣлъ и графомъ, но ни самъ Карно, ни его потомки никогда не носили этого титула. Изгнанный при реставраціи изъ отечества, которому онъ такъ много послужилъ, организаторъ побѣды жилъ нѣсколько времени въ Варшавѣ, а потомъ поселился въ Магдебургѣ, гдѣ и умеръ въ 1823 году. Въ чужой землѣ подъ простымъ камнемъ съ надписью: «Карно», покоились его останки шестьдесятъ шесть лѣтъ, и только въ 1889 году его внукъ, будучи уже президентомъ республики, перенесъ ихъ въ Пантеонъ, гдѣ онъ самъ теперь лежитъ рядомъ съ своимъ славнымъ дѣдомъ.

Конечно, такая колоссальная фигура, какъ Лазарь Карно, должна была затмевать собою всѣхъ членовъ его семьи, но, всетаки, его два брата и два сына, въ особенности отецъ покойнаго президента, представляются вполне достойными носителями его славнаго имени. Старшій изъ его братьевъ, Жозефъ Карно, былъ извѣстнымъ юристомъ и съ молодости исполнялъ должность прежде адвоката, а потомъ судьи въ Отенѣ и заслужилъ такое общее уваженіе своей прямою и справедливою, что сохранилъ свое мѣсто во все время революціи, хотя онъ, пламенно поклоняясь ея человѣчнымъ принципамъ, одинаково старался смягчить и тероръ и реакцію. Назначенный во время директоріи членомъ кассационной палаты, онъ оставался на этомъ высокомъ посту до своей смерти въ 1835 году, такъ какъ ни имперія, ни реставрація не посмѣли смѣстить независимаго судью, который заслужилъ имя Нестора современныхъ криминалистовъ и, кромѣ своей практической судебной дѣятельности, былъ извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ почтенныхъ юридическихъ трудовъ. Меньшой братъ великаго Карно, Клодъ Карно-Феленъ, отличался военными способностями, необыкновенной красотой, почему его называли красивымъ инженеромъ, и пламеннымъ краснорѣчьемъ; вмѣстѣ съ братомъ онъ былъ членомъ законодательнаго собранія и конвента, помогалъ ему въ осуществленіи его великой цѣли организаціи побѣды и принялъ вмѣстѣ съ нимъ участіе въ битвѣ подъ Ватиньи, но родовая независимость характера помѣшала его дальнѣйшимъ успѣхамъ, и онъ вынужденъ былъ подать въ отставку молодымъ генераломъ, въ виду преслѣдованій Наполеона, который никогда не хотѣлъ простить ему, что онъ отсовѣтывалъ брату назначить его главнокомандующимъ итальянской арміей, предсказывая, что этотъ честолюбецъ погубитъ республику. При всѣхъ послѣдующихъ французскихъ правительствахъ онъ жилъ тихо, уединенно и только въ эпоху реставраціи напечаталъ нѣсколько либеральныхъ брошюръ,

за что былъ посаженъ въ тюрьму по вымышленному обвиненію въ составленіи заговора противъ короля. Что касается до сыновей организатора побѣдъ, то старшій изъ нихъ Сади Карно, получившій воспитаніе въ Политехнической школѣ, въ рядахъ которой

Карно, ученикъ Политехнической школы.

защищалъ Парижъ въ 1814 году, былъ замѣчательнымъ ученымъ и, выйдя въ отставку изъ военныхъ инженеровъ, всецѣло предался изученію механики, труды по которой составили ему громкое имя въ Англии, тогда какъ во Франціи онъ оставался почти неизвѣстнымъ до своей неожиданной смерти отъ холеры, на тридцать ше-

«истор. вѣстн.», июль, 1894 г., т. LVII.

14

стомъ году жизни. Странное имя Сади дано было ему въ честь персидскаго поэта, котораго очень уважалъ его отецъ вмѣстѣ съ многими республиканцами своего времени; тогдашняя популярность поэзіи Сади доказывается многими цитатами изъ его сочиненій, которыя встрѣчаются въ французской литературѣ конца прошедшаго столѣтія и начала нынѣшняго; такъ, любопытная брошюра, изданная при Людовикѣ XVIII подъ заглавіемъ «Словарь Флюгарокъ» и въ которой собраны біографическіе очерки лицъ, служившихъ различнымъ правительствамъ, снабжена слѣдующимъ эпиграфомъ изъ поэмы Сади: «Еслибъ чума могла раздавать ордена, то и у нея были бы клеветы». Братъ этого преждевременно скончавшагося ученаго, Ипполитъ Карно, напротивъ дожилъ до глубокой старости и умеръ восьмидесяти шести лѣтъ отъ нравственнаго потрясенія, произведеннаго на него избраніемъ сына въ президенты. Онъ былъ вполне достойнымъ звеномъ, соединяющимъ великаго Карно съ первымъ гражданиномъ Франціи, котораго теперь оплакиваетъ не только его отечество, но и весь свѣтъ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ Парижѣ, онъ послѣдовалъ за отцемъ въ изгнаніе, и только закрывъ ему глаза, вернулся въ Парижъ и поступилъ въ юридическую школу, на скамьяхъ которой принялъ участіе въ либеральныхъ движеніяхъ того времени и сдѣлался пламеннымъ сенсимонистомъ. Хотя онъ былъ энергичнымъ дѣятелемъ іюльскихъ дней, но отказался отъ всякихъ предложенныхъ ему высокихъ должностей и посвятилъ себя всецѣло пропагандѣ сенсимонизма, который прельщалъ его своей гуманной, соціальной подкладкой. Онъ редактировалъ журналы и писалъ въ газетахъ этой популярной въ то время философской школы, которая, по его словамъ, должна была побѣдить весь міръ и преобразовать человѣчество; но когда ея глава, Анфантенъ, вздумалъ преобразовать ее въ религіозную секту, съ коммунистическимъ характеромъ, доходившимъ до общности женъ, то юный энтузіастъ порвалъ всякія сношенія съ сенсимонизмомъ. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ избранъ въ депутаты и засѣдалъ среди крайнихъ радикаловъ. Когда была провозглашена въ 1848 году вторая республика, то онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія и хотя занималъ этотъ постъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но ознаменовалъ свою административную дѣятельность многими полезными, прогрессивными реформами въ дѣлѣ народнаго образованія, которое онъ хотѣлъ сдѣлать свободнымъ, обязательнымъ и даровымъ, но, встрѣтивъ противодѣйствіе въ реакціонномъ большинствѣ палаты, которое сократило требуемую имъ прибавку жалованія сельскимъ учителямъ, онъ счелъ это за выраженіе недобрыя и подалъ въ отставку. Затѣмъ онъ энергично боролся съ назрѣвавшимъ государственнымъ переворотомъ 2-го декабря, а какъ только наступила позорная година второй имперіи, онъ предпочелъ

добровольное изгнаніе всѣмъ почестямъ, которыя ему предлагалъ Наполеонъ III. Между прочимъ, къ его величайшей чести, онъ отказался отъ самого соблазнительнаго для него, горячо любившаго своего отца, предложенія императора перевезти прахъ великаго Карно въ Парижъ и похоронить его съ подобающимъ торжествомъ. Въ своемъ знаменитомъ, надѣлавшемъ громаднѣйшій шумъ письмѣ, Карно отвѣчалъ императору, что его отецъ служилъ французской республикѣ и, конечно, не желалъ бы, чтобъ его останки вернулись на родину при имперіи. Два раза Ипполитъ Карно отказывался отъ званія депутата Парижа, который избиралъ его громаднымъ большинствомъ, не считая возможнымъ принять присягу императору, а если въ третій разъ и согласился пожертвовать своимъ личнымъ взглядомъ на эту официальную проформу, то сдѣлалъ это лишь изъ преданности своимъ всегдашнимъ принципамъ и, явившись въ законодательный корпусъ, занялъ мѣсто среди немногочисленной группы противниковъ имперіи. Съ водвореніемъ третьей республики онъ былъ избранъ прежде въ депутаты, а потомъ въ пожизненные сенаторы, и въ этомъ званіи имѣлъ счастье присутствовать при избраніи своего сына въ президенты.

Установивъ такимъ образомъ главныя черты того наследственнаго элемента, который сильно вліялъ на образованіе характера послѣдняго изъ трехъ Карно, составляющихъ совершенно оригинальную и никогда еще не встрѣчавшуюся въ исторіи комбинацію дѣда, отца и внука, одинаково достойныхъ и безупречныхъ передовыхъ гражданъ своей родины, теперь перейдемъ къ событіямъ его жизни, а затѣмъ къ общей его характеристикѣ. Мари-Франсуа-Сади Карно родился въ Лиможѣ 11-го августа 1837 года и получилъ воспитаніе въ бонапартовскомъ лицее вмѣстѣ съ своимъ братомъ Адольфомъ, а потомъ послѣ блестяще выдержаннаго экзамена оба брата, оставшіеся въ Парижѣ подъ надзоромъ своей почтенной матери, во время добровольнаго изгнанія отца въ Брюссель, поступили въ политехническую школу. О пребываніи ихъ въ этомъ знаменитомъ училищѣ имѣются интересныя свѣдѣнія, сообщенныя въ газетѣ «Illustration», по случаю недавняго столѣтняго юбилея политехнической школы, однимъ изъ ихъ товарищей, талантливымъ беллетристомъ Арманомъ Сильвестромъ. По его словамъ Сади Карно сохранилъ въ его юношескихъ воспоминаніяхъ самое видное мѣсто: всѣми уважаемый, чрезвычайно серьезный, трудолюбивый, искренній и прямодушный, онъ былъ тогда уже тѣмъ самымъ достойнымъ внукомъ своего славнаго дѣда, которымъ онъ постоянно являлся въ своей послѣдующей общественной дѣятельности. На товарищескихъ бесѣдахъ, главнымъ предметомъ которыхъ была ненависть къ декабрьской имперіи, онъ велъ себя всѣхъ спокойнѣе и сдержаннѣе, но высказывалъ болѣе твердо, чѣмъ кто нибудь,

демократическіе, республиканскіе и прогрессивныя принципы, унаслѣдованныя имъ отъ дѣда и отца. Окончивъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ курсъ наукъ въ политехнической школѣ, а также въ школѣ путей сообщенія, куда онъ поступилъ первымъ, Сади Карно принялся за практическую дѣятельность и, добросовѣстно исполняя скромную должность окружнаго инженера третьяго класса, провелъ семь мирныхъ счастливыхъ лѣтъ въ маленькомъ савойскомъ городкѣ Аннеси. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа онъ женился на дочери извѣстнаго экономиста Дюпона-Вайта, женщиной очень привлекательной, умной, энергичной и высокообразованной, которая сумѣла съ самаго начала устроить ему такой отраднѣй семейный очагъ, что добрый, простой, молчаливый, застѣнчивый Сади съ восторгомъ и благодарностью сосредоточилъ всѣ свои помыслы на женѣ и дѣтяхъ, которыя въ числѣ трехъ сыновей и одной дочери вскорѣ придали новую прелесть его домашней жизни. Конечно, они жили не богато, такъ какъ онъ получалъ 2.500 франковъ жалованья, но, прибавляя къ этимъ деньгамъ небольшія собственныя средства, Карно могъ позволять себѣ даже нѣкоторую роскошь, какъ, на примѣръ, экипажъ. Посвятивъ себя всецѣло службѣ, составленію различныхъ инженерныхъ проектовъ и семьѣ, онъ не посѣщалъ провинціальныхъ салоновъ, а разнообразилъ свое монотонное, но вполне блаженное существованіе музыкой, рисованіемъ, занятіями ботаникой и созерцаніемъ красотъ природы. Франко-прусская война неожиданно положила конецъ этой буколикѣ во вкусѣ Руссо: Карно было поручено организовать національную защиту въ Гаврѣ и въ трехъ департаментахъ: Эрв, Кальвадоса и Нижней Сены, а потомъ онъ былъ назначенъ префектомъ въ Генуѣ, и если ему не выпало завидной дѣдовской доли организовать побѣды, то своей энергичной, умѣлой дѣятельностью онъ, всетаки, оказалъ значительную помощь Фрейсинаэ въ его патріотическомъ дѣлѣ сформированія армій и вооруженія городовъ, такъ что его имя приобрѣло большую популярность, и онъ былъ избранъ представителемъ департамента Котъ-д'Оръ въ національномъ собраніи. Занявъ мѣсто въ группѣ, извѣстной подъ названіемъ республиканской лѣвой, онъ скоро сдѣлался ея секретаремъ и имѣлъ счастье засѣдать рядомъ съ своимъ отцомъ, но въ самую критическую минуту, именно 1-го марта 1871 г., онъ счелъ своимъ долгомъ въ первый и въ послѣдній разъ разойтись въ мнѣніяхъ съ почтеннымъ старикомъ, который всегда служилъ ему примѣромъ: Ипполитъ Карно подалъ голосъ за принятіе мирныхъ условій съ Германіей изъ желанія сохранить родину отъ дальнѣйшихъ жестокихъ испытаній, а его сынъ присоединился къ ста семи депутатамъ, желавшимъ продолжать войну и не уступать Эльзаса-Лотарингіи. Въ сущности ихъ патріотизмъ былъ одинаковъ, а раздѣляло ихъ только различіе возрастовъ. Въ Версалѣ Сади Карно стойко поддерживалъ

всѣ мѣропріятія, клонившіяся къ учрежденію республики, и въ первой палатѣ, избранной согласно новой конституціи, онъ былъ выбранъ однимъ изъ ея секретарей вмѣстѣ съ Клемансо. Съ тѣхъ поръ и до самаго своего избранія въ президенты онъ оставался представителемъ того же департамента и долго не выдѣлялся изъ ряда скромныхъ, дѣловыхъ депутатовъ. На трибунѣ онъ почти никогда не появлялся и не произносилъ громкихъ рѣчей, а усердно работалъ въ комиссіяхъ, особенно въ бюджетной, обнаруживая основательныя свѣдѣнія во всемъ, что касалось общественныхъ работъ, желѣзныхъ дорогъ и внутреннихъ водяныхъ сообщеній. Конечно, въ эпоху пресловутаго нравственнаго порядка герцога Брולי, онъ находился съ Гамбеттой въ числѣ трехъ сотъ шестидесяти трехъ протестовавшихъ депутатовъ, и когда въ слѣдующемъ году Фрейсина, назначенный министромъ общественныхъ работъ, предложилъ ему мѣсто товарища, то онъ охотно привялъ эту невидную, но дѣловую, полезную обязанность. Три года онъ сохранилъ ее при различныхъ министерствахъ и наконецъ въ 1880 году получилъ впервые портфель министра въ томъ же вѣдомствѣ при премьерѣ Ферри. Спустя два года онъ вышелъ въ отставку, а черезъ четыре снова вернулся къ прежней своей должности, а въ 1886 году въ кабинетѣ Бриссона онъ сдѣлался министромъ финансовъ и сохранилъ это мѣсто въ слѣдующемъ кабинетѣ Фрейсина. Въ одинъ изъ промежутковъ этой продолжительной министерской дѣятельности онъ былъ выбранъ вице-предсѣдателемъ палаты. Тихо, спокойно онъ завоевалъ себѣ всеобщее уваженіе и популярность серьезнаго общественнаго дѣятеля и безусловно честнаго человѣка среди позорной корыстной дѣятельности столькихъ видныхъ сенаторовъ, депутатовъ, министровъ и т. д. Онъ, однако, простиралъ свою честность за предѣлы личнаго качества и имѣлъ гражданское мужество сопротивляться незаконнымъ требованіямъ Вильсона и К^о, дѣйствовавшихъ подъ прикрытіемъ имени президента, и въ извѣстномъ дѣлѣ Дрейфуса отказался выдать ему правильно взысканные съ него казначействомъ 75.000 франковъ, что послужило предметомъ восторженной оваціи въ его честь, когда онъ уже не былъ болѣе министромъ. Эта знаменательная сцена произошла 6-го ноября 1887 года: Рувье, говоря о дѣлѣ Вильсона, заявилъ, что напелся одинъ министръ финансовъ, который не далъ денегъ Дрейфусу, и вся палата, обернувшись къ Карно, шумно рукоплескала въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, а скромный Карно никакъ не могъ понять, зачѣмъ такъ восторженно прославляютъ простое исполненіе своего долга. Среди общаго волненія раздался громкій ясный голосъ одного депутата: «Палата привѣтствуетъ будущаго президента республики». Эти слова оказались пророческими, хотя никто тогда не думалъ о возможности подобнаго событія, и дѣйствительно еще не прошло и мѣсяца, какъ Сади Карно замѣнилъ Гриви.

Избраніе этого честнаго гражданина и потому именно, что онъ былъ честнымъ гражданиномъ, въ главы государства произошло также неожиданно, какъ и конецъ его президентской дѣятельности, и представляетъ эпическое величіе, если не по высокому трагизму Лионской катастрофы, то по своей классической, трогательной простотѣ. Какъ только Гриви подалъ въ отставку 2 декабря и назначены были на слѣдующій день въ Версалѣ президентскіе выборы, то немедленно начались самыя сложныя интриги въ сенатѣ и палатѣ, члены которыхъ были избирателями президента, а весь Парижъ взволновался, и даже явились ясныя признаки народнаго возстанія, елибѣ, какъ всѣ опасались, былъ выбранъ непопулярный Ферри. На конгрессѣ долго не могли прійти ни къ какому результату, и ни Ферри, кандидатъ оппортунистовъ, ни Фрейсинэ, выставляемый радикалами, ни генералъ Сосье, поддерживаемый консерваторами, не были въ состояніи завоевать большинства голосовъ. Неожиданно кѣмъ-то было произнесено имя Карно, и словно электрическая искра пробѣжала по всему многочисленному собранію: президентъ былъ найденъ внѣ борьбы партій и по сердцу всѣмъ республиканцамъ. На первой баллотировкѣ Карно получилъ изъ восьмисотъ пятидесяти двухъ голосовъ триста три, Ферри двѣсти двѣнадцать, Сосье сто сорокъ восемь, а Фрейсинэ семьдесятъ шесть, а потому требовалось вторичное голосованіе, и тогда произошла сцена, дѣлающая честь всѣмъ французскимъ республиканцамъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Къ Карно, явившемуся на конгрессѣ въ старомъ порыжѣломъ пальто, въ помятой шляпѣ и съ дешевой сучковатой палкой въ рукахъ, подошелъ на виду всѣхъ блестящій, изящно одѣтый Жюль Ферри, навѣрно рассчитывавшій до тѣхъ поръ на свою побѣду, и, протянувъ руку своему скромному сопернику, громко сказалъ: «Вы теперь кандидатъ одной группы, но черезъ минуту вы будете нашимъ общимъ президентомъ республики». И онъ открыто отказался отъ своей кандидатуры; его примѣру послѣдовалъ немедленно Фрейсинэ, и Карно былъ выбранъ 616 голосами, а какъ бы для болѣе рельефнаго выставленія чисто республиканскаго характера его избранія консерваторы дружно подали снова свои голоса за генерала Сосье. Въ эту минуту самъ избранникъ громаднаго большинства народныхъ представителей удалился въ одну изъ галлерей Версальскаго дворца и, опустивъ голову, сидѣлъ погруженный въ тяжелую думу. Вдругъ раздались чьи-то шаги, чьи-то руки обняли его, чьи-то уста осыпали его поцѣлуями: это былъ его отецъ, первый, привѣтствовавшій въ немъ президента Французской республики. Первыми словами новаго главы государства былъ трогательный крикъ сыновней любви: «Отецъ, ты не разстанешься со мной и будешь жить въ Елисейскомъ дворцѣ», такъ же какъ послѣдними его словами передъ смертью былъ дышавшій семейной привязанностью воз-

гласъ: «Помните о моихъ», но затѣмъ, хотя и оставаясь всегда и вездѣ человѣкомъ, онъ уже въ продолженіе своего семилѣтняго президентства отдался всецѣло честному, безупречному исполненію своихъ высокихъ обязанностей. Въ первомъ своемъ посланіи къ парламенту отъ 12 декабря 1887 года онъ писалъ: «Всѣ мои силы, вся моя преданность принадлежатъ моей родинѣ», а въ послѣдней своей рѣчи, произнесенной за нѣсколько минутъ до роковой катастрофы, онъ сказалъ: «Въ нашей дорогой Франціи нѣтъ болѣе партій; одно сердце бьется въ каждой французской груди, когда дѣло идетъ о чести, безопасности и правахъ родины; единство всѣхъ ея дѣтей никогда не нарушится во Франціи и будетъ вѣрнымъ залогомъ ея постояннаго движенія по пути прогресса и справедливости». Этими двумя торжественными заявленіями, составляющими альфу и омегу всего президентства Карно, какъ нельзя лучше обрисовывается и его личная дѣятельность и то, что онъ сдѣлалъ для Франціи. Внѣшнія событія этой эпохи современной французской исторіи, которая будетъ всегда извѣстна подъ названіемъ республики Карно, еще живы въ памяти всѣхъ, и совершенно излишне подробно останавливаться на нихъ; достаточно указать, что главными фактами его септената была всемірная выставка 1889 г., эпизодъ съ Буланже, Панамскіе скандалы, дружба съ Россіей и динамитные взрывы. Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Карно строго держался избранной имъ роли конституціоннаго главы государства, не вмѣшивающагося во внутреннюю дѣятельность законодательной и административной машины, а только придающаго правительству парламентскаго большинства внѣшнее достоинство и необходимый представительный блескъ. Поэтому онъ давалъ полную свободу дѣйствовать своимъ десяти министерствамъ, въ главы которыхъ онъ избиралъ тѣхъ лицъ, которые, повидимому, были всего способнѣе сосредоточить вокругъ себя большую часть группъ палаты, но, все-таки, онъ незамѣтно, не выходя изъ границъ своей строго определенной конституціей власти, не далъ укорениться такимъ вреднымъ общественнымъ дѣятелямъ, какъ корыстному, хотя способному Рувье и ловкому кулачному министру Констану. Благодаря этой замѣчательной чертѣ и всѣми признаваемой, стоящей выше всякихъ сомнѣній чести Карно, онъ обязанъ тѣмъ, что ни Констановская травля, ни Буланже, ни Панамская грязь не запятнали его чистаго, безупречнаго имени. Напротивъ, грандіозный характеръ мирныхъ торжествъ всемірной выставки и необыкновенный блескъ кронштадто-тулоно-парижскихъ празднествъ многимъ обязаны ему своимъ великимъ значеніемъ, такъ твердо укрѣпившимъ республику и возвратившимъ Франціи ея прежнее высокое положеніе въ Европѣ. Такимъ образомъ, если дѣдъ организовалъ побѣды, то внукъ мирно утвердилъ зданіе одинаково дорогой тому и другому республики. Если же республика Карно

представляется далеко не идеальной и требующей многихъ коренныхъ реформъ, то въ этомъ виновать не онъ, а та странная конституція, выработанная подъ вліяніемъ нелѣпой фразы Тьера: «Республика будетъ консервативной или вовсе не будетъ», которая создала въ сущности не народоправство, а какую-то сложную безсмысленную правительственную систему, состоящую изъ отжившихъ остатковъ легитимистскихъ порядковъ, буржуазной, финансово растлѣнной Орлеанистской эпохи и позорныхъ традицій Декабрской имперіи. Карно не могъ измѣнить то, что было свыше его силъ, но своей благородной, честной, безкорыстной и не эгоистичной дѣятельностью сумѣлъ придать своему сенату такое значеніе, что въ исторіи будетъ записано: «при Карно Франція загладила всѣ слѣды своихъ поражений и возстановила свою прежнюю роль въ свѣтѣ». Хотя до Ліонской катастрофы никто не зналъ, явится ли Карно на новые президентскіе выборы, которые должны были произойти въ декабрѣ мѣсяцѣ, но теперь оказывается какъ изъ словъ его брата Адольфа Карно, такъ и изъ его личного заявленія по дорогѣ въ Ліонъ сопровождавшимъ его лицамъ, что онъ не былъ намѣренъ поставить своей кандидатуры на томъ основаніи, что, по его мнѣнію, вторичное избраніе противорѣчило его демократическимъ и патріотическимъ стремленіямъ.

То, что произошло въ Ліонѣ 24-го іюня, поражаетъ своимъ чисто эпическимъ трагизмомъ: послѣ двухдневныхъ великолѣпныхъ празднествъ, послѣ произнесенной имъ высокопатріотической рѣчи вызвавшей къ общему примиренію и національному единству, среди народныхъ восторговъ онъ палъ жертвою неизвѣстнаго чужестраннаго убійцы, который объясняетъ свое кровавое дѣло ироническимъ увѣреніемъ, что въ этомъ первомъ гражданинѣ Франціи, въ этомъ первомъ слугѣ своего народа онъ хотѣлъ поразить тирана. Судьбѣ какъ будто угодно было увѣнчать простую, безыскусственную, скромную жизнь Карно тѣмъ элементомъ, который въ ней всегда отсутствовалъ, именно картинной эффектной обстановкой, и дѣйствительно трудно придумать болѣе поразительный и патетическій конецъ для человѣка, жившаго только для исполненія своего долга, какъ общественнаго дѣятеля, такъ и семьянина. Взрывъ негодованія и самаго горячаго сочувствія встрѣтилъ извѣстіе о смерти Карно не только во Франціи, но и во всемъ свѣтѣ, а когда полутора-миліонная толпа и краснорѣчивыя выраженія общей печали, начиная отъ сильныхъ міра сего до горько плакавшихъ вдовъ и сиротъ, которымъ покойникъ втайнѣ оказывалъ щедрую помощь, проводили его останки въ Пантеонъ, то каждымъ зрителемъ этой картины, превосходившей по торжеству и сердечному горю все, что было видано до сихъ поръ въ этомъ родѣ, конечно, безмолвно повторялись слова Шекспира: «Это былъ человѣкъ».

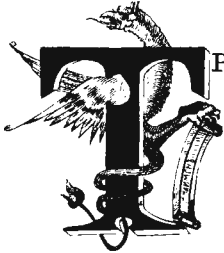
В. Т.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томы V—VII. Спб. 1894.

ТРИ ТОМА сочиненій нашего извѣстнаго юриста заключаютъ въ себѣ его судебныя рѣчи, при чемъ V т. не представляетъ чего нибудь новаго; здѣсь перепечатаны защитительныя рѣчи, уже знакомыя публикѣ по сборнику «За много лѣтъ». Рѣчи г. Спасовича можно раздѣлить на три главнѣйшія категоріи: по дѣламъ печати, по преступленіямъ политическимъ и по обыкновеннымъ уголовнымъ, каковы—убійства, грабежи и подлоги. Изъ послѣдней категоріи особенно выдаются «дѣло объ убійствѣ фонъ-Зона» и «дѣло Островлевоѣ»; въ защитѣ Островлевоѣ В. Д. явился не только во всеоружіи послѣдняго слова науки, но великимъ психологомъ, сумѣвшимъ мастерскимъ анализомъ установить сложную картину психическаго состоянія преступницы. Въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу фонъ-Зона и Островлевоѣ, наши адвокаты часто прибѣгаютъ къ приемамъ опозитивизованія преступниковъ, и судебный залъ сплошь и рядомъ не знаетъ, идетъ ли рѣчь о настоящемъ подсудимомъ, или героѣ какого-то романа, созданномъ фантазіей краснорѣчиваго защитника. Этотъ приемъ чуждъ г. Спасовичу; онъ бѣжитъ поэтическаго вымысла, беретъ фактъ такъ, какъ онъ есть, но, поставивъ его въ ряду съ условіями социальными, въ ряду съ иными фактами жизни, расчленяетъ его на самыя мелкія составныя части и уже изъ этихъ частей беретъ тѣ, которыя ему необходимы для возстановленія истины. Онъ чуждъ пафоса, крикливыхъ фразъ и жалостливаго нытья; логика, суровая и безпощадная, безпримѣрная эрудиція и великое знаніе человѣческаго сердца—вотъ тѣ орудія, съ которыми въ рукахъ онъ побѣдоносно опрокидываетъ и уничтожаетъ грозная обвиненія прокурорской власти. Г. Спасовичъ избѣ-

гаетъ становиться въ фальшивое положеніе человѣка, во что бы то ни стало задававшегося цѣлью назвать черное бѣлымъ и отрицающаго возможность заблужденій со стороны своихъ кліентовъ. Онъ признаетъ проступокъ и не пытается найти ему полное оправданіе, онъ ищетъ только извиненія, просить о смягченіи наказанія и замѣнѣ высшей кары низшею. Наша художественная литература обратила уже вниманіе на этого замѣчательнаго судебного дѣателя, и защитникъ Дмитрія Карамазова довольно удачно срисованъ гениальнымъ романистомъ-психологомъ въ романѣ «Братья Карамазовы» съ г. Спасовича. Въ настоящее время наша литература обогатилась нѣсколькими сборниками судебныхъ рѣчей: Андреевскаго, Кони, Харгулари, Спасовича. Было бы чрезвычайно интересно сопоставить между собою этихъ ораторовъ, отмѣтить характерныя свойства каждаго изъ нихъ, различіе въ технику и приѣмахъ и опредѣлить каждому свое мѣсто. Можно а priori сказать, что г. Спасовичъ не проиграетъ отъ сопоставленія, и его слово найдеть себя тогда истинную оцѣнку.

Изъ рѣчей по политическимъ процессамъ обращаютъ на себя вниманіе рѣчи по дѣламъ «о 50 подсудимыхъ», объ «административныхъ ссыльныхъ Теселкинѣ и др.», «Нечаевское дѣло» и «дѣло Долгушина». И здѣсь дѣловитость оратора выступаетъ на первый планъ: нѣтъ лишняго слова, нѣтъ жалкаго гаерства, нѣтъ слезливой и сентиментальной чувствительности. Трезвая правда нарисована смѣлой рукой, безпощадная логика борется съ жестокимъ обвиненіемъ, и если тѣмъ не менѣе рѣшающее слово судей не всегда идетъ на встрѣчу защитнику, то виноваты тутъ сплошь и рядомъ бываютъ тѣ «независящія обстоятельства», коими такъ обильно нагромождена наша русская жизнь.

Для журнальнаго рецензента, однако, во всѣхъ трехъ вышедшихъ томахъ наиболѣе дороги и близки сердцу тѣ страницы, гдѣ трактуются о вопросахъ литературныхъ, гдѣ онъ выступалъ горячимъ поборникомъ свободы слова, смѣлаго обсужденія общественныхъ явленій. Къ такимъ рѣчамъ должны быть отнесены: въ защиту покойнаго Гайдебурова по дѣлу объ изданіи книги Вундта, объ изданіи Щаповымъ писемъ объ Англіи Луи-Блана, объ изданіи Поляковымъ рационализма Лекки и по дѣлу Нотовича съ Тульскимъ банкомъ. По первому дѣлу ему пришлось вступить въ споръ съ духовной цензурой, споръ трудный и опасный. И, однако, какъ побѣдоносно вышель онъ отсюда и какою свѣжестью звучатъ слѣдующія его слова: «религіозное чувство,—сказалъ онъ,—питается еще сверхъ богословскихъ сочиненій и небогословскими, въ которыхъ люди простые, неученые, отъ избытка религіознаго чувства прославляютъ Бога. Позвольте имъ прославлять Бога, какъ они умѣютъ, позвольте свободно выражаться, не стѣсняясь канонами, и тому, кто видитъ въ Богѣ первую причину, кто считаетъ землю его подножіемъ, а небо звѣздное — его шатромъ, и тому, кто понимаетъ Бога, какъ верховный нравственный законъ, царящій въ недосягаемыхъ глубинахъ нашего духа, и поклоняться ему благоговѣйнымъ восшествіемъ въ себя, возношеніемъ себя къ идеалу». Во всѣхъ своихъ рѣчахъ по дѣламъ литературнымъ В. Д. ставитъ краеугольнымъ камнемъ требованіе разумной свободы слова и свободы научнаго изслѣдованія. Можно смѣло сказать, что не многіе судебные дѣатели принесли литературѣ столько пользы и блага, какъ В. Д. Благодаря ему, сенатъ установилъ правильный взглядъ на цензуру, и многія кассационныя рѣшенія въ этой области буквально взяты изъ

защитительныхъ рѣчей г. Спасовича. Нѣкоторые ученые изслѣдованія, ознакомитесь съ которыми необходимо въ настоящее время каждому грамотному человѣку, желающему идти въ уровень съ вѣкомъ, появились въ продажѣ въ русскомъ переводѣ, благодаря своему талантливому защитнику и заступнику. Этихъ заслугъ литература никогда не забудетъ.

Б. Глинскій.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 годъ. Составилъ членъ-секретарь статистическаго комитета Ст. Звѣревъ. Изданіе Воронежскаго губернскаго статистическаго комитета. Воронежъ. 1894.

Въ послѣднее время почти всѣ губернскіе статистическіе комитеты стали издавать подъ разными наименованіями памятные книжки. Книжки эти, если только онѣ не ограничиваются одними календарно-справочными свѣдѣніями, являются весьма полезными изданіями и имѣютъ не только мѣстный, но и общій интересъ. По нашему мнѣнію, такого рода памятные книжки дѣйствительно должны быть памятными: онѣ должны давать ясное представленіе о современномъ положеніи края и знакомить съ его историческимъ прошлымъ. Программы этой, однакожь, держатся далеко не всѣ изъ названныхъ изданій, а потому съ особеннымъ удовольствіемъ указываемъ на такія исключенія, какимъ является «Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 г.», составленная г. Звѣревымъ.

Книжка эта содержитъ въ себѣ четыре отдѣла: справочный, статистическій, научно-литературный и адресъ-календарь. Первый отдѣлъ начинается хронологіей мѣстныхъ историческихъ событій, затѣмъ идутъ указанія о сельско-хозяйственныхъ учрежденіяхъ губерніи, объ учебныхъ и торгово-промышленныхъ заведеніяхъ, и всѣ эти свѣдѣнія касаются не одного только губернскаго города, но и уѣздовъ. Второй и третій отдѣлы, т.-е. статистическій и научно-литературный, довольно тѣсно связанные между собою, составляютъ главный интересъ книги: въ нихъ мы находимъ матеріалъ для характеристики настоящаго и прошлаго экономическаго положенія края и историческія о немъ свѣдѣнія. Въ этомъ отдѣлѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе прекрасный, полный интереса докладъ Ф. А. Щербина о «Хозяйственныхъ нуждахъ и задачахъ Воронежскаго края».

Къ этому же отдѣлу относятся еще слѣдующія не безынтересныя статьи: «Потребности и потребление земледѣльческаго населенія»—Ф. Щербина; «Статистическія данныя объ измѣненіяхъ въ числѣ и составѣ земельныхъ владѣній въ Воронежской губер. съ 1873 до 1893 г.»—Г. И. Бычковскаго; «Сельско-хозяйственные выставки въ Воронежѣ», историко-статистическій очеркъ Н. И. Поликарпова, и «Изъ наблюденій надъ частно-владѣльческимъ хозяйствомъ»—В. Бекетова.

Кромѣ указанныхъ историко-экономическихъ статей, Воронежская «Памятная книжка» не бѣдна и историческимъ матеріаломъ; по этой части въ ней имѣются слѣдующія статьи: «Монастырская сельско-хозяйственная дѣятельность въ Воронежскомъ краѣ», М. В. Аполлосова; «Изъ Воронежской старины: I. Окрестности г. Воронежа 250 л. тому назадъ, по росписи крепостямъ, которыя учинены подлѣ Воронежа 7150 г. II. Подлинныя итоги двухъ переписей таглаго населенія г. Воронежа и Воронежскаго уѣзда

1646 и 1678 гг.»—К. К. Федяевского; «Воронежское дворянство по десятинам XVII в.»—В. Н. Сторожева; «Нѣмцы въ Воронежскомъ краѣ»—М. Н. Былова; «Матеріалы по археологіи Дона»—С. Е. Звѣрева, и «Къ пятидесятилѣтію Михайловскаго Воронежскаго кадетскаго корпуса»—А. А. Хованскаго.

«Монастырская сельско-хозяйственная дѣятельность» касается вотчины Валуйскаго Успенскаго Пристанскаго монастыря, который, по преданію, былъ основанъ царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ въ 1613 г. Какія вотчины первоначально были пожалованы этому монастырю—неизвѣстно, сохранившаяся же имъ опись относится къ 1762 г. Изъ этой описи, впервые напечатанной, видно, что такихъ вотчинъ въ 1762 г. было пять: въ слободахъ Кавначеевѣ, Козинкѣ и Орѣховой и въ деревняхъ Яблоновой и Симоновѣ. Вотчины эти были довольно значительныя, а экономическое положеніе монастырскихъ крестьянъ—достаточное, причемъ въ крестьянской средѣ была развита даже промышленная предпримчивость.

Въ старину Воронежскій край съ наступленіемъ лѣтней поры подвергался частымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ. Стольный городъ Воронежъ, въ которомъ жили воеводы, также былъ не гарантированъ отъ этихъ набѣговъ, и хотя его окружали сплошные лѣса, тѣмъ не менѣе существовали «татарскіе перелазы». Вотъ эти-то перелазы и охранялись слабыми крѣпостями, которыя представляли собою не что иное, какъ деревянную загороду: «а по тому мѣсту надолбы стоять одинокія въ дубовомъ лѣсу всѣ цѣлы». Описанію этихъ «надолбъ» посвящена статья «Изъ Воронежской старины», въ концѣ которой находятся еще цѣнныя данныя о численности тѣла населенія Воронежа и его уѣзда. Другой набѣгъ, но не татарскій, а нѣмецкій, имѣетъ въ исторіи нашего юга большое значеніе и въ настоящее время является тамъ злобою дня. Нѣмцы въ Воронежскомъ краѣ встрѣчаются съ первыхъ же страницъ его исторіи, но съ 1696 г., т.-е. со времени осмотра Воронежа Петромъ Великимъ, число ихъ увеличивается, и на берегу р. Воронежа, у церкви Успенія, появляется уже цѣлая «Нѣмецкая слобода», въ которой выстроено было двѣ лютеранскихъ церкви. Появленіе иностранцевъ среди коренныхъ жителей произвело непріятное впечатлѣніе, на чтѣ указываетъ завѣщаніе св. Митрофана, которое приказываетъ съ «лютеры и кальвины общенія въ содружествѣ не имѣти». Свѣдѣній о численности тогдашняго нѣмецкаго населенія не имѣется, въ началѣ же нынѣшняго столѣтія ихъ было всего 50 чел., а въ 1865 г. утверждается уже самостоятельное существованіе «воронежской протестантской общины», отдѣльной отъ Острогожской — «Рибендорфской». Основаніе этой послѣдней колоніи относится къ царствованію Екатерины II; виновникомъ ея образованія былъ острогожскій полковникъ Тевяшевъ, по ходатайству котораго въ 1765 г. прислано въ г. Острогожскъ 60 семействъ колонистовъ. И здѣсь мѣстные обыватели не довѣрчиво и не съ радостью отнеслись къ пришельцамъ, и когда ихъ спрашивали объ удобныхъ мѣстахъ для колоніи, то они отвѣчали рѣшительно, что «они такихъ удобныхъ мѣстъ не знаютъ». Но такое мѣсто было найдено въ 7-ми верст. отъ Острогожска по обѣимъ сторонамъ р. Сосны. Устроившись весьма удобно на счетъ русской казны и выдѣливъ изъ себя теперь особый поселокъ въ Донскую обл., колонія эта благоденствуетъ, чуждаясь кореннаго населенія и принося ему незначительную пользу.

Статья г. Сторожева «Воронежское дворянство по десятинамъ», составляющая отрывокъ изъ большаго труда автора о десятинахъ, заключаетъ въ

себѣ богатый матеріалъ по первоначальной исторіи этого сословія, относящейся къ 1600 г. Изъ путевого очерка г. Маркова — «Поѣздка къ камню Буину» — узнаемъ, что около Буйловки по берегу Дона, несомнѣнно, имѣется большой пластъ финляндскаго гранита вполне годнаго для разработки. Статья А. А. Хованскаго главнымъ образомъ интересна по очерку жизни и дѣятельности бывшаго преподавателя естественныхъ наукъ въ тамошнемъ корпусѣ Н. С. Тарачкова, не мало потрудившагося надъ изученіемъ мѣстной флоры. Что же касается автобіографической записки гр. Д. Н. Толстого — «Черты старинной помѣщичьей жизни», то она имѣетъ мѣстный интересъ лишь только потому, что гр. Толстой былъ воронежскимъ губернаторомъ съ 1859 до 1861 г. и оставилъ по себѣ добрую память: онъ былъ инициаторомъ историческаго изученія края и первымъ издателемъ сочиненій Никитина.

Л. Павленковъ.

Словарь русскихъ художниковъ съ XI до XIX вѣка. Составилъ Н. П. Собко. Томъ первый, выпускъ первый. А. Спб. 1893.

Вполнѣ компетентный знатокъ исторіи нашего искусства задумалъ огромный трудъ, который, когда онъ будетъ конченъ, явится драгоценнымъ подспорьемъ для изученія русскаго художества во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Трудъ этотъ составленъ на основаніи лѣтописей, актовъ, архивныхъ документовъ, замѣтокъ автора и печатныхъ матеріаловъ. Н. П. Собко работалъ надъ нимъ болѣе четверти вѣка — это еще очень короткій срокъ для подобнаго изданія. Въ первый выпускъ вошла первая буква азбуки, съ 500 именами живописцевъ, скульпторовъ, водчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаистовъ, чеканщиковъ и пр. Въ книгѣ этой, въ большую четверку, въ 350 столбцовъ, со множествомъ портретовъ, рисунковъ, копій съ картинъ и гравюръ, авторъ рассказываетъ подробно исторію своей книги, въ связи съ работами его предшественниковъ, собравшихъ матеріалы и свѣдѣнія для исторіи русскаго искусства: Н. Дурова, А. Неустрова, Д. Ровинскаго, В. Межова, П. Петрова, Я. Березина-Ширяева, Г. Геннади и др. Въ этотъ списокъ истыхъ русскихъ людей авторъ заноситъ и весьма непочетное имя нѣмца Гена, служившаго больше 15-ти лѣтъ въ нашей Публичной библиотекѣ и, по отъѣздѣ въ Берлинъ, въ званіи русскаго превосходительства, печатавшаго о Россіи всевозможные пасквили и клеветы. Знакомство съ прежними сборниками свѣдѣній о русскихъ художникахъ убѣдило автора, что труды эти не могутъ вполнѣ удовлетворять требованіямъ нашего времени, или по недостатку указаній на источники, или изъ-за отсутствія критическаго разбора ихъ. Попытки словаря художниковъ были у насъ и сто лѣтъ назадъ, и академія наукъ выдавала даже сорокъ лѣтъ назадъ Демидовскую премію за компиляцію Андреева «Живопись и живописцы». Но до выхода въ свѣтъ въ 1870 году словаря русскихъ граверовъ Д. Ровинскаго мы не имѣли ни по одному изъ отдѣловъ русскаго искусства сколько нибудь новыхъ свѣдѣній. Матеріаломъ для нихъ служили только каталоги выставокъ да двухтомное изданіе Ө. Булгакова о нашихъ художникахъ за послѣднее 25-ти лѣтіе. Но и тутъ представлены то довольно подробныя біографіи, то перечни однихъ произведеній не только участниковъ выставокъ, но и многихъ совершенно постороннихъ художниковъ, любезно доставленные ими автору. Но

за книгой г. Булгакова имѣется то значеніе, что она составляетъ сводъ всѣхъ академическихъ выставокъ съ массою портретовъ и снимковъ. Такимъ образомъ, трудъ г. Собко является единственнымъ въ своемъ родѣ, и о значеніи его было бы излишне распространяться. Кто знакомъ съ прежними трудами автора, тотъ знаетъ, съ какою добросовѣстностью и тщательностью исполняетъ онъ всѣ подобныя работы, и какъ не разъ приходилось сожалѣть, что, пополнивъ второй томъ словаря русскихъ писателей покойнаго Геннади остановившійся на буквѣ м, г. Собко не нашелъ возможнымъ закончить это изданіе, въ которомъ мы такъ нуждаемся.

Каждая біографія въ словарѣ русскихъ художниковъ оканчивается подробными библиографическими свѣдѣніями, при чемъ перечисляются даже листки и газеты. Иногда эти извѣстія очень обширны, и въ нихъ перечисляются замѣтки иностранцевъ о нашихъ художникахъ. Приводятся также литературныя работы тѣхъ изъ нихъ, кто былъ въ то же время и писателемъ. Цѣлыя страницы изданія заняты нерѣдко образцами старинной стѣнной живописи. Такъ приводится снимокъ съ рисунка Корсунакыхъ вратъ XIII вѣка Новгородскаго собора, съ латинскими надписями и портретами католическихъ епископовъ XII вѣка. Вся полемика о невозможности вятія въ Корсуни кн. Владимиромъ этихъ вратъ приведена въ словарѣ, въ біографіи литейщика Абрама. Сужденія о значеніи современныхъ художниковъ приводятся больше изъ академическихъ документовъ, что не всегда согласуется съ общественнымъ мнѣніемъ, какъ, напр., въ статьѣ объ Агинѣ-одинахъ рисунокъ котораго изъ «Мертвыхъ душъ» помѣщенъ въ словарѣ. Слишкомъ много мѣста посвящено также Мордуху Натасовичу Антокольскому, дарованіе котораго еще далеко не приняло опредѣленнаго направленія. Антоновъ такъ и названъ плохимъ граверомъ съ первой строки біографіи а между тѣмъ перечисляются всѣ его работы даже съ показаніемъ ихъ размѣра и съ цензурными дозволеніями печатанія ихъ. Кому это нужно? Изъ сорока штукъ Алексѣевыхъ и тридцати Андреевыхъ можно было бы не распространяться о половинѣ — безъ всякаго ущерба для русскаго искусства. Полагаемъ также, что для потомства будетъ совершенно безразлично узнать, что Ицка Лейбовичъ Аскназіи задумалъ написать картину «Марія Египетская въ сознаніи своей прежней недостойной жизни», но ограничился только карандашнымъ рисункомъ для нея. Напрасно уже не сообщено: какимъ карандашомъ, чернымъ или цвѣтнымъ. Больше всѣхъ мѣста отведено въ словарѣ Айвазовскому (54 столбца), но этотъ даровитый живописецъ, написавшій въ теченіе 58 лѣтъ своей художественной дѣятельности 675 картинъ, изумляетъ своимъ колоссальнымъ трудомъ (почти по картинѣ каждый мѣсяцъ) вялую русскую натуру, десятки лѣтъ собирающуюся писать картину и работающую надъ ней другіе десятки лѣтъ. Кромѣ біографій, въ словарѣ помѣщены и монограммы художниковъ. Намъ остается только пожелать, чтобы это добросовѣстное и полезное изданіе не испытало участи «Художественной Энциклопедіи» г. Булгакова, остановившейся на второмъ выпускѣ, или «Словаря практическихъ знаній» доктора Симонова, доказавшаго, что медицинскія знанія не обуславливаютъ еще умѣнья вести, какъ слѣдуетъ, литературное дѣло.

В. З—ъ.

Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга четвертая, изданная почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей, В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1893.

Въ настоящее время больше, чѣмъ когда нибудь прежде, начинаютъ обращаться къ собранію и опубликованію архивнаго матеріала. Не говоря уже о разнаго рода ученыхъ обществахъ, провинціальныхъ архивныхъ коммиссіяхъ, издавшихъ не мало цѣнныхъ документовъ, все чаще и чаще начинаютъ появляться такого же рода изданія, предпринимаемыя частными лицами. Среди послѣднихъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ «Архивъ князя Куракина», четвертый томъ котораго теперь передъ нами.

Въ настоящій томъ вошло 220 документовъ. Кромѣ древнихъ столбцовъ, имѣющихъ значеніе для исторіи рода кн. Куракиныхъ конца XVII в., большинство относится къ первымъ годамъ царствованія Петра Великаго, охватываетъ собой время до 1711 года включительно. Какъ переписка, такъ и мемуары кн. Бориса Куракина, напечатанныя въ этомъ томѣ, носятъ характеръ дипломатическій, имѣютъ значеніе для характеристики русскихъ сношеній того времени съ иностранными государствами и нерѣдко заключаютъ въ себѣ очень цѣнные свѣдѣнія объ этихъ государствахъ. Особенно много даетъ настоящій томъ для исторіи нашей «дружбы» съ англичанами, этимъ «христоненавистнымъ, канальскаго злочестія исполненнымъ народомъ», и значительно дополняетъ свѣдѣнія по этому вопросу, собранныя проф. Ф. Мартенсомъ въ IX т. «Собранія трактатовъ». Кромѣ того, записки и письма кн. Куракина, изданныя въ настоящемъ томѣ, представляютъ интересъ по нерѣдко очень мѣткимъ отзывамъ о видныхъ дѣятеляхъ той эпохи, напр., о Мальбургѣ, Витвортѣ и др., по изображенію иностранной жизни, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась русскому человѣку. Такъ, напримѣръ, кн. В. И. Куракину не нравилась лондонская жизнь: «Воистину,—говоритъ онъ,—пріѣдчиво здѣшнее пированье; ей, промѣнялъ бы на капитанство: и волокитно, и опасно, къ тому-жъ холодно и голодно, а паче всего безденежно, или, просто сказать, бѣдно» (стр. 246). Какъ человѣкъ наблюдательный, всѣмъ интересующійся, кн. В. И. Куракинъ не проходилъ мимо обращавшихъ на себя его вниманіе фактовъ заграничной жизни. Въ его дневникѣ мы находимъ свѣдѣнія и о 17 «коллежіяхъ» Оксфордскихъ и о печати царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, находившейся «въ томъ же мѣстѣ», о разнаго рода паркахъ, домахъ и т. д. «Домъ лука д'Ормонда,—пишетъ, напримѣръ, кн. Куракинъ,—хотя малъ, токмо комодъ, потому и все прибрано. При томъ мѣстѣ держитъ всегда 18 лошадей къ сѣдлу и нѣсколько собакъ для охоты, также и соколовъ. Садъ хорошъ, и натуральный паркъ горавдо хорошо прибранъ. Также и mainago, т. е. отдѣлцы птицамъ разнымъ, или бы, по нашему молвить, лебяжій дворъ, гдѣ разныхъ родовъ птицы, голуби, утки, куры русскія, и одинъ родъ индѣйскихъ курицъ видѣлъ маленькихъ такъ, какъ пыпята перятся, между которыми пѣтухъ такъ хорошъ, что никогда такого не выдалъ». Интересны также каталогъ книгъ и портретовъ высланныхъ кн. В. Куракинымъ для Петра Великаго изъ Италіи (стр. 128).

Г. Смольяниковъ, редактировавшій настоящій томъ, расположилъ всѣ документы въ хронологическомъ порядкѣ, издалъ ихъ болѣе или менѣе точно, нерѣдко даже съ соблюденіемъ ореографіи: документы, написанные на иностранныхъ языкахъ, напечаталъ съ русскимъ переводомъ. Думаемъ, однако,

что не было необходимости заботиться съ однообразіи правописанія, запутаннаго и неустойчиваго подъ перомъ кн. В. И. Куракина, такимъ образомъ, какъ это сдѣлалъ г. редакторъ. «Хотя,—напримѣръ, пишетъ г. Смольяниновъ,—кн. Борисъ Ивановичъ пишетъ фамилію извѣстнаго англійскаго государственнаго дѣятеля Пультнея, то «Полткнй», то «Полтиній», то «Пульте», то «Пальто», и только дважды обмолвился правильной формой, однако именно ее мы и усвоили» (стр. XXI). Не лучше ли и не научиѣ ли было бы исправлять такого рода ошибки въ примѣчаніяхъ? Въ концѣ тома, кромѣ указателя и примѣчаній, составленныхъ г. Смольяниновымъ, приложены еще очень интересные перечни словъ а) областныхъ или древне-русскихъ, вышедшихъ теперь изъ употребленія, б) словъ иностранныхъ, теперь не встрѣчающихся, и с) географическихъ терминовъ, своеобразно звучавшихъ въ Петровское время. Перечни эти составлены г. Смольяниновымъ на основаніи документовъ изданнаго тома.

В. Б.

Хр. Лопаревъ. Описаніе рукописей Императорскаго Общества любителей древней письменности. Часть II. Спб. 1893.

Вышедшій только въ январѣ настоящаго 1894 года трудъ г. Хр. Лопарева заключаетъ въ себѣ описаніе рукописей in quarto, каковыхъ по каталогу въ библиотекѣ Общества любителей древней письменности оказывается всего 258. Изъ этихъ рукописей большинство относится къ XVII и XVIII в. и содержитъ въ большинствѣ случаевъ житія святыхъ и поученія. Лишь незначительное количество рукописей относится къ XIV и XV в. и притомъ большаго значенія не имѣютъ. Наибольше интересны рукописи переводныхъ повѣстей XVII в., изъ которыхъ есть и не изданныя доселѣ, напр., исторія о Барбосѣ Гишпанскомъ. Изъ другихъ отмѣтимъ списокъ троянскихъ дѣяній, два списка извѣстной «Александріи», повѣсть о градѣ Вавилонѣ также въ двухъ спискахъ и повѣсть о кн. Петрѣ и Февроніи. Наибольшій интересъ представляютъ различные сборники и документы по исторіи раскола, напр., житіе Андрея Денисова (стр. 98), повѣнецкаго уроженца (р. 1674 г., ум. 1 марта 1730 г.), знаменитаго дѣятеля поморской церкви и основателя Выгорѣцкой виновія. Здѣсь же (стр. 97) находимъ: «страданіе» Θεодосіа (Θεοδωρος) Морозовой, о которой извѣстно слѣдующее: Θεодосія вышла замужъ за боярина Глѣба Морозова и родила сына Іоанна. Когда она послѣдовала ученію протопопа Аввакума, къ ней явились по царскому повелѣнію чудовскій архимандритъ Іоакимъ и ключарь Петръ съ намѣреніемъ отклонить ее отъ этого, но напрасно. Она выражалась рѣзко о Никонѣ въ присутствіи Михаила Алексѣевича Ртищева и, не смотря на увѣщанія, оставалась непреклонной. На требованія царя Алексѣя Михайловича она не явилась, ссылаясь на свое невдоровье, и, кромѣ того, «понеже тамо въ титулѣ царя благовѣрнымъ нарицати и руку его цѣловати и отъ благословенія архіереовъ ихъ невозможно избыти». Θεодора была заключена въ Печенскій монастырь, но и здѣсь въ бесѣдахъ съ рязанскимъ митрополитомъ Иларіономъ отстаивала свое ученіе. Патриархъ хотѣлъ было помазать ее масломъ, но она отвергла помазаніе. По смерти патр. Питирима царь перевелъ Θεодору въ Новодѣвичъ монастырь, а затѣмъ въ Москву. Она скончалась въ темницѣ 1-го ноября.

Въ рукописяхъ находится и «Виноградъ Россійскій», сочиненный Семеномъ Денисовымъ, и Поморскіе отвѣты и другія раскольничьи сочиненія. Прж-

видимъ здѣсь любопытный раскольничій паспортъ, видимо, принадлежавшій лицу секты бѣгуновъ, или странниковъ, у которыхъ намъ случайно пришлось видѣть въ сравнительно недавнее время подобныя же паспорта, или, какъ они называютъ, «маршруты»: «Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель животу моему, отъ кого ся устращу. Сей паспортъ отъ града вышняго и великаго царя небснаго, спасителя небу и земли вседержителя, отпустилъ мя на волю. всевышній господинъ и создатель Богъ единъ; а приложено множество святыхъ отецъ рукъ, еже бояться страшныхъ мукъ; написаны ему (?) примѣта и лѣта, радость и жизнь будущаго вѣка. Прописанъ въ полицію полной, имати разумъ духовной; еже бояться Бога и творите волю Его; а заномренъ въ путь по Возѣ ревности, не имѣть лѣности, итти правымъ путемъ о Христѣ, что не держали бы бѣси раба Божія нигдѣ, а кто мя вѣры ради погонитъ, тѣмъ въ геену себя готовить; а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать».

Изъ другихъ рукописей интересны списки сатиръ Кантемира съ предисловіемъ къ читателю и переписка отца, пославшаго своего сына за границу для обученія, съ лицомъ, которому оно было поручено. Нѣкоторыя рукописи создаютъ интересныя дополненія и поправки къ изданіямъ, напр., извѣстное житіе Іоанна, архіепископа новгородскаго, которое напечатано съ пропусками въ Памятникахъ старинной русской литературы. Всѣ замѣченные пропуски обозначены г. Лопаревымъ и приведены по рукописямъ Общества любителей древней письменности.

С. Т.—скій.

А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб. 1894.

А. А. Шаховъ, покойный приватъ-доцентъ Московскаго университета, представлялъ собою выдающееся и многообъщавшее явленіе въ русской наукѣ. Нужно благодарить судьбу, что немногіе труды его уцѣлѣли и, хотя нѣсколько поздно, появляются въ печати. На своемъ короткомъ вѣку молодой приватъ-доцентъ сдѣлалъ, быть можетъ, больше, чѣмъ иной «заслуженный» профессоръ, просидѣвшій, въ прямомъ смыслѣ слова, не одну кафедру. Вслѣдъ за вышедшей въ 1891 году книгой Шахова «Гете и его время» недавно появились вышеназванныя лекціи, которыя служатъ какъ бы продолженіемъ перваго труда. Издатели «Очерковъ» поступили вполне справедливо, сведя лекціи Шахова съ его диссертацией, касавшейся того же предмета, въ одно цѣлое. Заглавіе книги не совсемъ точно. Это исторія не исключительно французской литературы, но исторія романтизма XIX столѣтія: здѣсь удѣляется не мало мѣста и нѣмецкой литературѣ, хотя, правда, на французскихъ романтикахъ лекторъ останавливается съ большимъ вниманіемъ. Особенно долго онъ занимается Шатобрианомъ, характеристика котораго, при своей полнотѣ, вышла талантливой и увлекательной. Кромѣ разсмотрѣнія литературныхъ явленій, Шаховъ посвятилъ цѣлую главу французской журналистикѣ, разработавъ эту главу самостоятельно. Становя литературу въ тѣсную связь съ политико-соціальными событіями эпохи, Шаховъ достигъ широты взгляда, избѣжавъ узкости и близорукости ученаго педантизма. Самый выборъ предмета говорить о томъ, что это былъ живой че-

ловѣкъ. Онъ не зашелъ въ дебри литературы первыхъ вѣковъ, не закопался въ средневѣковую схоластику, не силился подобрать къ какой либо переходной темѣ возможно большаго количества вариантовъ,—онъ жилъ современными идеями и, чуждый кастоваго педантизма, видѣлъ въ своемъ предметѣ только средство для объясненія болѣе высокихъ и сложныхъ задачъ. Лекціи Шахова объединены одной идеей, цѣль его выяснитъ социальное значеніе литературы. Въ частности, по отношенію къ избранной эпохѣ, онъ рассматриваетъ смѣну направленій, переходную стадію отъ XVIII вѣка къ XIX-му вѣку. XVIII-й вѣкъ опредѣляетъ, какъ особенно бурный умственный подъемъ, приведшій къ критикѣ и отрицанію всего прошлаго; онъ усматриваетъ въ этой эпохѣ крайній рационализмъ, не желающій оставить ни одного явленія безъ реальныхъ объясненій, и какъ результатъ этого—условный догматизмъ, страсть къ системѣ. Механическое возрѣніе на вещи заставляло рационалистовъ XVIII вѣка видѣть продуктъ изобрѣтенія, продуктъ логическихъ комбинацій даже въ такихъ явленіяхъ, какъ религія и языкъ. Девятнадцатый вѣкъ—время изученія фактовъ, изученія современнаго человечества, безъ преднамѣренныхъ доктринъ и утопій, направленныхъ по адресу потомства. За «столѣтіемъ теорій», разумѣется, слѣдовала реакція, когда нужно было осмотрѣться для выбора настоящей дороги. Эта реакція совпала съ эпохой романтизма въ литературѣ, и какъ такое переходное состояніе, Шаховъ рассматриваетъ романтизмъ путемъ сопоставленія идей XVIII вѣка и тѣхъ явленій, какія сопровождали ходъ новаго столѣтія. Этотъ методъ выдержанъ авторомъ въ продолженіе всего труда.

Касаясь субъективныхъ свойствъ труда, мы должны замѣтить, что онъ носитъ опредѣленный и яркій характеръ. Читая книгу, вы знаете мѣтнія и симпатіи автора, знаете, къ чему онъ стремится и чего онъ хочетъ. Это не жрецъ, съ важнымъ видомъ посвящающій васъ въ кабалистическія таинства своего ремесла, и даже не судья, взирающій равнодушно на правыхъ и виновныхъ, а человѣкъ съ кровью и нервами, живо заинтересованный въ томъ, что онъ говоритъ, и при томъ убѣжденный, имѣющій свою опредѣленную вѣру, которой онъ не измѣнитъ ни ради какихъ традицій. Но все это не мѣшаетъ ему ставить правду выше всякихъ соображеній и быть чуждымъ партійной исключительности. Думается, что эти внутреннія качества автора отразились и на внѣшнемъ достоинствѣ его труда. Языкъ его образный и увлекательный, что встрѣчается только какъ исключеніе въ русскихъ научныхъ трудахъ. Книга не испещрена тяжеловѣсными цитатами, именами, цифрами и ссылками,—опять таки обычнымъ багажемъ российскихъ ученыхъ произведеній,—и представитъ немалый интересъ для каждаго интеллигентнаго читателя.

М. М.

Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ А. И. Пульхерова. Псковъ. 1893.

Наши губернскіе статистическіе комитеты, обладающіе интересными свѣдѣніями по исторіи мѣстнаго управленія, образованія, свѣдѣніями, важными для выясненія мѣстныхъ нуждъ и потребностей, сравнительно очень рѣдко дѣлятся этими свѣдѣніями съ публикой и, даже если составляютъ свои отчеты, то относятся къ этому дѣлу слишкомъ ужъ официально. Бы-

ваютъ, конечно, рѣдкія исключенія, къ числу которыхъ нужно отнести, между прочимъ, Псковскій губернский комитетъ, въ лицѣ его члена А. Пульхерова. Въ прошломъ году А. Пульхеровъ издалъ интересное обзорѣніе Великолуцкаго общественнаго управленія съ 1785 до 1891 г., а теперь въ книгѣ, заглавіе которой мы привели въ началѣ рецензіи, знакомитъ съ состояніемъ образованія и образовательными средствами въ Великолуцкомъ уѣздѣ. Начинаетъ онъ со школъ конца XVIII в., которыя въ большинствѣ случаевъ существовали только на бумагѣ, въ разнаго рода отчетахъ, и затѣмъ переходитъ къ школамъ XIX в., начиная съ духовнаго уѣзднаго училища, открытаго въ Великихъ Лукахъ въ 1808 г., и кончая земскими и церковно-приходскими школами настоящаго времени. Г. Пульхеровъ даетъ по возможности полный статистическій матеріалъ о количествѣ школъ, учащихся и учащихся, объ издержкахъ на содержаніе школъ, а также сообщаетъ иной разъ не лишеныя интереса факты изъ внутренней жизни школъ и училищъ. Факты эти показываютъ, что «Очерки бурсы» Помяловскаго—не вымыселъ и далеко не мѣстное единичное явленіе. Въ настоящее время въ уѣздѣ 10 земскихъ и 30 церковно-приходскихъ школъ, въ которыхъ обучается 1.433 человекъ. По расчету г. Пульхерова, для того, чтобы все дѣти школьнаго возраста учились грамотѣ, нужно открыть еще 262 школы. Мы вполне согласны съ г. Пульхеровымъ, что при такихъ статистическихъ выводахъ «странно» поднимать, какъ это нерѣдко дѣлается, вопросъ, какія школы лучше, какимъ отдавать предпочтеніе—земскимъ или церковно-приходскимъ. Лучше чтонибудь, чѣмъ ничего. Кромѣ такого рода интересныхъ данныхъ, г. Пульхеровъ даетъ въ концѣ своей книги свѣдѣнія о мѣстныхъ дѣятеляхъ, принимавшихъ живое участіе въ дѣлѣ народнаго образованія—о покойномъ редакторѣ «Русской Старины» М. И. Семевскомъ, его братѣ А. И. Семевскомъ и священникѣ І. Пульхеровѣ, къ біографіямъ которыхъ приложены также ихъ портреты.

В. Б.

М. Довнаръ-Запольскій. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Гродно. 1893.

Несомнѣнно, что популяризація во всякой научной области полезна; она знакомитъ массы съ новыми пріобрѣтеніями науки и привлекаетъ къ послѣдней большій кругъ адептовъ и читателей. Этнографія—наука новая, интересъ ея еще до сихъ поръ чужды массамъ, и потому мы должны обращать вниманіе даже на сравнительно незначительныя явленія въ ея области. Одной изъ попытокъ ознакомить публику съ этнографическимъ матеріаломъ въ удобной для чтенія обработкѣ является книжка г. Довнара-Запольскаго. Авторъ посвятилъ свой этнографическій этюдъ объясненію свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ, жителей Пинскихъ болотъ, занимающихъ громадную площадь сѣверо-западнаго края. Населеніе Пинскихъ болотъ и по языку и по этнографическому типу смѣшанное: оно представляетъ средній типъ между бѣлоруссомъ и малоруссомъ. Много изслѣдователей занимались собираніемъ и записываніемъ пѣсенъ пинчуковъ: Булгаковскій, Зенъкевичъ, Кольбергъ. Авторъ настоящаго очерка собралъ также не мало пѣсенъ, которыя въ непродолжительномъ времени появятся въ печатѣ.

Пользуясь сборниками вышеупомянутыхъ лицъ, а также и своимъ собираніемъ, г. Довнаръ-Запольскій старается въ своемъ этюдѣ словами пѣ-

сень нарисовать поэтические образы главныхъ лицъ свадебнаго обряда. Въ первой главѣ, посвященной невѣстѣ, словами пѣсень рисуется ея красота и другія достоинства, отношеніе ея къ роднымъ и будущему супругу. Во второй главѣ описывается женихъ, его дружина, похищеніе дѣвушки. Здѣсь же авторъ попутно говоритъ о значеніи рода и его представителей въ брачномъ обрядѣ, о роли брата. Послѣдующія три главы изображаютъ разставаніе невѣсты съ роднымъ домомъ и вступленіе ея въ новую, порой враждебную, семью молодого мужа. Шестая и седьмая главы посвящены анализу символическаго элемента въ свадебномъ обрядѣ пинчуковъ. Такимъ образомъ получается полная картина свадебной драмы во всѣхъ ея перипетіяхъ.

Не претендующая на ученое значеніе, книжка г. Довнара-Запольскаго читается съ интересомъ, хотя для специалиста не даетъ ничего новаго и достойнаго особаго вниманія.

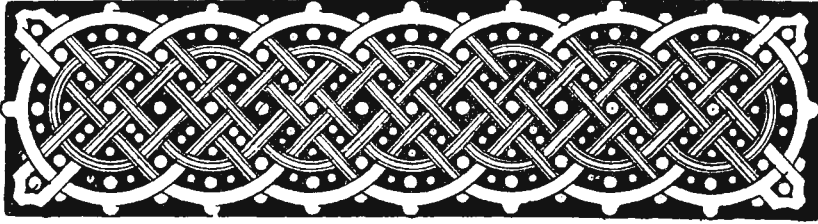
С. Т—скій.

Сѣра Томаса Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Болдакова. Спб. 1893.

Описаніе путешествія и пребыванія Томаса Смита, пріѣзжавшаго въ 1604—1605 гг. для утвержденія торговыхъ отношеній между Англіей и Россіей, было издано на англійскомъ языкѣ въ 1605 г., но до сихъ поръ оставалось почти неизвѣстнымъ для русскихъ историковъ. Устряловъ о немъ даже не упоминаетъ въ «Сборникѣ», посвященномъ специально Смутному времени. Между тѣмъ, описаніе это имѣетъ нѣкоторое значеніе. Не сообщая никакихъ новыхъ фактовъ, записки интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ на сколько сильно распространена была въ то время вѣра въ «подлинность» самозванца, что онъ дѣйствительно сынъ Грознаго, случайно спасшійся отъ убійцъ, рисуютъ настроеніе современнаго общества, сообщаютъ ходившіе въ то время слухи. Г. Болдаковъ въ обстоятельномъ предисловіи собралъ, какія только можно было, свѣдѣнія о личности Томаса Смита, доказавъ, что онъ не могъ быть авторомъ описанія, что авторъ былъ, вѣроятно, драматургъ Джорджъ Уилькинсъ, выяснилъ значеніе записокъ, какъ историческаго источника и литературнаго памятника. Въ концѣ книги приложены необходимыя для пониманія текста примѣчанія, тщательно составленныя г. Болдаковымъ, два снимка съ писемъ Смита, хранящихся въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, а также письмо Дж. Мерика къ самозванцу.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

АЛМАЦІЯ подѣ французскимъ владычествомъ. Извѣстный французскій историкъ, Альберъ Вандаль, авторъ надѣлавшей столько шуму книги о Наполеонѣ и Александрѣ I, рисуетъ въ *Journal des Debats* живой, широкой кистью картину того положенія, въ которомъ находилась Далмація подѣ владычествомъ французовъ, во времена революціи и имперіи. Этотъ любопытный очеркъ, основанный преимущественно на вышедшемъ недавно трудѣ аббата Пизани, подѣ заглавіемъ «*La Dalmatie de 1797. à 1815*», прежде всего графически знакомитъ читателей съ исторіей этой мѣстности Адриатическаго прибрежья, по которой постепенно прошло столько различныхъ цивилизацій, оставившихъ по себѣ вѣчные слѣды въ городахъ и развалинахъ. На сѣверѣ Пола до сихъ поръ сохраняетъ римскій характеръ, съ величественнымъ коллизеумъ, храмами и триумфальными арками. Немного далѣе внутрь страны Византія сіяетъ въ своихъ церквахъ, съ драгоценными мозаиками и ликами святыхъ на золотомъ фонѣ. Въ Спалато современный городъ свободно помѣстился въ развалинахъ дворцовъ и зданій, воздвигнутыхъ Діоклетіаномъ, этимъ иллирійскимъ, по происхожденію, цезаремъ, который впервые осыпалъ азіатскими жемчужинами римскій пурпуръ и передвинулъ къ востоку ось римскаго міра. Послѣ римлянъ, византійцевъ и варваровъ пришла очередь Венеціи, и она, распространивъ свои колоніи по Далматскому берегу, создала цѣлый рядъ городовъ по своему образу, такъ что вдоль Адриатики потянулась длинная лента миниатюрныхъ Венецій, на зданіяхъ которыхъ до сихъ поръ красуется левъ св. Марка. Но если берегъ Адриатики итальянскій, то горы отличаются славянскимъ элементомъ, и славянскіе пастухи болѣе

1200 лѣтъ уже пасутъ свои стада въ ихъ долинахъ. На южной окраинѣ, въ обнаженной, утесистой мѣстности черногорцы сохраняютъ до сихъ поръ первобытный патриархальный бытъ, а сосѣдній албанскій Скутари поражаетъ своимъ восточнымъ видомъ еще болѣе, чѣмъ Константинополь. Представляя контрастъ климатовъ, природы, расы, нравовъ и вѣрованій, Далмація и въ своей исторіи является столь же разношерстной. Западъ и востокъ въ ней постоянно сталкивались, но никогда борьба между ними не была такъ ожесточенна, какъ въ эпоху французской революціи, когда Далмація въ семнадцать лѣтъ четыре раза перемѣнила своихъ властителей. До 1797 года она принадлежала Венеціи, потомъ подпала подъ власть Австріи, затѣмъ ее завоевала Франція, и наконецъ она снова возвратилась подъ господство Австріи, уже не говоря о временныхъ вторженіяхъ турокъ, англичанъ и русскихъ. Въ 1797 году Бонапартъ, послѣ своей славной итальянской кампаніи, прибывъ въ Венецію, подвергся впервые чарующему вліянію востока, который представлялъ для него нѣчто совершенно новое, невѣдомое. Видя большую сумятицу, происходившую повсюду, отъ Балканъ до Краснаго моря, онъ почувствовалъ желаніе распространить тамъ господство Франціи и, начавъ съ Ионическаго архипелага, сталъ быстро подвигаться съ острова на островъ до Египта, цѣли всѣхъ его стремленій; но Абукирскій погромъ, закрывъ для французовъ море, привлекъ англичанъ въ Александрію, а русскихъ въ Корфу, при чемъ всякая мысль о востокѣ должна была исчезнуть изъ французскихъ умовъ, но Наполеонъ не хотѣлъ помириться съ такимъ печальнымъ окончаніемъ своихъ честолюбивыхъ плановъ, и если море было для него замкнуто, то онъ старался всячески проложить себѣ путь къ востоку по сушѣ и пользовался каждой своей побѣдой, чтобъ территориально приблизиться къ Турціи. Такимъ образомъ въ 1805 году, послѣ Аустерлица, онъ заставилъ Австрію уступить ему Далмацію и разомъ сдѣлался сосѣдомъ Турціи, на которую могъ вліять и насильственно и мирно, съ цѣлью осуществить свой вѣчный проектъ нанести окончательный ударъ Англіи въ Индіи. Во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, по словамъ Вандаля, существуетъ до сихъ поръ обширная официальная корреспонденція, которая ясно доказываетъ, что на присоединеніе Далмаціи къ Франціи имперія смотрѣла, какъ на первый этапъ по дорогѣ въ Индію. Основной вопросъ, возбужденный этимъ подчиненіемъ Франціи невѣдомаго ей далматинскаго народа, заключался въ томъ, какіе порядки ввести императору въ новыхъ своихъ владѣніяхъ. Придерживаясь своей прежней, совершенно правильной идеи, которую онъ примѣнялъ въ Египтѣ—идеи о протекторатѣ съ помощью туземныхъ властей, и зная, что населеніе Далмаціи съ сожалѣніемъ вспоминало о владычествѣ венеціанцевъ, Наполеонъ назначилъ туда губернаторомъ итальянца, родившагося подъ тѣнью св. Марка, Винченца Дондоло, со старымъ венеціанскимъ титуломъ генерала-проведатора. Имѣя самыя широкія полномочія, Дондоло оказался благодѣтельнымъ диктаторомъ и составилъ большую часть своей администраціи изъ туземцевъ. вмѣстѣ съ ними онъ заботился о развитіи земледѣлія, промышленности и народнаго образованія. Вообще правленіе этого честнаго человѣка заслужило ему репутацію мягкаго, справедливаго и добросовѣстнаго государственнаго дѣятеля. Но, не смотря на это, положеніе Далмаціи было шаткое и критическое, такъ какъ со всѣхъ сторонъ ей грозила война. Англичане блокировали порты и прекращали всякую торговлю, Австрія, оставаясь въ Триестѣ и Кроаціи, возбуждала

народное неудовольствіе и подготавливала тѣмъ возвратъ Далмаціи подъ свое господство; на югѣ Россія захватила венеціанскую Албанію и устья Каттаро, уступленныя Наполеону по Пресбургскому трактату вмѣстѣ съ Далмаціей, и французскія войска тщетно старались выбить ее оттуда. При этомъ столкновеніи русскихъ и французовъ на отдаленномъ адриатическомъ побережьѣ исчезло, подъ ихъ взаимными ударами, нѣчто очень любопытное, шаткое и хрупкое, именно республика Рагуза. Этотъ оригинальный и замѣчательный городокъ находится на берегу Адриатики, между южнымъ конечнымъ пунктомъ Далмаціи и заливомъ Каттаро. Онъ издавна составлялъ независимую республику, въ которой группа аристократовъ неограниченно управляла строго подчиненными имъ низшимъ классомъ и прикрѣпленными къ землѣ крестьянами. Но, не смотря на это, образованная и культурная республика Рагузы составляла оазисъ цивилизаціи среди варваровъ. Даже въ XVI и XVII вѣкахъ въ этомъ забытомъ уголкѣ Адриатики процвѣтала славянская поэзія и литература, пропитанная всею прелестію итальянской эпохи возрожденія. Но еще болѣе Рагуза славилась своимъ флотомъ. У этого маленькаго городка, имѣвшаго только сто солдатъ, было въ 1797 году 363 корабля, разбросанныхъ во всѣхъ концахъ Средиземнаго моря. Подъ защитой своего нейтральнаго флага, Рагуза вела обширную каботажную торговлю между различными портами Леванта, такъ что ея жителей называли «Левантскими перевозчиками». Такимъ образомъ Рагузская республика была въ сущности не что иное, какъ независимая, самодержавная акціонерная компанія мореходства и торговли. Эксплуатируя море и наживаясь имъ, рагузскіе аристократы видѣли его только издали, чрезъ амбразуры своихъ фортовъ и никогда сами не плавали по морю, поручая это дѣло своимъ поданнымъ и рабамъ. Они же вели замкнутую жизнь въ своемъ маленькомъ городкѣ, разнообразя свое монотонное существованіе политическими интригами, странными обычаями и чисто восточнымъ обращеніемъ съ женщинами, которыя вели затворническую жизнь. Такимъ образомъ, избѣгая всякихъ сношеній съ вѣнскимъ міромъ и довольствуясь тѣсными рамками своего города, Рагузская республика существовала вѣками, только благодаря своей искусной политикѣ и обезпечивала свою свободу, провозглашая надъ собой господство то той, то другой державы, которыя поэтому постоянно враждовали между собой. Боясь завоевательныхъ стремленій Венеціи, она объявляла себя турецкой и платила дань султану, а чтобъ отдѣлаться отъ турокъ, она признавала протекторатъ Австріи, Неаполя или Франціи. Эта игра ей вполне удавалась, и сосѣднія государства ограничивались тѣмъ, что балансировали свое вліяніе, а не рѣшались присоединить къ себѣ маленькую республику; но въ концѣ концовъ, при борьбѣ могучихъ самолюбій, Рагуза должна была погибнуть. Очувтившись въ 1806 году между Россіей и Франціей, она старалась обмануть и ту и другую; она исполняла должность шпиона для первой и, возбудивъ негодованіе послѣдней своимъ коварствомъ, побудила ее занять городъ. Послѣ Тильзитскаго мира, который отдалъ французамъ Каттаро и удалилъ русскихъ, Рагуза очутилась въ предѣлахъ наполеоновской имперіи. Генералъ Лористонъ прямо объявилъ ея жителямъ: «вы теперь будете нашими», и чрезъ нѣсколько времени императорскимъ декретомъ было уничтожено мѣстное правительство. Въ эпоху, слѣдовавшую за Тильзитскимъ миромъ, Наполеонъ, руководствуясь своимъ союзомъ съ императоромъ Александромъ и постоянными своими стремленіями на вос-

токъ, обращалъ большое вниманіе на Далмацію и Корфу, которыя могли составить двойной базисъ наступательной войны. Онъ укрѣпилъ и вооружилъ всѣ форты, держалъ въ постоянной готовности французскую армію въ Далмаціи, подъ начальствомъ Мармона, входилъ въ сношенія съ албанскими пашами, и по его приказанію Мармонъ провелъ въ нѣсколько мѣсяцевъ ту знаменитую дорогу чрезъ горы, о которой до сихъ поръ далматинцы говорятъ: «Мармонъ сѣлъ на лошадь и сказалъ: проводите дороги, а когда онъ слѣвъ съ лошади, то дороги были готовы». Но возстаніе испанцевъ, которое возбудило рикошетомъ народное движеніе въ Германіи, уничтожило всѣ восточныя планы Наполеона и хотя, снова побѣдивъ Австрію въ 1809 году, онъ, по Вѣнскому трактату, увеличилъ свои Иллирійскія владѣнія, но они приняли въ его глазахъ совершенно иное назначеніе, именно Иллирія стала служить для него лишь приманкой для Австріи. Такъ, уговаривая эту державу содѣйствовать ему въ восстановленіи Польши, онъ указывалъ на возможность возврата ей Адриатическаго побережья. Эта перемѣна точки зрѣнія оказалась очень гибельной для Далмаціи, такъ какъ Наполеонъ уже болѣе не старался примирить туземцевъ со своею властью, а лишь эксплуатировалъ эту область, извлекая изъ нея какъ можно болѣе денегъ и рекрутовъ. Декретомъ отъ 15 апрѣля 1811 года онъ уничтожилъ въ Далмаціи всякую автономію и подчинилъ ее общимъ законамъ Французской имперіи. Агенты ея безжалостно брили лобъ всякому и тянули все, что могли, съ несчастнаго населенія, такъ что естественно оно стало питать ненависть къ своимъ властителямъ, а когда наступила бѣдственная для имперіи година, то нѣсколькихъ австрійскихъ ротъ было достаточно, чтобы вся страна возстала и добровольно отдалась Габсбургамъ. Только рагузскіе аристократы пытались было потребовать сохраненія своихъ древнихъ правъ и восстановленія независимой республики; но, конечно, императоръ Францъ имъ въ этомъ отказалъ и не безъ ироніи прибавилъ къ своему отказу, объявленному депутаціи, прибывшей изъ Рагузы: «я не восстанавлию вашего прошедшаго, такъ какъ будущее принадлежитъ мнѣ, и ваши сыновья сдѣлаются моими чиновниками».

Отравители и отравительницы. Въ первомъ іюньскомъ номерѣ *Vie Contemporaine* извѣстный французскій адвокатъ и публицистъ Робинет-Клери помѣстилъ обстоятельный очеркъ историческаго развитія того изъ преступленій, которое считается всѣми законодательствами однимъ изъ самыхъ опасныхъ по его предательскому характеру и легкости его совершенія, именно отравленія. Оно старо, какъ свѣтъ, но по временамъ дремлетъ; въ эпохи варварства и насилія о немъ не слыхать, что совершенно понятно: когда можно уничтожить врага силой, то излишне прибѣгать къ предательскому яду. Отъ паденія Рима до процвѣтанія средневѣковыхъ италіянскихъ республикъ исторія не упоминаетъ объ отравленіяхъ. Точно такъ же во время террора во Франціи, когда людей огульно стрѣляли и гильотинировали, никто не отравлялъ ближняго; но даже и въ мирныя эпохи ядъ царитъ періодически, то неожиданно распространяя свое тлетворное вліяніе, то временно исчезая. Преимущественно этого рода преступленія составляютъ отличительную черту эпохъ нравственнаго упадка. Во Франціи, по словамъ Клери, болѣе всего ихъ происходило въ развращенно-буржуазную эпоху июльской монархіи. Въ теченіе пяти лѣтъ, отъ 1836 по 1840 годъ, ежегодно разбиралось среднимъ числомъ подобныхъ дѣлъ 41, съ пятьюдесятью обвиняемыми, а

въ десятилѣтіе теперешней республики, отъ 1881 по 1890, ихъ было всего въ годъ отъ 9 до 10, съ 10—12 обвиняемыми. При этомъ замѣчается правильное уменьшеніе случаевъ отравленія: съ 1840 года они вдругъ упали на 25%, и съ тѣхъ поръ, при второй республикѣ, ихъ было менѣе, чѣмъ при іюльской монархіи, и странно сказать, что, не смотря на свой разслабляющій характеръ, декабрьская имперія представляетъ исключеніе изъ общаго правила, что чѣмъ развратнѣе эпоха, тѣмъ больше отравленій, и при ней число этихъ преступленій постоянно уменьшалось, а при третьей республикѣ цифра этихъ дѣлъ все идетъ на убыль и доходитъ до 6 въ годъ. Французскій юристъ объясняетъ этотъ отраднѣйшій фактъ прогрессомъ науки, дозволяющимъ открывать самыя таинственныя яды, и строгимъ надзоромъ за продажей ядовитыхъ веществъ. Въ этихъ двухъ причинахъ онъ видитъ главнымъ образомъ разрѣшеніе той странной, повидимому, загадки, что въ настоящую минуту во Франціи не слыхать ни о какомъ скандальномъ дѣлѣ объ отравленіи, а въ другихъ странахъ стараго и новаго свѣта происходятъ чуть ли не ежедневно самыя громкіе процессы этого рода: такъ, напримѣръ, въ Неаполѣ недавно мать отравила пирожкомъ, съ примѣсью мышьяка, идіота сына, бывшаго ей обузой; въ Лондонѣ докторъ Ниль приговоренъ къ смерти за отравленіе четырехъ молодыхъ дѣвушекъ; въ Нью-Йоркѣ другой докторъ отравилъ морфиномъ свою вторую жену, чтобы снова жениться на своей первой разведенной супругѣ; въ Роттердамѣ одна женщина, безъ всякой цѣли, а изъ какой-то мономаніи, совершаетъ сотню отравленій и попытокъ къ этому преступленію, а вся Бельгія теперь взволнована слѣдствіемъ, которое производится по случаю отравленія нѣсколькихъ членовъ очень почетной семьи ихъ родственникомъ изъ корыстныхъ цѣлей. Что касается до историческихъ случаевъ отравленія, то несомнѣнно, что древніе знали о существованіи гораздо болѣе таинственныхъ и сильнѣйшихъ ядовъ, чѣмъ въ наше время. Плутархъ рассказываетъ, что мать Кира отравила свою невѣстку ножомъ, одна сторона котораго была намазана ядомъ, такъ что она сама безопасно съѣла половину жареной птицы, которая была разрѣзана этимъ ножомъ, а погибла только несчастная молодая женщина. Всѣмъ извѣстны исторіи о ядахъ Клеопатры, а въ Римѣ пользовались славой яды Лукусты, которые отличались самымъ разнообразнымъ дѣйствіемъ: отъ моментальной смерти до приведенія жертвы въ состояніе идіотства. Въ средніе вѣка играли роль пугала яды Борджіа, а съ XV до XVIII столѣтія венеціанскій Совѣтъ Десяти содержалъ государственныхъ отравителей, которые освобождали его отъ политическихъ враговъ. Могущественный министръ англійскаго короля Генриха VII, Лестеръ, отдѣлывался отъ своихъ соперниковъ таинственнымъ ядомъ, который возбуждалъ смертельную болѣзнь, начинавшуюся чиханьемъ, а потому и прозванъ «Лестерскимъ чиханьемъ». Генрихъ VIII, чтобы положить предѣлъ частымъ отравленіямъ, издалъ законъ, по которому отравителя «кипятили до смерти». При Людовикѣ XIV отравленія свирѣпствовали при дворѣ и даже въ королевской семьѣ. Въ ту же эпоху въ Неаполѣ славилась своими таинственными ядами Тоффана, которая продавала свою «Тоффанскую воду» въ маленькихъ стлянкахъ, съ изображеніемъ св. Николая. Повидимому это былъ препаратъ мышьяка, пять, или шесть капель котораго, причиняли смерть безъ всякихъ видимыхъ слѣдовъ. Когда эту систематичную отравительницу подвергли судебному преслѣдованію, то она скрылась въ монастырѣ; и хотя ее тамъ схватили, но

въ представленномъ ею спискѣ покупателей пресловутой воды оказались такія высокопоставленныя лица, что дѣло заглушили, а ее задушили въ тюрьмѣ. По мнѣнію Клеры, и въ недавнія времена бывали случаи, доказывавшіе, что рециты таинственныхъ ядовъ не исчезли. Такъ, въ 1837 году въ Севильѣ разбиралось очень курьезное, въ этомъ отношеніи, дѣло. Донна Каталина-де-Віарица была предана суду за то, что невѣста ея любовника, идя къ вѣнцу, получила отъ неизвѣстныхъ двухъ дѣвушекъ букетъ, понюхавъ который она упала жертвой, а, по показанію этихъ дѣвушекъ, ихъ просила передать невѣстѣ букетъ донна Каталина. Въ тѣ времена медицинская экспертиза была несовершенна, и доктора заявили, что если букетъ и былъ отравленъ, то ни однимъ изъ извѣстныхъ тогдашней наукѣ ядовъ, а потому судъ оправдалъ обвиняемую. Молодой человекъ снова подпалъ подъ вліяніе донны Каталины, а когда родственники хотѣли насильно ихъ разлучить, то она уколола его въ руку длинной булавкой, находившейся у нея въ волосахъ. Онъ упалъ безъ чувствъ на полъ и если не умеръ, то лишь потому, что ядъ потерялъ значительную часть своей силы, пройдя сквозь одежду. На этотъ разъ доктора открыли присутствіе яда, именно травы, извѣстной въ Испаніи подъ названіемъ ведегамбры, и сама отравительница признала себя виновной, при чемъ оказалось, что она, какъ жепа химика, подвергшагося изгнанію изъ отечества за политическія дѣла, наслѣдовала отъ него равныя химическіе секреты. Она была казнена и умерла очень мужественно, выражая до послѣдней минуты сожалѣніе, что ей не удалось убить своей жертвы. Клеры видитъ также дѣйствіе таинственныхъ ядовъ въ преждевременной и странной смерти короля Неаполитанскаго въ 1859 году и графа Шамбора въ 1833 году. Фердинандъ II, прозванный Бомбой, неожиданно умеръ отъ болѣе чѣмъ странной болѣзни, приключившейся съ нимъ во время его отъѣзда на встрѣчу къ своей только что вышедшей замужъ невѣсткѣ и названной въ официальной газетѣ королевства Обѣихъ Сицилій «ревматизмо-катаральнымъ разстройствомъ», а потому естественно, что тотчасъ же распространились слухи объ его отравленіи. Графъ Шамборъ умеръ также таинственно, и хотя доктора признавали у него ракъ, но, послѣ его смерти, извѣстный медикъ Вульпіанъ съ нѣсколькими другими нѣмецкими авторитетными врачами нашель, что у него не было никакого рака, а въ нижней части эзофага оказались язвы, неизвѣстно отъ чего происшедшія. Правда Вульпіанъ отвергалъ гипотезу отравленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не объяснилъ появленія необыкновенныхъ язвъ, а графиня Шамборъ, запротивъ полное вскрытіе тѣла покойнаго мужа и дозволить только докторамъ разсмотрѣть тѣ части внутренностей, которыя были вскрыты для набальзамирования, уничтожила всякую возможность дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о дѣйствительной причинѣ смерти послѣдняго представителя дома Бурбоновъ. Переходя отъ предполагаемыхъ таинственныхъ отравленій къ знаменитымъ процессамъ отравителей и отравительницъ въ XIX столѣтіи, Клеры останавливается на томъ знаменательномъ фактѣ, что на каждые три отравителя приходится семь отравительницъ, и на долю послѣднихъ причитаются самыя громкія судебныя дѣла: такъ, во главѣ ихъ стоитъ знаменитое дѣло г-жа Лафаржъ, которое надѣлало при Людовикѣ-Филиппѣ громадный шумъ и долгое время волновало всю Францію. Эта красивая интриганка, отравившая своего мужа мышьякомъ, чрезвычайно ловко и очень долго водила за носъ французскихъ слѣдственныхъ судей, пока, наконецъ,

присяжные не вынесли обвинительнаго приговора, не смотря на всѣ ея хитрыя продѣлки. Второе мѣсто послѣ этой пресловутой отравительницы аристократки занимаетъ въ уголовной хроникѣ Франціи Елена Жигало, бретонская служанка, которая въ продолженіе пятидесяти лѣтъ занималась си стематичнымъ отравленіемъ господъ, у которыхъ служила кухаркой, и на судѣ, приговорившемъ ее къ смертной казни, цинично заявила: «я приношу всѣмъ несчастіе, и на какое мѣсто я ни поступаю, за мной идетъ смерть». Очевидно, эта женщина была подвержена мономаніи такъ же, какъ французскій булочникъ, который подбавлялъ мышьяку въ хлѣбъ и едва не отравилъ цѣлаго города, и роттердамская гражданка Ванъ-денъ-Ливденъ, отравившая безъ всякой видимой причины тридцать человѣкъ. Въ Женевѣ одна сидѣлка, по имени Жанна Рессъ, отослала на тотъ свѣтъ посредствомъ яда двѣнадцать, порученныхъ ей, больныхъ; но если она дѣйствовала подъ вліяніемъ мономаніи, то другого рода, именно болѣзненнаго корыстолюбія, такъ какъ она брала съ гробовщиковъ ту незначительную сумму, которую они платятъ лицамъ, доставившимъ свѣдѣнія о покойникахъ. По статистическимъ даннымъ французскаго министерства юстиціи, въ продолженіе пятидесяти пяти лѣтъ, отъ 1825 по 1880 годъ, было 43% отравленій безъ всякихъ видимыхъ поводовъ; а 24% причитывается на матерей, желающихъ отдѣлаться отъ своихъ новорожденныхъ дѣтей. Что касается до классическаго прелюбодѣянія, то въ послѣднее время оно было причиной только десятой части всѣхъ отравленій, но зато этого рода преступленія были предметомъ самыхъ громкихъ процессовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимаетъ дѣло жены артиллерійскаго офицера Вейса, которое разбиралось въ Оранскомъ окружномъ судѣ въ 1891 г. Жена его, по происхожденію русская, а по фамиліи Данилова, завела съ проѣзжавшимъ инженеромъ связь, которая началась чрезвычайно оригинально и цинично. На постыдныя предложенія ловеласа она отвѣчала: «сыграемъ въ орлянку: если будетъ орель, то да, если рѣшетка — то нѣтъ». Вышелъ орель, и она отправилась на свиданіе, а когда инженеръ былъ отозванъ, по службѣ, въ Испанію, то г-жа Вейсъ поклялась ему, что отравитъ мужа, и приступила къ осуществленію своего плана, съ помощію добытаго инженеромъ Фаулера растворомъ мышьяка. Но мужъ во время догадался о причинѣ своей таинственной болѣзни и возбудилъ судебное преслѣдованіе противъ преступницы, которая послѣ обвинительнаго приговора суда отравилась въ тюрьмѣ, а ея сообщникъ сдѣлалъ то же при первомъ извѣстіи о возникновеніи процесса. По статистическимъ французскимъ даннымъ, 9% отравленій совершаются изъ мести, 5% — изъ несчастной любви и 9% изъ корысти. Къ послѣднему роду преступленій относятся знаменитые процессы графа Бокарме, отравившаго въ 1857 году своего зятя, чтобы воспользоваться наслѣдствомъ, которое причиталось его женѣ; доктора Ла-Помре, отравившаго дигиталиномъ свою любовницу, жизнь которой онъ предварительно застраховалъ въ громадной суммѣ, и часовщика Пеля, который отправилъ на тотъ свѣтъ, посредствомъ мышьяка, цѣлый рядъ своихъ родственниковъ, съ цѣлью воспользоваться ихъ средствами. Въ былыя времена этотъ ядъ былъ единственнымъ орудіемъ отравленія, а теперь Клери пересчитываетъ длинный рядъ употребляемыхъ отравителями ядовъ: это — сѣрнистая ртуть, окись мѣди, скормъ, дигиталинъ, бѣлена, стрихнинъ, никотинъ, атропинъ, фосфоръ, купоросное масло, шпанская мушка, свищцовый уксусъ, морфинъ, опій, белладона, соляная кислота и синильная кислота.

— Сестра Шиллера. Въ «Daheim» Вишграмъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Христофинѣ Шиллерѣ, сестрѣ великаго поэта, который всегда считался образцомъ изъ сыновей и лучшимъ изъ братьевъ. У него было три сестры: Христофина, Луиза и Нанетта. Вторая была замужемъ за пасторомъ, умерла шестнадцати лѣтъ, а первая была старше брата на два года и пережила его много лѣтъ. Она раздѣляла его дѣтскія игры и была истиннымъ другомъ его юности и зрѣлыхъ лѣтъ. Когда Шиллеръ напечаталъ «Разбойниковъ», и его пьеса имѣла громаднѣйшій успѣхъ на Мангеймской сценѣ, то нието такъ не радовался его славы и не гордился ею, какъ Христофина. Кромѣ другихъ добродѣтелей, она отличалась замѣчательной сдержанностью, а потому, не боясь ея болтливости, Шиллеръ до вѣрялъ ей планъ всѣхъ своихъ пьесъ, задолго до ихъ появленія на свѣтъ. Она совѣтовала ему разстаться съ герцогомъ Саксенъ-Мейнингенскимъ и затѣмъ, во время преслѣдовавшихъ поэта разочарованій, поддерживала въ немъ бодрость постоянной перепиской. Его отъѣздъ послужилъ поводомъ къ главному событію въ жизни Христофины; находясь въ Бауэрбахѣ, гдѣ баронесса фонъ-Вольцогенъ приготовила ему убѣжище, онъ однажды зашелъ къ секретарю мейнингейской бібліотеки, Рейнвальду и, не заставъ его дома, вынужденъ былъ дожидаться его, причемъ, чтобы убить время, сталъ перечитывать письма сестры. Прошелъ часъ, а Рейнвальдъ все не возвращался, и Шиллеръ, наконецъ, ушелъ, случайно забывъ на столѣ одно изъ писемъ Христофины. Рейнвальдъ нашелъ его и, прочитавъ, пришелъ въ такой восторгъ отъ стила корреспондентки Шиллера, что просилъ у Христофины, черезъ брата, дозволенія принять участие въ ихъ перепискѣ. Эта новая тройная переписка кончилась тѣмъ, что Рейнвальдъ посѣтилъ семью Шиллера и сдѣлалъ предложеніе Христофинѣ. Къ этому времени она уже прекрасно изучила его непріятный характеръ и знала, что онъ на двадцать лѣтъ старше ея и приобрѣлъ, благодаря однообразной, скучной жизни мелкаго чиновника, суровый, сварливый нравъ. Поэтому она не предвидѣла счастливой брачной жизни съ такимъ мужемъ и отказала ему, но когда онъ продолжалъ настаивать на своемъ, то она кончила тѣмъ, что согласилась. Она вышла замужъ въ 1786 году, а послѣ смерти мужа въ 1815 году писала: «вдова потеряла въ немъ истиннаго друга всей своей жизни, а друзья науки—надежную помощь въ изслѣдованіи знаній, правды и истины». Христофина отличалась очень симпатичной натурой. Чертами лица она не походила на брата, но тѣмъ болѣе было между ними умственного сходства. Все свое свободное время она посвящала поэтическимъ и художественнымъ занятіямъ. Поэзія, живопись и вообще искусство составляли для нея всю суть жизни; она талантливо рисовала, и хотя излюбленнымъ предметомъ ея картинъ были цвѣты, но она часто набрасывала серіи рисунковъ къ любимымъ своимъ чтеніямъ. Такъ, существуютъ ея рисунки къ «Пѣсни о колоколѣ», которые очень интересны, хотя не отличаются техническимъ совершенствомъ. Она пережила мужа на тридцать два года и большую часть своей жизни провела въ Мейнингенѣ, существуя на пенсіонъ, пожалованный ей герцогомъ. Въ своей скромной комнатѣ, украшенной ея собственными картинами и семейными портретами, она охотно принимала многочисленныхъ посѣтителей, которые стекались къ ней отовсюду, желая узнать отъ нея подробности о великомъ братѣ, котораго она считала совершеннѣйшимъ изъ людей и о которомъ никогда не уставала рассказывать. Она умерла на девяносто первомъ году также тихо и спокойно, какъ провела свою долгую жизнь.

— Трехсотлѣтіе Тинторетто. 31-го мая исполнилось триста лѣтъ со смерти одного изъ самыхъ замѣчательныхъ итальянскихъ живописцевъ, Джакомо Робусти, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Тинторетто; хотя этотъ юбилей не ознаменовался никакимъ особымъ торжествомъ, но вся европейская печать посвятила сочувственные статьи даровитому и плодовитому художнику. Тинторетто родился въ Венеціи въ 1512 году, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1518 году; отецъ его Батиста Робусти былъ красильщикомъ, то-есть, поитальянски «*tintore*», откуда и произошло его прозвище Тинторетто. Съ раннихъ лѣтъ онъ сталъ выказывать большія способности къ рисованію, и поэтому его отдали учиться къ Тиціану, но онъ недолго пробылъ ученикомъ великаго художника, тогда во всемъ блескѣ своего генія и славы, вѣроятно, вслѣдствіе его пылкаго, необузданнаго темперамента, который съ трудомъ могъ ужиться съ школьной рутинной и подчиниться чужому вліянію, а, быть можетъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые, и Тиціанъ, сознавая проблескъ необычайнаго таланта въ своемъ ученикѣ, втайнѣ сталъ заводить ему и самъ удалилъ его изъ своей мастерской. Впослѣдствіи Тиціанъ старался подавить въ себѣ такое недостойное чувство, а самъ Тинторетто всю свою жизнь преклонялся передъ могучимъ талантомъ своего учителя и глубоко почиталъ его. Доказательствомъ этого служить избранный имъ лозунгъ для художественной дѣятельности—соединить рисунокъ Микель Анджело съ колоритомъ Тиціана. Дѣйствительно могучія фигуры Микель Анджело были для него идеаломъ рисунка, и онъ въ молодости неутомимо работалъ, подражая ему и изучая всевозможныя положенія человѣческаго тѣла, при самомъ разнообразномъ освѣщеніи. Въ этомъ отношеніи, особенно въ смѣлости ракурсовъ и переходовъ изъ тѣни къ свѣту, онъ достигъ большого совершенства. Быстрота его работы была невероятная и можетъ только равняться пылкости его воображенія; этимъ двумя свойствамъ, а также и долготѣней его дѣятельности свѣтъ обязанъ громаднымъ количествомъ картинъ Тинторетто, сохранившихся до нашего времени. Нѣкоторые изъ нихъ недостойны его генія, благодаря именно спѣшности исполненія, но большая часть изъ нихъ представляетъ истинные образцы искусства, особенно первыя, раннія его произведенія, которыя исполнены весьма тщательно. Въ этой спѣшности работы многіе обвиняютъ его жену, которая изъ любви къ наживѣ заставляла его такъ быстро работать, но говорятъ, что и онъ самъ очень любилъ деньги и, чтобы имѣть постоянные заказы, работалъ за баснословно дешевую цѣну, и поэтому придерживался трехъ способовъ исполненія, согласно ожидаемой платѣ. Какъ бы то ни было, Тинторетто можетъ по всей справедливости считаться однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ живописцевъ своей эпохи; онъ является послѣднимъ представителемъ блестящей плеяды извѣстныхъ великихъ мастеровъ, прославившихъ XVI столѣтіе, которое по истинѣ можетъ назваться золотымъ вѣкомъ искусствъ въ Италіи. Одна изъ первыхъ картинъ, обратившая на него всеобщее вниманіе: «Чудо во время казни раба», или «Чудо св. Марка», исполнена была имъ на тридцать шестомъ году отъ роду, для школы св. Марка въ Венеціи, и находится теперь въ академіи художествъ въ томъ же городѣ; она такъ сіяетъ свѣтомъ и дышитъ жизнью, что невольно приводитъ въ восторгъ, и, смотря на нее, понимаешь, почему вошло въ поговорку между итальянскими художниками говорить, что у Тинторетто надо учиться движенію. Тѣ же самыя качества присущи всѣмъ лучшимъ произведеніямъ Тинторетто, большинство которыхъ находятся въ его родномъ городѣ, именно: «Тайная Ве-

черъ», «Бракъ въ Канѣ Галилейской», «Воскресеніе» и т. д., но множество произведеній его кисти разсыяно по музеямъ какъ Италиі, такъ и всей Европы; между прочимъ, и въ Петербургскомъ Эрмитажѣ находятся его «Андромеда», «Воскресеніе Святыхъ» и «Св. Георгій». Въ 1560-мъ году написана была первая его картина, которою начинается длинная серія произведеній Тинторетто, заказанныхъ ему для украшенія стѣвъ и плафоновъ палаццо дожей; самая большая и замѣчательная изъ нихъ, имѣющая около 1528 квадратныхъ футовъ — 74 въ ширину и около 31 въ высоту, изображаетъ «Торжество Рая» и занимаетъ всю заднюю стѣну въ залѣ Совѣта, гдѣ находился тронъ дожей. Тинторетто умеръ въ глубокой старости, 31-го мая 1594 года, и похороненъ въ Венеціи, въ церкви Санта-Марія дела-Орно, гдѣ находится столько его лучшихъ произведеній. У него было двое дѣтей, дочь и сынъ, которые оба унаслѣдовали его любовь и талантъ къ живописи: первая изъ нихъ Марія, извѣстная подъ именемъ Маритти Тинторетто, обѣщала сдѣлаться со временемъ соперницей отца по искусству, но преждевременная смерть въ ранней молодости уничтожила всѣ возлагаемыя на нее надежды.

— Юбилей Политехнической школы. Недавно праздновали въ Парижѣ столѣтнюю годовщину основанія знаменитой политехнической школы, и кромѣ обычныхъ юбилейныхъ торжествъ, которымъ особый блескъ придавало присутствіе президента Карно, стараго ученика школы, это событіе возбуждало цѣлую литературу и переполнило французскіе журналы историческими очерками и воспоминаніями о славномъ прошедшемъ этого долго самаго популярнаго учебнаго заведенія въ свѣтѣ. Хотя въ послѣдніе годы его слава нѣсколько померкла, и поставленъ на очередь вопросъ объ его преобразованіи, именно объ уничтоженіи слишкомъ теоретическаго, рутиннаго характера его преподаванія, объ уравненіи его программъ съ требованіями времени и о разрѣшеніи уже давно назрѣвшей дилеммы — или оставить школу высшимъ научнымъ училищемъ и тогда болѣе специализировать его курсы, или превратить его окончательно въ подготовительную школу военныхъ и гражданскихъ чиновъ, съ чисто-техническимъ характеромъ, но прошедшая исторія политехниковъ, игравшихъ видную роль въ либеральныхъ движеніяхъ первой половины настоящаго столѣтія, всегда останется золотой страницей въ лѣтописяхъ Франціи. Первая мысль о созданіи школы, въ которой военные и гражданскіе инженеры получали бы общую научную подготовку, пришла въ голову Ломбарди, директору школы путей сообщенія, и онъ уговорилъ знаменитаго Монжа внести предложеніе объ этомъ въ конвентъ ровно сто лѣтъ тому назадъ. Съ помощью этихъ двухъ ученыхъ, а также Карно и Пріера, былъ практически примѣненъ этотъ планъ по постановленію конвента, и въ томъ же году открыта политехническая школа, сначала названная центральной школой общественныхъ работъ, но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перемѣнившая свое имя вмѣстѣ съ ея назначеніемъ, которое стало заключаться къ подготовкѣ не однихъ инженеровъ, но артиллеристовъ и горныхъ дѣятелей. Подъ руководствомъ такихъ свѣтилъ науки, какъ Монжъ, Берголеъ и другіе первоначальные ея преподаватели, эта школа сразу приобрѣла всеобщую извѣстность; ея лучшіе ученики приняли участие въ Египетской экспедиціи Наполеона; знаменитые европейскіе ученые: Вольта, Румфордъ, и Гумбольдтъ, считали своимъ долгомъ посѣтить ее, а Швейцарія выговорила себѣ право посылать на экзаменъ въ Политехническую школу двадцать молодыхъ людей. Хотя рассказываютъ, что Наполеонъ, дѣлая однажды смотръ политехникамъ, сказалъ Монжу, который пред-

ставилъ ему одного изъ учениковъ, какъ прекраснаго офицера: «Нѣтъ прекрасныхъ офицеровъ иначе, какъ на полѣ брани», но онъ очень дорожилъ своею «курицей, носившей золотыя яйца», какъ онъ называлъ школу, и нахотился съ нею въ самыхъ прекрасныхъ отношеніяхъ до коронаціи его императоромъ. По случаю этого событія, ученики отказались принять установленную присягу, а Бриссо, сынъ жирондиста, гордо воскликнулъ: «нѣтъ, я не дамъ клятвеннаго обѣщанія повиноваться Наполеону». Его, конечно, уволили, а такъ какъ сдѣлать того же со всей школой было невозможно, то удовольствовались тѣмъ, что ученики замѣнили «клянусь» словомъ «здѣсь», какъ на переключкѣ. Охлажденіе между императоромъ и его «курицей» продолжалось во все время имперіи, но въ 1814 году и во время ста дней политехники забыли все изъ любви къ отечеству и огульно присоединились къ его арміи, составивъ отдѣльный отрядъ подъ начальствомъ Иполита Карно, отпа только что умершаго президента, Анфантена и Альфреда де Виньи. При реставраціи, не смотря на особыя попеченія о школѣ герцога Ангулемскаго, она отличалась пламеннымъ духомъ оппозиціи и при всякомъ удобномъ случаѣ выражала свои антипатіи къ Бурбонамъ, возвратившимъ себѣ престолъ съ помощью иностранцевъ и старавшимся подчинить Францію клерикаламъ; отъ этого происходили постоянныя столкновенія между начальствомъ и самыми рьяными учениками: такъ, Каваньяка, будущаго дѣятеля 1847 г., исключили только потому, что онъ публично выражалъ свое уваженіе къ конвенту, а Шарасъ подвергся той же участи за то, что онъ на улицѣ пѣлъ «Марсельезу». Но этотъ же самый Шарасъ, впоследствии герой алжирскихъ войнъ и передовой дѣятель второй республики, предводительствовалъ политехниками, которые въ количествѣ шестидесяти человекъ стали во главѣ іюльской революціи, при чемъ Боскэ взялъ Лувръ, а Вано былъ убитъ при осадѣ Вавилонскихъ казармъ. Вслѣдъ за побѣдой молодые герои содѣйствовали водворенію повсюду порядка. Въ нѣсколько часовъ они приобрѣли такую общую популярность, что въ продолженіе слѣдующихъ за тѣмъ двадцати лѣтъ французы считали политехниковъ лучшими защитниками своей свободы. Конечно, всего болѣе былъ имъ благодаренъ Луи-Филиппъ, которому они помогли взойти на престолъ, и онъ не зналъ, какъ выказать имъ свою признательность за оказанныя услуги; по совѣту своего старшаго сына, герцога Орлеанскаго, который слушалъ лекціи въ школѣ въ качествѣ экстерна, онъ произвелъ въ поручики всѣхъ политехниковъ, принявшихъ участіе въ іюльскихъ дняхъ, и послалъ имъ двѣнадцать крестовъ Почетнаго Легіона для выдачи самымъ достойнымъ изъ нихъ, но они отказались отъ той и другой чести на томъ благородномъ основаніи, что не желаютъ заслуживать орденовъ и офицерскихъ эполетъ въ междоусобной борьбѣ, когда они только исполняли свой патріотическій долгъ. Вся Франція была тронута ихъ подвигами и безкорыстіемъ; въ честь ихъ всюду устраивали праздники и банкеты, о нихъ писались дифирамбы въ стихахъ и прозѣ, а городъ Реймсъ послалъ всей школѣ полтора ста бутылокъ лучшаго шампанскаго съ приложеніемъ слѣдующихъ стиховъ:

Coule a flots pour la nouvelle France
De nos coteaux petillante liqueur,
Cours arraser le laurier du vainqueur¹⁾.

¹⁾ Лейся ручьями для новой Франціи шипучій напитокъ нашихъ виноградниковъ и орошай лавры побѣдителей.

Однако хорошія отношенія между іюльской монархіей и политехнической школой продолжались недолго, и ея ученики, пользуясь своей популярностью и либеральной славою, принимали участіе въ нѣсколькихъ уличныхъ беспорядкахъ, возбужденныхъ неудачными правительственными мѣрамаи, но въ послѣднія пятнадцать лѣтъ царствованія Людовика-Филиппа эта школа, какъ и вся Франція, не имѣла исторіи, благодаря царившему тогда мирному спокойствію. Въ это время бывшіе и еще тогда находившіеся въ школѣ политехники приняли горячее участіе въ умственномъ движеніи, возбужденномъ и поддерживаемомъ питомцами школы—Контомъ, отцемъ позитивизма, и Анфантенемъ, пророкомъ сенсимонизма. Въ особенности это послѣднее социальное ученіе нашло сильную поддержку въ политехникахъ, среди которыхъ, кромѣ Анфантена, играли видныя роли въ развитіи сенсимонизма Ламорисьеръ, будущій алжирскій генераль, и Мишель Шевалье, будущій экономистъ. Революція 1848 года снова воскресила политическое значеніе знаменитаго училища, и оно огульно приняло участіе въ борьбѣ противъ орлеанскаго правительства подъ предводительствомъ Фрейсина, который потомъ былъ правой рукой Гамбетты во время франко-прусской войны и столько разъ первымъ министромъ третьей республики; онъ находился рядомъ съ Ламартиномъ, при провозглашеніи послѣднимъ республики, и вмѣстѣ съ другими своими товарищами всюду старался водворить миръ и порядокъ между враждующими сторонами. Ту же роль посредниковъ между правительствомъ и возставшими гражданами политехники играли въ кровавые іюньскіе дни. Этимъ оканчивается воинственно либеральная эпопея школы, такъ какъ во время 2-го декабря она была занята ночью войсками, и молодежь не могла явиться на барикады, но, всетаки, въ эпоху второй имперіи политехники выражали безмолвную оппозицію, хотя исполняли свой долгъ въ военной и гражданской дѣятельности. Самая выдающаяся ихъ демонстрація произошла на блестящемъ парадѣ при возвращеніи въ Парижъ французскихъ войскъ послѣ Крымской кампаніи. Ученики школы, принимавшіе участіе въ походѣ, должны были пройти церемониальнымъ маршемъ мимо императора, и когда ихъ начальникъ громко воскликнулъ: «Да здравствуетъ императоръ», то ни одинъ политехникъ не поддержалъ этого крика, и всѣ они молча прошли мимо императора и императрицы, которая спросила съ негодованіемъ у маршала Вальяна: «Отчего эти архитекторишки не хотятъ кричать?» На это маршалъ имѣлъ смѣлость отвѣтить: «Ваше величество, эти архитекторишки взяли Севастополь». Политехническая школа не была закрыта, но до конца имперіи она уже не являлась на парады. Конечно, въ горькую годину франко-прусской войны ея ученики исполнили свой долгъ, защищая отечество въ полномъ своемъ составѣ, но со времени третьей республики они совершенно отрѣшились отъ всякой политической дѣятельности и всецѣло предались главной цѣли школы — ученю, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе двадцать три года французское правительство служить выраженіемъ всегда защищаемыхъ политехниками идей, а во главѣ его стояли до сихъ поръ старые ихъ товарищи: Фрейсинъ, Карно и т. д. Если ко всему сказанному о прошедшемъ политехнической школы прибавить еще, что изъ современныхъ французскихъ дѣятелей принадлежатъ къ числу ея учениковъ, кромѣ упомянутыхъ лицъ, военный министръ, генераль Мерсье, депутатъ Каваньякъ, Альфредъ Пикарь, генеральный комиссаръ предстоящей въ 1900 году въ Парижѣ всемірной выставки, знаменитый математикъ Бертранъ, членъ фран-

цузской академіи, и беллетристы Арманъ Сильвестръ и Марсель Прево, то получится по возможности полная картинка историческихъ судебъ этого популярнаго разсадика знаній и прогрессивныхъ идей.

— Черепъ Кромвеля. Въ статьѣ сэра Эдуарда Стратчея, помѣщенной въ июньской книжкѣ американскаго журнала *Atlantic Monthly*, подъ заглавіемъ «Письма и разговоры Карлайля», встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о предполагаемомъ черепѣ Оливера Кромвеля. По словамъ автора, онъ получилъ въ 1842 году письмо отъ своего школьнаго товарища, сэра Чарльса Грегори, просившаго увѣдомить Карлайля, что у одного его знакомаго находится черепъ Оливера Кромвеля, который онъ желалъ бы показать великому историку. Не смотря на интересъ, возбужденный этой находкой, Карлайль не потрудился поѣхать къ обладателю черепа, но сэръ Чарльсъ Грегори еще очень недавно подтвердилъ автору статьи, что, по его мнѣнію, этотъ черепъ былъ подлинный и не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ маленькимъ черепомъ, который показывали нѣкогда въ какомъ-то музеѣ, выдавая его за голову Оливера Кромвеля. Не подлежитъ сомнѣнію, что Кромвель былъ набальзамированъ прежде погребенія, и что потомъ его тѣло было вынута изъ земли и обезглавлено, а голова, воткнутая на копьѣ, выставлена на Вестминстеръ-Голѣ, откуда она исчезла въ одну бурную ночь. Много времени спустя, предполагаемая голова Кромвеля оказалась во владѣніи семьи Россель, откуда перешла къ тому господину, который, обладая ею, хотѣлъ похвастаться Карлайлю своимъ сокровищемъ. Грегори самъ видѣлъ этотъ черепъ, и онъ былъ воткнутъ на остріе сломаннаго копья; на нѣкоторыхъ его частяхъ торчали волоса каштановаго цвѣта, и онъ сохранился въ старомъ ящикѣ. Эксперты нашли, что голова которой принадлежалъ этотъ черепъ, была набальзамирована и отрублена отъ туловища гораздо позднеѣ. По ихъ же мнѣнію, всѣ особенности черепа вполне соответствовали маскѣ, снятой съ лица Кромвеля послѣ смерти. Что касается до историческаго происхожденія этого черепа, то въ семьѣ Россель существовала легенда, по которой солдатъ, стоявшій на часахъ, поднялъ голову Кромвеля, когда ее сорвало вѣтромъ съ копья, вмѣстѣ съ его остриемъ, и спряталъ, а потомъ продалъ одному изъ представителей семьи Россель. Къ большому поясненію этой легенды сэръ Эдуардъ Стратчей приводитъ двѣ выписки изъ знаменитаго дневника Пеписа, который писалъ 4 декабря 1660 года: «сегодня парламентъ постановилъ вырыть тѣла Оливера, Айртона, Брадшо и др. изъ могилъ въ аббатствѣ, вздернуть на висѣлицу и похоронить подъ нею», а 30 января 1661 года: «я видѣлъ, какъ Кромвеля, Айртона и Брадшо повѣсили въ Тибурнѣ»; наконецъ 5 февраля того же года: «я видѣлъ, что головы Кромвеля, Брадшо и Айртона висѣли на крайнемъ концѣ Вестминстера». Приведа всѣ эти подробности, авторъ статьи заявляетъ, что обладатель черепа Кромвеля не хочетъ обнародовать своего имени, но если только признать достовѣрнымъ переходъ головы Кромвеля, исчезнувшей съ Вестминстера, къ семьѣ Россель, чрезъ руки часового, то вся исторія этого черепа представляетъ вполне вѣроятную и не возбуждающую никакихъ сомнѣній цѣпь доказательствъ въ пользу его подлинности.

Останки Людовика XVII. Одинъ изъ спорныхъ историческихъ вопросовъ, именно о томъ: дѣйствительно ли умеръ Людовикъ XVII въ тюрьмѣ Тамплъ 8 июня 1795 года, надняхъ еще болѣе затемнился новой попыткой

разъяснить дѣло. Юридически вопросъ о смерти дофина разрѣшенъ 28 февраля 1814 года парижскимъ судомъ, признавшимъ достовѣрность акта о его смерти, который составленъ былъ спустя четыре дня послѣ его кончины; но фактически до сихъ поръ было извѣстно только, что ровно 99 лѣтъ тому назадъ, 10 іюня, останки сына Людовика XVI преданы землѣ въ упрямомъ нынѣ кладбищѣ, около церкви св. Маргариты, въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ Парижа. Но гдѣ именно находилась его могила? Этотъ вопросъ подвергся серьезному обсужденію въ 1816 году, когда Людовикъ XVIII хотѣлъ вырыть тѣло племянника и торжественно похоронить его въ С.-Дени: усыпальницѣ французскихъ королей. Всѣмъ было извѣстно въ то время, что деревянный гробъ съ тѣломъ дофина былъ опущенъ въ общую могилу у самой стѣны, вдоль улицы С.-Бернаръ, но когда возбужденъ былъ вопросъ о перенесеніи гроба на новое мѣсто, то старый факельщикъ, по фамиліи Вуазенъ, объявилъ, что онъ, изъ преданности къ королевскому дому, не допустилъ, чтобы гробъ дофина опустили въ общую могилу, а самъ похоронилъ его въ особомъ мѣстѣ, близъ одного памятника съ колонной, увѣчанной крестомъ, и указалъ на это самое мѣсто. Но вдова могильщика Бетранкура оспорила это показаніе и увѣряла, что ея мужъ, также изъ преданности къ королевскому дому, вырылъ гробъ дофина изъ общей могилы на слѣдующую ночь послѣ его погребенія и похоронилъ въ углу кладбища, у самой церковной двери. Было рѣшено произвести раскопки на всѣхъ указанныхъ пунктахъ, но явилось четвертое показаніе люксембургскаго садовника Шевалье, который говорилъ, что 13 іюня 1795 года, т.-е. чрезъ три дня послѣ погребенія дофина, гробъ его вырыли изъ общей могилы и перевезли на Клармарское кладбище, гдѣ и похоронили, но неизвѣстно, въ какомъ мѣстѣ. При такихъ разнорѣчивыхъ показаніяхъ, Людовикъ XVIII, боясь похоронить въ С.-Дени тѣло неизвѣстнаго юноши, вмѣсто своего племянника, прекратилъ все дѣло и не велѣлъ производить даже раскопокъ. Въ 1846 году снова былъ возбужденъ вопросъ объ останкахъ Людовика XVII, по случаю того обстоятельства, что при постройкѣ, по приказанію мѣстнаго патера, сарая близъ церкви, были найдены рабочими, копавшими землю, свинцовый гробъ въ очень дурномъ состояніи, но съ почти цѣльнымъ скелетомъ внутри. Такъ какъ мѣсто, гдѣ былъ найденъ этотъ гробъ, вполнѣ соответствовало показаніямъ вдовы Бетранкуръ, то можно было предположить, что скелетъ принадлежалъ Людовику XVII, а потому онъ былъ подвергнутъ медицинскому осмотру докторами Мильсентомъ и Рекамье, которые нашли, что хотя трупъ былъ, повидимому, вскрытъ также, какъ трупъ дофина, но части его были сборныя, а не принадлежали одному трупу, именно голова, ребра, волосы и позвоночникъ принадлежали 12-ти-лѣтнему мальчику, а зубы и другія части тѣла принадлежали 17-ти-лѣтнему юношѣ, тогда какъ дофинъ умеръ 10 лѣтъ и 2 мѣсяцевъ. Послѣ этого осмотра скелетъ былъ положенъ въ гробъ и похороненъ почти на прежнемъ мѣстѣ, между оградой, стѣной церкви и сараемъ. Тамъ онъ находился до настоящаго времени, именно до первыхъ дней іюня, когда его снова нащелъ и вырылъ Жоржъ Лагеръ, извѣстный буланжистъ и бывший депутатъ. Такъ какъ на гробу осталась таинственная надпись, обратившая на себя вниманіе въ 1846 году: «L... XVII», то эта находка произвела большой шумъ въ Парижѣ, и кости, бывшія въ этомъ гробу, снова подвергнуты, но уже болѣе тщательно, изслѣдованію пятью докторами: Беккеромъ, Вилье, Манувриэ, Магито

и Лабордомъ, которые единогласно признали, что эти кости принадлежали субъекту мужскаго пола, отъ 18 до 20-ти-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ вполне удостовѣрено, что останки неизвѣстнаго юноши, котораго 99 лѣтъ признавали за Людовика XVII, не принадлежали ему; ихъ снова положили въ гробъ, вмѣстѣ съ протоколомъ осмотра, вложеннымъ въ стеклянную трубку, и горетію серебряныхъ монетъ чекана настоящаго года, а гробъ похоронили на старомъ мѣстѣ, отслуживъ панихиду объ упокоеніи неизвѣстнаго юноши. Но вся эта исторія нисколько не разрѣшаетъ таинственнаго вопроса о смерти и погребеніи Людовика XVII, который, всетаки, остается загадкой, и въ настоящее время этотъ вопросъ снова занимаетъ весь Парижъ, въ особенности свѣтское общество, въ салонахъ котораго Лагеръ читаетъ лекціи съ цѣлью доказать, что умершій въ Темплѣ юноша былъ не Людовикъ XVII, но подставное лицо, а Фридрихъ, пламенный защитникъ теоріи о томъ, что Наундорфъ былъ настоящимъ Людовикомъ XVII, выставляетъ коллекцію документовъ, бюстовъ, медалей и старинныхъ эстамповъ, будто бы доказывающихъ справедливость этой теоріи.

Новые бессмертные. Въ настоящую минуту парижская академія можетъ съ удовольствіемъ сказать, впервые послѣ многихъ лѣтъ, что списокъ ея бессмертныхъ совершенно полный. Дѣйствительно, съ послѣдними выборами, происшедшими надняхъ и даровавшими бессмертіе историку Сорелю и романисту Бурже, всѣ сорокъ ея кресель заняты, и даже ея знаменитое сорокъ первое кресло, которое считается занятымъ тѣми великими писателями, которыхъ она, по различнымъ причинамъ, не допускала въ свою среду, начиная отъ Декарта, Паскаля, Мольера и Руссо до Бальзака, Беранже и Жоржъ-Занда, находится теперь въ обладаніи двухъ лицъ: Доде, поклявшася никогда не сидѣть на одномъ изъ сорока кресель, и Зола, который до сихъ поръ тщетно является кандидатомъ на каждые выборы. И на этотъ разъ онъ являлся на баллотировку для занятія вакантныхъ мѣстъ, оставшихся послѣ смерти Тэна и Максима-дю-Кана, при чемъ не получилъ ни одного голоса. По этому случаю въ одной изъ парижскихъ газетъ напечатанъ длинный списокъ мнѣній выдающихся иностранныхъ писателей: Карла Фогта, Августа Стриндберга, Георга Брандеса, Макса Нордау и другихъ, которые хотя и признаютъ, что они не компетентны, какъ чужестранцы, въ подобномъ вопросѣ, но высказываютъ убѣжденіе, что если для поступленія въ академію достаточно имѣть громадное вліяніе на литературу всего свѣта, то Зола заслуживаетъ болѣе, чѣмъ кто либо, академическаго бессмертія. Впрочемъ, злые языки говорятъ, что ему не долго ждать этой болѣе чѣмъ сомнительной чести, если судить по обычному составу французской академіи во всѣ времена и въ настоящую минуту, такъ какъ свѣтско-клерикальное большинство академиковъ ждетъ только окончанія печатающагося теперь его романа «Лурдъ», въ которомъ онъ обѣщаль отречься отъ всего, чему до сихъ поръ поклонялся, и поклониться всему, отчего до сихъ поръ отрекался, чтобы принять автора «Assomoir» и «Germinal» въ свою среду. Если судить по тому, что случилось съ Бурже, то нѣтъ сомнѣнія, что это предсказаніе исполнится; не прошло и года послѣ выхода въ свѣтъ его послѣдняго романа «Cosmopolis», въ которомъ онъ вполне оправдалъ надежды, возбужденныя его прежнимъ романомъ «Disciple», и ясно высказалъ клерикально-мистическія идеи, а его уже выбрали въ бессмертные, даже не смотря на то, что онъ не дѣлалъ обязательныхъ

визитовъ своимъ избирателямъ и сравнительно чрезвычайно молодъ, такъ какъ онъ не только по выбору, но и по возрасту является Веніаминомъ компаніи безсмертныхъ. Ему только минуло 42 года, а во всей академіи лишь тремъ ея членамъ менѣе 50 лѣтъ, именно виконту Мельхиору-де-Вогюэ, одному изъ апостоловъ сближенія Россіи съ Франціей, романисту Пьеру Лотти, а по настоящему морскому офицеру Жюльену Вио, и критику, а теперь редактору «Revue des Deux Mondes», Брюнетьеру, а большинство, безсмертныхъ имѣютъ отъ 70 до 80 лѣтъ, при чемъ самому старшему Эрнесту Лёгуву, драматургу и сотруднику Скриба—87 лѣтъ. Какъ всегда, французскія газеты поспѣшили послать къ молодому безсмертному своихъ репортеровъ, но Буржэ отличается ненавистью къ интервью и даже не принялъ участія въ литературномъ слѣдствіи, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ произвелъ Жюль Гюрэ, для своей извѣстной книги «Литературная эволюція», а потому только Гюставу Роберу удалось посѣтить его въ скромномъ домѣ, занимаемомъ имъ въ улицѣ Monsieur, и напечатать въ Revue Illustrée, отъ 15 июня, любопытный отчетъ о бесѣдѣ съ нимъ. Конечно, прежде всего разговоръ зашелъ объ академическихъ выборахъ, и на вопросъ репортера, правда ли, что Буржэ общалъ Зола никогда не конкурировать съ нимъ, тотъ отвѣчалъ: «Вотъ какъ создаются легенды. Когда Зола въ первый, или во второй разъ выставилъ свою кандидатуру, то мнѣ стороной дали знать изъ академіи, что она готова выбрать романиста, но не школы Зола. Онъ гораздо старше меня, большой мой другъ, и я питаю къ нему самое глубокое уваженіе, а потому я не хотѣлъ мѣшать его выбору, но я не давалъ никакихъ обязательствъ, и къ тому же Зола не такой человекъ, чтобы просить объ этомъ. Напротивъ, когда двѣ недѣли тому назадъ я колебался: выставить свою кандидатуру, или нѣтъ, то онъ меня уговорилъ рѣшиться на это». Изъ дальнѣйшаго разговора Буржэ съ Роберомъ мы узнаемъ, что, недавно вернувшись изъ Америки, онъ привезъ съ собою почти готовые три разсказа, подъ заглавіемъ: «Профили иностранокъ», а затѣмъ онъ намѣренъ напечатать свои воспоминанія о Новомъ Свѣтѣ и начатый уже романъ, подъ заглавіемъ: «En marche» (На ходу), исторію семьи чиновниковъ; наконецъ, имъ уже задумано продолженіе: «Космополисъ», подъ заглавіемъ «Американцы въ Парижѣ». Передавая читателямъ все, что онъ слышалъ любопытнаго отъ моднаго беллетриста, Роберъ рисуетъ и его физическій портретъ: «лицо Буржэ,—говоритъ онъ,—большое и черты крупныя, но не преувеличенныя; подбородокъ толстый, а губы тонкія и едва прикрыты маленькими усами. Нѣсколько сгорбленный носъ не лишень достоинства, а подъ большимъ лбомъ мыслителя блестятъ глаза, проницательности которыхъ не мѣшаетъ искренняя доброта. Одѣтъ онъ очень просто, на немъ черный пиджакъ и небрежно завязанный голубой фуляровый галстухъ; густые, черные волосы его, ниспадающіе на лобъ, раздѣлены проборомъ на боку. Вообще это далеко не свѣтскій франтъ, какъ многіе его воображаютъ, а просто человекъ хорошаго тона, никогда не дѣлающій себя работъ ни моды, ни предразсудковъ». О предыдущей жизни сорокадвулѣтняго новаго академика нельзя многого сказать: онъ сынъ извѣстнаго педагога и до сихъ поръ всецѣло посвящалъ себя литературѣ, написавъ три тома стиховъ, цѣлый рядъ мастерскихъ критическихъ очерковъ, въ которыхъ обнаружили себя достойнымъ ученикомъ Тэна, и нѣсколько извѣстныхъ романовъ, имѣвшихъ громадный успѣхъ, отъ Cruelle Enigme и Crime d'Amour до Terre promise и Cosmopolis, положившихъ основу анали-

тической и психологической школы французскаго романа. Хотя многіе основательно упрекають его романы въ излишней искусственности, утонченной казуистикѣ и только въ кажущейся глубинѣ изслѣдованія чловѣческой души, пускающей пылъ въ глаза женщинамъ, составляющимъ большинство его читателей, но, всетаки, послѣ Зола и Додэ это самый выдающійся талантъ изъ современныхъ французскихъ беллетристовъ. Если мы перейдемъ къ другому новому безсмертному, избранному въ преемники Тэну, Альберу Сорелю, то будемъ имѣть дѣло съ совершенно иной литературной личностью. Это степенный, серьезный пятидесяти-двухъ-лѣтній историкъ, чрезвычайно знающій и вполнѣ способный къ научному синтезу; но, быть можетъ, слишкомъ преданный изученію сухихъ историческихъ матеріаловъ и страдающій отсутствіемъ того огонька, той смѣлости во взглядахъ, безъ которыхъ историкъ—только фотографъ прошедшаго. Тѣмъ болѣе этотъ недостатокъ ощущителенъ въ трудахъ Сореля, что онъ не кабинетный ученый и хотя состоитъ профессоромъ дипломатической исторіи въ школѣ политическихъ наукъ, но былъ практическимъ дипломатомъ, исполняя должность секретаря при нѣсколькихъ посольствахъ, и до сихъ поръ генеральный секретарь председателя французскаго сената, что, повидимому, должно было бы расширить его кругозоръ, но, быть можетъ, именно будучи чиновникомъ и дипломатомъ, онъ научился той осторожности въ своихъ сужденіяхъ, тому докторальному тону и той благоразумной привычкѣ никогда не закрывать за собой двери, чтобы имѣть возможность, при необходимости, перемѣнить «да» въ «нѣтъ», которые составляютъ отличительныя черты его главныхъ трудовъ: «Дипломатическая исторія Франко-Нѣмецкой войны», «Европа и Французская революція» и «Очерки исторіи критики».

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Путешествіе въ Россію прусскаго маіора въ 1891 г.—Ф. Дукмейеръ и его произведенія.—Англо-русское литературное общество.—Мемуары незнакомки, захваченныя парижскимъ судомъ.—Записки генерала Тьебо.—Попытка разоблачить Виктора Гюго.

КАКОЙ-ТО Тотлебенъ, отставной маіоръ, издалъ въ Штутгартѣ «Впечатлѣнія моей поѣздки въ Россію въ августъ и сентябрь 1891 года» (Eindrücke von meiner Reise in Russland im August und September 1891). Авторъ этой курьезной книги объясняетъ поводъ своей поѣздки въ «страну варваровъ, полную всякихъ опасностей», тѣмъ, что онъ получилъ двухмѣсячный отпускъ и воспользовался приглашеніемъ своего родственника и друга дѣтства посѣтить его. Путешественникъ любезно объясняетъ, что онъ не раздѣляетъ общаго недоверія къ сосѣдней имперіи и «той ненависти и пренебреженія», съ какими къ ней относится нѣмецкая печать. Онъ даже удивляется этому озлобленію противъ русскихъ и считаетъ его неестественнымъ, подтверждая, что наприимѣръ, въ частыхъ обвиненіяхъ нѣмцами русскихъ въ нарушеніи границы чаще всего виноваты сами нѣмцы. Въ восточной Пруссіи противъ своихъ сосѣдей возставали болѣе всего жидаы и поляки. И, всетаки, въ Верхболовѣ авторъ считаетъ своею обязанностью повторить слова Данте: «lasciate ogni speranza». Но русскія дороги онъ очень хвалитъ и многіе порядки на нихъ находитъ лучше нѣмецкихъ. Въ буфетахъ и на станціяхъ онъ удивляется «фанатическому чаепитію» не только пассажировъ, но и всей прислуги, и утверждаетъ что изъ нея никто не отказывается отъ предложеннаго стакана чаю, тогда какъ встрѣчаются отказывающіеся отъ водки. Повидавшись съ родственникомъ, Тотлебенъ изъ Гатчины отправился черезъ Вайвары въ Силламяги, гдѣ жило лѣтомъ семейство Келлера. Этотъ курортъ показался путешественнику

не очень привлекательнымъ; прожилъ онъ въ немъ три недѣли, купаясь въ морѣ безъ купальнаго костюма, къ чему онъ долженъ былъ привыкать, какъ къ водѣ и закускѣ передъ обѣдомъ. Общество дачниковъ было, конечно, нѣмцкое, хотя и на русской службѣ, и принимало автора съ особеннымъ дружелюбіемъ. Русскіе военные были очень довольны, что онъ хоть и не носилъ мундира, но на гуляньяхъ показывался во всѣхъ своихъ пяти прусскихъ орденахъ. Объ этихъ орденахъ, крестахъ и медаляхъ путешественникъ сообщаетъ подробно, хоть и не прибавляетъ, зачѣмъ ему понадобилось провѣтривать ихъ въ Россіи. Бесѣды въ обществѣ велись больше всего о голодѣ, возникшемъ въ центральной Россіи, о праздникѣ по случаю прибытія въ Кронштадтъ французской эскадры. О политикѣ говорили мало и удивлялись только крикамъ нѣмецкихъ газетъ, въ одинъ голосъ утверждавшихъ, что запрещеніе вывозить русскій хлѣбъ за границу — прямое объявленіе войны нѣмцамъ. Авторъ возстаетъ противъ этого страннаго мнѣнія прусской печати, также какъ противъ клеветы, что протестантскихъ пасторовъ преслѣдуютъ и ссылаютъ въ Сибирь, лишая семьи ихъ всякихъ средствъ къ существованію. Всего одинъ балтійскій пасторъ былъ перемѣщенъ въ центральную губернію на такое же мѣсто за рѣзкую рѣчь противъ правительства съ церковной кафедрой, и авторъ еще удивляется снисходительности правительства. Съ родственникомъ своимъ онъ отправился изъ Силламягъ въ Петербургъ. По дорогѣ въ Ямбургъ, когда они уже сидѣли въ вагонѣ, поѣздъ ихъ вдругъ остановили, приставили жандармовъ къ окнамъ, которыя велѣли закрыть, и они прождали въ такомъ видѣ цѣлый часъ безъ всякихъ объясненій, пока не промчался экстренный поѣздъ изъ Петербурга. Столица произвела на автора впечатлѣніе: онъ восхищается ея зданіями, памятниками, особенно Невой и ея «хрустально чистою водою». Больше всего онъ дивился тому, что вездѣ и всѣ говорятъ повѣмски. Казанскій соборъ понравился ему больше другихъ храмовъ, потому что въ немъ всего пять прусскихъ знаменъ, тогда какъ французскихъ 250. Распространяется авторъ о гостинномъ дворѣ, объ извозчикахъ, о трактирахъ, но все это мало интересно, а желаніе его, не зная ни слова порусски, щегольнуть знакомствомъ съ этимъ языкомъ, заставляетъ его сочинять такія слова, которыя сразу и не раскусить. Врядъ ли можно догадаться, что «atschischini» значитъ «очищенная». Очень понравился автору Петергсфъ.

Четвертая глава книги почему-то озаглавлена «Предводитель дворянства Д.». Съ нимъ авторъ познакомился во время поѣздки въ Москву въ вагонѣ. Авторъ спорилъ съ своимъ родственникомъ о значеніи франко-русскаго единенія, и тотъ находилъ, что одушевленіе французовъ было вызвано искусственными приемами, и союзъ къ нимъ невозможенъ. Предводитель замѣтилъ, что первая послышка справедлива, но союзъ, всетаки, почти заключенъ: онъ строго оборонительный, и если Германія нападетъ на Францію, то Россія придетъ къ ней на помощь. Но если французы задумаютъ отвоевывать свою Лотарингію, то могутъ дѣлать это на свой страхъ, не расчитывая на русское содѣйствіе. И для сообщенія предводителю дворянства такихъ условій его нарочно вызывали въ Петербургъ. Ясно, что на этого мнѣческаго предводителя авторъ вздумалъ взвалить свои нехитрыя измышленія о пунктахъ договора. Этому же предводителю прусскій майоръ навязываетъ утвержденіе, что въ Россіи всѣ страстно любятъ покойнаго Вильгельма I и считаютъ его святымъ человѣкомъ. И майоръ очень радуется этому. Въ дал-

нѣйшей бесѣдѣ предводитель, конечно, доказывалъ, что въ войнѣ съ нѣмцами русскіе всегда одержать верхъ; нѣмцы могутъ уничтожить три—четыре милліона солдатъ, явятся еще десять. Маіоръ говоритъ, что храбрости русскіяхъ мѣшаетъ ихъ тупость (Stumpfheit), лѣнь, неразвитость, и что въ концѣ концовъ культурная армія окажется побѣдительницей некультурной. Оба остались при своихъ мнѣніяхъ, но предводитель совершенно основательно объяснилъ причины недовѣрія Россіи къ нѣмцамъ: «зачѣмъ вы такъ усердно заботитесь о нашихъ балтійскихъ губерніяхъ? зачѣмъ постоянно твердите о своемъ племенномъ и религіозномъ родствѣ съ ними, объ угнетеніи братьевъ, вмѣшиваетесь въ наши распоряженія, осуждаете все, что дѣлается въ нашихъ провинціяхъ? Неужели мы не можемъ въ своей землѣ принимать мѣры, какія находимъ лучшими? Къ чему ваше вмѣшательство, ваше поощреніе недовольства горсти бароновъ, которые такіе же плохіе русскіе, какъ и плохіе нѣмцы. Если мы хотимъ обрусить Балтику—это наша государственная обязанность. Вспомните, какими крутыми мѣрами обнѣмчивались славянскія племена или утверждалась реформація. А мы не прибѣгаемъ къ такимъ мѣрамъ ни въ Балтикѣ, ни въ бывшей Польшѣ, гдѣ у насъ прирожденные враги—поляки и жида; послѣдніе, впрочемъ, такіе же враги и Германіи». Однимъ изъ главныхъ виновниковъ натянутого и даже враждебнаго отношенія Германіи къ Россіи предводитель основательно считалъ Бисмарка, «игравшаго съ нами въ нечестную игру». Припомнилась при этомъ и его роль фальшиваго маклера на Берлинскомъ конгрессѣ, и союзъ съ Австріей, и биржевыя старанія его понизить курсъ рубля. Маіоръ доказывалъ, что Бисмаркъ—лучшій другъ Россіи, и сожалѣлъ, что побѣда Вильгельма II въ Нарву не повела къ сближенію. Бесѣду свою предводитель закончилъ увѣреніемъ, что очень любитъ нѣмцевъ, хотя баварцы грубы и надуты, саксонцы черезчуръ мягки, берлинцы наглы и туповаты—настоящіе жида. Онъ рассказывалъ также, какъ Николай I строилъ въ Москву желѣзную дорогу, которую народъ его считалъ дьявольскимъ изобрѣтеніемъ. Онъ провелъ на картѣ прямую линію между столицей, и когда дорога была кончена въ этомъ направленіи, первый побѣхалъ по ней въ Москву, приказавъ, чтобы власти и депутаціи встрѣтили его на полдорогѣ. Увидя ихъ въ назначенномъ мѣстѣ, онъ осмѣдомился, давно ли они прибыли, и получилъ отвѣтъ: да уже три дня. Москва двинулась на встрѣчу царя не по желѣзной дорогѣ, а по почтовой. Николай I, конечно, приказалъ москвичамъ слѣдовать за нимъ въ вагонахъ.

Москву авторъ описываетъ также поверхностно, какъ и Петербургъ, хотя, конечно, восхищается ея видами и Кремлемъ. Но еще больше восхищается онъ трактиромъ «Эрмитажъ», хотя тотчасъ же рассказываетъ анекдотъ о его посѣтителяхъ: компанія въ 16 человекъ выпила 16 чашекъ кофе, столько же маленькихъ рюмокъ водки и съѣла 6 персиковъ. За это съ нея взяли 40 рублей, такъ что лицо, устроившее это угощеніе, предложило произвести уплату въ складчину, «понѣмецки». Русскую молодежь, посѣщающую этотъ трактиръ, авторъ считаетъ циничнѣе, грубѣе и развращеннѣе берлинской. Изъ веселыхъ дамъ, обычныхъ посѣнительницъ ресторана, три четверти, по сознанію автора, нѣмки. Видѣлъ онъ въ Москвѣ двѣ выставки—азіатскую и французскую, удивлялся циничности марокскихъ танцоровъ и восторженному реву московской публики, московскимъ извозчикамъ, обилію кошекъ въ домахъ и голубей на улицахъ. Но непріязнь ко всему русскому высказывается у автора въ отдѣльныхъ фразахъ при всякихъ обстоятель-

ствахъ. Такъ, рассказывая о подвигахъ московской благотворительности, онъ оканчиваетъ словами: «какъ все это прекрасно, даже когда и въ Россіи происходитъ!» Задушевный пріемъ французскихъ моряковъ въ Москвѣ онъ приписываетъ тому, что полиція собрала со всѣхъ московскихъ фабрикъ самыхъ смысленныхъ рабочихъ (авторъ прибавляетъ, что большая часть изъ нихъ нѣмцы), давала имъ по пяти рублей въ день, сколько угодно водки и, разставивъ ихъ въ главныхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжали и являлись французы, заставляла встрѣчать ихъ восторженными криками. Скобелевъ, по увѣренію автора, очень любилъ нѣмцевъ, парижскую рѣчь свою противъ нихъ произнесъ въ возбужденномъ ненормальномъ состояніи, а при концѣ своей жизни увѣрялъ будто бы, что нѣмцы всегда будутъ побѣдителями своихъ враговъ, такъ какъ они мастера въ военномъ дѣлѣ, а французы только дилетанты. Русскіе же не доросли даже до дилетантства. Последняя шестая глава книги посвящена возвращенію маіора въ Берлинъ и замѣчаніямъ о русской арміи. Солдатъ нашихъ онъ находитъ хорошо и чисто одѣтыми, сытыми, почтительно относящимися ко всѣмъ, кто выше ихъ, и прекрасно дисциплинированными. Нашимъ военнымъ порядкамъ, ученьямъ, уставамъ авторъ отдаетъ полную справедливость и особенно хвалитъ жандармовъ. Объ офицерахъ и генералахъ повторяетъ избитыя софізмы: имъ не достаетъ тактическаго образованія, пораженія они выносятъ равнодушно, не обладая стратегическими знаніями, побѣды одерживаютъ съ огромными потерями, не щадя ни своей, ни чужой крови. Ихъ подрядчики, поставщики, интенданты отличаются нечестностью и хищеніями. Въ послѣднее время всѣ подобныя злоупотребленія, однако, значительно уменьшились, и русская армія сдѣлала во всѣхъ отношеніяхъ громадныя успѣхи.

— Мы говорили не разъ о литературныхъ работахъ Фридриха Дукмейера, симпатично относящагося къ Россіи и прилежно изучающаго наше отечество. Въ еженедѣльномъ берлинскомъ журналѣ для путешественниковъ «Счастливаго пути!» (Glückliche Fahrt!) мы нашли характеристику этого писателя и приводимъ изъ нея главныя черты. Дукмейеръ родился въ Лифляндіи въ 1864 году, и на литературное поприще выступилъ, какъ поэтъ. Любовь къ стихамъ развилась въ немъ во время его студенческой жизни въ Петербургскомъ университетѣ въ 1884—1888 годахъ. Не смотря на свои 23 года, онъ появился въ печати съ поэмою «Іосифъ и Арвида», историческими стихотвореніями, и былъ тотчасъ замѣченъ критикой. Стихи его носили отпечатокъ серьезнаго, развивающагося дарованія. Особенно впечатлѣніе произвела его поэма, внушенная ему картиною Рембрандта въ нашемъ эрмитажѣ, «Старухи». Потомъ его вдохновили Мадонны Мурильо. Въ 1886—1889 г. онъ написалъ три драмы «Піетро Арентино», «Спуріи Карвиліи Руга» и «Смерть предателя». Содержаніе «Арентино» относится къ половинѣ XVI вѣка, и дѣйствіе происходитъ въ Римѣ и Венеціи. Въ драмѣ не мало сильныхъ сценъ и характеровъ, но они навѣяны «Рюи-Блазомъ» Виктора Гюго и написаны на финляндской дачѣ противъ Кронштадта. Въ «Спуріи Карвиліи» авторъ переноситъ насъ въ древній Римъ, основательно изученный имъ. Въ «Смерти предателя» онъ затронулъ несовсѣмъ ловко затруднительный вопросъ о юношескихъ порывахъ въ средѣ товарищей, не раздѣляющихъ этихъ порывовъ. Осенью 1889 года Дукмейеръ издалъ политическую брошюру объ отношеніяхъ лютеранскаго ученія къ греческому и отъ апрѣля по сентябрь 1890 года писалъ изъ Петербурга въ *Düna-Zeitung* письма,

возбужденія большое неудовольствіе балтійскихъ нѣмцевъ правдивостію автора, въ 1891 году переселившася въ Германію. Теперь онъ состоитъ чиновникомъ при русскомъ генеральномъ консульствѣ въ Берлинѣ и, продолжая заниматься литературою, издалъ брошюру о Л. Н. Толстомъ «Пророкъ или пугало?», о которой говорилось въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ то же время онъ началъ писать повѣсти изъ русской жизни, отличающіяся полнымъ знаніемъ ея и глубокою симпатіей автора къ своимъ героямъ. Таковы рассказы его «Не украли», «Почему Иванъ не возвращается домой», «Въ лѣтнюю пору», «Какъ я вышла за твоего отца», «Картина въ Эрмитажѣ» и др. Не мало издано имъ полемическихъ и сатирическихъ брошюръ. О его трагедіи 1892 года «Императоръ рабочий», гдѣ ярко обрисована фигура Петра I, мы уже также говорили въ прежнихъ замѣткахъ, какъ и о полемическихъ брошюрахъ: «Къ свободѣ въ Германіи и Россіи», «Критика чистаго неразумія во всеобщемъ ожиданіи». На Дукмейера нѣмецкая литература возлагаетъ большія надежды.

— Англорусское литературное общество продолжаетъ собираться въ Лондонѣ акуратно каждый мѣсяць. Любопытный рефератъ читалъ предсѣдатель о драмѣ англійскаго писателя, какого-то генерала Александра Б.: «Царь-самозванецъ». Это Лжедмитрій, котораго англичанинъ выводитъ на сцену уже царемъ, рисуя довольно вѣрно его одиннадцатимѣсячное царствованіе. Англійская драма начинается сценою, въ которой Дмитрій излагаетъ Басманову свои политическіе взгляды и прощаетъ Шуйскаго, обвиненнаго въ заговорѣ противъ царя. Но предсѣдатель не разбиралъ подробно драму, а читалъ только отрывки изъ нея на англійскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и объяснял историческіе факты, относящіеся къ этой эпохѣ. Затѣмъ Биркбель читалъ рефератъ о Сійскомъ монастырѣ, который онъ посетилъ недавно, и куда Борисъ Годуновъ сослалъ Ѳедора Романова, заставивъ его постричься. Биркбель подробно описываетъ великолѣпно украшенное евангеліе, принесенное Филаретомъ въ даръ монастырю, когда онъ получилъ званіе патріарха. Генералъ-маіоръ Тиррель читалъ рефератъ «Русскіе въ войнѣ съ Востокомъ». Главная тема статьи: Маколей говоритъ, что національное существованіе испанцевъ было долгимъ крестовымъ походомъ. То же можно сказать и о русскихъ. Они первые отбросили напоръ монгольскаго варварства и кончили тѣмъ, что покорили себѣ своихъ прежнихъ завоевателей. О русскихъ походахъ и войнахъ авторъ не сообщаетъ ничего новаго. Многіе изъ членовъ поддерживали мнѣніе, что между Англіей и Россіей необходимы дружескія отношенія. Докторъ Климовъ читалъ статью «о Россіи и холерѣ», очень расхваливалъ труды русскихъ докторовъ въ изслѣдованіи и леченіи эпидеміи, но твердо держался англійскаго взгляда на безполезность и даже вредъ карантиновъ. Докторъ Сислей горячо возставалъ противъ выходца нигилиста Ланина, осуждавшаго петербургскіе госпитали. Секретарь общества Александръ Кинлахъ прочелъ рефератъ «о русскомъ языкѣ». Упомянувъ о трудностяхъ изученія языка, на которомъ говоритъ болѣе чѣмъ стомилліонное населеніе одной седьмой части земного шара, авторъ очертилъ исторію языка отъ изобрѣтенія кириллицы до ея преобразования въ гражданскую печать при Петрѣ I. Послѣ оцѣнки народной русской пѣсни «съ ея граціей, красотой и наивностью», одна изъ дамъ, бывшихъ въ засѣданіи, спѣла «Красный сарафанъ» Варламова, «Ахъ вы сѣни, мой сѣни» и «Пѣсню ямщика» Андреева (?). Президентъ доказывалъ, что военные и государственные люди Англіи должны знать русскій языкъ.

— Во французской литературѣ произошло рѣдкое событіе: по требованію судебной власти была захвачена книга «Мемуары незнакомки» (*Mémoires d'une inconnue, publiés sur le manuscrit original 1780—1816*). Это вмѣшательство власти въ печать удивило Парижъ, тѣмъ болѣе, что записки относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго и первымъ нынѣшняго столѣтія, стало быть, не имѣли никакого отношенія къ современному управленію, да и авторомъ мемуаровъ оказалось лицо, принадлежащее къ историческимъ именамъ Франціи — госпожа Кавеньякъ, мать извѣстнаго генерала и брата его, претендента на постъ президента республики, и бабки нынѣшняго республиканскаго депутата. Оказалось однако, что захватъ книги произошелъ не по политическимъ причинамъ, а по домашнимъ обстоятельствамъ: семья стараго генерала и молодого члена палаты, недовольная нѣкоторыми рѣзкими сужденіями автора о покойномъ укротителѣ іюньскаго возстанія и здравствующемъ бонапартистѣ, потребовала изъятія изъ обращенія непріятныхъ для нея мемуаровъ. Это вторженіе прокуратуры въ литературу возбудило неудовольствіе прессы, однако же вполне сдержанное, такъ какъ французы не любятъ, когда разоблаченіе касается ихъ историческихъ лицъ. Только по смерти Мак-Магона и Гуно они начали сознаваться въ весьма необширныхъ военныхъ заслугахъ перваго и весьма скромномъ дарованіи втораго. Оцѣнка Кавеньяковъ должна бы, повидимому, быть также вполне свободною, такъ какъ она высказана самымъ близкимъ къ нимъ лицомъ, но, не смотря на это, личная щепетильность заставила ихъ родственниковъ прибѣгнуть, въ защиту отъ исторіи, къ покровительству полиціи, а министерство Казимира Перье сдѣлало ложный шагъ, который, конечно, будетъ исправленъ другимъ кабинетомъ. Нельзя сказать, однако, чтобы мемуары эти были особенно интересны, въ нихъ много пустыхъ и мало занимательныхъ фактовъ. Г-жа Кавеньякъ, хотя и родоначальница республиканскихъ династій, въ родѣ Карно и др., была, однако, женою императорскаго чиновника, члена тайнаго неаполитанскаго совѣта при Мюратѣ. Она очень недовольна всѣмъ наполеоновскимъ управленіемъ и относится къ имперіи съ рѣзкими упреками, одинаково къ мужчинамъ и женщинамъ. Сожалѣетъ она только о принцесахъ и герцогиняхъ бурбонскаго двора, не умѣвшихъ ни понять своего положенія ни примириться съ нимъ. Одна изъ нихъ, эмигрировавшая въ Англію, сдѣлалась любовницею герцога Кентскаго, прожила съ нимъ 27 лѣтъ, но была выслана, когда послѣ смерти принцессы Шарлоты парламентъ обязалъ всѣхъ братьевъ короля жениться, изъ опасенія, чтобы страна не осталась безъ короля. «Конецъ жизни этой женщины былъ для нея мученіемъ, потому что, достигнувъ старости и не имѣя тѣхъ средствъ, какими пользовалась прежде, она не могла обойтись безъ нихъ». «Я часто встрѣчала г-жу Рекамье, — говоритъ она дальше, — она вышла замужъ годомъ раньше меня, и ея появленіе на улицахъ обращало всеобщее вниманіе, такъ какъ она носила совершенно особенный тюрбанъ на головѣ. Она была очень хороша собой, и женщины, принужденныя признать ея поведеніе безукоризненнымъ, говорили, что зато она очень глупа. Молва приписываетъ ей, впрочемъ, одного любовника — Луціана Бонапарте. Въ 60 лѣтъ она все также кокетничала и носила постоянно бѣлое платье, въ знакъ своей дѣвственности, такъ какъ ея мужъ былъ для нея только отцомъ. Однажды она дала большой балъ, на который собрался весь Парижъ, но захворала и должна была оставить гостей. Она ушла въ свою спальню, гдѣ одинъ изъ по-

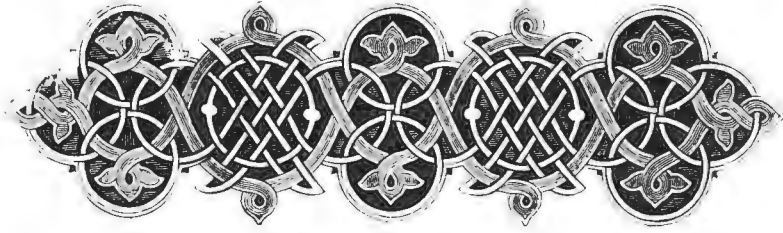
сѣтителей нашелъ ее лежащей въ очаровательной позѣ, не смотря на болѣзнь. За случайнымъ гостемъ пробрались и другіе, чтобы любоваться обворожительною хозяйкой, и комната скоро наполнилась до того, что вошедшіе позже стали становиться на кресла, чтобы видѣть красавицу. Заботливый супругъ не мѣшалъ нисколько этимъ выраженіямъ восторга, но приказалъ только положить на кресла подстилки, чтобы не портилась мебель». Если бы мемуары заключали въ себѣ только подобные анекдоты, то ни семья, ни прокуратура не заявили бы своихъ претензій. Но г-жа Кавеньякъ увлекается крайними республиканскими стремленіями и громить всѣхъ монарховъ, начиная даже съ королевы англійской Елисаветы, убившей своего кузена, и съ испанскихъ королевъ, у которыхъ перечисляются всѣ ихъ фавориты. Англичанъ авторъ не любитъ и находитъ, что въ ихъ женщинахъ нѣтъ ни простоты, ни граціи; къ Наполеону и его династіи относится строго и гордо снисходительнѣе къ Бурбонамъ. Только къ женѣ Мюрата она благоклоннѣе, чѣмъ къ другимъ королевскимъ лицамъ, хотя и обвиняетъ ее въ томъ, что она была причиною измѣны Мюрата въ 1814 году. Мелкихъ историческихъ фактовъ не мало въ мемуарахъ г-жи Кавеньякъ, вообще довольно интересныхъ и не заслуживавшихъ захвата полиціей.

— Вышли также мемуары генерала барона Тьебо, обнародованные его дочерью (*Mémoires du général baron Thiebault*), черезчуръ долго медлившею выпускомъ въ свѣтъ подлинныхъ записокъ. Поль Тьебо родился въ Берлинѣ въ концѣ 1769 года и былъ сыномъ Дьедоне Тьебо, друга Фридриха II. Отецъ также издалъ замѣчательныя записки, и сынъ не оставялъ литературной карьеры, не смотря на то, что всю жизнь провелъ на войнѣ. Въ Парижѣ Поль Тьебо вернулся съ отцомъ въ 1784 году. Онъ набрасываетъ мѣткія характеристики Фридриха II, маршала Рихелье, Мессера, Орлеанской фамиліи, Карла Верне, Людовика XVI и его братьевъ. Во время революціи Тьебо вступилъ въ національную гвардію и описываетъ парижскія событія той эпохи. Сентябрьскія убійства заставили его бросить Парижъ и вступить въ дѣйствующую армію, гдѣ онъ скоро получилъ званіе капрала и сержанта. Въ 1793 году онъ былъ уже поручикомъ. Измѣна Дюмуре подвергла его большой опасности; онъ былъ арестованъ, но перешелъ вскорѣ въ сѣверную армію съ чиномъ капитана. 13 вандемьера Тьебо является приверженцемъ Бонапарте и вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ итальянскую армію. Типы генераловъ очерчены имъ согласно съ исторической правдой: Ожеро — самый обыкновенный солдатъ, Александръ Дюма — дѣятельный, но плохой командиръ, весьма ограниченный Бертье, Брюнь, подслуживавшійся Бонапарте, и Массена, котораго авторъ уже слишкомъ хвалитъ. Онъ исправляетъ также нѣкоторыя историческія неточности, опровергаетъ рассказъ о переходѣ Бонапарте черезъ мостъ въ Арколе, подробности о битвѣ при Риволи и Тарвисѣ, рельефно изображаетъ завоеваніе Неаполя, подвиги Лассала, администрацію честнаго Шампюне, продѣлки хвастуна Макдональда. Авторъ говоритъ и о своихъ амурныхъ походахъ, даетъ различныя объясненія темныхъ мѣстъ въ мемуарахъ, продолженія которыхъ французская публика ждала съ нетерпѣніемъ, такъ какъ они во многомъ дополняютъ мемуары Марбо. Только для чего рукописи, конченную въ 1837 году, издають черезъ 57 лѣтъ, когда сообщаемые въ ней факты потеряли уже свѣжесть и новизну?..

— У Виктора Гюго много поклонниковъ, но есть у него и враги, не только литературные, упрекающіе поэта за изысканность, натянутость и

туманность многихъ его произведеній, но и враги личные, отрицающіе его талантъ, знанія, политическую твердость характера, гуманизмъ. Къ такимъ лицамъ принадлежитъ Эдмондъ Бире, еще при жизни писателя относившійся къ нему съ безпощадною строгостью. Онъ издалъ цѣлый томъ «Викторъ Гюго до 1830 года», гдѣ разбираетъ подробно жизнь и труды поэта, разоблачая ихъ слабыя стороны. За этою книгою слѣдовала другая: «В. Гюго послѣ 1830 года», еще болѣе рѣзкая и враждебная. Наконецъ теперь явилась третья: «В. Гюго послѣ 1852 года (Victor Hugo après 1852). Въ ней также, какъ и въ двухъ первыхъ, видны глубокое знаніе своего предмета, безошибочная точность всѣхъ показаній, неутомимый подборъ изслѣдованій, но въ то же время—и явная вражда, безпощадная строгость сужденій, постоянныя придирки, часто даже самыя мелочныя. Это—изысканія бенедиктинца, приведенныя въ систему инквизиторомъ. Авторъ не открылъ, конечно, въ жизни поэта никакого преступленія и упрекаетъ его только въ непомѣрномъ тщеславіи, въ перемѣнѣ политическихъ убѣжденій, въ частой лжи и въ связи съ дѣвицей Друэ. Что Гюго былъ гордымъ и раздражительнымъ эгоистомъ, мстительнымъ по отношенію къ своимъ врагамъ, это мы давно знали. Эти недостатки свойственны всѣмъ, кто считаетъ себя выше другихъ. Но Бире не говоритъ, что Гюго былъ всетаки добръ и стремился къ справедливости и истинѣ. Его поставили на такой высокій пьедесталь, что у всякаго закружилась бы голова. Бире обвиняетъ его даже въ томъ, что у него была претензія принадлежать къ старинному лотарингскому роду. Но вѣдь подписывался же Маке Макъ-Кетъ, а даровитый Лабрюни такъ и повѣсилъ подъ псевдонимомъ Жераръ де Нерваля. Въ странѣ, гдѣ было столько революцій, смѣшно упрекать человѣка за то что, онъ въ молодости былъ монархистомъ, а въ зрѣломъ возрастѣ республиканцемъ. И Ламартинъ былъ сначала роялистомъ, а подъ конецъ жизни принялъ пенсію отъ Луи-Наполеона, котораго признавали Сент-Бевъ, Готье, Альфредъ Мюссе. Гюго часто приводилъ невѣрные свѣдѣнія о себѣ и о своихъ трудахъ, но вѣдь это не преступленіе и могло происходить отъ недостатка памяти, а не отъ желанія непременно солгать. Всѣ поэты плохіе историки. Связь съ m-ле Друэ, длившаяся сорокъ лѣтъ, также не заслуживаетъ особенныхъ упрековъ. У кого же изъ поэтовъ и драматурговъ не было подобныхъ связей? Болѣе всего авторъ упрекаетъ Гюго за то, что онъ враждебно относился къ католицизму, но это также не преступленіе. Бире обвиняетъ его даже въ томъ, что онъ завтракалъ съ друзьями въ Бордо, во время осады Парижа, и благодарилъ толпу, собравшуюся на похороны его сына Шарля, толпу, «убившую въ Монмартрѣ генерала Тома». И однако обаяніе таланта такъ велико, что встрѣчая у поэта прекрасныя, полныя глубокой мысли, стихи, Бире цитируетъ ихъ и восхищается ими. Какую бы замѣчательную книгу могъ составить этотъ критикъ, если бы руководствовался только безпристрастностью и справедливостью.

СМѢСЬ.

НТЪ ВЪ АРХЕОЛОГИЧЕСНОМЪ ИНСТИТУТѢ. Секретарь совѣта прочелъ отчетъ о дѣятельности института въ 1893—1894 учебномъ году. Въ составъ почетныхъ членовъ избранъ купецъ Лецинскій, изъявившій готовность вносить въ институтъ ежегодно по 500 рублей. Всѣхъ почетныхъ членовъ 90 человекъ, дѣйствительныхъ — 44 и сотрудниковъ — 23. Въ нынѣшнемъ году кончилось курсъ въ институтѣ 5 слушателей. Изъ нихъ двое зачислены въ составъ дѣйствительныхъ членовъ, остальные — въ члены-сотрудники. Вновь приглашены читать съ будущаго года: докторъ русской исторіи Н. П. Лихачевъ—русскую дипломатику, магистръ римской словесности И. П. Холоднякъ—латинскую палеографію и Г. Ф. Церетели—греческую палеографію. Такимъ образомъ число профессоровъ Археологическаго института увеличилось до 12 человекъ. Всѣхъ слушателей въ отчетномъ году было 59: на первомъ курсѣ — 31, на второмъ — 28. Дѣятельность института, помимо занятій со слушателями, выразилась въ сношеніяхъ съ губернскими учеными архивными комисіями, особенно по дѣламъ, касающимся описаній и организаціи историческихъ архивовъ, и въ сношеніяхъ съ частными лицами по вопросамъ ученой обработки архивныхъ матеріаловъ. Съ цѣлью поставить археологическій институтъ въ возможно близкую связь съ учеными обществами, учебными заведеніями и съ дѣятелями по археологіи, что было завѣтной мыслью покойнаго Н. В. Калачова, совѣтъ института разослалъ «Вѣстникъ археологіи и исторіи», каждый экземпляръ котораго состоитъ изъ 15 книгъ, въ академію наукъ, университеты, духовныя академіи, археографическую комисію, филологическій институтъ, петербургскія гимназіи, губернскія ученые архивныя комисіи, въ 108 губернскихъ гимназій и въ 59 духовныхъ семинарій. Институтъ пользовался правительственной субсидіей въ 6.000 р. Кромѣ лекцій, въ помѣщеніи института происходили вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ и бесѣдамъ по различнымъ предметамъ древностей. Институтская бібліотека обогатилась 150 новыми названіями книгъ и въ настоящее время превышаетъ 10.000 то-

мовъ. Въ музей пожертвовано: археологическою комисіей — 40 бронзовыхъ пантикапейскихъ монетъ, нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ 1892 г. при раскопкѣ кургановъ въ Бердянскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ; анаксимъ полицейскимъ управленіемъ—золотыя бусы и др. предметы; г. Яковлевымъ — старинныя воинскія доспѣхи шаха Гуссейна. Общее число пожертвованныхъ предметовъ оцѣнивается въ 4.000 рублей. Актъ закончился рѣчью профессора А. И. Соболевскаго о южно-славянскомъ вліяніи на русскую письменность въ XIV и XV вѣкахъ. Въ половинѣ XIV вѣка книги писались уставомъ или старымъ полууставомъ и имѣли русскія особенности, въ половинѣ XV вѣка — мелкимъ полууставомъ и имѣли массу юсовъ и другія особенности южно-славянскаго письма (главнымъ образомъ средне-болгарскаго). Это объясняется тѣмъ, что съ паденіемъ Константинополя появилось въ Россіи много выходцевъ изъ русской колоніи въ Константинополѣ и болгарскихъ колоній. Выходцы эти принесли несомнѣнную пользу своимъ вліяніемъ на замѣну неисправленныхъ богослужебныхъ книгъ исправленными.

Засѣданіе славянскаго общества. Собраніе открылъ краткою рѣчью предсѣдатель Общества, привѣтствовавшій собраніе съ 26-ю годовщиною служенія общества дѣлу духовнаго единенія славянъ ко благу и славѣ Россіи и всего славянства. Протоіерей Смирновъ (настоятель Исаакіевскаго собора) сообщилъ характеристическія черты братьевъ первоучителей славянъ Кирилла и Меѳодія и ихъ заслуги по просвѣщенію. Братья дѣйствовали въ то время, когда уже возникало возвышеніе папской власти и отдѣленіе западной церкви отъ восточной. Они, оказывая почтеніе патриарху западному, тѣмъ не менѣе оставались вѣрны греческой церкви. Разсматривая полученное Кирилломъ и Меѳодіемъ воспитаніе и образованіе, лекторъ вывелъ черты ихъ дѣятельности и, сравнивая воспитаніе и жизнь святыхъ съ современною намъ живяною, пожелалъ, чтобы мы изучали жизнь первоучителей. Второе чтеніе С. И. Митропольскаго имѣло предметомъ: «Народопѣсенное творчество, какъ одно изъ средствъ живого единенія славянства». Единеніе славянства есть братство въ смыслѣ духовномъ, одно изъ средствъ единенія — музыкально-народное творчество. Наука и литература служатъ единенію, почему же забыта третья ихъ сестра — пѣсня? Народная пѣсня — это могущественное орудіе къ единенію. Правда, пѣсня славянъ изучалась кабинетно, но пѣсню надо слушать, а не читать. Существо пѣсни — лирическій корывъ духа. Пѣсня составляетъ неизъемлемый элементъ народной жизни. Лекторъ считаетъ, поэтому, важнымъ изученіе пѣсенъ въ народныхъ школахъ. Пѣсня идетъ вглубь народа и распространяется невѣдомыми путями. Если услышанная пѣсня понравится, она становится народной. Такимъ образомъ пѣсня будетъ служить единенію не сверху, а снизу, не въ интеллигентныхъ только единицахъ, а въ массѣ народной. Языкъ звуковъ понятенъ всѣмъ, понятенъ каждому. Наша пѣсня нужна для славянъ, славянская — нужна для насъ. Лекторъ ярко обрисовалъ порчу нашей народной пѣсни и выяснилъ ея воспитательное значеніе. Русскій человѣкъ и славянинъ вообще живетъ больше подъ вліяніемъ чувства. Если музыка воспитываетъ чувство, то пѣсня является лучшимъ воспитательнымъ средствомъ и соединяетъ народъ въ одну семью. Послѣ чтенія г. Митропольскаго, былъ имъ же прочитанъ общеславянскій гимнъ, его же сочиненія и имъ же положенный на музыку. Гимнъ этотъ пропѣтъ хоромъ и вызвалъ аплодисменты. Онъ начинается и кончается строфою:

Братья славяне!
 Духъ единенья
 Пусть разовьется межъ вами...
 Живъ духъ славянскій,
 Славы преданья
 Не сокрушились вѣками.

Вооруженіе XI вѣка. Въ главное артилерійское управленіе доставлена рѣдкая и особенно цѣнная историческая находка, сдѣланная при раскопкѣ одного изъ кургановъ въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ районѣ древняго Кіевского княжества. Въ этомъ курганѣ найденъ хорошо сохранившійся скелетъ воина со всѣми доспѣхами, а также костякъ убитой при похоронахъ лошади со всѣмъ ея снаряженіемъ. Всѣ металлическія (железные) части нѣсколько пострадали отъ ржавчины; хорошо сохранились, благодаря свойствамъ почвы, гробъ и кости скелетовъ. Гробъ представляетъ четырехугольную колоду, верхняя доска которой, теперь расколота, была прибита крупными железными гвоздями. Костный скелетъ человѣка—средняго роста, лошади—малаго. Найденный головной уборъ воина хорошо сохранилъ свои формы; кольчуга нѣсколько попорчена ржавчиной, она относится къ разряду «байданы» (отъ арабскаго слова — баданъ или баденъ), такъ какъ сдѣлана изъ довольно крупныхъ и плоскихъ колець («сѣченые») съ рукавами до локтя. Найденный мечъ—длинный и узкій, въ родѣ «кончара», которымъ прикалывались раненые прямо съ лошади. Найдено, кромѣ того, нѣсколько предметовъ, болѣе мелкихъ, какъ-то: стремяна, удила, бляхи и т. п. Вообще по полнотѣ и цѣльности настоящая коллекція представляется единственною изъ существующихъ въ нашихъ музеяхъ образцовъ русскаго вооруженія и обстоятельно знакомитъ съ древне-русскимъ вооруженіемъ и снаряженіемъ лошади XI—XIII вѣка. Коллекція эта находится въ настоящее время въ артилерійскомъ музеѣ.

Семидесятипятитѣ Исаакіевскаго собора. Въ текущемъ году исполнится 75 лѣтъ съ воведенія собора св. Исаакія въ настоящемъ его видѣ. Первый камень обновленія храма былъ положенъ Александромъ I, 26-го іюля 1819 г. Существовавшій прежде каменный соборъ былъ начатъ въ 1768 г. по плану архитектора Ринальди и доведенъ имъ до гѣмса, когда смерть Екатерины II въ 1796 г. прекратила всѣ работы. Постройка собора производилась изъ разноцвѣтнаго мрамора съ великолѣпнымъ, достойнымъ царствованія императрицы. Павелъ I приказалъ архитектору Брено уменьшить размѣры храма, въ особенности купола и колокольни, и довершить постройку кирпичомъ. Этотъ Исаакіевскій соборъ былъ освященъ 30-го мая 1802 г., но спустя 14 лѣтъ пришелъ въ разрушеніе, обнаружилась большая сырость, своды дали трещины, и вскорѣ богослуженіе въ немъ прекратилось. Нынешній соборъ построенъ Монфераномъ, по профессіи рисовальщикомъ, а не архитекторомъ, прибывшимъ изъ Парижа съ письмомъ отъ часовщика Брегета къ министру путей сообщенія Бетанкуру. По рассказамъ современниковъ, Монферанъ представилъ разомъ двадцать четыре проекта перестройки собора, или, вѣрнѣе, двадцать четыре прекраснѣйшихъ миниатюрныхъ рисунка, въ перешлетѣ красиваго альбома. Съ начала перестройки собора и по день освященія его въ 1858 г., на него израсходовано 23.256,852 р. 80 к. Одинъ матеріалъ для стѣнъ и работа послѣднихъ обошлись въ 2½ милл. рублей. Но эта огромная сумма оказалась недостаточною, такъ какъ стѣны собора ежегодно требуютъ капитальныхъ поправокъ. Исаакіевскій соборъ считается по величинѣ третьимъ во всемъ мірѣ. Замѣчательно также, что этотъ соборъ строился въ трехъ видахъ и на трехъ разныхъ мѣстахъ, въ теченіе почти полутораго вѣка. Первый соборъ св. Исаакія былъ построенъ Петромъ I въ 1710 г., на Адмиралтейской площади, противъ Гороховой. Второй соборъ въ петровское время былъ уже каменный и помѣщался на берегу Невы, вблизи того мѣста, гдѣ теперь стоитъ памятникъ Петру Великому. Первые два собора тоже не отличались прочностью постройки.

Какъ у насъ сохраняются древніе памятники. Недавно въ Москвѣ уничтоженъ одинъ изъ характерныхъ памятниковъ стараго русскаго зодчества — колокольня церкви Ржевской Вожіей Матери. На это варварство причта обратилъ вниманіе, слишкомъ позднее, одинъ изъ любителей старины, отмѣтивъ

шій этотъ фактъ въ газетахъ и упрекнувшій Московское археологическое общество въ томъ, что оно просмотрѣло и допустило подобное уничтоженіе. Предсѣдательница археологическаго общества, графиня Уварова, отозвалась на упрекъ, объясняя, что фактъ сломки цѣннаго памятника былъ извѣстенъ обществу, но что послѣднее бессильно защищать всѣ подобныя памятники отъ какихъ бы то ни было покушеній на нихъ. Графиня говоритъ: «Въ 1877 г., благодаря ходатайству основателя Московскаго археологическаго общества, гр. А. С. Уварова, и вслѣдствіе разныхъ искаженій, которыя были допущены во вѣдѣніи видѣ московскаго Успенскаго собора и Покровскаго собора близъ Боголюбова, былъ изданъ указъ, по которому духовенству воспрещалось приступать къ перестройкамъ и передѣлкамъ древнихъ храмовъ и ихъ утвари безъ разрѣшенія мѣстнаго археологическаго общества. На основаніи этого указа московское археологическое общество выдѣлило изъ своей среды отдѣльную комисію, состоящую изъ лучшихъ знатоковъ русскаго искусства въ числѣ которыхъ были И. Е. Забѣлинъ, К. М. Бычковскій, Д. Н. Чичаговъ и др. Комисія эта собирается по мѣрѣ поступленія дѣлъ, осматриваетъ, объѣзжаетъ памятники, весьма часто на мѣстѣ старается убѣдить духовенство или старосту въ необходимости сохранить и поддержать памятники въ томъ видѣ, въ которомъ онъ сохранился до нашего времени, но когда общество запрещаетъ уничтоженіе памятника, то за духовенствомъ остается право обжалованія предъ синодомъ, или мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, которые съ своей стороны всегда разрѣшаютъ подобныя уничтоженія. Такъ было и съ колокольней Ржевской Божіей Матери, такъ будетъ со многими нашими древними памятниками, пока образованіе не распространится въ болѣе обширныхъ размѣрахъ среди массъ, и мы не придемъ къ убѣжденію, что не только должны любить памятники нашей старины, но можемъ гордиться ими и должны дорожить ихъ возможною сохранностью». Было бы очень грустно, если бы оправдались пессимистическія предвидѣнія графини. Но гдѣ же надобность ждать археологическаго «просвѣтленія» массъ, когда существуетъ точный высочайшій указъ, который не можетъ быть оставленъ безъ вниманія и епархіальнымъ начальствомъ?

Общество любителей древней письменности. Въ торжественномъ годовомъ собраніи секретарь прочиталъ годовой отчетъ общества, Н. П. Барсуковъ сдѣлалъ сообщеніе о собираемыхъ древнихъ пѣсняхъ П. В. Кирѣевскомъ и П. И. Якушкинѣ, а Н. М. Туниковъ — о литературной дѣятельности царевича Ивана Ивановича. Референтъ остановился на переработкѣ царевичемъ житія Антонія Сійскаго, составленнаго Іоною, и пришелъ къ заключенію, что тамъ, гдѣ Иванъ Ивановичъ является вполнѣ самостоятельнымъ авторомъ (именно въ началѣ житія), изложеніе его блестящее, свидѣтельствующее о литературномъ талантѣ и начитанности автора. Предсѣдатель общества принесъ въ даръ портретъ Іосафа Горленки, епископа бѣлоградскаго и обоянскаго (Курской епархіи, ум. 1754 г.), и Катифорова житіе Петра Великаго, печатный экземпляръ, любопытный по рукописи, приплетенной въ концѣ второго тома и содержащей въ себѣ рассказы современника-очевидца о первомъ императорѣ, между которыми есть, повидимому, неизвѣстныя доселѣ. И. Ѡ. Горбуновъ подарилъ портретъ московскаго митрополита Филарета, масонскую картину о превратности міра, «Бобелину» и автографъ И. Я. Корейши, а графъ В. В. Мушинъ-Пушкинъ — очень рѣдкую масонскую картину «Assemblée de Francs-Maçons pour la réception des maîtres».

Годовщины нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей отмѣчаются даже не всѣми періодическими органами. Въ послѣднее время исполнилось 25-лѣтіе со времени смерти Щербина, полтора ста лѣтъ со дня рожденія Новикова и сто лѣтъ со смерти графа Ангальта и Лукина. Какъ антологическій поэтъ и лирикъ шестидесятыхъ годовъ, Щербина оставилъ въ литературѣ очень замѣтный слѣдъ. Его стихотворенія и статьи печатались во всѣхъ журналахъ.

«истор. вѣстн.», июль, 1894 г., т. LVII.

Нерѣдко черпалъ онъ свои вдохновенія изъ греческой современной поэзіи. Изъ этого источника онъ заимствовалъ темы для своихъ стихотвореній: «Сафо», «Идиллія», «Южная ночь», «Ширь», «Эллада» и др. Графъ Ѳ. П. Толстой иллюстрировалъ его лучшія произведенія и помѣщалъ эти рисунки въ «Иллюстраціи» В. Зотова 1858 года. Щербина оставилъ послѣ себя сатирическіе сборники и сборники эпиграмъ: «Альбомъ ипохондрика» и «Сонникъ современной русской литературы», въ которыхъ ѣдко и остроумно осмѣиваетъ своихъ современниковъ и собратьевъ по перу, изъ которыхъ иные благополучно здравствуютъ и понынѣ. Лучшій рукописный списокъ «Сонника», писанный рукою самого автора, хранится у В. Зотова. Щербина любилъ народъ и видѣлъ необходимость его развитія въ практическомъ, реальномъ направленіи и съ этою цѣлью издавалъ сборники для народнаго чтенія. Умеръ онъ въ Петербургѣ одинокимъ, въ небольшой квартиркѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ Поварскомъ переулкѣ, отъ полипа въ горлѣ, который его задушилъ. Петербургскій климатъ былъ для него вреденъ, и медики послали его на югъ, но онъ все медлилъ. Въ день смерти къ нему прѣвѣжалъ хирургъ Е. И. Богдановскій и предлагалъ операцію, но поэтъ отказался. Весь день онъ занимался дѣлами и въ 11 часовъ вечера далъ слугѣ наставленіе, какъ должно поступить, если съ нимъ случится припадокъ удушья. Черезъ полчаса онъ вбѣжалъ въ кухню, давая слугѣ понять знаками, что его душатъ, убѣжалъ затѣмъ къ себѣ въ спальню, упалъ на кровать и черезъ нѣсколько минутъ умеръ мучительной смертью отъ удушья. Похороненъ Щербина на кладбищѣ Александръ-Невской лавры, рядомъ съ А. Н. Сѣровымъ и недалеко отъ Ѳ. М. Достоевскаго. Незадолго до смерти онъ былъ назначенъ на службу въ Одессу, въ штатъ генералъ-губернатора Новороссійскаго края. Онъ никогда не имѣлъ вѣрныхъ средствъ къ жизни и если не нуждался, какъ Мей, то благодаря своей воздержности, не спасшей его, однако, отъ преждевременной смерти.

Огромное значеніе Новикова для русской культуры слишкомъ извѣстно, чтобы его можно было оцѣнить въ краткихъ замѣткахъ. На темномъ фонѣ русской жизни выдѣляется свѣтлая личность Николая Ивановича Новикова, человѣка просвѣщеннаго, въ высшей степени гуманнаго, проникнутаго любовью къ добру, человѣчеству, любовью къ соотечественникамъ, все свои силы, энергію, всю жизнь употребившаго на удовлетвореніе нуждъ Россіи. Родившійся въ 1744 году, онъ по своей образованности и взглядамъ былъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ къ своимъ современникамъ. Слишкомъ сурово и несправедливо относилась къ нему Екатерина II, благоволившая, неизвѣстно за что, къ графу Ангальту, хотя и понимала всю незначительность его военныхъ заслугъ и мелочность характера. Этотъ авантюристъ, адъютантъ Фридриха II, дравшійся противъ насъ при Цорндорфѣ, бывшій въ плѣну у австрійцевъ, перешедшій потомъ въ саксонскую армію, былъ у насъ на службѣ съ 1787 года, получилъ Андрея Первозваннаго, сервизъ въ 50,000 рублей и порученіе наблюдать за принцемъ Виртембергскимъ, командовавшимъ въ Финляндіи и вошедшимъ въ тайныя сношенія со шведскимъ дворомъ, а когда самого Ангальта хотѣли назначить въ Финляндію, то потребовалъ полной команды и чинъ полнаго генерала. Императрица нашла, что это «глупо и неумѣстно». Ангальтъ былъ назначенъ президентомъ Вольнаго экономического общества. Потомъ онъ былъ сдѣланъ директоромъ кадетскаго корпуса и въ этомъ званіи получилъ большую извѣстность. Онъ дѣйствительно любилъ дѣтей, и это была уже большая заслуга, когда позже его другой директоръ, генералъ-лейтенантъ Клигеръ, не стѣснялся заявлять, что «русскихъ надо больше бить, чѣмъ учить». Педагогическія идеи Ангальта были, однако, также сомнительны, какъ и военныя. Ни слова не зная порусски, онъ объяснялся съ кадетами на плохомъ французскомъ языкѣ, мало имъ понятномъ. Онъ дѣлалъ также много добра.

1-го іюля исполнилось сто лѣтъ со дня смерти драматическаго писателя екатерининской эпохи Вл. Иг. Лукина. Лукинъ извѣстенъ, какъ первый изъ нашихъ драматурговъ, который пошелъ по новой дорогѣ и сталъ писать пьесы не съ возвышенными страстями и не съ классическими героями, а съ людьми, взятыми прямо изъ жизни. Такія пьесы въ старину назывались «мѣщанскими драмами». Сумароковъ говорилъ, что онъ «пакостнаго рода». Лукинъ тоже совѣтовалъ не переводить драмы, а «склонять ихъ на русскіе нравы», передѣлывая имена и чужеземные обычаи на русскіе. Онъ ввелъ на сцену элементъ національный и чувствительный. По словамъ современниковъ, Лукинъ «шевелилъ сердце русское». Первая русская комедія пользовалась аристофановскою вольностью, она всегда любила личности. Оригинальная комедія Лукина «Мотъ, любовію исправленный», благодаря такому характеру, имѣла большой успѣхъ. Новиковъ про нее говорилъ, что сочинитель вывелъ «два смѣшные подлинника», которыхъ представлявшіе актеры «весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма много смѣшили». Изъ переводныхъ его пьесъ пользовались успѣхомъ: «Пушомеля», «Щепетильникъ», «Разумный вертопрахъ», «Тестъ и зять» и нѣкоторыя другія. Лукинъ служилъ секретаремъ у графа Кир. Гр. Разумовскаго, затѣмъ при И. П. Елагинѣ, который цѣнилъ его литературный талантъ и покровительствовалъ по службѣ. Фонвизинъ служилъ нѣкоторое время подъ начальствомъ Лукина и отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ высококомѣрномъ и тяжелого характера. Въ Александровской лаврѣ на кладбищѣ почти рядомъ похоронены эти два писателя, враждовавшіе между собою цѣлую жизнь, не столько впрочемъ по литературнымъ, сколько по служебнымъ отношеніямъ: оба они служили у И. П. Елагина и старались «выбить одинъ другаго изъ благорасположенія своего начальника». Первое изданіе собранія сочиненій и переводовъ Лукина напечатано въ 1767 году Второе изданіе вышло подъ редакціей П. А. Ефремова въ 1868 году.

Отчетъ Симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни въ память И. А. Гончарова съ 17 января 1893 года по 17 января 1894 года. Симбирская бесплатная бібліотека-читальня, согласно «уставу», утвержденному въ декабрѣ 1892 г., имѣетъ цѣлю доставить полезное чтеніе тому классу городского населенія, который, не имѣя средствъ на покупку собственныхъ книгъ, не можетъ въ то же время, по степени своего развитія, пользоваться бібліотеками, предназначенными для средняго образованнаго класса, каковы, напримѣръ, лица, окончившія курсъ начальной школы, учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и др. Бібліотека-читальня открыта для посѣтителей въ теченіе цѣлаго года, какъ въ будни (съ 4 до 8 часовъ, кромѣ субботы и кануновъ праздничныхъ дней, когда она открыта съ 4 до 6 часовъ), такъ и въ воскресные и праздничные дни (съ 1 часу до 7^{1/2} часовъ вечера), за исключеніемъ 14-ти дней въ году. Пользоваться книгами бібліотеки имѣетъ право всякій желающій, читая ихъ въ читальнѣ или получая на домъ. Получающіе книги на домъ, въ обезпеченіе возвращенія и цѣлости ихъ, представляютъ поручительство учрежденія или лица извѣстнаго бібліотекарю или завѣдывающему выдачею книгъ, или залогъ отъ 10 коп. и выше, смотря по стоимости получаемыхъ изданій. Каждый читатель можетъ одновременно пользоваться только одною книгою. Выдача же двухъ книгъ допускается только въ томъ случаѣ, когда сочиненіе напечатано болѣе, чѣмъ въ одномъ томѣ. Абонентъ можетъ оставлять у себя книгу не болѣе 10 дней. Въ случаѣ надобности, онъ можетъ получить книгу ту же на вторичный срокъ, если на нее не было заявлено требованій другими. Со дня открытія до 4 іюня бібліотека-читальня помѣщалась въ наемной квартирѣ, изъ 2 небольшихъ комнатъ, но съ октября она заняла помѣщеніе, отведенное думою въ принадлежащемъ городу домѣ: просторный и свѣтлый рекреационный залъ 5-го

и 6-го женскихъ городскихъ училищъ, совершенно свободный во все внѣ-учебное время. Что касается состава библиотеки, то вслѣдствіе недостатка средствъ, особенно чувствительнаго въ первое время, въ этомъ отношеніи она оставляетъ желать многого. Въ отчетномъ году куплено книгъ на 333 рубля 96 коп. Всѣхъ же книгъ и брошюръ къ концу года состояло 1367 экземпляровъ. Число читателей превзошло, однако, самыя смѣлыя ожиданія. Въ первые же два дня по ея открытіи записалось 54 человека, пожелавшихъ брать книги на домъ; черезъ двѣ недѣли читателей этой категоріи было уже 208, а къ концу года—864.

Главную массу читателей составляютъ дѣти мѣщанъ и крестьянъ, учащіяся въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Взрослые, главнымъ образомъ также мѣщане и крестьяне, составляютъ только 22,57%. Но отсюда ошибочно было бы заключать, что книгами библиотеки пользуются только 195 человекъ взрослыхъ. Въ дѣйствительности, книги, получаемыя дѣтьми, сплошь и рядомъ прочитываются ихъ родителями, старшими братьями и сестрами. Дѣти, при перемѣнѣ книгъ, часто заявляютъ, что отецъ или другой членъ семейства «велѣлъ просить» такую-то книгу. Но и среди образованнаго класса чувствуется нужда въ хорошей книгѣ. Народная библиотека-читальня даетъ читателямъ этого рода произведенія русскихъ и иностранныхъ (въ переводѣ) классиковъ и нѣсколько общелитературныхъ періодическихъ изданій.

Въ отчетномъ году было выдано на домъ 23.829 книгъ, брошюръ и газетъ, т.-е. на каждого абонента приходится по 27,58 экземпляровъ. Наибольшій спросъ находятъ книги беллетристическаго содержанія и журналы, съ приложеніями. Больше число требованій было заявлено на сочиненія Гогаля, затѣмъ Островскаго, Лермонтова, Гончарова, Григоровича, Алексѣя Толстого («Князь Серебряный»), Льва Толстого, Лажечникова, Загоскина, Карамзина (повѣсти). На сочиненія Пушкина мало требованій, что объясняется широкимъ распространеніемъ ихъ въ дешевыхъ изданіяхъ. Нерѣдко спрашиваютъ книги, которыхъ нѣтъ, по дѣйствующимъ правиламъ, въ библиотекѣ, какъ-то: сочиненія Михайлова (Шеллера), Мельникова, Некрасова, Гл. Успенскаго, Писемскаго, Помяловскаго, особенно же часто Достоевскаго и XIII томъ сочиненій Л. Толстого. Но на ряду съ лучшими писателями нерѣдко спрашиваются и произведенія рыночной литературы, вообще имѣющія въ провинціи большой сбытъ.

Таковы результаты, достигнутые библиотекою-читальней въ теченіе года: около 2.400 посѣщеній читальни и 23.829 выдачъ книгъ на домъ 864 абонентамъ. Первое мѣсто между пожертвованіями принадлежитъ пособіямъ въ 869 р.; изъ нихъ израсходовано 833 р. 98 к.; Петербургскимъ и Московскимъ комитетами грамотности и частными лицами пожертвовано 336 экземпляровъ книгъ на сумму 139 р. 75 к. Редакціи 12 журналовъ и 1 газеты бесплатно высылали свои изданія за 1893 годъ.

Отчетъ о дѣятельности комиссіи по организациіи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. (1893—1894). Въ Москвѣ вышла брошюра подъ этими таинственными заглавными буквами. Москва, вносящая всюду «свой отпечатокъ», вѣроятно, полагаетъ, что ея учрежденія обязана знать вся Россія. И только дочитавшись до приложеній къ отчету, можно узнать, при какомъ учебномъ отдѣлѣ состоитъ эта комиссія, и что инициалы О. Р. Т. З. означаютъ не «Общество распространенія тайныхъ заговоровъ», а распространенія техническихъ знаній.

Предсѣдатель отдѣла открылъ засѣданія комисіи, предметами дѣятельности которой были: руководство домашнимъ чтеніемъ; сношенія съ цѣлью распространенія рекомендуемыхъ комисіей книгъ; издательская дѣятельность и организациія публичныхъ чтеній въ столицѣ и провинціи.

Одновременно съ приглашеніемъ специалистовъ и организаціей ихъ въ группы, комісія занялась выработкой детальной программы своей дѣятельности по организаціи домашняго чтенія.

Подкомісія нашла затруднительнымъ выработать общеобразовательный курсъ систематическаго чтенія, который бы составлялъ одно цѣлое по всемъ отдѣламъ знанія. Въмѣсто одного общеобразовательнаго курса, подкомісія предположила выработать рядъ систематическихъ курсовъ чтенія по пяти принятымъ ею отдѣламъ знанія.

Комісія ставитъ своей цѣлью руководить домашнимъ чтеніемъ лицъ, желающихъ пополнить путемъ чтенія пробѣлы своего образованія. Для этой цѣли она издаетъ ежегодно списки темъ для чтенія и письменныхъ работъ, съ подробнымъ объясненіемъ каждой темы, съ перечнемъ относящихся къ ней книгъ, съ указаніями относительно порядка занятій по намѣченнымъ книгамъ, со спискомъ вопросовъ, основанныхъ на данной темѣ и на прочитанныхъ для нея сочиненіяхъ, и съ другими указаніями, какія будутъ признаны полезными для успѣшной постановки домашняго чтенія. Предлагаемая для чтенія темы дѣлятся на общія, предназначаемыя преимущественно для систематическаго чтенія лицъ, которыя пожелали бы подъ руководствомъ комісії пріобрѣсти законченный циклъ общеобразовательныхъ свѣдѣній, и на спеціальныя темы, обнимающія болѣе или менѣе значительный отдѣлъ науки или касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ, могущихъ интересовать читателей, либо по связи съ общимъ міросозерцаніемъ, либо по связи съ вопросами текущей жизни.

† 20-го мая въ Москвѣ Николай Алексѣевичъ Трескинъ, исполнявшій обязанности цензора въ московскомъ комитетѣ. Онъ получилъ высшее образованіе на историко-филологическомъ факультетѣ Петербургскаго университета, службу началъ по министерству финансовъ и въ 60-хъ годахъ принималъ участіе въ снаряженной географическимъ обществомъ экспедиціи по изученію нашей хлѣбной торговли. Затѣмъ онъ посвятилъ себя педагогической дѣятельности, былъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ Рязанской губерніи, а съ 1875 г. занялъ должность директора учительской семинаріи Московскаго воспитательнаго дома. Здѣсь онъ проявилъ замѣчательныя способности, какъ воспитатель и преподаватель; человекъ живого ума и основательнаго образованія, онъ принесъ много пользы. Должность цензора онъ занялъ въ 1886 г. по закрытіи семинаріи. Онъ много занимался литературой, написалъ нѣсколько книгъ для народнаго, дѣтскаго чтенія и перевелъ нѣсколько историческихъ сочиненій, между прочимъ: «Рассказы о временахъ Мервинговъ» Авг. Тьери. Написанная имъ книжка—«Сѣверный край Европейской Россіи», обнаруживаетъ несомнѣнный литературный талантъ. Н. А. Трескинъ скончался внезапно на 56-мъ году.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Портретъ Н. И. Гнѣдича.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ «Воспоминаніяхъ» М. О. Каменской сообщены весьма любопытныя свѣдѣнія объ извѣстномъ переводчикѣ «Иліады» Николаѣ Ивановичѣ Гнѣдичѣ. До сихъ поръ намъ былъ извѣстенъ одинъ портретъ этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго

человѣка, именно литографія, рисованная Колпашиниковымъ, повторенная затѣмъ въ миниатюрномъ видѣ, въ изданіи Вольфа «Русскіе люди». Александръ Павловичъ Чеховъ любезно доставилъ намъ снятую имъ фотографію съ оригинальнаго портрета Гнѣдича, писаннаго масляными красками и находящагося въ одной изъ залъ Императорской Академіи Наукъ. Прилагаемъ къ настоящей книжкѣ нашего журнала точную копию съ этого портрета въ гравюрѣ на деревѣ А. И. Зубчанинова.

II.

Къ біографіи графа Ангальта.

Исполнившаяся въ текущемъ году столѣтняя годовщина дня смерти графа Фридриха Ангальта ¹⁾ побудила меня заняться составленіемъ біографическаго очерка этого выдающагося человѣка конца XVIII вѣка.

Для этой цѣли я независимо отъ справокъ въ архивахъ ²⁾ просмотрѣлъ въ числѣ источниковъ и наши энциклопедическіе словари ³⁾, въ которыхъ нашелъ, что неточныя свѣдѣнія о графѣ Ангальтѣ, появившіяся въ словарѣ Плюшара и сообщенныя М. А. Ермоловымъ, повторяются и въ другихъ изданіяхъ, а потому для предупрежденія дальнѣйшихъ ошибокъ считаю долгомъ своимъ указать на эти неточности. День смерти графа Ангальта обозначенъ г. Ермоловымъ 2 мая 1794 г. ⁴⁾, между тѣмъ какъ графъ умеръ 22 мая, что видно изъ журнала Вольнаго экономическаго общества отъ 27 мая 1794 г. Въ этомъ засѣданіи предсѣдательствующій Нартовъ объявилъ, что «сего 22 мая графъ Ангальтъ къ чувствительнѣйшему сожалѣнію всего Вольнаго экономическаго общества скончался, но его отличная дѣятельность, усердіе и всевозможная ревность о процвѣтаніи и о способствованіи пользѣ онаго останутся незабвеннымъ памятникомъ навсегда» (1 пунктъ журнала Императорскаго Вольнаго экономическаго общества, 1794 г., № 48).

М. А. Ермоловъ говоритъ, что графъ Ангальтъ «вскорѣ по прибытію въ Россію предпринялъ по ней многотрудное путешествіе даже до самыхъ от-

¹⁾ Графъ Ангальтъ родился 9 (21) мая 1732 г., умеръ 22 мая (1 іюня) 1794 г., служилъ въ прусской и саксонской арміяхъ. Въ русскую службу перешелъ въ 1783 г. декабря, 4-го въ чинѣ генераль-поручика и генераль-адъютанта, былъ главнымъ начальникомъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса (нынѣ 1-й кадетскій) и президентомъ Вольнаго экономическаго общества. Отличался высокими душевными качествами, былъ замѣчательнымъ педагогомъ, поставившимъ въ-ренннй его попеченію кадетскій корпусъ на такую высоту, что онъ считался однимъ изъ лучшихъ образовательныхъ заведеній не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Кромѣ того, графъ отличался широкою благотворительностью и былъ однимъ изъ приближенныхъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, которая называла его своимъ другомъ.

²⁾ 1-го кадетскаго корпуса, лютеранскихъ церквей и Вольнаго экономическаго общества. Что касается до архива главнаго штаба, то старыя дѣла находятся въ Москвѣ.

³⁾ Плюшара (1835 г.), Края (1847 г.), русскихъ ученыхъ и литераторовъ (1861 г.), Березина (1873 г.), В. Ключникова (1878 г.), Брокгаузъ и Ефрона, Военную энциклопедію, 2-е изд. (1852 г.), и Русскую родословную книгу, изданіе «Русской Старины».

⁴⁾ Н. Н. Мельницкій въ своемъ сборникѣ свѣдѣній о военныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи днемъ смерти графа указываетъ 24-ое мая; это число имъ заимствовано отъ г. Висковатова изъ его краткой исторіи 1-го кадетскаго корпуса.

даленныхъ ея предѣловъ и въ теченіе трехъ лѣтъ обозрѣвать въ ней все достойное вниманія. Особенно наблюдалъ онъ заведенія учебныя и благо-творительныя, успѣхи земледѣлія, торговли и промышленности (?)». Какъ извѣстно, графъ вступилъ въ русскую службу 4 декабря 1783 г., т. е. въ концѣ года; допуская, что графъ 1794-й годъ весь потратилъ на путешествіе (хотя не имѣется никакихъ указаній о дѣятельности графа въ этомъ году), то, всетаки, до трехлѣтняго срока, указанного г. Ермоловымъ, — далеко, ибо есть только извѣстія, что въ 1785 году графъ Ангальтъ въ мартѣ мѣсяцѣ былъ въ г. Архангельскѣ, причемъ посѣтилъ мѣстную семинарію, гдѣ въ честь его говорились стихи, рѣчи, и происходили ораторскія состязанія на языкахъ латинскомъ, греческомъ и русскомъ ¹⁾, а затѣмъ черезъ Вологду возвратился въ Петербургъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1785 года сопровождалъ императрицу для обозрѣнія водяныхъ сообщеній, какъ это видно изъ письма императрицы къ Гриму (Тверь, іюнь, 1785 г.). Слѣдовательно самое наибольшее время, потраченное на путешествіе — около 1½ лѣтъ. Если прибавить командировку въ 1786 году въ Финляндію, продолжавшуюся нѣсколько недѣль, и сопровожденіе въ 1787 году императрицы въ ея полугодовую поѣздку на югъ Россіи, то, всетаки, графъ никакъ не могъ путешествовать три года.

Далѣе г. Ермоловъ говоритъ, «что графъ Ангальтъ былъ назначенъ генералъ-инспекторомъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Ингерманландіи, Эстляндіи и Финляндіи». Я пересмотрѣлъ «Мѣсяцесловы съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ» съ 1784 года по 1795 включительно и не нашелъ тамъ даже названія подобной должности, а есть только свѣдѣніе, что графъ Ангальтъ былъ назначенъ въ 1786 году «шефомъ финляндскаго егерскаго корпуса». Справиться по формулярному списку нельзя было: во-первыхъ, таковыя заведенія были лишь въ 1797 году, а, во-вторыхъ, всѣ старыя дѣла главнаго штаба хранятся въ московскомъ архивѣ ²⁾. Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ тогдашнихъ мѣсяцесловахъ, отличались точностью, ибо составлялись на основаніи вѣдомостей, получаемыхъ изъ учреждений, въ которыхъ числились служащіе.

Составитель біографіи графа Ангальта, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами (т. IV, Спб., 1862 г.), г. М. Д. Х. (Хмыровъ) говоритъ, что графъ послѣ трехлѣтняго странствованія возвратился въ Петербургъ, гдѣ 12 февраля 1786 года получилъ знаки андреевскаго и александровскаго орденовъ, оба въ одинъ и тотъ же день. Въ 1787 году графъ Ангальтъ сопутствовалъ императрицѣ въ полуденный край Россіи, ѣхалъ всю дорогу за экипажемъ государыни, въ одной каретѣ съ графомъ И. Гр. Чернышевымъ, англійскимъ посломъ Фицъ-Гербертомъ и французскимъ — графомъ Сегюромъ, а по возвращеніи слѣдая 8 ноября того же 1787 года главнымъ начальникомъ сухопутнаго шляхетскаго корпуса. По справкамъ въ официальныхъ изданіяхъ, какъ-то: въ мѣсяцесловахъ съ росписью чиновъ и камеръ-фурьерскомъ журналѣ, оказывается, что графъ Ангальтъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго въ 1785 году, а св. Александра Невскаго и польскій орденъ св. Станислава въ 1787 году.

Затѣмъ изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что отъ высочайшаго двора было 14 каретъ, и относительно каждой изъ этого числа заранѣе было указано, кому слѣдовало въ ней ѣхать. Императрица ѣхала во второй

¹⁾ «Стихи и рѣчи и т. п., говоренныя гр. Ан., въ архангельской семинаріи 1785 года марта 11 дня. Спб. 1785». Книга эта находится въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

²⁾ Тамъ же, какъ мнѣ сообщилъ П. О. Лузановъ, хранятся бумаги графа Ангальта, которыя были по высочайшему повелѣнію опечатаны послѣ его смерти

каретѣ, вслѣдъ за шталмейстерской, а для графа Ангальта, какъ генераль-адъютанта, предназначалась 7-я карета.

Во время путешествія императрица приглашала въ свою карету когонибудь изъ сопровождавшихъ ее, въ числѣ которыхъ бывали то англійскій, то французскій посланники, а иногда въ числѣ другихъ былъ приглашаемъ и графъ Ангальтъ.

По всей же вѣроятности, иностранные послы каждый въ отдѣльности ѣхали въ своей каретѣ. Относительно завѣдыванія корпусомъ надо пояснить, что дѣятельность графа на этомъ поприщѣ началась съ 8 ноября 1786 года, т. е. тогда, когда вмѣсто генераль-директора кадетскаго корпуса, генераль-поручика графа Антона Богдановича Де-Бальмень, былъ назначенъ графъ Ангальтъ тѣмъ же званіемъ и членомъ совѣта корпуса.

Въ 1787 году совѣтъ корпуса былъ упраздненъ, и графъ Ангальтъ переименованъ былъ главнымъ начальникомъ этого заведенія. Въ заключеніе позволю себѣ принести наискреннѣйшую благодарность оказавшимъ мнѣ свое любезное содѣйствіе при розысканіи источниковъ: Э. А. Вольтеру, Н. О. Дубровину, Д. О. Кобеко, В. П. Ламбину, В. В. Стасову, Г. О. Штендману, В. И. Штейнъ и С. Н. Шубинскому.

К. Волховской.

III.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Мы получили отъ нѣсколькихъ подписчиковъ запросы о томъ, будетъ ли продолжаться на страницахъ «Историческаго Вѣстника» печатаніе романа графа Е. А. Салиаса «Via facti». Считаемъ необходимымъ объяснить по этому поводу слѣдующее: романъ «Via facti» былъ написанъ вчернѣ еще въ прошломъ году, и авторъ обязался доставлять его въ редакцію «Историческаго Вѣстника» съ декабря мѣсяца, по частямъ, по мѣрѣ окончательной отдѣлки, что и исполнять аккуратно до марта мѣсяца, когда совершенно неожиданно былъ вынужденъ внезапно уѣхать за границу, въ Тулузу, къ тяжело заболѣвшему отцу, который вкорѣ затѣмъ скончался. При такихъ обстоятельствахъ графъ Салиасъ, разумѣется, не имѣлъ возможности продолжать работу и до сихъ поръ остается во Франціи, удерживаемый имущественными дѣлами. Мы увѣрены, что, по возвращеніи въ Россію, онъ исполнитъ свои обязательства передъ читателями и редакціей.

«Въ 12-мъ листѣ романа «Подъ тѣнью меча», приложеннаго къ іюньской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», на стр. 181, по случайной причинѣ, произошелъ довольно значительный пропускъ. Мы прилагаемъ къ настоящей книжкѣ вновь 12-й листъ, возстановивъ пропущенное мѣсто».

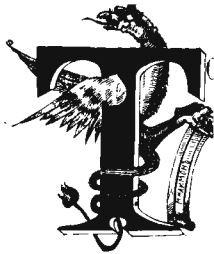

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ РОССИИ ВЪ 1893 ГОДУ.

I.

Книжное дѣло.

ТОЛЬКО теперь, такъ сказать, надняхъ, начали у насъ разбираться въ той массѣ книжнаго матеріала, который ежегодно появляется на книжномъ рынкѣ, только теперь узнаемъ, какую умственную пищу могутъ дать эти книги русскому читателю. Какъ было раньше, что будетъ потомъ — остается неизвѣстнымъ, и потому, волей-неволей, приходится считаться только съ настоящимъ и говорить только о немъ. Но ставъ въ эти границы и внимательно взглядывшись въ предметъ, начинаешь сознавать потребность выяснитъ себѣ его положеніе по возможности тщательнѣе, рѣшитъ тѣ интересные вопросы, которые вслѣдствіе того возникаютъ одинъ за другимъ. Вотъ тутъ-то, т. е. при желаніи найги рѣшеніе, и встрѣчаешься съ тѣми затрудненіями, въ виду которыхъ приходится спрашивать себя: имѣемъ ли мы право и возможность дать на эти вопросы положительный отвѣтъ?

Моя практика привела меня къ «нѣтъ», почему въ моихъ обзорахъ книжнаго дѣла многое обходится молчаніемъ или, указывая вопросъ, оставлять его открытымъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и знаемъ, что у насъ ежегодно выходитъ въ свѣтъ нѣсколько тысячъ всякаго рода сочиненій, что сочиненія эти издаются въ милліонахъ экземпляровъ, тѣмъ не менѣе, и при существованіи этого условія, всетаки, не знаемъ, что отвѣтить хотя бы, напримѣръ, на такой, повидимому, простой вопросъ: богата или бѣдна Россія книгами? Можно, конечно, отвѣ-

чать, что богата и даже очень богата, что ихъ такое многое множество, что не знаешь, куда дѣвать, и вотъ, вѣроятно, благодаря этому изобилію, нѣкоторые изъ петербургскихъ букинистовъ начинаютъ продавать произведенія печати, какъ орѣхи, на вѣсъ и даже по выбору. Но можно въ то же время отвѣчать и иначе, можно сказать, что бѣдна и даже очень бѣдна, потому что на каждаго жителя едва приходится по одной книженкѣ. Позвольте, остановятъ насъ, вы говорите—бѣдны, но знаете ли вы положительно, сколько въ Россіи жителей, сколько изъ нихъ русскихъ, поляковъ, нѣмцевъ и тѣхъ народностей, которыя не знаютъ русскаго языка? Знаете ли вы, сколько собственно изъ русскихъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, сколько на Руси грамотныхъ и неграмотныхъ? Ничего объ этомъ мы съ вами, читатель, не знаемъ, а, не зная, можемъ ли утвердительно отвѣчать на предложенный вопросъ?

Начать такимъ небольшимъ вступленіемъ настоящей мой обзоръ побудило меня весьма интересное изслѣдованіе г. Рубакина о современномъ состояніи публичныхъ библиотекъ въ Россіи¹⁾, но не изъ желанія полемизировать съ почтеннымъ авторомъ или опровергать его выводы, а только потому, что изслѣдованіе это затрогиваетъ общій вопросъ, т. е. положеніе у насъ книжнаго дѣла.

Чтобы опредѣлить, въ состояніи ли книжнаго обилія или скудости находится страна въ какой либо данный моментъ, необходимо ясно представлять то соотношеніе, которое существуетъ между книгою и обществомъ. Каково же это отношеніе у насъ? Русскій культурный человѣкъ, —говоритъ г. Рубакинъ,— не принадлежитъ къ числу усердныхъ читателей; кромѣ того, онъ, російскій читатель, и сѣрый и культурный и наиболѣе интеллигентный, остается искомъ: онъ не извѣстенъ не только въ качественномъ, но, —что тоже имѣетъ большой интересъ и значеніе,— и въ количественномъ отношеніи. Если русскій читатель не извѣстенъ намъ опредѣленно ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, то, быть можетъ, мы имѣемъ возможность допустить себѣ предположеніе, что, съ теченіемъ времени онъ прогрессируетъ въ обоихъ этихъ случаяхъ. Отнюдь нѣтъ, во-первыхъ, потому, что наибольшую роль въ нарастаніи читателя играетъ школа, а она у насъ находится во власти такихъ вѣяній, которыя, якобы, изъ опасенія вредныхъ книгъ, ограждаютъ естественную любознательность къ книгѣ вообще; во-вторыхъ, потому, что интересъ къ книгѣ возрастаетъ только тогда, когда возрастаетъ интересъ къ жизни, и именно интересъ къ жизни общественной, чего у насъ теперь тоже нѣтъ, и, наконецъ, потому, что у насъ вообще не любятъ читать.

Такимъ образомъ, отношеніе русскаго общества къ книгѣ оказывается совершенно индифферентнымъ, а между тѣмъ книги продолжаютъ безостановочно печататься и течь на книжный рынокъ въ десяткахъ миллионныхъ экземпляровъ. Но коль скоро существуютъ такія условія, то надо полагать, что не читатель ищетъ книгу, а, наоборотъ, книга гоняется за читателемъ и охотно бѣжитъ туда, гдѣ онъ обнаружится, и потому скорѣе слѣдуетъ сѣтовать не о книжномъ, а объ умственномъ оскудѣніи. Однако-жь, съ другой стороны, воз-

¹⁾ «Книжное оскудѣніе», «Русское Богатство», 1893 г.

можно и то, что въ такомъ громадномъ пространствѣ, какое занимаетъ Россія, книга можетъ, такъ сказать, затеряться, что путешествіе ея съ мѣста на мѣсто обходится у насъ довольно дорого, и сама она не дешева, но и при этомъ всеже какъ-то странно думать, что въ настоящее время въ русской провинціи будто бы нельзя найти книгъ днемъ съ огнемъ, — отсутствіе же общественныхъ библиотекъ или жалкое ихъ состояніе едва ли достаточно вѣско подтверждаютъ это. Въ провинціи нѣтъ книгъ, тамъ перечитывается въ десятый, сотый разъ одно и то же старье; допуская это, примите, однакожь, въ соображеніе хотя бы и то, что въ наши дни почти всѣ выходящія въ Россіи иллюстрированныя изданія даютъ своимъ подписчикамъ ежемѣсячныя приложенія книжекъ романовъ, повѣстей и т. п., выписываетъ же эти журналы преимущественно провинція. Предположимъ, что однѣ петербургскія иллюстраціи, числомъ восемь, въ общей сложности имѣють до 200.000 подписчиковъ, и вотъ вамъ уже 19 милліоновъ экземпляровъ книгъ ежегодно посылаемыхъ въ провинцію; затѣмъ будутъ слѣдовать книги такъ называемыхъ «толстыхъ» журналовъ и книжки приложеній къ нѣкоторымъ газетамъ. Но вотъ и еще болѣе убѣдительная цифра, которую даетъ намъ почтовая статистика: въ числѣ внутренней иногородной корреспонденціи, говоритъ она, было отправлено въ 1891 году 112.916,127 штукъ абонементныхъ періодическихъ изданій и, кромѣ того, 14.040,358 бандерольныхъ отправленій съ печатными произведеніями. Конечно, не всѣ эти 128 милліоновъ отправленій были книги, но во всякомъ случаѣ число ихъ также велико. Говорятъ еще, что провинція наша на столько обездолена, что въ ней негдѣ пріобрѣсти книги, что для того необходимо отправляться въ губернской городъ, а это не всѣмъ по карману. Правда, если судить по даннымъ центрального статистическаго комитета, мы чрезвычайно бѣдны книжными магазинами — на всю Россію было ихъ въ 1887 г. всего 1.557, но, помимо книжныхъ магазиновъ съ ихъ сомнительной численностью, въ провинціи теперь устроиваются книжные склады, которые далеко не бездѣйствуютъ: такъ, изъ книжнаго склада при тихвинской земской управѣ въ теченіе полутора года было продано 10.400 книгъ, изъ нихъ беллетристическихъ — 6.080, духовныхъ — 1.480, историческихъ — 734 и біографическихъ — 300; изъ склада Устюжскаго земства въ нѣсколько недѣль разошлось 6.000 экземпляровъ; изъ склада въ г. Костромѣ въ теченіе года было продано 35.431 книга; есть такіе же склады въ Твери, Харьковѣ и въ другихъ городахъ, а нижегородское общество распространенія грамотности имѣло ихъ въ 1891 году по губерніи 84. Поэтому нельзя не согласиться съ г. Вахтеровымъ, изъ статьи котораго взяты приведенныя данныя¹⁾, въ томъ, что, быть можетъ, «близко то время, когда у насъ каждый грамотный получитъ возможность прочесть хорошую книгу».

Конечно, можно желать еще большаго расширенія книгоиздательской дѣятельности и устраненія всякихъ тормозовъ, препятствующихъ тому, но, во всякомъ случаѣ, если бы была возможность сравнить настоящее положеніе этого дѣла хотя бы съ неособенно далекимъ прошлымъ, то мы могли бы только радоваться, и кажущіяся намъ теперь слишкомъ мрачныя [гѣни значительно

¹⁾ «Книжные склады въ провинціи», «Русская Мысль», 1894 г., № 1.

поблѣднѣли бы. Равнятъ же себя съ Западною Европою, какъ въ отношеніи просвѣщенія, такъ и тѣсно связаннаго съ нимъ положенія печати, и подводить все подъ одну линейку — немного рано; при томъ не слѣдуетъ тоже забывать тѣ историческія условія, при которыхъ протекала наша и западная государственнo-общественная жизнь. Да и тамъ, на этомъ Западѣ, гдѣ грамотность, въ силу одного вѣроисповѣданія, должна быть присуща каждому, соотношеніе между печатью и общимъ населеніемъ не на столько блестяще, какъ это можетъ казаться и должно быть; такъ, по даннымъ французскаго ежегодника «Annuaire de la Presse», во Франціи въ 1893 году одно періодическое изданіе приходилось на 25-ть тысячъ жителей.

Всего сказаннаго будетъ достаточно для того, чтобы не считать современный книжный русскій рынокъ слишкомъ бѣднымъ и чтобы убѣдиться въ томъ, что въ немъ обыденный читатель, помимо «проносящагося надъ его головою», найдетъ достаточно книгъ какъ для удовлетворенія своей любознательности, такъ и для пріятнаго препровожденія времени, была бы только охота читать.

Данныя книжно-издательской дѣятельности въ прошломъ 1893 году, къ подробному разсмотрѣнію которыхъ переходимъ, не будутъ противорѣчить высказанному нами мнѣнію.

Въ минувшемъ 1893 году въ предѣлахъ Россіи, безъ Финляндіи, вышло въ свѣтъ 10.242 сочиненія, подъ разными наименованіями, которыя были изданы въ количествѣ болѣе 33.875.201 экземпляра. Сравнивая эти данныя съ такими же за 1892 годъ, видимъ, что въ разсматриваемомъ году было болѣе сочиненій на 654 наименованія и на 3.228,781 экземпляръ. При распредѣленіи общаго числа сочиненій по языкамъ, на которыхъ они были напечатаны, получился такой выводъ: на русскомъ языкѣ — 7.782 сочиненія и 27.224,903 экземпляра, а на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ — 2.460 сочиненій и 6.650,298 экземпляровъ. По отношенію къ 1892 году на русскомъ языкѣ напечатано сочиненій болѣе на 594 наименованія, а на иностранныхъ всего лишь на 60 наименованій; замѣтимъ при этомъ, что и 1892 годъ также далъ болѣе пріростъ въ русскихъ сочиненіяхъ. Увеличеніе числа сочиненій въ обѣихъ группахъ, конечно, вызвало собою увеличеніе и въ количествѣ экземпляровъ, а именно: для русскихъ на 2.388,080 и для иностранныхъ на 830.701, но первая цифра должна быть значительно болѣе, такъ какъ въ этомъ отношеніи не имѣется свѣдѣній для 356-ти сочиненій.

Въ общемъ числѣ 10.242 сочиненій, изданныхъ въ 1893 году, было поворныхъ, т. е. вышедшихъ вторымъ, третьимъ и т. д. изданіемъ — 1.473, слѣдовательно совершенно новыхъ — 8.769 сочиненій; впрочемъ, выводъ этотъ нельзя признать вѣрнымъ, потому что большая часть сочиненій, издаваемыхъ не на русскомъ языкѣ, не имѣетъ у себя такихъ помѣтъ.

По времени выхода въ свѣтъ всѣ изданныя въ 1893 году сочиненія, отдѣльно по двумъ группамъ языковъ и въ общемъ числѣ экземпляровъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Мѣсяцы:	Соч. на русск. яз.	Соч. нерусск.	Всего соч.
Январь	554	182	1.836,409
Февраль	597	182	2.445,536

Мѣсяцы.	Соч. на русск. яз.	Соч. нерусск.	Всего соч.
Мартъ	672	184	2.186,583
Апрѣль	700	216	2.317,572
Май	633	192	2.367,537
Іюнь	639	187	2.993,132
Іюль	626	171	2.959,201
Августъ	539	219	2.884,550
Сѣнтябрь	580	172	2.999,973
Октябрь	602	241	3.251,671
Ноябрь	699	244	3.025,527
Декабрь	726	247	3.406,310

Это распредѣленіе, хотя и незначительно, должно измѣниться, если прибавить еще 238 сочиненій, время выхода которыхъ нельзя опредѣлить точно.

Обращаемся къ обзору сочиненій, напечатанныхъ въ прошломъ 1893 году на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ. Такихъ сочиненій, какъ сказано выше, было издано 2.460 въ количествѣ 6.650,298 экземпляровъ. Изъ общаго числа сочиненій — 2.383 новыхъ, 77 вновь отпечатанныхъ, 137 переводныхъ и 52 перепечатанныхъ изъ періодическихъ изданій.

Располагая всѣ иностранныя сочиненія, въ нисходящемъ порядкѣ, по языкамъ, на которыхъ они были напечатаны, получимъ слѣдующій выводъ:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ языкѣ . .	772	2.101,523
» еврейскомъ » . .	443	1.022,570
» нѣмецкомъ » . .	327	467.651
» латышскомъ » . .	255	858.920
» эстонскомъ » . .	172	717.322
» армянскомъ » . .	115	170.765
» грузинскомъ » . .	83	98,870
» французскомъ » . .	62	62,512
» тюркскомъ » . .	35	125.050
» латинскомъ » . .	32	16.030
» англійскомъ » . .	32	84.095
» арабскомъ » . .	29	478.600
» арабо-тюркскомъ » . .	16	294.200
» персидскомъ » . .	10	16.000
» русско-польскомъ » . .	10	5.060
» русско-еврейскомъ » . .	10	17.580
» чувашскомъ » . .	9	?
» татарскомъ » . .	6	?
» арабо-персидскомъ » . .	4	28.000
» греческомъ » . .	4	3.550
» эсперанто » . .	3	4.000
» финскомъ » . .	3	25.500

		Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
На черемисскомъ	языкъ . .	3	?
» киргизскомъ	» . .	3	?
» русско-тюркскомъ	» . .	3	7.400
» русско-французскомъ	» . .	2	12-800
» калмыцкомъ	» . .	2	?
» арабско-персидско-тюркскомъ	» . .	2	5.000
» русско-грузинскомъ	» . .	2	2.650
» русско-латынскомъ	» . .	1	2.000
» китайскомъ	» . .	1	1.200
» османскомъ	» . .	1	10.000
» чешскомъ	» . .	1	4.000
» русско-эстонскомъ	» . .	1	500
» русско-англійскомъ	» . .	1	650
» русско-армянскомъ	» . .	1	600
» еврейско-французскомъ	» . .	1	1.000
» турецко-арабскомъ	» . .	1	1.500
Всего . . .		2.460	6.650,298

Сравнивая этотъ выводъ съ такими же выводами прошлыхъ лѣтъ, видимъ, что въ нихъ первыхъ десять мѣстъ принадлежатъ однимъ и тѣмъ же языкамъ, а именно: польскому, нѣмецкому, еврейскому, латынскому, эстонскому, армянскому, грузинскому, французскому, тюркскому и арабскому, разница будетъ только въ томъ, что изъ года въ годъ они мѣняются мѣстами, за исключеніемъ польскаго языка, который всегда первенствуетъ. Въ сравненіи съ 1892-мъ годомъ число сочиненій увеличилось на языкахъ: еврейскомъ — на 67, латынскомъ — на 53, французскомъ — на 14, арабскомъ — на 12 и польскомъ — на 7; уменьшилось же сочиненій на языкахъ: нѣмецкомъ — на 63, грузинскомъ — на 31 и эстонскомъ — на 26; замѣтимъ, что хотя въ 1893 году число сочиненій на польскомъ языкѣ увеличилось всего на 7, а еврейскихъ на 67, но, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, первыхъ издано болѣе на 354.054 экземпляра, тогда какъ вторыхъ лишь на 46.300 экземпляровъ. Въ общемъ числѣ изданій на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ значатся работы нашихъ академиковъ, которыя они первоначально печатаютъ въ академическихъ сборникахъ и изданія самой академіи наукъ — всѣхъ такихъ сочиненій въ 1893 году было 42. Чтобы исчерпать всю, такъ сказать, показную сторону иноязычной печати въ Россіи, надо указать на изданія, напечатанныя на англійскомъ языкѣ. Обыкновенно у насъ печатается на этомъ языкѣ очень ограниченное число сочиненій, но въ прошломъ году, подъ влияніемъ всемірной выставки въ Чикаго, оно сразу возросло до 32 противъ 6-ти въ 1892 году, причемъ первенствующими являются министерскія изданія, заключающія въ себѣ статистическія и экономическія изслѣдованія о Россіи.

Такова ви́днѣя сторона. Но отличалась ли чѣмъ либо въ своемъ направленіи прошлогодняя инородческая печать отъ предыдущихъ лѣтъ? Нѣтъ или

почти нѣтъ. Говоримъ — почти нѣтъ, потому, что въ 1893 году было сдѣлано нѣсколько переводовъ русскихъ авторовъ, и появилось одно сочиненіе, посвященное изученію русскаго языка, но все это не относится до наиболѣе развитыхъ литературъ. Вотъ тѣ изъ переводныхъ изданій, которыя знакомятъ иностранцевъ, населяющихъ Россію, съ литературою ихъ отечества: «Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства», соч. Евг. Туръ переведено на грузинскій языкъ и издано въ г. Куталсѣ въ количествѣ 320 экзempl.; «Старосвѣтскіе помѣшники», соч. Гоголя, переведено на армянскій языкъ и издано въ Петербургѣ въ 120 экзempl.; «Женитьба», соч. Гоголя, переведено на эстонскій языкъ; въ Одессѣ переведены на греческій языкъ нѣкоторыя изъ сочиненій Пушкина и изданы въ 1.500 экзempl. и, наконецъ, въ Ригѣ изданы въ количествѣ 3.000 экзemplаровъ басни Крылова, въ переводѣ на латышскій языкъ.

Такимъ образомъ перечень оказывается очень небольшимъ, но на этотъ разъ мы имѣемъ возможность остановиться еще на нѣкоторыхъ изданіяхъ, таковы «Письма для изученія русскаго языка по методѣ Гуссэна», Дравненъ. Эти письма печатаются на эстонскомъ языкѣ и выходятъ серіями, изданіе ихъ началось года два-три назадъ и теперь возобновилось и, вѣроятно, будетъ продолжаться въ текущемъ году. Въ прошломъ году мы встрѣтили въ первый разъ сочиненіе беллетристическаго характера на польскомъ языкѣ, отчасти касающееся русской жизни—это повѣсть г-на Малшевскаго: «*Małża. Powieść ukraińska*»; но вотъ и еще болѣе интересное явленіе—въ числѣ сочиненій на еврейскомъ языкѣ оказалось слѣдующее: «Истинная вѣра, т. е. Мессія уже пришелъ. Краткое изложеніе Ветхаго и Новаго завѣта и краткій катихизисъ покойнаго московскаго митрополита Филарета въ переводѣ на разговорный еврейскій языкъ, со словомъ о Христѣ-Мессіи къ евреямъ».

Это, можно сказать, поразительное по своему названію сочиненіе г. Дрейзина было напечатано въ Варшавѣ въ количествѣ десяти тысячъ экзemplаровъ, и авторъ его, очевидно, имѣетъ въ виду читателей изъ еврейской среды, — интересно, найдутся ли они.

Обращаемся къ русскимъ сочиненіямъ, которыхъ въ 1893 году вышло, какъ сказано выше, — 7.782 наименованія. Изъ этого общаго числа было: изданныхъ въ первый разъ—6.131 сочиненіе; вышедшихъ вторымъ, третьимъ и т. д. изданіемъ—1.396; оригинальныхъ—6,997 соч.; переводныхъ—530 и извлеченныхъ изъ періодическихъ изданій—480 сочиненій. Такъ какъ въ общемъ числѣ книгъ показаны у насъ ноты, альбомы и т. п., то-есть такія изданія, которыя хотя и имѣютъ печатный текстъ, но не могутъ быть названы книгою, то, исключая ихъ (145), получаемъ — 7.627 русскихъ сочиненій, со включеніемъ брошюръ.

Всѣ изданія на русскомъ языкѣ по ихъ содержанію, въ исходящемъ порядкѣ числа сочиненій, располагаются слѣдующимъ образомъ:

	Число сочиненій.	Количество экземпляровъ.
Духовно-богословскихъ ¹⁾	1,058	5.582,288
Справочныхъ	701	4.604,168
Учебныхъ	675	5.223,306
Беллетристическихъ	629	2.043,973
Медицинскихъ	618	1.023,870
Отчеты разные	346	141.474
Историческихъ	307	229.040
Юридическихъ	254	284.807
Дѣтскихъ	241	1.292,280
Сельско-хозяйственныхъ	238	505.292
Дешевыхъ и народныхъ	233	1.572,140
Драматическихъ	229	245.987
Статистическихъ	209	117.694
Лубочныхъ	202	1.892,350
Техническихъ	197	246.756
Естествознаніе	189	254.434
Смѣсь	182	175.653
Военное дѣло	158	252.227
Биографическихъ	157	423.815
Педагогическихъ	104	146.088
Географія и путешествіе	95	90.226
Ноты съ текстомъ	93	111.540
Астрономія и метеорологія	87	45.775
Политика и общественные вопросы	70	58.589
Библиографія и критика	69	57.026
Философія	57	73.052
Исторія словесности и литературы	51	53.608
Торговля и промышленность	48	52.822
Ученые сборники	42	17.746
Финансы	42	34.739
Альбомы съ текстомъ	38	170.350
Математика	36	15.347
Языкознаніе	34	46.926
Изящныя искусства	31	62.265
Политическая экономія	29	13.495
Счетоводство	17	22.365
Атласы съ текстомъ	14	27.390
Альманахи	2	7.100
Всего	7.782	27.224,903

¹⁾ Количество экземпляровъ значительно болѣе показаннаго.

Мы здѣсь не критикуемъ и потому не касаемся качественной оцѣнки всѣхъ этихъ тысячъ сочиненій съ ихъ милліонами экземпляровъ; наша задача дать полный и всесторонній отчетъ въ положеніи книжнаго дѣла въ Россіи въ извѣстное время. При такомъ обзорѣ, конечно, будетъ совершенно умѣстнымъ вопросъ: достаточно ли у насъ книгъ, издаваемыхъ преимущественно для чтенія? Къ числу книгъ, предназначенныхъ для чтенія, по крайней мѣрѣ въ Россіи, нельзя относить исключительно одни произведенія изящной литературы, такъ какъ у насъ, въ большинствѣ, читаютъ или все безъ разбора, или ничего не читаютъ, довольствуясь только мелкой прессой; кромѣ того, нужно имѣть въ виду и то, что въ послѣднее время стали издаваться въ популярной формѣ сочиненія научнаго характера, какъ-то: по естествознанію, астрономіи и т. п. Такимъ образомъ выборъ книгъ для чтенія является довольно широкимъ и по своему количеству изъ года въ годъ увеличивающимся. Но оставляя такую ширь въ сторонѣ, мы возьмемъ только то, что всегда читалось и читается, а именно сочиненія духовныя и беллетристическія; за послѣдніе два года ихъ вышло:

	Число сочиненій.		Количество экземпляровъ:	
	1892 г.	1893 г.	1892 г.	1893 г.
Духовныхъ	910	1.058	4.803,207	5.582,288
Беллетристическихъ	887	858	2.268,606	2.289,960
Дешевыхъ изданій	229	233	1.399,270	1.572,140
Всего	2.026	2.149	8.471.083	9.444,388

Слѣдовательно, за два года книжный рынокъ получилъ для предложенія— 4.175 названныхъ сочиненій въ количествѣ 17.915,471 экземпляра. Если эти цифры взять для сравненія съ общимъ населеніемъ Россіи, то онѣ, разумѣется, окажутся ничтожными, но намъ нужно другое сравненіе, намъ нужно знать спросъ на книги. Говорятъ, что русскій читатель и въ качественномъ и количественномъ отношеніи остается искомъ, но что ряды его начинаютъ быстро пополняться притокомъ снизу. Однако, не смотря на послѣднее обстоятельство, надо предполагать, что предложеніе превышаетъ спросъ, если же допустить противное, то не знаешь, какъ объяснить тѣ сѣтованія на упадокъ въ настоящее время книжной торговли, которыя слышатся у насъ со всѣхъ сторонъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ принимать это за выдумку, празднаго слова, и потому надо искать причину въ ограниченности числа пріобрѣтателей книгъ, или, другими словами, въ оскудѣніи читателей. Почему такъ, а не иначе, кто виновать въ томъ—школа, семья, сама ли русская жизнь, которая даетъ возможность существовать всѣмъ и каждому вдали отъ всякихъ интересовъ, —рѣшать не беремся. Но, быть можетъ, существуетъ еще иная причина, которая также вліяетъ на количество читателей—плохи сами по себѣ выходящія книги. На сколько такое предположеніе можно считать вѣрнымъ, увидимъ ниже, при разсмотрѣніи каждаго отдѣла книгъ порознь. Въ Россіи мало читаютъ, въ Россіи книжное дѣло въ застоѣ, но не лучше оно, какъ оказывается, и за границею и, главнымъ образомъ, по той же причинѣ, которую я вижу и у насъ, т. е. несоотвѣтственное потребностямъ переполненіе книжнаго рынка. Вотъ что,

между прочимъ, говоритъ по этому поводу г. Ф. И. Булгаковъ въ своей статьѣ «Современное книжное дѣло»¹⁾, основанной на авторитетныхъ иностранныхъ источникахъ: «Во Франціи у всѣхъ парижскихъ издателей постепенно накапливается масса непроданныхъ экземпляровъ, бесполезно заполняющихъ ихъ склады, и дѣвать ихъ некуда, кромѣ какъ на бумажныя фабрики. Такое положеніе дѣла немало смущаетъ тамошнихъ издателей, а между тѣмъ во Франціи сильно развита потребность въ чтеніи, и книги дешевы. Въ Германіи, гдѣ издательство сосредоточено не въ однихъ только крупныхъ центрахъ, еще хуже, тамъ непроданныхъ экземпляровъ нѣмецкой литературы еще больше. Тамъ теперь приобрѣтаются книги только для подарковъ и для серьезныхъ занятій, а домашнія бібліотеки отсутствуютъ или пустуютъ. Умственные ресурсы средняго человѣка въ Германіи, по отзыву нѣмецкой прессы, состоятъ въ чтеніи газеты, какого нибудь журнала, чтеніемъ же книгъ, романовъ занимаются главнымъ образомъ дамы. Въ Италіи писатель Луиджи Кануана объявляетъ о литературномъ кризисѣ въ странѣ».

Если сбыту книгъ въ западно-европейскихъ странахъ препятствуетъ чрезмерное скопленіе ихъ на рынкѣ, и если при этомъ западному человѣку книга нужна такъ же, какъ рыбѣ вода, то не находятъ ли тамъ какой либо другой, кромѣ сказанной, причины, которая удаляла бы читателя отъ книги? Такая причина — упадокъ литературной критики, которая оказывается то безмѣрно строгой, только порицающей и подчеркивающей одни недостатки, то невнимательной и небрежной. Вслѣдствіе же постоянного порицанія критики и публика привыкаетъ относиться къ новымъ книгамъ недовѣрчиво.

Серьезной, обстоятельной критики нѣтъ и у насъ, она исчезла еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, современная же критика построена на томъ, чтобы какъ можно лучше «отдѣлать» автора хлесткими словами, подчасъ едва не обозвать его безграмотнымъ; не найдешь въ теперешней критикѣ и безпристрастія, такъ какъ она придерживается партійныхъ взглядовъ, и потому случается, что какое либо сочиненіе въ одномъ журналѣ хвалятъ, въ другомъ «разносятъ». Понятно, что подъ вліяніемъ такой критики и русскій интеллигентный читатель привыкъ недовѣрчиво относиться къ книгѣ — нечего читать, не знаешь, что читать, говоритъ онъ, и дѣйствительно не читаетъ. Такимъ образомъ мы опять приходимъ къ высказанному — не книгой оскудѣли мы, а читателемъ.

Выше было сказано, что въ 1893 году число вышедшихъ сочиненій было болѣе предшествовавшаго года на 594; какихъ же собственно отдѣловъ книгъ коснулось это увеличеніе, укажемъ ниже, рассматривая ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Отдѣлъ духовно-богословскихъ сочиненій ежегодно возрастаетъ: такъ, 1892 г. превысилъ 1891-й на 137 соч., а 1893 г., въ свой чередъ, превысилъ первый на 148 соч. и на 779.081 экземпляръ. Такому росту несомнѣнно содѣйствуетъ распространеніе или, говоря вѣрнѣе, любовь къ чтенію книгъ духовнаго содержанія въ народной средѣ. Русскій простолудинъ-читатель, бу-

¹⁾ «Новое Время», 1894 г., № 6414.

лучи религіознымъ, всегда отдавалъ и будетъ отдавать предпочтеніе «священной книжкѣ» передъ всякой другой, и наша духовная литература, очевидно, стремится удовлетворять эту потребность. Просматривая названія духовныхъ сочиненій, вышедшихъ въ продолженіе года, рѣдко встрѣчаешь такія, которыя можно отнести къ разряду серьезно богословскихъ или церковно-историческихъ изслѣдованій: ихъ такъ мало, что они положительно теряются въ массѣ поученій, бесѣдъ, описаній святыхъ мѣстъ и т. п. Такъ, изъ общаго числа 1.058 соч., изданныхъ въ 1893 году, къ первой категоріи можетъ быть отнесено не болѣе 10—15 изданій, въ числѣ которыхъ укажемъ: «Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края» — Износкова; «Въ какомъ видѣ сохранилось св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта до нашихъ дней» — арх. Пимена и «Христіанская апологетика» — Н. П. Рождественскаго.

Въ числѣ сочиненій, напечатанныхъ не на русскомъ языкѣ, указаны были изданія на калмыцкомъ, татарскомъ, чувашскомъ, черемисскомъ и киргизскомъ языкахъ — всѣ они духовнаго содержанія и изданы миссіонерскими православными обществами и братствами. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются также и переводныя соч., преимущественно съ англійскаго языка, но въ очень ограниченномъ числѣ: въ 1893 году было всего 13 переводовъ; зато изобилуютъ изданія повторныя, которыхъ было 360, причемъ нѣкоторыя сочиненія выдержали уже свыше пятидесяти изданій, выпускаемыхъ въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Не служитъ ли это доказательствомъ того, что духовныя книжки не залеживаются на магазинныхъ полкахъ.

Второе мѣсто занимаютъ книги справочнаго содержанія, которыхъ, сравнительно съ 1892 годомъ, вышло менѣе на шесть наименованій и 699.214 экземпляровъ. Кромѣ нѣсколькихъ энциклопедическихъ и специальныхъ словарей, въ отдѣлѣ этомъ нѣтъ ничего другого, останавливающаго на себѣ вниманіе. Что же касается календарованій, то она не ослабѣваетъ: издано было 220 календарей, выпущенныхъ въ количествѣ 3.040,515 экземпляровъ на 4.604,168 всего числа экземпляровъ изданій этого отдѣла, причемъ, напримѣръ, такъ называемый календарь Гатцука выпущенъ въ количествѣ 800.000 экземпляровъ. Интересно было бы подвести итогъ, сколько изъ этихъ миллионовъ экземпляровъ календарей къ концу года поступаетъ въ мелочныя лавки на завертку мыла, свѣчъ и т. п. товара; такой подсчетъ, быть можетъ, оградилъ бы нѣсколько книжный рынокъ отъ календарнаго нашествія.

Учебниковъ и учебныхъ пособій, сравни ельно съ 1892 годомъ, издано было болѣе на 54 наименованія и 1.479,038 экземпляровъ. Изъ общаго числа 675 наименованій книгъ этого отдѣла, 428 принадлежатъ къ прежнимъ, т. е. повторнымъ изданіямъ, и одно изъ нихъ — «Родное Слово» Ушинскаго, вышедшее 98-мъ тисненіемъ, въ настоящемъ году, вѣроятно, можетъ считаться юбилейнымъ, такъ какъ должно начать вторую сотню выпусковъ.

Отдѣлы: беллетристическій, драматическій и дешевыхъ изданій, должны разсматриваться вмѣстѣ, какъ имѣющіе одно назначеніе. Чего либо новаго, выдающагося, въ этихъ отдѣлахъ мы не встрѣтили, хотя они дали въ минувшемъ году, въ общей сложности, 1.091 наименованіе сочиненій, вышедшихъ въ количествѣ 3.862,100 экземплярахъ. Въ числѣ 1.091 соч. было: новыхъ

изданій—994, прежнихъ — 197, оригинальныхъ — 863 и переведенныхъ съ разныхъ языковъ — 228. Въ 1893 году, между прочими, были выпущены въ свѣтъ слѣдующія изданія: Собраніе соч. бар. Дельвига (Кіевъ), 1-й и 2-й т. соч. Лермонтова (Спб.), соч. Г. П. Данилевскаго (Спб., 7-е изд.), собраніе соч. гр. Л. Н. Толстого (М., 9-е изд.), XII т. соч. Салтыкова (Спб.), соч. А. А. Котляревскаго (Спб.), собраніе соч. А. С. Аванасьева (Чужбинскій), «Антонъ-Горемыка» и «Бобыль», повѣсти Д. В. Григоровича и полное собраніе его соч. (Спб.), соч. Н. В. Гоголя, подъ редакціей Н. С. Тихонравова (Спб.), собраніе соч. Н. С. Лѣскова (Спб.), полное собраніе соч. гр. А. К. Толстого (Спб.), Очерки и рассказы Короленко (М.), драматическія соч. и собраніе соч. Квитко-Основьяненко (Кіевъ), собраніе соч. Н. Д. Ахшарумова (Спб.), полное собраніе соч. А. Н. Майкова (Спб.), соч. С. Я. Надсона (Спб., 12-е изд.), собраніе соч. гр. Е. А. Салиаса, собраніе соч. кн. П. П. Вяземскаго (Спб.), «Въ концѣ вѣка. Любовь», А. С. Суворина, «Катакомбы», повѣсть Евг. Туръ (Спб.) и много другихъ. Мы не указываемъ на изданія отдѣльныхъ сочиненій Гоголя, Тургенева, Пушкина и др. писателей; такой перечень былъ бы утомителенъ, но замѣтимъ, что большая часть такихъ отдѣльныхъ сочиненій относится къ дешевымъ изданіямъ, доступнымъ по своей цѣнѣ каждому. Въ этомъ отношеніи сочиненія Пушкина, такъ сказать, до послѣдней степени размѣнялись на мелкую монету, дойдя до 2-хъ-копеечной цѣны. Въ 1893 году всѣхъ дешевыхъ соч. Пушкина было 14, и вышли они въ количествѣ 92.700 экземпляровъ; къ такимъ же изданіямъ присоединились теперь и сочиненія Кольцова, которыхъ было сдѣлано 9 выпусковъ въ количествѣ 61.200 экземпляровъ. Приведенныхъ данныхъ и указаній, кажется, достаточно для того, чтобы, основываясь на нихъ, можно было опредѣлить, на сколько, чѣмъ и какого читателя можетъ въ настоящее время удовлетворить нашъ книжный рынокъ.

Недостатокъ этого рынка въ качественномъ отношеніи видятъ еще въ томъ, что онъ переполненъ переводами сочиненій малоизвѣстныхъ иностранныхъ авторовъ, и въ отсутствіи переводовъ произведеній видныхъ представителей западно-европейской литературы. Не отрицая совершенно такого упрека, мы думаемъ, что онъ скорѣе относится къ тѣмъ переводнымъ произведеніямъ, которыми наполняются книжки приложеній нашихъ поврежденныхъ иллюстрированныхъ изданій, чѣмъ къ самостоятельнымъ изданіямъ. Изъ числа послѣднихъ указываемъ на появившіяся въ минувшемъ году полныя собранія соч. Диккенса, Беранже, Гете, Шиллера, Вальтеръ-Скотта и де-Мопассана; отдѣльныя сочиненія: «Торговый домъ Домби и сынъ» — Диккенса, «Погромъ» и «Докторъ Паскаль» — Э. Золя, «Потерянный рай» — Мильтона, «Айвенго» — В. Скотта, «Труженики моря» и «Отважный предводитель негровъ» — Виктора Гюго, «Современный Вавилонъ» — П. Бурже, «Послѣдніе дни Помпеи» — Э. Бульвера, «Фаустъ» — Гете, «Божественная комедія» — Данте, «Долой оружіе» — Зутнера, «Родился въ сорочкѣ», «Загадочныя натуры», «Подъ счастливой звѣздой» и «Счастливчикъ» — Шпильгагена, «Янко музыкантъ» — Сенкевича, «Останъ Бондарчукъ» — Крашевскаго и др.

Говоря объ изданіяхъ беллетристическаго характера, нельзя не упомянуть здѣсь же и объ изданіяхъ лубочныхъ, такъ какъ они составляютъ довольно

крупный отдѣлъ — въ 1893 году было 202 наименованія и 1.892,350 экзempl. — и представляютъ своеобразную литературу, хотя и не желательную, но плѣющую, къ сожалѣнію, большой кругъ читателей. Книги и книженки этой литературы, благодаря офенямъ, проникаютъ во все захолустья земли Русской, заинтересовывая грамотный людъ оригинальностью своихъ названій. Ну, какъ не заинтересоваться хотя бы, на примѣръ, такимъ изданіемъ фирмы Абрамовой, какъ «Руководство къ выбору женъ, съ прибавленіемъ добра и зла о женщинахъ. — Женщинамъ книга эта не продается», или «Новѣйшая любовная почта. Руководство къ любовнымъ побѣдамъ для мужчинъ и женщинъ. Любовная тактика, образцы объясненій и писемъ, характеристика прекраснаго пола», или «Вотъ такъ лѣшій не нашего лѣса, или чортъ въ дѣду искалъ — сто паръ лаптей стоиталъ». Не подумайте, однако же, что все это грошевыя книженки, что издаютъ ихъ въ ограниченномъ количествѣ — нѣсколько: «Новѣйшая любовная почта» стоитъ рубль и выпла 2-мъ изданіемъ, а чортъ, искавшій въ дѣду — 7-мъ изданіемъ въ количествѣ 12.000 экзempl.

Говоря о вычурныхъ названіяхъ изданій дубочнаго рынка, не можемъ не замѣтить, что въ своемъ усердіи по этой части издатели начинаютъ покушаться на профанацію именъ такихъ писателей, которые, конечно, не найдутъ для себя лестнымъ красоваться подъ такими названіями; такъ, въ прошломъ году въ Москвѣ издатель С. Живаревъ выпустилъ книжку, въ количествѣ 12.000 экзemplаровъ, подъ заголовкомъ «Любовныя стихотворенія, пѣсни и куплеты для холостыхъ людей» изъ сочиненій Беранже, Полежаева, Кольцова, Мятлева, Некрасова, Мей, Федорова, Дершау и друг.

Хотя отдѣлъ медицинскихъ сочиненій и уменьшился сравнительно съ 1892 годомъ на 17 наименованій и 266.515 экзempl., но, потерявъ въ количествѣ, едва ли не выигралъ въ качественномъ отношеніи — холерныя брошюры почти исчезли, и на ихъ мѣсто появились болѣе серьезныя вещи, въ числѣ которыхъ укажемъ на слѣдующія: «Реальная энциклопедія медицинскихъ наукъ», т. IX, М. Аванасьева, «Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ» — Гагера, «Холерные годы въ Россіи», историческій очеркъ Павловскаго, «Научно-популярная оптическая гигиена глазъ» — М. Рейха, «Нервологическій Вѣстникъ», т. I-й, изд. 3-е, «Клиническія лекціи» — проф. Захарьинъ, «Руководство къ клинической бактериологіи» — Габричевскаго, «Историческое развитіе ученія о болѣзнетворныхъ бактеріяхъ» — Гейслера, «Исторія ветеринарной медицины» — Муле и еще много другихъ.

Здѣсь же слѣдуетъ указать на труды въ области психологіи и психіатріи, какъ наиболѣе близкіе къ медицинской наукѣ, а именно: «Характеръ преступныхъ дѣяній душевно-больныхъ» — Хрулева, «Нравственное помѣшательство въ судебно-медицинскомъ отношеніи» — Я. Боткина, «О психическомъ леченіи внутренннихъ болѣзней» — Розенбаха, «Курсъ психіатріи» — Корсакова и «Психологія» — Сницирева.

Изъ трудовъ по естествознанію, понимая его въ обширномъ смыслѣ, укажемъ на слѣдующіе: «Главныя основанія анатоміи, физиологіи и гигиены» — Кенигсберга, «Матеріалы къ изученію птицъ Казанской губерніи» — Рудскаго, «Красоты природы и чудеса міра, въ которомъ мы живемъ» — Леббока, «Птицы

Россіи» — М. Мензбира, «Курсъ электричества» — Жерара, «О нашихъ перелетныхъ птицахъ» — Кайгородова, «Курсъ физиологической химіи» — А. Щер; бакова, «Введеніе въ изученіе электричества» — Кольбе, «Жизнь животныхъ» — Брема, «Морскіе захребетники. Очерки изъ жизни животныхъ, ютящихся около чловѣка» — проф. Богданова и нѣсколько другихъ.

Для исторической науки минувшій годъ оставилъ нѣсколько серьезныхъ, заслуживающихъ вниманія, сочиненій и изслѣдованій. Отдѣлъ этотъ въ 1893 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, уменьшился на 33 изданія и 45.615 экзempl., но, не отличаясь особенною количествомъ, онъ почти всегда даетъ много хорошаго матеріала для читателя, что имѣетъ большое значеніе. Книги историческаго содержанія всегда читались и будутъ читаться значительно больше, чѣмъ сочиненія по другимъ отраслямъ знанія, и число первыхъ сочиненій, «идущихъ черезъ головы», всегда окажется меньше попадающихъ въ руки. Поэтому обиліе въ этомъ отдѣлѣ хорошихъ сочиненій представляется очень утѣшительнымъ явленіемъ. Изъ изданныхъ въ 1893 году сочиненій заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія: «Сборникъ Имп. Историческаго Общества», тт. 84, 85, 86 и 87; «Архивъ князя Воронцова», книга 39-я; «Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода» — обширное изслѣдованіе А. Никитскаго; «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» — изслѣдованіе Эйнгорна; «Областное и мѣстное управленіе литовскаго русскаго государства» — изслѣдованіе М. Любавскаго; 2-й т. «Русскихъ историческихъ древностей» — проф. Сергѣевича; «Государственный совѣтъ въ Россіи, въ особенности въ царствованіе Александра I-го» — проф. В. Щеглова; «Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ» — Форстена; «Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ» — Васильева; «Описаніе старой Малороссіи» — Лазаревскаго; «Исторія межевого законодательства отъ уложенія до генеральнаго межеванія» — Германа; «Памятники древняго русскаго законодательства» — Я. Сѣверскаго; «Русскія монеты, чеканенныя для Пруссіи, Грузіи, Польши и Финляндіи» — изд. вел. кн. Георгія Михайловича; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи рода Челищевыхъ» — Н. Челищева; «Жизнь Іосифа Сѣмашко, митрополита литовскаго» — Киприановича; «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. 7-й — Н. Барсукова; «Исторія Минской архіепископіи» — С. Рункевича; «Воспоминанія академика А. В. Никитенки» и друг. Изъ переводныхъ — «Исторія среднихъ вѣковъ, 395—1270 гг.» — Ланглюа, «Исторія эленизма» — Дройзена, переводъ Э. Циммермана и на нѣмецкомъ языкѣ — «Geschichte der Estonia».

Наша сельско-хозяйственная литература нѣсколько оживилась со времени недавней голодовки, и оживленіе это, какъ видно, продолжается поднесъ, выражаясь ежегоднымъ съ того времени увеличеніемъ числа изданій. Не мало, конечно, имѣется въ этомъ отдѣлѣ и такихъ изданій, которыя не представляютъ собою ничего особеннаго и ограничиваются рамками домашняго обихода, но есть нѣсколько и такихъ, которыя имѣютъ общее значеніе. Изъ числа послѣднихъ укажемъ на слѣдующія: «Обзоръ успѣховъ сельскаго хозяйства въ 1891 г.», т. 1-й — проф. Богданова; «Весѣды о прудовомъ хозяйствѣ» — Гримма; «Мѣры къ поднятію плодоводства въ Россіи» — Лйба; «Плодовое и ягодное ви-

нодѣліе»—Н. Вебера; «Учебникъ пчеловодства»—Л. Потѣхина; «Уходъ за пашкою»—Бертрана; «Молочное хозяйство» — Кленце и еще нѣсколько, касающихся этихъ же предметовъ.

Русскую дѣтскую литературу, въ отношеніи числа выходящихъ книгъ, одни находятъ бѣдной, другіе богатой. Извѣстный дѣтскій писатель А. Кругловъ, разсматривая этотъ вопросъ и указывая на рядъ талантливыхъ дѣтскихъ писателей, рѣшаетъ его въ положительномъ смыслѣ, т. е. говоритъ, что мы богаты дѣтскими книгами. Въ нашихъ обзорахъ вопросъ этотъ также былъ затронутъ, но мы приводимъ только сравненіе этого отдѣла съ учебнымъ и указывали на господство въ немъ переводныхъ изданій. Въ 1893 г. вышла 241 дѣтская книга, изъ нихъ 165 составляли оригинальныя сочиненія, 63 — переводныя и 13 — передѣланныхъ или позаимствованныхъ у иностранныхъ авторовъ, такимъ образомъ оригинальныхъ произведеній было значительно болѣе; въ числѣ послѣднихъ насчитывалось 28 сказокъ. Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчены нами, между прочими, изданія сочиненій слѣдующихъ авторовъ: В. П. Авенаріуса, В. Куликова, К. Случевского, С. Макаровой, Казанской, кн. Д. М. Голицына, Н. П. Позднякова, В. Самойловича, П. Н. Полевого, Анненской, Андреева, В. Н. Ладыжинскаго.

Укажемъ еще нѣсколько по разнымъ отраслямъ знанія трудовъ, заслуживающихъ вниманія, такъ: по археологіи: «Антропологическія наблюденія на Кавказѣ»—П. Пантюхова, «Бытовые остатки поселниковъ Ильменско-Волховскаго побережья и земель Велико-Новгородскаго Державства каменнаго вѣка» Передольскаго и «Алтайскіе инородцы»—Вербицкаго; по военнымъ наукамъ: «Исторія конницы» Маркова и «Вліяніе турецкихъ войнъ съ половины прошлаго столѣтія на развитіе русскаго военнаго искусства» А. Н. Попова и, наконецъ, почтенный трудъ В. В. Бобынина: «Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи», т. 1-й, и его же «Русская физико-математическая бібліографія», т. 2-й, въ которой заключаются указанія на книги и журнальныя статьи по этой отрасли знанія съ начала книгопечатанія и до настоящаго времени.

Обращаясь къ даннымъ о распространеніи книгопечатанія въ Россіи, находимъ, что изъ общаго числа 10.242 сочиненій, вышедшихъ въ 1893 г., было напечатано: за границею 11, одно, на русскомъ языкѣ, въ Финляндіи и затѣмъ остальные 10.230 сочиненій въ Россіи. Сравнительно съ 1892 годомъ районъ книгопечатанія нѣсколько ограничивается, но только въ числительномъ, а не территориальномъ отношеніи, въ послѣднемъ случаѣ онъ даже значительно расширился, такъ какъ встрѣчается масса такихъ мѣстъ, о которыхъ въ предидущихъ годахъ не упоминалось. Книгопечатаніе въ прошломъ году производилось въ 152 городахъ, сравнительно съ 1892 годомъ менѣе на 11 городовъ, и распредѣлялось между ними, по числу напечатанныхъ сочиненій, слѣдующимъ образомъ:

Издано сочиненій:			Число городовъ.	Издано сочиненій.			Число городовъ.
Отъ	1	до 10	114	Отъ	21	до 20	10
»	11	» 20	13	»	31	» 40	1

Число типографій:				Число городовъ:	Число типографій:				Число городовъ:
Отъ	51	до	60	1	Отъ	301	до	310	1
»	81	»	90	1	»	331	»	340	1
»	91	»	100	1	»	351	»	360	1
»	101	»	120	1	»	481	»	490	1
»	161	»	170	1	Свыше	1.000			1
»	201	»	210	1	»	2.000			1
»	251	»	260	1	»	3.000			1

Въ первой группѣ городовъ насчитывается 35, въ которыхъ напечатано всего по одному наименованію и 9 городовъ—по два, что же касается централизаціи книгопечатнаго дѣла, то она не подвигается впередъ и остается въ тѣхъ же пунктахъ, гдѣ была ранѣе: Петербургъ, Москва, Варшава, Кіевъ, Казань, Одесса, Рига, Тифлисъ, Вильно, Юрьевъ (Дерптъ), Харьковъ и Ревель. Къ этой группѣ нѣсколько приближаются еще слѣдующіе города: Воронежъ, Вятка, Люблинъ, Митава, Новгородъ, Новочеркасскъ, Саратовъ, Ташкентъ и Черниговъ.

Какое количество сочиненій и на какомъ языкѣ, т. е. на русскомъ или инородныхъ, было напечатано въ каждомъ изъ названныхъ городовъ,—это видно изъ приведенныхъ ниже данныхъ, гдѣ города эти расположены въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій, изданныхъ въ теченіе 1893 года.

ГОРОДА:	НАПЕЧАТАНО СОЧИНЕНІЙ:			ГОРОДА:	НАПЕЧАТАНО СОЧИНЕНІЙ:		
	На русск. языкѣ:	На инор. языкѣ:	Всего сочинен.		На русск. языкѣ:	На инор. языкѣ:	Всего сочинен.
Петербургъ . . .	3.508	181	3.689	Митава . . .	—	95	95
Москва . . .	2.217	45	2.262	Харьковъ . . .	86	1	87
Варшава . . .	288	767	1.055	Черниговъ . . .	33	—	33
Кіевъ . . .	473	15	488	Люблинъ . . .	—	30	30
Казань . . .	257	98	355	Вятка . . .	29	—	29
Одесса . . .	311	26	337	Новгородъ . . .	28	1	29
Рига . . .	62	240	302	Саратовъ . . .	22	4	26
Тифлисъ . . .	86	168	254	Воронежъ . . .	25	—	25
Вильно . . .	63	143	206	Новочеркасскъ . . .	24	—	24
Юрьевъ . . .	21	149	170	Ташкентъ . . .	2	21	23
Ревель . . .	19	100	119				

Сравнительно съ 1892 годомъ книгопечатаніе увеличилось: въ Петербургѣ на 351 соч., въ Москвѣ на 260, въ Варшавѣ на 57, въ Кіевѣ на 89, въ Казани на 17, въ Одессѣ на 11, въ Вильнѣ на 6, въ Воронежѣ на 9, въ Саратовѣ на 9, въ Вяткѣ на 11 и въ Новгородѣ на одно, въ остальныхъ же городахъ оно понизилось.

Возвратимся еще разъ къ нашимъ провинціямъ, гдѣ ищутъ книгу днемъ съ огнемъ и не находятъ. Сопоставляя данныя вышеприведенной таблицы съ общимъ числомъ напечатанныхъ въ минувшемъ году сочиненій, получаемъ слѣдующій выводъ:

напечатано всего сочиненій	10.242	наименованія;
изъ нихъ въ Петербургѣ и Москвѣ	5.951	»
<hr/>		
Слѣдовательно напечатано въ провинціи	4.291	наименованіе.

Изъ общаго числа 10.242 сочиненій, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, было:

вообще въ Россіи	7.782	сочиненія,
въ Петербургѣ и Москвѣ	5.725	»
<hr/>		
Въ провинціи вообще	2.057	сочиненій.
Въ провинціальныхъ центрахъ	1.829	»
<hr/>		
Въ остальныхъ городахъ	228	сочиненій.

Соотвѣтственно этому получается и выводъ относительно количества экземпляровъ, а именно:

Всего напечатано экземпляровъ	33.875,201
Собственно въ Петербургѣ и Москвѣ	24.265,786
<hr/>	
Въ остальныхъ городахъ	9.609,415
<hr/>	
Всего экземпляровъ русскихъ сочиненій	27.224,903
Напечатанныхъ въ Петербургѣ и Москвѣ	23.512,272
<hr/>	
Въ остальныхъ городахъ	3.712,631

Въ томъ и другомъ случаѣ провинція оказывается дѣйствительно бѣдной въ книжномъ отношеніи, и если, при этомъ, представить себѣ громадность пространства Россіи, то и въ самомъ дѣлѣ не найдешь книги днемъ съ огнемъ. Но мы убѣждены, что въ такомъ положеніи книгопечатаніе находится всюду, и Россія въ этомъ отношеніи не явится какимъ-то исключеніемъ. У насъ насчитывается восемь довольно крупныхъ книжныхъ центровъ и четыре среднихъ, вѣроятно, не больше наберется ихъ и въ западно-европейскихъ, болѣе насъ просвѣщенныхъ, государствахъ; точно также столица всегда и всюду будетъ первенствовать въ печатномъ дѣлѣ, но сама по себѣ она никогда не можетъ взять все, что появится на ея книжномъ рынкѣ, и весь излишекъ его отправить въ провинцію, если тамъ имѣется спросъ. Русскіе провинціальныя книжныя центры дали въ 1893 году 1.829 сочиненій, и это не календари, какъ думаютъ иные, и въ будущемъ они могутъ прогрессировать, но будетъ ли возрастать число читателей—это еще вопросъ. Итакъ, онять—богаты мы или бѣдны книгами? Въместо отвѣта я спрошу: найдется ли въ Россіи столько грамотныхъ и знающихъ русскій языкъ, чтобы они, купивъ по одной книжкѣ, сняли съ полка книжныхъ магазиновъ хотя бы половину того числа экземпляровъ русскихъ книгъ, которые были напечатаны только въ 1893 году!

Переходимъ къ разсмотрѣнію типографской дѣятельности, но на этотъ разъ, не вдаваясь въ подробности, ограничимся болѣе общими указаніями. Въ 1893 году печатаніе книгъ производилось въ 152 городахъ, а всѣхъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, типографій было 656. Типографіи эти группировались по городамъ такъ:

Число типографій:	Число городовъ:	Число типографій:	Число городовъ:
По одной типографіи въ . . .	76	По 25-ти » » . . .	1
» 5-ти » » . . .	61	» 30-ти » » . . .	2
» 10-ти » » . . .	6	» 50-ти » » . . .	1
» 15-ти » » . . .	2	» 70-ти » » . . .	1
» 20-ти » » . . .	1	Болѣе 140 » » . . .	1

Въ книгоиздательскихъ центрахъ книгопечатаніемъ въ минувшемъ году было занято слѣдующее число типографій: въ Петербургѣ—142, въ Москвѣ—67, въ Варшавѣ—49, въ Одессѣ—28, въ Тифлисѣ—26, въ Кіевѣ—17, въ Ригѣ—21, въ Вильнѣ—14, въ Харьковѣ—13, въ Казани—10, въ Ревелѣ—10 и въ Юрьевѣ—6. Распредѣляя типографіи по числу выпущенныхъ ими въ свѣтъ сочиненій, приходимъ къ слѣдующему выводу:

Печаталось сочиненій:	Число типогр.:	Печаталось сочиненій:	Число типогр.:
Отъ 1 до 10	451	Отъ 101 » 110	1
» 11 » 20	66	» 111 » 120	3
» 21 » 30	40	» 121 » 130	1
» 31 » 40	28	» 131 » 140	1
» 41 » 50	21	» 141 » 150	1
» 51 » 60	11	» 151 » 160	1
» 61 » 70	6	» 171 » 180	3
» 71 » 80	8	» 181 » 190	1
» 81 » 90	8	» 221 » 230	1
» 91 » 100	2	» 241 » 250	2

Опредѣляя крупный размѣръ книгопечатной дѣятельности выпускаемъ до 100 изданій въ годъ, видимъ, что такихъ типографій насчитывается всего 17, изъ нихъ: 14 въ столицахъ и 3 въ провинціальныхъ городахъ. Всѣ эти типографіи по количеству напечатанныхъ ими въ 1893 году сочиненій, въ несходящемъ порядкѣ, располагаются такимъ образомъ:

Названіе типографій:	Число печ. сеч.:	Названіе типографій:	Число печ. соч.:
Академіи Наукъ (Спб.) . . .	246	Лиснера (въ Москвѣ) . . .	138
Казанскаго университета . . .	224	Левенсона (въ Москвѣ) . . .	122
Сытина (въ Москвѣ)	228	Полякова (въ Москвѣ) . . .	120
Московского университета . . .	186	Снегиревой (въ Москвѣ) . . .	118
Кушнерева (въ Москвѣ)	177	Сойкина (Спб.)	115
Стасюлевича (Спб.)	177	Чеколева (въ Кіевѣ)	104
Суворина (Спб.)	172	Вильде (въ Москвѣ)	100
Общ. Польза (Спб.)	157	Шульдберга (въ Варшавѣ) . . .	98
Волчаннинова (въ Москвѣ) . . .	149		

Выше было указано, что вышедшія въ прошломъ году книги печатались въ Петербургѣ въ 142 типографіяхъ и въ Москвѣ въ 67 типографіяхъ, и что, въ общей сложности, было выпущено первымъ—12.681,947 экземпляровъ, а вторымъ — 11.583,839 экземпляровъ. Изъ этого общаго числа экземпляровъ книгъ на долю названныхъ 5 петербургскихъ типографій приходится — 2.349,722 экземпляра, слѣдовательно, въ остальныхъ 137 типографіяхъ было напечатано—10.332,225 экземпляровъ, а въ 9-ти московскихъ типографіяхъ напечатано — 9.282,582 экземпляра, въ остальныхъ же 58 типографіяхъ — 2.301,257 экземпляровъ. Изъ числа петербургскихъ типографій наибольшее число экземпляровъ было выпущено типографіями: Общества Польза—795.770 экзempl., Суворина — 542.545 экзempl. и Сойкина — 450.820 экзempl.; изъ московскихъ: Сытина — 2.337,980 экзempl., Полякова — 964.500 экзempl., Снегиревой — 792.992 экзempl. и Волчаннинова— 750.075 экзempl. Въ отношеніи дѣятельности московскихъ типографій отмѣтимъ, что названныя нами фирмы сосредоточили у себя почти все книгопечатаніе первопрестольной столицы, такъ какъ если изъ 2.301,257 экземпляровъ, напечатанныхъ въ 58 типографіяхъ, исключить еще 1.050,475 экзempl., вышедшихъ изъ типографіи Гатцука, то на каждую изъ остальныхъ затѣмъ типографій придется около 22.000 экземпляровъ книгъ; въ Петербургѣ же, не смотря на значительно большее число типографій, книгопечатаніе распредѣлялось болѣе равномерно.

Л. Павленковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1894 г.

	стр.
I. Юрьева могила. XXXVI—XLIII. (Продолженіе). И. И. Ясинскаго.	285
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской. X. (Продолженіе)	315
III. Миссіонеръ. (Этюдъ съ натуры). Е. Н. Матросова.	333
IV. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. XXIX — XXXI. (Продолженіе)	348
V. Родоначальникъ нашей патріотической литературы. Р. И. Сементковскаго.	370
VI. Столѣтіе Одессы. (22 августа 1794 г.—22 августа 1894 г.). А. И. Кирпичникова.	389
Иллюстраціи: 1) Одесса въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — 2) Герцогъ Ришелье. — 3) Одесса въ 1840 году.	
VII. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. (Біографическій очеркъ). Б. Б. Глинскаго	412
VIII. Старый водевилистъ. М. Н. Маева	452
IX. Лебедянскій воевода А. А. Тургеневъ. (1701—1703 гг.). Н. Н. Оглоблина	463
X. Мартыновскія бумаги. П. К. Мартынова	474
XI. Восхожденіе на гулкавъ Геда. В. Д. Черевкова	492
XII. Рюльеръ и Екатерина II. В. А. Амрияева	508
XIII. Критика и библіографія	525
1) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. Спб. 1894. Б. Глинскаго. — 2) Средневѣковой замокъ и его обитатели. К. А. Иванова. Спб. 1894. Н. Рыжкова. — 3) Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціей А. Чудинова. 1894. Вл. З. — 4) Временникъ Эстляндской губерніи. Труды Эстляндскаго губернскаго статистическаго комитета, т. IX, кн. 1. Ревель, 1894. С. У—ца. — 5) Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ Павель Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Часть I. Древній міръ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1894. Часть I. Средніе вѣка. Москва. 1894. П. А. — 6) Новгородскія кабальныя книги. 7108 (1599—1600) года. Спб. 1894. В. Б.	
XIV. Историческія мелочи	535
1) Жизнь на минеральныхъ водахъ и на морскомъ берегу въ древности и въ средніе вѣка. — 2) Венеціанская куртизанка въ эпоху Возрожденія. — 3) Оригинальный американскій историкъ. — 4) Гейне и его памятникъ. — 5) Четырехсотлѣтній юбилей Корреджіо. — 6) Послѣдній взъ могикановъ итальянской борьбы за свободу.	
XV. Заграничныя историческія новости	551

См. слѣд. стр.

XVI. Смѣсь	556
----------------------	-----

1) Полулѣтняя годовщина смерти Баратынскаго.—2) Археологическая находка.—3) Историческое общество Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ.—4) Памятникъ Щепкину.—5) Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1893 годъ.—6) Отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго физико-математическимъ обществомъ для составленія капитала имени Н. П. Лобачевскаго, съ 10 февраля 1893 по 10 февраля 1894 года.—7) Некрологи: В. Н. Кашперовъ; Н. П. Колупановъ; Я. А. Ростовцевъ.

XX. Книжное дѣло и періодическая печать въ Россіи въ 1893 году.	
II. Періодическая печать. (Окончаніе) .І. Н. Павленкова	561

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Д. Т. Ленскаго.—2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. XLVIII — LI. (Продолженіе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

СОВѢТЬ

САРАТОВСКАГО ОБЩЕСТВА

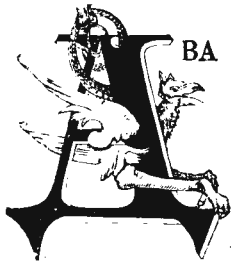
ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ,

приступая къ составленію второго выпуска Сборника по культурѣ Саратовскаго края, покорнѣйше просить лицъ, желающихъ принять участіе въ изданіи, сообщать матеріалы, воспоминанія, отдѣльныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи, археологіи, статистикѣ, просвѣщенію, хозяйству, выясненію бытовыхъ и природныхъ условій края г. предсѣдателю Совѣта Николаю Петровичу Фролову (Мало-Сергіевская улица, собств. домъ) или члену Совѣта П. О. Лебедеву, редактору «Саратовскаго Листка» (редакція). Статьи, по желанію авторовъ, могутъ быть оплачиваемы.

ЮРЬЕВА МОГИЛА¹⁾.

XXXVI.

ВА ПОДОЗРѢНІЯ родились въ сердцѣ Соломона Борисовича. Ему показалось, во-первыхъ, что Сарра все время, пока длился завтракъ, стояла въ сосѣдней комнатѣ и выжидала только случая встрѣтиться съ Николаемъ Кондратьичемъ, когда не будетъ отца. Давно когда-то ей крѣпко досталось: мальчикъ и дѣвочка влюбились другъ въ друга и назначали свиданія чуть не каждый вечеръ подъ дубомъ. Мать первая узнала и должна была подѣлиться пріятной новостью съ отцомъ. Свиданія были невинныя, но все равно имъ надо было положить конецъ. Дѣти выросли. Но какъ теперь поступить, что дѣлать родителямъ? Употребить суровыя мѣры противъ дѣвушки? Она совсѣмъ убѣжить изъ дому и погибнетъ. Смотрѣть сквозь пальцы и дать наиграться любимому ребенку?.. Но и это развѣ хорошимъ кончится? О бракѣ можетъ ли быть вопросъ между еврейкой и христіаниномъ, отцы которыхъ при томъ же враждуютъ между собою? Съ горестью узналъ Соломонъ Борисовичъ, что и въ этомъ году, прекратившіяся было, отношенія влюбленныхъ возобновились съ новой силой. Хотя по внѣшности еще соблюдалась въ Каменномъ Бродѣ церемонія фамиліной вражды къ Корицкимъ, но Соломонъ Борисовичъ рѣшилъ уже сдѣлать нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ къ примиренію. Расчетъ у него былъ простой: пока Николай Кондратьичъ будетъ считать себя воюющей сторо-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 5.
«истор. вѣсти.», августъ, 1894 г., т. LVII.

ной, до тѣхъ поръ ничто его не будетъ связывать, и онъ не задумается похитить Сарру; но если его приласкать и принимать, какъ гостя, то вѣроятнѣе всего, что онъ постѣнсается тайно видаться съ Саррой и компрометировать ее. Ему подадутъ слабую надежду на возможность принятія Саррой христіанства, а тѣмъ временемъ мало ли что случится! Приѣздъ Николая Кондратьича, какъ нельзя болѣе, былъ кстати.

— Саррочка, — началъ Соломонъ Борисовичъ: — иди къ маман и скажи, что мы приѣдемъ къ ней пить кофе, и я представлю ей профессора и Николая Кондратьича. А также сдѣлай ей отъ меня выговоръ, что она плохо смотритъ за тобой, — заключилъ тактичный отецъ.

Сарра, покраснѣвъ, какъ отвороты ея платья, ушла къ матери, не преминувъ, однако, всѣмъ улыбнуться и обнаружить свои прелестные, бѣлые, немного мокрые зубы.

Во-вторыхъ, Соломонъ Борисовичъ подумалъ при видѣ Тарновица, пившаго воду и нюхавшаго нашатырный спиртъ, что это не только болтливый дуракъ, но и хитрый. Онъ сталъ подозрѣвать его въ притворствѣ: ему, исключительно погруженному въ матеріальную жизнь и въ наживу, было противно видѣть чело-вѣка, преданнаго нелѣпымъ мечтамъ о перерожденіи еврейства и примиреніи съ христіанствомъ. Изъ мессіанства Тарновицъ сдѣлаетъ выгодную для себя комедію и заранѣе приучается впадать въ изступленіе и въ боговдохновенную эпилепсію.

— Вы ужъ здоровы? — насмѣшливо проговорилъ Соломонъ Борисовичъ, окинувъ съ ногъ до головы Тарновица презрительнымъ взглядомъ. — Идите за мной, отойдемъ немножко въ сторонку: я хочу вамъ посовѣтовать кое-чего и дать вамъ денегъ въ благодарность за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили.

Онъ отвелъ его въ сторону... Черезъ нѣсколько минутъ Тарновицъ вышелъ изъ Каменнобродской усадьбы. Казалось, онъ хромалъ еще сильнѣе. Фуражка его была сдвинута на затылокъ, и въ кулакъ зажата трехрублевка. Сѣвши въ телѣжку и больно стегнувъ ароновскую клячу, Тарновицъ обернулся, грозно посмотрѣлъ на каменнобродскія палаты, проворчалъ проклятіе и погрозилъ кулакомъ. Онъ хотѣлъ бросить также три рубля, растоптавъ ихъ каблукомъ, но онъ сообразилъ, что сдѣлаетъ это потомъ съ другими тремя рублями, а эти ему нужны, и онъ, несчастный нищій Тарновицъ, беретъ ихъ нѣкоторымъ образомъ въ долгъ у благороднаго и гордаго Тарновица, обязаннаго во что бы то ни стало наплевать на деньги Соломона Борисовича, въ которомъ онъ такъ скоро разочаровался.

XXXVII.

— Я сдѣлалъ, что слѣдовало; а теперь прошу васъ взять немножко кофе у Ліи Николаевны, — сказала Залшевичъ, входя въ кабинетъ и съ согласія профессора запирая витрины.

Гостинная была круглая комната съ бронзовымъ фонаремъ по-средины и съ полосатымъ шелковымъ потолкомъ, что придавало ей видъ палатки. Персидскіе ковры были сняты по случаю лѣта и лежали тутъ же, свернутые въ трубки. Рѣшетчатые ставни пропускали пестрый свѣтъ сквозь цвѣтныя стекла оконъ. На лбу м-ме Залшевичъ играло зеленое пятно, на носу синее, на щекѣ оранжевое. Она была въ наколкѣ и въ брильянтахъ. При видѣ гостей, она стала улыбаться.

— Пожалуйста пить нашъ кофе, — пригласила она.

Кофе варила Сарра. Ей хотѣлось показать, какъ хорошо она умѣетъ варить кофе, и какъ было бы каждому мужчинѣ приятно, если бы можно было пить такой кофе ежедневно. Хотя работа ея была скромная, но наполняла собою всю гостинную, и всѣ по-сматривали на синее спиртовое пламя и на гладко полированную поверхность кофейника, по которой сбѣгали кофейныя слезы.

— Мы очень хорошо позавтракали, прекрасно позавтракали, — началъ Соломонъ Борисовичъ, садясь возлѣ жены и беря ея руку. — Отчего ты надѣла такъ мало колець? — спросилъ онъ и продолжалъ: — Конечно, не обошлось безъ инцидента; я имѣлъ большую неосторожность приглашать паршиваго Тарновица... Но что же, душенька, дѣлать, когда гласность нуждается въ искупительныхъ жертвахъ... Маленькіе пѣтушійные гребешки были очаровательны. Что еще сказать тебѣ? Офъ! Уфъ! Спроси же ихъ чтонибудь, Лія Николаевна; нельзя такъ сидѣть шабешковымъ кугелемъ, — тихо проговорилъ онъ.

Лія Николаевна кивнула головой, широко раскрыла ротъ и любезно сказала:

— Что хорошаго въ тѣхъ мертвякахъ? сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ — вы ученые люди. Какъ наступаетъ вечеръ, я вся, бывало, трясусь. Но, конечно, время прошло, и я уже привыкла. А его первая жена съ ума сошла, чтобъ я до вечера не дожила.

— Лія Николаевна, не относится къ дѣлу, je vous prie.

— Отчего же не относится? Оно очень прекрасно относится. А если бы я съ ума сошла, ты бы женился третій разъ? Какъ теперь наука допускаетъ — ходятъ мертвяки?

— Лія Николаевна!

— Сама я знаю, что не ходятъ, но развѣ дорого стоитъ услышать объ этомъ еще отъ образованныхъ людей — все-таки спокойнѣе.

Профессоръ совершенно объективно отвѣчалъ:

— Наука никогда не допускала возможности хождения мертвецовъ.

— Но, однако же,— возразила Лія Николаевна,— бывали доктора такіе знаменитые, что разрѣзывали жилу на шеѣ, дули туда простой воздухъ, и мертвякъ шевелилъ глазами и говорилъ: «дайте мнѣ немножко хлѣба или вина», или чего ему хотѣлось. Мнѣ мамаша рассказывала, что рѣдкій докторъ знаетъ эту жилу. Говорятъ, докторъ Ціонъ зналъ, но потомъ забылъ.

— Какъ женщина, она способна удивить васъ своимъ маленькимъ суевѣріемъ,— смѣясь, проговорилъ Залшевичъ. — Повѣрь, душенька, что если бы такая жила была найдена, то ее бы не выпустили изъ рукъ. Но правда и то, что доктора очень многое знаютъ. Это почтенное сословіе ученыхъ, среди которыхъ больше всего, кажется, евреевъ.

— Залманъ! Прежде чѣмъ докторъ узнаетъ что нибудь, сколько онъ долженъ зарѣзать людей! Мой двоюродный братъ, а твой швагеръ, учился на доктора. Раскроетъ книгу и все шатаетъ головой. Мы, дѣвчонки, бѣгаемъ по саду, а онъ даже не посмотритъ на насъ. Мы дѣлали изъ земли мячики и бросали въ него, но онъ ничего не замѣчалъ. Уже онъ три года такъ учился, и всѣ мы думали, что изъ него выйдетъ положительный хирургъ. Онъ начиналъ гордо поглядывать и держать очень высоко голову. Наконецъ, у его собственной мамыши разболѣлись глаза. Онъ сейчасъ клалъ ее на столъ, взялъ щипчики и срѣзалъ кожицу. Но онъ не ту срѣзалъ кожицу, какую нужно было, такъ что мамаша ослѣпла; онъ, хотя горевалъ, но не бросалъ медицинскаго факультета и признался намъ, что сдѣлалъ ошибку, такъ какъ по закону докторамъ нельзя лечить своихъ родныхъ, въ особенности отца и мать. Но кого нибудь требуется зарѣзать для опытности, и, разумѣется, больше всего для этого годятся чужіе люди.

Лія Николаевна тяжело вздохнула. Кофе, между тѣмъ, сварился. Сарра радостно закричала:

— Ай! Убѣжить!

Въ чашки потекла ароматная жидкость.

— Вы лике'овъ не пьете, такъ бѣите сливки; я сама сняла — для васъ! — шепотомъ прибавила Сарра, обращаясь къ Николаю Кондратьичу.

Тонкій фарфоровый молочникъ затрепеталъ въ пальцахъ молодого человѣка, когда взглядъ его на секунду встрѣтился со взглядомъ Сарры. Профессоръ подмѣтилъ это, и то безсознательное неприязненное чувство, которое онъ повремениамъ питалъ къ своему будущему родственнику, овладѣло имъ, его чашка тоже задрожала, и онъ насилу справился съ собой.

Когда кофе былъ выпить, и Соломонъ Борисовичъ истощилъ весь запасъ аристократическихъ манеръ и готовыхъ любезныхъ

фразъ, а въ гостинной водворилось вялое молчаніе, прерываемое только шорохомъ безпокойныхъ ножекъ Сарры, профессоръ поднялся и сталъ прощаться. Соломонъ Борисовичъ выразилъ сожалѣніе. Гостепріимство его не знало границъ, онъ не прочь былъ оставить гостей обѣдать.

— Правда и то, что обѣдъ нашъ не отвѣчалъ бы завтраку, — откровенно объяснилъ Соломонъ Борисовичъ. — Однако всежь-таки нашлось бы чего пожевать. Ну, до пріятнаго свиданія. Я надѣюсь, что вы теперь будете частымъ посѣтителемъ Каменнаго Брода, профессоръ! Николай Кондратьичъ, вы также не забудете насъ. Дай Богъ...

Онъ хотѣлъ сказать: «чтобъ мы не поссорились съ вами въ другой разъ». Но выраженіе его глазъ было краснорѣчивѣе словъ.

— Я счастливъ былъ бы, если бы и отецъ... началъ Николай Кондратьичъ и тоже не досказалъ.

— Знаю, знаю, молодой человекъ! Что дѣлать! Когда я жилъ въ Парижѣ, то однажды вечеромъ вспомнилъ вашего папашу въ кафе Riche. Мнѣ показалось, что онъ сидитъ и читаетъ газету. Я съ искренней радостью бросился къ нему, но, разумѣется, я разочаровался. Толстый нѣмецъ проворчалъ: «убирайтесь къ чорту». Я бы полъ-пальца далъ своего отрубить и даже хладнокровно смотрѣлъ бы, какъ его, брошеннаго въ воду, съѣдаетъ хищная рыба, лишь бы только... Oh, mon Dieu! вы понимаете!

«Графъ» не присутствовалъ въ гостинной — онъ не допускался въ общество дамъ. Но, руководимый рѣдкимъ чутьемъ, онъ догадался кликнуть кучера, и, когда гости вышли на крыльцо, украшенное чучелами договъ, экипажъ уже стоялъ и ожидалъ ихъ.

Трогательно прощался съ гостями Соломонъ Борисовичъ. Онъ посыпалъ имъ воздушные поцѣлуи. «Графъ» вскочилъ на подножку. Экипажъ тронулся, а онъ все балансировалъ на подножкѣ и торопливо говорилъ въ полголоса:

— Какъ видите, я приструнилъ его. Онъ шелковый. Туда же, важничаетъ! Нѣтъ, я свою жидову держу въ рукахъ. Не осудите за хлѣбъ и соль. Пѣтушινные гребешечки — моя имагинація. Что, вѣдь не дурно, какъ Бога люблю?

Наконецъ, за воротами онъ соскочилъ съ подножки, и гости укатили.

XXXVIII.

Кондратій Захарычъ боялся самого себя. Онъ всю жизнь старался не волноваться, чтобы не вышло худо. Рѣдко бывалъ онъ въ такомъ тягостномъ положеніи. Приказалъ, и не послушались. Не надо было приказывать. А теперь что же дѣлать? Прежде всего, онъ не будетъ говорить съ сыномъ недѣли двѣ. У него достало бы

характера растянуть это наказаніе на цѣлый годъ. Что же касается до «деркача», то власти надъ нимъ нѣтъ, и можно только по-смѣяться надъ тѣмъ, что онъ не выдержалъ и соблазнился жидовскимъ завтракомъ. Когда экипажъ, уже послѣ хуторского обѣда, показался во дворѣ, Кондратій Захарычъ выглянулъ изъ окна и тотчасъ же легъ самымъ равнодушнымъ образомъ. Онъ спалъ дольше обыкновеннаго, пилъ въ бесѣдкѣ чай и не спросилъ у профессора ничего о таинственныхъ трупахъ. Елена шепнула жениху, что отецъ дуется. Но профессоръ счелъ ниже своего достоинства оправдываться или объясняться по поводу происшедшаго и былъ, какъ всегда, ровень и объективенъ. При появленіи Николая Кондратьича, лицо Кондратія Захарыча покрылось неровнымъ румянцемъ, и такой же неровный румянецъ выступилъ у сына. Авдотья Ивановна, обожавшая сына, подсунула ему въ утѣшеніе лучшіе куски булки, замѣшанной на миндальномъ молокѣ. Молодой человекъ молча выпилъ чай и поспѣшилъ уйти къ себѣ, во флигель.

Такъ продолжалось нѣсколько дней. Но напряженная электрическая атмосфера мало-по-малу разрядилась, и въ одно прекрасное утро отецъ заговорилъ съ сыномъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Авдотья Ивановна, увидѣвъ издали, что отецъ ходитъ съ Колей по саду, тихонько перекрестилась.

XXXIX.

Стоялъ уже августъ. Профессоръ окончилъ описаніе богопольской могилы, запаковалъ археологическій матеріалъ, найденный въ ней, и, по приказанію Кондратія Захарыча, Бовтунъ отвезъ багажъ на станцію желѣзной дороги и отправилъ въ университетскій городъ. Потомъ Павелъ Ивановъ разработалъ нѣкоторые другія, собранныя имъ, данныя, касающіяся одного древлянскаго могильника, отысканнаго имъ весной въ бассейнѣ рѣки Припети. Онъ послалъ также нѣсколько интересныхъ замѣтокъ въ «Кіевскую Старину», въ «Университетскія Извѣстія» и еще въ популярно-научный журналъ, печатавшій его статьи всегда съ большой готовностью. Для этого журнала онъ составилъ отчетъ о каменно-бродскомъ подвалѣ и туда «напустилъ туману и поэзіи». Статейка должна была понравиться и редакціи, и публикѣ, но научнаго значенія она не имѣла; это профессоръ сознавалъ самъ и въ глубинѣ души былъ крайне недоволенъ собой. Матеріалы, относящіяся къ подробной исторіи края, не были ему извѣстны всѣ до одного, и онъ надѣялся, что въ университетской библіотекѣ и принадлежащемъ ей архивѣ, состоящемъ изъ безчисленнаго рода актовъ, бумагъ и дѣлъ, современемъ ему удастся найти ключъ къ разгадкѣ. Ключекъ еврейской рукописи, переведенный Гарновичемъ,

имѣлъ какое-то отношеніе къ Каменному Броду, но отдаленное, и описывалъ событія совсѣмъ изъ другой эпохи... Было только очевидно, что Каменный Бродъ вообще служилъ пріютомъ жидовъ, и каменнобродскіе магнаты и владѣльцы покровительствовали имъ. Жидовъ они набирали даже въ надворную милицію. Кончилось-таки тѣмъ, что Каменный Бродъ принадлежитъ Соломону Борисовичу.

Ровная и, по наружности, безстрастная натура молодого ученаго, его умѣренное пользованіе досугомъ и трудолюбіе, примѣровъ котораго на хуторѣ еще не видали, безукоризненное поведеніе, точность во всемъ, правдивость и непредѣльная любовь къ нему Елены Кондратьевны заставили Кондратія Захарыча самого привязаться къ нему, и «деркачъ» мало-по-малу сталъ предметомъ нѣжныхъ попеченій на хуторѣ.

Приближался срокъ свадьбы. Хотя приданое было запасено, но надо было обшить невѣсту—не хватало то того, то другого. Въ домѣ появились портнихи, выписанныя изъ города, и Елена Кондратьевна должна была прерывать свои историческія занятія и предаваться созерцанію не только картъ историческихъ мѣстностей, но и модныхъ картинокъ. Времени на бесѣды съ женихомъ было меньше. Зато, дождавшись вечера, Елена Кондратьевна ужъ не отпускала его отъ себя. Незначительныя преграды, которыя ставились предусмотрительной и доброй Авдотьей Ивановной на первыхъ порахъ между молодыми людьми, теперь падали сами собой. Невѣста проводила у жениха часть ночи, въ особенности когда пошли дожди и было непріятно возвращаться изъ флигелька домой по мокрымъ дорожкамъ.

Авдотья Ивановна была совершенно спокойна за дочь. Не покоился и Кондратій Захарычъ. Но въ этомъ систематическомъ исчезаніи Елены чувствовался какой-то беспорядокъ, было что-то, чего нельзя допускать, если смотрѣть на бракъ по старинѣ. Кондратій Захарычъ нѣсколько разъ собирался замѣтить дочери, что такъ не годится, но стѣснялся и отмалчивался. Авдотья же Ивановна даже робѣла передъ дочерью.

Однажды, часовъ въ одиннадцать ночи, Кондратій Захарычъ, поворочившись съ боку на бокъ у себя въ кабинетѣ, одѣлся, взялъ зонтикъ и пошелъ къ профессору. Во флигелькѣ ярко горѣла лампа. Ближайшій къ окну кустъ шиповника весь сверкалъ росой, выдѣляясь изъ мрака. Дверь была пріотворена, и на полу, въ сѣняхъ, горѣла ломаная линія свѣта. Кондратій Захарычъ заглянулъ въ комнату. Онъ былъ въ резиновыхъ колошахъ, и не было слышно, какъ онъ подошелъ. Елена Кондратьевна сидѣла у стола и, положивъ подбородокъ на обѣ сложенные руки, смотрѣла на профессора; а онъ ходилъ по комнатѣ или вдругъ останавливался и говорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Положеніе евреевъ въ Польшѣ было очень не дурное — вы заблуждаетесь, Елена Кондратьевна. Страшный и жестокий выводъ, но на западѣ гоненія способствовали тому, что тамошніе евреи культурно сравнялись съ мѣстнымъ населеніемъ и могутъ, наконецъ, пользоваться равноправностью. Въ Польшѣ же ихъ никогда не гнали, и за преступленія частныя никогда не подвергалась преслѣдованію вся нація. Евреи сами виноваты, что вызвали противъ себя озлобленіе народа въ украинскихъ областяхъ Польши. Съ одной стороны, они являлись пособниками польскихъ пановъ въ дѣлѣ религіознаго угнетенія крестьянъ, а съ другой—экономическими вампирами края. Помимо общинной организаціи, администраціи и суда, польскіе евреи имѣли и общегосударственную организацію. Верховнымъ органомъ еврейскаго самоуправленія былъ синодъ, два раза въ годъ собиравшійся въ Люблинѣ и Ярославѣ. Но чѣмъ шире становились жидовскія права въ Польшѣ, чѣмъ непринужденнѣе развивалась ихъ духовная и матеріальная свобода, тѣмъ уже становились они сами, и тѣмъ исключительнѣе проявлялась у нихъ склонность къ талмудическому буквоѣдству. Не потому ли, что самостоятельность еврейскаго суда и администраціи заставляла жидовъ обращаться постоянно къ первоисточнику ихъ мудрости, къ талмуду, и толковать его на разные лады? Польскіе евреи въ особенности славились талмудической казуистикой и полнымъ отупѣніемъ нравственнаго чувства. Превосходную картину ихъ юридическихъ ухищреній и кривотолковъ даетъ въ своей книгѣ Диминскій. Несомнѣнно, что печальные выводы, къ которымъ приходитъ этотъ авторъ, оправдываются вполне только въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ. Польскіе жидаы доходили до такого молодечества, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ считалось даже доблестію надуть единовѣрца на основаніи талмуда, гдѣ какое нибудь иносказательное и поэтическое уподобленіе растягивалось и примѣнялось нерѣдко къ случаямъ, прямо противоположнымъ и совершенно исключаяющимъ другъ друга. Уже въ XVI вѣкѣ существовали еврейскія городскія общины во Владимірѣ, въ Луцкѣ, въ Кременцѣ, въ Острогѣ, въ Ковелѣ. А въ Кіевѣ жидаы организовались еще въ XV вѣкѣ. Паны польскіе уже сдавали евреямъ въ аренду цѣлыя населенныя имѣнія. Сохранились договоры пана Лысаковскаго, князей Пронскихъ и князя Сангушко. Имѣнія отдавали жидамъ въ помѣстную аренду со всѣми прибытками и доходами, съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и со всѣмъ тѣмъ, что давалось имъ на содержаніе, со всѣми работами тяглыми и нетяглыми, со зданіями, рабочими подводами, чиншами, съ пенями денежными, съ корчмами и продажей всякихъ напитковъ и т. д. Паны арендаторы изъ жидовъ и ихъ потомки могли спокойно владѣть и пользоваться такими имѣніями и даже судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ смертію. Но то, что было

черезъ сто лѣтъ, представляло собою уже ягоды, въ сравненіи съ тѣмъ, что было сто лѣтъ назадъ, когда начинались только цвѣточки. Вотъ что пишетъ еврейскій писатель Натанъ Гановерь. Это русскій переводъ, и книга вышла въ Одессѣ. (Профессоръ взялъ книгу съ полки, нашелъ страницу и прочиталъ). «Русскіе, жившіе въ Малороссіи, были обременены всевозможными трудными работами и подвергались страшнымъ истязаніямъ, и они были до такой степени удручены, что всѣ народности и страны, даже стоявшія на низшей ступени у всѣхъ народовъ, господствовали надъ ними», т. е. господствовали жидаы. Кабалистическая книга «Зогаръ» пользовалась въ то время у евреевъ большимъ уваженіемъ, и она предсказывала пришествіе мессіи на 1648 годъ. Но вмѣсто мессіи пришелъ Богданъ Хмельницкій. Первыя же побѣды Хмельницкаго дали сигналъ къ истребленію евреевъ. Въ нынѣшней Полтавской губерніи ихъ было убито нѣсколько тысячъ. Сотни евреевъ отреклись отъ вѣры, многіе попали въ плѣнъ къ татарамъ. Четыре еврейскія общины предупредили избіеніе тѣмъ, что сдались татарамъ. Татары не убивали плѣнныхъ, потому что брали за нихъ выкупъ; еврей же современемъ выкупали своихъ—расчетъ былъ прямой. На правомъ берегу Днѣпра избіеніе началось въ Немировѣ. Немировъ былъ крѣпостью, и за его стѣнами укрылось шесть тысячъ евреевъ. Горсть казаковъ въ шестьсотъ человекъ осадила Немировъ и взяла его, благодаря сочувствію мѣстнаго населенія. Казаки ворвались въ городъ и стали истреблять жидаовъ. Какъ вездѣ, они щадили молодыхъ дѣвушекъ, крестили ихъ и часто женились на нихъ. Рѣзня въ Немировѣ была такъ сильна, что еврей до сихъ поръ поминаютъ этотъ день въ своихъ молитвахъ. Другой отрядъ казаковъ напалъ на Тульчанъ, гдѣ было двѣ тысячи евреевъ. Сами поляки выдали евреевъ; но казаки сдѣлали оплошность: пообѣщали полякамъ, что ихъ пощадятъ, если они выдадутъ евреевъ, а между тѣмъ нарушили свое слово и истребили не только евреевъ, но и поляковъ. «Если бы казацкое слово было честнѣе,—говорили потомъ поляки,—мы бы сами помогли, истребили бы повсюду жидаовъ, отъ нихъ не осталось бы званія въ Польшѣ». Въ самомъ дѣлѣ, многіе поляки раздѣляли ненависть казаковъ къ жидаамъ. Такъ, на примѣръ, герой казацкихъ войнъ, побѣдоносный Чарнецкій, воспѣтый Сенкевичемъ, немилосердно самъ истреблялъ евреевъ, считая ихъ главной причиной казацкихъ возстаній. Тульчинскіе еврейы заперты были въ саду, и имъ предложено было на выборъ умереть или креститься. Отъ крещенія они отказались—ихъ умертвили; женщинъ тоже убили, кромѣ красавицы. Спаслось триста евреевъ, притаившихся среди труповъ. Наконецъ, казаки послали выкликать, чтобы живые поднимались, уже ничего не опасаясь. Жидаовъ, дѣйствительно, отпустили и даже оказали имъ помощь—народныя страсти быстро улегаются. Одновременно истребляли

жидовъ въ городахъ: Черниговѣ, Стародубѣ и др. Тогда же было вырѣзано полторы тысячи жидовъ въ Гомелѣ, и тамъ не пощадили даже дѣтей! Мѣсяць спустя въ городѣ Полонномъ было истреблено десять тысячъ евреевъ. Евреи не сопротивлялись, и были казаки, которые убивали ихъ по двѣсти и по триста человекъ. Только немногіе спаслись принятіемъ крещенія. Евреи бѣжали изъ страны куда глаза глядятъ, захвативъ съ собой цѣнныя вещи, но и вещи приходилось имъ часто кидать среди дороги. Они скитались подъ открытымъ небомъ, хотя нерѣдко находили защиту среди самихъ же православныхъ. Вставъ утромъ живыми, они читали молитву: «О, благословенъ еси Господи, воскрешающій мертвыхъ!» Между тѣмъ вырѣзываніе жидовъ въ городахъ продолжалось. Многіе, послѣ мучительныхъ скитаній по лѣсамъ и степямъ, возвращались въ города, и тамъ ихъ убивали. Въ Заславѣ было убито двѣсти душъ, въ Острогѣ—шестьсотъ. Вишневецкій бросилъ жидовъ въ Староконстантиновѣ, чтобы не обременять ими войска, тѣмъ болѣе, что жида были разносителями заразы и смертельныхъ болѣзней, благодаря своей нечистоплотности. Казаки напали на брошенныхъ и истребили ихъ около трехъ тысячъ. Особенно свирѣпо истребляли евреевъ послѣ постыднаго бѣгства польскаго войска изъ-подъ Пяливицъ; передъ Дубной было вырѣзано больше тысячи евреевъ. Поляки не сочли возможнымъ впустить ихъ въ городъ. Сильная крѣпость Баръ пала, и тогда погибло двѣ тысячи евреевъ. Да раньше отъ чумы или тифа ихъ умерло больше тысячи. Львовская община, одна изъ четырехъ главнѣйшихъ общинъ въ Польшѣ, потеряла во время осады до десяти тысячъ евреевъ отъ голода и болѣзней и все имущество, выданное Хмельницкому въ качествѣ выкупа. Кромѣ массовыхъ истребленій, жидовъ убивали поодиночкѣ на хуторахъ и въ корчмахъ; за ними охотились спеціальныя отряды. Едва евреи вернулись въ Острогъ, какъ ихъ опять тамъ вырѣзали, причемъ погибло триста человекъ. Зборажскимъ договоромъ было постановлено, чтобы евреи не покупали и не арендовали земель на казацкой территоріи. Въ другія мѣста малороссійской области евреи могли возвратиться и тотчасъ воспользовались своимъ правомъ, причемъ обращеннымъ въ православіе король разрѣшилъ вновь принять іудейство. Полтора года пользовались евреи отдыхомъ, но какъ только началась новая война, ихъ снова стали истреблять. Ихъ истребляли такими же сотнями, тысячами и десятками тысячъ. Однако, они набрались уже храбрости, даже вооружались и составляли военныя дружины. Вторая казацкая война была неудачна, и миръ расширилъ права евреевъ: имъ предоставлено было постарому селиться гдѣ угодно и арендовать имѣнія. Но война опять возгорѣлась, и ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Литвѣ, ни въ Малой Польшѣ, ни въ Великой—нигдѣ не было убѣжища евреямъ. Сами поляки стали ихъ ненавидѣть; польскіе военачаль-

ники безъ милосердія ихъ вѣшали, срывая на нихъ злобу. Особенно продолжалъ быть неумолимымъ къ нимъ Чарнецкій. Нѣкоторые предполагають, что въ эпоху казацкихъ войнъ было уничтожено до шестисотъ тысячъ еврейскихъ семействъ. Потомъ въ колеивщину... Но вѣдь они сами довели народъ, между тѣмъ какъ польское правительство...

Кондратій Захарычъ все ждалъ, пока окончитъ профессоръ. Онъ слушалъ. Вдругъ чувство стыда овладѣло имъ. Ему представилось, какъ его могли бы поймать эти серьезныя дѣти и сконфузить. Ему стыдно стало также своихъ неопредѣленныхъ подозрѣній, помѣшавшихъ ему сразу заснуть сегодня. Дождь полилъ сильнѣе. Онъ осторожно вернулся и черезъ нѣсколько минутъ уже дремалъ, вытянувшись на диванѣ во весь свой богатырскій ростъ. Думалось ему о томъ, что въ старину ухаживали не такъ, и во снѣ странная досада смѣняла въ его душѣ отцовскую ревность.

XI.

Утромъ Гарпинка чистила сюртукъ профессора. Авдотья Ивановна обратила вниманіе, что сюртукъ, висѣвшій на сучкѣ въ саду, словно чѣмъ набить. Она осмотрѣла его и всплеснула руками. Плечи были всѣ на ватѣ, грудь тоже, бока также были подложены ватой.

— Боже мой, онъ такой худой!— съ соболѣзнованіемъ подумала Авдотья Ивановна.— Прекрасный онъ человекъ; но гдѣ же у Лели глаза были?

Въ страхѣ и смятеніи отъ сдѣланнаго открытія, она подозвала проходившаго Кондратія Захарыча.

— Посмотрите, Кондратій Захарычъ!

Кондратій Захарычъ посмотрѣлъ и сказалъ:

— Что васъ огорчаетъ, Авдотья Ивановна? Это — теплый сюртукъ, больше ничего.

— Какое теплый! Павелъ Ивановичъ былъ въ немъ въ Каменномъ Бродѣ и надѣвалъ его вчера къ обѣду по случаю гостей. А на жилетъ взгляните. И жилетъ на ватѣ! А замѣтили сами, я думаю, какіе высокіе каблуки носить Павелъ Ивановичъ!

Кондратій Захарычъ понялъ, наконецъ, чѣмъ огорчается Авдотья Ивановна.

— Держачъ, — проговорилъ онъ, выпустивъ клубъ дыма изъ трубки. — Но душа есть... Гм!.. Но въ какой степени она теплая, поздно спрашивать.

— Такъ-то такъ, Кондратій Захарычъ...

— Довольно! Терпѣть я не могу переливать изъ пустого въ порожнее! — замѣтилъ Кондратій Захарычъ.— Лучше было бы мнѣ объяснить, кто ночевалъ сегодня у Кольки—какой такой жидокъ?

— Почемъ же я знаю, Кондратій Захарычъ?

— Пустяки, мы всегда лучше знаемъ. Что затѣваетъ Колька, одному Богу извѣстно! Человѣкъ взрослый, и не стану же я его бить. Онъ понимаетъ и пользуется: каждый день въ Каменномъ Бродѣ.

Говоря съ женой, Кондратій Захарычъ углубился въ аллею. Авдотья Ивановна покорно шла рядомъ съ нимъ и робко защищала сына.

— Развѣ я сержусь на него?— вскричалъ Кондратій Захарычъ.— Еслибъ я разсердился, то согнулъ бы въ бараній рогъ. Видишь, я предоставляю ему свободу. Я запрещаю, а онъ нарушаетъ мое запрещеніе поминутно. Никогда не простилъ бы я сына, соблазнившаго дѣвушку. Но тутъ благословляю. Подѣломъ, не вѣшайся на шею, если ты жидовка! Но Колька честный, бестія: онъ способенъ выкрестить ее и...

— Не волнуйтесь, Кондратій Захарычъ! Вамъ вредно, Кондратій Захарычъ,— съ мольбою въ голосѣ произнесла Авдотья Ивановна.— Ничего не случится, Кондратій Захарычъ. Я имѣю на него вліяніе, Кондратій Захарычъ.

Когда супруги достигли конца аллеи, туча, висѣвшая надъ садомъ, пролилась, зачастилъ дождь. Авдотья Ивановна побѣжала домой мелкими шажками, подбирая платье. Кондратій Захарычъ шагаль, какъ бегемотъ.

Въ столовой они застали уже дѣтей и будущаго своего зятя.

XLI.

Еврейчикъ, ночевавшій у Николая Кондратьича, былъ Тарновицъ. Онъ часто бывалъ у Николая Кондратьича. Говорили они другъ съ другомъ долго и изливали душу. Странная началась дружба между образованнымъ сыномъ степного помѣщика и несчастнымъ, полуграмотнымъ еврейчикомъ. О чемъ бесѣдоваль ночью Тарновицъ съ Николаемъ Кондратьичемъ, было ихъ тайной. На столѣ, на которомъ лежали препараты гессенской мухи, появился ворохъ книгъ, главнымъ образомъ взятыхъ изъ каменнобродской бібліотеки. Было много русскихъ книгъ, были еврейскія и французскія. Тарновицъ уѣхалъ, но черезъ день снова былъ на хуторѣ.

Погода перемѣнилась. Быстро высохли лужи, и отъ продолжительнаго ненастья не осталось ни слѣда. Жара снова наступила угнетающая.

За обѣдомъ Николай Кондратьевичъ сказалъ съ загадочнымъ видомъ:

— У меня не выходятъ изъ головы убійственные факты, изложенные когда-то профессоромъ въ пользу ужаснаго мнѣнія, будто

евреи употребляютъ христіанскую кровь... Я попрошу разрѣшенія опровергнуть ихъ — и поскорѣе... сегодня вечеромъ. Неужели профессоръ не согласится?

— Николай Кондратьевичъ! Всегда готовъ. Сдѣлаю только заранѣе поправку. Факты—величина постоянная, а объясненіе ихъ — переменная. Впрочемъ, вы сомнѣваетесь въ ихъ подлинности, не такъ ли? — спросилъ профессоръ холодно.

— Виноватъ,—сказала молодой человѣкъ.— Не факты подозрительны, а толкованіе ихъ невѣрно. Знаете, кто избранъ мною въ опоненты вамъ? Тарновицъ.

Елена посмотрѣла на брата своими близорукими глазами и проговорила, стараясь быть безстрастной:

— Тарновицъ—меламедъ, ничтожество, и что онъ вообще можетъ, кромѣ я не знаю чего... кромѣ того, что ты невѣжливъ и черезчуръ обрадовался отсутствію отца...

— Какъ мы, однако, разсердились!—вскричалъ Кленовичъ.— Отчего же, Елена Кондратьевна, Тарновицъ не можетъ знать чегонибудь солидно? Знаніе всѣмъ доступно. Хорошо, хорошо, Николай Кондратьевичъ, я охотно послушаю Тарновица и, такъ и быть, поспорю съ нимъ, если онъ не будетъ нервничать. Онъ любопытный еврейскій субъектъ, какъ онъ самъ себя называетъ.

Кондратій Захарычъ уѣхалъ въ Богополь на ярмарку. Послѣ обѣда онъ вернулся. И когда онъ, отдохнувъ часокъ, вышелъ на крыльцо посидѣть съ трубкой, то засталъ тамъ профессора, дѣтей, Авдотью Ивановну, Тарновица. Бовтунъ стоялъ поодаль.

Былъ теплый, почти знойный лѣтній вечеръ, пропитанный запахомъ душистыхъ травъ и весь сверкающій звѣздами. Кондратій Захарычъ безшумно сѣлъ у дверей на табуреткѣ, чтобы не помѣшать бесѣдѣ. Говорилъ Тарновицъ, и голосъ его, съ придыханіями и характернымъ еврейскимъ растягиваніемъ, разносился по двору.

— ... Я не буду утверждать, какъ извѣстный крещеный еврей профессоръ Хвольсонъ, что у израильтянъ никогда не было человѣческихъ жертвъ,—говорилъ онъ.— Я не на столько не образованъ; я почитывалъ немножко антропологическихъ трактатовъ, и это уже теперь азбучная истина, что до Авраама бывали человѣческія жертвы. Но великій еврейскій мужъ уничтожилъ ихъ и замѣнилъ обрѣзаніемъ. Не знаю, приносили ли древніе евреи въ жертву первенца изъ каждой семьи для умилостивленія небесъ или же отъ всего племени одного мальчишескаго субъекта? Семитическіе народы вообще склонны были къ дѣтскимъ жертвоприношеніямъ; финикияне и караегеняне, наши родные братья, истребляли дѣтей сотнями и тысячами, въ особенности въ бѣдственные годы, думая сдѣлать угодное своему страшному Богу Молоху. А когда въ позднѣйшія времена израильтяне и іудеи поддавали подъ вліяніе

финикійской религіи и забывали истиннаго Бога, то легко предавались языческимъ мерзостямъ. Я этого отрицать не стану, я не закрываю глазъ на темныя стороны. А если бы теперь было что нибудь подобное, то я тоже не сталъ бы скрывать, такъ какъ мое призваніе очистить еврейскій домъ отъ грязи и отъ сору и окропить его благовоніемъ, дабы каждый христіанинъ могъ, войдя въ него, сказать: здѣсь очень пріятно пахнетъ. Съ какой стати семитическіе народы имѣли склонность приносить въ жертву дѣтей, это уже относится къ проблематическимъ ребусамъ. Это безответный вопросъ. Въ то время такое дѣтоненавистничество никого не возмущало, хоть, конечно, родители уже плакали. Съ любовью возложилъ Авраамъ Исаака на жертвенникъ. А какъ рыдалъ военачальникъ Евфай, когда долженъ былъ умерщвлять свою прекрасную дочь! Въ челоуѣчествѣ встрѣчаются религіозные обряды еще болѣе странныя, дикіе, возмутительныя и отчаянныя. Я не такъ давно читалъ о яванскихъ каланчахъ, которые, думая, что племя ихъ происходитъ отъ брака какой-то принцессы съ собакой, придѣлываютъ себѣ хвосты и, хотя между ними есть интеллигентныхъ личностей, собираются тайно въ домахъ и ведутъ себя, какъ настоящіе псы. Нѣтъ, не можетъ быть такого народа, который бы въ отдаленныя времена не прошелъ бы курсъ религіознаго людодѣдства. Ученый господинъ Хвольсонъ, передъ историческими и публицистическими талантами котораго я благоговѣю, этого однако, по странной трусливости мысли, не принялъ въ соображеніе въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «О нѣкоторыхъ среднеуѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». Я думаю, что смутныя отголоски челоуѣческихъ жертвоприношеній, совершавшихся въ іерусалимскомъ храмѣ въ эпоху подчиненія еврейскаго духа финикійскимъ варварствамъ, могли дойти до классическихъ писателей, и вотъ почему александрійскій грамматикъ Апіонъ вскорѣ послѣ Рождества Христова распространялъ молву, будто евреи проливаютъ челоуѣческую кровь, и это составляетъ одинъ изъ обрядовъ ихъ богослуженія. Значитъ ли, однако, что прежде бывшее составляетъ законъ для настоящаго? Я пойду далѣе. Я скажу, что были когда-то евреи, которые назывались минеями и назореями и которые понимали таинство евхаристіи черезчуръ своеобразно, чтобы не сказать болѣе, смѣшивая, кажется, выраженія: виноградная кровь и челоуѣческая кровь. Ихъ равно ненавидѣли христіане, евреи и язычники. Но послѣдніе смѣшивали минеевъ, съ одной стороны, съ христіанами, а съ другой,—съ евреями. Оттого возникали жестокія гоненія на христіанъ и одновременно на евреевъ. Евреи проклинали минеевъ. Благодаря минеямъ, язычники обвиняли новую вѣру въ умерщвленіи дѣтей и въ употребленіи крови ихъ въ религіозныхъ обрядахъ. Увѣряли, что христіане обсыпаютъ маленькаго ребенка мукой, истыкиваютъ ножами и кровь выпиваютъ,

мясо съѣдаютъ на своихъ тайныхъ ночныхъ сборищахъ, послѣ чего предаются отчаяннымъ глупостямъ. Находились изверги, которые имѣли довольно дерзости, чтобы утверждать, будто они сами были очевидными зрителями совершенія подобнаго рода безчинствъ. Вы же — профессоръ, вы же отлично знаете исторію, вамъ же должно быть извѣстно, что такія обвиненія въ пролитіи дѣтской крови для религіозныхъ цѣлей были взводимы на всѣхъ благочестивыхъ христіанъ первыхъ вѣковъ, и величайшіе христіанскіе авторитеты и писатели, каковы мученикъ Іустинъ, Аѳинагоръ, Тертуліанъ, Оригенъ и мало ли еще другихъ, произносили даже вплоть до V вѣка апологіи въ защиту христіанъ. Но замѣчательно, что когда христіане возобладали, и христіанская религія сдѣлалась господствующей въ римско-византійскихъ земляхъ, то стали обвинять въ пролитіи дѣтской крови нѣкоторую христіанскую же секту. Она называлась монтанисты. Монтанисты будто смѣшивали истекающую изъ несчастнаго малолѣтняго индивидуума кровь съ мукою и приготавливали такимъ образомъ причащеніе. Къ монтанистамъ принадлежалъ самъ Тертуліанъ. А отцы церкви, какъ, на примѣръ, Ириней, Климентъ Александрійскій и знаменитый Эпифаній, развѣ не обличали, что нѣкоторые христіанскіе еретики предаются въ своихъ молебныхъ свальныхъ глупостямъ, умерщвляютъ дѣтей, приправляютъ пряностями и кушаютъ? Такимъ же отвратительнымъ обвиненіямъ подвергали въ средніе вѣка павликіанъ, богомиловъ и альбигойцевъ. Да что ходитъ до среднихъ вѣковъ! Еще не очень давно писали въ газетахъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, что въ Мадридѣ пропалъ испанскій ребенокъ, а какъ въ католической столицѣ не случилось ни одного еврея, то чернь стала кричать, будто дитя украдено французскими массонами, которые приносятъ чело-вѣческія жертвы, приготавливая изъ крови жизненный элексиръ, а изъ жира средство противъ чахотки. Вѣдь были же народныя волненія, и только вмѣшательство военной силы положило конецъ угрожающимъ безпорядкамъ. Кромѣ того, всякій религіозный рационализмъ и всякое чудовищное сектаторство сваливалось въ кучу и ставилось въ связь съ еврействомъ, на томъ лишь основаніи, что ему обязано своимъ возникновеніемъ христіанство. Но это бѣдное еврейство не было повинно ни въ чемъ, кромѣ буквѣдства и нетерпимости. Оно было всегда очень нетерпимо и за малѣйшее уклоненіе отъ обрядности строго наказывало своихъ. Оно истребило садукеевъ, распявшихъ Іисуса Христа и казнившихъ апостола Якова, уничтожило минеевъ или назореевъ и довело до ничтожнаго меньшинства караимовъ. Еврейство могло породить какое угодно сектантство, но еще не было такого сильнаго духа въ чело-вѣческомъ образѣ, который не былъ бы извергнуть всепобѣждающими фарисеями изъ своихъ нѣдръ, за попытку ввести что ни будь новое или возобновить неупотребительное старое! Лично, на

примѣръ, я ожидаю для себя большихъ несчастій, и хотя меня одушевляетъ надежда на побѣду, но все можетъ случиться. Но оставимъ въ сторонѣ этого личнаго вопроса, а сдѣлаемъ выводъ изъ сказанныхъ нами немногихъ, но вѣскихъ словъ. Если бы существовала въ настоящее время еврейская секта, употребляющая христіанскую кровь, для какихъ бы то ни было цѣлей, то евреи первые возстали бы противъ сектаторовъ и сами донесли бы на нихъ, какъ они всегда дѣлаютъ въ борьбѣ съ врагами. Если бы все еврейство безъ исключенія имѣло религіозную нужду въ пролитіи христіанской крови и, разумѣется, всячески скрывало это, то оно не было бы еврействомъ, такъ какъ намъ запрещено вкушать даже телячью кровь. Нигдѣ нѣтъ такого отвращенія къ крови, какъ среди евреевъ. Я вообще раціонально смотрю на вещи. Такъ я скажу, что приказаніе Моисея помазать кровью агнца дверные косяки мнѣ представляется символомъ какихъ-то жестокостей, совершавшихся въ тѣ темныя библейско-историческія времена, при освобожденіи отъ египетскаго ига, тѣмъ болѣе, что сопровождалось избіеніемъ египетскихъ первенцевъ. Просто, евреи возстали, сражались съ угнетателями и истребляли ихъ, какъ бывало и въ римскія времена, когда евреи однажды замучили двѣсти тысячъ римлянъ и грековъ въ сѣверной Африкѣ. Во всякомъ случаѣ, исторія ясно свидѣтельствуетъ, что до XI столѣтія христіанскіе народы не обвиняли евреевъ въ истязаніи и убіеніи дѣтскихъ субъектовъ. Но, во-первыхъ, сектантства не могли допускать сами евреи. А, во-вторыхъ, мгновенно не могло обратиться въ кровопійцу все еврейство. Даже христіанство не сразу сдѣлалось! Высказавъ все, что я хотѣлъ, подведемъ черту подъ слагаемыми. Именно я показалъ связь древне-еврейской людо-жертвенности съ обвиненіями первыхъ христіанъ въ тѣхъ же религіозныхъ преступленіяхъ, отвращеніе евреевъ фарисейскаго направленія ко всякаго рода сектаторамъ. Далѣе я указалъ на наклонность обвинять не рѣдко самими же христіанами свои секты въ религіозномъ кровопролитіи. И, наконецъ, переходъ отъ канибальской евхаристіи, составляемой изъ муки и крови, къ печальнымъ мацотамъ или жидовскимъ опрѣснокамъ тоже намѣченъ мною съ выпуклою рельефностью. Что касается до историческихъ фактовъ, которыми изобилуютъ всѣ враждебныя евреямъ сочиненія, то, конечно, они неопровержимы. Были находимы дѣтскіе трупы, дѣти были умерщвляемы, но вопросъ — кѣмъ и для чего? Легко сжечь на кострѣ триста жидовъ, какъ въ Вѣнѣ, забыть въ которомъ году — слава Богу давно! — вынудить у нихъ пыткой страшныя признанія. Но именно, когда было сожжено триста человѣкъ неповинныхъ жидовъ, черезъ годъ оказалось, что три жертвы сами утонули въ Дунаѣ. Я думаю, то же происходило во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. Чудотворныя мощи поддѣлывались, чтобы эксплуатировать народ-

ную ненависть къ жидамъ и, позволивъ черни разграбить жидовскіе кварталы, набить потуже монастырскую мошну. Нѣтъ, я черзчуръ волнуясь, языкъ мой прилипаетъ къ гортани. Сдѣлайте милость, самага крошечнаго стакана воды, умоляю васъ!

Ему подали воды. Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ, и только что профессоръ хотѣлъ что-то сказать, какъ онъ вскричалъ:

— Позвольте, я еще не кончилъ, и ваши слова еще впереди!— обтеревъ ротъ рукою, онъ продолжалъ тономъ отдохнушаго и успокоившагося оратора:

— Не удивляйтесь, пожалуйста, что я былъ такъ краснорѣчивъ и обнаруживалъ превосходныя и точныя свѣдѣнія. Весь мой тайный секретъ—я долженъ объявлять объ этомъ, какъ честный чловѣкъ— заключался въ томъ, что я подготовился, потому что зналъ отъ Николая Кондратьича, какого рода бесѣда предстоитъ мнѣ. Ну, такъ вотъ! Самыя древнія повѣствованія о религіозныхъ убійствахъ евреевъ находятся у французскихъ хронистовъ конца XII вѣка. Въ Англіи въ царствованіе короля Стефана около Норвика евреи пригвоздили ко кресту мальчика, послѣ чего на могилѣ его совершались многія чудеса. То же самое они будто-бы совершили около Глочестера въ царствованіе Генриха II. Первое гоненіе на евреевъ произошло въ день коронованія Ричарда Львиное Сердце. Въ Блоа графъ Теобальдъ велѣлъ сжечь евреевъ за то, что они около пасхи распяли христіанскаго мальчика; было сожжено сорокъ восемь мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Они умерли, распѣвая религіозныя гимны, чѣмъ возбудили удивленіе христіанъ. Такъ рассказываетъ въ еврейскомъ источникѣ въ сочиненіи Эфрайма изъ Бонны. Пѣсни, которыя составились тогда въ честь еврейскихъ мучениковъ, до сихъ поръ поются въ синагогахъ. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ было сожжено великое множество парижскихъ евреевъ, зарѣзавшихъ будто бы христіанскаго мальчика. Одна графиня продала евреямъ взрослоаго христіанина, которому они связали руки на спинѣ и, надѣвъ на него терновый вѣнецъ, подъ ударами розогъ водили по всему городу, а потомъ публично пригвоздили ко кресту. Этого факта было достаточно, чтобы король Филиппъ-Августъ напалъ на замокъ графини, гдѣ спрятались жидаы, сжегъ всѣхъ живьемъ и завладѣлъ ихъ имуществомъ. Конечно, тѣла убитыхъ христіанъ вездѣ производили чудеса, что и было главнымъ доказательствомъ виновности евреевъ. Надо сознаться, что дорогонько обходилось бѣднымъ еврейчикамъ удовольствіе попить христіанской крови. Евреи наживали въ тѣ времена огромныя богатства, потому что никто не занимался торговлей, кромѣ нихъ, а деньги можно было отдавать въ ростъ за какіе угодно проценты; за сто монетъ рыцари платили триста и четыреста такихъ же монетъ. Евреи считались поэтому величайшимъ богатствомъ владѣтельныхъ особъ. Когда надо было получить что нибудь съ евреевъ, то обыкновенно поя-

влялся мертвый трупикиъ. Давъ евреевъ потрепать народу и чиновникамъ, правительства сдирали съ нихъ послѣднія кожи за прекращеніе противоеврейскихъ безпорядковъ и за привилегіи, которыя состояли, напимѣръ, въ томъ, что позволялось жидамъ взыскивать свои долги. Если же евреи утаивали сокровища, то самыхъ богатыхъ изъ нихъ подвергали арестамъ и вырывали у нихъ зубы... Ой, ой, ой! Ве! Вы постигаете этого страшнаго пытку! Третьяго дня сожгли на кострѣ вашего папашу съ сѣдой бородой, опозорили младшую сестру, вчера утопили въ рѣкѣ вашу бабушку, разсѣкли на части передъ вашими плачущими взорами вашего первенца, сегодня лишили васъ лучшихъ друзей вашихъ, бросили въ помойную яму ваши книги и, наконецъ, когда вы, обезумѣвъ отъ горя, желаете все-таки спасти вашего имущества и молчите о томъ, гдѣ спрятаны ваши деньги и драгоценныя брилліанты, васъ подвергаютъ зубо-врачебнымъ страданьямъ. Очень рѣдко поступали съ евреями откровенно. Большею частью къ грабительству присовокупляли какую нибудь обидную клевету, чтобы былъ предлогъ и оправданіе грабежа. Филиппъ-Августъ, взойдя пятнадцати лѣтъ на престолъ, сейчасъ же предался еврейскому погрому въ Парижѣ, такъ какъ слышалъ отъ мальчиковъ, съ которыми былъ воспитанъ, что евреи ежегодно крадутъ христіанскаго дитя и умерщвляютъ его въ погребѣ для посрамленія вѣры Христовой. Маленькій король напалъ на евреевъ въ субботу, когда они были въ синагогѣ, и ограбилъ все ихъ имущество. Напрасно папа Григорій IX возставалъ противъ безсмысленныхъ клеветъ на евреевъ, будто они распинаютъ христіанское дитя для поруганія надъ Спасителемъ. Всеобщая ненависть къ евреямъ и увѣренность, что они дѣйствительно проливаютъ христіанскую кровь, возгорѣлась послѣ испанскихъ преслѣдованій, гдѣ сами епископы открыто проповѣдывали, что евреи въ пасху употребляютъ христіанскую кровь. Самое ужасное дѣло разыгралось въ Тридентѣ: какой-то крещеный еврей показалъ передъ судомъ, что въ четвертый день страстной недѣли пекутся пасхальные опрѣсноки съ христіанской кровью, и что въ пятый и шестой день евреи пьютъ кровь, смѣшанную предварительно съ виномъ. А такъ какъ еврей нашелъ возлѣ своего дома на берегу рѣки Эчъ мальчишескій трупъ и далъ о томъ знать предержавшимъ властямъ, то началось подозрѣніе на евреевъ. Монахи стали возбуждать народъ, младенца объявили святымъ, и до сихъ поръ день святаго Симонина празднуется въ Тридентѣ съ большимъ торжествомъ 24 марта. Между тѣмъ, есть указаніе въ еврейскомъ источникѣ, къ которому надо же имѣть какое нибудь довѣріе, что ребенка убилъ самъ тридентскій епископъ. Даже папа Сикстъ IV возсталъ противъ клеветы и назвалъ всю эту тридентскую исторію недостойной интригой. Но что дѣти! Въ средніе вѣка мучили, варили въ смолѣ и сжигали евреевъ за то, что они, протыкая католическія облатки или такъ

называемыя гости, извлекали изъ нихъ въ обильномъ количествѣ кровь; гости, изображающая Иисуса Христа, распиналась евреями! Вдругъ въ еврейскомъ кварталѣ случайно были находимы гости, обрызганныя кровью и разбросанныя по землѣ. Народъ страшно возбуждался. Въ 1370 году всѣ евреи были изгнаны изъ Брабанта, а имущество ихъ конфисковано за то, что еврейскіе старшины будто бы похитили гости изъ церкви. Самыхъ богатыхъ евреевъ страшно пытали, рвали имъ тѣла раскаленными щипцами, и затѣмъ они были сожжены живыми. Ужасно сказать, что эти нелѣпныя заблужденія о маленькихъ облаткахъ, истекающихъ кровью, были увѣковѣчиваемы въ назиданіе потомству въ огромныхъ и роскошныхъ картинахъ, и, кромѣ того, они праздновались! Последнее такое празднество было въ 1820 году и продолжалось цѣлыхъ восемь дней. Именно это было въ Брюсселѣ, въ городѣ, находящемся въ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ европейскихъ странъ. При этомъ шестнадцать брильянтами украшенныхъ гостей носили въ процессіи по пышно убраннымъ улицамъ. Народъ веселился, устраивались концерты, пылали иллюминаціи, шипѣли фейерверки. Когда въ 1870 году опять были сдѣланы всѣ приготовленія къ празднованію, то папа Пій IX счелъ нужнымъ запретить... Немножко стыдно стало. А въ Познани за то же самое странное преступленіе при королѣ Владиславѣ V дряхлый раввинъ и тринадцать знатнѣйшихъ представителей еврейской общины были приговорены къ смерти на кострѣ; ихъ привязали совершенно голыхъ къ столбамъ и сначала напустили разъяренныхъ собакъ... Ихъ грызли собаками... Подумайте! Ахъ, краснѣешь за людей, удивляешься ихъ безсердечной бездушности, я плачу!

Онъ закрылъ лицо руками. Всѣ молчали. Но вдругъ Бовтунъ кашлянулъ и, выступивъ впередъ, началъ:

— Какъ же не жечь ихъ, позвольте замѣтить, и раввины ихъ подлинно знаютъ таинство крови. Имъ христіанская кровь нужна, съ позволенія сказать, если жидовка родить. А главное, для симпатическаго средства — иначе израиль истребится. Его званія не останется на землѣ. Мнѣ одинъ монахъ изъ евреевъ клялся и божился. Онъ мнѣ и таинство крови объяснилъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. Евреи черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ распятія Спасителя, увидѣвъ, что вѣра христіанская сильно распространяется, въ ужасѣ обратились къ старѣйшему іерусалимскому раввину Равомэ, что имъ дѣлать. Раввинъ Равомэ сейчасъ порылся въ книгахъ—геръ-геръ, геръ-геръ!—и нашелъ въ одной изъ нихъ, которая называется «рамбамъ» такія слова, что всякая зловредная вещь можетъ быть уничтожена не иначе, какъ черезъ симпатическое приложеніе другой вещи того же рода. А именно, на томъ мѣстѣ въ іерусалимскомъ храмѣ, гдѣ былъ убитъ пророкъ Захарія, кровь его кипѣла и ничѣмъ не могла быть стерта. Князь Напузарданъ

изумленъ былъ такимъ явленіемъ и спросилъ, отчего кипить кровь. Первосвященники отвѣчали, что то была кровь закланныхъ животныхъ. Тутъ, по приказанію князя, умертвили животныхъ; но кровь ихъ никакого кипѣнія не произвела. Тогда первосвященники признались, что они убили пророка Захарію. Напузарданъ очень разсердился и, чтобъ отомстить іудеямъ за смерть своего любимаго пророка, велѣлъ рѣзать еврейскихъ младенцевъ, пока не утолится кипящая кровь. Дѣйствительно, когда многое множество жиденятъ были принесены въ жертву, кипяченіе крови прекратилось, и самая кровь стерта. Отсюда раввинъ Равомэ вывелъ, что если тайно убивать невинныхъ христіанскихъ младенцевъ, то можно спастись отъ окончательной гибели, какъ имъ было предсказано въ книгѣ числъ, гдѣ прямо говорится, что «израиль не ляжетъ, пока не съѣстъ добычи и не напьется крови убитыхъ». Это другое основаніе, почему евреи пьютъ христіанскую кровь. А третье основаніе въ томъ, что, если христіане ѣдятъ свиней, которыя суть не что иное, какъ израильтяне, то почему же израильтянамъ не кушать крови христіанскихъ младенцевъ? Поэтому, когда у евреевъ бываетъ пуримъ, и они пекутъ треугольные пряники, то кладутъ въ нихъ нѣсколько, капель христіанской крови вмѣсто крови Амана; а въ день свадьбы новобрачнымъ раввинъ даетъ печеное яйцо съ каплей христіанской крови и читаетъ имъ молитву, какъ обманывать христіанъ и питаться ихъ трудами. Объ этомъ было напечатано также въ знаменитой газетѣ «Гражданинъ». Я самъ читалъ. А въ Талмудѣ вашемъ, — побѣдоносно обратился Бовтунъ къ Тарновицу, который едва сидѣлъ на мѣстѣ, порываясь вскочить:—развѣ не сказано: «гандома целихинъ дома акумка шельма цвей?»

Взрывомъ хохота были встрѣчены слова Бовтуна. Не засмѣялся только профессоръ.

Тарновицъ, который сначала намѣревался разгромить Бовтуна, видя, что надъ нимъ смѣются, презрительно пожалъ плечами и произнесъ:

— «Гандома» ничего не значить. «Целихинъ» слова такого нѣтъ, а есть «церихинъ» — означаетъ: имъ нужно. «Дома» значить не всѣ дома, а на самомъ дѣлѣ «демей» — означаетъ кровь. «Акумка» — акумъ, язычникъ. Не довольно ли одной шельмы? зачѣмъ двѣ? Не «шельма цвей», а «шельмицвотъ» — заповѣдей. А впрочемъ все вмѣстѣ не представляетъ никакого опредѣленнаго смысла, и есть наборъ еврейскихъ звуковъ. Еще имѣйте въ виду, что нѣтъ книги «рамбамъ», а это сокращенное имя знаменитаго еврейскаго ученаго и философа XII вѣка Маймонида. Его великое произведеніе Мишнатора или Ядъ-га Хазака издано русскимъ правительствомъ въ пяти томахъ на нѣмецкомъ языкѣ около 1850 года. Къ вашимъ услугамъ таинственная книга «рамбамъ». Что касается до раввина Равомэ, то, по всей вѣроятности, какъ можно догадаться, тутъ опечатка.

Невѣжественный авторъ написалъ Равомѣ вмѣсто раббъ Аши, невѣжественный наборщикъ набралъ Равомэ, корректоръ не поправилъ: онъ тоже былъ невѣжественъ, и получилось то, что мы всё слышали. Господинъ Бовтунъ, этотъ Равомэ или раббъ Аши не могъ читать книгу «рамбамъ», потому что жилъ за 700 лѣтъ до Маймонида. Мнѣ кажется, я съ вами кончилъ. Если вы того мнѣнія, что евреи пьютъ христіанскую кровь, то сдѣлайте вашего одолженія! Но впередъ опасайтесь меня: какъ бы вы, встрѣчаясь со мною, не сдѣлались малокровнымъ!

Опять всё разсмѣялись. Бовтунъ не смутился и вступилъ въ пререканіе. Но возраженія его были такъ явно нелѣпы, что Кондратій Захаровичъ возвысилъ голосъ и велѣлъ ему замолчать и не вмѣшиваться. Тарновицъ поднялся съ мѣста и ринулся было къ Кондратию Захаровичу представляться и благодарить; но тотъ махнулъ рукой. «Сидите, сидите! Послѣ я на васъ посмотрю!»

XLII.

— Вовсе не для того, чтобы спорить во что бы то ни стало и отстаивать мнѣніе, справедливость котораго можетъ оказаться совершенно мнимой, хочу я сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу сказаннаго всего вами, господинъ Тарновицъ,—началь профессоръ.—Рядомъ съ фактами и логическими доводами въ вашихъ рѣчахъ есть еще что-то восторженное, такъ сказать, лирическая часть, мѣшающая спокойному и объективному отношенію къ занимающему насъ вопросу. Удалимся совершенно отъ лирическихъ порывовъ, постараемся быть точными, строгими и лучше скучными и сухими, чѣмъ поэтическими, фантастическими и сантиментальными. По поводу тенденціи римлянъ обвинять христіанъ въ употребленіи челоувѣческой крови для религіозныхъ цѣлей, а также стремленія христіанскихъ вѣроучителей обвинять въ томъ же нѣкоторыхъ христіанскихъ сектантовъ и еретиковъ и по поводу многовѣкового убѣжденія христіанскихъ народовъ, что евреи проливаютъ челоувѣческую кровь передъ своей пасхой или на пасху, я думаю, что возможно или совсѣмъ огульно отрицать все это религіозное каибальство и обвиненія въ жертвоприношеніи дѣтей или въ религіозномъ ихъ истязаніи отнести къ плодамъ фантазіи полудикой черни, которая, какъ утверждаетъ одинъ изъ вашихъ авторитетовъ, Хвольсонъ, всегда склонна видѣть одно преступное и дурное въ религіяхъ, исповѣдуемыхъ меньшинствомъ; или же надо допустить, что въ той или другой формѣ, для тѣхъ или другихъ цѣлей, преступленія подобнаго рода совершались какъ въ старину, такъ и въ средніе вѣка, а отчасти совершаются и теперь. Тутъ не можетъ быть двухъ гипотезъ: одна исключаетъ другую. Разберемъ пер-

вую изъ нихъ. Если бы законъ нетерпимости, открытый г. Хвольсономъ, былъ вѣренъ, то относительно какихъ нибудь караимовъ, которыхъ всего горсточка, ходили бы еще болѣе нелѣпыя басни. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ; караимы пользуются полнымъ уваженіемъ русскихъ людей и не подвергаются никакимъ религіознымъ гоненіямъ. Я могъ бы указать вамъ на множество другихъ сектъ, не вызывавшихъ и не вызывающихъ противъ себя обвиненій въ канибальствѣ. Съ другой стороны, вы сами да и всѣ писатели единогласно свидѣтельствуютъ, что секта минеевъ, представлявшая собою соединеніе еврейства и христіанства, предавалась не только кровосмѣсительнымъ преступленіямъ, но и повинна была въ религіозныхъ убійствахъ. Далѣе. Несомнѣнно, великъ былъ полемическій пылъ отцовъ церкви, защищавшихъ свои паствы отъ вторженія еретическихъ волковъ. Навѣрно, были съ обѣихъ сторонъ преувеличенія. Но какъ не могли бы обвинять язычники христіанъ въ религіозномъ канибальствѣ, если бы не было минеевъ, такъ не стали бы ни Епифаній, ни Климентъ Александрійскій, ни Иринея, громя сектаторовъ, говорить, что это канибалы, пьющіе и ѣдящіе своихъ младенцевъ, если бы, въ самомъ дѣлѣ, не было и въ то время такихъ изувѣровъ, какъ нѣкоторые наши раскольники, хотя бы, на примѣръ, спасовцы... Вы помните подробности о мужикѣ, который зарѣзалъ своего сына изъ благочестиваго желанія этой жертвой спасти его и свою душу? Конечно, важнымъ аргументомъ представляется молчаніе о религіозныхъ жестокостяхъ евреевъ, начиная со временъ Апіона и до XI столѣтія включительно. Но, во-первыхъ, это объясняется тѣмъ, что до XI столѣтія евреи еще не распространялись въ Европѣ. Повѣрьте, что если я не возмущаюсь, подобно вамъ, представляя себѣ расправу христіанъ съ евреями, подозрѣваемыми въ дѣтоубійствахъ, то потому только, что такое взволнованное состояніе души приводило бы къ затемненію вопроса и было бы бесполезно во всякомъ случаѣ. Оно неумѣстно. Прошли вѣка и отдалили насъ безповоротнo отъ тѣхъ людей. Мы не имѣемъ съ ними почти ничего общаго. Что вы сказали бы о натуралистѣ, который, при видѣ антилопы, раздираемой львомъ, сталъ бы сердиться и произносить противъ него филиппики? А если бы натуралистъ возмущился свирѣпостью льва, только прочитавъ о его подвигахъ въ какомъ нибудь курсѣ естественной исторіи? Историкъ не злится, историкъ никого не обвиняетъ, онъ все прощаетъ и только старается все понять и объяснить. Я знаю, что хронисты, повѣствующіе о казняхъ, совершавшихся надъ жидами за погубленныхъ ими дѣтей, безусловно вѣрятъ въ ихъ преступность. Читалъ я также, что въ еврейскихъ источникахъ каждый подобный историческій фактъ подробно объясняется. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на примѣръ, въ тридентскомъ дѣлѣ, еврейскій апологетъ набрасываетъ тѣнь даже на самого епископа. Гораздо больше

я склоненъ думать, что даже евреи средневѣковые не истязали дѣтей для религиозныхъ цѣлей. Мнѣ хотѣлось бы, однако, не сомнѣваться въ томъ ни на одну минуту. Но, какъ ученый, я долженъ признаться, что кое-что не совсѣмъ ясно въ этомъ запутанномъ вопросѣ. Вспоминаю многихъ папъ и королей, защищавшихъ евреевъ, но исторія знаетъ, что они поступали такъ не изъ гуманности, не изъ внутренняго убѣжденія въ невинности евреевъ, а за деньги. На это указываетъ самъ г. Хвольсонъ. Почтеннѣйшіе выкресты, достигавшіе высокихъ степеней на лѣстницѣ церковной іерархіи или же становившіеся учеными, профессорами и докторами, старались пользоваться своимъ авторитетомъ къ выгодѣ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Такъ же точно поступаетъ и г. Хвольсонъ. Крайне благородно, но это не научный пріемъ. Наука выше гуманности. Впрочемъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда крещеные евреи дѣлали какія нибудь разоблаченія относительно своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, ихъ осыпали бранью, ихъ гнали и надъ ними продолжаютъ насмѣхаться по сей день всѣ мало-мальски грамотные евреи. Стоитъ упомянуть о какомъ нибудь еврейскомъ обличителѣ, въ родѣ Эйзенменгера, авторитетъ котораго, какъ переводчика, неоспоримъ, какъ изъ темныхъ архивныхъ угловъ вытаскиваются показанія полуграмотныхъ выкрестовъ, и въ шумѣ насмѣшекъ надъ ними теряется и остается безъ отвѣта солидный голосъ. Опять-таки я дѣлаю общее замѣчаніе, не отношу къ вамъ... Наша беседа не претендуетъ на публичность и особую авторитетность, мы толкуемъ между собой. Къ тому же, вы, не смотря на свою лиричность, отличаетесь желаніемъ быть безпристрастнымъ. Еврейскіе апологеты много проигрываютъ оттого, что не относятся къ своимъ противникамъ съ уваженіемъ. Не внушаетъ довѣрія, когда въ книгѣ, посвященной основательному выясненію какого нибудь вопроса, противники съ перваго же слова называются дураками, невѣждами, плутами, мошенниками, шарлатанами. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ извѣстное время совершались чудеса: прозрѣвали слѣпые и начинали ходить хромые, нельзя усматривать непременно шарлатанство. Николай Кондратьичъ заявлялъ намъ, что онъ мистикъ, но все же онъ скажетъ, что современная наука можетъ доказать объективность многихъ чудесъ, о которыхъ повѣствуютъ средне-вѣковыя хроники. Чудеса совершались не только шарлатанствомъ, но и вѣрою. Чудомъ называется то, чего нельзя объяснить въ данную минуту или чего не понимаетъ неразвитой умъ. Евреи выставляются всегда жертвами невѣжества, но и евреи не далеко уходили отъ христіанъ въ средніе вѣка. Почему непременно воображать ихъ развитыми и стоящими на высотѣ научной мысли, а современныхъ имъ христіанъ—чуть не идиотами? Развѣ евреи не занимались такой же чепухой, какъ и христіане? И не они ли были главными учите-

лями чепухи, которая называлась кабалистикой? Христианские бароны проливали же, въ качествѣ кабалистовъ, кровь невинныхъ дѣтей и подвергались за это казнямъ? Почему евреи въ средніе вѣка были свободны отъ тѣхъ же преступленій, внушаемыхъ кабалистическимъ суевѣріемъ? Народъ, конечно, по-своему объяснялъ происхождение дѣтскихъ труповъ... Все это гипотезы и предположенія только; но когда есть пустота, она можетъ быть заполнена только предположеніями. Нельзя объяснять фактовъ всѣхъ до одного только изувѣрствомъ христіанъ. Люди мѣняются, мѣняются ихъ нравы и взгляды. Живи мы триста лѣтъ назадъ, самая мысль о невозможности истеченія крови изъ проколотой гостіи (предположимъ, что мы католики) показалась бы намъ преступной, и мы бы сами предали въ руки правосудія еврея, который укралъ бы гостію для герметическихъ упражненій надъ нею. Теперь такой еврей, съ похищенной гостіей въ рукахъ, показался бы намъ жалкимъ безумцемъ, и, разумѣется, намъ не пришло бы даже въ голову тянуть его въ судъ и доносить на него. Этотъ субъективный методъ въ исторіи хорошъ только для публицистическихъ цѣлей—тамъ, гдѣ наука играетъ служебную роль и разсматривается только, какъ орудіе. Такимъ субъективнымъ историкомъ былъ и Апіонъ, о которомъ вы упомянули; онъ много причинилъ вреда евреямъ во времена первыхъ римскихъ императоровъ. Но точно также вредятъ себѣ сами евреи, умышленно замалчивая неблагопріятные евреямъ факты, давая свѣтлымъ фактамъ чрезчуръ яркое освѣщеніе и прибѣгая къ недостойнымъ приемамъ полемики съ противниками. Я еще намѣренъ сдѣлать замѣчаніе. Если среди евреевъ нѣтъ секты, проливающей человѣческую кровь для религиозныхъ цѣлей, и если въ самомъ дѣлѣ еврейство не потерпѣло бы въ нѣдрахъ своихъ такой секты, то не коренилось ли древнее убѣжденіе, будто евреи истязаютъ дѣтей и даже взрослыхъ на пасху или передъ пасхой, въ публичномъ разоблаченіи какого нибудь одного факта, показавшагося христіанамъ типичнымъ для всѣхъ остальныхъ, хотя эти остальные были, большею частью, мнимыми? У евреевъ прежде былъ обычай, котораго не отрицаютъ еврейскіе писатели, распинать восковую куклу въ память о счастливой для еврейскаго народа гибели царедворца Амана. Нѣтъ такихъ обрядовъ или обычаевъ, которые бы не совершали стадій такъ называемой исторіи развитія. Мы чокаемся, когда пьемъ вино. Откуда этотъ обычай? Въ старину люди, собираясь на совмѣстное пиршество и подозрѣвая другъ друга въ коварствѣ и опасаясь отравы, обмѣнивались чашами. Потомъ, съ увеличеніемъ взаимнаго довѣрія, стали только чокаются. Звонъ заздравныхъ чашъ сдѣлался символомъ обмѣна чашъ. Распинаніе Амана могло ревностными іудеями совершаться сначала надъ людьми. Это было исключительное явленіе, конечно, и на роль Амана обречался или общественный преступникъ, или

же провинившійся рабъ, такъ какъ евреи въ первые вѣка владѣли рабами, наравнѣ съ прочими гражданами, и только впослѣдствіи,— исторія не знаетъ за что,— у нихъ было отнято право располагать жизнью рабовъ. Мученикъ Евстратій, мощи котораго почиваютъ въ кіевскихъ пещерахъ, былъ погубленъ такимъ именно образомъ. Не спору, что это должно было возмущать самихъ же евреевъ и, кромѣ того, внушать имъ различнаго рода опасенія. Кукла совершенно вытѣснила кровавый обрядъ. Аналогичный этому обычай существовалъ, да существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ въ католическомъ мірѣ: по улицамъ таскаютъ чучело Іуды Искаріотскаго. Христіане долгое время терпѣли публичное исполненіе евреями крестной казни Амана. Можетъ быть, это раздражало ихъ, и навѣрно раздражало, потому что напоминало имъ крестную смерть Іисуса Христа, и евреи, отличающіеся въ счастливыя для нихъ времена самоувѣренностью и дерзостью, сами вызывали христіанъ на непріятныя для нихъ сравненія своими замѣчаніями и шутками, тѣмъ болѣе, что празднество сопровождалось и сопровождается разрѣшеніемъ евреямъ напиваться до того, чтобы не считать десяти пальцевъ на рукахъ.

Когда народное негодованіе едва сдерживалось, достаточно было даже слуха о распятомъ, вмѣсто куклы, ребенкѣ, чтобы взволновать противъ евреевъ тѣ города, гдѣ ихъ особенно было много, и гдѣ христіанамъ отъ нихъ буквально не было житья. Объ этомъ говоритъ самъ г. Хвольсонъ, приписывая такое экономическое угнетеніе христіанъ «торговому генію» евреевъ. Впрочемъ, объ экономической матеріи я не буду говорить—не моя специальность, я только упомянулъ мимоходомъ. Изъ своихъ личныхъ наблюденій приведу одну иллюстрацію. Въ томъ городѣ, гдѣ я выросъ, жило много евреевъ. Къ намъ во дворъ часто приходилъ просить милостыни отставной солдатъ; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «гамана». Иногда онъ плакалъ, считая себя погибшимъ окончательно человѣкомъ. И прислуга, и мы, и всѣ рѣшительно въ городѣ знали, что этотъ нищій солдатъ нанимался евреями на роль «гамана»; его колотили по выходѣ изъ синагоги или въ самой синагогѣ—я не помню уже—въ день пурима, связывали, плевали на него и вообще всячески издѣвались. За это онъ получалъ пятьдесятъ рублей и ждалъ пурима съ замираніемъ сердца, какъ доходной статьи, на него онъ возлагалъ всѣ надежды и послѣ пурима становился похожъ на человѣка, т.-е. ходилъ въ новыхъ сапогахъ мѣсяца полтора и страшно пьянствовалъ. Обычай нанимать Амана распроstrаненъ на югѣ. Можетъ быть, въ послѣднее время и онъ выводится изъ употребленія, но до сихъ поръ кличку «гамана» носить обыкновенно какойнибудь лядящій мужиченко, и всѣ въ деревнѣ его презираютъ, такъ какъ, несомнѣнно, это въ глазахъ самыхъ неразвитыхъ людей должно быть признакомъ глубокаго

нравственнаго паденія—наняться въ гаманы. Такъ, если въ наше время пуримъ требуетъ живыхъ символовъ Амана, то почему же евреи и въ средніе вѣка не прибѣгли хоть изрѣдка къ тому же? А такъ какъ взрослые люди были болтливы, то евреи—я ограничиваю случаи и причисляю ихъ къ исключительнымъ—брали дѣтей, покупали, нанимали и проч., или въ крайнемъ случаѣ похищали. Почти навѣрно, что большинство евреевъ старалось искоренять опасный для еврейства обычай, и онъ дѣйствительно былъ искорененъ общими усиліями еврейскихъ общинъ и христіанскихъ властей. Повторяю, это—предположеніе, такъ какъ факты вопіютъ, и ихъ надо объяснить.

— Позвольте мнѣ еще, пожалуйста, такого же маленькаго стаканчика воды!—болѣзненнымъ голосомъ произнесъ Тарновицъ и, залпомъ выпивъ воду, началъ:

— Меньше всего я защищаю полемическія выходки еврейскихъ авторитетовъ, такъ какъ намѣренъ самъ чрезвычайно сильно страдать. Шарлатанъ—особенно распространенное слово на нашемъ языкѣ. Отъ него можно было бы воздержаться. Но самые объективные ученые суть люди, а когда ученаго обвиняютъ въ кроводѣвнн, то, кажется, можно съ ума сойти и бросить нѣсколько эпитетовъ по адресу назойливаго противника. Эйзенменгеръ, конечно, не былъ совершенно необразованнымъ человѣкомъ, какъ опредѣляетъ его профессоръ Хвольсонъ. Напротивъ, онъ былъ профессоромъ еврейскаго и халдейскаго языковъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ и всю жизнь еще имѣлъ сношенія съ еврейскими авторитетами и, можетъ быть, первоклассными талмудистами, отъ которыхъ вывѣдывалъ тайны массоры, то-есть дипломатическаго устнаго толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ текстовъ, гдѣ на поляхъ стоятъ условные знаки. Его сближали даже и съ содомъ—самой тайной раввинистическаой наукой, въ которой, однако, нѣтъ ничего гнуснаго и преступнаго. Онъ увѣрялъ, что будетъ принимать іудейство, а потомъ написалъ книгу, до сихъ поръ питающую перья жидовскихъ обличителей, въ родѣ Лютостанскаго и Мордвинова. Эйзенменгеръ привелъ уничтожающіе тексты изъ талмуда. Какъ это дѣлается, возьмемъ живой примѣръ. Мы сейчасъ слышали, что сказано, что Израиль не ляжетъ, пока не съѣстъ добычи и не напьется крови убитыхъ. Что-жъ, такое изреченіе есть въ «книгѣ числъ»? Но, во-первыхъ, вмѣсто Израиль, сказано левъ, и этотъ страшный звѣрь былъ въ родѣ еврейскаго герба, какъ у русскихъ двуглавый орелъ. Ну, хорошо, левъ. Но, во-вторыхъ, это сравненіе. Напьется крови убитыхъ все равно, что сразится побѣдоносно. Такъ выхватывалъ тексты и Эйзенменгеръ. Богъ мой, я ужъ сказалъ вамъ, что я не считаю талмудъ святыми книгами; увы! есть тамъ пышные и благоуханные цвѣты, и есть плѣсень, возросшая на гниломъ болотѣ. Но нѣтъ непосредственнаго распо-

ряженія пить христіанскую кровь. За это ручаюсь. Эйзенменгеръ не шарлатанъ, но односторонній ученый, который составилъ обвинительный актъ и забылъ, что слѣдовало бы для безпристрастія хоть отчасти защищать еврейство, которое не можетъ быть совѣмъ паскуднымъ, если изъ него вышло христіанство. Соглашайтесь сами! А какъ же было возражать разнымъ другимъ клеветникамъ, которые не были не только профессорами, но даже не имѣли ученыхъ степеней, и показанія которыхъ облечены въ безграмотную форму? Горечь закипаетъ на днѣ души! Не такъ давно картинка, приложенная къ еврейской книгѣ: «Хагадасель-Пессахъ», и изображающая фараона, купающагося въ крови еврейскихъ дѣтей, была принята въ одномъ серьезномъ журналѣ за свидѣтельство въ пользу того, что евреи на пасху не могутъ обойтись безъ дѣтогубства. Остается въ такихъ случаяхъ слабо улыбнуться и посмотреть сверху внизъ, пихнувъ носкомъ ноги въ самое темя заблуждающагося, чтобъ помнилъ. Недосказанность! неясность! запутанность! темна вода во облацѣхъ! Отчего же мнѣ не позволять себѣ лирической полетъ? Я пользуюсь тѣми средствами, какія дрожать въ моей душѣ. Я щиплю чувствительную струну, потому что мнѣ мало логическаго убѣжденія. Касательно вашихъ, господинъ профессоръ, поражающихъ предположеній о живомъ Аманѣ я могу, однако, отвѣчать и фактами. Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что въ праздникъ пуримъ древніе евреи пригвождали ко кресту восковую куклу и издѣвались надъ нею. Пуримъ бываетъ въ четырнадцатый день еврейскаго мѣсяца адара, или марта, за четыре недѣли до пасхи. Затѣмъ, я могу сообщать, что тогда въ синагогѣ два раза публично читается книга Эсѣиръ. Очень большой гвалтъ поднимается среди евреевъ при имени Амана; всѣ страшно топчутъ ногами, стучать и плюются. Да, я не могу лгать, я видѣлъ разъ самъ, какъ мальчишки напали на стараго русскаго нищаго и стали швырять въ него грязью и кричать: «Аманъ! Аманъ!». Ну, такъ что же? Мальчишекъ поколотили старые жидаы и поступили благоразумно. Но можно ли основывать на такихъ невинныхъ пустякахъ кровавое обвиненіе? Ничуть. Что вы намѣрены мнѣ возражать?—живо спросилъ онъ.

— Я намѣренъ вамъ предложить папиросу. Покурите. Табакъ свѣжій и хорошій.

— Ой! Благодарю васъ!

Тарновицъ закурилъ папироску, а профессоръ сказалъ:

— Въ вопросѣ объ Аманѣ вы сплошали. Я полагаю, что Аманъ надолго останется слабымъ пунктомъ во всѣхъ подобнаго рода диспутахъ. Затѣмъ, я долженъ замѣтить, что вообще въ религіозной исторіи еврейства младенецъ играетъ слишкомъ часто искупительную роль. То устанавливается обрѣзаніе, то избиваются египетскіе первенцы, то Иродъ истребляетъ крошечныхъ дѣтей мужескаго

пола, то фараонъ купается въ крови дѣтей, и такая назидательная картинка прикладывается къ молитвеннику, то восковой ребенокъ замѣняетъ Амана, и его распинаютъ, а потомъ сжигаютъ... Есть что-то противное во всемъ этомъ... Вотъ видите, и я впадаю въ лиризмъ и покидаю объективную точку зрѣнія. А злопамятность по отношенію къ Аману, который жилъ за пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова? Стучать ногами и плевать!.. Пора бы простить!

— А развѣ нѣтъ у христіанъ обычая изрекать анаѣму именно передъ ихъ пасхой разнымъ господамъ, которые, можетъ быть, были даже хорошими вѣрующими и въ настоящее время сидятъ себѣ въ раю и кушаютъ яблоки?—насмѣшливо спросилъ молодой талмудистъ.

Кондратій Захарычъ, молчавшій до тѣхъ поръ, вдругъ закричалъ, страшно топнувъ ногой:

— Пошелъ прочь, жиденокъ!

Тарновицъ прыгнулъ съ крыльца и, весь трясясь отъ внезапнаго оскорбленія, быстро захромалъ по двору. Николай Кондратычъ бросился за нимъ.

Скоро они исчезли изъ виду. Во флигелѣ Николая засвѣтился огонь. Мертвая тишина царила на крыльцѣ и во дворѣ.

XLIII.

Николай провелъ весь день на охотѣ. Когда онъ возвращался поздно вечеромъ, онъ увидѣлъ возлѣ Юрьевой могилы сестру.

— Николай!—окликнула она брата.

Онъ подошелъ къ ней и поздоровался.

— Скажи, пожалуйста, начала она, дотрогиваясь до убитыхъ птицъ, болтавшихся на его ягдташѣ, между тѣмъ какъ Вымпель ласкался къ ней и лизалъ ея руку:— что у тебя за отношенія съ Тарновицомъ?

— Какъ грубо и варварски поступилъ съ нимъ вчера отецъ!—сказалъ Николай.

— Отца обидѣлъ его смѣхъ и нахальство.

— Стало досадно, что простой жидокъ разбилъ профессора!

— Нисколько не разбилъ. Вопросъ остается такимъ же неяснымъ... Но развѣ ты самъ не бываешь грубъ?

Николай горячо произнесъ:

— Меня больше всего возмущаютъ ограниченные люди, у которыхъ за душой нѣтъ никакихъ вѣрованій, и религіозную правду замѣняетъ научная! Леля, только религія даетъ удовлетвореніе!

— Ты часто распространяешься о религіи,—начала Елена. — Но я что-то не вижу доказательствъ твоей религіозности. За все лѣто ты еще ни разу не былъ въ церкви.

— Какое-жъ мнѣ дѣло до церкви?!

— Тогда что же ты подразумѣваешь подъ религіей?

— Долго рассказывать, Елена. Въ основу своихъ религіозныхъ воззрѣній я кладу библію, и я хотѣлъ бы слянія христіанства съ еврействомъ. Ты спрашиваешь, какія у меня отношенія съ Тарновицомъ. До встрѣчи съ нимъ я еще колебался. Но когда я разговорился съ нимъ, оказалось, что у насъ одинаковые взгляды. Впрочемъ, онъ стоитъ за обрядность по еврейскому ритуалу, хотя не считаетъ ее обязательной. Мы признаемъ съ нимъ право каждаго толковать слово Божіе. Вѣдь и святые пророки толковали ученіе Моисеево согласно съ требованіями ихъ времени. Вѣдь и Христосъ далъ новое освѣщеніе библіи. Постоянно самыя завзятые націоналисты и заскоруждые славянофилы проговариваются о грядущемъ братствѣ народовъ. Вотъ мы стоимъ за это братство. Всѣ народы и всѣ люди братья, и современемъ сольются въ одно цѣлое. Мы противъ нетерпимости и фанатизма. Что касается до личной жизни, то основа ея трудъ, и мы должны стремиться къ уничтоженію торговли, поставивъ на ея мѣсто простой обмѣнъ продуктовъ. Чтобы не было купцовъ и ростовщиковъ, потребность въ деньгахъ должна быть доведена до минимума. Точно также къ разврату и распущенности относятся спиртные напитки и ихъ продажа. Брачнаго церемоніала мы не признаемъ. Слѣдуетъ жениться и выходить замужъ по одному сердечному влеченію. То же самое и разводъ. Величіе Божіе не нуждается въ великолѣпныхъ храмахъ и золотыхъ алтаряхъ. Въ дни отдыха, называемые праздниками, слѣдуетъ собираться и читать что нибудь назидательное и возвышающее душу...

— Послушай, Николай,—со страхомъ сказала Елена:—то, что я думала о тебѣ, значить, справедливо: ты социніанецъ жидовскаго толка.

— Кличка ничего не выражаетъ. Я не примазывался къ социніанству, о которомъ имѣю смутное представленіе и даже, вѣрнѣе, никакого. Я только пришелъ къ заключенію, что нельзя жить во враждѣ и ненависти.

Профессоръ, зная, что Елена у Юрѣвой могилы, отправился на встрѣчу къ невѣстѣ, чтобы съ ней прогуляться по степи, пользуясь теплой лунной ночью.

— Тарновицъ, оказывается, считаетъ себя обиженнымъ!—вскричала Елена, обращаясь къ профессору.

— Здравствуйте, Николай Кондратьичъ! Конечно, онъ обиженъ. И жаль, что я лично не могъ выразить ему мое соболзнованіе. Если вы встрѣтитесь съ нимъ, Николай Кондратьевичъ, то передайте, что я былъ огорченъ горячностью Кондратія Захарыча.

Елена продолжала:

— Новость, Павелъ Ивановичъ: Николай съ Тарновицомъ возобновляютъ что-то въ родѣ жидовской ереси!

— Я, можетъ быть, слышался? — сухо спросилъ молодой ученый.

— Нѣтъ, я же вамъ говорю...

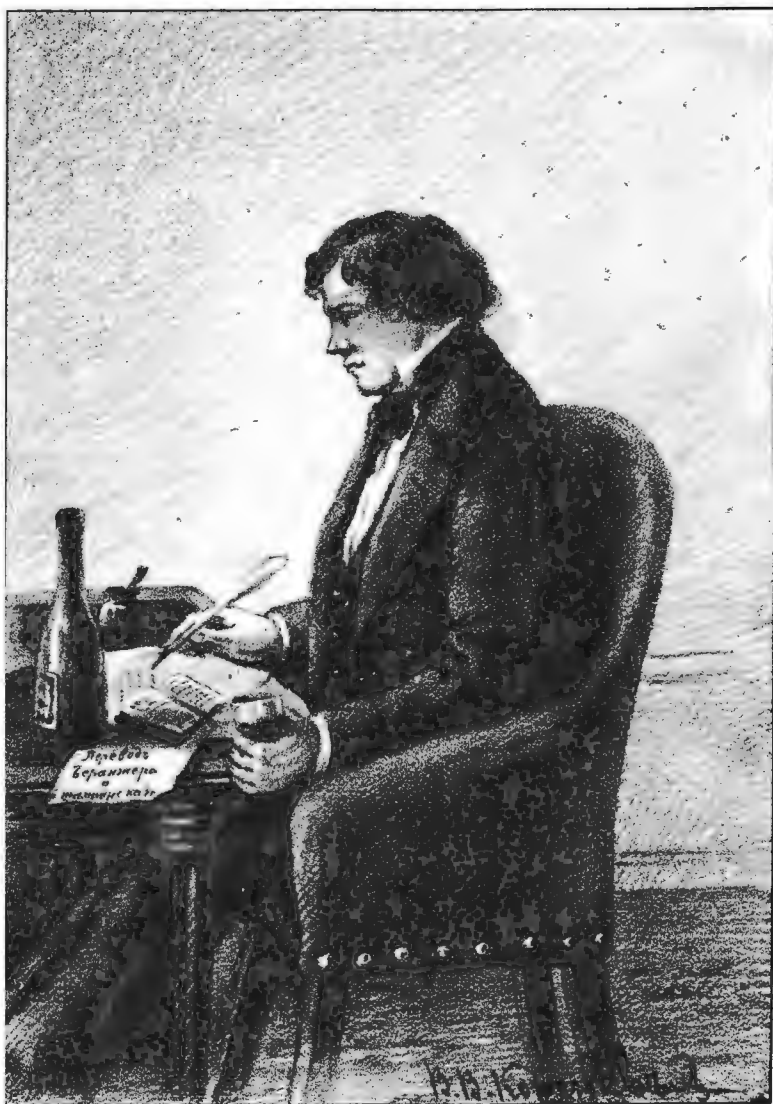
И она поспѣшно передала то, что сейчасъ узнала отъ Николая.

— Особенно новаго нѣтъ ничего, если только попытка серьезна. У Пругавина описана подобная секта. Она возникла на Уралѣ въ пятидесятыхъ годахъ среди горныхъ служащихъ. Называлась она «Десное братство». «Десные» признаютъ изъ всѣхъ книгъ священнаго писанія лишь одну библію. Я согласенъ, что если нѣтъ связи между православіемъ и талмудическимъ іудействомъ, то возможна солидарность между христіанскимъ и еврейскимъ сектантствомъ. Но ваша затѣя, Николай Кондратьичъ, кончится ничѣмъ. У Тарновица есть что-то въ родѣ краснорѣчія и начитанности, но онъ жалокъ. Хуторское уединеніе и склонность къ мечтательности подсказываютъ вамъ странныя намѣренія. Однако, отчего же не пожелать вамъ успѣха? Вы домой? Отдыхать послѣ трудовъ праведныхъ? А мы съ Еленой Кондратьевной пройдемся по дорогѣ... До пріятнаго свиданія! Не хочу, не хочу спорить! Я усталъ!

I. Ясинскій.

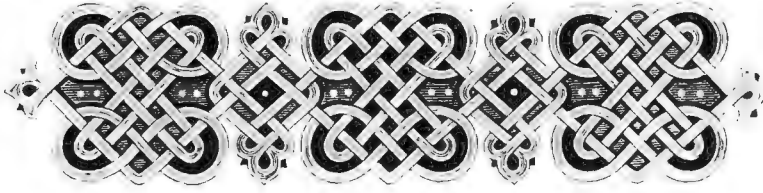
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДМИТРІЙ ТИМОФЕЕВИЧЪ ЛЕНСКІЙ

Съ акварельнаго портрета, рисованнаго П. А. Каратыгинимъ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. КАМЕНСКОЙ¹⁾.

Х.

Болѣзненные припадки со мной. — Появленіе въ академической церкви господина съ Владимиромъ на шеѣ. — Мода на магнетизмъ. Ясновидящая и Будгаринъ. — Магнетизерка Турчанинова; ея странности. — Мой первый визитъ къ пей и леченіе у нея. — Ея профѣлки со старикомъ Всеволожскимъ; мошенничества ея открыты; ссылка въ Сибирь. — Рождество въ академіи; балы у профессоровъ. — Новый 1832 годъ у насъ. — Разсказъ вдовы попады. — Масленица; бунтъ учениковъ академіи. — Академическій театръ. — Великій постъ. — Опять Пименовъ. — Неудачное сватовство барона Кюлота. — Еще певѣста въ академіи. — Григоровичъ умиритель Егорова. — Лѣто въ Нарголовѣ. — Крестины и гречневая каша. — Свадьба барона Кюлота. — Вечера Мартоса. — Мое знакомство съ Кукольникомъ.

СЕСТРА МОЯ Лизанька по годамъ, по уму и знаніямъ своимъ была уже взрослая дѣвушка; ей исполнилось 20 лѣтъ, но по виду, по сложению, ей можно было дать никакъ не больше 14-ти лѣтъ.

Зато я, 14-ти-лѣтняя дѣвочка, точно на зло, подлѣ больной и слабой сестры моей, здоровѣла, полнѣла не по днямъ, а по часамъ, и сдѣлалась такъ похожа на взрослую дѣвушку, что даже кавалеры стали за мною ухаживать...

Но въ то же время со мною начало твориться что-то необыкновенное, непонятное: стою я бывало, въ воскресенье, въ академической церкви, за обѣдней, за перегородкой, между подругъ моихъ,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 35.

и вдругъ меня всю кинетъ въ жаръ, сдѣлается мнѣ дурно, и чувствую я, что какая-то сила заставляетъ меня обернуться назадъ. Я невольно обернусь и вижу, что за мною стоитъ высокій полный мужчина лѣтъ пятидесяти съ Владимиромъ на шеѣ и своими большими черными глазами пристально смотритъ на меня. Тогда отъ взгляда его мнѣ сдѣлается еще хуже, такъ не хорошо, что хотъ упасть—такъ впору... Дуничка Егоровъ, бывало, замѣтитъ, что мнѣ не хорошо, выведетъ меня изъ церкви, проводитъ домой, откроетъ форточку, меня обдуетъ вѣтромъ, и я оживу... И всегда мы съ нею видѣли, какъ этотъ страшный господинъ, укутанный въ богатую шубу, промчится назадъ мимо нашихъ оконъ на парѣ вороныхъ коней. Я стала ужасно бояться этого незнакомаго мнѣ челоуѣка, и такое мученіе повторялось со мною много разъ въ зиму... Бывало, нѣтъ его въ церкви, я простою обѣдню совѣмъ спокойно... Въ другой разъ, какъ только онъ войдетъ, я и не вижу его, а сейчасъ же почувствую, что онъ тутъ, и скажу дѣвицамъ: «посмотрите, пришелъ! мнѣ дурно!».

Когда я рассказала маменькѣ о томъ, что со мной дѣлается въ церкви, она разсердилась на меня, сказала, что я ребячусь, что глупо бояться незнакомаго мнѣ старика, а убѣгать отъ когонибудь изъ церкви большой грѣхъ... Я стала превозмогать себя, но все-таки въ тѣ дни, когда страшный господинъ пріѣзжалъ и смотрѣлъ на меня, мнѣ дѣлалось невыносимо гадко... Но, слава Богу, мученіямъ моимъ скоро насталъ конецъ: послѣ обѣдни въ первое воскресеніе на масленицу мой мучитель съ Владимиромъ на шеѣ въ академическую церковь больше не показывался, и со мною перестало дѣлаться дурно. Наши академическія барыни, сплетницы страшныя, начали рассказывать, что знатный баринъ съ Владимиромъ на шеѣ, влюбленный въ Машеньку Толстую, сгорѣлъ во время большого пожара въ балаганахъ, оттого и ѣздить въ нашу церковь пересталъ. Что-жъ, можетъ быть, онѣ нечаянно и правду сказали, потому что тогда много народу погибло въ балаганѣ Лемана, который загорѣлся, и откуда, говорятъ, никто живой не вышелъ...

Я бы вѣрно скоро забыла о своемъ мучителѣ, еслибъ одинъ случай не напомнилъ о немъ. Не знаю, отчего у меня вдругъ заболѣлъ третій позвонокъ на шеѣ, и стало больно до него дотрогиваться. Папенька, разумѣется, перепугался, вообразилъ, что у меня вырастетъ горбъ, и захотѣлъ непременно показать меня магнетизеркѣ Турчаниновой, которая въ это время была въ большой модѣ... Впрочемъ, въ то время въ Петербургѣ было какое-то повѣтріе на магнетизеровъ и магнетизерокъ: ими занимались наши литераторы, присутствовали на ихъ магнетическихъ сеансахъ, писали, толковали про нихъ.

Я помню, какъ папенька, разъ, вернувшись съ такого сеанса, рассказывалъ маменькѣ при мнѣ про очень непріятный случай,

котораго онъ былъ тамъ свидѣтелемъ. Въ этотъ день, при большомъ стеченіи публики, какой-то магнетизеръ (фамиліи его теперь не припомню) съ научною цѣлью магнетизировалъ очень юную особу, довелъ ее до глубокаго магнетическаго сна и задавалъ ей вопросы, на которые спящая дѣльно ему отвѣчала. Публика слушала ясно-видящую съ большимъ интересомъ... Только вдругъ она перестала отвѣчать, замолчала, на лицѣ ея изобразилось страданіе, и она задышающимся голосомъ проговорила:

— Остановите, не впускайте! Сюда по лѣстницѣ подымается дурной, нехорошій человекъ... у него желѣзный ключъ въ карманѣ... Мнѣ тяжело! мнѣ больно! Не пускайте, не пускайте!..

Николай Ивановичъ Гречъ, находившійся среди присутствовавшихъ, бросился къ двери, но было уже поздно: она шумно распахнулась, и въ залу влетѣлъ, запыхавшись, опоздавшій къ началу сеанса, Булгаринъ... Публика встрѣтила его взрывомъ хохота...

— Ѳаддей! есть у тебя въ карманѣ желѣзный ключъ? — торопливо спросилъ Гречъ, удерживая своего друга за плечи.

Удивленный Булгаринъ смѣшался и отвѣчалъ:

— Ключъ, какой ключъ? Ключъ отъ моего кабинета есть; онъ всегда при мнѣ, — и Ѳаддей Венедиктовичъ проворно вытащилъ изъ кармана большой ключъ...

Но тутъ нѣсколько человекъ изъ публики вскочили съ мѣста, безъ дальнѣйшихъ перемоній попросили Булгарина удалиться и выпроводили его обратно въ дверь.

На другой же день по всему Петербургу рассказывали о дивномъ ясновидѣніи сомнамбулы, о томъ, какъ она почувствовала, что по лѣстницѣ подымается Булгаринъ...

Мнѣ теперь кажется, что это месмерическое публичное представленіе не обошлось безъ предварительной подготовки, какъ у фокусниковъ «съ комперами»... Никакъ не могу я допустить, чтобы во всей этой публикѣ, которой биткомъ набита была зала магнетизера, до прихода Булгарина, не нашлось ни одного «нехорошаго, дурнаго человека, у котораго бы былъ желѣзный ключъ въ карманѣ». Вѣрно, былъ, и не одинъ! Почему же это ясновидящая дѣва не почувствовала себя дурно раньше? Почему она пропустила въ залу, молча, весь этотъ народъ и застонала только при появленіи Булгарина? Нѣтъ, это что-то невѣроятно. Я убѣждена, что тутъ дѣло не обошлось безъ «комперства» со стороны многочисленныхъ недруговъ Ѳаддея Венедиктовича, которымъ пожелалось еще разъ публично закидать грязью ненавистнаго имъ Ѳаддея!..

Какъ теперь помню, что отецъ, рассказывая маменькѣ про этотъ скандалъ, былъ очень взволнованъ... Да еще бы, вѣдь онъ былъ съ Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ такъ давно знакомъ, былъ съ нимъ даже на «ты» и всегда отзывался о немъ, какъ о прекраснѣйшемъ мужѣ, нѣжнѣйшемъ отцѣ, хорошемъ товарищѣ и, главное, какъ о

человѣкъ, всегда готовомъ подать помощь ближнему... И хотя на Черной рѣчкѣ Булгаринъ немилосердно дразнилъ меня, хотѣлъ сдѣлать меня мальчигомъ, я всетаки съ дѣтства привыкла любить этого веселаго, ласковаго человѣка... И во время разсказа папеньки мнѣ такъ было обидно за Булгарина, что хотѣла заплакать. Все это «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», когда мнѣ было только 14 лѣтъ; а теперь, когда мнѣ почти 77 лѣтъ, меня раздумье беретъ, хорошо ли я сдѣлала, что написала все это въ моихъ «воспоминаніяхъ». Можетъ быть, изъ желанія вставить хоть одно доброе слово въ память объ оплеванномъ современниками человѣкѣ, я только повредила ему тѣмъ, что опять вызвала на свѣтъ Божій то, что давно забыто и, можетъ быть, многимъ даже совсѣмъ неизвѣстно... Но я всетаки довольна тѣмъ, что записала отзывъ отца моего о Булгаринѣ: «Ѳаддей Венедиктовичъ человѣкъ души добройшей, всегда готовый на помощь ближнему». Такое слово, сказанное честнымъ, безпристрастнымъ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Толстымъ, повредить никому не можетъ...

А теперь мнѣ надо вернуться опять къ тому времени, когда мнительный папенька вообразилъ, что у меня растетъ горбъ и пожелалъ показать меня магнетизеркѣ Турчаниновой. Эту странную женщину я очень хорошо помню. Наружность ея была такая необыкновенная, что, кажется, забыть ее было бы невозможно; она была высока ростомъ, худа, какъ доска, голова маленькая, лице сморщенное, черное, на которомъ блестѣли, какъ двѣ точки, два черныхъ глаза... А по одеждѣ ее и не узнаешь сразу, что она такое — женщина или мужчина? Я ее никогда иначе не видала, какъ во фризовой шинели съ мелкими пелеринами, которые и тогда даже носили только старыя, крѣпостные лакеи, да она... На головѣ у нея всегда была надѣта черная бархатная скуфейка, изъ-подъ которой на обоеихъ вискахъ болталось по жидовскому пейсику. Изъ женскаго платья я на ней помню только виднѣвшуюся изъ-подъ шинели черную короткую юбку, а изъ-подъ этой юбки выглядывали, опять таки мужскіе, смазные мужицкіе сапоги. Надо сказать правду, что она была довольно таки страшная, и въ этомъ невозможномъ видѣ принимала у себя на дому своихъ многочисленныхъ паціентовъ, потому что лечила магнетизмомъ безъ разбора всѣ болѣзни; лечила старыхъ и малыхъ, прямыхъ, косыхъ, слѣпыхъ и горбатыхъ и «чающихъ движенія воды», магнетизировала всѣхъ, кто пожелаетъ, лишь бы ей за это платили... Бѣднаго, простаго народа среди паціентовъ Турчаниновой я что-то не помню. У нея лечились только люди зажиточные... Одно время со мною, я помню, ѣздилъ къ ней папенькинъ знакомый, старикъ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій. Турчанинова его тоже отъ чего-то магнетизировала и околдовала его такъ, что онъ на нее чуть не молился...

Помнится мнѣ, что, по совѣту Всеволода Андреевича, папенька прежде самъ съѣздила къ Турчаниновой переговорить о моей болѣзни, и она приказала привезти меня къ ней. Послѣ этого маменька свезла меня къ ней. До смерти, кажется, не забуду я этого перваго визита. Когда мы пріѣхали къ Турчаниновой, магнетическій сеансъ у нея уже начался. Я, полная любопытства, не дождавшись маменьки, изъ передней влетѣла въ какую-то большую комнату и, ничего подобнаго не ожидая, прямо попала въ адъ кромѣшный... Господи, какія страсти я тамъ увидала! Какія-то большія дѣвицы, на видъ совсѣмъ здоровыя, качались на веревкахъ, какъ на качеляхъ, вѣшались и вытягивались на какихъ-то палкахъ... И тутъ же какого-то несчастнаго мальчика два солдата растягивали на какихъ-то страшныхъ пальцахъ, а другого маленькаго горбунчика здоровенный солдатище колотилъ изъ всей силы большимъ деревяннымъ молоткомъ по горбу... И этотъ несчастный ребенокъ, вмѣсто того, чтобы плакать, какъ бѣсноватый, извивался и кричалъ: «бей крѣпче, крѣпче бей»!..

Я до того испугалась всѣхъ этихъ ужасовъ, что хотѣла бѣжать къ маменькѣ, но ноги мои подкосились, я упала тутъ же на диванъ, зажала глаза руками и горько заплакала... Прибавьте ко всему этому, что въ комнатѣ, гдѣ творились всѣ эти чудеса, какой-то пожилой чернѣй господинъ не переставалъ играть на какомъ-то, тоже никогда не виданномъ мною, инструментѣ. Это былъ вставленный до половины въ ящикъ толстый голубой стеклянный валъ, который все вертѣлся, а господинъ водилъ по немъ пальцами взадъ и впередъ, и отъ этого валъ издавалъ такіе страшно-заунывные звуки, что меня морозъ по кожѣ подиралъ.

— Что-жъ вы не идете? Ступайте! Она теперь не занята.

Не помню, кто меня схватилъ за руку и отвелъ въ темный уголокъ, гдѣ я очутилась передъ самой магнетизеркой Турчаниновой. Когда я разглядѣла ее, она показалась мнѣ страшнѣе всего, что я до сихъ поръ видѣла.

— Кто такая?—спросила она грубымъ, непріятнымъ голосомъ.

Вдругъ во мнѣ проснулось самолюбіе: мнѣ не захотѣлось показать этому страшилищу-женщинѣ, что я ее боюсь, и я храбро отвѣтила:

— Машенька Толстая.

— А, дочь графа Федора Петровича Толстого! знаю, знаю...

И она сама повернула меня къ себѣ спиною, положила свои жесткія, холодныя руки мнѣ на оба плеча и сказала:

— Ну, теперь стой смирно, я начинаю смотрѣть...

Меня отъ холодныхъ ея рукъ всю покорило, но мнѣ такъ хотѣлось знать, чтò такое магнетизмъ, что я притаилась и начала прислушиваться къ тому, что со мною будетъ. Сначала я не чувствовала ничего въ себѣ, потомъ меня кинуло всю въ жаръ и

стало со мною дѣлаться дурно, точно какъ въ церкви академіи, когда на меня смотрѣлъ страшный чедовѣкъ съ Владимиромъ на шеѣ... Я успѣла еще подумать: «такъ, значить, и онъ былъ магнетизеръ», а потомъ ужъ ничего не помню, что со мною было... Должно быть, я уснула... Когда я очнулась, я лежала на диванѣ, около меня сидѣла блѣдная, какъ смерть, маменька... Послѣ я уже узнала, что и она вошла за мною въ комнату, гдѣ дѣлались всѣ эти страсти, и какъ только увидала, что горбатаго ребенка солдатъ бьетъ молоткомъ, съ ней сейчасъ же сдѣлалось нехорошо... А потомъ раздирающая душу музыка довела ее до того, что съ нею сдѣлалась истерика, и ее въ другой комнатѣ насилу отпоили водой... Послѣ этого маменька никогда не ѣздила со мной къ Турчаниновой, но все-таки меня, въ продолженіе всей зимы, возили къ ней или тетки мои, или няня Аксинья Дмитріевна.

Несомнѣнно, что въ глазахъ Турчаниновой была страшная магнетическая сила, потому что всякій разъ, какъ она посмотритъ на когонибудь изъ своихъ больныхъ, на нихъ нападало точно какое-то наитіе, они начинали сами придумывать, чѣмъ себя лечить... Особенно горбатыя дѣти выдумывали даже разныя машины и сами рисовали ихъ, заказывали и заставляли солдатъ истязать себя на нихъ...

Странно, что со мною отъ магнетизированія этой страшной женщины, кромѣ дурноты и тяжелаго сна, ничего не дѣлалось, и ни разу мнѣ даже въ голову не приходило, чѣмъ я должна лечить себя. Это, можетъ быть, оттого, что и лечить-то меня было не отъ чего, потому что я была совсѣмъ здорова.

Была у Турчаниновой еще больная въ родѣ меня, т. е. совсѣмъ здоровая, дѣвушка моихъ лѣтъ, дочь красавицы Софіи Трубецкой, тоже Машенька, какъ и я,—та самая, которая впослѣдствіи была замужемъ за Столыпинымъ, а потомъ вторымъ бракомъ была за свѣтлѣйшимъ княземъ Воронцовымъ.

Она, кажется, на магнетическихъ сеансахъ Турчаниновой просто дурачились, качаясь на трапеціяхъ, вѣшаясь на веревкахъ и увѣряя, что лечится гимнастикой. Мы съ ней скоро познакомились и даже подружились. И я, грѣшнымъ дѣломъ, вмѣстѣ съ нею часто лечилась гимнастикой, летая и качаясь на трапеціяхъ... Разумѣется, тогда наша дружба недолго продолжалась; насъ скоро развели разныя дороги, по которымъ намъ суждено было идти въ жизни: я, дочь полка художниковъ, застряла въ академіи художествъ, а ее умчалъ отъ меня вихрь большого свѣта... И съ тѣхъ поръ мы съ нею никогда не видались, но никогда не переставали помнить другъ друга. Не больше, какъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ, она прислала мнѣ изъ Алупки поклонъ и приказала сказать, что она меня помнитъ, любить попрежнему и, какъ только пріѣдетъ въ Петербургъ, непременно навѣститъ меня...

Мнѣ кажется, что лучше будетъ, если я теперь же доскажу все, что знаю про магнетизерку Турчанинову, для того, чтобы больше не возвращаться къ этой несимпатичной личности.

Во-первыхъ, папенька, наконецъ, разубѣдился въ томъ, что у меня долженъ вырости горбъ, и самъ позволилъ не возить меня больше къ Турчаниновой; а, во-вторыхъ, она сама вскорѣ закрыла свою домашнюю лечебницу. Должно быть, она разочла, что ей выгоднѣе будетъ, если она займется исключительно слѣпо-вѣрующимъ въ нее старичкомъ Всеволодомъ Андреевичемъ Всеволожскимъ, и для того, чтобы вѣрнѣе и неотразимѣе дѣйствовать на его склонный къ мистицизму умъ, она прежде всего передѣлала сама себя изъ магнетизерки въ «духовидицу», вызывательницу духовъ... Короче сказать, сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ спиритовъ. Въ этомъ новомъ званіи ей, разумѣется, легче было овладѣть легко-вѣрнымъ старикомъ и одурачить его окончательно. По словамъ отца моего, Турчанинова въ это время часто бывала въ имѣніи Всеволожскаго, Рябовъ; онъ нѣсколько разъ самъ встрѣчалъ ее по дорогѣ въ Пороховые, на простой телѣгѣ, въ одну лошадь, безъ кучера, одну единешеньку... и своими глазами видѣлъ, какъ по дорогѣ она останавливалась и сама, какъ добрый мужикъ, смазывала свои колеса... Папенька говорилъ, что силища у нея, для женщины, была поразительная.

Мало-по-малу она совсѣмъ перекочевала въ Рябово, пустила тамъ глубокіе корни и начала орудовать по-своему. Первымъ дѣломъ, разными каверзами и сплетнями, отводила отъ старика родныхъ и друзей, а потомъ съ помощью какого-то духа начала высасывать изъ легковѣрнаго старика все, что могла высосать... Дѣлалось это, говорятъ, у духовидицы очень просто. Прихворнетъ, бывало, чѣмъ нибудь, какъ всѣ старики, Всеволодъ Андреевичъ, она къ нему точно съ неба свалится и подъ величайшимъ секретомъ объявляетъ ему, что сейчасъ, желая узнать объ его драгоценномъ здоровьи, снеслась съ міромъ загробнымъ, вызвала къ себѣ душу давно умершаго праведнаго человѣка, и духъ явился и приказалъ ей скорѣе сообщить рабу Божьему Всеволоду, что онъ отъ болѣзни своей не встанетъ, что ему положенъ предѣлъ жизни только до такого-то дня, часа и минуты, и что до этого послѣдняго срока онъ долженъ успѣть помолиться, покаяться въ грѣхахъ и принести такія-то и такія-то угодныя небу жертвы... Какія именно онъ долженъ былъ принести жертвы, разумѣется, больному нашептывала на ухо заботившаяся о душѣ его духовидица Турчанинова... Старикъ Всеволожскій, больше всего на свѣтѣ боявшійся смерти, сейчасъ же пугался, начиналъ на скорую руку молиться, каяться и требовать отъ своего управляющаго нужныя ему для значительныхъ жертвъ деньги. Получивъ ихъ, отдавалъ той же Турчаниновой, чтобы она скорѣе исполнила волю посланнаго ее духа... Потомъ, въ ожиданіи

рокового часа и минуты, начиналъ слабѣть до того, что вѣрно умеръ бы раньше назначенной ему послѣдней минуты, но тутъ, къ неопи- санному счастью умирающаго, опять влетала къ нему его проро- чица съ вѣстью о томъ, что день смерти его отложенъ, и опять назначала новый срокъ. Всеволожскій оживалъ, сначала радовался, что еще поживетъ, потомъ торопился молиться, каяться, приносить новыя жертвы...

Не могу сказать, сколько времени эта ужасная женщина эксплуа- тировала почти доведеннаго ею до одурѣнія несчастнаго, богатаго знатнаго барина, который никого, кромѣ нея, къ себѣ не допу- скалъ; но знаю отъ папеньки навѣрное, что наслѣдникамъ его на- конецъ показали странными тайныя отношенія лекарки-прижи- валки къ охладѣвшему ко всѣмъ роднымъ Всеволоду Андреевичу; они прослѣдили ближе за его таинственной жизнью, поймали на мѣстѣ преступленія злодѣйку Турчанинову, съ великимъ сканда- ломъ передали ее въ руки правительства, и по окончаніи надъ нею суда она была сослана въ Сибирь.

Вотъ и все, что мнѣ оставалось сказать объ этой ужасной жен- щинѣ.

Въ концѣ 1831 года, въ академіи ничего особеннаго не случи- лось. Отецъ мой служилъ, лѣпилъ свои медали, гравировалъ «Ду- шеньку», такъ что рассказывать объ этомъ было бы повторять то же самое. Только къ Рождественскимъ праздникамъ всѣ профес- сора перебивали у насъ съ приглашеніемъ къ себѣ на вечеръ. Мы съ папенькой перебивали по очереди у всѣхъ, всюду отпля- сывали до упаду... Новый 1832 годъ всѣ профессора съ дочками встрѣтили у насъ, и нашимъ баломъ закончились рождественскія празднества.

Въ числѣ другихъ развлеченій, должна я упомянуть о пле- мянницѣ И. П. Мартоса, Александрѣ Степановнѣ, вдовѣ попа разстриги, которая въ то давно прошедшее время своими рассказами о старинѣ составляла наше блаженство. Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы мы не заставили повторять намъ исторію ея за- мужества съ отцомъ Иваномъ. Этотъ рассказъ я повторю въ моихъ «воспоминаніяхъ», слово въ слово. По-моему, онъ стоитъ того. Вы- кину изъ него только наши глупые вопросы, которыми мы всегда прерывали ее. Александра Степановна, бывало, прежде чѣмъ на- чать говорить, поломается немного и скажетъ намъ: «да что, дѣ- вицы, вѣдь я вамъ это вчера рассказывала». А потомъ соблазнъ поболтать о молодыхъ ея годахъ былъ такъ великъ, что она въ сотый разъ начнетъ снова: «мой покойникъ былъ вѣдь не просто семинаристъ, какъ я за него замужъ выходила, онъ ученый былъ, на магистра шелъ; да на экзаменахъ у него что-то сорвалось, ему и дали мѣсто священника въ село къ богатой вдовѣ помѣщицѣ. А красавецъ онъ какой былъ, такъ и и сказать вамъ не могу:

чистая писаная картина!.. Въ ту пору онъ, для священническаго своего сана, косу ужъ себѣ длинную отпустилъ, а какъ въ день свадьбы по фраку ее спустить неприлично было, то онъ, мой батюшка, намазалъ ее восковой помадой и изъ нея себѣ модный кокъ сдѣлалъ, просто заглядѣнье!.. Ну вотъ и повѣнчались мы; спервоначалу, какъ въ раю, жили... Помѣстье богатое, ни въ чемъ недостатка не было... Только вотъ съ моимъ покойникомъ вдругъ что-то попритчилось, началъ онъ у меня съ разуму сплывавать... Влюбился въ нашу помѣщицу и началъ онъ за нею ухаживать: что ни день — онъ у нея же въ оранжереѣ всѣ дорогіе цвѣты оборветъ, огромный букетъ сдѣлаетъ, лентами отъ моихъ чепцовъ перевяжетъ и поднесетъ ей въ презентъ... Она за свои цвѣты обижается, сердится... мнѣ моихъ чепцовъ смерть жаль: всѣ съ нихъ ленты какъ есть обкарналь... Да и, кромѣ того, обидно: у меня дочка Машенька въ ту пору уже бѣгала, да и вторымъ я насносяхъ ходила, а онъ, мужъ, духовнаго званія, да романы затѣваетъ... И что дальше, то больше; барынь проходу не даетъ, въ любви объясняется... Помѣщица терпѣла, терпѣла да благочинному и пожаловалась... Его, моего голубчика, за неприличные поступки и разстригли... И пришлось намъ съ батюшкой изъ церковнаго-то дома, со всего-то готоваго, да въ простую избу на свои харчи перейти... Я тутъ съ горя моего Ваньку раньше времени скинула, а батя-то мой, какъ его только разстригли, и совсѣмъ рехнулся... Слегъ въ постель и вставать пересталъ, такъ все лежамши и колобродилъ. Что тутъ со мною было, такъ этого, дѣвицы мои дорогія, ни въ одномъ романѣ не прочтете... Такъ какъ все божественное въ покойникѣ батюшкѣ крѣпко сидѣло, то онъ однимъ божественнымъ и бредилъ. И чтобъ онъ не сердился, я должна была все потрафлять ему. Бывало, чуть свѣтъ забрезжится, мой отецъ Иванъ и закричитъ страшнымъ голосомъ: «къ заутрени! въ большой колоколь!».. Я спросонья Ваньку отъ груди оторву, въ зыбку брошу, схвачу полѣно да объ котель и колочу: бумъ, бумъ, бумъ!— «Въ маленькій колоколь!»— крикнетъ батюшка, а я серебряной ложкой объ кофейникъ: динь, динь, динь! Прикажетъ несчастный да самъ и запоетъ стихъ божественный... Мальчишка-то брошенный оретъ благимъ матомъ, у меня отъ горя вся душа займется, слезы такъ рѣкой и льются. Сами подумайте, барышни, каково мнѣ было все это переносить. И такъ-то я цѣлые дни звоню: только бывало къ ранней обѣдни отзвоню, Ванькѣ грудью ротъ заткну, чтобы не оралъ, а отецъ Иванъ опять гаркнетъ: «къ поздней обѣднѣ!».. Я опять за полѣно да за ложку: бумъ, бумъ, да динь, динь, динь! А тамъ и къ вечернѣ... И такъ мы съ нимъ, моимъ батюшкой, съ утра до вечера Господу Богу служили... Какъ я тогда съ ума не сошла, одному Создателю извѣстно. Это-то все еще ничего; а то разъ ночью слышу, онъ съ постели всталъ, гляжу, а онъ, въ одной рубашкѣ,

стулъ дырявый соломенный себѣ на спину повѣсилъ, шляпу на голову надѣлъ, палку въ руки взялъ и къ двери пробирается... вижу, уйти хочеть... Я вскочила съ кровати, кричу ему: что ты, отецъ Иванъ? А онъ мнѣ: «Я—царь Давидъ, взялъ свои гусли, псалмы иду пѣть»... Слышите ли, барышни, голубчики мои? онъ царь Давидъ, а дырявый стулъ у него гусли... Какъ я эти слова услышала, такъ гдѣ стояла, тамъ отъ страху на полъ и сѣла... инда у меня самой голова помутилась... Покуда я опомнилась, выбѣжала на улицу, кричать начала: «помогите, помогите! Отецъ Иванъ у меня ушелъ!»—а его, моего несчастенькаго, и слѣдъ простылъ... Только и видѣли, что посреди болота шляпа его валяется, за нею ужъ побоялись идти, болото это у насъ было топкое: много ужъ людей въ себя засосало... И что бы вы думали? мой покойничекъ прошелъ по этой трясинѣ, аки по суху, и въ сосѣднемъ городѣ очутился... тамъ уже увидали, что человекъ въ одной рубашкѣ со стуломъ за спиною ходить по улицамъ и поеть. Его поймали, спросили: «кто онъ такой?». Онъ только и сказалъ: «Я царь Давидъ!». Его взяли да въ сумасшедшій домъ и посадили... Тамъ онъ свою святую душеньку Богу отдалъ, и я больше не видала его. Послѣ уже дяденька мой Иванъ Петровичъ узналъ о моемъ горькомъ сиротствѣ съ двумя ребятами и подобралъ насъ къ себѣ; дай ему Богъ и тетенькѣ Авдотѣ Аванасьевнѣ много лѣтъ здравствовать!»...

Незамѣтно подошла масленица 1832 года. Помню, что въ четвергъ у отца моего случилась большая непріятность: ученики взбунтовались изъ-за того, что экономъ купилъ имъ горькаго масла для блиновъ. Зачинщикомъ всей кутерьмы былъ ученикъ Пименовъ (впослѣдствіи профессоръ Николай Степановичъ Пименовъ, нашъ извѣстный скульпторъ), который, съ большою деревянною чашкою съ блинами на головѣ, влетѣлъ къ намъ въ пріемную, за нимъ блѣдный, какъ смерть, экономъ, а за нимъ цѣлая толпа разъяренныхъ учениковъ.

Мы въ это время сидѣли за завтракомъ; папенька сейчасъ же вышелъ къ нимъ, и я изъ любопытства тоже побѣжала къ двери. Разозленные ученики кричали въ одинъ голосъ, громче всѣхъ оралъ голосистый Пименовъ.

— Разсудите насъ, ваше сіятельство! Попробуйте эти блины! Развѣ можно кормить учениковъ такимъ горькимъ масломъ? Взыщите съ этого мошенника-отравителя! — кричалъ онъ охриплымъ голосомъ, показывая на эконома: — иначе мы сами съ нимъ справимся.

При этомъ Пименовъ не упомянулъ, что онъ другую точно такую же чашку съ блинами уже надѣлъ на голову помощнику эконома и ошпарилъ его горячимъ масломъ...

Папенька откусилъ маленькій кусочекъ блина, масло точно было очень горькое; но отецъ мой не мастеръ былъ судить и ря-

дить, а главное взыскивать съ кого нибудь. Онъ покраснѣлъ, сконфузился и проговорилъ:

— Точно масло очень горькое, но успокойтесь, господа: мы эту ошибку сейчасъ поправимъ.

Затѣмъ онъ обратился къ эконому:

— А вы сдѣлайте одолженіе, пошлите сейчасъ въ ближайшую харчевню заказать, на мой счетъ, хорошихъ блиновъ для господъ учениковъ... Вы же, молодые люди, не волнуйтесь. Мнѣ право совѣстно, что это могло случиться, но я увѣренъ, что это больше не повторится.

И папенька опять пристально посмотрѣлъ на эконома, думая, что плутыга пойметъ этотъ взглядъ, но экономъ, который до тѣхъ поръ стоялъ блѣдный отъ страху, что ему отъ вице-президента за горькое масло сильно достанется, сейчасъ же ободрился, поѣхалъ, заказалъ блины, учениковъ накормили, отецъ мой заплатилъ за блины свои деньги, и тѣмъ кончился бунтъ и расправа... Оказался въ этомъ дѣлѣ наказаннымъ только одинъ помощникъ эконома, котораго ошпарилъ Пименовъ горячимъ масломъ.

Какъ въ этой расправѣ съ экономомъ сказался весь характеръ отца моего! За какіе нибудь пустяки онъ могъ вспылить, накричать, нашумѣть... но выставить мошеникомъ стараго человѣка при молодежи папенька не могъ: ему въ эту минуту за эконома такъ было стыдно, что онъ просто пожалѣлъ его...

На масленицѣ же ученики академіи художествъ въ своемъ собственномъ театрѣ давали для академической публики театральныя представленія. Театръ ихъ съ однимъ рядомъ ложъ, креслами и партеромъ, помѣщался въ самомъ зданіи и былъ очень красивъ. Кулисы и занавѣсы писали сами ученики; оркестръ былъ составленъ изъ нихъ же, и актрисы были они же сами. Въ каждомъ представленіи давалась одна серьезная пьеса, драма или трагедія, что нибудь въ родѣ «Коварство и любовь» Шиллера, а вторая пьеса была какая нибудь веселенькая комедія Коцебу, и спектакль оканчивался всегда дивертисментомъ. Помню, что изъ балетныхъ танцовщиковъ отличался воспитанникъ академіи Рыбниковъ. Большой, худой, длинноногій, онъ выдѣлывалъ такіе удивительные батеманы и антрепа и такъ леталъ по сценѣ, что вѣрно не уступилъ бы въ искусствѣ настоящему танцору съ императорскаго театра. Впрочемъ, онъ и кончилъ свою художественную карьеру тѣмъ, что сдѣлался хорошимъ «танцевальнымъ учителемъ» въ Петербургѣ..

Отецъ мой былъ вообще большой охотникъ до театровъ, но театръ учениковъ академіи особенно занималъ его. Во-первыхъ, онъ находилъ, что это развлеченіе для молодыхъ людей, въ свободное время отъ наукъ, самое благородное и безвредное; а, во-вторыхъ, что игра на сценѣ развиваетъ у учениковъ умъ, вкусъ и придаетъ имъ физическую ловкость. И потому во время ихъ спек-

таклей папенька помогаль имъ всѣмъ, чѣмъ только могъ. Насчетъ гримировки мужчинъ молодые художники были сами великіе мастера, а вотъ насчетъ костюмировки не обходилось безъ совѣтовъ отца моего... Хорошенькихъ мальчиковъ, назначенныхъ на женскія роли, онъ отводилъ къ маменькѣ и просилъ одѣть ихъ. Она забирала надъ ними бразды правленія, по ея указанію няня Аксинья Дмитріевна и Аннушка тети Нади снуровали мальчиковъ въ корсеты, подкладывали куда слѣдовало хлопчатой бумаги... Маменька съ тетками жертвовали даже своими платьями. И въ ловкихъ рукахъ матери моей эти мальчики живо превращались въ «благородныхъ матерей», «первыхъ любовницъ», «субретокъ» и «кухарокъ». Особенно интересная «ingénue» выходила всегда изъ хорошенькаго юноши скульптора Ставасера,—того самаго, который послѣ вылъпилъ знаменитую статую «рыбачки». Весь этотъ женскій персоналъ маменька нѣжною рукою гримировала сама, и порученные ей актеры оказывались такъ похожими на женщинъ, что во время спектакля публика даже не хотѣла вѣрить, что это ученики.

Вообще спектакль всегда сходилъ съ рукъ благополучно, и аплодисментамъ не было конца...

Насталъ великій постъ. Церковь академіи художествъ опять огласилась стройнымъ пѣніемъ учениковъ. Растрепанный, кудрявый Пименовъ потѣшалъ насъ, дѣвицъ, пробѣгая на клиросѣ съ засученными, вымазанными глиной панталонами, и часто по дорогѣ ронялъ изъ кармана сырыя яйца (которые онъ глоталъ во время пѣнія для очищенія голоса), и они, падая, разбивались о каменный полъ. Начались церковные ходы. Пименовъ, какъ самый сильный, шествовалъ всегда съ большимъ крестомъ, по бокамъ его большіе два ученика, Логановскій и Пахомовъ, выступали съ хоругвями. Впереди шли со свѣчами пѣвчіе, несли образа... И вся эта духовная процессія съ тихимъ пѣніемъ «Святый Боже, Святый крѣпкій» извивалась между языческихъ боговъ по античнымъ галлереймъ... Очень это было чувствительно. Я всегда разливалась, плакала. Во время этихъ святыхъ дней поста шалунъ-амуръ задѣлъ крыломъ нѣмецкаго барона Петра Карловича Клодта. Вдругъ вообразилось ему, что онъ такъ влюбленъ въ Катеньку Глинку, что долженъ непременно на ней жениться. Скорый, проворный на все, онъ объяснился предварительно съ матерью ея, Авдотьей Аванасьевной, и сталъ умолять ее ходатайствовать за него у Ивана Петровича.

— Я знаю, добрѣйшая Авдотья Аванасьева,—сказалъ онъ, — что вы однѣ можете устроить счастье моей жизни. Если вы согласитесь на мою просьбу, то и почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ не откажетъ мнѣ въ рукѣ Екатерины Ивановны...

Авдотья Аванасьева съ великимъ удивленіемъ выслушала неожиданную просьбу молодого человѣка, и, какъ всегда, откровенная и простая, отвѣтила ему то, что ей подумалось въ эту минуту:

— Опомнитесь, дорогой Петръ Карловичъ! Что вы это, очертя голову, затѣваете? Развѣ наша Катенька вамъ пара? Она у меня единственная дочка, балованная, вѣжная, ни къ какой работѣ непривычная... А вы человѣкъ бѣдный, только маленькихъ солдатиковъ, да лошадокъ и лѣпите... Такъ развѣ на эту мелочь вы можете прокормить и одѣть жену вашу? Да могу ли я просить за васъ Ивана Петровича, когда впередъ знаю, что онъ меня съ моею просьбою турнетъ и вамъ откажетъ наотрѣзъ... Нѣтъ, голубчикъ баронъ, выкиньте изъ головы эту затѣю. Я вѣдь не со зла, а какъ мать, любя, вамъ говорю: ищите жену по себѣ, право лучше будетъ... Повѣрьте, я обидѣть васъ не желаю, и будь моя дочь бѣдная, трудолюбивая дѣвушка, какъ племянница моя Улинька, напимѣръ, да посватайтесь вы за нее, я бы вамъ слова поперекъ не сказала, а благословила бы васъ, и конецъ!.. А отдать родное дѣтище свое на вѣрную нужду, простите меня, я не согласна и опять-таки должна повторить, что моя Катенька вамъ не пара.

Странное дѣло, что во время всѣхъ этихъ переговоровъ своихъ съ барономъ Клодтомъ Авдотья Аванасьевна упоминала только о томъ, что онъ не богатый человѣкъ, но ни разу не обмолвилась о томъ, что дочь ея сама по себѣ богатая женщина и могла бы быть очень хорошей помощницей въ дѣлахъ своему мужу если не трудами, то деньгами... Въ это время вѣдь Ѳедоръ Петровичъ Крашениниковъ давно успѣлъ разобраться въ бумагахъ покойнаго Глинки, и Авдотья Аванасьевна прекрасно знала, что ея дочери, кромѣ движимаго имущества, отъ мужа осталось однѣми деньгами сто тысячъ. Да, вѣрно, знала и то, сколько Иванъ Петровичъ далъ за Катенькой приданаго, но объ этомъ ни гу-гу... Да врядъ ли знала это и Екатерина Ивановна, потому что родители попрежнему ее поили, кормили, наряжали и на «булавки», какъ бывало въ дѣвушкахъ, выдавали ей изъ своихъ рукъ небольшія деньги... Отчего состояніе вдовы Глинки хранилось въ такомъ секретѣ, это и понять трудно...

У Петра Карловича Клодта, во время этого безцеремоннаго отказа (какъ онъ самъ рассказывалъ послѣ), отъ злости даже духъ захватило... Вся любовь его къ вдовицкѣ Глинкѣ мигомъ, какъ чулокъ съ ноги, снялась... Онъ унялъ свою горячку и холодно сказалъ:

— Такъ вы находите, Авдотья Аванасьевна, что дочь ваша мнѣ не пара, а бѣдная дѣвушка Уляна Ивановна пара? И я съ вами совершенно согласенъ, а потому снова прошу у васъ руки только не дочери вашей, а племянницы Уляны Ивановны...

— Вы шутите, баронъ? право я не къ тому это сказала,— сконфузившись, проговорила Авдотья Аванасьевна.

— Нисколько не шучу! Вы убѣдили меня въ томъ, что бѣдная трудолюбивая дѣвушка мнѣ будетъ больше пара, чѣмъ дочь ректора, которая къ нуждѣ не привыкла... и я хочу жениться на Улянѣ

Ивановиѣ именно для того, чтобы весь свѣтъ видѣлъ, какъ жена Петра Клодта будетъ ходить у него голодная и неодѣтая. Вы вѣдь за Ульяну Ивановну не боитесь, такъ отдайте мнѣ ее.

Такъ курьезно произошло сватовство, и состоялось примѣрное супружество Петра Карловича Клодта съ бѣдной сиротой Ульяной Ивановной Спиридоновой, которые до послѣдняго вздоха буквально боготворили другъ друга. И Авдотья Афанасьевна впоследствии, увидавъ, какъ баронъ заваливаетъ жену свою богатыми заграничными подарками, спохватилась, да поздно, и часто, призадумавшись, говаривала:

— Да, кажется, я съ барономъ-то промахнулась! Да кто-жь тогда могъ знать, что онъ не однихъ маленькихъ солдатиковъ да лошадокъ, а и большія статуи сумѣетъ лѣпить и въ такую славу попадетъ? Тогда это дѣло было темное: что я женщина понимала? А то, вѣдь, самъ Иванъ Петровичъ, — кому ужъ понимать было, коли не ему: и ректоръ, и первый скульпторъ въ мірѣ, можно сказать, а и онъ тогда про Клодтовскихъ лошадокъ да солдатиковъ говорилъ: «развѣ это скульптура? это дѣтскія игрушечки!». Да, да, промахнулась, сама вижу, что промахнулась... Катенька наша самая бы парарону была.

Съ легкой руки Ульяны Ивановны и за хорошенькую Наденьку, дочь профессора Егорова, ту самую, что ему моделью для ангеловъ служила, тоже посватался инженерный офицеръ Дмитрій Николаевичъ Булгаковъ, прекраснѣйшій молодой человекъ; и всѣ тогда порадовались за Надежду Алексѣевну. И представьте себѣ, что и это сватовство безъ скандала не обошлось. По словамъ Василія Ивановича Григоровича, самодуръ Егоровъ чуть было Булгакова за двери не выпроводилъ... И за что? за то, что онъ разъ, обѣдая у нихъ, положилъ около своего прибора крестомъ вилку съ ножомъ, а сложилъ такъ только потому, что у Егоровыхъ подставочекъ подъ вилки и ножи и въ заводѣ не было... Замѣтилъ это на грѣхъ Алексѣй Егоровичъ и на стѣну полѣзъ... «Чтобъ я,—говорить,—русскій человекъ, я, профессоръ Егоровъ, дочь свою за масона выдалъ!.. Да никогда этому не бывать!».

Спасибо еще, что за усмирителемъ мнительнаго старика недалеко было ходить: Василій Ивановичъ Григоровичъ жилъ стѣна обѣ стѣну и во время налетѣлъ, какъ гроза, на взбунтовавшася старика, напумѣлъ, накричалъ на него такъ, что тотъ покорился, и дѣло уладилось. А какая жалость была бы, еслибъ эта свадьба разстроилась. Изъ ангелоподобной Наденьки впоследствии такая дебелая красавица инженерная генеральша вышла!..

Лѣтомъ мы опять всѣ разстались. Мартосы перебрались къ себѣ на Петербургскую; мы уѣхали на лѣто во второе Парголово. И лѣто у насъ прошло не совсѣмъ благополучно. Во всемъ Парголовѣ ходила повальная натуральная оспа, и странное дѣло, что отца моего,

всегда такого мнительнаго, это нисколько не испугало; онъ такъ былъ убѣжденъ въ томъ, что къ людямъ, которымъ была привита оспа, она снова пристать не можетъ, что оставался совершенно спокоенъ, и даже отпустилъ меня къ нашей хозяйкѣ, у которой всѣ дѣти лежали въ оспѣ, крестить меньшую дочь. Я тогда крестила въ первый разъ и очень гордилась ролью «кумы». Крестилъ со мною какой-то очень франтоватый гвардейскій полковникъ Бибииковъ, который съ своими солдатами стоялъ на постое въ второмъ Парголовѣ. Ему я, вѣрно, показалась взрослою дѣвушкой, потому что онъ за мною что-то очень ужъ ухаживалъ... Уморительно было видѣть, какъ этотъ свѣтскій франтъ скорчилъ отчаянную гримасу, когда родители новорожденной заставили насъ съ нимъ, кума и куму, сейчасъ же послѣ нашего обѣда, для того, чтобы крестница наша рябая не была, съѣсть по полной глубокой тарелкѣ крутой гречневой каши съ масломъ, и не отстали отъ насъ до тѣхъ поръ, пока мы не оставили на тарелкѣ ни одного зернышка... Отъ этого что ли, ужъ не знаю право, только крестница моя Наташа, одна изъ всей семьи, вышла не рябая и красавица. Съ нею мы еще встрѣтимся въ моихъ запискахъ.

Какъ только въ началѣ сентября мы съ Мартосами перебрались въ Петербургъ, такъ Авдотья Аѳанасьевна сейчасъ же занялась приготовленіями къ свадьбѣ Улиньки, и очень намъ, дѣвкамъ, тогда было весело... Мы сами ѣздили въ каретѣ отвозить Улинькино скромное приданое въ маленькую квартирку Петра Карловича Клодта и тамъ устанавливали и приводили все въ порядокъ. Потомъ, по русскому обычаю, наканунѣ дѣвичника, мы были съ невѣстой въ банѣ, гдѣ тетушка Наталья Аѳанасьевна, тоже дѣва, угощала насъ медомъ, кормила сладостями и пѣла намъ пѣсни, которыя въ старину пѣвались невѣстамъ въ то время, какъ обмывали ихъ дѣвичью красу. Дѣвичникъ тоже у насъ былъ форменный, безъ жениха и мужчинъ, и не внизу, потому что Иванъ Петровичъ, какъ европеецъ, терпѣть не могъ всѣхъ этихъ русскихихъ обычаевъ, а наверху, въ комнатѣ Натальи Аѳанасьевны, гдѣ мы, однѣ дѣвицы, пѣли свадебныя пѣсни, и пили, и ѣли, и плясали, какъ сумасшедшія...

За то свадьбу, по желанію барона, сыграли самую простую; никого, кромѣ его братьевъ и Авдотьи Аѳанасьевны, на ней не было.

На другой день Иванъ Петровичъ Мартосъ въ честь молодыхъ далъ парадный обѣдъ, пригласилъ на него чуть не всю академію и угостилъ на славу. Да и вообще въ этомъ году, на радостяхъ, что трауръ по Глинкѣ кончился, старикъ Мартосъ что-то раскутился: рѣдкая недѣля проходила безъ того, чтобы у нихъ не танцовали. Разумѣется, мы съ папенькой бывали всегдашніе ихъ гости. До сихъ поръ вспоминаю съ большимъ удовольствіемъ эти оригинальные вечера.

Мастерская Ивана Петровича въ эти дни становилась неузнаваема: длинный столъ куда-то исчезалъ, стулья съ высокими спинками становились по стѣнкамъ, маленькій станокъ, закутанный въ мокрыя тряпки, съ работою ректора, задвигался въ уголь, и глазамъ представлялась большая бальная зала... Мининъ и Пожарскій, по случаю торжества, закидывались шляпами гостей по поясъ... И даже съ Потемкина всѣ хозяйственныя принадлежности убирались; на мѣсто ихъ дамы прятали ему въ ноги свои боа и шарфы; и даже Потемкинскій орелъ въ такіе дни, вмѣсто того, чтобы выглядывать изъ-подъ чайнаго полотенца, важно сидѣлъ въ шляпѣ какого нибудь гостя... Народу всегда бывало много. Барышни больше все доморощенныя, академическія красоточки, одна другой лучше... матери ихъ, отцы профессора. Кромѣ своихъ, помню, бывали и почетные гости: превосходительный старичекъ Бутковъ, съ маленькой худенькой супругой, въ очень рогатомъ чепцѣ, и сынокъ ихъ, молодой человекъ, съ вѣчною лорнеткою у глазъ, тотъ самый, который сдѣлался послѣ важнымъ лицомъ въ служебномъ мірѣ, и какой-то юноша, Татариновъ, который послѣ игралъ немаловажную роль въ свѣтѣ... и много другихъ, и военныхъ, и статскихъ молодыхъ танцоровъ, изъ которыхъ помню больше всѣхъ милого Ганецкаго, всегдашняго моего кавалера, который недавно умеръ комендантомъ Петропавловской крѣпости. Ну, и, разумѣется, тутъ же были неизбѣжныя три брата Крашенинниковы, которые продолжали состоять въ великомъ фаворѣ у Авдотьи Аванасьевны. Учениковъ академіи у Ивана Петровича на вечерахъ не бывало; онъ, кажется, вообще ихъ не жаловалъ и панибратства со своею ректорскою особою никакого не допускалъ; старичекъ любилъ, чтобы «всякъ сверчекъ зналъ свой шестокъ»...

По-моему, всѣхъ милѣе, всѣхъ интереснѣе на вечерахъ Мартоса былъ самъ глубокій старецъ Иванъ Петровичъ. Для пріема гостей онъ переодѣвался всегда изъ своего типичнаго сѣраго фрака въ парадный академическій мундиръ, украшенный всѣми заслуженными имъ орденами, и въ рукѣ держалъ жалованную табакерку съ брилліантами, и вмѣсто соломенной шапочки голую голову прикрывалъ сѣдой, какъ лунь, завитой въ кудряшки, парикъ; одинъ только красный фуляровый носовой платокъ побудничному длинно висѣлъ изъ его кармана... И старичекъ не присаживался ни на минуту, все ходилъ между своими гостями, все старался, чтобы всѣмъ было весело... Въ то время только что вошла въ моду французская кадрили; матрадуръ, краковякъ и даже экосезъ были уже изгнаны; на вечерахъ только и танцевали, что вальсъ, галопъ, да французскую кадрили безъ конца... Кавалеръ старыхъ временъ, Иванъ Петровичъ никакъ не могъ понять этого танца, и его просто сердило, что всѣ пары не танцуютъ заразъ... Помню, какъ во время того, какъ я во французской кадрили дождалась своей

очереди танцовать, онъ подошелъ ко мнѣ и, дотрогиваясь до моего плеча, сказалъ:

— Что ты стоишь, графинюшка, какъ усопшая? Ступай, танцуй!..

— Иванъ Петровичъ, мнѣ нельзя.. Теперь не наша очередь; надо, чтобы сперва кончили поперечныя пары...

— Пустяки! Ступай, ступай! Танцуйте всѣ вмѣстѣ, вамъ веселѣе будетъ...—увѣщевалъ меня милый старикъ.

— Да во французской кадрили этого нельзя, это не такой танецъ,—объясняла ему я.

— Дурацкій танецъ—ваша французская кадрили, вотъ что!—сказалъ онъ мнѣ и недовольный отошелъ прочь.

Отца моего обожали академическія дѣвицы, все подбѣгали его ангажировать, и онъ вальсировалъ съ каждой изъ нихъ. Какъ онъ прелестно, граціозно тогда танцовалъ!

Какъ видите, некогда было скучать особенно мнѣ, которой еще не стукнуло 16-ти лѣтъ. Однако вдругъ, неожиданно-негаданно для меня самой, случилось такое обстоятельство, которое лучше всего доказало отцу и матери моей, что дочь ихъ Машенька взрослая дѣвушка. Представьте себѣ, что я, далеко еще не дотянувъ до 16 лѣтъ, влюбилась... Нѣтъ, я не такъ выразилась: я не влюбилась, а полюбила... потому что влюбиться можетъ всякая дѣвочка, а полюбить такъ крѣпко, какъ я полюбила, могъ бы только совсѣмъ взрослый человѣкъ...

Помню до сихъ поръ всѣ подробности этого рѣшительнаго для меня событія. Помню, что это случилось со мною зимою 1832 года въ воскресенье. Мы только что побѣдали; несовсѣмъ здоровая въ этотъ день маменька и сестра Лизанька прилегли немного отдохнуть; вечерніе гости еще не сходились; Анна Николаевна Рускони съ тетками ушли наверхъ въ ихъ комнату, и я пошла посидѣть съ ними; немного погодя, я услышала оттуда, что у насъ въ залѣ кто-то играетъ на фортепіано, потомъ папенька крикнулъ мнѣ снизу: «Маша, поди сюда!». Я сейчасъ же побѣжала. Когда я вошла въ залъ, въ ней было почти совсѣмъ темно, только двѣ салныя свѣчи горѣли на столѣ, и я не могла разглядѣть хорошенько мужичины, который сидѣлъ вдали, за фортепіано.

Папенька взялъ меня за руку, подвелъ къ нему и сказалъ:

— Несторъ Васильевичъ, позвольте вамъ представить меньшую дочь мою, Марью Федоровну... Маша, рекомендую: это нашъ молодой поэтъ, Несторъ Васильевичъ Кукольникъ.

Я молча сдѣлала реверансъ. Черная фигура тоже молча, не отнимая рукъ отъ клавишей, только мотнула головой и продолжала играть... Тогда только нашъ Иванъ,—спасибо ему,—вбѣжалъ съ фитилемъ, началъ зажигать кенкеты, зало освѣтилось, и я увидѣла передъ собой худого, длиннаго, блѣднаго молодого человѣка,

съ большимъ носомъ и толстыми губами... И что же бы вы думали? Умное, доброе лицо Кукольника мнѣ сразу понравилось... И хотя онъ далеко не любезно со мною обошелся, я не ушла отъ него, а оперлась рукой на фортепiano и стала его слушать... Какъ онъ прелестно игралъ! Онъ что-то фантазировалъ и переходилъ изъ мотива въ мотивъ, точно ворковалъ что-то, и тихіе звуки отъ игры его такъ и лились прямо въ душу... Я, грѣшный человѣкъ, до сихъ поръ шумной блестящей музыки не люблю; мнѣ она мила только до тѣхъ поръ, покуда говоритъ душѣ, а какъ только становится жонглерствомъ, фокусомъ съ проворствомъ рукъ, такъ — Господь съ ней, мнѣ ея не надо! И я охотно сознаюсь, что я въ музыкѣ совершенный профанъ.

Кукольникъ продолжалъ играть и вдругъ, не взглянувъ даже на меня, спросилъ:

— А вы играете на фортепianoхъ?

— Нѣтъ, Несторъ Васильевичъ, я самое бездарное созданіе: ни въ дудочку, ни въ сопѣлочку! — засмѣявшись отвѣчала я.

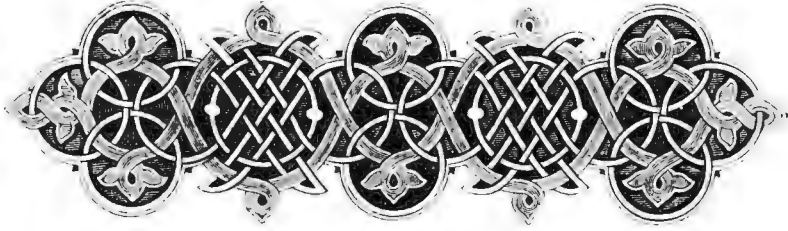
— Напрасно! у васъ длинныя музыкальныя пальцы, вы бы могли играть хорошо, — сказалъ онъ, вставая изъ-за фортепiano, и прошелъ въ кабинетъ отца.

Кажется, послѣ такого перваго знакомства нельзя ожидать завязки какого нибудь романа между мною и Несторомъ Васильевичемъ Кукольниковомъ; однакожъ романъ не романъ, а что-то въ родѣ того завязалось; въ будущемъ мѣсяцѣ я поговорю объ этомъ въ моихъ «воспоминаніяхъ».

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МИССИОНЕРЪ.

(Этюдъ съ природы).

I.

САЛИМГИРЕЙСКАЯ волость, расположенная въ самомъ центрѣ оренбургской Башкиріи, представляетъ одинъ изъ самыхъ дикихъ и живописныхъ уголковъ ея. Эта маленькая волость сплошь состоитъ изъ роскошныхъ луговъ, испещренныхъ повсюду небольшими глубокими озерами и загроможденныхъ тамъ и сямъ густыми вѣковыми сосновыми борами. Деревня Салимгиреева представляетъ одну улицу, тянущуюся вдоль озера Бурханкуль версты на три. На вѣздѣ, направо, немного подавшись къ степи, стоитъ старая-престарая деревянная мечеть, некрашенная, принявшая отъ времени какой-то земляной цвѣтъ. По другую сторону деревни стоитъ на вѣздѣ, отдѣльно отъ другихъ избъ, большой, сравнительно высокій одно-этажный домъ съ просторнымъ крыльцомъ, надъ которымъ виднѣется вывѣска: «Салимгирейское волостное правленіе». Черныя буквы ея видны еще отчетливо, хотя бѣлый ея фонъ давно уже превратился въ блѣдно-сѣрый. Кромѣ этой вывѣски, надъ которой противъ обыкновенія отсутствовало жалкое подобіе двухглаваго орла, краска не коснулась ни одной избы въ деревнѣ Салимгиреевой. Черезъ двѣ крохотныя, повалившіяся избенки отъ волостнаго правленія стоитъ большая новая изба съ крыльцомъ и четырьмя лицевыми окнами.

Здѣсь имѣетъ свое непрерывное пребываніе нынѣшній салимгирейскій волостной писарь Никита Петровъ Зайченко, изъ запас-

«Истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

ныхъ старшихъ писарей какого-то драгунскаго полка, сосредоточившій въ своей особѣ всѣ виды и степени власти.

Кромѣ этой избы, на всю эту громадную деревню приходится не болѣе десяти, сравнительно большихъ, просторныхъ избъ, всѣ же прочія — жалкія, полуповалившіяся, полуразвалившіяся лачуги. Печать мертвенности, лѣни и нищеты лежитъ на этой огромной деревнѣ, какъ и на всякой башкирской деревнѣ вообще.

Стояла темная осенняя ночь. Сырымъ холодомъ вѣяло со степи. Мокрый туманъ поднимался надъ безчисленными озерами, образуя вдалекѣ рядъ причудливыхъ привидѣній. Листья съ невнятнымъ шепотомъ сыпались съ полуобнаженныхъ деревьевъ на мокрую землю. Деревня Салимгиреева уже спала, и лишь въ двухъ-трехъ избахъ видѣлся огонь. Двѣ огромныя собаки на дворѣ волостнаго писаря съ оглушительнымъ ревомъ бросились вдругъ къ воротамъ; за ними загудѣли и затаивали дворовые псы и дворняги по всей деревнѣ. Писарь «Никита Петровичъ», какъ съ глубочайшимъ почтеніемъ величали его башкиры всей Салимгирейской волости, лежавшій въ эту минуту въ горницѣ на старомъ, истрепанномъ диванчикѣ и медлительно читавшій «Сельскій Вѣстникъ», положилъ газету на столъ предъ собой и сталъ прислушиваться. Сѣнная дверь заскрипѣла, и у воротъ поднялся отрывистый говоръ. Вотъ дверь пріотворилась, и въ комнату просунулось заспанное лицо работника его Терентія.

— Почевать тамъ просится какой-то, Никита Петровичъ; онъ и сказывается, какой, да я что-то не разберу. Христа ради, говорить, пустите: иззябъ весь, да и дѣло у меня къ писарю есть не простое.

— Ну, что-жъ, пусти,—съ разстановкой, точно обдумывая что-то, отвѣтилъ Никита Петровичъ,—только коня-то не ставь въ пригонъ вмѣстѣ съ нашими, а привяжи къ коробку на дворѣ.

Терентій, пыхтя и кряхтя, втащилъ въ комнату огромный деревянный ящикъ, перевязанный накрестъ толстой веревкой, и почти бросилъ его на полъ у печки. За нимъ слѣдомъ вошелъ плотный блондинъ лѣтъ 20, средняго роста, съ длинными свѣтло-русыми волосами и маленькой, еле выбившейся, бородкой, въ измятой поярковой шляпѣ и длинномъ ватномъ кафтанѣ съ мѣховою опушкой, сверхъ котораго былъ наброшенъ на плечи огромный бараній тулупъ. Никита Петровичъ, приподнявшись съ дивана, прищурился слегка и, вертя въ рукахъ «Сельскій Вѣстникъ», молча и вопросительно глядѣлъ на вошедшаго. Тотъ сбросилъ съ плечъ тулупъ и въ то время, какъ Терентій вносилъ въ горницу около полудесятка подушекъ, подошелъ къ писарю и, протянувъ ему руку, откомендовался:

— Позвольте съ вами познакомиться—псаломщикъ Сергѣй Кучинъ, вновь назначенный миссіонеръ.

Узкіе, каріе глазки Никиты Петровича заискрились любопытствомъ, но онъ молчалъ, присѣвъ на диванчикъ.

— Лѣтомъ изъ семинаріи вышель,—продолжалъ между тѣмъ Кучинъ,—и тогда же пожелалъ осуществить свою давнишнюю мечту: проповѣдывать нашу вѣру между башкирами нашего края. Преосвященный благословилъ и выписалъ мнѣ на счетъ миссіонерскихъ суммъ три сотни евангелія на башкирскомъ языкѣ изданія библейскаго общества. Пока собрался, и лѣто минуло, но вѣдь можно и за зиму много сдѣлать.

— Ничего вы съ нашими башкиришками не сдѣлаете и за дѣлый годъ, а не то, что за одну зиму!—воскликнулъ Никита Петровичъ, вскочивъ съ дивана и какъ-то отчаянно махнувъ рукой.

Лицо его оживилось, глаза забѣгали, руки попеременно хватались за кончики усовъ. Кучинъ поглядѣлъ на него съ изумленіемъ своими большими голубыми глазами.

Терентій внесъ большой самоваръ, тарелку съ хлѣбомъ, миску съ вареной солониной, кружку съ масломъ, графинъ квасу, ножи и вилки и, поставивъ все это на столъ передъ диванчикомъ, вышель. Самоваръ шипѣлъ и пыхтѣлъ, наполняя холодную комнату еле замѣтными струйками пара. Низкая лампа съ небольшимъ бѣлымъ абажуромъ, на которомъ лежалъ толстый слой пыли, слабо освѣщала со стола огромную комнату. Никита Петровичъ ходилъ по ней взадъ и впередъ. Кучинъ сѣлъ на истрепанное полукресло и, опершись на правую руку, призадумался. Пророчество, какимъ встрѣтилъ его Зайченко на первомъ шагу его проповѣдничества, поразило его. Онъ не видѣлъ ни самовара, который долженъ былъ скорѣ потухнуть, ни чайника, въ которомъ простылъ уже чай, ни высокой этажерки въ лѣвомъ углу, на которой валялись въ беспорядкѣ книги, газеты, дѣла, бумаги, ни маленькой иконы Табынской Богоматери въ правомъ углу, ни стараго большаго зеркала надъ подержаннымъ ломбернымъ столикомъ въ правомъ простѣнкѣ, ни картины безъ рамы, изображающей играющихъ котятъ, на стѣнѣ, надъ диваномъ, какъ разъ противъ него..

— Что же это вы ничего не кушаете?—вдругъ спросилъ его Зайченко, круто обернувшись къ нему на полуоборотъ:—хотя знаете, и не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но, всетаки, послѣ дороги всякъ ѣсть захочетъ.

Кучинъ налилъ себѣ стаканъ чаю и, взявъ на вилку кусокъ ветчины, медленно поднесъ его ко рту.

— Вы, видно, удивились тому, что я вамъ сказалъ, заговорилъ Никита Петровичъ,—но напрасно. Не удивляйтесь, молодой человѣкъ, и повѣрьте мнѣ: сущую правду вамъ говорю. Ничего вы съ нашими башкиришками не подѣлаете, да и нечего вамъ съ ними дѣлать, потому что ужъ такой народишко окаянный. Никакой у нихъ вѣры нѣту, никакой имъ вѣры и не надо. Ходятъ они въ

свою мечеть единственно по привычкѣ и отъ нечего дѣлать, да еще потому, что азанчей сгоняеть да мулла выговариваеть, а то бы они дальше своихъ воротъ никуда и не ходили. Конечно, вы благое дѣло задумали. Дай Богъ вамъ всякаго успѣха. Только узнать башкиръ нашихъ, сидя въ семинарскихъ стѣнахъ, вы не могли, а нельзя же вамъ вести между ними свое дѣло, ихъ хорошо не зная. Вотъ для чего я вамъ и говорю все это. Они въ одно лишь вѣрятъ: аш́ать и лежать—нажрется и развалится, а больше имъ ничего и не нужно...

Кучинъ поспѣшно отставилъ свой стаканъ и какъ-то испуганно воскликнулъ:

— Что вы! можетъ ли это быть?

— Самая суцая правда. Самый мерзкій народъ на свѣтѣ. Все воры да мошенники. Вѣры же у нихъ собственно нѣту никакой. Обряды свои они еще кое-какъ соблюдаютъ, а въ душѣ у нихъ Бога нѣтъ ни на чуточку. Сынъ отца родного обокрадетъ, если представится удобный случай. А что ужъ развратъ между ними— и говорить нечего. Хотя бабы у нихъ тамъ и прячутся и покрывалами закрываются, но это только снаружи, для близиру, такъ сказать, а на самомъ дѣлѣ развратъ между ними страшный. Я ужъ къ нимъ за десять лѣтъ хорошо присмотрѣлся. Смотришь, дѣвченка—лѣтъ тринадцати, еле отъ земли поднялась, а она ужъ непременно съ кѣмъ нибудь изъ нихъ подходящимъ снюхалась. Вотъ хотя бы недавно. Сабышевскій мулла молодой, Каюмъ Кадыровъ, взялъ изъ деревни Абдрашитовой дѣвочку, Садыкову дочь, можете себѣ представить, всего двѣнадцати лѣтъ, и живетъ съ ней. Ему всѣ говорятъ: «какъ это: ты—мулла, а не въ законѣ живешь, да еще съ ребенкомъ». А онъ свое поеть: «я—мулла, самъ себя повѣнчалъ». Вотъ вамъ и весь сказъ. Ужъ если муллы это творять, то что ужъ говорить про простой народъ.

— Если они въ своей вѣрѣ не тверды, то ихъ скорѣй обратить можно,—возразилъ Кучинъ, поднявъ глаза на Никиту Петровича.

— Оно бы такъ было, коли бы они только отъ своей вѣры отстали, а то вѣдь они ни къ какой не пристануть: никакой имъ вѣры не надо. Коли у башкира есть, что аш́ать, онъ нажирается и валяется на печи, либо на нарахъ, а коли нѣтъ, онъ идетъ воровать. Рѣдкій между ними—работникъ. У него 60 десятинъ собственной земли, а онъ ходитъ побираться. Ему лишь бы сытымъ быть, ничего не дѣлая. Вотъ онъ и уповаетъ, что Аллахъ поможетъ ему во всю жизнь брюхо набивать не работая: въ этомъ вся его вѣра.

Зайченко поглядѣлъ подъ колпакъ лампы, свѣтъ которой начиналъ чуть-чуть слабѣть. Кучинъ молчалъ.

— А мы вотъ что сдѣлаемъ,—сказалъ вдругъ Никита Петровичъ:—завтра утромъ переведу я васъ отъ себя на отводную квартиру. Она у насъ обществомъ для начальства нанимается, но на-

чалство къ намъ почти никогда не ѣздитъ, и она пустуетъ. Это— у Хакима Мирясова. Горница—чистая, просторная, свѣтлая. Какъ помѣститесь вы тамъ, сейчасъ къ вамъ башкиришки набѣгутъ и станутъ сперва хозяевъ допытывать, кто, какой чиновникъ, чего пріѣхалъ, а потомъ и къ вамъ доберутся. Вотъ вы ужъ тутъ какъ хотите, такъ исподволь и дѣйствуйте.

На чердакъ писарскаго дома проѣли первые пѣтухи. Никита Петровичъ ушелъ изъ горницы на свою половину, предоставивъ Кучину располагаться на диванчикѣ, какъ ему удобнѣе. Мертвенное молчаніе деревни Салимгиреевой, нарушенное внезапнымъ пріѣздомъ Кучина, снова вступило въ свои обычныя права.

II.

На слѣдующее утро молодой миссіонеръ, при помощи Терентія, переселился на отводную квартиру. Юноша былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ плохо спалъ въ эту ночь, какъ спитъ человѣкъ, сильно огорченный. Онъ аккуратно сложилъ въ своемъ ящикѣ триста экземпляровъ башкирскаго евангелія, за дорогу смѣшавшихся съ его бѣльемъ и платьемъ. Перебирая эти прекрасныя книжечки библейскаго общества въ ихъ стереотипныхъ, изящныхъ, черныхъ переплетахъ, одинаковыхъ для всѣхъ языковъ земнаго шара, онъ остановился вдругъ и застылъ въ одномъ и томъ же положеніи, стоя на лѣвомъ колѣнѣ надъ ящикомъ, точно чѣмъ-то внезапно пораженный. Въ головѣ его внезапно и совершенно неожиданно пронеслась мысль: «а вѣдь я вовсе не знаю этого языка, не могу читать имъ этой книги, не могу говорить съ этимъ народомъ на его родномъ языкѣ!» Кучинъ поднялся съ мѣста и безпокойно зашагалъ по комнатѣ. Мысль эта какъ-то налегла на него и не давала ему покоя. Онъ машинально заглядывалъ то въ одно окно, то въ другое; то вдругъ останавливался около ящика, въ которомъ только что сложилъ евангелія, и бессознательно всматривался внутрь его, точно искалъ въ глубинѣ его разрѣшенія мучившихъ его сомнѣній. Какъ нарочно, солнце въ этотъ день не показывалось. Грязно-сѣрыя осеннія тучи медленно и въ безпорядкѣ тянулись по сѣрому непривѣтливому небу. Въ улицѣ стояли тамъ и сямъ небольшими кучками грязные, оборванные, невзрачныя башкиры и лѣнливо, точно нехотя, болтали другъ съ другомъ со своей своеобразной жестикуляціей. Башкирки въ своихъ краснопестрыхъ одѣяніяхъ, закрываясь на сколько возможно своими длинными, красными головными покрывалами, тащили на спинахъ вязанки дровъ въ свои избы. Хакимъ Мирясовъ, хозяинъ отводной квартиры, внесъ Кучину кипящій самоваръ. Этотъ коренастый старикъ, лѣтъ 50-ти, съ большими выразительными, плутовато бѣгающими, глазами, съ едва замѣтной сѣ-

диной въ густыхъ черныхъ отросткахъ волосъ на бритой головѣ и въ тонкихъ черныхъ усахъ, искоса поглядывалъ на постояльца. Выраженіе лица его было неопредѣленно, ибо онъ не зналъ званія и степени власти вновь прибывшаго лица. Онъ зналъ лишь, что поставилъ его къ нему на квартиру «самъ Никита Петровичъ», но кто онъ такой, что за начальникъ, зачѣмъ пріѣхалъ, этого не зналъ положительно никто не только въ деревнѣ, но даже въ самомъ волостномъ правленіи, ибо Никита Петровичъ на всѣ обращаемые къ нему по этому предмету вопросы упорно отмалчивался.

Уже за полдень, когда Кучинъ, чтобы нѣсколько разогнать мучившія его мрачныя мысли и разсѣять свое мрачное настроеніе, принялся прочитывать бывшіе при немъ нумера «Церковнаго Вѣстника», на хозяйской половинѣ поднялся внезапно громкій говоръ, и вслѣдъ за этимъ изрядная толпа башкиръ разныхъ возрастовъ ввалилась къ нему въ горницу. Они пытливо поглядѣли на его ящикъ, его одежду, его подушки, его тулупъ, брошенный на нарахъ между подушками, на него самого, потоптались на одномъ мѣстѣ у дверей, почесали затылки, и наконецъ одинъ изъ нихъ, маленькій старичекъ, стоявшій впереди, спросилъ его, кивнувъ ему головой:

— Здравствуй! Ты насчетъ чего это къ намъ пріѣхалъ? объ чемъ?

— Насчетъ чего вездѣ ѣзжу,—уклончиво отвѣтилъ Кучинъ, всталъ изъ-за стола и бросилъ газету на нары.

— А насчетъ чего ты вездѣ ѣдишь?—спросилъ старикъ, ухмыльнувшись и лукаво взглянувъ на своихъ товарищей, которые тоже улыгнулись.

Кучинъ помолчалъ съ минутку, серьезно оглядѣлъ всѣхъ своихъ собесѣдниковъ и отчетливо произнесъ:

— Насчетъ вѣры.

— Насчетъ какой вѣры?—подхватило уже нѣсколько голосовъ, и башкиры, переглядываясь другъ съ другомъ, заговорили на своемъ языкѣ, непонятномъ для Кучина.

Онъ прошелся по комнатѣ, обождалъ, пока они поутихнутъ, и отвѣтилъ:

— Насчетъ какой вѣры? Насчетъ всякой!

Собесѣдники его съ недоумѣніемъ поглядѣли другъ на друга и съ азартомъ заговорили между собою, отчаянно жестикулируя руками и головой.

— Какъ же ты можешь каждую вѣру знать? Ты еще совѣтъ молодой. И что ты можешь для всякой вѣры сдѣлать? Развѣ всякій въ своей вѣрѣ станетъ тебя слушать? Кто тебя послалъ?—строго спросилъ старикъ, немного подвигаясь впередъ. Прочіе молчали.

Кучинъ, ставъ противъ него, провелъ рукой по лбу и обдернулъ. Онъ былъ взволнованъ. Всѣ тѣ сокровенныя мысли и тайныя сомнѣнія, какія роились въ молодой душѣ его, когда онъ еще на ученической скамьѣ мечталъ о просвѣщеніи мѣстнаго мусуль-

манства великой истиной христіанства, всплыли вдругъ и хлынули на него, пробужденныя и встревоженныя этими простыми словами этого простого, невзрачнаго старика.

— Всякую вѣру можно узнать изъ книгъ,—отвѣтилъ онъ, немного потупясь и съ легкой примѣсью смущенія въ его мягкомъ голосѣ:—а слушать себя я никого не заставляю. Вашу вѣру я знаю на столько, чтобы сказать прямо и ясно, что въ ней хорошо и что не хорошо.

— Всякій считаетъ свою во всемъ хорошей,—отвѣтилъ старикъ, и въ голосѣ его прозвучала нотка затаенной грусти.

— Это такъ, но у каждаго не разъ въ жизни случаются сомнѣнія: такъ ли это и такъ ли то, хорошо ли это и хорошо ли то, говоритъ ли объ этомъ наша вѣра что нибудь или ничего не говоритъ, такъ ли говоритъ она или не такъ? Всѣ эти сомнѣнія я и разъясняю тому, кто сомнѣвается и ищетъ разъясненія. Вотъ что я могу для всякаго человѣка всякой вѣры сдѣлать. А могу я это потому, что знаю и понимаю священныя книги.

— Какія книги? алкоранъ?—спросилъ другой изъ толпы, молодой парень съ добродушнымъ выраженіемъ лица и пронизательными черными глазами.

— Есть еще много книгъ, кромѣ алкорана,—твердо произнесъ Кучинъ, окидывая взоромъ своихъ собесѣдниковъ.

— Мы должны знать одинъ только алкоранъ!—рѣзко произнесъ кто-то изъ толпы, внезапно всколыхнувшейся, засуетившейся и загалдѣвшей на своемъ рѣзкомъ гортанномъ языкѣ.

— Въ алкоранѣ этого не сказано,—громко возразилъ Кучинъ:—и всякій магометанинъ можетъ поучаться и изъ другихъ книгъ.

— Развѣ мы можемъ понимать эти книги?—возразилъ старикъ.

— Конечно, можете, потому что онѣ переведены и на вашъ языкъ.

Башкиры недоувѣрчиво поглядѣли на Кучина и переглянулись другъ съ другомъ: на всѣхъ лицахъ было написано полное недоумѣніе и крайнее любопытство.

— А, ну-ка, покажи!—какъ-то нерѣшительно произнесъ кто-то изъ толпы, надвигавшейся на Кучина.

Онъ подошелъ къ своему ящику, стоявшему у самыхъ наръ, и нагнулся надъ нимъ. Башкиры хлынули за нимъ, толкая другъ друга и заглядывая въ ящикъ. Онъ сталъ вынимать изъ него книжечки евангелія и подавалъ ихъ имъ. Въ мгновеніе ока выхватывали они ихъ у него изъ рукъ и, не отходя отъ ящика, принимались ихъ перелистывать. Они немилосердно пачкали своими грязными руками эти чистые, бѣлые листочки и послѣшно, въ полъ-голоса, прочитывали мелькавшій предъ ними текстъ. Горница наполнилась монотоннымъ гудѣніемъ, въ которомъ выдѣлялись и явно преобладали гортанные звуки.

— О комъ же это пишется здѣсь въ этихъ книжкахъ?—спросилъ

старикъ, полуобернувшись къ Кучину, который между тѣмъ отошелъ къ столу въ глубинѣ комнаты.

— О великомъ пророкѣ Христѣ, котораго самъ пророкъ Магометъ призывалъ пророкомъ, посланнымъ отъ Бога раньше его.

— Что же здѣсь о немъ пишется?— спросилъ другой, не подымая головы и не отрывая глазъ отъ книжечки.

— А вы вотъ возьмите эти книги домой и прочитайте: рассказать этого скоро невозможно. Если кто чего не пойметъ или въ чемъ усомнится, приходите ко мнѣ.

Башкиры шумно заговорили на своемъ рѣзкомъ языкѣ. У нихъ поднялся, повидимому, какой-то споръ. Старикъ, бесѣдовавшій съ Кучинымъ, кричалъ внушительно и повелительнымъ тономъ. Вдругъ они всей толпой быстро вышли изъ комнаты.

Кучинъ повеселѣлъ. Ему удалось заинтересовать башкиръ книгами евангелія, и это онъ считалъ уже большимъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ ухода бесѣдовавшей съ нимъ толпы, явилась новая толпа башкиръ и попросила книгъ. За ней стали вваливаться къ нему въ комнату мѣстные обыватели по одному, по два, по три, брали книги и уходили.

Наступали сумерки, сѣрая, холодная, безжизненная сумерки. Хозяинъ дома Хакимъ Мирясовъ, потихоньку войдя въ комнату, выразилъ изумленіе, что Кучинъ съ самаго утра ничего не ѣлъ. Но тотъ приказалъ лишь ему убрать самоваръ и улечься спать. Онъ крѣпко спалъ въ эту ночь подъ шумъ осенней непогоды.

Утромъ наступившаго дня его разбудилъ нестройный крикъ голосовъ у самой двери занимаемой имъ горницы. Онъ поспѣшно одѣлся и, отстегнувъ дверной крючокъ, выглянулъ въ сѣни. Толпа башкиръ хлынула оттуда въ раскрытую дверь. Высокій, худощавый мужчина, лѣтъ за тридцать, съ блѣднымъ цвѣтомъ продолговатаго лица, небольшими черными усами, гладко выбритый, въ лиловомъ бархатномъ аракинѣ, обшитомъ серебряннымъ позументомъ, выдвинулся впередъ. Глаза его горѣли лихорадочнымъ блескомъ, ноздри раздувались, губы выпячивались впередъ и дрожали.

— Что ты это намъ далъ! Какія книги ты намъ далъ! — неистово закричалъ онъ на Кучина, грозно потрясая надъ собой кистью правой руки.

— Какія книги! хорошія книги, священныя книги! — протяжно отвѣтилъ Кучинъ, ошеломленный внезапностью происшедшаго.

— Хороши! знаемъ мы, каки хороши! Лучше бы ты себѣ держалъ таки хороши! — провозгласилъ оралъ башкиръ, надвигаясь на Кучина, который инстинктивно пятился назадъ.

— Вѣдь вы же сами просили меня дать! — возразилъ онъ, совершенно озадаченный, складывая руки на груди.

— Да, просили! Умѣшь свой товаръ хвалить! Думаешь, всѣ дураки башкиры, — уже просто заревѣлъ наступавшій въ порывѣ безграничнаго бѣшенства и со всего размаха ударилъ Кучина по лицу. Какой-то дикій вопль внезапно наполнилъ горницу. Кто-то душилъ его за горло сухими костлявыми пальцами, точно клещами. Удары сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Онъ лишился сознанія..

III.

Сильно измяли Кучина башкиры. Еще сильнѣе было нравственное его потрясеніе. Но молодость взяла свое. Къ вечеру того же дня онъ былъ уже на ногахъ и оживленно рассказывалъ Никитѣ Петровичу, двумъ его помощникамъ и мѣстному волостному фельдшеру изъ башкиръ, сидѣвшимъ у него за большимъ самоваромъ, подробности происшедшаго. Помощники и фельдшеръ, такіе же молодые люди, какъ и самъ Кучинъ, улыбались и пересмѣивались другъ съ другомъ. Наоборотъ Никита Петровичъ былъ весьма серьезень и какъ-то сосредоточень. Въ этомъ истомъ хохлѣ, заброшенномъ въ дальнюю башкирскую сторону, говорило искреннее религиозное чувство, и онъ былъ глубоко взволнованъ и возмущень выходкой башкиръ.

— Знаю я,—говорилъ онъ, сосредоточенно глядя въ свой стаканъ, — чьи это штуки. Это мулла, сукинъ сынъ, ихъ подучилъ. Этотъ высокій, блѣдный, что первый напалъ на васъ: это—родной братъ нашего салимгирейскаго муллы, Салихъ Шайхисламовъ. Надо сейчасъ послать нарочнаго къ полицейскому уряднику въ с. Чудиново: пусть немедленно пріѣдетъ и произведетъ дознаніе. Надо ихъ хорошенько проучить, мошенниковъ! И подумаешь, какова собака этотъ Салихъ: вѣдь въ военной службѣ, подлець, былъ.

— Нѣтъ, не хочу я,—возражалъ Кучинъ,—не хочу я никакихъ этихъ уголовныхъ дѣлъ. Не успѣлъ еще шагу ступить въ своей дѣятельности, а уже разные дѣла позаводить. Нѣтъ, ни за что не хочу.

— Такъ пусть, значить, бьютъ, колотятъ, безобразничаютъ. Тутъ побьютъ, тамъ побьютъ, а тамъ и совсѣмъ кончатъ. Спустите имъ только одинъ разъ, они васъ живо укокошатъ. А не то бросайте свое дѣло!

— Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, Никита Петровичъ, къ такому святому дѣлу уголовныя дѣла приплетать. Что же это такое будетъ въ самомъ дѣлѣ! Они поймутъ, что я хочу острогомъ да каталажкой ихъ въ нашу вѣру перетягивать! Эдакъ все дѣло вѣдь испортить!

— Пусть подлецы прощенія попросятъ, — вставилъ одинъ изъ помощниковъ.

— А въ самомъ дѣлѣ пусть прощенія просятъ, — подхватилъ другой:—подтянемъ-ка мы старшину и старосту: пусть ихъ настра-

щаютъ хорошенько. Башкиры вѣдь — страшные трусы. Они сейчасъ прибѣгутъ прощенія просить. Мы покричимъ на нихъ, будемъ гнать, поломаемся малость, а потомъ и простимъ. Такъ будетъ лучше.

— Конечно, лучше,—согласился Кучинъ.

— Ну, ладно, пусть будетъ такъ,—сдался Никита Петровичъ.

На слѣдующее утро, едва Кучинъ умылся, пришелъ къ нему посланецъ отъ Никиты Петровича, запасный рядовой изъ мѣстныхъ башкиръ, отлично говорившій порусски, прося его пожаловать въ волостное правленіе. Молодой миссіонеръ, наскоро одѣвшись, отправился вмѣстѣ съ посланнымъ, указывавшимъ ему дорогу. Женщины и дѣти съ любопытствомъ глядѣли на него изъ оконъ. Башкиры косились на него исподлобья, стоя у своихъ воротъ и среди улицы. Дворняги бросались на этого совершенно незнакомаго имъ человѣка. Когда онъ вошелъ въ присутственную комнату волостнаго правленія, Никита Петровичъ выразительнымъ жестомъ пригласилъ его сѣсть за присутственный столъ. Насупротивъ у задней входной двери правленія толпилась кучка башкиръ съ плутовато-испуганными лицами, грязныхъ, оборванныхъ, изможденныхъ. Сзади всѣхъ, какъ бы прячась за толпу, стоялъ тотъ высокій, блѣдный башкиръ, который первый ударилъ Кучина и котораго Никита Петровичъ называлъ братомъ муллы. Но не онъ привлекъ особое вниманіе молодаго миссіонера. Крайнимъ съ лѣвой стороны стоялъ низенькій, приземистый, худощавый, слегка сутуловатый, немного близорукой, совсѣмъ черный башкиръ. Большіе, черные глаза его были опущены въ землю, и когда онъ подымалъ ихъ на Кучина, они начинали тревожно бѣгать изъ стороны въ сторону. Онъ видимо избѣгалъ взгляда миссіонера, ежился, мялся на одномъ мѣстѣ, оправлялъ свою шубу, поправлялъ на головѣ аракинъ, что-то шарилъ по своимъ карманамъ. Кучину вспомнилось какъ-то не ясно, что его именно худыя, костлявыя руки вцѣпились вчера ему въ горло. За присутственнымъ столомъ, кромѣ писаря, двухъ помощниковъ и Кучина, сидѣлъ рядомъ съ Никитой Петровичемъ старшій, довольно толстый, опрятно одѣтый башкиръ въ цѣпи волостнаго старшины. Староста стоялъ вблизи стола.

— Какъ вы смѣли побить этого человѣка?—громко вскрикнулъ волостной писарь, мотнувъ головой въ сторону Кучина и строго глядя на предстоявшую предъ ними кучку виновныхъ.

Тѣ молчали.

Старшина повторилъ тотъ же вопросъ побашкирски, выразительно грозя имъ пальцемъ и упорно не спуская глазъ съ того крайняго, низенькаго башкира, который привлекъ особое вниманіе Кучина.

Виновные также молчали.

— За что вы, чортъ васъ побери, его такъ избили?—еще громче и еще строже гаркнулъ Никита Петровичъ, потрясая бывшей у него въ рукѣ бумагой.

Предстоявшіе предъ лицомъ своего начальника попрежнему молчали.

Старшина порывисто поднялся съ своего мѣста и рѣзко заговорилъ скороговоркой, сопровождая свою рѣчь многообразными, весьма выразительными жестами.

— Не знаемъ, сами не знаемъ! — отрывисто и какъ-то растерянно отвѣтили наконецъ башкиры порусски и побашкирски.

Старшина, выйдя изъ за-стола, сталъ кричать еще громче, грозно размахивая рукой.

— Прощай, батюшка, прощай, смилуйся, прощай!—загудѣли виновные всѣ разомъ, кланаясь въ поясъ и постепенно приближаясь къ Кучину.

— Прощаю, прощаю: Богъ съ вами!—воскликнулъ миссіонеръ, совершенно озадаченный, какъ бы боясь, чтобы они не приблизились къ нему съ своими жалкими, испуганными лицами въ своихъ униженныхъ, согбенныхъ позахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя прощать!—вмѣшался Никита Петровичъ, строго глядя на башкиръ и на Кучина.

— Прощай, батюшка, смилуйся, прощай!—снова, уже какъ-то жалобно замычали виновные, все приближаясь къ Кучину.

— Прощаю, прощаю же!—воскликнулъ онъ съ легкимъ оттѣнкомъ досады въ голосѣ, поднявшись съ своего мѣста и протянувъ впередъ руку, какъ бы отстраняя кого-то.

— Ну, ступай же домой! Знай же: большая милость вамъ это сдѣлана! вонъ!—крикнулъ старшина побашкирски. Виновные мгновенно юркнули одинъ за другимъ въ заднюю дверь волостнаго правленія.

IV.

Кучинымъ овладѣла жестокая душевная тоска. Не хотѣлось ему уѣхать отсюда такъ скоро, уѣхать ни съ чѣмъ, но онъ не зналъ и не понималъ, что ему дѣлать болѣе и какъ дѣлать. Онъ ходилъ изъ угла въ уголь по своей обширной горницѣ, перечитывалъ «Церковный Вѣстникъ», «Вѣру и Разумъ», «Русскую Мысль», разныя мелкія книжонки, подъ вечеръ прогуливался. Его поражала жестокая, вопіющая, ужасающая нищета башкиръ. То, что онъ видѣлъ за семинарскими стѣнами въ Оренбургѣ—на площадяхъ и базарахъ,—не давало должнаго понятія о томъ, что онъ видѣлъ здѣсь, въ глубинѣ оренбургской Башкиріи, въ глухой, отдаленной деревнѣ. Онъ зналъ, правда, раньше, что башкиръ баснословно лѣнивъ, что башкиръ бѣденъ, грязенъ, невѣжественъ, что башкиръ проситъ милостыню, имѣя 50—60 десятинъ собственной земли, что башкиръ питаетъ страсть къ воровству, но зналъ онъ все это какъ-то теоретически, въ отвлеченныхъ представленіяхъ, а не въ живыхъ,

конкретныхъ, поражающихъ образахъ и сценахъ. Голодные годы, волей Божіей посѣтившіе этотъ привольный и богатый край, разорили башкиръ дотла, довели ихъ до послѣдней ступени человѣческой нищеты. Просители милостыни стали появляться у оконъ горницы Кучина съ ихъ выразительной, вѣмой мольбой въ глазахъ, съ ихъ изможденнымъ обликомъ, съ ихъ протянутыми руками. Онъ спѣшилъ отдать имъ все, что оставалось у него изъ провіантскихъ присылокъ Никиты Петровича. Но каждый день являлось ихъ все больше и больше, и провіанта его не хватало. Онъ подавалъ тогда имъ мелкую мѣдную монету—одну или двѣ копейки. Такъ въ чтеніи, подачѣ милостыни и хожденіи изъ угла въ уголъ проходили дни, становившіеся все короче и короче. Онъ неудомѣвалъ, уѣзжать ли ему изъ Салимгиреевой, или еще оставаться; онъ какъ будто ожидалъ чего-то, не понималъ, наконецъ, куда ѣхать.

Онъ стоялъ у окна и глядѣлъ, какъ сѣро-дымчатыя сумерки окутывали степную даль, надвигались на деревню. Безчисленныя деревенскія дворяшки съ перерывами, какъ бы нехотя, оглашали мертвую тишь своимъ бессмысленнымъ лаемъ. Ему становилось жутко среди этого мертваго безмолвія, прерываемаго лишь собачьимъ лаемъ. Вдругъ онъ вздрогнулъ и невольно отшатнулся... Передъ окномъ стоялъ тотъ самый низенькій, приземистый башкиръ, который такъ избѣгалъ его взгляда въ толпѣ, просившей у него прощенія въ волостномъ правленіи: руки его были протянуты къ нему, глубоко ввалившіеся черные глаза блестѣли страданіемъ и мольбой, искривленное лицо передергивало. Кучинъ поспѣшно отворилъ форточку, роясь лѣвой рукой въ жилетномъ карманѣ, чтобы нащупать серебрянную монету.

— Смилюйса,—проговорилъ башкиръ, и въ голосѣ его дрожали слезы,— смилюйса; баба, диты ашѣть хочеть; помирать будемъ; обчества не даѣтъ клѣбъ—помирать будемъ.

— Отчего не даѣтъ?—спросилъ Кучинъ, искренне обрадовавшійся, такъ какъ это былъ первый проситель милостыни, съ нимъ заговорившій.

— Баѣтъ староста: у брата его Хажейки овца краль: обчества клѣбъ за то не даѣтъ—ашѣть нѣту, работа нѣту, денга нѣту!

— А ты укралъ развѣ?—спросилъ Кучинъ, подавая ему гривенникъ.

Башкиръ припалъ къ его пальцамъ. Онъ поспѣшно выдернулъ руку.

— Нѣтъ, сусѣдъ мой Махметка воровалъ, а я потрошить толки помогаль; мнѣ лопатка одынъ достался.

— Зачѣмъ же ты помогаль?

— Вышелъ ночесъ до вѣтру, наткнулсы на Махметку—овца потрошить; мой дворъ незагороженной; баба, диты ашѣть просытъ; ашѣть нѣту; я потрошить ему пособылъ и лопатка взялъ.

Кучинъ затворилъ форточку, и башкирь медленно пошелъ черезъ улицу.

На разсвѣтъ молодой миссіонеръ былъ внезапно разбуженъ страшнымъ крикомъ, заглушаемымъ нестройнымъ гамомъ множества голосовъ. Онъ наскоро одѣлся и побѣжалъ на крикъ. У полуразвалившейся избенки сновала, суетилась и колыхалась огромная толпа башкирь. Трое, стоя на колѣняхъ у распахнутой двери, душили и беспощадно колотили распростертаго на землѣ, испускавшаго отчаянные крики. Изъ темныхъ сѣней несея крикъ, ревъ и вопль бабъ и дѣтей. Протолкавшись поближе, Кучинъ узналъ въ избиваемомъ того самаго башкира, которому онъ съ вечера подалъ милостыню и съ которымъ разговаривалъ. Его искаженное лицо, полное ужаса и бѣшенства, съ полузакатившимися глазами, съ пѣной у рта, было страшно.

— Стойте, стойте! бросьте его, бросьте!—повелительно закричалъ Кучинъ, прорвавшись черезъ толпу и съ силой отдернувъ ближайшаго изъ насѣвшихъ на злополучнаго башкира.

Столь внезапное появленіе столь необычнаго защитника ошеломило башкирь. Они разсыпались въ разныя стороны: толпа порѣдѣла. Оба насѣвшіе вскочили на ноги и какъ-то бессмысленно глядѣли на Кучина. Избиваемый схватился подняться, но запатался и упалъ. Кучинъ взялъ его подъ оба локтя и медленно поставилъ на ноги. Онъ едва стоялъ, шатался.

— Что вы это дѣлаете? Зачѣмъ человѣка убиваете?—громко воскликнулъ Кучинъ, заложивъ руки въ карманы.

— У менѣ овечка кралъ! Овечка на приплодъ оставилъ, а онъ воровалъ!—робко отозвался одинъ изъ избивавшихъ, мужчина лѣтъ подъ 50, съ просѣдью въ усахъ и бородѣ.

Бабы и дѣти, вынырнувъ изъ сѣней избы, съ воемъ окружили освобожденнаго изъ рукъ истязателей и стали поддерживать его за локти.

— Хотя бы и укралъ, не полагается бить, не дозволяется. Можете заявить начальству,—тономъ вразумленія произнесъ Кучинъ.

— Что начальства! Не уйдѣтъ начальства! Сперва своимъ судомъ нады! Пускай отдастъ за овечка шуба! Не пойдѣмъ подавать никуда! Пускай отдастъ свой шуба!—закипятился старикъ, хозяинъ похищенной овечки, понемногу подвигаясь къ Кучину, стоящему близъ освобожденнаго.

— Какой общества! Гляди, какой общества!—закричалъ вдругъ послѣдній, вырвавшись отъ своихъ бабъ и ребятишекъ и подбѣгая къ старику и Кучину:—какой паршивай общества! клѣбъ не дабѣтъ, апать не дабѣтъ, а пришоль убивать, шуба послѣдній сдирать!

— А почтѣ варавалъ?—закричалъ въ свою очередь старикъ,—почтѣ варавалъ? Затѣ общества и клѣбъ не дабѣтъ! Отдай шуба, отдай!

И онъ внезапно схватилъ обличаемаго въ кражѣ за рукавъ шубы.

— Стой, стой!—закричалъ Кучинъ, видя, что толпа снова на-двигается, и схватилъ нападавшаго за обѣ руки,—не смѣй драться! Что стоить твоя овечка?

— А что стѣить? Два рубли стѣить—не мѣншь! Развѣ онъ мо-жать заплатитъ мнѣ за овечка! Пускай свой шуба дастъ!—насупив-шись отвѣтилъ старикъ, отдернувъ руку отъ рукава обвиняемаго.

— Ну, вотъ на тебѣ за твою овечку два рубля!—протяжно произнесъ Кучинъ, роясь въ карманѣ.

Онъ вытащилъ отсюда большой кожаный кошелекъ и, вынувъ изъ него двѣ рублевья бумажки, подалъ ихъ старику.

Тотъ стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣннн и не протягивалъ руки за деньгами. Съ разинутыми ртами, широко раскрытыми глазами глядѣли башкиры на Кучина, неподвижно застывъ на своихъ мѣстахъ.

Вдругъ обвиняемый бросился къ ногамъ его и, ухватившись за нихъ руками, сталъ цѣловать кончики его сапоговъ, крича:

— Спасибо, батюшка! спасибо! За что мнѣ милость такъ дѣ-лать! Спасибо! Спасибо!

Онъ рыдалъ навзрыдъ.

— Встань, встань, сейчасъ встань!—взволнованнымъ голосомъ повторялъ Кучинъ, стараясь высвободить свои ноги изъ его цѣп-кихъ рукъ и ткнувъ продолжавшему стоять въ изумленнн старику въ руку двѣ кредитныхъ бумажки.

— За что мнѣ милость такъ дѣлать!—продолжалъ рыдать об-виняемый, отнявъ руки отъ ногъ миссионера и не вставая съ колѣнъ.

— За то дѣлаю, что такъ вѣра моя велить. По вѣрѣ своей дѣлаю, не благодари, не надо, не надо! Вѣру нашу благодари, а не меня! Да встань же, а не то я уйду совѣмъ!—серьезно отвѣтилъ Кучинъ, машинально топнувъ ногой.

Башкиръ всталъ съ колѣнъ и выпрямился во весь ростъ. Глаза его горѣли необычайнымъ блескомъ. Онъ гордо окинулъ своихъ одноподеревенцевъ горящимъ, пронизывающимъ взоромъ и сказалъ во всеуслышанн, обращаясь къ Кучину:

— Твоя вѣра лучше нашей. Не хочу наша общества жить, не хочу наша вѣра держать. Беры меня и мой диты въ твоя вѣра. Беры меня въ работники, куда хощь дѣвай, бери толки съ собой. Хочу въ твоя вѣра итти!

Башкиры съ изумленнмъ глядѣли на Мустафѣ Бикбердина, обвинявшагося въ кражѣ овцы у Хажейки Юсупова. Кучинъ былъ нѣсколько озадаченъ внезапностью и неожиданностью обращенн.

— Приходи ко мнѣ на квартиру!—отвѣтилъ онъ въ нѣкото-ромъ раздумнн и поспѣшно направился черезъ улицу.

На слѣдующее утро Мустафѣ получилъ изъ волостного правленія двухмѣсячный паспортъ. Онъ съ величайшими усиліями притащилъ въ свою избу большой мѣшокъ муки, подаренный ему искренне обрадовавшимся его обращенію Никитой Петровичемъ. Радости и торжеству его бабъ и ребятишекъ не было конца. Самъ онъ былъ серьезенъ. Онъ починилъ свою одежду и шубу, поточилъ свой топоръ и объявилъ, что отправляется на работу. Потомъ онъ запустилъ руку въ карманъ и подалъ изумленной старшей женѣ Фатихѣ трехрублевую бумажку на нужды семьи въ его отлучку.

Добрая лошадь Кучина, отлично отдохнувшая за стоянку въ деревнѣ Салимгиреевой, бодро бѣжала по единственной улицѣ деревни, чуть смоченной дождемъ. Правилъ ею Мустафѣ, а Кучинъ сидѣлъ сзади на возвышеніи, сооруженномъ изъ сѣна и подушекъ. Башкиръ напряженно глядѣлъ впередъ и какъ будто вовсе не видѣлъ своей деревни. Одинодеревенцы его, мужчины и женщины, пытливо глядѣли имъ вслѣдъ, и во взорахъ ихъ сквозило какое-то недоумѣніе, свѣтился какой-то неразрѣшенный вопросъ. А Кучинъ ликовалъ въ душѣ, увозя съ собой перваго обращеннаго.

Е. Н. Матросовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXIX.

П. В. Васильевъ.—Его поступленіе въ Александринскій театръ.—Его дарованіе.—Увлеченіе А. Григорьева имъ.—Его дебюты.—Его успѣхи.—Соперничество съ Самойловымъ.—Наружность Васильева.—Его страсть къ драматическимъ ролямъ.—Игра «нутромъ».—Васильевъ, какъ имитаторъ.—Разказы Васильева.—Анекдотическій случай на пароходѣ.—Шуллера.—Исполненіе Васильевымъ роли Гораціо въ «Гамлетѣ».—Гастроли Рыбакова.—Месть трагика.—Шутовская выходка въ трагедіи.—Анекдотъ изъ времени пребыванія Васильева въ театральній школѣ.—Гастроли въ Москвѣ балерины Андряновой.—Фигурантъ А. Л. Леонидовъ.—Его наружный видъ.—Его участіе въ балетѣ «Сатанилла».—Васильевъ въ роли чертенка.—Приглашеніе на блины во время спектакля.—Въ дьявольскихъ костюмахъ въ гости!—Наказаніе Васильева.—Продѣлка Леонидова съ балетмейстеромъ Перро.—Желаніе Васильева выступить въ роли Гамлета.—Разговоръ съ нимъ по этому поводу.—Его отказъ.—Эпиграмма на него.—Участіе въ комедіяхъ Погоесскаго.—Отношеніе Погоесскаго къ своимъ произведеніямъ.—Исключенная сцена.—Безпокойный нравъ Васильева.—Послѣдніе годы жизни.

ВСКОРѢ ПОСЛѢ смерти А. Е. Мартынова на сценѣ Александринскаго театра дебютировалъ Павелъ Васильевичъ Васильевъ, приглашенный замѣстить свободное амплуа перваго комика. Онъ доводился роднымъ братомъ извѣстному московскому артисту Сергѣю Васильевичу Васильеву, что имѣло не маловажное вліяніе на первоначальную его карьеру. Хотя впоследствии Павелъ Васильевичъ составилъ и себѣ громкое имя, но поступленіемъ въ казенный театръ онъ обязанъ почти исключительно своему артистическому происхожденію. Онъ такъ же, какъ и старшій его братъ, получилъ

¹⁾ Продолженіе. (см. «Историческій Вѣстникъ», томъ LVII, стр. 72.)

воспитаніе въ московской театральной школѣ, изъ которой былъ выпущенъ на службу въ Малый театръ, съ пятидесятирублевымъ годовымъ окладомъ. Какъ долго продолжалась его служба на московской сценѣ, я не знаю, но мнѣ извѣстно, что долгое время онъ подвизался на провинціальныхъ подмосткахъ, съ которыхъ въ годъ смерти Мартынова и перекочевалъ въ Петербургъ.

Во многомъ уступая своему брату, который былъ значительно талантливѣе, Павелъ Васильевичъ, не смотря на многіе свои недостатки, въ особенности физическіе, былъ выдающимся актеромъ и пользовался большою любовью публики. Впрочемъ, его успѣхамъ, иногда даже не заслуженнымъ, слишкомъ способствовали пріятель, въ родѣ извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, который печатно превозносилъ Васильева до небесъ, называя его гениемъ. Онъ чуть ли не ежедневно воспѣвалъ своего друга въ рецензіяхъ и этимъ развилъ въ Васильевѣ такое непомерное самолюбіе, что тотъ въ концѣ концовъ сдѣлался крайне несноснымъ человѣкомъ и товарищемъ.

Васильевъ дебютировалъ въ самыхъ неудачныхъ для себя пьесахъ, а именно въ «Андрей Степановичъ Букъ» и въ «Комедіи безъ названія». Въ первой онъ игралъ заглавную роль, во второй— роль Васадулина, но ни къ той, ни къ другой онъ не подходилъ, главнымъ образомъ благодаря своимъ физическимъ средствамъ. Какъ публика, такъ равно и театральное начальство отнеслись къ его дебютамъ довольно равнодушно, и онъ поступилъ на весьма незначительное содержаніе. Но когда онъ сталъ появляться въ репертуарѣ Островскаго и въ другихъ новыхъ пьесахъ, то вскорѣ обратилъ на себя общее вниманіе и въ короткое время занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ труппѣ. Пресса всегда къ нему очень благоволила и раздувала его успѣхи, благодаря чему онъ быстро пошелъ въ гору и получалъ солидный окладъ жалованья, безъ «выслуги лѣтъ».

Расположеніе рецензентовъ дало поводъ Васильеву открыто соперничать съ В. В. Самойловымъ, черезъ что между ними установились враждебныя отношенія, впоследствии неблагоприятно отзывавшіяся на ходѣ закулисныхъ дѣлъ. Конечно, эта борьба была неравносильна, побѣда всегда оставалась на сторонѣ Самойлова, однако Васильевъ долго не уступалъ позиціи и, благодаря дружбѣ съ драматургами и журналистами, до самой отставки своей не покидалъ мечты превзойти гениальнаго артиста.

Говоря о физическихъ недостаткахъ Васильева, слѣдуетъ общими контурами обрисовать его наружность. Онъ былъ маленькаго роста, съ очень полной, одутловатой фигурой, всегда казавшей его неуклюжимъ, неловкимъ. На большомъ кругломъ лицѣ красовался маленькій носъ, постоянно мѣшавшій гриму. Кромѣ всего этого, онъ имѣлъ хриплый, несимпатичный голосъ.

Въ серьезныхъ комическихъ роляхъ онъ былъ очень хорошъ, но поклонники увѣрили его, что олицетвореніе драматическихъ характеровъ ему удастся лучше. Павелъ Васильевичъ наивно вѣрилъ этому и считалъ себя трагикомъ, въ силу какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ принужденнымъ играть комическія роли. Послѣ многихъ хлопотъ и настаиваній, ему стали поручать драматическихъ героевъ. Онъ былъ въ нихъ крайне слабъ, а иногда и прямо невозможенъ, но самообольщеніе было такъ велико, что онъ не замѣчалъ этого и продолжалъ домогаться овладѣть драматическимъ репертуаромъ. При исполненіи драматическихъ ролей онъ впадалъ въ провинциализмъ, притягивая на сцену все отрицательное въ искусствѣ, т.-е. ходульность, утрировку и мелодраматическій пафосъ. Это онъ называлъ играть «нутромъ». Чуть не въ каждомъ словѣ и каждомъ жестѣ онъ былъ противостественъ, и чтобы выразить свою «нутрянную» игру, онъ, читая трогательные монологи, обыкновенно дѣлалъ такія продолжительныя паузы и такъ усердно всхлипывалъ, что положительно ставилъ втупикъ играющихъ съ нимъ актеровъ.

Павелъ Васильевичъ обладалъ замѣчательною способностью копировать всѣхъ и каждого. Эта копировка была не простымъ передразниваніемъ, но высоко-художественнымъ воспроизведеніемъ извѣстнаго субъекта, со всѣми его привычками, манерами, разговорами и даже образомъ мыслей. Смотри на Васильева, изображающаго кого либо, поражаешься бывало вѣрностью передачи и безусловно соглашаешься, что представляемый имъ иначе не можетъ ни говорить, ни думать. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что все это передавалось въ уморительно смѣшномъ видѣ.

Разсказы Павла Васильевича о различныхъ приключеніяхъ, видѣнныхъ или испытанныхъ имъ самимъ, были всегда полны интереса и юмора. Не смотря на свой капризный, несносный нравъ и на неуживчивый характеръ въ стѣнахъ театра, Васильевъ въ обществѣ, однако, былъ занимательнымъ собесѣдникомъ и превосходнымъ разсказчикомъ. Впрочемъ, отъ общества его слишкомъ часто отнимали карты; онъ былъ страстнымъ охотникомъ до всевозможныхъ азартныхъ игръ, въ которыхъ, однако, былъ неизмѣнно несчастливъ.

Мнѣ помнится очень забавный его разсказъ о шуллерахъ, которые въ старину постоянно развѣзжали на волжскихъ пароходахъ, специально для обыгрыванія простодушныхъ пассажировъ.

— Переправлялся я изъ Рыбинска въ Самару,—говорилъ Павелъ Васильевичъ.—На пароходѣ, по обыкновенію, было очень много народу, между которымъ сновали хищническія фізіономіи шуллеровъ, устраивавшихся на пароходѣ почти подомашнему... Послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды пассажиры раздѣлились на группы. Очень многіе спустились въ каюты, гдѣ можно было

заняться какой либо игрой, единственнымъ дорожнымъ развлеченіемъ. Въ одной изъ каютъ составила порядочная компанія, къ которой примкнулъ и я. Началась рѣзня въ банкъ, заложенный, какъ оказалось впоследствии, однимъ изъ самыхъ искусныхъ шуллеровъ. Общество было разнообразное: тутъ были и купцы, и чиновники, и даже одинъ священникъ. Игра была весьма оживленная, понтеры спокойно передавали свои деньги ненасытному банкometу. Часа черезъ два одинъ изъ играющихъ, повидимому, принадлежавшій къ чиновному міру, проигралъ все до послѣдней копейки. Съ искривленнымъ отъ ужаса лицомъ вышелъ онъ на палубу и остановился въ раздумьѣ у борта, не зная, что предпринять: броситься ли въ Волгу, или выплакать свое горе капитану. Наконецъ, послѣ долгаго раздумья, онъ рѣшился на послѣднее. Подходить къ капитану и взволнованнымъ голосомъ говорить:

— Позвольте обратиться къ вамъ за помощью... Меня сейчасъ жестоко обыграли въ карты... Билетъ я имѣю только до Нижняго, а мнѣ нужно доѣхать до Саратова... Если вы не довозете меня до мѣста назначенія, то мнѣ придется или пуститься вплавь за парходомъ, или умирать съ голоду въ Нижнемъ...

— Зачѣмъ же вы играли?—спрашиваетъ капитанъ.

— Несчастное увлеченіе!.. Проклятая страсть къ картамъ!.. Увлекся и погибъ!

— Гдѣ же и кто васъ обыгралъ?

— Гдѣ—внизу, въ каютѣ; кто—не знаю. Играющихъ и теперь большая компанія.

— Гм... Проведите туда меня... Сидя здѣсь, я и не подозрѣваю, что тамъ творится...

Войдя въ каюту, въ сопровожденіи проигравшагося чиновника, капитанъ громко произнесъ:

— Господа! Что это вы тутъ дѣлаете? Развѣ вамъ не извѣстно, что азартныя игры строго запрещены, а въ особенности на парходѣ?

— Мы ничего не знали,—смущенно отвѣтилъ банкometъ.

— Ну, такъ вотъ извольте узнать, что это не дозволяется. Кромѣ того, вы изволили дочиста обыграть вотъ этого господина. Не угодно ли сію же минуту возвратить ему весь проигрышъ...

Начались пререканія, неудовольствія, но въ концѣ концовъ шуллера отсчитали требуемую сумму и отдали ее чиновнику, который, трогательно благодаря капитана, признался, что большую половину его капитала составляютъ казенныя деньги.

Священникъ, также проигравшій шестьдесятъ рублей, зорко слѣдилъ за происходящимъ, и когда претензія чиновника была удовлетворена, обратился къ капитану съ такою, неожиданною для всѣхъ, рѣчью:

— Г. капитанъ... вы милостивы и всесильны на своемъ пароходѣ... это я заключаю изъ вашего благороднаго поступка, свидѣтелемъ котораго я сейчасъ былъ... Ужъ ежели дѣло пошло всерьезъ, то нельзя ли и мнѣ возвратить такъ же мой проигрышъ...

— Какъ, батюшка, и вы тоже играли?—удивился капитанъ.— Какъ вамъ не стыдно?!

— Что дѣлать! Попуталь лукавый!.. Но я надѣюсь на правосудіе и убѣжденъ, что вы прикажете отдать мнѣ мои кровные шестьдесятъ цѣлковыхъ... Это очень хорошо, что здѣсь игра воспрещается.

— И батюшкѣ такъ же отдайте сію минуту!—строго сказалъ капитанъ.

Неудовольствіе банкмета еще болѣе усилилось. Съ злобой и проклятіемъ онъ снова сталъ отсчитывать деньги для возврата второму жалобщику. Когда и эта операція была окончена, капитанъ направился къ выходу, предварительно прочтя внушительную тираду:

— Я требую сейчасъ же прекратить игру и убрать карты. Въ противномъ же случаѣ я всѣхъ, кто будетъ играть, высажу съ парохода на ближайшей пристани.

Послѣ небольшой паузы и общаго неприятнаго положенія священникъ поднялся со своего мѣста, пріоткрылъ дверь, заглянулъ въ корридоръ и, обращаясь къ компаніи, торжественно сказалъ:

— Ушелъ!.. Поднялся вверхъ... И ужъ, вѣроятно, болѣе сюда не возвратится... Теперь, господа, можно снова продолжать игру... Кто будетъ держать банкъ?

Картина.

Разказы Васильева изъ закулисной жизни такъ же были полны интереса и юмора. Онъ какъ-то передавалъ мнѣ весьма забавный эпизодъ объ исполненіи имъ роли Гораціо въ «Гамлетѣ» на сценѣ одного изъ провинціальныхъ театровъ.

Это было во времена его юношества. Служилъ онъ у захудалаго антрепренера, дѣла котораго были далеко не блестящи. Для пополненія сборовъ антрепренеръ вздумалъ пригласить на гастроли трагика Н. Х. Рыбакова. Для перваго выхода этой провинціальной знаменитости назначенъ былъ «Гамлетъ», и за неимѣніемъ соотвѣтствующихъ исполнителей роль Гораціо поручили Павлу Васильевичу, игравшему тогда исключительно только комиковъ и не подходившему къ этой роли ни своею внѣшностью, ни возрастомъ.

Мѣстный трагикъ, разумѣется, былъ очень недоволенъ появленіемъ гастролера. Послѣ долгаго, сумрачнаго раздумья онъ порѣшилъ «подложить свинью» своему прославленному конкуренту при первомъ же его дебютѣ. Имѣя большое вліяніе на юнаго Васильева, онъ сказалъ ему наканунѣ торжественнаго спектакля:

- Папа, тебѣ, кажется, отдана роль Гораціо изъ «Гамлета»?
- Такъ точно, мнѣ.
- Этотъ пріѣзжій дуракъ... думаетъ, что послѣ меня онъ можетъ имѣть успѣхъ здѣсь?! Вѣдь это вздоръ?
- Да-съ, кажется, вздоръ...
- Вотъ то-то и есть!.. Мы ему свою силу и преимущество покажемъ! Ты какъ думаешь—покажемъ?
- Ну, конечно, покажемъ,—поддакивалъ Васильевъ, отлично знавшій крутой и несговорчивый нравъ своего коллеги.
- Молодецъ!.. Ну, такъ слушай... я хочу непременно наказать этого нахала...
- Накажите!
- И ты мнѣ долженъ помочь.
- Я?—изумился Павелъ Васильевичъ.
- Да—ты!
- Что-жъ я могу сдѣлать?.. Я человѣкъ маленькій..
- Не финти! Ты многое можешь сдѣлать! Ты можешь сдѣлать то, чего и не воображаешь!
- Неужели?—искренно удивился комикъ.
- Клянусь тебѣ душой и тѣломъ!—подтвердилъ трагикъ.—Но для этого ты долженъ меня слушаться и дѣлать только то, что я прикажу.
- Съ удовольствіемъ!
- Ну, то-то... Для перваго раза твоя услуга должна выразиться въ томъ, что завтра ты одѣнешься и загримируешься по моимъ указаніямъ. Ты явишься въ уборную пораньше, и я тебя научу, какъ должно играть эту классическую роль. Однако, непременнымъ условіемъ нашего сообщничества должно быть то, что ты общаешься и клянешься, до выхода своего на сцену, никому не показываться и до тѣхъ поръ не покидать уборной, пока не поднимутъ занавѣса. До этого же тебя никто не долженъ видѣть, не то разнесу... Когда же выйдешь на сцену, ни на шагъ не отходи отъ гастролера. Все время двигайся за нимъ, какъ тѣнь: куда онъ—туда и ты... При этомъ ты долженъ быть твердъ характеромъ: что бы онъ тебѣ ни говорилъ, какъ бы ни ругался, но ты не смѣй уступать его требованіямъ, помня, что у тебя есть такой заступникъ, какъ я...
- Ужъ будьте покойны... пристану, какъ пластырь... ни на шагъ не отойду отъ него...
- Смотри же! Забыть не будешь...
- На слѣдующій день Васильевъ явился въ театръ чуть ли не за два часа до представленія и въ уборной, согласно предварительному уговору, встрѣтился съ мстительнымъ трагикомъ, который тотчасъ же принялся его гримировать. Прежде всего надѣлъ онъ на него рыжій парикъ, съ длинными, густыми клочьями волосъ,

отчего голова Павла Васильевича получила необычайно огромный видъ; лицо его выпачкалъ красной краской и вообще сдѣлалъ изъ его фizioноміи нѣчто такое, что самъ Васильевъ чуть не лопнулъ со смѣху, осматривая себя въ зеркало. Если же ко всему этому прибавить испанскій костюмъ, то уморительная карриатура на Гораціо будетъ вполне законченной.

Не осмѣливаясь послушаться трагика, обладавшаго внушительными кулаками и крайне безпокойнымъ характеромъ, Васильевъ въ своемъ неподобномъ гримѣ не показывался никому до самаго своего выхода на сцену. Но когда онъ появился передъ глазами многочисленной публики, собравшейся на гастроль знаменитости, то весь театръ въ патетическомъ мѣстѣ разразился дружнымъ смѣхомъ. Рыбаковъ положительно остолбенѣлъ. Онъ съ дикимъ ужасомъ взглянулъ на Гораціо и весь затрясся, какъ въ лихорадкѣ. Въ свою очередь, перетрусилъ и Васильевъ, предчувствуя, что эта продѣлка не можетъ пройти для него безслѣдно. Однако, собравшись съ духомъ, онъ до конца выдержалъ свое карриатурное изображеніе роли и, чуть не уцѣпясь за дебютавта, началъ рассказывать за нимъ по сценѣ. Ничего не понимая, Рыбаковъ попытался въ сторону—Васильевъ за нимъ, Рыбаковъ въ другую—Васильевъ тоже. Наконецъ, Рыбаковъ прямо-таки началъ метаться по сценѣ, а Васильевъ все отъ него не отстаеетъ. Публика неудержимо хохотала, Николай Хрисановичъ бѣшено скрежеталъ зубами, а Павелъ Васильевичъ продолжалъ съ наивнымъ выраженіемъ лица подавать реплики. Кое-какъ картину окончили. Не успѣли опустить занавѣса, какъ Васильевъ бросился въ уборную и заперся въ ней. Рыбаковъ яростно кричалъ:

— Гдѣ этотъ негодяй? Дайте мнѣ этого душегубца, я изъ него надѣлаю котлетъ!

Явившійся антрепренеръ еле-еле успокоилъ расхолодившаго гастролера, а когда пошелъ объясняться съ Васильевымъ, то встрѣтилъ энергичный отпоръ со стороны своего трагика, который внушительно замѣтилъ ему:

— Самъ виновать! Не смѣй дѣлать ни малѣйшаго замѣчанія этому молодцу? Почему онъ знаетъ, какъ надо гримироваться и какъ слѣдуетъ играть въ трагедіи... Онъ вѣдь комикъ...

— Комикъ, но не сумасшедшій... Такимъ способомъ можно загримироваться только на любительскомъ спектаклѣ въ больницѣ для душевнобольныхъ?.. Знаю я, что это нарочно, что это подвохи...

Для послѣдующихъ актовъ Васильевъ перегримировался; однако публика не могла въ продолженіе всего спектакля забыть его перваго явленія и все время посмѣивалась. Въ общемъ впечатлѣніе получилось невыгодное, благодаря чему Рыбаковъ на другой же день уѣхалъ изъ этого города, не желая продолжать гастролей, такъ неудачно начавшихся.

Когда Васильевъ былъ совсѣмъ еще мальчикомъ и учился въ московскомъ театральномъ училищѣ, съ нимъ произошло однажды на масленицѣ, во время утренняго спектакля въ Большомъ театрѣ, гораздо большее приключеніе, имѣвшее также болѣе печальный исходъ.

Съ петербургской балериной Андреяновой, командированной въ Москву на гастроли, былъ отправленъ балетный фигурантъ Александръ Львовичъ Леонидовъ, братъ извѣстнаго трагика Леонида Львовича Леонидова, тогда служившаго на московской драматической сценѣ. Директоръ послалъ его сопровождать Андреянову специально для участія въ балетѣ «Сатанилла», въ которомъ она имѣла всюду выдающійся успѣхъ и въ которомъ привыкла играть съ Леонидовымъ.

Александръ Львовичъ слылъ за оригинала. Будучи не больше какъ только фигурантомъ балета, онъ держалъ себя крайне гордо и независимо передъ всѣми, даже передъ начальствомъ. Необыкновенно честный, прямой и добрый человекъ, онъ въ минуты поклоненія Бахусу былъ неукротимымъ и часто позволялъ себѣ излишества. Выпивалъ же онъ частенько, потому его жизнь была переполнена анекдотическими происшествіями, иногда даже скандальнаго характера. Онъ обладалъ исключительной фигурой и физиономіей, возбуждавшими въ каждомъ чувства страха и уваженія. Леонидовъ былъ ужасающе худъ и безобразно высокъ; его массивная голова была покрыта густыми волосами огненно-рыжаго цвѣта, а лицо украшалось длиннымъ и почему-то кривымъ носомъ. Благодаря всему этому, ему поручались роли преимущественно чертей и привидѣній. Къ «Сатаниллѣ» же онъ до того хорошо изобразилъ сатану, что директоръ нашелъ необходимымъ послать его въ Москву вмѣстѣ съ Андреяновой, не рассчитывая найти въ московской балетной труппѣ достойнаго партнера петербургской балеринѣ.

Въ утренній спектакль, о которомъ идетъ рѣчь, шелъ именно этотъ балетъ. Васильевъ игралъ чертенка. Послѣ перваго дѣйствія подходить почему-то къ нему, а не къ кому другому, хотя чертенья была цѣлая группа, — Леонидовъ и говорить:

— Эй, чертенокъ!.. Блиновъ поѣсть не хочешь?

— Хочу, — бойко отвѣтилъ Павелъ Васильевичъ, приходившійся въ то время Александру Львовичу чуть не по колѣно.

— Такъ пойдемъ со мной... неподалеку отсюда... я тебя накормлю...

— А какъ же спектакль?

— Поспѣемъ! Мы вѣдь до послѣдняго акта не заняты... Отлично закусимъ и на сытый желудокъ лучше отбарабанимъ свой адскій выходъ...

— Оно, конечно, это очень хорошо, но только, пожалуй, не поспѣешь еще переодѣться...

— Это зачѣмъ? Не надо переодѣваться!

— Какъ же такъ-то? Куда-жъ пойдете въ такомъ костюмѣ, да еще съ длиннымъ хвостомъ?..

— Пустое толкуешь!.. Я и самъ не буду переодѣваться... Накинь на плечи шинель, я надѣну шубу, и отправимся къ брату. У него сегодня блины...

— Если такъ, то съ большимъ удовольствіемъ... И даже разгромиваться не будете?

— Зачѣмъ? Братъ свой человѣкъ—не осудить...

Накинувъ на чертовскіе костюмы верхнее платье и нахлобучивъ фуражки, Леонидовъ съ Васильевымъ потихоньку вышли изъ театра и поспѣшно перешли площадь. Ихъ появленіе въ квартирѣ Л. Л. Леонидова произвело сенсацию. Все общество, благодушно настроенное блинами, встрѣтило ихъ дружнымъ хохотомъ.

— Мы на минутку, — заявилъ Александръ Львовичъ. — Намъ еще предстоитъ выходъ въ послѣднемъ актѣ...

Имъ подали блиновъ. Они усердно принялись за ихъ истребленіе, причемъ «сатана» пилъ водку почти безостановочно и приказывалъ «чертенку» воодушевить себя какимъ нибудь слабымъ виномъ, что тотъ не безъ охоты исполнялъ. Завязалась общая бесѣда, и Леонидовъ совершенно забылъ о театрѣ. Вдругъ, въ самый разгаръ какого-то оживленнаго спора, раздается сильный звонокъ, и на порогѣ появляется одинъ изъ помощниковъ балетнаго режиссера.

— Вы съ ума сошли! — крикнулъ онъ на величественнаго сатану, энергично размахивавшаго руками и что-то съ жаромъ доказывавшаго присутствующимъ. — Изъ-за васъ затянулся послѣдній антрактъ! Сейчасъ вашъ выходъ!

— Виноватъ осатанѣлъ, — сострилъ Леонидовъ и опрометью бросился на улицу, гдѣ ожидала его театральная карета. За нимъ кубаремъ полетѣлъ Васильевъ.

Неизвѣстно, какому взысканію подвергли сатану, но чертенка тутъ же въ театрѣ чертовски отодрали розгами¹⁾.

¹⁾ А. Л. Леонидовъ былъ самымъ близкимъ и любимымъ человѣкомъ въ домѣ А. Е. Мартынова. Дѣти Александра Евстаѣевича обожали его, а самъ Мартыновъ иначе не называлъ его, какъ «нянька».

Замѣтивъ выше, что Леонидовъ, не взирая на свое незначительное положеніе при театрѣ, былъ гордъ и держался чрезвычайно независимо, слѣдуетъ припомнить одинъ случай, имѣвшій мѣсто на сценѣ, во время репетиціи, въ присутствіи почти всей труппы.

Извѣстный балетмейстеръ Перро былъ весьма вспыльчивъ. Съ артистами онъ мало церемонился и часто на нихъ покрикивалъ. Сознавая свою подчиненность, артисты на это не протестовали и смиренно выслушивали его выговоры. На какую-то репетицію новаго балета Леонидовъ опоздалъ, что крайне раздражило балетмейстера. Когда Александръ Львовичъ появился на сценѣ, къ нему задорно подбѣжалъ малорослый Перро и напустился на него съ крикомъ, мѣшая русскую рѣчь съ французскою бранью. Леонидовъ спокойно запустилъ свою длань въ жирную куафию своего начальника и хладнокровно проговорилъ:

Поклонники Павла Васильевича причинили большое зло своему любимцу. Они развили въ немъ чувство самообольщенія, отъ котораго онъ никогда уже не могъ отдѣлаться. Напримѣръ, его увѣрили, можетъ быть, даже ради глупой шутки, что онъ въ состояніи превосходно сыграть Гамлета, такъ какъ его чтеніе монологовъ изъ этой трагедіи въ дружеской компаніи они находили безукоризненнымъ, высокохудожественнымъ. Послѣ этого онъ началъ серьезно мечтать объ осуществленіи этой идеи. Ему страстно хотѣлось выступить въ этой роли, но внутренній голосъ не допустилъ его до такой опрометчивости.

Какъ-то, однажды, разговорился я съ нимъ на репетиціи о своемъ бенефисѣ и пожаловался ему на совершенное отсутствіе порядочныхъ пьесъ.

— Просто не знаю, что поставить. Десятка два пересмотрѣлъ новыхъ комедій и драмъ, но ни на одной не могъ остановиться...

Васильевъ таинственно отвелъ меня въ сторону и тихо сказалъ, предварительно осмотрѣвшись изъ боязни, чтобъ кто нибудь не подслушалъ:

— Хочешь взять хорошій сборъ?

— Какъ не хотѣть?! Къ этому сводятся всѣ хлопоты и мечтанія...

— Поставь «Гамлета»...

— Онъ недавно игрался...

— Ничего не значить! Я тебѣ помогу — я для тебя его самъ сыграю...

— Сдѣлай милость... При твоёмъ участіи въ заглавной роли, конечно, сборъ можно считать обезпеченнымъ...

— Еще бы!

— И если ты не шутишь, то я завтра же пойду просить о разрѣшеніи...

— Ну? Неужели ты бы согласился? — удивился Васильевъ.

— Конечно! Ни на одну минуту не задумаюсь... Только чуръ, отпѣкиваться не смѣй!.. Если даешь слово, то я начну хлопотать...

Не ожидая отъ меня такой сговорчивости, Павелъ Васильевичъ вдругъ сталъ колебаться и послѣ значительной паузы сказалъ:

— Нѣтъ, братъ... сразу какъ-то неловко... Нужно сперва для этого подготовить почву... Что сыграю, за это я поручусь тебѣ головой, но не такъ скоро... Некогда приготавливаться. Если ты бенефисъ свой отложишь, тогда я согласенъ...

— Не горячитесь, мсье Перро... Это не хорошо... Печенка лопнуть можетъ... Вы потише да повѣжливѣе...

Перро, не ожидая такого пассажа, не зная, какъ освободиться изъ пеловкаго положенія, и когда Леонидовъ разжалъ руку, онъ убѣжалъ въ уборную, приказавъ своему помощнику объявить артистамъ, что онъ внезапно заболѣлъ и отминаяетъ репетицію.

Но ждать мнѣ было некогда, и такимъ образомъ это любопытное изображеніе Гамлета комикомъ Васильевымъ такъ и не состоялось. Зато въ другой мой бенефисъ онъ, всетаки, выступилъ въ трагической роли, въ пьесѣ графа А. К. Толстого «Смерть Іоанна Грознаго», чѣмъ вызвалъ такую эпиграмму П. А. Каратыгина:

Какой же Грозный ты?! Не быть орломъ сычу.
Тебѣ къ лицу зипунъ да красная рубаха,
А бармы царскія тебѣ не по плечу.
И вышло, что..... ты въ шапку.....

Въ роляхъ своего жанра Павелъ Васильевичъ былъ хорошъ, въ особенности же ему удавались такія характерныя роли, какъ роль дьячка въ комедіи Погосскаго «Не по носу табакъ». И въ другой пьесѣ этого даровитаго писателя «Неспособный человѣкъ» Васильевъ былъ такъ же неподражаемо превосходенъ.

Погосскій очень любилъ Васильева и въ своихъ пьесахъ всегда назначалъ лучшую роль ему. Какъ драматургъ, онъ можетъ быть названъ исключительнымъ. Этотъ симпатичный человѣкъ не былъ ослѣпленъ своимъ талантомъ, не имѣлъ авторской щепетильности и чрезвычайно строго относился къ своимъ произведеніямъ, чего ни въ какомъ другомъ драматургѣ встрѣчать мнѣ не приходилось... Помнится, въ бенефисъ Павла Васильевича шла его комедія «Неспособный человѣкъ», состоявшая изъ множества сценъ, для которыхъ было написано нѣсколько новыхъ декорацій. На одной изъ послѣднихъ репетицій, послѣ какой-то сцены, поднимается съ своего мѣста¹⁾ Погосскій и, обращаясь къ участвующимъ, говоритъ:

— Господа, прошу васъ сдѣлать мнѣ большое одолженіе...

— Что такое?

— Исключите эту сцену совсѣмъ...

— Какъ исключить?— съ удивленіемъ спрашиваетъ режиссеръ и Васильевъ.

— Да такъ, очень просто — не играть ее, вотъ и все.

— Но почему?

— Да потому, что она никуда не годится... Когда я писалъ, то не подозрѣвалъ, что она окажется такой плохой, бесполезной, обременительной... Я, право, не зналъ, что она будетъ такъ не складна...

— Помилуйте,—запротестовалъ Васильевъ,—какъ же можно теперь дѣлать купюры? Вамъ только кажется, что эта сцена не хороша. Наоборотъ — она превосходная... Кромѣ того, у меня въ ней очень выгодныя мѣста есть... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!.. Да

¹⁾ Такъ называемаго «авторскаго». Автору полагается руководить постановкой своего сочиненія, и онъ имѣетъ обыкновенно мѣсто на аванъ-сценѣ, рядомъ съ режиссеромъ.

не забудьте еще и то, что для нея специально написана новая декорация!

— Голубчикъ, Павелъ Васильевичъ,— жалобнымъ тономъ отвѣтилъ Погосскій,— что за бѣда, что для нея написана новая декорация. Она пригодится для какой нибудь другой пьесы... Дирекція не бѣдна, ее не разорить, что по моей ошибкѣ она израсходуется на мою декорацию напрасно... Исключеніемъ же этой сцены вы окажете мнѣ огромную услугу... Повторяю, что эта сцена не годная. И я очень удивляюсь, какъ это вы, при своемъ большомъ талантѣ и навыкѣ, стоите за нее?!

Это рѣдкое отношеніе автора-драматурга къ своему дѣтищу. Конечно, его желаніе нельзя было не исполнить, и «Неспособный человѣкъ» всегда шелъ безъ этой сцены, оказавшейся дѣйствительно лишней.

Благодаря своему капризному нраву, Павелъ Васильевичъ нѣсколько разъ покидалъ императорскую сцену. Онъ былъ крайне беспокойнаго характера и вѣчно поэтому носился съ недоразумѣніями, а съ Самойловымъ былъ въ такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ, что режиссеръ приходилъ въ замѣшательство при составленіи репертуара, въ которомъ приходилось избѣгать совмѣстнаго участія этихъ непримиримыхъ враговъ. Это много вредило ансамблю въ такихъ пьесахъ, какъ «Свадьба Кречинскаго», «Испорченная жизнь», «Воробушки» и др. Самойловъ до такой степени не терпѣлъ Васильева, что даже на сценѣ игнорировалъ его, что было слишкомъ замѣтно для всей публики. Конечно, это умалило впечатлѣніе, но... увы, было, какъ оказывалось, неустранимо.

Въ послѣдніе годы своей службы Павелъ Васильевичъ оглохъ и съ трудомъ слушалъ суфлера. Покинувъ въ послѣдній разъ казенную сцену, онъ сталъ появляться на частныхъ петербургскихъ подмосткахъ и затѣмъ вскорѣ скончался въ Москвѣ, гдѣ и похороненъ.

XXX.

И. И. Монаховъ.—«Царь куплетистовъ».—Его участіе на частныхъ сценахъ.—Поступленіе въ Александринскій театр.—Его успѣхъ въ роли Канифаса.—Измѣненіе взгляда на его дарованіе.—Любовь къ нему публики.—Появленіе его въ серьезномъ репертуарѣ.—Соперничанье съ Самойловымъ.—Несправедливая карриатура.—Монаховъ въ обществѣ.—Кутежи.—Его стихи и эпиграммы.—Экспромптъ на П—каго.—Экспромптъ на ужинѣ.—Экспромптъ по поводу «Старога Варина».—Гамлетъ.—Мое неудачное обученіе фехтовальному искусству.—Эпиграмма Монахова по этому поводу.

Почти такой же извѣстностью и такимъ же успѣхомъ, какъ Васильевъ, пользовался на Александринской сценѣ Ипполитъ Ивановичъ Монаховъ, прозванный «царемъ куплетистовъ».

До поступленія своего въ труппу императорскаго театра онъ выступалъ на частныхъ концертныхъ эстрадахъ въ качествѣ чтеца и единственнаго въ то время куплетиста. Монаховъ съ удивительною экспрессіею и выразительностью передавалъ сатирическіе куплеты. Это былъ новый жанръ, и публика, съ свойственнымъ ей энтузіазмомъ, произвела его въ свои любимцы, чему, впрочемъ, не мало такъ же способствовала его пріятная наружность, вмѣстѣ съ симпатичными чертами лица, производившая хорошее впечатлѣніе.

Своимъ поступленіемъ на казенную сцену Ипполитъ Ивановичъ обязанъ былъ не своимъ артистическимъ качествамъ, которыя еще не были тогда никому извѣстны, а настойчивымъ просьбамъ его друзей, которые убѣдили театральное начальство «взять его хоть для дивертисементовъ». Начальство снизошло, и Монаховъ поступилъ на казенную службу, но безъ всякаго вознагражденія. Свободнаго оклада въ то время не находилось, и поэтому онъ принужденъ былъ выжидать «удобнаго случая».

Его заставляли пѣть куплеты, которые пользовались огромнымъ успѣхомъ, и въ видѣ поощренія поручали ему изрѣдка небольшія роли молодыхъ людей въ комедіяхъ, драмахъ и водевиляхъ. Онъ старательно ихъ училъ, отдѣлывалъ, но, какъ актеръ, былъ почти не замѣчаемъ до моего бенефиса, состоявшагося въ 1868 г., когда я вздумалъ поставить одноактную оперетку «Званный вечеръ съ итальянцами». Роль Канифаса въ ней долженъ былъ играть единственный въ то время, годный для оперетки, артистъ N., но онъ вдругъ почему-то отъ нея отказался. Этимъ внезапнымъ отказомъ, конечно, я былъ поставленъ въ неловкое положеніе и уже совѣмъ хотѣлъ было отмѣнить представленіе новой пьесы, какъ кто-то надоумилъ меня поручить Канифаса Монахову, очень музыкально поющему куплеты.

— Онъ долженъ справиться съ вокальною стороною роли,—за-мѣтили мнѣ.—Для него это не новинка, иногда онъ даже самъ арранжируетъ свои пѣсенки...

И дѣйствительно Монаховъ съ такимъ громаднымъ успѣхомъ сыгралъ Канифаса, что «Званный вечеръ съ итальянцами» долго не сходилъ съ репертуара. Онъ оказался безконечно веселымъ актеромъ и превосходнымъ имитаторомъ. Въ свою партію онъ вложилъ массу неподдѣльнаго комизма и ловко передразнивалъ Тамберлика, тогдашняго кумира столичныхъ меломановъ и меломанокъ. Послѣ этого Ипполиту Ивановичу начали давать «ходъ». Ему поручались многія роли съ пѣніемъ, и вскорѣ онъ сдѣлался героемъ оперетки, а въ комедіи «Петербургскіе когти», переполненной, какъ извѣстно, куплетами, онъ не имѣлъ соперниковъ. Его успѣхъ росъ невѣроятно быстро и, наконецъ, дошелъ до полного торжества: участіе Монахова въ великопостныхъ концертахъ, всегда славившихся отсутствіемъ публики, дѣлало полные сборы въ Алексан-

дринскомъ театрѣ; а чтобы достать билетъ на собственный его концертъ, нужно было записываться заблаговременно.

Однако Монаховъ не удовольствовался успѣхами куплетиста и опереточнаго актера, онъ пожелалъ доказать, что онъ такъ же пригоденъ и для драматическихъ ролей. На этомъ основаніи онъ сталъ появляться въ серьезномъ репертуарѣ, при томъ же благо-склонномъ вниманіи зрителей. Успѣхъ вскружилъ ему голову, и онъ, играя неподобно Молчалина въ комедіи «Горе отъ ума», вдругъ вздумалъ въ свой бенефисъ сыграть Чацкаго, который ему удался несравненно менѣе первой роли. Однако на этомъ онъ не остановился, и въ драмѣ Островскаго «Дмитрій Самозванецъ» онъ взялъ на себя заглавную роль, но въ ней ужъ положительно не былъ принятъ публикой, даже не смотря на то, что для эффекта вздумалъ читать монологи Самозванца съ польскимъ акцентомъ.

Похвалы друзей довели его также, какъ и Павла Васильева, до того, что онъ возымѣлъ желаніе соперничать съ Самойловымъ. Монаховъ выказалъ поползновеніе выступить въ лучшей роли Василія Васильевича — въ Кречинскомъ. Хотя онъ и имѣлъ выдающійся успѣхъ въ «Свадѣбѣ Кречинскаго», но это только внѣшняя сторона сути. Въ дѣйствительности же онъ значительно уступалъ предшественнику, замѣчательно игравшему эту роль. Впрочемъ, сужденія по этому поводу были разнорѣчивы. Въ какой-то юмористической газетѣ тотчасъ же послѣ представленія «Свадѣбы Кречинскаго» была помѣщена карриатура, на которой былъ изображенъ Ипполитъ Ивановичъ съ заткнутымъ у него за поясомъ Самойловымъ...

Въ обществѣ Монаховъ былъ веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, большимъ острякомъ и вообще очень занимательнымъ человекомъ. Онъ охотно пѣлъ романсы, куплеты, рассказывалъ забавные анекдоты и очень зло писалъ эпиграммы. Кромѣ всего этого, онъ пользовался огромнымъ вниманіемъ прекраснаго пола и самъ по себѣ былъ истымъ донъ-жуаномъ. Поэтому онъ былъ очень занятъ своею наружностью, любилъ позировать и снималъ съ себя фотографическіе портреты въ разныхъ видахъ и позахъ чуть не ежедневно...

Онъ долго не получалъ никакого жалованья, а потомъ ему сразу дали высшій окладъ. Онъ возмечталъ о себѣ и сталъ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ, что, впрочемъ, не вызывало никакихъ послѣдствій. На его манкированіе службою начальство смотрѣло снисходительно; ему почему-то все прощалось... Быть можетъ, принималась во вниманіе его болѣзненная страсть къ горячительнымъ напиткамъ, которая и свела въ могилу этого «царя куплетистовъ»...

Ипполитъ Ивановичъ оставилъ послѣ себя множество остроумныхъ стихотвореній, большинство которыхъ теперь, вѣроятно,

утрачено. Они никогда не появлялись въ печати, а только имѣлись у нѣкоторыхъ товарищей въ рукописныхъ спискахъ. То же самое можно сказать и про эпиграммы его, изъ которыхъ очень немногія сохранились въ моей памяти.

Напримѣръ, про извѣстнаго чтеца-актера П — каго, который игралъ на клубной сценѣ въ комедіи Н. А. Потѣхина «Мертвая петля», Монаховъ экспромптомъ сказалъ:

А «петля»-то чтецу

Къ лицу!

Да, петли онъ давно уже достойн!

Природой созданъ онъ для авторскихъ задачъ:

Фигурою, какъ висѣлица, строенъ,

Манерой—арестантъ, а рожею—палачь.

Этотъ самый П — кій, въ свое время пользовавшійся извѣстностью, очень любилъ читать въ концертахъ стихотворенія самаго мрачнаго, трагическаго содержанія. Однажды въ чей-то бенефисъ, состоявшійся на клубной сценѣ благороднаго собранія, онъ вышелъ въ дивертисементъ и продекламировалъ печальные стихи, подъ названіемъ «Похороны». Онъ былъ чтецомъ дѣйствительно искуснымъ, и потому, по окончаніи чтенія, раздались дружные, долго несмолкавшіе аплодисменты. Тронутый вниманіемъ слушателей, онъ снова появился на подмосткахъ и опять прочелъ столь же грустное стихотвореніе, въ которомъ говорилось о могилахъ.

Послѣ спектакля у бенефицианта былъ сервированъ ужинъ. Въ числѣ другихъ приглашенныхъ былъ Монаховъ и П — кій. Когда нѣкоторые изъ присутствующихъ стали говорить комплименты П — кому, называя его изумительнымъ декламаторомъ, Ипполитъ Ивановичъ грузно поднялся съ мѣста (онъ уже успѣлъ хорошо закусить) и спросилъ у чтеца, сіявшаго отъ удовольствія:

— Позволь прочесть экспромптъ, сочиненный сейчасъ на тебя.

— Пожалуйста... Очень радъ...

Монаховъ всталъ въ позу и произнесъ:

Ты вечеръ отравилъ въ конецъ

Намъ панихидой непристойной.

Нѣтъ, не артистъ ты и не чтець,—

Читальщикъ ты заупокойный.

Одному пріятелю, который рѣзко отзывался объ исполненіи Самойловымъ роли стараго барина въ пьесѣ А. И. Пальма того же названія, онъ замѣтилъ:

— Ты говоришь вздоръ! Самойловъ создалъ типъ...

— Ну, извини, это была карриатура на стараго барина... Я знаю отлично баръ, и ты лучше не спорь со мной.

Монаховъ пожалъ плечами и скромно отвѣтилъ:

Предъ мнѣніемъ твоимъ благоговѣю:

Тебѣ ли баръ не знать—лакею.

Въ одинъ изъ своихъ бенефисовъ я возобновилъ «Гамлета». Извѣстный фехтовальный учитель полковникъ N., также хорошо знакомый съ Монаховымъ, какъ и со мной, взялся выучить меня фехтовать на рапирахъ. Я усердно принялся за уроки, но они принесли мнѣ мало пользы, благодаря моей близорукости. Не постигнувъ тонкости фехтовальнаго искусства, я, изображая Гамлета, дрался на рапирахъ безъ всякаго эффе́кта, о которомъ такъ много трактовалъ мой симпатичный учитель.

Конечно, на бенефисномъ представленіи присутствовалъ полковникъ, который по окончаніи спектакля проникъ на сцену, гдѣ и столкнулся прежде всего съ Монаховымъ.

— Ну, какъ вамъ понравился Гамлетъ? — спросилъ его Ипполитъ Ивановичъ.

— Да что... ничего... только Гамлетъ совсѣмъ не умѣетъ драться на рапирахъ... Что я ни показывалъ Александру Александровичу, онъ ничего не сдѣлалъ...

Монаховъ прошелъ ко мнѣ въ уборную и написалъ на клочкѣ бумаги:

Искуснаго въ бояхъ полковника спросили:
Понравился-ль ему шекспировскій Гамлетъ?
И отъ полковника на это получили
Такой рѣшительный отвѣтъ:
«Скажу я вамъ одно: что толку и въ Шекспирахъ,
Коль скверно такъ Гамлетъ дерется на рапирахъ».

XXX.

П. И. Зубровъ.—Его отличіе Мартыновымъ.—Странность его таланта.—Зубровъ въ жизни.—Путешествія за границу.—Ночные кутежи.—Квартира Зуброва.—Пианино.—Разговоръ о музыкальныхъ инструментахъ.—Въ гостяхъ у Похвиснева.—Безцеремонный гость.—Скупость Зуброва.—На вечерѣ у Леоновой.—Проигрышъ въ стучолку.—Недѣльный репертуаръ.—Разовья.—«Бенефисонъ».—Анекдотъ Зуброва про умѣющаго составлять афиши бенефицианта.—Бенефисы Зуброва.—Его фортеля.—Возбужденіе интереса среди публики.—Самодѣльная реклама.—Бенефисная неудача.—«Гражданскій бракъ».—Отмѣненный спектакль.—Погоня за ролями.—«Доходное мѣсто» Островскаго.—Иронія Зуброва насчетъ этой пьесы.—Его подорванныя силы.

Служивецъ мой Петръ Ивановичъ Зубровъ принадлежалъ къ числу оригинальныхъ личностей и замѣчательныхъ актеровъ. Онъ началъ свою сценическую карьеру гораздо раньше меня, еще при А. Е. Мартыновѣ, который очень цѣнилъ его артистическое дарованіе и способствовалъ его успѣхамъ. Онъ неоднократно передавалъ ему свои роли и даже нерѣдко ходатайствовалъ за него передъ начальствомъ.

Зубровъ готовился быть золотыхъ дѣлъ мастеромъ, но, благодаря страсти къ театру, попалъ на сцену и былъ ея истиннымъ укра-

шеніемъ впродолженіе двадцати трехъ лѣтъ. Это былъ талантъ самородный, возбуждавшій, однако, удивленіе одною странностью: у него были двѣ крайности — или онъ былъ въ порученной ему роли безукоризненно хорошъ, или просто-таки никуда не годенъ. Средины не существовало. Изъ замѣчательно исполняемыхъ имъ ролей можно назвать роль писаря Ягодкина (ком. «Паутина»), квартальнаго (ком. «Благородные люди»), Черемухина-отца (ком. «Омутъ»), не говоря уже про пьесы Островскаго, въ которыхъ онъ всегда бывалъ превосходенъ.

Въ жизни это былъ весьма подвижной, веселый, занимательный человекъ, не лишенный ума и наблюдательности. Онъ удачно пользовался своею оригинальною манерою говорить и постоянно старался выражаться такъ, чтобы производить непремѣнно смѣхотворное впечатлѣніе. Это была его слабость, однако, весьма простительная, такъ какъ, кромѣ удовольствія, она ничего никому не причиняла.

Онъ считалъ насущною для себя потребностью каждое лѣто ѣздить за границу, гдѣ и проживалъ всѣ свои зимнія сбереженія.

Петръ Ивановичъ одѣвался всегда у перваго портнаго и строго слѣдовалъ модѣ. Любилъ курить дорогія сигары и пить хорошее вино. Такъ же не прочь былъ проводить ночи въ веселой компаніи за широкимъ кутежемъ. Будучи холостымъ, онъ никогда не возвращался домой ранѣе 5—6 часовъ утра, постоянно говоря:

— Если я возвращусь къ себѣ раньше, то дворникъ меня не впустилъ въ ворота, приметъ раннее мое возвращеніе за болѣзненный злобѣщій симптомъ и, пожалуй, направитъ прямо въ больницу душевнобольныхъ. Я вѣдь никогда еще рано домой не возвращался...

Когда онъ училъ свои роли, которыя, кстати слѣдуетъ замѣтить, онъ всегда превосходно зналъ, никому не было извѣстно.

Квартира его была не велика, но уютна и со вкусомъ обставлена дорогой мебелью и изящными бездѣлушками. Не умѣя играть ни на одномъ музыкальномъ инструментѣ, онъ обзавелся цѣннымъ піанино, за которое никто никогда не садился. Да и трудно было добраться до его клавишей, благодаря тому, что Зубровъ чуть ли не на другой день послѣ покупки потерялъ ключъ, которымъ было замкнута піанино, и не потрудился его найти, кажется, до самой смерти.

По поводу его привычки поздно возвращаться домой, мнѣ припоминается такой забавный, хотя и безцеремонный съ его стороны, случай. Многихъ изъ нашей труппы пригласилъ какъ-то зимой къ себѣ въ гости не безызвѣстный журналистъ, водевилистъ и балетоманъ А. Н. Похвисневъ. У него собралось большое общество. Многие засѣли за модную тогда «стуколку», за которой и пробыли вплоть до самаго ужина. Послѣ ужина опять сѣли за игру, продолжавшуюся до слѣдующаго дня. Былъ уже девятый часъ утра,

хозяинъ сидѣлъ и дремалъ, какъ и большинство его засидѣвшихъ гостей. Одинъ только Зубровъ бодрствовалъ. Онъ, прихлебывая вино, велъ оживленный разговоръ и безъ умолку острилъ.

Кто-то замѣтилъ ему, указывая на окно, въ которое врывался утренній разсвѣтъ:

— Однако, Петръ Ивановичъ, пора кончать... Дома давно ожидаютъ...

— Чего? Кончать?— крикнулъ Зубровъ и рѣшительно произнесъ:— Ни за что!.. Куда же я пойду такую рань?

— Петръ Ивановичъ, вѣдь девятый часъ... Взгляните на хозяина: онъ, бѣдный, едва перемогается... Спать хочеть... Пощадите хоть его...

— Спать хочеть?.. Не мое дѣло!.. Не зови! А коли сглупуль — позваль, то изволь сидѣть...

— Что же мы будемъ дѣлать?.. Въ карты играть ужъ надоѣло... Ей-Богу, надо уходить...

— Вы дѣйствуйте, какъ вамъ угодно, а я не пойду... Я буду сидѣть и пить, — рѣшилъ Зубровъ.

Наконецъ, кое-какъ, однако съ большимъ трудомъ удалось уговорить Петра Ивановича и вывести его изъ квартиры. Выйдя на улицу, онъ продолжалъ недовольнымъ голосомъ:

— Ну, что за гадость! Что за гостепріимство! Куда мы пойдемъ этакую рань?!

По характеру своему Зубровъ былъ не только бережливъ, но даже скупъ. Щедрость же и расточительность позволялись только во время кутежа; тогда ему ничего не было жалко.

Однажды, на вечерѣ у оперной артистки Д. М. Леоновой, составила «стуколка», въ которой вмѣстѣ съ другими гостями принималъ участіе и Зубровъ. По окончаніи игры, которая велась на марки, началась общая расплата. Счастливецемъ, обыгравшимъ всю компанію, былъ какой-то офицеръ.

Зубровъ, провѣривъ свой проигрышъ, положилъ на столъ слѣдующіе съ него шестьдесятъ рублей и дожидался расчета съ нимъ выигравшаго офицера, который считался съ каждымъ поочередно. Наконецъ, дошла очередь до Петра Ивановича. Онъ молча, насупившись, стоялъ около стола и курилъ сигару. Офицеръ очень вѣжливо спросилъ его, указывая на деньги:

— Это ваши?

— Были мои, — лаконически и сердито отвѣтилъ Зубровъ, — а теперь ваши... Пользуйтесь!

Будучи скупымъ, Зубровъ, разумѣется, очень равнодушно относился къ проспектальной платѣ¹⁾, которая въ старое время составляла главную поддержку актера. Каждую пятницу, то-есть

¹⁾ П. И. Зубровъ получалъ 25 рублей разовыхъ.
«истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

наканунѣ выхода репертуара на слѣдующую недѣлю, Петръ Ивановичъ ужасно волновался. Его мучилъ матеріальный вопросъ: сколько разъ онъ играетъ? Репертуаръ же отъ насъ, актеровъ, тогда тщательно скрывали до времени его всеобщаго объявленія. Однажды, во время его раздачи капельдинеромъ на репетиціи, Зубровъ спрашиваетъ меня:

— Вы сколько разъ играете на будущей недѣлѣ?

— Шесть.

— Неужели?—воскликнулъ онъ.—Ахъ, какая прелесть! Если бы со мной это случилось, то я бы ужъ давно плавалъ въ Фонтанкѣ...

— Какъ плавалъ?

— Утопился бы! Непремѣнно утопился бы...

— Зачѣмъ? Почему?

— А затѣмъ и потому, что сколько ни живи, а лучше этого ничего съ тобой случиться не можетъ...

Про одного актера, который ловко умѣлъ составлять свои бенефисныя афиши, благодаря заманчивости которыхъ онъ дѣлалъ полные сборы, Зубровъ не безъ ироніи говорилъ:

— Это музыкантъ!.. Ему бы профессоромъ консерваторіи быть, а не за кулисами мотаться...

— Что вы, что вы! Какой же онъ музыкантъ!

— Онъ играетъ на особомъ, усовершенствованномъ имъ инструментѣ!

— На какомъ?

— На «бенефисонѣ»... Я вотъ сейчасъ любопытную сцену у кассы видѣлъ, какъ подъ его эту самую бенефисонную дудку публика пляшетъ!

— Какъ же это такъ, Петръ Ивановичъ, расскажите...

— А вотъ какъ,—сказалъ Зубровъ и рассказалъ, конечно, выдуманную имъ исторію:—подходить какой-то господинъ къ кассѣ и спрашиваетъ билетъ на его бенефисъ. Кассиръ же, прежде чѣмъ вырѣзать изъ книги билетъ, счелъ своимъ долгомъ ошеломить покупателя цѣной. У господина денегъ оказалось недостаточно. Однако онъ, убоявшись возможности не посѣтить этого соблазнительнаго бенефиса, тутъ же началъ раздѣваться и упрашивать кассира вмѣсто недостающей суммы принять его пальто... Вотъ это и есть «бенефисонъ»!...

Зубровъ былъ неизмѣннымъ членомъ купеческаго клуба, который посѣщалъ весьма часто, въ особенности же послѣ спектакля. У него, разумѣется, тамъ было много друзей и знакомыхъ. Иногда передъ своимъ бенефисомъ онъ въ этомъ клубѣ заблаговременно распускалъ слухи о достоинствѣ предполагаемыхъ имъ къ постановкѣ пьесъ и подчасъ попадался изъ-за этого впросакъ. Приглашая къ себѣ на бенефисъ, онъ всѣмъ таинственно замѣчалъ:

— Ахъ, какую каторжную пьесу я ставлю!

— Ну?

— Да... я убѣжденъ, что автору не миновать рудниковъ за свои смѣлыя и откровенно высказываемыя идеи.

Однажды онъ выбралъ для своего бенефиса ничего особеннаго не представляющую пьесу ни въ литературномъ, ни въ какомъ другомъ отношеніи. Лучшей не было, и поэтому ему пришлось остановиться на ней. Не ожидая на нее сбора, онъ придумалъ фортель, который, по его убѣжденію, долженъ былъ возбудить интересъ среди не только театральной, но даже и далеко не театральной публики. Не задолго до бенефиса онъ началъ усиленно посѣщать общественныя собранія, большіе рестораны и прочія мѣста, гдѣ бываетъ много народу. Вездѣ, конечно, встрѣчались его знакомые, съ которыми онъ велъ приблизительно такой разговоръ.

Онъ сидитъ за столомъ унылый, грустный, видимо погруженный въ размышленія. Къ нему подходятъ и спрашиваютъ:

— Что, Петръ Ивановичъ, не веселы? О чемъ это задумались?

— Есть, батюшка, о чемъ задуматься. Скоро бенефисъ...

— Ну, такъ что же?.. Слава Богу... Будете съ деньгами... Возьмете, по обыкновенію, полный сборъ...

— Какъ-то его еще возьмешь?— уныло говоритъ Зубровъ и загадочно вздыхаетъ:— эхъ-хе-хе!

— Что же пьеса, что ли, плохая?

— Что пьеса?! Пьеса такая, какой никто еще не видывалъ никогда! Вотъ какая удивительная вещь!.. Но тутъ дѣло въ другомъ..

— Въ чемъ же другомъ? Что такое? Расскажите, Петръ Ивановичъ.

— Въ чемъ?! А въ томъ, что допустить ли ее сыграть хоть одинъ-то разъ?! Вотъ въ чемъ!

— Почему такъ? Развѣ въ ней есть что нибудь особенное?

— А вотъ что особенное... Я не отвѣчаю за то, что если мы ее сыграемъ, и останемся живы!.. Я увѣренъ, что на другой же день весь театральный комитетъ соплютъ въ Сибирь, цензоровъ закуютъ въ кандалы, а актеровъ сдадутъ въ арестантскія роты, либо разстрѣляютъ... Вотъ что будетъ!

— За что же все это?— съ ужасомъ переспрашиваетъ собесѣдникъ, проникаясь искреннимъ сочувствіемъ къ бенефицианту, положение котораго обрисовывается дѣйствительно незавиднымъ.

— А за то, что въ этой пьесѣ всѣ роли написаны на извѣстныхъ, высокопоставленныхъ общественныхъ дѣятелей. Тутъ вы встрѣтите графа N., князя Z., барона X. и многихъ другихъ.

— О, да это преинтереснѣйшій будетъ спектакль! Пожалуйста, оставьте мнѣ двѣ ложи да три или четыре кресла. Я многимъ передамъ объ этомъ: вѣроятно, всѣ захотятъ побывать на этомъ представленіи. Если еще мѣсть понадобится, не оставьте своею любезностью.

— Хорошо... хорошо... только вы торопитесь, а то вѣдь въ одинъ часъ всѣ билеты расхватываютъ,— озабоченно предупреждаетъ бенефициантъ.

На этотъ разъ Зубровъ своими разсказами возбудилъ такое волненіе въ обществѣ, что слухи дошли до властей имущихъ, и тѣ, во избѣжаніе могущихъ быть недоразумѣній, не допустили такъ ловко рекламируемой Зубровымъ пьесы къ представленію, и Петру Ивановичу пришлось наскоро взять на бенефисъ какую-то старую пьесу и удовольствоваться половиннымъ сборомъ.

Нѣчто подобное, но окончившееся благополучнѣе, было съ другимъ его бенефисомъ, когда онъ ставилъ извѣстную впоследствии пьесу Черныявскаго «Гражданскій бракъ». Названіе пьесы магически подѣйствовало на сборъ. Всѣ полагали найти въ ней нѣчто глубоко-идейное и претенціозное, на самомъ же дѣлѣ это было весьма посредственное произведеніе съ чрезвычайно невиннымъ содержаніемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ гражданскимъ бракомъ, въ строгомъ смыслѣ его значенія для общества.

Въ день бенефиса, во время генеральной репетиціи, въ театръ пришло извѣстіе, что представленіе пьесы должно быть отложено. При этомъ одинъ экземпляръ ея потребовали для передачи какой-то важной министерской особѣ, высказавшей желаніе лично просмотрѣть «Гражданскій бракъ» и удостовѣриться въ возможности ея появленія на сценѣ. Зубровъ былъ въ отчаяніи; нужно было возвратить изъ кассы всѣ деньги, и нѣсколько дней предстояло провести въ тревожномъ ожиданіи результата. Вскорѣ пьеса была возвращена, и бенефисъ Зуброва состоялся, всетаки, при полномъ сборѣ.

Зубровъ долгое время состоялъ членомъ театрално-литературнаго комитета, на засѣданіяхъ котораго онъ исправно присутствовалъ, внимательно прислушиваясь къ прочитываемымъ пьесамъ, мысленно выбирая въ нихъ себѣ роль. При постановкѣ новыхъ и при возобновленіи старыхъ произведеній онъ былъ постоянно агитированъ, выжидая себѣ роли, которая неминуемо должна была принести ему поспектакльный доходъ. Только ради денегъ онъ и гнался за ролями...

Когда Островскій доставилъ въ дирекцію свою комедію «Доходное мѣсто», Зубровъ завистливо сказалъ на репетиціи нѣкоторымъ изъ товарищей:

— Нынче въ Островскомъ мы не поиграемъ...

— Почему?

— А потому, что прошлымъ лѣтомъ Бурдинъ, Горбуновъ, Васильевъ и Нильскій въ Нижнемъ Новгородѣ гостили.

— Ну, такъ что-жь?

— А то, что намъ въ этой пьесѣ не играть!

— Почему? Развѣ въ ней нѣтъ подходящихъ ролей?

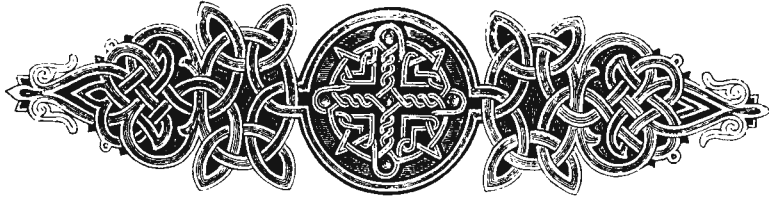
— Роли-то есть... да только не для насъ... Если вы не знаете, такъ я вамъ поясню: Бурдинъ и вся компанія въ Нижнемъ-то вмѣстѣ съ Островскимъ жили, ну, онъ тамъ на баркахъ и подѣлился съ ними... Они тамъ на баркахъ все лучшее и разобрали... Вотъ что!

Ненормальная жизнь съ бессонными ночами и непрерывные кутежи разстроили преждевременно здоровье этого прекраснаго актера, хорошаго товарища и умнаго человѣка. Ни ежегодныя заграничныя поѣздки, ни лечебные курорты не могли возстановить его распатанный организмъ. Силы ему такъ измѣнили, что незадолго до смерти онъ собрался совсѣмъ покинуть театръ, въ виду чего былъ чествуемъ тѣснымъ кружкомъ артистовъ за кулисами театра, съ поднесеніемъ подарка и приличными случаю рѣчами. Но онъ не дождался отставки и умеръ на службѣ, оставивъ по себѣ добрую память въ товарищахъ, друзьяхъ и публикѣ.

А. Нильскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РОДОНАЧАЛЬНИКЪ НАШЕЙ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

СОБРАНИЕ сочиненій Ломоносова, къ изданію котораго приступила академія наукъ подъ редакціею заслуженнаго своего члена, М. И. Сухоплинова, уже теперь ¹⁾ даетъ всѣмъ интересующимся роднымъ словомъ возможность провѣрить установившійся въ русскомъ обществѣ взглядъ на литературную дѣятельность этого выдающагося ученаго и писателя елизаветинскихъ временъ. На Ломоносовѣ, какъ и на другихъ нашихъ писателяхъ, оправдывается прискорбное правило, что даже самые знаменитые изъ нихъ не могутъ дожидаться трезвой и объективной оцѣнки. Историческая перспектива почти совершенно отсутствуетъ. Не только журнальными критиками, но даже учеными словесниками, ихъ значеніе оцѣнивается преимущественно съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ временныхъ вѣяній. Мы хвалимъ въ прошломъ только то, что кажется намъ желательнымъ въ настоящемъ, а настоящее въ свою очередь оцѣнивается нами не съ точки зрѣнія историческаго прошлаго, а согласно съ тѣми фантастическими надеждами, которыя мы возлагаемъ на будущее. Понятно, что, если мы, увлекаясь несбыточными утопіями, относимся даже къ настоящему какъ бы нехотя или даже явно пренебрежительно, то прошлое, хотя бы и не особенно отдаленное, представляется намъ уже совершенно несостоятельнымъ, и мы по большей части даже считаемъ излишнимъ тратить на его изученіе трудъ и время.

¹⁾ Первый томъ этого изданія вышелъ въ 1891 г., второй—въ 1893 г.; они обнимаютъ поэтическія произведенія Ломоносова.

Это общее наше настроеніе всецѣло отразилось и на оцѣнкѣ литературныхъ заслугъ Ломоносова. Конечно, заслуги его столь значительны, что отрицать ихъ никто не рѣшается. Тѣмъ не менѣе у насъ врядъ ли найдется много лицъ, склонныхъ перечитывать безсмертныя произведенія русскихъ классиковъ первой половины прошлаго вѣка. Общее мнѣніе то, что они устарѣли, неинтересны, что въ свое время ихъ можно было читать, но что теперь ихъ читать уже не стоитъ. Однако, мы еще недавно пережили такой моментъ, когда и очень близкіе намъ великіе русскіе писатели казались намъ устарѣвшими и не заслуживающими вниманія въ виду тѣхъ новыхъ политическихъ и общественныхъ вѣяній, которыми мы тогда увлеклись. Но вслѣдъ затѣмъ это пренебрежительное отношеніе къ «аристократу» Пушкину, къ «гвардейскому офицеру» Лермонтову, отчасти даже къ «психопату» Гоголю смѣнилось полною ихъ реабилитаціею. Мы проявили, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи большую шаткость сужденія. Но этого мало. Не видимъ ли мы, что теперь, — когда, казалось, тѣ идеалы, съ которыми мы какъ будто прочно сроднились, произносятся пренебрежительный судъ надъ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, должны были войти въ нашу кровь и плоть, — раздаются общія жалобы на оскудѣніе нашей литературы, и нерѣдко высказываются мрачныя сомнѣнія относительно возможности ея возрожденія и процвѣтанія? Какъ же объяснить себѣ все это? Почему идеалы, признаваемые нами устарѣвшими и негодными, дали намъ Кантемира, Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова и столько другихъ писателей, составляющихъ славу русской литературы, а современные идеалы приводятъ ее къ явному оскудѣнію, и почему наша критика, творящая безпощадный судъ надъ нашими прежними идеалами, вынуждена признать, что современные, ею раздѣляемые, не порождаютъ писателей, которые могли бы быть сопоставлены со свѣтилами прежней русской литературы?

Во всемъ этомъ есть что-то непонятное. Логически отсюда можно было бы только вывести, что литература процвѣтаетъ, когда въ обществѣ господствуютъ ложные идеалы, и что она мельчаетъ или даже совершенно оскудѣваетъ, когда общество проникается болѣе вѣрными идеалами. Но противъ такого вывода возмущаются и наше чувство, и нашъ умъ. Остается, слѣдовательно, только предположить, что идеалы, которыми вдохновлялись русскіе писатели въ прошломъ вѣкѣ, были далеко не такъ ложны, какъ мы склонны думать, и что повднѣйшіе идеалы, быть можетъ, дальше отъ истинныхъ, чѣмъ это намъ кажется на первый взглядъ. Если Кантемиръ или Ломоносовъ положили начало современной русской литературы, если они вызвали къ жизни цѣлую плеяду великихъ русскихъ писателей, если ихъ вліяніе чувствуется въ каждой строкѣ, которую мы нынѣ пишемъ, то, должно полагать, они вѣрно поняли

истинныя потребности Россіи. Между тѣмъ они были заняты почти исключительно злобами своего времени... И что же мы видимъ? Творенія ихъ не только живутъ до сихъ поръ, но и долго еще будутъ жить, какъ бы то или другое поколѣніе ни относилось къ нимъ пренебрежительно. Созданное имъ служить мощнымъ устоемъ, на которомъ держится все зданіе русской литературы.

Кажется, уже въ виду этого факта, слѣдовало бы относиться внимательнѣе къ классическимъ произведеніемъ нашей словесности и изучать ихъ добросовѣстнѣе. Золотоносная руда не привлекаетъ нашего взгляда, а между тѣмъ она очень драгоценна; такую золотоносною рудою, несомнѣнно, являются произведенія нашихъ классиковъ прошлаго вѣка, и если мы этого до сихъ поръ понять не хотимъ или не можемъ, то именно потому, что мы слишкомъ часто увлекаемся будущимъ въ ущербъ настоящему, постоянно забывая, что будущее вырастаетъ изъ настоящаго и прошлаго, и что нельзя создать ничего прочнаго внѣ этой неразрывной связи преемственныхъ задачъ смѣняющихся поколѣній.

Оцѣнка литературнаго значенія Ломоносова краснорѣчиво подтверждаетъ высказанныя нами соображенія. Остановимся на сужденіи перваго и самаго замѣчательнаго изъ нашихъ критиковъ, Бѣлинскаго. Какъ онъ отнесся къ Ломоносову? Его оцѣнка не только сбивчива, но прямо противорѣчива. Въ началѣ своей литературной дѣятельности онъ признавалъ Ломоносова «Петромъ Великимъ русской литературы» и говорилъ, что русская поэзія начинается именно съ Ломоносова; въ концѣ же своей литературной дѣятельности онъ не менѣе категорично утверждалъ, что Ломоносовъ поэтъ «плошечныхъ иллюминацій» и «заоблачныхъ превысшенностей», что онъ «надолго развелъ поэзію съ жизнью». Любопытно при этомъ, что какъ мы недавно уже указывали ¹⁾, Кантемиръ подвергся со стороны Бѣлинскаго противоположной оцѣнкѣ, т.-е. въ началѣ своей дѣятельности Бѣлинскій былъ очень невыгоднаго мнѣнія о нашемъ сатирикѣ, а передъ смертью говорилъ о немъ съ истиннымъ восторгомъ.

Никто не станетъ отрицать литературной проницательности Бѣлинскаго, подтвержденной такими краснорѣчивыми и всѣмъ извѣстными фактами. Какъ же объяснить себѣ, что онъ объ одномъ и томъ же писателѣ высказывалъ прямо противоположныя сужденія? Конечно, объяснить это можно себѣ только тѣмъ, что у него измѣнялась мѣрка, которою онъ мѣрилъ оцѣниваемыхъ имъ писателей. Бѣлинскій въ началѣ своей литературной дѣятельности, какъ извѣстно, придерживался другихъ общественныхъ воззрѣній, чѣмъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1894 г., статья «Родоначальникъ нашей обличительной литературы».

въ концѣ своей дѣятельности, а общественныя его воззрѣнія легли, какъ не менѣе извѣстно, въ основу его критики. Если Бѣлинскій былъ первоначально очень высокаго мнѣнія о Ломоносовѣ и очень невыгоднаго мнѣнія о Кантемирѣ, то это объясняется тѣмъ, что его менѣе шокировали нѣкоторыя стороны литературной дѣятельности Ломоносова и прельщали другія, которымъ онъ впоследствии придавалъ меньше значенія. Говоря о Кантемирѣ, мы старались показать, что пламенный патріотизмъ нашего знаменитаго сатирика воплотился преимущественно въ его отрицательномъ отношеніи къ дѣйствительности, между тѣмъ какъ не менѣе пламенный патріотизмъ Ломоносова привелъ его къ возвеличенію дѣйствительности: Кантемиръ видѣлъ по преимуществу отрицательныя стороны жизни, невѣжество русскаго народа, несостоятельность русской интеллигенціи, погрѣшности правительства; Ломоносовъ же останавливался на положительныхъ сторонахъ дѣйствительности, на быстрыхъ успѣхахъ, совершенныхъ Россіею при Петрѣ, на ея военныхъ подвигахъ, на возрастаніи ея могущества, на спасительномъ страхѣ, который она внушаетъ своимъ сосѣдямъ и Европѣ вообще. Пока Бѣлинскій склонялся больше въ сторону ломоносовскаго патріотизма, пѣвецъ Елисаветы возбуждалъ въ немъ восторгъ; когда же онъ сдѣлался сторонникомъ обличительной литературы, оды Ломоносова потеряли для него прелесть, и недавній «иностронецъ, неспособный сочувствовать русскому народу и раздѣлять его надежды и опасеній», т.-е. Кантемиръ, превратился въ истиннаго «Петра Великаго русской литературы».

Мы остановились на сужденіи Бѣлинскаго не только потому, что оно крайне характерно, но и потому, что отецъ нашей художественной критики послужилъ удивительно чуткимъ отголоскомъ настроенія лучшихъ людей своего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы предрѣшилъ сужденія, высказываемыя и до сихъ поръ о Ломоносовѣ въ нашей критикѣ. Мы склонны видѣть въ пѣвцѣ Елисаветы съ одной стороны «Петра Великаго русской литературы» и русской науки, съ другой стороны—поэта «плосечныхъ иллюминацій». Нѣтъ образованнаго русскаго чловѣка, который, такъ сказать, официально не признавалъ бы громадныхъ заслугъ Ломоносова предъ русской литературой. Мы готовы его чествовать, воздвигать ему памятники, превозносить его въ рѣчахъ и статьяхъ; но съ другой стороны въ глубинѣ нашей души Ломоносовъ, какъ поэтъ, внушаетъ намъ по меньшей мѣрѣ нерасположеніе, а восторженное отношеніе къ нему вызываетъ даже ироническую улыбку на нашихъ устахъ. Такимъ образомъ коренное противорѣчіе въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго продолжаетъ жить въ каждомъ изъ насъ, и мы до сихъ поръ не можемъ справиться съ этимъ противорѣчіемъ, т.-е. въ глубинѣ души мы не считаемъ Ломоносова такимъ выдающимся поэтомъ, какимъ мы его признаемъ, когда опасаемся, что

кто нибудь со стороны назоветъ насъ невѣжественными за то, что мы не уяснили себѣ громадныхъ заслугъ поморскаго рыбака, удивившаго не только Россію, но и всю Европу гениальностью своей природы.

Правда, нѣкоторые выпутываются изъ указаннаго нами противорѣчія весьма просто. Они говорятъ: да, Ломоносовъ былъ, несомнѣнно, великій человекъ, натура гениальная, замѣчательный ученый, но, какъ поэтъ, онъ немного значить, ибо онъ творилъ не по вдохновенію свободнаго художника, а подчиняясь тѣмъ или другимъ личнымъ выгодамъ: онъ былъ собственно не поэтъ, а придворный пѣвецъ, не отецъ русской поэзіи, а болѣе или менѣе искусный для своего времени составитель официальныхъ хвалебныхъ одъ...

Однако, произнести подобное сужденіе значитъ вычеркнуть Ломоносова изъ числа свѣтилъ русской поэзіи и отвести ему очень скромное и далеко не почетное мѣсто въ нашей изящной словесности. Этому опять противорѣчить и наше чувство, и наше такъ сказать, инстинктивное пониманіе заслугъ Ломоносова предъ роднымъ словомъ. Замѣчая это, мы стараемся устранить противорѣчіе въ нашихъ сужденіяхъ слѣдующею оцѣнкою поэтическаго дарованія Ломоносова. Мы говоримъ, что по отношенію къ формѣ Ломоносовъ сдѣлалъ для русской поэзіи очень много: онъ замѣнилъ тяжелый силлабическій стихъ тоническимъ, однообразный размѣръ чрезвычайно разнообразнымъ и свободнымъ. Но на этомъ очевидно останавливаться нельзя, потому что въ этомъ отношеніи истиннымъ реформаторомъ, теоретическимъ и практическимъ, является не Ломоносовъ, а Тредьяковскій, а Тредьяковскаго, конечно, только въ насмѣшку можно назвать однимъ изъ первостепенныхъ русскихъ поэтовъ. Впрочемъ, форму можно понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. У Тредьяковскаго не найдется, пожалуй, ни одного стиха, который могъ бы произвести сколько нибудь сильное впечатлѣніе на современнаго читателя, а у Ломоносова ихъ найдется не мало. Стоить ли напоминать о такихъ стихахъ, какъ начало знаменитой оды:

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ...

какъ его восторженный гимнъ въ честь науки, въ которомъ онъ приглашаетъ своихъ соотечественниковъ показать,

Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать...

какъ его воззваніе къ правящимъ:

Храните праведныхъ заслуги
И милуйте сиротъ и вдовъ...
Давайте страждущимъ отраду,
Трудамъ законную награду.

Эти и другіе не менѣ сильные стихи производятъ впечатлѣніе и на современнаго читателя. Значитъ, Ломоносову дѣйствительно удалось прибрать для своихъ мыслей и чувствъ сравнительно очень совершенную форму. Но эти всѣмъ памятные стихи тонуть въ дѣломъ морѣ архаизмовъ, стиховъ неудобочитаемыхъ въ наше время, просто коробящихъ слухъ и эстетическое чувство современнаго читателя, воспитаннаго на чудномъ стихѣ Пушкина или Лермонтова. Въ общемъ такихъ стиховъ, какъ вышеперечисленные, у Ломоносова недостаточно, чтобы объяснить себѣ то громадное значеніе, которое мы инстинктивно придаемъ его музѣ. Наконецъ можно ли вообще допустить, чтобы даже самая совершенная форма, о которой по отношенію къ Ломоносову не можетъ быть рѣчи, составляла достаточное основаніе для признанія того или другого поэта писателемъ первокласснымъ? Можно ли назвать не только въ русской, но и въ міровой литературѣ выдающагося поэта, который заслужилъ бы свое почетное мѣсто одною только формою, а не прекрасною формою въ соединеніи съ болѣе или менѣе значительнымъ содержаніемъ? Такихъ поэтовъ нѣтъ и не можетъ быть, и поэтому нельзя выпутаться изъ вышеуказаннаго противорѣчія ссылкой на одну «громозвучность» ломоносовскихъ одъ, какъ на основаніе для почетнаго мѣста, занимаемаго пѣвцомъ Елисаветы въ русской литературѣ.

Слѣдовательно, приходится допустить, что въ самомъ содержаніи ломоносовскихъ одъ заключается нѣчто, дающее право причислить пѣвца Елисаветы къ первостепеннымъ дѣятелямъ нашей литературы. И вотъ тутъ-то проявляется вышеуказанный фактъ, что мы никакъ не можемъ съ достаточною ясностью разобраться въ нашихъ критическихъ сужденіяхъ, что, оцѣнивая даннаго, несомнѣнно выдающагося и заслуженнаго писателя, мы впадаемъ въ какую-то странную двойственность, вслѣдствіе которой, мы съ одной стороны, превозносимъ этого писателя, а съ другой—не можемъ ему искренно сочувствовать. Такимъ образомъ получается шаткость сужденія даже въ основныхъ, самыхъ элементарныхъ вопросахъ.

Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, кого слѣдуетъ признавать родоначальникомъ современной нашей литературы. Тутъ происходитъ невообразимая путаница уже со временъ Бѣлинскаго. Такъ, нашъ знаменитый критикъ сперва называлъ Ломоносова родоначальникомъ русской литературы, потомъ отвелъ эту роль Кантемиру, затѣмъ махнулъ на обоихъ рукою, заявивъ, что «только съ Пушкина начинается русская литература, ибо въ его поэзіи бьется пульсъ русской жизни», какъ будто въ поэзіи Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина не «бьется пульсъ русской жизни»! Послѣ Бѣлинскаго наши критики постепенно начали развѣнчивать и Пушкина и провозгласили Гоголя родоначальникомъ

современной русской литературы. Но, благодаря «Перепискѣ съ друзьями» и Гоголю не удалось удержаться въ этомъ почетномъ званіи, и дѣло кончилось тѣмъ, что современную русскую литературу начинаютъ совершенно произвольно то съ писателей 40-хъ годовъ, то почему-то со дня смерти Бѣлинскаго, — словомъ тутъ вполнѣ оправдывается поговорка: кто въ лѣсъ, кто по дрова.

Но это еще не бѣда. Можно было бы примириться съ полною неустойчивостью сужденій нашихъ критиковъ въ этомъ вопросѣ. Однако, если Бѣлинскій сперва признавалъ громадное значеніе Кантемира и Ломоносова и считалъ ихъ родоначальниками нашей изящной словесности, если онъ потомъ махнулъ на нихъ рукою и отвелъ эту роль Пушкину, если послѣдующіе критики развѣнчали и Пушкина и остановились на Гоголѣ, чтобы потомъ отвергнуть и Гоголя и установить какое-то полное безначаліе, то все это служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ сознаніи критики утратилась связь между литературными явленіями въ ихъ исторической преемственности. Просто смѣшно утверждать, что Салтыковъ былъ бы возможенъ, если бы не существовалъ Гоголь, что у насъ родился бы Пушкинъ, если бы не было Державина и Ломоносова, что современные беллетристы родились бы, если бы имъ не предшествовали великіе беллетристы сороковыхъ годовъ, которые, въ свою очередь, несомнѣнно созданы всею предшествовавшею имъ литературою. И притомъ, столь же наивно утверждать, будто бы весь вопросъ сводится къ постепенному усовершенствованію формы, будто бы новѣйшіе болѣе намъ симпатичные писатели придумали совершенно новое содержаніе. Напротивъ, объективное, добросовѣстное изученіе нашей изящной словесности приводитъ къ тому выводу, что каждый новый писатель давалъ въ этомъ отношеніи очень мало новаго, и то, что онъ давалъ новаго, становилось прочнымъ достояніемъ литературы и усваивалось читающею публикою только въ томъ случаѣ, если оно находилось въ непосредственной связи съ тѣмъ, что уже было создано его предшественниками. Я знаю, что мысль эта покажется многимъ на первый взглядъ парадоксальною, но это нисколько ея не опровергаетъ, а служитъ только доказательствомъ, что господствующая нынѣ въ критикѣ тенденціозность лишила насъ способности ясно различать даже очевидное.

Чтобы понять то громадное значеніе, которое имѣлъ Ломоносовъ на ряду съ Кантемиромъ для современной литературы, мы прежде всего должны разсѣять этотъ туманъ, напущенный нашею критикою, отрѣшиться отъ нелѣпой мысли, будто бы въ 60-ые годы или въ еще болѣе близкій намъ періодъ явились люди, провозгласившіе какое-то совершенно новое слово, совершившіе какой-то небывалый переворотъ въ нашей жизни. Ничего этого на самомъ дѣлѣ не было. Возьмемъ ли мы религію, политику, семейную или

индивидуальную жизнь, вездѣ мы натолкнемся на то явленіе, что то, что намъ кажется новымъ, въ сущности очень старо, натолкнемся мы еще и на другое явленіе, что, повидимому, окончательно похороненное и сданное въ архивъ снова въ той или другой формѣ воскресаетъ. Чѣмъ менѣе устойчива человѣческая мысль, чѣмъ менѣе она служитъ обобщеніемъ реальныхъ условий и составляетъ логическій выводъ изъ всего пережитаго и продуманнаго въ прошломъ, тѣмъ болѣе она склонна къ внезапнымъ скачкамъ, къ уклоненіямъ въ сторону, къ воскрешенію стараго или къ разнымъ утопіямъ. Тутъ данъ полный просторъ ничѣмъ не стѣсняемой фантази: то, что признавалось вѣрнымъ сегодня, отрицается завтра, а, смотришь, послѣзавтра то, что отвергнуто, признается снова непреложною истиною.

Если мы теперь остановимся на общественной нашей мысли, какъ она проявилась внѣ произведеній нашихъ классиковъ, то мы будемъ поражены обнаруженною ею неустойчивостью и непослѣдовательностью. Наоборотъ, если мы вдумаемся въ основное содержаніе произведеній великихъ нашихъ писателей, въ ихъ преемственной связи, то мы, наоборотъ, будемъ поражены послѣдовательностью и стройностью ихъ міровоззрѣнія. Оно иначе и быть не можетъ, потому что въ твореніяхъ нашихъ великихъ писателей приведены къ одному знаменателю многообразныя и иногда противорѣчивыя мысли, волновавшія въ ту или другую эпоху наше общество: они представляютъ собою работу большихъ умовъ надъ выясненіемъ того, что смутно сознается громаднымъ большинствомъ образованныхъ людей, что этихъ людей волнуетъ, къ чему эти люди стремятся подъ непосредственнымъ напоромъ событій и окружающихъ ихъ условий. Недаромъ всякій большой писатель является лучшимъ выразителемъ своей эпохи со всѣми ея злобами, со всѣми ея радостями и страданіями. Вотъ почему изученіе ихъ твореній представляетъ такую назидательность, и вотъ почему они полнѣе и лучше всего уясняютъ намъ процессъ постепенной смѣны идеаловъ въ ихъ исторической и непреложной преемственности.

Остановимся на одномъ примѣрѣ, находящемся въ наиболѣе близкой связи съ занимающимъ насъ здѣсь вопросомъ. Не пораженъ ли тотъ фактъ, что идеи 60-хъ годовъ, какъ онѣ отразились въ нашей журналистикѣ, встрѣтили самый рѣшительный отпоръ со стороны выдающихся русскихъ писателей (Писемскаго, Тургенева, Толстого, Гончарова), между тѣмъ какъ само общество ими сильнѣйшимъ образомъ увлекалось. Значитъ, наша литература въ лицѣ самыхъ выдающихся своихъ представителей шла какъ бы по иному пути, чѣмъ общество. Но совершенно нелѣпо предположить, что это было на самомъ дѣлѣ такъ. Все, что было свѣтлаго въ движеніи 60-хъ годовъ, не только не осуждалось нашими большими писателями, а напротивъ подготовлялось ими въ

теченіе долгихъ лѣтъ и нашло себѣ въ нихъ самыхъ убѣжденныхъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Эмансипація личности отъ произвола другихъ людей, — кто подготовилъ эту великую реформу, какъ не большіе наши писатели? Уваженіе къ личности, къ обездоленному, обиженному, неимущему, — кто же ревностнѣе защищалъ этотъ великій общественный и политическій принципъ, какъ не выдающіеся представители нашей литературы? Уваженіе къ женщинѣ и уравненіе ея въ правахъ съ мужчиною, — развѣ уже Кантемиръ не высказывался въ этомъ духѣ? Любовь къ наукѣ, — да имѣла ли Россія болѣе пламеннаго защитника науки, чѣмъ Ломоносовъ? Пристрастіе къ естественнымъ наукамъ, эта мнимая отличительная черта 60-хъ годовъ, — да кто былъ ею больше зараженъ, чѣмъ Ломоносовъ, и именно въ духѣ примѣненія этихъ наукъ къ практическимъ требованіямъ жизни? Демократическія начала — да есть ли у насъ въ литературѣ, начиная съ Кантемира и Ломоносова, хоть одинъ значительный писатель, который не провозглашалъ бы отъ всего сердца, подобно Кантемиру, что «пахарь и вельможа» должны быть уравнены въ правахъ? Гдѣ же тѣ общественныя начала, тѣ основы новаго міросозерцанія, которыя составляютъ отличительный признакъ движенія 60-хъ годовъ и даютъ намъ право отводить имъ какое-то особенное почетное мѣсто въ исторіи развитія нашей общественной мысли? Отрицаніе религіи? Да развѣ мы не видимъ, что именно въ этомъ пунктѣ происходитъ теперь сильнѣйшая реакція противъ недавнихъ увлеченій этого рода въ самомъ обществѣ, и что наиболѣе видные представители нашей литературы, дѣйствовавшіе въ самый разгаръ увлеченій 60-хъ годовъ, рѣшительно отвергали легкомысленный судъ «передовыхъ людей» надъ религіозными вѣрованіями. Развѣ Толстой не проникнуть евангельскимъ ученіемъ? Развѣ Салтыковъ, котораго люди 60-хъ годовъ признаютъ по преимуществу своимъ писателемъ, не преклонялъ смиренно своей непокорной головы передъ божественнымъ Учителемъ? Развѣ не онъ училъ въ краснорѣчивыхъ аллегоріяхъ своихъ читателей внять слову Христову? Остается затѣмъ одинъ голый протестъ, — протестъ, провозглашаемый неизвѣстно во имя чего, потому что все, во имя чего провозглашается этотъ протестъ, предрѣшено великими нашими писателями, которые никогда не осуждали святыхъ чувствъ, вызывающихъ этотъ протестъ, но только не признавали тѣхъ средствъ борьбы, которыхъ придерживаются люди, склонные къ протесту.

Если мы послѣ этой оговорки вникнемъ въ истинные мотивы тайнаго нерасположенія, которое внушаетъ намъ ломоносовская муза, то мы придемъ къ выводу, что эти тайные мотивы цѣлкомъ коренятся въ несоотвѣтствіи ея съ задуманными нами средствами борьбы во имя великихъ принциповъ, одинаково воодушевлявшихъ и Ломоносова, и современныя намъ поколѣнія. Чѣмъ

жилъ Ломоносовъ, для чего онъ трудился, во имя чего вступалъ въ ожесточенную борьбу со своими противниками? Біографія Ломоносова въ общихъ чертахъ на столько извѣстна всякому образованному человѣку, что мы въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи можемъ ограничиться самыми бѣглыми намеками, чтобы воскресить въ памяти читателя мощную фигуру поморскаго рыбака, достигшаго, благодаря своимъ ученымъ и литературнымъ заслугамъ, міроваго признанія.

Итакъ, что побудило подростка Ломоносова покинуть родину и бѣжать въ Москву? Понятно, что не столько семейныя несчастныя обстоятельства, сколько жажда знанія. Тяжела была семейная жизнь громаднаго большинства деревенскихъ парней того времени, но, вѣроятно, очень немногіе изъ нихъ рѣшились подвергнуться такому опасному бѣгству изъ родительскаго дома, какъ Ломоносовъ, и единственною побудительною причиною была жажда знанія. Какое чувство воодушевляло его, когда онъ съ необычайнымъ успѣхомъ преодолѣлъ всѣ трудности столь поздняго усвоенія себѣ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и дало ему возможность превзойти въ успѣхахъ своихъ товарищей? Опять таки жажда знанія. Это чувство дало ему возможность преодолѣть и всѣ увлеченія его бурной натуры во время заграничнаго его пребыванія въ Марбургѣ и Фрейбергѣ; оно окрыляло его и въ послѣдующій періодъ, когда онъ велъ безконечную борьбу въ академіи, всецѣло направленную къ распространенію образованія въ Россіи. Если мы устранимъ эту жажду знанія, это стремленіе видѣть Россію просвѣщенной, избавленной, какъ онъ самъ уже выражался, отъ «тмы невѣжества», то жизнь Ломоносова станетъ для насъ совершенно непонятною. За что ни принимался Ломоносовъ, что бы онъ ни дѣлалъ, всюду и всегда въ основаніи его думъ, писаній, дѣлъ лежали жажда знанія и стремленіе распространить просвѣщеніе въ Россіи. Самые восторженные его стихи вызваны любовью къ наукѣ, и, конечно, никто не станетъ отрицать, — даже самый сильный противникъ поэзіи «плошечныхъ иллюминацій», — что знаменитая восьмая ода могла быть написана только человѣкомъ, восторженно относящимся къ наукѣ. Но какое стихотвореніе Ломоносова мы ни возьмемъ, вездѣ мы увидимъ, что онъ, подчиняясь преобладающему въ немъ чувству, поетъ хвалебныя гимны наукѣ; о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ все возвращается къ наукѣ, къ той мысли, что источникомъ всѣхъ бѣдствій является «тма невѣжества», что спасти, возвеличить, осчастливить можетъ Россію только всевозможное распространеніе образованія.

Надо ли добавлять, что съ этою пламенною любовью къ наукѣ у Ломоносова соединено другое, столь же сильное чувство — любовь къ отечеству? Перечитывая его поэтическія произведенія, мы даже затрудняемся сказать, что въ немъ сильнѣе — любовь ли къ наукѣ,

или къ отечеству? Вѣрнѣе сказать, что оба чувства находятся у него въ неразрывной связи, потому что нѣтъ у Ломоносова почти ни одного выдающагося произведенія, гдѣ любовь къ наукѣ и патріотизмъ не сливались бы въ одинъ стройный, восторженный гимнъ.

Однако, патріотизмъ бываетъ различный, смотря по настроенію, темпераменту, умственному кругозору человѣка. Если мы возьмемъ только два выше отмѣченныхъ чувства: любовь къ наукѣ и къ отечеству, то нельзя будетъ провести грани между музою Кантемира и Ломоносова, потому что оба они въ одинаковой степени были воодушевлены этими чувствами. Однако, между двумя родоначальниками нашей изящной словесности существуетъ по темпераменту, по настроенію, если не по умственному кругозору, громадная разница. У Кантемира натура попреимуществу разсудочная, сдержанная, склонная къ ироніи, къ добродушной насмѣшкѣ надъ человѣческими слабостями, надъ отрицательными сторонами окружавшей его русской дѣйствительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и характеръ его поэзіи совершенно иной, чѣмъ характеръ поэзіи Ломоносова. Оба они трудятся надъ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи. Но сатирическій темпераментъ Кантемира побуждаетъ его открывать отрицательныя стороны русской жизни и указывать на нихъ, чтобы этимъ путемъ содѣйствовать ихъ искорененію. Наоборотъ, страстная, восторженная натура Ломоносова побуждаетъ его останавливаться на выдающихся явленіяхъ и событіяхъ, найти въ нихъ пищу для восторженнаго патріотизма, которымъ онъ воодушевленъ. Проза жизни его не занимаетъ; въ своей поэзіи онъ старается отрѣшиться отъ нея, и какъ въ жизни природы его главнымъ образомъ прельщаютъ грандіозныя явленія: бушующее море, сѣверное сіяніе, гроза, такъ и въ жизни своего народа онъ останавливается попреимуществу на крупныхъ явленіяхъ и событіяхъ. Что мы тутъ имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ темпераментомъ, которымъ опредѣляется все настроеніе музы Ломоносова, а не съ какими нибудь корыстными видами, это даже не требуетъ серьезной аргументаціи. Между тѣмъ даже ученые критики Ломоносова договариваются до такой нелѣпости, будто бы Ломоносовъ, воспѣвая побѣды русскаго оружія, стремился только къ «почестямъ и наградамъ» (проф. Н. Н. Буличъ), потому что «трудно было ожидать отъ Ломоносова, какъ и отъ всякаго другаго русскаго современнаго поэта, неподдѣльнаго восторга и дѣйствительнаго вдохновенія при извѣстіи о побѣдѣ русскаго войска». Когда читаешь подобныя сужденія, то просто не вѣришь собственнымъ глазамъ. Такое естественное со стороны всякаго патріотически настроеннаго человѣка чувство, какъ радость при извѣстіи о побѣдѣ, изображается чѣмъ-то зазорнымъ, чѣмъ-то дискредитирующимъ поэта. Но по отношенію къ Ломоносову вѣдь это вдвойнѣ несправедливо.

Вѣдь тѣ же критики признаютъ вполне естественнымъ восторженное настроеніе Ломоносова въ его знаменитыхъ одахъ, посвященныхъ грандіознымъ явленіямъ природы, возвеличенію Бога, науки, мира, и не хотятъ принять во вниманіе, что, за исключеніемъ весьма небольшого числа стихотвореній, муза Ломоносова, чего бы она ни касалась, всегда патетична, всегда восторженна. Это — ея обычный обликъ, и лишь весьма рѣдко Ломоносовъ настроенъ иронически въ противоположность Кантемиру, который постоянно иронизируетъ, даже тогда, когда онъ, подобно Ломоносову, воспѣваетъ сильныхъ міра сего. Далѣе, не видимъ ли мы, что Ломоносовъ въ каждой своей одѣ, посвященной побѣдамъ русскаго оружія, въ то же время слагаетъ еще болѣе восторженные гимны въ честь мира и поминутно совѣтуетъ властителямъ

И выше, какъ военной звукъ,
Поставить красоту наукъ.

Можно ли упрекать Ломоносова въ шовинизмъ, когда онъ на каждомъ шагу въ своихъ одахъ возвеличиваетъ «тишину, покой и миръ», призываетъ властителей «даровать отечеству мирныя оливы, щадить луга и нивы, сковать мечи и копыя вредны въ плуги и серпы», «удивить цѣлый свѣтъ мирною рукою», «открывать широки двери наукамъ, счастью, тишинѣ», — можно ли упрекать въ шовинизмъ поэта, у котораго изъ души вылились слѣдующія вдохновенныя строки:

Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тѣнь?
Еще-ль мы мало утомились
Житейскихъ тягостью бремень?
Возври на плачь осиротѣвшихъ,
Возври на слезы престарѣвшихъ,
Возври на кровь рабовъ твоихъ;
Къ Тебѣ, любовь и радость свѣта,
Въ сей день зоветь Елизавета:
Низвергни брань съ концовъ земныхъ.

Нѣтъ, очевидно, упрекать въ шовинизмъ поэта, который призывалъ «Петрову дочь военну запечатать дверь» и «питать народъ тишиной своей», значить совершенно не уяснить себѣ смысла его произведеній, значить не понять ни его основной мысли, ни его стремленій или судить его судомъ несправедливымъ, тенденціознымъ, обусловленнымъ временными, легкомысленными вѣяніями. Поэтъ, который ставилъ выше всего науку, долженъ былъ дорожить и миромъ, потому что война — одинъ изъ злѣйшихъ враговъ науки. Но ни одинъ значительный поэтъ, къ какому народу онъ бы ни принадлежалъ, не можетъ не дорожить вліятельнымъ положеніемъ своего отечества, возможностью для него отстоять миръ, пока война существуетъ, и военнымъ могуществомъ, — не можетъ не дорожить тѣмъ, чтобы его отечество внушало спасительный

страхъ сосѣдямъ, склоннымъ относиться пренебрежительно къ его могуществу и вліянію. Только съ этой точки зрѣнія и выясняется истинный смыслъ тѣхъ одъ Ломоносова, въ которыхъ онъ призываетъ земныхъ властителей

Златой наукамъ вѣкъ возставитъ
И отъ презрѣнія избавитъ
Вовлюбленный російскій родъ;

или обращается къ Фридриху Великому со словами:

Парящій слыша шумъ орлицы,
Гдѣ пышный духъ твой, Фридерикъ?
Прогнанный за свои границы,
Еще ли мнишь, что ты великъ?..
Лишенный собственныя власти,
Еще-ль стремишься въ буйной страсти
Вселенной наложить яремъ?

Очевидно, надо совершенно утратить чувство исторической перспективы, чтобы не понимать, какой восторгъ должны были вызывать во всѣхъ патріотически настроенныхъ русскихъ людяхъ побѣды, одержанныя нашимъ оружіемъ во времена Ломоносова, первые положившія прочное начало вліянію Россіи въ совѣтѣ европейскихъ державъ. Вѣдь это было время, когда всюду въ Европѣ къ Россіи относились пренебрежительно, когда представители второстепенныхъ державъ пользовались при дворахъ Людовика XV или Густава II гораздо большимъ почетомъ, чѣмъ представитель такого обширнаго государства, какъ Россія. Стоитъ только пробѣжать реляціи Кантемира, чтобы убѣдиться, какъ мало уважалась въ то время Россія. Сколько усилій потребовалось, напримѣръ, только для того, чтобы добиться признанія императорскаго титула за русскими монархами. Россія въ то время только еще успѣла внушить уваженіе своимъ ближайшимъ сосѣдямъ: Турціи, Польшѣ, Швеціи. Даже самъ Петръ Великій, одолѣвшій Швецію, вынужденъ былъ при Прутѣ смириться предъ военнымъ могуществомъ Турціи. А Петръ Великій вѣдь былъ, какъ и остался до сихъ поръ, истиннымъ героемъ въ глазахъ русскихъ образованныхъ людей: и Кантемиръ, и Ломоносовъ относились къ нему, какъ къ полубогу. Они, какъ выразился Ломоносовъ,

Не вѣрили, что онъ единъ отъ смертныхъ былъ,
Но въ жизнь его уже за бога почитали.

Вѣдь, по убѣжденію русскихъ образованныхъ людей, какъ выразился тотъ же Ломоносовъ,

...мы бы въ лодочкѣ на лужѣ чуть сидѣли,
Когда-бъ Великаго Петра мы не имѣли.

Кантемиръ, какъ и Ломоносовъ, оба признавали себя лишь недостойными учениками этого великаго учителя и вмѣстѣ съ тѣмъ думали только о томъ, какъ бы способствовать [продолженію того

дѣла, которому онъ служилъ. Поэтому всякій дальнѣйшій шагъ на пути, проложенномъ Петромъ, ихъ радовалъ, вдохновлялъ. Такимъ образомъ уже первая ода Ломоносова «На взятіе Хотина» вовсе не была, какъ стараются увѣрить наши критики, какимъ-то фальшивымъ звукомъ, проявленіемъ угодничества предъ властями или шовинизмомъ, а выраженіемъ истиннаго восторга, вызваннаго побѣдою надъ врагомъ преобразователя земли Русской. Понятно, что и дальнѣйшія побѣды Россіи, доставлявшія ей выгоды и почетъ въ Европѣ, не могли не радовать Ломоносова, особенно когда онъ убѣждался, что эти побѣды ведутъ къ признанію законнаго вліянія Россіи въ совѣтѣ державъ. Эта мысль необычайно ярко выражена въ Ломоносовскихъ одахъ. Его патріотическое чувство радуется, что, благодаря такимъ побѣдамъ, какъ побѣда при Куннерсдорфѣ въ 1759 г., Россія наконецъ достигла почетнаго положенія въ Европѣ, но въ то же время онъ выражаетъ твердую увѣренность, что Россія пользуется своимъ вліяніемъ лишь для того, чтобы обезпечить миръ. Такъ, Елисавета у него говоритъ:

Шестнадцать лѣтъ нося порфиру,
Европу я склоняла къ миру
Союзами и страхомъ силъ;

или въ другой одѣ онъ говоритъ, что отъ Елисаветы

...Европа ожидаетъ,
чтобъ въ ней возставлень былъ покой.

Такимъ духомъ проникнуты всѣ ломоносовскія оды, посвященные прославленію русскихъ побѣдъ. Онъ видитъ въ войнѣ великое зло и, если ее допускаетъ, если побѣды русскаго оружія его радуютъ, то только потому, что онъ отъ нихъ ожидаетъ установленія «возлюбленной тишины, царей и царствъ земныхъ отрады, блаженства сель, градовъ ограда», ибо,—говоритъ онъ Елисаветѣ:—

Россійска тишина предѣлы превосходить
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюеть воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

Столь же фальшивы комментаріи нашихъ критиковъ къ другому основному чувству, воодушевляющему Ломоносова. Они никакъ не могутъ примириться съ тѣмъ фактомъ, что Ломоносовъ воспѣвалъ и Петра Великаго, и Анну Иоанновну, и Елисавету Петровну, и Иоанна Антоновича, и Петра III, и Екатерину, словомъ, всѣхъ монарховъ, царствовавшихъ въ его время. Представители государственной власти преслѣдовали, повидимому, противоположныя цѣли, находились во враждѣ между собою, строили одинъ другому ковы, но не успѣтъ тотъ или другой монархъ вступить на престоль, какъ Ломоносовъ уже воспѣваетъ его въ восторженныхъ одахъ. Требуется ли еще послѣ этого дальнѣйшее доказатель-

ство его угодничества передъ сильными міра сего, и можетъ ли Ломоносовъ при такихъ обстоятельствахъ внушать намъ къ себѣ уваженіе, какъ личность, пользоваться нашимъ сочувствіемъ, какъ поэтъ? Надо отмѣтить при этомъ еще одну характеристическую черту Ломоносовской музы. Всѣ его произведенія, за ничтожными исключеніями, написаны къ случаю. Воцареніе новаго монарха, побѣда, день восшествія на престолъ, дарованіе какой нибудь милости, спускъ корабля, открытіе памятника, иллюминація или маскарадъ, новоизобрѣтенная пушка — вотъ поводы, по которымъ возникаютъ поэтическія произведенія Ломоносова. Можетъ ли истинный поэтъ подчинить свое творчество случайнымъ обстоятельствамъ, писать громогласныя оды по поводу, напимѣрь, ежегодно повторяющагося празднованія восшествія на престолъ того или другого монарха?

Таковъ обвинительный актъ нашихъ критиковъ противъ Ломоносова. Ихъ доводы могутъ на первый взглядъ казаться убѣдительными. Дѣйствительно въ иностранной литературѣ, пожалуй, не найдется ни одного значительнаго поэта, который, подобно Ломоносову, подчинилъ бы всю свою дѣятельность въ такой мѣрѣ случайнымъ поводамъ. Но съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что врядъ ли найдется въ европейской литературѣ хоть одинъ значительный писатель, который въ такой степени, какъ родоначальники нашей изящной словесности, Кантемиръ и Ломоносовъ, посвятилъ бы себя служенію государству, всецѣло ушелъ бы въ политику, для котораго источникъ поэтическаго вдохновенія заключался бы почти единственно въ защитѣ государственныхъ интересовъ. Чрезвычайно характерны въ этомъ отношеніи Ломоносовскіе стихи, озаглавленные: «Разговоръ съ Анакреонтомъ». Ломоносовъ перевелъ нѣсколько «одъ» этого знаменитаго представителя эротической поэзіи, но каждую изъ этихъ одъ снабдилъ своимъ отвѣтомъ. Анакреонтъ поэтъ (въ Ломоносовскомъ переводѣ):

Мнѣ дѣвушки сказали:
Ты дожилъ старыхъ лѣтъ,
И зеркало мнѣ дали:
Смотри, ты лысъ и сѣдъ.

Но Анакреонтъ утѣшаетъ себя тѣмъ,

Что долженъ старичекъ
Тѣмъ больше веселиться,
Чѣмъ ближе видать рокъ.

Каковъ же отвѣтъ Ломоносова? Онъ совѣтуетъ Анакреону подумать о судьбѣ Катона и противопоставляетъ эротическаго поэта этому преданному государственному дѣлу республиканцу. Онъ говоритъ Анакреону:

«Ты жизнь употреблялъ, какъ временну утѣху;
«Онъ жизнь пренебрегалъ къ республикѣ успѣху».

Еще характернѣе отвѣтъ Ломоносова на другую оду Анакреона, въ которой поэтъ воспѣваетъ свою возлюбленную.

«Ты счастливъ сею красотою
«И мастерствомъ, Анакреонъ»,—

отвѣчаетъ ему иронически Ломоносовъ и собирается ему подражать. Но вмѣсто возлюбленной онъ изображаетъ «возлюбленную мать», Россію, съ «ясностью отрады по челу», съ «вознесенною главою», съ «огнемъ въ небесныхъ очахъ», съ «бровями, выведенными дугою», съ «важностью въ бесѣдѣ, ободряющей слухъ, какъ чистый голосъ лебедей». И къ этой своей единственной возлюбленной онъ обращается со словами:

«И повели войнамъ престать».

Трудно прибрать стихотвореніе болѣе характерное для Ломоносовской музы. Мы видѣли уже, что Кантемиръ отзывался такъ о любовныхъ пѣсняхъ:

«Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
«Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло».

Ломоносовъ точно такъ же относился къ любовнымъ пѣснямъ: воспѣвать возлюбленную онъ считаетъ недостойнымъ своей музы, такъ что изъ всѣхъ его стихотвореній только два въ нѣсколько строкъ посвящены этой темѣ, да и то они переводныя. Возлюбленная его — это Россія; другой возлюбленной у него нѣтъ, какъ нѣтъ у него иного истиннаго героя, кромѣ Петра. Только то его сердцу и любезно, что говорить ему о Россіи и Петрѣ; другихъ думъ онъ не знаетъ; всѣ его помыслы обращены на то, чтобы видѣть Россію счастливой, а единственный путь, приводящій ее къ счастью, это — путь, указанный Петромъ. Для чисто лирическихъ, субъективныхъ чувствъ Ломоносовская лира струнъ не имѣетъ. Даже въ своихъ духовныхъ одахъ, въ знаменитыхъ переложеніяхъ псалмовъ, гдѣ, повидимому, Ломоносовъ болѣе всего даетъ просторъ своимъ личнымъ чувствамъ, гдѣ онъ, вторя псалмопѣвцу, возвеличиваетъ Бога за то, что онъ не далъ ему погибнуть въ борьбѣ съ сильными врагами, мы чувствуемъ на каждомъ шагу, что эти враги являются врагами не лично Ломоносова, а того дѣла, которому онъ служитъ и которое можно выразить въ двухъ словахъ: содѣйствовать по мѣрѣ силъ успѣхамъ науки въ Россіи и поощрять правительство къ осуществленію этой великой цѣли. Такимъ образомъ государственная польза является основою всѣхъ помысловъ Ломоносова. Даже наука, предъ которой онъ главнымъ образомъ преклоняется, имѣетъ только служебное значеніе: и она должна служить государству. Безконеченъ споръ о томъ, должно ли существовать искусство только для искусства, или оно само должно быть только орудіемъ для достиженія другихъ болѣе важныхъ цѣлей. Мы здѣсь этого безконеч-

наго спора касаться не будемъ. Но несомнѣнно одно, что люди придерживающіеся принципа: искусство для искусства, должны отвергнуть Ломоносовскую музу, какъ фальшивую по существу, и наоборотъ люди, защищающіе тенденціозную поэзію, должны признавать Ломоносова большимъ поэтомъ. На самомъ дѣлѣ у насъ происходитъ какъ разъ обратное: чистые эстетики восторгаются Ломоносовымъ, а защитники тенденціозной поэзіи относятся къ нему пренебрежительно. Не служить ли это новымъ доказательствомъ путаницы, господствующей въ понятіяхъ нашихъ литературныхъ критиковъ? Но какъ бы то ни было, Ломоносова надо признать государственнымъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ былъ проникнутъ государственностью и Кантемиръ, какъ проникнуты общественнымъ и государственнымъ сознаниемъ и всѣ позднѣйшіе большіе русскіе писатели; для всѣхъ ихъ, начиная съ Кантемира и кончая Салтыковымъ, служеніе искусству равносильно служенію обществу и государству. Во всей русской литературѣ наберется развѣ два-три болѣе значительныхъ поэта, которые отрѣшились отъ государственности и служили чистому искусству или другимъ проявленіямъ человѣческаго духа. Во всякомъ случаѣ родоначальники нашей изящной словесности были до мозга костей государственными писателями и мощною рукою наложили этотъ отпечатокъ на всю русскую литературу. Этимъ въ значительной степени объясняется, что Ломоносовъ, нисколько не измѣняя чувству внутренняго долга, напротивъ, всѣми силами своей души служа высшимъ сознаннымъ имъ дѣламъ, приурочивалъ свои поэтическія произведенія къ государственнымъ событіямъ, что ничто его такъ не вдохновляло, какъ наука и польза государственная, которыя для него сливались въ одно. Онъ первый въ своихъ одахъ заговорилъ о русскомъ «обществѣ», но надеждъ своихъ онъ на него, какъ и Кантемиръ, не возлагалъ. Оно представлялось ему объятымъ «тьмою невѣжества», и онъ спрашивалъ себя, гдѣ та сила, которая можетъ рассѣять эту губительную тьму. «Я межъ стѣнами валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самого океана духомъ обращаюсь, вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени... Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли. Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали, и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи дѣловалъ помазанными своими устами». Такія чувства внушала Ломоносову давно лежавшій въ гробу Петръ, отъ котораго онъ «ни почестей, ни наградъ» ожидать не могъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Россіи есть только одна сила, которая можетъ покончить съ «ночью варварства», указать ей «путь яснаго познанія». Онъ не вѣрилъ, чтобы интеллигенція того времени могла помимо государственной власти достигнуть этой цѣли, и поэтому

ему, какъ и Кантемиру, какъ и всей плеядѣ русскихъ писателей, слѣдовавшихъ за ними, монархическій принципъ былъ дорогъ, казался священнымъ. Всѣ свои думы, всѣ свои мысли, всѣ свои сокровеннѣйшія чувства онъ, сознавая свой долгъ передъ отечествомъ и вѣря только въ государственную власть, изливалъ въ одахъ, которыя названы «похвальными», но въ которыхъ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ краснорѣчивыя указанія, совѣты, обращенные къ той монархической власти, которую онъ, повидимому, воспѣвалъ. Только человекъ, глубоко проникнутый государственнымъ сознаниемъ и гражданскимъ своимъ долгомъ, могъ говорить, обращаясь къ представителямъ власти въ слѣдующемъ тонѣ:

«Услыште, суди земны
 «И всѣ державныя главы:
 «Законы нарушать святыя
 «Отъ буйности блюдитесь вы,
 «И подданныхъ не преирайте,
 «Но ихъ пороки исправляйте
 «Ученьемъ, милостью, трудомъ,
 «Вмѣстятъ съ правдою щедроту,
 «Народну наблюдайте льготу,
 «То Богъ благословитъ вашъ домъ».

Эту строфу мы взяли изъ оды на восшествіе на престолъ Екатерины II. Въ ней встрѣчается еще и слѣдующее обращеніе къ только что воцарившейся иноземкѣ:

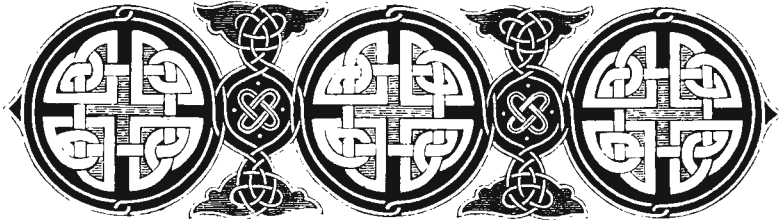
«А вы, которымъ здѣсь Россія
 «Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
 «Довольство вольности златыя...
 «На то-ль склонились къ вамъ монархи
 «И согласились іерархи,
 «Чтобъ древній нашъ законъ вредить?
 «И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами,
 «Въ предѣлахъ должности своей,
 «Считать насъ вашими рабами
 «Въ противность истины вещей?»

Это ли не смѣлая рѣчь въ устахъ русскаго поэта XVIII вѣка?

Итакъ, Ломоносовъ въ своихъ одахъ постоянно побуждалъ правителей къ миру, всевозможному распространенію знаній, поощрялъ ихъ «освобождать угнѣсенныхъ, ободрять оскорбленныхъ», «царствовать болѣе щедротой, чѣмъ грозвою», «поставить предъ собою, какъ солнце и луну, престолъ Петровъ», «казнить повинныхъ съ кротостью, исправлять безъ гнѣву злобныхъ, шадить кровь осужденныхъ». Слѣдовательно, вотъ тотъ духъ, въ которомъ воспѣвалъ Ломоносовъ монарховъ, вотъ сущность рѣчей, съ какими онъ къ нимъ обращался. Видѣтъ при такихъ условіяхъ въ Ломоносовскихъ одахъ одну лезть, одинъ лишь панегирикъ для вымаливанія разныхъ почестей и наградъ, договариваться до того, какъ это дѣлаетъ проф. Буличъ, что отъ Ломоносова нельзя и ожидать «глу-

бокаго патріотическаго чувства, какъ вдохновенія», значить умышленно игнорировать все, что составляетъ силу Ломоносовской поэзіи, что и теперь, по прошествіи почти 130 лѣтъ послѣ смерти нашего знаменитаго ученаго и поэта, заставляетъ усиленно биться наше сердце, когда мы перечитываемъ его произведенія. Если Кантемиръ обращался съ своимъ словомъ преимущественно къ обществу, если онъ своимъ смѣхомъ сквозь слезы казнилъ его несовершенства, его пороки, его «злой нравъ», если онъ такимъ образомъ сталъ родоначальникомъ нашей обличительной литературы, вызвалъ къ жизни Фонвизина, Гоголя, Салтыкова, то онъ вдохновлялся единственно великими началами гуманности, просвѣщенія, равенства всѣхъ людей, беззавѣтнаго служенія своему народу. Тѣми же началами почти исключительно руководствовался и Ломоносовъ; но онъ обращался съ своимъ словомъ не столько къ обществу, сколько къ правительству, и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался родоначальникомъ нашей такъ называемой патріотической литературы, позднѣйшими представителями которой были Державинъ, Карамзинъ, отчасти Жуковскій, Пушкинъ и наиболѣе выдающіеся публицисты недавняго прошлаго, напимѣръ, И. С. Аксаковъ. Трудно сказать, которая изъ этихъ двухъ группъ классическихъ нашихъ писателей принесла больше пользы: та ли, которая, обращаясь преимущественно къ обществу, пускала въ ходъ сатиру и язвительною насмѣшкою бичевала «злой нравъ», гдѣ бы онъ ни встрѣчался, или та, которая, обращаясь преимущественно къ правительству, убѣжденнымъ, патетическимъ словомъ поощряла его къ великимъ реформамъ, ознаменовавшимъ собою царствованія Екатерины II, Александра I и въ особенности Александра II. Обѣ группы, т. е. представители нашей обличительной и патріотической литературы, стремились къ одной цѣли. Собственно это только два русла одной великой рѣки, то разъединяющіяся, то соединяющіяся: источникомъ этой рѣки служить любовь къ отечеству, истокъ же ея, на который вѣчно обращены взоры лучшихъ русскихъ людей, это—благоденствіе отечества. Только уяснивъ себѣ это, мы воздадимъ должное родоначальникамъ нашей изящной словесности, поймемъ ихъ великое значеніе не только литературное, но и общественно-политическое, и перестанемъ повторять безсодержательныя фразы, будто бы истинная гражданственность началась у насъ только съ шестидесятыхъ или съ сороковыхъ годовъ: она всегда была присуща нашей литературѣ, и, конечно, болѣе трезвая и глубокая оцѣнка послѣдней въ историческомъ ея развитіи отведеть Ломоносову на ряду съ Кантемиромъ мѣсто и среди самыхъ честныхъ, самоотверженныхъ и заслуженныхъ «гражданъ» Русской земли.

Р. Сементковскій.

СТОЛѢТІЕ ОДЕССЫ.

(22 августа 1794 г.—22 августа 1894 г.).

ИМПЕРАТРИЦА Екатерина II манифестомъ отъ 7 сентября 1787 г. объявила всей Европѣ, что Порта Оттоманская нарушила всѣ права народовъ, заключивъ въ Семибашенный замокъ російскаго полномочнаго министра Якова Булгакова, и тѣмъ принудила государыню взяться за оружіе для поддержанія чести своего государства.

Началась вторая турецкая война, извѣстная также подъ названіемъ очаковской, по наиболѣе выдающемуся подвигу русскихъ войскъ: въ концѣ 1788 г., въ самый Николинъ день, была взята приступомъ первоклассная турецкая крѣпость Очаковъ. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ этого изъ-подъ Очакова русскимъ отрядомъ былъ предпринятъ небольшой удачный походъ, о ходѣ и результатахъ котораго главнокомандующій, князь Потемкинъ, доносилъ 3 октября 1789 г. слѣдующее:

«Въ то время, когда предпринято мною генеральное движеніе на непріятели войсками, мнѣ ввѣренными, приказалъ я командирующему однимъ корпусомъ при Очаковѣ, генераль-поручику Гудовичу, произвести поиски на Хаджибей, передъ которымъ тогда весь флотъ непріятельской находился. Генераль-поручикъ Гудовичъ 3 сентября отправился изъ-подъ Очакова и къ 12 числу прибылъ на два марша отъ Хаджибея. Командующій передовыми войсками, для сего предпріятія отряженными, генераль-маіоръ Дерibasъ, ночью на 12-ое число, съ тремя полками конными и тремя

пѣшими казаковъ вѣрнаго войска черноморскаго и 6-ью ихъ пушками перебрался за перешеекъ, между моремъ и обоими Куяльниками лежащій. Въ послѣднюю ночь присоединились къ нему тѣмъ же путемъ два батальона пѣхоты съ 4-мя осадными, 2 полевыми и 4 полковыми орудіями. Тишина, осторожность и порядокъ, которые наблюдаемы были войсками при переходѣ сего опаснаго мѣста, подверженнаго выстрѣламъ флота непріятельскаго на разстояніи 8-ми верстъ, заслуживали особенное вниманіе. Генераль-поручикъ Гудовичъ скрытно слѣдовалъ со всѣмъ корпусомъ вправо черезъ вершины Куяльника и, остановясь въ 8 верстахъ отъ передовыхъ войскъ, 13-го обозрѣвалъ оныя и, по возвращеніи къ корпусу, отрядилъ на лѣвый флангъ, подъ прикрытіемъ батальона пѣхоты, 10 орудій артиллеріи. При наступленіи ночи придвинулся онъ къ Хаджибею и расположился отъ онаго въ 7 верстахъ, съ тѣмъ, чтобы, при нападеніи на сей замокъ передовыхъ войскъ, подкрѣпить ихъ и умножить пораженіе непріятеля.

«Генераль-маіоръ Де-Рибасъ, соединя свою команду 13-го въ Кривой балкѣ ¹⁾, распорядилъ атаку такимъ образомъ, чтобы полковникъ Хвостовъ, съ однимъ батальономъ пѣхоты и имѣя на правомъ флангѣ два пѣхотныхъ полка казаковъ, приблизился берегомъ къ замку и старался взойти на оный по лѣстницамъ, и въ то же время и казаки, подступя къ замку, должныствовали лѣзть на стѣны и раздѣлять непріятельское вниманіе. Другой батальонъ пѣхотный, подъ командою секундъ-маіора Воейкова, съ однимъ полкомъ пѣхотныхъ казаковъ, имѣлъ занять форштатъ ²⁾ и препятствовать какъ штурму съ моря, такъ и побѣгу изъ замка. На перешейкѣ (была) устроена батарея изъ 4 осадныхъ и 12 полевыхъ орудій, чтобы стрѣлять съ фланга по непріятельскимъ судамъ. Въ семь порядкѣ выступя, въ 7 часовъ вечера пришли сіи части въ балку, въ двухъ верстахъ отъ замка лежащую. Въ 4-мъ часу по полуночи на 14 число сентября генераль-маіоръ Де-Рибасъ повелъ войска на приступъ. На лѣвой сторонѣ полковникъ Хвостовъ, подъ картечными выстрѣлами съ флота непріятельскаго перейдя оврагъ, когда уже приблизился на сто сажень къ стѣнѣ, то по сдѣланной въ части секундъ-маіора Воейкова черноморскими казаками тревогѣ и по открытіи съ замка пальбы, успѣвшиль, не ожидая праваго своего фланга, поставитъ первую лѣстницу, за которою и другія тотчасъ приставлены, и, не взирая на жестокой пушечный и ружейный огонь со стѣнъ и съ флота, менѣе четверти часа лѣвая сторона замка занята; вскорѣ овладѣли воротами и всѣмъ замкомъ. Секундъ-маіоръ Воейковъ, бывъ открытъ непріятелемъ, устремился съ отличною скоростью и

¹⁾ Теперь въ 3—4 верстахъ отъ Одессы.

²⁾ Мѣста, гдѣ находились и крѣпость и форштатъ, теперь въ центрѣ города, въ приморской его части.

порядкомъ заняты окрестное селеніе ¹⁾ и, выбивъ непріятели изъ слободы, оставилъ въ оной свой резервъ; самъ же прибылъ въ назначенное ему мѣсто для воспрепятствованія сикурсу со флота. Непритель, произведя жестокою канонаду съ судовъ и бросая бомбы, начиналъ намъ вредить, но батарея, отряженная генераль-поручикомъ Гудовичемъ съ маіоромъ артиллеріи Меркелемъ и перенесенная на правую сторону замка съ лѣвой, гдѣ не могла она успѣшно дѣйствовать противъ уклоняющагося непріятели, не только заставила ихъ умолкнуть, но и обратила въ бѣгство. Два поврежденные нашими орудіями лансоны ²⁾ принуждены спустить флагъ, идти къ нашему берегу и сдаться. Генераль-поручикъ Гудовичъ, приближавшійся тогда съ корпусомъ къ замку, приписываетъ отъѣнную хвалу искусству артиллеріи-маіора Меркеля».

Такимъ образомъ взятъ былъ Хаджибей 14 сентября 1789 г. Такъ какъ извѣстіе объ этомъ пришло въ Петербургъ почти одновременно съ извѣщеніемъ о побѣдѣ Суворова при Рымникѣ (11 сент.), за которой послѣдовало взятіе Аккермана и Бендеръ, то на приобрѣтеніе незначительнаго Хаджибея мало кто обратилъ и вниманіе. Но главнокомандующій оцѣнилъ способности и энергію Де-Рибаса и поручилъ ему начальство надъ гребнымъ черноморскимъ флотомъ. Командуя имъ, Де-Рибасъ оказалъ не малое содѣйствіе Суворову при взятіи Измаила 11 декабря 1790 г.

Хаджибей, находившійся, вѣроятно, на мѣстѣ назначительной греческой колоніи ³⁾, въ началѣ XV вѣка принадлежалъ польско-литовскимъ князьямъ и назывался тогда Кацюбеемъ; но въ XVI вѣкѣ онъ уже былъ во власти татаръ. Въ 1764 г. здѣсь была построена небольшая турецкая крѣпость, или, вѣрнѣе, замокъ съ 12-ью пушками и съ 300 человекъ гарнизона. Близъ этого замка и подъ его защитой расположилось татарское селеніе, жители котораго занимались торговлей и еще въ большихъ размѣрахъ скотоводствомъ ⁴⁾; въ окрестностяхъ его хуторами жили довольно многочисленные (особенно послѣ разоренія Запорожской сѣчи) выходцы изъ Россіи.

Штурмъ Хаджибейскаго замка не сопровождался рѣзней жителей селенія; есть извѣстіе, что уже на пятый день послѣ него Де-Рибасъ и его офицеры отправились въ единственную хаджибейскую

¹⁾ Теперь часть Одессы, такъ называемая Молдаванка.

²⁾ Lançons—легкія военныя суда.

³⁾ См. Ф. Браунъ: «Судьбы мѣстности, занимаемой Одессою», въ Трудахъ Одесскаго статистическаго комитета, I, 15—47. Ср. Беккеръ: въ Запискахъ Одесскаго общ. ист. и древн., III, 202; В. А. Яковлевъ: Къ исторіи заселенія Хаджибея, Одесса, 1889; В. К. Надлеръ: Одесса въ первыя эпохи ея существованія, Одесса, 1893, и пр.

⁴⁾ Какъ велики были стада хаджибейцевъ, видно изъ того, что запорожцы, сдѣлавшіе въ 1769 г. набѣгъ въ эту сторону, захватили 20.000 лошадей, 1.000 штукъ рогатаго скота, 180 верблюдовъ и 4.000 овецъ.

кофейню, содержащую грекомъ Аспориди; они пили здѣсь кофе и щедро расплатились за него.

По Ясскому миру, Хаджибей, какъ и вся береговая полоса Чернаго моря, остался навсегда за Россіей. Его обширная бухта, замерзающая очень не надолго, представляла значительныя выгоды, и здѣсь рѣшено было построить городъ; сперва въ немъ проектировали поселить отставныхъ моряковъ; но уже въ 1793 г. опредѣлили основать здѣсь крѣпость для 2.000 человекъ гарнизона и 120 орудій и энергично начали работы. Потомъ измѣнился и этотъ планъ; на Черномъ морѣ намъ была необходима хорошая гавань, и завоеватель Хаджибей Де-Рибасъ вмѣстѣ съ инженеромъ де-Воланомъ доказали, что Хаджибейская бухта для этого выгоднѣе и удобнѣе всякаго другого мѣста. 27 мая 1794 года послѣдовали высочайшіе рескрипты на имя вице-адмирала Де-Рибаса и графа Платона Зубова, таврическаго и херсонскаго генералъ-губернатора, объ устроении въ Хаджибей военной гавани «купно съ купеческою».

«Мы надѣемся,— заключаетъ Екатерина II свой рескриптъ Де-Рибасу,— что вы не токмо приведете въ исполненіе сіе благое предположеніе наше, но что, вѣдая, koliko процвѣтающая торговля способствуетъ благоденствію народному и обогащенію государства, потщитесь, дабы создаваемый вами городъ представлялъ торгующимъ не токмо безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, ободреніе, покровительство и словомъ всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія; черезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

По преданію, закрѣпленному впоследствии установленіемъ церковнаго торжества и крестнаго хода, 22-го августа 1794 года было окончено заготовленіе матеріаловъ и приступлено къ самымъ работамъ по построению города и порта.

Екатерина II не любила ничего дѣлать вполнину, и на устроение порта, адмиралтейства и пр. ассигновала огромную по тому времени сумму — 1.993,625 рублей, такъ что новый городъ, уже въ январѣ 1795 года именуемый Одессой¹⁾, въ денежныхъ средствахъ не могъ нуждаться; зато онъ сильно нуждался въ людяхъ. 19-го апрѣля 1795 года послѣдовали три указа: 1) о поселеніи въ окрестностяхъ Одессы грековъ и албанцевъ, служившихъ Россіи въ послѣднюю войну; 2) о вызовѣ въ Одессу изъ Архипелага и изъ

¹⁾ Кто и когда именно переименовалъ Хаджибей въ Одессу, навѣрно неизвѣстно: по преданію, на придворномъ балу 6-го января 1795 года императрицѣ предложили назвать Хаджибей въ память древне-греческаго поселенія — Одиссоевъ, а Екатерина отвѣчала: «Пусть же Хаджибей носить древне-эллиническое названіе, но въ женскомъ родѣ — Одесса». Предположеніе профессора Надлера (I. с., 28), что названіе придумано Де-Рибасомъ для привлеченія греческихъ поселенцевъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

другихъ заграничныхъ мѣстъ городскихъ переселенцевъ, и 3) объ учрежденіи изъ грековъ и албанцевъ дивизиона въ 330 человекъ. Для поселенцевъ перваго рода велѣно было отвести 15.000 десятинъ удобной земли на берегу моря, ассигновать имъ 10.000 рублей на постройку домовъ и 500 рублей на сооруженіе церкви и, сверхъ того, выдать имъ заимообразно 20.000 рублей на хозяйственное обзаведеніе. Для городскихъ поселенцевъ, вызываемыхъ изъ-за границы, велѣно было построить три большихъ дома по 1.500 рублей каждый и 50 малыхъ по 350 рублей и церковь въ 2.000 рублей; всѣ переселенцы были освобождены на 10 лѣтъ отъ податей и службъ. Для защиты ихъ интересовъ была учреждена должность попечителя, который обязанъ былъ заботиться и о приглашеніи новыхъ греческихъ колонистовъ. Въ томъ же году былъ учрежденъ въ Одессѣ магистратъ, и произведена перепись, по которой въ городѣ оказалось 2.349 душъ обоюго пола, кромѣ дворянъ, чиновниковъ и военныхъ, въ томъ числѣ купцовъ 146, мѣщанъ 613, бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, записавшихся при переписи въ мѣщане, 566, казенныхъ крестьянъ 500, евреевъ 240, грековъ 224 и болгаръ 60.

Устроитель города Де-Рибасъ, человекъ чрезвычайно способный и энергичный, работалъ очень усердно, но ему часто приходилось покидать Одессу въ виду его обязанностей по управленію черноморскимъ флотомъ, и этимъ пользовались нечестные люди въ родѣ, напримѣръ, «попечителя» грековъ, Аванасія Кесоглу, который такъ опекалъ своихъ единоплеменниковъ, что тѣ чуть не поголовно разбѣжались изъ города, и изъ 32 казенныхъ домовъ, для нихъ построенныхъ, въ началѣ 1798 года занятыми оказались только четыре¹⁾; да и вообще хищеній и нестроеній въ тогдашней Одессѣ было не мало, и когда послѣ смерти Екатерины императоръ Павелъ уволилъ отъ службы Де-Рибаса и де-Волана и уничтожилъ комиссію строенія Одесскаго порта, вслѣдствіе чего работы въ немъ остановились, юный городъ оказался въ положеніи довольно печальномъ. Тѣмъ не менѣе говорить о возможности совершенной гибели Одессы безъ знаменитыхъ апельсиновъ, посланныхъ въ подарокъ императору, было бы слишкомъ наивно: торговый городъ при удобной бухтѣ и съ энергичнымъ, хотя и не многочисленнымъ, населеніемъ не могъ уничтожиться, и видъ Одессы въ концѣ прошлаго столѣтія, здѣсь изображенный, наглядно доказываетъ, что городъ и тогда уже обѣщаль много въ будущемъ, если только обстоятельства хоть сколько нибудь помогутъ ему.

Мы не намѣрены пересказывать общеизвѣстные факты исторіи Одессы при ея первыхъ генераль-губернаторахъ: герцогѣ Рихелье, Ланжеронѣ и Воронцовѣ, такъ какъ эти факты обстоятельно изло-

¹⁾ См. А. Орловъ: Историческій очеркъ Одессы, стр. 16, 17 и пр. и особая глава во II ч.; ср. В. К. Надлеръ, 32, 33.

жены въ трудахъ А. А. Скальковскаго, Смольянинова, профессора Надлера и пр.¹⁾; но мы считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько документальныхъ данныхъ о ходѣ общественной жизни въ Одессѣ въ разныя эпохи и остановиться на исторіи умственного развитія «столицы Новороссіи», на сколько оно выражалось въ воспитаніи дѣтей, въ развлеченіяхъ, въ мѣстной литературѣ и пр.

Какъ мало удобствъ представляла одесская жизнь въ первые годы нашего столѣтія, видно изъ того, что герцогъ Ришелье по приѣздѣ въ Одессу не могъ найти себѣ ни сколько нибудь удобнаго помѣщенія, ни мебели, и принужденъ былъ просить министра коммерціи прислать сюда нѣсколькихъ ремесленниковъ: столяровъ, булочниковъ, слесарей. Какъ развлекалось тогдашнее одесское общество, видно изъ прошенія, поданнаго въ магистратъ въ январѣ 1800 года купчихой Рожновой, въ которомъ она пишетъ, «что, имѣя отъ магистрата свидѣтельство на устройство увеселительныхъ вечеринокъ, она назначила таковую на 1-е января 1800 года, и когда стѣхалось уже разнаго званія чиновъ, то съ приказанія полицеймейстера Лесли частный приставъ, пришедши съ нѣсколькими вооруженными солдатами, увеселеніе запретилъ, а музыкантовъ выгналъ, а между тѣмъ сосѣдкѣ еврейкѣ Рухлѣ позволилъ». Вотъ характерный реестръ убытковъ, которые оттого потерпѣла просительница: извозчикамъ для развоза пригласительныхъ билетовъ и собранія танцовщицъ—3 рубля 20 коп., нанятой прислугѣ—2 р., за музыку—12 р., нагрѣваніе залъ и покоевъ—1 р. 50 коп., свѣчъ на 1 рубль 50 коп., закусокъ и др. стѣстныхъ приготовленій на 5 рублей 20 коп., сваренаго кофе 3 ф.—3 р. 30 коп., шоколаду 2 ф.—2 рубля 50 коп., сливокъ и лимоновъ—1 р. 20 коп.; собравшихся лицъ мужскаго пола до 30 человѣкъ, за входъ каждаго слѣдовало получить 50 коп., итого 15 рублей; а всего, за исключеніемъ купленныхъ напитковъ, 47 рублей 40 коп.

Это новогодній, особо-торжественный балъ! Неловко долженъ былъ почувствовать себя бывший «первый придворный кавалеръ» французскаго короля, воспитанникъ коллегіи де-Плесси, среди общества, развлекавшагося такимъ образомъ. Къ счастью, онъ имѣлъ и силу и горячее желаніе измѣнить это.

9-го марта 1803 года Ришелье вѣхалъ въ Одессу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ императору плется отъ него масса ходатайствъ и, между прочимъ, просьбы о дарованіи огромной по тому времени суммы, отъ 15.000—20.000 рублей на постройку театра въ Одессѣ и объ открытіи цѣлаго ряда общественныхъ школъ.

¹⁾ Между прочимъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1887 годъ, августъ, статья П. П. «Герцогъ Э. О. Ришелье (на основаніи новыхъ матеріаловъ въ Сборн. Имп. Русск. историч. общества, т. LIV) и 1889 года, іюнь, моя статья»: «Одесса и Пушкинъ» (рѣчь, читанная при открытіи памятника Пушкину 16 апрѣля 1889 года).

Съ перваго взгляда эта забота о такой роскоши, какъ хорошій театръ, для неустроеннаго города можетъ показаться странной. Но легко понять, что герцогъ дѣйствовалъ такъ не въ силу свойственной французамъ любви къ зрѣлищамъ, а въ силу до геніальности яснаго сознанія нужды одесскаго общества. Населеніе Одессы состояло главнымъ образомъ изъ купцовъ, маклеровъ, агентовъ и пр., на половину русскихъ, на половину иностранцевъ; послѣдніе, представляя высшую культуру, до нѣкоторой степени подчиняли первыхъ своему вліянію и прививали имъ свои вкусы. Эти люди наживы, часто безсемейны, послѣ трудового дня чувствовали потребность провести вечеръ позанимательнѣе и, за неимѣніемъ лучшаго, просиживали въ такъ называемыхъ казино, которыя могли занимать своихъ гостей только игрою и напитками, или развлекались съ танцовщицами г-жъ Рухли и Рожновой. Послѣ 2—3 лѣтъ такой жизни самыя лучшія натуры дичали, и Одесса должна была напоминать поселеніе золотопромышленниковъ, откуда всякій порядочный челоѡкъ бѣжитъ при первой возможности.

Чтобы сдѣлать Одессу цивилизованнымъ городомъ, Ришелье стремится дать ея энергичному, но опасному населенію культурное развлеченіе въ видѣ театра, а такъ какъ для него, при условіи довѣрія къ нему императора, стремиться значило достигнуть, то уже въ концѣ 1804 года получены 20.000 рублей на постройку зданія и вызваны охотники къ торгамъ. Но въ Одессѣ въ то время производились сотни другихъ построекъ, и рабочія руки были и дороги и рѣдки; поэтому зданіе театра подвигалось медленно, не смотря на всю энергію Ришелье и на всѣ труды составленнаго имъ строительнаго театральнаго комитета, а пока было нанято помѣщеніе въ домѣ Ржевусской и кое-какъ приспособлено для сцены. Впослѣдствіи одесситы со смѣхомъ вспоминали о его бѣдной обстановкѣ, о подмосткахъ, прилаженныхъ на винныхъ бочкахъ, о сальныхъ свѣчахъ, тускло освѣщавшихъ грязную залу, о плохихъ актерахъ и актрисахъ «польскихъ труппъ», въ выговорѣ которыхъ ясно слышалось ихъ семитическое происхожденіе, о дерзости, съ которой они брались за исполненіе пьесъ всѣхъ родовъ и видовъ, о смѣшныхъ случаяхъ, вовсе не входившихъ въ программу и зависѣвшихъ отъ плохихъ приспособленій и машинистовъ; но все же и этотъ театръ посѣщался охотно, и даже самыя интеллигентныя граждане привыкли проводить въ немъ вечера.

Герцогъ, очевидно, былъ очень доволенъ такимъ развитіемъ вкуса одесситовъ къ театру и даже раньше, нежели было готово новое зданіе, распорядился о напечатаніи въ «Московскихъ Публичныхъ Вѣдомостяхъ» (15 іюня 1808 г.) вызова желающихъ играть на одесской сценѣ. Нѣкто Мюллеръ предложилъ доставить въ Одессу «порядочную русскую компанію, состоящую изъ славныхъ

актеровъ и актрисъ, какихъ только сыскать можно»¹⁾). Но предложеніе его, не смотря на скромность его условій, не было принято, и комитетъ началъ переговоры съ извѣстнымъ въ то время любителемъ театральнаго дѣла и владѣльцемъ хорошей крѣпостной труппы кн. Шаховскимъ. Тогда же, желая имѣть понятіе о своихъ будущихъ средствахъ, театральнѣйшій комитетъ объявилъ абонементъ на ложи и кресла. Успѣхъ подписки былъ блестящій: уже въ концѣ 1808 г. всѣ ложи въ количествѣ 51 (по 17 въ каждомъ изъ трехъ ярусовъ) и 44 кресла были абонированы на три года впередъ.

По разнымъ причинамъ переговоры съ кн. Шаховскимъ затянулись очень надолго, и только 20 октября 1810 г. былъ заключенъ контрактъ, по которому кн. Шаховской обязался содержать въ Одессѣ труппу для драмъ, комедій, балета и оперъ, а комитетъ— выдать ему 1000 рублей на проѣздъ и платить субсидію по 16.500 рублей въ годъ. Любопытно, что въ инструкціи поручику Комендантову, которому было поручено вести переговоры съ антрепренеромъ, настойчиво указывается на «разборчивость и знаніе здѣшной публики» и, въ виду этихъ условій, ему особенно рекомендуется заботиться объ оперѣ. 1 января 1811 г. труппа Шаховскаго давала первый спектакль и затѣмъ стала играть непрерывно²⁾). Всего дала она около 100 представленій, и средняя цифра сбора была 280 рублей. Комитетъ, руководимый герцогомъ, очень заботился о театрѣ и въ виду недостаточности силъ труппы для балета содержалъ на городской счетъ особыхъ «танцорокъ» изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, и танцмейстеръ, обучающій ихъ, получалъ 1.200 рублей жалованья. Кн. Шаховской съ большею частію своей труппы въ концѣ 1811 г. покинулъ Одессу; но театръ одесскій не только не оставался празднымъ, а быстро прогрессировалъ: подписка на 1812 г., шла прекрасно, хотя цѣны на ложи были значительно повышены. Еще раньше отъѣзда Шаховскаго, 17 сентября 1811 г., иностранцы Замбони и Мантовани изъявили желаніе снять театръ съ очень небольшой субсидіей (2.000 рублей на оркестръ) и съ обязательствомъ поставлять итальянскую комическую оперу и балетъ, но съ условіемъ, чтобы никто другой не могъ, безъ согласія антрепренеровъ, давать въ Одессѣ какія бы то ни было театральныя представленія. Комитетъ согласился, и итальянцы начали работать довольно успѣшно, какъ вдругъ надъ городомъ разразилось страшное бѣдствіе, надолго прекратившее всякія сборища и увеселенія—чума 1812—1813 г. Го-

¹⁾ См. городское изданіе «Краткая историческая записка о положеніи театральнаго дѣла въ Одессѣ съ начала постройки спорѣвшаго театра, т. е. съ 1808 г.», Одесса, 1886. Ср. А. А. Скальковскій: Біографическій очеркъ Одесскаго театра (отгискъ изъ Одесскаго Вѣстн., отъ 17 января 1858 г.).

²⁾ Театръ былъ готовъ еще въ 1809 г., но онъ не пустовалъ и до пріѣзда Шаховскаго: изъ Кіева, изъ Житомира и изъ-за границы сюда пріѣзжали на гастроли польскія, французскія и русскія труппы.

Одесса въ началѣ нынѣшняго столѣтія.
Съ современной гравюры Химли по рисунку съ натуры Кленце.

ворять, что итальянская труппа чуть не поголовно погибла отъ нея, и не безъ вины своихъ сочленовъ: балерины и пѣвицы накупили по дешевымъ цѣнамъ шалей и платковъ съ зачумленныхъ кораблей. Но чума кончилась, и спектакли возобновились; уѣзжая изъ Одессы въ 1814 г., герцогъ Ришелье могъ быть увѣренъ, что одесситы имѣютъ мѣсто, гдѣ отдохнуть и пріятно провести вечеръ. Извѣстно, какъ впоследствии восхищался одесской итальянской оперой изгнанникъ Пушкинъ.

Еще болѣе могъ быть доволенъ Ришелье результатами своихъ заботъ о воспитаніи будущихъ одесситовъ. До его пріѣзда въ Одессѣ были только частные учителя и частныя довольно дорогія школы. Уже 16 апрѣля 1804 г. по докладу герцога былъ изданъ указъ объ открытіи въ Одессѣ Коммерческой гимназіи, которая должна была состоять изъ трехъ отдѣленій (вѣрнѣе: трехъ отдѣльныхъ учебныхъ заведеній) и изъ 6 классовъ; она вмѣщала: одноклассное приходское училище — для обученія грамотѣ, двухклассное уѣздное училище для начального образованія и трехклассную гимназію (каждый классъ — двухлѣтній), гдѣ должны были преподаваться, кромѣ трехъ новыхъ языковъ (французскаго, итальянскаго и новогреческаго) и общеобразовательныхъ предметовъ, также науки коммерческія. Приходское и уѣздное училища были открыты немедленно; но гимназія коммерческихъ наукъ пока такъ и осталась въ проектѣ: вмѣсто нея лучшей изъ частныхъ пансіоновъ Вольсея уже въ 1805 г. былъ преобразованъ въ Благородный институтъ, воспитанники котораго вскорѣ получили довольно большія служебныя права. Этотъ мужской институтъ — ему соотвѣтствовалъ женскій, основанный женою итальянца Поцци и находившійся подъ руководствомъ того же Вольсея — взималъ довольно высокую плату съ своихъ воспитанниковъ и по курсу своему едва ли чѣмъ отличался отъ московскихъ и петербургскихъ для дворянскихъ дѣтей.

Отчего же столь твердый въ другихъ своихъ начинаніяхъ Ришелье отступилъ отъ первоначальнаго плана, повидимому такъ удобнаго для коммерческой Одессы? Причину этого онъ самъ объясняетъ въ 1812 г. въ письмѣ къ проф. Дегурову: одесское купечество и мѣщанство, нуждаясь въ приказчикахъ, не только не доводитъ своихъ сыновей до гимназіи, а беретъ ихъ изъ училища, едва только они успѣютъ выучиться грамотѣ. А немногочисленные русскіе дворяне, живущіе въ Одессѣ или близъ нея, и состоятельные иностранцы, желаютъ, чтобы дѣти ихъ получили хорошее общее образованіе.

Въ 1811 г. Благородный институтъ окончательно преобразованъ въ казенное учебное заведеніе, и герцогъ заботился о немъ, какъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ: онъ постоянно присутствуетъ на экзаменахъ, испытываетъ самъ оканчивающихъ курсъ по математикѣ

и проч. и въ своемъ объявленіи къ «дворянству здѣшняго края» объщаетъ, что воспитанники института не только во время пребыванія въ заведеніи будутъ всецѣло на его, герцога, отвѣтственности, но и послѣ окончанія курса «сохранять всегда право на его участіе». Вышеупомянутый проф. Дегуровъ¹⁾, присланный сюда въ качествѣ визитатора отъ Харьковскаго университета, къ округу котораго тогда принадлежала Одесса, остался чрезвычайно доволенъ успѣхами учениковъ института и доносилъ, что «религія, нравственность, образованіе по всѣмъ частямъ наукъ — ничего въ немъ не забыто»²⁾. Также хорошо, по его словамъ, шло дѣло и въ институтѣ дѣвичьемъ, гдѣ преподавали тѣ же учителя.

Въ это время (въ 1811 г.) въ Одессѣ, кромѣ упомянутыхъ училищъ и институтовъ, былъ цѣлый рядъ инородческихъ и иновѣрческихъ школъ, возникшихъ, конечно, не безъ участія герцога. Такъ, въ греческомъ училищѣ тогда состояло уже около 80 учениковъ; были спеціальныя училища раскольничье и еврейское и нѣсколько иностранныхъ пансіоновъ, гдѣ учились и русскія дѣти.

Въ 1812 году въ Одессу приѣзжаетъ товарищъ герцога по школъ, аббатъ Николь, котораго Ришелье не безъ основанія считаетъ отличнымъ педагогомъ, и который уже съ большимъ успѣхомъ управлялъ школой въ Петербургѣ. Герцогъ рѣшилъ поставить его во главѣ института и реформировать послѣдній такимъ образомъ, чтобы всѣ классы населенія могли доставлять своимъ дѣтямъ хорошее общее образованіе. Въ апрѣлѣ 1814 года Ришелье пишетъ о задуманномъ преобразованіи частнымъ образомъ профессору Дегурову и официально—Харьковскому университету и разъясняетъ основныя свои положенія: параллельно съ институтомъ для пансіонеровъ, въ которомъ система обученія будетъ одновременно и классической, и религіозно-отечественной, учреждается гимназія для приходящихъ учениковъ изъ всѣхъ сословій, гдѣ преподавать будутъ тѣ же институтскіе учителя и приблизительно по той же программѣ. Послѣдніе два года институтскаго курса посвящаются «высшимъ наукамъ».

Въ началѣ осени того же года Дегуровъ уже въ Одессѣ и приводитъ въ исполненіе планъ герцога, причемъ въ основу реформы кладется «начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ одесскихъ благородныхъ институтахъ»³⁾, составленное, безъ сомнѣнія, аббатомъ Николемъ, который вскорѣ былъ утвержденъ директоромъ. Институтъ и гимназія начинаютъ функционировать немедленно и,

¹⁾ Французъ по происхожденію и языку, вполнѣдствіи ректоръ Петербургскаго университета.

²⁾ См. В. А. Яковлевъ: Аббатъ Николь и первые годы Ришельевского лицея (отд. оттискъ изъ Новоросс. календаря за 1892 г.). Ср. А. А. Скальковскій: Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ, Одесса, 1867.

³⁾ Напечатано въ Одессѣ въ 1814 году.

хотя послѣдняя, по необходимости, до нѣкоторой степени приносится въ жертву первому, все же Одесса можетъ похвалиться тѣмъ, что въ ней никому не закрыта дорога къ образованію. Такимъ образомъ, окончательно разставаясь съ Одессой въ 1815 году и пожертвовавъ на Благородный институтъ всю свою аренду, дарованную ему за службу въ Россіи (3.260 ефимковъ, или 1.600 червонцевъ), герцогъ Ришелье могъ быть увѣренъ, что, благодаря его усиліямъ, культура едва двадцатилѣтняго города вполне обезпечена.

Но въ этой ранней одесской культурѣ былъ одинъ недостатокъ по обстоятельствамъ мѣста и времени неизбежный и, къ сожалѣнію, надолго неизлѣчимый, это—замѣтная слабость національно-русскаго элемента. Не смотря на намѣреніе Ришелье сдѣлать образованіе въ институтѣ «преимущественно отечественнымъ», русскій языкъ такъ плохо шелъ не только въ институтѣ, но и во «внѣшней» гимназій, что даже французъ Дегуровъ возмущался этимъ. Да и могло ли это быть иначе, когда все начальство и въ городѣ, и въ институтѣ знало порусски только нѣсколько словъ и выраженій, необходимыхъ для объясненія съ рабочими и прислугой?

Графъ Ланжеронъ, смѣнившій Ришелье въ управленіи Одессой и всѣмъ краемъ, былъ вѣрнымъ продолжателемъ традицій своего знаменитаго предшественника; при немъ Одесса, сдѣланная въ 1817 году портофранко, богатѣла и преуспѣвала въ цивилизаціи въ томъ же не совсѣмъ русскомъ направленіи. Но самый крупный фактъ въ жизни города, происшедшій въ его губернаторство—преобразование института и гимназій въ лицей, указываетъ на близкую побѣду государственно-національнаго принципа надъ безпорядкомъ разноплеменной факторіи¹⁾.

Между лицеемъ и бывшимъ институтомъ съ гимназіей, естественно, много общаго: не только на первое время въ лицей осталось то же французское начальство; не только тѣ же педагогическіе принципы положены въ основу устава, но сохранилась въ значительной мѣрѣ и прежняя бифуркація, дѣленіе учебнаго заведенія на двѣ школы: внутреннюю, съ дорогимъ пансіономъ, и внѣшнюю. Тѣмъ не менѣе лицей представляетъ огромный шагъ впередъ, и прежде всего—въ количественномъ отношеніи: вмѣсто сотни учащихъся, мы въ немъ имѣемъ штатъ въ 120 пансіонеровъ и, по крайней мѣрѣ, въ 250 «постороннихъ питомцевъ», и средства заведенія были на столько хороши, что оно дѣйствительно могло наилучшимъ по времени и мѣсту способомъ учить и воспитывать

¹⁾ Объ основаніи и исторіи лицея, кромѣ вышеуказаннаго, см. «Сороколѣтіе Ришельевского лицея, 1817—1857. Одесса. 1857. Составилъ инспекторъ лицея Іосифъ Мяхневичъ».

такую массу молодыхъ людей. Далѣе, въ институтѣ такъ называемыя «вышнія науки существовали, какъ нѣкоторый малоосмысленный привѣсокъ; въ лицей же онѣ сформированы въ два небольшие факультета. Наконецъ, все то, что въ институтѣ было только намѣчено и исполнялось урывками, здѣсь было сформировано, приведено въ систему и закрѣплено высочайшею волею,

Герцогъ Ришелье.

Съ гравированнаго портрета Мансфельда.

вслѣдствіе чего изъ небольшого заведенія, едва удовлетворявшаго мѣстнымъ потребностямъ, выросъ обширный, такъ сказать, воспитательно-свѣтскій университетъ-пансіонъ, съ университетскими правами для учениковъ и преподавателей, который не могъ не войти въ общую государственную жизнь, хотя и удержалъ много оригинальнаго отъ своихъ основателей.

Это оригинальное¹⁾ понравилось обществу, и въ лицей съ перваго же года его существованія нахлынули ученики не только изъ южной Россіи, съ Кавказа, изъ Молдавіи и проч., но и съ далекаго сѣвера, изъ Москвы и изъ самаго Петербурга.

При Ланжеронѣ въ Одессѣ есть уже своя наука и своя литература. Здѣсь дѣйствуютъ мѣстные серьезно подготовленные археологи изъ бывшихъ сотрудниковъ Ришелье (Бларамбергъ, Стемпковский и друг.); ихъ побуждаетъ къ работѣ, между прочимъ, то обстоятельство, что въ почвѣ самого города находятся остатки классической древности. Съ другой стороны, здѣсь естественныя богатства края, въ родѣ соляныхъ озеръ, требуютъ научныхъ силъ для лучшей своей эксплуатаціи и, благодаря энергіи образованныхъ администраторовъ, въ изобиліи находятъ ихъ.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Одесса уже имѣетъ свою газету, но, увы, французскую (*Messenger de la Russie méridionale, feuille commerciale*). На исторіи этой газеты всего яснѣе видно, что преобладаніе французскаго языка въ Одессѣ вовсе не было результатомъ моды, а дѣломъ необходимости. Газету учредилъ вѣкій Jean Devallon, выпускалъ ее полулистами два раза въ недѣлю и, не имѣя права заниматься политикой, къ дѣловымъ, торговымъ свѣдѣніямъ прибавлялъ очень мило написанные фельетоны о театрѣ, о празднованіи Пасхи въ Одессѣ и проч.; онъ взималъ съ подписчиковъ довольно высокую плату: 45 рублей въ годъ. Успѣхъ газеты и численное преобладаніе русскихъ купцовъ дали въ 1821 году редакціи идею одновременно съ французскимъ изданіемъ выпускать и русское; но дѣло не пошло на ладъ: набралось всего 7 подписчиковъ. Въ слѣдующемъ году возобновили попытку, но даже полицеймейстеръ (!) могъ набрать всего 5 подписчиковъ: русскіе купцы говорили ему, что они въ газетѣ не нуждаются, что черезъ факторовъ-евреевъ они могутъ также хорошо получать нужныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ²⁾.

Кромѣ французскаго, въ Одессѣ въ это время былъ сильно распространенъ языкъ итальянскій, особенно между моряками и торговцами: счеты, векселя и всякіе договоры писались обыкновенно поитальянски.

Въ 1823 году начинается новый, русскій періодъ въ исторіи общественной и умственной жизни Одессы: лѣтомъ этого года при-

¹⁾ Главнѣйшія особенности лица: прекрасная постановка воспитательной части; правленіе, состоящее изъ выборныхъ отъ родителей; постоянное участіе военнаго губернатора въ дѣлахъ лица; литературно-классическій характеръ обученія; усиленное вниманіе къ французскому языку; роскошная обстановка и прекрасное содержаніе пансіонеровъ и проч.

²⁾ См. статью «Печать въ Новороссіи» въ журналѣ «Югъ», 1894 г., январь, стр. 9. Подъ русскими купцами здѣсь надо разумѣть такихъ, которые жили совсѣмъ порусски; другіе въ Одессѣ довольно быстро превращались въ негоціантовъ и начинали говорить и читать на иностранныхъ языкахъ.

ѣхали сюда на службу: новый генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ графъ М. С. Воронцовъ и прикомандированный къ его канцеляріи А. С. Пушкинъ. О пребываніи Пушкина въ Одессѣ мы уже говорили на страницахъ «Ист. Вѣстн.». Графъ Воронцовъ способствовалъ обрусѣнію Одессы прежде всего тѣмъ, что онъ привезъ съ собою цѣлый штатъ молодыхъ чиновниковъ изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій и тѣмъ значительно усилилъ русскій элементъ въ высшемъ одесскомъ обществѣ. Далѣе, онъ сейчасъ же устроилъ у себя приемы, а когда въ 1828 году былъ отдѣланъ новый его домъ, онъ началъ задавать большіе обѣды и танцевальныя вечера, на которые собиралась чуть не вся одесская интеллигенція; вслѣдствіе этого жизнь одесская, до тѣхъ поръ сильно напоминавшая жизнь итальянскихъ городовъ, гдѣ мужчины проводятъ свободное время въ кафе или casino, а дамы изрѣдка въ театрѣ, обыкновенно же въ четырехъ стѣнахъ своего дома, радикально измѣнила свой характеръ, тѣмъ болѣе, что Воронцову стали подражать другіе одесскіе богачи. Скоро явились небывалыя до тѣхъ поръ общественныя развлеченія въ родѣ русскихъ любительскихъ спектаклей, и стало замѣтно стремленіе работать совмѣстно на пользу города и края, Воронцовъ умѣло и энергично пользовался этимъ и открывалъ одно «общество» за другимъ. Наконецъ онъ сильно поднялъ городъ и тѣсно связалъ его съ краемъ, такъ какъ, имѣя огромный авторитетъ въ Петербургѣ, онъ не только ревниво оберегалъ полную самостоятельность своей резиденціи, но и съ успѣхомъ стремился сдѣлать ее, такъ сказать, столицей всей Новороссіи и царицей Чернаго моря ¹⁾).

Вліяніе Пушкина на одесситовъ было несомнѣнно и очень сильно, но оно отразилось не столько на томъ поколѣніи ихъ, среди котораго жилъ онъ, сколько на слѣдующемъ, младшемъ: когда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его отъѣзда первенствующее значеніе Пушкина было признано всей образованной Россіей, болѣе развитые жители Одессы стали усиленно интересоваться своимъ полуневольнымъ гостемъ, разспрашивая о немъ его пріятелей и знакомыхъ и не безъ гордости показывали своимъ дѣтямъ домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ; а подростки — дѣти ихъ, уже помимо того плѣненные чуднымъ стихомъ, искреннимъ чувствомъ и волнующими душу идеями поэта, считали себя какъ бы нравственно обязанными поддерживать въ Одессѣ такъ называемыя «пушкинскія традиціи».

¹⁾ Уже въ 1823 г. Одесскій лицей извѣтъ изъ вѣдѣнія Харьковскаго учебнаго округа; повиднѣ ему подчинены всѣ училища въ Одессѣ, и сюда назначенъ особый попечитель округа, которому подчинены Бессарабія, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ. Въ 1837 г. въ Одессѣ учреждена епископская кафедра. Еще въ 1828 г. при энергичномъ содѣйствіи генераль-губернатора въ Одессѣ начинается пароходство и т. д., и т. д.

Передъ нами лежатъ толстыя, изящно переплетенныя тетради лицейскаго рукописнаго изданія: «Ареопагъ, журналъ литературы, критики, наукъ и художествъ, издаваемый отъ пятаго класса» (1828—1829 гг.). Тамъ много статей переводныхъ и компилятивныхъ, много стихотвореній, списанныхъ изъ печатныхъ альманаховъ; но не мало и оригинальныхъ критическихъ статей и масса собственныхъ, часто очень недурныхъ стихотвореній; есть и романы и драмы. Видно, что лицеисты съ успѣхомъ слѣдятъ за борьбой классицизма съ романтизмомъ, и что сами они всецѣло на сторонѣ послѣдняго; они понимаютъ новую поэзію вовсе не узко и не одно-сторонне, хотя и преклоняются съ благоговѣніемъ передъ ея главою и его западными образцами. Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Томасъ-Муръ, Гофманъ, Соути серьезно интересуютъ ихъ; изъ русскихъ на первомъ планѣ Жуковскій, Баратынскій и въ особенности Пушкинъ; они понимаютъ его на столько хорошо, что одна напечатанная сцена изъ Бориса Годунова даетъ возможность юному одесскому критику догадаться о величій пѣлаго. Любопытно уваженіе лицейскихъ литераторовъ къ народной русской поэзіи: стихотворцы подражаютъ народнымъ пѣснямъ; прозаики описываютъ народныя увеселенія, обряды, собираютъ преданія. Характерную мѣстную черту, впрочемъ вполне совпадающую съ «пушкинскими традиціями», представляетъ горячій интересъ къ недавно закончившемуся греческому возстанію, къ новогреческимъ народнымъ пѣснямъ и пр. Въ общемъ «Ареопагъ» свидѣтельствуетъ какъ о томъ, что лицеисты хорошо знали иностранныя языки, такъ и о томъ, что въ это время въ Одессѣ національно-русскій элементъ побѣждаетъ «иноязычіе», и что послѣднее только способствуетъ большей сознательности перваго.

То же самое проявляется и въ печатной одесской литературѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.

Еще въ 1824 г. графъ Воронцовъ исходатайствовалъ для мѣстной газеты разрѣшеніе помѣщать политическія извѣстія, причемъ *Messenger* былъ переименованъ въ *Journal d'Odessa*; но газета шла плохо и въ 1825 году имѣла всего 37 подписчиковъ. Тогда Воронцовъ поручилъ двумъ своимъ чиновникамъ составить болѣе широкій планъ мѣстнаго органа, по которому онъ и началъ выходить съ 1827 года на двухъ языкахъ и подъ двумя заглавіями: *Journal d'Odessa* и «Одесскій Вѣстникъ». Торговля и здѣсь стояла на первомъ планѣ, но рядомъ съ нею были поставлены и сельскохозяйственные и даже научные интересы, преимущественно по статистикѣ, географіи, исторіи и археологіи края. Статьи этого отдѣла составлялись приближенными генераль-губернатора и часто были на столько интересны, что производили сенсацію въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Турецкая война 1828 года подняла значеніе двухъ-язычной одесской газеты до такой высокой степени, до какой у насъ ни прежде, ни послѣ не доходилъ никакой провинціальнѣй

Одесса въ 1840 году.
Съ гравюры того времени.

органъ: пользуясь близостью театра войны и пребываніемъ императорской фамили въ Одессѣ, графъ Воронцовъ выхлопоталъ позволеніе помѣщать прежде всего въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», хоть бы въ извлеченіи, всѣ извѣстія изъ арміи. «Бывало, танцуешь у графа на балу, — рассказываетъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, — вдругъ курьеръ изъ арміи; редакторъ отзывается въ сторону и проситъ составить «извѣстіе»; тутъ же въ уголку набросаешь его по русски или пофранцузски, смотря по надобности; черезъ часъ въ антрактѣ между танцами поправишь корректуру, и готово; утромъ оно ѣдетъ на почтовыхъ и въ Москву и за границу». Къ концу 1828 г. число подписчиковъ Одесской Газеты достигло 2.000, и такъ какъ сотрудники не получали гонорара, то въ слѣдующемъ году образовалось экономіи до 35.000 рублей. Къ великому удовольствію Воронцова, редакторъ и сотрудники рѣшили пожертвовать изъ нихъ 15.000 р. на Одесскую городскую публичную бібліотеку, 10.000 р. на улучшение типографіи, а остальные деньги употреблять на изданія полезныхъ книгъ.

Въ 1831 году П. Морозовъ и преподаватель словесности въ лицей П. Розбергъ издали «Одесскій Альманахъ на 1831 годъ», въ которомъ, правда, было не мало стиховъ и статей столичныхъ литераторовъ (Ө. Глинка, А. П. Зонтагъ, А. С. Норова, И. П. Вронченко) но еще больше произведеній писателей мѣстныхъ; въ двухъ статьяхъ одного изъ редакторовъ, П. Морозова: «Историческій взглядъ на Одессу» и «Одесса въ 1830 году», мѣстное общество находитъ подведеніе итоговъ своей довольно отрадной дѣйствительности ¹⁾.

Въ томъ же году русскій текстъ Одесскаго Вѣстника совершенно отдѣляется отъ французскаго, вслѣдствіе чего объемъ его значительно увеличивается; а съ 1832 г. при немъ начинаютъ выходить литературныя прибавленія.

Но въ Одессѣ все же оставалось много гражданъ и граждановъ, затруднявшихся читать порусски. Когда въ 1834 г. задумали издать съ благотворительною цѣлію новый одесскій альманахъ подъ названіемъ: «Подарокъ бѣднымъ», къ нему присоединили въ видѣ второй части альманахъ французскій: *La Quêteuse, almanach littéraire*, и такъ тѣсны были связи одесситовъ съ Западной Европой, что для него отыскали и неизданное стихотвореніе Ламартина (*Épître à l'Empereur Alexandre*) и неизданную повѣсть будто изъ русской народной жизни когда-то знаменитой баронессы Крюденеръ (*Aléxis, nouvelle russe*).

Одесскіе альманахи на 1839 г. и 1840 г. вышли уже безъ французскихъ приложений; они напечатаны несравненно изящнѣе своихъ

¹⁾ По словамъ Морозова, въ Одессѣ въ это время было 41.400 жителей; каменныхъ домовъ было больше, чѣмъ въ Москвѣ; 4 одесскіе книгопродавца имѣютъ въ годъ 40.000 рублей чистой прибыли и т. д.

предшественниковъ и гораздо богаче матеріаломъ. Въ нихъ появляются произведенія выдающіяся, впоследствии не одинъ разъ перепечатанныя въ столицахъ; таковы стихотворенія В. Г. Бенедиктова, переводъ А. С. Струговщикова изъ Фауста, два стихотворенія М. Ю. Лермонтова («Узникъ» и «Ангель») и др. Въ нихъ встрѣчаются статьи и стихотворенія А. Ѳ. Вельтмана, Н. И. Надеждина, А. В. Никитенко, К. С. Аксакова, кн. П. Вяземскаго, Н. И. Лажечникова, Е. П. Гребенки, Ѳ. Н. Губера и пр., и пр. Въ «Альманахѣ на 1839 г.» напечатана статья К. П. Зеленецкаго: «Жизнь въ Одессѣ», полная тонкихъ и вѣрныхъ замѣчаній, тѣмъ болѣе для насъ интересныхъ, что значительная часть ихъ остается въ своей силѣ и до сихъ поръ. Въ Одессѣ, по словамъ автора, преобладаетъ «чувство какой-то легкости, какъ бы торжества душевнаго», что происходитъ, какъ онъ думаетъ, отъ отсутствія столичной сутолоки ¹⁾. Одесситы—народъ рабочій, и человекъ безъ опредѣленнаго дѣла чувствуетъ себя среди нихъ неловко ²⁾. Въ Одессѣ вовсе не ощущается различіе ранговъ, столь сильное въ другихъ русскихъ городахъ ³⁾. Преобладающее занятіе жителей—торговля, но купцовъ почти нѣтъ: «мѣсто купцовъ занимаютъ здѣсь неогціанты, люди ловкіе, свѣтскіе, со всѣми наружными признаками образованности» ⁴⁾. Въ Одессѣ по многимъ причинамъ нѣтъ единства и единообразія въ обществѣ—она живетъ маленькими кружками по три-четыре дома; но въ экстренныхъ случаяхъ вся состоятельная и интеллигентная Одесса дѣйствуетъ, какъ одинъ человекъ, и умѣетъ блеснуть и роскошью и патріотизмомъ. Говоря объ одесскихъ увеселеніяхъ, Зеленецкій замѣчаетъ, что итальянская опера здѣсь подавляетъ національный театр: русская труппа здѣсь бываетъ только наѣздомъ и не собираетъ большой публики; но виноваты въ этомъ не одни одесситы: когда пріѣзжалъ сюда московскій актеръ Щепкинъ съ семействомъ, театръ былъ переполненъ зрителями.

Вообще, время генералъ-губернаторства Воронцова было, можно сказать, золотымъ вѣкомъ одесской изящной словесности: здѣсь творчеству цѣлый рядъ поэтовъ Пушкинской школы: въ концѣ 20-хъ годовъ В. И. Туманскій, В. Г. Тепляковъ ⁵⁾ и др., а въ

¹⁾ Стр. 173. Фактъ, что въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Одессѣ жилось легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, подтверждается всѣми интеллигентными старожилами; но объясненіе его едва ли вѣрно: въ другихъ провинціальныхъ городахъ нашихъ въ то время отсутствіе сутолоки имѣло слѣдствіемъ отсутствіе всякой жизни. На сколько гр. Воронцовъ былъ активнымъ виновникомъ этой «легкости», это другой вопросъ, но онъ и за то достоинъ вѣчной памяти, что не мѣшалъ ей.

²⁾ Стр. 174.

³⁾ Стр. 175.

⁴⁾ Стр. 176.

⁵⁾ О немъ см. «Историческій Вѣстникъ», 1887 г., июль, статью Ѳ. А. Бычкова.

концѣ 30-хъ—Н. П. Протопоповъ, переводившій Гримальпарцера и удостоившійся горячихъ похвалъ Бѣлинскаго за свои переводы новогреческихъ пѣсенъ¹⁾, извѣстный Деларю и послѣдній «изъ стаи славной» А. И. Подолинскій²⁾. Изъ одесскихъ прозаиковъ той эпохи—самый оригинальный и выдающійся А. С. Стурдза (1791—1854), въ свое время вліятельный дипломатъ, потомъ историкъ и мыслитель; хотя онъ и писалъ обыкновенно пофранцузски, но не можетъ не считаться крупнымъ дѣятелемъ въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія.

При Воронцовѣ и, конечно, не безъ дѣятельнаго его участія Ришельевскій лицей подвергся существенной реформѣ: младшіе и средніе его классы превращены въ гимназію, а старшіе—въ высшее учебное заведеніе съ 3-мя отдѣленіями, близкими къ университетскимъ факультетамъ.

Указомъ 27 декабря 1844 г. Воронцовъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа и въ началѣ 1845 г. покинулъ Одессу. За нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, когда одесскіе граждане давали ему объѣдъ, по случаю его отъѣзда за границу, старикъ купецъ Ростовцевъ назвалъ Одессу «прославленной» Воронцовымъ, выраженіе не точное, но сильное и въ устахъ одесскаго гражданина съ 1793 г. характерное. Если о Ришелье можно сказать, что онъ нашелъ Одессу глиняною, а оставилъ ее каменной, относительно Воронцова можно утверждать, что онъ нашелъ Одессу многообъщающей полуиностранной колоніей, а оставилъ ее великимъ русскимъ городомъ, культурнымъ центромъ, не безъ основанія претендующимъ на названіе столицы южной Россіи.

Внѣшній ея видъ, какъ это явствуетъ и изъ прилагаемаго рисунка, вполне соотвѣтствовалъ такому ея значенію.

На границѣ новаго полустолѣтія Одесса въ умственномъ отношеніи составляетъ уже особый «край», съ своей собственной литературой и духовными интересами, и лучшіе люди Петербурга сознаютъ это. Вотъ что пишетъ Валерьянъ Майковъ, преемникъ Бѣлинскаго по критикѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ», по поводу одесскаго сборника: «Литературные вечера», изданнаго въ 1849 г. П. Фумели и составленнаго исключительно изъ мѣстныхъ произведеній... «Одесса—просто маленькій Петербургъ, по крайней мѣрѣ въ умственномъ развитіи; общество одесское хотя и имѣетъ свой мѣстный колоритъ, живетъ, однакожь, удовлетворяя тѣмъ же потребностямъ образованной жизни, что и петербургское;.. во многихъ отношеніяхъ природа и другія условія жизни оказываютъ на нее гораздо выгоднѣйшее вліяніе, нежели сѣрое петербургское небо, такъ

¹⁾ Т. IV, стр. 70.

²⁾ О немъ см. статью С. Кіевскаго: «Послѣдній изъ Пушкинскій плеяды», Русскій Вѣстникъ, 1886 г., январь.

подробно описанное петербургскими писателями въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ. Болѣе всего порадуешь васъ то, что «Литературные вечера» такъ ярко отражаютъ мѣстную жизнь и вполне принадлежатъ Одессѣ, изображая нравы, обычаи, общество, жизнь этого общества и оригинальный составъ его».

Приснопамятные годы возрожденія Россіи послѣ окончанія Севастопольской войны застали Одессу въ чрезвычайно благоприятныхъ условіяхъ: генераль-губернаторомъ ея былъ графъ А. Г. Строгановъ, а попечителемъ Одесскаго округа знаменитый ученый, педагогъ и публицистъ Н. И. Пироговъ. Сильно поднявъ своими циркулярами и статьями самосознаніе одесскихъ педагоговъ и всего общества, онъ же значительно возвысилъ уровень одесской литературы тѣмъ, что по его ходатайству единственная въ то время одесская газета была передана въ вѣдѣніе Ришельевского лицея. Правда, Пироговъ скоро былъ переведенъ въ Кіевъ, да и «Одесскій Вѣстникъ» всего только одинъ годъ (1858) былъ въ рукахъ профессоровъ лицея; но Пироговскія традиціи не могли исчезнуть безслѣдно, какъ не исчезли традиціи Ришельевскія и Воронцовскія: «Одесскій Вѣстникъ» хотя и возвратился въ вѣдѣніе генераль-губернатора, но новый его редакторъ Н. П. Сокальскій, одинъ изъ даровитѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ южнорусскихъ литераторовъ, въ 12 лѣтъ (1859—1871) усердной работы превратилъ эту небольшую газетку, расходившуюся въ то время въ 600 экземпляровъ, въ ежедневную газету большого формата съ 3.000 подписчиковъ, а черезъ это онъ пріучилъ десятки близлежащихъ городовъ и тысячи мѣстечекъ и деревень получать ежедневную умственную пищу изъ Одессы. Эта привычка остается въ своей силѣ и до сихъ поръ: два года назадъ въ Одессѣ было 4 ежедневныхъ газеты («Одесскій Вѣстникъ» недавно прекратился вслѣдствіе запутанности въ дѣлахъ), расходившихся по крайней мѣрѣ въ 20.000 экземпляровъ и имѣвшихъ сотни корреспондентовъ по городамъ и мѣстечкамъ южной Россіи.

Съ 1865 года Одесса становится университетскимъ городомъ.

Мысль о преобразованіи лицея въ университетъ зародилась еще во времена графа Воронцова; въ 1844 году попечитель Одесскаго учебнаго округа Д. М. Княжевичъ повезъ въ Петербургъ планъ такого преобразованія, составленный, разумѣется, не безъ одобренія начальника края; но Княжевичъ скончался во время этой поѣздки, и проектъ его остался не рассмотрѣннымъ¹⁾. Черезъ 12 лѣтъ, въ 1856 году, Н. И. Пироговъ, только что назначенный попечителемъ въ Одессу, сдѣлалъ запросъ совѣту лицея: «не настощь ли надобность въ какихъ либо измѣненіяхъ лицейскаго преподаванія?». Въ отвѣтъ на этотъ запросъ физико-математическое отдѣленіе за-

¹⁾ См. А. И. Маркевичъ: Двадцатипятилѣтіе Императорскаго Новороссійскаго университета, Одесса, 1890 года, стр. 5—7.

являетъ, что лучшее средство исправить недостатки преподаванія въ лицей — обратить его въ университетъ. Въ январѣ 1857 года, Пироговъ посылаетъ въ министерство обстоятельную докладную записку: «о ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вопіющей необходимости преобразованія учебныхъ заведеній», и въ ней доказываетъ, что есть только одно радикальное и вѣрное средство улучшить лицей: это — открыть на мѣсто его университетъ. Проектъ Пирогова въ принципѣ былъ принятъ сочувственно, и съ согласія министерства особый комитетъ изъ профессоровъ лицея сталъ работать надъ вопросомъ, какъ бы произвести эту реформу позкономѣе; но въ іюлѣ 1858 года Пироговъ покинулъ Одессу, и дѣло на время остановилось.

Въ концѣ 1860 года, попечитель М. М. Могилянскій возобновляетъ ходатайство своего предшественника, но не получаетъ удовлетворительнаго отвѣта. Тогда взялось за дѣло лицо, гораздо болѣе авторитетное — генераль-губернаторъ графъ А. Г. Строгановъ: когда въ августѣ 1861 года Одессу посѣтилъ государь, одесситы подали ему просьбу объ открытіи въ ихъ городѣ университета, а графъ Строгановъ подкрѣпилъ ихъ ходатайство сильными доводами¹⁾. Послѣдніе немедленно возымѣли свое дѣйствіе, и государь велѣлъ Строганову представить свой проектъ министру просвѣщенія. Строгановъ не сталъ терять времени: уже въ сентябрѣ проектъ былъ въ Петербургѣ, и вообще дѣло было налажено прекрасно. Въ это время въ высшихъ сферахъ неожиданно для одесситовъ возникаетъ мысль основать университетъ не въ Одессѣ, а въ Николаевѣ, гдѣ послѣ войны остались не занятыми обширныя зданія морского министерства и гдѣ, какъ въ маленькомъ городѣ, по мнѣнію многихъ, студенты будутъ менѣе развлекаться и увлекаться. За права Одессы чрезвычайно энергично заступился тотъ же графъ Строгановъ, поддерживаемый мѣстнымъ обществомъ и сосѣднимъ дворянствомъ; за Одессу стояла и почти вся столичная печать, въ то время смѣлая и вліятельная; за Одессу же высказался наконецъ и совѣтъ министровъ, и съ нимъ 10-го іюня 1862 года согласился государь. Самое открытіе университета, по разнымъ причинамъ (главнымъ образомъ по случаю польскаго возстанія и ожиданія европейской войны), было отсрочено почти на 3 года, до 1 мая 1865 года; но этимъ временемъ хорошо воспользовались, подготавливая зданіе, собирая бібліотеку и, главное, подыскивая хорошихъ профессоровъ.

Съ тѣхъ поръ Одесса, увеличивающаяся и украшающаяся съ году на годъ, стала вполнѣ цивилизованнымъ городомъ: въ ней де-

¹⁾ Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1857—1861 годъ онъ доказываетъ, что лицей съ своимъ энциклопедическимъ образованіемъ отжилъ свое время, что его лучше закрыть, нежели оставить въ этомъ видѣ; что денежные расчеты въ вопросѣ о высшемъ учебномъ заведеніи, необходимомъ для Новороссійскаго края, не должны играть роли, и пр. Маркевичъ, ор. с., 46.

сятки ученыхъ, научно-практическихъ обществъ и художественныхъ обществъ, съ своими спеціальными органами; въ ней выходятъ ежегодно сотни книгъ въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ; въ ней уже 4 переполненные мужскихъ гимназій, 2 реальныхъ и 2 коммерческихъ училища; въ ней 6 женскихъ гимназій; въ ней сотни спеціальныхъ и общеобразовательныхъ заведеній; въ ней городское управленіе тратитъ на народное образованіе больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кромѣ столицъ, и тратитъ разумно и цѣлесообразно; въ ней дѣло общественной благотворительности поставлено лучше, чѣмъ въ обѣихъ столицахъ, не смотря на тяжкія условія портового города; въ ней публичная бібліотека, старѣйшая и наиболѣе посѣщаемая послѣ петербургской; въ ней народная аудиторія на 1.500 чело-вѣкъ съ даровыми чтеніями, общедоступными лекціями, литературно-музыкальными, драматическими вечерами и т. д., и т. д. А между тѣмъ руссификація Одессы идетъ впередъ столь быстрыми шагами, что если 25 лѣтъ назадъ на бульварѣ публика съ любопытствомъ обертывалась, когда слышался русскій языкъ, теперь она обертывается, слыша французскій и итальянскій, и не далеко то время, когда ея бывшая разноплеменность и разноязычіе будутъ выражаться только большимъ европеизмомъ и глубже проникающей въ толпу культурой.

Правда, въ современной одесской культурѣ все еще остаются темныя стороны, объясняемая слишкомъ коммерческимъ характеромъ города и его молодостью. Въ одесскомъ обществѣ все еще преобладаютъ, по выраженію Зеленецкаго, «негоціанты, люди ловкіе, свѣтскіе, со всѣми наружными признаками образованности», но внутренне интересующіеся прежде всего и помимо всего собственными выгодами. Въ Одессѣ все еще мало старожилы и «преданій», и люди, родившіеся въ ней и въ ней получившіе воспитаніе, очень охотно покидаютъ ее для другихъ даже менѣ культурныхъ мѣстностей, не говоря уже о столицахъ.

Но зато въ Одессѣ попрежнему и даже больше прежняго, какъ выражается тотъ же наблюдатель старой одесской жизни, преобладаетъ «чувство какой-то легкости, какъ бы торжества душевнаго» вслѣдствіе сознанія, что энергіей и умомъ, при скольконибудь благоприятныхъ обстоятельствахъ, здѣсь можно добиться всѣхъ благъ земныхъ. Зато въ Одессѣ всякій способный къ работѣ пришлецъ, къ какому бы классу ни принадлежалъ онъ, почти ни минуты не чувствуетъ себя на чужбинѣ, а если онъ, по своему положенію и доброй волѣ, можетъ сдѣлать чтонибудь для другихъ, для общей пользы, онъ быстро пріобрѣтаетъ и уваженіе и вліяніе.

А. Кирпичниковъ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯДРИНЦЕВЪ.

(Биографическій очеркъ).

Сибирь родимая! повсюду и всегда
Съ любовію къ тебѣ я устремляю взоры,—
Несется пѣснь моя туда,
Гдѣ степи ты раскинула и горы...

Омулевскій.

СМЕРТЬ Николая Михайловича Ядринцева явилась совершенно неожиданностью для русскаго общества. Еще весною петербургскіе и московскіе знакомые видѣли этого неутомимаго изслѣдователя Сибири бодрымъ, энергичнымъ и съ пламенной рѣчью на устахъ, когда заходила бесѣда о дорогой ему отчизнѣ. Онъ только что оправился отъ удрученнаго состоянія, въ которое ввергла его на долгое время смерть горячо любимой жены, только что заново пробудились силы для практическаго служенія краю, которому онъ посвятилъ тридцать лѣтъ своей жизни, какъ вдругъ... роковое извѣстіе «Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства»: Ядринцевъ скончался... Просто не хочется вѣрить, что этотъ страстный и вдохновленный голосъ умолкъ навсегда, и необозримая Сибирь лишилась своего неустаннаго ходатая и печальника, что изъ строя русскихъ литераторовъ выбылъ еще одинъ честный и неутомимый дѣятель, являвшій собой всегда примѣръ высокаго подражанія и предметъ общей любви и уваженія. Не везетъ нашей литературѣ въ текущемъ году: сколько смертей слѣдуетъ одна за другой, и все неожиданныхъ, преждевременныхъ смертей! Нѣтъ Гайдебурова, Юзова-Каблица, не успѣли схоронить Астырева, какъ приходится оплакивать Ядринцева. Что-то ужъ жутко становится: смерть не щадитъ ни стараго, ни молодого и

съ суровою жестокостью водить своей косою по литературной нивѣ. При этомъ всѣ названныя лица сошли съ жизненной арены далеко не въ преклонныхъ годахъ и при наличности большого запаса силъ. Такъ, только что скончавшійся редакторъ «Восточнаго Обозрѣнія» никоимъ образомъ не подозрѣвалъ, что дни его уже такъ скоро сочтены, когда прощался съ столичными друзьями и когда, по прибытіи на родину, привѣтствовалъ ее задушевными стихами ¹⁾.

.... Прошли года тоски и мукъ,
И вотъ я, убѣленный,
Опять теперь къ тебѣ стремлюсь
Все также вдохновленный.

Исчезла юность у меня.
Ея ужъ не увидишь,
А ты, красавица моя,
Красой все также дышишь,

Но я тебя давно простилъ,
Давно не негодую
И голову тебѣ несю
Опять мою сѣдую.....

Стихи эти были написаны, можетъ быть, за нѣсколько дней до кончины, и изъ нихъ читатель можетъ убѣдиться, что авторъ былъ далеко отъ мрачныхъ мыслей. Онъ явился на родину попрежнему «вдохновленный», съ горячимъ желаніемъ еще разъ послужить ей на благо, снова вступить въ борьбу съ тѣми явленіями, противъ которыхъ ратовалъ всю свою жизнь. «Надо ѣхать,—говорилъ онъ, собираясь въ Сибирь,—надо самому на мѣстѣ видѣть, чтò тамъ теперь дѣлается. Говорять, что у старожиловъ съ новоселами тамъ вражда.....». Милый, неутомимый областникъ! онъ до послѣднихъ дней своихъ жилъ интересами этихъ сибирскихъ переселенцевъ—имъ несъ свои думы и на нихъ собирался на склонѣ дней поработать. Эти русскіе поселки на рубежѣ Россіи и Азіи, вѣдь, тѣсною связью были соединены съ его именемъ: нѣкоторые, какъ извѣстно, еще при жизни его выхлопотали себѣ разрѣшеніе именоваться «Ядринцевскими». Эта трогательная дань народа, сыновняя благодарность, создаютъ вокругъ имени Николая Михайловича очень свѣтлый ореолъ, которому можетъ позавидовать каждый дѣятель, работающій словомъ и дѣломъ на пользу народа. Можно надѣяться, что и интеллигенція Сибири не останется въ долгу передъ памятью чловѣка, который такъ много и разнообразно послужилъ своей родинѣ. Имя Николая Михайловича Ядринцева воистину можетъ составлять гордость необъятной страны отъ Урала до Охотскаго моря: путешественникъ,

¹⁾ «Тобольскія Губернскія Вѣдомости», 1894 г., № 24.

«истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

статистикъ, этнографъ, публицистъ, благотворитель и просто милѣйшій, задушевный человѣкъ, онъ на всѣхъ поприщахъ несъ съ достоинствомъ свое знамя, пренебрегая своимъ личнымъ «я» и на первомъ мѣстѣ ставя общественное благосостояніе края. Было бы хорошо, если бы со временемъ были собраны воедино всѣ его печатные труды о Сибири, обнародована вся его обширная переписка за тридцать лѣтъ и напечатаны воспоминанія и мемуары о немъ тѣхъ многочисленныхъ знакомыхъ и друзей, которыхъ у него было не мало. Тогда рельефный образъ редактора «Восточнаго Обзорнія» и автора знаменитой и за предѣлами отечества книга «Сибирь, какъ колонія» обрисуетя передъ потомками во всей его привлекательности и красотѣ. Объ этомъ должны позаботиться сибиряки писатели и меценаты, и это будетъ достойнымъ памятникомъ усопшему. Съ своей стороны вношу и мою скромную лепту въ «вѣнокъ на могилу Ядринцева», основывая свою далеко не полную работу на печатныхъ источникахъ и личныхъ указаніяхъ современниковъ и товарищей покойнаго писателя, которымъ и приношу признательность.

I.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ родился въ 1842 г. въ г. Омскѣ, куда отецъ его, еще будучи крестьяниномъ, переѣхалъ изъ Перми. Ко времени рожденія сына онъ числился уже въ купеческомъ сословіи и служилъ по откупамъ у извѣстнаго въ свое время откупщика Базилевскаго. И отецъ и мать Ядринцевы были для своего времени люди образованные, развитые, имѣли значительный достатокъ и вращались въ лучшемъ провинціальномъ обществѣ. Для образованія своихъ дѣтей, сына и двухъ дочерей, они не щадили средствъ и дали имъ, что называется, настоящее «барское» воспитаніе. Первоначальное образованіе Николай Михайловичъ получилъ въ пансіонѣ Позаревскаго, учителя французскаго языка въ Томской гимназіи. Здѣсь онъ получилъ основательное знаніе французскаго языка, что имѣло большое значеніе для его будущихъ литературныхъ занятій. Изъ пансіона онъ былъ переведенъ во 2-й классъ Томской губернской гимназіи, гдѣ, однако, полнаго курса ему не удалось окончить. Здѣсь онъ попалъ въ настоящую плебейскую среду захоластной дореформенной гимназіи, въ значительной степени смахивавшей на знаменитую «бурсу» Помяловскаго. Интересныя воспоминанія о своемъ пребываніи въ этомъ заведеніи повѣдалъ покойный публицистъ читателямъ на страницахъ издававшихся имъ «Сибирскаго Сборника»¹⁾ и «Восточнаго Обзорнія»²⁾.

¹⁾ «Сибирскій Сборникъ», 1888 г., № 1.

²⁾ «Восточное Обзорніе», 1884 г., №№ 6, 26, 33, 34.

Товарищи его по классу, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ, были старше годами, превосходили его, балованнаго, хуленькаго и слабенькаго, силою и физическимъ развитіемъ. Много здоровыхъ затрепичъ и пинковъ отъ товарищей-ахиллесовъ пришлось ему вынести и испытать. «Я былъ весьма живымъ по характеру ребенкомъ,—говорить онъ,—обладалъ наблюдательностью и способностью подмѣчать смѣшныя стороны. Я подмѣчалъ комическую сторону нашихъ ахиллесовъ-товарищей и пускался въ сатиру. За мою сатиру мнѣ жестоко мстили. Когда на доскѣ я рисовалъ мѣломъ карикатуру на верзилу съ остроконечной головой долихоцефала, высовывающуюся изъ корчаги... я вдругъ видѣлъ передъ собою красное разгнѣванное лицо, а огромный кулакъ опрокидывалъ меня на полъ съ моею кистью и палитрой»... Составъ товарищей былъ самый разнообразный: тутъ были и дѣти мелкихъ чиновниковъ, купцовъ, разночинцевъ, ссыльно-поселенцевъ. Были среди нихъ ученики, которые въ свободное время торговали въ лавкахъ на базарѣ, другіе на свой страхъ и счетъ барышничали лошадыми. Гимназисты съ охотою ходили на бои, на «войнишки», существовавшія въ городѣ у мѣщанъ, и, придя съ побоищъ въ классъ, съ восторгомъ и энтузіазмомъ передавали товарищамъ о подвигахъ «Заозерья» и «Зарѣчья», о доблестяхъ «Песковъ» и «Кирпичей». Эти дѣйствительныя иліады, гдѣ дѣйствующими лицами были живые представители «Заозерья» и «Кирпичей», болѣе вліяли на умственный и душевный складъ будущихъ русскихъ гражданъ, нежели полуграмотные уроки педагогическаго персонала. Составъ учителей Ядринцевъ рисуетъ такими красками: «это были люди, случайно занесенные въ Сибирь изъ стараго педагогическаго института и изъ старыхъ университетовъ, не успѣвшіе ознакомиться съ жизнью, люди безъ всякихъ стремленій, дѣти глухого, беспросвѣтнаго времени, эпохи Магницкаго и Шишкова». Нѣкоторые изъ нихъ были въ настоящемъ смыслѣ слова помѣшанные, другіе—калѣки и горькіе пьяницы. Одинъ изъ вятскихъ мѣщанъ, «пробившій ползкомъ дорогу», состоялъ то смотрителемъ училища, то переходилъ на службу по городской полиціи, то появлялся на гимназической кафедрѣ. Другой то отсиживалъ въ мѣстной больницѣ для душевно-больныхъ, то насаждалъ въ классѣ плоды просвѣщенія. Одинъ изъ педагоговъ, назначенный въ гимназію, пропилъ по пути слѣдованія прогонныя деньги и явился въ городъ къ начальству по этапу съ партией каторжниковъ. Часть учителей опустилась и пила горькую, другіе сопли съ ума въ убійственной провинціальной обстановкѣ, третьи помирились съ своимъ положеніемъ, переженились на кухаркахъ и простыхъ бабахъ и погрузились въ тину прозаической уѣздной жизни. «Чѣмъ далѣе мы учились, тѣмъ учебникъ терялъ болѣе привлекательности,—говоритъ авторъ воспоминаній.—Мы становились все лѣнивѣе. Я забывалъ уже пріобрѣтенныя до гимназіи знанія французскаго языка».

Воспитанники, не находя пищи уму и сердцу въ душныхъ стѣнахъ учебнаго заведенія и на урокахъ ископаемыхъ педагоговъ, искали иныхъ выходовъ своимъ стремленіямъ и порывамъ. Богатая сибирская природа, грандіозныя картины окружающаго міра за чертою города служили канвою для романическихъ душъ. Темныя, кедровыя лѣса, колышущіе своими вершинами, шумящія ели, высокія душистыя травы и живой міръ пернатого царства—вотъ кто говорилъ молодымъ сердцамъ о жизни, о благѣ, о красотѣ, о свободѣ. Разказы стараго пасѣчника за блюдомъ прозрачнаго меда о медвѣдяхъ, дикомъ звѣрѣ и лихихъ сибирскихъ разбойникахъ будили воображеніе и манили къ подвигамъ и на волю. А тутъ еще свѣтлыя воды Томи и Ушайки, катанье по этимъ рѣчкамъ на душегубкахъ въ шумной компаніи товарищей, подъ звуки вольныхъ пѣсень,—какъ было не запастись на всю жизнь изъ этихъ впечатлѣній молодости чувствомъ трогательной любви къ природѣ, свободѣ и человѣчеству, которое сопровождало Николая Михайловича до послѣднихъ его дней! Сближаясь съ товарищами все болѣе и болѣе, Ядринцевъ научился разглядывать сквозь внѣшнюю, наносную кору цинизма и распущенности душевныя богатства, то «человѣческое», которое онъ въ послѣдствіи такъ высоко ставилъ. «Эта грубая плебейская среда имѣла много симпатичныхъ сторонъ,—вспоминаетъ онъ:—я полюбилъ здѣсь народъ, нашу «чалдонократію»¹⁾, какъ мы ее въ послѣдствіи окрестили. Эти инстинкты равенства, наложенные школою, это уваженіе честной бѣдности и поклоненіе труду и таланту, откуда бы онъ ни выходилъ, облегчили воспріятіе въ послѣдствіи общечеловѣческаго идеала. Среди тяжелой обстановки нашей шкеры мы сплели нечаянно прекрасный душистый вѣнокъ нашей юности». Съ годами товарищи по гимназіи начали сплочаться между собою уже съ болѣе серьезными цѣлями и задачами. Большую услугу въ этомъ отношеніи оказалъ любимецъ всего класса, извѣстный въ послѣдствіи народникъ-беллетристъ, Н. И. Наумовъ. Очень начитанный и обладавшій прекраснымъ даромъ рѣчи, онъ явился для гимназистовъ занимательнымъ рассказчикомъ. «Королева Марго», «Три мушкетера», историческіе эпизоды изъ аббата Милота составляли канву его импровизацій и разсказовъ товарищамъ. «Когда надоѣдало «давить масло», мы садили его на столъ и цѣлымъ классомъ его слушали,—говоритъ Ядринцевъ.—Тогда среди буйной толпы слышно было, какъ пролетитъ муха. Мнѣ приходилось горько жалѣть въ послѣдствіи, что наши наставники не обладали этимъ секретомъ сосредоточивать вниманіе». Среди воспитанниковъ, наконецъ, образовался литературный кружокъ, во главѣ котораго стали Наумовъ и Ядринцевъ. Послѣдній

¹⁾ «Чалдонъ», какъ сообщилъ автору настоящей статьи г. Южаковъ, означаетъ презрительное именованіе мѣстныхъ жителей новоселами изъ Россіи.

началъ приносить въ гимназію изъ обширной отцовской бібліотеки русскихъ классиковъ, и юные гимназисты съ жадностью накинудись на чтеніе и изученіе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева... Создалась и своя классная литература. Ядринцевъ велъ дневникъ, записывалъ дѣтскія воспоминанія и писалъ патетическія стихотворенія; Наумовъ подражалъ Брамбеусу и Гоголю, а, познакомившись съ Бѣлинскимъ, вступилъ на путь критики, при чемъ на первыхъ же порахъ испыталъ свои силы въ ядовитомъ разборѣ стиховъ своего друга Ядринцева, чѣмъ огорчилъ послѣдняго до слезъ. Наумовъ первый въ классѣ прочиталъ Бѣлинскаго и познакомилъ съ нимъ товарищей. Это чтеніе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе на умы томской молодежи и въ значительной степени подготовило ихъ къ воспріятію новыхъ идей, которыя привезъ съ собою изъ Петербурга и началъ пропагандировать въ томскомъ обществѣ студентъ Н. С. Щукинъ.

Пріѣздъ этой оригинальной личности произвелъ цѣлый переполохъ въ заплѣсневѣломъ провинціальномъ болотѣ. Родомъ сибирякъ, онъ попалъ въ Петербургскій университетъ и съ головою окунулся въ широкое море тогдашней общественной жизни. Онъ цѣлый день кипѣлъ злобами дня, бѣгалъ по столичнымъ редакціямъ, обличалъ общественныя злоупотребленія въ разныхъ листкахъ, сводилъ земляковъ, «развивалъ» отсталыхъ и разносилъ упорствующихъ. «Вѣчно подвижной, неугомонный, впечатлительный, хватающій жадно на лету все новое, необыкновенно и быстро усваивавшій, онъ выражалъ типъ любознательнаго и воспримчиваго сибиряка,—такъ характеризуетъ его Ядринцевъ въ своихъ «Сибирскихъ литературныхъ воспоминаніяхъ». Узнавъ что либо, онъ дѣлался фанатическимъ поклонникомъ и апостоломъ новой идеи, часто не переваривъ ея вполне... Общественная жизнь Петербурга его волновала, и онъ отдавался ей съ увлеченіемъ, онъ слѣдилъ съ жадностью за слухами о реформахъ и посвящалъ въ нихъ другихъ... Это былъ типъ Рудина, какъ типъ общественный, превосходный студентъ-товарищъ и невообразимый Донъ-Кихоть въ своихъ приключеніяхъ. Онъ жилъ кипуче и будилъ жизнь въ другихъ. О людяхъ, которые не занимаются современными вопросами, отзывался съ презрѣніемъ»... Впослѣдствіи изъ этого многообѣщавшаго юноши ничего не вышло серьезнаго; онъ ни съ кѣмъ и нигдѣ не ужился, не создалъ ничего мало-мальски солиднаго, растратилъ себя по мелочамъ и окончилъ свою жизнь мрачнымъ умопомѣшательствомъ. Но на зарѣ молодыхъ лѣтъ Щукинъ являлся выдающеюся личностью и пронесся по сибирской жизни конца 50-хъ годовъ свѣтлымъ метеоромъ. Появленіе этого новаго типа съ его живымъ характеромъ, новыми взглядами, съ его шумомъ, съ запасомъ петербургскихъ новостей и потребностью распространить ихъ, съ повѣствованіемъ о «новой эрѣ» имѣло громадное значеніе для окружающей среды, погруженной

въ сонѣ... Являясь въ сибирскій городъ, онъ сразу обѣгалъ всѣхъ, знакомился съ гимназіей, со всѣми выдающимися личностями и подвергалъ все поголовной критикѣ. Осмѣивалъ ретроградовъ, кричалъ противъ взяточничества, говорилъ съ жаромъ о «прогрессѣ» и увлекалъ юношество. Онъ проповѣдовалъ ему о новой жизни, внушалъ уваженіе къ наукѣ и литературѣ, рекрутировалъ и обязывалъ всѣхъ ѣхать въ университетъ, поощрялъ проблески любознательности, открывалъ литературныя призванія, устраивалъ дебаты, проектировалъ литературныя вечера и т. д., и т. д. Ему обязана была въ Томскѣ масса гимназистовъ своимъ просвѣщеніемъ и стремленіемъ къ полученію высшаго образованія. «На насъ хлынуло все разомъ: европейская жизнь, исторія и идеи, волновавшія Европу полвѣка. Руссо и Вольтеръ, Дидро и Даламберъ, Кондорсе— все для насъ было ново, все это разомъ вторглось къ намъ, какъ и въ жизнь Россіи. Матеріаль былъ громаднѣйшій для мысли, онъ долженъ былъ потрясти и создать цѣлое міросозерпаніе. Мы узнаемъ цѣлый рядъ мыслителей и учителей человѣчества. Мы узнаемъ, что для Россіи также доступно счастье, что въ ней предвидится великая работа, и мы также имѣемъ участіе въ ней, какъ будущіе студенты и будущіе граждане. Какъ не забиться было юношескому сердцу!.. Самыя лучшія чувства, самыя свѣжіе гражданскіе восторги были пережиты въ это время и волненія и думы, проклятія старому и благословенія новому, слезы, накипавшія въ дѣтской груди, смѣнялись дѣтскою улыбкою надежды, вѣра въ грядущее, любовь безконечная, пламенная любовь къ человѣчеству, ко всему несчастному и обойденному, вѣра въ народное счастье созрѣвали въ сердцѣ, какъ основа будущей религіи, какъ залогъ жизни». Живая рѣчь петербургскаго гостя пала на благодарную почву въ «литературномъ кружкѣ» гимназистовъ, въ которомъ струя писательства пробивалась уже наружу. Въ 1859 г. молодежь была уже достаточно подготовлена къ воспріятію «новаго слова»: кругомъ уже чувствовалось вѣяніе новаго времени, издалека доходили и въ этотъ «медвѣжій уголь» вѣсти изъ столицы. «Проѣзжія служащія лица, студенты, появлявшіеся на вакачь въ городахъ Сибири,—свидѣтельствуетъ Ядринцевъ,—завозили новости, слухи, и эти вѣсти въ безжизненномъ обществѣ, среди апатіи, невѣдѣнія, звучали тѣмъ рѣзче и неотразимѣе. Кто-то проѣхалъ на Амуръ и закинулъ вѣсть объ освобожденіи крестьянъ, наѣхали студенты съ новыми взглядами и теоріями, проскакалъ черезъ Сибирь какой-то литераторъ. Помню проѣздъ черезъ Сибирь С. В. Максимова и впечатлѣніе, произведенное этимъ проѣздомъ: старомодные учителя въ нашемъ городѣ сдѣлали для него литературный вечеръ, вытащивъ свои запыленные тетради и диссертациі. Здѣсь было много комичнаго, чего и не подозревалъ проѣзжіи, но что раскрылось потомъ. Супъ и пироги готовили въ

особой квартирѣ и везли черезъ весь городъ, обдумывали пріемъ, чтобы показаться «образованными».— Вѣдь петербургскій литераторъ!—говорилъ намъ, гимназистамъ, старый учитель и прибавлялъ подмигивая:—литераторъ! съ нимъ надо ухо остро держать, пожалуй, еще опишетъ. Такъ разсуждалъ самый образованнѣйшій изъ нашихъ менторовъ, тотъ самый, который Пушкина въ гороховомъ пальто видалъ въ Лѣтнемъ саду, а про другихъ и говорить было нечего»...

Всѣ эти «новыя вѣянія» оказали сильное вліяніе на воспримчиваго и впечатлительнаго Ядринцева: онъ бросаетъ съ 6-го класса гимназію, и во второй половинѣ 1860 г. мы встрѣчаемъ его уже вольнослушателемъ Петербургскаго университета. Щукинъ послѣшилъ его ввести въ студенческіе круги и перезнакомить съ сибиряками, которые въ томъ году нахлынули изъ Казани послѣ закрытія тамъ камеральнаго факультета въ большомъ количествѣ, а также съ прочими земляками, на первомъ мѣстѣ которыхъ стоялъ пылкій сибирскій патріотъ, извѣстный впоследствии путешественникъ и писатель Григорій Николаевичъ Потанинъ, уже работавшій тогда въ «Современникѣ» и «Русскомъ Словѣ». Сближеніе Ядринцева съ Потанинымъ произошло очень быстро, и съ тѣхъ поръ оба сибиряка шли дружно рука объ руку во весь свой многотрудный жизненный путь. Потанинъ былъ старше годами, опытомъ, знаніемъ жизни, нежели его молодой другъ; онъ превосходилъ его развитіемъ, начитанностью и ученостью. Это былъ уже вполне сформировавшійся человекъ съ точно опредѣлившимися общественными и политическими убѣжденіями. Съ перваго же знакомства онъ поработилъ его умъ и сердце и далъ точное направленіе всей послѣдующей дѣятельности Николая Михайловича. «Въ бесѣдахъ съ П*** (Потанинымъ) я не только сходилъ, но увлекался его умомъ, его планами, и онъ былъ для меня первымъ менторомъ, наставникомъ; онъ же опредѣлилъ мое призваніе,—такова исповѣдь самого Ядринцева.—Я фанатически послѣдовалъ его патріотической идеѣ, и мы начали развивать мысль среди товарищей о необходимости группированія. Всѣ охотно раздѣляли эту мысль». Сближеніе это не должно было имѣть утилитарной цѣли въ родѣ матеріальной поддержки другъ друга; намѣтилась только потребность подумать, чѣмъ можно быть полезнымъ родинѣ — «идея сознательнаго служенія краю въ тотъ моментъ, когда въ Европейской Россіи пробуждалось то же самосознаніе». Союзъ Ядринцева съ Потанинымъ и совмѣстная ихъ дѣятельность на почвѣ единенія земляковъ были тѣми сѣменами, изъ которыхъ родилось впоследствии все такъ называемое сибирское движеніе, давшее послѣ всевозможныхъ перипетій тотъ пышный общегосударственный цвѣтъ, который замѣтенъ только въ наши дни. Десятки лѣтъ потребовались, чтобы идеи, созрѣвшія въ юныхъ головахъ кучки петербургскихъ сибиряковъ

1860 года, получили однѣ свое осуществленіе, а другія были поставлены на грани разрѣшенія: сибирскій университетъ, сибирская желѣзная дорога, правильная постановка вопроса о колонизаціи и расселеніи, тюремная реформа, гласное судопроизводство, административная реформа, разныя экономическія мѣропріятія— вотъ та сумма идей, которыя въ туманныхъ абрисахъ рисовались пламеннымъ молодымъ патріотамъ и которыя въ настоящее время сдѣлались достояніемъ всякаго просвѣщеннаго человѣка. Но какимъ тяжелымъ путемъ дошли до насъ эти идеи, сколько слезъ пролито на этомъ пути, сколько горя и муки вынесли ихъ главные представители.

Первая сходка сибиряковъ состоялась на квартирѣ какого-то студента на Васильевскомъ Островѣ; сходка вышла шумная и оживленная. Собралось человѣкъ двадцать; тутъ были Потанинъ, Ядринцевъ, буряты Пирожковъ—поклонникъ Гегеля и новѣйшей философіи, и извѣстный впоследствии поэтъ Омуревскій-Федоровъ, веселый и розовый тогда юноша, съ золотыми кудрями по плечи и въ художественномъ бархатномъ сюртучкѣ, юристъ Н. М. Павлиновъ¹⁾ «съ рафаэлевской головой», пришла и цѣлая группа казанцевъ, шумныхъ, веселыхъ буршей, любителей волжскихъ пѣсенъ и доброй чарки вина. Послѣ первыхъ знакомствъ и дружескихъ изліяній выдвинулся вопросъ о постоянной поддержкѣ сношеній между земляками и продолженіи собраній. И вотъ послѣ первой вечеринки послѣдовала вторая, третья и т. д. Подавались тутъ традиціонные пельмени, а по окончаніи серьезной части собранія появлялось на столѣ, по требованію казанцевъ, неизбѣжное студенческое пиво. «Сходки,—по свѣдѣніямъ Ядринцева,—заканчивались веселымъ пѣніемъ пѣсенъ, которыя продолжались нерѣдко и на улицѣ при возвращеніи по квартирамъ, при чемъ васильевскіе бутари только слегка качали головой и грозили шутливо пальцами... Сермяжная броня улыбалась юности...». Группировка въ землячество сибиряковъ не представляла собственно ничего новаго—такіе союзы уже существовали тогда среди украинцевъ, кавказцевъ. Ядринцевъ видитъ въ этомъ «отраженіе бытового строя Россіи, тѣхъ разнообразныхъ интересовъ, которые лежатъ въ историческомъ и этнографическомъ строѣ. Давно уже эту историко-этнографическую связь сознавали малороссы, кавказцы и т. д., наступило время сознать эту связь и представителямъ восточной окраины»... По мѣрѣ развитія сибирскихъ собраній къ нимъ стали примыкать и старшіе земляки—математикъ Сидоровъ, писатель С. Шашковъ и другіе; прислалъ имъ стихотворный привѣтъ изъ одиночнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости и извѣстный ученый Щаповъ, заклю-

¹⁾ Пылъ присяжный повѣренный Спб. судебнаго округа и дѣятель Петербургскаго земства.

ченый туда послѣ печальной казанской исторіи. Явилась, наконецъ, потребность и практической задачи для кружка, потребность яснѣе опредѣлить свои отношенія къ родинѣ. Здѣсь громко была высказана мысль о необходимости университета для Сибири, объ обязательности подготовки къ будущей дѣятельности въ Сибири, о пользѣ изученія родного края и своевременности составленія сибирской библиографіи, при чемъ Потанинъ брался руководить этимъ дѣломъ. Бесѣдовали о будущемъ журналѣ, газетахъ, памятныхъ книжкахъ и ученыхъ сочиненіяхъ, касающихся Сибири. Въ концѣ-концовъ у всѣхъ сложилось убѣжденіе, что обширной странѣ за Ураломъ предстоитъ блестящая будущность, мысль, которую Ядринцевъ впоследствии облекъ въ слѣдующую стихотворную форму¹⁾:

И я слышу чуткимъ сердцемъ,
 Что великою судьбой
 Начинаеть уже вѣять
 Надъ моимъ далекимъ краемъ,
 Надъ страной моеі родной.

Въ этотъ же періодъ времени Николай Михайловичъ вступаетъ и на литературное поприще. Ближайшіе его товарищи по кружку уже участвовали въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ: Потанинъ—въ «Русскомъ Словѣ» и «Современникѣ», С. Шашковъ—въ «Вѣкѣ», Омуревскій-Федоровъ—въ «Искрѣ». Подъ давленіемъ и по указаніямъ своего главнаго друга и ментора, Потанина, Ядринцевъ рѣшился снести Курочкину въ «Искру» свои произведенія въ юмористическомъ родѣ и съ тѣхъ поръ сталъ въ довольно близкія отношенія къ знаменитому въ свое время сатирическому изданію. Въ лицѣ Василія Степановича Курочкина молодой писатель встрѣтилъ милаго, простаго редактора, опытнаго литератора, указанія котораго были полезны публицисту-дебютанту. Здѣсь, въ редакціи, онъ приобрѣлъ навыкъ къ полемикѣ, къ памфлетному роду писательства, т.-е. къ тѣмъ свойствамъ, которыя таились въ зародышѣ его природныхъ способностей, и которыя впоследствии проникали большинство его публицистическихъ и чисто литературныхъ произведеній. Эту публицистическую жилку, это стремленіе къ полемикѣ, можно ясно разглядѣть и въ его фельетонахъ «Добродушнаго Сибиряка», и анонимныхъ передовицахъ «Восточнаго Обзорнія», и въ поэтическихъ произведеніяхъ и беллетристическихъ описаніяхъ поэта «Семилуженскаго», и въ чисто научныхъ изложеніяхъ путешественника, экономиста и статистика Н. Ядринцева. Въ редакціи «Искры» онъ познакомился съ нѣкоторыми сотрудниками этого журнала, приобрѣвшими уже тогда литературное имя и извѣстность: съ Д. Минаевымъ, Стопановскимъ, И. Горбуновымъ и другими. По-

¹⁾ Стихотвореніе «Родина» Семилуженскаго, въ «Сибирскихъ мотивахъ», изд. И. Сибирякова.

танинъ радостно привѣтствовалъ первые литературные шаги своего молодого друга, и первый журнальный дебютъ былъ весело отпразднованъ въ интимномъ кругу товарищей. Послѣ «Искры» Николай Михайловичъ имѣлъ нѣкоторое касательство къ редакціи «Эпохи», въ лицѣ М. М. Достоевскаго, но постоянное сотрудничество его тамъ не состоялось. Въ тѣ дни сношеній съ редакціей «Искры» и дружбы съ Потанинымъ, можно сказать, опредѣлилась навсегда литературная фізіономія Ядринцева и характеръ его послѣдующихъ журнальныхъ работъ. Два составныхъ элемента можно отмѣтить въ ней. Съ одной стороны—реалистическое направленіе шестидесятыхъ годовъ, съ его громкимъ требованіемъ голой правды и обличенія, съ другой стороны—«душистые цвѣты вѣнка юности», съ ея романтическими порывами и поклоненіемъ красотѣ. «Развертываясь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, мы усвоили любовь къ литературѣ нашихъ предшественниковъ, людей сороковыхъ годовъ,—обрисовываетъ свое поколѣніе Ядринцевъ въ «Студенческихъ и литературныхъ воспоминаніяхъ сибиряка» («Восточное Обозрѣніе», 1884 г., №№ 33 и 36). Съ точки зрѣнія органическаго духовнаго развитія общества это было богатое наслѣдіе. Мы, когда-то рѣзко разрывавшіе связи со старой литературой, должны сознаться въ концѣ, что всетаки были многимъ ей обязаны. Она проложила дорогу и научила общество интересоваться книгой, повѣстью, романомъ, критикой, поэзіей. Духъ романтизма вѣялъ на насъ при всходѣ нашей жизни, мы усвоили любовь къ искусству; хорошіе стихи, прекрасные образы, доставляли намъ наслажденіе. Мы зачитывались съ дѣтства Пушкинымъ, Гоголемъ, Тургеневымъ. Не смотря на отрицаніе эстетики, мы оставались эстетиками и впослѣдствіи возвратились къ ней, когда послѣдующее поколѣніе уже ничего не имѣло общаго съ ней и потеряло чутье къ красотѣ и гармоніи. Вторая черта, которую мы унаслѣдовали, это гуманизмъ романтиковъ сороковыхъ годовъ и стремленіе къ идеалу. Этотъ гуманизмъ... имѣлъ высшую форму челоѣколюбія и состраданія. Подъ вліяніемъ этого гуманизма развивалась масса мягкаго чувства. Въ нашемъ воспитаніи, хотя и барскомъ, эти чувства культивировались, мы были общительны и вѣжливы. Мягкость и гуманизмъ сохранялись у нашего поколѣнія, не смотря на острую моду шестидесятыхъ годовъ, съ ея базаровщиной, которой всѣ молодые люди въ свое время подражали... На пути нашихъ идеальныхъ стремленій насъ встрѣтила свѣжая литература, охвативъ новую область жизни общественной. Понятно, что она еще живѣе приковала насъ. Неопредѣленные стремленія къ идеалу нашли выходъ, подготовленный гуманизмъ располагалъ къ живому и горячему воспріятію общественныхъ вопросовъ. Мы увидѣли самую тѣсную связь литературы съ жизнью... Чувствуя свои пробѣлы, мы охотно принимались за азбуку, изучали естествознаніе,

исторію, въ вѣкъ матеріализма многіе изучали Гегеля... уваженіе къ наукѣ и литературѣ проникало нашу душу вообще, мы никогда не кощунствовали надъ ними въ самыя худшія времена. Эта вѣра осталась на цѣлую жизнь. Литература и наука, являвшіяся во всемъ ореолѣ, покорили на вѣки наши сердца, ибо мы видѣли ихъ въ самыхъ лучшихъ проявленіяхъ. Мы понимали и чтили литературу, какъ могучее орудіе для духовной дѣятельности человѣка, для всего общечеловѣческаго прогресса, и не разсматривали ея съ одной партійной точки зрѣнія, не презирали ея за уродливыя и временныя явленія... Мы считали человѣческое слово за лучшее изъ средствъ для побѣды знанія надъ невѣжествомъ, для торжества идеи, для завоеванія человѣческаго права. Что удивительнаго поэтому, что многіе изъ насъ мечтали сдѣлаться писателями, и литература взяла многихъ въ свои жрецы... Наше поколѣніе въ общихъ теоріяхъ осталось на грани между шестидесятыми и семидесятыми годами. Не воспринявъ крайностей послѣднихъ, унаслѣдовавъ самыя свѣтлыя и лучшія вѣрованія первыхъ, писатели моего времени перенесли эти лучшія надежды на свою родину и взлелѣяли ихъ. Теоріи семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ только отвлекали сибиряковъ отъ ихъ родины и почти не дали замѣтныхъ дѣятелей на поприщѣ литературы, за исключеніемъ Кушчевскаго, который былъ скорѣе продуктомъ нашего же времени. Изъ общихъ литературныхъ стремленій выродилась у насъ потребность служить своему краю».

Молодые энтузіасты-сибиряки все болѣе и болѣе втягивались въ общественную жизнь и чутко прислушивались къ голосамъ, раздававшимся и въ печати и въ правительственныхъ кружкахъ относительно всего, касающагося дорогой имъ отчизны. А эта послѣдняя, съ возвращеніемъ графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго въ Петербургъ, чаще привлекала къ себѣ вниманіе государственныхъ людей. Знаменитый завоеватель Амура, вынужденный вслѣдствіе усиленныхъ интригъ недоброжелателей покинуть постъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, явился въ столицу съ твердымъ намѣреніемъ провести въ государственномъ совѣтѣ рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію благосостоянія оставленнаго имъ края¹⁾. Въ числѣ этихъ мѣропріятій на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о колонизаціи Пріамурской области, заселенія ея и объ административномъ устройствѣ. Эти вопросы сдѣлались уже тогда не только достояніемъ правящихъ сферъ, но перешли и на обсужденіе ученыхъ обществъ, при участіи въ немъ многихъ высокопоставленныхъ особъ. Такъ, въ политико-экономическомъ комитетѣ при императорскомъ

¹⁾ Дѣятельность и планы гр. Муравьева-Амурскаго изложены на основаніи документовъ въ обширномъ трудѣ И. Барсукова: «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій».

географическомъ обществѣ на собраніяхъ 11 марта и 1 апрѣля 1861 г. дебатировался, въ присутствіи 96 человѣкъ, вопросъ «о переселеніи въ наше отечествѣ»¹⁾. Въ числѣ прочихъ мнѣній по настоящему предмету мы встрѣчаемъ оригинальный взглядъ, чуть ли не впервые громко высказанный высокопоставленнымъ лицомъ, относительно колонизаціи Сибири. Баронъ Е. К. Мейендорфъ, соглашаясь съ мнѣніемъ В. П. Безобразова касательно ненужности поощренія колонизаціи Амурской области изъ великороссійскихъ губерній, добавилъ, что «новыя наши пріобрѣтенія на Востокѣ отнимаютъ у насъ и время, и силы замѣчательныхъ дѣятелей, въ которыхъ, конечно, у насъ нѣтъ излишества; предполагая даже, что мы успѣемъ устроить благосостояніе всѣхъ новыхъ нашихъ поселеній, мы этимъ только будемъ споспѣшествовать ихъ отдѣленію отъ метрополи, какъ учить исторія всѣхъ колоній». Такія же опасенія «отдѣленія отъ метрополи» высказывались еще кое-къмъ въ Петербургѣ по поводу переселенія чеховъ и американцевъ на Амуръ²⁾. Эти толки не могли не дойти до молодежи, интересовавшейся всѣмъ, что говорится и намѣчается для великой сибирской равнины; понятно, что и идея возможности обособленія колоніи отъ метрополи, высказываемая государственными людьми, не оставлена была ими безъ вниманія. Конечно, и весьма вѣроятно,—по крайней мѣрѣ, указанія на это можно найти въ составленномъ впоследствии обвиненіи противъ Потанина, — идея эта среди молодежи, «молодой Сибири», какъ тогда говорилось, могла возникнуть и самостоятельно. Такъ или иначе, но вопросъ о самостоятельности Сибири былъ поставленъ въ кружкѣ Потанина и Ядринцева. «Мысль о томъ,—говоритъ послѣдній въ своей біографіи Щапова,—что Сибирь призвана быть независимой Америкой, была темой разговоровъ юношей 60-хъ годовъ. Но надо замѣтить, что даже въ представленіи этихъ юношей эта независимость разсматривалась, какъ отдаленнѣйшее, хотя и неизбежное историческое событіе». По этому предмету среди кружка возникали горячія пренія, а порою и разногласія. Одни, группировавшіеся около Потанина, отрицали всякую необходимость связи и зависимости Сибири отъ Россіи, утверждая, что не Сибирь нуждается въ Россіи, а Россія въ Сибири; другіе, въ числѣ которыхъ былъ Н. Павлиновъ, утверждали, что такое мнѣніе ничѣмъ не обосновано, и что, хотя Сибирь нуждается въ самоуправленіи и иныхъ привиллегіяхъ, однако самостоятельно, внѣ Россіи, существовать не можетъ, и что культура ея не самобытная, а находится въ прямой зависимости отъ метрополи. Эти толки среди

¹⁾ «Экономистъ» 1861 г. Приложенія къ указателю экономическому, издаваемому И. Вернадскимъ.

²⁾ «Жизнь и труды Щапова» Н. Ядринцева, «Восточное Обозрѣніе», 1883 г., №№ 25, 27, 31.

молодежи не остались въ тайнѣ, и на главарей кружка было обращено вниманіе надлежащихъ властей, но до поры до времени все обстояло благополучно, и дѣлу не было дано хода.

II.

1861 годъ былъ роковымъ для Петербургскаго университета. Вслѣдствіе крупныхъ беспорядковъ молодежи и полной дезорганизациі студенческой общины, онъ былъ закрытъ до введенія новаго устава. Многимъ не удалось кончить курса наукъ и пришлось вернуться на родину. Въ числѣ послѣднихъ были Потанинъ и Ядринцевъ; изъ нихъ первый устроился при астрономѣ К. Струве въ разграничительной экспедиціи съ Китайской имперіей, а второй, какъ человѣкъ достаточно обеспеченный и не нуждавшійся въ то время въ заработкѣ, отдался всецѣло пополненію самообразованія и литературной дѣятельности въ мѣстной только что народившейся печати; при этомъ оба товарищи продолжаютъ среди близкихъ имъ кружковъ распространять тѣ просвѣтительныя идеи, которыя выработались въ далекой сѣверной столицѣ. Ядринцевъ выступаетъ уже официально въ 1863 г. въ Омскѣ съ публичной лекціей въ пользу школы солдатскихъ дѣтей на тему о необходимости университета для Сибири. «Да, господа, — говорилъ молодой ораторъ, — мы дошли до того предѣла сознанія, когда чувствуемъ, что университетъ намъ необходимѣ всего, а его созданіе неотлагаемо». Лекцію свою онъ закончилъ горячимъ восклицаніемъ: «обществу остается сказать: мы хотимъ университета, мы готовы дать средства, и сибирскій университетъ будетъ, будетъ и будетъ!».. По инициативѣ молодого дѣятеля было тогда же основано общество для собиранія пожертвованій на мѣстный университетъ и, благодаря энергичной проповѣди Ядринцева и общему сочувствію остальныхъ сибиряковъ, средства въ концѣ концовъ скопились на этотъ предметъ очень значительныя, такъ что получилась фактическая возможность въ 1888 г. привести задачу въ исполненіе. Съ момента появленія на публичной каедрѣ въ Омскѣ и до послѣдняго своего воздыханія Николай Михайловичъ являлся самымъ горячимъ проповѣдникомъ университетской идеи въ Сибири. Онъ первый, послѣ Сперанскаго, началъ пропагандировать эту идею, ее проводилъ онъ красною нитью во всѣхъ своихъ статьяхъ, каково бы ни было ихъ содержаніе, онъ за нее представлялъ передъ мѣстной и столичной администраціей, онъ собралъ на основаніе университета громадныя суммы, онъ привѣтствовалъ его возникновеніе и о немъ онъ говорилъ еще въ наши дни. Въ 1882 г., т.-е. почти черезъ 20 лѣтъ послѣ лекціи въ Омскѣ, онъ писалъ по этому

предмету¹⁾: «... Кроме практических цѣлей, еще важнѣе является на ряду съ высшимъ образованіемъ поднятіе вообще уровня общества и созданіе образованнаго класса, который сознательно отнесется къ своей жизни, выдвинетъ передовыя задачи развитія и, можетъ быть, измѣнить самую будущность края, создавъ зародыши цивилизаціи въ Азіи. Въ университетѣ такимъ образомъ лежитъ все будущее страны и нашей роли на Востокѣ». А черезъ десять лѣтъ послѣ этихъ строкъ, когда излюбленная и завѣтная его мечта осуществилась до извѣстной степени, онъ опять, возвращаясь къ университету, писалъ: «Мы полагаемъ, что теперь своевременно поднять вопросъ объ открытіи естественно-историческаго факультета при Томскомъ университетѣ съ кафедрой агрономіи. Созданіе этого факультета могло бы дать научныя силы для разрѣшенія мѣстныхъ культурныхъ вопросовъ и для изученія мѣстнаго хозяйства»²⁾. Ругая всю свою жизнь за необходимость высшаго разсадника просвѣщенія на Востокѣ, Николай Михайловичъ органически связалъ свое имя съ Томскимъ университетомъ, явившись его создателемъ и пророкомъ, поэтому нельзя не отнестись сочувственно къ слѣдующему предложенію, высказанному редакціей «Сибирскаго Листка» по случаю кончины Ядринцева³⁾: «Сибирское общество, — сказано здѣсь, — къ которому Ядринцевъ постоянно обращался съ призывомъ самодѣятельности, прекрасно почтило бы память покойнаго, если бы собрало средства для устройства естественно-историческаго факультета или особаго заведенія съ программой естественно-историческихъ факультетовъ. Полагаемъ, что это было бы достойнымъ чествованіемъ памяти Ядринцева».

Публичная лекція, произнесенная въ Омскѣ, появилась въ печати въ № 5 «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1864 г. Съ тѣхъ поръ онъ не покладаетъ своего пера, и мѣстные и столичные органы печати видятъ Ядринцева дѣятельнымъ сотрудникомъ по вопросамъ сибирской жизни. На слѣдующій годъ онъ выступаетъ въ тѣхъ же «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 9) съ полемической статьей, гдѣ рѣзко нападаетъ съ одной стороны на панегиристовъ сибирскаго режима, сгруппировавшихся въ то время подъ давленіемъ мѣстной власти въ газетѣ «Амуръ», и пессимистовъ въ лицѣ главнымъ образомъ покойнаго публициста сибиряка Н. Шелгунова, за его статьи «Сибирь на большой дорогѣ». «Теперь, — говоритъ Ядринцевъ, — когда самая трудная минута пережита, когда край долженъ вступить на поприще болѣе широкой экономической дѣятельности и самобытнаго развитія, не время отнимать у него значеніе и ругаться надъ его будущимъ. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ стать въ оппозицію русскимъ публицистамъ, унижающимъ

¹⁾ Сибирь какъ колонія, Н. Ядринцева.

²⁾ «Сибирскій листокъ», 1894 г., № 48.

³⁾ Ibid.

Сибирь». Онъ выражаетъ далѣе надежду, что Сибирь одинаково съ другими странами вступитъ на путь цивилизаціи и сдѣлается счастливой и культурною страной. Указать ея будущее, по его мнѣнію, должна печать, для чего необходимо созданіе мѣстнаго частнаго журнала и мѣстной литературы. Идея собственнаго органа печати, какъ выразителя взглядовъ молодой сибирской партіи, родилась еще въ Петербургѣ, бесѣды на эту тему шли и по возвращеніи на родину въ теченіе 1863—1864 гг., но получаетъ свое осуществленіе лишь въ 1872—1874 годахъ, когда сибирскимъ патриотамъ удалось сгруппироваться въ «Камско-Волжской Газетѣ», издававшейся въ Казани, и въ 1875 г., когда подъ редакціей извѣстнаго изслѣдователя Вагина стала издаваться газета «Сибирь».

Кромѣ «Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», Ядринцевъ принимаетъ въ первой половинѣ 1860-хъ годовъ участіе и въ основанномъ Б. Милютинимъ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», который издавался, однако, весьма недолгое время.

Литературныя занятія молодого публициста были силою обстоятельство прерваны на два года слишкомъ, вслѣдствіе извѣстнаго политическаго процесса о Потанинѣ и другихъ лицахъ, въ томъ числѣ и самомъ Ядринцевѣ, по обвиненію ихъ въ распространеніи мысли объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи. Выше было указано, какъ зародилась въ кружкѣ Потанина сибирская идея, если позволено будетъ такъ выразиться. Молодые люди уже тогда попали подъ негласный надзоръ, а, по приѣздѣ на родину, все время до катастрофы находились на замѣчаніи мѣстной власти. Послѣ усмиренія польскаго возстанія, правительство стало зорко слѣдить за окраинами, и открытыя обличенія мѣстныхъ злоупотребленій со стороны приѣзжей молодежи не внушали себѣ симпатій и одобреній администраціи. Петрашевскій, Завалишинъ и другіе еще прежде испытали на себѣ неудовольствіе генераль-губернатора Карсакова; теперь дошла очередь до Потанина, Ядринцева, Щапова и нѣк. другихъ. Всѣ они были арестованы, привлечены къ дознанію и переданы особой Рыкачевской комиссіи, производившей слѣдствіе по этому дѣлу въ г. Омскѣ. Неосторожныя рѣчи, направленныя противъ мѣстной администраціи, рѣзкія слова и насмѣшки, усиленная и лихорадочная проповѣдь о необходимости изученія Сибири въ экономическомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніи, нѣкоторыя письма, гдѣ не въ мѣру выражены были надежды на лучшее будущее—вотъ главныя основанія серьезнаго обвиненія. Въ качествѣ обвинительнаго документа присоединено было и стихотвореніе Щапова, написанное имъ еще въ Петропавловской крѣпости по поводу вечеринокъ земляковъ,—стихотвореніе, гдѣ приведена была слѣдующая политическая мысль¹⁾: «Въ то время, какъ въ

¹⁾ Н. Ядринцевъ: «Жизнь и труды Щапова».

Россіи идетъ общее пробужденіе, когда Финляндія, Малороссія и Западный край отозвались уже на призывъ жизни, — что же ты молчишь одна, отдаленная моя Сибирь?» «Обвиненіе, взведенное противъ сибирской молодежи, — говоритъ Ядринцевъ въ статьѣ о Щаповѣ, — создавшее цѣлое дѣло, было тѣмъ несообразнѣе, что обвиняемыми были дѣти, юноши — все это, вмѣстѣ съ Щаповскимъ «плодомъ досуга» въ видѣ патріотическаго стихотворенія, едва ли могло повліять на отпаденіе территории въ 250.000 квадратныхъ верстъ отъ Россійской имперіи. Тѣмъ не менѣе на разслѣдованіе истрачена была масса денегъ и времени, и Щаповъ прогулялся изъ Иркутска въ Омскъ... Другимъ это стоило дороже: у нѣсколькихъ молодыхъ людей вычеркнуто нѣсколько лѣтъ жизни. Къ числу молодыхъ людей, потерявшихъ нѣсколько лѣтъ жизни, принадлежали Потанинъ и Ядринцевъ. Потанинъ былъ приговоренъ къ лишенію правъ состоянія и крѣпостнымъ работамъ, а Николай Михайловичъ отбылъ въ Омскѣ два года тюремнаго заключенія и потомъ высланъ на житье въ г. Шенкурскъ.

Два года провелъ Ядринцевъ въ стѣнахъ Омскаго «мертваго дома», «дома плача и скорби». По нѣкоторымъ отрывкамъ изъ его очерка «Одинокое заключеніе» ¹⁾ можно достаточно наглядно нарисовать себѣ душевное состояніе молодого узника. «Я осмотрѣлъ комнату, — описываетъ онъ. — Это была обыкновенная секретная камера, шаговъ 6½ въ длину и шага 3 въ ширину. Свѣтъ тускло пробивался въ запыленные и загаженные мухами рамы; рѣшетка дѣлала окно еще темнѣе. Стѣны комнаты были покрыты красными пятнами—слѣдъ чьей-то ожесточенной борьбы съ клопами, въ сторонѣ стояла занимающая полкомнаты кровать съ арестантскимъ тюфякомъ, толстымъ, какъ рогожа, покрытымъ тоже кровавыми пятнами. Подъ кроватью, въ слоѣ пыли, валялась портянка и деревянный обрубокъ, залитый саломъ; слѣдъ прежняго жильца... Кто онъ былъ: убійца, воръ или разбойникъ?.. Но что придавало болѣе всего мрачный и узничный видъ секретной, это—большая, черная дверь съ маленькимъ столикомъ, въ которую то и дѣло заглядывалъ часовой и за которой въ антрактахъ онъ бряцалъ ружьемъ... «Боже мой, мать моя, мать моя! что, если бы ты увидѣла здѣсь своего сына!»—мелькнуло въ головѣ моей. У меня что-то стиснуло подъ сердцемъ и начало душить меня... Все дѣтство, полное ласки и любви, вся юность, полная живыхъ и чарующихъ впечатлѣній жизни, вспыхнули передо мною; старыя, свѣтлыя картины нахлынули на меня сотнями образовъ... Зашевелилось въ сердцѣ и недавнее прошлое, озаренное яркимъ свѣтомъ весны и надежды... А закатывающееся солнце, какъ нарочно въ это время, ударило въ тусклое окно и мутнымъ пятномъ отрази-

¹⁾ «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ».

лось на стѣнѣ моего темнаго гроба... Я былъ тогда очень молодъ, друзья мои,—я еще жить хотѣлъ, я любить хотѣлъ... А секретная становилась все темнѣе и темнѣе; стѣны ея какъ будто сжимались, какъ будто давили меня. «Проклятіе! да какая же это могила!» шевельнулось въ умѣ моемъ...». Наконецъ кончилось томительное слѣдствіе, и будущее стало яснѣе изстрадавшемуся подсудному. «Я пережилъ подслѣдственныя тяжкія минуты,—говоритъ онъ въ томъ же очеркѣ.—Благодарю небо, что прошли для меня эти дни и ночи, прошло слѣдствіе. Мое окно было открыто; нѣжащій воздухъ пахнулъ на меня и освѣжилъ блѣдное, какъ стѣна, лицо. Я пощупалъ свою голову, прислушался къ сердцу. Слава Богу, мысль моя пережила тяжкія испытанія; сердце мое бьется ровно, успокоилось и не измѣнилось. А кажется, многое ли, многое ли я получилъ!.. Безумныя мечты и надежды опять охватили меня; угнетенная мысль вырвалась и вольно понеслась вдаль за эти виднѣющіяся поля, къ тебѣ, моя дорогая, безпѣнная родина!.. Я упалъ своею истомленною головою на окно. О, жизнь подкупающая, вѣчно прекрасная, вѣчно влекущая, я опять былъ твой!»...

Тяжелые дни заключенія Ядринцева въ дореформенной тюрьмѣ сослужили великую службу русскому обществу. Какъ ни странно звучать эти слова, однако это такъ. На несчастія, горѣ и страданія одной жертвы часто создается благополучіе многихъ. Ядринцевъ, испытавъ на себѣ всю тяжесть заключенія, потерявъ два года жизни, получилъ возможность и право говорить въ пользу осторожнаго населенія, до тѣхъ поръ пренебреженнаго, отвергнутаго обществомъ и брошеннаго на произволъ администраціи стариннаго покроя. Изучивъ во всѣхъ деталяхъ тюремную жизнь, нравы, бытъ и условія существованія ея обитателей, онъ выступилъ въ литературѣ горячимъ поборникомъ тюремной реформы. Слово его по этому предмету было вѣско, и къ нему прислушивалась не только толпа, читающая ради удовольствія чтенія, но и лица, призванныя владѣть судьбою десятковъ тысячъ заключенныхъ и воспитывавшіяся подъ вліяніемъ ученія Говарда. «Тюремное дѣло, составлявшее прежде на своемъ знамени идеаль филантропическій, нынѣ, въ виду измѣнившихся условій, можетъ выставить лишь идеаль социальный, благо общественное,—говоритъ профессоръ Фойницкій¹⁾.—Но онъ не столь осязаемъ, въ полной глубинѣ своей онъ доступенъ лишь немногимъ. Для массы самъ по себѣ онъ мало заманчивъ. Увлекательность онъ можетъ получить только подъ вліяніемъ примѣра безкорыстной и самоотверженной дѣятельности его апостоловъ. Мы имѣли уже пророковъ тюремнаго дѣла, мы отчасти имѣли и законодателей его; нашему времени нужны именно апо-

¹⁾ Труды Пенитенціарной комиссіи С.-Петербургскаго юридическаго общества, С.-Петербургъ, 1890 года.

«истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

стола тюремнаго дѣла, благородная и упорная дѣятельность которыхъ могла бы оживить вѣру общества въ высоту того идеала, къ достиженію котораго оно стремится». Соціальный идеаль, указанный профессоромъ въ 1890 году, какъ послѣднее слово науки, около двадцати лѣтъ тому назадъ былъ поставленъ въ основаніе литературно-научно-публицистическаго трактата Ядринцева «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Поэтому мы по праву можемъ отнести Николая Михайловича къ числу тѣхъ пророковъ, о которыхъ упоминаетъ г. Фойницкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ не лишимъ его званія «апостола тюремнаго дѣла» въ виду его упорной и благородной проповѣди о настоятельности тюремной реформы и несостоятельности современнаго вида ссылки и каторги.

Пребываніе въ захолустномъ городѣ сѣвернаго края не лишило возможности Ядринцева возобновить прерванныя литературныя занятія. Онъ помѣщаетъ рядъ статей въ «Женскомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Азиатскомъ Вѣстникѣ», «Дѣлѣ», «Отеч. Запискахъ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Волжско-Камской Газетѣ». Всѣ статьи, конечно, имѣютъ своимъ содержаніемъ тѣ или другія стороны сибирской жизни, причемъ главный центръ тяжести работъ за этотъ періодъ лежитъ въ обработкѣ наблюденій и впечатлѣній о пребываніи въ Омскомъ острогѣ. Въ 1872 г. онъ собралъ воедино журнальныя статьи о тюрьмѣ и ссылкѣ, дополнилъ ихъ и издалъ отдѣльной книгою подъ заглавіемъ: «Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Сочиненіе это въ свое время обратило на себя вниманіе всей прессы, произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ—не меньше «Мертваго дома» Достоевскаго и «Сибири и каторги» С. Максимова, и послужило богатымъ матеріаломъ для комиссіи, работавшей по вопросу о реформѣ тюремъ и ссылки; къ участию въ этой комиссіи авторъ сочиненія былъ приглашенъ графомъ Соллогубомъ, главноначальникомъ тюремнаго управленія, и мнѣнія Ядринцева выслушивались съ вниманіемъ, а нѣкоторыя имѣли значительное вліяніе на ходъ занятій членовъ комиссіи.

Трудъ Ядринцева распадается на двѣ части: въ первой авторъ передаетъ свои личныя наблюденія и впечатлѣнія въ видѣ беллетристическихъ очерковъ, во второй слѣдуетъ историческій очеркъ ссылки, сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ Западной Европѣ; здѣсь указаны основы новой рациональной системы исправленія, согласно выводамъ пенитенціарной науки и опытамъ русской тюремной общины. Сравнивая первую часть съ аналогичными очерками Достоевскаго и Максимова, мы должны отдать предпочтеніе художественнымъ краскамъ послѣднихъ двухъ писателей, но зато выводы, цѣли и мысли Ядринцева оставляютъ далеко за собою и «Мертвый домъ» и «Сибирь и каторгу». Максимовъ далъ типы и картинки, очень вѣрныя дѣйствительности, живыя и яркія, но сдѣлалъ это, какъ случайный художникъ, на-

бросавшій на полотно случайныя явленія; Достоевскій, потрясая воображеніе читателя мрачными красками, не даетъ утѣшенія или по крайней мѣрѣ мало даетъ надежды на лучшее будущее въ жизни несчастныхъ заключенныхъ. Проповѣдь любви и вѣры, какъ бы ни возвышенна она была, не утишаетъ боли страждущихъ и не исцѣляетъ недуговъ; а ученіе о самоуничженіи, самопознаніи и борьбѣ съ своей гордыней, обращенное къ угнетеннымъ, звучитъ холодно, жестко и является слишкомъ отвлеченнымъ. Ядринцевъ же, усматривая подобно Достоевскому въ павшемъ собратѣ черты человѣчности, душевной красоты и призывая къ нему любовь ближняго, вмѣстѣ съ тѣмъ пытается указать и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ этотъ павшій собратъ можетъ возродиться къ гражданской жизни. Условія эти—развитіе общины, столь родственной русскимъ людямъ, среди арестантовъ. «Исправленіе преступниковъ, — пишетъ онъ, — должно быть основано на здоровыхъ элементахъ общины и представляетъ лучшія средства, нежели наша и иностранная ссылка... Ихъ община не поѣла себя среди междоусобій, а создала себѣ свои законы; на мѣсто вражды и преступленій она внесла братскій союзъ всѣхъ угнетенныхъ, отверженныхъ и страдающихъ, высоко-человѣческую любовь другъ къ другу, защиту бѣднаго брата, геройское самопожертвованіе за жизнь и счастье другихъ людей...», Избравъ индуктивный методъ изслѣдованія, авторъ вложилъ въ основаніе своего труда предвзятую мысль о существованіи тюремной общины и въ недостаточной мѣрѣ доказалъ такое существованіе. Это—слабая сторона изслѣдованія, но за нимъ остается заслуга, что Ядринцевъ первый популяризировалъ пенитенціарный вопросъ на основаніи специально русскихъ общинныхъ началъ. Несравненно большую важность представляетъ собою вторая часть труда: богатство содержанія, масса затронутыхъ вопросовъ, любопытныя паралели дѣлаютъ эту книгу настольною даже для специалистовъ тюремнѣдѣнія, не говоря уже про обыкновенныхъ читателей, которыхъ авторъ сразу ставитъ въ курсъ дѣла, не утомляя подробностями и не отвлекая вниманія частностями.

Къ вопросу о необходимости тюремной реформы Ядринцевъ возвращался неоднократно и въ послѣдующихъ своихъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, но главнымъ образомъ онъ впослѣдствіи употребилъ усиліе на доказательство вреда для Сибири ссылки. На эту тему имъ написана масса замѣтокъ, главнѣйшіе выводы которыхъ и положенія собраны во второмъ его обширномъ трудѣ «Сибирь какъ колонія», о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Рядомъ съ этими темами имъ затронута въ печати въ тотъ періодъ журнальной работы безконечное количество разнообразнѣйшихъ вопросовъ, касающихся Сибири, ея экономического благосостоянія, административнаго устройства, этнографическаго состава и историко-литературнаго характера. Такъ, въ статьѣ «Администрація

въ Сибири»¹⁾), написанной по поводу проекта новаго административнаго дѣленія Сибири, Ядринцевъ высказываетъ свое profession de foi: «Искусственная регламентація,—говоритъ онъ,—къ сожалѣнію, давно отражалась самымъ невыгоднымъ образомъ на жизни Сибири. Этой искусственной регламентаціей проникнута вся ея исторія, вся канва ея жизни... Въ настоящее время пресса занята размежеваніемъ губерній и новымъ административнымъ дѣленіемъ округовъ, но какъ бы они ни были размежеваны, это будетъ только внѣшнюю реформую. Точно также перемѣщеніе или оставленіе генераль-губернаторствъ не принесетъ еще пользы, ежели они останутся одинокими безъ помощи учреждений... Такими учреждениями могутъ служить нынѣ гласный судъ, мировыя учрежденія, земство и новое городское самоуправленіе, которыя будутъ лучшею опорой для власти при борьбѣ съ злоупотребленіями и лучшими органами завѣдыванія мѣстными дѣлами... Рядомъ съ этими реформами, для ихъ успѣшнаго дѣйствія, точно также необходимо поднять и усилить образовательныя средства края, такъ какъ одни учрежденія безъ образованныхъ и способныхъ людей будутъ безсильны»...

Въ той же «Недѣлѣ» въ статьѣ «Судьбы Сибири»²⁾ Ядринцевъ высказываетъ и нѣкоторыя свои политико-экономическія воззрѣнія по вопросамъ дня. «Протекціонизмъ не возможенъ для нашего Востока,—писалъ онъ,—нельзя и думать объ устройствѣ таможенъ на Уралѣ; зато востокъ можетъ воспользоваться другимъ могучимъ средствомъ для поощренія своей промышленности, это—привлеченіе къ себѣ силъ и знанія. Для содѣйствія и поощренія мѣстной промышленности необходимо развитіе технического образованія въ странѣ, снабженіе края рабочими силами и большимъ населеніемъ посредствомъ вольной колонизаціи, необходимо поощреніе мѣстныхъ производствъ и ремеселъ при помощи земства, доставленіе кредита ремесленнымъ артелямъ отъ того же земства, наконецъ выписка мастеровъ, доставленіе въ страну машинъ, быстрая циркуляція населенія. Только желѣзная дорога можетъ служить средствомъ для успѣшнаго достиженія большинства изъ этихъ цѣлей... Для того, чтобы желѣзная дорога приносила пользу странѣ, а не отдѣльнымъ классамъ, она должна быть направлена въ центры промышленной жизни, на Тюмень и на Томскъ, а не въ сторону дикарей, которые не въ состояніи будутъ защититься отъ торговой эксплуатаціи и пользоваться всѣми благами цивилизаціи... Пусть востокъ создастъ свою экономическую жизнь на новыхъ началахъ, болѣе соответствующихъ идеалу цивилизаціи и требованіямъ времени, для чего онъ обладаетъ многими важными условіями. Снабженный богатыми естественными произведеніями, обширными степями, съ

¹⁾ «Недѣля», 1873 г., № 15.

²⁾ «Недѣля», 1873 г., № 5.

населеніемъ, не знавшимъ крѣпостнаго ига, съ русскою общиною въ основѣ хозяйства, въ сосѣдствѣ съ разнообразными расами, болѣе способными къ цивилизаціи, чѣмъ негры и индѣйцы Америки, нашъ востокъ можетъ завоевать себѣ счастливую будущность. Надобно только, чтобы европейская цивилизація привилась къ нему лучшими своими сторонами и чтобы развитіе мануфактурнаго и заводскаго хозяйства сопровождалось къ обезпеченію рабочаго класса и возвышенію его заработной платы»... Кромѣ этихъ вопросовъ практической жизни, Ядринцевъ задѣваетъ при случаѣ темы, находящіяся въ неразрывной связи со всей его публицистической дѣятельностью въ извѣстномъ направленіи 1860-хъ годовъ. «Да, господа, — говоритъ онъ въ статьѣ «Шпіоны и палачи»¹⁾, — есть люди съ палаческими чувствами и въ такъ называемой цивилизованной средѣ. Есть безчувственные и грубые тираны, у которыхъ страсть и гнѣвъ заглушаютъ всякое состраданіе и сочувствіе къ другимъ, но есть и холодные теоретики, безсердечные резонеры, агитаторы козней и преслѣдованій въ литературѣ и обществѣ, которые, проповѣдуя разные суровые планы и системы, якобы во имя блага людей, забываютъ, что за ними стоятъ тѣ же люди, а за осуществленіемъ этихъ плановъ полетѣтъ человѣческая кровь, пролитіе которой не оправдается никакими планами и системами».

Приведенныя обширныя выписки изъ трехъ статей Николая Михайловича по поводу разныхъ современныхъ вопросовъ жизни рельефно рисуютъ намъ его писательскую фізіономію. Передъ читателямъ ясно обрисовывается типичный представитель политической литературы 1860-хъ годовъ. Символь его вѣры ясенъ и понятенъ; симпатіи строго формулированы, и читатель не остается подъ сомнѣніемъ, съ кѣмъ онъ бесѣдуетъ. Чуткій къ общественнымъ вопросамъ, разносторонне и обширно начитанный, умѣющій говорить и яснымъ языкомъ и между строчекъ, Ядринцевъ увлекаетъ собесѣдника, взвизгиваетъ его нервы и твердой рукой направляетъ по намѣченному пути. Рѣзкости только вы не найдете у него — въ этомъ его отличіе отъ крайнихъ представителей той литературной среды, къ которой онъ несомнѣнно принадлежалъ. Эта совокупность писательскихъ чертъ и давала ему возможность помѣщать свои произведенія и въ умѣренно-либеральномъ «Голосѣ», и научно-либеральномъ «Вѣстникѣ Европы», и еще болѣе передовыхъ журналахъ «Дѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ»; сюда же присоединялись и промежуточныя инстанціи — «Недѣля», «Биржевыя Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости». Когда въ 1875 году въ Иркутскѣ основалась газета «Сибирь» подъ редакціей извѣстныхъ изслѣдователей края В. Вагина и М. Загоскина, Ядринцевъ явился и здѣсь

1) «Недѣля», 1870 г., №№ 23—24.

дѣятельнымъ сотрудникомъ; равнымъ образомъ и въ казанскомъ изданіи «Первый шагъ».

Во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ печатаетъ не только чисто-публицистическіе и научные очерки, но пользуется для проведенія излюбленныхъ идей и беллетристической формой. Послѣдняго рода произведенія онъ подписывалъ по большей части псевдонимами «Семилуженскій» или «Добродушный Сибирякъ». Беллетристическіе его очерки, всегда небольшіе по размѣру, писаны въ жанрѣ Гл. Успенскаго, Наумова и другихъ писателей народнической фракціи. Онъ былъ не чуждъ и стихотворнаго дара, и въ числѣ поэтовъ-сибиряковъ ему, конечно, должно быть отведено мѣсто много ниже Омудевскаго-Федорова, но тѣмъ не менѣе и за его стихомъ имѣются извѣстныя достоинства. Въ стихотвореніи всегда есть ясно выраженная идея, стихъ гладокъ, не лишень звучности, и рима не страдаетъ вымученностью.

Сотрудничая въ «Волжско-Камской Газетѣ», Николай Михайловичъ познакомился съ корреспонденткой этой газеты Аделаидой Федоровной Барковой. Это была очень умная, развитая и симпатичная дѣвушка. Дочь енисейскаго золотопромышленника, она поступила, по окончаніи средняго образованія, на педагогическіе курсы и еще въ бытность свою курсисткой отдалась литературѣ. Извѣстный профессоръ-натуралистъ Лесгафтъ, приватныя лекціи котораго пользуются и понынѣ расположеніемъ молодежи обоюга пола, далъ ей солидныя познанія по физиологіи и анатоміи; кромѣ того, она прекрасно владѣла четырьмя новыми языками. Всѣ эти данныя создали изъ нея недюжинную литературную силу и, хотя она не создала себѣ въ журналистикѣ «литературнаго имени», однако труды ея принимались редакціями охотно. Особенно привлекательны въ ней были ея душевныя качества. Это была чрезвычайно задушевная, отзывчивая, добрая и привѣтливая дѣвушка. Неудивительно, что Ядринцевъ нашель въ ней именно ту подругу жизни, которую такъ искало и его любящее нѣжное сердце. Молодые люди полюбили другъ друга, и союзъ ихъ явился воистину рѣдкимъ въ наше время золотымъ семейнымъ счастьемъ. Они вполне дополняли другъ друга и создали вокругъ себя, въ своемъ домѣ, на своихъ пріемныхъ вечерахъ, ту атмосферу душевной теплоты и приволья, въ которой такъ легко и отрадно дышалось. Аделаида Федоровна была для мужа своего и горячо любящей женой, и нѣжнымъ заботливымъ другомъ, и истиннымъ хорошимъ помощникомъ. «Интересы общественныя и литературныя,—говоритъ про нее В. Семевскій¹⁾,—всегда были для нея выше личныхъ интересовъ; она готова была на всякую жертву ради того, что она считала важнымъ и необходимымъ, ради преуспѣянія печати, для которой

¹⁾ «Русская Старина», 1888 г., № 9.

такъ много поработала горячо-любимый ею мужъ, ради интересовъ сибирской молодежи, на пользу которой она трудилась до исхода болѣзни, унесшей ее въ могилу». По свидѣтельству «Сибирской Газеты»¹⁾ Ядринцева представляла собою крупную редакціонную силу въ «Восточномъ Обзорѣннн», издававшемся въ Петербургѣ ея мужемъ въ 1880-хъ годахъ; здѣсь она вела отдѣлы хроникъ и печатала статьи по вопросу о народномъ образованнн въ Сибири. Аделаида Федоровна была также организаторомъ «Общества содѣйствнн учащимся сибирякамъ»; сюда она вкладывала массу труда и времени и заслужила отъ благодарной молодежи трогательное наименованн «наша мать». Устройство извѣстныхъ сибирскихъ вечеровъ принадлежало всецѣло ей. Можно безошибочно сказать, что въ своихъ заботахъ о сибирякахъ она распатала здоровье и надорвала силы. Когда мужъ ея въ концѣ 1887 г. перенесъ свое изданн изъ Петербурга въ Сибирь, она, озабоченная воспитаннемъ дѣтей, не могла послѣдовать за нимъ. Разлука съ мужемъ и хлопоты съ сибирскимъ «обществомъ» на столько подкосили ея здоровье, что натура не въ состоянн была выдержать злого недуга, не смотря на самый тщательный уходъ за больною, и 17 юля 1888 г. ея не стало. Смерть жены нанесла страшный ударъ Николаю Михайловичу и имѣла, какъ видно будетъ дальше, самыя тяжелыя для него послѣдствнн.

Въ 1872 г. состоялась свадьба Ядринцева, а въ 1874 г. онъ былъ окончательно амнистированъ, получилъ право свободы жительства въ столицѣ и въ томъ же 1874 году былъ приглашенъ гр. Соллогубомъ къ участнн въ коммисснн по вопросу о тюремной реформѣ. Съ того времени начинается для него новый пернодъ жизни, полный удачи, личнаго счастья и крупнаго общественнаго успѣха.

III.

Въ 1875 году скончался генераль-губернаторъ Западной Сибири Хрущовъ, и на его мѣсто назначенъ генераль-адъютантъ Казнаковъ, съ которымъ Ядринцева познакомилъ извѣстный въ свое время, очень ловкнн и оборотливый дѣятель сѣвера и путешественникъ Сидоровъ. Казнаковъ, интеллигентная личность своего времени, ѣхавшнн на мѣсто назначеннн съ твердыми намѣренннн сдѣлать добро Сибири и осуществить тѣ планы и реформы, которые были настоятельны для края, конечно, обрадовался знакомству съ выдающимся публицистомъ и общественнымъ дѣятелемъ. Онъ подолгу бесѣдовалъ съ Ядринцевымъ, лично разспрашивалъ его про ссылку и колонизацнн Сибири, которыми тотъ въ это время былъ занятъ, и по его ука-

¹⁾ «Сибирская Газета», 1888 г., № 156.

занятымъ взялъ изъ архива министерства для ознакомленія дѣло о будущемъ Томскомъ университетѣ. И, дѣйствительно, въ генераль-губернаторство Казнакова дѣлались представленія о необходимости основанія университета, указывался городъ для этого и средства содержанія этого учебнаго заведенія, но дѣло все-таки не двинулось: рутина, косность и непониманіе государственныхъ потребностей были сильны, одержали верхъ надъ свѣтомъ, и университетъ получилъ свое осуществленіе лишь черезъ много лѣтъ послѣ. Какъ обрадовался Николай Михайловичъ, когда генераль-губернаторъ сообщилъ ему однажды, что государь императоръ приказалъ представить проектъ университета, съ какимъ восторгомъ и одушевленіемъ сообщилъ онъ объ этомъ семьѣ и въ близкихъ литературныхъ сферахъ, но этотъ подъемъ духа былъ недолго, и вскорѣ пришлось убѣдиться въ тщетности ожиданій. Въ 1876 году Казнаковъ предложилъ Ядринцеву мѣсто въ своей канцеляріи по улучшенію быта Западной Сибири и изученію на мѣстѣ экономическихъ условій жизни края. Эта служба дала возможность дѣятельному чиновнику произвести рядъ выдающихся статистическихъ, этнографическихъ и экономическихъ изслѣдованій и принять непосредственное участіе въ основаніи въ г. Омскѣ западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. Съ 1879 года начали выходить «Записки» этого отдѣла, и Николай Михайловичъ явился, конечно, однимъ изъ самыхъ щедрыхъ вкладчиковъ въ это изданіе. Статья его съ отчетомъ о «поѣздкѣ по Западной Сибири и въ горномъ Алтайскомъ округѣ» есть обширный трудъ, гдѣ способности его, какъ ученаго этнографа, географа и статистика, обнаружались во всей силѣ. Какъ лицо официальное, Ядринцевъ имѣлъ возможность предпринимать ученые экскурсіи, во время которыхъ старался соединить порученія по службѣ съ изысканіями и изслѣдованіями по собственному почину. Первая поѣздка его относилась къ 1878 году, когда онъ совершилъ путешествіе въ глубь горнаго Алтая съ цѣлью изученія жизни мѣстнаго населенія и наблюденія за колонизаціоннымъ движеніемъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Въ 1880 году онъ предпринялъ вторую экскурсію въ Алтай для изученія инородческаго быта и объѣхалъ Томскую губернію, посѣтилъ Телецкое озеро и проникъ до верховьевъ Катуня, собирая обстоятельныя свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ. Объ объѣхъ поѣздкахъ имъ даны были пространные отчеты западному отдѣлу географическаго общества, и описаніе ихъ можно найти въ «Запискахъ» общества (1879 г., кн. II-я, и 1881 г., кн. IV). Результаты второй поѣздки дали наукѣ чрезвычайно цѣнный матеріалъ, какъ въ отношеніи географическомъ, такъ и этнографическомъ. Путешественникъ сдѣлалъ: 1) подробное описаніе пройденныхъ мѣстностей и отмѣтилъ по картѣ маршруты; 2) метеорологическія наблюденія и опредѣленія высотъ по 2 anerоидамъ, 3) составилъ географиче-

скую карту Телецкого озера со всеми притоками, 4) карту р. Чуи и ее притоковъ, 5) планъ и описаніе Катунскихъ глетчеровъ.

Кромѣ этихъ работъ, онъ во время поѣздокъ изучаетъ условія существованія и развитія сибирской общины и быта инородцевъ. Плодомъ этихъ занятій является единственная до сихъ поръ всесторонняя «программа изслѣдованія сельской общины въ Сибири». Образцомъ для настоящаго труда послужили классическіе труды Ефименко, Трирогова, Орлова. До Ядринцева былъ извѣстенъ весьма немногій матеріалъ, вводящій въ область ознакомленія съ характеромъ сибирскаго сельскаго хозяйства и складомъ общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдованіе ею сибирскаго землепользованія имѣло и имѣетъ понынѣ особую важность въ виду поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ въ Сибири, переложенія подушной подати на землю, а также въ виду окончательнаго поземельнаго устройства быта крестьянъ алтайскаго вѣдомства. Сообразно съ мѣстными условіями изслѣдователь, конечно, вынужденъ былъ въ вопросы общей программы внести дополнительные, касающіеся особенностей сибирскаго хозяйства.

Присматриваясь во время своихъ странствованій по Алтаю къ быту инородцевъ, онъ собралъ по этому предмету неоцѣнимый матеріалъ. Можно поистинѣ удивляться этой способности ученаго быстро и въ достаточной полнотѣ охватывать предметъ и освѣщать его съ точки зрѣнія потребностей времени и науки. Его отчеты по инородческому вопросу не простой конгломератъ сухихъ данныхъ и фактовъ, но цѣлая картина, гдѣ отъ васъ не скрыто ни прошлое, ни настоящее жизни полудикихъ племенъ, ни закрыта завѣса ихъ будущаго. Ученый подходитъ къ дѣлу не для простаго констатированія дѣйствительности, но указываетъ пути развитія и совершенствованія изслѣдуемаго предмета. Инородческому вопросу Николай Михайловичъ посвятилъ немало труда и времени. Еще въ началѣ 1870-хъ годовъ, до своихъ поѣздокъ, онъ писалъ ¹⁾:

«Если просвѣщеніе и цивилизація составляютъ естественное право человечества, то здѣсь, то-есть на востокѣ, оно имѣетъ особое значеніе, какъ единственное спасеніе народности... Надо помнить, что отъ умственныхъ и просвѣтительныхъ средствъ будетъ зависѣть и судьба нашего существованія на востокѣ». Черезъ семь лѣтъ послѣ этихъ строкъ мы встрѣчаемъ въ другомъ журналѣ ²⁾ ту же мысль о необходимости просвѣтительной дѣятельности среди инородцевъ, но уже въ болѣе точныхъ опредѣленіяхъ: «Мы не можемъ болѣе относиться безучастно къ судьбѣ инородцевъ и къ инородческому вопросу въ Россіи и Сибири. Нельзя допустить, чтобы рядомъ съ благосостояніемъ одной расы ухудшалось положеніе такихъ же людей, живущихъ рядомъ; не-

¹⁾ «Дѣло», 1874 г., № 11-й, «Русская народность на востокѣ».

²⁾ «Недѣля», 1881 г., № 13, «Инородческій вопросъ».

выгодно имѣть среди развивающейся культуры, въ странѣ, тронутой этой культурой, пустыни дикарей, обреченныхъ на бѣдственное состояніе; несправедливо, давая просвѣщеніе одной части населенія, исключать другую. Наконецъ, невозможно допускать въ краѣ, гдѣ усвоивается цивилизація и просвѣщеніе, какое либо униженіе, рабство и эксплуатацію человѣческой личности. Это отразится вредно на самомъ обществѣ... Чѣмъ болѣе мы обратимъ вниманіе на судьбу инородца, тѣмъ лучше воспитаемъ свое сердце, свой умъ и научимся любить и уважать другъ друга; въ этомъ успѣхи нашего гражданскаго развитія, въ этомъ залогъ будущаго». Къ вопросу объ инородцахъ Ядринцевъ возвращался неоднократно и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ, его онъ включилъ въ широкихъ размѣрахъ въ свой самый капитальный трудъ «Сибирь какъ колонія», и этому же вопросу онъ посвятилъ въ 1891 г. отдѣльную книгу «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе»¹⁾. Ядринцевъ по справедливости придавалъ инородческому вопросу серьезное значеніе, какъ вопросу, съ одной стороны, общегосударственной важности, такъ, съ другой, по серьезному его значенію въ общемъ ходѣ міровой цивилизаціи. Отмѣчая постепенное вымираніе многихъ кочевыхъ племенъ, ухудшеніе экономическаго благосостоянія инородцевъ, незначительное цивилизующее на нихъ вліяніе русскаго элемента и, наоборотъ, вредное заимствованіе послѣднимъ дурныхъ чертъ полудикарей, онъ утверждаетъ, что инородческій вопросъ — грозный вопросъ будущаго. «Онъ явится когда нибудь, вѣроятно, — говоритъ Ядринцевъ²⁾, — весьма важнымъ гражданскимъ и политическимъ вопросомъ, къ которому мы должны подготовиться. Часть азіатскихъ народностей вошла и неминуемо войдетъ въ составъ русскаго общества, и жизнь этихъ народностей можетъ внести новыя оригинальныя элементы въ складъ будущей цивилизаціи. Наконецъ, по самому географическому своему положенію, Сибирь естественно будетъ въ соприкосновеніи съ азіатскими государствами, которыя не всегда же будутъ жить замкнутой жизнью и когда нибудь будутъ доступны европейскому просвѣщенію. Если Сибири суждено будетъ играть какую нибудь роль въ этомъ мировомъ цивилизующемъ вліяніи, то сибирскіе инородцы, усвоившіе, при посредствѣ русской національности, европейское просвѣщеніе, могутъ явиться весьма видными посредниками этой цивилизаціи и оказать великія услуги общечеловѣческому прогрессу». Не ограничиваясь литературной разработкой занимавшаго его вопроса, Ядринцевъ составилъ также обстоятельную карту распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. На сколько были важны и цѣнны труды въ этой области покойнаго ученаго, показываетъ слѣдую-

¹⁾ Издано П. Сибиряковымъ.

²⁾ «Сибирь, какъ колонія», изд. 1882 г.

щее. Когда въ 1876 г. въ Петербургѣ собрался съѣздъ ориенталистовъ, то вопросъ объ уменьшеніи или увеличеніи сибирскихъ племенъ со времени завоеванія Россіи не могъ быть разрѣшенъ и обсуждаемъ за неимѣніемъ по настоящему предмету фактическихъ данныхъ и статистическихъ свѣдѣній. Этотъ-то пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ и былъ восполненъ Николаемъ Михайловичемъ, такъ что извѣстный ученый Н. Зографъ только на основаніи данныхъ, добытыхъ Ядринцевымъ, имѣлъ возможность сдѣлать свой докладъ на антропологической выставкѣ въ Москвѣ въ 1882 г. о смѣшеніи финскихъ и монгольскихъ племенъ въ Средней Азіи. Поэтому-то опять-таки приходится подчеркнуть положеніе Ядринцева и въ настоящей области знанія: онъ первый и единственный до сего времени далъ серьезный, обстоятельный матеріалъ для изученія судебъ инородцевъ въ Западной Сибири.

Въ 1881 г. съ уходомъ Казнакова и Ядринцевъ оставилъ государственную службу и вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ приступилъ, въ виду готовившагося празднованія трехсотлѣтія со времени присоединенія Сибири къ Россіи, къ обработкѣ громаднаго матеріала по исторіи этого края и въ 1882 г. издалъ классическій свой трудъ «Сибирь, какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее». Изданіе это было повторено въ 1892 г. съ значительными дополненіями и съ новыми по времени статистическими данными. Въ 2-мъ изданіи вставлены особыя главы о географическихъ условіяхъ Западной, Восточной Сибири, Амурскаго края, а также о гидрографіи и климатѣ страны. Вслѣдъ за главой о промышленности слѣдуютъ главы «о кустарномъ промыслѣ», главы объ общественной жизни сибирскихъ городовъ и исторія возникновенія мѣстной печати. Въ 1886 г. трудъ Ядринцева появился въ нѣмецкомъ переводѣ съ 1-го изданія профессора Э. Ю. Петри съ обширными дополненіями и многочисленными рисунками. Разсматривая оба изданія книги «Сибирь, какъ колонія» въ совокупности, можно отмѣтить слѣдующій циклъ вопросовъ, въ ней поставленныхъ и такъ или иначе разрѣшенныхъ: о русской народности на Востокѣ, поставленной въ особыя условія мѣстной природы и быта и смѣшавшейся съ туземными племенами, какъ явленіи своеобразномъ и далеко еще недостаточно изслѣдованномъ; вопросъ инородческій въ его историческомъ прошломъ и современномъ состояніи; о племенахъ инородческихъ въ ихъ столкновеніи съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ упадкѣ и вымираніи кочевыхъ племенъ, о возможности и невозможности ихъ сохраненія и пріобщенія къ общей цивилизаціи; вопросъ колонизаціонный и о современномъ переселеніи; о ссылкѣ въ Сибирь и о положеніи ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ и экономическое положеніе; административное дѣленіе и управленіе Си-

бирью, исторія этого управленія и современныя его задачи; о потребности знанія и просвѣщенія на Востокѣ; въ заключеніе указана будущность страны и условія ея преуспѣянія. Обозрѣвъ такой широкій кругъ областныхъ вопросовъ, изложивъ въ истинномъ смыслѣ слова исторію края во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Нельзя не предсказать,—говоритъ онъ,—для этого края всетаки извѣстнаго значенія и участія его въ міровой исторіи. Стоя у начала историческаго процесса, у колыбели нарождающагося существованія, естественно остановиться мыслию на его будущемъ и сознать задачи, налагаемыя современностью. Въ интересахъ человѣчества, какъ и въ интересахъ русской народности, наступаетъ время призвать наши окраины къ новой жизни, пробудить ихъ общественныя силы къ самостоятельности и тѣмъ положить начало новому историческому періоду. Признаніе совершеннолѣтія общества, дарованіе ему гражданскихъ правъ, удовлетвореніе общечеловѣческихъ стремленій есть священнѣйшій долгъ метрополии по отношенію ко всякой молодой развивающейся на ея рукахъ странѣ: великая обязанность налагается на нее Провидѣніемъ передъ лицомъ всего человѣчества и будущей исторіи». Въ 2-мъ изданіи, т. е. черезъ 10 лѣтъ, онъ отмѣчаетъ уже, что «общественная жизнь края сдѣлала замѣтные шаги... послѣдовали такого рода измѣненія въ жизни края, которыя могутъ быть признаны началомъ обновленія, напр., введеніе правилъ новаго судопроизводства на окраинѣ, преобразование общественнаго сельскаго управленія, открытіе Томскаго университета и т. п.».

Появленіе книги Ядринцева произвело глубокое впечатлѣніе въ обществѣ и литературѣ. Рецензентамъ журнальнымъ пришлось только передавать содержаніе разбираемаго труда и отмѣчать его высокія достоинства. Такъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ»¹⁾ было сказано: «о самой разбираемой книгѣ говорить особенно не приходится: имя Ядринцева на столько извѣстно въ нашей литературѣ, что оно въ рекомендаціяхъ не нуждается», въ «Устояхъ»²⁾, послѣ резюме содержанія и незначительнаго замѣчанія, принятаго авторомъ «Сибири» къ свѣдѣнію для 2-го изданія, отмѣчена слѣдующая характерная черта сочиненія: «Одно лицо, занимавшее высокое административное положеніе, говорило, что у Сибири нѣтъ своихъ мѣстныхъ вопросовъ, что вопросы ея тѣ же, что вопросы Европейской Россіи; но стоитъ прочитать книгу Ядринцева, чтобы убѣдиться, что каждый изъ поименованныхъ вопросовъ имѣетъ

¹⁾ «Отечественныя Записки», 1882 г., № 5.

²⁾ «Устои», 1882 г., № 6. Межовъ полагаетъ, что анонимный рецензентъ здѣсь—Потанинъ. Это и весьма вѣроятно, судя по негодующему слогу, въ которомъ не трудно узнать пылкаго сибирскаго патріота.

своеобразный видъ, и отъ вопросовъ Европейской Россіи соответствующихъ рубрикъ всѣ сибирскіе вопросы отличаются своими особенностями». А. Пыпинъ въ своемъ капитальномъ трудѣ по «исторіи русской этнографіи» отводитъ изслѣдованію Ядринцева, какъ и всѣмъ его прочимъ работамъ, очень почетное мѣсто и относитъ автора къ числу выдающихся изслѣдователей Сибири. «Сибирь, какъ колонія» сама по себѣ, будь это только единственнымъ трудомъ Ядринцева, создаетъ ему крупное ученое имя не только въ предѣлахъ отечества, но и въ Западной Европѣ. А, вѣдь, у Николая Михайловича не было не только университетскаго патента на ученое званіе, но даже простаго аттестата зрѣлости, то есть, тѣхъ официальныхъ атрибутовъ, которыми такъ любятъ порою щеголять наши доморощенные академическіе олимпійцы! Вотъ что значитъ преданность своему дѣлу, въ которое горячо вѣришь, и любовь къ родинѣ, которой жертвуешь себя всецѣло...

«Сибирь, какъ колонія» была юбилейнымъ подаркомъ автора своей родинѣ. Онъ еще въ бытность свою на службѣ у генералъ-губернатора Казнакова задолго сталъ готовиться къ предстоящему торжеству и проектировалъ въ газетѣ «Сибирь»¹⁾ устройство въ одномъ изъ городовъ, въ Томскѣ или Иркутскѣ, выставки мѣстныхъ произведеній и основаніе въ память трехсотлѣтія русской Сибири музея. И въ Петербургѣ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ онъ пропагандировалъ необходимость достойнаго чествованія родины. Такъ, въ «Вѣстникѣ Европы»²⁾ онъ проводитъ мысль о своевременности дарованія Сибири самоуправления, введенія гласнаго суда и основанія университета. Когда, наконецъ, наступило давно ожидаемое имъ торжество, отпразднованное, впрочемъ, очень скромно и официально не удостоившееся ни одного изъ даровъ, намѣченныхъ Ядринцевымъ, онъ съ своей стороны почтилъ его докладами въ «Географическомъ обществѣ» о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи и въ «Обществѣ для содѣйствія промышленности и торговлѣ» о культурныхъ успѣхахъ Сибири за 300 лѣтъ.

Въ этомъ же 1882 году Николай Михайловичъ приступилъ къ осуществленію давно взлелѣяннаго имъ дѣла: онъ получилъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ еженедѣльной газеты «Восточное Обозрѣніе» съ приложеніемъ къ ней, въ видѣ отдѣльныхъ книжекъ, «Сибирскаго Сборника». Это былъ первый у насъ, да, кажется, и единственный, если не считать на зарѣ своей юности угасшаго «Азіатскаго Сборника» Пашино, опытъ изданія въ столицѣ органа печати, посвященнаго исключительно сибирскимъ вопросамъ и интересамъ. Г. Михневичъ свидѣтельствуесть³⁾, что мысль о та-

1) «Сибирь», 1880 г., № 9.

2) «Трехсотлѣтіе Сибири», 1881 г., № 12.

3) «Новости», 1894 г., № 165.

комъ изданіи въ Петербургѣ была практически подсказана Ядринцеву желаніемъ «обойти хорошо извѣстныя ему мѣстныя для этого дѣла препятствія и затрудненія». Газета эта, говоритъ онъ, «вела очень живо, интересно, даровито и литературно, но какъ и съ чего она существовала—мудрено было постичь. Кажется, Н. М. находилъ нѣкоторую меценатскую поддержку у просвѣщенныхъ сибиряковъ-богачей, но инертная, захолустная и малс-интеллигентная сибирская публика относилась къ его газетѣ «довольно равнодушно»...

Въ вступительной статьѣ къ изданію редація такъ формулируетъ задачи «Восточнаго Обзорнія»: «Цѣлью его будетъ слѣдить за развитіемъ нашихъ восточныхъ окраинъ, въ томъ числѣ и Сибири, изучать и оповѣщать ихъ нужды, больныя мѣста, требующія врачеванія, и въ то же время знакомить русскихъ читателей съ тѣмъ, что происходитъ наиболѣе выдающагося въ сосѣднихъ странахъ, Японіи, Китаѣ, Индіи и друг.».

Появленіе журнала Ядринцева встрѣтило сочувствіе какъ столичной, такъ въ особенности провинціальной печати. «Пермскія Губернскія Вѣдомости»¹⁾ писали въ видѣ привѣтствія: «Нельзя не пожелать успѣха изданію, столь своевременно появляющемуся, столь хорошо отвѣчающему настоящему положенію дѣла, и можно надѣяться, что руководимое столь компетентнымъ лицомъ, какъ Ядринцевъ, имѣвшимъ случай хорошо ознакомиться съ Сибирью, и заручившееся сотрудниками, представляющими лучшія умственныя силы, посвященные изученію Востока, оно вполне оправдаетъ ожиданія».

«Восточное Обзорніе» дѣйствительно велось чрезвычайно талантливо и со знаніемъ дѣла. Главными вкладчиками были здѣсь самъ издатель-редакторъ и его неутомимая подруга жизни. Аделаида Ѳедоровна, какъ уже сказано было, вела здѣсь отдѣлъ хроникъ, а Николай Михайловичъ помѣщалъ и за настоящей подписью своей и подъ псевдонимами—«Семилуженскій», «Сибирякъ», «Добродушный Сибирякъ», и анонимно цѣлый рядъ статей, съ нѣкоторыми изъ коихъ читатель уже знакомъ по приведеннымъ выше обильнымъ выпискамъ. Не смотря на всю энергію редактора, вкладывавшаго въ свое изданіе всю душу, газета нужнаго распространенія не имѣла, и матеріальная сторона дѣла шла изъ года въ годъ хуже. «Покойный много разъ мнѣ на это жаловался и все придумывалъ, какъ помочь дѣлу,—говоритъ г. Михневичъ.—Бросить его, какъ сдѣлалъ бы другой на его мѣстѣ, онъ не хотѣлъ и, наконецъ, придумалъ перенести «Восточное Обзорніе» въ сердце самой Сибири—въ Иркутскъ, что ему и удалось исполнить послѣ безчисленныхъ «хожденій» и «хлопотъ». Въ 1888 году ему разрѣ-

1) «Пермскія Губернскія Вѣдомости», 1882 г., № 33.

шенъ былъ переводъ изданія въ гор. Иркутскъ, и съ этого времени начинается недолгій и самый грустный для Ядринцева періодъ жизни.

Редактируя въ Петербургѣ «Восточное Обзорѣніе», Николай Михайловичъ участвовалъ и во многихъ другихъ изданіяхъ: въ «Трудахъ» московскаго археологическаго общества, въ «Литературномъ сборникѣ», съ котораго началось изданіе «Сибирскаго Сборника», и въ «Историческомъ Вѣстникѣ», гдѣ онъ помѣщалъ статьи по историческимъ древностямъ, и въ «Живописной Россіи». Среди обширныхъ литературныхъ занятій онъ находилъ, однако, время совершать болѣе или менѣе продолжительныя путешествія и научныя экскурсіи. Такъ, онъ путешествовалъ за границу, откуда посылалъ въ свою газету интересныя корреспонденціи подъ заглавіемъ «Письма сибиряка изъ Европы». Характеристична черта этихъ корреспонденцій: авторъ, гдѣ бы онъ ни былъ, что бы ни видалъ, не покидаетъ мысли о дорогой отчизнѣ и ея бѣдномъ краѣ. Осматривая въ Бернѣ музеи и галереи, онъ несетя мыслью въ Минусинскъ и пишетъ ¹⁾: «Я желалъ бы, чтобы росли наши маленькіе музеи, и каждый изъ нашихъ земляковъ, гдѣ бы онъ ни находился, не забывалъ послать подарокъ своей родинѣ»; мчитъ его поѣздъ подъ грандіознымъ тунелемъ, и снова родныя картины рисуются его взору: «И я вспомнилъ наши бомы, и тѣ невѣроятныя усилія, которыя мы употребляемъ, проѣзжая ихъ съ выюками на разстояніи нѣсколькихъ верстъ. Я вспомнилъ нашу Чуйскую дорогу, которую не можемъ преодолѣть, хотя разработать ее нужно только на нѣсколько верстъ».

Въ 1886 г. онъ совершилъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ Минусинскаго, а также и для этнографическихъ наблюдений надъ остяками и саянскими племенами въ Минусинскомъ округѣ. Доклады объ этой поѣздкѣ имъ были сдѣланы въ 1887 г. въ Петербургѣ въ обществахъ—Археологическомъ и Географическомъ; въ послѣднее онъ и представилъ упомянутую карту распредѣленія инородцевъ по губерніямъ. Необходимо отмѣтить, что Географическое общество высоко ставило дѣятельность Ядринцева и наградило его золотой медалью, а въ парижскомъ географическомъ обществѣ дѣлались доклады о его изслѣдованіяхъ Сибири.

Восьмидесятые года, до перенесенія «Восточнаго Обзорѣнія» въ Иркутскъ, были самымъ счастливымъ временемъ жизни Ядринцева. Его окружала любящая семья, на рукахъ было завѣтное дѣло, ученые общества широко раскрывали передъ нимъ двери, редакціи лучшихъ изданій были къ его услугамъ, сибирская молодежь искала всякаго случая, чтобы засвидѣтельствовать свою

¹⁾ «Восточное Обзорѣніе», 1885 г., № 42.

любовь и уваженіе; приемные его вечера по четвергамъ были всегда полны народа. Это былъ зенитъ его славы и популярности. Если прибавить къ этому еще надежды и явные симптомы улучшенія судьбы родины, то этимъ исчерпано будетъ почти все, что нужно было Николаю Михайловичу для душевнаго счастья и покоя. Къ этому періоду можетъ быть отнесено, по мысли, небольшое его стихотвореніе «Вѣтрянка»¹⁾; вспоминая раннюю смерть этого цвѣтка, авторъ говоритъ:

«Эта весенняя тихая смерть
 «Странное чувство во мнѣ пробудила:
 «Въ раннемъ цвѣткѣ я свой жребій проникъ,
 «Въ позднемъ цвѣткѣ—счастье родины милой».

Это «счастье милой родины» увидѣлось ему только въ зрѣломъ возрастѣ, въ «позднихъ цвѣтахъ», послѣ множества горя и страданій...

IV.

Въ концѣ 1887 года Ядринцевъ рѣшилъ перенести изданіе «Восточнаго Обзорнія» въ Иркутскъ. Бодро и энергично принялся онъ за дѣло на новомъ мѣстѣ, предвидя привычную ему борьбу и противодѣйствіе. Въ предисловіи къ первому номеру за 1888 годъ, изложивъ общіе взгляды на положеніе Сибири, на отношеніе общества къ печати и на задачи послѣдней и обращаясь къ собственной газетѣ, онъ писалъ²⁾: «Чѣмъ-то будетъ редакція «Восточнаго Обзорнія» въ Иркутскѣ?»—слышится вопросъ не безъ затаенной улыбки враговъ и мѣстныхъ скептиковъ. «Это скоро раскроется», отвѣчаютъ также ехидно другіе. Пока мѣстная помощь и мѣстныя силы не успѣли прійти къ намъ, мы стоимъ одиноко и также ждемъ, что скажетъ жизнь и сибирское общество на нашъ призывъ. «Это скоро раскроется!» повторяемъ и мы. Да, читатель, если тебѣ ничего не сказала доселѣ наша работа на пользу края, если ты не узнаешь насъ, если годы нашего труда, борьбы, лишеній, горячихъ молитвъ за счастье родины, прошли безслѣдно для тебя,—что же? Не ропщемъ и начнемъ сначала... Не злобу и раздоръ пришли внести мы, но миръ и любовь. Соединивъ лучшія стремленія лицъ, желающихъ принести пользу краю, будемъ стремиться къ пробужденію жизни и свѣта на нашей окраинѣ общими силами и призовемъ на новый годъ бодрость и вѣру на всѣхъ, кто сильно трудится для дорогой нашей родины».

Такая бодрая и энергичная рѣчь раздавалась, однако, недолго на страницахъ «Восточнаго Обзорнія»: уже лѣтомъ редакторъ полу-

¹⁾ См. «Сибирскіе мотивы», изд. п. Сибирякова.
 «Восточное Обзорніе», 1888 г., № 1.

чить страшную вѣсть о смерти Аделаиды Ѳедоровны. Какъ громомъ, поразило [это извѣстіе Николая Михайловича; ближніе думали, что сердце его не выдержитъ боли, мозгъ не справится съ окутавшимъ мракомъ. Ядринцева, веселаго, живого, бодрого редактора газеты, не стало; передъ обществомъ явился новый Николай Михайловичъ—тихий, задумчивый и грустный... «Онъ производилъ тяжелое впечатлѣніе,—сказано въ некрологѣ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»¹⁾.—Это былъ уже не прежній Ядринцевъ, а казался человѣкомъ, съ которымъ иногда вдругъ становится тяжело говорить, какъ тяжело иногда бываетъ дотронуться до опасно больного изъ боязни причинить ему страданіе». Такое же впечатлѣніе произвелъ онъ на сотрудника «Сибирскаго Листка», давно его не встрѣчавшаго. «Тѣ, кто давно не видалъ Николая Михайловича, нашли бы въ немъ разительную перемѣну, — повѣстуетъ онъ,—передъ нами былъ сѣдой, согбенный, страшно худой старикъ съ болѣзненно-нервнымъ лицомъ. Минутами оживляясь въ разговорахъ, онъ являлся прежнимъ, живымъ, веселымъ, увлекающимся Николаемъ Михайловичемъ, а затѣмъ опять имъ овладѣвала не то болѣзнь, не то усталость,—та же рѣчь, тѣ же жесты, но на всемъ печать какого-то необычайнаго для него спокойствія...»²⁾. Горе сломило и перо бойкаго публициста и писателя. Рѣчь его не звучитъ уже сильнымъ слогомъ, нѣтъ прежнихъ яркихъ красокъ, образовъ, а только грустныя ноты слышны въ голосѣ разбитаго невзгодами писателя. Даже открытіе Томскаго университета, этого дѣтища всей жизненной дѣятельности, которое въ другое время извлекло бы изъ-подъ его пера горячую реплику и восторженный привѣтъ, даже это событіе встрѣчаетъ онъ не съ яснымъ душевнымъ настроеніемъ: «Прошло много времени,—вспоминаетъ онъ по случаю открытія университета въ статьѣ «Свѣтлыя минуты»³⁾,—много было пережито и перечувствовано, жизнь и смерть смѣняли постоянно другъ друга. Тѣхъ, съ кѣмъ мы дѣлились радостями, нѣтъ. Слезы и теперь капаютъ на дорогія могилы, личное счастье можетъ быть утеряно, разбито, опрокинуто навсегда, но вѣдь мы хоть минуту хотѣли жить общественными радостями, мы желали счастья другимъ, грядущимъ поколѣніямъ. Отъ пережитой жизни съ ея скорбями и трагедіями не останется въ душѣ ничего, кромѣ горечи, тоски и отчаянія, но потребностью души будетъ всегда ожиданіе свѣтлаго, радостнаго, счастливаго дня для другихъ...».

Оправляясь понемногу отъ постигшаго горя, Николай Михайловичъ задумываетъ рядъ путешествій. Оставаться на людяхъ, гдѣ все напоминало о счастьи, котораго онъ лишился, было тяжело.

¹⁾ 1894 г., № 25.

²⁾ 1894 г., № 46.

³⁾ «Восточное Обозрѣніе», 1888 г., № 29.

«истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

Странствованіе по безлюднымъ степямъ Азіи, удаленіе въ горы, гдѣ памятники сѣдой старины ничего не говорятъ о тяжеломъ настоящемъ, такова потребность писателя. Онъ быстро снаряжается и совершаетъ свою знаменитую орхонскую экспедицію, которая снова напомнила всему образованному міру славное имя путешественника Ядринцева. При содѣйствіи графа Игнатьева, при матеріальной поддержкѣ мѣстнаго отдѣла Географическаго общества, снабдившаго его небольшой суммой въ 400 р. и съ помощью одного мѣстнаго мецената, Ядринцевъ снаряжаетъ экспедицію къ неизвѣданнымъ верховьямъ р. Орхона. Мѣстность, гдѣ протекаетъ эта рѣка, не была еще изслѣдована предшественниками Николая Михайловича—Пржевальскимъ, Потанинымъ, Швцовымъ; относительно верхней части теченія Орхона являлось до сихъ поръ немало недоразумѣній, противорѣчій и неточностей. А вмѣстѣ съ тѣмъ историко-географическое значеніе этой мѣстности было чрезвычайно важное: здѣсь по всѣмъ показаніямъ долженъ былъ находиться центръ Монгольской имперіи, гдѣ были первыя столицы чингисидовъ, и къ Орхону приурочивался знаменитый Каракорумъ, столица, основанная Чингисомъ. Для подобной важной по своимъ будущимъ научнымъ результатамъ экспедиціи потребовалась значительная научная подготовка. Ядринцевъ и его помощники собрали касательно исторіи и предполагаемаго географическаго положенія Каракорума громадную литературу, перевели изслѣдованіе Абель-Ремюза, рассмотрѣли и сравнили карты, изучили старинныя карты іезуитовъ въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ и, убѣдившись изъ всего этого, а также изъ рассмотрѣнія китайскихъ картъ, что Хоро-Болгосунъ есть развалина древней Тукіевской и Уйгурской столицы, двинулись въ путь. Въ числѣ указанныхъ уже цѣлей экспедиціи Ядринцевъ поставилъ себѣ задачей прослѣдить движеніе китайской колонизаціи къ нашимъ границамъ по Орхону и сдѣлать наблюденіе надъ кочевымъ бытомъ монголовъ, сравнивъ ихъ прошлое по существующимъ описаніямъ съ настоящимъ. Результаты экспедиціи Ядринцева были блестящи; ихъ можно исчислить въ слѣдующемъ порядкѣ: нанесеніе новаго матеріала на карту верхняго теченія Орхона, подробная съемка между Учей-Норомъ, Джермантомъ и вершинами Орхона; съемка плановъ развалинъ городовъ; открытіе остатковъ трехъ дворцовъ по Толѣ и Орхону; далѣе помѣчены на картѣ, изучены и классифицированы по типамъ керексуры и могильники; осмотрѣны древности Эрдени-Цзо; открыты остатки древнихъ надписей въ Эрдени-Цзо и значительныя руническія надписи на могильникахъ по р. Орхону съ великолѣпными монументами изъ мрамора и гранита. Онъ вывезъ изъ путешествія до 15 тысячъ руническихъ знаковъ и два большихъ осколка отъ памятника, которые пожертвовалъ Эрмитажу.

Принимая во вниманіе незначительность средствъ экспедиціи (къ пожертвованнымъ деньгамъ Ядринцевъ могъ прибавить только

400 рублей своихъ денегъ), малочисленность ея (всего 5 человекъ), достигнутые результаты были громадны. Приходится удивляться энергіи Ядринцева и его спутниковъ во время работъ, описаніе которыхъ имъ сдѣлано въ «Запискахъ русскаго Географическаго общества»¹⁾. «Съемку валовъ и развалинъ,—говорить здѣсь путешественникъ,—приходилось дѣлать на глазъ на 5-ти верстномъ масштабѣ. Испещренные надписями камни часто нельзя было переворачивать, такъ какъ между ними были несомнѣнно вѣсившіе отъ 400 до 500 пудовъ. Мы дѣлали поэтому скорѣе рекогносцировку»,—скромно замѣчаетъ онъ.

Чрезвычайно любопытны выводы путешественника изъ наблюдений надъ бытомъ монголовъ, которые въ настоящее время въ виду извѣстныхъ событій въ Китаѣ должны быть приняты во вниманіе русскимъ обществомъ. «Монголія не можетъ болѣе угрожать ни Европѣ, ни намъ, нашествіемъ своихъ ордъ,—утверждаетъ Ядринцевъ,—монголь теперь рабъ Китая; подъ влияніемъ проникшаго въ Монголію изъ Тибета буддизма измѣнились нравственныя, духовныя и экономическія потребности монгола. На буддизмъ у монголовъ должно смотрѣть, какъ на культурный шагъ, послѣ котораго Монголія, испытавшей влияніе Тибета и Китая, предстоитъ еще вынести влияніе культуры европейской. Откуда же придетъ она? Естественно, нашему вниманію придется остановиться на русскіихъ центрахъ близъ границъ Монголіи. Такими центрами русской культуры должны явиться города, какъ Кяхта, гдѣ заключены трактаты съ Китаемъ, и русскія факторіи въ китайскіихъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Ургѣ. Къ сожалѣнію, не смотря на давнія сношенія и трактаты, заключенные въ прошломъ столѣтіи, наше культурное влияніе не было сильно въ сосѣдней Монголіи. Нѣтъ сомнѣнія, что русскія произведенія, при развитіи заводской и фабричной дѣятельности въ Сибири, найдутъ сбытъ въ Монголіи. Но если бы въ области экономической мы и не достигли сразу побѣды, у насъ найдется еще сила, о которой хочу сказать нѣсколько словъ. Это сила просвѣщенія и настоящей цивилизаціи, которая можетъ посоперничать съ ламаизмомъ и буддѣйскимъ влияніемъ. У насъ найдется и выгодный посредникъ и союзникъ для ознакомленія Монголіи съ русскою народностью и русскою культурою; это наше инородческое населеніе за Байкаломъ, которое уже поддается русскому влиянію... Русскіе ламаисты далеко не такъ фанатичны и безнадежны, и мы полагаемъ, что духъ христіанской терпимости, кротости и любви довершитъ побѣду... Мы убѣждены, что монгольскій міръ при помощи друзей просвѣщенія точно также ощутитъ ея влияніе, и это будетъ культурная стадія, которой завершится исторія дикой Монголіи».

¹⁾ 1890 г., вып. 3-й.

Результаты экспедиціи Ядринцева и его открытіе Каракорума произвели сенсацію въ ученѣмъ мірѣ. По иниціативѣ профессора Томсена и подъ руководствомъ профессора Гейкеля была снаряжена изъ Гельсингфорса экспедиція въ мѣста, посѣщенныя русскимъ путешественникомъ. Сюда же направилась экспедиція отъ академіи наукъ подъ руководствомъ академика В. Радлова и при участіи Николая Михайловича. Изъ предварительнаго отчета ¹⁾ этой орхонской экспедиціи мы узнаемъ, что Николаемъ Михайловичемъ снята масса плановъ памятниковъ и развалинъ, встрѣченныхъ имъ въ южномъ Хангаѣ, фотографированы памятники, развалины и виды монастырей; кромѣ того, имъ составленъ гербарій на склонахъ южнаго Хангая. Всѣ описанія посѣщенныхъ имъ мѣстностей и снимки развалинъ чрезвычайно цѣнны, такъ какъ все это дотолѣ неизвѣстный вкладъ въ европейскую науку. Въ изданномъ сборникѣ главное мѣсто занимаетъ письмо Ядринцева съ отчетомъ Радлова и обширный дневникъ за все время путешествія.

О своей первой Орхонской экспедиціи путешественникъ сдѣлалъ докладъ въ Парижскомъ географическомъ обществѣ, вызвавшій громадную сенсацію и шумныя оваціи по адресу референта.

По возвращеніи въ Россію, Ядринцевъ снова берется за журнальную дѣятельность и болѣе активно принимаетъ участіе въ веденіи «Восточнаго Обзорѣнія». Въ 1891 году онъ издаетъ упомянутую выше книгу: «Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе», куда включаетъ и свои наблюденія во время послѣднихъ путешествій, а также вновь обращается къ разработкѣ переселенческаго вопроса, который въ наши дни такъ часто волнуетъ прессу, встрѣчая себѣ горячихъ защитниковъ и упорныхъ враговъ, держащихся до сихъ поръ совершенно непонятнаго предубѣжденія покойнаго гр. Д. Толстого къ переселенческому дѣлу. Въ обширной статьѣ «Десятилѣтіе переселенческаго дѣла»²⁾, онъ полемизируетъ съ противниками свободной колонизаціи и на основаніи цифрового матеріала указываетъ, что ‰ переселяющихся вовсе не такъ великъ (40.000 на 90.000.000), чтобъ выселеніе могло повліять къ дурному на экономическую жизнь цѣлыхъ губерній Россіи. Тутъ же онъ развиваетъ въ общихъ чертахъ свою программу помощи переселенцамъ. «Вопросъ о помощи переселенцамъ при обзаведеніи ихъ хозяйствомъ на мѣстѣ поселенія составляетъ весьма важный вопросъ въ дѣлѣ колонизаціи. Важно не стѣснять свободу выбора переселенцами земли и обществъ, но надлежитъ подготовить все, чтобъ онъ скорѣе воспользовался удобными мѣ-

¹⁾ «Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи. Предварительный отчетъ». В. Радловъ. 1892.

²⁾ «Вѣстникъ Европы», 1891 г., № 8.

стами. Недоимка переселенцевъ обусловливается ненормальными условиями переселенія и есть результатъ того времени, которое употреблено на переселеніе... Правительство должно или сосредоточить всѣ переселенческія дѣла въ одномъ центральномъ учрежденіи, или даже создать переселенческое управленіе». «Кромѣ помощи по пути, необходимо облегчить пріисканіе удобныхъ мѣстъ и подготовленіе такихъ земель особымъ отмежеваніемъ, въ предупрежденіе споровъ и недоразумѣній со старожилами. Наконецъ, надо способствовать перечисленію и помочь скорѣйшему обзаведенію хозяйствомъ при помощи ссудъ и кредита». Въ тяжелые 1891—1892 годы, когда Россію, а съ нею вмѣстѣ и Сибирь, посѣтили грозные враги — голодъ и холера, уносившіе тысячи жертвъ, Ядринцевъ не могъ остаться равнодушнымъ къ горю земляковъ. Онъ ѣдетъ въ Сибирь, организуетъ въ Тобольской губерніи помощь голодающимъ и формируетъ медицинскіе и санитарные отряды¹⁾. По окончаніи дѣятельности здѣсь, онъ при содѣйствіи просвѣщенныхъ лицъ предпринялъ поѣздку на выставку въ Чикаго, гдѣ на мѣстѣ изучаетъ организацію американскаго переселенческаго дѣла.

Въ 1892 году исполнилось десять лѣтъ изданія «Восточнаго Обзорнія», и почитатели, друзья и читатели Николая Михайловича выразили ему привѣтствіе²⁾, «какъ дѣятельному редактору и неутомимому писателю-ислѣдователю, такъ много и долго трудившемуся на пользу обширнаго Сибирскаго края, составляющаго одну изъ драгоцѣннѣйшихъ частей нашего великаго и славнаго отечества». Кромѣ привѣтствія, Ядринцевъ получилъ подношенія: серебряную чернильницу и прессъ-папье въ видѣ камня, на которомъ набросаны листы «Восточнаго Обзорнія». Надпись на вещахъ гласила: «Дорогому редактору Николаю Михайловичу Ядринцеву отъ сочувствующихъ сибиряковъ».

Въ 1893 году и началѣ текущаго онъ снова проживалъ въ Петербургѣ, принималъ участіе въ журналахъ «Міръ Божій», «Русское Богатство», въ газетѣ «Сибирскій Листокъ», но главную работу имѣлъ въ «Русской Жизни», гдѣ помѣщалъ статьи по текущимъ сибирскимъ вопросамъ за подписью «Сибирякъ». На извѣстномъ юбилеѣ А. Скабичевскаго Ядринцевъ произнесъ небольшую рѣчь о современной сибирской печати и отъ ея имени принесъ юбиляру поздравленіе, при чемъ замѣтилъ, что говорить въ Петербургѣ въ послѣдній разъ, такъ какъ ѣдетъ въ Сибирь умирать. Недавно Николай Михайловичъ получилъ мѣсто въ Барнаулѣ въ качествѣ завѣ-

1) Этой своей поѣздкѣ на мѣста голодающихъ онъ посвятилъ статью «Экономическій кризисъ въ черноземной полосѣ южной Россіи», имѣющую появиться въ августовской книжкѣ «Русскаго Богатства».

2) «Русская Жизнь», 1892 г., № 153.

дующаго статистическимъ отдѣленіемъ при начальникѣ Алтайскаго округа. Тѣхаль неутомимый сибирякъ въ дальній Алтайскій округъ бодримъ и съ увлеченіемъ говорилъ А. Круглову¹⁾: «На новую работу ѣду... Вы не шутите со мной теперь: такой приливъ энергіи чувствую, какъ никогда...».

Не чувствовалъ тогда покойный публицистъ на дебаркадерѣ Николаевской желѣзной дороги, что тотъ Алтай, прощаясь съ которымъ болѣе 15 лѣтъ тому назадъ въ вопросительной формѣ: «Прощай, царь-Алтай! Увидимся ли еще когда нибудь?», послужить мѣстомъ упокоенія, надъ которымъ скорбитъ теперь вся сибирская интеллигенція, а съ ней вмѣстѣ и все русское образованное общество!

Въ половинѣ мая, выѣзжая изъ Тюмени, Ядринцевъ телеграммой увѣдомилъ редакцію «Сибирскаго Листка» о своемъ проѣздѣ черезъ Тобольскъ; сотрудники газеты встрѣтили его и провели съ нимъ часа два въ редакціи. Онъ обѣщалъ редакціи свое сотрудничество, хотя волна злого предчувствія охватила его во время бесѣды. «Врядъ ли я увижусь съ вами еще разъ; по всей вѣроятности, мнѣ ужъ не вернуться»,— пророчески замѣтилъ онъ на прощанье²⁾.

Предсказаніе его сбылось. Какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости»³⁾, Николай Михайловичъ пріѣхалъ бодримъ и здоровымъ. Не прошло и недѣли, какъ 7-го іюня, въ шестомъ часу вечера, Н. М. сообщилъ Я. Сулину, своему давнишнему знакомому, въ квартирѣ котораго остановился по пріѣздѣ, «что принялъ значительную дозу настойки опія и чувствуетъ себя нехорошо. Немедленно были приглашены врачи, приняты необходимыя мѣры, но все было напрасно: около 10 часовъ вечера Н. М. скончался, не приходя въ сознаніе почти все время»⁴⁾. Похороны были устроены барнаульскимъ обществомъ неутомимому сибирскому дѣятелю торжественныя. Студенты Петербургскаго и Томскаго университета, оказавшіяся по случаю вакацій въ родномъ городѣ, а также товарищи по статистическому бюро, несли все время бархатный гробъ съ прахомъ усопшаго; воспитанники Барнаульскаго горнаго училища несли свѣчи. Гробъ и катафалкъ были обложены массою вѣнковъ. Изъ редакцій возложили вѣнки — «Вѣстникъ Европы», «Русское Богатство», «Недѣля», «Русскія Вѣдомости», «Русская Жизнь», «Восточное Обзорѣніе», «Степной Край», «Сибирскій Вѣстникъ», «Сибирскій Листокъ». Изъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій прислали вѣнки: «Общество любителей естество-

¹⁾ «Новости», 1894 г., № 166.

²⁾ «Сибирскій Листокъ», 1894 года, № 46.

³⁾ «Русскія Вѣдомости», 1894 года, № 187.

⁴⁾ По свидѣтельству «Сибирскаго Листка» (№ 50) онъ скончался отъ паралича сердца.

знанія, антропологи и этнографіи въ Москвѣ», «Общества содѣйствія учащимся сибирякамъ въ Петербургѣ и Москвѣ», «Минусинскій музей», «Енисейскій общественный музей». Была возложена еще масса частныхъ и мѣстныхъ вѣнковъ, изъ которыхъ выдѣлился скромный вѣнокъ, но съ импонирующей надписью: «Народные учителя — учителю любви къ родинѣ». На могилѣ мѣстный общественный дѣятель В. Штильке сказалъ прочувствованное слово, гдѣ очертилъ покойнаго, какъ неутомимаго и мужественнаго труженика, оказавшаго великія услуги Сибири. Столичныя и провинціальныя газеты и журналы посвятили Николаю Михайловичу пространные некрологи и прочувствованныя замѣтки; все русское общество единодушно высказываетъ чувство глубокой скорби по поводу преждевременной утраты. Восточный отдѣлъ Географическаго общества устроилъ въ память усопшаго торжественное за сѣданіе въ зданіи музея, гдѣ гг. Первушинъ и Поповъ сдѣлали обстоятельные доклады о жизни и дѣятельности Николая Михайловича.

Если Ядринцевъ незадолго до смерти такъ обрисовалъ первые шаги своей общественной дѣятельности въ цитированномъ уже выше стихотвореніи «Родина»:

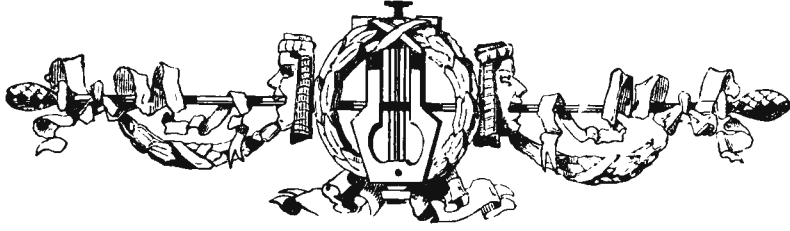
Едва на родину взглянулъ
Своимъ влюбленнымъ окомъ,
Какъ съ посохомъ назадъ пошелъ
Непризнаннымъ пророкомъ...

если таково было его положеніе на зарѣ юности, то закатъ его жизни былъ освѣщенъ мягкимъ и ровнымъ свѣтомъ общей любви, уваженія и признанія понесенныхъ трудовъ. Родная страна разверзла передъ великимъ патриотомъ свои нѣдра, не желая никому уступать драгоценнаго праха. Было бы жестокой несправедливостью судьбы видѣть могилу и памятникъ Ядринцева за предѣлами Сибири, ибо именно онъ имѣлъ право высказать свой смертный завѣтъ словами сибиряка-поэта — Омурлевскаго:

Желалъ бы я, чтобъ въ нѣдра дорогія
Мой прахъ ты приняла, родимая земля.
Лежать въ чужой землѣ, гдѣ люди все чужіе,
Гдѣ чуждыя кругомъ раскинуты поля,
И не могу.....

Б. Глиньскій.

СТАРЫЙ ВОДЕВИЛИСТЪ.

ВОДЕВИЛЬ есть вещь, а прочее все—гиль», изрек Репетилловъ, и мнѣніе это въ его время было распространенное, раздѣлявшееся всей большой публикой. Перейдя къ намъ съ Запада, какъ и всѣ литературныя формы, въ готовомъ выработанномъ видѣ, водевиль во Франціи имѣлъ свой историческій *raison d'être*: изъ зазорныхъ куплетцевъ съ политической окраской онъ мало-по-малу перешелъ въ особую драматическую разновидность, которая получилась изъ соединенія этихъ куплетовъ съ комедіей нравовъ. Куплеты современемъ утратили свой опасный характеръ и лишь иногда довольно безобидно задѣвали злыбы дня, а чаще приспособлялись къ общему содержанію водевиля, служа, впрочемъ, необходимою солью пьесы. Водевиль совсѣмъ забылъ высокое назначеніе стараго театра, претендовавшаго на педагогическую роль, стремившагося быть школою своихъ зрителей, — назначеніе, которое и до сихъ поръ возлагаютъ на него утилитаристы искусства. Первоначально вся цѣль водевиля заключалась въ томъ, чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ чловѣческія слабости, — именно слабости, а не пороки, — въ легкой и остроумной сценкѣ, не напирая и не отбѣняя, а заботясь исключительно о томъ, чтобы дѣйствіе шло увлекательно быстро и заразительно весело. Далѣе водевиль еще облегчилъ свою задачу и все вниманіе направилъ на то, чтобы только достигнуть желаемаго результата—смѣха публики, а способы достиженія сдѣлались всѣ дозволенными: дѣйствующія лица ставились въ самыя запутанныя положенія, каламбуры городились на каламбуры, остроуміе отзы-

валось скабрзностью, а здравому смыслу давалась чистая отставка. Но на французской сценѣ, гдѣ совершался этотъ процессъ, водевиль имѣлъ, всетаки, извѣстное право на существованіе, ибо онъ выросъ на этой почвѣ, былъ чисто народнымъ созданіемъ и, быть можетъ, лучше и рельефнѣе всего отражаетъ національный характеръ французовъ.

Появленіе водевиля на русской сценѣ не было вызвано какими либо органическими причинами. Онъ былъ привезенъ изъ-за моря наравнѣ съ другими иностранными продуктами, посаженъ на русскую почву и, не смотря на довольно примитивную прививку, далъ обильный плодъ, качества, конечно, соответственнаго культурѣ. Водевиль на нѣсколько десятковъ лѣтъ овладѣлъ безгранично русской сценой, и даже доднесъ успѣхъ его не парализованъ окончательно опереткой и фееріей. Зарожденіе русскаго водевиля относится къ самому началу нынѣшняго столѣтія, а нѣкоторые хотятъ даже видѣть его первообразъ въ «Мельникѣ» Аблесимова, появившемся въ 1782 году; но «Мельникъ» по своему складу, какъ опредѣлилъ и самъ авторъ, ближе къ комической оперѣ, на смѣну которой и явился водевиль. Послѣдній вытѣснилъ комическую оперу очень быстро, и побѣду его слѣдуетъ приписать тому внѣшнему реализму, какимъ онъ отличался отъ комической оперы, почерпавшей свое содержаніе преимущественно изъ міра фантастическаго, да и притомъ дѣйствовавшей не столько содержаніемъ, сколько пѣніемъ и обстановкой. Что легкомысленный водевиль оттѣснилъ напыщенную трагедію, это вполнѣ понятно. Публикѣ надобли классическіе злодѣи въ традиціонной позитурѣ, вращающіе зрачками, декламирующіе безконечные монологи на языкѣ, ничего общаго съ человѣческимъ не имѣющемъ, и гибнущіе въ борьбѣ съ скучной прописной добродѣтелью. Такимъ образомъ побѣда досталась водевилю легко, и, не смотря на свою сомнительную репутацію, онъ долго держалъ въ плѣну русскую сцену.

Трудно водевиль признать за литературное явленіе. Тѣмъ не менѣе нѣсколько драматурговъ попали въ исторію литературы именно за свои водевили. Съ перваго десятилѣтія по двадцатые годы нынѣшняго вѣка изъ массы бездарныхъ водевилистовъ выдѣлились князь А. А. Шаховской, Н. И. Хмѣльницкій и А. И. Писаревъ. На смѣну имъ въ тридцатые, сороковые и пятидесятые годы явились весьма плодovitые, но менѣе талантливые — П. А. Каратыгинъ, П. И. Григорьевъ, Ѳ. А. Кони и Д. Т. Ленскій.

Дмитрій Тимофеевичъ Ленскій родился въ 1805 году въ Москвѣ, въ зажиточной купеческой семьѣ; настоящая фамилія его Воробьевъ. Отецъ предназначалъ его для торговой дѣятельности и въ 1813 г. отдалъ въ практическую академію коммерческихъ наукъ, курсъ которой молодой Ленскій окончилъ въ 1819 году. Затѣмъ онъ поступилъ въ контору англичанина-негоціанта, но занятія тамъ были

ему не по сердцу. Тайкомъ отъ отца онъ дебютировалъ на сценѣ и 11-го апрѣля 1824 года принять въ казенную драматическую труппу на амплу водевильныхъ любовниковъ. Впослѣдствіи онъ исполнялъ и другія комическія роли, между прочимъ, игралъ Тартюфа и Хлестакова. Актеръ онъ былъ посредственный и извѣстность стяжалъ исключительно, какъ водевильный драматургъ. Но, по необъяснимой странности, Ленскій гораздо выше ставилъ свою дѣятельность на подмосткахъ и добивался славы именно на этомъ поприщѣ. Ленскій все время былъ на московской сценѣ; въ Москвѣ же онъ и умеръ 9-го декабря 1860 года.

Водевили Ленскаго почти исключительно переводы или переделки съ французскаго; этотъ языкъ онъ зналъ хорошо. Но то, что въ водевилѣ составляетъ главный интересъ — куплеты, большею частію принадлежитъ перу самого Ленскаго. Въ нихъ-то и отражались его веселое остроуміе и юмористическая склонность характера. Значеніе куплета, разумѣется, хорошо понималъ и самъ авторъ, и вотъ какъ онъ опредѣлилъ его роль на сценѣ:

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ.
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Пиши куплетъ, когда дуракъ изъ грязи
Кой-какъ ничкомъ, ползкомъ протерся въ знать
И вдругъ забылъ родства и дружбы связи
И никого теперь не хочетъ знать.

Пиши куплетъ, когда съ эспаньолеткой,
Въ усахъ, съ хохломъ, сидитъ въ театрѣ франтъ
И, съ важностью вертя своей лорнеткой,
Вретъ всякій вздоръ и вслухъ бранитъ талантъ.

Пиши куплетъ, когда старикъ влюбленный
Вступаетъ въ бракъ съ кокеткой молодой:
Она родитъ, а онъ, отецъ законный,
Ужъ думаетъ, что онъ отецъ родной.

Пиши куплетъ, когда лишь изъ расчета
Иной съ плеча строчить романъ начнетъ,
Коверкаетъ нещадно Вальтеръ-Скота,
И наконецъ выходитъ просто скотъ.

Пиши куплетъ, когда къ себѣ сосѣда
Столичный плутъ обѣдать позоветъ
И, между тѣмъ, его послѣ обѣда,
Какъ липочку, за банкомъ обдеретъ.

Пиши куплетъ, когда, желая лишку,
Въ свой бенефисъ расчетливый актеръ
Печатаетъ предлинную афишку
И публикѣ даетъ формальный вздоръ.

Какъ посмотрѣть на всѣ проказы свѣта,
Куда смѣшонъ покажется намъ свѣтъ!
Что шагъ, то мысль родится для куплета,
И льется самъ изъ-подъ пера куплетъ.

Водевили Ленскаго, какъ и собратьевъ его по перу, переносили на русскую сцену персонажей, созданныхъ исключительно французской жизнью, и какъ ни старались русскіе авторы обрусить ихъ, какъ ни прятали ихъ происхожденіе, заставляя щеголять въ русскихъ костюмахъ и выдавая имъ фальшивые паспорта съ русскимъ прозвищемъ, — все-же въ водевильныхъ сидѣльцахъ, швейкахъ и и московскихъ купцахъ проглядывали переряженные парижскіе комми, гризетки и рантье. Но, съ другой стороны, водевилямъ Ленскаго нельзя отказать въ сценичности, въ живости хода пьесы, которая способствовала тому, что веселое настроеніе зрителя поддерживалось до конца спектакля. А этого только и хочетъ водевиль, очень скромный въ своихъ требованіяхъ. Въ прежнее время ни одинъ бенефициантъ не рѣшился бы упустить того легкаго способа достигнуть успѣха, какой даетъ водевиль.

Все, что-бъ ни говорили
 Въ журналахъ тамъ и тутъ,
 А нынче водевили
 Спектаклямъ жизнь даютъ.
 Безъ водевильныхъ вздоровъ
 И бенефисъ нейдетъ:
 А бенефисъ—актеровъ
 Единственный доходъ!

(Водевиль Ленскаго «Мужъ и жена».)

Въ силу этого водевилями Ленскаго пользовались и такія сценическія силы, какъ Сосницкій, Каратыгинъ, Щепкинъ; и если знатоки-цѣнители драматическаго искусства судили о ихъ талантѣ по классическимъ пьесамъ, то большая публика неистовствовала именно на водевиляхъ, болѣе доступныхъ ея пониманію и болѣе подходящихъ къ ея первобытнымъ вкусамъ. Не судя строго, слѣдуетъ признать, что въ водевиляхъ Ленскаго, помимо сценичности, встрѣчаются и довольно жизненные комическіе типы, конечно, шаржированные, но пересоль не вредитъ водевилю; и возможно ли обрушиться за это на Ленскаго, когда и герои нашего величайшаго комическаго писателя впадаютъ въ явную карикатуру? Лучшій водевиль Ленскаго, который до сихъ поръ дается и на казенной сценѣ, — «Левъ Гурычъ Синичкинъ, или провинціальная дебютантка». Изъ другихъ водевилей, которыми и понынѣ питаются провинціальныя и клубныя театры, назовемъ: «Хороша и дурна, и глупа, и умна», «Простушка и воспитанная», «Сватъ невпопадъ», «Стряпцій подъ столомъ», «Харьковскій женихъ, или домъ на двѣ улицы», «Гамлетъ Сидоровичъ и Офелія Кузьминишна», «Барская спесь, или Аютины глазки», «Волчій ротъ, лисій хвостъ» и т. д. Всѣхъ водевилей написано Ленскимъ свыше семидесяти. Въ 1874 г. книгопродавецемъ М. О. Вольфомъ изданъ «Театръ Д. Т. Ленскаго» въ шести томахъ, куда вошли 54 пьесы.

Изъ куплетовъ Ленскаго интересны тѣ, которые касаются близкой ему сферы театра. Такъ, особенно удачны извѣстные куплеты въ «Львѣ Гурычѣ Синичкинѣ» о состояніи сценическаго искусства въ провинціи:

Нашъ театръ провинціальный
 Смѣхъ и горе, стыдъ и срамъ!
 Что за зданье, что за зало!
 Какъ въ ней зрители сядятъ!
 Масло постное и сало
 Все лицо вамъ закоптятъ.
 Декораціи, машины
 И костюмы—чудеса!
 А артисты, какъ мужчины,
 Такъ и женщины—краса!
 Тутъ къ вамъ явится любовникъ,
 И въ мундирѣ — о злодѣй! —
 По піесѣ онъ полковникъ,
 По пріемамъ—брадобрѣй.
 При усахъ, забывъ о шпорахъ,
 Онъ быть ловкимъ норовитъ
 И съ княгиней въ разговорахъ
 Каблуками все стучитъ...
 Закулисная княгиня,
 Нарумяняясь черезчуръ,
 Какъ ворона, ротъ разиня,
 Вдругъ отсутствіе вамъ банжуръ!
 А въ трагедіяхъ—потѣха!
 Это вонъ ужъ изъ границъ!
 Средства вѣтъ смотрѣть безъ смѣха
 На героевъ и царицъ.
 Нараспѣвъ стихи читаютъ
 И безмыслицу всегда,
 Руки кверху задираютъ
 То туда, а то сюда!..

Мы уже говорили, что въ литературномъ отношеніи водевили Ленскаго весьма слабы. Поэтому, понятно, дѣльная критика не могла относиться къ нимъ благосклонно; а это не всегда было по нутру нашему водевилисту, и онъ мстилъ своимъ врагамъ-рецензентамъ, сражаясь съ ними своимъ игривымъ оружіемъ—куплетами. Впрочемъ, месть его, по большей части, имѣла добродушный характеръ. Такъ въ только-что упомянутомъ водевилѣ онъ устами Синичкина сознается: «ужъ какъ его несчастнаго, съ позволенія сказать, во всѣхъ статьяхъ отдѣлываютъ», а отповѣдь своимъ непріятелямъ онъ далъ въ слѣдующемъ куплетѣ:

Онъ не для славы, говорятъ,
 А для товарищей трудится;
 Когда за дѣло побранятъ,
 Смѣшно бы Ленскому сердиться;

Когда же стаи пачкуновъ
По пустякамъ браниться стануть,
Онъ помнитъ, что сказалъ Крыловъ:
«Полаютъ, да отстадутъ!»

Но и тѣ же товарищи, которымъ произведенія Ленскаго обязаны какъ бы своимъ существованіемъ, порой пеняли легкомысленному автору на то, что водевили его слишкомъ скороспѣлые, почему, разумѣется, въ нихъ немало и недочетовъ. По этому поводу онъ отвѣчалъ П. А. Каратыгину: «Другъ мой, развѣ я чувствую въ себѣ литературное призваніе и дорожу своими бумажными чадами? Чортъ съ ними! Я самъ ихъ терпѣть не могу, а пишу чуть-чуть не изъ крайности: вѣдь я жалованья-то получаю всего три тысячи, а прожить необходимо долженъ втрое, такъ по неволѣ будешь промышлять куплетцами!» Тяжелое положеніе тогдашняго драматурга Ленскій изобразилъ въ слѣдующихъ комическихъ стихахъ:

Мы спокойствія не знаемъ,
Напролетъ ночей не спимъ,
Переводимъ, сочиняемъ,
Чтобы сборъ доставить имъ...
Хоть бы цѣны-то платили
Не такія намъ за трудъ,
А то наши водевили
Чуть лишь даромъ не берутъ.
Посудите, ради Бога:
Не хотятъ, чтобъ вышла гиль,
А заплатятъ много-много
Сто рублей за водевилъ!
Сверхъ того, еще артисты
Роли выучать кой-какъ,
И вдобавокъ журналисты
Скажутъ автору: дуракъ!
А когда придешь на пробу,
Восхищайся иль молчи,
И ужь дамскую особу
Ни въ словечкѣ не учи;
Если-жъ скажешь замѣчанье,
Раскапризятся какъ разъ...
Вотъ вамъ наше состоянье,
Вотъ что авторы у насъ.

Относясь слишкомъ скромно къ своимъ драматическимъ произведеніямъ и даже отрицая въ себѣ какой либо талантъ, Ленскій былъ въ сущности неправъ. Правда, только немногіе водевили его могутъ считаться литературными, притомъ же всѣ они либо передѣлки либо переводы, но зато несомнѣнно, что Ленскій обладалъ поэтическимъ даромъ, который не могъ развиваться, однако, ибо нашъ водевилистъ почти не эксплуатировалъ его и направилъ свою дѣятельность совершенно въ иную сферу. Ленскій былъ поэтъ не-

посредственный, стихи у него были постоянно на устахъ, и рѣимы слагались легко и свободно. Но импровизація его была только приправой застольной дружеской бесѣды и исчезала безслѣдно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ проходитъ хмель участниковъ попойки. Эта легкомысленная поэзія не искала себѣ цѣлей возвышеннѣй, не заботилась о своей долговѣчности и блистала мгновенными вспышками, являясь плодомъ фантазіи, будирующей подъ вліяніемъ винныхъ паровъ. Ленскій откровенно сознавался въ своей слабости, шампанское было его любимымъ напиткомъ, и остроуміе его искрилось такъ же, какъ шипучее ай. Но и помимо этого источника вдохновенія, и въ обыкновенной повседневной жизни онъ сыпалъ, какъ изъ рога изобилія, шутками, каламбурами и экспромптами, притомъ нерѣдко весьма кусательнаго свойства. Нѣтъ ни одного театральнаго лѣтописца его времени, который бы въ своихъ воспоминаніяхъ не упомянулъ объ этой сторонѣ нашего водевилиста и не привелъ бы нѣсколько образчиковъ подобнаго скороспѣлаго творчества. Кажется, ни объ одномъ актерѣ нѣтъ такой массы анекдотовъ, какъ о Ленскомъ, и всѣ они свидѣлствуютъ о его неистощимой и тонкой веселости. О томъ, какъ Ленскій свободно владѣлъ стихомъ, наглядно говорятъ его многочисленныя письма и записочки къ разнымъ лицамъ, собранныя въ XXIX томѣ «Русской Старины» (1880 г.). Въ нихъ онъ нисколько не насилуетъ себя различными условностями поэтическаго слога; въ самомъ непринужденномъ эпистолярномъ стихѣ онъ излагаетъ мелочи своего житія-бытія, и рѣима за рѣимой льются естественно и звучно, рѣзво и весело, какъ будто это обыденный способъ рѣчи у автора писемъ. При такой способности къ версификаторству Ленскій легко могъ сдѣлаться недюжиннымъ поэтомъ, еслибъ онъ получилъ необходимое направленіе и болѣе прилежалъ къ литературѣ, а не стремился къ славѣ актера, которой онъ добивался вопреки своимъ природнымъ дарованіямъ и которой ему такъ и не удалось достигнуть. Что эта фраза не голословна, свидѣлствуютъ также и его удачныя переводы изъ Беранже, съ талантомъ котораго у Ленскаго было нѣкоторое сродство. Вотъ, на примѣръ, стихотвореніе «Мой старый фракъ» — едва ли не лучший переводъ знаменитыхъ куплетовъ французскаго поэта:

Будь вѣренъ мнѣ, пріятель мой короткій,
 Мой старый фракъ,—другого не сошью!
 Ужъ десять лѣтъ то вѣничкомъ, то щеткой
 Я каждый день счищаю пыль твою.
 Пускай судьба смѣется надъ тобою,
 Твое сукно съѣдая день отъ дня,—
 Будь твердъ, какъ я, не падай предъ судьбою!
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Я помню день утѣхъ и восхищенья,
 Какъ въ первый разъ тебя я обновилъ:
 День этотъ былъ—день моего рожденья,
 И хоръ друзей здоровье наше пилъ.
 Ты весь истертъ, но, не смотря на это,
 Друзья у насъ—все прежніе друзья:
 Ихъ не стыдитъ истертый фракъ поэта...
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Твой края постерлися немного;
 Смотря на нихъ, люблю я вспоминать,
 Какъ вечеромъ однажды у порога
 Она меня хотѣла удержать.
 Невѣрная тѣмъ гнѣвъ мой усмирjala,
 И я гостилъ у ней еще два дня:
 Она тебя заштопала, зашила.
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Мой другъ, тебя духами я не прыскалъ,
 Въ тебѣ глупца и плута не казаль,
 По лѣстницамъ сіятельныхъ не рыскалъ,
 Передъ звѣздой спины не изгибаль.
 Пускай иной хлопочетъ для отлички
 Взять орденокъ,—за нимъ не лѣзу я:
 Два-три цвѣтка блестятъ въ твоей петличкѣ...
 Мой старый другъ, не покидай меня!

Хоть мы съ тобой и много пострадали,—
 Съ кѣмъ не знакомъ судьбы переворотъ?
 У всѣхъ свои есть радости, печали:
 То вдругъ гроза, то солнышко взойдетъ...
 Но можетъ быть, что скоро въ ящикъ гроба
 Съ моей души одежду сброшу я...
 Такъ подожди: мы въ землю ляжемъ оба;
 Мой старый другъ, не покидай меня.

Такъ же удачно переведены Ленскимъ «Нищая», «Гадальщица», «Ты и вы» и др. куплеты Беранже. Они, пожалуй, не такъ близки по точности перевода къ подлиннику, какъ переводы другихъ нашихъ поэтовъ, но зато несомнѣнно ближе къ музѣ французскаго поэта по духу, по передачѣ внутреннихъ оттѣнковъ, неуловимыхъ и пропадающихъ при подстрочномъ переводѣ.

По письмамъ Ленскаго можно прослѣдить его дружескія связи. Онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ лучшими представителями тогдашней сцены: П. С. Мочаловымъ, В. Н. Асенковой, П. А. Каратыгинымъ, М. С. Щепкинымъ... Но особенно тѣсно дружбой былъ онъ связанъ съ И. И. Сосницкимъ, и дружба эта была самая прочная, не смотря на то, что Сосницкій жилъ въ Петербургѣ, а Ленскій въ Москвѣ. Знакомство ихъ возникло въ 1827 г., когда, повидимому, Сосницкій пріѣзжалъ гастролировать въ бѣлокаменную столицу, и вскорѣ обратилось въ горячее и не-

измѣнное чувство, которымъ согрѣвались сердца обоихъ друзей вплоть до могилы. Сосницкій въ этихъ отношеніяхъ занялъ доминирующую, почти отеческую роль. Ленскій всецѣло находился подъ его вліяніемъ, позволялъ себя журить и относился къ своему другу съ восторженнымъ обожаніемъ, почти что унижался передъ нимъ. Въ письмахъ онъ постоянно называетъ его ласковымъ, ненагляднымъ, благодѣтелемъ, «мой добрый другъ, отецъ, братъ и все, мой милый, высокій образецъ чувства и искусства»... Ленскій аккуратно сообщаетъ своему петербургскому пріятелю московскія новости, кается въ своемъ недобрительномъ поведеніи, горячо исповѣдывается въ своихъ дружескихъ чувствахъ, сообщаетъ семейныя событія и, наконецъ, исполняетъ различныя порученія Сосницкаго, преимущественно гастрономическаго свойства: посылаетъ ему какой-то особенный ляксинъ, спаржу, редиску, огурчики, маслины, баранки, «заказанныя лично у одного изъ лучшихъ пекарей», и т. д. Подписывается онъ подъ этими письмами иногда «Митюхой» или «Димитрій, пьяный мужъ» и т. п. Восторженное отношеніе къ Сосницкому Ленскій выразилъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ немного шуточныхъ стихахъ:

Сосницкаго знаютъ въ обѣихъ столицахъ,
И знаютъ въ Россіи друзья и враги;
Сосницкій талантъ, добросовѣстность въ лицахъ,
Сосницкій есть грація въ видѣ брызги.
Радшіе, умъ, и талантъ, и брызгливость
Съ душою прекрасной въ немъ брызжутъ струей.
Къ нему невниманіе—несправедливость,
Вниманіе—хуже: какъ вскрикнетъ—ой, ой!

Съ П. А. Каратыгинымъ Ленскій находился также въ пріятельскихъ отношеніяхъ и называлъ его Петей Каратыжкой. Послѣдній былъ ему близокъ и какъ собратъ-водевильистъ, почему при его помощи Ленскій и устраивалъ свои водевили на петербургской сценѣ. Изъ писемъ Ленскаго къ Каратыгину, между прочимъ, узнаемъ, что тогдашняя цензурная расправа нашла возможнымъ узрѣть «посягательства» даже въ невинномъ «Синичкинѣ» нашего автора. Пришлось исключить какой-то «монологъ о панталонахъ» и замѣнить прозваніе одного изъ дѣйствующихъ лицъ Федора Алексѣевича Лошадки (явный намекъ на Ф. А. Кони) на драматурга Борзикова. Дружба съ Каратыгинымъ не была такою слѣпою, какъ дружба съ Сосницкимъ, и Ленскій подчасъ позволялъ себѣ шутить, на примѣръ, надъ чрезвычайною расчетливостью П. А.

Иной характеръ носили отношенія Ленскаго къ М. С. Щепкину. Онъ уважалъ въ немъ талантливаго артиста, но не терпѣлъ его, какъ человѣка, и, повидимому, великій комикъ отнюдь не стоялъ на такомъ высокомъ нравственномъ уровнѣ, какъ это стараются доказать его біографы панегиристы. Ленскій, благодаря сво-

ему открытому, несдержанному характеру, не упускалъ удобнаго случая пошутить надъ Щепкинымъ или уязвить его, и притомъ не изъ-за угла, а прямо въ лицо, не стѣсняясь ни временемъ, ни обстановкой. Современники рассказываютъ, напримѣръ, такой случай. При погребеніи П. С. Мочалова многіе искренно плакали, сожалѣя о кончинѣ талантливаго артиста. Но Щепкинъ не удовольствовался простымъ выраженіемъ печали и разыгралъ цѣлую эффектную сцену, возложивъ лавровый вѣнокъ на покойника передъ тѣмъ моментомъ, какъ заколачивать гробъ. Затѣмъ, разумѣется, о даровитомъ трагикѣ скоро всѣ забыли, и могила его находилась въ непростительномъ запустѣніи, подобно могиламъ всѣхъ великихъ русскихъ людей. Черезъ десять лѣтъ, въ 1855 году, справлялся юбилей Щепкина, а тутъ-то Ленскій отъ лица Мочалова въ прочувствованномъ стихотвореніи напомнилъ юбиляру о его роли при погребеніи его товарища по сценѣ, изобразилъ настоящей печальный видъ могилы послѣдняго и въ заключеніе обратился къ присутствовавшимъ съ предложеніемъ воздвигнуть Мочалову памятникъ по подпискѣ. Не говоря о томъ, что юбилей былъ омраченъ напоминаніемъ о покойникѣ, а юбиляръ получилъ при этомъ прямой упрекъ, едва ли было пріятно Щепкину слышать на своемъ юбилей панегирикъ другому таланту. Еще менѣе церемонно обошелся Ленскій съ Щепкинымъ, когда тотъ обнаружилъ замѣчательную безтактность, въ день своего бенефиса, который совпалъ съ днемъ взятія Севастополя. Щепкинъ выбралъ ультра-патріотическую пьесу П. И. Григорьева «За вѣру, царя и отечество», претящую всякому здравомыслящему человѣку своимъ нестерпимымъ шовинизмомъ, изліяніями самаго низкаго качества и дикой бессмыслицей содержанія. Мало того въ антрактѣ Щепкинъ произнесъ Пушкинское стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи». Спектакль, разумѣется произвелъ удручающее впечатлѣніе. Горячій Ленскій, по словамъ Каратыгина, былъ просто въ бѣшенствѣ и обрушился на Щепкина слѣдующимъ стихотвореніемъ:

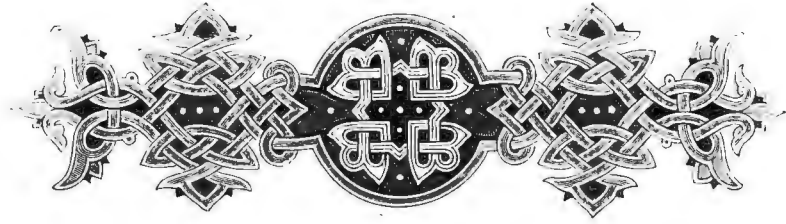
Сценическій талантъ въ комическихъ роляхъ
 Не есть еще всегда за здравый смыслъ порука,
 И комику нужны искусство и наука...
 Не то случается и въ опытныхъ лѣтахъ
 Невѣжество его, какъ бѣлмы на глазахъ.
 Сегодняшній спектакль доказываетъ это:
 Что возвѣстила намъ вчерашняя газета?
 И нынче и вчера о чемъ всѣ говорятъ?
 «Шесть было приступовъ—и Севастополь взятъ!»
 А нынче и вчера что намъ даютъ въ спектаклѣ?
 Со сцены что кричатъ? Что всѣхъ мы бьемъ! Не такъ ли?
 «За вѣру, за царя, отечество» даютъ,
 Стряпню Григорьева изъ кашеварныхъ блюдь...
 И съ этой грубою и пошлою стряпнею
 Мѣшаютъ, наконецъ... Ну, Щепкинъ, Богъ съ тобою!

Сердись иль не сердись, но ты, братъ, старый шутъ,
 И просто мѣдный лобъ проглядываетъ тутъ!
 Какъ смѣть тревожить прахъ великаго поэта
 И не ко времени стихи его читать?
 Какъ смѣть народа честь на посмѣянье свѣта
 Со сцены вслухъ, при всѣхъ, публично выставять?
 Вѣдь тутъ, почтенный мой, не въ Фамусова роли:
 Тотъ съ дуру москвичей хвалой своей клеймилъ;
 Но ты, какъ патріотъ, въ минуту тяжелой доли,
 Какъ русскій человѣкъ, на сцену выходилъ!
 Когда бы ты прочелъ стишонки кой-какіе,
 На нихъ не обратить вниманія никто,
 Хоть вирши, напримѣръ, Григорьева, а то...
 А то—вѣдь Пушкина стихи: «Клеветникамъ Россіи»—
 Побѣдные стихи ты прочиталъ! Вотъ что!
 Какъ могъ ты не расчестъ, какъ могъ не догадаться,
 Что если ужъ Господь рѣшилъ насъ испытать,
 Такъ мы должны терпѣть, мужаться—и молчать!
 Съ разбитымъ рыломъ намъ неловко величаться
 И побѣдителей безстыдно унижать!

Таковъ былъ Ленскій. Веселый, беззаботный, чуткій ко всему хорошему и дурному и не умѣющій скрывать своихъ чувствъ, онъ является однимъ изъ типичныхъ представителей нашей сцены въ ея лучшія времена. Не обиженный природой въ способностяхъ, но почти зарывшій свой талантъ въ землю, онъ, тѣмъ не менѣе, заслужилъ добрую память, и ни одинъ изъ его современниковъ не обмолвился о немъ словомъ осужденія. Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку,—онъ остался до конца дней своихъ со всѣми своими слабостями и симпатичными чертами, врагомъ всякой фальши, лжи и лицемерія, далекій отъ закулисныхъ интригъ и, какъ птица небесная, не пекущійся о завтрашнемъ днѣ. Лучшей характеристикой его, какъ говоритъ Каратыгинъ, могутъ послужить слова Гамлета объ Іорикѣ: «Онъ былъ весельчакъ и умница»...

Мих. Мазаевъ.

ЛЕБЕДЯНСКІЙ ВОЕВОДА А. А. ТУРГЕНЕВЪ.

(1701—1703 гг.).

ВУДНИЧНАЯ, текущая жизнь русской провинціи въ эпоху реформъ Петра Великаго очень мало извѣстна намъ. Событія въ жизни провинціи, группирующіяся около личности Петра или находящіяся въ непосредственной связи съ его преобразованиями, изучены болѣе или менѣе обстоятельно. Но какъ жила эта провинція въ своемъ домашнемъ обиходѣ, т.-е. какова была та почва, на которой и надъ которою производилъ свои реформаторскіе опыты могучій духъ великаго преобразователя, этого мы почти не знаемъ. А между тѣмъ историческія данныя по этому неспражданному вопросу есть и даже въ изобилии, и ждутъ своихъ изслѣдователей...

Въ области этого предмета весьма существеннымъ является вопросъ: каковы были второстепенные и третьестепенные сотрудники Петра, непосредственные проводники его преобразованийъ въ жизни провинціи, тѣ безвѣстные провинціальныя служилые люди, имена коихъ такъ рѣдко попадаютъ на страницы исторіи, но которые играютъ въ жизни общества болѣе существенную роль, чѣмъ стоящіе вверху, у источника власти... Одинъ эпизодъ изъ жизни служилыхъ людей начала XVIII вѣка представленъ былъ мною на страницахъ «Историческаго Вѣстника»¹⁾. Той же бытовое исторіи изъ той же эпохи касается и предлагаемый очеркъ.

¹⁾ См. «Смутное время въ г. Ольшанскѣ» въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1890 г., № 8.

Тема очерка—не новая, но очень, очень старинная, проходящая чрезъ всю русскую исторію, начиная со временъ блаженной памяти Гостомысла и до... конца ея не видно!.. Но эта изстаринная тема о злоупотребленіяхъ воеводской власти приобрѣтаетъ исключительный интересъ, такъ какъ тема развивается на фонѣ Петровскихъ реформъ и говоритъ объ одномъ изъ маленькихъ, безвѣстныхъ сотрудниковъ великаго Петра. Самъ же по себѣ Лебедянскій воевода, стольникъ Акинѣй Андреевичъ Тургеневъ, интересенъ развѣ только тѣмъ, что имѣетъ честь состоять въ числѣ предковъ нашего знаменитаго писателя Ивана Сергѣевича Тургенева ¹⁾...

Предлагаемый очеркъ не касается всей жизни Акинѣя Тургенева, а говоритъ собственно объ одномъ эпизодѣ изъ его жизни—о подачѣ на него въ 1702 году «челобитной» служилыми людьми города Лебедяни: Максимомъ Миляевымъ, Юрьемъ Несторовымъ, Самсономъ Любогощинскимъ и Карпомъ Козьминимъ ²⁾.

Обширная челобитная говоритъ не только о тѣхъ обидахъ, какія нанесъ Тургеневъ этимъ четыремъ челобитчикамъ, но рисуетъ «воеводское наглое разоренье», понесенное всѣмъ вообще городомъ и уѣздомъ. Этотъ главный мотивъ челобитной—защита не однихъ личныхъ интересовъ, но интересовъ «всего города»—выставляетъ челобитчиковъ людьми, заслуживающими полной вѣры...

Личность Тургенева обрисовывается челобитчиками въ такихъ яркихъ и выпуклыхъ чертахъ, что тутъ не можетъ быть двухъ взглядовъ: это былъ отъявленный грабитель, созидавшій свое благосостояніе путемъ самаго возмутительнаго вымогательства и открытаго грабежа. Самъ владѣвшій значительнымъ состояніемъ (онъ имѣлъ нѣсколько помѣстій и вотчинъ), Тургеневъ грабилъ подчиненныхъ ему «людишекъ» съ большимъ аппетитомъ... Путемъ грабежа онъ собиралъ и отсылалъ въ свои вотчины табуны лошадей въ 700 головъ и стада овецъ, свиней и проч. въ 900 и болѣе головъ... Денежныя вымогательства его выражаются часто сотнями рублей, а не нужно забывать, что сотни того времени равняются нашимъ тысячамъ... Всѣ эти табуны, тысячи рублей и пр., и пр., дававшіе ему возможность развѣзжать въ «коретахъ», «рыдванахъ», «коляскахъ», сладко пить и ѣсть, вымогались путемъ «кнутовой устратки» и просто кулачнаго боя. Человѣкъ онъ былъ на столько жестокой, что, по словамъ челобитчиковъ, вслѣдствіе всѣхъ воеводскихъ «напрасныхъ нападокъ и обидъ и налогъ лебедянцы съ грусти собою осиломъ (т.-е. невольно) давились, а иные многіе съ города разбѣжались, покиня двory свои и помѣстныя земли и всякіе пожитки»... Фактъ возмутительный и рѣдкій въ

¹⁾ См. «Родословный Сборникъ» Руммеля и Голубцова, II, 542.

²⁾ См. въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи «Дѣла Разрядныя», кн. № 3, дѣло № 81, за августъ 1702 г.

лѣтописяхъ долготерпѣливой Руси!.. Недаромъ челобитчики восклицаютъ: «и такового, государь, у насъ на Лебедяни нападного и лихоимца-воеводы не бывало!».. Но не только на Лебедяни, а вообще на Руси XVII вѣка мало было такихъ воеводъ, отъ пригнѣненія которыхъ люди «давились» бы...

Между тѣмъ этотъ невозможный воевода, смѣло грабившій и бившій лебедянцевъ, «видя ихъ сиротство и беззащитство», въ личныхъ сношеніяхъ былъ человѣкомъ до крайности гордымъ (чѣмъ?!...) и для населенія недоступнымъ. Челобитчики рассказываютъ, что когда лебедянцы приходятъ на «государевъ дворъ» бить челомъ воеводѣ о своихъ «нуждахъ», то Тургеневъ «гордостію своею на очи къ себѣ пускать (челобитчиковъ) людямъ своимъ не велитъ, а люди его стоятъ на крыльцѣ» и берутъ «посулы» съ государевыхъ людишекъ деньгами, скотомъ и проч.

Любопытно слѣдующее замѣчаніе челобитчиковъ, типичное особенно потому, что оно обращено къ лицу Петра Великаго, могучаго и деспотическаго характера котораго не могъ не знать Тургеневъ: воевода, — говорятъ лебедянцы, — «твоимъ государевымъ указамъ и грамотамъ чинитца противенъ и ни во что ставитъ, а дѣлаетъ все посвоему»...

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ Акиной Тургеневъ. Перехожу къ детальному изображенію его «доблестей», по даннымъ челобитной Максима Миляева съ товарищи.

Челобитчики сначала перечисляютъ ихъ личныя обиды отъ Тургенева. Миляевъ жалуется, что въ 1701 г. воевода держалъ его «съ полгода» въ приказной избѣ, сажая «на цѣпь и въ желѣза», «невѣдомо за что» и «безъ розыску»... Но цѣль этого полугодоваго ареста ни въ чемъ неповиннаго человѣка была ясна: понравился воеводѣ гнѣдой конь Миляева, видно, въ самомъ дѣлѣ хорошій, если онъ стоилъ большой суммы по тому времени — около 20 рублей. Воевода резонно рассудилъ, что не подобаетъ какому-то Миляеву развѣзжать на такомъ добромъ конѣ, на которомъ впору только Тургеневу сидѣть... Полгода крѣпился Миляевъ, отстаивая своего любимаго коня, но наконецъ не выдержалъ и отдалъ воеводѣ. Тотъ, какъ опытный дѣлецъ, не ограничился полученіемъ коня, но «вымучилъ» у Миляева «купчую, будто я тое лошадь ему, Акинойю, продалъ на деньги». Мало того: онъ «вымучилъ» у Миляева 1 рубль и отдалъ «приставамъ», очевидно, въ качествѣ коммисіонныхъ денегъ за полугодовые переговоры съ хозяиномъ гнѣдого коня...

Все лѣто продержалъ воевода Миляева «за карауломъ», для своихъ прихотей, и отъ того его задержанія я разорился въ конецъ, безъ остатку», такъ какъ это была «дѣловая пора» для его хозяйства, остававшагося безъ надзора.

Къ другому челобитчику, Юрью Нестерову, Тургеневъ былъ милостивѣе: держалъ его «въ тюрьмѣ» скованнымъ только 8 сутокъ,

да и предметъ вымогательства былъ скромнѣе: воевода «вымучилъ» всего 5 рублей да корову. Чтобы скорѣе покончить съ этой мелкой операціей, воевода прибѣгъ къ «кнутовой устраскѣ»: «снималъ съ меня рубаху и хотѣлъ меня бить кнутомъ безвинно, невѣдомо за что, для своихъ прихотей..., а я бѣдной ни отъ кого ни въ какомъ дѣлѣ и въ обидахъ челобитья ничьего не вѣдаю»... Воеводскій комиссіонеръ—его «человѣкъ» Елистратъ, котораго Тургеневъ «ко мнѣ, къ тюрьмѣ, подсылывалъ по многое время», «взялъ» у Нестерова свою долю—цѣлую свинью.

Слѣдуетъ отмѣтить выраженіе, что Елистратъ ходилъ не въ тюрьму, а «къ тюрьмѣ». Это значитъ, что переговоры шли открыто на весь бѣлый свѣтъ, вполне откровенно, подомашнему... Нестеровъ подходилъ къ окну тюрьмы и бесѣдовалъ съ стоявшимъ на улицѣ Елистратомъ... Переговоры слышали и, вѣроятно, принимали въ нихъ участіе и колодники, и пристава, сторожа, и просто всѣ прохожіе... Вопросъ о коровѣ, «вымучиваемой» воеводою у «тюремнаго сидѣльца», при посредствѣ Елистрата, алчущаго съ своей стороны «вымучить» свинью, становился всеобщою городскою новостью, событіемъ дня.

Третій челобитчикъ—Самсонъ Любогощинской—разсказываетъ о притѣсненіи Тургенева довольно неопредѣленно. Онъ говоритъ, что воевода «захватя, держалъ (меня) въ тюрьмѣ многое время и билъ меня вмѣсто кнута, нагово, батошьемъ, и человѣка своего Савелья ко мнѣ подсылалъ въ тюрьму и просилъ ему, воеводѣ, многихъ взятковъ, да себѣ (т. е. Савелью) ведро вина, и разорилъ меня въ конецъ, безъ остатку»... Однако, челобитчикъ не говоритъ, чего именно требовалъ отъ него воевода, и удовлетворилъ ли онъ его вымогательство... Но, судя по заключенію жалобы, что воевода «разорилъ» челобитчика, Тургеневъ и съ Любогощинскаго содралъ «многія взятки»...

Далѣе всѣ три челобитчика жалуются на общее всѣмъ имъ притѣсненіе Тургенева. Опасаясь, что они будутъ жаловаться государю на учиненные имъ «налоги и обиды и взятки», онъ задумалъ отдѣлаться отъ нихъ—удалить ихъ изъ Лебедяни подальше. Челобитчики были освобождены отъ службы, такъ какъ вмѣсто нихъ служили дѣти ихъ, посланные на службу въ Таганрогъ, а сами они, «перемѣнщики», платили за то въ казну «рублевые деньги». Но воевода, кромѣ этихъ денегъ, «ималъ съ насъ себѣ, невѣдомо за что, по полтинѣ съ человѣка, со всего города перемѣнщиковъ и, сверхъ того, многія (другія) взятки».

Но этого мало: Миляева, Нестерова и Любогощинскаго, также бывшихъ въ числѣ «перемѣнщиковъ», онъ отправилъ въ Азовъ въ качествѣ «проводятыхъ» у трехъ «больныхъ» ратныхъ людей, отправленныхъ воеводою, не смотря на ихъ болѣзнь, въ полкъ подъ Азовъ. На дорогу Тургеневъ избилъ челобитчиковъ въ «видѣ напутствія:

«били насъ батошьемъ, снемъ рубаху, вмѣсто кнута»... По приказу воеводы одинъ изъ подьячихъ и пристава проводили Миляева съ товарищи за городъ и здѣсь еще разъ «били насъ вмѣсто кнута, снемъ рубахи, батошьемъ», а въ заключеніе учинили наглое издѣвательство надъ избитыми, слѣдуя приказу Тургенева: подьячій взялъ съ избитыхъ по гривнѣ съ человѣка, а пристава по 6 денегъ съ человѣка, и именно «за то, что они насъ били!»...

Досталось отъ воеводы и «больнымъ», отправленнымъ въ Азовъ: онъ отнял у нихъ ихъ 2 лошадей и 2 рубля денегъ. «И тѣ больные 3 человѣка остались на степи, для того, что у нихъ онъ, воевода, лошадей побралъ, а выслалъ ихъ больныхъ»...

Челобитчики здѣсь не договариваютъ до конца, но правда, кажется, въ томъ, что они бросили больныхъ и въ Азовъ не поѣхали, а, вѣроятно, тотчасъ же отправились въ Москву и здѣсь подали челобитную на Тургенева... Добрались больные до Азова, или вернулись въ Лебедянъ, или же навѣки «остались на степи», — неизвѣстно...

Четвертый челобитчикъ, Карпъ Козьминъ, рассказываетъ, что и его «мучилъ» Тургеневъ изъ-за лошадей, къ которымъ у воеводы очевидно была большая слабость. Въ 1701 г. онъ схватилъ Карпа его брата Якова и трехъ работниковъ и «многое время» держалъ ихъ скованными въ приказной избѣ и въ тюрьмѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, будто Карпъ «сбѣжалъ съ перекопной работы отъ Ивана-озера»... Между тѣмъ, настоящій предлогъ былъ другой: Тургеневъ послалъ приставовъ и человѣка своего на дворъ Карпа и велѣлъ забрать у него лошадей. Жена Карпа не дала ихъ и за то была схвачена и скованною посажена въ приказную избу, гдѣ сидѣла «многое время». Чѣмъ кончилось дѣло, Козьминъ не говорить, но вѣроятно — неудачею для Тургенева, т.-е. Козьмины терпѣливо отсидѣлись и коней своихъ отстояли. Въ противномъ случаѣ Козьминъ не преминулъ бы указать количество отнятыхъ у него лошадей.

Очевидно, Козьминъ былъ не изъ маленькихъ людей въ своемъ городѣ, и воевода побоялся поступить съ нимъ рѣшительно. Дѣйствительно, Козьминъ рассказываетъ далѣе, что въ 1702 г., «по государеву указу и по приказу» кн. Матвѣя Петровича Гагарина, ему поручено было немаленькое дѣло: розыскивать «нѣтчиковъ» на Лебедяни и въ Лебедянскомъ и Данковскомъ уѣздахъ и высылать ихъ на службу — «на перекопную работу къ Ивану-озеру». Воевода зналъ объ этомъ служебномъ порученіи Козьмина, а между тѣмъ, чтобы насолить ему, «посылалъ по меня многихъ посыльщиковъ и велѣлъ искать меня въ домѣ и въ Лебедянскомъ уѣздѣ, невѣдомо для чего, и тѣмъ онъ меня разорилъ: ... Кромѣ нравственнаго ущерба (воевода ищетъ по уѣзду, словно какого-то нѣтчика, того самаго человѣка, которому поручено собирать нѣтчиковъ!),

Козминъ разумѣеть здѣсь и матеріальный: «посыльщиковъ» воеводскихъ волею-неволею приходилось всячески убогаторять...

Далѣе челобитчики переходятъ къ тѣмъ «налогамъ», кои терпитъ отъ Тургенева весь вообще городъ съ уѣздомъ: «да и инымъ многимъ всего Лебедяни города градскимъ и уѣзднымъ всякихъ чиновъ жителямъ многіе напрасные нападки и обиды и разоренья онъ, воевода, чинить для своихъ прихотей и бьетъ и мучитъ напрасно и отъемомъ отымаеть»... Идетъ возмутительный перечень «подвиговъ» Тургенева...

Всѣхъ градскихъ и уѣздныхъ жителей онъ обложилъ налогомъ въ свою пользу—по 6 денегъ съ человѣка. Этотъ сборъ онъ «ималъ по многія времена», для чего собиралъ людей «въ городъ» (т.-е. острогъ) и здѣсь, «заперши (ворота) засовомъ, держалъ на стужѣ и знобилъ морозомъ», пока подмораживаемые людишки не уплатятъ сбора... и они платили: «и взявши, изъ города выпускалъ»...

По государеву указу были собраны лебедянцы съ подводами и отправлены «подъ государево шествіе: въ Богородицкъ. Часть лебедянскихъ подводъ занята была «подъ государевымъ обиходомъ и подъ обиходомъ бояръ и государевыхъ ближнихъ людей» отъ Богородицка до Ефремова и дальше. Этихъ лебедянцевъ велѣно освободить отъ вторичной выставки подводъ, а тѣхъ, которые были собраны въ Богородицкъ и тамъ простояли безъ дѣла, велѣно выслать подъ новое «государево шествіе» въ Елецъ. Но Тургеневъ «для своей бездѣльной корысти» собралъ не этихъ подводчиковъ, а первыхъ, которые уже были въ работѣ. Три недѣли держалъ онъ ихъ безцѣльно на Лебедяни, а затѣмъ выслалъ въ Елецкій уѣздъ на урочище «Березовый бояракъ», гдѣ «вымучилъ съ нихъ по барану, а у кого барановъ нѣтъ, (бралъ) овцы и свиньи и козы, и тѣхъ барановъ и овецъ и свиней и козъ вымучилъ съ 900 (головъ) и больши»...

При подачѣ «платежныхъ отписей» по сбору «рублевыхъ денегъ» (см. выше) воевода вмѣстѣ съ подьячими бралъ за каждую «отпись» по 8 копеекъ и 3 алтына, причемъ многимъ не далъ «отписей», значить, вторично можетъ потребовать отъ нихъ платежа «рублевыхъ денегъ»...

Съ пашенныхъ земель лебедянцевъ, кои умерли или безвѣстно пропали, но землями которыхъ владѣли ихъ вдовы и «свойственники», Тургеневъ бралъ по 1 рублю и по полтинѣ, а хлѣбъ бралъ себѣ, перемолотивши его, «а иной хлѣбъ своженъ и стоитъ и нынѣ въ одоньяхъ, весь сгнилъ»...

Къ озеру Ивану велѣно было доставить «указное число» угля, причемъ съ cadaго двора собирали по четверику угля и по 4 деньги на доставку его. Угля собрали «многое число», а денегъ около 40 рублей. Но Тургеневъ отправилъ къ озеру только 12 четвертей угля, а остальнымъ «покорыстовался», дѣлая на эти и другіе по-

боры «кореты и рыдваны, и колески, и кошевыя (обозныя) телѣги, и иные припасы»...

Когда велѣно было послать на службу въ Таганрогъ солдатъ, стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, копейщиковъ и рейтаръ, Тургеневъ широко поживился по случаю этой высылки... Онъ собралъ и послалъ на службу «самыхъ убогихъ и одинокихъ и безпомѣстныхъ», которые не могли откупиться отъ службы, а въ домахъ оставилъ «прожиточныхъ и семейныхъ», но взялъ съ нихъ усиленную мзду: «ималь» по 7 и по 8 рублей съ человѣка... Если въ число высылаемыхъ на службу попадали и тѣ, кои уже внесли «рублевья деньги», т. е. были освобождены отъ личнаго отбыванія службы, такимъ воевода возвращалъ «рублевья деньги», но при этомъ удерживалъ въ свою пользу за хлопоты по 5 алтынъ съ человѣка. Кромѣ того, всѣхъ такихъ «перемѣнщиковъ» онъ «запиралъ въ городъ» и бралъ съ нихъ по 6 денегъ и «по жестянкѣ вина»... Врядъ ли, однако, Тургеневъ угощалъ ихъ этимъ виномъ: добродушіемъ онъ не отличался...

Если же, все таки, высылаемые Тургеневымъ на службу «старые и дряхлые и увѣчные и слѣпые и хромые» отдѣлялись отъ службы въ силу своего явнаго убожества, и вмѣсто себя представляли своихъ дѣтей и родственниковъ, то съ такихъ «перемѣнщиковъ» (т. е. съ такихъ «перемѣняемыхъ») воевода бралъ, вмѣстѣ съ подьячими, бывшими «у той высылки», по полтинѣ съ человѣка, а у кого денегъ не было, бралъ скотомъ, хлѣбомъ и виномъ. Нечего говорить, что, кромѣ всѣхъ этихъ податей, воеводѣ «перемѣнщики» платили въ казну «рублевья деньги» по положенію, т. е. по 1 р. съ человѣка. Всѣхъ «перемѣнщиковъ» было болѣе 500 человѣкъ. Сколько же собралъ Тургеневъ денегъ по одной этой операціи?..

За право «въѣзжать» въ «Раманцовы заповѣдныя лѣса» и рубить тамъ лѣсъ, — право, которое воевода самовольно присвоилъ себѣ, не смотря на прямое запрещеніе государева указа, — воевода бралъ въ свою пользу «съ топора» по 4 деньги, «а въ иномъ дворѣ топоровъ по 5 и по 6 и больши». Тургеневъ собралъ этимъ путемъ болѣе 200 рублей. Но когда онъ узналъ о «государевой опалѣ» на игумена лебедянскаго Троицкаго монастыря, позволявшаго также самовольно рубить «заповѣдныя лѣса», Тургеневъ поспѣшилъ возвратить часть денегъ, собранныхъ за разрѣшеніе рубки лѣса, но «многимъ людямъ», т. е. тѣмъ, кто не посмѣлъ бы на него жаловаться, ничего не возвратилъ.

По указу 1684 года велѣно посылать лебедянцевъ «во всякія дальнія и ближнія послыки (т. е. съ служебными порученіями) по очереди, а не выборомъ». Между тѣмъ, Тургеневъ «чинитца противень» указу: посылаетъ служилыхъ людей не въ очередь, а по своему выбору, причемъ иные ин воовсе попадаютъ въ по-

сылки, а другихъ въ теченіе года «наряжаетъ въ дальнія посылки» по 5 разъ и больше. Но этого мало: при каждой такой посылкѣ онъ беретъ съ человѣка по полтинѣ денегъ, по осьминѣ ржи, по ведру вина, беретъ барановъ и пр., и пр. Передъ посылкой обязательно держитъ ихъ по недѣлѣ и больше въ тюрьмѣ, «чтобъ скорѣй посулъ давали»... Кто совсѣмъ отказывается давать, тѣхъ снова сажаютъ въ тюрьму и «мучить» тамъ «многое время» — «велитъ бить»...

Въ Лебедянской приказной избѣ велѣно быть «немногимъ подьячимъ», да и тѣ должны быть «по выбору градскихъ и уѣздныхъ людей». Но Тургеневъ никакихъ выборовъ не допускаетъ, а самолично набираетъ подьячихъ сколько ему угодно и именно такихъ, «которые ему годны и у него накупаютца на всякія лихоимства съ нимъ воеводою заодно»... Подобно воеводѣ, и подьячіе при каждомъ случаѣ берутъ съ просителей деньгами, «платьемъ», виномъ и проч.

Ежегодно съ каждаго двора доставляютъ воеводѣ по 5 возовъ дровъ, кромѣ того, обязательно чистятъ навозъ на воеводскомъ дворѣ, «кони и скотину кормятъ», «ледъ въ ледники возятъ» и проч. Если у кого изъ работающихъ у него или гдѣ въ другомъ мѣстѣ замѣтитъ хорошую лошадь, то сейчасъ же отберетъ ее, «какая ему, Акинѣю, понадобится» — цѣною и въ 20 р., и въ 10 р., не брезговаль и «худыми», цѣною въ 5 р. Такимъ путемъ Тургеневъ собралъ и согналъ въ свою Рыльскую вотчину больше 700 коней. Сбиралъ онъ тѣми же путями коровъ, быковъ и проч. Наконецъ не прочь былъ Тургеневъ и людей пріобрѣтать на даровщинку: «твоихъ государевыхъ людей изъ тюрьмы къ себѣ во крестьянство беретъ неволею», т. е. освобождаетъ преступниковъ изъ тюрьмы подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они шли къ нему «во крестьянство»...

Съ лицъ, пойманныхъ съ «заповѣдными деревьями», бралъ не въ казну, а себѣ по 3 р. и больше; кромѣ того, отбиралъ у нихъ коней, пищали, «фузеи» и проч.

Кромѣ этого возмутительнаго лихоимства, Тургеневъ отличался и большою жестокостью: «за малыя челобитчиковы вины» онъ бьетъ лебедянцевъ «кнутомъ на козлѣ нещадно», другимъ «рубашки снимаетъ и устрачиваетъ кнутомъ бить, чтобы больше посулъ взять, и отъ кнутовой устратки» лебедянцы даютъ ему по 7 рублей, скотъ и проч.

Наряжая однажды площаднаго подьячаго съ «отписками» въ Таганрогъ и отпускаая его «для своей бездѣльной корысти одного, безъ товарищей и безъ провожатыхъ» (а въ книги записывая расходъ на нѣсколькихъ человѣкѣ), Тургеневъ такъ «пригравивалъ» ему: «если де не поѣдешь одинъ въ Таванъ съ отпискою въ завтрашній день, я де тебя велю кнутомъ разсѣчь на смерть!»...

И площадной подъячій поѣхалъ, зная, что Тургеневъ способенъ былъ исполнить свою угрозу...

Вообще такими «напрасными нападками» и «кнотовыми угрозами» Тургеневъ постоянно мучитъ лебедянцевъ, «видя ихъ сиротство и беззаступство»... Отъ его возмутительнаго лихоимства лебедянцы совѣмъ обнищали, а Тургеневъ еще «похваляется», что «своими лихими дѣлами и умыслами и достоль (остальное) разорить»...

Дворовые люди Тургенева берутъ примѣръ съ него и также при всякомъ удобномъ случаѣ дерутъ деньги, вино и проч. съ правыхъ и виноватыхъ. Развѣзжая по селамъ, они «насилно» берутъ у крестьянъ подводы для своихъ личныхъ надобностей, а, встрѣчая отказъ, «бьютъ лебедянцевъ смертнымъ боемъ». Кромѣ того, челобитчики обвиняютъ людей Тургенева и въ уголовныхъ преступленіяхъ: «да его-жь Акиноѣвы люди сильничаютъ (въ тюрьмѣ) колодницъ блуднымъ воровствомъ»... Этими же колодницами и колодниками пользуется и воевода для своихъ хозяйственныхъ надобностей: посылаетъ ихъ на р. Донъ «стеречь садовой своей рыбы въ чану». Вопреки указу, воевода наряжаетъ къ себѣ въ «деншики» по 6 человѣкъ и больше.

Въ заключеніе челобитчики снова приводятъ нѣсколько случаевъ лихоимства Тургенева. «Отъ крѣпостныхъ дѣлъ» беретъ онъ не установленный сборъ, а по полтинѣ съ человѣка. Съ лебедянцевъ, работавшихъ «у корабельнаго дѣла» въ Воронежѣ, не велѣно править «рублевыми деньгами», но Тургеневъ правитъ ихъ и даже въ излишнемъ размѣрѣ—по 1½ и по 2 рубля, но беретъ деньги, конечно, въ свою пользу.

Заключеніе «челобитной»: «Всемиловѣйшій государь! просимъ вашего величества, пожалуй насъ, бѣдныхъ и до конца разоренныхъ, вели, государь, противъ сего нашего челобитья изъ разряду послать на Лебедянь, кого ты, великій государь, укажешь, и о всемъ противъ вышеписаннаго нашего челобитья розыскать, чтобъ намъ отъ такого воеводцкаго наглово разоренья въ конецъ не разоритца и твоихъ великаго государя податей и службы не отбыть и врознь не разбредистись»... Челобитную собственноручно подписалъ только одинъ челобитчикъ—Карпъ Кирилловъ Козьминъ, а за остальныхъ—М. Миляева, Ю. Нестерова и С. Любогощинскаго—подписался Артемій Матчинъ, «бывшій ротный писарь Семеновскаго полка».

На челобитной читаемъ такую помѣту Разряднаго приказа: «1702 г., августа въ 11 день, переписать челобитчиковъ, сколько ихъ нынѣ на Москвѣ и допросить порознь: кому изъ нихъ онъ, воевода, какую обиду учинилъ и ималь съ кого какія взятки».

Такимъ образомъ, Разрядъ откладывалъ дѣло въ долгій ящикъ, вмѣсто того, чтобы по горячимъ слѣдамъ произвести розыскъ на

Лебедяни и именно чрезъ особое, посланное изъ Москвы лице, какъ просили челобитчики.

Другихъ документовъ по этому дѣлу не знаю (но они еще могутъ быть найдены въ архивѣ Разряднаго приказа), и дальнѣйшій ходъ его мнѣ не извѣстенъ. Но что дѣло окончилось въ пользу челобитчиковъ, и Лебедянь освободилась отъ «небывалаго лихоимца-воеводы» А. А. Тургенева, это не подлежитъ сомнѣнiю: въ 1703 году лебедянскимъ воеводою является уже Василiй Самсоновъ Кишкинъ. Въ одномъ документѣ (челобитная на лебедянского подьячаго Кирсана Перваго) новый воевода говоритъ: «въ нынѣшнемъ, государь, 1703 г. велѣно мнѣ быть на твоей великого государя службѣ въ Лебедяни воеводою и перемѣнилъ я, холопъ твой, въ Лебедяни прежнего воеводу Акинѣея Тургенева»... ¹⁾.

Но остается неизвѣстнымъ: оставилъ ли Тургеневъ воеводство до срока, т.-е. былъ ли отставленъ отъ воеводской должности вслѣдствiе розыска о его злоупотребленiяхъ, по челобитной лебедянцева, или же онъ высидѣлъ въ Лебедяни весь свой срокъ (2—3 года), и его въ обычномъ порядкѣ вещей «перемѣнилъ» новый воевода В. С. Кишкинъ, или же Тургеневъ по болѣзни съѣхалъ съ воеводства до срока. Послѣднее предположенiе всего вѣроятнѣе, такъ какъ извѣстно, что Тургеневъ умеръ въ 1703 г.

Объ этомъ говоритъ «память» изъ Помѣстнаго приказа въ Разрядный приказъ отъ 3 сентября 1703 г. ²⁾. Помѣстный приказъ проситъ Разрядъ «отписать» о «помѣстномъ окладѣ съ придачами» Акинѣя Андреева Тургенева, написаннаго по Новгороду-Сѣверскому. Свѣдѣнiя эти требовались «для того, что его Акинѣея не стало дома (т.-е. онъ умеръ въ своей усадьбѣ, а не на службѣ, въ должности лебедянскаго воеводы) въ нынѣшнемъ 1703 году», а родной братъ его Михайло билъ челомъ государю «о помѣстьѣ его (Акинѣя), что останется у жены его (а дѣтей, повидимому, не было) за окладомъ». Поэтому Помѣстный приказъ спрашиваетъ и о Михайлѣ Тургеневѣ, «по которому городу» онъ служить, и какой у него «помѣстной окладъ». Но отвѣтной памяти Разряда не сохранилось.

Лебедянцамъ не счастливилось: съ легкой руки Акинѣя Тургенева и его преемники по воеводству не блистали добродѣтелями, хотя и не могли сравняться съ «небывалымъ воеводою»... Василiй Самсоновичъ Кишкинъ былъ назначенъ лебедянскимъ воеводою въ началѣ 1703 г., а уже въ маѣ этого года посыпались на него челобитныя. Походъ открылъ келарь Троицкой лавры Мисаилъ Григоровъ, жалуясь, что Кишкинъ, поймавши въ Лебедяни бѣглыхъ монастырскихъ крестьянъ изъ с. Каменнаго Верха, «держалъ ихъ

¹⁾ «Дѣла разрядныя», кн. № 10, май, дѣло № 137.

²⁾ «Дѣла разрядныя», кн. № 12, сентябрь, дѣло № 14.

сутки, и взявъ у нихъ насильствомъ лошадь да корову, и что у нихъ было мелкой ружьяди, всю побралъ же, и образъ ихъ, крестьянъ, онъ, воевода, отпустилъ (ихъ) незнамо куды», такъ что бѣглые окончателно скрылись, и слѣдовъ ихъ нѣтъ. Келарь Мисайль просить отобрать у воеводы и возвратитъ лаврѣ лошадь, корову и проч., а также допроситъ Кишкина, «для чего» онъ отпустилъ тѣхъ «приводныхъ крестьянъ», и заставить его отыскать ихъ¹⁾.

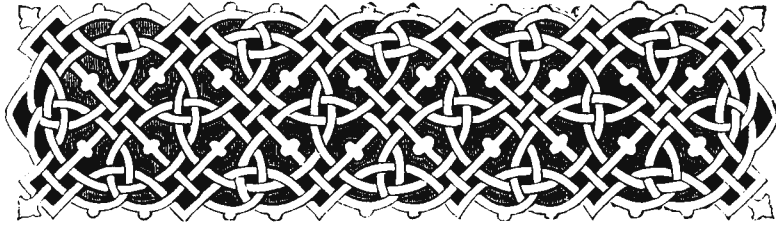
В. Кишкинъ такъ удачно воеводствовалъ въ Тургеневскомъ духѣ, что и года не высидѣлъ на Лебедянскомъ воеводствѣ. Въ томъ же 1703 году его смѣнилъ Михайлъ Сатинъ, посланный въ Лебедянь вмѣстѣ съ подъячимъ Разряднаго приказа Иваномъ Матвѣевымъ, чтобы принять городъ отъ В. Кишкина и «розыскать» по челобитнымъ, какія поданы на послѣдняго подъячими Лебедянской приказной избы и «градцкими и уѣздными всякихъ чиновъ людьми». Въ мартѣ 1704 г. воевода Михайлъ Сатинъ писалъ Разряду²⁾, что вмѣстѣ съ Ив. Матвѣевымъ онъ учинилъ «розыскъ» по челобитнымъ на В. Кишкина, но «перечневой выписки» по дѣлу не можетъ составить для отсылки ея въ Разрядъ, такъ какъ «дѣлать» ее «нынѣ некому». Ив. Матвѣевъ уѣхалъ въ Москву, а доѣрится мѣстнымъ лебедянскимъ подъячимъ Сатинъ «не смѣть», потому что у В. Кишкина «со всѣми съ подъячими ссора, а иные на него и сами челобитчики»... Кромѣ того, М. Сатинъ получилъ изъ Разряда грамоту съ приказомъ возвращаться въ Москву, но такъ какъ грамота ничего не говоритъ о его преемникѣ, и воевода не знаетъ, «кому городъ и дѣла приказать и съ кѣмъ росписаться», то онъ ждетъ новой грамоты съ разъясненіемъ этого недоразумѣнія.

Очевидно, и послѣ Тургенева лебедянкамъ не легко жилось и вслѣдствіе этой частой смѣны воеводъ, и вслѣдствіе ихъ злоупотребленій. Но несомнѣнно, что въ борьбѣ съ Тургеневымъ они получили надлежащій урокъ, какъ слѣдуетъ вести эту борьбу: преемникъ Тургенева, шедшій по его стопамъ, и года не высидѣлъ на воеводствѣ, какъ былъ свергнутъ лебедянками... Любопытно, что въ этой борьбѣ главная роль принадлежала мѣстнымъ подъячимъ, съ которыми у Кишкина была «ссора». Только въ союзѣ съ подъячими лебедянцы могли одолѣть В. Кишкина. Но А. Тургеневъ хорошо понималъ, какую силу представляютъ подъячіе, и умѣлъ ладить съ ними и держать ихъ въ рукахъ, полюбовно раздѣляя съ ними плоды обиранія бѣдныхъ лебедянцевъ...

Н. Оглоблинъ.

¹⁾ «Дѣла разрядныя», кн. № 10, май, дѣло № 103.

«Дѣла разрядныя», кн. № 16, дѣло № 29.

МАРТЫНОВСКІЯ БУМАГИ.

НАКОНЕЦЪ, въ № 8 «Русскаго Архива» за 1893 годъ, появились «Мартыновскія бумаги», объ оставленіи которыхъ покойнымъ Николаемъ Соломоновичемъ Мартыновымъ такъ шумно возвѣстили «Московскія» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ 1876 году¹⁾, и прочтенія которыхъ въ свое время не могли добиться ни редакторъ «Русской Старины» М. И. Семевскій, ни биографъ поэта Лермонтова — П. А. Висковатовъ.

Находясь зиму 1893—1894 годовъ за границей, я не имѣлъ возможности прочитать появившуюся въ печати пресловутую рукопись и оцѣнить ее своевременно. Нынѣ же, возвратясь въ отчизну, спѣшу сдѣлать это, такъ какъ разсмотрѣніемъ и безпристрастной оцѣнкой рукописи и приложеній къ ней будетъ положенъ конецъ разномыслию о причинахъ дуэли поэта Лермонтова съ Мартыновымъ.

Мартыновскія бумаги состоятъ изъ: а) отрывковъ изъ его автобіографическихъ записокъ; б) копій съ показаній и частной переписки во время слѣдствія и суда; в) выдержекъ изъ семейныхъ писемъ, и г) послѣсловія князя Д. Д. Оболенскаго.

Отрывковъ изъ автобіографическихъ записокъ Мартынова напечатано три: Вступленіе, Исповѣдь и Описаніе экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году.

Къ начертанію своихъ «Записокъ» Мартыновъ приступилъ въ 1869 году, въ виду появившагося въ печати приглашенія покаяться посредствомъ искренняго разсказа объ отношеніяхъ къ убитому имъ поэту.

¹⁾ №№ 41 и 51.

«Это приглашеніе,— пишетъ онъ во «Вступленіи къ запискамъ»,— навело меня на мысль, что со смертью моею, по всей вѣроятности, явится въ печати и не одна статья въ обвиненіе мое, въ укоръ памяти моей. Чтобы дать возможность дѣтямъ своимъ защитить память отца отъ незаслуженнаго укора, я рѣшился оставить записки. При чемъ будутъ приложены подлинныя документы слѣдственной комиссіи, потомъ суда и вся подспудная переписка съ секундантами, которая никогда свѣта не видала, но способна сама пролить свѣтъ на темныя стороны дуэли».

Намѣреніе вполне похвальное, если бы оно, конечно, было исполнено. Но въ дѣйствительности гораздо легче давать обѣщанія, нежели исполнять ихъ: въ напечатанныхъ отрывкахъ «Записокъ» ничего въ оправданіе памяти ихъ автора не оказалось.

Но перейдемъ къ сущности дѣла.

«Съ чего начать,— восклицаетъ автобіографъ во «Вступленіи»:— вѣроятно, читателямъ будетъ небезынтересно познакомиться съ характеромъ Лермонтова, какъ я понималъ его, и прослѣдить наши сношенія съ нимъ. Обѣщаю говорить какъ можно менѣе о себѣ и разсказать все, что только припомню о Лермонтовѣ».

И онъ обрисовываетъ наружность и особенности характера Михаила Юрьевича, во время совмѣстнаго ихъ пребыванія въ юнкерской школѣ, въ слѣдующемъ очеркѣ:

«Наружность его весьма не възрачна: маленькій ростомъ, кривоногій; съ большою головою и непомерно широкимъ туловищемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ и съ сильно развитыми мышцами. Лицо его было довольно пріятное, обыкновенное выраженіе глазъ въ покоѣ— нѣсколько томное, но коль скоро онъ воодушевлялся, какъ, на примѣръ, проказами или школьничествомъ, глаза его начинали бѣгать съ такой быстротой, что одни бѣлки оставались на мѣстѣ, зрачки же передвигались справа налево, и эта безостановочная работа съ одного человѣка на другого производилась иногда по нѣскольку минутъ сряду. Ничего подобнаго я у другихъ не видалъ. Глаза устаютъ гоняться за его взглядомъ, который ни на секунду не останавливался ни на одномъ предметѣ. Чтобы дать хотя приблизительное понятіе объ общемъ впечатлѣніи этого неуловимаго взгляда, сравнить его можно только съ механикой на картинахъ волшебнаго фонаря, гдѣ такимъ образомъ передвигаются глаза у звѣрей. Волосы у него были темныя, но довольно рѣдкія, съ свѣтлою прядью немного повыше лба, виски и лобъ весьма открытыя, зубы превосходныя бѣлыя и ровныя, какъ жемчугъ. Какъ я уже говорилъ, онъ былъ ловокъ въ физическихъ упражненіяхъ, крѣпко сидѣлъ на лошади, но какъ въ наше время преимущественно обращали вниманіе на посадку, а онъ былъ сложенъ дурно,— не могъ быть красивъ на лошади; поэтому онъ никогда за хорошаго ѣздока въ школѣ не

слыль, и на ординарцы его не посылали... По пѣшему фронту Лермонтовъ былъ очень плохъ, тѣ же причины, какъ и въ конномъ строю, но еще усугубленныя, потому что пѣшкомъ его фигура еще менѣе выносила критику... По пятницамъ у насъ учили фехтованію, классъ этотъ обязателенъ для всѣхъ юнкеровъ, и оставались на выборъ каждому рапира или эспадронъ. Я гораздо охотнѣе дрался на сабляхъ. Въ числѣ моихъ товарищей только двое умѣли и любили также, какъ и я, это занятіе: то были Моллеръ и Лермонтовъ. Танцоваль онъ ловко и хорошо. Умственное развитіе его было на столько выше другихъ товарищей, что и параллели между ними провести невозможно. Онъ поступилъ въ школу уже челоувкомъ, много читалъ, много передумалъ, тогда какъ другіе еще вглядывались въ жизнь, онъ уже изучилъ ее со всѣхъ сторонъ. Годами онъ былъ не старше другихъ, но опытомъ и воззрѣніями на людей далеко оставлялъ ихъ за собою. Изъ наукъ Лермонтовъ съ особеннымъ рвеніемъ занимался русской словесностью и исторіей. Вообще онъ имѣлъ способности весьма хорошія, но съ любовью относился только къ этимъ двумъ предметамъ».

На этомъ начатый очеркъ пріостановленъ, и слѣдующій отрывокъ имѣетъ уже заглавіе «Исповѣдь» и помѣту: 15 іюля 1871 года.

«Сегодня минуло ровно 30 лѣтъ,—начинаетъ свою «Исповѣдь» Николай Соломоновичъ,—какъ я стрѣлялся съ Лермонтовымъ на дуэли. Трудно повѣрить! 30 лѣтъ — это почти цѣлая жизнь челоувчская, и мнѣ памятны малѣйшія подробности этого дня, какъ будто происшествіе случилось вчера. Углубляясь въ себя, переносясь мысленно за 30 лѣтъ назадъ и помня, что я стою теперь на краю могилы, что жизнь моя окончена, и остатокъ дней моихъ сочтень, я чувствую желаніе высказаться, потребность облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ моихъ и движеній сердца по поводу этого несчастнаго событія».

Благое намѣреніе высказалъ автобіографъ, но, къ сожалѣнію, оно такъ и осталось только благимъ намѣреніемъ.

Изъ «Исповѣди» мы узнаемъ только, что Михаилъ Юрьевичъ былъ добрый челоувкъ отъ природы, но свѣтъ его испортилъ, такъ что всѣ хорошія движенія сердца, всякій порывъ нѣжнаго чувства онъ старался также тщательно въ себѣ заглушать и скрывать отъ другихъ, какъ другіе стараются скрывать свои гнусные пороки. Въ доказательство сказаннаго Мартыновъ ссылается на отношенія поэта къ женщинамъ. Лермонтовъ, по его словамъ, считалъ постыднымъ признаться, что любилъ какую нибудь женщину, что приносилъ какія нибудь жертвы для этой любви, что сохранялъ уваженіе къ любимой женщинѣ: въ его глазахъ все это было романтизмъ, напускная экзальтація, которая не выдерживаетъ ни малѣйшаго анализа. Къ этому онъ прибавилъ, что Лермонтовъ въ

юнкерской школѣ былъ школяромъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Чтобы охарактеризовать его съ этой стороны, Николай Соломоновичъ привелъ слѣдующій случай. Среди юнкеровъ существовалъ обычай подвергать различнымъ испытаніямъ, порою даже весьма чувствительнымъ, всѣхъ вновь поступившихъ въ школу новичковъ, и Лермонтовъ былъ самымъ яркимъ послѣдователемъ этого обычая. Онъ давалъ новичкамъ насмѣшливыя прозвища, преслѣдовалъ ихъ сарказмами и не давалъ имъ покоя по ночамъ. По его инициативѣ, въ спальнѣ старшихъ юнкеровъ былъ сформированъ для проказъ особый «Нумидійскій эскадронъ». Юнкера этого эскадрона, по вечерамъ, когда новички были въ постеляхъ, вдругъ всѣ вставали, садились одинъ на другого верхомъ, накрывались простынями и, набравъ въ стаканы воды, по командѣ: «съ правой ноги въ галошъ!», мчались въ спальни новичковъ и спавшихъ обливали водою.

На этомъ свѣдѣніи о Лермонтовѣ въ «Исповѣди» обрываются. Въ слѣдующемъ затѣмъ «Описаніи экспедиціи дѣйствующаго Кавказскаго отряда за Кубанью въ 1837 году» мы находимъ только, что Мартыновъ, отправившись въ апрѣлѣ того года на Кавказъ, посѣтилъ проѣздомъ Москву, гдѣ въ то время жили его родители и сестры, и прогостилъ у нихъ болѣе двухъ недѣль, и что въ это время пріѣхалъ также въ Москву и Михаилъ Юрьевичъ, съ которымъ онъ тамъ, до своего отъѣзда въ концѣ апрѣля, видѣлся почти каждый день, завтракалъ вмѣстѣ у Яра, но въ свѣтѣ они показывались мало.

Вотъ все, что Н. С. Мартыновъ напелъ возможнымъ сказать въ своихъ «Запискахъ» объ убитомъ имъ поэтѣ. Оказалась ли заявленная имъ программа «Записокъ» — высказаться, облегчить свою совѣсть откровеннымъ признаніемъ самыхъ завѣтныхъ помысловъ и движеній сердца по поводу несчастной дуэли, на столько противорѣчивой его лживымъ о причинахъ дуэли разговорамъ въ извѣстныхъ кружкахъ лицъ, что могла бы повредить ему въ свѣтѣ, или же внезапно вспыхнувшее чувство порядочности не позволило ему повторить печатно то, что онъ рассказывалъ близкимъ людямъ, — мы не знаемъ... Но только «Записки» неожиданно прерываются въ самомъ началѣ...

Къ «Запискамъ» приложены слѣдующія бумаги: 1) вопросные пункты, данные Н. С. Мартынову слѣдственной комиссіей, и его на нихъ отвѣты; 2) нѣсколько записокъ и писемъ самого Мартынова, его секундантовъ и другихъ лицъ во время производства слѣдствія по дѣлу дуэли; и 3) вопросные пункты, данные Мартынову пятигорскимъ окружнымъ судомъ, и его на нихъ отвѣты.

Но прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этихъ бумагъ, необходимо пояснить слѣдующее. Военно-слѣдственная комиссія по дѣлу о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ была учреждена по предписанію мѣстнаго начальства. Но такъ какъ Мартыновъ нахо-

дился въ отставку, то, по распоряженію этого начальства, съ окончаніемъ слѣдствія, его долженъ былъ судить пятигорскій окружный судъ. Но въ Петербургѣ взглянули на дѣло иначе и предписали предать его, вмѣстѣ съ прочими участниками дуэли, военному суду. Показанія, данныя имъ въ слѣдственной комиссіи, такимъ образомъ были представлены вмѣстѣ съ дѣломъ въ военный судъ и послужили основаніемъ къ сужденію. Что же касается показаній, данныхъ пятигорскому окружному суду, то они остались безъ послѣдствій. Но мы, въ видахъ выясненія спорныхъ вопросовъ о причинахъ дуэли, о секундантахъ и др., приведемъ также и нѣкоторыя показанія, данныя Мартыновымъ окружному суду.

Сущность показаній Николая Соломоновича заключается въ слѣдующемъ. На вопросы комиссіи онъ заявилъ: а) что причиной дуэли были шутки, остроты и непріятныя выходки со стороны Лермонтова, разрѣшившіяся острымъ объясненіемъ на вечерѣ у Верзилиныхъ, и что вражды и ссоры у нихъ прежде никакой не было; б) что секундантами находились: у него — Глѣбовъ, а у Лермонтова — князь Васильчиковъ; в) что выѣхалъ онъ на мѣсто дуэли изъ своей квартиры верхомъ, а бѣговья дрожки далъ Глѣбову, Лермонтовъ же съ кн. Васильчиковымъ догнали его уже на дорогѣ, выѣхавъ изъ дому тоже верхомъ; г) что никого, кромѣ сказанныхъ лицъ, на мѣстѣ дуэли не было, и никто рѣшительно не зналъ объ ней; и д) что стрѣлялись на лѣвой сторонѣ горы, по дорогѣ, ведущей въ колонію, вблизи кустарника, для чего былъ отмѣренъ барьеръ въ 15 шаговъ и отъ него въ каждую сторону еще по десяти, что каждый изъ стрѣлявшихся имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру, и что онъ первый пришелъ на барьеръ, ждалъ нѣсколько времени выстрѣла Лермонтова, потомъ спустилъ курокъ. Въ отвѣтахъ же окружному суду онъ, кромѣ того, сказалъ, что злобы къ Лермонтову никогда не питалъ и ссориться съ нимъ не задумывалъ. Поединокъ былъ совершенно случайный, и въ справедливости сказаннаго сослался на секундантовъ. Что же касается вопроса: не остался ли Лермонтовъ на мѣстѣ живъ и не говорилъ ли чего при прощаніи, Мартыновъ показалъ, что отъ сдѣланнаго имъ выстрѣла противникъ упалъ, и хотя признаки жизни еще были видны въ немъ, но онъ уже не говорилъ, и что онъ поцѣловалъ его и тотчасъ же отправился домой. О взятіи тѣла убитаго отозвался въ комиссіи незнаніемъ, такъ какъ, возвратясь домой, онъ послалъ челоуѣка за оставшеюся на мѣстѣ происшествія черкеской, чтобы явиться въ ней къ коменданту, и объ остальномъ ничего не знаетъ.

Выше мы упомянули, что Мартыновъ во «Вступленіи» сказалъ, что къ его «Запискамъ» будетъ приложена «Подспудная переписка съ секундантами», которая способна пролить свѣтъ на темныя стороны дуэли. Дѣйствительно, «Подспудная переписка» эта прило-

жена. Она весьма характеристична, такъ какъ даетъ возможность судить, на сколько данныя Мартыновымъ показанія обстоятельны, точны и правдивы. Но мы не будемъ касаться всей переписки, не имѣющей въ данномъ случаѣ интереса, приведемъ только тѣ записки кн. Васильчикова и Глѣбова, которыя писаны ими къ Мартынову, во время нахождения его подъ арестомъ, съ цѣлю—заставить его давать показанія, не вполне согласныя съ истиной, но могущія ослабить суровую отвѣтственность за совершенное преступленіе.

Вотъ что писали они:

«Посылаемъ тебѣ брульонъ 8 ст., ты къ нему можешь прибавить по своему разумѣнію, но это сущность нашего отвѣта. Прочіе отвѣты твои совершенно согласуются съ нашими, исключая того, что Васильчиковъ поѣхалъ верхомъ на своей лошади, а не на дрожкахъ бѣговыхъ со мной (Глѣбовымъ). Ты такъ и скажи. Лермонтовъ же поѣхалъ на моей лошади—такъ мы и пишемъ. Сегодня Траскинъ еще разъ говорилъ, чтобы мы писали, что до насъ относится четырехъ: двухъ секундантовъ и двухъ дуэлистовъ».

«Признаемся тебѣ, твое письмо нѣсколько было намъ непріятно. Я и Васильчиковъ не только по обязанности защищаемъ тебя вездѣ и всѣмъ, но и потому, что не видимъ ничего дурного съ твоей стороны въ дѣлѣ Лермонтова и приписываемъ этотъ выстрѣлъ несчастному случаю, и совсѣмъ не тому, чтобы ты хотѣлъ пролить кровь. Въ доказательство чего приводимъ то, что ты самъ не походилъ на себя, бросился къ Лермонтову, какъ онъ упалъ, и простился съ нимъ. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Трубецкаго и Столыпина, которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ».

«Надѣмся, что ты будешь говорить и писать, что мы тебя всѣми средствами уговаривали. Придя на барьеръ, ты напиши, что ждалъ выстрѣла Лермонтова. Скажи, что мы тебя уговаривали съ начала до конца, что ты не соглашался, говоря, что ты Лермонтова предупреждалъ тому три недѣли, чтобы тотъ не шутилъ на твой счетъ. О веселостяхъ Кисловодска писать нечего. Я долженъ же сказать, что уговаривалъ тебя на условія болѣе легкія, если будетъ запросъ. Теперь покаместъ не упоминай объ условіи трехъ выстрѣловъ; если же позже будетъ о томъ запросъ, тогда дѣлать нечего, надо будетъ сказать всю правду».

Черновыя отвѣтовъ (брульоны) были приложены при запискахъ слѣдующія:

«Отвѣтъ на 8 ст. Вслѣдствіе словъ Лермонтова: «вмѣсто пустыхъ угрозъ и пр.», которые уже были нѣкоторымъ вызовомъ, я на другой день требовалъ отъ него формальнаго удовлетворенія. Васильчиковъ и Глѣбовъ старались меня примирить съ Лермонтовымъ, но я отвѣчалъ, что: 1) предупреждалъ Лермонтова не смѣяться

надо мною; 2) что слова Лермонтова уже были вызовъ; особенно настаивай на эти слова Лермонтова, которые въ самомъ дѣлѣ тебя ставили въ необходимость его вызвать, или, лучше сказать, были уже вызовъ. Вотъ вкратцѣ брульонъ, обдѣлай по этому плану».

«Отвѣтъ на 4-й вопросъ. Глѣбовъ ѣхалъ на бѣговыхъ дрожкахъ, Васильчиковъ—верхомъ».

«Въ 6-мъ вопросѣ: вмѣсто «въ домѣ Верзилиныхъ», напиши: «въ одномъ частномъ домѣ».

Изъ этихъ выписокъ видно, что показанія Мартынова и его соучастниковъ на слѣдствіи и судѣ не были обстоятельны, точны и правдивы. Не будемъ, однако, удивляться этому, постараемся лучше объяснить данный случай имѣющимися на лицо фактами.

Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ по тому времени являлась событіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, даже на Кавказѣ, гдѣ бой и смерть были явленіями самыми обыденными. Лермонтовъ, какъ поэтъ-преемникъ Пушкина, какъ гвардеецъ, переведенный для выслуги въ армію, или же, наконецъ, какъ лицо, извѣстное въ высшихъ сферахъ Петербурга и только что возвратившееся оттуда съ усиленными рекомендаціями обратить на него особенное начальническое вниманіе, —волей неволей обращалъ на себя взоры всего официальнаго и неофициальнаго міра. Смерть его переполошила всѣхъ. Начальника войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, генерала графа Граббе, въ то время въ Ставрополѣ не было: онъ выступилъ съ отрядомъ за Кубань. Обязанности его временно исполнялъ начальникъ штаба, флигель-адъютантъ Траскинъ¹⁾, давшій лично Лермонтову, при возвращеніи послѣдняго изъ Петербурга, позволеніе ѣхать, вмѣсто отряда, на воды въ Пятигорскъ. Конечно, онъ перетрусился болѣе всѣхъ и впопыхахъ прискакалъ въ Пятигорскъ, для того, чтобы разузнать причины дуэли, степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, распорядиться производствомъ формальнаго разслѣдованія дѣла комиссіею, какъ можно наипоспѣшнѣе, и чтобы личнымъ своимъ вмѣшательствомъ предупредить могущія возникнуть въ разнородномъ на водахъ обществѣ недовольство и порицаніе, и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствіямъ. Это былъ лѣнивый, гордый, надменный и самолюбивый человекъ, любившій пожить, пожуировать, поволочиться²⁾, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень дорожилъ собственной персоной. Ему необходимо было, чтобы смерть Лермонтова не возбудила въ Петербургѣ недовольствія ни по поводу событія, ни въ отношеніи его дѣйствій. Съ этой цѣлью имъ былъ назначенъ въ слѣдственную комиссію, учрежденную пятигорскимъ комендантомъ, для вѣщаго наблюденія и руковод-

¹⁾ Впослѣдствіи начальникъ штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

²⁾ Записки М. Я. Ольшевскаго («Русская Старина», 1893 годъ, № 6).

ства, — «свой глазъ», жандармскій подполковникъ Кувшинниковъ (засѣдавшій потомъ и въ судѣ). Затѣмъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше записокъ секундантавъ, онъ вошелъ въ непосредственные переговоры съ участниками дуэли, опредѣлялъ и указывалъ имъ: что и какъ должны они показывать на слѣдствіи и судѣ. При такой постановкѣ дѣла слѣдствіе и судъ велись чрезвычайно быстро. Все дѣлопроизводство ихъ, какъ мы имѣли возможность убѣдиться изъ подлиннаго слѣдственнаго и военно-суднаго дѣлъ о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, находящихся въ Лермонтовскомъ музеѣ, ограничилось святіемъ съ привлеченныхъ къ отвѣтственности лицъ по одному показанію, составленному по заранѣе данному руководителемъ брѹльону. Никакихъ передопросовъ или очныхъ ставокъ имъ сдѣлано не было, никто изъ постороннихъ не допрашивался, и въ концѣ концовъ получился желаемый выводъ, что всему виною былъ самъ убитый. Быть можетъ, все это имѣло свою хорошую сторону: слѣдователи и судьи работали безъ большого обремененія, масса свѣдущихъ лицъ оставлены въ покоѣ, Мартыновъ получилъ внушеніе, оба секунданта оправданы, и, главное, начальство не волновалось... Но для потомства стало ясно, что показанія, на которыхъ виждется приговоръ суда, были если не всѣ, то въ большей части ложны...

Любопытнымъ можетъ показаться нѣкоторымъ читателямъ вопросъ: почему Глѣбовъ, этотъ другъ и секунданта Михаила Юрьевича, послѣ смерти его тотчасъ подпалъ подъ вліяніе его противниковъ и былъ на судѣ и слѣдствіи солидаренъ съ ними?

Въ его пользу мы можемъ привести слышанный нами въ 1892 году отзывъ о немъ Дмитрія Аркадьевича Столыпина, товарища и родственника М. Ю. Лермонтова.

Это былъ, — приводимъ только общіе штрихи, — честный, прямой и благородный человекъ, съ открытымъ, мягкимъ и добродушнымъ характеромъ; но онъ былъ тогда еще очень молодъ, въ немъ таилась какая-то дѣвичья застѣнчивость, такъ что товарищи, съ легкой руки Михаила Юрьевича, звали его «баронессой». Никакой выдающейся роли въ своемъ кружкѣ онъ не игралъ и легко удовлетворялся тѣмъ, что друзья и сослуживцы любили его и уважали. При жизни Лермонтова Глѣбовъ стоялъ къ нему близко, увлекался его умомъ, силой воли и характера и, какъ многіе другіе, тѣснившіеся вокругъ поэта, друзья и почитатели его таланта, подчинялся его авторитету. Но едва поэтъ смежилъ свои очи, его друзьями овладѣлъ страхъ. Въ средѣ ихъ не оказалось никого другого, кто бы замѣнилъ убитаго, и кружокъ распался. Поразилъ Богъ пастыря, и овцы разсѣялись. Каждому, въ виду неожиданно нагрянушаго слѣдствія и суда, пришлось позаботиться о спасеніи собственной личности. Глѣбовъ оказался въ положеніи человекъ, ущемленнаго несчастіемъ. Дѣйствовать одному противъ цѣлой плеяды

антагонистовъ убитаго — было ему не по силамъ, тѣмъ болѣе, что за ними стояло и начальство. Изъ поставленной ему дилеммы: идти противъ — нести отвѣтственность, идти совмѣстно — ждать милости, онъ избралъ послѣднее, по совѣту его товарища по несчастію, князя Васильчикова. Дѣйствія послѣдняго, какъ секунданта-руководителя до роковаго исхода дуэли, уже были описаны. Прибавимъ къ тому, что ему не трудно было овладѣть душою Глѣбова. Его отецъ находился въ Петербургѣ у источника власти и считался большой силой. Поэтому не только Глѣбовъ, но и начальство, съ Траскинымъ во главѣ, смотрѣли на него, какъ на залогъ счастливаго исхода изъ несчастной случайности, и спѣшили помогать ему во всемъ, что онъ находилъ тогда нужнымъ сдѣлать.

Конечно, съ точки зрѣнія идеи правды и чести, Глѣбовъ поступилъ опрометчиво, но родственники убитаго поэта снисходительно отнеслись къ нему и дружественныхъ отношеній съ нимъ не прерывали. По словамъ Д. А. Столыпина, онъ въ скорости послѣ дуэли получилъ отъ Глѣбова два письма: одно о положеніи и ходѣ дѣла, хлопотахъ, затрудненіяхъ, боязни и съ десяткомъ разныхъ просьбъ, другое съ описаніемъ дуэли, ея причинъ и послѣдствій. Послѣднее было написано для представленія вліятельнымъ лицамъ въ Петербургѣ и, конечно, какъ официальное, искренностью не отличалось. Оно, по просьбѣ Глѣбова, передано Столыпинымъ генералъ-адъютанту Философову, чрезъ котораго и получило дальнѣйшій ходъ. «По всей вѣроятности, — сказала Дмитрій Аркадьевичъ въ заключеніе: — оно и понынѣ хранится гдѣ нибудь въ архивѣ и современемъ будетъ найдено».

Но возвратимся къ показаніямъ Мартынова и укажемъ на тѣ, которыя наиболѣе не согласны съ истиной.

По всѣмъ изслѣдованіямъ и свидѣтельствамъ постороннихъ лицъ, собраннымъ въ біографіи поэта, составленной П. А. Висковатовымъ, и въ статьѣ нашей «Послѣдніе дни жизни М. Ю. Лермонтова», установлено, что отношенія Мартынова къ Михаилу Юрьевичу какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе дни были дружественныя, и если какое нибудь житейское обстоятельство, въ родѣ совмѣстнаго ухаживанія, напиримѣръ, за дѣвицей Верзилиной, вызывало иногда между друзьями вспышки и пикировки, то это не нарушало крѣпкихъ старыхъ товарищескихъ связей, и противники враждовали только на почвѣ любви. Самъ редакторъ «Русскаго Архива», П. И. Бартенева, подтвердилъ намъ это весной 1892 года, говоря, что Мартыновъ друженъ былъ съ Лермонтовымъ до послѣдняго столкновенія, никогда и никому никакихъ жалобъ на него не заявлялъ, уважалъ въ немъ умъ, силу воли и мужественный характеръ. Въ доказательство этого онъ привелъ тотъ фактъ, что Лермонтовъ, какъ рассказывалъ ему впоследствии самъ Мартыновъ, не задолго до дуэли пріѣзжалъ къ Николаю Соломоновичу въ степь,

гдѣ у него въ недалекомъ разстояніи отъ Пятигорска стоялъ шатеръ въ родѣ калмыцкаго улуса, и провелъ тамъ цѣлый день, жалясь на духоту окружающей ихъ на водахъ общественной атмосферы. Это—истина, какъ и то, что «досужіе люди», которымъ геній Лермонтова былъ острый ножъ, поссорили ихъ и поставили на барьеръ. Поэтому показанія Мартынова на слѣдствіи и судѣ, что предлоговъ къ ссорѣ никакихъ прежде не имѣлъ, и что поединокъ этотъ вышелъ совершенно случайно, въ виду шутокъ, остротъ и колкостей со стороны Лермонтова,—въ сущности справедливы и подтверждены какъ секундантами, такъ и другими людьми, какъ это видно изъ данныхъ, приведенныхъ въ вышеназванныхъ біографіи и статьѣ.

Но показаніе его, что вызовъ на дуэль послѣдовалъ вслѣдствіе систематичности насмѣшекъ и преслѣдованій его Лермонтовымъ, и что онъ неоднократно поставлялъ на видъ своему антагонисту, что онъ не намѣренъ служить мишенью для его остроумія, и просилъ его прекратить ихъ,—невѣрно, такъ какъ изъ приведенной выше записки секундантовъ видно, что это ему подсказано съ цѣлью усилить виновность убитаго.

Далѣе, показаніе, что секундантами были: у Мартынова—Глѣбовъ, а у Лермонтова—князь Васильчиковъ, ложно. Въ дѣйствительности было наоборотъ: у Лермонтова—Глѣбовъ, а у Мартынова—князь Васильчиковъ. Ложное показаніе это дано на слѣдствіи и судѣ только Мартыновымъ, Глѣбовъ же и кн. Васильчиковъ показывали, что они были секундантами, но кто у кого—умолчали. Дѣйствительность нахождения Глѣбова секундантомъ у Лермонтова удостовѣрили: Д. А. Столыпинъ, В. И. Чилевъ, Н. П. Раевскій и др. Самъ князь Васильчиковъ, этотъ редакторъ Мартыновскихъ показаній, на вопросъ П. А. Висковатова: кто собственно былъ секундантомъ Лермонтова?—отвѣтилъ, что собственно не было опредѣлено, кто чей секундантъ. Прежде всего Мартыновъ просилъ Глѣбова, съ коимъ жилъ, быть его секундантомъ, а потомъ какъ-то случилось, что Глѣбовъ былъ какъ бы со стороны Лермонтова¹⁾.

Равномѣрно и показаніе Мартынова, что онъ выѣхалъ изъ своей квартиры на мѣсто дуэли верхомъ, а бѣговья дрожки далъ Глѣбову, и что Лермонтовъ и князь Васильчиковъ догнали его на дорогѣ, не имѣть и тѣни правды. Лермонтовъ, какъ извѣстно, еще за два дня до дуэли отправился въ Желѣзноводскъ и возвратился оттуда 15 іюля, Глѣбовъ же встрѣтилъ его въ колоніи Каррасъ, гдѣ они съ дамами обѣдали, и послѣ обѣда поскакали на мѣсто дуэли верхомъ. Что же касается Мартынова и кн. Васильчикова, то они пріѣхали на мѣсто дуэли на бѣговыхъ дрожкахъ Мартынова. Это удостовѣрено В. И. Чилевымъ, Н. П. Раевскимъ и др.

¹⁾ Біографія Лермонтова, стр. 423.

Относительно условій дуэли и самой дуэли точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Мы знаемъ только то, что случилось. Условія, говорятъ, были слѣдующія: стрѣляться на пистолетахъ, дистанція 30 шаговъ, но сходитьяся на 10-ти шагахъ; Мартынову, какъ обиженному, стрѣлять первому. Глѣбовъ отмѣрилъ дистанцію и бросилъ шапку, а кн. Васильчиковъ оттолкнулъ ее еще на нѣсколько шаговъ. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только разстегнулъ сюртукъ. Когда они встали на мѣста, Глѣбовъ подаль пистолець Мартынову, а кн. Васильчиковъ—Лермонтову. Послѣдній остался неподвиженъ и, введя курокъ, поднялъ пистолець дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ дуэлиста. Когда Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, Мартыновъ подошелъ стремительно къ барьеру и сталъ цѣлить¹⁾. Онъ цѣлилъ такъ долго, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «Стрѣляйте..., или я разведу васъ!»... Раздался выстрѣлъ, и поэтъ опустился на землю безъ слова и крика. На слѣдствіи и судѣ показывали секунданты, какъ видно изъ ихъ записокъ, и въ обществѣ объясняли, что выстрѣлъ этотъ — дѣло несчастнаго случая, и что Мартыновъ не хотѣлъ пролить крови. Но это не такъ. Изъ записки секундантовъ мы видимъ, что условлено было произвести, въ случаѣ неудачи, до трехъ выстрѣловъ. Значитъ, если бы первый выстрѣлъ былъ неудаченъ (Лермонтовъ отказался отъ выстрѣла и стоялъ съ пистолетомъ, поднятымъ дуломъ къверху), Мартыновъ могъ бы стрѣлять второй и третій разы. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ, должна была быть если не смерть, то рана и кровь. Секунданты болѣе всего опасались, чтобы объ этомъ не спросили ихъ въ комиссіи, тогда они рѣшили сказать правду. Ложь показаній здѣсь вполне очевидна, это подтверждается даже словами князя Васильчикова, говорившаго П. А. Висковатову: «мы дали тогда другъ другу слово молчать и не говорить никому ничего другого, кромѣ того, что будетъ нами показано на формальномъ слѣдствіи»²⁾. На этомъ основаніи онъ и впослѣдствіи не хотѣлъ возстановить факты въ настоящемъ ихъ значеніи, такъ что и донинѣ подробности смерти поэта остаются невыясненными...

Не будемъ останавливаться на вопросѣ: въ какомъ порядкѣ возвратились лица, участвовавшія въ дуэли; извѣстно и подтверждено, что прежде всѣхъ поскакалъ Глѣбовъ и явился съ донесеніемъ къ коменданту, а Мартыновъ съ княземъ Васильчиковымъ возвратились на бѣговыхъ дрожжахъ. Обратимъ вниманіе на показаніе Мартынова, что Лермонтовъ не былъ убитъ его выстрѣломъ, но только раненъ, и что признаки жизни еще были видны въ немъ, хотя онъ

¹⁾ Показаніе Мартынова, что онъ пришелъ на барьеръ и ждалъ выстрѣла Лермонтова, подсказано запиской секундантовъ.

²⁾ Біографія поэта, стр. 423.

не говорилъ. Значить, ходившіе затѣмъ въ Пятигорскѣ слухи, что поэтъ брошенъ былъ на мѣстѣ живой и скончался спустя послѣ того нѣсколько часовъ, когда его возили въ городѣ отъ коменданта на гауптвахту, отъ гауптвахты къ церкви и отъ церкви домой, на квартиру,—не лишены основанія. Если это, какъ и многое другое, сказано ложно, для уменьшенія отвѣтственности, такъ какъ въ свидѣтельствѣ доктора Баркляя-де-Толли, производившемся только 17 іюля, написано, что Лермонтовъ отъ раны мгновенно на мѣстѣ поединка умеръ,—то да будетъ прощено это участникамъ дуэли. Въ противномъ случаѣ, оставленіе тяжело раненаго на мѣстѣ есть просто преступленіе, такъ какъ они имѣли возможность, для медицинской помощи, отвезти его въ городъ на тѣхъ бѣговыхъ дрожкахъ, на которыхъ уѣхали сами. Это темное обстоятельство доказываетъ только одно, что противники поэта не считали нужнымъ съ нимъ церемониться. Чтобы не показаться пристрастными, сопшемся на слѣдующій фактъ: Мартыновъ, какъ видно изъ его показанія, тотчасъ по возвращеніи домой, приказалъ своему человѣку отправиться на мѣсто дуэли, но не для помощи или успокоенія раненаго, а для того, чтобы онъ принесъ оставленную имъ тамъ впопыхахъ черкеску. Человѣкъ этотъ, однако, участвовалъ и въ перевозкѣ Лермонтова, но это уже было исполнено имъ по распоряженію мѣстныхъ властей.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе историческихъ данныхъ и перейдемъ къ слѣдующимъ, подъ которыми никакой почвы не имѣется. Мы разумѣемъ тутъ, конечно: «Выписки изъ семейныхъ писемъ» и «Послѣсловіе князя Д. Д. Оболенскаго». Это не горькое слезоточивое повѣствованіе Николая Соломоновича, имѣвшее задачей—«высказаться, облегчить совѣсть откровеннымъ признаніемъ и т. п.», а старая, опровергнутая и давно забытая фанфаронада о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ, вслѣдствіе непердачи первымъ послѣднему конверта съ письмами или дневниками его сестеръ.

Въ числѣ семейной переписки напечатаны тѣ три выписки изъ писемъ Мартынова къ отцу, отъ 5 октября 1837 г., и его матери къ нему, отъ 25 мая и 6 ноября, того же года, которыя уже были воспроизведены княземъ Д. Д. Оболенскимъ въ № 5754 «Новаго Времени» 1892 года, о посылкѣ съ Лермонтовымъ конверта, въ которомъ находились, между прочимъ, деньги 300 р., и о полученіи Мартыновымъ только денегъ, такъ какъ конвертъ во время пути у Лермонтова былъ украденъ вмѣстѣ со всѣми вещами, находившимися въ его чемоданѣ. Историческаго значенія эти письма никакого не имѣютъ, такъ какъ посылка конверта состоялась въ 1837 году, и непердача Лермонтовымъ писемъ или дневниковъ сестеръ Мартынова не могла быть причиною дуэли въ 1841 году. Но легенда создана, и благодаря недобросовѣстности автора и ус-

лужливости друзей его, эта злобная и бессмысленная клевета уже болѣе 50 лѣтъ носится надъ могилой безвременно погибшаго поэта.

Но чтобы не показаться голословнымъ, прослѣдимъ ходъ появленія и распространенія въ обществѣ Мартыновской клеветы.

Первый слухъ о письмахъ, какъ причинѣ дуэли, сообщенъ Я. И. Костенецкимъ ¹⁾ со словъ Мартынова, котораго онъ встрѣтилъ въ концѣ октября 1841 г., когда тотъ, въ ожиданіи рѣшенія своей участи по приговору военнаго суда, находился въ Желѣзноводскѣ. Изъ разсказа бывшаго московскаго полицеймейстера Н. И. Огарева, со словъ тоже Николая Соломоновича, мы знаемъ ²⁾, что на подобное заявленіе натолкнулъ его одинъ изъ находившихся въ 1841 г. въ Пятигорскѣ жандармскихъ офицеровъ ³⁾, который сдѣлалъ нѣчто подобное и въ донесеніи своемъ генералу Дубельту. Выходка эта будетъ вполне понятна, если мы припомнимъ, что генералъ Дубельтъ былъ начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а графъ Бенкендорфъ, командиръ корпуса, какъ извѣстно, преслѣдовалъ въ послѣднее время поэта, и ему, вѣроятно, нужны были подобныя свѣдѣнія для какихъ нибудь цѣлей.

Но такъ какъ эта ложь никакой почвы подъ собою не имѣла, то она, промелькнувъ, много лѣтъ была предана забвенію. Возобновеніе ея мы видимъ уже послѣ 1870 года, когда появились въ печати первыя предположенія о загадочности смерти поэта. Чтобы отвѣчать на нихъ, князь А. И. Васильчиковъ принялся за перо, а Н. С. Мартыновъ, по свойственной ему манерѣ, сталъ посвящать въ подробности не только друзей, но и постороннихъ лицъ, интересовавшихся событіемъ. Такъ, мы имѣемъ повѣствованія о письмахъ отъ друзей и почитателей Мартынова, напримѣръ, П. И. Бартенева ⁴⁾; а затѣмъ и отъ совершенно постороннихъ людей, встрѣтившихся съ Мартыновымъ совершенно случайно, г. Бетлинга и доктора Пирожкова ⁵⁾.

Такимъ образомъ, мы можемъ установить тотъ фактъ, что измышленіе клеветы всецѣло принадлежитъ злему генію поэта— Н. С. Мартынову, и какъ подобная басня ни бессмысленна, но у нея, какъ у всякой лжи, къ несчастью, нашлись распространители. Оспаривать вновь эту ложь мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ она уже получила должное возмездіе, но для нѣкоторыхъ читателей, быть можетъ, интересно было бы уяснить, почему именно Мартыновъ прибѣгнулъ къ такому неопозволительному средству. Злой геній

¹⁾ Его Воспоминанія: «Русская Старина», 1885 г., № 9, и Русскій Архивъ, 1887 г., № 1.

²⁾ Статья «Новыя свѣдѣнія о Лермонтовѣ»: «Историческій Вѣстникъ», 1892 г., № 11.

³⁾ Вѣроятно, «глазъ Траскина» — Кувшинниковъ.

⁴⁾ «Русскій Архивъ», 1887 г., № 1.

⁵⁾ «Нива», 1885 г., № 27.

поэта, по словамъ П. А. Арсеньева ¹⁾, былъ человѣкъ безхарактерный, и поэту всегда находился подъ чьимъ либо постороннимъ влияніемъ. Увлеченному на живыя показанія на слѣдствіи и судѣ своими секундантами, ему уже не была тягостна новая ложь, имѣвшая для него характеръ свѣтской сплетни. А разъ человѣкъ сошелъ на стезю неправды, ему уже ничего не стоило повторять разъ пущенную въ обращеніе клевету. Друзья Николая Соломоновича находили характеръ его загадочнымъ. Князь А. И. Васильчиковъ въ восьмидесятихъ годахъ говорилъ П. А. Висковатову, что «изъ источниковъ, близкихъ Мартынову, исходятъ рассказы, несогласные съ дѣйствительностію» ²⁾, а подобный отзывъ близкаго къ дѣлу человѣка— уже приговоръ...

Но за всѣмъ тѣмъ по отношенію Николая Соломоновича общественная совѣсть, можетъ быть, допустить еще какія нибудь смягчающія обстоятельства: онъ совершилъ убійство—и, говорятъ, страдалъ; въ глазахъ людей, которые казались ему болѣе строгими, ему хотѣлось чѣмъ нибудь оправдаться; въ годовщину дуэли онъ цѣлый день истязалъ себя молитвой и постомъ, сожалѣя о смерти поэта отъ его руки. Слѣдовательно, онъ можетъ казаться жалкимъ, но во всякомъ случаѣ достоинъ сожалѣнія...

Пожалуй, можно допустить, что истязательныя молитвы обусловливались не сожалѣніемъ о смерти поэта: тотъ, кто не протянулъ руки примиренія передъ дуэлью, не смотря на представленія секундантовъ и просьбы всѣхъ друзей поэта, и жаждалъ кроваваго удовлетворенія, кто, придя на барьеръ, цѣлилъ въ противника, не желавшаго даже стрѣлять, такъ долго, что секундантъ долженъ былъ сказать: «стрѣляйте! или я разведу васъ!»... ³⁾, кто не взялъ смертельно раненаго противника на свои дрожки и уѣхалъ домой, оставя его умереть одного въ полѣ, кто послѣ смерти распустилъ о немъ недобрые слухи,—тотъ едва ли будетъ сожалѣть о его смерти. Скорѣй всего, на душѣ его лежала тяжелая тайна—преднамѣренность, тайна, такъ тщательно соучастниками укрытая, и она-то, можетъ быть, заставляла его лить слезы и возносить молитвы о прощеніи содѣяннаго. Но такъ или иначе общественная совѣсть, повторяемъ, еще можетъ допустить по отношенію Николая Соломоновича нѣкоторыя смягчающія обстоятельства...

Но что сказать въ оправданіе людей, продолжающихъ донинѣ разносить по бѣлу свѣту реставрированныя ими, какъ нѣчто стоя-

¹⁾ «Нива», 1885 г., № 27.

²⁾ Біографія поэта, стр. 442. Примѣчаніе.

³⁾ Кстати необходимо оговориться: въ запискѣ секундантовъ съ брульонами упоминается, что Мартыновъ третій разъ въ жизни стрѣлялъ изъ пистолета на дуэли съ Лермонтовымъ, но этотъ счетъ выстрѣловъ относится къ числу его выстрѣловъ на дуэляхъ; вообще же Николай Соломоновичъ обучался стрѣльбѣ въ школѣ и считался хорошимъ стрѣлкомъ.

щее вниманія, старыя басни. Не зная ни сути дѣла, ни его литературы, ни результатовъ многолѣтнихъ изслѣдованій, они, прочитавъ случайно какую нибудь статью, дополняющую изслѣдованія, вдругъ припоминаютъ что-то слышанное въ дѣтствѣ, чуть не отъ няньки, просвѣтляются, впадаютъ въ экстазъ и, схвативъ перо, принимаются выкладывать на бумагу весь старый хламъ своей памяти. Они смѣло восклицаютъ, что всѣ писавшіе прежде ходили только «около» сути дѣла, что вся ихъ работа—нуль, и что только имъ однимъ извѣстна истина. Но эта истина оказывается, однако, давно извѣстной всѣмъ сказкой «о конвертѣ съ дневниками сестеръ Мартынова и деньгами 300 р.». Имъ представляютъ, что конвертъ съ дневниками—одно, а дуэль—другое, что между ними нѣтъ ничего общаго, что конвертъ не могъ быть причиной дуэли, такъ какъ исторія съ нимъ случилась за четыре года, а дружба въ это время между поэтомъ и Мартыновымъ не нарушалась, и что, наконецъ, пропажа чемодана съ вещами, гдѣ хранился конвертъ, свѣдущими людьми удостовѣрена. Они съ задоромъ отвѣчаютъ: «ну, чтожъ! если времени между исторіей писемъ и поединкомъ прошло много, то, быть можетъ, были еще и другія причины»... и беззабѣнно заносятъ на страницы историческаго журнала старую опровергнутую критикой басню. Но уразумѣемъ суть намѣка, что, «быть можетъ, были еще и другія причины»... т. е. причины дуэли, кромѣ конверта. Намекъ этотъ вульгаренъ и не чистъ. Онъ относится къ увлеченію Лермонтова сестрой Мартынова, Натальей Соломоновной. Намъ говорятъ о визитѣ къ ней Михаила Юрьевича и насмѣшкѣ надъ ея сентиментальностью, о томъ, что она, вернувшись съ Кавказа въ 1837 году, бредила Лермонтовымъ, рассказывала, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и красовалась въ знаменитой красной шали, которую любилъ будто бы такъ поэтъ. Въ свое время розсказни эти были также опровергнуты: съ одной стороны, указаніемъ на то, что знакомство Лермонтова съ Мартыновыми относится къ ранней его юности, чему могутъ служить доказательствомъ стихи его Мартыновой, написанные въ 1830 году¹⁾, и что впоследствии, при

¹⁾ Вотъ это стихотвореніе:

Когда поспорить вамъ придется,
 Не спорьте никогда о томъ,
 Что невозможно быть съ умомъ
 Тому, кто въ этомъ признается;
 Кто съ вами разъ поговорилъ,
 Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
 Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
 И что другое все забылъ.

Есть ли въ этомъ стихотвореніи какой либо намекъ на сердечныя отношенія? А споры съ дѣвцами, какъ бы онѣ ни были умны, не особенно привлекали къ нимъ поэта.

случайныхъ встрѣчахъ въ 1837 или 1839 годахъ, знакомство это ограничивалось одними визитами; съ другой же стороны, что всѣ сердечныя увлеченія поэта извѣстны, но объ ухаживаніи его за Натальей Соломоновной, кромѣ нея самой, никто ничего не слышалъ. Въ дополненіе къ этому прибавимъ, что вернувшаяся въ 1837 году съ Кавказа сестра Мартынова (да и были ли вообще Мартыновы въ этомъ году на Кавказѣ — еще проблемма) не могла рассказывать, что она изображена въ романѣ «Герой нашего времени», и рисоваться въ красной шали, потому что романъ этотъ былъ написанъ въ 1838—1839 годахъ и появился въ печати только въ 1840 году. Очевидно, что всѣ подобныя сердечныя откровенія сентиментальной дѣвицы, такъ усердно распространяемыя нынѣ досужими разсѣвателями старыхъ басенъ, есть не что иное, какъ *ria desideria* влюбленной барышни, принявшее въ ея головкѣ форму факта, по всей вѣроятности, гораздо позднѣе, когда поэта, быть можетъ, уже не было въ живыхъ, и для фантазіи явилось широкое поле. Но для чего, поставимъ вопросъ, извлекать все это изъ мрака, плѣсени и забвенія, и кому это нужно?

Князь Д. Д. Оболенскій въ «Послѣсловіи» своемъ обрушивается на насъ по поводу статей нашихъ, появившихся въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года. Не будемъ напрасно горячиться и ломать копій изъ-за пустяковъ: «Послѣсловіе» почтеннаго автора не достаточно серьезно для серьезныхъ споровъ и препирательствъ. Скажемъ въ отвѣтъ только нѣсколько словъ, могущихъ возстановить истину, попорченную послѣднимъ поклонникомъ Мартынова.

«Меня поразилъ,—пишетъ авторъ «Послѣсловія»:—тонъ и безцеремонный пріемъ человѣка, пишущаго чрезъ полвѣка о людяхъ, совершенно незнакомыхъ, и по справкамъ, собраннымъ во время отъ 30 до 50 лѣтъ послѣ поединка. И что онъ могъ узнать? Старикъ Чилевъ очень вѣрно отвѣтилъ, что ничего не помнить и за давностью все забылъ».

Благодаримъ князя Д. Д. Оболенскаго за то, что онъ призналъ въ трудѣ нашемъ изслѣдованіе «по справкамъ» за полвѣка. Мы сами въ концѣ статьи нашей: «Послѣдніе дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова», заявили, что разобратъся въ нагроможденіи лжи на ложь, клеветы на клевету и извѣтовъ на извѣты, и возстановить во всей чистотѣ и блескѣ гениальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени» — дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историку въ дѣлѣ выясненія истины. Программой этой мы руководимся и нынѣ, и не стыдимся того, что собираемъ и вносимъ въ исторію однѣ только презрѣнныя «справки». О времени же, за которое собраны нами «справки», позволимъ себѣ замѣтить, что Шекспиръ жилъ 300 слишкомъ лѣтъ до насъ, но о немъ до сихъ поръ еще

пишутъ, и подчасъ новая какая нибудь ничтожная «справка» проливаетъ свѣтъ на жизнь или дѣятельность великаго человѣка. Почему же подобный масштабъ не можетъ быть примѣненъ и по отношенію М. Ю. Лермонтова. Истинные почитатели его таланта радуются появленію каждой новой строки, могущей обрисовать загадочный характеръ поэта, его взгляды и стремленія, или его борьбу за жизнь и принципы. И что бы ни восклицали о «справкахъ» мартыновцы, мы убѣждены, что о Михаилѣ Юрьевичѣ будутъ писать у насъ не 30—50 лѣтъ, а столько же, сколько и о Шекспирѣ.

Въ статьѣ нашей, на которую нападаетъ кн. Оболенскій, мы только собрали матеріалы, или, если князю такъ болѣе нравится, «справки» о жизни поэта въ 1841 году въ Пятигорскѣ и сдѣлали изъ нихъ соотвѣтственный, или казавшійся намъ соотвѣтственнымъ, выводъ. Мы старались указать на неточности, вкравшіяся въ біографіи поэта, изданныя по случаю 50-тилѣтія со дня его смерти, приняли во вниманіе новыя свѣдѣнія, не бывшія въ рукахъ редакторовъ сказанныхъ біографій, какъ, напримѣръ, дѣла и замѣтки В. И. Чилыева, рассказы Н. П. Раевского, слуги Лермонтова Саникидзе и др., и такимъ образомъ выяснили многое, что казалось прежде неяснымъ, темнымъ, или совершенно чуждымъ характеру или принципамъ поэта.

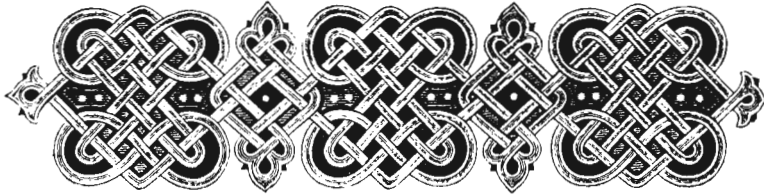
Напрасно авторъ «Послѣсловія» восклицаетъ: что мы могли узнать, въ особенности отъ В. И. Чилыева, который самъ отвѣчалъ, что ничего не помнить и все забылъ! Изъ дальнѣйшихъ его объясненій мы убѣждаемся, что онъ удостоилъ прочтенія только «часть сказаній нашихъ». А это не дѣлаетъ ему чести, нельзя ополчаться на сочиненіе, не зная его вполнѣ. Если бы князь Оболенскій потрудился прочитать статью нашу до конца, онъ бы, можетъ быть, не ратовалъ противъ насъ, или, по крайней мѣрѣ, не изрекалъ бы такихъ своеобразныхъ заключеній, что всѣ писавшіе о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ «ходятъ около, но никто еще не узналъ и не высказалъ дѣйствительной причины»... Не написалъ бы онъ, вѣроятно, и своего отзыва о старикѣ Чилевѣ. Онъ увидѣлъ бы, что этотъ почтенный человѣкъ отозвался запамятованіемъ только о мѣстѣ бывшей могилы поэта въ Пятигорскѣ, и то потому, что часть кладбища отошла подъ вновь воздвигнутый храмъ. Во всемъ остальномъ указанія его неопѣненны, такъ какъ пролили свѣтъ на многія темныя стороны роковой кончины поэта, и мы смѣло можемъ выразить увѣренность, что современемъ тайна эта будетъ по документамъ, хранящимся въ архивахъ, выяснена окончательно. Достоверность Чилевскихъ свѣдѣній нельзя уничтожать однимъ взмахомъ пера: онъ, дескать, все забылъ и ничего не помнить; ибо онъ не рассказывалъ о событіяхъ спустя 30 лѣтъ послѣ дуэли, какъ увѣряетъ князь Оболенскій; онъ передалъ намъ замѣтки, сдѣланныя имъ—въ 1841-мъ году, и передалъ подлинныя дѣла. А что онъ зналъ

суть дѣла, даже болѣе, чѣмъ сами участники дуэли,—будетъ очевиднымъ, если мы припомнимъ, что онъ не былъ лицомъ заинтересованнымъ и, слѣдовательно, перетолковывать и искажать факты надобности не имѣлъ, и что свѣдѣнія, даже интимныя, могли быть ему извѣстны, такъ какъ онъ въ 1841 году исполнялъ должность плацъ-адъютанта комендантскаго управленія и въ секреты службы, равно какъ и въ секреты обывательскіе, былъ, конечно, посвященъ.

Далѣе князь Оболенскій принимаетъ подъ свое покровительство князя Васильчикова. Въ статьѣ нашей появились отзывы объ этомъ почтенномъ дѣятелѣ, не понравившіеся автору «Послѣсловія», и онъ съ гордостью говоритъ, что взялся за перо, съ цѣлію защитить память князя отъ нареканій. Отъ какихъ нареканій—конечно, не объяснено; говорится въ общихъ фразахъ, что роль князя не подтверждается нигдѣ, и въ доказательство незнакомства нашего съ дѣломъ указано, что мы даже не знали, кто у кого изъ противниковъ былъ секундантомъ на дуэли, такъ какъ въ показаніяхъ Мартынова князь Васильчиковъ былъ названъ секундантомъ Лермонтова. Не чувствуя ни малѣйшей охоты воевать съ мельницами, мы замѣтимъ только, что лично отъ себя никакихъ ролей князю Васильчикову не давали, а если изъ замѣтокъ В. И. Чилиева нѣкоторыя дѣйствія Васильчикова разоблачились и получили надлежащее освѣщеніе, то мы тутъ не причемъ. Мы только, по словамъ самого автора «Послѣсловія», собрали «справки». А что эти «справки» нигдѣ не подтверждаются, то подобное заключеніе можно сдѣлать по прошествіи извѣстнаго времени, а не тотчасъ послѣ появленія статьи, и даже не статьи, а только части статьи. Что же касается ссылки на секундантство князя Васильчикова у Лермонтова, то вопросъ объ этомъ выясненъ выше и можетъ считаться поконченнымъ.

Входитъ въ полемику о личностяхъ, о клеветѣ, о неумѣніи Мартынова стрѣлять, о драгоцѣнности оставленныхъ имъ бумагъ—мы не считаемъ себя вправѣ, такъ какъ подобная полемика несколько не разъясняетъ истины, и если что позволимъ себѣ выразить, то это удивленіе, зачѣмъ понадобилось князю Д. Д. Оболенскому еще разъ печатать рассказъ свой о посылкѣ сестрами Мартынова съ Лермонтовымъ, для передачи брату своему, конверта съ дневниками и деньгами, о влюбленности Натальи Соломоновны въ Лермонтова, ея бредѣ о немъ и щегольствѣ красной шалью. Неужели онъ предполагаетъ, что можетъ найтись чelовѣкъ, который заинтересуется подобными свѣдѣніями? Все это прошло уже черезъ критику и признано баснями. Для чего же было повторять ихъ? Кому это нужно?

Петръ Мартыновъ.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА ВУЛКАНЪ ГЕДЭ.

СКАДРА Государя Наслѣдника Цесаревича, въ составѣ трехъ кораблей: «Память Азова», «Адмираль Нахимовъ» и «Владиміръ Мономахъ», пришла въ Батавію 25 февраля 1891 года.

Во время стоянки эскадры на Батавскомъ рейдѣ, мнѣ удалось, между прочимъ, сдѣлать одну весьма интересную экскурсію, которой, сколько я знаю, не продѣлывалъ еще ни одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ, кого судьба забрасывала на этотъ далекій островъ. Я говорю о подъемѣ на Гедэ.

Гедэ лежитъ приблизительно въ 180 верстахъ отъ Батавіи и представляетъ одинъ изъ величайшихъ нынѣ дѣйствующихъ вулкановъ Явы: высота его = 9.326 ф. надъ уровнемъ моря. Для челоуѣка, совершенно незнакомаго со страной, въ первый разъ пріѣзжающаго на Яву и располагающаго самымъ ограниченнымъ количествомъ времени, добраться до этого вулкана является задачей довольно сложной: надо попасть сначала въ г. Тянджуръ, который находится на прямомъ желѣзнодорожномъ пути, соединяющемъ Батавію съ Гарутомъ; изъ Тянджюра проѣхать около 25 верстъ на лошадахъ въ Синданглію и начать подъемъ на Гедэ именно отъ этого мѣстечка, расположившагося у самой подошвы вулкана.

Въ Батавіи я узналъ, что путешествіе въ Синданглію должно взять приблизительно часовъ 11—12; а такъ какъ на Явѣ ночью поѣзда не ходятъ (желѣзно-дорожное движеніе по всѣмъ тамошнимъ линіямъ начинается около 7-ми часовъ утра и заканчивается часовъ въ 9 вечера), то, чтобы не терять даромъ времени, я рѣшился отправиться сначала въ Бейтензоргъ, осмотрѣть его всемірно-зна-

менитый ботанической садъ и отсюда уже на слѣдующій день ѣхать въ Тяндьюръ.

Я выѣхалъ изъ Бейтензорга 28-го февраля, съ первымъ поѣздомъ, отходящимъ въ 6 ч. 40 м. утра. Утро было чудесное. Въ окна вагона врывался свѣжій горный вѣтеръ, который удивительно пріятно дѣйствовалъ на нервы, ослабленные полутора-мѣсячнымъ пребываніемъ въ парниковой атмосферѣ тропическихъ странъ. Дорога пересѣкаетъ вначалѣ рядъ хребтовъ и до первой станціи (Batu-tulis) не представляетъ ничего особеннаго. Далѣе путь становится гораздо живописнѣе: вотъ направо мелькнула долина, гдѣ шумитъ по камнямъ пѣнисто-мутный горный ручей; она вдругъ скрылась за скалистымъ выступомъ и затѣмъ также внезапно оказалась опять, пересѣкаемая той же шумящей рѣчкой, усѣянная колосающимися зелено-желтыми полями, покрытая купами могучихъ тропическихъ деревьевъ, между которыми мощно выступаютъ раскидистыя кокосовыя пальмы. Немного дальше пошли террасы рисовыхъ полей, приготовляемыхъ подъ посѣвъ: повсюду виднѣются маленькіе прудики—это залитые квадратики рисовыхъ участковъ, вездѣ бѣгутъ струйки воды, спускаемой съ одной террасы на другую. Еще разъ потомъ (это было на поль-пути отъ Бейтензорга) мелькнули горныя рисовыя поля и затѣмъ пропали (я ихъ не видѣлъ больше).

Потянулись горныя хребты, то обнаженные, то покрытые густыми лѣсами. Станціи здѣсь довольно часты: на пятичасовомъ разстояніи между Бейтензоргомъ и Тяндьюромъ я насчиталъ ихъ 14. Поѣздъ стоитъ на станціяхъ недолго: 5—7 минутъ, не больше. Буфетовъ нѣтъ: полуголые туземныя мальчишки и старухи-торговки ходятъ отъ вагона къ вагону, предлагая холодную воду, фрукты, яйца, вареный рисъ и т. п. свѣдъ. Только здѣсь я оцѣнилъ впервые всю прелесть рамбутановъ: такъ называется одинъ туземный плодъ, величиною съ крупный грецкій орѣхъ, покрытый темно-красной кожистой, мохнатой скорлупой, разрывая которую находишь бѣлую, вкусную мякоть, облекающую твердое сѣмя; она и освѣжаетъ, и утоляетъ жажду.

Было около 11^{1/2} часовъ дня, когда поѣздъ остановился у Тяндьюра. Городокъ этотъ весь утопаетъ въ зелени. Онъ очень не великъ, лежитъ на 1.500 ф. надъ уровнемъ моря; но особенно здоровымъ климатомъ не отличается, да и вообще самъ по себѣ не представляетъ ничего особеннаго; но въ 25 верстахъ отъ него находится такъ называемая Синданглая (Sindanglaya), мѣстечко, славящееся своимъ мягкимъ, почти европейскимъ климатомъ, порядочнымъ отелемъ, представляющимъ въ то же время санитарное учрежденіе, и видомъ на вулканъ Гедэ, до котораго, какъ мнѣ рассказывали, легко оттуда добраться.

У станціоннаго подъѣзда стояло нѣсколько извозчичьихъ экипажей, запряженныхъ парюю маленькихъ лошадокъ. Я взялъ одинъ изъ нихъ, не справляясь о цѣнѣ, потому что здѣсь существуютъ установившіяся для такихъ случаевъ цѣны, и сказалъ только одно слово: «Синдангляйя». Меня повезли по какимъ-то кривымъ закоулкамъ, и скоро мы въѣхали въ обширный дворъ, гдѣ я увидѣлъ большую яванскую хижину, конюшню съ нѣсколькими лошадьми и два экипажа. Очевидно было, что это — извозчичій дворъ, и что мнѣ собираются мѣнять лошадей и экипажъ. Дѣйствительно выкатили двухколесную таратайку, гораздо болѣе удобную, чѣмъ обыкновенная городская, потому что у ней есть отдѣльный облучекъ для кучера и прямое сидѣнье для пассажира, который смотритъ впередъ, а не назадъ, — также закрытую только сверху навѣсомъ, запрягли тройку лошадей, и мы тронулись въ путь.

Миновавъ нѣсколько переулковъ и улицъ, гдѣ въ открытыхъ настежъ маленькихъ, грязныхъ домишкахъ шла торговля разными фруктами и мелочами, мы выѣхали на широкую шоссеюную дорогу, которая пошла подыматься очень полого въ горы. На болѣе крутыхъ подъемахъ мой возница соскакивалъ съ козелъ, заворачивалъ вожжи вокругъ облучка и самъ шель съ боку, погикивая и подхлестывая своихъ лошадокъ. При выѣздѣ изъ первой деревеньки я взглянулъ вверхъ, на высокія деревья, окружавшія ее, и увидѣлъ большую, темно-сѣрую обезьяну, перебиравшуюся на переднихъ рукахъ, съ вѣтки на вѣтку. Это былъ первый и единственный разъ, что я встрѣтилъ на всемъ своемъ путешествіи здѣсь дикаго звѣря. Да и деревень-то я видѣлъ не больше двухъ-трехъ, вплоть до Синдангляйи, хотя мѣстные туземцы и туземки постоянно попадались по дорогѣ то группами, то въ одиночку: на своихъ странныхъ коромыслахъ, представляющихъ жердь съ острыми, загнутыми кверху концами, они несли корзины кокосовыхъ орѣховъ, маленькіе снопики, или, вѣрнѣе, пучки рису, связки банановъ и т. п. Нѣкоторые изъ встрѣчавшихся мужчинъ чуть-чуть приподымали свои круглыя, островерхія шляпы, что, повидимому, означало поклонъ; другіе угрюмо глядѣли въ мою сторону. Ни улыбокъ, ни смѣха, ни шутокъ между ними я не видѣлъ. И мужчины, и женщины, и даже дѣти, молча, пристально-серьезно всматривались въ меня своими большими черными глазами, и подъ этими тяжелыми, пытливыми взглядами дѣлалось какъ-то не по себѣ. Мнѣ невольно вспомнилась улыбающаяся, жизне-радостная Японія!.. На одномъ изъ подъемовъ я оглянулся назадъ: внизу разстилалась обширная горная страна, покрытая сизыми волнистыми складками хребтовъ и свѣтлыми пятнами долинъ, а на горизонтѣ, то тамъ, то здѣсь, подымались высокіе массивы отдѣльныхъ пиковъ, закутанные темными тучами.

Было около четырехъ часовъ по полудни, когда мы подъѣхали къ большому двухъ-этажному зданію, стоящему посреди возвы-

шенной площадки, усаженной клумбами душистыхъ европейскихъ цвѣтовъ и высокими, раскидистыми деревьями: я былъ въ Синдан-глайѣ, а зданіе, къ которому меня подвезли, оказалось именно тѣмъ самымъ Gesondheidsetablissement'омъ и вмѣстѣ гостинницей, о которомъ я говорилъ выше.

Четыре часа дня — время всеобщаго покоя и сна у европейскихъ обывателей Нидерландской Индіи. На встрѣчу мнѣ вышелъ китаецъ¹⁾, съ которымъ я только понапрасну измучился, стараясь втолковать ему, что мнѣ надо сейчасъ же видѣть хозяина заведения. Наконецъ, на мое счастье, выползла откуда-то европейская фигура, къ которой я и воззвалъ о помощи. М. Leroux (хозяинъ etablissement'a) живетъ въ отдѣльномъ хорошенькомъ домикѣ, тутъ же въ двухъ шагахъ отъ гостинницы, и, не смотря на неурочное время моего визита, не заставилъ ждать себя долго. Услышавъ о моемъ желаніи тотчасъ же отправиться на Гѣдэ, онъ хладнокровно замѣтилъ, что это — вещь совершенно невозможная: во-первыхъ, надо основательно подкрѣпиться пищей и отдохнуть, ибо путь на вулканъ очень тяжелъ; во-вторыхъ, теперь слишкомъ жарко, и я напрасно истомлюсь самъ и измучу проводниковъ; а, въ-третьихъ, если бы я даже и успѣлъ къ ночи добраться до вершины, то все равно пришлось бы тамъ ждать утра, чтобы видѣть какъ самый вулканъ, такъ и открывающіяся оттуда перспективы; самое лучшее время для подъема около девяти часовъ вечера: выйдя въ эту пору, можно добраться до площадки у вулкана часамъ къ двумъ ночи; здѣсь надо дожидаться разсвѣта, подкрѣпиться пищей и затѣмъ уже лѣзть на вулканъ. «Итакъ, — закончилъ Леру: — пойдемте сейчасъ закусить, затѣмъ ложитесь спать и спите до вечера; въ 7^{1/2} часовъ мы обѣдаемъ, а въ 9 вы можете уже быть въ пути; я приготовлю вамъ проводника и носильщика провизіи, — двухъ людей, я полагаю, будетъ совершенно достаточно».

Мнѣ ничего, конечно, не оставалось, какъ согласиться съ этой аргументаціей.

Мы отправились съ хозяиномъ въ главное зданіе, въ нижнемъ этажѣ котораго находится, между прочимъ, громадная столовая, весьма просто меблированная, и усѣлись за длинный-предлинный столъ, на одномъ только концѣ накрытый скатертью. Завязался разговоръ. Леру охотно отвѣчалъ на всѣ мои вопросы. Они, конечно, прежде всего касались завѣдуемаго имъ оригинальнаго учрежденія: гостинницы и вмѣстѣ санаторіи. Оказалось, что заведеніе можетъ вмѣстить до 150 человѣкъ; въ настоящее же время въ немъ было только 70 нижнихъ чиновъ и 7 офицеровъ: все это — выздоравливающіе послѣ «маляріи» и «берибери», присланные сюда вра-

¹⁾ Китайцевъ на Явѣ до 200.000 человѣкъ; они занимаются главнымъ образомъ торговлей и ремеслами.

чами для окончательной поправки. У Леру имѣется контрактъ съ правительствомъ, по которому онъ обязанъ содержать у себя больныхъ воинскихъ чиновъ, нанимать для нихъ на свой счетъ врача и имѣть аптеку. Казна же платитъ ему 2¹/₂ гульдена въ день за каждаго солдата или матроса и 3¹/₂ гульдена за унтеръ-офицера, причеъ ему во всякомъ случаѣ гарантирована ежемѣсячная сумма въ 600 гульденовъ. Офицеры платятъ сами за себя, смотря по рангу: субалтернъ—офицеры—1¹/₂ гульдена, лейтенанты—2¹/₂ гульдена и штабъ-офицеры—3¹/₂ гульдена. А такъ какъ по расчету Леру, онъ долженъ получать съ нихъ круглымъ числомъ по 4 гульдена въ день, то недостающая до этой цифры сумма также доплачивается правительствомъ.

Получать припасы здѣсь довольно затруднительно: все надо везти изъ города, начиная отъ масла, сыра и живаго скота до фруктовъ включительно: на этой высотѣ (3.000 фѳут.) нѣкоторыя тропическія фруктовыя деревья хотя и растутъ еще роскошно, но плоды ихъ не вызрѣваютъ.

Послѣ завтрака я отправился въ отведенную мнѣ комнату, въ нижнемъ этажѣ главнаго зданія. Большая, высокая, съ сѣро-желтыми обоями на стѣнахъ, съ поломъ, покрытымъ потемнѣвшими циновками, тускло освѣщенная однимъ окномъ, закрытымъ занавѣсами и мелко, мелко плетеной металлической сѣткой, пахнущая затхлистой сыростью, она глядѣла довольно таки неуютно и мрачно. Всю ея обстановку составляли: столъ, стулъ, умывальникъ, потускнѣвшее, пыльное зеркало и большая кровать, обтянутая со всѣхъ сторонъ мустикеромъ.

Когда я проснулся, уже стемнѣло. Глубокая тишина дома поразила меня. Я вышелъ на веранду, гдѣ горѣли всячія лампы, и стояли столы и кресла: нигдѣ ни души. Темная ночь закутала вершины горъ. Въ сторонѣ Гедэ сверкали широкія молніи; по временамъ слышались отдаленные глухіе раскаты грома. Не зная, куда дѣваться отъ охватившей меня вдругъ тоски, я взялъ стулъ, придвинулъ его къ балюстрадѣ веранды и сталъ всматриваться и вслушиваться въ окружающую меня тьму. Въ ней, въ этой тьмѣ, кипѣла теперь своеобразная жизнь: тысячи странныхъ, трескучихъ звуковъ, необычайной силы, наполняли воздухъ, говоря о присутствіи невѣдомыхъ мнѣ ночныхъ насѣкомыхъ, птицъ, звѣрей. Большія летучія мыши неслышно вылетали изъ мрака и также тихо уходили во мракъ. Множество свѣтящихся жуковъ сверкали по всѣмъ направленіямъ, и аромат цвѣтовъ, наполнившій воздухъ, странно раздражалъ нервы... Вдругъ послышались тяжелыя капли дождя, затѣмъ—смѣхъ и смутный говоръ нѣсколькихъ голосовъ, и вскорѣ на веранду явилась цѣлая компанія джентльменовъ, обывателей отеля, которые, какъ оказалось, дѣлали свой ежедневный предобѣденный моціонъ.

Немного погодя, мы всё сидѣли въ той же большущей столовой, причѣмъ жена хозяина гостинницы была единственной нашей дамой.

Разговорившись съ моими ближайшими сосѣдями, — оба оказались сухопутными офицерами колониальной нидерландской арміи и оба поправлялись здѣсь отъ жестокой яванской перемежающейся лихорадки, — я узналъ, между прочимъ, что правительству Нидерландской Индіи содержаніе его военныхъ силъ (центромъ сосредоточенія которыхъ является островъ Ява) обходится очень дорого, благодаря главнымъ образомъ, значительной заболѣваемости среди солдатъ и офицеровъ, сильно страдающихъ какъ отъ климата, такъ и отъ губительныхъ мѣстныхъ заразныхъ болѣзней. Для того, чтобы по возможности парализовать вредное вліяніе этихъ мѣстныхъ условій, здѣсь проводится теперь цѣлый рядъ весьма важныхъ гигиеническихъ мѣропріятій, во главѣ которыхъ поставлено коренное измѣненіе въ системѣ распредѣленія гарнизоновъ по острову. Дѣло въ томъ, что до послѣдняго времени здѣшнія войска группировались въ трехъ главныхъ пунктахъ: въ Батавіи, Самарангѣ и Сурабайѣ. Всѣ эти три города лежатъ въ низменной полосѣ сѣвернаго берега Явы, гдѣ особенно тяжело сказываются всѣ прелести тропическаго климата, и съ особенной силой проявляютъ свое дѣйствіе страшные бичи Явы: злокачественныя лихорадки и «берибери». Теперь рѣшено перевести всѣ гарнизоны внутрь острова, въ гористыя мѣстности, свободныя отъ этихъ болѣзней, съ климатомъ, гораздо болѣе умѣреннымъ, но при томъ такія, которыя были бы связаны желѣзными дорогами какъ съ вышеупомянутыми тремя главными портами сѣвернаго берега Явы, такъ и съ центральными и южными провинціями ея: колониальное правительство имѣетъ весьма основательныя причины не довѣрять лояльности многочисленныхъ туземныхъ владѣтельныхъ князьковъ, до сихъ поръ не забывшихъ еще добраго стараго времени, когда господами положенія являлись они, а не эти откуда-то съ неба свалившіеся пришельцы, — и потому оно здѣсь постоянно находится насторожѣ: малѣйшая вспышка можетъ повести за собой обширный пожаръ, а какъ трудно бываетъ справляться съ такими пожарами, объ этомъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуетъ новѣйшая исторія возстанія на островѣ Суматрѣ, продолжающагося уже непрерывно цѣлыхъ 15 лѣтъ.

Дождь къ концу обѣда прекратился, и около 9-ти часовъ вечера я двинулся въ путь, рассчитывая достигнуть вершины вулкана, самое позднее, часамъ къ тремъ утра. Впереди меня шель, съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ, проводникъ-яванецъ; а сзади другой яванецъ несъ на коромыслѣ два большихъ деревянныхъ ведра, въ которыя были наложены сѣстные припасы и питье: не смотря на обиліе имѣющихся повсюду горныхъ ручьевъ, пользоваться ихъ водой тамъ очень опасно, въ виду возможности получить какое либо тяжелое инфекціонное заболѣваніе. Со мной были

взяты: бутылка краснаго вина, бутылка простой воды, употребляемой въ гостинницѣ, шесть бутылокъ минеральной воды и четыре бутылки пива; всего этого запаса мнѣ едва-едва хватило на оба конца.

Ночь была темна, хотъ глазъ выколи; но факель проводника горѣлъ ярко и хорошо освѣщаль ближайшее пространство пути. Этотъ факель представлялъ собою довольно толстый отрѣзокъ бамбука, длиною около 1¹/₂ фута, закрытый съ нижняго и открытый на верхнемъ концѣ; верхнее отверстіе плотно выполняла свернутая жгутомъ толстая тряпка, пропитанная керосиномъ, налитымъ внутрь бамбучины. Кромѣ этого факела, были съ нами еще два запасные, которые несъ носильщикъ провизіи, также какъ и бутылку съ керосиномъ: все это сослужило намъ потомъ большую службу.

Почти отъ самой гостинницы пришлось уже идти въ гору; но до подножія собственно вулкана было еще очень далеко. Не прошло и трехъ четвертей часа, какъ разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ. Мы укрылись подъ навѣсъ первой попавшейся хижины. Проводники вопросительно поглядѣли на меня, потомъ заговорили что-то на своемъ странномъ языкѣ, указывая на небо, предлагая мнѣ, повидимому, вернуться; но когда я настойчиво повторилъ нѣсколько разъ слово «Гѣдэ», они успокоились. Съ полчаса продолжался ливень; затѣмъ все стихло, только струйки воды съ крышъ и деревьевъ стучали по землѣ, да журчали ручьи, побѣжавшіе съ горъ. Мы снова тронулись въ путь. Пройдя нѣсколько деревянныхъ мостиковъ, подъ которыми бѣшено кипѣла вода переполнившихся потоковъ, мы пересѣли волнистую безлѣсную мѣстность, гдѣ, при свѣтѣ далекихъ молній, можно было различить очертанія строеній, похожихъ на европейскія, и по тропинкѣ, среди густой, высокой травы, спустились къ ручью. Это былъ послѣдній большой спускъ и послѣднее подобіе какой либо дороги. Отсюда начались муки безконечнаго подъема черезъ высокіе лѣса, по дикимъ тропинкамъ, среди навороченныхъ камней, древесныхъ корней, поваленныхъ деревьевъ, ревущихъ потоковъ,— по такимъ труппамъ, однимъ словомъ, гдѣ могъ разобратъ только опытный глазъ проводника. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе дорога. Все мокро и скользко. Съ вѣтвей падаютъ крупныя капли недавняго дождя; цѣлыя брызги воды летятъ въ лицо отъ раздвигаемыхъ высокихъ кустарниковъ. Мы не идемъ, а скорѣе бредемъ по водѣ, доходящей мѣстами выше щиколокъ. Острые камни больно чувствуются сквозъ обувь. Но все это, какъ оказалось потомъ, были только цвѣточки: ягодки ждали меня впереди. Около полуночи опять засверкали молніи, загремѣлъ громъ, и потоки дождя снова хлынули на землю. Черезъ нѣсколько минутъ все, что еще оставалось сухого на тѣлѣ, было промочено насквозъ теплымъ ливнемъ.

Чтобы защитить огонь факела, проводникъ срываетъ большой листъ и очень искусно устраиваетъ изъ него родъ крыши надъ пламенемъ. Пока мы идемъ, огонь горитъ ярко, раздуваемый движеніемъ воздуха, остановимся—факель начинаетъ тускнѣть, а были моменты, когда казалось: вотъ-вотъ онъ сейчасъ погаснетъ. А фіолетовыя молніи, сопровождаемыя трескучими взрывами грома, вспыхиваютъ все чаще и чаще, и мгновенные переходы отъ мрака къ свѣту страшно раздражаютъ глаза, безъ того уже утомленные пристальнымъ разглядываніемъ дороги. Эти залпы горной грозы, шумъ дождя, ревъ потоковъ, слышимый справа, слѣва, вверху, внизу; эта обступившая со всѣхъ сторонъ невѣдомая лѣсная глушь, дышащая мощью и тайной, и странные полуголые люди, съ ихъ непонятной рѣчью, освѣщаемые колеблющимся свѣтомъ факела,— все это вмѣстѣ казалось по временамъ какой-то дикой фантазмагоріей или отрывкомъ изъ читанныхъ когда-то въ дѣтствѣ чудесныхъ путешествій въ невѣдомыя страны, и мнѣ чудилось иногда, что я самъ волшебною силою перенесенъ въ эту сказку въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица; но страшная усталость во всемъ тѣлѣ, боль въ ногахъ и другія не менѣе реальныя впечатлѣнія живой дѣйствительности очень скоро прогоняли эти дѣтскія грезы, и будничная проза вступала во всѣ свои права: какъ ловчѣе поставить ногу, чтобы не такъ было больно и чтобы въ то же время не шлепнуться въ грязь, или еще куда нибудь похуже, быть можетъ, въ тарь-тарары, какъ перебраться черезъ этотъ кипящій бѣлой пѣной потокъ, на которомъ, вмѣсто моста, какія-то жерди, къ тому же еще сдвинутыя и навороченныя другъ на друга въ совершенномъ беспорядкѣ, и главное — когда все это кончится: и дождь, и гроза, и путь,—вотъ тѣ вопросы, которые все навойливѣе и навойливѣе лѣзли въ голову, заслоняя собой другія мысли.

Изъ впечатлѣній этой дикой ночи особенно памяты мнѣ остались слѣдующіе моменты: давно уже слышалъ я гулъ огромной массы воды, несшейся сверху въ долину, и съ ужасомъ подумывалъ: неужели еще и съ нею придется считаться? Шумъ этотъ, покрывавшій собой всѣ другіе, слышавшійся даже при самыхъ сильныхъ раскатахъ грома, то удалялся, то приближался, смотря по тому, какъ извивались тропы, или, вѣрнѣе, ручьи, по которымъ мы тяжело брели. Но скоро стало ясно, что мы несомнѣнно приближаемся къ нему. Наконецъ, поднявшись на одну площадку, мы очутились лицомъ къ лицу съ этой клокочущей, ревущей, пѣнистой массой, съ безумной быстротой несшейся внизъ. Сквозь брызги потока видѣлись только груды навороченныхъ камней, да куски деревянныхъ брусевъ, принадлежавшихъ, вѣроятно, мосту, унесенному напоромъ внезапно хлынувшей воды.

Простоявъ нѣсколько времени въ раздумьи, проводникъ пере-

далъ мнѣ свой факель, а самъ, взявъ длинную, тонкую жердь и тихонько ощупывая ею дно, спустился къ потоку, потомъ быстро шагнулъ въ самую глубь его и, схватившись руками за каменные глыбы, торчавшія изъ воды, выскочилъ на противоположный берегъ. Чортъ оказался не такъ страшенъ. Ширина потока не превышала 1¹/₂ сажени, а на наибольшей глубинѣ вода доходила только до пояса. Перейдя опять потокъ, проводникъ взялъ у меня факель и повелъ за собой. Двѣ большія выдавшіяся глыбы камня оказали мнѣ великую услугу, ибо, схватившись за нихъ, я могъ съ успѣхомъ противодѣйствовать силѣ напиравшей массы и благополучно выбраться на берегъ. Но какой свѣжестью прохватила меня эта студеная горная вода! Да и въ воздухѣ сильно посвѣжѣло: чувствовался холодъ большихъ высотъ. Мои бѣдные яванцы дрожали, какъ листъ, и съ удовольствіемъ распили бутылку пива, которую я предложилъ имъ. Мы добрались вскорѣ послѣ этой переправы до удивительно-дикой мѣстности, представлявшей, при свѣтѣ факела, груды громадныхъ черныхъ камней, набросанныхъ другъ на друга въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ. Здѣсь мы отдохнули немного, и все подъ тѣмъ же ливнемъ двинулись дальше. Прошло около часа. Дождь началъ стихать. Мы были, вѣроятно, на большой высотѣ, какъ вдругъ снова послышался громкій ревъ потока. Начинаемъ потихоньку спускаться. Вотъ шумитъ гдѣ-то совсѣмъ близко. Въ воздухѣ внезапно теплѣеть, и вскорѣ насъ окутываетъ настоящая банная атмосфера: мы у самаго потока; надъ нимъ клубами вѣется бѣлый паръ; подъ ногами тепло; а въ потокѣ, который приходится переходить въ бродъ, почти по колѣни, даже жарко, такъ что тѣло съ трудомъ выноситъ эту неожиданную горячую ножную ванну: я думаю, температура ея была не меньше 30 R°. За горячимъ горнымъ ручьемъ подъемъ дѣлается все круче и круче. Дышится тяжелѣе и отъ этого подъема, и отъ разрѣженнаго воздуха. Дождь прекращается около трехъ часовъ утра. Наконецъ, въ 4 часа мы приходимъ къ какому-то шалашу; мнѣ объясняютъ знаками, что мы у цѣли нашего странствованія. Кругомъ еще темная ночь. Въ шалашѣ есть немного сучьевъ и полѣньевъ. Одинъ яванецъ вынимаетъ изъ-за пояса большой ножъ и начинаетъ рубить стружки, другой, съ помощью факела и керосина, силится зажечь костеръ. Все отсырѣло, и они съ полчаса бьются, пока не загорается яркое пламя. Тогда мы всѣ раздѣваемся донага и начинаемъ сушить свое мокрое платье. Вдругъ гдѣ-то неподалеку запѣла звонко-голосая птица. Тѣни ночи разомъ поблѣднѣли, и изъ сѣраго сумрака стали выползати кусты, деревья, скалы и другія подробности окружающей мѣстности. Вотъ и совсѣмъ разсвѣло: мы находимся на длинной, узкой площадкѣ, поросшей высокимъ кустарникомъ; нашъ шалашъ прислонился къ крутой горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ; прямо противъ его входа открываются

внизу глубокия лоцины и хребты, щетинящися сплошной чащей. Налѣво, въ концѣ площадки, кажется, будто вотъ тутъ, совсѣмъ близко, подымается высоко къ небу чрезвычайно-красивая конусообразная гора, съ чуть срѣзанной верхушкой, изящныя грани ея крутыхъ склоновъ покрыты снизу до верху кудрявой зеленью, кажущеюся издали низкорослыми кустами. Только въ бинокль можно различить, что эти кусты въ сущности — могучія деревья, и только тогда замѣчаешь свою ошибку: гора вовсе не такъ близка, какъ казалось. Имя ея Пангеранго.

По правую сторону отъ шалаша, противъ Пангеранго, виднѣется громадная, столь же высокая горная масса, на крайнемъ флангѣ которой одиноко возвышается темная зубчатая скала. Эта масса и есть собственно Гедэ. Деревья скрываютъ пока дальнѣйшія детали великаго вулкана Явы. Обсушившись, мы принялись за ѣду. Всѣмъ, что было у меня, я подѣлился съ моими славными яванцами, и надо было видѣть, какъ это и удивило и тронуло ихъ. Около 7-ми часовъ утра мы тронулись на Гедэ. Съ площадки тропинка свернула направо, и мы вступили въ угрюмый лѣсъ: большія корявыя деревья перепутались другъ съ другомъ своими корнями и вѣтвями въ какое-то многорукое чудовище; кора ихъ стволовъ и вѣтвей обросла толстой подушкой зеленого моха, на которомъ, въ свою очередь, пустили ростки другія паразитныя растеньица; и отъ всей этой зеленой массы несетъ запахомъ прѣлой плѣсени и сырости; множество деревьевъ уже сгнило, кучи ихъ лежатъ повсюду; но многіе изъ такихъ мертвецовъ еще стоятъ на ногахъ, поддерживаемые своими живыми сосѣдями. Схватившись за какого нибудь такого мертвеца, думаешь удержаться на скользкомъ подъемѣ, но чувствуешь вдругъ, какъ онъ ломается, точно тросточка, и ощущаешь подъ рукой вмѣсто живого, плотнаго тѣла только «прахъ тлѣнія». Съ первыхъ же шаговъ въ этомъ лѣсу я почувствовалъ, что здѣсь пощады не будетъ: подъемъ шель все круче и круче, и ни единой передышки не видѣлось на его протяженіи. Медлителенъ и тяжелъ былъ этотъ путь. Густыя стѣны лѣса скрывали окрестности, а главное — мѣшали видѣть что либо впереди, и неизвѣстность разстоянія страшно удлиняла время и утомляла нервы.

Вдоль тропинки, по которой я шель съ проводниками, стали попадаться наши сѣверные кусты и деревья: родъ ольхи, боярышникъ, малина; ягоды малины были блѣдны и кислы, но я обрадовался имъ, этимъ блѣднымъ представителямъ далекаго сѣвера.

Но какая мертвая тишина въ лѣсу: ни птичьяго крика, ни стрекотанья насѣкомыхъ, ни звука, ни шороха жизни! Наконецъ, послѣ часоваго подъема мы выбрались, какъ мнѣ показалось, на край кратера. Съ той стороны, съ какой мы поднялись, онъ, этотъ край, представлялся закругленнымъ, широкимъ поясомъ, поросшимъ

рѣдкимъ невысокимъ лѣскомъ. Желая поскорѣе увидѣть самый кратеръ, я бросился черезъ перелѣсокъ и очутился лицомъ къ лицу съ такой картиной: представьте себѣ громадную котловину эллиптической формы, длиною (въ наибольшемъ діаметрѣ) съ версту, глубиною сажень сто, дно которой все покрыто сѣрыми обломками скаль. Въ стѣнахъ этой котловины, на югѣ, имѣется прорывъ, и здѣсь виденъ цѣлый каменный потокъ, сажень сто ширины, спускающійся въ долину. На западной окраинѣ этого прорыва стоитъ одинокая, массивная, зубчатая, черная скала, та самая, которую проводникъ указалъ мнѣ, говоря, что это Гедэ. Со всѣхъ другихъ сторонъ котловина закрыта высокими стѣнами, которыя къ сѣверо-западу становятся все выше и выше и представляютъ въ верхнихъ своихъ слояхъ вертикально-стоящіе ряды базальтовыхъ колоннъ, амфитеатромъ поднимающихся другъ надъ другомъ; число этажей такихъ колоннъ мѣстами доходитъ до трехъ. Вверху надъ ними видны пласты земли, поросшіе травой. Отъ одинокой скалы тянется высокій, усѣянный большими каменными глыбами уваль, раздѣляющій котловину на двѣ части: изъ нихъ одна, ближайшая, вся лежитъ передъ моими глазами (я ее описывалъ выше); о другой я могу только догадываться по клубамъ пара, поднимающимся у сѣверной границы увала, тамъ, гдѣ онъ, закругляясь, упирается въ высокую стѣну базальтовыхъ колоннъ. Здѣсь-то и лежало, какъ оказалось потомъ, собственно отверстіе кратера. Чтобы добраться до него, надо было, слѣдовательно, пройти черезъ всю ту котловину, которая лежала передъ моими глазами и вскарабкаться на противоположный склонъ ея. Спускъ на дно котловины вообще довольно легко съ этой стороны. На половинѣ его стали попадаться большія обугленные и разбитыя въ щепу деревья: остатки лѣсовъ, росшихъ здѣсь до послѣдней катастрофы 1879 года и ею уничтоженныхъ; но переходъ по дну былъ страшно тяжелъ: все оно залито потоками лавы и засыпано грудами каменныхъ обломковъ, отъ мельчайшихъ кусочковъ до цѣлыхъ массивныхъ скаль. Лава частью вывѣтрилась, и дождевые потоки прорыли здѣсь глубокія рывины, и вылѣзая изъ нихъ было дѣломъ не только затруднительнымъ, но и далеко небезопаснымъ, въ виду возможности поскользнуться и попасть ногой между камнями. Добравшись до середины котловины, я присѣлъ на первый попавшійся обломокъ скалы отдохнуть и осмотрѣться. Котловина эта явилась слѣдствіемъ вулканическаго изверженія, имѣвшаго мѣсто въ 1879 году, когда вершина вулкана взлетѣла на воздухъ и засыпала лавой и каменными обломками значительную часть области, носящей названіе «Земель Преангера». Каменный потокъ, спускающійся по южнымъ склонамъ Гедэ черезъ прорывъ въ стѣнахъ котловины, представляетъ слѣдъ того пути, по которому разразилась тогда страшная катастрофа. Прямо передо мной лежатъ истоки этой ка-

менной рѣки, съ ея застывшими, нагроможденными другъ на друга, тяжелыми, тускло-сѣрыми волнами, отъ которыхъ несетъ смертью и разрушеніемъ. Налѣво высоко къ небу подымается изящно очерченная Пангеранго, покрытая сплошной кудрявой зеленью. Южный склонъ ея переходитъ въ длинный гребень, заканчивающійся острыми пиками и спускающійся въ долину красивыми складками. И этотъ гребень, и пики, и складки—все поросло темными, дремучими лѣсами.

Густое, бѣлое облако стоитъ, прижавшись къ склонамъ Гедэ, и закрываетъ окрестности. Но вотъ оно тихо поплыло, разсѣялось, и предо мной вдругъ открылся такой чудный видъ на окружающую страну, такой огромный просторъ, такая ширь необъятная, которые заставили забыть всѣ ужасы прошлой ночи, всѣ невзгоды труднаго пути. Далеко-далеко на горизонтѣ свѣтлѣетъ морская гладь... Предъ нею длинной, прямой, чуть-чуть изрѣванной ленточкой вьется линія южнаго берега Явы, замыкаемая двумя выдающимися въ море мысами: это, вѣроятно, Твиляутеренъ на востокѣ и Атволь на западѣ. Обширная зеленая страна, покрытая холмами и долинами, тянется отъ морскаго берега до цѣпи темно-зеленыхъ горныхъ хребтовъ, берушихъ, какъ мнѣ отсюда кажется, свое начало у группы Гедэ. Я не вижу крайней западной линіи этихъ горныхъ цѣпей: ее закрываетъ одинокая зубчатая скала Гедэ съ ея широкимъ уваломъ. Но какъ малы отсюда даже крупныя подробности громадной панорамы! Горы кажутся холмами, рѣки—тонкими бѣлыми ниточками, а людскихъ жилищъ совсѣмъ не видно: предо мной точно гигантская географическая карта, на которую въ рельефѣ нанесли всѣ пункты данной мѣстности въ соотвѣтствующихъ масштабахъ. И какое глубокое безмолвіе здѣсь наверху, въ этомъ холодномъ, каменномъ царствѣ! Органическая природа боязливо отступила отъ его страшныхъ твердынь, и голоса жизни не долетаютъ до его высотъ. Только вѣтеръ шумитъ по вершинамъ скалъ, да, холодной волной врываясь въ котловину, посвистываетъ между камнями; да гулъ какой-то, не то отдаленный плескъ волнъ, не то чей-то тяжкій вздохъ, доносится по временамъ изъ-за увала. «Гедэ!» — говорить проводникъ, кутаясь отъ холода въ шерстяной платокъ. Это — голосъ вулкана, который вотъ тутъ, совсѣмъ близко: до него теперь ужъ рукой подать. И странное чувство мало-помалу охватываетъ душу. Оно очень сложно, это своеобразное чувство: и жутко какъ-то, и радостно-свѣтло въ то же время... болѣзненно-сладко замираетъ сердце... кровь стучитъ въ вискахъ... образы прошлаго проносятся въ душѣ вмѣстѣ съ клочками какихъ-то мыслей, словъ, звуковъ... И все тонетъ въ волнахъ торжественнаго настроенія, заливающего грудь, подступающаго къ глазамъ и горлу и подымающаго волосы на головѣ... Я начинаю понимать суетврный ужасъ дикихъ народовъ предъ такими явленіями природы,

мольбы и жертвы, приносимыя ими духамъ подобныхъ горъ: челоуѣкъ здѣсь — такая ничтожная песчинка, такой бессильно-жалкій червякъ предъ этой подавляющей, таинственно-грозной мощью природы! Вздохъ одинъ такого Гѣдэ, — и вдребезги разлетятся мощныя скалы, въ щепу расколется вѣковые лѣса, обросшіе его склоны, смерть и мерзость заустѣнія широко разольются по окрестной, кипящей жизнью странѣ!..

Пора, однако, въ путь. Съ трудомъ карабкаюсь я по каменистымъ отсыпямъ и скалистымъ обломкамъ увала и добираюсь, наконецъ, до края собственно кратера: онъ представляетъ собою большую, овальную воронку, саженъ 150 въ діаметръ и около 100 саженъ глубины, съ крутыми, почти отвѣсными стѣнами. Дно его засыпано сѣрыми каменными осколками, и въ одномъ углу, — тамъ, гдѣ подымается самая высокая стѣна общей котловины съ своими тремя этажами базальтовыхъ колоннъ, — виднѣется другое воронкообразное отверстіе, откуда клубами подымается паръ, и слышится какой-то тяжелый, глухой гулъ: это и есть собственно отверстіе вулкана. Паръ по временамъ относится вѣтромъ въ сторону, и тогда въ глубинѣ отверстія показывается на мгновенье ровная, тусклая поверхность какой-то темной массы. Въ стѣнахъ кратера, тамъ и сямъ, виднѣются струи пара, съ силой бьюція наружу. Однообразный свѣтло-сѣрый фонъ этихъ стѣнъ мѣстами прерывается зеленовато-желтыми пятнами, очевидно, отложеніями сѣры, выносимой изъ глубины парами.

Отсюда я вижу далеко внизу Синдангляю, рисующуюся бѣлымъ пятнышкомъ на темно-зеленомъ фонѣ возвышенной, широкой площади, еще какіе-то городки, или селенія, и далеко протянувшійся темно-синій горный хребетъ, оканчивающійся трехъ-вершинной, будто епископская митра, горной группой, окутанной голубоватой дымкой дали. Проводникъ говоритъ мнѣ, что это — Папандаянгъ, другой знаменитый вулканъ Явы. Оглядываюсь назадъ: въ промежуткѣ между базальтовыми колоннами Гѣдэ и Пангеранго высится вдаль темный остроконечный массивъ, за которымъ чувствуется цѣлая обширная горная область. Какъ красиво теперь сочетаніе этихъ трехъ горныхъ вершинъ, рѣзко вырѣзывающихся на свѣтло-голубомъ фонѣ яснаго утренняго неба! Какой мощью вѣетъ отъ нихъ! И какъ оригинально изящна эта красавица Пангеранго, смѣло выставившая Божьему міру свои чудныя формы, одѣтыя кудрявой зеленью!.. Пора было, однако, торопиться домой: эскадра на другой день снималась съ якоря.

На обратномъ пути съ вулкана, подходя къ нашему шалашу, я съ ужасомъ увидѣлъ, что мои сапоги грозятъ полнымъ разрушеніемъ: каблучки свернулись на сторону, швы треснули, подошвы мѣстами висѣли лохмотьями. Другой, запасной пары у меня съ собой не было взято, а между тѣмъ предстоялъ длинный, много-

часовой спускъ. Я собралъ всё оставшіяся еще связки соломы, въ которыя были завернуты бутылки, и часть этой соломы положилъ внутрь сапогъ на подошвы, укрѣпивъ все веревками. Какъ я завидовалъ моимъ яванцамъ, ступавшимъ прямо босыми ногами по острымъ камнямъ и кочкамъ, нисколько, повидимому, не чувствуя неудобствъ такого хожденія.

Спускъ съ площадки, гдѣ стоитъ шалашъ, былъ очень крутъ. Только теперь, при дневномъ свѣтѣ, я могъ вполнѣ оцѣнить всю трудность нашего послѣдняго ночнаго подъема. Положимъ, что ни пропастей, ни обрывовъ, ничего изъ тѣхъ ужасовъ, которые рисовались ночью разстроеному воображенію, не оказалось теперь. Были, правда, глубокія расщелины и долины, но всё онѣ поросли могучимъ, густымъ лѣсомъ, также, какъ и склоны горъ, по которымъ вилась тропа, и, упавъ на ней, очень скоро пришлось бы задержаться о лѣсную стѣну; и, тѣмъ не менѣе, все-таки, даже безъ пропастей, подъемъ по этимъ крутымъ, скользкимъ уступамъ, по древеснымъ корнямъ, пнямъ, свалившимся деревьямъ и каменнымъ розсыпямъ, представлялся такимъ дѣломъ, которое я могъ продѣлать, кажется, именно только ночью, когда не отдаешь себѣ отчета въ предстоящихъ впереди трудностяхъ и каждую минуту ждешь, что вотъ-вотъ все сейчасъ кончится, или, по крайней мѣрѣ, что самое трудное осталось уже позади.

Горные ручьи, успѣвшіе унести главную массу воды, выпавшей въ горахъ наканунѣ, были теперь вовсе не такъ буйны, и глубина ихъ была далеко не та.

Дорога пошла ровнѣе. Вотъ опять пахнуло въ лицо прѣлой сыростью, и горячій источникъ, пѣнистый и шумный, снова прохватилъ мои ноги своимъ жгучимъ тепломъ. Вотъ и тотъ страшный потокъ, который такъ грозно ревѣлъ ночью; и теперь еще шумъ его далеко отдается въ горныхъ ущельяхъ, но и онъ много потерялъ въ своей стремительной силѣ.

Со всѣхъ сторонъ тѣснится густой тропическій лѣсъ, поднимающій высоко въ небо свои многовѣтвистыя вершины. Куда ни глянешь, только и видишь, что эту «деревянную прозу»: ни одного живописнаго уголка, масса свалившихся, гніющихъ деревьевъ, зеленый ослизлый мохъ, покрывающій ихъ кору, да спертый влажный воздухъ, да болотныя топи, въ которыхъ вязнуть ноги выше щиколотокъ. Но комаровъ, мошекъ, мухъ почти не видать. Гдѣ-то одиноко и глухо туркаетъ горлинка, да свиститъ, то на манеръ иволги, то будто соловей, какая-то звонко-голосая птица. Вотъ и все по части птичьяго пѣнія. А относительно звѣрья—и того бѣднѣе: на всемъ этомъ длинномъ пути мы не встрѣтили ни единого дикаго звѣря, ни даже змѣи или ящерицы; напуганы, значить, здѣсь обыватели тропическихъ лѣсовъ и забились въ такія непроходимыя чащи, гдѣ ужъ дѣйствительно нѣтъ ни слѣда человѣческаго.

А странное чувство вызываетъ въ жителѣ сѣвера тропическій лѣсъ, когда узнаешь его не по наслышкѣ, а столкнешься съ нимъ лицомъ къ лицу: онъ эффектенъ только издали; но чуть вступаешь въ его сѣнь, эффектъ, производимый на разстояніи массой, падаетъ, и остаются только единицы, и эти единицы, не смотря на свою мощь и громадность, далеко не такъ хороши, какъ привыкъ ихъ видѣть въ теплицахъ, ботаническихъ садахъ и на картинахъ: онѣ поросли мхомъ, ихъ охватили ползучія растенія, вѣтви переплелись въ безобразныя сѣти, и смотрятъ онѣ какъ-то коряво, грузно, тяжело. Да и слишкомъ ужъ чужды онѣ намъ, жителямъ сѣвера, ничего не говорятъ нашему сердцу, ничего не будятъ въ памяти,—чужды, какъ чуждъ этотъ вѣчно теплый воздухъ, въ которомъ онѣ купаютъ свои роскошныя вѣтви, какъ это вѣчно-горячее солнце, обдающее ихъ своими лучами. И знаешь, что онѣ все будутъ стоять, покрытыя своей неумирающей зеленью, до тѣхъ поръ, пока не свалятся отъ старости или гнили; что имъ невѣдомы сильныя ощущенія бытія, контрасты смерти и жизни: какими ихъ видѣлъ въ іюлѣ, таковы они и въ октябрѣ, и въ декабрѣ, и въ мартѣ, и въ какой угодно другой мѣсяцъ года. И это однообразіе ихъ роскошной жизни странно-тяжело дѣйствуетъ на насъ: оно только тупо раздражаетъ наши сѣверные нервы какой-то смутной истомой, не находящей себѣ выхода, даже неясно формулируемой. И не вызываютъ они, эти баловни жаркаго климата, ни одной изъ тѣхъ родныхъ, тоскливо-щемящихъ нотокъ, какія будятъ въ насъ наши русскіе лѣса даже въ моменты полного расцвѣта ихъ жизни и какія съ такой глубокой силой звучать въ душѣ въ дни нашей поздней осени... А, въ концѣ концовъ, вездѣ въ этихъ далекихъ странахъ, какъ онѣ ни обаятельно хороши подчасъ, но, всетаки, когда начинаешь подводить итоги всему пережитому и перечувствованному, то снова еще лишній разъ убѣждаешься, что—

Какъ ни тепло чужое море,
 Какъ ни красна чужая даль,
 Не ей размыкать наше горе,
 Развѣять русскую печаль...

Было пять часовъ вечера, когда мы, наконецъ, выбрались изъ лѣсу на холмистую мѣстность, поросшую высокой травой. Поднявшись на нее, я увидѣлъ нѣсколько строеній европейскаго типа, но гдѣ, какъ оказалось потомъ, жили только китайцы и яванцы: это была, вѣроятно, какая нибудь заброшенная голландская ферма. Зданія смотрѣли довольно печально: выбитыя окна, облупившаяся штукатурка, покосившіяся двери, и кругомъ—ни деревца, ни кустика: одни огороды да немножко цвѣтовъ.

Вдали бѣлѣлась Синданглия. Около часу ходу еще оставалось до нея; но я былъ уже не въ силахъ идти: вся солома давно истрепалась подъ моими подошвами, каждый шагъ отзывался невыно-

симой болью въ распухшихъ и стертыхъ въ кровь ногахъ. Послѣ долгихъ усилій мнѣ удалось, наконецъ, добыть здѣсь какой-то завалищій, старенькій паланкинъ съ четырьмя носильщиками, въ которомъ я и отправился дальше.

По дорогѣ мы обгоняли кучки яванскихъ женщинъ и дѣтей, возвращавшихся домой со связками травы, хворосту и кореньевъ. Селеній же я видѣлъ всего два: одно то, въ которомъ я пережилъ наканунѣ вечеромъ первый ливень, другое было у самой Синдангляйи: огромное, 17-ти милліонное, населеніе Явы копошится тамъ, внизу, въ долинахъ, по берегамъ рѣкъ и ручьевъ.

На послѣднемъ спускѣ я оглянулся назадъ: мрачно и грустно смотрѣли теперь вершины Гедэ и Пангеранго, озаренныя послѣдними лучами заходящаго солнца; базальтовыя колонны кратера и одиноко торчащая зубчатая скала рѣзко рисовались на потемнѣвшемъ небѣ. Я смотрѣлъ теперь на нихъ съ чувствомъ невыразимаго удовлетворенія: это было трудное, страшно-трудное, но тѣмъ не менѣе уже побѣжденное прошлое! И какое всетаки чудное прошлое! Съ высотъ этой горной группы я видѣлъ одну изъ тѣхъ дивныхъ, захватывающихъ душу картинъ, какія помнятся годами, о какихъ можно мечтать всю жизнь!...

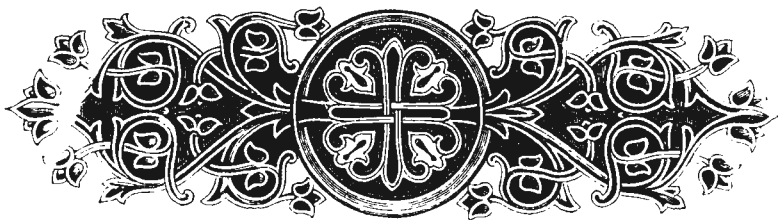
Въ гостинницѣ уже начинали беспокоиться моимъ слишкомъ продолжительнымъ отсутствіемъ; но одинъ взглядъ на мою обувь и весь мой истерзанный видъ лучше всякихъ словъ рассказали, какъ трудно достался мнѣ Гедэ.

Леру тотчасъ же добылъ отъ одного изъ своихъ пансіонеровъ солдатскіе сапоги, выдѣланные изъ кожи мѣстнаго крокодила, и вручилъ ихъ мнѣ за приличное, конечно, вознагражденіе.

Теплая ванна, горячій обѣдъ, показавшійся мнѣ на этотъ разъ необыкновенно вкуснымъ, и привѣтливое общество скоро заставили забыть про минувшія невзгоды; но возбужденное состояніе быстро исчезло, и усталость дала себя знать: помимо изрядной прогулки, чувствовались и 24 часа, проведенные безъ сна. Однако, я не могъ терять времени. Ъхать въ Тянджуръ было уже поздно: все равно поѣзда ночью здѣсь не ходятъ. Я рѣшилъ добраться до Бейтензорга на лошадахъ, чтобы съ первымъ утреннимъ поѣздомъ попасть въ Батавію. Это ночное путешествіе, при свѣтѣ факеловъ, я помню, какъ смутный сонъ, хотя я совсѣмъ не спалъ. Это было физически невозможно. Около четырехъ часовъ утра мы пріѣхали въ Бейтензоргъ. Со мной было письмо Леру къ одному изъ его тамошнихъ пріятелей, тоже содержателю гостинницы, благодаря которому я смогъ найти себѣ пріютъ въ этотъ неурочный часъ и дожидаться здѣсь перваго поѣзда.

Въ тотъ же день, въ 4 часа по полудни, наша эскадра снялась съ якоря, чтобы идти въ Банкокъ.

Д-ръ В. Черевковъ.

РЮЛЬЕРЪ И ЕКАТЕРИНА II.

В послѣднее время французскіе историки ревностно занимаются изслѣдованіемъ всего, что касается отношеній между Франціей и Россіей въ старину, а потому не удивительно, что Морисъ Турнѣ посвящаетъ въ «Revue de Paris»¹⁾ нѣсколько страницъ мелкому, но любопытному эпизоду о переговорахъ между Екатериной II и французскимъ писателемъ Рюльеромъ по поводу его описанія событій въ Россіи въ 1762 году. Этотъ эпизодъ до сихъ поръ былъ очень мало выясненъ, и Турнѣ проливаетъ на него новый свѣтъ, напечатавъ списанныя имъ въ Московскомъ архивѣ двѣ депеши вице-канцлера князя Александра Голицына и русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ Хотинскаго объ означенномъ вопросѣ. Такимъ образомъ съ помощью этихъ документовъ, разсказа Турнѣ и свѣдѣній, разбросанныхъ въ сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, въ Архивѣ князя Воронцова и въ запискахъ княгини Дашковой, можно составить себѣ полное понятіе о томъ, какіе переговоры велись по порученію Екатерины II съ Рюльеромъ, по какому поводу и съ какимъ результатомъ, хотя все-таки нѣкоторыя подробности этихъ переговоровъ остаются попрежнему темными. Что касается до личности самого Рюльера, то, кромѣ краткой его біографіи въ словарѣ Ларусса²⁾, болѣе подробныя, хотя требую-

¹⁾ Les indiscretions de Rulhière, par Maurice Tourneux. La Revue de Paris, 1894, № 7.

²⁾ Grand Dictionnaire universel du XIX siècle, par Pierre Larousse, Paris, 1875, tome XIII, p. 1515.

щія повѣрки, данныя находятся въ статьѣ П. Огюи, приложенной къ «Посмертнымъ сочиненіямъ Рюльера», изданнымъ въ Парижѣ въ 1819 году ¹⁾.

Клодъ Карломанъ де Рюльеръ родился въ Бонди, близъ Парижа, въ 1735 году, и воспитывался въ коллегіи Louis le Grand, которой тогда завѣдывали іезуиты. Хотя съ юности онъ отличался литературными способностями и писалъ стихи полатыни и пофранцузски, а его наставники желали посвятить его духовной карьерѣ, но онъ предпочелъ послѣдовать примѣру отца, бывшаго начальникомъ жандармовъ въ Ville de France, и поступилъ также въ гвардейскіе жандармы. Вскорѣ маршалъ Ришелье, губернаторъ Гвіенны, взялъ его къ себѣ въ адъютанты, и онъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ Ганноверской кампаніи. Но онъ недолго оставался въ военной службѣ и сдѣлался дипломатомъ, благодаря протекціи своихъ прежнихъ наставниковъ-іезуитовъ, которые рекомендовали его барону Бретелю, французскому посланнику въ Петербургѣ; этотъ послѣдній взялъ его въ секретари посольства, не смотря на то, что ему было только двадцать пять лѣтъ отъ роду, и въ этомъ качествѣ Рюльеръ провелъ въ Петербургѣ пятнадцать мѣсяцевъ, въ интересную и знаменательную эпоху краткаго царствованія Петра III и событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II. Молодой, веселый и блестящій французъ имѣлъ доступъ въ высшее русское общество и, по его собственнымъ словамъ, пользовался своими большими свѣтскими связями, чтобъ узнать все происшедшее вокругъ него, а въ особенности находился въ близкихъ сношеніяхъ съ секретаремъ австрійскаго посольства Агенфельдомъ, который зналъ всю подноготную русскаго двора, такъ какъ состоялъ въ своей должности при одиннадцати послахъ, съ фельдмаршаломъ Минихомъ, княгиней Дашковой, начальникомъ артиллеріи генераломъ Вильбуа и итальянскимъ авантюристомъ Одаромъ, который принималъ энергичное участіе въ придворныхъ интригахъ. Какъ извѣстно, баронъ Бретель не сумѣлъ сыграть такой роли, какую игралъ его предшественникъ Ла-Шетарди въ государственномъ переворотѣ, возведшемъ на престолъ императрицу Елизавету, и по осторожности, или по трусости уѣхалъ въ Варшаву наканунѣ перехода власти изъ рукъ Петра III въ руки Екатерины, за что получилъ гнѣвный выговоръ со стороны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, графа Шуазеля, и самого короля Людовика XV. Екатерина также была недовольна его поведеніемъ тѣмъ болѣе, что по рассказамъ, приводимымъ Брикнеромъ въ его исторіи «Екатерины II» ²⁾ и Альфредомъ Рамбо въ его примѣчаніяхъ къ только

¹⁾ Oeuvres posthumes de Rulhière de l'Académie Française, Paris, 1819, 4 volumes. Notice sur la vie et les écrits de Rulhière, par P. Anguis.

²⁾ Исторія Екатерины II, сочиненіе А. Брикнера, часть I, стр. 117.

«истор. вѣстн.», августъ, 1894 г., т. LVII.

что указаннымъ депешамъ Шуазеля и Людовика XVI, напечатаннымъ имъ въ «Сборникѣ инструкцій, данныхъ французскимъ посланникамъ и резидентамъ отъ Вестфальскаго мира до революціи»¹⁾, она просила у Бретеля въ ссуду нѣкоторую сумму денегъ передъ самымъ государственнымъ переворотомъ, и онъ отказалъ ей въ этомъ. По словамъ Рамбо, посредникомъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ былъ итальянецъ Одаръ, и онъ наканунѣ отъѣзда Бретеля сказалъ ему, что Екатерина желала бы получить въ займы отъ французскаго короля шестьдесятъ тысячъ рублей, необходимыхъ ей для расходовъ по подготовлявшемуся государственному перевороту, и получилъ въ отвѣтъ, что король въ принципѣ не вмѣшивается ни въ какія частныя дѣла; хотя потомъ посланникъ одумался и согласился выдать просимыя деньги, но потребовалъ представленія собственноручной записки Екатерины, въ виду его отъѣзда, повѣренному въ дѣлахъ, Беранже, которому дѣйствительно была передана записка императрицы слѣдующаго содержанія: «Покупка, которую мы должны были сдѣлать, состоится непременно въ скоромъ времени, но гораздо дешевле, и потому нѣтъ надобности въ другихъ фондахъ»²⁾. Недѣлю спустя состоялась «покупка», т.-е. государственный переворотъ, но съ финансовой помощью не Франціи, а Англіи, причемъ деньги были даны, по однимъ свѣдѣніямъ, англійскимъ посланникомъ Вильямсомъ, съ которымъ Екатерина находилась въ близкихъ отношеніяхъ, а по другимъ какимъ-то англійскимъ купцомъ. Во всякомъ случаѣ Бретель совершенно скомпрометировалъ себя и, вернувшись въ Петербургъ, недолго тамъ оставался, и весною 1763 года былъ переведенъ въ Стокгольмъ, куда за нимъ послѣдоваль, по словамъ Турнэ, и Рюльеръ, хотя объ этомъ ничего не говорятъ его біографы, и если онъ дѣйствительно былъ въ Стокгольмѣ, то уѣхалъ оттуда ранѣе Бретеля, посольство котораго продолжалось до 1769 года, а Рюльеръ несомнѣнно жилъ въ Парижѣ въ 1768 году, когда происходили по порученію Екатерины II переговоры съ нимъ черезъ Дидро и Хотинскаго насчетъ его сочиненія «Histoire, ou anecdotes sur la révolution de Russie en 1762». Какъ бы то ни было, никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей дипломатической или общественной дѣятельности Рюльера нѣтъ никакихъ, и заявленіе Турнэ, что онъ сопровождалъ Бретеля въ Вѣну, гдѣ послѣдній былъ посланникомъ отъ 1774 по 1779 годъ, ничѣмъ не подтверждается. Достоверно только, что Рюльеръ до своей смерти, 30-го января 1791 года, жилъ въ Парижѣ, вращался въ его литературныхъ кружкахъ, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Некеромъ и Руссо, пользовался уваженіемъ Вольтера, который по-

¹⁾ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis le traité de Westphalie jusqu'à la Révolution française avec introduction et notes, par A. Rambaud, tome II, p. 196. Paris, 1890.

²⁾ Тамъ же.

мѣстилъ его сатирическую поэму «Les disputes» (Споры) цѣликомъ въ своемъ философскомъ словарѣ, съ самымъ лестнымъ отзывомъ, и былъ избранъ въ члены французской академіи, хотя его главнѣйшія сочиненія вышли въ свѣтъ послѣ его смерти, именно надѣлавшая столько шума «Исторія, или анекдоты о революціи въ Россіи въ 1762 г.» и «Исторія анархіи въ Польшѣ» (*Histoire de l'anarchie de Pologne*), которую онъ написалъ по порученію графа Прованскаго, брата Людовика XV, для дофина, будущаго Людовика XVI. Этому послѣднему труду онъ посвятилъ двадцать два года и ѣздилъ для собиранія матеріаловъ въ Польшу, но не окончилъ его, написавъ только 4 тома и доведя свое изложеніе польскихъ событій до 1670 года. Хотя нѣкоторые приписывали Рюльеру титулъ исторіографа министерства иностранныхъ дѣлъ, но, по словамъ Огюи, онъ никогда не имѣлъ подобнаго титула, а, составляя исторію Польши, считался чиновникомъ департамента иностранныхъ дѣлъ и получалъ пенсію въ 6.000 ливровъ. Кромѣ того, онъ былъ секретаремъ графа Прованскаго, а что касается до его остальныхъ сочиненій, то извѣстны его стихотворенія, преимущественно эпиграммы, сатирическій очеркъ его врага графа Вержена подъ заглавіемъ «Portrait du comte de Vergennes», небольшой трактатъ о вліяніи общественнаго мнѣнія на правительства («De l'action de l'opinion sur les gouvernements») и обширный трудъ въ двухъ томахъ о причинахъ отмѣны Нантскаго эдикта и о положеніи протестантовъ во Франціи со времени начала царствованія Людовика XIV («Eclaircissements historiques sur les causes de la revocation de l'edit de Nantes et sur l'état des protestants en France depuis le commencement du regne de Louis XIV»). Передъ своей смертью онъ, по порученію двора, собиралъ документы для составленія исторіи начавшейся тогда революціи и отказался отъ предложенія Мирабо написать сочиненіе въ ея пользу. Вотъ все, что извѣстно о героѣ занимающаго насъ эпизода въ исторіи сношеній между Россіей и Франціей при Екатеринѣ II. Познакомившись съ личностью Рюльера, перейдемъ теперь къ переговорамъ, возбужденнымъ его рассказомъ о событіяхъ въ Петербургѣ въ 1762 году.

Эти событія чрезвычайно интересовали французовъ, и они не довольствовались отрывками изъ дипломатическихъ депешъ, напечатанными министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ «Газетѣ» Ренодо, которая тогда издавалась при этомъ министерствѣ, а съ слѣдующаго года начали появляться памфлеты, въ которыхъ факты излагались противорѣчиво и болѣе или менѣе невѣрно. Первый изъ этихъ рассказовъ «Мемуары для выясненія исторіи Петра III» былъ написанъ Анжемъ Гударомъ, изданъ въ Франкфуртѣ ¹⁾, и когда онъ

¹⁾ Mémoires pour servir à l'histoire de Pierre III, empereur de Russie, avec un détail historique des différens de la maison de Holstein avec la cour de Danemarck, publié par D. G***, Francfort, 1763.

проникъ въ Петербургъ, то императрица немедленно приказала воспретить его распространеніе, что видно изъ промеморіи государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ государственную коммерцъ-коллегію за подписью канцлера графа М. Воронцова и вице-канцлера князя А. Голицына, въ которой говорится: «какъ оная книга для здѣшной націи весьма предосудительна, то ея императорское величество соизволила имянно указать привозъ оной книги въ Россію запретить, о чемъ коммерцъ-коллегіи сообщается для того, дабы въ здѣшной портовой таможенѣ прилежно наблюдаемо было, чтобъ такая книга не была изъ таможи выпущена, но если экземпляры такой книги въ привозѣ будутъ, то ихъ тотчасъ арестовать и запечатавъ присылать въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а въ Ревель, Ригу, Нарву и Выборгъ о томъ же указы отправлены» ¹⁾. Въ 1764 годъ появился второй памфлетъ на французскомъ языкѣ, но изданный въ Лондонѣ анонимно, подъ заглавіемъ: «Русскіе анекдоты, или письма нѣмецкаго офицера къ лифляндскому дворянину» ²⁾, въ которомъ русскій государственный переворотъ излагался съ враждебной для императрицы точки зрѣнія. Конечно, Вольтеръ, уже находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ и въ постоянной перепискѣ съ Екатериной, старался распространить свой официальный рассказъ о вступленіи ея на престолъ, изложенный имъ на полстраницѣ въ XXXII главѣ его «Précis du regne de Louis XV». Но восторженные отзывы Вольтера и другихъ французскихъ друзей Екатерины не могли зажать рта въ памфлетистамъ, ни рассказчикамъ, которые въ свѣтскихъ парижскихъ салонахъ потѣшали своихъ слушателей скандальными анекдотами по поводу петербургскихъ событій 1762 года. Среди этихъ рассказчиковъ первое мѣсто занималъ Рюльеръ, очевидецъ того, что произошло при воцареніи Екатерины, и пока онъ ограничивался успѣхомъ словеснаго изложенія своихъ анекдотовъ, то друзья императрицы даже не увѣдомляли ее объ этомъ, но какъ только, по словамъ французскаго критика Сень-Бѣва, «авторское самолюбіе заглушило въ немъ осторожность дипломата», и онъ по просьбѣ дочери его перваго покровителя, герцога Ришелье, графини Эгмонъ, составилъ изъ своихъ анекдотовъ о переворотѣ 1762 года цѣлую книгу, или скорѣе брошюру, то они забили тревогу. Правда, Рюльеръ не печаталъ своего сочиненія, но читалъ его въ рукописи открыто въ парижскихъ салонахъ и даже не выбиралъ своихъ слушателей, такъ какъ при одномъ изъ этихъ чтеній присутствовалъ князь Адамъ Чарторижскій, двоюродный братъ Станислава Понятовскаго, о которомъ Рюльеръ рассказываетъ очень скабрзные анекдоты

¹⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 7, стр. 605, Москва, 1875.

²⁾ Les Anecdotes russes, ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien (Londres, 1764).

насчетъ его отношеній къ англійскому посланнику въ Петербургѣ, Вильямсу. Гриммъ въ своей «Литературной Корреспонденціи», сообщавшей иностраннымъ дворамъ, въ томъ числѣ и русскому, извѣстія о новостяхъ французской литературы, даже говорить, что Рюльеръ по окончаніи чтенія подошелъ къ князю Чарторижскому и спросилъ его мнѣніе о своемъ трудѣ, но Сень-Бёвъ сомнѣвается въ справедливости этого разсказа ¹⁾. Во всякомъ случаѣ Екатерина уже давно знала о существованіи рукописи Рюльера и вела переговоры объ ея уничтоженіи, когда это извѣстіе появилось въ номерѣ 1 апрѣля 1770 года «Литературной Корреспонденціи».

Первыя свѣдѣнія о чтеніяхъ Рюльера и объ его рукописномъ сочиненіи Екатерина получила отъ скульптора Фальконета, находившагося тогда въ Петербургѣ и передававшего ей письмо, полученное имъ отъ Дидро въ концѣ мая 1768 года. Въ этомъ письмѣ знаменитый ученый и философъ говоритъ: «Но я имѣю сообщить вамъ объ еще болѣе важномъ дѣлѣ, такъ какъ оно касается нашей государыни: у насъ былъ секретаремъ въ посольствѣ въ Петербургѣ во время переворота 1762 г. нѣкто г. де-Рюльеръ, человѣкъ очень умный. Графиня Эгмонъ его уговорила написать исторію того, чему онъ былъ, такъ сказать, очевидцемъ. Онъ написалъ эту исторію и прочиталъ мнѣ, д'Аламберу, г-жѣ Жоффренъ и большому числу другихъ лицъ. Онъ спросилъ мое мнѣніе, и вотъ что я сказалъ ему: «Чрезвычайно опасно говорить о государяхъ, и нѣтъ на свѣтѣ никого, кромѣ императрицы, кто могъ бы судить о томъ, будетъ ли она оскорблена, или польщена подобнымъ сочиненіемъ; клевета всегда недостойна честнаго человѣка и не всякую правду слѣдуетъ говорить, а главное нельзя выказать достаточно уваженія, вниманія и осторожности къ государынѣ, которой восторгается вся Европа и которая составляетъ счастье всей своей націи, а потому полагаю, что для васъ, какой бы вы славы ни ожидали отъ своего сочиненія, всего лучше, вѣрнѣе и честнѣе его уничтожить». На это Рюльеръ мнѣ отвѣчалъ, что онъ написалъ свою рукопись только для удовлетворенія любопытства нѣкоторыхъ друзей, что никогда не имѣлъ намѣренія ее напечатать, что д'Аламберъ и г-жа Жоффренъ предпочитали то, что онъ говоритъ объ Екатеринѣ, всѣмъ дифирамбамъ въ ея честь, а что герцогъ Ла-Рошфуко сказалъ ему: «это не прекрасная исповѣдь, но прекрасная жизнь». Дѣйствительно, въ его разсказѣ наша государыня выведена, какъ женщина-властелинъ (*maitresse femme*) и *grancervello di principessa* (большой государственный умъ), но такъ какъ это сочиненіе появится въ свѣтъ (нельзя довѣрять слову Рюльера) по самолюбію ли автора, или его легко-

¹⁾ Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, Paris, 1812.

мыслию, или наконецъ по вымышленной измѣнѣ друга, то я предпочелъ бы, чтобъ его напечатали съ вѣдома, чѣмъ безъ вѣдома императрицы. Дѣло въ томъ, какъ принятыя за дѣло, но я не имѣю на это никакихъ указаній. Дѣло очень и очень деликатное. Во-первыхъ, не вѣроятно и нѣтъ надежды, чтобъ Рюльеръ передалъ рукопись, во-вторыхъ, въ его разсказѣ есть анекдоты, которые, если они справедливы, то не могли быть узнаны иначе, какъ чрезъ важныхъ особъ, окружающихъ, быть можетъ, императрицу. Этотъ Рюльеръ съ удовольствіемъ занялъ бы мѣсто Россиньоля и поѣхалъ бы въ Петербургъ. Повидайтесь и поговорите съ императрицей; передайте мнѣ ея приказанія и не увѣряйте ее въ моей совершенной къ ней преданности, такъ какъ она въ этомъ увѣрена» ¹⁾). Россиньолю, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, занималъ мѣсто генеральнаго консула въ Петербургѣ, а также былъ личнымъ тайнымъ агентомъ короля Людовика XV и въ теченіе двухъ лѣтъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Прочитавъ сообщеніе Дидро, Екатерина тотчасъ написала Фальконету 14 іюня 1768 года: «Я буду отвѣчать на ваше письмо, г. Фальконеть, а не на письмо вашего друга, которое я два дня не могла разобрать; коснусь только нѣсколькихъ мѣстъ, которыя поняла и которыя требуютъ отвѣта... Мудрено секретарю посольства иначе, какъ воображеніемъ, знать обстоятельно вещи, какъ они суть; между нами говоря, я вижу, какъ они ежедневно лгутъ скорѣе, чѣмъ сознать свое невѣжество передъ тѣми, кто имъ платитъ за то, чтобъ говорить вкривь и вкось то, что знаютъ и чего не знаютъ. Такъ, напримѣръ, быюсь объ закладъ заранѣе, что книга Рюльера пуста, особенно потому, что г. Дидеротъ говоритъ, что въ ней слышится бой-баба и первостепенный умъ; въ упоминаемомъ случаѣ дѣло было не въ томъ; предстояло или погибнуть вмѣстѣ съ полоумнымъ, или спастись съ толпой, желавшей отъ него избавиться. Во всемъ этомъ не было другихъ происковъ, какъ дурное поведеніе одного лица, которому при другомъ поведеніи никогда бы ничего не приключилось. Слѣдовало бы постараться купить рукопись Рюльера, я велю написать о томъ Хотинскому» ²⁾). Это дѣло столь занимало Фальконета, что 9-го іюля онъ снова говорить о немъ въ письмѣ къ императрицѣ: «Г. Хотинскій, конечно, получилъ приказанія насчетъ рукописи Рюльера, я не счелъ нужнымъ писать объ этомъ» ³⁾); а Екатерина отвѣчала ему изъ Петергофа, спустя пять дней: «Я велѣла написать относительно рукописи этого г. Рюльера» ⁴⁾). Дѣйствительно, уже двѣ

¹⁾ Lettres inédites de Diderot au statuaire Falconet. Revue Moderne, 1 décembre 1866, p. 387.

²⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Ист. общества, томъ XVII, стр. 43—44.

³⁾ Тамъ же, стр. 51.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 52.

недѣли передъ тѣмъ, вице-канцлеръ князь А. Голицынъ отправилъ повѣренному въ дѣлахъ въ Парижъ, Хотинскому, слѣдующую депешу:

«Петергофъ, 24 іюня 1768 г.

«Мнѣ стало недавно извѣстнымъ, милостивый государь, что нѣкто г. де-Рюльеръ, который состоялъ при баронѣ Бретѣлѣ во время его посольства въ Россіи, составилъ описаніе восшествія на престолъ императрицы и намѣренъ его выпустить въ свѣтъ. Такое позднее появленіе этого произведенія не можетъ обѣщать автору большей пользы ни съ точки зрѣнія репутаціи, ни относительно матеріальнаго интереса, и я припоминаю, что онъ былъ слишкомъ мало вхожъ въ здѣшніе дома, чтобъ его сочиненіе могло быть вѣрно и точно. Онъ, вѣроятно, прибавилъ отъ себя то, чего не зналъ и не могъ знать, и его произведеніе, конечно, и неудовлетворительное, распространилось бы, только благодаря обманчивой приманкѣ его пребыванія въ Россіи въ эпоху событій. Не заботясь много о впечатлѣніи, которое могло бы произвести это сочиненіе, даже еслибъ чувство зависти, перейдя отъ посланника, недовольнаго своимъ посольствомъ въ Швеціи, къ состоявшему при немъ кавалеру, одушевляло его стиль, но я не считаю излишней осторожностью предупредить появленіе столь бесполезнаго труда. Я вамъ поручаю исполненіе этого дѣла, и вотъ какимъ образомъ. Вы переговорите съ г. Дидро; онъ знаетъ автора. Вы поручите ему предложить сумму, которую я не назначаю въ вознагражденіе за убытки; вы можете уплатить ему двѣсти, триста, или четыреста дукатовъ, смотря по его притязаніямъ. Я говорю, чтобъ вы обратились къ г. Дидро, но если вы сами знаете г. де-Рюльера, то вы совершенно вольны войти съ нимъ въ переговоры. Вы можете избрать тотъ изъ этихъ путей, который покажется наиболѣе удобнымъ для достиженія цѣли съ наивозможно меньшимъ шумомъ. Вы не выкажете особеннаго интереса къ дѣлу и главное старательно скроете, что получили отсюда какое либо приказаніе. Если такъ или иначе Рюльеръ приметъ ваше предложеніе и передастъ вамъ свою рукопись, то вы потребуйте отъ него еще письменнаго обязательства, подкрѣпленнаго честнымъ словомъ, что у него не осталось копій, и что онъ никогда не напечатаетъ ничего подобнаго. Вы не посылайте ни того, ни другого, по почтѣ, а дождитесь вѣрнаго случая доставить мнѣ ихъ, а сумму, которую заплатите, вы получите за мой счетъ. Я буду ждать отъ васъ извѣстій объ исполненіи этого приказанія и остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ.

«Князь А. Голицынъ¹⁾».

¹⁾ Les Indiscrétions de Rulhière, par M. Tournoux. Revue de Paris, 1894, № 7, pages 99—100.

На эту депешу Н. Хотинскій отвѣчалъ довольно быстро, но неудовлетворительно, и этотъ отвѣтъ приводится Морисомъ Турнё, хотя и не вполне, но все-таки въ такомъ видѣ, что получается полное понятіе объ его переговорахъ съ Рюльеромъ. «Получивъ письмо вашего сіятельства,—писалъ Хотинскій изъ Компьена 3-го августа,—относительно сочиненія г. де-Рюльера, съ которымъ я не знакомъ, я обращался къ г. Дидро, которому и передалъ ваше письмо. Онъ сначала удивился, что мнѣ дано это порученіе и черезъ ваше сіятельство. Объяснивъ мнѣ, что онъ писалъ по этому предмету Фальконету, Дидро заявилъ, что данное вами мнѣ полномочіе предложить автору денегъ не было осуществимо, такъ какъ де-Рюльеръ не писатель по ремеслу, а драгунскій капитанъ, и имѣетъ три тысячи ливровъ ежегоднаго дохода, такъ что двѣсти или четыреста дукатовъ ничего не значили для него. По словамъ Дидро, онъ сначала цѣнилъ убытки отъ ненапечатанія этого сочиненія въ двадцать четыре тысячи ливровъ, но все-таки совѣтовалъ сдѣлать попытку и начать переговоры съ Рюльеромъ отъ моего собственнаго имени, какъ будто я слышалъ въ публикѣ объ его сочиненіи, съ которымъ Дидро меня познакомилъ въ общихъ словахъ. По результату же моего свиданія было бы видно, какъ слѣдовало далѣе поступить, но я не зналъ автора и видѣлъ его только однажды, а потому мнѣ не былъ извѣстенъ его адресъ. Дидро взялся разузнать его мѣстожителство и общалъ меня объ этомъ увѣдомить, но я не получилъ отъ него никакого отвѣта въ продолженіе четырехъ дней и написалъ ему объ этомъ. Но и тутъ я не получилъ никакого отвѣта и тогда вспомнивъ, что Дидро говорилъ мнѣ объ отношеніяхъ Рюльера къ графинѣ Эгмонъ, я 6-го числа пошелъ въ ея домъ, и швейцаръ сообщилъ мнѣ требуемый адресъ. На слѣдующій день я отправился къ г. де-Рюльеру и нашелъ его въ мало приличной квартирѣ четвертаго этажа. Я объяснилъ ему, кто я такой, и причину моего посѣщенія, предложилъ уступить мнѣ его сочиненіе на какихъ угодно условіяхъ; онъ представился, что ничего не понимаетъ, и вынудилъ меня упомянуть слово «покупка», что нимало его не оскорбило. Онъ спросилъ меня нѣсколько разъ, имѣлъ ли я полномочіе вести съ нимъ переговоры по этому дѣлу, а когда я сослался только на свое усердіе, то онъ сказалъ, что не можетъ отвѣчать на мои предложенія, такъ какъ ждетъ рѣшительнаго отвѣта отъ Дидро, который довелъ до свѣдѣнія императрицы о существованіи его сочиненія и полагалъ, что ея величество можетъ одобрить его, тогда какъ я считалъ необходимымъ его уничтоженіе. Я возразилъ, что каково бы оно ни было, хорошо или дурно, но императрицѣ необходимо съ нимъ познакомиться для его окончательнаго осужденія, или для разрѣшенія его появленія въ свѣтъ. Рюльеръ объяснилъ мнѣ, что онъ написалъ свой рассказъ не для публики, а по просьбѣ нѣко-

торыхъ лицъ, которымъ онъ былъ преданъ, и чтобъ избавить себя отъ непріятности рассказывать на память столь интересныя событія, какъ онъ это прежде дѣлалъ. На мои дальнѣйшія замѣчанія онъ отвѣчалъ, что его рукопись никогда не выходила изъ его рукъ, что онъ читалъ ее только лицамъ, заслуживающимъ его полного довѣрія и относившимся снисходительно къ нему, какъ къ литератору, и что, отказавъ въ чтеніи своего труда многимъ другимъ личностямъ, онъ возбудилъ слухъ, что въ его рассказѣ находятся различныя смѣлыя и секретныя подробности, а потому боясь, чтобы подобныя ложныя слухи не дошли до преданныхъ императрицѣ лицъ, какъ, напримѣръ, г-жи Жофренъ, д'Аламбера и Дидро, онъ прочелъ имъ свое сочиненіе, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, императрицѣ приданъ возвышенный характеръ. Вообще онъ полагалъ, что императрица при своемъ величіи и въ виду совершенныхъ ею дѣяній, обезсмертившихъ ея имя, не должна была беспокоиться насчетъ историковъ ея царствованія и также его, еслибъ онъ когда нибудь возгордился мыслью передать въ потомство своимъ скромнымъ перомъ ея великія дѣла, слава о которыхъ наполняетъ весь свѣтъ. Я наконецъ сказалъ, что сочту необходимымъ сообщить своему двору о моихъ переговорахъ съ нимъ, объ ихъ мотивахъ и цѣли, о моихъ попыткахъ и встрѣченныхъ затрудненіяхъ, а также о мѣрахъ, которыми, я полагалъ, можно достигнуть предполагаемой мною цѣли. Конечно императрица могла взглянуть на дѣло иначе, какъ я, и тогда дѣло будетъ оставлено безъ послѣдствій, но все-таки я доказалъ бы своимъ поведеніемъ одушевляющее меня усердіе въ исполненіи моего долга во всѣхъ его видахъ. Онъ призналъ уважительными мои доводы, но повторилъ очень рѣшительнымъ тономъ, что до полученія отвѣта черезъ Дидро онъ не можетъ сказать мнѣ ничего положительнаго. Я удовольствовался этими словами, изъ которыхъ я понялъ, что онъ не хочетъ обсуждать моихъ предложеній изъ деликатности къ Дидро, и пришелъ къ заключенію, что онъ согласится на все, что ему посоветуетъ послѣдній. Поэтому я повидался съ Дидро въ тотъ же вечеръ въ одномъ знакомомъ домѣ и на его замѣчанье, что онъ не могъ достать адреса Рюльера, сообщилъ ему въ общихъ словахъ о моемъ разговорѣ съ этимъ человѣкомъ и обѣщалъ ему сообщить всѣ подробности на другой день. Онъ явился ко мнѣ въ назначенный часъ, и, передавъ ему все, что произошло между мною и Рюльеромъ, я просилъ его подѣйствовать на послѣдняго съ цѣлью продажи его сочиненія. Мы вмѣстѣ отправились къ Рюльеру, и Дидро сдѣлалъ все возможное, чтобъ уговорить его согласиться на мои предложенія, а онъ въ свою защиту ссылаясь, какъ накануне, на достоинства своего труда. Но мнѣ очень не понравилось, что Дидро не осторожно призналъ, что еслибъ сочиненіе не имѣло хорошихъ качествъ, то онъ и не заботился бы о немъ, зная, что его

судьба равнялась бы судьбѣ многочисленныхъ газетныхъ спекуляцій. Въ концѣ концовъ Рюльеръ объявилъ, что онъ не выдастъ мнѣ своего сочиненія иначе, какъ по полученія мною отъ императрицы порученія его потребовать. Дидро нашель, что онъ поступалъ благоразумно и честно, а потому я могъ дать вполне удовлетворительный отвѣтъ. Я не выставилъ неосторожнаго характера этихъ словъ, надѣясь, что Рюльеръ не обратилъ на нихъ вниманія, такъ какъ Дидро тотчасъ сталъ распространяться съ энтузіазмомъ о маленькомъ произведеніи, которое только что написалъ Рюльеръ для прочтенія въ академіи»¹⁾.

Если Хотинскій былъ недоволенъ участіемъ Дидро въ переговорахъ съ Рюльеромъ, то и Дидро очень рѣзко отзывался о дѣйствіяхъ русскаго дипломата въ этомъ случаѣ; 6-го сентября онъ писалъ Фальконету: «Я сопровождалъ Хотинскаго во время его втораго посѣщенія Рюльера и старался загладить своей веселостью смѣшную нелѣпость перваго ихъ свиданія. Эта исторія написана только для любопытства графини Эгмонъ; нѣтъ никакого намѣренія ее напечатать, она будетъ прочтена Хотинскому для того, чтобъ онъ самъ судилъ о ней, и нѣтъ препятствія послать копию въ Петербургъ, если ея величество заявитъ о томъ желаніе, на что авторъ не претендуетъ, такъ какъ онъ очень скромнъ. Вотъ результатъ этого дѣла, которое Рюльеръ можетъ объяснить, какъ ему угодно. Если же я поручилъ это дѣло вамъ, а не генералу Бецкому, то лишь потому, что мои письма къ вамъ менѣ рискуютъ быть открытыми, чѣмъ письма къ нему. Я сначала хотѣлъ написать прямо ея величеству, но такъ какъ слѣдовало быть посреднику, то я лучше предпочелъ, чтобъ вы были имъ. Это дѣло надо вести между литераторами, а не между литераторомъ и министромъ, или посланникомъ. Теперь все испортили, и я это ожидалъ. Деньги могутъ быть приняты или отвергнуты, смотря по тому, кто ихъ предлагаетъ»²⁾. Впрочемъ Дидро остался въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Хотинскимъ и 26-го марта слѣдующаго года писалъ Фальконету: «Замолвите словечко императрицѣ за Хотинскаго: это честный, осторожный и аккуратный человѣкъ, но его депеши подверглись той же участи, какъ мои»³⁾. Что же касается дѣла Рюльера, то о немъ болѣе не упоминается въ перепискѣ философа и скульптора, а также о немъ говорится еще только одинъ разъ въ перепискѣ Екатерины съ Фальконетомъ, именно 23-го сентября 1768 года она писала: «Прошу васъ написать г. Дидроту, что я приказала Хотинскому войти въ переговоры съ Рюльеромъ объ его рукописи»⁴⁾. Хотя въ

¹⁾ Les Indiscrétions de Rulhière. Revue de Paris, 1894, № 7, pages 101—103.

²⁾ Lettres inédites de Diderot. Revue Moderne, 1867, 1 janvier, pages 99—71.

³⁾ Lettres inédites de Diderot. Revue Moderne, 1867, 1 fevrier, page 304.

⁴⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Ист. общества, томъ XVII, стр. 59.

примѣчаніяхъ къ перепискѣ Екатерины II съ Фальконетомъ, изданной въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго общества подъ редакціей А. Половцева, и говорится по поводу переговоровъ Дидро и Хотинскаго съ Рюльеромъ, что рукопись послѣдняго была куплена императрицей, но этотъ фактъ ничѣмъ не подтверждается—ни приведенными въ тѣхъ же примѣчаніяхъ выписками изъ писемъ Дидро, ни другими свѣдѣніями, какъ имѣвшимися во время печатанія этой переписки въ 1876 году, такъ и появившимися впоследствии¹⁾. Напротивъ, въ тѣхъ же примѣчаніяхъ, по случаю пріѣзда Дидро съ Петербургъ въ 1771 году, приведены выдержки изъ хранящихся въ Парижскомъ архивѣ депешъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ герцога Эгильона и посланника въ Петербургѣ Дюрана, которыя доказываютъ, что еще въ то время, т. е. пять лѣтъ послѣ переговоровъ Хотинскаго, будто бы окончившихся покупкой рукописи Рюльера, Екатерина попрежнему безпокоилась о ней и желала не только купить ее, но даже получить ея копію. Такъ, Дюранъ писалъ отъ 9 ноября 1773 г.: «Заботливость Екатерины получить копію «Революціи въ Россіи», написанной Рюльеромъ, очень велика и, быть можетъ, ее увеличиваетъ то обстоятельство, что Дидро призналъ невозможнымъ удовлетворить ея любопытство. Она просила его хоть сказать ей свое мнѣніе объ этомъ сочиненіи, и онъ отвѣчалъ: «оно прекрасно написано и черезъ двѣсти лѣтъ будетъ очень пикантной страницей исторіи; я думаю, что авторъ прибавилъ въ ней басни къ правдѣ, но то и другое такъ ловко составлены и соединены, что представляютъ одно цѣлое, и если это не исторія, то по крайней мѣрѣ самый вѣроятный и прекрасный изъ романовъ; что же касается до васъ, то если вы обращаете большее вниманіе на приличіе и добродѣтели, изношенные лохмотья вашего пола, то это сочиненіе сатира на васъ, но если широкіе взгляды, мужественныя идеи и патріотическія стремленія васъ болѣе интересуютъ, то авторъ представляетъ васъ великой государыней и вообще дѣлаетъ вамъ своимъ разговоромъ болѣе чести, чѣмъ вреда». На это императрица отвѣчала: «Вы еще болѣе увеличиваете мое желаніе прочитать это произведеніе». Я довольствуюсь тѣмъ, что довожу до вашего свѣдѣнія объ этомъ желаніи, которое, какъ извѣстно отъ многихъ лицъ, болѣе велико, чѣмъ бы слѣдовало»²⁾. На это министр отвѣчалъ отъ 3 декабря того же года: «Вы знаете, что исторія революціи въ Россіи принадлежитъ его автору, а не королю, который не имѣетъ никакихъ правъ на автора; меня увѣряютъ, что нѣсколько лицъ торговались съ нимъ по порученію русской императрицы съ цѣлью покупки рукописи, и я полагаю,

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Ист. общества, томъ XVII, прим. 43, стр. 260.

²⁾ Тамъ же, стр. 288.

что это единственный путь, которымъ она можетъ получить рукопись; поэтому вы будете уклоняться отъ отвѣта на всякій намекъ, могущій вмѣшательство какъ бы то ни было короля въ это дѣло»¹⁾. Брикнеръ также увѣряетъ, что цѣль принятыхъ мѣръ чрезъ русское посольство для предотвращения публикаціи книги Рюльера покупкой была достигнута; но и это удостовѣреніе столь же бездоказательно, а въ запискахъ Дашковой, которая, по словамъ Брикнера, хорошо знала содержаніе этого сочиненія²⁾, мы находимъ совершенно иной рассказъ о результатѣ переговоровъ съ Рюльеромъ.

«Однажды вечеромъ,—рассказываетъ она, описывая свое пребываніе въ Парижѣ въ 1770 году,—Дидро сидѣлъ у меня, когда мнѣ доложили о г. Рюльерѣ. Онъ находился въ Петербургѣ, состоя при миссіи барона Бретеля, французскаго посланника, и я часто видѣла его тогда въ моемъ домѣ, а еще чаще въ Москвѣ, у г-жи Каменской. Я не знала, что онъ написалъ по своему возвращеніи въ Парижъ мемуары о русской революціи 1762 года и что читалъ ихъ въ великосвѣтскихъ кружкахъ, а потому приказала лакею принять его, но Дидро мнѣ помѣшалъ и, взявъ меня за руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «Одну минуту, княгиня. Вы возвратитесь послѣ вашихъ путешествій въ Россію?»—«Какой вопросъ,—отвѣчала я,—развѣ я имѣю право лишать отечества моихъ дѣтей?»—«Ну, такъ,—произнесъ онъ:—велите сказать Рюльеру, что вы не можете его принять, а я вамъ объясню, почему это необходимо». Я видѣла по его лицу, что онъ питалъ ко мнѣ искренній интересъ и дружбу, а потому не приняла стараго знакомаго, общество котораго было мнѣ очень пріятно, благодаря его уму и образованію, такъ я была увѣрена въ душевной честности Дидро.—«Вы знаете,—сказалъ онъ,—что Рюльеръ авторъ мемуаровъ о восшествіи на престолъ императрицы?»—«Нѣтъ,—отвѣчала я,—но по этой причинѣ мнѣ бы хотѣлось еще болѣе его видѣть».—«Я вамъ скажу ихъ содержаніе такъ подробно, что вы узнаете ихъ, какъ бы сами прочли,—произнесъ онъ.—О васъ въ нихъ говорится самымъ лучшимъ образомъ; авторъ придалъ вамъ всѣ таланты и добродѣтели не только вашего, но и нашего пола. Относительно ея величества онъ поступилъ иначе, и она чрезъ Бецкаго и вашего повѣреннаго въ дѣлахъ, князя Голицына, предложила ему купить его сочиненіе, но эти переговоры велись такъ неловко, что Рюльеръ успѣлъ сдѣлать три копии своихъ мемуаровъ и отдалъ ихъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, г-жѣ Грамонъ и парижскому архіепископу. Послѣ этой неудачи, ея величество удостоила меня чести поручить мнѣ войти въ соглашеніе съ Рюльеромъ, но все, чего я могъ добиться, заключалось въ томъ, что онъ обязался не печатать»

¹⁾ Тамъ же, стр. 89.

²⁾ «Исторія Екатерины II», соч. А. Брикнера, часть I, стр. 132.

тать своего сочиненія до ея и своей смерти. Вы понимаете, что, принимая у себя Рюльера, вы какъ бы санкціонируете сочиненіе, которое беспокоитъ императрицу и очень извѣстно, такъ какъ авторъ читалъ его даже на вечерахъ г-жи Жофренъ, не смотря на ея дружбу къ польскому королю, о которомъ онъ говоритъ очень рѣзко». — «Но какъ же все это согласить между собою?» — спросила я. — Это происходитъ отъ того, что мы легкомысленны, — отвѣчалъ Дидро, — и что мы не измѣняемся въ этомъ отношеніи, проживъ даже шесть-десять, или восемьдесятъ лѣтъ». Я выразила Дидро, какъ была тронута этимъ доказательствомъ его дружбы и желанія избавить меня отъ непріятностей, которыя я могла бы навлечь на себя безъ всякой съ своей стороны вины. Рюльеръ еще два раза являлся ко мнѣ, но я его также не приняла, а, вернувшись въ Петербургъ, убѣдилась, какъ основательно цѣнила услугу Дидро. Послѣ моего отъѣзда изъ Парижа онъ написалъ ея величеству, что, отказавшись видѣть Рюльера, я гораздо болѣе лишила его сочиненіе авторитетности, чѣмъ критика десяти Вольтеровъ и пятнадцати несчастныхъ Дидро»¹⁾.

Письмо Дидро къ Екатеринѣ, о которомъ говоритъ Дашкова, до насъ не дошло, и о немъ даже не упоминается въ перепискѣ императрицы съ Фальконетомъ, но сообщаемый ею результатъ переговоровъ съ Рюльеромъ вполне подтверждается тѣмъ фактомъ, что дѣйствительно его сочиненіе напечатано только въ 1797 году, когда уже не было на свѣтѣ ни его, ни Екатерины. Спустя десять лѣтъ, во время своего втораго посѣщенія Парижа, Дашкова видѣла Рюльера, но отказалась отъ прочтенія его рукописи. Вотъ что она говоритъ по этому предмету въ своихъ запискахъ: «У г-жи Некеръ я видѣла г. Рюльера, котораго я знала въ Россіи. Я замѣтила, что ему было неловко смотрѣть на меня, вспоминая, вѣроятно, о томъ, что я не хотѣла его принять въ первое мое пребываніе въ Парижѣ, и, подойдя къ нему, я сказала, что, имѣя о немъ слишкомъ хорошее мнѣніе и слишкомъ уважая себя, я не могла предположить, чтобъ старые друзья перестали быть ими, что я была очень рада его видѣть и попрежнему цѣнила его общество, что если г-жа Михалкова (подъ этимъ именемъ я путешествовала въ первый разъ), не желая никого видѣть, пожертвовала удовольствіемъ возобновить съ нимъ знакомство, то княгиня Дашкова не имѣла тѣхъ же причинъ, и что я съ удовольствіемъ приму его, когда ему вздумается меня посѣтить, но только подъ условіемъ, что я не буду ни читать, ни слушать чтенія его сочиненія, которое, однако, должно было меня интересовать. Рюльеру очень понравилось мое обращеніе съ нимъ, и онъ бывалъ у меня нѣсколько разъ»²⁾. Но если Даш-

¹⁾ Архивъ князя Воронцова. Книга 21. Бумаги кн. Е. Р. Дашковой. *Mémoires de la princesse Dashkow* (на французскомъ языкѣ), стр. 140—142.

²⁾ Тамъ же, стр. 187—188.

кова обнаруживала такое равнодушіе или такую осторожность относительно знакомства съ сочиненіемъ Рюльера, то Екатерина еще отъ времени до времени возобновляла свои старанія частнымъ и даже официальнымъ путемъ добиться его покупки или уничтоженія. Такъ, Вольтеръ безуспѣшно хлопоталъ о полученіи копии рукописи Рюльера, находившейся у герцога Шуазеля; г-жа Жоффренъ, находившаяся въ дружеской перепискѣ съ Екатериной, уговаривала Рюльера сжечь эту рукопись, предлагая ему за это большое вознагражденіе ¹⁾, и когда онъ согласно желанію графа Прованскаго читалъ свое сочиненіе въ его дворцѣ, то герцогъ Эгильонъ, забывъ свои наставленія Дюрану, пригласилъ Рюльера къ себѣ и требовалъ лично, а потомъ черезъ начальника парижской полиціи Сартина, выдачи злополучной рукописи, грозя ему въ противномъ случаѣ заточеніемъ въ Бастиліи. По словамъ біографовъ Рюльера, онъ отвѣчалъ на это, что съ нимъ могли дѣлать что угодно и силой отнять рукопись, но она была запечатлѣна въ его памяти, а что касается до ея печатанія, то, отказавшись продать ее Екатеринѣ, онъ обязался не выпускать своего сочиненія до ея смерти и сдержитъ свое слово. Въ виду ли подобнаго заявленія, или покровительства королевскаго брата, но Рюльера послѣ этого оставили въ покоѣ, и мало-по-малу даже Екатерина перестала интересоваться его сочиненіемъ и имъ самимъ. Когда же онъ умеръ въ 1791 г., то это извѣстіе не произвело на нее никакого впечатлѣнія; на сообщеніе объ этомъ со стороны Гримма отъ 1 мая 1791 г. въ слѣдующихъ словахъ: «съ января мѣсяца смерть унесла постепенно Рюльера, Фальконета и Жилэ» ²⁾, она отвѣчала лишь 7 декабря слѣдующаго 1792 года: «вы можете подумать, что при моемъ теперешнемъ настроеніи я почти не обратила вниманія на смерть Рюльеровъ, Фальконетовъ и Жилэ» ³⁾. Не зная, вѣроятно, объ этой перемѣнѣ въ настроеніи русской императрицы, тогдашній французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Монморенъ, совѣтовалъ брату Рюльера войти въ сношенія съ Гриммомъ, говоря, что онъ можетъ извлечь для себя большую выгоду изъ продажи рукописи покойнаго писателя, но братъ заявилъ желаніе свято исполнить волю Рюльера, и его книга вышла въ свѣтъ только въ 1797 году, т. е. шесть лѣтъ послѣ смерти автора и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины императрицы.

Сопоставляя всѣ имѣющіяся данныя о переговорахъ по порученію Екатерины съ Рюльеромъ, можно прійти только къ тремъ достовѣрнымъ выводамъ, что эти переговоры дѣйствительно про-

¹⁾ Сборникъ Имп. Русскаго Ист. общества, томъ I. Письма Екатерины II къ г-жѣ Жоффенъ, стр. 254, прим.

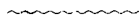
²⁾ Тамъ же. Письма барона М. Гримма къ Екатеринѣ II, томъ XXXIII, стр. 414.

³⁾ Тамъ же. Письма Екатерины II къ Гримму, томъ XXIII, стр. 579.

изводились официальнымъ и частнымъ образомъ, что покупка рукописи французскаго автора не состоялась, по причинѣ ли благородства Рюльера, какъ доказываютъ его біографы, или по неловкости уполномоченныхъ Екатерины, какъ полагаетъ Дидро, и что наконецъ единственнымъ ихъ результатомъ было обязательство, данное и сдержанное Рюльеромъ, не печатать своего сочиненія до смерти его и Екатерины, хотя остается неизвѣстнымъ, заплочены ли деньги за подобную отсрочку, или она внушена автору опасеніемъ неприятныхъ послѣдствій, или объясняется какой либо другой причиной. Во всякомъ случаѣ эти переговоры составляютъ любопытный эпизодъ въ исторіи сношеній Россіи съ Франціей при Екатеринѣ II, и въ виду того, что, надѣлавшее столько шума въ рукописи, сочиненіе Рюльера не произвело никакого впечатлѣнія по его напечатаніи, можно смѣло назвать этотъ эпизодъ словами Шекспира: много шума изъ пустяковъ. Конечно, успѣху «Анекдотовъ» Рюльера во многомъ помѣшало то обстоятельство, что они появились въ свѣтъ, когда интересъ къ Екатеринѣ и къ тому, что происходило въ Петербургѣ тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, совершенно ступевался событіями французской революціи, но нельзя не сказать, что и содержаніе этого памфлета нисколько не соответствуетъ чрезмѣрнымъ похваламъ, расточаемымъ его автору современниками, въ томъ числѣ академикомъ Шастлю, который, принимая Рюльера въ число безсмертныхъ, поздравлялъ его съ тѣмъ, что онъ «нашелъ перо Тацита за предѣлами той мѣстности, гдѣ перо Овидія омертвѣло въ его оледенѣвшихъ пальцахъ». Это во всѣхъ отношеніяхъ только памфлетъ, усѣянный скандальными анекдотами, а не серьезный историческій трудъ, и хотя Морисъ Турнэ увѣряетъ, что сочиненіе Рюльера отличается всею прелестью тѣхъ рассказовъ, которыми изобилуетъ французская проза и образцемъ которыхъ служить «Исторія Карла XII» Вольтера, но этому, едва ли извѣстному многимъ даже на его родинѣ, памфлетисту XVIII вѣка далеко до великаго мыслителя даже въ скромной роли рассказчика. Однако, чтобъ быть вполне безпристрастнымъ, надо признать, что памфлетъ Рюльера написанъ легко и живо, хотя Дидро былъ вполне правъ, говоря, что бывшій дипломатъ переполнилъ свое сочиненіе баснями, и эти басни въ родѣ того, что въ брачномъ контрактѣ Петра III было условлено вступленіе на престолъ Екатерины въ случаѣ его смерти безъ дѣтей, или что вся русская нація сверху до низу, отъ великосвѣтскихъ барынь до нищихъ женщинъ, употребляетъ румяна и бѣлила, банки съ которыми крестьяне обязаны подносить ежегодно своимъ помѣщикамъ,—подрываютъ всякій интересъ къ его рассказу. Впрочемъ и самые анекдоты, сообщаемые имъ о событіяхъ въ Петербургѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и Ропшѣ, а также о князѣ Салтыковѣ, князѣ Понятовскомъ, англійскомъ посланникѣ Вильямсѣ, Орловыхъ, Тепловѣ

и т. д., отличаются тѣми ошибками, преувеличеніями и смѣшеніями всякаго рода, которыя, по справедливому замѣчанію Соловьева, встрѣчаются во всѣхъ иностранныхъ описаніяхъ восшествія на престолъ Екатерины II¹⁾. Поэтому неудивительно, что его памфлетъ вызвалъ критики даже во Франціи со стороны Рише-Серизи и Фортіа-де-Пиль, а княгиня Дашкова нашла нужнымъ не только признать въ своихъ запискахъ апокрифомъ сочиненіе Рюльера въ виду его нелѣпныхъ ошибокъ и клеветъ²⁾, но и составить краткій списокъ опроверженій противъ него. Въ этихъ опроверженіяхъ она, конечно, главнымъ образомъ заступаетъ за себя и доказываетъ, что князь Дашковъ никогда не дѣлалъ ей особой чести, женившись на ней, что она не была любовницей стараго дяди ея, графа Панина, какъ увѣряетъ Рюльеръ, что Одаръ не былъ ея наперникомъ, а пользовался только ея покровительствомъ, что она не ссорилась съ сестрой и могла, еслибъ хотѣла, черезъ нее руководить Петромъ III, что ей не передавали драгоценностей ея сестры, и что она не находилась въ долговременной опалѣ, а только въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не пользовалась милостями императрицы, благодаря интригамъ фаворитовъ, высказанному ею мнѣнію во время государственнаго переворота, что Екатерина должна быть только регентшей до совершеннолѣтія ея сына, и враждебнымъ отношеніемъ къ Орловымъ, особенно къ Алексѣю, съ которымъ она не говорила послѣ его возвращенія изъ Ропши въ продолженіе двадцати лѣтъ. «А если,—оканчиваетъ она свои возраженія, написанныя на французскомъ языкѣ:—такое маленькое сочиненіе (въ немъ всего двѣсти страницъ малаго фѳормата) возбудило столько замѣчаній (числомъ семнадцать) съ моей стороны и, можетъ быть, столько же со стороны другихъ, то я полагаю, что оно заслужить очень мало довѣрія у благоразумныхъ людей»³⁾. Предположеніе Дашковой вполне оправдалось, и если черезъ сто лѣтъ «Анекдоты» и ихъ авторъ обращаютъ еще на себя вниманіе, то лишь потому, что они послужили предметомъ любопытныхъ франко-русскихъ переговоровъ, въ которыхъ приняли участіе и дипломаты, и философы.

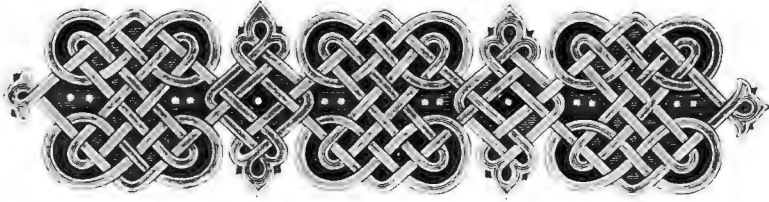
В. Тимирязевъ.

¹⁾ Исторія Россіи, Соловьева, томъ XXV, стр. 103.

²⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 21, стр. 189.

³⁾ Архивъ князя Воронцова, книга 7. Замѣчанія княгини Дашковой на книгу Рюльера о восшествіи на престолъ Екатерины II, стр. 653—655.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. Спб. 1894.

ПУССКОЙ публикѣ г. Барсуковъ даритъ каждый годъ по тому своего изслѣдованія, и съ каждымъ годомъ новый томъ представляетъ собою все большій интересъ и большій размѣръ. Изслѣдованіе о Погодинѣ, какъ это уже неоднократно отмѣчалось въ «Историческомъ Вѣстникѣ», явленіе выдающееся въ нашей исторіи литературы. Авторъ не скуится на опубликованіе новаго матеріала и не жалѣетъ своего труда на собраніе всего появившагося въ печати, касающагося Погодина и лицъ ему близкихъ, начиная съ давно прошедшихъ временъ и кончая нашими днями. Тщательно и съ любовью собраны факты сгруппированы умѣлою рукою, и врядъ ли придирчивая критика будетъ въ состояніи указать здѣсь даже на какіе либо пробѣлы. Можно даже сказать обратное: г. Барсуковъ иногда слишкомъ щедръ на сообщеніе такихъ мелочей, которыя бы съ успѣхомъ и пользою для дѣла могли быть опущены. Погоня за мелочами поэтому лишаетъ иногда его трудъ колоритности: краски расплываются и блѣднѣютъ. Кажется, такое отношеніе къ своему произведенію можно объяснить отсутствіемъ художественнаго вкуса у г. Барсукова, а, можетъ быть, и предвзятостью «отношенія» къ нѣкоторымъ явленіямъ жизни. Уже въ первой рецензіи о Погодинѣ г. Барсукова было отмѣчено, что авторъ лѣтописецъ пристрастный, хотя онъ и выставилъ эпиграфомъ своей книги слова персидскаго государя—«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай, какъ побѣду, а пораженіе описывай, какъ пораженіе» Г. Барсуковъ не извращаетъ событій—для этого онъ слишкомъ честный изслѣдователь, но освѣщаетъ ихъ и

группируетъ далеко не безпристрастно. Въ одномъ мѣстѣ больше свѣта, въ другомъ меньше, здѣсь гуще краски, тамъ пожже, тутъ обиліе фактовъ, а гдѣ нужно и куда сердце не лежитъ, поменьше. Поглядите на г. Барсукова въ сообществѣ дѣятелей церкви, мужей науки (преимущественно археологіи, филологіи), лицъ родовитаго дворянства и высокаго чиновнаго ранга, хранящихъ традиціи старины, вслушайтесь въ его рѣчь о нихъ, и какое оживленіе уловите тутъ, какая любовь и нѣжность проглянуть въ каждомъ словѣ. «И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ», сказалъ про себя авторъ, и въ этой антитезѣ прошлаго и будущаго вся разгадка метаморфозы, совершающейся съ нимъ, когда онъ переходитъ къ бесѣдѣ о лицахъ, которыхъ въ свое время можно было считать представителями будущаго. Оживленіе автора исчезаетъ, онъ спѣшитъ вонъ изъ этого суетнаго Петербургскаго міра съ его жгучими вопросамъ о будущемъ, критикою настоящаго и недостаточнымъ поклоненіемъ прошлому. Шумъ событій оглушаетъ г. Барсукова, свѣтъ слѣпнеть его глаза, и онъ спѣшитъ къ своимъ пенамъ въ Москву, на Дѣвичье Поле, въ одинъ изъ храмовъ Бѣлокаменной, на берегъ Дуная или въ мирную провинцію, гдѣ ничто не говоритъ о насущномъ будущемъ и гдѣ все вѣетъ дорогой его сердцу стариной.

Такое отношеніе, далеко не соответствующее мудрому персидскому наказу, и лишаетъ произведеніе г. Барсукова той эпической простоты, къ которой онъ, какъ хочетъ увѣрить читателей, стремится, а вслѣдствіе этого лишаетъ его настоящей художественности и гармоніи частей. Такъ, напрасно авторъ дѣлаетъ отступленіе или въ сторону своихъ личныхъ воспоминаній или назиданій читателей. Первые вредятъ хронологическому теченію повѣствованія. Что говорить—воспоминанія г. Барсукова о своемъ пребываніи у Погодина и лестныя предсказанія послѣдняго относительно автора интересны, но имъ мѣсто въ слѣдующихъ томахъ, когда до этого момента дойдетъ рѣчь. А то вѣдь г. Барсуковъ можетъ напугать читателей, подавъ имъ мысль, что трудъ о Погодинѣ оборвется, такъ какъ авторъ спѣшитъ эпизодъ изъ дальнѣйшаго разсказа вставить раньше времени. Что же касается до назиданій и profession автора, то, конечно, тутъ дѣло темперамента. Ничего не подѣлаешь, когда чувство автора просится наружу, и онъ не въ состояніи совладать съ своими страстями. Здѣсь-то первоисточникъ полемической литературы, и не намъ, грѣшнымъ, стоящимъ на противоположномъ г. Барсукову полюсѣ, осуждать его. Но... но тогда позволено будетъ попросить и г. Барсукова относиться къ представителямъ этой полемической литературы новаго времени, во главѣ которой стоятъ Герценъ, Бѣлинскій и другіе, съ большимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ. Не надо сердиться на Бѣлинскаго, напримѣръ, за его вызывающее и горячее письмо къ Гоголю, не надо называть отношеніе умирающаго старика Аксакова къ Гоголю «горделивыми изліяніями дружбы» и не надо относиться съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ ко всѣмъ порицателямъ «Переписки съ друзьями».

Нельзя не отмѣтить еще одной отрицательной стороны труда г. Барсукова: ему, любителю русской рѣчи, слѣдуетъ тщательнѣе слѣдить за своимъ изложеніемъ и избѣгать такихъ оборотовъ рѣчи, какъ, напримѣръ: «потерпѣвъ неудачу съ журналомъ, Грановскому пришлось вытерпѣть непріятности»... Здѣсь порча русскаго языка. Но довольно замѣчаній, и пусть авторъ не посѣтуетъ на рецензента. Чѣмъ трудъ о Погодинѣ будетъ совершеннѣе, тѣмъ почетнѣе предстоитъ ему мѣсто въ отечественной исторической библиотекѣ.

Положительныя стороны труда г. Барсукова указаны и въ началѣ настоящей замѣтки и въ прежнихъ книжкахъ «Историческаго Вѣстника». Ознакомимся вкратцѣ съ содержаніемъ новаго тома.

Первыя главы застаютъ Погодина озабоченнымъ изданіемъ «Москвитянина». Во главѣ редакціи становится талантливый И. В. Кирѣевскій, вокругъ котораго группируются лучшія силы Москвы и отчасти петербургскіе друзья, не сочувствующіе новымъ вѣяніямъ въ литературѣ. «Москвитянинъ» поднимаетъ духъ славянофиловъ и провинціальныхъ друзей. «Москвитянинъ» и «Маякъ»—это два ратоборца противъ ложныхъ западныхъ идей и стоятъ на стражѣ за независимость русскихъ, проникнутыхъ религіознымъ направленіемъ», писалъ по поводу перваго № «Москвитянина» какой-то единомышленникъ, Вальневъ, изъ Архангельска. Иначе отнеслись западники, и Герценъ, подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго, встрѣтилъ дѣтище г. Кирѣевскаго остроумнымъ памфлетомъ. «Москвитянинъ»,—писалъ онъ,—всегда имѣлъ высшую вселенскую цѣль—онъ собою заложилъ запасный магазинъ обновительныхъ мыслей и оживительныхъ идей для будущихъ поколѣній Европы, Азіи, Америки и Австраліи, онъ приготовилъ въ тиши якорь спасенія погибающему Западу». Разрывъ, полный и навсегда, западниковъ и славянофиловъ совершился и, не смотря на всѣ единичныя старанія о личныхъ примиреніяхъ, миръ уже никогда не могъ водвориться въ этихъ литературно-политическихъ лагеряхъ. Успѣхъ «Москвитянина» былъ недолговѣченъ. Благодаря отсутствію подписчиковъ, скудости денегъ, неряшливости и небрежности Погодина, безпорядкамъ по типографіи, отношеніямъ между редакторомъ и издателемъ обострились, и Кирѣевскій отказался отъ руководства журнала. Это было гибельно для всей московской партіи—она раскололась, и черезъ нѣсколько времени мѣсто «Москвитянина» занялъ «Московский Сборникъ», какъ органъ молодой славянофильской компаніи.

Неудачи преслѣдуютъ Погодина: осѣкшись на журналѣ, онъ тщетно добивается разрѣшенія вернуться на кафедру въ Московскій университетъ. И коллеги по университету, и попечитель округа, Строгановъ, относятся къ нему холодно, и Погодину не остается ничего, какъ замѣниться въ своей обители на Дѣвичьемъ Полѣ и оттуда будировать и фрондировать всѣхъ и вся. Вся угловатость, шероховатость, беспорядочность и нечистоплотность Погодинской природы обнаружилась въ это время во всей своей силѣ. Онъ почти со всеми друзьями перессорился, поднялъ нелѣпный и безтолковый шумъ въ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» и окончательно надоѣлъ графу Строганову. Донельзя курьезное письмо профессора къ попечителю округа приведено г. Барсуковымъ на стр. 96—100. Тутъ дерзости, доносы, напыщенность, чванство сквозятъ въ каждой строчкѣ, и нужно удивляться спокойствію и порядочности, которыя графъ обнаружилъ по отношенію расходившагося крикуна. Путаница душевная и умственная обнаруживаются у Погодина въ это время ежечасно, и рядомъ съ самыми скверными инстинктами и отсутствіемъ культурной дисциплины мирно и тихо уживались прекрасные порывы, доброта и мягкость. Онъ готовъ оказать содѣйствіе всякому, къ нему обратившемуся, обо всякомъ замолвить доброе слово и рядомъ съ этимъ, не много спуская, вслѣдъ облагодѣтельствованному бросить комъ грязи.

Рядомъ съ неудачами общественными его постигаютъ и неудачи личной жизни. Онъ чувствуетъ сердечную потребность вторично найти подругу жизни, но тщетно. Отказъ за отказомъ сыплются на голову бѣднаго историка.

Какъ онъ комиченъ въ своемъ сентиментальномъ экстазѣ и какъ несуразно домогается руки предмета сердца! «Кажется, видѣлъ во снѣ, что поцѣловаль руку у Мухановой», записываетъ онъ съ комической серьезностью въ одномъ мѣстѣ своего дневника и въ другомъ: «Гулялъ и смотрѣлъ на небо. Писалъ въ умѣ письмо Марьѣ Сергѣевнѣ». Рѣшившись посвататься, онъ безъ толка впутываетъ сюда постороннихъ людей, и опять-таки все выходитъ аляповато, грубо и смѣшно. Свѣтлыми моментами во весь этотъ періодъ неудачъ были для Погодина: торжество при открытіи памятника Карамзину въ Симбирскѣ, гдѣ онъ «Похвальнымъ словомъ» историографу произвелъ сенсацию, а также нѣкоторыя удачныя статьи по русской исторіи, которыя при своемъ появленіи въ печати заслужили одобреніе лицъ и противнаго лагеря. Не мало пріятныхъ и полезныхъ для себя часовъ провелъ онъ во время путешествія по славянскимъ землямъ. Здѣсь онъ перевидалъ многихъ крупныхъ дѣятелей, былъ встрѣчаемъ всюду, какъ выдающійся русскій ученый, съ любовью и почетомъ, и вернулся на родину съ обновленными силами и окрыленнымъ духомъ. Последнія девять главъ интереснаго труда г. Барсукова посвящены перипетіямъ знаменитой «Переписки Гоголя съ друзьями». Нельзя не отмѣтить, что въ этой части исследователь нѣсколько увлекся и коснулся этого литературнаго момента слишкомъ подробно. Гоголь, можетъ быть, отъ этого выигралъ, но трудъ о Погодинѣ проигралъ. Задавшись цѣлью убѣдить читателей, что книга Гоголя «заслуживаетъ самаго серьезнаго изученія по своему глубокому содержанию и свѣтлымъ мыслямъ, свидѣтельствующимъ о высокомъ духовномъ настроеніи автора», и утверждая, что «Выбранная мѣста изъ нея содержатъ въ себѣ обильную духовную пищу, столь необходимую въ наше время, скудное духовными идеалами», г. Барсуковъ совсѣмъ забылъ своего героя и затуманилъ его біографію массой матеріала, непосредственно относящагося до другихъ лицъ. Если бы еще появленіе книги Гоголя послужило къ обостренію отношеній между западниками и славянофилами, гдѣ Погодину пришлось сыграть выдающуюся роль,—но, нѣтъ, мы видимъ обратное. И Петербургъ и Москва, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не исключая даже служителей церкви, всѣ слились въ одною дружномъ голосѣ осужденія большаго сатирика, а Погодину выпала незавидная доля быть изруганнымъ Гоголемъ, и непріятно изруганнымъ, и печатно и въ личной перепискѣ. Переписка Гоголя съ Погодинымъ, не занимающая, однако, въ этой части труда много мѣста, очень любопытна, а нѣкоторыя письма опубликованы г. Барсуковымъ впервые. Очень характерна надпись Гоголя на книжкѣ, посланной Погодину: «Неопратному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видающему, Оумѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, дарить сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его человѣкъ тоже грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопратнѣйшій его самого».

Б. Глинскій.

К. А. Иванова. Средневѣковой замокъ и его обитатели. Спб. 1894.

Г. Ивановъ, не такъ давно выпустившій второе изданіе своего курса исторіи среднихъ вѣковъ, продолжаетъ дѣятельно заниматься разработкой исторіи средневѣковой жизни. Доказательствомъ служить книжка съ приведеннымъ заглавіемъ, составляющая начало серіи очерковъ быта и нравовъ

средневѣковаго общества, предпринятыхъ авторомъ. Взятая г. Ивановымъ задача—изобразить въ небольшихъ и болѣе или менѣе интересныхъ очеркахъ бытъ средневѣковаго общества — дѣло не легкое, даже при хорошемъ знакомствѣ съ этимъ бытомъ. Авторъ старается облегчить себѣ эту задачу, сгруппировавши весь обширный матеріалъ, необходимый для изображенія различныхъ сторонъ быта средневѣковаго общества, въ опредѣленные отдѣлы: средневѣковой замокъ, средневѣковой городъ, средневѣковой монастырь, средневѣковая деревня и др. Но и такая группировка облегчаетъ трудъ только отчасти. Въ самомъ дѣлѣ, каждая изъ названныхъ сторонъ средневѣковой жизни, напримѣръ, самый средневѣковой замокъ и бытъ его обитателей, неоднократно и значительно измѣняла свои формы въ продолженіе средневѣковаго періода; а съ другой стороны народы Западной Европы вносили въ эти формы свои національныя особенности. Изображать всё такія измѣненія и особенности значило бы представить не краткій и популярный очеркъ, какъ намѣревался авторъ, а полную специальную научную монографію. Естественно поэтому, что автору было необходимо ограничиться только извѣстнымъ кругозоромъ — данной страной и эпохой. Авторъ съ полною цѣлесообразностью и сдѣлалъ такое ограниченіе. Въ виду того, что нигдѣ рыцарство не выразилось въ такой полной и яркой формѣ, какъ во Франціи, онъ, для ознакомленія съ средневѣковымъ рыцарствомъ, сосредоточиваетъ вниманіе читателя на Франціи, указывая только нѣкоторыя характерныя уклоненія и особенности рыцарства, проявившіяся въ другихъ странахъ. Но такъ какъ и французское рыцарство пережило рядъ существенныхъ перемѣнъ, то авторъ избралъ наиболѣе характерную эпоху въ исторіи его, именно XII—XIII вв., какъ періодъ процвѣтанія французскаго рыцарства. Избранная эпоха очерчена авторомъ въ главныхъ чертахъ довольно рельефно. Онъ знакомитъ читателя не только съ внѣшностью обитателя средневѣковаго замка въ указанную эпоху, не только съ его привычками и образомъ жизни, но также и съ его духовною стороною. Раздѣливъ книгу на нѣсколько особыхъ очерковъ, онъ въ каждомъ изъ нихъ обрисовываетъ какую нибудь выдающуюся сторону жизни обитателя средневѣковаго замка. Но чтобы всё эти отдѣльныя очерки составили одну цѣльную картину жизни средневѣковаго рыцаря въ его замкѣ, авторъ старается такъ или иначе связать ихъ между собою. Эти старанія не всегда оказываются удачными, благодаря именно приему автора—заключать каждое особое проявленіе жизни средневѣковаго французскаго рыцаря въ отдѣльный очеркъ. Такимъ приемомъ авторъ нанесъ ущербъ связности и цѣльности картины, самъ парализовалъ свое стремленіе дать такую именно картину. Неудивительно поэтому, что автору приходится иногда маскировать этотъ недостатокъ развязностью изложенія и искусственными сближеніями.

Н. Рыжковъ.

Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленъ подъ редакціей А. Чудинова. 1894.

Составитель этого огромнаго тома въ тысячу страницъ (2.000 столбцовъ) извѣстенъ въ исторіи нашей литературы, какъ усердный изслѣдователь законовъ русскаго языка и классическихкихъ произведеній. Новымъ трудомъ своимъ онъ, однако, и самъ не доволенъ и говорить въ предисловіи, что «словарь

составленъ при участіи нѣсколькихъ лицъ», а лично ему принадлежитъ лишь «общая редакція всего труда», самъ же словарь, «къ сожалѣнію, въ настоящемъ своемъ видѣ, представляетъ лишь наиболѣе полный сводъ сырого словарнаго матеріала, требующій еще тщательной детальной разработки въ будущемъ и лишь до нѣкоторой степени упорядоченный въ настоящемъ изданіи». Послѣ такой строгой оцѣнки авторомъ своего труда что же остается критикѣ, кромѣ полного согласія съ этимъ мнѣніемъ, да еще, пожалуй, дополненія, что сырой матеріалъ нѣсколько не упорядоченъ въ словарь. Совершенно основательно замѣтилъ дальше г. Чудиновъ, что надъ каждымъ иностраннымъ словомъ, вводимымъ въ русскій языкъ, нужна кропотливая, сложная самостоятельная работа надъ этимологическимъ производствомъ и реальнымъ опредѣленіемъ слова, работа, требующая многихъ лѣтъ, а по недостатку времени и по другимъ обстоятельствамъ пришлось только ограничиться «редакціей переводнаго и компилятивнаго матеріала, составленнаго сотрудниками». При этомъ можно было бы также замѣтить составителю, что публикѣ нѣтъ никакого дѣла до недостатка времени и другихъ обстоятельствъ, и что общая редакція, взявшись за словарное дѣло, отвѣчаетъ за компилятивные промахи своихъ сотрудниковъ. Словарей, подобныхъ вышедшему, книгъ у насъ есть уже не мало; въ чемъ же заключается его превосходство передъ старыми? Г. Чудиновъ рекомендуетъ этотъ «крайне несовершенный трудъ «въ качествѣ» попытки наиболѣе полного словаря», общая болѣе тщательную разработку при послѣдующихъ изданіяхъ. Но словари издаются не на одинъ годъ и ждуть появленія другихъ тысячи страницъ и платятъ за нихъ еще три съ половиной—перспектива вовсе не завлекательная. Да и «наибольшая полнота» вовсе не главное достоинство въ словарь особенно, если, какъ теперь, она превращается въ совершенно бесполезное излишество. Во-первыхъ, не слѣдовало въ русскій словарь вносить слова съ иностранной транскрипціей. Можно было, пожалуй, помѣстить ихъ отдѣльно въ концѣ каждой буквы, или всего сочиненія, да и это излишнее. Помѣщены съ русской транскрипціей—натрій, натръ, и этого достаточно. Къ чему же еще пичкать тутъ: *natrium aceticum*, *natrium carbonicum* и др.? Такихъ натріевъ приводится семь, но въ химіи и фармацевтикѣ ихъ можно насчитать гораздо больше. Стало быть, тутъ, въ то же время и неполнота и излишество. Къ чему всѣ эти: *arrêts d'amour*, *liquor ammonii* (щелочъ эта переведена: оленерожный спиртъ), *die gesta* (а слова *дигесты*—нѣтъ), *monossia* (однодольныя растенія). Но вѣдь если вносить въ русскій словарь всѣ латинскіе естественнонаучные термины, то понадобятся еще сотни страницъ, а и такъ уже всѣ онѣ испещрены подобными терминами. Но и между русскими словами множество словъ съ совершенно однозначимымъ опредѣленіемъ: наполеонизмъ—приверженность къ системѣ Наполеоновъ, наполеонистъ—приверженецъ Наполеона (точно одно не ясно безъ другого!), наполеоманія—страстное почитаніе Наполеона. Послѣ страннаго опредѣленія слова натура: «совокупность органическаго и неорганическаго міра до внимательства человѣка» (а какъ же: природа человѣка?), приведено болѣе двадцати словъ съ однимъ и тѣмъ же опредѣленіемъ: послѣ слова *натуральный*—уже совершенно излишни слова: *натуральная система*, наука, плата, натуральное право, состояніе, богословіе, натуральная философія, исторія. Слова «натуралія» вовсе нѣтъ въ русскомъ языкѣ, и никто не назоветъ такъ «неизмѣняемыя естественныя тѣла или матерія». И тутъ еще множество иностранныхъ словъ: *naturae convenienter vive, in*

regum natura, natura naturis, naturalia, naturhorn — въмецкое, naturel — англійское «въ музыкѣ—знакъ отказа» (никогда не встрѣчали мы такого опредѣленія); нѣтъ словъ: графологія, графоманія; амшаспанды—свѣтлые духи персидской миеологіи помѣщено, но противниковъ ихъ—дарвандовъ, духовъ тьмы, нѣтъ, хоть объ нихъ Ламене написалъ цѣлую книгу. Подобныхъ примѣровъ, взятыхъ нами на выдержку, изъ всякихъ пропусковъ и промаховъ, мы могли бы привести сотни.

Лексикографическіе взгляды г. Чудинова довольно основательны, но онъ слишкомъ много вниманія обращаетъ на этимологію словъ, вовсе у насъ не разработанную, да и на западѣ не поставленную еще на твердыя основанія. Гораздо важнѣе при объясненіи слова—его вѣрное, техническое опредѣленіе. Но и тутъ нельзя дѣлать изъ книги, необходимой въ общественной жизни, словарь научныхъ, техническихъ терминовъ. Слѣдовало бы также обратить вниманіе на то, какія слова, вошедшія въ русскій языкъ, необходимо сохранить, и какія въ немъ излишни. Въ первой же строкѣ своего труда г. Чудиновъ говоритъ: «языкъ каждаго народа—это детальная исторія его мысли». Зачѣмъ этотъ иностранный терминъ, когда у насъ есть свой «подробная», въ которомъ составитель хочетъ также для чего-то видѣть и «несущественную часть цѣлаго»? Ни одинъ изъ старыхъ словарей нашихъ, ни Гейзе, ни Бурдона, ни Дубровскаго, ни Ковалевскаго не обращаетъ вниманія на эти ненужные переводы съ русскаго языка на иностранный и на введеніе ихъ въ наши лексиконы, а это чрезвычайно важно. Иногда эти новосформированныя слова до того противны коренному духу нашего языка, что просто претятъ, какъ, напримѣръ, интервью и инцидентъ (г. Чулиновъ внесъ въ словарь только послѣднее слово, а первое—посовѣтился). Въ опечаткахъ, которыхъ всего три страницы, а имъ слѣдовало бы отвести десятки столбцовъ, помѣщены такіе пропуски, какъ микробы, микрофонъ, гипнотизонъ и даже—гомоямъ, уже внесенный въ текстъ, какъ омонимъ. Но о мелкихъ промахахъ мы уже не говоримъ, такъ какъ вообще корректура у насъ научныхъ, особенно словарныхъ работъ—самая плачевная. Вл. З.

Временникъ Эстляндской губерніи. Труды эстляндскаго губернскаго статистическаго комитета, т. IX, кн. I. Ревель. 1894.

Эта объемистая книга, прекрасно изданная подъ редакціей секретаря эстляндскаго статистическаго комитета А. Н. Харузина, заключаетъ въ себѣ обильный и разнообразный матеріалъ для изученія мало, къ сожалѣнію, извѣстныхъ русскому обществу нашихъ прибалтійскихъ окраинъ съ историко-этнографической точки зрѣнія. Грустная, полная превратностей исторія Эстоніи, съ обильно пропитанной кровью во многовѣковой борьбѣ почвой и смѣшаннымъ населеніемъ, перенесшимъ иго датскаго и шведскаго владычества, является интересною темою для серьезныхъ изслѣдованій въ области археологіи, антропологіи, исторіи и языковѣднія, и въ высшей степени пріятно и отрадно видѣть почтенныя работы въ данномъ дѣлѣ представителей мѣстной администраціи, перу которыхъ принадлежитъ большинство статей и очерковъ разсматриваемой нами книги.

Введеніемъ ко Временнику служитъ очеркъ дѣятельности статистическаго комитета въ Эстляндіи за 20 лѣтъ его существованія, съ 1863 по 1893 г., обстоятельно составленный г. Харузинымъ, которому принадлежатъ

и интересная замѣтка о черепахъ Пюхтицкаго могильника, являющаяся дополненіемъ статьи профессора Юрьевского университета П. А. Висковатова о Пюхтицкомъ древнемъ кладбищѣ Эстляндской губерніи (съ двумя рисунками могилъ), приготовленная авторомъ, какъ матеріалъ, къ предстоящему въ недалекомъ будущемъ X археологическому съѣзду въ Ригѣ. Среди прочихъ статей обращаетъ на себя вниманіе короткое, но полное интереса, сообщеніе кн. С. III—ого объ оригинальной сектѣ прикокудовъ, т.-е. пробужденныхъ, въ волости Анія, Ревельскаго уѣзда. Секта эта, появившаяся въ край 4 года тому назадъ, представляетъ общину, не подчиняющуюся никакимъ ритуаламъ церковнаго характера; члены ея ведутъ нравственный образъ жизни, сходятся на совѣстную молитву въ различные часы дня, по взаимному соглашенію, причѣмъ во время такихъ собраній на нѣкоторыхъ нисходитъ «радость божія», и получившій ее начинаетъ прыгать. Этой именно чертою секта соприкасается со скакунствомъ, весьма распространеннымъ вообще въ Эстляндской губерніи, и тѣмъ роняетъ свое, примиряющее съ нею, этическое ученіе.

Переходя затѣмъ къ подробностямъ, нельзя, однако, не замѣтить нѣкоторыхъ недоразумѣній и противорѣчій, встрѣченныхъ нами въ сборникѣ, что, разумеется, вполне естественно въ такомъ большомъ трудѣ, съ такимъ разнообразнымъ содержаніемъ, какъ занимающій насъ Временникъ. Такъ, категорическое утвержденіе, встрѣчающееся въ статьѣ М. Муравьева «Къ вопросу о развитіи общественнаго устройства г. Ревеля» (стр. 361), о возникновеніи Ревеля въ 1194 г. кажется намъ нѣсколько рискованнымъ, принимая въ соображеніе, что годомъ начала Ревеля, установленнымъ, по историческимъ даннымъ, считается 1219-й, время покоренія датчанами укрѣпленія Лиданиссы съ областью Репель. Не можемъ также согласиться и съ выводомъ г. Харузина («Обзоръ доисторической археологіи въ Эстляндской, а также Лифляндской и Курляндской губерніяхъ по трудамъ извѣстныхъ изслѣдователей», стр. 233), будто приписанная къ ревельскому Михайловскому монастырю, по взятіи Ревеля рыцарями, русская деревня Вендеферъ составляла одну изъ четырехъ частей Ревеля, упоминаемыхъ въ актахъ начала XIII в. Уважаемый авторъ приходитъ къ этому выводу, основываясь на книгѣ протоіерея М. Т. Иконникова «Лѣтопись церкви Св. Николая Чудотворца въ Ревелѣ», толкующаго именно такъ мѣстонахожденіе Вендефера. Между тѣмъ на страницахъ того же Временника, въ ученomъ изслѣдованіи Ю. Ю. Трусмана «Русскіе элементы въ Эстляндіи въ XIII—XV в.» (къ X археологическому съѣзду въ г. Ригѣ), на основаніи строго научныхъ данныхъ, несомнѣнно установленъ тотъ фактъ, что вышеупомянутая деревня Вендеферъ,—слово переводимое г. Харузину «русскимъ концомъ», въ смыслѣ концовъ или урочищъ, околотковъ, напримѣръ, Новгородца, и означающее собственно русскій край, то-есть деревня, поселокъ,—лежала на с.-в. отъ древняго Раковора, то-есть г. Везенберга, и упоминается въ дарственномъ актѣ датскаго короля на имя цистерціанскаго женскаго монастыря во имя св. Михаила въ г. Ревелѣ, въ 1286 г.

Вышесказанное не можетъ, однако, быть поставлено въ укоръ составителямъ книги, такъ какъ подобныя неточности могутъ встрѣтиться въ любомъ научномъ сочиненіи. Отдавая полную справедливость интересному и разнообразному содержанію Временника, будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать его слѣдующаго выпуска.

С. У—ць.

Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Часть I. Древній міръ. Изд. 2-е, исправленное. Москва. 1894. Часть II. Средніе вѣка. Москва. 1894.

Новый учебникъ всеобщей исторіи представляетъ собою попытку поставить преподаваніе исторіи въ нашей средней школѣ на новыя основанія,— попытку, вызванную желаніемъ «поднять уровень историческаго преподаванія» (предисловіе къ первому изданію первой части, стр. I). Потребность такого «поднятія» давно уже сознается людьми, имѣющими дѣло съ этою вѣтвью преподаванія въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Кому неизвѣстно, въ самомъ дѣлѣ, какъ невысокъ у насъ «уровень» этого преподаванія. Довольно обычное среди нашихъ «образованныхъ людей» пренебрежительное отношеніе къ исторіи имѣетъ, кажется намъ, своею причиною и вмѣстѣ оправданіемъ именно этотъ уровень историческаго преподаванія, оставляющій обыкновенно въ головѣ учащагося представленіе объ исторіи, какъ о какой-то случайной и причудливой смѣси съ одной стороны—хронологическихъ датъ и именъ, съ другой—отрывочныхъ эпизодовъ и болѣе или менѣе «занимательныхъ» анекдотовъ. Вполнѣ оправдывается этимъ уровнемъ историческаго преподаванія и то легкое, пренебрежительное отношеніе, которымъ пользуется исторія, какъ учебный предметъ, со стороны учащихся. Работать, соображать, понимать, «шевелить мозгами»— все это требуется для другихъ «трудныхъ предметовъ», но ничуть не для исторіи, стѣжавшей среди учащихся репутацію «легкаго предмета», для изученія котораго никакой работы ума, никакого пониманія не требуется, достаточно простого запоминанія.

Своимъ учебникомъ профессоръ Виноградовъ открываетъ походъ противъ такой постановки историческаго преподаванія. Съ этого цѣлью г. Виноградовъ представляетъ историческій матеріалъ, подлежащій усвоенію въ средней школѣ, въ совершенно новой, и по формѣ и по существу, обработкѣ. По ограниченности мѣста, мы не можемъ здѣсь входить ни въ подробную характеристику послѣдней, ни въ принципиальную оцѣнку тѣхъ приемовъ, при помощи которыхъ составитель учебника пытается разрѣшить свою задачу; отмѣтимъ, по крайней мѣрѣ, главныя черты, которыми учебно-педагогическій трудъ профессора Виноградова выдѣляется среди существующихъ историческихъ учебниковъ. Авторъ новаго учебника не ограничивается сообщеніемъ извѣстной суммы, извѣстнаго минимума признаваемыхъ необходимыми для усвоенія учащимися фактическихъ данныхъ; онъ, кромѣ того, стремится раскрыть предъ учащимся общій смыслъ историческаго процесса, дать учащемуся осмысленное и цѣльное представленіе о всемірно-историческомъ движеніи, создать, однимъ словомъ, въ головѣ учащагося извѣстное историческое міросозерцаніе. Послѣдняя задача достигается въ учебникѣ г. Виноградова не внѣшнимъ образомъ, въ видѣ какихъ либо съ боку пристегнутыхъ разсужденій и размышленій, а всею постановкою, обработкою и освѣщеніемъ историческаго матеріала. «Историческое міросозерцаніе» не преподносится учащемуся въ видѣ готовой формулы, которую можно запомнить, какъ анекдотъ о Буцефалѣ, или «зазубрить», какъ хронологическую дату; нѣтъ, учащемуся предоставляется самому поработать головой и «пошевелить мозгами». Это послѣднее, разу-

мѣется, не всё придется по вкусу и совдасть, безъ сомнѣнія, не мало противниковъ новому учебнику не только въ средѣ учащихся, но и среди учащихся, тѣмъ болѣе, что этотъ учебникъ предъявляетъ и къ преподавателю гораздо большія требованія. Во-первыхъ, онъ налагаетъ на послѣдняго обязанность ориентировать учащихся въ нѣкоторыхъ новыхъ для нихъ понятіяхъ изъ сферы политической и общественной, которыхъ учебникъ г. Виноградова касается, но о которыхъ, естественно, не можетъ подробно распространяться; во-вторыхъ, учителю придется «оживлять» преподаваніе внесеніемъ эпизодическаго элемента, которому, въ силу совершенно новой постановки задачи, въ учебникѣ г. Виноградова отведено чересчуръ скромное мѣсто. Не мало придется новому учебнику бороться и съ рутинной, боязливо относящейся ко всякому новшеству, и съ инерціей преподавательскаго персонала, въ силу которой такъ неохотно расстаются съ учебниками, къ которымъ привыкли, быть можетъ, еще со школьной скамьи. Мы надѣемся, однако, что, рано или поздно, новому учебнику (полезному, сказать въ скобкахъ, и не для однихъ учащихся) удастся завоевать вполнѣ заслуженное имъ мѣсто въ нашей учебно-педагогической литературѣ.

Пріятно отмѣтить ту внимательность, съ которою авторъ отнесся къ указаніямъ критики, вызваннымъ первымъ изданіемъ первой части его учебника. Второе изданіе этой части подверглось тщательному просмотру и многочисленнымъ исправленіямъ, между прочимъ, и въ статистическомъ отношеніи; вліяніе этихъ критическихъ указаній отразилось, кажется намъ, и на только что вышедшей въ свѣтъ второй части учебника (средніе вѣка), и отразилось, разумѣется, лишь къ выгодѣ учебника.

Что до отдѣльныхъ неточностей и промаховъ, то намъ не удалось замѣтить ни одного сколько нибудь существеннаго, а о мелкихъ недосмотрахъ, неизбежныхъ во всякомъ сочиненіи, не стоитъ и говорить; во всякомъ случаѣ, въ сочиненіи проф. Виноградова ихъ менѣе, чѣмъ въ любомъ изъ существующихъ учебниковъ исторіи, не исключая и тѣхъ, что печатаются двадцатымъ и тридцатымъ изданіемъ.

П. А.

Новгородскія кабальныя книги. 7108 (1599—1600) года. Спб. 1894.

Вопросъ о томъ, когда и какъ произошло закрѣпощеніе крестьянъ въ древней Руси, является очень спорнымъ и не будетъ рѣшено окончательно, пока изслѣдователи не найдутъ новыхъ матеріаловъ. Книга, заглавіе которой мы привели, содержитъ въ себѣ исключительно новый матеріалъ такого рода, именно цѣлый рядъ кабальныхъ записей 1599—1600 года. Записи эти показываютъ, что крестьяне легко мѣняютъ мѣсто своего жительства, совершенно свободно переходятъ въ холопство, становятся, такимъ образомъ, въ частную зависимость и т. д. Между тѣмъ, конецъ XVI вѣка—время предполагаемаго закрѣпощенія крестьянъ, — время, когда крестьяне уже не могли бы имѣть права перехода. Такимъ образомъ, изданныя кабальныя книги заставляютъ принять мнѣніе профессора В. О. Ключевскаго, что до Уложенія никакого общаго указа о прикрѣпленіи не существовало, и что послѣднее было результатомъ чисто экономическихъ отношеній между землевладѣльцами и крестьянами.

В. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ЖИЗНЬ на минеральных водахъ и на морскомъ берегу въ древности и въ средніе вѣка. Съ прошедшаго года Nouvelle Revue печатаетъ длинный рядъ статей Фермана Енжерана о томъ, какъ греки и римляне въ древности, а европейцы въ средніе вѣка и до конца прошедшаго столѣтія проводили время на минеральныхъ водахъ и на морскомъ берегу. Оказывается, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ, было въ модѣ больнымъ и здоровымъ пить минеральныя воды и купаться, какъ въ минеральной, такъ и въ морской водѣ. Греки не боялись для этого предпринимать далекіе путешествія: такъ они отправлялись на острова Мелось, Липару и Лесбось, славившіеся сѣрнистыми источниками, и въ Африку, гдѣ заслуживали особаго вниманія воды Кареагена, Нанзы и Хасалы; а въ Средней Азіи имъ извѣстны были источники въ Прусѣ, Магнезіи и Калировъ, близъ Тиверіадскаго озера. Въ самой Греціи они посѣщали Лебедось, Эпидавръ, Термопилы, гдѣ вода была самая голубая во всемъ свѣтѣ, Амфіаръ, Мезану и въ особенности Эдепсъ, въ Эвбеѣ. Эта послѣдняя мѣстность была въ самой большой модѣ какъ по врачебному свойству своихъ водъ, такъ и по удовольствіямъ тамошней жизни. Находясь на берегу моря, въ живописной мѣстности, Эдепсъ, по словамъ Плутарка, славился ваннами изъ горячихъ источниковъ и, благодаря представляемымъ имъ удовольствіямъ, былъ «публичной гостинницей для всей Греціи». Изъ этихъ удовольствій, по тогдашнему обычаю, наибольшій интересъ представляли литературныя бесѣды. До такой степени считалось моднымъ имѣть свою виллу въ Эдепсѣ, что всѣ богатые греки нанимали, у кого вилла лучше, и дѣло кончилось такими спорами и распрями, что мѣстный муниципалитетъ изгналъ всѣхъ соперничающихъ дачевладѣльцевъ. При этомъ замѣчательно, что такъ какъ горячіе источники въ Эдепсѣ проявились послѣ землетрясенія, то ихъ считали за даръ небесъ и установили обязательность дарового

пользованія ими. Даже существовала легенда, что когда при царѣ Антигонѣ вдумали взыскивать плату за питье воды, то источники изсякли и только возобновились послѣ отъѣзду ненавистнаго налога. Подобная ненависть минеральныхъ источниковъ къ взыманію съ нихъ податей сохранилась и въ средніе вѣка: такъ рассказываютъ, что одинъ изъ источниковъ въ Спа также изсякъ, когда его нѣмецкій владѣтель вдумалъ собирать деньги съ больныхъ. Римляне еще болѣе грековъ развили жизнь на водахъ и на морскомъ берегу, гдѣ они предавались всевозможнымъ удовольствіямъ, въ особенности греблѣ и плаванію. Какъ извѣстно, послѣднее искусство очень процвѣтало въ древнемъ Римѣ, и считалось необходимымъ учить плаванію дѣтей обоого пола; самъ Августъ давалъ своимъ племянникамъ уроки плаванія, а Агрипина только потому избѣгла вѣрной смерти, когда Неронъ отправилъ ее въ суднѣ съ открывающимся дномъ, что прекрасно плавала. Главныя воды на Пиренейскомъ полуостровѣ были Байя, Клузіумъ и Синуэсса, а, кромѣ того, римлянамъ были извѣстны большая часть теперешнихъ водъ: Висбаденъ, Баденъ-Баденъ, Баденъ, Виши, Бурбонъ и т. д. Морскія купанья также очень цѣнились ими, и Остія близъ Рима была самымъ любимымъ мѣстомъ пребыванія императоровъ и свѣтскаго общества, а Анціумъ, по словамъ Страбона, пользовался предпочтеніемъ политическихъ дѣятелей, которые проводили тутъ, среди самыхъ веселыхъ удовольствій, дни отдыха отъ тяжелыхъ трудовъ. Эта мода на морскія купанья совершенно исчезла со времени нашествія варваровъ, и только въ среднѣй XVIII вѣка оксфордскій докторъ Россель убѣдилъ богатыхъ, знатныхъ англичанъ вернуться къ этой модѣ, а ихъ примѣру вскорѣ послѣдовала Германія. Во Франціи же морскія купанья привились только съ первой четверти настоящаго столѣтія: именно жена герцога Беррійскаго, принцесса Неаполитанская, любившая море, пріучила къ нему и весь дворъ; первыми морскими купаньями во Франціи были Булонь и Діюнъ. Если вернуться къ римской вилледжіатурѣ, то мы увидимъ, что Байя была популярнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ ея выраженіемъ. Находясь въ Кампаніи, самой лучшей мѣстности Италіи, и пользуясь, съ одной стороны, морскими купаньями, а съ другой различными минеральными источниками, холодными и горячими, въ особенности сѣрными, Байя вошла въ моду только въ концѣ республики, но быстро оставила за собой всѣхъ своихъ соперниковъ и даже превзошла своею роскошью и увеселеніями самый Римъ. Мало-по-малу врачебное значеніе Байи отошло на задній планъ, и она сдѣлалась, по словамъ Сенеки, «гостинницей разврата». Но этотъ развратъ былъ такъ изященъ и соблазнителенъ, что въ Байѣ жили не только зимой, но и лѣтомъ, а количество ея посѣтителей до того возросло, что не только непрерывный рядъ виллъ и гостинницъ соединилъ ее съ Мизеной и Путцуоле, но и въ морѣ были воздвигнуты роскошныя жилища на сваяхъ. Марціалъ прямо говорилъ, что Байя «*litus beatae Veneris agrorum*», а обвинители Целія Руфа въ расточительности выставляли, какъ главное доказательство своихъ доводовъ, что онъ жилъ въ Байѣ. Всего рельефнѣе картину жизни въ Байѣ рисуетъ Сенека, и по его словамъ тамъ вставали очень поздно, когда уже солнце прошло треть своего ежедневнаго пути, и утромъ проводили время въ термахъ, гдѣ роскошь подавала руку любострастію. Послѣ поддника, состоявшаго преимущественно изъ устрицъ, ловившихся въ сосѣднемъ Лукринскомъ озерѣ, отправлялся на берегъ моря, и тамъ въ раскинутыхъ палаткахъ происходили самые нѣжные романы, или

въ амфитеатръ, гдѣ любовались ристалищами и театральными представленіями, или на берегъ Лукринскаго озера, гдѣ въ Мика, нѣчто въ родѣ современнаго казино, можно было лицезрѣть восточныя танцы, исполняемыя знаменитѣйшими куртизанками, или, наконецъ, въ игорные дома. Такъ проходило время до заката солнца, когда начиналась настоящая жизнь въ Байѣ, и сосредоточеніемъ ея было Лукринское озеро. Тогда только купались въ озерѣ и устраивали цвѣточныя битвы на водѣ, при чемъ все смѣшивалось въ одинъ блестящій любово-страстный праздникъ: публика въ лодкахъ, купальщики и купальщицы въ водѣ, музыка, иллюминаціи, роскошная трапеца въ лодкахъ и на особо устроенныхъ столахъ, колыхавшихся на водяной поверхности. Все это продолжалось цѣлую ночь, и еще утромъ мелькали по озеру лодки съ заповдавшими парочками.

Галлія переняла у римлянъ вкусъ къ вилледжіатурѣ, и богатые галлы владѣли въ окрестностяхъ городовъ и подлѣ минеральныхъ источниковъ дачами, которыя къ концу V столѣтія достигли чрезвычайной степени роскоши. Въ особенности тогда пользовались славою воды Э. въ Провансѣ, которыя назывались гальскою Байей. Кромѣ того, модными мѣстами для питья минеральныхъ водъ, купаній и различныхъ увеселеній были Пломбьеръ, гдѣ собиралось до пяти сотъ человѣкъ, и Ахенъ, покровительствуемый Пепиномъ Короткимъ и Карломъ Великимъ. Послѣдній, прекрасный пловецъ, такъ любилъ купаться и особенно въ теплой водѣ Ахенскихъ источниковъ, что именно по этой причинѣ поселился въ означенномъ городѣ, въ послѣдніе годы своей жизни. Онъ устроилъ тамъ громадный бассейнъ и купался въ немъ не только со своими любимцами, но даже съ офицерами и солдатами своей стражи; по словамъ Эгингарда, иногда въ этомъ бассейнѣ вмѣстѣ съ императоромъ находилось до ста человѣкъ. Преемники Карла Великаго слѣдовали его примѣру: Людовикъ Благочестивый и Лотарь оказывали особенное пристрастіе къ Пломбьерскимъ водамъ, а его незаконный сынъ, Дроговъ, упрочилъ процвѣтаніе Люкседа. Въ X и XI вѣкахъ возникаетъ мода на Котрѣ и Спа; послѣдній такъ быстро сталъ привлекать къ своимъ источникамъ толпы больныхъ, что не доставало времени строить дома, и ихъ помѣщали въ палаткахъ. Въ XII вѣкѣ храмовники возобновили воды въ Греу, которыя пользовались извѣстностью у римлянъ и были заброшены послѣ вторженія варваровъ; при этомъ надо замѣтить, что они впервые устроили при водахъ больницу, и ихъ примѣру послѣдовалъ Филиппъ-Августъ, который создалъ особое убѣжище для прокаженныхъ. Въ XIII вѣкѣ возникли новыя воды въ Форнеѣ, Бурбонѣ, Виши и Нериссѣ; и рядомъ съ ними, также какъ и при старыхъ источникахъ, немедленно возникали монастыри, мужскіе и женскіе, которые эксплуатировали пріѣзжихъ. Такъ, въ Ахенѣ и Спа водами заправляли капуцины, въ Виши—селестинцы, въ Котрѣ—бенедиктинцы, въ Пломбьерѣ—сестры Ремиронскаго ордена. Но наибольшій успѣхъ въ средніе вѣка имѣли баденскія воды въ Швейцаріи, и такъ какъ онѣ не даромъ назывались «всесвѣтнымъ садомъ сладострастія», то больные рѣдко туда заглядывали, а Баденъ наполнился исключительно здоровыми искателями веселья и любви. Въ началѣ XV вѣка флорентинецъ Поджъ, редакторъ папскихъ буллъ, уѣхалъ со скучнаго Константскаго собора на нѣсколько времени для отдыха въ Баденъ и оттуда написалъ одному своему пріятелю письмо, въ которомъ подробно изобразилъ тогдашнюю жизнь въ Баденѣ. Этотъ драгоценный документъ рисуетъ намъ полную кар-

тину того, какъ жили и веселились на модныхъ водахъ въ ту эпоху. Общество тамъ собиралось самое разнообразное, и высокія особы, преимущественно аббаты, монахи и монахини, скрываясь подъ строгимъ инкогнито, веселились наравнѣ съ куртизанками и молодыми дѣвушками, искавшими себѣ мужей. Почти единственный театръ, для всякаго рода увеселеній, представляли общественныя ванны, которыхъ въ городѣ было до тридцати. Только два изъ этихъ учреждений были доступны для всѣхъ, и тамъ купались простые люди, совершенно обнаженные, при чемъ мужчины отъ женщинъ отдѣляла легкая перегородка. Частныя ванны были менѣе примитивны и занимали нижній этажъ гостинницъ, хозяева которыхъ допускали въ эти ванны только своихъ жильцовъ. Самая ванна представляла большой бассейнъ, иногда, но не всегда, разгороженный на два отдѣленія: для мужчинъ и женщинъ, тонкой перегородкой, испещренной маленькими оконцами, такъ что, по словамъ Поджа, купальщики и купальщицы имѣли полную возможность видѣть другъ друга, разговаривать между собой, пить вмѣстѣ и, согласно мѣстному обычаю, предаваться «нѣжнымъ ласкамъ». Къ наибольшему удобству посѣтителей и посѣдительницъ, корридоръ, который велъ къ бассейну, былъ общій, а костюмы тѣхъ и другихъ отличались откровенностью. Для мужчинъ онъ состоялъ изъ однихъ панталонъ, но столь плотно облегавшихъ тѣло, что мужчины не допускали въ женское отдѣленіе иначе, какъ въ простыняхъ; если женщины и были болѣе одѣты, то ихъ костюмы отличались очень соблазнительнымъ характеромъ: на нихъ была тонкая полотняная туника, доходившая до ногъ, но открытая съ одной стороны съ самаго верха до низа, такъ что при всякомъ движеніи обнаруживались всѣ ихъ прелести. Купались до пяти разъ въ день и продолжительное время, а самымъ любимымъ увеселеніемъ считались пикники, для которыхъ мужчины и женщины соединялись въ одной ваннѣ и устраивали веселые пиры, при чемъ ѣли и пили за особыми пловучими столами изъ пробки. Самая общепринятая забава въ этихъ случаяхъ,—разсказываетъ Поджъ,—заключалась въ томъ, что женщины и мужчины роняли въ воду стаканы, бутылки, тарелки и потомъ вмѣстѣ искали ихъ. Въ сущности идея этихъ увеселеній была заимствована у древнихъ, и самый Баденъ былъ извѣстенъ римлянамъ подъ названіемъ «Aquaе Helveticae», но въ средніе вѣка придали имъ особыя новыя черты и, между прочимъ, устроили надъ ваннами и вокругъ нихъ широкія галлереи, на которыя входъ былъ для всѣхъ доступенъ. «Для развлеченія,—говоритъ Поджъ,—каждый могъ пойти въ женскія ванны и смотрѣть, какъ входили и выходили изъ нихъ купальщицы, почти въ обнаженномъ видѣ». Изъ этого зрѣлища мужчины, какъ видно, извлекали только удовольствіе, но женщины умѣли устроить себѣ и пользу: не только молодыя дѣвушки находили себѣ мужей, но самымъ красивымъ купальщицамъ зрители бросали деньги и вѣнки изъ цвѣтовъ, при чемъ онѣ, въ самыхъ разнообразныхъ и свободныхъ позахъ, отбивали другъ у друга какъ деньги, такъ и вѣнки. Эти зрѣлища продолжались цѣлый день, а въ промежуткѣ пили, ѣли, пѣли и танцевали. Все это приводило въ неописанный восторгъ флорентинца, и онъ сознается, что «съ утра до вечера только и дѣлалъ, что переходилъ изъ одной ванны въ другую». Но всего болѣе его удивляло спокойствіе и хладнокровіе баденскихъ мужей, которые не видѣли ничего дурного въ томъ, что ихъ жены забавлялись въ водѣ съ незнакомыми людьми. «Эти прекрасные люди,—говоритъ Поджъ,—были-бы образцовыми гражданами Платоновской республики,

гдѣ все должно было считаться общимъ достояніемъ; на сколько эти практическіе философы выше насъ, которые все истолковываемъ въ дурную сторону, вѣримъ всякимъ клеветамъ и превращаемъ въ преступления самыя пустыя ошибки!».

— Венеціанская куртизанка въ эпоху Возрожденія. Въ литературномъ и художественномъ движеніи, составлявшемъ всю суть эпохи Возрожденія, играли значительную роль итальянскія куртизанки, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали венеціанскія. Извѣстно, что Венеція оказывала самое широкое покровительство женщинамъ легкаго поведенія, на томъ, будто бы, основаніи, то возникнувъ, какъ Венера, изъ воды, она была обязана покровительствовать служительницамъ этой богини. Дѣйствительно, Совѣтъ Десяти охранялъ ихъ различными узаконеніями отъ слишкомъ большой эксплуатаціи, освобождалъ ихъ отъ всякихъ податей и вообще оказывалъ имъ всевозможныя свихожденія. Поэтому куртизанки изъ всей Италіи стекались въ Венецію, и многіе писатели, отъ Монтеня до Руссо, расхваливали представительницъ венеціанскаго полусвѣта. Самой знаменитой и славной изъ нихъ была Вероника Франко, извѣстная поэтесса, любопытной характеристикѣ которой посвящена статья Э. Родоковаки, во второй июньской книжкѣ *Nouvelle Revue*. Она принадлежала къ тому легіону образованныхъ, изящныхъ и граціозныхъ женщинъ, которыя прославили Италію XVI вѣка своими поэтическими произведеніями, но тогда какъ большая ихъ часть воспѣвали, въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ, древнихъ боговъ, героевъ и пастушковъ, она выражала естественныя чувства: любви, ревности, ненависти и т. д. Въ ея стихахъ, въ которыхъ болѣе 4.000 строфъ, въ прозаическихъ сочиненіяхъ и многочисленныхъ, сохранившихся послѣ нея, письмахъ звучитъ человѣческая душа, и если она не была итальянскою Сафо, то ея произведенія, между которыми находится трактатъ объ уничтоженіи проституціи, знакомятъ насъ съ искреннимъ, чистосердечнымъ настроеніемъ, идеями и чувствами венеціанской куртизанки. Современники считали ее такою красавицей, что знатоки красоты, въ родѣ знаменитаго живописца Тинторетто, писавшаго ея портретъ, признавали ее «красавицей изъ красавицъ», а ея поклонники называли её въ восторженныхъ стихахъ «прелестной нимфой Адриатики», «единственной красой Италіи», «богиней, не имѣющей соперницъ». Неудивительно поэтому, что всѣ итальянцы и уроженцы другихъ странъ, проѣзжая чрезъ Венецію, искали случая познакомиться съ нею; между подобными ея обожателями находился и французскій король Генрихъ III посѣтившій Венецію въ 1574 году, когда Вероникѣ было уже 28 лѣтъ, она въ продолженіе десяти лѣтъ прожила жизнь и имѣла шестерыхъ дѣтей отъ мужа, доктора. Не смотря на всѣ свои легкомысленныя похожденія, она, время отъ времени, ощущала искреннюю любовь и тогда готова была на всевозможныя жертвы. Конечно, хотя она и говорила въ своихъ стихахъ, что истинное богатство состоитъ въ довольствѣ тѣмъ, что имѣешь, она не преирала денегъ и подарковъ, но нельзя сказать, чтобы въ основѣ всѣхъ ея отношеній къ поклонникамъ была одна любовь къ наживѣ; напротивъ, она сама увлекалась и совершенно искренно разыгрывала одинъ романъ за другимъ. Какъ всецѣло она ни предавалась удовольствіямъ венеціанской жизни того времени, но въ ней сохранилась нѣжная любовь къ природѣ, и часто въ своихъ стихахъ она выражаетъ презрѣніе къ своему ремеслу куртизанки и горько сожалѣетъ, что обстоятельства втянули ее въ грязь.

Между ея письмами находится одно, въ которомъ Вероника старается уговорить одну знакомую даму не допускать своей дочери до поворотаго положенія куртизанки. «Дозвольте мнѣ,—пишетъ она,—указать вамъ на ту бездну, на краю которой стоите вы и ваша дочь. Опасность велика для васъ обѣихъ потому, что если она сдѣлается *femina del mondo*, то вы по необходимости будете разыгрывать роль посредницы между нею и свѣтомъ. Вы будете вдвойнѣ виновны, и всѣ ея заблужденія падутъ на вашу голову. Вы знаете, сколько разъ я вамъ совѣтывала построже наблюдать за вашею дочерью, и что, вполнѣ понимая, какъ трудно предохранить дочь отъ соблазновъ молодости, я предлагала вамъ помѣстить ее въ монастырь, уплативъ необходимый взносъ. Но вы меня не слушали и привели ко мнѣ вашу дочь съ крашеными волосами и всѣми прикрасами, которыми куртизанки увеличиваютъ себя цѣну, а когда я вамъ высказала все, что должна была сказать изъ любви къ вамъ и вашей дочери, то вы предположили, что мною руководитъ ревность, и прекратили знакомство со мною. Однако я всетаки считаю своимъ долгомъ высказать вамъ чистосердечно всю правду. Въ ремеслѣ куртизанки даже самыя красивыя не всегда имѣютъ успѣхъ и должны постоянно прибѣгать къ тысячѣ ухищреній. Нѣтъ болѣе несчастнаго и горькаго существованія, какъ жизнь куртизанки. Чрезвычайно грустно и противно всѣмъ человѣческимъ законамъ отдавать себя ежедневно капризамъ кого угодно и подвергаться опасности потерять здоровье, быть ограбленной и даже убитой. Вѣрьте мнѣ, изъ всѣхъ бѣдствій, которымъ можетъ подвергнуться женщина, нѣтъ хуже ремесла куртизанки, уже не говоря о томъ, что ей еще приходится ждаты и на томъ свѣтѣ вѣчныхъ мученій». Очевидно, что женщина, писавшая другой женщинѣ подобныя вещи, не была обыкновеннымъ падшимъ созданіемъ, и въ этомъ еще убѣждаетъ насъ другое письмо ея къ молодому франту, который влюбился въ нее по уши: она прямо совѣтуетъ ему переменить свою бессмысленную жизнь и предаться литературнымъ трудамъ, ставя это единственнымъ условіемъ его побѣды надъ нею. Если принять въ соображеніе, что этотъ молодой человѣкъ былъ красивый, знатный и богатый, то нельзя не видѣть въ отказѣ Вероники увѣнчать его любовь иначе, какъ подъ условіемъ серьезныхъ литературныхъ занятій, дѣйствительный, искренній культъ литературы и искусства. Хотя она не знала, подобно нѣкоторымъ римлянкамъ ея времени, полатыни и погречески, но классическая древность ей была хорошо извѣстна, и она постоянно говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о Сократѣ и древней міеологіи. Подъ конецъ своей жизни она задумала пойти въ монастырь и хотѣла основать особую обитель для раскаявшихся грѣшницъ, но неожиданная смерть въ 1591 году помѣшала ей осуществить свою идею. Вообще, по словамъ Родонаки, эта оригинальная и во всякомъ случаѣ замѣчательная женщина была соединеніемъ самыхъ противоположныхъ элементовъ: въ одно и то же время она была поэтична и практична, стремилась къ идеаламъ и любила веселую жизнь, презирала деньги и не могла безъ нихъ обойтись, ненавидѣла свое ремесло и не могла отъ него отказаться, искренно, безкорыстно любила и продавала себя безъ всякой видимой нужды, однимъ словомъ была женщиной по своимъ чувствамъ и куртизанкой—по своимъ дѣйствіямъ.

— Оригинальный американскій историкъ. Въ іюньской книжкѣ *Revue Universitaire* Ланглуа знакомитъ своихъ читателей съ любопытной и своеобразной личностью крупнаго книжнаго издателя въ Санъ-Франциско,

Губерта Гове Банкрофта, который, не довольствуясь тѣмъ, что нажилъ книгами громадное состояніе, сумѣлъ сдѣлаться, безъ основательнаго образованія, и только благодаря своей профессиональной сноровкѣ, если не настоящимъ историкомъ, то замѣчательнымъ собирателемъ историческаго матеріала. Онъ родился въ городѣ Гранвилѣ, въ штатѣ Огіо, въ 1832 году и, хотя происходилъ отъ ультрапуританской семьи, обнаруживалъ съ дѣтства ненависть къ сектантскому мистицизму. «Изъ долговременнаго присутствія при безконечныхъ воскресныхъ церковныхъ службахъ,—разсказывалъ онъ впоследствии,—я вынесъ только желаніе познакомиться съ чортомъ, а такъ какъ постоянно слышалъ отъ проповѣдниковъ, что табакъ, пиво и карты—прямой путь въ адъ, то я тайно вступилъ на этотъ путь, со многими другими гранвилскими юношами; но какъ только оказалось, что эти грѣшныя занятія не имѣютъ ничего общаго съ чортомъ, то они потеряли для меня всякую прелесть». Начавъ жизнь съ одной мыслью нажить какъ можно скорѣе денегъ, такъ какъ деньги аладинова лампа, добывающая все, что угодно: и независимость и культуру, и досуги, онъ рѣшилъ не терять дорогаго времени на образованіе, которое требуетъ слишкомъ много усидчиваго труда, а прямо посвятилъ себя дѣловой жизни. Въ двадцать три года онъ уже собралъ, занимаясь различными дѣлами, маленькій капиталъ, къ которому его сестра еще прибавила 5.500 долларовъ, въ видѣ займа, на шесть лѣтъ, по двѣнадцати процентовъ, и основалъ книжную торговлю подъ фирмой «Банкрофтъ и К^о» въ Санъ-Франциско. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже былъ богатымъ, женатымъ и счастливымъ человекомъ, но, по его собственнымъ словамъ, «дѣлать деньги» перестало его занимать. Ему хотѣлось умственного развитія. Для изданія мѣстнаго альманаха онъ собралъ семьдесятъ пять различныхъ книгъ о Калифорніи и такъ вошелъ во вкусъ этого дѣла, что сталъ покупать всевозможныя книги и брошюры, касавшіяся исторіи американскаго берега Тихаго океана. Но эта коллекція показалась ему не полной, и онъ, съ цѣлью ея увеличенія, отправился во Францію, Англию, Германію и Испанію, гдѣ завелъ особыхъ агентовъ, слѣдившихъ за всеми крупными и мелкими книжными распродажами. Такимъ образомъ въ 1869 году онъ имѣлъ уже коллекцію книгъ въ 16.000 томовъ, построилъ для нея особое негорюемое зданіе и въ настоящее время довелъ свою бібліотеку до 50.000 томовъ. Мало-по-малу ему пришла въ голову мысль составить полный сводъ всехъ документовъ и фактовъ, относящихся до исторіи, съ самой древности до нашихъ дней, американскихъ государствъ Тихаго океана, которыя, по его мнѣнію, должны сдѣлаться въ будущемъ главнымъ очагомъ человѣческой цивилизаціи. Начавъ дѣло съ печатныхъ источниковъ, онъ перешелъ къ рукописямъ, къ обзорнѣю публичныхъ и частныхъ архивовъ, а также къ записыванію словесныхъ показаній стариковъ, могущихъ разсказать что либо интересное о быломъ. Но все это составляло только не обработанный матеріалъ, который не могъ имѣть значенія безъ серьезной классификаціи, и онъ тогда рѣшилъ написать исторію государствъ на американскомъ берегу Тихаго океана. Взявъ на удачу нѣсколько книгъ, онъ сдѣлалъ изъ нихъ необходимыя выборки и рассчиталъ, что для окончанія своего труда ему потребуется 400 лѣтъ, занимаясь по восьми часовъ въ день. Тогда онъ возымѣлъ мысль примѣнить къ исторіи свою способность эксплуатировать чужой трудъ, благодаря чему онъ нажилъ громадныя богатства. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ онъ составилъ слѣдующій планъ разработки своего обширнаго матеріала:

весь предмет былъ раздѣленъ на 50 рубрикъ, или категорій, напримѣръ: древніе памятники, флора, біографія, торговля, воспитаніе и т. д., а каждая категорія—на отдѣлы, напримѣръ: категорія «индѣйцы» — на отдѣлы, соотвѣтствующіе вѣсьмъ ихъ племенамъ; кромѣ того, былъ выработанъ общій списокъ условныхъ сокращеній. Каждый изъ литературныхъ работниковъ отмѣчалъ на особыхъ карточкахъ все, что относилось въ данной книгѣ къ его категоріи и отдѣлу, а ватѣмъ всѣ карточки сортировались по этимъ категоріямъ и отдѣламъ. Благодаря такой системѣ, Банкрофтская бібліотека могла въ пять минутъ представить полную бібліографію любого вопроса, касающагося исторіи американскаго берега Тихаго океана. Составленіе подобной общей бібліографіи стоило Банкрофту 35.000 долларовъ, и этимъ трудомъ занималось въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ до двадцати труженниковъ. Когда это дѣло было кончено, то началось другое, именно выписываніе въ краткомъ видѣ, указанныхъ бібліографіей, мѣстъ въ книгахъ и рукописяхъ. Всѣ эти выписки, методично приведенныя въ порядокъ, переплетались въ особые томы, которыхъ набралось до трехъ сотъ. Послѣ этого настала очередь третьяго рода сотрудниковъ, которые составляли полныя компіляціи по каждому отдѣльному вопросу, строго раздѣляя представляемые факты на подлинныя свидѣтельства очевидцевъ, на извѣстія изъ вторыхъ рукъ и на варианты, причемъ всѣ ссылки на матеріалы приводились въ дословныхъ выпискахъ, съ указаніемъ источника. Такимъ образомъ этотъ историкъ новаго рода получилъ для своего труда совершенно полный, основательно обработанный, матеріалъ безъ малѣйшей и всегда скучнѣйшей черной работы, благодаря чему онъ втеченіе двадцати лѣтъ написалъ 39 томовъ своей исторіи. Чрезвычайно гордясь своимъ методомъ, онъ самъ говорить, что это первое примѣненіе на большой ногѣ къ исторіи принципа раздѣленія труда. «Благодаря этому,—прибавляетъ онъ,—я могъ сдѣлать въ годъ то, что обыкновенному историку не удалось бы сдѣлать въ десять, и собрать по важному историческому вопросу такую массу матеріаловъ, самую незначительную часть которыхъ не собралъ бы другой человекъ въ цѣлую жизнь, дѣйствуя обыкновеннымъ путемъ». Хотя, конечно, этого оригинальнаго историка нельзя поставить наравнѣ съ его однофамильцемъ, извѣстнымъ Джорджемъ Банкрофтомъ, авторомъ «Исторіи С.-Американскихъ Штатовъ», но нельзя не согласиться съ нимъ, что лучше такъ писать исторію, какъ онъ, чѣмъ, по его собственнымъ словамъ, «добившись богатства, довольствоваться жраньемъ, подобно свинѣ».

— Гейне и его памятникъ. Долго остававшійся спорнымъ вопросъ о памятникѣ Гейне въ Германіи наконецъ разрѣшенъ и послѣ того, какъ его родина Дюссельдорфъ, изъ угрожденія Гогенцолернамъ и прусскому милитаризму, которыхъ онъ безжалостно осмѣивалъ, отказала не ему, а себѣ въ чести воздвигнуть статую одному изъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ,—муниципалитетъ Майнца, хотя и большинствомъ только двухъ голосовъ, разрѣшилъ отвести мѣсто на одной изъ своихъ площадей для этого, давно недоставашаго германской славы, монумента. Но многихъ хлопотъ и мытарствъ стоило защитникамъ идеи увѣковѣченія въ мраморѣ или бронзѣ автора «Reise-Bilder» на его родной почвѣ, чтобы добиться своей цѣли, и Майнцъ, видя примѣръ Дюссельдорфа, а также отказъ отъ официальнаго покровительства этому дѣлу австрійской императрицы, которая, не смотря на свою пламенную любовь къ произведеніямъ Гейне, должна была усту-

пить требованіямъ германскаго правительства и порвать всё отношенія съ комитетомъ о постановкѣ статуя Гейне,—нашелъ нужнымъ собрать голоса извѣстныхъ германскихъ писателей за и противъ памятника, прежде чѣмъ сказать свое рѣшительное слово. Въ этомъ литературномъ плебисцитѣ, конечно, большинство высказалось противъ Гейне, на томъ основаніи, что онъ, какъ человѣкъ и поэтъ, не имѣлъ ничего нѣмецкаго, а былъ настоящимъ французомъ, со времени его переселенія въ Парижъ, но тѣмъ большую честь дѣлаетъ немногимъ писателямъ Германіи, что они рѣшились поднять голосъ въ пользу сатирическаго поэта, живущаго въ сердцахъ нѣмецкаго народа, не смотря на всё официальныя преслѣдованія до и послѣ его смерти. Профессоръ Брентано прямо сказалъ, что «тѣ люди, которые отказываютъ Гейне въ памятникѣ, страдаютъ, сами того не сознавая, подъ гнетомъ силы, не дозволяющей имъ свободно мыслить, и только поворятъ конецъ XIX столѣтія»; а знаменитый романистъ Фридрихъ Шнильгагенъ заявилъ: «можно отчаиваться въ націи, не признающей, что великіе поэты—даръ неба, и что одинъ изъ величайшихъ лириковъ на свѣтѣ достоинъ памятника». Но, быть можетъ, всего замѣчательнѣе, что официальный поэтъ Вильгельма II, Вильденбрукъ, нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобъ преломить копье за Гейне, не смотря на всё его безжалостныя издѣвательства надъ Гогенцолернами, Блюхеромъ, Штейномъ и всѣми «сѣверными тартюфами, всѣми іезуитами въ каскахъ», какъ называлъ Гейне пруссаковъ. Какъ бы то ни было, долго омрачавшее Германію пятно снято, и слава великаго поэта, спавшая, по его собственнымъ словамъ, «въ мраморныхъ копияхъ Каррары», будетъ отнынѣ сиять на его памятникѣ въ Майнцѣ. На сколько Гейне, помимо официального гоненія, популяренъ въ Германіи, доказываютъ не только эта поздняя побѣда защитниковъ его статуи и тотъ фактъ, что вся страна поетъ его пѣсни, но и то обстоятельство, что германскіе журналы, почти ежемѣсячно, посвящаютъ ему болѣе или менѣе сочувственныя статьи. Такъ въ іюньскихъ и іюльскихъ книжкахъ Deutsche Rundschau и Unsere Zeit напечатаны любопытныя статьи о пребываніи Гейне въ Парижѣ и о сестрѣ поэта, Шарлотѣ Эмбденъ, которую онъ такъ любилъ. Первая изъ этихъ статей написана французомъ Жюлемъ Легра, почтеннымъ бордоскимъ профессоромъ, который нашелъ цѣлую массу новыхъ, неизвѣстныхъ документовъ, у французскаго книгопродавца Мишеля Леви послѣ смерти Гейне. Какъ извѣстно, во времена Декабрьской имперіи существовала легенда, что послѣ Гейне остались драгоценныя, никому невѣдомыя сочиненія, въ томъ числѣ поэма «Наполеонъ III», заключающая въ себѣ злые нападки на императора, шестьдесятъ семь стихотвореній, направленныхъ главнымъ образомъ противъ прусскаго короля, и многочисленная корреспонденція Гейне съ Тьеромъ, Гизо, Мишле, княгиней Вельджіоджово и т. д.; увѣряли даже, что Наполеону III предлагали купить эту коллекцію за тридцать тысячъ франковъ, но что онъ отъ этого отказался. Какъ бы то ни было, поклонники Гейне съ тѣхъ поръ ревностно розыскивали эти литературныя сокровища, и только теперь профессору Легра удалось найти часть изъ нихъ, но, по несчастью, не самую интересную, именно разные варианты уже напечатанныхъ стихотвореній, исправленные поэтомъ французскіе переводы нѣкоторыхъ его произведеній и его письма къ княгинѣ Вельджіоджово, Манье, Кампэ, Леви, Мишелю Шевалье и нѣкоторымъ другимъ. Первые изъ этихъ писемъ представляютъ наибольшій интересъ, такъ какъ они рельефно

рисуютъ отношенія поэта къ знаменитой красавицѣ, имѣвшей въ Парижѣ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и вліятельныхъ салоновъ, гдѣ постоянно встрѣчались Тьеръ, Листъ, Мюссе, Ари Шефферъ, Кузевъ, Огюстенъ Тьера и Минье, который былъ предшественникомъ Гейне въ милостяхъ княгини. Онъ постоянно отвѣчаетъ о княгинѣ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, называетъ ее умной, молодой, красивой, наиболѣе совершенной изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ женщинъ, существомъ сказочнымъ, идеаломъ поэтическихъ мечтаній и т. д. Изъ этой корреспонденціи ясно вытекаетъ вся неосновательность, распространенная въ Германіи, клевета, что Гейне получалъ пенсію отъ французскаго правительства за то, что онъ оскорблялъ въ своихъ сочиненіяхъ германскихъ государей, а это еще и теперь ставится ему въ вину шовинистами и было одной изъ причинъ отказа Дюссельдорфа въ сооруженіи ему памятника. Оказывается, что никогда Гизо не покушалъ свѣсти великаго поэта, а Тьеръ, благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ къ нему и ходатайству княгини Бельджюджово, нашелъ возможнымъ назначить ему ежегодную субсидію, въ виду его бѣдственнаго положенія. Относительно другихъ любопытныхъ сторонъ этихъ писемъ стоитъ только отмѣтить цѣлый рядъ злобныхъ выходокъ Гейне противъ евреевъ, которые, между прочимъ, по его словамъ, «становятся, съ каждымъ поколѣніемъ, все скардиѣе, такъ что многіе изъ представителей еврейской золотой молодежи не дадутъ изъ своихъ милліоновъ и ста франковъ, чтобы спасти отъ бастонады цѣлое племя несчастныхъ соотечественниковъ». Что касается до статьи доктора Адольфа Кагута о сестрѣ Гейне, то авторъ ея рассказываетъ, что онъ въ октябрѣ 1890 года побѣхалъ поклониться Шарлоттѣ Эмбденъ въ девятидесятую годовщину ея рожденія. Она была еще такъ свѣжа и подвижна, ея глаза такъ блестяли, а голосъ поражалъ такой силой, что невозможно было повѣрить ея возрасту. Эта, любимая поетомъ, Лотхенъ была моложе его только на одинъ годъ, и потому она росла съ нимъ вмѣстѣ, раздѣляя его радости, горе и учебныя занятія. Онъ сообщалъ ей всѣ свои самыя затаенныя мысли и десяти лѣтъ отъ роду впервые обнаружилъ передъ нею свой литературный талантъ. Она никакъ не могла справиться съ заданнымъ ей въ школѣ сочиненіемъ, именно ей было задано написать своими словами, переданный ей учителемъ, рассказъ. Гейне сожалѣлся надъ сестрой и, узнавъ отъ нея, въ чемъ было дѣло въ этомъ рассказѣ, написалъ въ продолженіе часа такое мастерское литературное произведеніе, что учитель не повѣрилъ дѣвочки и, узнавъ, кто былъ дѣйствительно авторомъ рассказа, поздравилъ мать съ такимъ талантливымъ сыномъ. Въ поэмѣ Гейне Лотхенъ играетъ значительную роль: въ «Mein Kind, wir war Kinder» и въ «Deutschland ein Wintermärchen» воспѣвается ея дѣтство, а «Neuer Frühling» посвящена ей. Онъ до самой своей смерти сохранилъ пламенную любовь къ сестрѣ и въ письмѣ 1 апрѣля 1823 года къ Карлу Иммерману замѣчаетъ, что любилъ Лотхенъ болѣе, чѣмъ обыкновенно любятъ братья своихъ сестеръ, а ея мужу Эмбдену онъ писалъ, что она олицетвореніе музыкальной гармоніи и идеальной симетріи. Шарлотта Эмбденъ показывала Кагуту 122 письма брата, которыя были потомъ напечатаны и относились ко всѣмъ эпохамъ его жизни, отъ университета до смерти. Большая часть ея писемъ къ нему погибли въ гамбургскомъ пожарѣ въ 1842 году, но изъ отвлѣтовъ Гейне видно, что онъ чрезвычайно цѣнилъ все, что она писала: «мы другъ друга отлично понимаемъ,—говаривалъ онъ,—и единственные два

разумныхъ челоѣка на свѣтѣ, такъ какъ остальные все сумасшедшіе». Большинство своихъ поэмъ онъ посылалъ ей на просмотръ въ рукописяхъ, но иногда позволялъ себѣ и шутить надъ ней: такъ однажды она устроила въ Гамбургѣ вечеръ, на который пригласила многихъ артистовъ, ученыхъ и литераторовъ, обѣщая показать имъ брата «въ лучшемъ видѣ». Но когда онъ явился, то молча поклонился на всѣ стороны и, взявъ на колѣни свою маленькую племянницу, поговорилъ съ ней нѣсколько минутъ, а потомъ незамѣтно скрылся. На другой день она стала ему выговаривать, но онъ спокойно замѣтилъ, что ей слѣдовало надѣть на него ошейникъ, съ надписью: «Генрихъ Гейне, челоѣкъ, умѣющій писать стихи и больше ничего». Въ ночь гамбургскаго пожара госпожа Эмбденъ геройски старалась спасти рукописи Гейне, хранившіяся у ея матери; ей удалось отыскать и вынести изъ огня груды драгоценныхъ документовъ, но на улицѣ стоялъ такой дымъ, что у нея закружилась голова, и она упала въ обморокъ. Знакомые спасли ее, но рукописи пропали. Гейне всегда рассказывалъ объ этомъ событіи, какъ о геройскомъ подвигѣ, и увѣрялъ, что Веллингтонъ ничто въ сравненіи съ его сестрой. Во время своей долговременной, роковой болѣзни великій поэтъ вызвалъ въ Парижъ дорогую Лотхенъ и въ бесѣдѣ съ ней о давно прошедшемъ дѣтствѣ, находилъ единственное утѣшеніе въ тяжелыхъ страданіяхъ. Неожиданная болѣзнь дочери заставила ее уѣхать въ Гамбургъ, но она обѣщала вскорѣ вернуться къ брату, который, однако, не дождавшись ея, умеръ.

— Четырехсотлѣтній юбилей Корреджіо. Въ Пармѣ недавно чествовали память одного изъ величайшихъ живописцевъ итальянской школы, Антоніо Корреджіо, по случаю четырехсотлѣтней годовщины его рожденія. Хотя этотъ городъ не мѣстороженіе знаменитаго художника, но онъ столько лѣтъ своей жизни посвятилъ на украшеніе его своими произведеніями, и въ Пармѣ находится столько памятниковъ его замѣчательнаго творчества, что по всей справедливости она можетъ считаться родиной Корреджіо. Настоящее имя Корреджіо—Антоніо Аллери, а прозвище, которому онъ приобрѣлъ такую неувыдаемую славу, происходитъ отъ маленькаго города Корреджіо, недалеко отъ Модены, гдѣ онъ дѣйствительно родился и отъ котораго, по старинному итальянскому обычаю, онъ и получилъ свою фамилію. Какого именно числа и въ какомъ мѣсяцѣ родился Корреджіо, въ точности неизвѣстно, но всѣ біографіи его согласны, что онъ родился въ 1494 г. Всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о его жизни даютъ весьма смутное, скудное и часто невѣрное понятіе о ней, такъ какъ онъ жилъ крайне уединенно и отличался большою скромностью; о немъ сложилось ложное мнѣніе, что онъ находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ и умеръ въ страшной бѣдности. Замѣчательно, что самъ Вазари, современникъ его, который долженъ бы быть хорошо знакомъ съ обстоятельствами его жизни, въ своей книгѣ «Біографіи великихъ художниковъ» упоминаетъ, что обремененный большой семьей Корреджіо страшно работалъ, чтобъ добывать средства для содержанія четырехъ дѣтей, и умеръ сравнительно въ молодыхъ годахъ, вслѣдствіе многочисленныхъ заботъ и непосильныхъ трудовъ. Сложилась даже легенда, что, получивъ въ сосѣднемъ городѣ вознагражденіе за одно изъ своихъ произведеній въ размѣрѣ 60 дукатовъ мелкою мѣдною монетою, онъ вернулся домой пѣшкомъ съ этой тяжелой ношей на плечахъ и отъ крайняго утомленія, взнуренный уже предварительною продолжительною работою, успѣлъ только бросить мѣшокъ съ деньгами на

землю и умерь у порога собственного дома. На этой легендѣ основанъ сюжетъ трагедіи датскаго писателя Элентлегера—«Корреджіо», игранной въ Копенгагенѣ въ 1811 г. Аннибалъ Караччи, посѣтившій Парму 50 лѣтъ послѣ смерти Корреджіо, находился подъ тѣмъ же ложнымъ впечатлѣніемъ, какъ и Вазари; въ письмѣ къ брату своему Людовику онъ говоритъ: «Я горюю и плачу о горькой судьбѣ такого великаго художника, какъ Корреджіо, котораго недостаточно чтили современники и который умерь подъ гнетомъ страшной бѣдности». Но это оказывается несправедливымъ, такъ какъ по дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ отецъ великаго художника Пеллегрино Аллегри былъ довольно зажиточнымъ торговцемъ, и самъ Корреджіо оставилъ семьѣ порядочное состояніе; къ тому же всѣ его картины свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ не стѣснялся въ средствахъ, такъ какъ употреблялъ всегда лучшіе матеріалы и самыя дорогія краски. Также невѣрно и то обстоятельство, что его недостаточно цѣнили современники, и доказательствомъ, что онъ пользовался большимъ почетомъ какъ въ Пармѣ, такъ и въ своемъ родномъ городѣ, служить подписе его на вѣнчальномъ актѣ владѣтеля Корреджіо въ 1533 г. Тихій, меланхолическій характеръ Корреджіо, вѣроятно, далъ поводъ къ такимъ несправедливымъ заключеніямъ; онъ не любилъ шума и блеска, которыми могъ бы пользоваться въ Римѣ, Флоренціи, Миланѣ и другихъ городахъ Италіи, гдѣ въ эту самую эпоху такъ процвѣтали искусства, и художники того времени наслаждались вполне заслуженною славою. Корреджіо напротивъ искалъ уединенія и не выѣзжалъ изъ Пармы, предаваясь всецѣло своимъ художественнымъ занятіямъ. Въ дѣтствѣ отецъ предназначалъ его къ научной дѣятельности и далъ ему хорошее воспитаніе, благодаря чему Корреджіо изучилъ основательно анатомію у доктора Г. В. Ломбарди, президента академіи, основанной въ гор. Корреджіо Вероникою Гамбара. Но съ молодыхъ лѣтъ онъ сталъ оказывать самыя непреодолимыя наклонности къ живописи, которой вскорѣ вполне предался. Учителемъ его, по нѣкоторымъ источникамъ, былъ Феррарскій художникъ Франческо Біанки, а по другимъ Лоренцо Коста въ Мантуѣ и даже самъ знаменитый Мантенья, но всего вѣроятнѣе, что единственнымъ его преподавателемъ былъ родной дядя его Лоренцо Аллегри, самъ весьма посредственный живописецъ. Андреа Мантенья умерь въ 1506 году, когда Корреджіо было только двѣнадцать лѣтъ, и по тому очень сомнительно, чтобъ онъ могъ быть учителемъ будущаго великаго художника; извѣстно только, что Корреджіо отправился въ Мантую и тамъ совершенствовался въ искусствѣ, изучая его, вѣроятно, по произведеніямъ Мантеньи или подъ руководствомъ его учениковъ и сына его Франческа, съ которымъ Корреджіо подружился. Преданіе гласитъ, что когда онъ увидѣлъ въ первый разъ картину Мантеньи, у него вырвался крикъ: «Ed anch io son pittore» (и я тоже художникъ), другіе же утверждаютъ, что это знаменитое восклицаніе возбуждено было восторгомъ, въ который привела его картина Рафаэля «Св. Цецилія» въ церкви Санъ Джованні in Monti въ Болоньи, но это весьма сомнительно, такъ какъ едва ли Корреджіо посѣщалъ Болонью, развѣ только въ раннемъ дѣтствѣ, когда картины Рафаэля тамъ еще не было. Первая извѣстная картина его написана была имъ лѣтъ двадцати отъ роду въ 1514 году, по заказу монаховъ Францисканскаго ордена для ихъ церкви въ городѣ Корреджіо; за эту картину заплачено было ему 100 дукатовъ, что по тогдашнимъ временамъ считалось

большою суммою; она изображаетъ Мадонну и св. Франциска, а теперь находится въ Дрезденской галлерей. Слава его, вѣроятно, распространилась по всемъ окрестнымъ городамъ, такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ вызванъ былъ въ Парму настоятельницею монастыря св. Павла, донною Джіованною де Піаченца, женщиною со свѣтскими наклонностями, которая заказала ему украсить стѣны своей кельи миеологическими сюжетами. Въ этихъ фрескахъ, изображающихъ Діану на охотѣ, Грацій, Парокъ, Юнону и Фортуну съ множествомъ амуровъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, выказалась въ первый разъ вся живость и грація его воображенія, вся нѣжность, легкость и колоритность его кисти, вся поэтическая прелесть его таланта, который по правильности рисунка, соединенной съ замѣчательною смѣлостью въ ракурсахъ, необычайною нѣжностью въ изображеніи человѣческаго тѣла и рѣдкой игрой свѣтотѣни, ставятъ его на ряду съ величайшими художниками всего міра. Эти фрески произвели такое глубокое впечатлѣніе на современниковъ, что пармскіе бенедиктинцы обратились къ Корреджіо съ просьбою украсить стѣны и куполь ихъ церкви св. Іоанна, за что они ему назначили въ вознагражденіе 472 дуката. Втеченіе пяти лѣтъ, одинъ, безъ всякой помощи, Корреджіо исполнилъ эту грандіозную работу, и въ фрескѣ купола, изображающей «Вознесеніе Христа», выразилась вся сила его генія. Никто еще до него не достигалъ до такого художественнаго изображенія гигантскихъ фигуръ, и такъ какъ Страшнаго Суда Микель Анджело въ Сикстинской капеллѣ тогда еще не существовало, то нельзя обвинять Корреджіо въ подражаніи этому великому художнику. Въ этой фрескѣ, какъ и во всехъ другихъ своихъ произведеніяхъ, онъ является совершенно независимымъ, своеобразнымъ и самобытнымъ живописцемъ. Многіе критики упрекаютъ его въ томъ, что фигуры его слишкомъ громадны и массивны для размѣровъ купола, что онѣ его давятъ; но зато онѣ такъ пропорціональны и въ угловатости такъ искусно скрадываются нѣжнѣйшими прозрачными полутѣнями, что остается только преклоняться передъ великимъ художникомъ. Глубокимъ пониманіемъ свѣтовыхъ эфффектовъ Корреджіо достигаетъ такой правды и поэзіи, что смѣло набросанныя имъ на глубокой прозрачной синевѣ неба, гигантскія фигуры въ различныхъ позахъ и положеніяхъ дышатъ и живутъ. Въ слѣдующемъ своемъ большомъ произведеніи «Вознесеніе Божіей Матери» въ куполѣ Пармскаго собора Корреджіо превзошелъ самого себя, но теперь нельзя себѣ составить вѣрнаго понятія о всей прелести этой фрески, такъ какъ краска отлупилась въ столькихъ мѣстахъ, что кое-гдѣ только видны отдѣльныя части многихъ торчащихъ по всемъ направленіямъ ногъ. По этому поводу разсказывается во всехъ біографіяхъ Корреджіо, что при видѣ всехъ этихъ ногъ церковный староста дерзко обратился къ художнику съ вопросомъ: «Не хотѣлъ ли онъ изобразить блуда съ лягушками?». Это привело Корреджіо въ такое негодованіе, что онъ отказался отъ дальнѣйшей работы въ храмѣ и удалился въ свой родной городъ, гдѣ вскорѣ умеръ 5 марта 1534 г. Кромѣ большихъ фрескъ, осталось довольно много картинъ кисти Корреджіо въ Пармѣ, другихъ итальянскихъ городахъ и большихъ европейскихъ музеяхъ. Особенно извѣстны «Магдалина» и «Ночь» въ Дрезденской галлерей, «Мадонна», прозванная «La Zingarella» которая, какъ говорятъ, портретъ его жены, въ Неаполитанскомъ музеѣ, и знаменитый «Ессе Ното» въ Лондонской Національной галлерей, купленный не очень давно англій-

скимъ правительствомъ за 11.500 ф. ст. Въ Петербургскомъ эрмитажѣ четыре его картины «Бракъ св. Екатерины», «Мадонна, кормящая Иисуса» и двѣ группы амуровъ.

— Послѣдній изъ могикановъ итальянской борьбы за свободу. Надняхъ умеръ въ Неаполѣ Джіовани Никотера, и послѣ него болѣе не осталось великихъ бойцовъ за независимость Италіи, кромѣ Криспи, который своей послѣдующей дѣятельностью въ качествѣ ставленника Бисмарка и настоящими стремленіями къ диктаторству совершенно ступеньваетъ подвиги своей молодости. Хотя Никотера также, послѣ созданія Итальянскаго королевства, принялъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, находился до самой смерти депутатомъ отъ Палермо и былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Депретиса и Рудини, но онъ остался въ памяти итальянскаго народа только другомъ Гарибальди и героемъ Сапри, а потому въ статьѣ, посвященной его памяти итальянцемъ Монтекорболи въ первой июльской книжкѣ «Nouvelle Revue», говорится исключительно о немъ, какъ о героѣ, а его дѣятельность, какъ депутата и министра, совершенно игнорируется. Родившись 9-го сентября 1828 года въ Калабріи и отличаясь жгучимъ пыломъ своей родины, Никотера, окончивъ воспитаніе, принялъ участіе въ Неаполитанскихъ возстаніяхъ и былъ приговоренъ заочно къ каторжной работѣ на двадцать восемь лѣтъ, но успѣлъ бѣжать въ Римъ. Это было въ 1848 году, и двадцати-лѣтній юноша поступилъ въ армію тогдашней Римской республики подъ начальствомъ генерала Арціоне; но когда Гарибальди явился на помощь триумвирамъ, то онъ вмѣстѣ съ сотней другихъ юношей перешелъ къ нему, что разсердило генерала Арціоне, и онъ назвалъ въ приказѣ этотъ поступокъ подлымъ.—«Я подлецъ!—воскликнулъ Никотера, узнавъ о словахъ генерала:—хорошо, онъ мнѣ за это дорого заплатитъ». Немедленно отправившись въ военное министерство, онъ подалъ въ отставку, надѣлъ штатскую одежду и побѣжалъ въ тотъ ресторанъ, гдѣ обѣдалъ генералъ съ офицерами. Тамъ онъ публично назвалъ его самого подлецомъ и вызвалъ на дуэль, которая состоялась на слѣдующій день въ Колівеѣ, и генералъ былъ раненъ ударомъ сабли. Вслѣдъ за этимъ Никотера снова вступилъ въ армію и уже болѣе не разставался съ Гарибальди, а спустя нѣсколько дней получилъ двѣ тяжелыя раны, за что былъ произведенъ въ капитаны. Не смотря на это, онъ продолжалъ сражаться и каждую ночь представлялъ триумвирамъ отчетъ о военныхъ дѣйствіяхъ за прошедшій день. Однажды одинъ изъ триумвировъ спросилъ у него, въ какомъ положеніи вообще находится защита города, и когда Никотера отвѣчалъ, что на другой день французы вступятъ въ Римъ, то онъ съ негодованіемъ воскликнулъ: «Офицеръ республики не долженъ говорить и даже допускать мысль, что французы могутъ овладѣть Римомъ». На это Никотера очень спокойно возразилъ: «Господинъ триумвиръ, офицеръ, который позволяет себѣ такъ выражаться, не жалѣетъ своей жизни, хотя тяжело раненъ, и не достоинъ подозрѣнія въ храбрости, а потому ваши слова совершенно излишни». При этомъ разговорѣ присутствовалъ Мадзини и, подойдя къ Никотерѣ, поцѣловалъ его со словами: «Ты молодецъ». Съ тѣхъ поръ и до самой своей смерти, знаменитый трибунъ питалъ къ нему самую горячую дружбу и всегда отзывался о немъ съ энтузіазмомъ, называя его итальянскимъ Ахилломъ. Что касается до Гарибальди, то онъ считалъ Никотеру своимъ любимымъ сыномъ. Послѣ предсказаннаго имъ взятія Рима

генераломъ Удино, Никотера былъ изгнанъ изъ вѣчнаго города со всѣми его защитниками, но онъ не обратилъ никакого вниманія на это распоряженіе, былъ арестованъ 4-го декабря 1849 года и отправленъ въ Чивита-Векію для выдачи Неаполитанскому королю, что означало вѣрную смерть; но по счастью у него и товарищей были англійскіе паспорта, и по требованію англійскаго консула ихъ отвезли на французскомъ пароходѣ въ Геную, гдѣ ихъ принялъ съ распростертыми объятіями генералъ Ламармора. Не смотря на долгое насильственное бездѣйствіе, Никотера продолжалъ переписываться съ Мадзини и въ 1856 году рѣшился поѣхать въ Сицилію, гдѣ вспыхнуло возстаніе, но Кавуръ предупредилъ его во время о томъ, что возстаніе было потушено, и его предводитель Бендивенъ повѣшенъ. Однако, спустя годъ, онъ отправился на вѣрную смерть вмѣстѣ съ Пизакане, главой экспедиціи, устроенной Мадзини, и цѣлью которой было возбудить возстаніе въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Эта экспедиція была самымъ славнымъ подвигомъ Никотеры и дала ему прозвище героя Сапри. Волонтеры отправились на пароходѣ «Кальяри» на островъ Сардинію, и по дорогѣ въ открытомъ морѣ къ нимъ долженъ былъ присоединиться Розолино Пило съ 400 человекъ, но предпріятіе Пило не осуществилось, и тогда Пизакане и Никотера задумали овладѣть пароходомъ, на которомъ они находились, и который везъ значительный запасъ ружей и снарядовъ, а затѣмъ направиться на островъ Панзу и освободить находившихся тамъ политическихъ арестантовъ. Не смотря на все безуміе такого предпріятія, оно вполнѣ удалось, и увеличивъ свой маленькій отрядъ изъ тридцати человекъ пятьюстами политическихъ арестантовъ, они высадились на берегъ въ Сапри, гдѣ Мадзини общалъ ихъ помощь въ двѣ тысячи человекъ. Но изъ нихъ не оказалось наготовѣ ни одного. Дѣло было проиграно, и оставалось только умереть съ честью, такъ какъ передъ ними были не двѣ тысячи товарищей, а двѣ тысячи солдатъ; у нихъ же находилось только тридцать пять ружей. Все таки они вступаютъ въ борьбу и мужественно дерутся въ продолженіе девяти часовъ. Наконецъ у Пизакане остается только сто двадцать человекъ, и онъ отступаетъ въ горы, но тамъ его окружаютъ пять баталіоновъ солдатъ, и происходитъ безжалостное избиеніе героевъ. Пизакане, пораженный пулей въ грудь, самъ убиваетъ себя изъ пистолета, чтобъ не попасться врагамъ, а Никотерѣ, также тяжело раненному и желавшему послѣдовать примѣру своего друга, помѣшалъ въ этомъ одинъ изъ спасенныхъ имъ въ Панзѣ арестантовъ, который спряталъ его въ крестьянской хижинѣ. Но спустя нѣсколько дней солдаты нашли его въ этомъ убѣжищѣ, нанесли ему новыя раны штыками и почти мертвого препроводили въ Сапри. На слѣдующее же утро, не смотря на то, что онъ истекалъ кровью, его отправили въ Салерно, и тамъ военный судъ приговорилъ его къ смертной казни, но снова Англія заступилась за него, и король замѣнилъ ему смертную казнь тюремнымъ пожизненнымъ заключеніемъ на островѣ Фавиньянѣ близъ Трапани. На этомъ обнаженномъ утесѣ выдолблены были въ камнѣ двадцать, или тридцать маленькихъ пещеръ безъ воздуха, безъ свѣта, но постоянно заливаемыхъ водой, и въ одной изъ этихъ-то пещеръ провель три года Никотера. Онъ былъ освобожденъ въ 1860 году послѣ Сицилійской экспедиціи Гарibaldi. Но и въ минуту этого давно желаннаго освобожденія онъ показалъ себя героемъ, и когда мэръ города Трапани отперъ его темницу, то онъ спросилъ, будутъ ли также освобождены его товарищи, а когда мэръ

отвѣчалъ, что онъ имѣеть приказаніе только относительно его одного, то Никотера бросился на него съ словами: «Давайте ключи». Черезъ минуту онъ и семьдесятъ два другихъ арестантовъ были на свободѣ, а черезъ нѣсколько дней онъ уже сражался въ арміи Гарibaldi, во главѣ Тосканскаго легіона въ тысячу пятьсотъ человѣкъ. Когда въ 1862 году Гарibaldi хотѣлъ идти на Римъ, то Никотера поспѣшилъ къ нему въ Палермо, но въ Неаполѣ король Викторъ-Эмануилъ пожелалъ его видѣть, и, представленный другимъ гарibaldiйцемъ Кайроли, онъ на вопросъ короля: «Что вы намѣрены дѣлать?» прямо отвѣчалъ: «Я ѣду въ Палермо». — «Зачѣмъ?» — воскликнулъ король: — я другъ Гарibaldi, и онъ это знаетъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ были заговорщиками. Я знаю, что онъ теперь затѣялъ, но это невозможно, и я не могу помочь ему. Ахъ, еслибъ только его идея была осуществима. Почему бы вамъ лучше не принять начальства надъ національной гвардіей?» «Потому, — отвѣчалъ Никотера, — что я солдатъ Гарibaldi и могу только принять этотъ постъ по его приказанію». Не смотря на такой рѣзкій отвѣтъ, Викторъ-Эмануилъ съ этой минуты сдѣлался другомъ Никотеры и всячески старался предупредить непріятныя для него послѣдствія отъ принятаго имъ участія въ неудачныхъ Гарibaldiйскихъ экспедиціяхъ 1866 и 1867 годовъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англійское сочиненіе о Памирахъ.—Переводъ Пушкина на англійскій языкъ.—Французскіе романы изъ русской жизни.—Французскій епископъ, перешедшій въ управленіе своею епархіею изъ дома умалишенныхъ.—Исторія польскаго возстанія 1863 г.

ИЕ СМОТЯ НА ТО, что Англіи, въ ея территоріальныхъ стремленіяхъ ко всему, что плохо лежитъ, Германія въ послѣднее время дала сильный отпоръ, заставивъ ее уничтожить Конскій договоръ, просвѣщенные островитяне не перестаютъ заявлять свои претензіи на всякое спорное мѣсто земного шара. Такъ, графъ Дунморъ выдалъ два тома, чтобы доказать принадлежность англичанамъ Памировъ (The Pamirs). Лордъ Дунморъ изслѣдовалъ Памиры, конечно, со стороны Индіи, черезъ Китайскій Туркестанъ, запасшись для прохода черезъ него паспортомъ изъ Пекина. Кромѣ того, лондонскій паспортъ предоставлялъ лорду и маіору Гошу свободный доступъ на русскую территорію. Отправился лордъ въ путь въ іюнь прошлаго года черезъ Каракорумъ, Яркандъ, и прежде всего жалуется на трудности пути, хотя по немъ очень спокойно проходили Лансдоунъ, Шау, Томсонъ, Скулли, Белью и множество другихъ путешественниковъ. Близъ Ярканда воздвигнутъ памятникъ Дальглейму, убитому въ этомъ мѣстѣ афганцами. Въ Сараколѣ вліятельную роль играетъ Ага-Саибъ изъ Бомбея, скопившій огромное богатство продажою мусульманскимъ пилигримамъ рекомендательныхъ писемъ въ рай къ ангелу Гавріилу, хотя эти рекомендаціи не всегда ходятъ за чистую монету. Еще недавно одинъ скептической ходжа принесъ обратно такой листъ Агѣ-Саибу и сообщилъ ему, что ангелъ Гавріилъ возвратилъ эту рекомендацію, сожальѣя, что не можетъ принять въ рай усопшаго отца ходжи. Онъ просилъ также возвратить и деньги, полученныя Агою за этотъ листикъ, и тотъ, боясь скандала, съ сожалѣніемъ возвратилъ 20 тысячъ рублей. На Памирахъ лордъ охотился за «ovis poli», родъ козы, свойственной этой

мѣстности. Въ политическомъ отношеніи лордъ говоритъ, однако, о завладѣніи его отечествомъ какой-то мѣстности Гунза-Нагеръ. При этомъ занятіи присутствовали и китайскіе мандарины, присланные изъ Кашгара. Англичане объявили, однако, желтокожимъ, что они принимаютъ ихъ только въ качествѣ гостей. Китайцы, видя, что съ такими захватываніями чужихъ земель ничего не подѣлаешь, прибѣгли съ своей стороны къ китайской политикѣ. Они привезли ночью и зарыли въ этомъ мѣстѣ камень съ китайскими знаками, говорящими, что оно испоконъ вѣку принадлежало Китаю. Въ русскихъ владѣніяхъ лордъ описываетъ мѣсто послѣдняго столкновенія русскихъ съ афганцами на Алихуръ-Памирѣ. Но лорда приняли весьма гостепріимно. Онъ говоритъ о страшномъ морозѣ въ 10 и даже 20 градусовъ, господствующемъ на Памирахъ. Онъ пилъ тамъ индѣйскій чай, привозъ котораго строго воспрещенъ Китаемъ, и который гораздо лучше китайскаго. Въ заключеніе авторъ даетъ практическое наставленіе: на востокѣ считать каждаго встрѣчнаго своимъ другомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обнаружитъ враждебнаго настроенія, тогда какъ въ Европѣ даже Бисмаркъ признавался, что считаетъ каждаго незнакомца если не мошенникомъ, то подозрительнымъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣдится въ противномъ.

— Англичане все еще продолжаютъ переводить Пушкина, хотя на ихъ языкѣ имѣется уже много переводовъ нашего поэта. Какой-то Кинъ издалъ «Переводъ провансескихъ разсказовъ Александра Пушкина» (*The Prose Tales of Alexander Poushkin*). Переводъ недуренъ, но есть гораздо больше его трудъ Сотерланда Эдуардса, а лучший переводъ «Капитанской дочки» принадлежитъ капитану Годфрею. Въ книгѣ Кина первый разъ является переводъ «Дубровскаго». Англійская критика видитъ въ немъ романтическую исторію, проникнутую вліяніемъ «Разбойниковъ» Шиллера. «Атенеумъ» сожалѣетъ, что переведены не всѣ повѣсти поэта, полныя граціи и привлекательности.

— Французы продолжаютъ не переводить, а сочинять русскія повѣсти. Арманъ Сильвестръ, слышавшій за знатока Россіи, хоть и весьма сомнительнаго, написалъ романъ «Кавачка» (*La Casaque*). Съ героиней его, Ленскою, случается множество приключеній въ Москвѣ, Ниццѣ, Парижѣ и Екатеринославѣ, но все это событія полныя горя и смерти. Поповскій сынъ Михаилъ, встрѣтивъ на дорогѣ красавицу, бросаетъ семинарію, семью и дѣлается поджигателемъ; онъ оставляетъ также и нигилистку Миссю (*Missia*), умирающую изъ-за него. Но его спасаетъ сила любви, такъ какъ кавачка, при видѣ такой пламенной страсти, изъ холодной и распутой дѣлается нѣжною и доброю. Она слѣдуетъ за нимъ въ Сибирь. Даже французскіе критики спрашиваютъ: для чего пишутся подобные романы?

— Какой-то Поль Тани въ романѣ «Не смотря на смерть» (*Malgré la mort*) разсказываетъ исторію гениальнаго писателя Бертье, не вынесшаго очаровательной улыбки графини Пановой. Увлеченный страстью, Бертье не замѣчаетъ, что дочь графини, Нада, сгораетъ также любовью къ нему. Даже когда онъ убѣждается въ коварной измѣнѣ матери, а дочь прибѣгаетъ къ нему, чтобы открыть ему свою любовь, онъ прогоняетъ дѣвушку, подозрѣвая, что и та хочетъ обмануть его. Нада убиваетъ себя, и Бертье живетъ только воспоминаніями объ этой несчастной. И подумаешь, что подобные романы являются сотнями каждый мѣсяць на книжномъ рынкѣ Парижа! И все это доврчивые французы прочитываютъ, какъ «картинки русскихъ нравовъ»,

въ подлинности которыхъ не надо сомнѣваться. Вѣдь Россія, не смотря на всё единеніе, сближеніе и симпатіи, все еще меньше знакома Франціи, чѣмъ Японія, Корея и другія восточныя страны. Дѣльныхъ книгъ объ насъ на французскомъ языкѣ—десятокъ-другой, не больше, а вотъ романовъ съ казачками, графинями Пановыми и нигилистками сколько угодно. И всему этому вѣрятъ, потому что дѣйствіе происходитъ въ Россіи...

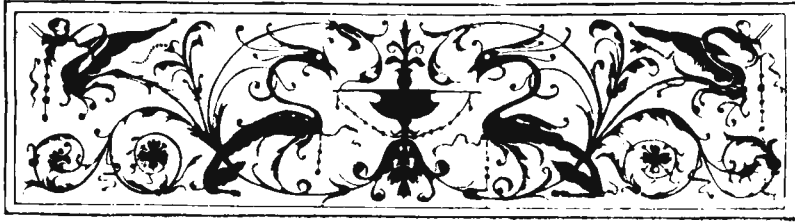
— Въ воспоминаніяхъ и мемуарахъ о Наполеонѣ и первой имперіи встрѣчаются по временамъ такіе факты, передъ которыми невольно остановишься, хотя вся исторія этого воинственнаго психопата и теперь уже облечена въ полуфантастическую форму, которая со временемъ обратится, конечно, въ мифъ. Недавно «Записки академіи наукъ и литературы» въ Монпелье обнаружили любопытный фактъ, о которомъ, конечно, не упоминаютъ официальные исторіи Наполеона I. Въ Монпелье, этомъ значительномъ центрѣ южной Франціи, гдѣ теперь поминутно захватываютъ анархистовъ, двадцать восемь лѣтъ управлялъ церковью епископъ, посланный туда императоромъ прямо изъ Бисетра. Дорога къ епархіальной каедрѣ не ведетъ черезъ домъ умалишенныхъ, и однако же послѣднія изысканія подтвердили этотъ странный случай. Маркъ-Николай Фурнье родился въ Жексѣ въ 1760 году и скоро сдѣлался абатомъ. Принадлежа къ воинствующимъ прелатамъ, напомиравшимъ эпоху лиги и фронды, пасторъ душъ былъ очень любимъ своею паствою, всегда охотно слушавшею его восторженныя проповѣди; но, переживъ трудное время террора и революціи, онъ встрѣтилъ новыхъ враговъ, когда уже все начинало успокаиваться. Всевластный министръ полиціи Фуше сдѣлалъ уже два предостереженія слишкомъ рьяному прелату за слишкомъ рѣзкія выходки въ его проповѣдяхъ, осмѣивавшихъ не только заблужденія революціи — это бы еще не бѣда — но и власть полиціи! «Посмотримъ, кто изъ насъ уступить другому,—говорилъ министръ.—Конечно уступлю я, отвѣчалъ проповѣдникъ, потому что я—одинъ, а полиція—легіонъ, но потомъ правда возьметъ верхъ». Родственникъ его выписалъ Фурнье въ 1801 году въ Парижъ читать проповѣди въ церкви св. Роха на страстной недѣлѣ. Это только подлило масла въ огонь. Онъ такъ обрисовалъ въ лицѣ Іуды и Варравы Фуше и Талейрана, что тѣ вышли изъ себя. Фуше подождать слѣдующей проповѣди и обвинилъ прямо оратора въ томъ, что вмѣсто евангельскихъ истинъ онъ оскорблялъ правительство и возмущалъ общественное спокойствіе. За это «своего рода помѣшательство» министръ арестовалъ Фурнье. Первый консулъ замѣтилъ, что Фуше приписываетъ слишкомъ много значенія всей этой исторіи, что онъ можетъ принять мѣры, какія сочтетъ лучшими, но что, по его мнѣнію, Фурнье—просто сумасшедшій. Этого только и нужно было министру: оратора заперли въ Бисетръ. Онъ пробылъ тамъ 26 дней, затѣмъ его перевели въ Туринъ въ тюрьму, гдѣ содержались политическіе преступники. Тамъ его узналъ кардиналъ Фешъ, назначившій его проповѣдникомъ въ Ліонъ, а въ 1805 году сдѣлалъ его придворнымъ священникомъ. И Фурнье, скоро подладившійся подъ придворный тонъ, очень понравился императору, сожалевавшему только, что этотъ здоровый, рослый попъ съ громкимъ голосомъ не былъ кирасирскимъ полковникомъ. О его религіозныхъ придворныхъ убѣжденіяхъ можно судить по отвѣту, данному на вопросъ Наполеона: почему католическая церковь утверждаетъ, что дѣти, умершія на землѣ некрещенными, никогда не увидятъ Бога? чѣмъ они виноваты? «Лицеврѣніе Бога,—отвѣчалъ прелатъ;—конечно, большая милость»

но Огъ не обязанъ оказывать ее всякому, кто этого пожелаетъ. Вѣдь, ваше величество, удаляете лицо, которымъ недовольны, отъ своего двора, и лишеніе счастья видѣть васъ—неизбѣжное послѣдствіе этой мѣры». Императоръ остался очень доволенъ такимъ рогатымъ софизмомъ, а въ 1806 году, помимо Феша и Порталиса, назначилъ Фурнье епископомъ въ Монпелье, и въ 1809 году сдѣлалъ его имперскимъ барономъ. За это прелать отплатилъ въ 1814 году, проповѣдуя при благословеніи бѣлыхъ знаменъ: «слишкомъ долго для несчастія Франціи, Европы сильное властолюбіе, ненасытная жажда славы водили наши войска къ безнадежной гибели. Ненавистная тиранія, поклоненіе унижительнымъ, кровавымъ законамъ распространяли ужасъ и въ семьяхъ». Онъ умеръ епископомъ въ 1834 году. И этотъ же прелать, увидя однажды крестьянина, ѣвшаго хлѣбъ съ масломъ въ посту, сказалъ: «ѣшь сытно; кто много работалъ, тотъ долженъ сытно ѣсть; но не показывать своего масла властямъ».

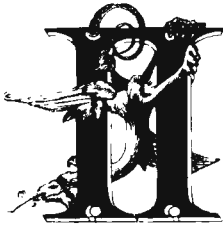
— Во Львовѣ продолжается «Изданіе матеріаловъ по исторіи возстанія 1863—1864 годовъ». Недавно появились два выпуска 4-го тома. Начало собиранію матеріаловъ объ этихъ событіяхъ положилъ еще извѣстный Агатонъ Гиллеръ, одинъ изъ главныхъ организаторовъ возстанія, но даже поклонники его изъ львовской журналистики сознаются, что собранные имъ матеріалы содержатъ въ себѣ «много подробностей, хотя и цѣнныхъ, но очень часто лишенныхъ критики». Онъ помѣщалъ цѣлкомъ воспоминанія такихъ очевидцевъ или участниковъ дѣла, которыхъ самъ провѣрять не могъ. Особенно же вредило Гиллеру его стремленіе во что бы ни стало обѣлять возстаніе и идеализировать всю старую Польшу; поэтому сами поляки не признаютъ безупречнаго историческаго значенія за его показаніями. Нынѣшніе издатели продолжали дѣло, начатое Гиллеромъ, пользуясь между прочимъ обильными собранными имъ матеріалами. Первые томы, проявляя недостатокъ единства въ направленіи изданія, въ оцѣнѣ матеріаловъ, въ общемъ склонялись больше въ сторону «бѣлыхъ», къ такъ называемой «органической работѣ» возрожденія отчизны, чѣмъ и возбуждали противъ себя негодованіе красныхъ, сохранившихся еще въ польской критикѣ. Послѣдніе упрекали издателей въ противорѣчіи себѣ самимъ, а именно, что, восхваляя возстаніе, они порицали тѣхъ, кто его подготавливалъ, преувеличивали неудачи, проходили молчаніемъ положительныя стороны дѣла и т. п., короче, критики винили издателей въ неправдивости. Тѣ же упреки еще въ большей мѣрѣ испытываетъ появляющійся нынѣ 4-й томъ изданія, матеріалы котораго «вторять москалю Бергу» въ изданной имъ исторіи польскаго возстанія, клонятся къ порицанію цѣлаго движенія, къ доказательству невозможности воскресить Польшу, «восхваляютъ явныхъ измѣнниковъ отчизны» и т. д. Сопоставленіе противоположныхъ взглядовъ на событія того времени, спокойная критическая оцѣнка разнородныхъ воспоминаній теперь, чрезъ 30 лѣтъ послѣ возстанія, были бы очень кстати, но не отъ польскихъ историковъ можно ждать безпристрастнаго отношенія къ предмету, даже чрезъ такой продолжительный періодъ времени. Быть можетъ, въ будущемъ закулисная исторія причинъ несчастнаго движенія будетъ болѣе разъяснена. Между прочимъ, послѣ умершаго недавно кн. Владислава Чарторыскаго, безъ сомнѣнія, остались матеріалы, болѣе разъясняющіе дипломатическую «эмигрантскую» сторону предпріятія. По своей близости къ Наполеону III, онъ имѣлъ возможность въ нѣкоторой степени

влиять на рѣшенія императора, но дальше дипломатическаго заступничества за поляковъ и матеріальной помощи эмигрантамъ дѣло не пошло. Тѣмъ не менѣе, опубликованіе относящихся сюда матеріаловъ составило бы интересную и не вполне разъясненную страницу изъ исторіи возстанія. Во всякомъ случаѣ, заступничество европейскихъ державъ и въ главѣ ихъ наполеоновской Франціи за поляковъ, дѣятельность Чарторыскихъ въ этомъ направленіи, разъясненіе пружинъ, двигавшихъ событіями со стороны Западной Европы, дало бы болѣе цѣнный вкладъ для будущаго историка этого времени, чѣмъ, напримѣръ, статья или памфлетъ «Ромуальдъ Траугутъ и его диктатура», вошедшая въ 4-й томъ изданія и написанная только въ 1893 году, чрезъ 30 лѣтъ послѣ дѣятельности «диктатора». Наибольшее историческое значеніе въ 4-мъ томѣ матеріаловъ представляютъ воспоминанія Владимира Миловича, «бывшаго агента центральнаго комитета въ Парижѣ, а потомъ комисара народнаго фонда въ Галиціи». Революціонная дѣятельность автора, впрочемъ, была неудачна: наполеоновское правительство арестовало его еще въ 1862 году, во Львовѣ также онъ былъ арестованъ и, наконецъ, попалъ въ «уполномоченные жонда» въ Турціи. И эти воспоминанія считаются еще лучшими.

СМѢСЬ.

НОЛУВЪНОВАЯ годовщина смерти Баратынскаго. 29-го іюня исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти поэта плеяды Пушкина Евгенія Абрамовича Баратынскаго, скончавшагося скоропостижно въ Неаполѣ. Баратынскій родился въ Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Вяжлѣ, 19-го февраля 1800 г. Поэтъ получилъ образованіе домашнее; онъ рано лишился отца, воспитатель его дядька итальянецъ Боргесъ; къ своему воспитателю написалъ Баратынскій посланіе за двѣ недѣли до своей кончины. Пятнадцать лѣтъ онъ былъ отданъ въ пансіонъ и затѣмъ въ Пажескій корпусъ, изъ котораго и былъ исключенъ за глупую и ничтожную шалость, о которой сохранилось его признаніе въ письмѣ къ Жуковскому. Впослѣдствіи, по ходатайству послѣдняго, онъ былъ принятъ рядовымъ въ 1818 г. въ Нейшлотскій пѣхотный полкъ, стоявшій въ Кюмени. Въ Финляндіи суровая природа имѣла вліяніе на его поэтическое творчество. Его описаніе Финляндіи, нравовъ и обычаевъ ея обитателей, полно поэтическаго дарованія. Пушкинъ восхищался ими. Въ 1825 г. Баратынскій былъ произведенъ въ офицеры, вышелъ въ отставку, женился и переѣхалъ въ Москву, гдѣ коротко сошелся съ Д. В. Давыдовымъ и княземъ Вяземскимъ; ранѣе, проживая въ Петербургѣ, онъ сблизился съ Дельвигомъ, Пушкинымъ, Жуковскимъ, Плетневымъ. Первое собраніе его стихотвореній издано имъ въ 1835 г., второе въ 1842 г. и добавленіе къ нимъ, подъ заглавіемъ «Сумерки», въ 1843 г. Затѣмъ вышло еще полное его собраніе сочиненій, изданное въ Москвѣ въ 1869 г., семействомъ поэта. Тѣло Баратынскаго привезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, близъ гробницъ Гяфдича и Крылова.

Археологическая находка. Съ наступленіемъ весны начались обычныя въ окрестностяхъ Керчи ісканія кладовъ. Одному изъ непризнанныхъ, но, тѣмъ не менѣе, опытныхъ археологовъ, посчастливилось набрести на древнюю гробницу съ двумя склепами. Мѣсто находки—дача бывшая Константино-

выхъ, на Татарской слободѣ, близъ мечети, противъ загороднаго сада. Гробница эта, въ настоящее время разоренная, представляла квадратъ въ $3\frac{1}{2}$ —4 арш., выложенный мѣстнымъ штучнымъ камнемъ превосходнаго качества и облицованный плитами. Въ двухъ склепахъ гробницы, которые были закрыты сверху большими толстыми, сливавшимися каменными плитами, на глубинѣ въ ростъ высокаго человѣка отъ поверхности земли, лежали два цѣльно-каменныхъ гроба, весьма искусно выдолбленные, въ которыхъ заключены были деревянные (кипарисные) гробы безъ инкрустацій, а въ гробахъ на лавровыхъ листьяхъ лежали почти совершенно истлѣвшіе скелеты мужчины и женщины. Каменные гробы были закрыты каменными же крышками, крѣпко пригвожденными толстыми желѣзными винтами. Въ стѣнкахъ склеповъ устроены довольно значительныхъ размѣровъ ниши, въ которыхъ обыкновенно ставились древними различные сосуды и др. предметы, посвящавшіеся покойникамъ. Найдены въ гробницѣ пара золотыхъ браслетовъ, шириною въ два пальца, два золотыхъ перстня—одинъ съ камнемъ блѣдно-сѣраго цвѣта (вѣроятно, агатомъ), другой съ аметистомъ, выпавшимъ изъ своего гнѣзда, пара золотыхъ простой работы съ подвѣсочками сережекъ, золотой вѣнокъ съ греческой надписью, гласящей о вѣчаніи покойника членами какого-то религіознаго общества, бронзовыя украшенія, должно быть, щита (умбовъ), съ изображеніемъ на одномъ изъ нихъ трехъ грацій, бронзовая ваза (окисленная) съ дужкой изъ проволоки и три стеклянныхъ сосуда, изъ которыхъ одинъ, отлично сохранившійся, весьма оригинальной формы, бронзовыя бляшечки-нашивки, пара, вѣроятно, налокотниковъ, обломки желѣзнаго меча и куски истлѣвшей (какъ кажется, шелковой) матеріи отъ платья, цвѣта шоколаднаго. Изъ этихъ предметовъ обращаетъ на себя особенное вниманіе выпавшій изъ перстня аметистъ, представляющій прекрасную камю: на немъ вырѣзана съ большимъ искусствомъ мужская голова, увѣчанная лавровымъ вѣнкомъ, съ обозначеніемъ имени владѣльца перстня или рѣзчика.

Историческое общество Нестора лѣтописца въ Кіевѣ. С. А. Кивлицкій сдѣлалъ сообщеніе «О посылкѣ малороссійскихъ плясунювъ въ ледяной домъ». Въ архивѣ покойнаго Судіенка сохранилось цѣлое дѣло о посылкѣ малороссійскихъ плясунювъ въ ледяной домъ. Это дѣло обрисовываетъ тотъ переполохъ, какой произвела петербургская ватѣя въ Малороссійскомъ краѣ, и указываетъ на немалые расходы, которыхъ она стоила. Строго официальный характеръ это дѣло приняло въ ноябрѣ 1739 г., когда генераль-майоръ Шиповъ получилъ высочайшій указъ о доставленіи въ Петербургъ казачювъ, казачихъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ для присутствія въ нѣкоторой забавной свадьбѣ, «чтобы показавки танцовать умѣющихъ, только бы собою не гнусные были». И вотъ, по поводу полученнаго указа, въ генеральной канцеляріи пошли ровыски плясунювъ и пригожихъ бабъ. Наконецъ, къ послѣднимъ числамъ декабря была собрана первая партія танцоровъ, которые, по медицинскому осмотру, оказались не имѣющими на своемъ тѣлѣ «никакихъ опасныхъ знаковъ». Такихъ партій было послано нѣсколько, всѣхъ же лицъ, отправляемыхъ за тысячи верстъ на «званную свадьбу», со всѣхъ полковъ Малороссіи было: 44 казака, 35 бабъ и 55 дѣвокъ, которые, совершивъ такое невольное и продолжительное путешествіе, 6-го февраля 1742 года участвовали, въ числѣ другихъ, въ шутовской свадьбѣ, для своего осуществленія потребовавшей для того времени громадныхъ расходовъ. Побывавъ на свадьбѣ, плясуны на казенный «коштъ» были доставлены обратно въ Глуховъ, причемъ повелѣно было имъ выдать паспорта, буде они пожелаютъ учинить куда либо путешествіе для своихъ надобностей.

Памятникъ Щепкину. Городъ Суджа торжественно праздновалъ открытіе памятника знаменитому русскому артисту М. С. Щепкину, мѣстному уроженцу, воспитывавшемуся тамъ въ уѣздномъ училищѣ и тамъ же впервые выступившему на сценѣ 12-лѣтнимъ мальчикомъ въ комедіи Сумарокова

«Вдорщицы», въ роли слуги Розмарина. Памятникъ поставленъ въ городскомъ саду и представляетъ бюстъ покойнаго артиста, сдѣланный изъ чернаго отполированнаго лабрадора. Средства на сооруженіе памятника, въ суммѣ 2.500 рублей, пожертвованы предсѣдателемъ правленія Кіево-Воронежской желѣзной дороги, Н. Л. Марковымъ. Это позднее воспоминаніе довольно странно. И если бы еще вздумали ставить памятникъ его товарищи по сценѣ или бывшіе поклонники его таланта,—медленность въ приведеніи ихъ рѣшеній въ исполненіе могла еще быть объяснена. Но причеиъ тутъ частное лицо и желѣзные дороги? Изъ артистовъ никого не было въ Суджѣ на открытіи, и вообще они не принимали никакого матеріальнаго участія въ сооруженіи памятника. И не мудро, артисты наши думаютъ только о себѣ, что же еще тутъ думать о товарищѣ, да еще умершемъ тридцать одинъ годъ тому назадъ!

Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1893 годъ. Въ 17-мъ году существованія музея, въ коллекціяхъ по естественно-историческому отдѣлу: минералогіи, геогнозіи и геологіи, состояло 3.462 предмета, по ботаникѣ—8.098, по зоологіи—1.791, всего въ естественно-историческомъ отдѣлѣ 14.965; по антропологическому отдѣлу—1.236, по археологическому—8.928, по промышленному—2.513, по сельскохозяйственному—2 485, по математическому—1.583, по образовательному—7.600, по педагогическому—1.590, въ лабораторіи разныхъ приборовъ и посуды—89. Изъ сравненія итоговъ предметовъ музея съ предыдущимъ годомъ видно, что число ихъ увеличилось на 3.061, причеиъ сюда не вошли дубликаты многихъ видовъ растеній и образцовъ горныхъ породъ. Къ концу 1893 года стоимость инвентаря музея достигла 5.385 рублей. Къ сожалѣнію комитетъ музея не имѣетъ данныхъ, по которымъ можно было бы дать свѣдѣнія о числѣ лицъ, посѣтившихъ музей въ отчетномъ году; приблизительно ихъ было не менѣе 8.000. Приходъ музея—789 р. 10 к. Расходъ 964 р. 88 к. Перерасходовано 175 р. 78 к. Въ отчетномъ году Минусинская общественная библиотека увеличилась на 588 названій въ 704 томахъ на сумму 1.188 р. 45 коп. Къ концу 1893 года имѣется на лицо въ библиотекѣ книгъ, періодическихъ изданій, рисунковъ, картъ и проч. 11.851 названіе въ 15.226 томахъ на сумму 22.772 рубля 21 коп. Книгами библиотеки пользовались въ 1893 году 301 человекъ, изъ нихъ платныхъ читателей 103, внесшихъ плату книгами 32, учащихся (безплатныхъ) 103, безплатныхъ 36. Въ 1893 году поступило на приходъ на содержаніе библиотеки 395 р. 91 к. Израсходовано 554 р. 95 к. Перерасходовано 158 р. 4 к.

Отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго физико-математическимъ обществомъ для составленія капитала имени Н. И. Лобачевского, съ 10 февраля 1893 по 10 февраля 1894 г. Высказанная комитетомъ надежда, что празднества по поводу столѣтія дня рожденія Лобачевского будутъ способствовать усиленію въ обществѣ уваженія къ его научнымъ заслугамъ и повліяютъ на увеличеніе капитала его имени,—оправдалась. Устроенный товариществомъ драматическихъ артистовъ въ Казанскомъ городскомъ театрѣ спектакль далъ въ капиталъ 268 р. 70 к. Въ Петербургѣ одно изъ засѣданій математическаго общества было посвящено имени Лобачевского. Въ артиллерійской академіи была прочитана профессоромъ П. А. Шиффомъ публичная лекція, на которой лекторъ сообщилъ біографію Лобачевского, выяснилъ значеніе его научныхъ заслугъ. Въ Москвѣ памяти Лобачевского было посвящено нѣсколько засѣданій. Московское общество испытателей природы и московское математическое общество посвятили засѣданія памяти Лобачевского. Московское отдѣленіе русскаго технического общества устроило засѣданіе съ тою же цѣлью; въ обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи первый рефератъ былъ посвященъ памяти Лобачевского. Въ Кіевѣ, Харьковѣ, Юрьевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Самарѣ, Омскѣ и др.

городахъ, во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Тифлисской гимназіи, были засѣданія, разъясняющія значеніе трудовъ Лобачевскаго. Пресса какъ общая, такъ и научная встрѣтили день юбилея сочувственными статьями. Въ англійскомъ журналѣ Nature, Сильвестръ называетъ Лобачевскаго «a great scientific reformer who has played a principal part in reconstituting the basis of geometrical thought». Приливъ на капиталъ Лобачевскаго значительно оживился. Всего за время съ 22 окт. 1893 г. по 10 февр. 1894 г. поступило въ капиталъ Лобачевскаго 4.046 р. 83¹/₂ к. да за время съ 10 февр. 1893 г. (начало подписки) по 22 октября 1893 г. поступило 3.039 р. 55 к. Изъ этихъ поступленій израсходовано на печатаніе и разсылку приглашеній, храненіе процентныхъ бумагъ и т. п. 155 р. 10 к. Полный списокъ 858 лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи капитала имени Лобачевскаго, предполагается напечатать. Число лицъ, принимавшихъ участіе въ подпискѣ, значительно превышаетъ приведенную цифру, какъ какъ многіе взносы поступали безъ указанія именъ жертвователей.

† 26-го іюня около Москвы Владиміръ Никитичъ Кашперовъ, 76 лѣтъ, композиторъ, пользовавшійся одно время нѣкоторою извѣстностью. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ М. И. Глинкѣ, который и умеръ въ Берлинѣ на его рукахъ, въ то время, какъ Кашперовъ изучалъ тамъ музыку. Объ этой связи свидѣлствуютъ письма Глинки и «Воспоминанія» Кашперова, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ». Кашперовъ довольно долго занимался съ Денемъ, извѣстнымъ берлинскимъ профессоромъ контрапункта, а затѣмъ выступилъ, какъ композиторъ. Онъ написалъ три оперы. Первая изъ нихъ, «Марія Тюдоръ», съ успѣхомъ была поставлена въ декабрѣ 1859 г. на миланскомъ театрѣ «Каркано» и потомъ въ Ниццѣ, въ присутствіи покойной императрицы Александры Федоровны. Вторая его опера «Консуэло» была дана въ Венеціи и тоже поправилась. Опера на сюжетъ Островскаго «Гроза» шла на Маріинскомъ театрѣ въ 1867 г. Всѣ эти оперы, однако, по стилю, не показываютъ плодотворности берлинскихъ занятій Кашперова: онѣ написаны въ безусловно старомъ, скромномъ итальянскомъ стилѣ. Кромѣ этихъ оперъ, онъ написалъ немало романсовъ. Наконецъ, ему принадлежали статьи по музыкѣ и пѣнію: «Объ операхъ Верди» («Петербургскія Вѣдомости», 1859 г.), «Замѣтки о церковномъ пѣніи въ Россіи» («Русь», 1881 г.), статья въ «Русскомъ Обзорѣніи» о «Церковномъ пѣніи» и т. д. Къ числу его послѣднихъ изданій относятся «Пѣвческія упражненія для начальныхъ училищъ».

† Писатель-публицистъ и общественный дѣятель Ниль Петровичъ Колупановъ, въ Костромѣ, 10-го іюня. Литературная и общественная дѣятельность его началась въ пятидесятыхъ годахъ, совпавъ съ началомъ движенія въ исторіи нашей жизни и нашей мысли. Его литературные труды стояли въ тѣсной связи съ работой на общественной службѣ; знаніе жизни, которое давала ему эта служба, отражалось въ его журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, а привычка серьезной литературной работы вліяла на широту его общественныхъ взглядовъ. Н. П. много потрудился при проведеніи крестьянской реформы и былъ однимъ изъ знатоковъ крестьянскаго дѣла и крестьянской жизни. Онъ много и съ пользой поработалъ также по одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ освобожденной Россіи—по начальному народному образованію. Колупановъ былъ виднымъ и неутомимымъ дѣятелемъ въ земствѣ Костромской губерніи; въ теченіе долгихъ лѣтъ и до смерти онъ состоялъ предводителемъ дворянства своего уѣзда. Въ 1882 г. онъ былъ въ числѣ «свѣдущихъ людей», приглашенныхъ для совѣщаній въ Петербургъ при министерствѣ Игнатьева. Близко зная условія нашей провинціальной жизни, хорошо знакомый съ особенностями и нуждами крестьянскаго быта, Н. П. положилъ много труда на разработку и выясненіе

въ печати многихъ важныхъ вопросовъ народной жизни. За послѣдніе годы Колупановъ работалъ надъ обширною біографіею покойнаго А. И. Кошелева; онъ успѣлъ напечатать три тома ея, но далеко еще не довелъ ея до конца.

† Въ Петербургѣ Яковъ Алексѣевичъ Ростовцевъ, переводчикъ «Курса политической энономіи» Молиаря, «Трактата о политико-экономіи» Курсель-Сенеля и др. Ростовцевъ родился въ 1833 г. и послѣ окончанія курса въ 1-й московской гимназіи поступилъ въ Московскій университетъ, въ которомъ кончилъ курсъ по камеральному факультету въ 1854 г.

КНИЖНОЕ ДѢЛО И ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ РОССІИ ВЪ 1893 ГОДУ ¹⁾.

II.

Періодическая печать.

ЕСЛИ РОССІЯ бѣдна книгами, то что же можно сказать о ней въ отношеніи періодической печати? Но мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса, такъ какъ современное положеніе русской журналистики довольно подробно было разсмотрѣно нами въ предыдущихъ обзорахъ. Не помнимъ, гдѣ и кѣмъ было высказано недавно, что въ Россіи, сообразно съ ея населеніемъ, должно издаваться теперь больше сорока тысячъ газетъ и журналовъ. Это, конечно, было бы не только хорошо, но даже превосходно, только дѣло-то въ томъ, кто бы читалъ эти газеты и журналы и что бы дѣлали съ ними ихъ издатели. Журналы, а тѣмъ болѣе газета, интересуютъ преимущественно чловѣка образованнаго и развитого, между тѣмъ по таблицѣ безграмотности въ Европѣ, выставленной на бывшей Чикаговской выставкѣ, оказывается, что въ Россіи, въ ^о/_о отношеніи къ общему ея населенію, ни болѣе ни менѣе, какъ 78,3^о/_о безграмотныхъ. При такихъ же условіяхъ будетъ наиболѣе подходящимъ подсчитывать, сколько желательно имѣть на Русіи школъ, а потомъ можно будетъ трактовать и о томъ, сколько нужно журналовъ и газетъ.

Итакъ переходимъ къ настоящему и будемъ говорить, каково оно есть. По нашему выводу, приведенному въ обзорѣ книжнаго дѣла въ Россіи за 1892 г., къ 1893 году должно было выходить 743 періодическихъ изданія. Такъ какъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 265.

въ теченіе послѣдняго года было разрѣшено 53 новыхъ изданія, то, слѣдовательно, въ 1894 году ихъ должно быть 796; исключая же изъ этого числа 17 прекратившихся получаемъ 779 періодическихъ изданій, выходящихъ въ Росіи въ текущемъ году.

Число разрѣшенныхъ вновь въ минувшемъ 1893 г. періодическихъ изданій, сравнительно съ 1892 г., было больше на 22 изданія. Всѣ эти изданія выходятъ: на русскомъ языкѣ—48, на польскомъ—2, на нѣмецкомъ—1, на грузинскомъ—1 и на разныхъ языкахъ—1; по мѣсту выхода: въ Петербургѣ—27, въ Москвѣ—8 и въ провинціальныхъ городахъ—18; по условіямъ изданія: выходящихъ съ дозволенія предварительной цензуры—46 и безцензурныхъ—7; по времени выхода въ свѣтъ (безъ трехъ изданій, обращенныхъ изъ приложений въ самостоятельный журналъ): ежедневныхъ—10, по нѣсколько разъ въ недѣлю—3, еженедѣльныхъ—14, по нѣсколько разъ въ мѣсяць—5, ежемѣсячныхъ—13, по нѣсколько разъ въ годъ—4 и неопредѣленно—одно. По программамъ: политико-общественныхъ и литературныхъ—7, литературныхъ—5, духовно-нравственныхъ—2, медицинскихъ—7, техническихъ—3, сельско-хозяйственныхъ—2, педагогическихъ—2, торгово-промышленныхъ—3, библиографическихъ—1, художественныхъ—1, чисто-справочныхъ—8, разныхъ специальностей—8 и со смѣшанной программой—4.

По отношенію къ изданіямъ прежнихъ лѣтъ отмѣчаемъ слѣдующія перемѣны, также имѣвшія мѣсто въ минувшемъ году: объявлены окончательно прекратившимися—17 изданій; приложения къ тремъ журналамъ разрѣшено выпускать, какъ самостоятельныя изданія; измѣнили программу—19 изданій прежнихъ и четыре изданія, разрѣшенныя въ 1893 году; измѣнили названія—13 прежнихъ и одно новое изданіе; разрѣшены приложения—8-ми изданіямъ; разрѣшено помѣщать рисунки—5-ти изданіямъ; получили право выходить въ свѣтъ безъ дозволенія предварительной цензуры—одно прежнее и 2 вновь разрѣшенныхъ изданія, а именно: журналъ «Вѣстникъ садоводства, полеводства и огородничества», газета «Русь» и «Еженедѣльникъ журнала Практическая Медицина»; измѣнили срокъ выхода—5 изданій и одно разрѣшенное въ 1893 году; переведено изъ одного города въ другой—три изданія, а именно: журналъ «Акушерка» изъ г. Брянска въ Одессу, газета «Окраина» изъ г. Самарканда въ Ташкентъ и журналъ «По морю и суши» изъ г. Кіева въ Одессу; измѣнили подписную цѣну—13 изданій; утверждены новыя лица редакторамъ въ 41-мъ изданіи и перемѣнились издатели или приняты новыя лица въ соиздатели въ 28-ми изданіяхъ.

Такъ какъ нѣкоторые изъ вышеуказанныхъ перемѣнъ измѣняютъ положеніе нашей періодической печати къ началу 1894 г., сравнительно съ положеніемъ ея къ тому же времени минувшаго года, то при сопоставленіи этихъ двухъ сроковъ приходимъ къ слѣдующему выводу:

	Къ началу 1893 г. было:	Къ началу 1894 г. было:
Всего періодическихъ изданій	743	779
На русскомъ языкѣ	589	623

	Къ началу 1893 г. было:	Къ началу 1894 г. было:
На иностранныхъ языкахъ	154	156
Цензурныхъ	495	524
Безцензурныхъ	248	255
Ежедневныхъ	105	113
Выход. нѣсколько разъ въ недѣлю	91	93
Еженедѣльныхъ	214	221
Выход. нѣсколько разъ въ мѣсяцъ	98	102
Ежемѣсячныхъ	157	170
Выход. нѣсколько разъ въ годъ	53	54
Выход. неопредѣленно	25	26

По отношенію къ прекратившимся изданіямъ приводимъ указаніе на продолжительность времени выхода ихъ въ свѣтъ.

ПРЕКРАТИВШИЯСЯ ИЗДАНІЯ:	Начало изданія:	Продолж. изданія.
«Библиографическій Указатель Россійск. Медицинской Литературы»	Съ 1890 г.	3 года.
«Biblioteka matem. fizyczna»	» 1891 »	1 годъ.
«Werrosches Tageblatt»	» 1889 »	4 года.
«Итоги»	» 1891 »	2 года.
«Казанскій Биржевой Листокъ»	» 1885 »	8 лѣтъ.
«Курляндскій Листокъ Объявленій»	» 1892 »	1 годъ.
«Лодзинская Газета Объявленій»	» 1891 »	2 года.
«Переводы отдѣльныхъ романовъ»	» 1867 »	26 лѣтъ.
«Помощь Самообразованію»	» 1891 »	2 года.
«Приволжскій Вѣстникъ Охоты»	» 1890 »	3 года.
«Профессиональная Школа»	» 1891 »	2 года.
«Рисованіе»	» 1891 »	2 года.
«Сельско-хозяйственный Листокъ»	» 1888 »	5 лѣтъ.
«Театръ и Жизнь»	» 1885 »	8 лѣтъ.
«Харьковъ въ карманѣ»	» 1891 »	2 года.
«Художественно-Этнографич. рисунки Сибири»	» 1889 »	4 года.
«Юридическій Вѣстникъ»	» ?	—

Теперь остановимся на карательныхъ мѣрахъ, которымъ подвергались періодическія изданія въ продолженіе минувшаго года. Всѣхъ случаевъ объявленія этихъ мѣръ, со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати, насчитывается девять, и имъ подверглись слѣдующія періодическія изданія: газетѣ «Гражданинъ» было объявлено 29-го января второе предостереженіе за статью «Дневникъ 22-го января», помѣщенную въ № 23-мъ этой газеты; кромѣ того, редактору той же газеты, кн. Мещерскому, сдѣлано внушеніе за статьи по повнамскому дѣлу; 22-го января объявлено о пріостановкѣ на 4 мѣсяца изданія газеты «Курскій Листокъ»; 12-го марта воспрещена была розничная продажа

газеты «Крымскій Вѣстникъ», но 30-го числа того же мѣсяца допущена вновь; 2-го декабря было объявлено въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», что газетѣ «Новое Время» сдѣлано строгое внушеніе за статью, порицавшую законъ о морскомъ цензѣ (№№ 6368 и 6370); 22-го января воспрещена, а 8-го февраля разрѣшена розничная продажа «Петербургской Газеты»; 8-го января воспрещено, а 22-го февраля разрѣшено печатаніе частныхъ объявленій и розничная продажа газеты «Русская Жизнь»; 23-го апрѣля вновь запрещена, а 19-го іюля разрѣшена розничная продажа той же газеты; 13-го октября запрещена, а 12-го ноября допущена розничная продажа газеты «Сынъ Отечества»; 26-го ноября объявлено 2-е предостереженіе журналу «Русская Мысль» за статью «Соціологія на экономической основѣ», въ которой, по объясненію предостереженія, «изложены крайне вредныя ученія социализма, причемъ авторъ этой статьи, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками, очевидно имѣетъ цѣлью пропагандировать ихъ»; 22-го февраля была разрѣшена розничная продажа журнала «Развлеченіе», воспрещенная 18-го ноября 1892 года.

Переходимъ къ подробностямъ, которыя составляютъ дополненіе и поясненіе нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ выше статистическихъ данныхъ.

Изданія, вновь разрѣшенныя въ 1893 году.

Изъ общаго числа пятидесяти періодическихъ изданій, разрѣшенныхъ въ 1893 году, только два должны издаваться не на русскомъ языкѣ, сравнительно же съ предыдущимъ годомъ общее число увеличилось на 19 изданій. Приводя ниже программы новыхъ журналовъ мы не дѣлаемъ общей ихъ характеристики, она будетъ ясна при ближайшемъ знакомствѣ съ этими программами, и скажемъ только, что замѣченное нами болѣе серьезное направленіе въ періодическихъ изданіяхъ 1892 года продолжалось и въ разсматриваемомъ году. Если ко вновь разрѣшеннымъ періодическимъ изданіямъ присоединить еще три, которыя до этого времени не имѣли значенія самостоятельныхъ журналовъ, а выходили какъ приложенія, то общее число новыхъ изданій будетъ, какъ это указано выше, 53. Приложенія, начавшія выходить, какъ самостоятельныя изданія, были слѣдующія: на польскомъ языкѣ—«Gazeta Suckownicza» (съ 22-го августа) и на русскомъ языкѣ—«Миссіонерскій Сборникъ» и «Рыбное Дѣло» (съ 7-го августа). Программа этихъ изданій осталась прежняя.

Вотъ перечень новыхъ изданій, расположенный въ алфавитномъ порядкѣ:

«Базаръ. Журналъ объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Петербургѣ дано 14-го декабря; газета должна выходить еженедѣльно и съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издательница, дочь капитана 1-го ранга Надежда Васильевна Сарычева. Программа: Объявленія и адреса разныхъ учрежденій, магазиновъ, лицъ и т. п.

«Бакинскія Объявленія». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Баку дано 12-го декабря; выходитъ она должна ежедневно и съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель Семень Тумановичъ Шахбаговъ. Программа: Телеграммы Сѣвернаго телеграфнаго агентства; объявленія на русскомъ, армянскомъ, татарскомъ и европейскіхъ языкахъ. Справочный отдѣлъ: ка-

лендарь православный, армяно-григоріанскій, католическій, магометанскій, еврейскій, историческія событія; время прихода и отхода поѣздовъ, пароходовъ и проч.; о прибытіи товаровъ въ Баку моремъ и сухопутьемъ; свѣдѣнія о количествѣ вывозимыхъ изъ Баку нефтяныхъ продуктовъ; рыночныя цѣны продуктовъ въ г. Баку; такса съѣстныхъ продуктовъ, утвержденная городской управой; биржевыя свѣдѣнія; тиражи процентныхъ бумагъ; о прибытіи и выбытіи изъ Баку высокопоставленныхъ лицъ; умершіе въ Баку. Судебный указатель: списокъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ бакинскомъ окружномъ судѣ. Извѣщенія о концертахъ, празднествахъ, театральныхъ и друг. представленіяхъ. Свѣдѣнія о недоставленныхъ депешахъ и вообще о всякаго рода почтовыхъ корреспонденціяхъ. Больницы и лечебницы. Метеорологическій бюллетень. Адресъ-календарь: адреса правительственныхъ, общественныхъ учреждений и лицъ, а также торгово-промышленныхъ фирмъ.

«Библиотека Врача». Этотъ журналъ, специально посвященный медицинѣ, разрѣшено 1-го іюля издавать въ Москвѣ; выходитъ ежемѣсячно съ дозволенія предварительной цензуры; издатель кандидатъ университета Алексѣй Александровичъ Карцевъ, редакторъ—приватъ-доцентъ университета, колл. сов. Дмитрій Петровичъ Дубелиръ. Программа: 1) Оригинальныя и переводныя сочиненія по всѣмъ отдѣламъ медицины. 2) Рефераты о болѣе выдающихся новостяхъ медицины. 3) Обзоры по отдѣльнымъ областямъ медицины. 4) Критика и библиографія медицинскихъ сочиненій. 5) Объявленія.

«Биржевыя Вѣдомости». Эта газета является хотя и новымъ органомъ, но она составляетъ 2-е изданіе выходящихъ теперь «Биржевыхъ Вѣдомостей». Разрѣшеніе на выпускъ 2-го изданія дано 5-го іюля, газета выходитъ безъ предварительной цензуры и подъ временнымъ редакторствомъ В. Н. Исполатова и М. М. Каншина. Программа: 1) Телеграммы. 2) Руководящія статьи. 3) Политическое обозрѣніе. 4) Новости и отголоски. 5) Распоряженія правительства. 6) Придворная и общественная хроника, фельетонъ. 7) Торговый отдѣлъ: а) торговые интересы дня; б) вѣсти изъ провинціи и изъ-за границы; в) корреспонденціи изъ главныхъ торговыхъ центровъ Россіи и изъ-за границы; г) сообщенія и прейсъ-куранты со всѣхъ русскихъ торговыхъ биржъ о крупныхъ сдѣлкахъ, поставкахъ, подрядахъ, объ ихъ условіяхъ и результатахъ; д) обзоры внутренней и внѣшней торговли; е) сообщенія о новыхъ узаконеніяхъ, касающихся купечества, торговли и промышленности, о перемѣнахъ въ таможенныхъ и желѣзнодорожныхъ тарифахъ; ж) отчеты о ярмаркахъ, торговыхъ и промышленныхъ съѣздахъ, выставкахъ и проч. 8) Биржевой отдѣлъ: а) биржевые вопросы дня; б) свѣдѣнія, касающіяся государственныхъ финансовъ, акціонерныхъ и кредитныхъ обществъ, желѣзнодорожнаго, страховаго, пароходнаго, ипотечнаго и банкаго дѣла; в) корреспонденціи со всѣхъ русскихъ и главныхъ заграничныхъ биржъ; г) котировка всѣхъ русскихъ бумагъ, обращающихся какъ на С.-Петербуржской, такъ и на провинціальныхъ биржахъ Россіи и пр. 9) Объявленія. Приложенія, не болѣе раза въ мѣсяцъ: «Тиражный Листокъ»—таблицы тиражей русскихъ госуд. и частныхъ % бумагъ; «Акціонеръ»—сроки платежа % и дивидендныхъ купоновъ по акціямъ и облигаціямъ, извѣщенія о срокахъ созыва общихъ собраній и представленія акцій для участія въ нихъ,

результаты этихъ собраній, отчеты акціонерныхъ обществъ, обществъ взаимнаго кредита и городскихъ банковъ, съ критической ихъ оцѣнкой; «Земледѣльческій Листокъ» — сообщенія и статьи, касающіяся вопросовъ земледѣлія, на сколько таковыя имѣютъ торговый интересъ; «Страховой Сборникъ» — извѣстія, сообщенія и статьи, касающіяся страховаго дѣла въ Россіи и за границей, и «Фабрично-Промышленный Листокъ» — статистическія и нынѣ свѣдѣнія и статьи о фабричной промышленности.

«Брянскій Вѣстникъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Брянскѣ послѣдовало 24-го мая; газета должна выходить еженедѣльно съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, колл. секр. Павелъ Никитичъ Тихоновъ. Программа: 1) Мѣсяцесловъ-календарь съ указаніемъ общихъ и мѣстныхъ праздниковъ, крестныхъ ходовъ и т. п. 2) Дѣйствія правительства — постановленія и распоряженія изъ «Собранія Узаконеній», «Правительственнаго Вѣстника», «Русскаго Инвалида», «Губернскихъ Вѣдомостей» и друг. официальныхъ изданій. 3) Хроника мѣстной жизни города и уѣзда во всѣхъ ея проявленіяхъ. 4) Корреспонденціи, статьи и выдержки изъ повременныхъ изданій, касающіяся Брянска и его уѣзда, или Орловской губерніи и ближайшаго къ ней района. 5) Старина: статьи историческія, историко-этнографическія и бытовыя, касающіяся Брянска и его уѣзда, Орловской губерніи и ближайшихъ сосѣднихъ съ нею мѣстностей, или же представляющихъ интересъ и не исключительно мѣстный. 6) Иностранныя извѣстія (изъ «Правит. Вѣстн.», «Русскаго Инвалида» и «Journal de S.-Petersbourg»). 7) Отчеты о засѣданіяхъ у мировыхъ судей, въ мировыхъ сѣздахъ и общихъ судебныхъ установленіяхъ, безъ обсужденія ихъ. 8) Справочный отдѣлъ: свѣдѣнія о торговлѣ на ярмаркахъ, торговыя цѣны жизненнымъ продуктамъ, свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ поѣздовъ желѣзн. дороги, о приемныхъ дняхъ въ больницахъ и у врачей, указатель зрѣлищъ и увеселеній, таблицы тиражей займовъ и проч. 9) Объявленія.

«Будьте здоровы! популярный медицинскій и гигиеническій журналъ для семейнаго чтенія». На изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ дано разрѣшеніе 13-го сентября; журналъ долженъ выходить 2—3 раза въ мѣсяць съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель врачъ Ив. Иванов. Зарубинъ. Программа: 1) Популярныя статьи по различнымъ вопросамъ домашней медицины и гигиены. Эпидеміи и условія успѣшной борьбы съ ними. Рациональная дезинфекція и условія ея практическаго примѣненія въ семьѣ. Домашняя ветеринарная медицина. 2) Частная и профессиональная гигиена. Діететика. Игры, развлеченія, занятія, хозяйство и домоводство съ точки зрѣнія гигиены. Воспитаніе дѣтей по требованіямъ рациональной гигиены. Діететика духа дѣтей и взрослыхъ. 3) Санитарное описаніе мѣстностей Россіи. Описаніе курортовъ, лѣчебныхъ мѣстъ и климатическихъ станцій. Опредѣленіе фальсификацій и поддѣлокъ Новыя изобрѣтенія и средства. Сообщенія изъ медицинскихъ и иныхъ журналовъ. Корреспонденціи. Библиографія. Совѣты и отвѣты. Смѣсь. 4) Иллюстраціи, имѣющія отношеніе къ тексту. 5) Объявленія. 6) Различныя приложенія.

«Бюллетени». Разрѣшеніе на это изданіе дано 4-го января; оно должно выходить въ г. Владимірѣ ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней, съ дозволенія

предварительной цензуры; редакторъ и издательница, жена надворн. совѣтн. Александра Ивановна Новгородская. Программа: 1) Телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и 2) Объявленія.

«Верховой Спортъ». Разрѣшеніе на изданіе этого иллюстрированнаго журнала въ С.-Петербургѣ послѣдовало 12-го декабря; журналъ посвящается специально спорту верховой ѣзды и долженъ выходить черезъ двѣ недѣли съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, надворн. совѣтн. Никол. Павлов. Мердеръ. Программа: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства, касающіяся коневодства, верховаго и скаковаго спорта; 2) статьи о гигиенѣ и о послѣдовательномъ развитіи верховой ѣзды; біографіи извѣстныхъ представителей этого спорта, съ портретами; 3) техника верховой ѣзды: ѣзда манежная и полевая, съ иллюстраціями, высшая школа верховой ѣзды, съ иллюстраціями; 4) фельетонъ: очерки, рассказы и анекдоты изъ области верховаго спорта, переводные и оригинальные; 5) хроника, смѣсь и корреспонденціи, касающіяся верховаго спорта; 6) моды специально для верховаго спорта, съ иллюстраціями; 7) техника: устройство конюшенъ и уходъ за верховыми лошадьми; сѣдельно-шорное ремесло; относящіяся сюда изобрѣтенія, съ иллюстраціями, и привиллегіи; 8) программы скачекъ — отдѣльными отъ журнала приложеніями, выпускаемыми въ свѣтъ наканунѣ дней скачекъ, и краткій обзоръ скачекъ; 9) библіографія: критическій обзоръ относящихся къ специальности изданія книгъ и журналовъ; 10) вопросы и отвѣты и почтовый ящикъ редакціи; 11) объявленія и приложенія, а также бесплатныя приложенія и преміи, состоящія изъ литературныхъ и художественныхъ трудовъ, относящихся къ верховому спорту.

«Воскресная Бесѣда». Право на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 25-го января; журналъ выходитъ еженедѣльно съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издательница, жена генер.-лейтенанта, княгиня Марія Николаевна Щербатова. Программа: 1) статьи нравственнаго содержанія; 2) рассказы изъ Св. Писанія, изъ жизни праведниковъ, и вообще лицъ, посвятившихъ себя служенію ближнимъ; 3) замѣтки по части благотворительности и краткія изреченія.

«Врачебныя Записки». Разрѣшеніе на изданіе этой специально-медицинской газеты въ Москвѣ дано 2-го августа; срокъ выхода газеты два раза въ мѣсяць, кромѣ 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она издаваться не будетъ; газета издается безъ предварительной цензуры; редакторы-издатели: врачи Фѣдоръ Александр. Гегѣ, Николай Теофановичъ Шаталовъ и Никол. Дмитріев. Кузнецовъ. Программа: 1) Статьи научной и практической медицины; 2) рефераты по вопросамъ медицины изъ русской и иностранной литературы; 3) критика и библіографія медицинскихъ сочиненій; 4) хроника и мелкія извѣстія; 5) объявленія; 6) чертежи и рисунки къ статьямъ; портреты дѣятелей на поприщѣ медицины.

«Вѣстникъ моды для портнихъ. Иллюстрированный журналъ моды». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ дано 13-го сентября; журналъ издается съ разрѣшенія предварительной цензуры и выходитъ еженедѣльно въ 4-хъ изданіяхъ; редакторъ-издатель Никол. Павлов. Ало-

вертъ. Программа: 1) Рисунки дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ съ описаніемъ ихъ; 2) копіи съ картинъ, виды и сцены изъ жизни съ описаніемъ ихъ и портреты замѣчательныхъ людей съ біографіями ихъ; 3) романы, повѣсти и рассказы изъ современной жизни и историческіе; 4) поэмы, пѣни и стихотворенія; 5) хроника, смѣсь и разныя мелкія извѣстія; 6) фельетонъ; 7) гигиена: уходъ за кожей, за волосами и т. п.; 8) домохозяйство: кухонные рецепты и практическіе совѣты по хозяйству; 9) приложения: а) раскрашенныя гравюры дамскихъ и дѣтскихъ нарядовъ современныхъ, историческихъ и маскарадныхъ; б) альбомы и отдѣльные оттиски раскрашенныхъ рисунковъ канвовыхъ и друг. дамскихъ ручныхъ работъ; в) брошюры и руководства по кройкѣ дамскихъ платьевъ и бѣлья; г) выкройки къ дамскимъ и дѣтскимъ костюмамъ и д) ноты.

«Вѣстникъ Общества технологовъ». Право на изданіе этого журнала въ С.-Петербургѣ дано 11-го ноября; журналъ издается съ дозволенія предварительной цензуры и выходитъ разъ въ мѣсяць; издатель—Общество взаимнаго вспоможенія технологовъ, редакторъ—профессоръ технологическаго института Павелъ Вас. Котурницкій. Программа: 1) Свѣдѣнія о дѣятельности общ. технологовъ: краткія извлеченія изъ протоколовъ, свѣдѣнія о мѣстахъ и т. п.; 2) свѣдѣнія, касающіяся фабричной промышленности, желѣзнодорожнаго и строительнаго дѣла; 3) краткія свѣдѣнія объ устройствѣ и дѣятельности различныхъ техническихъ учебныхъ заведеній какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ; 4) статьи и рефераты техническаго содержанія по различнымъ отраслямъ механической и технической технологіи; 5) политико-экономическія и статистическія статьи по вопросамъ промышленности и торговли; 6) свѣдѣнія о положеніи и дѣятельности технологовъ и собраній инженеръ-технологовъ въ С.-Петербургѣ и друг. городахъ; 7) смѣсь; біографіи и некрологи; бібліографическія указанія; правительственныя распоряженія; 8) корреспонденціи; вопросы и отвѣты; 9) объявленія; 10) чертежи машинъ и проч.

«Вѣстникъ Русскаго Общества Пчеловодства». Издавать этотъ журналъ въ Петербургѣ разрѣшено 9-го іюля; срокъ выхода ежемѣсячный, изданіе безцензурное; издатель журнала—Русское общество пчеловодства, редакторъ—професс. Сергій Павловъ фонъ-Глазенапъ. Программа: 1) Правительственныя распоряженія, относящіяся до пчеловодства; 2) дѣятельность Русскаго общества пчеловодства; протоколы собраній, доклады членовъ, коммиссій и т. п.; 3) свѣдѣнія о дѣятельности пчеловодныхъ обществъ и вообще внутреннія пчеловодныя извѣстія; 4) оригинальныя и переводныя статьи по всѣмъ отдѣламъ пчеловодства, включая сюда и культуру медоносныхъ растений; 5) статьи о способахъ примѣненія продуктовъ пчеловодства; 6) заграничныя новости по пчеловодству; 7) обзорніе литературы по пчеловодству; 8) корреспонденціи о пчеловодствѣ; 9) смѣсь; 10) торговыя извѣстія о пчеловодствѣ; 11) вопросы и отвѣты; 12) почтовый ящикъ; 13) объявленія.

«Вѣстникъ зубовачебной науки и техники, органъ московскаго общества зубныхъ врачей». Право на изданіе этого журнала въ Москвѣ дано 29-го января; журналъ выходитъ съ дозволенія предварительной цензуры 4 раза въ годъ; издатель—общество зубныхъ врачей въ Москвѣ; редакторъ зубной врачъ Максъ Павловъ Фейнманъ. Программа: 1) Научныя

сообщенія, описаніе случаевъ изъ практики, переводныя статьи изъ иностранныхъ зубо-врачебныхъ журналовъ, выписки изъ русскихъ и иностранныхъ медицинскихъ періодическихъ изданій, а также хроника и смѣсь; 2) сообщенія о дѣлахъ зубо-врачебныхъ обществъ и описаніе собранія рѣдкостей музея московскаго общества зубныхъ врачей; 3) разборъ практическихъ вопросовъ, касающихся дантистики. Объявленія.

«Гольдингенскій Листокъ объявленій». Право на изданіе этого листка въ г. Гольдингенѣ дано 15-го октября рижскому мѣщанину Никол. Никол. Евлампьеву, онъ же и редакторъ. Листокъ этотъ выходитъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры и бесплатно.

«Городской и Сельскій Учитель». Журналъ этотъ разрѣшено издавать 14-го октября въ г. Симбирскѣ; выходитъ въ свѣтъ отъ 6 до 8 выпусковъ въ годъ съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, инспекторъ народныхъ училищъ Симбирской губерніи, Андрей Ив. Анастасьевъ. Программа: 1) Правительственныя распоряженія по городскимъ и сельскимъ начальнымъ училищамъ; 2) статьи по вопросамъ воспитанія и обученія въ городскихъ и сельскихъ школахъ; 3) педагогическая хроника; 4) критика и библиографія; 5) справочный педагогическій листокъ; 6) приложения и 7) объявленія.

«Gazeta Kaliszka informacyjno-anońska» («Калишскій Листокъ объявленій»). Право на изданіе этого листка въ г. Калишѣ, на польскомъ языкѣ, дано 24-го февраля; листокъ выходитъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель Освальдъ Гиндемить (онъ же издатель газеты «Kaliszanin»), редакторъ присяжный повѣренный Иосифъ Радвана. Программа: 1) Правительственныя распоряженія и объявленія правительственныхъ учреждений; переменны въ личномъ составѣ служащихъ въ Калишской губерніи; 2) краткія извѣстія о происшествіяхъ въ г. Калишѣ и губерніи, по официальнымъ свѣдѣніямъ; 3) мѣстная хроника; 4) сроки очередныхъ засѣданій благотворительныхъ и другихъ обществъ и отчеты о таковыхъ; 5) рецензіи о концертахъ и театральныхъ представленіяхъ; 6) сроки засѣданій и списки дѣлъ, разбираемыхъ въ окружномъ судѣ, губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и мировомъ съѣздѣ; 7) цѣны на хлѣбъ и другіе продукты въ Калишской губерніи; 8) программы зрѣлищъ, концертовъ и другихъ публичныхъ увеселеній, время отхода и прихода почтъ, метеорологическія свѣдѣнія и частныя объявленія.

«Дрогистъ». Издавать этотъ журналъ въ Петербургѣ разрѣшено 30-го ноября; журналъ цензурный, выходитъ еженедѣльно; издатель ветеринарный врачъ Алексѣй Григорьевичъ Сергѣевъ, редакторъ магистръ фармаціи Робертъ Пальма. Программа: 1) Распоряженія правительства, касающіяся аптекарей и дрогистовъ; 2) научныя статьи чисто практическаго свойства; 3) химико-фармацевтический отдѣлъ (анализы, опредѣленіе доброкачественности препаратовъ и т. п.); 4) фармацевтический рынокъ въ Россіи и за границей; 5) хроника, внутреннія и внѣшнія извѣстія; 6) рефераты, библиографія и критика; 7) фармацевтическая техника; 8) корреспонденція; 9) вопросы и отвѣты; 10) фельетонъ изъ жизни аптекарей и дрогистовъ; 11) объявленія.

«Дѣло». Иллюстрированный научно-практический популярный журналъ. Издавать этотъ журналъ въ Москвѣ разрѣшено 9-го іюня; журналъ выходитъ ежемѣсячно съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, врачъ Магвѣй Никаноровичъ Голубковскій (онъ же издатель-редакторъ журнала «Наука и жизнь»). Программа: 1) Изобрѣтенія; 2) усѣхи наукъ и ихъ примѣненія къ практической жизни; 3) практическія свѣдѣнія по гигиенѣ, предупрежденію и леченію болѣзней; 4) домъ, садъ, огородъ, поле; 5) дѣтскія игры, новыя книги, смѣсь, справочный отдѣлъ; 6) относящіяся къ тексту рисунки; 7) объявленія. При журналѣ—бесплатныя приложенія.

«Еженедѣльникъ журнала Практическая Медицина». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Петербургѣ послѣдовало 19-го октября; газета должна выходить съ дозволенія предварительной цензуры, еженедѣльно; издатель почетный гражданинъ Василій Сергѣевичъ Эттингеръ (онъ же издатель журнала «Практическая Медицина»), редакторъ докторъ медицины Владиміръ Ивановичъ Штольцъ. Программа: 1) Оригинальныя и переводныя статьи и лекціи, преимущественно практическаго направленія, съ рисунками; 2) рефераты изъ медицинской литературы отечественной и иностранной; 3) отчеты засѣданій ученыхъ медицинскихъ обществъ; 4) корреспонденціи; 5) хроника медицинская отечественная и иностранная; 6) библиографическія замѣтки, рецензи и проч.; 7) фельетоны по вопросамъ, касающимся врачебнаго быта; 8) объявленія.

«Жизнь и Искусство». Разрѣшеніе на изданіе этой художественной, литературной и политической газеты въ г. Кіевѣ дано 7 сентября; газета выходитъ ежедневно и съ дозволенія предварительной цензуры; издатели присяжные повѣренные Митрофанъ Евграфовичъ Краинскій и Іосифъ Петровичъ Мануковъ, изъ нихъ первый и редакторъ. Программа: 1) официальные извѣстія по военному округу, генераль-губернаторству, по университету, учебному округу, по духовному вѣдомству; 2) неофициальные извѣстія, почерпаемыя изъ газетныхъ корреспонденцій о разныхъ текущихъ вопросахъ мѣстной жизни и искусства; 3) телеграммы о важнѣйшихъ для каждаго русскаго событіяхъ въ отечествѣ и резюмированныя извлеченія изъ разныхъ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженій; 4) неофициальные извѣстія о разныхъ явленіяхъ русской жизни и русскаго искусства; 5) телеграммы о важнѣйшихъ событіяхъ; 6) перепечатка изъ русскихъ газетъ о существенно важныхъ явленіяхъ жизни европейскаго міра; 7) фельетонъ: художественный, историческій, этнографическій, экономическій и литературный; 8) справочныя извѣстія; 9) рѣшенія судовъ, безъ обсужденія рѣшеній; 10) пояснительныя къ тексту рисунки; 11) объявленія.

«Журналъ новѣйшихъ открытій и изобрѣтеній». Издавать этотъ журналъ въ Петербургѣ разрѣшено 14-го декабря; журналъ долженъ выходить еженедѣльно, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель технологъ Николай Александровичъ Песоцкій. Программа: 1) правительственныя распоряженія въ Россіи и иностранныхъ государствахъ, касающіяся технической промышленности; 2) систематическіе обзоры по отдѣльнымъ производствамъ механической и химической технологіи; 3) новѣйшія открытія,

изобрѣтенія и усовершенствованія въ области машиностроенія, механической обработки металловъ, дерева, волокнистыхъ веществъ и другихъ матеріаловъ, разныхъ химическихъ производствъ, также инженернаго и строительнаго искусства и электротехники; 4) постановка техническаго и ремесленнаго образованія въ Россіи и за границей; 5) критика и библиографія книгъ, относящихся къ новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ; указатель новѣйшихъ книгъ и журнальныхъ статей на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, краткіе отчеты о нихъ; 6) смѣсь, техническія замѣтки, рецепты разныхъ составовъ, совѣты, указанія и проч.; 7) справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на запросы подписчиковъ, касающіеся разныхъ техническихъ вопросовъ; 8) объявленія. Къ журналу выдаются приложения: чертежи, книги и брошюры спеціальнаго содержанія.

«Иллюстрированная Библиотека Нивы». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 11-го февраля; журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія предварительной цензуры; издатель потомственный почетный гражданинъ Адольфъ Ѳедоровичъ Марксъ, редакторъ бывшій профессоръ Варшавскаго университета Петръ Николаевичъ Полевой. Въ этомъ журналѣ помѣщаются сочиненія русскихъ и иностранныхъ писателей съ иллюстраціями въ текстѣ.

«Казанскій Телеграфъ». Право на изданіе этой политической, общественной и литературной газеты въ г. Казани дано 13-го марта; газета выходитъ въ свѣтъ ежедневно съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ издатель дворянинъ Николай Алексѣевичъ Ильяшенко. Программа: 1) официальный отдѣлъ: распоряженія правительства; 2) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и собственныхъ корреспондентовъ; 3) передовыя статьи по вопросамъ русской и иностранной жизни; 4) хроника иностранной жизни и политическая жизнь запада; 5) казанская хроника: случаи и происшествія, театральныя рецензіи, отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ; 6) литературная хроника; 7) судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; 8) фельетонъ: очерки, рассказы, повѣсти, стихотворенія; 9) корреспонденціи изъ разныхъ городовъ Россійской Имперіи; 10) научное обозрѣніе; 11) перепечатки изъ другихъ газетъ; 12) биржевой отдѣлъ: вѣксельные курсы, справочныя цѣны; 13) справочный отдѣлъ: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, списокъ недоставленныхъ корреспонденцій, метеорологическій бюллетень; 14) объявленія.

«Книговѣдѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого спеціально-библиографическаго журнала въ Москвѣ дано 3-го юля; журналъ выходитъ съ дозволенія предварительной цензуры ежемѣсячно; издатель—библиографическій московскій кружокъ, редакторъ—предсѣдатель комитета кружка Андрей Дмитріевичъ Тороповъ. Программа: 1) Лѣтопись: а) полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; б) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; в) матеріалы по библиографіи вообще; рисунки. 2) Хроника: а) правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; б) разныя статьи по библиографіи; в) би-

бліотековѣдѣніе; г) издательское и книжно-торговое дѣло; д) періодическая печать; е) техника печати; ж) лѣтопись московскаго бібліографическаго кружка. 3) Объявленія на всѣхъ языкахъ. 4. Приложенія.

«Лодзинскій Листокъ». Издавать эту газету въ г. Лодзи разрѣшено 16-го октября; выходитъ два раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель-редакторъ Леопольдъ Доминиковичъ Зонеръ (онъ же издатель газеты «Lodzer Tageblatt»). Программа: 1) официальные извѣстія; 2) торговые и промышленныя извѣстія; 3) изъ русской печати; 4) мѣстные извѣстія; 5) телеграммы; 6) беллетристика; 7) курсы; 8) объявленія.

«Моамбе» («Вѣстникъ»). Право на изданіе этого журнала на грузинскомъ языкѣ въ г. Тифлисѣ дано 24-го іюля; журналъ ежемѣсячный, выходитъ съ дозволенія предварительной цензуры; издатель статск. совѣтн. Николай Виссаріоновичъ Гогоберидзе, редакторъ—присяжный повѣренный Александръ Миріановичъ Чконія. Программа: 1) беллетристика оригинальная и переводная съ русскаго и иностранныхъ языковъ: романы, повѣсти, рассказы, стихи, поэмы, драматическія произведенія и произведенія народной словесности; 2) исторія, географія, археологія, біографіи замѣчательныхъ людей, народное хозяйство, правовѣдѣніе, замѣчательные судебные процессы; 3) сельское хозяйство: статьи и корреспонденціи по сельскому хозяйству и кустарной промышленности; 4) критика и бібліографія грузинскихъ, русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и научныхъ произведеній; 5) хроника: новости изъ внутренней и иностранной жизни; 6) смѣсь; 7) объявленія.

«Музыка и пѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 30 ноября; выходитъ ежемѣсячно съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель Петръ Клементьевичъ Селиверстовъ. Программа: 1) Гимны: народный, на торжественные случаи и гимны разныхъ народовъ; 2) пѣніе для хора а сарелла и съ сопровожденіемъ фортепіано и другихъ инструментовъ. Былины и русскія пѣсни, ангажированныя Н. П. Брянскимъ и другими, хоры изъ оперъ, оригинальные хоры и переводные; 3) пьесы для фортепіано иностранныхъ и русскихъ композиторовъ, а также переложенія изъ оперъ, опереттъ, русскихъ и иностранныхъ пѣсенъ и романсовъ; 4) марши и танцы; 5) романсы для пѣнія на одинъ или нѣсколько голосовъ съ акомпаниментомъ фортепіано и другихъ инструментовъ; 6) объявленія; новыя ноты и книги.

Изданіе это собственно нотное, и о немъ упоминается здѣсь только потому, что въ его программу, кромѣ указаннаго и школы (методика) пѣнія Брянскаго, предполагается еще помѣщать: теорію и исторію музыки въ общедоступномъ изложеніи, сопровождать музыкальныя произведенія объяснительнымъ текстомъ, историческими справками и біографическими свѣдѣніями о музыкальныхъ дѣятеляхъ, а также разборъ сочиненій музыкальныхъ дѣятелей и новости въ области музыки.

«Научное Обзорѣніе». Разрѣшеніе на изданіе этого спеціального научнаго физико-математическаго журнала въ Петербургѣ дано 27-го августа; журналъ выходитъ еженедѣльно, съ разрѣшенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель докторъ натуральной философіи Михаилъ Филипповъ. Программа: Математическій отдѣлъ: статьи, теоремы и задачи по чистой и при-

кладной математикѣ, астрономіи, механикѣ и геодези. Физико-химическій отдѣлъ: статьи по всеѣмъ отдѣламъ опытной физики и химіи неорганической, аналитической и органической. Технический отдѣлъ: статьи по техническимъ знаніямъ, по машиностроенію, электротехникѣ, агрономической и физической химіи. Отдѣлъ библіографіи: отчеты о новыхъ книгахъ и выдающихся статьяхъ иностранно-научныхъ журналовъ по физико-математическимъ наукамъ. Отдѣлъ научныхъ новостей: свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, корреспонденціи о дѣятельности научныхъ съѣздовъ, комиссій и экспедицій. Приложенія, въ которыхъ помѣщаются отдѣльные сочиненія, переводныя и оригинальныя по различнымъ отраслямъ физико-математическихъ наукъ. По мѣрѣ надобности, въ текстѣ журнала и на особыхъ листахъ помѣщаются рисунки, чертежи, планы, полиטיפажи и хромофотографіи.

«На помощь матерямъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 18-го октября, но онъ началъ выходить только въ текущемъ году. Журналъ этотъ является въ одно и то же время, какъ отдѣльное изданіе и какъ особое приложеніе къ дѣтскому иллюстрированному журналу «Игрушечка». Журналъ «На помощь матерямъ» выходитъ отъ 6 до 12 разъ въ годъ, съ дозволенія предварительной цензуры, редактируется и издается г-жею Пѣшковой-Толивѣровой, издательницей «Игрушечки». Программа: 1) обзоръ выдающихся книгъ русскихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, и, по возможности, списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ, относящихся къ физическому и нравственному дошкольному воспитанію и образованію; 2) обзоръ старыхъ и новыхъ игрушекъ и нособій по первоначальному, особенно наглядному обученію, съ обсужденіемъ ихъ практическаго приложенія; 3) обзоры игръ, гимнастическихъ упражненій, образовательныхъ прогулокъ и проч.; 4) небольшія статьи общаго характера по педагогическимъ вопросамъ начального воспитанія и обученія; 5) почтовый ящикъ редакціи: письма матерей, воспитательницъ и учительницъ, запросы ихъ и желанія, отвѣты редакціи; 6) краткія медицинскія свѣдѣнія и статейки о болѣзняхъ, дѣтскихъ ненормальностяхъ физическихъ и нравственныхъ; рецепты и разныя гигиеническія указанія относительно одежды и пищи; 7) смѣсь: мелкія замѣтки о первоначальномъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи, о родительскихъ кружкахъ и обществахъ, о лицахъ, посвятившихъ себя первоначальному воспитанію, о пріютахъ, ясляхъ, дѣтскихъ больницахъ какъ у насъ, такъ и за границей; 8) рисунки и чертежи, а также и преміи; 9) объявленія.

«Нижегородскій Листокъ объявленій и справокъ». Право на изданіе «Листка» въ г. Нижнемъ Новгородѣ было дано 25-го мая; «Листокъ» выходитъ ежедневно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель одесскій мѣщанинъ Мих. Мих. Миловъ. Программа этого «Листка», утвержденная при разрѣшеніи изданія, имѣла преимущественно справочный характеръ, но 3-го ноября послѣдовало разрѣшеніе на расширеніе ея, и въ настоящее время «Листокъ» издается по слѣдующей программѣ: 1) правительственныя распоряженія; 2) мѣстная хроника (городская, ярмарочная и уѣздная); 3) послѣднія извѣстія; 4) телеграммы; 5) беллетристика: новѣсти, рассказы, стихи и проч.; 6) фельетонъ; 7) смѣсь; 8) справочный отдѣлъ; 9) объявленія и рекламы.

«Новое Слово». Разрѣшеніе на изданіе этого литературнаго журнала въ Петербургѣ дано 19-го октября; срокъ выхода ежемѣсячный, изданіе безцензурное; редакторъ-издатель Иванъ Андреевичъ Баталинъ. Программа: 1) романы, повѣсти, драматическія произведенія, поэмы и проч.; 2) легкія научныя статьи, преимущественно путешествія, историческіе очерки и т. п.; 3) литературная критика; 4) обзорѣніе художественное (статьи по искусству); 5) фельетонный обзоръ общественной жизни, русскои и иностранной; политическая жизнь Европы; 6) объявленія.

Объявленія. Издавать этотъ листокъ въ г. Баускѣ разрѣшено 15-го октября мѣщанину Нахману Моисееву Янкеловичу; выходитъ по мѣрѣ надобности, съ дозволенія предварительной цензуры и печатается на русскомъ, латышскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ какъ въ этомъ листкѣ, кромѣ объявленій, ничего не помѣщается, то и изданіе это никакого значенія не имѣетъ.

«Противопожарное Дѣло». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 23-го іюля; журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ, касающихся пожарнаго и противопожарнаго дѣла, выходитъ ежемѣсячно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, титулярный совѣтникъ Владиміръ Карловичъ Лиліенфельдъ. Программа: 1) правительственныя постановленія и распоряженія; 2) передовыя статьи о современномъ состояніи пожарнаго и противопожарнаго дѣла; 3) открытія и усовершенствованія; 4) корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы, касающіяся пожарнаго дѣла; 5) фельетоны—легкія статьи въ формѣ различныхъ разсказовъ, повѣстей и т. п. о выдающихся подвигахъ пожарныхъ дѣятелей, и проч. 6) статистика пожарнаго и противопожарнаго дѣла; 7) вопросы и отвѣты относительно испытанія пожарныхъ машинъ, снарядовъ, огнетушителей вообще, противопожарныхъ составовъ, издѣлій и проч.; 8) объявленія.

«Русь». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Петербургѣ послѣдовало 16-го сентября; газета выходитъ ежедневно. Первоначально разрѣшено выпускать газету съ дозволенія предварительной цензуры, а съ 6-го ноября—безъ цензуры; редакторъ-издатель кн. Владиміръ Петровичъ Мещерскій. Программа: 1) правительственныя распоряженія; 2) политика внѣшняя; 3) политика внутренняя; 4) отдѣлы: церковный, судебный (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній), военный, экономическій, врачебный, литературный, художественный, театралный; 5) телеграммы собственныя и агентовъ; 6) хроника внутренняя, внѣшняя и петербургская; 7) фельетонъ; 8) биржа.

«Русская Музыкальная Газета». Разрѣшеніе на изданіе газеты въ Петербургѣ дано 13-го сентября; срокъ выхода ежемѣсячный, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, личный почетный гражданинъ Николай Федоровичъ Финдейзенъ. Программа: 1) статьи по общимъ вопросамъ музыки; 2) статьи научно-музыкальныя (по теоріи музыки); 3) статьи и матеріалы: по исторіи музыки въ Россіи и русскои оперы, по исторіи церковной музыки, для біографій русскихъ музыкальныхъ дѣятелей (автобіографіи, записки, воспоминанія и письма); 4) біографіи и характеристики русскихъ и иностранныхъ музыкальныхъ дѣятелей; 5) русская народная пѣсня (исторія и теорія ея), новыя записки, народныя обряды; 6) музыкальная хроника и от-

четы; 7) критика и библиографія; 8) корреспонденція; 9) русская музыка за границей (извлеченіе изъ статей иностранной печати и иностранныя извѣстія о русской музыкѣ); 10) Глинкіана: отдѣлъ, посвященный имени М. И. Глинки (матеріалы для его біографіи и характеристика его дѣятельности); 11) справочный отдѣлъ: распоряженія правительства, касающіяся музыки; музыкальный календарь, извѣстія о концертахъ, репертуары театровъ; 12) извлеченія изъ русской печати о музыкѣ; 13) смѣсь (анекдоты изъ жизни композиторовъ, музыкальныя темы; программы и тексты: для оперъ, симфоническихъ произведеній и романсовъ); 14) объявленія. Газета эта, по мѣрѣ надобности, иллюстрируется портретами, рисунками музыкальныхъ инструментовъ, декорацій, жилищъ композиторовъ, памятниковъ, автографами и т. д., а также нотами.

«*Russland's Musik-Zeitung*». Разрѣшеніе на изданіе этой специальной музыкальной газеты, на нѣмецкомъ языкѣ, въ г. С.-Петербургѣ, послѣдовало 30-го ноября; срокъ выхода опредѣленъ два раза въ мѣсяць; издается съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, царскосельскій купецъ Григорій Семеновичъ Габриловичъ. Программа: 1) статьи по вопросамъ музыкальнаго искусства; 2) хроника музыкальной жизни; 3) біографія, мемуары, характеристики и портреты музыкальныхъ дѣятелей; 4) музыкальныя и театральныя рецензіи, замѣтки и корреспонденціи; 5) отзывы русской и иностранной печати о музыкальныхъ событіяхъ; 6) списокъ выходящихъ нотъ; 7) свѣдѣнія о музыкальныхъ дѣятеляхъ; 8) музыкальныя и театральныя анекдоты; 9) объявленія.

«Самокатъ, велосипедный иллюстрированный журналъ». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 3-го ноября; выходитъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель дѣйств. статск. сов. Александръ Иван. Орловскій. Программа: 1) распоряженія правительства, касающіяся велосипеднаго дѣла; 2) передовыя статьи касательно велосипеднаго дѣла; 3) возникновеніе и постепенное развитіе примѣненія велосипедовъ на практикѣ; 4) примѣненіе велосипедовъ въ военномъ дѣлѣ; 5) взглядъ медицины на значеніе велосипеда для здоровья; 6) техника велосипеднаго дѣла; 7) заграничныя и мѣстныя извѣстія по велосипедному дѣлу; 8) корреспонденціи и телеграммы изъ-за границы и изъ Россіи касательно велосипеднаго дѣла; 9) хроника велосипеднаго дѣла; 10) біографіи и портреты; 11) описаніе поѣздокъ, совершенныхъ на велосипедѣ; 12) уставы русскихъ и заграничныхъ велосипедныхъ обществъ; 13) фельетоны и стихотворенія, относящіяся къ велосипедному дѣлу; 14) взглядъ администраціи и общества на велосипедное дѣло; 15) обзоръ прессы и полемика по велосипедному дѣлу; 16) статистика велосипеднаго дѣла; 17) производство велосипедовъ и торговля ими; 18) рисунки и иллюстраціи, относящіяся до велосипеднаго дѣла; 19) приложенія, касающіяся велосипеднаго дѣла; 20) преміи въ видѣ книгъ и брошюръ, касающихся велосипеднаго дѣла; 21) вопросы и отвѣты редакціи по велосипедному дѣлу; 22) смѣсь; 23) почтовый ящикъ; 24) объявленія.

«Семьянинъ—ежемѣсячникъ литературы, общественной и семейной жизни». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ дано 18-го октября; срокъ выхода ежемѣсячный, съ дозволенія предварительной цензуры;

редакторъ-издатель, коллежск. совѣтн. Владиміръ Марковичъ Краузе. Программа: 1) литературный отдѣлъ—проза и стихи, главнѣйшимъ образомъ русскихъ классиковъ и современныхъ писателей; 2) научно-историческій отдѣлъ—популярно изложенныя статьи историческаго и научнаго содержанія; обзоръ полезныхъ для семьи книгъ; 3) общественный отдѣлъ—сообщенія самыхъ важныхъ правительственныхъ распоряженій и фактовъ общественной жизни; 4) семейный отдѣлъ—статьи и замѣтки по хозяйству, гигиенѣ и воспитанію, смѣсь и бібліографія; иллюстраціи къ статьямъ.

«Справочный Листокъ правленія V-го съѣзда общества русскихъ врачей въ память Н. П. Прогорова». «Листокъ» этотъ выходилъ съ 23-го декабря 1893 г. по 3-е января 1894 г. во время съѣзда и былъ разрѣшенъ 17-го декабря 1893 г.; издавался онъ безъ предварительной цензуры, подъ редакціей профессора К. Ф. Славянскаго и выходилъ ежедневно. Программа «Листка» была та же, какъ и въ прежніе съѣзды, а такъ какъ она уже была указана въ нашихъ обзорахъ, то здѣсь не приводится.

«Справочный Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этого «Листка» въ Москвѣ послѣдовало 13-го сентября; выходитъ ежедневно, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издательница австрійская подданная Ольга Ивановна Петровицъ. Программа: 1) правительственныя распоряженія; 2) справочный отдѣлъ; 3) объявленія.

«Справочный указатель для пріѣзжающихъ». Разрѣшеніе на изданіе этого справочнаго листка въ Москвѣ послѣдовало 28-го апрѣля; срокъ выхода разъ въ недѣлю и болѣе, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель коллежск. совѣтн. Сергій Александровичъ Петровскій (онъ же редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей»). Программа: 1) описаніе городовъ и ихъ достопримѣчательностей, съ иллюстраціями; 2) справочныя свѣдѣнія; 3) смѣсь: историческіе анекдоты, извѣстія изъ области наукъ, искусствъ и литературы и т. д.; 4) мелкія беллетристическія произведенія: оригинальныя и переводныя.

«Стенной Листокъ». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ г. Омскѣ дано 25-го мая; срокъ выхода два раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель, надворн. совѣтн. Капитонъ Михайловичъ Голодниковъ. Программа: 1) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и собственныя редакціи; 2) передовыя статьи по вопросамъ: экономическимъ, санитарнымъ и др.; 3) правительственныя распоряженія; 4) отчеты о засѣданіяхъ: гражданскихъ судебныхъ учреждений безъ обсужденія рѣшеній, городской думы, западно-сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, а также обществъ: музыкальнаго, драматическаго, медицинскаго и др.; 5) корреспонденціи преимущественно торговыя изъ разныхъ мѣстностей Степного генералъ-губернаторства и вообще изъ Сибири; 6) отчеты городскихъ банковъ и страховыхъ обществъ; 7) городская хроника; 8) переселенческое движеніе; 9) справочныя цѣны на жизненныя потребности въ областяхъ Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской; 10) метеорологическія наблюденія; 11) частныя объявленія; 12) почтовый ящикъ.

«Торгово-промышленный Посредникъ». Разрѣшеніе на изданіе этой

газеты въ г. Варшавѣ дано 12-го декабря; срокъ выхода еженедѣльный, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель Петръ Мировичъ Никольскій. Программа: 1) алфавитный указатель фирмъ; 2) распоряженія правительства, касающіяся торговли и промышленности; 3) статьи по вопросамъ торгово-промышленнаго характера; 4) хроника: разныя свѣдѣнія по торговой части; 5) внутренняя почта: корреспонденціи изъ внутреннихъ дорожныхъ имперіи, касающіяся торговли и промышленности; 6) иностранная почта: корреспонденціи изъ-за границы о торговлѣ и промышленности; 7) справочный отдѣлъ; 8) биржевой отдѣлъ; 9) почтовый ящикъ; 10) объявленія на русскомъ и французскомъ языкахъ.

«Торговля и Промышленность». Разрѣшеніе на изданіе этой торгово-промышленной и заводско-фабричной газеты въ Москвѣ дано 27-го апрѣля; срокъ выхода ежедневный, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель пранорщикъ князь Давидъ Константиновичъ Нижарадзе. Программа: 1) общекалендарныя свѣдѣнія; 2) правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ отраслей торговли и заводско-фабричной промышленности; 3) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и спеціальныя торгово-промышленныя со всѣхъ биржъ и рынковъ какъ вѣшнихъ, такъ и внутреннихъ; 4) обзорѣніе внутренней и вѣшной торговли и промышленности, ихъ успѣховъ и развитія; 5) статьи по всѣмъ отраслямъ торговли фабрично-заводской и кустарной промышленности, а также и по тарифнымъ вопросамъ; 6) московская хроника (Богослуженія по случаю праздничныхъ и высокотожественныхъ дней), обзорѣніе торгово-промышленной жизни; 7) судебныя извѣстія, имѣющія отношеніе къ торгово-промышленнымъ дѣламъ; 8) корреспонденціи и вырѣзки изъ газетъ исключительно торгово-промышленныхъ и фабрично-заводскихъ свѣдѣній; 9) торгово-промышленныя и фабрично-заводскія свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся событіяхъ иностранной жизни въ этой области; 10) разныя свѣдѣнія: хозяйственныя и другіе совѣты, а также указанія для подачи первой помощи при разныхъ несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ, заводахъ и т. п.; 11) экскурсіи по заводамъ и фабрикамъ какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ; 12) объявленія.

«Тулскій листокъ объявленій». Разрѣшеніе на изданіе этого «Листка» въ г. Тулѣ послѣдовало 26-го января; срокъ выхода 2 раза въ недѣлю, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель потомств. почетн. гражд. Влад. Никол. Соколовъ. Программа: 1) мѣсяцесловъ, публикаціи о разнаго рода торгахъ, подрядахъ и поставкахъ, распродажѣ имущества по случаю отъѣзда, объ открытіи новыхъ торговыхъ заведеній, о предстоящихъ концертахъ, спектакляхъ и вообще увеселеніяхъ, о числѣ вакансій въ учебныхъ заведеніяхъ, объ условіяхъ приѣма въ оныя и времени экзаменовъ, о лицахъ, желающихъ давать уроки, извѣщенія о времени и условіяхъ приѣма у врачей и адвокатовъ; 2) росписаніе поѣздовъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ; 3) публикаціи объ издающихся газетахъ и журналахъ, о выходѣ въ свѣтъ новыхъ книгъ; 4) объявленія банковыхъ учрежденій объ ихъ операціяхъ, всякаго рода объявленія и рекламы акціонерныхъ обществъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, объ ихъ операціяхъ, производствахъ, полученіи новыхъ товаровъ.

«Филологическая Библиотека». Разрѣшеніе на изданіе этого филологическаго журнала въ Петербургѣ послѣдовало 22-го августа; выходитъ въ свѣтъ отъ 2-хъ до 4-хъ разъ въ годъ, съ дозволенія предварительной цензуры; редакторъ-издатель Адольфъ Либерманъ, окончившій курсъ въ Петербургскомъ университетѣ. Программа: 1) обзоръ вновь вышедшихъ книгъ: краткое содержаніе книги и основныя положенія, приводимыя авторомъ; рецензія спеціалиста. Отдѣлъ этотъ подраздѣляется на 3 отдѣла: а) книги по классической филологіи, б) книги по исторіи, в) книги по русскому языку и словесности; 2) систематическій обзоръ книгъ, исключительно по классической филологіи, по отдѣламъ, какъ-то: а) грамматика, б) изданія древнихъ авторовъ не комментированныя, в) диссертациі, г) переводы и т. д.; 3) объявленія.

«Часть досуга». Разрѣшеніе на изданіе этого журнала въ Петербургѣ послѣдовало 19-го октября; срокъ выхода ежемѣсячный, съ дозволенія предварительной цензуры; издатель боцманъ Кузьма Трофимовичъ Синебрюховъ, редакторъ поручикъ Александръ Николаевичъ Стрѣльченко. Программа: 1) рисунки для ажурныхъ и рѣзныхъ рельефныхъ работъ, рисунки для выжиганія по дереву, инкрустаціи и рѣзбы по металламъ, кости и рогу; 2) объяснительный текстъ къ рисункамъ, заключающій въ себѣ наставленіе или описаніе работъ къ приложенному рисунку; 3) отдѣлъ «Новости» — сообщенія о новыхъ машинахъ, инструментахъ, усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ, относящихся къ разнаго рода вышиванію и выжиганію; 4) отдѣлъ «Вопросы и отвѣты» — текстъ вопросовъ подписчиковъ, относящихся къ разъясненію различныхъ вопросовъ, касающихся работъ по вышиванію и выжиганію, съ текстомъ отвѣтовъ на данный вопросъ; 5) рисунки въ миниатюрѣ — общихъ видовъ работъ, составленныхъ по приложеннымъ рисункамъ для сложныхъ работъ; 6) объявленія.

«Экономическія Вѣдомости». Разрѣшеніе на изданіе этой газеты въ Петербургѣ послѣдовало 24-го мая; выходитъ еженедѣльно, съ дозволенія предварительной цензуры; при газетѣ два приложенія: «Коммерческая Газета» и «Журналъ для акціонеровъ»; редакторъ-издатель коллежскій секретарь Константинъ Васильевичъ Трубниковъ. Программа «Экономическихъ Вѣдомостей»: 1) узаконенія и правительственныя распоряженія; 2) руководящія статьи научнаго и практическаго содержанія по вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства, объ основахъ усовершенствованія финансовъ, сельскаго хозяйства, фабрично-заводской промышленности, торговаго мореходства и торговли, равно о промышленномъ образованіи, какъ средствѣ къ поднятію отечественныхъ производительныхъ силъ; 3) политическое обозрѣніе и разныя важныя по отношенію къ задачамъ настоящаго изданія извѣстія политическаго содержанія; 4) разные слухи и вѣсти, равно статистическія свѣдѣнія по методу сравнительнаго анализа; 5) спеціальныя статьи и извѣстія о разныхъ отрасляхъ промышленной, сельско-хозяйственной и горной производительной предпріимчивости; 6) статьи и извѣстія о путяхъ сообщенія, торговаго мореходства и судоходства; 7) городское и земское хозяйство; 8) хроника, корреспонденціи и разныя извѣстія изъ промышленныхъ, земледѣльческихъ и торговыхъ центровъ Россіи и другихъ государствъ; 9) статьи

научнаго и практическаго содержанія о кредитѣ, объ операціяхъ банковъ и объ оборотныхъ ихъ средствахъ; 10) русская и иностранная экономическая и техническая литература, критика и библиографія; 11) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ промышленнымъ, сельско-хозяйственнымъ, банковымъ, желѣзнодорожнымъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; 12) рассказы и воспоминанія о промысловомъ и земледѣльческомъ бытѣ, историческія статьи и повѣсти, по содержанію своему соответствующія задачамъ настоящаго изданія; 13) казенныя и частныя объявленія.

Программы приложеній: I. «Коммерческая Газета»: 1) узаконенія и распоряженія правительства по отношенію къ торговлѣ; 2) руководящія статьи объ основахъ національной внутренней и виѣшней торговой политики, объ основныхъ понятіяхъ торговаго права и по вопросамъ торговой практики; 3) слухи и разныя извѣстія, равно статистическія свѣдѣнія о торговлѣ русской и иностранной; 4) спеціальныя статьи о разныхъ отрасляхъ торговой производительной предпримчивости; 5) корреспонденціи изъ торговыхъ мѣстностей Россіи и другихъ государствъ; 6) свѣдѣнія о движеніи торговли на русскихъ и иностранныхъ рынкахъ и биржахъ, о торговлѣ на ярмаркахъ и о видахъ и результатахъ урожая въ Россіи и за границею; 7) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ торговымъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; 8) казенныя и частныя объявленія. II. «Журналъ для акціонеровъ»: 1) узаконенія и правительственныя распоряженія объ акціонерныхъ компаніяхъ, торговыхъ товариществахъ и товариществахъ взаимнаго кредита; 2) руководящія статьи объ основныхъ понятіяхъ акціонернаго права и торговыхъ товариществъ, равно о дѣятельности существующихъ въ Россіи и за границею акціонерныхъ компаній и разныхъ товариществъ; 3) разборъ отчетовъ правленій акціонерныхъ компаній и товариществъ; 4) разныя статьи, корреспонденціи и извѣстія о существующихъ и вновь учреждаемыхъ русскихъ и иностранныхъ акціонерныхъ компаніяхъ и товариществахъ; 5) о результатахъ общихъ собраній акціонеровъ и паищиковъ; 6) календарь процентныхъ бумагъ, условія новыхъ займовъ, новые выпуски процентныхъ бумагъ, время выдачи процентовъ и дивидендовъ, тиражи процентныхъ бумагъ, выдачи купоновъ и талоновъ, конверсіи и т. п.; 7) биржевой указатель: биржевые курсы и цѣны русскихъ и иностранныхъ процентныхъ бумагъ; 8) отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ и рѣшеніяхъ по дѣламъ объ акціонерныхъ компаніяхъ и разныхъ товариществъ, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; 9) казенныя и частныя объявленія.

«Электро-техническій Вѣстникъ». Издавать этотъ спеціальныи электро-техническій журналъ въ Петербургѣ разрѣшено 29-го января; журналъ выходитъ ежемѣсячно безъ предварительной цензуры; издатель — совѣтъ электротехническаго общества, редакторъ — поручикъ баронъ Густавъ Васильевичъ Тизенгаузенъ. Программа: 1) протоколы общихъ собраній и засѣданій совѣта; 2) отчеты о техническихъ бесѣдахъ и сообщенія, дѣлаемые въ нихъ; 3) оригинальныя и переводныя статьи техническаго содержанія и преимущественно пракческаго значенія; 4) свѣдѣнія объ успѣхахъ электро-техники въ Россіи и за границей; 5) свѣдѣнія о новыхъ книгахъ по электро-

техникъ и краткіе отзывы объ ихъ содержаніи; 6) техническія корреспонденціи; 7) отдѣлъ техническихъ вопросовъ и отвѣтовъ; 8) всякаго рода частныя техническія объявленія.

Измѣненіе въ программахъ журналовъ.

Въ теченіе 1893 года было дано двадцать четыре разрѣшенія на измѣненіе программъ періодическихъ изданій. Въ числѣ этихъ изданій есть нѣсколько такихъ, которыя касаются изданій, начавшихъ выходить въ этомъ же году, большинство же принадлежитъ къ изданіямъ прежнихъ лѣтъ. За немногими исключеніями, какъ это будетъ видно ниже, измѣненія въ программахъ были на столько незначительны, что почти не измѣняли общаго характера и существеннаго значенія самаго изданія—такихъ измѣненій насчитывается 13-ть, что же касается остальныхъ девяти, то перемѣна программы поставила нѣкоторыя органы въ лучшее положеніе и придала имъ такое значеніе, котораго они не имѣли ранѣе. Вотъ тѣ изданія, которыя получили разрѣшеніе на перемѣну или расширеніе своихъ прежнихъ программъ.

Въ журналѣ «Артистъ» добавляется отдѣлъ: «Литературное обозрѣніе», начиная съ 1894 г. Газету «Вѣстникъ Садоводства и Хмѣлеводства», издававшуюся подъ названіемъ «Вѣстникъ хмѣлеводства и пивоваренія», разрѣшено съ 15-го ноября выпускать по слѣдующей новой программѣ: 1) узаконенія и распоряженія правительства; 2) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и собственныя специально коммерческо-хозяйственныя, касающіяся сельскаго хозяйства и хмѣлеводства; 3) статьи, очерки, извѣстія, имѣющіе отношеніе къ сельскому хозяйству и хмѣлеводству, какъ оригинальныя, такъ и переводныя; 4) рисунки и чертежи, относящіеся до специальныхъ статей журнала по сельскому хозяйству и хмѣлеводству; 5) описаніе всякаго рода сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ учрежденій и предпріятій, поѣздки въ эти заведенія и т. п.; 6) смѣсь, мнѣнія, извѣстія, случаи, указанія, рецензты и т. п., относящіеся къ хмѣлеводству и вообще сельскому хозяйству; 7) вопросы и отвѣты, служащіе для посредничества между подписчиками и читателями газеты по садоводству и хмѣлеводству; 8) казенныя и частныя объявленія. Срокъ выхода этой газеты—разъ въ недѣлю, съ 15-го іюля и по 15-е октября выпускаются два раза въ недѣлю приложенія съ извѣстіями и телеграммами объ уборѣ, урожаѣ и цѣнахъ на хмѣль и вообще сельско-хозяйственные продукты и объявленія. Журналъ «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства» (бывшій «Вѣстникъ садоводства, плододводства и огородничества») разрѣшено издавать подъ этимъ названіемъ, безъ предварительной цензуры и по слѣдующей новой программѣ, съ 1894 г.: 1) доклады и сообщенія, дѣлаемые въ обществѣ и печатаемые по усмотрѣнію правленія его; 2) подробныя протоколы всѣхъ собраній общества и извлеченія изъ протоколовъ засѣданій правленія; 3) свѣдѣнія о дѣятельности и отчеты отдѣловъ общества; 4) корреспонденціи, сообщенія и свѣдѣнія по садоводству; 5) новости по садоводству и библиографія; 6) объявленія. Журналъ будетъ выходить не менѣе 6-ти разъ въ годъ. Въ журналѣ «Звѣзда» добавляется

особый отдѣлъ «Развлеченіе», въ которомъ помѣщаются шутки, рассказы, анекдоты и т. п. Программу латинской газеты «*Ma hjas Weesis*» разрѣшено 2-го іюля расширить введеніемъ отдѣловъ: домашнее хозяйство и моды съ иллюстраціей и судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній. Программа журнала «Мельникъ» расширена особымъ отдѣломъ: «Библиографія». Программу журнала «Научное Обзорѣніе» разрѣшено 11-го сентября дополнить слѣдующими отдѣлами: 1) отдѣлъ естествознанія: кристаллографія, минералогія, морфологія, физиологія растений и животныхъ, анатомія и физиологія чловѣка; 2) отдѣлъ географіи, этнографіи и антропологіи; 3) объявленія. Программа журнала «Наше Время» расширена дополненіями отдѣловъ (разрѣшено 4-го ноября): 1) правительственные распоряженія; 2) статьи, касающіяся общественныхъ вопросовъ, безъ критической ихъ оцѣнки; 3) выдающіяся событія въ Россіи и за границею; 4) политическое обзорѣніе (изъ русскихъ газетъ и журналовъ) и 5) этнографія. 3-го ноября разрѣшено газету «Нижегородскій Листокъ объявленій и справокъ» издавать по расширенной программѣ, существенно измѣнившей первоначальное назначеніе этого изданія; программа эта приведена нами выше. 18-го октября разрѣшено расширить программу газеты «Одесскія Новости» добавленіемъ отдѣловъ: 1) судебная хроника, безъ обсужденія рѣшеній, и 2) статьи по юридическимъ вопросамъ. 10-го февраля разрѣшено журналъ «Охота. Всеобщее охотничье обзорѣніе», издавать по слѣдующей новой программѣ: 1) постановленія и распоряженія правительства касательно охоты; 2) постановленія общаго собранія комитета общества и объявленія отъ общества; 3) общее обзорѣніе по охотѣ; 4) псовая охота: борзья, гончія, садки на злобу, рѣзвость и все до садокъ касающееся, хроника псовой охоты; 5) ружейная охота: оружіе, подружейныя собаки по перу, подружейныя собаки по звѣрю, призовая стрѣльба, полевые испытанія подружейныхъ собакъ, хроника ружейной охоты; 6) собаководство; 7) соколиная охота; 8) конская охота: охотничья лошадь, коннозаводство и коневодство, торговля лошадьми и ярмарки, рысистая лошадь, скаковая лошадь, бѣга, скачки, хроника; 9) яхты; 10) гребля; 11) рыболовство и рыбные промыслы; 12) птицеводство; 13) разведеніе дичи, акклиматизація, звѣринные и птичьи промыслы; 14) лѣченіе животныхъ; 15) велосипедъ; 16) обзоръ охотничьей литературы, русской и иностранной; 17) смѣсь; 18) вопросы и отвѣты; 19) частныя объявленія; 20) литературно-иллюстрированное приложеніе къ журналу, съ изображеніями собакъ, лошадей, птицъ и картинками изъ охотничьей жизни. Срокъ выхода этого журнала опредѣленъ — два раза въ мѣсяць. Программу газеты «Одесскій Листокъ» разрѣшено 9-го іюня дополнить рубрикой — судебная хроника; программу журнала «Политехническая Вббліотека» разрѣшено расширить добавленіемъ отдѣла рецензій книгъ и періодическихъ изданій, частными объявленіями и рисунками; въ газетѣ «*Revue Commerciale*» разрѣшено 27-го ноября помѣщать на русскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ краткое обзорѣніе одесскаго рынка. Газету «Самарскій Вѣстникъ» разрѣшено 3-го ноября издавать по слѣдующей новой программѣ: 1) дѣйствія и распоряженія правительства; 2) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства; 3) статьи по об-

щественнымъ вопросамъ, связаннымъ съ интересами гор. Самары и Самарской губернии; 4) городскія и уѣздныя извѣстія и сообщенія о событіяхъ и происшествіяхъ; отчеты о засѣданіяхъ городскихъ думъ, судебныхъ учреждений, земскихъ и другихъ общественныхъ собраній; рефераты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ; отчеты о театральныя и иныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ; 5) корреспонденціи и сообщенія изъ городовъ и селеній Самарской губерніи преимущественно волжско-камскаго района; 6) иностранныя извѣстія, заимствованныя изъ «Правительственнаго Вѣстника»; 7) фельетоны, состоящіе изъ очерковъ мѣстной жизни, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, анекдотовъ, историческихъ эскизовъ, преимущественно на мѣстныя темы, и проч.; 8) сельское хозяйство, обзорѣніе успѣховъ наукъ, искусствъ и промышленности; 9) критика и библиографія; 10) торговый отдѣлъ—свѣдѣнія о положеніи самарскаго и друг. выдающихся торговыхъ русскихъ и иностранныхъ рынковъ; 11) календарныя свѣдѣнія; указатель дѣлъ, назначенныхъ къ разбирательству къ окружномъ судѣ и уѣздномъ съѣздѣ; 12) казенныя и частныя объявленія и рекламы. Въ текстѣ газеты или въ видѣ приложений къ ней—портреты государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также виды Поволжья, историческихъ памятниковъ и сооружений. Срокъ выхода газеты опредѣленъ ежедневный. Вышеприведенную программу газеты «Справочный Указатель для прѣзжающихъ» разрѣшено было 9-го іюля дополнить: телеграммами, торговыми и биржевыми извѣстіями; 15-го октября разрѣшено было расширить программу начавшей выходить въ этомъ году газеты «Степной Край», первоначально называвшейся «Степной Листокъ», отдѣлами: 1) фельетонъ, 2) внутреннее и литературное обзорѣніе. Разрѣшено, начиная съ 1894 г., расширить программу журнала «Театральная Библиотека» и помѣщать: 1) критическія статьи по театру, музыкѣ; хронику, свѣдѣнія о ходѣ театральнаго дѣла въ Россіи и за границу, корреспонденціи, статистическія свѣдѣнія, отчеты и объявленія; 2) библиографическія свѣдѣнія о вновь вышедшихъ пьесахъ и книгахъ; 3) смѣсь: анекдоты, рассказы, и проч. Въ программу журнала «Техническія Новости» включено печатаніе частныхъ объявленій. 15-го ноября послѣдовало разрѣшеніе на изданіе газеты «Уральскій Листокъ Объявленій» по новой программѣ и на переименованіе самого изданія въ «Уральскій Листокъ», который долженъ выходить 3 раза въ недѣлю. Новая программа: 1) правительственныя распоряженія; 2) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства; 3) фельетоны, мѣстная хроника и историческія мѣстные рассказы; 4) областныя извѣстія; 5) заграничныя извѣстія; 6) театральныя извѣстія; 7) судебная хроника, безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній; 8) объявленія частныхъ лицъ, спросъ и предложенія. 15-го декабря разрѣшено было спеціальныи «Экономическій Журналъ» переименовать—«Хозяинъ. Сельско-хозяйственный и экономическій журналъ» и выпускать его въ свѣтъ по слѣдующей программѣ: 1) правительственныя распоряженія; 2) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства и отъ спеціальныхъ корреспондентовъ; 3) статьи и обзоры по всѣмъ вопросамъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства, политической экономіи, финансовъ и статистики; добывающая и обрабатывающая промышленность; кустарное дѣло, торговля,

пути сообщенія, землевладѣніе, кредитъ и денежное обращеніе; 4) хозяйственное самоуправленіе: земское и городское хозяйство; 5) положеніе товарныхъ и фондовыхъ рынковъ, обзоры хлѣбной торговли, цѣны на сельско-хозяйственные и другіе продукты; 6) экономическая жизнь и сельское хозяйство иностранныхъ государствъ; 7) хроника сельскаго хозяйства въ Россіи и за границей; дѣятельность сельско-хозяйственныхъ обществъ, доклады въ ученыхъ обществахъ, корреспонденціи; 8) научные обзоры по сельскому хозяйству и связаннымъ съ нимъ отраслямъ знанія; 9) смѣсь, интересныя извѣстія въ предѣлахъ программы, изобрѣтенія, рецептура, вопросы и отвѣты; 10) обзоры сельско-хозяйственной литературы; библиографія, отзывы о новыхъ трудахъ, русскихъ и иностранныхъ—по сельскому хозяйству, политической экономіи, финансамъ и статистикѣ; справочный указатель книгъ и статей; 11) приложения: оригинальныя и переводныя сочиненія по сельско-хозяйственной и экономической литературѣ, рисунки, чертежи, портреты дѣятелей въ области сельскаго хозяйства, образцы сѣмянъ; 12) извѣстія и объявленія. Срокъ выхода этого журнала въ свѣтъ еженедѣльный, но изложенная здѣсь программа журнала за позднимъ разрѣшеніемъ ея, вѣроятно, могла быть примѣнена только въ 1894 году. Программа газеты «Югъ» расширена добавленіемъ отдѣла—политическое обозрѣніе (разрѣшено 15-го октября). Издающуюся въ г. Ялтѣ «Ялтинскую Справочную Газету» разрѣшено 9-го іюня переименовать на «Ялта», выпускать въ свѣтъ еженедѣльно по слѣдующей новой программѣ: 1) статьи, посвященныя интересамъ южнаго берега Крыма вообще и гор. Ялты въ особенности, какъ курорта; 2) мѣстная хроника; 3) корреспонденціи изъ курортовъ—русскихъ и иностранныхъ; 4) телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства; 5) фельетонъ; театр и музыка; 6) справочный отдѣлъ; 7) объявленія. Выходя еженедѣльно, газета эта дастъ своимъ подписчикамъ ежедневныя прибавленія, состоящія изъ телеграммъ, хроники дня и объявленій.

Приложенія къ журналамъ.

Разрѣшеніе на выдачу отдѣльныхъ приложеній получили въ 1893 году только девять періодическихъ изданій, а именно: журналъ «Гимназія»—еженедѣльное приложеніе «Педагогическій Еженедѣльникъ», которое выдается и отдѣльно отъ журнала по особой подпискѣ; къ газетѣ «Гражданинъ»—еженедѣльное иллюстрированное; къ журналу «За роляемъ—Am Clavier»—приложеніе «Альбомъ салонныхъ пьесъ» или «Сборникъ романсовъ для пѣнія» или «Альбомъ избранныхъ танцевъ»; къ журналу «Звѣзда»—ежемесячныя книжки романовъ, повѣстей и рассказовъ; къ газетѣ «Mahjas Meesis»—ежемесячное приложеніе по программѣ: статьи поучительнаго содержанія; совѣты и отвѣты на запросы читателей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, съ иллюстраціей къ тексту; къ журналу «Мельникъ»—приложенія, по мѣрѣ надобности, состоящія изъ брошюръ и книжекъ; къ газетѣ «Минскій Листокъ»—два раза въ недѣлю приложенія, состоящія изъ телеграммъ сѣвернаго телеграфнаго

агентства и объявленій; къ газетѣ «Приазовскій Край»—еженедѣльное приложеніе, состоящее изъ рисунковъ, и къ газетѣ «Школьное Обзорѣніе»—приложеніе подъ названіемъ «Сборникъ Школьнаго Обзорѣнія», съ рисунками.

Изданія, измѣнившія названія.

Изданій измѣнившихъ въ минувшемъ году свои названія, было 13-ть, а именно: журналъ «Артистъ» переименованъ въ «Артистъ, журналъ изящныхъ искусствъ и литературы», но выходитъ подъ этимъ названіемъ онъ началъ съ 1894 года; журналъ «Велосипедъ»—въ «Велосипедный Спортъ»; газета «Вѣстникъ хмѣлеводства и шивоваренія»—въ «Вѣстникъ садоводства и хмѣлеводства»; журналъ «Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества» съ 1894 года выходитъ подъ названіемъ «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства»; газета «Деритскій Листокъ»—въ «Прибалтійскій Листокъ»; газета «Донская Пчела»—въ «Югъ»; журналъ «Міръ Божій»—въ «Міръ Божій, ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для юношества и самообразованія»; газета «Стенной Листокъ»—въ «Стенной Край» (начала выходитъ въ 1893 году); газета «*Tagesanzeiger für Libau und Umgegend*»—въ «*Libauer Tageblatt*»; газета «Театральный Мірокъ»—въ «Театральную Газету»; газета «Уральскій Листокъ Объявленій»—въ «Уральскій Листокъ»; журналъ «Экономическій Журналъ»—въ «Хозяинъ. Сельско-хозяйственный и экономическій журналъ» и газета «Ялтинская Справочная Газета»—въ «Ялта».

Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися.

Въ 1893 году было объявлено о прекращеніи выхода въ свѣтъ слѣдующихъ 17-ти періодическихъ изданій: «Библиографическій Указатель Россійской медицинскій литературы», издавался въ Петербургѣ; «*Biblioteka matematyczno-fizyczna*», издавалась въ Варшавѣ; газета «*Wergosches Tageblatt*», издавалась въ гор. Верро; газета «Итоги», издавалась въ Москвѣ; «Казанскій Выржевой Листокъ», издавался въ гор. Казани; «Курляндскій Листокъ объявленій», издавался (съ 27-го января 1892 года) въ гор. Митавѣ; «Лодзинская Газета объявленій», издавалась въ гор. Лодзи; журналъ «Переводы отдѣльныхъ романовъ», издавался въ Петербургѣ; журналъ «Помощь самообразованію», издавался въ Москвѣ; журналъ «Приволжскій Вѣстникъ охоты», издавался въ гор. Казани; журналъ «Профессиональная Школа», издавался въ гор. Кіевѣ; журналъ «Рисованіе», издавался въ Москвѣ; газета «Сельско-Хозяйственный Листокъ», издавалась въ гор. Курскѣ; газета «Театръ и Жизнь», издавалась въ Москвѣ; «Харьковъ въ карманѣ», издавался въ Харьковѣ; журн. «Художественно-Этнографическіе рисунки Сибири», издавался въ г. Томскѣ, и журналъ «Юридическій Вѣстникъ», издававшийся въ Москвѣ (послѣдняя книжка этого журнала вышла въ декабрѣ 1892 г.). Въ 1893 году

объявлялось еще о прекращеніи журнала «Linda», выходящаго на эстонскомъ языкѣ въ гор. Феллинѣ, но изданіе это въ томъ же году возобновилось и начало выходить подъ редакціей г-жи Зубургъ.

Утверждены новыя лица редакторами и издателями.

Редакторами: журнала «Военный Сборникъ» и газеты «Русскій Инвалидъ» — генер.-майоръ Лачиновъ; газеты «Вологодскій Листокъ объявленій» — ст. сов. Николай Александр. Полектовъ; журн. «Вопросы Философіи и Психологіи» — проф. Левъ Михайлов. Лопатинъ; «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» — официальной части г. Стратилатовъ и неофициальной части — редакторъ Петръ Смирновъ и учитель Павелъ Сызьковъ; журн. «Вѣра и Разумъ» — протоіерей Александръ Мартыновъ; журн. «Вѣстникъ Птицеводства» — ст. сов. Яковъ Осиповичъ Калининскій; журн. «Вѣстникъ Иностранной Литературы» — дворян. Фед. Ильичъ Булгаковъ; журн. «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства» — колл. асс. Ив. Ив. Мещерскій; газеты «Gazeta Przemysłowo-Rzemieslnicza» — Станисл. Викентьев. Залесскій; газ. «Дѣловой Корреспондентъ» — подпоруч. Александръ Петров. Степановъ (онъ же и издатель); газ. «Кіевское Слово» — врачъ Викторъ Мих. Богдановъ (онъ же и издатель); журн. «Кіевская Старина» — статск. сов. Влад. Павл. Науменко; журн. «Конская Охота» — Казиміръ Владислав. Столыпне (онъ же и издатель); газ. «Листокъ привозныхъ товаровъ и приходящихъ и отходящихъ судовъ» — колл. асс. Влад. Яковл. Авенариусъ; газ. «Mahjas Weesis» — д-ръ философіи Петръ Золитъ (2-мъ); армянской газ. «Мшакъ» — колл. секр. Александръ Айрапетовичъ Колантаръ; журн. «На помощь матерямъ» — колл. асс. Вас. Петров. Волесъ; журн. «Niwa» — дворян. Людоміръ Генрихов. Грендышинскій; журн. «Нижегородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности» — ст. сов. Всеволодъ Вас. Малининъ; газ. «Одесскій Вѣстникъ» — двор. Александръ Сирридон. Понандоуло (2-мъ); газ. «Окраина» — г-нъ Врейденбахъ; газ. «Петербургская Газета» — колл. секр. Ник. Сергѣев. Худековъ; журн. «Пожарный Вѣстникъ пожарнаго дѣла въ Россіи» — дворян. Дм. Покровскій; газ. «Приазовскій Край» — тит. сов. Серафимъ Христофоров. Арутюновъ; журн. «Protocole des St.-Petersburger Polytechnischen Vereins» — д. с. с. Густавъ Карлов. Безе; газ. «Revue Commerciale» — турецкій подд. Фед. Филип. Гаазъ (онъ же и издатель); «Ремесленной Газеты» и журн. «Техническій Сборникъ и Вѣстникъ промышленности» — механикъ Александръ Ив. Сюзевъ; газ. «Revaler Beobachter» — кандидатъ филологіи Эдвинъ Макенмов. фонъ-Гершельманъ; газ. «Русская Медицина» — колл. сов. Дм. Петров. Косоротовъ и надв. сов. Ив. Яковл. Фоминъ; газ. «Самарскій Вѣстникъ» — дворян. Ник. Кронидовичъ Реутовскій; эстонской газ. «Сакала» — крестьян. Карлъ Осипов. Криммъ (2-мъ); журн. «Слѣпецъ» — д. с. с. Германъ Павлов. Недлеръ; газ. «Tagesanzeiger für Libau und Umgegend» — канд. правъ Эдуардъ Оттомаров. фонъ-Гагенъ (онъ же и издатель); «Театральной Газеты» — сначала куп. Григорій Семенов. Габриловичъ, а затѣмъ — д. с. с. Петръ Псаевичъ Вейнбергъ; журн. Tygodnik Modi

Rowiesci» и «Przyjacieli Dzieci»—канд. коммерч. наукъ Пв. Эмильян. Скви-скій; журн. «Фармацевтъ»—ст. сов. Емануиль Адольфов. Альтгаузенъ (2-мь); журн. «Фотографъ Любитель»—губернск. секр. Пав. Мих. Бобриковъ (соредакторъ); журн. «Шахматный Журналъ»—учитель Емануиль Шифферсъ; газ. «Югъ»—тит. сов. Ив. Владим. Камлюхинъ; «Юридической Газеты»—колл. сов. Давидъ Виссаріонов. Чичинадзе (онъ же и издатель) и «Якутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»—ректоръ духовной семинаріи Стефанъ. Отказались отъ редакторства: журн. «Русской Старины»—ген.-лейт. Ник. Карлов. Шильдеръ и газ. «Русская Медицина»—д. с. с. Петръ Алексѣев. Плинскій.

Издателями: газеты «Baltische Monatsschrift»—канд. правовѣд. Арнольдъ Арнольдов. фонъ-Тидебель; журн. «Будильникъ»—колл. асс. Влад. Дм. Левинскій (онъ же и редакторъ); газ. «Волжскій Вѣстникъ»—соиздатель куп. Веніаминъ Мих. Ключниковъ; газ. «Вологодскій Листокъ объявленій»—куп. Пв. Пв. Соколовъ; газ. «Владивостокъ»—колл. секр. Ник. Влад. Ремизовъ (онъ же и редакторъ); журн. «Вопросы Философіи и Психологіи»—московское психологическое общество; газеты «Дерптскій Листокъ» (переименованъ въ «Прибалтійскій Листокъ») — ветер. врачъ Мих. Мих. Лисицынъ; газ. «Донская Пчела»—куп. Минасъ Ильичъ Балабановъ; газ. «Дѣловой Корреспондентъ»—дворян. Влад. Ник. Алексѣевъ и подпоруч. Алекс. Петров. Степановъ; газ. «Eesti Postimes ehk Naddalaleht»—землемѣръ Як. Мих. Тюлькъ (онъ же и редакторъ); газ. «Елисаветградскій Вѣстникъ»—ст. сов. Павелъ Алекс. Зеленый; журн. «Зодчій»—проф. архитект. Леонтій Ник. Бенуа и гражд. инжен. Мих. Ѳед. Гейснеръ (они же и редакторы); газ. «Ziarno»—Са-туринъ Нишолитов. Сикорскій; газ. «Кіевскій Телеграфъ»—дворянка Александра Георгіевна Пляшенко; газ. «Крымъ»—врачъ Влад. Викт. Корсаковъ; журн. «Медузна»—врачъ Людвигъ Бернардовичъ Гурановскій; армянской газ. «Муртчъ»—потомств. почетн. гражд. Аветикъ Никит. Арасхаянцъ (онъ же и редакторъ); ар. мянскої газ. «Мшакъ»—дочь д. с. с. Марія Карловна Меликъ-Агамалова; журн. «Niwa»—Людоміръ Генрихов. Грендышинскій; газ. «Одесскій Вѣстникъ»—дворян. Максимиліанъ Максимиліанов. Арнольдъ (онъ же и редакторъ); газ. «Окраина»—потомств. почетн. гражд. Самуиль Иван. Пѣтуховъ; журн. «По морю и сушѣ»—дворян. Ник. Ник. Рейхальтъ (онъ же и редакторъ); газ. «Русская Медицина»—куп. Пав. Ив. Шмидтъ и соиздатели врачъ Дм. Петров. Косоротовъ и надв. сов. Пв. Яковлев. Ѳомиинъ; журн. «Русская Старина»—поч. гражд. Вас. Пв. Вишняковъ; эстонской газ. «Sakala»—крестьян. Ада Пеетъ; газ. «Сибирскій Вѣстникъ»—дворянка Марія Ѳедоровна Картамышева и газ. «Tagessanzeiger für Libau und Umgegend»—канд. правъ Эдуардъ Оттомаров. фонъ-Гагенъ.

Измѣненіе сроковъ выхода журналовъ.

Всѣхъ періодическихъ изданій, получившихъ въ 1893 г. право на измѣненіе первоначальнаго срока выхода въ свѣтъ, было шесть, но одно изъ нихъ перемѣну эту могло осуществить только въ 1894 году; изданія эти слѣдую-

ція: газ. «Восточное Обзорѣніе» вмѣсто одного раза въ недѣлю—три раза; журн. «Вѣстникъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства», начинающая съ 1894 г., выходитъ не менѣе 6-ти разъ въ годъ; газ. «Дальній Востокъ» вмѣсто 2-хъ—три раза въ недѣлю; журн. «Иллюстрированная Библіотека Нивы» ежемѣсячно—вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣсяцъ; газ. «Курьингъ»—ежедневно и газ. «Театральная Газета»—три раза въ недѣлю.

Въ заключеніе указываемъ тѣ періодическія изданія, которымъ въ 1893 году было разрѣшено помѣщать разные рисунки: журн. «Политехническая Библіотека», журн. «Przegląd Chirurgiczny»; во 2-мъ изданіи газ. «Сынъ Отечества»; въ журн. «Фармацевтъ и въ газ. «Югъ»; журналу «Велосипедный Спортъ» разрѣшено выдавать художественныя приложенія.

Л. Павленковъ.

скія семьи, сидя у своего очага, со страхомъ прислушивались къ каждому виѣшнему шуму, такъ такъ никто не зналъ, гдѣ и откуда могли появиться страшные казаки. Была минута, когда въ Шатильонѣ Наполеонъ, стѣсненный врагами со всѣхъ сторонъ, могъ спасти свой престолъ, согласившись на предложенныя ему условія, но, все еще вѣря въ свою звѣзду, онъ пропустилъ счастливый моментъ. По заключенному въ мартѣ 1814 года миру, Австрія, Россія, Пруссія и Англія обязались содержать армию въ 150.000 человекъ, пока Франція не будетъ доведена до ея прежнихъ границъ; кромѣ того, для той же цѣли англійскіе «лавочники» ссудили 4 милліона. Однако Наполеонъ настаивалъ на своемъ и, выступивъ противъ Блюхера, стоявшаго въ Суасонѣ, началъ послѣдній актъ кровавой войны.

Такъ прошла зима и смѣнилась весной, но, всетаки, надъ бѣдой Франціей витала грозная тѣнь меча.

Между тѣмъ, что случилось съ Роаномъ Гвенферномъ? Послѣ наводненія, онъ снова исчезъ, и въ сущности всѣ его поиски были прекращены. Онъ не могъ въ зимнее время скрываться въ утесахъ, а съ другой стороны Марселла знала изъ различныхъ источниковъ, что онъ былъ живъ, хотя ей не было извѣстно, гдѣ именно онъ скрывался. Она пламенно благодарила небо за его спасеніе и надѣялась, что ему простится его безумное сопротивленіе императору ради его геройства во время наводненія. Вѣроятно, онъ находилъ себѣ убѣжище подъ какимъ нибудь уединеннымъ кровомъ, и люди были слишкомъ заняты другими дѣлами, чтобъ помнить о бѣдномъ дезертирѣ. Жаль только, что онъ убилъ Пиприака. Еслибъ его руки не были обогреты кровью, то добрый императоръ могъ бы ему простить, какъ блудному сыну.

Въ одномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, Марселла была счастлива. Ея болѣе никто не упрекалъ въ томъ, что она любила труса. Роанъ доказалъ воочию свое геройское мужество. Да, онъ былъ храбрый человекъ, и еслибъ учитель Арфоль не наполнилъ бреднями его головы, то онъ былъ бы и храбрымъ солдатомъ на полѣ брани. Ей все еще было совершенно непонятно, почему Роанъ такъ поступалъ; высшіе нравственные принципы были для нея мертвой буквой, и теорія незаконности войны была для нея столь же непостижима, какъ тригонометрическая задача, или страница Спинозы. Она считала войну общественнымъ учрежденіемъ, всегда существовавшимъ и долженствующимъ всегда существовать, подобно браку или исповѣди; къ тому же, благодаря войнѣ, храбрецы въ родѣ ея дяди могли отличаться и получать награды.

Не смотря на ея безпокойство о Роанѣ, она питала къ императору свой прежній культъ. Она была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыя тѣмъ упорнѣе держатся какого нибудь вѣрованія, чѣмъ оно болѣе возбуждаетъ сомнѣній, такъ что если звѣзда императора меркла

въ глазахъ многихъ, она сіяла все тѣмъ же блескомъ для нея, и на-противъ ея фанатизмъ достигъ апогея. Точно также велъ себя и стар-рый капраль. Всю зиму онъ выносилъ неописанныя нравственныя муки, но его вѣра въ императора постоянно росла. Ночь за ночью онъ изучалъ военные бюллетени, стараясь вывести изъ нихъ доказа-тельства наполеоновскаго торжества. Онъ безъ усталы громилъ союзниковъ, въ особенности англичанъ, и болѣе чѣмъ когда при-нималъ на себя наполеоновскую позу, предвѣщая скорыя побѣды императора, но теперь онъ былъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынь, и никто не хотѣлъ его слушать.

Кромлэ находился слишкомъ близко къ роялистскимъ замкамъ, чтобъ не скрывать въ себѣ легитимистскихъ искръ, готовыхъ разго-рѣться въ яркое пламя при первомъ удобномъ случаѣ, и хотя капраль Дерваль былъ прежде мѣстной силой, но передъ нимъ преклонялись не по любви, а въ виду того, что всякая оппозиція была невозможна. Однако, когда вѣтеръ перемѣнился, то оказалось, что онъ также, какъ самъ императоръ, ложно истолковывалъ себѣ чувства людей. Теперь сосѣди открыто ему возражали, и когда онъ заговаривалъ объ им-ператорѣ, ему отвѣчали, выдвигая впередъ короля. Онъ ежедневно слышалъ столько «богохульствъ», что волосы у него становились дыбомъ. Однажды вечеромъ, гуляя по морскому берегу, онъ уви-далъ на горныхъ высотахъ пылавшіе костры, словно возвѣщавшіе какое-то радостное событіе, а въ ту же ночь стало извѣстно, что герцогъ Беррійскій высадили на островъ Джерсеѣ.

Въ числѣ людей, перешедшихъ на сторону бѣлаго знамени, былъ Мишель Гральонъ; онъ, повидимому, не покидалъ мысли жениться на Марселлѣ, но это не мѣшало ему сердиться на молодую дѣвушку за ея вѣрность Роану. Какъ только общественное мнѣніе отвер-нулось отъ Наполеона, Гральонъ сталъ подбивать Кромлэ противъ капрала, въ которомъ они мало-по-малу начали видѣть олице-твореніе всего для нихъ ненавистнаго. Дѣло наконецъ дошло до того, что ветеранъ сдѣлался самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ селеніи.

Въ эту зиму здоровье бѣднаго капрала очень пошатнулось. Онъ сильно постарѣлъ; его голосъ потерялъ прежнюю силу, глаза стали мутныя, и поступь была далеко не такъ тверда, какъ прежде. Онъ искалъ себѣ утѣшенія талько въ табачномъ дымѣ и проводилъ цѣлые вечера, молча сидя въ своей кухнѣ и курия трубку за трубкой. Онъ упоминалъ о Роанѣ очень рѣдко, но всегда отзывался о немъ съ непривычной для него мягкостью, и Марселлѣ казалось, что онъ упре-калъ себя за прежнюю несправедливость къ несчастному племяннику.

— Я увѣрена, что дядя нездоровъ,—говорила не разъ молодая дѣвушка шепотомъ Гильду, указывая на мрачную, безмолвную фи-гуру ветерана.

— Его можетъ вылечить одно—большая побѣда императора,— отвѣчала постоянно ея братъ.

XLVIII.

«Да здравствуетъ король!»

— Плохо врагамъ,—сказалъ капраль Дерваль, когда до Кромлэ пришла вѣсть о приближеніи союзниковъ къ Парижу и дѣлаемыхъ тамъ приготовленіяхъ въ виду предстоявшей осады:—чѣмъ они болѣе удаляются отъ своихъ подкрѣпленій, тѣмъ большимъ опасностямъ они подвергаются. Императоръ заманиваетъ ихъ въ капканъ, и Парижъ поглотитъ ихъ, какъ большой паукъ стаю мухъ. Только погодите, а онъ имъ задастъ.

Черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе о бѣгствѣ императрицы, и старый солдатъ хотя поблѣднѣлъ, но, всетаки, съ принужденнымъ смѣхомъ сказалъ:

— Женщины всегда помѣха тамъ, гдѣ дерутся. Къ тому же она не хотѣла видѣть окончательной гибели своихъ соотечественниковъ, австрійцевъ.

Спустя двадцать четыре часа, всѣ заговорили о взятіи союзниками Парижа, и капраль, какъ бы пораженный кинжаломъ въ сердце, промолвилъ, едва переводя дыханіе:

— Враги въ Парижѣ? Да гдѣ же императоръ?

Дѣйствительно гдѣ былъ Наполеонъ? Однажды въ жизни онъ самъ попалъ въ разставленные имъ сѣти, и пока союзники входили въ Парижъ, онъ былъ отвлеченъ въ другую сторону. Когда же до него донеслась роковая вѣсть, то онъ бросилъ свою армію и полетѣлъ къ столицѣ, въ окрестностяхъ которой его встрѣтило нѣсколько старыхъ генераловъ, которые объявили ему, что Парижскія власти привѣтствовали завоевателей, и императорское правительство было низвергнуто. Онъ шумѣлъ, кричалъ, умолялъ, и наконецъ видя, что все тщетно, онъ въ безумномъ отчаяніи направился въ Фонтенебло.

Извѣстіе объ этомъ кромлэйскій ветеранъ узналъ изъ газеты, которую ему прочиталъ въ слухъ отецъ Роланъ.

— Послушайте, что еще пишутъ, — продолжалъ патеръ, относившійся очень хладнокровно ко всѣмъ политическимъ событіямъ:— союзные государи отказываются вести переговоры съ императоромъ.

— Они отказываются!—воскликнулъ гнѣвно старый солдатъ.— Да вѣдь такъ и мыши отказались бы вступать въ переговоры со львомъ. Что значать эти государи для маленькаго капрала, который смѣнялъ ихъ дюжинами въ продолженіе одного часа! Австрійскій императоръ ведетъ себя тѣмъ позорнѣе, что онъ его родственникъ.

— Такъ вы думаете, что война будетъ продолжаться? — спросилъ патеръ.

— Легче сунуть руку въ пасть льва, чѣмъ выдернуть ее оттуда,— отвѣчалъ дядя Евенъ:— всему міру извѣстно, что императоръ во гнѣвѣ страшенъ, а теперь, когда его такъ оскорбили и унизили, то онъ не успокоится, пока не сотретъ съ лица земли своихъ противниковъ.

— А я слышалъ сегодня,—замѣтилъ Гильдъ, не принимавшій участія до сихъ поръ въ разговорѣ:—что герцогъ Беррійскій снова высадился въ Джерсеѣ, и что король...

— Король!—воскликнулъ капраль внѣ себя отъ злости:— проклятіе! Какой король!

— Конечно, король Людовикъ.

— Долой Бурбуновъ!—заоралъ во все горло ветеранъ, блѣдный какъ смерть и дрожа всѣмъ тѣломъ:—никогда не называй его королемъ при мнѣ, Гильдъ. Хорошъ король Капетъ!

— Мнѣ пора идти,—сказалъ патеръ, вставая и надѣвая шляпу:— но позвольте мнѣ замѣтить вамъ, что вы слишкомъ рѣзко выражаетесь. Бурбоны были нашими законными королями и всегда поддерживали церковь, а потому если они возвратятъ себѣ престолъ, то я первый присягну имъ.

Съ этими словами отецъ Роланъ поклонился и вышелъ изъ хижины.

— Нечего бояться этого возвращенія, пока маленькій капраль живъ,—промолвилъ старый солдатъ сквозь зубы.

Однако онъ зло ошибался. Ему никогда не приходила въ голову мысль, что его кумиръ можетъ лишиться своей короны, а восстановление королевской династіи ему казалось невозможной нелѣпостью. Но факты были сильнѣе его фанатизма, и когда черезъ нѣсколько дней капраль хотѣлъ утромъ выйти изъ хижины, то его остановила Марселла.

— Куда вы идете?—спросила она, блѣдная, съ заплаканными глазами, и загородила ему дорогу.

— Я иду къ старику Плуэ, чтобъ побриться, и тамъ узнаю новости,—отвѣчалъ старикъ:—но что съ тобой? Зачѣмъ ты на меня такъ смотришь?

Марселла ничего не отвѣчала и жалобно посмотрѣла на мать, которая стояла у очага рядомъ съ Гильдомъ.

— Если случилась какаянибудь бѣда, то нечего скрывать, говорите прямо.

— Получены дурныя вѣсти,—промолвила вдова.

— Насчетъ Хоеля?

Вдова молча покачала головой, а Марселла, запирая дверь, промолвила:

— Не выходите сегодня.

Въ эту минуту на улицѣ послышались громкіе крики и топотъ бѣгущей толпы.

— Что это?—воскликнулъ капраль:—что нибудь случилось? Не мучьте меня, говори хоть ты, Гильдъ, ты мужчина, а онѣ женщины. Что все это значитъ? Зачѣмъ меня держать дома?

Жалко было смотрѣть на этого еще недавно браваго ветерана, а теперь такъ быстро постарѣвшаго.

Гильдъ пробормоталъ что-то невнятно и толкнулъ рукою мать. Въ эту минуту послышались на улицѣ новые крики. Капраль задрожалъ еще сильнѣе прежняго, вѣроятно, предугадывая, въ чемъ дѣло.

— Я вамъ скажу, что случилось, — воскликнула Марселла: — если вы общаете не выходить. Сегодня провозглашаютъ восстановление короля.

Капраль зашатался, стиснулъ губы и заковылялъ къ двери.

— Дядя!—промолвила со страхомъ молодая дѣвушка.

— Прочь,—воскликнулъ онъ рѣшительно:—не сердите меня. Я не ребенокъ. Я долженъ узнать, что творится. Вѣдь это свѣтопреставленіе.

И, отворивъ дверь, онъ вышелъ на улицу.

Было свѣтлое весеннее утро; селенье, давно оправившееся отъ наводненія, весело сіяло на солнцѣ; на улицѣ было пусто, но вдали слышались громкіе крики. Желая лично узнать, что произошло, капраль вмѣстѣ съ Гильдомъ, который послѣдовалъ за нимъ, направился въ верхнюю часть селенія, гдѣ, повидимому, шумѣла толпа. Спустя нѣсколько минутъ, они увидали большое число мужчинъ и женщинъ, которымъ какіе-то три неизвѣстные, но хорошо одѣтые господина раздавали бѣлыя кокарды и розетки; впрочемъ, присматриваясь ближе, капраль узналъ въ одномъ изъ этихъ господъ владѣльца сосѣдняго замка, Мармона, уже давно не жившаго въ своемъ помѣстьѣ.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ король!—неожиданно воскликнулъ этотъ старый аристократъ, размахивая своей шпагой.

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Мармонъ!—отвѣчала толпа.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ молча улыбались и насупляли брови, но было ясно, что бонапартисты составляли меньшинство. Однако, вся эта демонстрація имѣла неофициальный характеръ и была возбуждена Мармономъ съ помощью его друзей при первомъ полученіи извѣстія о томъ, что роялисты возстали въ Парижѣ.

— Что случилось?—спросилъ капраль, подходя къ толпѣ:—что все это значитъ?

— А вы не слыхали новости?—воскликнула одна старуха:—императоръ умеръ, а король воскресъ.

Мармонъ, замѣтивъ приближеніе Дерваля, подалъ ему на остріѣ своего меча бѣлую кокарду и съ лукавой улыбкой промолвилъ:

— Нашъ старый пріятель ничего не знаетъ. Вотъ вамъ маленькій подарочекъ. Не правда, узурпаторъ не умеръ, но его свергли съ престола. Вотъ почему мы и кричимъ: «Да здравствуетъ король!».

Многіе голоса стали вторить ему, но капраль громко воскликнулъ, смотря прямо въ глаза Мармону:

— Это ложь! Долой Бурбоновъ! Долой эмигрантовъ!

— Что это за человѣкъ? — спросилъ старый аристократъ, заскрежетавъ зубами отъ гнѣва.

— Капраль Дерваль, — отвѣчало нѣсколько голосовъ, и стоявшій подлѣ Мармона отецъ Роланъ что-то пепнулъ ему.

— Если-бъ онъ не рехнулся отъ старости, — произнесъ послѣдній, — то его стоило бы проучить, но нечего терять времени съ такой дрянью. Идемте въ часовню и вознесемъ благодарственную молитву къ Богородицѣ за возвращеніе нашего добраго короля.

Старый солдатъ, который въ пылу гнѣва готовъ былъ помѣряться съ самимъ дьяволомъ, подошелъ къ Мармону и громовымъ голосомъ повторилъ:

— Долой короля! Долой эмигрантовъ!

— Прочь, старикъ, или я тебя убью, — воскликнулъ роялистъ внѣ себя отъ злобы и поднялъ свою шпагу, грозя ударить ею ветерана прямо въ сердце.

Но капраль въ одно мгновеніе тяжелымъ ударомъ своей палки переломилъ шпагу и снова, побагровѣвъ отъ волненія, произнесъ:

— Долой короля! Да здравствуетъ императоръ!

Тутъ произошла общая схватка. Мармонъ хотѣлъ броситься на стараго солдата, но товарищи его удержали; на капрала устремились сосѣди, однако его выручили Гильдъ съ немногими бонапартистами. Страсти разгорѣлись: удары стали сыпаться со всѣхъ сторонъ, и бѣлыя кокарды усѣяли землю; впрочемъ, по счастью ни у кого не было оружія, и дѣло обошлось безъ тяжелыхъ увѣчій. Наконецъ, капраль съ незначительной кучкой своихъ сторонниковъ отступилъ, а Мармонъ во главѣ большей части толпы направился къ часовнѣ.

Оправившись отъ драки, дядя Евенъ поспѣшилъ къ Плузѣ въ самомъ печальномъ настроеніи. Онъ ясно понималъ, что если роялисты устроили такую демонстрацію, значитъ получены радостныя для нихъ, а значитъ роковыя для него извѣстія. А когда въ цырюльнѣ ему подали газеты, вполне подтвердившія его подозрѣніе, то онъ промолвилъ сквозь зубы:

— Мой императоръ! Мой повелитель! Отчего Богу не угодно, чтобъ я умеръ за тебя?!

XLIX.

Переполненіе чаши.

Въ началѣ апрѣля странный слухъ пронесся по Франціи, заставляя простыхъ людей смотрѣть другъ на друга съ ужасомъ, словно солнце упало съ неба. Рассказывали, что императоръ наложилъ на себя руки. Хотя этотъ слухъ вскорѣ былъ опровергнутъ, но онъ причинилъ большое горе многимъ поклонникамъ Наполеона, въ томъ числѣ капралу Дервалю. Страшно было подумать, что недавній распорядитель судебъ всего міра нашелъ нужнымъ покинуть здѣшнюю жизнь. Если Наполеонъ дошелъ до этого, то ничто непрочное, ненадежно на свѣтѣ. Какъ странно и какъ быстро прошла слава этого человѣка! Точно вчера онъ былъ молодымъ генераломъ, увѣнчаннымъ лаврами, а теперь драма его жизни уже достигла своего послѣдняго акта.

Однако земля, какъ бы освобожденная отъ тяготившаго ее ига, улыбалась и цвѣла подъ благотворными солнечными лучами весны. Въ одинъ изъ такихъ прекрасныхъ апрѣльскихъ дней капраль Дерваль сидѣлъ на утесѣ и смотрѣлъ на море, разстилавшееся у его ногъ. Подлѣ него находилась Марселла, которая уговорила его подышать свѣжимъ воздухомъ, такъ какъ онъ въ послѣднее время сдѣлался очень нервнымъ и подвергался припадкамъ мрачнаго отчаянія. Но онъ не принадлежалъ къ числу людей, любившихъ природу, и въ его глазахъ смотрѣ войскамъ имѣлъ бѣольшую прелесть, чѣмъ самый живописный видъ. Поэтому онъ сидѣлъ молча, насупивъ брови, и только по временамъ отрывисто отвѣчалъ на вопросы Марселлы. Такъ прошло нѣсколько часовъ, и неожиданно капраль дрожащей рукой указалъ на церковь.

— Что тамъ?—воскликнулъ онъ недовольнымъ тономъ:—что-то виднѣется бѣлое.

Марселла взглянула по направленію руки капрала и увидѣла, что на церкви развѣвался бѣлый флагъ. Она тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло, но ничего не отвѣчала.

— Посмотри, посмотри,—продолжалъ старикъ, вставая въ большомъ волненіи:—это дѣйствительно что-то бѣлое.

Молодая дѣвушка блѣдная, смущенная взяла дядю за руку и тихо сказала:

— Пойдемте домой.

Но ветеранъ не двигался съ мѣста и упорно смотрѣлъ на церковь.

— Это бѣлый флагъ,—сказалъ онъ наконецъ:—какой-то негодяй поднялъ его на колокольнѣ.

Въ ту же минуту раздались ружейный залпъ и громкіе крики радости. Вокругъ церкви виднѣлась густая толпа народа, и оче-

видно случилось что-то необыкновенное. Марселла знала очень хорошо, что въ это утро было получено приказанье изъ Сень-Гурло поднять бурбонское знамя на церковной колокольнѣ, такъ какъ игра Наполеона была проиграна, и Парижъ ждалъ ежедневно возвращенія наслѣдника своихъ законныхъ королей. Старый солдатъ уже давно опасался этого событiя и хотя пламенно молилъ Бога утвердить имперiю, но сознавалъ, что неизбѣжная гибель близка. Поэтому ненавистное зрѣлище бѣлаго флага его болѣе поразило горемъ, чѣмъ удивило.

— Долой Бурбоновъ! — промолвилъ онъ сквозь зубы, беспощадно грозя кулакомъ развѣвавшейся вдали королевской эмблемѣ: — я одинъ сорву этотъ флагъ. Я растопчу его подъ своими ногами, какъ императоръ растопчетъ короля.

Марселла рѣдко плакала, но теперь слезы наполнили ея глаза. Она просила дядю отправиться домой, но онъ тяжело опустился на землю, и она должна была послѣдовать его примѣру. Прошло нѣсколько времени въ тяжеломъ молчанiи; вдругъ за ними послышались шаги, и Марселла съ ужасомъ увидала, что къ нимъ подошелъ учитель Арфоль.

Появленiе этого человѣка было самое несвоевременное; онъ точно пришелъ порадоваться исполненiю своихъ предсказанiй, хотя лицо его было очень блѣдное, мрачное, и на немъ не видно было обычной улыбки.

— Произошли большiя перемѣны, — сказалъ онъ: — здѣсь мало что извѣстно, и всѣ газеты лгутъ, но достовѣрно, что императоръ отрекся отъ престола.

Впродолженiе нѣсколькихъ минутъ ветеранъ не разжималъ своихъ стиснутыхъ губъ, а потомъ сухо промолвилъ:

— Да, многое измѣнилось... а вы также надѣли бѣлую кокарду.

— Я не роялисть, — отвѣчалъ учитель, качая головой. — Вмѣстѣ съ Бурбонами вернутся во Францiю всѣ пресмыкающiяся, которыхъ свобода изгнала изъ Францiи; мы попадемъ въ руки аристократiи и патеровъ: у насъ будетъ миръ, но позорный, и мы будемъ тщетно вздыхать по уничтоженнымъ правамъ человѣка.

Капраль вздрогнулъ отъ удивленiя. Ему прiятно было слышать, что Арфоль презиралъ Бурбоновъ, хотя и не цѣнилъ Наполеона.

— Вы давно не были въ нашихъ краяхъ, — сказалъ онъ, желая, однако, перемѣнить разговоръ.

— Я былъ далеко, — отвѣчалъ странствующiй учитель: — вы не повѣрите, если я вамъ скажу, что я былъ въ столицѣ.

— Въ Парижѣ! — воскликнулъ капраль, а Марселла посмотрѣла на Арфоля съ изумленiемъ, словно онъ вернулся съ луны.

— У меня умеръ родственникъ въ Мо, — продолжалъ учитель: — и за мной прислали. Пока я находился тамъ, союзники подступили

къ Парижу, и я видѣлъ все ужасы войны. Обѣ стороны дрались, какъ черти, и одинаково разоряли бѣдную страну. Поселяне бѣжали въ лѣса и скрывались въ подвалахъ, а женщины и дѣти искали спасенья въ церквахъ. Никто не жалѣлъ бѣдняковъ, и наши молодые рекрута были не менѣе жестоки, чѣмъ казаки. Поля, фермы, все было разорено, а по ночамъ волки питались мертвыми тѣлами.

— Это война,—замѣтилъ спокойно капраль, привыкшій къ подобнымъ зрѣлищамъ.

— Наконецъ, я съ многими тысячами народа отправился въ Парижъ и оставался тамъ во время осады. Какіе ужасные это были дни! Пока защитники города сражались съ врагами, чернь вошла отъ голода и производила безчинства. Я самъ видѣлъ, какъ одна несчастная женщина, доведенная голодомъ до безумія, разбила о мостовую голову своего ребенка. Но вскорѣ все кончилось; союзники вступили въ Парижъ; ихъ встрѣтили криками радости, ихъ благословляли, ихъ забрасывали цвѣтами.

— Подлецы,—процѣдилъ сквозь зубы капраль.

— Несчастные, они были доведены до отчаянья, и Богъ ихъ простить. Но я имѣю еще кое-что вамъ рассказать. Я видѣлъ императора въ Фонтенбло.

— Императора, — повторилъ Дерваль очень тихо, не поднимая глазъ съ земли.

Онъ былъ очень блѣденъ и, слушая рассказъ о всѣхъ ужасахъ осады, едва сдерживалъ свое нетерпѣніе узнать о томъ, что случилось съ его кумиромъ. Марселла также жаждала услышать рассказъ очевидца о послѣднихъ дѣйствіяхъ обожаемаго ею императора.

— День его прощанія съ старой гвардіей останется на вѣки памятнымъ, — продолжалъ Арфоль. — Я вамъ скажу всю правду. Грустно было смотрѣть на ветерановъ, они казались такими оборванными, утомленными, больными. Они стояли противъ дворца, и имъ пришлось долго ждать Наполеона. Онъ явился, наконецъ, верхомъ, въ сопровожденіи храбраго маршала Макдональда и нѣсколькихъ генераловъ; увидавъ его, старая гвардія подняла оглушающій крикъ: «Да здравствуетъ императоръ». Онъ медленно приблизился, соскочилъ съ лошади и поднялъ руку; водворилось такое мертвое молчаніе, что можно было бы услышать паденіе на землю булавки. Онъ былъ въ своемъ сѣромъ сюртукѣ и въ треуголкѣ; я тотчасъ узналъ его по картинамъ.

— А какъ онъ былъ на взглядъ? — спросилъ капраль: — очень блѣденъ? Впрочемъ онъ всегда былъ блѣдный.

— Я стоялъ близко къ нему: лице его было совершенно желтое, щеки свисли, а глаза свинцоваго цвѣта и чрезвычайно печальные. Но, подойдя къ солдатамъ, онъ улыбнулся, и тогда все его лице засвѣтилось необыкновеннымъ блескомъ. Я никогда не видывалъ подобной улыбки. Она просто божественная. Я говорю это искренно,

хотя онъ никогда не былъ моимъ божествомъ. Потомъ онъ началъ говорить; голосъ его дрожалъ, и слезы текли по его щекамъ.

— А что онъ сказалъ?—спросилъ капраль, съ трудомъ переводя дыханіе.

— Онъ сказалъ, что Франція избрала себѣ другаго государя, и что онъ не сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ думалъ только о благѣ Франціи, и посвятить свою остальную жизнь составленію исторіи своихъ войнъ для назиданія всего свѣта. Потомъ онъ поцѣловалъ Макдональда, потребовалъ знамя старой гвардіи и сталъ цѣловать его безъ конца. Я долженъ сознаться, что въ эту минуту сердце мое сильно билось, и я готовъ былъ отдать за него свою жизнь. Онъ дѣйствительно великій человекъ. Въ ту минуту всякая дисциплина исчезла: старые солдаты выходили изъ рядовъ и, бросившись на колѣни, умоляли, чтобъ онъ ихъ не покинулъ. Громкія рыданія стояли въ воздухѣ. Маршалъ Макдональдъ плакалъ, какъ ребенокъ, а генералы, махая шпагами, безумно кричали: «Да здравствуетъ императоръ». Однако все это продолжалось недолго; онъ сѣлъ на лошадь и тихо уѣхалъ. Въ эту ночь онъ покинулъ свой дворецъ, чтобъ болѣе никогда туда не возвращаться.

Арфоль умолялъ, и наступило мертвое молчаніе. Но вскорѣ Марселла дико вскрикнула:

— Онъ умеръ, онъ умеръ!

Дѣйствительно капраль молча упалъ на землю лицомъ впередъ, а когда Арфоль приподнялъ его, то лицо старика было смертельно синее, и онъ лежалъ неподвижно, какъ бездыханный трупъ. Молодая дѣвушка схватила его руки и стала ихъ растирать съ лихорадочной энергіей. Прошло нѣсколько минутъ; старикъ дрогнулъ, застоналъ и открылъ глаза, но взглядъ его былъ мутный, безсознательный.

— Это припадокъ, — сказалъ тихо Арфоль:—его надо отвести домой.

— Кто тутъ? — промолвилъ ветеранъ, едва слышно: — это ты Жакъ. Мы выступаемъ по приказанію императора

Однако мало-по-малу онъ пришелъ въ сознаніе и, смотря на племянницу, сказалъ:

— Что ты, Марселла? Что случилось?

— Ничего, — отвѣчала она:—вамъ было не хорошо, но теперь стало лучше. Учитель Арфоль, помогите мнѣ поднять его.

Они оба помогли ему встать и тихонько повели его домой, но по дорогѣ онъ неожиданно остановился и сталъ прислушиваться къ раздававшимся вокругъ церкви ружейнымъ выстрѣламъ и крикамъ радости.

— Это что?—спросилъ онъ.

— Ничего, пойдѣте, — отвѣчалъ Арфоль.

— Непрiятель идетъ въ атаку, — произнесъ ветеранъ: — слышите, слышите.

— Бѣдный дядя!—промолвила Марселла.

— Онъ бредитъ, тѣмъ лучше,—замѣтилъ Арфоль.

Они молча достигли хижины капрала и посадили его въ кресло. Вдова достала укуса и начала тереть ему лобъ и руки.

— Что-жъ намъ дѣлать?—сказала тихо Марселла, обращаясь къ Арфолью:—онъ такъ умретъ.

— Необходимо тотчасъ пустить ему кровь,—отвѣчалъ учитель.

Спустя десять минутъ, явился сельскій цырюльникъ и пустил кровь старику.

— Я всегда думалъ, что капралъ слишкомъ полнокровенъ,—сказалъ онъ, окончивъ свою операцію и помогая уложить въ постель своего паціента, который, потерявъ унцію крови, сталъ легче дышать:—теперь пусть онъ уснетъ, и не беспокойте его. Я приду завтра утромъ.

Дѣйствительно старикъ тотчасъ заснулъ тяжелымъ сномъ.

— У него лопнуло сердце, онъ умеръ,—говорила Марселла, заливаясь слезами и съ отчаяніемъ смотря на спящаго дядю.

— Онъ слишкомъ много думаетъ объ императорѣ,—замѣтилъ Гильдъ:—а императоръ никогда бы не сталъ заботиться о немъ. Мнѣ все равно, кто сидитъ на престолѣ: императоръ, или король, но я зналъ, что все кончено, когда его покинулъ Ней.

Извнѣ слышались веселые крики и пѣсни; все селеніе было очевидно въ праздничномъ настроеніи.

— Ишь какъ гуляютъ,—промолвилъ Гильдъ и черезъ нѣсколько минутъ вышелъ изъ хижины.

Спустя часъ, Марселла встала и съ тяжелымъ вздохомъ сказала:

— Я не могу сидѣть. Я пройдуся. Я вѣдь вамъ не нужна, мама, дядя спокойно спитъ.

И она тихо исчезла за дверью.

L.

Г е р о й д н я .

Церковь горѣла огнями; на горныхъ высотахъ пылали костры, а на мачтахъ многихъ рыбацкихъ лодокъ виднѣлись цвѣтные фонари. Кабачекъ былъ набитъ народомъ, который всегда находитъ въ счастливыхъ или несчастныхъ событіяхъ предлогъ къ пьянству. На бѣломъ флагѣ, развѣвавшемся надъ церковью, блестѣли золотомъ вышитыя лиліи.

Когда Марселла вышла на улицу, то тамъ никого не было: дулъ холодный вѣтеръ, и съ моря приносились водяныя брызги. Она остановилась на минуту, бросила безпокойный взглядъ на чернѣвшій вдаль океанъ, а потомъ, тяжело вздохнувъ, пошла мед-

ленными шагами къ церкви. Ей было очень грустно; все, казалось, шло противъ ея желаній. Добрый, великій императоръ былъ свергнутъ съ престола, и легкомысленные люди, забывъ всѣ его благодѣянія, провозглашали новаго государя, а въ ея собственномъ домѣ злая судьба поразила бѣднаго дядю Евена, словно наступилъ день страшнаго суда, и добрые, а не злые подвергались небесной карѣ.

Любопытство влекло ее къ церкви, вокругъ которой было всего болѣе шума и движенія. Подходя къ ней, она стала встрѣчать одну веселую группу за другой, но по причинѣ темноты никто ея не узнавалъ. Всѣ живо болтали и смѣялись, а по временамъ все покрывалось криками: «Да здравствуетъ король». Эти крики рѣзали ея сердце, какъ бы лезвеемъ ножа. Съ тѣхъ поръ какъ она себя помнила, Наполеонъ казался ей лучезарнымъ солнцемъ, грѣвшимъ, хотя издали, ея жилище, а дядя, не смотря на свою бѣдность, былъ всѣми уважаемымъ авторитетомъ въ Кромлѣ; теперь же это солнце исчезло въ потокахъ крови, и наступила мрачная ночь, а отъ стараго ветерана, оставшагося вѣрнымъ своему кумиру, всѣ отвергивались съ презрѣніемъ.

Наконецъ она дошла до кладбища, окружавшаго церковь, и съ удивленіемъ увидѣла, что его наполняла толпа съ факелами въ рукахъ. По срединѣ кладбища, на зеленомъ холмѣ стоялъ Мармонъ и что-то громко говорилъ внимательно слушавшей его толпѣ, въ первомъ ряду которой было нѣсколько патеровъ и знатныхъ на видъ, хорошо одѣтыхъ аристократовъ. Въ глазахъ Марселлы этотъ Мармонъ былъ низкій негодяй, и она не могла забыть его стычку съ дядей Евеномъ. Но всего противнѣе были патеры, которые, конечно, забыли Бога, такъ какъ иначе они не могли возстать противъ императора, который вернулъ ихъ во Францію.

Подлѣ Мармона стоялъ какой-то человѣкъ, но спиной къ молодой дѣвушкѣ, а потому она не могла издали и въ такой толпѣ узнать его.

— Слушайте меня, — говорилъ звонкимъ голосомъ Мармонъ: — слушайте меня всѣ, боящіеся Бога и любящіе короля; а кто со мной не согласенъ, пусть выйдетъ и скажетъ мнѣ прямо въ лице, что я лгу. Этотъ человѣкъ вполнѣ правъ, онъ отказался обнажить мечъ за узурпатора, и за это его травили, какъ волка, а если онъ въ въ отчаяніи пролилъ кровь, то имѣлъ на это полное право. Посмотрите на него! Одинъ Господь знаетъ, что онъ перестрадалъ, и Господь сохранилъ его, какъ видимый укоръ павшей навсегда династіи. Посмотрите на его впалыя щеки, изнуренное тѣло и дико сверкающіе голодомъ и отчаяніемъ глаза. Говорятъ, что онъ убилъ человѣка, а я говорю, что Бонапартъ, который довелъ его до теперешняго положенія, убилъ тысячи и тысячи людей. Говорятъ, что онъ дезертиръ и мятежникъ, а я говорю, что это герой и мученикъ. Братя, обнимите его!

Вся толпа начала неистово кричать, простирая руки къ стоявшему близъ Мармона человѣку:

— Да здравствуетъ Роанъ Гвенфернъ! Да здравствуетъ Роанъ Гвенфернъ!

Дѣйствительно это былъ Роанъ, нѣсколько болѣе приличный по внѣшности, чѣмъ когда его видѣла въ послѣдній разъ Марселла. Онъ смотрѣлъ на толпу безсознательно, какъ бы во снѣ, и не отвѣчалъ на рукопожатія окружавшихъ его лицъ. Но, быть можетъ, онъ и понималъ, чего стоитъ энтузіазмъ, предметомъ котораго онъ сдѣбался неожиданно, такъ какъ Мармонъ съ своими друзьями только пользовался имъ для бросанья грязи въ Наполеона, а толпа съ такимъ же восторгомъ разорвала бы его на части, какъ теперь его привѣтствовала, еслибъ обстоятельства сложились иначе. Онъ не промолвилъ ни слова, а, замѣтивъ въ толпѣ Марселлу, прямо направился къ ней. Всѣ почтительно передъ нимъ разступились, и, подойдя къ молодой дѣвушкѣ, онъ спокойно сказалъ:

— Пойдемъ, Марселла.

Онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ удалиться вмѣстѣ съ ней, но толпа, узнавъ въ молодой дѣвушкѣ племянницу капрала, подняла крикъ:

— Долой капрала!

— Молчать, — громко закричалъ Мармонъ: — дайте ему дорогу.

Пораженная неожиданнымъ появленіемъ Роана и дрожа всѣмъ тѣломъ, Марселла безмолвно послѣдовала за нимъ. Въ первую минуту она только радовалась тому, что любимый ею человѣкъ вернулся здоровымъ и невредимымъ, но триумфъ, устроенный ему врагами ея кумира и дяди, невольно заставилъ ее отшатнуться отъ него, не смотря на это, она любила его и была ему обязана спасеніемъ своей жизни. Однако, находясь въ какомъ-то столбнякѣ, она тихо шла подъ руку съ нимъ, пока они не очутились одни. Тогда она выдернула свою руку и едва не упала въ обморокъ, такъ сильно подѣйствовали на нее всѣ событія этого тревожнаго дня.

Роанъ пристально посмотрѣлъ на нее, дико засмѣялся и сказалъ глухимъ голосомъ:

— Ну, все кончено, и я вернулся домой. А ты, Марселла, такъ-то встрѣчаешь меня?

Она взглянула на него и, крѣпко прижавшись къ нему, промолвила:

— О Роанъ, Роанъ! Я очень рада тебя видѣть. Мы уже не надѣялись, что ты когда нибудь вернешься, хотя я всегда молила Господа сохранить тебя, но подумай только, какъ все перемѣнилось: императоръ въ плѣну, дядя Евенъ едва не умеръ отъ горя, и мы всѣ такъ несчастны.

Потерявъ всякое самообладаніе, она закрыла лицо руками и стала громко рыдать, но Роанъ не выразилъ никакого сочувствія

и, молча выждавъ, чтобъ прошелъ ея припадокъ отчаянія, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Отчего ты плачешь, Марселла? Отъ того, что Наполеона затравили?

Она ничего не отвѣчала и продолжала плакать; Роанъ снова дико засмѣялся и прибавилъ:

— Когда всѣ меня покинули, и даже небо отъ меня отвернулось, я пошелъ къ Мадоннѣ Ненависти и молился ей. Ты видишь, моя молитва услышана ею и прежде, чѣмъ прошелъ годъ.

Марселла взглянула со страхомъ на искаженное, взволнованное лице Роана.

— Боже милостивый!—воскликнула она:—что ты говоришь?

— Я не думалъ, что она такъ скоро меня услышитъ,—продолжалъ онъ, понижая голосъ и какъ бы говоря самъ съ собою:—но я зналъ, что моя возьметъ въ концѣ концовъ. Я видѣлъ во снѣ старика Пипріака, и онъ сказалъ мнѣ объ этомъ. Долго травилъ звѣря, но наконецъ онъ въ нашихъ рукахъ, и я теперь отдохну.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? Зачѣмъ ты такой странный?—спросила молодая дѣвушка.

— Развѣ я странный?—произнесъ Роанъ, спокойно взглянувъ на нее.

— Да; и мнѣ страшно. Ты точно бредишь.

— Ты, можетъ быть, права, Марселла,—отвѣчалъ онъ, проведя рукой по лбу и совершенно измѣняя свой тонъ:—мнѣ иногда кажется, что я рехнулся. Я столько перенесъ страданій и такъ долго ждалъ этой минуты, что право неудивительно, если я не похожъ на себя. Не сердись; я вскорѣ поправлюсь.

Въ его голосѣ звучала такая болѣзненная нота, что снова слезы выступили на глазахъ Марселлы; она теперь поборола себя и нѣжно взяла руку Роана. Въ это время они уже подходили къ ея дому, и она тихо сказала:

— Я позвала бы тебя къ намъ, но бѣдный дядя очень боленъ. Сердце его лопнуло при извѣстїи о гибели императора. Я знаю, ты не любишь императора, потому что ты страдалъ по его милости, но онъ ничего объ этомъ не зналъ и, конечно, пожалѣлъ бы тебя, еслибъ ему все было извѣстно. Но ты, кажется, все думаешь, что я не рада твоему возвращенію, нѣтъ, я очень счастлива, что ты теперь въ безопасности.

— Да, такъ говорятъ,—произнесъ Роанъ, какъ бы самъ не соznавая смысла своихъ словъ.

— Какъ рада будетъ твоя мать, увидѣвъ тебя. Вотъ ея счастье сегодня полное, безоблачное. Прощай, прощай.

Она протянула къ нему обѣ руки; онъ взялъ ихъ, тихо прижалъ ее къ своей груди и поцѣловалъ въ лобъ.

— Ты никогда не была такъ хороша, какъ теперь, Марселла, — промолвилъ онъ.

Она задрожала всѣмъ тѣломъ и, взглянувъ ему прямо въ глаза, прошептала:

— Роанъ, ты когда нибудь молишься?

— Иногда, — отвѣчалъ онъ съ странной улыбкой: — но зачѣмъ ты объ этомъ спрашиваешь?

— Помолись Богу, Роанъ, чтобъ онъ возвратилъ здоровье бѣдному дядѣ, — произнесла молодая дѣвушка, нѣжно освобождаясь отъ его объятій.

Спустя минуту, они разстались; Марселла вошла въ хижину, а Роанъ медленно направился къ жилищу своей матери.

II.

Отдыхъ.

Роанъ Гвенфернъ былъ правъ: наконецъ онъ находился въ полной безопасности, и ему нечего было бояться. Напротивъ исторія его страданій возбуждала къ нему общее сочувствіе. Даже злѣйшіе враги не смѣли сказать ни слова противъ него. Мэръ Сень-Гурло, преслѣдовавшій его съ наибольшимъ остервенѣніемъ, теперь называлъ его мученикомъ и публично говорилъ, что онъ имѣлъ право на вознагражденіе за нанесенный ему вредъ. Что касается до убійства Пиприака, то, по общему мнѣнію, оно извинялось самозащитой, и старый служака получилъ то, что заслуживалъ.

Такимъ образомъ Роанъ снова былъ свободнымъ человѣкомъ и снова началъ жить въ домѣ своей матери. Старуха была внѣ себя отъ счастья, что вернулся ея сынъ, но это счастье не долго было безоблачно. Она вскорѣ замѣтила, что Роанъ страшно измѣнился. Онъ замѣтно ослабѣлъ и сгорбился; его лице не сіяло, какъ прежде, молодостью и здоровьемъ; глаза его были мутные, а волоса посѣдѣли. Но нравственно и умственно онъ еще больше измѣнился, чѣмъ физически. Не было сомнѣнія, что на его умъ сильно повліяли перенесенныя имъ страданія. По временамъ на него находили припадки, во время которыхъ онъ безумно бредилъ, а по ночамъ ему снились тревожные сны. Онъ постоянно думалъ о смерти Пиприака и о томъ времени, которое онъ провелъ въ пещерѣ. Его прежде веселое лице теперь никогда не освѣщалось улыбкой, и цѣлыми днями онъ сиживалъ дома, безмолвно смотря на огонь.

Впродолженіе предшествовавшей зимы онъ скрывался въ уединенныхъ хижинахъ Сентъ-Лока, жители котораго, не смотря на свои пиратскія наклонности, ни разу его не выдали. При всемъ томъ его умъ находился въ постоянномъ напряженіи, и онъ, все-

таки, терпѣлъ тяжелыя лишенія. Но всего болѣе его тяготило сознание, что онъ убійца. Весь свѣтъ могъ его въ этомъ оправдывать, но онъ признавалъ себя виновнымъ, тѣмъ болѣе, что его жертвой былъ другъ его отца. Гораздо было бы лучше, еслибъ его самого убили.

Всѣ эти обстоятельства составляли такое бремя, которое не могъ сносить его деликатный организмъ. Жизнь его была на вѣки омрачена, и онъ не зналъ ни минуты душевнаго покоя. Кромѣ того, онъ смутно сознавалъ, что между нимъ и Марселлой стояла непроницаемая стѣна. То, что послужило къ его спасенію, причинило ей горе; его надежда была ея отчаяніемъ. Когда они встрѣчались, она была, какъ всегда, честной, преданной, доброй, любящей его дѣвушкой, но въ ея глазахъ не блестѣла страсть, и ея обращеніе съ нимъ отличалось какой-то странной сдержанностью. Ему попрежнему принадлежала часть ея сердца, но тѣнь Наполеона отбила у него ея душу.

Въ эти дни Марселла повидимому думала только о своемъ дядѣ. Онъ вскорѣ оправился отъ своей болѣзни и всталъ съ постели, такъ какъ не любилъ безъ причины валяться; но онъ сталъ совершенно другимъ человѣкомъ, и малѣйшее волненіе возбуждало въ немъ опасныя припадки. Чтобъ предохранить его отъ этого, домашніе старались всячески скрывать отъ него тѣ извѣстія, которыя могли дурно на него подѣйствовать, но не было никакой возможности удержать его отъ чтенія газетъ, въ которыхъ описывался пріѣздъ Наполеона на островъ Эльбу, торжественный пріемъ короля въ Парижѣ и тѣ многочисленныя перемѣны, которыя ясно доказывали возвращеніе къ стариннымъ монархическимъ порядкамъ. Впрочемъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ, капралу было достаточно выйти изъ своего дома на улицу, такъ какъ въ Кромлэ можно было увидать на каждомъ шагѣ знаменія времени: церковныя колокола постоянно гудѣли, и одна религіозная процессія смѣнялась другой, причемъ громко выхваляли святость короля и благодарили небо за освобожденіе страны отъ узурпатора.

— Саранча налетѣла на бѣдную Францію,—говорилъ учитель Арфоль, съ которымъ старый капралъ видимо помирился.

Подъ саранчой Арфоль разумѣлъ католическихъ патеровъ. Какъ во времена имперіи всюду виднѣлись военные мундиры, такъ теперь вездѣ рѣзали глаза рясы. Многочисленныя толпы патеровъ, удалившіяся изъ Франціи вмѣстѣ съ эмигрантами, теперь начали быстро возвращаться, и возникъ вопросъ, чѣмъ ихъ кормить. Въ воздухѣ носились имена тысячъ святыхъ, и молебны совершались днемъ и ночью. Церкви и часовни были исправлены и отстроены вновь; на каждомъ углу возникли распятія и статуи Мадонны. Удивительно было, какъ быстро воскресли забытые обряды и церемоніи.

Все это, конечно, не радовало семью капрала. Вдова, бывшая всегда очень набожной, принимала участіе въ большей части рели-

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ЮЛѢ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 11-й.

- Абель, д-ръ. О лечебной грази за граппей и у насъ. Одесса. 1894 г. Ц. 30 к.
- Альмедингенъ, А. Что можно дѣлать съ винограднымъ сусломъ и виномъ, чего нельзя. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Андерсенъ. Собрание сочиненій. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Т. II, вып. VI и VII. Спб. 1894 г. Ц. по подпискѣ на 4 тома 6 рублей, съ перес. 8 рублей.
- Антиповъ, В., и Валувевъ, Ѳ. Маршруты слѣдованія и росписанія пассажирск. поѣздовъ по различн. напр. Россіи. Петербургъ-Одесса-Николаевъ и граница Австріи. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Арефа. Сборникъ дѣйствующихъ узаконеній для руководства чиновъ столичной, городской, уѣздной и сельской полиціи. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- «Артистъ». Журналъ изящныхъ искусствъ и литературы. № 38. Июнь. 1894 г. Ц. 2 р.
- Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Романъ. (Новая библиотека А. С. Суворина, № 32). Ц. 60 к.
- Баратынскій, Е. Сочиненія. Съ портретомъ автора и биогрфическими свѣдѣніями о немъ. (Дешевая Библиотека А. С. Суворина, № 310). Ц. 25 к., въ перепл. 45 к.
- То же. На веленовой бумагѣ небольшое количество экземпляровъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Бремъ, А. Жизнь животныхъ. Иллюстрир. изданіе подъ ред. К. Сентъ-Илера. Т. VI. Птицы. Спб. 1894 г. Ц. 6 р.
- Буренинъ, В. Ципа и Пуся, или горе отъ любви. Разказы и комедіи во вкусѣ „fin de siècle“. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Бѣломоръ, А. Разказы и мечты старога моряка. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вахтинъ, В. Морская практика. Руководство для учениковъ мореходныхъ классовъ. Т. I. (Курсъ младшаго класса.—Вооруженіе судовъ). Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- То же. Т. II. Курсъ старшаго класса. Управление судами. Вып. I. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Объяснительный морской словарь. Вып. 6-й и послѣдній. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Веберъ, Н. Двигатели и приводы. Практ. руководство по выбору, установкѣ и уходу за конными, вѣтривыми, водяными, паровыми и керосинов. двигателями. Спб. 1894 г. Цѣна съ атласомъ 5 р.
- Вильморенъ, Г. Наслѣдственность у растений. М. 1894 г. Ц. 25 к.
- Вирениусъ, А. С. Школьно-гигиеническія стремленія новѣйшаго времени въ Германіи. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Вишняновъ, Е. Петергофъ. Фотографіи. Спб. 1894 г. Ц. 5 р.
- Восемь мѣсяцевъ въ Императорской санаторіи „Халила“ для легочныхъ больныхъ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Генне-Амъ-Ринъ, Отто. Законы культуры. (Международная Библиотека, № 14). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Геречь, Г. Электрическая сила. Съ 6-ю чертежами въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Гильти, Н. Счастье. Популярныя очерки по нравств. философіи. Перев. съ 4-го нѣм. изд. Спб. 1894 г. 2-е испр. изд. Ц. 50 к.
- Гинтеръ, Н. Краткій учебникъ фармацевтической ботаники и растительной фармакогнозіи. Съ 135 рис. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Григоровичъ, Д. В. Переселенцы. Романъ изъ народнаго быта. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гутцлеръ, Сара. Дѣти. Разказъ не для дѣтей. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Гюго, Викторъ. Соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris) Изданіе Дешевой Библиотеки А. С. Суворина, №№ 311, 312, 313) Ц. за три тома 60 к.

- Данте-Алигери.** Обновленная жизнь. Перев. стихами съ итальянскаго А. Федорова. Съ портретою. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Демьяновъ, Г. П.** Путеводитель по Волгѣ. Изд. 2-е. Нижний Новгородъ. 1894 г. Ц. 75 к.
- Договоръ** о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей, заключенный 29-го янв. 1894 г. въ Берлинѣ. М. 1894 г. Ц. 50 к.
- Жданъ-Пушкинъ, Николай.** Санитарная служба. Первая помощь раненому на полѣ сраженія. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Желѣзнодорожныя пенсіонныя кассы.** Спб. 1894 г. Ц. за 2 части 2 р. 50 к.
- Зауеръ, И. Ф.** Первое дополненіе къ сборнику тарифныхъ постановленій разстояній, принимаемыхъ для расчета провозныхъ платъ по перевозкамъ грузовъ, въ поѣздахъ малой скорости, въ прямомъ сообщеніи русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1894 г. Ц. 80 к.
- Зелинский, В.** Критическій коментарій къ сочиненіямъ Ѳ. М. Достоевскаго. Сборникъ критич. статей. Ч. III. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Землевѣдѣніе.** Периодическое изданіе подъ редакціей Д. Анучина. Книжка II. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, Іоаннъ (протоіерей).** Добро и зло въ исторіи рода человѣческаго по свидѣтельству Св. Писанія. Воронежъ. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Страданія Господа Нашея Иисуса Христа отъ Геесимани до Голгоѳы. Воронежъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- О значеніи храма и обряда въ области вѣры и религіи Христовой. Воронежъ. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Инструкція** полицейскимъ урядникамъ. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Намолетти Луиджи.** Сестра Тереза или за монастырской стѣной. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Перев. Н. Курочкина. Изд. 2-е. Спб. 1893 г. Ц. 60 к.
- Кайгородовъ, Д.** Черная семья (птицы вороньяго рода). Съ 3-мя хромолитографированн. таблицами. Изд. 2-ое. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Квитко-Основањенно, Г.** Маруся. Повѣсть. (Дешев. Библіотека А. С. Суворина, № 308). Ц. 15 к.
- Квитко-Основањенно, Г.** Маруся. Повѣсть. На веленовой бумагѣ. (Напечатано небольшое количество экземпляровъ). Ц. 75 к.
- Кирпичниковъ, А.,** проф. Достоевскій и Писемскій. Опытъ сравнительной характеристикѣ. Одесса. 1894 г. Ц. 70 к.
- Кнейпъ, С.** Мое водолеченіе. Съ нѣмецкаго перев. В. Зифферманъ. Изд. 3-е. Кіевъ. Ц. 1 р. 30 к.
- „Книжный Вѣстникъ“,** № 6—7. Ц. 30 к.
- Кованько, А.** Извлеченіе золота изъ его рудъ хвѣщескимъ и воднымъ путемъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Кондръ, Гр.** Любовь и смерть дочери боярина Орши. Нѣжинъ. 1894 г. Ц. 20 к.
- Коренблитъ, А.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XVIII. XIX. XX. Ц. кажд. выпуска 40 к.
- Корнуновъ, Н.** Лекціи по общей теоріи права. Изд. 3-е исправл. и дополн. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Крыжановская, В. (Рочестеръ).** Рекенштейны. Романъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Лалинъ, Е.** Настоящее и будущее еврейской колонизаціи въ Аргентинѣ. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Левицкій, В.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12-го іюля 1889 г. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Лиліенфельдъ.** Какъ предупредить дворянское землевладѣніе отъ неминуемой гибели. Спб. 1894 г. Ц. 15 к.
- Лопухинъ, А.** Два слова въ защиту библейской исторіи при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Лѣсковъ, Н.** Инженеры-безсребренники. Изъ исторій о трехъ праведникахъ. Изд. 2-е. (Дешев. Библіот. А. С. Суворина, № 73). Ц. 15 к.
- Лѣтневъ, П.** На смѣну прошлаго (романъ). Безъ воли (повѣсть). Кіевъ. 1894 г. Ц. 1 р.
- Лядсбергъ, Д.** Самоучитель двойной итальянской бухгалтеріи. Одесса. 1893 г. Ц. 75 к.
- Манаровъ, С. (контръ-адмиралъ).** „Витязъ“ и Тихій океанъ. Т. I и II. Спб. 1894 г. Ц. 6 р. 60 коп.
- Макаровъ, С.** Разборъ элементовъ, составляющихъ боевую силу судовъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 коп.
- Мансфельдъ, Ю. А.** Справочная книга для петербургскихъ домовладѣльцевъ, ихъ управляющихъ и старшихъ дворниковъ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Мартыновъ, П.** Таблица подсудности новыхъ судебныхъ установленій по уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. 4-е изд. М. 1894 г. Ц. 25 коп.
- Мередитъ, Д.** Эгоистъ. Романъ. Переводъ съ англ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Möbius, Paul, Dr.** Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ. 1894 г. Ц. 50 к.
- Мюссе, А.** Сынъ Таціана. Москва. 1894 г. Ц. 50 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 85-й и 86-й. М. 1894 г. Ц. на прост. бумагѣ 30 коп., на велен. 40 к. каждый вып.

- Наумовъ, Я.** Краткій учебникъ анатоміи и физиологіи человѣка. Курсъ средн. уч. завед. Спб. 1894 г. Ц. 85 к.
- Немировичъ-Данченко, Вл.** Слезы (10 рассказовъ). М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Нетынса, М.** Краткое руководство торговца дѣла (по дереву). М. 1894 г. Ц. 70 к.
- Нинитина, О. А.** Кройка и шитье необходимого бѣлья и платья. Руководство съ атласомъ чертежей. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Отчетъ по главному тюремному управленію за 1892 г.** Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Песковъ, Э.** Рыболовъ-любитель. Съ 69-ю рис. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Петроградъ. Практическій планъ столицы.** Спб. 1894 г. Ц. 20 к.
- Писаревъ, Д. И.** Сочиненія. Полное собраніе въ 6 томахъ. Вышли т. I, II, IV и V. Цѣна за 4 вышедшіе тома—4 р.
- Плодовый садъ. I.** Прививка (облагораживаніе) и воспитаніе плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ. II. Посадка и защита плодовыхъ деревьевъ и уходъ за ними. Съ 65-ю рис. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.
- Плутархъ.** Сравнительныя жизнеописанія. Т. VIII, вып. 8-й. Деметрій, Полиоркетъ и Антоній. („Дешев. Библіотека“ А. С. Суворина, № 179). Ц. 15 к.
- То же. На веленовой бумагѣ. Ц. 30 к.
- Положеніе о видахъ на жительство съ оглавленіемъ и азбучнымъ указателемъ.** Петроградъ. 1895 г. Ц. 20 к.
- Попруженко, М. Г.** Изъ исторіи литературной дѣятельности въ Сербіи XV вѣка. «Книги царствъ» въ собраніи рукописей библіотеки Императорскаго Новороссійскаго университета. Одесса. 1894 г. Ц. 2 р.
- Приселновъ, А.** Огрывки изъ греческихъ писателей. Тифлисъ. 1893 г. Ц. 50 к.
- Родъ, Эдуаръ.** Вопросы жизни. Романъ. М. 1894 г. Ц. 60 к.
- Салиась, Е.** Пугачевцы. Романъ. М. 1894 г. Ц. за 2 т. 5 р.
- Сборникъ новѣйшихъ рецептовъ.** Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ правовѣднія и общественныхъ знаній. Труды юридическаго общества, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Т. III.** Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сводъ правилъ о пошеніи форменной одежды чинами гражданскихъ вѣдомствъ.** М. 1894 г. Ц. 30 к.
- «Сельскій Хозяинъ», №№ 34, 35, 36, 37.** Ц. 20 к. за №.
- Спирidonовъ, А.** Географія Россійской имперіи для народныхъ и друг. элемент. училищъ. Спб. 1894 г. Ц. 28 к.
- Станюновичъ, Н. Жергвы.** Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Сто великихъ людей.** Книга III: Аннибалъ, Юлій Цезарь, Маркъ Аврелій. Книга IV; Карлъ Великій, Людовикъ IX Святой, Вильгельмъ Оранскій. (Дешевая Библи. А. С. Суворина, № 263 и 264). Ц. каждой книги 20 к.
- Studiosus.** Русскіе студенты въ Германіи. Елисаветградъ. 1894 г. Ц. 25 к.
- Титъ Ливій.** Римская исторія отъ основанія Рима. Перев. съ латинскаго подъ редакц. Ц. Адрианова. Т. II. Книги VI—X. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тэтъ, И. Бальзакъ.** Этюдъ съ портретомъ Бальзака. Спб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Устройство и дѣятельность опытной сельско-хозяйственной станціи «Галлэ».** Перевели съ нѣмецкаго А. А. Лебединцевъ и С. В. Щусевъ. Одесса. 1894 г. Ц. 50 к.
- Ухтомскій, Э. (князь).** На востокъ путешествіе Наслѣдника Цесаревича. Ч. 3-я. По подлинкѣ. Ц. 28 р., въ перепл. 34 р.
- Ферингеръ, А.** Плодоводство. Лекціи, читанныя на курсахъ для сельскихъ учителей и учительницъ. М. 1894 г. Ц. 1 р.
- Фриманъ, Л.** Новѣйшій прусскій способъ подготовки полевыхъ позицій. Основы и детали. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Средства прусской кавалеріи для разрушенія сообщеній и устройства переправъ. Спб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Черепнинъ, Н.** Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Законоположеніе о нихъ, мѣры къ ограниченію, леченіе и прописи лекарствъ. Изд. 4-е, дополн. и свѣренное по послѣднимъ источникамъ. Спб. 1894 г. Ц. 70 к.
- Черновъ, Н.** Прессъ И. Болтышева для сучьевъ, сѣна и соломы. Съ 6 рис. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Шахматы.** Журналъ, посвященный шахматной игрѣ. Изданіе А. С. Суворина. №№ 9 и 10. Ц. каждая № 30 к. Годовая подписка на 24 №№ 5 р.
- Шеллеръ, А. (Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій. Т. VII. Голь (романъ). Повѣсти. По подпискѣ на все сочиненіе ц. 25 р. Ц. кажд. тома отдѣльно 2 р.
- Шефтель, Я.** Химія мочи. Съ 32 рис. въ текстѣ. Киевъ. 1894 г. Ц. 60 к.
- Штрюмпель (Strümpell), А., д-ръ.** Учебникъ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I, съ 38 рисунк. въ текстѣ. Перев. съ 8-го нѣм. изд. Спб. 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Эртель.** Сибѣна. Романъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.— Вѣщенокосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титуль.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовые и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

СЕНТЯБРЬ, 1894.

СОДЕРЖАНІЕ.

СЕНТЯВРЬ, 1894 г.

	СТР.
I. Юрьева могила. XLIV—LVII. (Окончаніе). І. І. Яснискаго.	589
II. Воспоминанія М. Ф. Каменской. XI. (Продолженіе)	628
III. Шульгинская расправа. (Эпизодъ изъ исторіи Булавинскаго возмущенія). А. Березинцева.	653
IV. Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго. XXXII—XXXVII. (Продолженіе)	678
V. Очерки Москвы. Д. А. Покровскаго.	713
VI. Современные литературные дѣятели. К. К. Случевскій. Е. П. Медвѣдскаго.	746
VII. Голландецъ Кленкъ въ Московіи. А. М. Л.	760
Иллюстраціи: 1) Отплытіе посольства изъ Архангельска. — 2) Въѣздъ Кленка въ Вологду. — 3) Въѣздъ Кленка въ Москву. — 4) Аудіенція Кленка у царя Алексѣя Михайловича.	
VIII. Что такое Ибсенъ? Р. И. Сементковскаго.	792
Иллюстрація: Портретъ Ибсена.	
IX. Стравичва изъ прошлаго. С. Лаврентьевой.	813
X. Къ біографіи Н. С. Тихонравова. А. Мансурова.	819
XI. Къ характеристикѣ князя Багратіона. А. Орельскаго.	824
XII. Зохара. (Мусульманскія легенда). С. И. Уманца.	832
XIII. Иностранцы о войнѣ 1812 года. І. В. Т.	850
XIV. Критика и бібліографія	861

1) Отвѣтъ Императорской Публичной Библіотеки за 1891 годъ. Спб. 1894. **Б. Г.** — 2) Графъ Алексій Жасяиновъ (В. Буренинъ). Пипа и Пуся, или горе отъ любви. Разказы и комедіи во вкусъ fin de siècle. Спб. 1894. **В—а.** — 3) «Землеѣдѣніе» Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Книжка I, съ картинками, фототипіями, профилями, видами и т. п. Москва. 1894. **С. И. Сластиникова.** — 4) С. Н. Южаковъ. Доброволецъ Петербургъ. Спб. 1894. **Б. Глинскаго.** — 5) Исторія новаго времени. 1610—1789. Составилъ Лакуръ-Гайе. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Пантелеева. Спб. 1894. **Вл. З—а.** — 6) «Тарасъ Бульба», Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи «Характеристика и значеніе Гоголя». Составилъ С. Бураковскій. Новгородъ 1894. **А. Н.**

См. слѣд. стр.

	СТР.
XV. Историческія мелочи	872
1) Открытіе Америки китайцами.—2) Жизнь на минеральных водахъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.—3) Авторъ «Полусвѣта» о маркизѣ Ментенонъ.—4) Настоящая госпожа Безъ-Стѣсеній.—5) Незданное сочиненіе Наполеона I о любви.—6) Фридрихъ III и Вильгельмъ II.	
XVI. Заграничныя историческія новости	889
XVII. Смѣсь	896
1) Памятникъ императору Николаю I.—2) Археологическое общество.—3) Римскія монеты въ Юго-Западномъ краѣ.—4) Двадцатипятилѣтняя годовщина смерти Ершова.—5) Некрологи: Н. И. Ланге; Д. И. Прозоровскій; С. Н. Бажина; Д. А. Покровскій.	
XVIII. Забѣтки и поправки	900
По поводу приписываемыхъ Лермонтову стихотвореній. Вас. Чехихина.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ **Б. К. Случевского**.—2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. **Роберта Буканана**. Переводъ съ англійскаго. LII—LVIII и эпилогъ. (Окончаніе).—3) Объявленіе книжнаго магазина «Новаго Времени» **А. С. Суворина**.

СОВѢТЬ

САРАТОВСКАГО ОБЩЕСТВА

ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ,

приступая къ составленію второго выпуска Сборника по культурѣ Саратовскаго края, покорнѣйше просить лицъ, желающихъ принять участіе въ изданіи, сообщать матеріалы, воспоминанія, отдѣльныя изслѣдованія по исторіи, этнографіи, археологіи, статистикѣ, просвѣщенію, хозяйству, выясненію бытовыхъ и природныхъ условій края г. предсѣдателю Совѣта **Николаю Петровичу Фролову** (Мало-Сергіевская улица, собств. домъ) или члену Совѣта **П. О. Лебедеву**, редактору «Саратовскаго Листка» (редакція). Статьи, по желанію авторовъ, могутъ быть оплачиваемы.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАГО ТОМА.

(ЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1894 года).

	СТР.
Юрьева могила. XXV—LVII. (Окончаніе). И. И. Ясинскаго	5, 285, 589
Воспоминанія М. Ѳ. Каменской . IX—XI. (Продолженіе). 35, 315,	628
Идеалы въ искусствѣ. II. Рѣпинъ . (Окончаніе) Р. И. Сементковскаго	53
Воспоминанія артиста А. А. Нильскаго . XXVI—XXXVII. (Продолженіе)	72, 348, 678
Марія Дегужи-Нижегородская . В. А. Потто	94
Иллюстрація: Марія Дегужи-Нижегородская .	
Пособіе. (Очеркъ изъ станичнаго быта). А. Березинцева	102
Эпизодъ изъ исторіи польскаго крестьянства (1846—1848 гг.). По архивнымъ источникамъ. III—V. (Окончаніе). И. Г. Попруженко	119
Протоіерей Трофимъ Егоровичъ Куцинскій , первый изъ духовныхъ кавалеръ Георгіевской ленты . С. Г. Рункевича	134
Тамбовскіе земцы XVII и начала XVIII вѣка . И. И. Дубасова	153
Курганы и подземные пещеры въ Самарской губерніи . П. Л. Юдина	166
Иллюстраціи: 1) Укрѣпленіе на валу близъ села Алексѣвскаго на р. Кинели .—2) Подземное озеро въ пещерахъ Бугульминскаго уѣзда .—3) Древнія вещи, найденныя въ Бугульминской пещерѣ : сабля, копьѣ, топоръ, кольцо, кусокъ сребра.	
Библиографическіе труды В. И. Межова . Д. Д. Языкова	174
Николай Михайловичъ Астыревъ . (Некрологъ). Б. Б. Глинскаго	182
Дневникъ принцессы Алисы . II. (Окончаніе). В. Т.	190
Первый гражданинъ Франціи . В. Т.	202
Иллюстраціи: 1) Карно , президентъ Французской республики.—2) Карно , ученикъ Политехнической школы.	
Миссіонеръ . (Этюдъ съ натуры). Е. Н. Матросова	333
Родоначальникъ нашей патріотической литературы . Р. И. Сементковскаго	370

Столѣтіе Одессы. (22 августа 1794 г. — 22 августа 1894 г.). А. И. Кирпичникова	389
Иллюстраціи: 1) Одесса въ началѣ нынѣшняго столѣтія.— 2) Герцогъ Ришелье.—3) Одесса въ 1840 году.	
Николай Михайловичъ Ядринцевъ. (Біографическій очеркъ). Б. Б. Глинскаго	412
Старый водевильстѣ. М. Н. Мазаева	452
Лебедянскій воевода А. А. Тургеневъ. (1701—1703 гг.). Н. Н. Оглоблина	463
Мартыновскія бумаги. П. К. Мартыанова	474
Восхожденіе на вулканъ Гедэ. В. Д. Черевкова	492
Рюльеръ и Екатерина II. В. А. Тимирязева	508
Шульгинская расправа. (Этюдъ изъ исторіи Булавинскаго возмущенія). А. Березинцева	653
Очерки Москвы. Д. А. Покровскаго	713
Современные литературные дѣятели. К. К. Случевскій. К. П. Медвѣдскаго	746
Голландецъ Кленкъ въ Московіи. А. М. Л.	760
Иллюстраціи: 1) Отплытіе посольства изъ Архангельска.— 2) Въѣздъ Кленка въ Вологду.—3) Въѣздъ Кленка въ Москву.— 4) Аудіенція Кленка у царя Алексѣя Михайловича.	
Что такое Ибсенъ? Р. И. Сементковскаго	792
Иллюстрація: Портретъ Ибсена.	
Страничка изъ прошлаго. С. Лаврентьевой	813
Къ біографіи Н. С. Тихонравова. А. Мансурова	819
Къ характеристикѣ князя Багратіона. А. Орельскаго	824
Зохара. (Мусульманская легенда). С. И. Уманца.	832
Иностранцы о войнѣ 1812 года. I. В. Т.	850

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

- 1) Сочиненія В. Д. Спасовича. Тома V—VII. Спб. 1894.
- 2) Б. Б. Глинскаго.—3) Памятная книжка Воронежской губерніи на 1894 годъ. Составилъ членъ-секретарь статистическаго комитета. Воронежъ. 1894. Л. Павленнова.—4) Словарь русскихъ художниковъ съ XI до XIX вѣка. Составилъ Н. П. Собко. Томъ I, выпускъ первый. А. 1893. В. 3—а.—5) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга четвертая, изданная почетнымъ членомъ археологическаго института, княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1893. В. Б.—6) Хр. Лопаревъ. Описаніе рукописей императорскаго общества любителей древней письменности. Часть II. Спб. 1893. С. Т—снаго.—7) А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб. 1894. М. М.—8) Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ. Историко-статистическій очеркъ А. И. Шульхорова. Псковъ. 1893. В. Б.—9) М. Довнаръ-Запольскій. Мотивы свадебныхъ пѣсенъ пинчуковъ. Гродно. 1893. С. Т—снаго.—10) Сера Тома Смита путешествіе и пребываніе въ Россіи. Переводъ, введеніе и примѣчанія И. М. Волдакова. Спб. 1893. В. Б.—11) Жизнь и труды. М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга восьмая. Спб. 1894. Б. Глинскаго.—12) Средневѣко-

вой замокъ и его обитатели. К. А. Иванова. Спб. 1894. Н. Рыжкова.—12) Словарь иностранных словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Составленный подъ редакціей А. Чудинова. 1894. Вл. 3.—13) Временникъ Эстляндской губерніи. Труды Эстляндскаго губернскаго статистическаго комитета, т. IX, кн. 1. Ревель. 1894. С. У—ца.—14) Учебникъ всеобщей исторіи. Составилъ Павелъ Виноградовъ, профессоръ Московскаго университета. Часть I. Древній міръ. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1894. Часть I. Средніе вѣка. Москва. 1894. П. А.—15) Новгородскія кабальныя книги. 7108 (1599—1600) года. Спб. 1894. В. Б.—16) Отчетъ Императорской Публичной бібліотеки за 1891 годъ. Спб. 1894. Б. Г.—17) Графъ Алексій Жасминовъ (В. Буренинъ). Пипа и Пуся, или горе отъ любви. Разказы и комедіи во вкусѣ fin de siècle. Спб. 1894. В—а.—18) «Землѣдѣніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Книжка I, съ картинами, фототипіями, профилями, видами и т. п. Москва. 1894. С. И. Сластиникова.—19) С. Н. Южакъ. Доброволецъ Петербургъ. Спб. 1894. Б. Глинскаго.—20) Исторія новаго времени. 1610—1789. Составилъ Лакуръ-Гаё. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Пантелѣева. Спб. 1894. Вл. 3—а.—21) «Тарасъ Бульба», Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи «Характеристика и значеніе Гоголя». Составилъ С. Бураковский. Новгородъ. 1894. А. Н. 217, 525, 861

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ:

1) Далмація подъ французскимъ владычествомъ.—2) Отравили и отравительницы.—3) Сестра Шиллера.—4) Трехсотлѣтіе Титуретто.—5) Юбилей Политехнической школы.—6) Черепъ Кромвеля.—7) Останки Людовика XVII.—8) Новые бессмертныя.—9) Жизнь на минеральныхъ водахъ и на морскомъ берегу въ древности и въ средніе вѣка.—10) Венеціанская куртизанка въ эпоху Возрожденія.—11) Оригинальный американскій историкъ.—12) Гейне и его памятникъ.—13) Четырехсотлѣтній юбилей Корреджіо.—14) Послѣдній изъ могикановъ итальянской борьбы за свободу.—15) Открытіе Америки китайцами.—16) Жизнь на минеральныхъ водахъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ.—17) Авторъ «Полусвѣта» о маркивѣ Ментенонъ.—18) Настоящая госпожа Безъ-Стѣсненій.—19) Неизданное сочиненіе Наполеона I о любви.—20) Фридрихъ III и Вильгельмъ II 229, 535, 872.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . . 246, 551, 889

СМѢСЬ:

1) Актъ въ археологическомъ институтѣ.—2) Засѣданіе славянскаго общества.—3) Вооруженіе XI вѣка.—4) Семидесятипятилѣтіе Исаакіевскаго собора.—5) Какъ у насъ сохраняются древніе памятники.—6) Общество любителей древней письменности.—7) Годовщины нашихъ замѣчательныхъ дѣятелей.—8) Отчетъ Симбирской бесплатной народной бібліотеки-читальни въ память И. А. Гончарова съ 17-го января 1893 года по 17-е января 1894 года.—9) Отчетъ о дѣятельности комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. (1893—1894 гг.).—10) Полувѣковая годовщина смерти Баратынскаго.—11) Археологическая находка.—12) Историческое общество Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ.—13) Памятникъ Шен-

вину.—14) Отчетъ по Минусинскому мѣстному музею и общественной библиотекѣ за 1893 годъ.—15) Отчетъ мѣстнаго распорядительнаго комитета, организованнаго физико-математическимъ обществомъ для составленія капитала имени Н. И. Лобачевского, съ 10 февраля 1899 по 10 февраля 1894 года.—16) Памятникъ императору Николаю I.—17) Археологическое общество.—18) Римскія монеты въ Юго-Западномъ краѣ.—19) Двадцатипятилѣтняя годовщина смерти Ершова.—20) Некрологи: Н. А. Трескинъ; В. Н. Кашперовъ; Н. П. Биллюповъ; Я. А. Ростовцевъ; Н. И. Лавге; Д. И. Прозоровскій; С. Н. Бажина; Д. А. Покровскій 254, 556, 896

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

1) Портретъ Н. И. Гнѣдича.—2) Къ биографіи графа Ангальта. К. Волковскаго.—3) Отъ редакціи.—4) По поводу приписываемыхъ Лермонтову стихотвореній. Вас. Чишыхина 261, 900

Книжное дѣло и періодическая печать въ Россіи въ 1893 г.
Л. Н. Павленкова. 265, 561

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты Н. И. Гнѣдича, Д. Т. Ленскаго и К. К. Случевского. 2) Подъ тѣнью меча. (The Shadow of the Sword). Романъ изъ эпохи Наполеона I. Роберта Буканана. Переводъ съ англійскаго. XLIV—LVIII и эпилогъ. (Окончаніе). 3) Объявленія книжнаго магазина «Новаго Времени» А. С. Суворина.

КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ СЛУЧЕВСКІЙ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СИБ., 26 АВГ. 1894 Г.

ЮРЬЕВА МОГИЛА¹⁾.

XLIV.

НОХИМЪ ВОЛЬКЕНМАНЪ изрѣдка бывалъ на хуторѣ, и Кондратій Захарычъ благодушно по-смѣивался надъ нимъ, однако съ отѣнкомъ уваженія къ личной чести старога жида. Нохимъ находилъ въ порядкѣ вещей такое обращеніе съ собою, и шутки помѣщика заставляли его снисходительно улыбаться.

— Что у васъ за жидъ такой проявился, хромой? — спросилъ Кондратій Захарычъ. — Такого въ Глубокой, кажется, не было... Что-то въ родѣ лягушенка?

Нохимъ помолчалъ и серьезно проговорилъ:

— А, сволочь!

— Хлѣбъ у тебя отбиваетъ, не правда ли?

— Собака — больше ничего. Паршивый изувѣръ! Онъ отбиваетъ у меня дочку — совсѣмъ другога дѣла!

Еврей высморкался.

— Извините, пожалуйста. Онъ большой смутьянь. А дочка моя розочка. Онъ нашепталъ ей въ ухо, и у ней сдѣлался вѣтеръ въ головѣ.

Оба родителя, не смотря на разстояніе, раздѣлявшее ихъ другъ отъ друга во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ, дѣлились при встрѣчѣ своими семейными радостями и огорченіями. Было что-то въ родѣ дружбы. Разумѣется, Кондратій Захарычъ удивился бы и былъ бы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 285.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1894 г., т. LVII.

оскорбленъ до глубины души, если бы при немъ ктонибудь назвалъ Нохима его другомъ. Но не всякому другу можно сказать то, что сказалъ Кондратій Захарычъ Нохиму:

— Ахъ, братъ Нохимъ, глупый ты жидъ, хоть ты и ученый. Развѣ ты не понимаешь, что въ старину только дѣти слушались родителей. Твою дочку смутьянить хромая мокрица, а у меня развѣ весело на душѣ? Колька забралъ себѣ что-то въ голову и пришился къ Саркиной юбкѣ.

— Кондратій Захарычъ, вамъ нельзя гнѣвить Бога!—возразилъ меламедъ.—У васъ будетъ зять первый сортъ, серьезный молодой господинъ. А Сарка такъ воспитана, что она должна выходить замужъ за еврейскаго барона. Можете быть спокойны. Залшевичъ очень умный папаша и хочетъ быть настоящимъ аристократомъ. Ну, что будетъ потомъ? Онъ увезетъ Сарку въ Одессу.

— Большая комиссія съ дѣтьми, Нохимъ!

Еврей глубоко вздохнулъ.

— Кондратій Захарычъ, правда, настали другія времена... Что вы думаете, пришелъ бы я къ вашему папашѣ, и онъ выслушалъ меня, и сейчасъ покрутилъ своего уса, задергалъ плечикомъ, послалъ бы за Тарновицомъ и дралъ его на конюшнѣ, пока у него не стали бы прямые ноги. Ахъ!

— Теперь нельзя!—задумчиво проговорилъ Кондратій Захарычъ.

— Или пошелъ бы я къ становому, далъ пять карбованцевъ, и отвратительный баранъ, который выдаетъ себя за пророческаго юношу, понемножку истлѣвалъ бы въ тюрьмѣ. А вчера нашъ становой сказалъ мнѣ: «Какъ ты смѣешь надоѣдать жидовскими дрязгами! Я больной человекъ—дай мнѣ покой. А не то я вышлю тебя самого изъ Глубокой, христопродавецъ!». Между тѣмъ я вовсе не продавалъ Христа, вы знаете меня, Кондратій Захарычъ.

Выбивъ трубку о крыльцо, Кондратій Захарычъ сказалъ:

— Представъ, Нохимъ, боюсь дома голосъ возвысить, чтобъ со всѣмъ уваженіемъ не потерять.

— Но можно просить у васъ,—заискивающе началъ Нохимъ:—посоветовать Николаю Кондратьичу не передерживать у себя Тарновица и не помогать деньгами. Колонисты не любятъ Тарновица и не пускаютъ въ синагогу. Онъ бы давно, какъ голодный мертвецъ, удиралъ отъ нашихъ несчастныхъ мѣстностей, и мы наложили на него херимъ между собою. Но онъ смѣется и курить себѣ папиросы, какъ миллионеръ, все для того, что его покровительствуетъ благородный сынъ вашъ, и далъ ему свои рубашки и пиджакъ вмѣсто палто. Я очень былъ бы благодаренъ вашей милости и, въ особенности, за сохраненіе дочери—мало что онъ можетъ сдѣлать, проклятый уголовный хвастунъ! Если бы вы напугали его, чтобъ не смѣлъ приближаться на полъ-шага до усадьбы, подъ страхомъ выкручиванья бывшихъ пейсовъ!

— Съ сыномъ придется ссориться,—сказалъ Кондратій Захарычъ. — А ты знаешь, — улыбаясь прибавилъ онъ: — Тарновицъ открылъ намъ, что кровь христіанскую у васъ точно пьютъ.

— У, дрянн! Жидовскій прохвостъ! Если его убьютъ гдѣ нибудь на большой дорогѣ, то я землю буду цѣловать отъ радости. Какъ можно распространять наглое изувѣрство! Нѣтъ, ужъ если кто способенъ пить христіанскую кровь, то, конечно, Тарновицъ. Кондратій Захарычъ, за него я не ручаюсь! Чтобъ я лопнулъ, я за него не могу дать благороднаго слова... А, пархъ! А!

Онъ ругался и уморительно трясъ отъ злости бородой. Ненависть ослѣпляла его, и онъ вѣрилъ, что сказанное ему — правда.

Между тѣмъ, Кондратій Захарычъ уже забылъ, что такое сказалъ онъ Нохиму. Увидѣвъ Бовтуна, онъ подовзвалъ его и спросилъ:

— Что паничъ?

— Только что изволили вернуться.

— Одинъ?

— Привели съ собой жиденка, который всегда у нихъ.

— Ступай. Видишь, Нохимъ, что я могу сдѣлать? И Авдотью Ивановну огорчу; а мнѣ жаль старуху. Она добрая, и плачетъ, если я накричу на Кольку. Скажу тебѣ, какъ становой: оставь меня въ покоѣ. У васъ вѣдь кагалъ; распорядитесь сами, и вся недолга. Чортъ съ нимъ! Прощай, Нохимъ, не сердись. Гарпинка, оборони жида отъ собакъ!

Озлобленіе Нохима противъ Тарновица заняло Кондратія Захарыча, и онъ цѣлый вечеръ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Нохимовская трагедія казалась ему забавнымъ фарсомъ. Послѣ ужина онъ пожалѣлъ, что не свелъ вмѣстѣ двухъ жидовъ: было бы даровое представленіе.

XLV.

Рано утромъ Тарновицъ всталъ и поспѣшилъ обмыть концы пальцевъ. Онъ дѣлалъ это машинально каждый день, чтобы согнать нечистую силу, въ существованіи которой онъ, впрочемъ, сомнѣвался. Николай Кондратьевичъ также проснулся, но лежалъ съ открытыми глазами. Взглянувъ на него, Тарновицъ надѣлъ ципесъ — нагрудникъ изъ какой-то грязной желтоватой матеріи, съ нижняго края которой висѣли тесемки. Шевеля губами, онъ поцѣловалъ ципесъ и, подойдя къ окну, сталъ нараспѣвъ читать молитву. Окончивъ ее, онъ надѣлъ на голову четырехугольный ящичекъ съ ремешкомъ, распустилъ концы ремешка по плечамъ и окрутилъ руку семь разъ длиннымъ ремешкомъ, на которомъ тоже былъ ящичекъ. Самъ Богъ исполняетъ такой точно обрядъ; Тарновицъ считалъ его обязательнымъ и для себя. Помечтавъ объ Іерусалимѣ съ восторженнымъ лицомъ, Тарновицъ пробормоталъ и про-

выль, что полагается по уставу тѣфилина, сложилъ свое богомолье въ мѣшечекъ и, обратившись къ Николаю Кондратьевичу, сказалъ:

— Съ добрымъ утромъ васъ! Я нарочно заставляю себя исполнять старинныхъ обычаевъ, потому что въ нихъ есть кое-чего прекраснаго. Уже прекрасно то, что самъ Моисей установилъ ихъ. Его, Шекспира, отчасти Гете, кого-то, мною не называемаго, и личность, имѣющую явиться въ непродолжительномъ будущемъ, я причисляю къ величайшимъ фигурамъ, когда либо населявшимъ оба земныя полушарія.

— А вы знаете, Тарновицъ,—проговорилъ Николай Кондратьевичъ, вставая и одѣваясь:—обрядовыя мелочи, всетаки, слѣдовало бы уничтожить. Нашъ союзъ никогда не будетъ имѣть много членовъ, если имъ придется носить цицесы и покрываться талесами. Отчего же и не обрѣзаться?

— Я ничего не имѣю противъ обрѣзанія, — отвѣчалъ Тарновицъ: — но, конечно, для младенческихъ субъектовъ и притомъ иудейскаго происхожденія. Я даже намѣренъ настаивать... Глупо ссориться съ Моисеемъ. Ну, а что касается до талесовъ и цицесовъ и еврейскаго языка, то бывшимъ православнымъ христіанамъ, которые вступили до нашего библейскаго союза, ничего подобнаго рѣшительно не надо. Бывшіе раввинисты пусть молятся, какъ имъ заповѣдано, а бывшіе христіане могутъ превращаться въ наивныхъ первобытныхъ людей, благоговѣющихъ предъ сильными ударами грома, предъ высокимъ деревомъ, передъ могущественнымъ силачемъ и прочими продуктами утрашеннаго воображенія. Всякій молодецъ на свой образецъ, лишь бы были выработаны принципы терпимости за уничтоженной чертой осѣдлости.

— Я бы не хотѣлъ такого раздѣленія нашихъ единомышленниковъ на обрѣзанныхъ послѣдователей моисеевой обрядности и на...

— На рационалистовъ?—подхватилъ Тарновицъ.—Ну, ну, что же дальше?

— Надо добиваться сліянія и взаимныхъ уступокъ.

— Что? Уступокъ? Какихъ? Если два друга подаютъ взаимныя руки, то одинъ изъ нихъ отрываетъ ли себѣ носъ, чтобы угодить другому? Нисколько. Они остаются съ своими индивидуальными носами, какъ двѣ птицы, летящія въ далекую теплую страну для одной цѣли, но принадлежащія къ разнымъ породамъ. Развѣ дѣлается ласточка воробьемъ, когда она улетаетъ съ нимъ въ центральную Африку?

— Воробей совсѣмъ не улетаетъ,—замѣтилъ зоологъ.

— Я примѣрно говорю. Ну, а гусь? Уже громаднаго затрудненія представляетъ разрѣшеніе талмудическихъ авторитетовъ и возвращеніе къ пятикнижію. Гораздо легче ожидовлять христіанъ, чѣмъ охристіанивать нашего упрямаго лапсердачнаго племени. Но нѣтъ, фэ! ни того, ни другого! Просто подадимъ другъ другу пожи-

маемыя руки и гой! «впередъ, безъ страха и сомнѣнья!» Позвольте, маленькую секундочку, это мое стихотвореніе или такъ показалось мнѣ, что будто чье-то чужое? А, вспомнил! Я немножко передѣлывалъ его, въ примѣненіи къ еврейскому народу. «Впередъ безъ страха и сомнѣнья! въ лучахъ зарницы искупленья!»...

Лицо Тарновица омрачилось, онъ устремилъ въ даль грустные глаза, на лбу его прорѣзались подковообразныя морщины, и онъ сталъ кивать головой.

— О! когда же я зажгу тебя, зарница? Сколько я еще противорѣчій долженъ буду выслушивать! Какъ многіе не поймутъ моихъ мыслей и будутъ толковать мои изреченія шиворотъ-на-выворотъ! Сколько печальныхъ разочарованій ожидаетъ меня! Шаодъ, отецъ мой!—воскликнулъ онъ, обративъ къ небесамъ, озареннымъ лучами солнца, глаза, наполненные слезами.

Если Николаю Кондратьевичу приходило въ голову, что Тарновицъ ломается, онъ поскорѣе прогонялъ отъ себя злую мысль и укорялъ себя въ безчестномъ отношеніи къ человѣческой природѣ. Онъ искусственно понижалъ себя въ то время, какъ ему казалось, что онъ возвышается духомъ.

XLVI.

— Вымпель! дорогой мой песь! Можно быть съ характеромъ, но не имѣть силы воли. Я двадцать лѣтъ буду собираться сдѣлать то, что я долженъ сдѣлать... а ты все будешь смотрѣть на меня и улыбаться.

Вымпель въ отвѣтъ махалъ шелковымъ пушистымъ хвостомъ и какъ будто понималъ горе Николая Кондратьича. Во всякомъ случаѣ, полное одиночество было бы невыносимо для Николая Кондратьича. Вымпель развлекалъ его.

Передъ обѣдомъ молодой человѣкъ получилъ отъ отца внушеніе за Тарновица.

— Съ какой только дрянью ты ни сходишься! У тебя бываетъ и самозванный графъ, и теперь жидовскій недоносокъ.

Напрасно сынъ увѣрялъ, что Тарновица не плѣняютъ никакія матеріальныя выгоды: онъ безпеченъ, какъ мудрецъ, и чуждъ корысти, какъ святой. Кондратій Захарычъ смотрѣлъ на Тарновица практичнѣе.

— Ни на что не способенъ, оттого и безкорыстенъ. Безкорыстныхъ людей вообще нѣтъ. Нохимъ какъ-то говорилъ мнѣ, что талмудъ не признаетъ ученыхъ и поэтовъ за людей, если они не занимаются какимъ нибудь ремесломъ или торговлей. По-моему—мудро. Левъ Толстой такого же мнѣнія. Ты же самъ носился съ Толстымъ въ прошломъ году. Тарновицъ пустомеля и выпѣживаетъ изъ тебя деньги не хуже Потоцкаго. Сколько разъ я ставилъ

тебѣ на видѣ, Николай, что ты живешь въ моемъ домѣ, а не на квартирѣ, и можешь принимать у себя только такихъ людей, которыхъ я одобряю. Пусть я неправъ, но я отецъ.

Воспоминаніе о выговорѣ тревожило Николая Кондратьича, тѣмъ болѣе, что ему надо было попросить у отца сравнительно крупную сумму именно для Тарновица. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по флигелю, наконецъ, одѣлся, надушился и поѣхалъ къ Саррѣ.

XLVII.

Съ Саррой у него было условлено, что она должна въ извѣстный часъ дня выходить или выѣзжать изъ дому. Мѣстомъ свиданья служилъ старый дубъ: подъ его сводами молодые люди впадали въ восторженное настроеніе; имъ казалось, что сама природа сочувствуетъ ихъ страсти. Здѣсь они впервые познакомились, и это еще болѣе закрѣпляло ихъ привязанность къ очаровательному дубу. Въ послѣднее время многовѣковое дерево дружески простирало надъ ними свои вѣтви и въ вѣдро, и въ ненастье; оно было безмолвнымъ свидѣтелемъ ихъ взаимныхъ клятвъ, поцѣлуевъ, объятій и маленькихъ размолвокъ, такъ какъ Сарра, по временамъ, капризничала и ссорилась съ Николаемъ изъ кокетства, изъ желанія вносить разнообразіе въ свои сердечныя отношенія къ нему. Надуть губки, отвернуться, молчать и просить прощенія, какъ дѣвочка, отдаваться всей душой, изобрѣтать нѣжныя слова и говорить: «теперь ужъ миръ на всю жизнь», — Сарра была искусница. Въ каждой складкѣ ея платья сидѣлъ маленький купидонъ, въ каждомъ завиткѣ волосъ, въ ямочкахъ щекъ и подбородка; но неизвѣстно, чѣмъ было наполнено ея сердце. Правда, оно было горячо. Такого горячаго сердца Николай Кондратьичъ еще не встрѣчалъ. Не было безумнаго рѣшенія, на которое Сарра мгновенно не согласилась бы, и самые неблагоприятные шаги дразнили и радовали ея воображеніе. Она порхала, какъ мотылекъ; также необдуманно она лѣзла на огонь и готова была сжечь на немъ крылья.

Дубъ не только давалъ пріютъ молодымъ людямъ, но и служилъ посредникомъ между ними. Не смотря на разрѣшеніе Соломона Борисовича, не ловко было Николаю Кондратьичу буквально каждый день бывать въ Каменномъ Бродѣ. Саррѣ доставалось, если Николай Кондратьичъ становился частымъ гостемъ. Какъ пушкинская «барышня-крестьянка», она клала записочки въ дуло дуба. Но такъ какъ отвлеченныя радости были мало понятны ея натурѣ, то она присоединяла всегда къ хорошенькому конвертику что нибудь сладкое и приписывала: «съѣшьте немедленно прилагаемую замѣчательную конфету, но, кушая, непременно думайте обо мнѣ». Дубъ былъ безопаснѣе и скромнѣе иной почтовой конторы.

Все же, тайна молодыхъ людей была извѣстна и Соломону Борисовичу, и Кондратию Захарычу. «Графъ» Потоцкій совершенно случайно недѣли за двѣ передъ тѣмъ увидаль издали Сарру и Николая подъ старымъ дубомъ. Онъ долго колебался, на чью сторону стать: сдѣлаться ли окончательнымъ другомъ Николая Кондратьича и, такимъ образомъ, имѣть право еженедѣльно брать у него безъ отдачи по красненькой, или же выслужиться передъ Соломономъ Борисовичемъ и показать ему, что въ домашней жизни Каменнаго Брода графъ Потоцкій принимаетъ искреннее и почти родственное участіе, а потому ему можно прибавить нѣсколько рублей въ мѣсяць, чтобы онъ могъ по крайней мѣрѣ курить хорошія сигары. Взвѣсивъ то и другое, Станиславъ Адамовичъ предпочелъ Соломона Борисовича. Кондратія же Захарыча посвятилъ въ тайны дуба Бовтунъ, который искони считалъ своей обязанностью быть не только приказчикомъ, но и хуторскимъ шпіономъ, и, тщетно потерявъ время на выслѣживаніе профессора, остановился на Николаѣ Кондратьичѣ.

Что касается до молодого человѣка, то отецъ махнулъ рукой, возложивъ всю надежду на скорый отъѣздъ его за границу, который долженъ былъ состояться сейчасъ послѣ свадьбы Елены. Сарра же была подвергнута строжайшему надзору и опека. Но она такъ быстро стала худѣть и блѣднѣть, не дотрогивалась до блюдъ, перестала играть на роялѣ, сидѣла не одѣтая и не причесанная въ своей спальнѣ, съ такимъ отчаяніемъ ломала руки и такъ плакала по ночамъ, когда Лія Николаевна нацыпочкахъ приближалась къ ея кровати, узнать, дома ли она, что Соломонъ Борисовичъ, любившій ее тою острою родительскою любовью, которая чаще всего встрѣчается только у евреевъ, нашелъ необходимымъ ослабить возжи. Узнавъ отъ Ліи Николаевны, что Сарра, не смотря на тайныя встрѣчи съ Николаемъ, чиста и, выслушавъ дочь, которая клятвенно, со слезами, подтвердила ему, что она невинна, Соломонъ Борисовичъ вздохнулъ и съ сокрушеннымъ видомъ позволилъ ей быть свободной попрежнему, но... Тутъ дочь закричала: «папочка, не оскорбляйте моихъ ушей!» и бросилась къ нему на шею, прижимаясь къ его лицу своими раскраснѣвшими, мокрыми отъ слезъ щеками. Свиданія подъ дубомъ изъ тайныхъ превратились въ явныя.

Но сегодня Саррѣ было скучно ожидать Николая, а когда онъ пріѣхалъ, ей стало казаться, что изъ всего лѣса на нихъ устремлены безчисленные глаза. Можетъ быть, никого не было; но она церемонно подала руку Николаю и все время говорила почти шепотомъ. Краснорѣчивъ былъ только румянецъ, игравшій на ея щекахъ. При малѣйшемъ шорохѣ она вздрагивала, оборачивалась и подносила палецъ къ губамъ.

XLVIII.

К. Застѣнчивость Сарры и ея сдержанность сообщились Николаю. Онъ ничего не разказалъ ей о Тарновицѣ. Но на другой день онъ обѣдалъ въ Каменномъ Бродѣ и, улучивъ минуту, сообщилъ Саррѣ, что Тарновицъ влюбленъ въ Соню Волькенманъ, и что его преслѣдуютъ глубочинскіе жидаы, что Похимъ противится счастью дочери, и что ему надо достать сто рублей, самое малое, чтобы убѣжать съ Соней.

— Убѣжать?— переспросила Сарра, вся вспыхнувъ.— И Соня согласна?

— Конечно.

— И ты сочувствуешь ей?

— Да.

Сарра схватила руку Николая и поцѣловала.

— Всѣ влюбленные наши б'атья и сест'ы,— сказала она.— Бѣдненькая Соня! Я помню, она ду'очка, а онъ х'омой чо'тъ. Но все-таки они будутъ счастливы, а въ этомъ все. У меня есть двѣсти гублей—возьми и отдай.

Подопель Соломонъ Борисовичъ и вперилъ въ молодого чело-вѣка унылый взглядъ. Лія Николаевна тоже, по обыкновенію, уныло смотрѣла на гостя своими рыжими глазами. Николай Кондратьичъ, не питавшій къ евреямъ ничего, кромѣ уваженія къ ихъ національному генію, не хотѣлъ понять, за что относятся къ нему съ такимъ затаеннымъ недоброжелательствомъ родители Сарры. По внѣшности, они были очень любезны съ нимъ и предупредительны. Но съ первыхъ же визитовъ своихъ въ Каменный Бродъ онъ, не смотря на всю неопытность своей довѣрчивой души, почувствовалъ, что его боятся и только потому ухаживаютъ за нимъ, что считаютъ опаснымъ врагомъ дома. Онъ старался оказывать услуги Соломону Борисовичу и Лиі Николаевнѣ; ничто не помогало.

Теперь Соломонъ Борисовичъ сѣлъ рядомъ съ Николаемъ Кондратьичемъ и сталъ вздыхать. Послѣ молчанія онъ спросилъ:

— О чемъ вы бесѣдовали съ моей дочкой, если не секретъ для ея законнаго отца?

Какъ разъ нельзя было сказать; пришлось солгать, и такъ какъ лгать Николай Кондратьичъ не умѣлъ, то вышла тяжелая сцена. Саррѣ стало смѣшно, она засмѣялась и убѣжала, кокетливо спрятавъ лицо въ кружевной передникъ.

— Гм!— началъ Соломонъ Борисовичъ:— je comprend! Какъ истинно порядочные люди, можемъ ли мы плутовать и обманывать взаимное наше довѣріе?— Прищуривъ глазъ, онъ продолжалъ:— Любовь руководитъ къ благородной цѣли въ тѣхъ, однако, слу-

чаяхъ, гдѣ она не сталкивается съ національнымъ суевѣріемъ и, какъ выражается поэтъ, «бьетъ своимъ звенящимъ крыломъ по единокровнымъ сердцамъ». Но если одна кровь зеленая, а другая голубая — *ce n'est pas la même chose*. Любовь дѣлается преступнымъ бременемъ чувствительныхъ юношей и опозориваетъ сѣдины родителей. Я самъ ужъ немножко сѣдой. Есть хорошія краски для волосъ, но я не хочу ими пользоваться. А я бы могъ достать въ Парижѣ превосходныя краски, и совсѣмъ не было бы замѣтно. Но я не стыжусь быть отцомъ такого прекраснаго сокровища, какъ Сарра. Положите руку на вашу грудь, Николай Кондратьевичъ, и объявите, такъ ли я дѣлаю?

— Благодарю васъ, что вы сами начали разговоръ, — сказалъ Николай Кондратьичъ. — Повѣрьте, мнѣ тяжело не меньше вашего. Я, напримѣръ, не понимаю: если вы противъ моей склонности къ Саррѣ, то почему принимаете меня такъ ласково, а если не противъ, то отчего вы такъ терзаете меня дурными подозрѣніями?

— Она совершенный ребенокъ!

— И я не старъ. Отчего же намъ не быть мужемъ и женой?

Соломонъ Борисовичъ вскочилъ, какъ ужаленный. Когда онъ повернулъ къ Николаю Кондратьичу лицо, оно было зловѣще красно. Странно улыбнувшись и показавъ клыкъ, Соломонъ Борисовичъ надменно и саркастически спросилъ:

— Не дѣлаете ли вы намъ честь тѣмъ, что я долженъ буду на вѣчныя вѣки отказаться отъ своей дочери, которая станетъ вдобавокъ христіанкой?

— Христіанкой она станетъ только формально, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, тоже вставая. — Чтожъ дѣлать, Соломонъ Борисовичъ! Еслибъ можно было, я бы самъ принялъ іудейство: я не могу жить безъ Сарры, и я знаю, что она меня любитъ!

Соломонъ Борисовичъ поднесъ руку ко лбу, къ галстуху, ослабилъ его, и съ короткими, отрывистыми стенаніями, мотая головой, опустился на кресло.

— Нѣтъ, не бойтесь ничего; я еще не умираю. *Je ne meurs pas encore*. Охъ! Садитесь, добрый молодой человѣкъ. По нашимъ еврейскимъ понятіямъ, еслибъ вы стали даже прозелитомъ, намъ унизительно смѣшивать кровь. У насъ есть гордость, о которой вы представленія не имѣете. Но неужели я сдѣлаю уступку современному духу на манеръ вѣнскихъ и румынскихъ евреевъ? а? И что тогда будетъ съ вашимъ папенькой? а? Нѣтъ! нѣтъ! Развѣ я сумашедшій? Развѣ не сказано, что пускай лучше погибаетъ твое дитя, чѣмъ спасется иноплеменникъ? Вы же — иноплеменникъ, Николай Кондратьичъ, поймите. Я же терплю васъ оттого, что вы сильнѣе меня. Я долженъ презирать васъ и предать васъ смерти за одно ваше намѣреніе жениться на моей дочери. Гуманный вѣкъ

заставляетъ меня смотрѣть на васъ, какъ на пріятеля, потому что вы христіанинъ, но еврей, который сидитъ во мнѣ, обязанъ ненавидѣть васъ — не иначе. Стойте! дайте вашу благородную руку, пожимайте мою. Мнѣ легче, — шепотомъ и съ тоскою произнесъ онъ: — я выше дурацкихъ предрассудковъ. Поѣзжайте въ Вѣну, я дамъ письмо къ одному тамошнему раввину бенъ-Каену... Тс! Какъ бы насъ не подслушали стѣны? Но Сарра никогда не будетъ христіанкой. Тс!?

Послѣ долгихъ разговоровъ Соломонъ Борисовичъ призвалъ на совѣтъ жену и вызвалъ дочь, расплакался отъ избытка родительскихъ чувствъ, и, наконецъ, было рѣшено, что Николай Кондратьевичъ обвиняется съ Саррой въ Вѣнѣ по еврейскому обряду; а въ Россіи могутъ думать о Саррѣ что угодно родные Николая Кондратьевича — христіанства она не приметъ.

Весь вечеръ провелъ Николай Кондратьевичъ въ Каменномъ Бродѣ. Весь вечеръ дрожали пальцы у Соломона Борисовича, и дрожалъ голосъ. И всѣмъ было неловко и тяжело. Но казалось, что иначе нельзя поступить. Одна только Сарра была весела и въ присутствіи родителей все ласкалась къ жениху. Ужинали въ библиотекѣ. Со стѣнъ смотрѣли старинные портреты, или контрафакты, какъ назывались они прежде на Украинѣ. И загорѣлыя, бурья и желтыя лица древнихъ пановъ и паней, казалось, съ удивленіемъ наблюдали сидѣвшихъ за столомъ живыхъ людей. Что за пришельцы? Откуда? И ты, потомокъ исконныхъ владѣльцевъ края, что ты задумалъ? Въ особенности былъ выразителенъ портретъ смуглаго длинноносаго господина, у котораго на плечахъ поверхъ кунтуша былъ надѣтъ плащъ, въ родѣ талеса. Необыкновенно грустная мысль оживляла выпуклые глаза, и жилистая рука судорожно сжимала книгу. Сарра давно уже замѣтила, что портретъ похожъ на Николая. Но сегодня въ его глазахъ стало мелькать безпокойство, котораго прежде не было, и сходство съ портретомъ усилилось.

На прощаніе Сарра сунула въ руки Николаю свертокъ.

— Дочь моя, — съ упрекомъ сказалъ Соломонъ Борисовичъ: — à present, кажется, когда мы сдѣлали послѣднее усиліе, можно было бы обходиться безъ billets-doux.

Николай Кондратьичъ поспѣшилъ сѣсть въ экипажъ. Въ свертокѣ заключались деньги для Льва Тарновица.

XLIX.

Еще сентябрскіе дни дышали нѣгой и тепломъ, и мало было желтыхъ листьевъ. Золотая просѣдъ тронула только липы и клены. Теплый ветеръ дулъ съ утра до вечера, и безоблачное небо ласково

разстиралось надъ степью, снова зазеленѣвшей, послѣ того, какъ она была высушена лѣтнимъ зноемъ. Но дрозды уже собирались стаями и перелетали съ дерева на дерево. Овцы какъ-то унылѣе сбивались въ кучу, словно чуя, что подросли молодые волки. Николай Кондратьичъ сталъ охотиться за дрофами и, такъ какъ у него не было борзыхъ, то онъ стрѣлялъ осторожныхъ птицъ изъ-за передвижнаго прикрытія— изъ-за вѣтвей, съ зелеными вѣтками. Ему удалось убить одну птицу, и ее на три дня зарывали въ землю, прежде чѣмъ мясо ея можно было употребить въ пищу. Полевые работы давно были кончены, и изъ клуны доносился мѣрный стукъ молотилки, мельница на Юрьевой Могилѣ работала съ возрастающей бодростью и неутомимостью. Прозрачнѣе сталъ воздухъ и пустыннѣе садъ и огороды.

L.

Когда Николай Кондратьичъ передалъ Тарновицу деньги, анти-талмудистъ произнесъ:

— Не оскудѣетъ рука дающаго. Превосходное изреченіе! Можетъ быть, я и еще намѣренъ обращаться къ вамъ. Кажется, я дѣлаюсь безумнымъ отъ восторженной радости. Ахъ, жаль, что невозможно скакать на хромыхъ ногахъ!

— Тарновицъ, деньги не мои; ихъ даетъ вамъ Сарра Залшевичъ.

— Благосклонная дѣвушка! Ангель! Я тогда сказалъ ей нѣсколько пріятныхъ словъ, и она не осталась въ долгу, какъ истинная княжна. Идеальнымъ поступкомъ своимъ она искупаетъ грѣхъ отца, потому что я теперь простилъ ему.

— Соломонъ Борисовичъ хорошій.

— Готовъ думать, или, вѣрнѣе, совсѣмъ не буду о немъ думать. Но образъ Сарры унесу съ благословеніемъ въ самый адъ, если я туда попаду, какъ обѣщаетъ мнѣ старая глупая говядина, меламедъ Нохимъ. Но, другъ мой, все-таки, Николай Кондратьичъ, вы мой единственный другъ мужескаго рода! Безъ васъ я погибалъ бы. Я проводилъ въ вашемъ тепломъ обществѣ мои лучшіе часы размышленія; вы наталкивали меня на глубокіе вопросы, и я считалъ бы профессора Кленовича еврейскимъ пріателемъ. Разумѣется, офиціально я долженъ считать его пріателемъ, все равно. Не слѣдуетъ уменьшать численность пріателей. Но внутренній глазъ мой уже смотритъ на него и не мигаетъ. Я вамъ обязанъ еще признаніемъ могущества моей мысли. Хотя вы прямо этого не высказывали, но я же не дуракъ, и напротивъ я довольно проницателенъ. Еще я обязанъ вамъ величайшимъ моимъ сладострастіемъ! Я даже весь какъ на электрическихъ иголкахъ. Уже я ясно предчувствую, что Соня будетъ моей, и потомкамъ я пере-

дамъ свои убѣжденія, если когданибудь умру. Другъ мой, какъ же мнѣ поблагодарить васъ? У меня пока ничего нѣтъ. Я могу вамъ предложить только «ты»!

Николай нагнулся и обнялъ Тарновица.

— А, сволочь! — сказалъ ему на ухо Тарновицъ.

Николай вспыхнулъ и отшатнулся, но, вспомнивъ, что Тарновицъ исполнилъ обычай дурного тона, ничего не сказалъ. Вечеромъ онъ проводилъ его въ своей таратайкѣ до полустанка. Соня ожидала Тарновица на слѣдующей станціи.

Нохимъ на другой день пришелъ къ Кондратію Захарычу. Лацканъ его кафтана былъ разорванъ, слезы катились изъ глазъ. Онъ даже не испугался собакъ, и Вѣдьма, изумившись такому неожиданному безстрашію жида, разочаровалась, сообразила, что ничего нѣтъ пикантнаго въ лаѣ и брехѣ, и зѣвнувъ отбѣжала къ сторонкѣ; ея примѣру послѣдовали другіе псы.

— Богъ мой! — вскричалъ старикъ: — меня даже собаки жалѣютъ, а единоутробная дочь надругалась надо мной!

— Ужъ такое правило у нынѣшнихъ молодыхъ людей, братъ Нохимъ, — сказалъ Кондратій Захарычъ. — Моя Елена сама выбрала себѣ жениха и, кто знаетъ, еслибъ я сталъ противиться, развѣ она не убѣжала бы съ нимъ? Не намъ жить, а имъ. Намъ умирать пора. Наше дѣло благословлять. Утѣшься, у тебя другая дочка есть.

— Другая? — хриплымъ голосомъ переспросилъ Нохимъ, борода его затряслась, бѣлые локоны пейсовъ запрыгали. — Гершка факторъ лишилъ меня другой дочери... Сатана! И я не могу даже на него пожаловаться, потому что онъ богатъ и уже два раза ѣздилъ отъ Залшевича въ Одессу. Ахъ, кажется, я не очень много согрѣшилъ въ своей жизни и старался дѣлать, какъ требуетъ совѣсть; ни съ кѣмъ не судился, ни у кого не бралъ денегъ взаймы, а самъ давалъ безъ процентовъ, научилъ грамотѣ, можетъ быть, десять тысячъ человекъ, справлялъ всѣ праздники и не напивался пьянымъ. И за что же я такъ обиженъ? Гершка познакомилъ глупую дѣвочку съ графомъ Потоцкимъ. Онъ продалъ ее, потому что ей захотѣлось имѣть такія аметистовыя сережки, какъ тѣ, которыя подарила Сонѣ Елена Кондратьевна, быть проклята та минута.

Старикъ изливался въ жалобахъ и, не смотря на свои годы, выражалъ горе такими живыми тѣлодвиженіями, что казалось, будто онъ на пружинахъ. И хотя Кондратій Захарычъ понималъ, какъ онъ страдаетъ, и сочувствовалъ ему, но все же улыбка играла на его губахъ.

— А я вижу, что жида испорченный народъ... Дрянъ народъ! — сказалъ онъ.

Но іудейская гордость заговорила въ Нохимѣ.

— О-хо-хо-хо-хъ! Развѣ маленькаго Йоселя не продали братья?— спросилъ онъ упавшимъ голосомъ.— Я самъ виновать, что остался вдовцомъ; еслибъ онѣ имѣли мачиху, было бы кому досматривать. Извините за надоѣдливаго разговора.

— Подожди, Нохимъ; можетъ, тебѣ денегъ надо?

— Денегъ! Какой же вы великодушный панъ!— съ умиленіемъ вскричалъ Нохимъ и поцѣловалъ Кондратія Захарыча въ плечо.— Нѣтъ, денегъ не надо: развѣ онѣ могутъ меня утѣшать? Дайте мнѣ немножко смерти, пожалуйста!

Солнце зашло, и мельница черно-сизымъ силуэтомъ выдѣлялась на багрово-огненномъ фонѣ заката. Опасаясь поздней и темной дороги, Нохимъ поторопился вернуться въ Рлубоку.

II.

Нѣсколько дней были посвящены невозмутимому отдыху. Однажды послѣ довольно рѣзкаго разговора о Тарновицѣ— въ бесѣдѣ принимали участіе Николай Кондратьевичъ, Кондратій Захарычъ и профессоръ— рѣчь зашла вообще о еврейскихъ пророкахъ. Профессоръ замолчалъ. Нетерпимость Николая Кондратьича къ нему становилась чрезмѣрна. Гуляя затѣмъ вдвоемъ съ Еленой, Павелъ Ивановичъ самъ предложилъ ей рассказать вечеромъ объ одномъ изъ характернѣйшихъ еврейскихъ пророковъ раввинскаго періода, о Сабатаѣ Цви. По обыкновенію, Елена зашла послѣ ужина къ жениху.

— Во мнѣ все больше и больше просыпается потребность читать лекціи,— сказалъ онъ.— Признаться вамъ по правдѣ, скучновато бездѣйствіе.

Онъ закурилъ папиросу.

— Сдѣлайте милость, Павелъ Ивановичъ! Аудиторія готова. Итакъ, кто былъ такой Сабатаѣ Цви?

— Исторія Сабатаѣ Цви чрезвычайно интересна,— сказалъ профессоръ.— Если бы успѣхъ сопровождалъ до конца проповѣдь этого пророка, то повторилось бы магометово время. Фактъ появленія Сабатаѣ Цви и значительное распространеніе его ученія во всякомъ случаѣ говорятъ въ пользу того, что талмудъ не удовлетворяетъ еврейскія массы, и среди самихъ раввинистовъ живетъ потребность обновленія. Надо замѣтить, что въ концѣ XIII столѣтія въ Италіи или въ Испаніи была написана книга Симеономъ бенъ-Иохаемъ «Зогаръ». Книга дала начало цѣлому ряду кабалистическихъ сочиненій. Изъ кабалистическихъ авторитетовъ прославился въ числѣ другихъ Исаакъ Луріе, умершій въ ранней молодости. Каббала распространилась не только въ Италіи и южной Франціи, сѣверной Испаніи и южной Германіи, но и обняла собою страны,

подвластных туркамъ. Въ началѣ XVII вѣка въ Турціи, въ одной малоазіатской деревушкѣ жилъ еврей Нафтали, собиравшій травы и продававшій ихъ египетскимъ врачамъ и торговцамъ для бальзамизированія. Былъ у него сынъ Самуиль, считавшійся величайшимъ астрологомъ. Вмѣстѣ съ еврейскимъ проповѣдникомъ Абрамомъ они были какъ-то въ гостяхъ въ Смирнѣ у еврея Мордуха Цви, который ожидалъ приращенія семейства. Они втроемъ предрекли Цви, что у него родится сынъ искупитель Израиля и что онъ будетъ Мессією. Дѣйствительно, родился мальчикъ, былъ обрѣзанъ и названъ Сабатаемъ. Когда начался пиръ по случаю радостнаго событія, то три знаменитыхъ жида: Нафтали, Самуиль и Абрамъ, ничего не ѣли. Кушанья, до которыхъ они дотрогивались, вдругъ исчезали — было ясно, что не сегодня-завтра начнется что-то необыкновенное. Въ то же время на Украинѣ у еврея Юдки родилась дочь Сарра. Въ первую казацкую войну, то-есть въ 1648 году, родители Сарры погибли, и семилѣтняя сиротка была отправлена въ Амстердамъ. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, она увидѣла сонъ, будто ей поклоняются, какъ женѣ мессіи. Кстатѣ, изъ Палестины сталъ распространяться слухъ, что тамъ явился мессія. Сарра отказывалась отъ всѣхъ брачныхъ предложеній и рѣшила ждать своего высокаго жениха. Кровавая расправа казаковъ съ евреями, какъ угнетателями украинскаго народа, началась именно въ тотъ годъ, когда долженъ былъ прійти мессія. Мессіи было тогда семь лѣтъ. Съ мальчикомъ сдѣлался религіозный обморокъ въ годовщину разрушенія Иерусалима. Когда онъ очнулся, его стали разспрашивать, что съ нимъ было. Оказалось, что онъ видѣлъ удивительный сонъ, изъ котораго уразумѣлъ, что онъ есть истинный мессія. Отецъ приказалъ ему молчать. Но мальчикъ по временамъ вбѣгалъ въ домъ и освѣдомлялся при постороннихъ, что значить, что звѣри преклоняются предъ нимъ, что къ нему слетаются съ небесъ крылатыя существа и учатъ его медицинѣ и какъ дѣлать талисманы для огражденія отъ нечистой силы. Окружающіе убѣждались въ мессіанствѣ Сабатая все болѣе и болѣе, и наконецъ онъ былъ отданъ для обученія талмудическимъ и высшимъ наукамъ къ одному великому кабалисту. Скоро онъ выучился употребленію именъ Божіихъ, возымѣлъ силу пророчествовать и пріобрѣлъ власть надъ духами. Затѣмъ онъ женился на дочери раввина Аарона, но черезъ годъ жена обвинила его въ неисполненіи супружескихъ обязанностей, и онъ далъ ей разводное письмо. У Цви уже было много учениковъ. Однажды въ синагогѣ онъ прямо объявилъ, что онъ есть истинный мессія. Раввины осудили его на смерть. Общяя искупить Израиль изъ-подъ ислама и христіанства, Сабатай Цви убѣжалъ въ Салоники, оттуда въ Морею, Аеины, Александрію и, всюду преслѣдуемый, прибылъ въ Иерусалимъ. По дорогѣ къ нему пристало множество почитателей. Онъ

былъ рѣдкой красоты — качество необходимое для пророка, и имѣлъ замѣчательный даръ слова. Смѣлость его поражала раввиновъ: онъ измѣнялъ установленныя молитвы и передѣлывалъ обряды. Тогда у евреевъ, кажется, была мода на гениальныхъ мальчиковъ; въ Иерусалимѣ жилъ семнадцатилѣтній Натанъ, пользовавшійся громадною извѣстностью и женатый на дочери ученаго раввина Иоханана, или Иоанна, который издалъ уже цѣлое сочиненіе въ доказательство, что Сабатай Цви есть истинный мессія. Натанъ съ тестемъ разыграли роль предтечей новаго мессіи. Благоговѣніе, которое выказалъ Натанъ къ Сабатаю, убѣдило всѣхъ еврейскихъ жителей Иерусалима, что онъ дѣйствительно мессія. Раввины вооружились противъ него и его предтечи Натана. Но Цви получилъ приглашеніе поселиться въ Александрію, и сектанты отправились туда. Ихъ встрѣтили богатыми дарами, и въ ихъ честь устраивались праздники. Цви избралъ изъ числа своихъ учениковъ пятьдесятъ апостоловъ. Вдругъ въ ночь на пятидесятницу случилось чудо: въ то время, какъ Цви бесѣдовалъ съ апостолами своими о кабалистикѣ, внезапно раздался изъ-за перегородки невѣдомый голосъ, предвозвѣщавшій свадьбу. Дверь въ горницу, гдѣ толковали ученые мужи, отворилась съ великимъ шумомъ, и вошла красивая, роскошно одѣтая дѣвушка, пала къ ногамъ мессіи, а затѣмъ немедленно исчезла. Дѣвушка была Сарра, дочь покойнаго Юдки, и выписалъ ее Сабатай изъ Ливорно. На свадьбѣ Цви пировало до двадцати тысячъ евреевъ. Число сабатаевъ, какъ стали называться послѣдователи новаго пророка, росло съ каждымъ днемъ и вскорѣ дошло до ста тысячъ. Образовалось цѣлое государство. Сабатай совершилъ торжественный ходъ по улицамъ Александріи и объявилъ: «Истинно, истинно говорю вамъ: не пройдетъ четырнадцати мѣсяцевъ, какъ начнется царствіе мессіи, и я созижду храмъ въ Иерусалимѣ». Былъ объявленъ походъ въ Палестину. Изъ всѣхъ странъ потекли деньги въ кассу Сабатая для приличнаго содержанія его двора и на военные расходы, въ случаѣ надобности. Теперь Сабатаю нечего было опасаться іерусалимскихъ раввиновъ, и онъ отправился туда праздновать новый годъ, взявъ съ собою пять тысячъ учениковъ. Слава его гремѣла даже въ Европѣ. Вель онъ изысканную, роскошную жизнь, и, когда онъ выходилъ, то предъ нимъ несли знамя, на которомъ были написаны слова: «Десница Предвѣчнаго превысока». Со всѣхъ сторонъ стекались послы съ драгоцѣнными приношеніями; въ синагогахъ молились за его долготѣіе, какъ за государя. Не смотря на власть Сабатая надъ еврейскими умами, іерусалимскіе фарисеи, вѣрные своимъ традиціямъ не допускать никакихъ новшествъ, вооружили противъ него турецкое правительство. Сабатай Цви съ апостолами переехалъ въ родную Смирну, гдѣ былъ встрѣченъ съ царскими почестями. Онъ самъ, кажется, обезумѣлъ: онъ разгуливалъ по ули-

цамъ Смирны со скипетромъ въ рукахъ и охотно допускалъ вѣрующихъ припадать къ его ногамъ. Молитва о здоровѣ султана въ синагогахъ была замѣнена молитвой за Цви. По повелѣнію Магомета IV, онъ былъ отвезенъ, какъ государственный преступникъ, въ Галлиполь, гдѣ отдѣлали ему великолѣпную квартиру. Доступъ къ нему былъ свободенъ. Слава его еще болѣе возросла, народъ толпился вокругъ его блистательной тюрьмы. Однажды къ нему пріѣхалъ на поклоненіе и польскій жидъ Неемія, который тоже былъ кабалистъ. Онъ сыгралъ роль Гуды Искаріотскаго. Побесѣдовавъ съ Сабатаемъ три дня и узнавъ затаенныя намѣренія Сабатая, онъ прямо отъ него махнулъ въ Адрианополь и объяснилъ султану, что плѣнникъ оболыщаетъ народъ и подготавливаетъ возстаніе, чтобы самому обладать султанскимъ престоломъ. Султанъ приказалъ доставить Сабатая къ себѣ и сказалъ, что онъ хочетъ убѣдиться въ его божественномъ посланничествѣ. «Въ тебя пустять три отравленныя стрѣлы, и, ежели ты не умрешь отъ нихъ, то я признаю въ тебѣ Мессію. Но если ты не увѣренъ въ исходѣ испытанія, то выбери одно что нибудь: или прими исламъ, или тебя казнятъ». Сабатай принялъ исламъ, былъ награжденъ титуломъ эффеңди и распространилъ подъ рукой слухъ, что онъ взшелъ на небо, а только призракъ его принялъ исламъ. Впрочемъ, вскорѣ онъ ввелъ новый догматъ въ свое ученіе — о необходимости евреямъ принимать наружно такую религію, которая господствуетъ въ данной странѣ, оставаясь въ тайнѣ сабатаями. Началось обращеніе евреевъ въ магометанство. Самъ же онъ посѣщалъ синагоги, справлялъ всѣ еврейскіе праздники, и его двоедушная религія возмутила наконецъ великаго визиря: Сабатай Цви былъ посаженъ въ крѣпость. Впрочемъ, онъ скоро былъ выпущенъ на свободу, и умеръ въ Бѣлградѣ. Послѣ его смерти число его сторонниковъ не уменьшилось. Его лицемѣрная система была развиваема и распространяема въ Сѣверной Африкѣ, въ Польшѣ и въ Германіи. На востокъ всѣ сабатеи выдавали себя за правовѣрныхъ магометанъ, а въ западно-европейскихъ земляхъ за католиковъ и у насъ за лютеранъ; сектанты имѣютъ право примкнуть вообще къ какой угодно религіи, лишь бы было выгодно.

— А есть непосредственная связь между соцініанами тѣхъ или другихъ толковъ и сабатеями?

— Непосредственной и осязательной связи, конечно, нѣтъ, или, вѣрнѣе, не было, но была или есть связь духовная — отраженнаго вліянія однѣхъ идей на другія. Жидовское антиринитарианство, возстававшее противъ храмовъ и крестовъ въ югозападной Россіи, могло мирволить сабатеямъ — только; сабатеи въ существѣ своемъ оставались такими же нетерпимыми, какъ и евреи раввинскаго направленія или фарисейскаго; принимая наружно крещеніе, сабатеи всячески сторонились общенія съ христіанами, и ненависть

ихъ къ гоѣамъ была попрежнему велика. Основной догматъ ихъ былъ такой же, какъ и у талмудистовъ: спасется только Израиль, и только Израилю принадлежитъ міръ.

— Секта существуетъ до сихъ поръ? Вы говорили какъ-то о Франкѣ... личность, похожая на Сабатая Цви, не правда ли?

— Франкъ, несомнѣнно, возродилъ сабатеизмъ, и если сабатеизмъ существуетъ, можетъ быть, до нашихъ дней, то благодаря Франку. Происхождение его осталось загадочнымъ. Онъ пріѣхалъ изъ Турціи въ Польшу въ половинѣ прошлаго вѣка и привезъ съ собой значительныя средства. Къ правительству онъ обратился съ предложеніемъ проповѣдывать среди евреевъ католичество и крестить ихъ. Польскіе магнаты стали съ нимъ нянчиться и отдали въ его распоряженіе свои фамиліи. Почти всѣ знатнѣйшія польскія фамиліи были усвоены новокрещенцами. Въ Львовѣ въ 1759 году былъ устроенъ публичный диспутъ между раввинами и сабатеями, или франкистами. Побѣда осталась на сторонѣ послѣдователей Франка. Вскорѣ послѣ диспута прибылъ въ Львовъ самъ Франкъ и торжественно крестился, хотя раньше былъ уже магометаниномъ, оставаясь евреемъ. Взамѣнъ шляхетскихъ правъ неофиты ходатайствовали передъ польскимъ правительствомъ только объ одномъ — чтобы имъ было дозволено образовать независимое среднее сословіе, пользующееся особыми торговыми привилегіями. Хлопотать взялся самъ Франкъ и поѣхалъ въ Варшаву. Но, такъ какъ добрыми католиками было замѣчено, что новокрещенцы справляютъ по пятницамъ шабасъ, а одинъ изъ обращенныхъ выдалъ на судѣ тайны секты, то Франка въ Варшавѣ ожидала большая неприятность — его заточили въ Ченстоховскій монастырь, какъ еретика. Въ монастырѣ, однако, онъ пользовался сравнительной свободой; къ нему плыли деньги со всѣхъ сторонъ, и онъ изъ Ченстохова управлялъ дѣлами секты, какъ полновластный патриархъ.

— Съ избраніемъ новаго короля измѣнилась судьба Франка къ лучшему; онъ былъ выпущенъ на свободу и признанъ мученикомъ. За его послѣдователями утверждены привилегіи, которыхъ они добивались. Благосостояніе сабатеевъ, или франкистовъ, быстро возросло, и Варшава, гдѣ до того времени не было ни одного еврея, наполнилась семитическимъ элементомъ. Неофиты ходили въ модныхъ или польскихъ одеждахъ и при шпагахъ. Франкъ назначилъ нѣкоего Лейбу Нотовича, принявшаго фамилію Лабенцкаго, варшавскимъ вице-патриархомъ, а самъ, въ сопровожденіи жидка, принявшаго фамилію Ясинскаго, отправился проповѣдывать свое ученіе въ Австрію. Послѣ цѣлаго ряда приключеній, Франкъ арендовалъ у одного нѣмецкаго принца его княжество, окружилъ себя царственной роскошью, красивыми женщинами, вооруженными тѣлохранителями, число которыхъ доходило

до тысячи, и успѣхъ его былъ обезпеченъ. Разумѣется, онъ не мечталъ, подобно Сабатаю Цви, о царскомъ престолѣ, однако его терпѣть не могъ императоръ Юсифъ II.

— Въ Варшавѣ на попеченіи Лабенцкаго осталась дочь Франка Ева, дѣвушка необыкновенной красоты, получившая утонченное свѣтское воспитаніе. Сынъ его Юсифъ велъ тоже свѣтскую жизнь въ столицѣ Польши. Ева поспѣшила сдѣлаться, послѣ двухъ встрѣчъ, любовницей короля, и передъ ней открылись всѣ варшавскіе салоны. Черезъ Еву обдѣлывались дѣла франкистовъ. Съ подземнаго бала (который для избранныхъ давалъ братъ короля, примасъ, т. е. первое духовное лицо въ королевствѣ, одинъ изъ самыхъ распущенныхъ людей того времени, развратившій Варшаву) Ева, кое-какъ накинувъ одежды, мчалась на тайный шабасъ новосабатеевъ, тоже справлявшійся, какъ райскій балъ примаса, въ подземной залѣ. Тамъ она встрѣчала облагодѣтельствованныхъ ею единоплеменниковъ, и не только торговцевъ, но и дипломатовъ, и офицеровъ, пѣвшихъ свои молитвы въ талесахъ, наброшенныхъ поверхъ шитыхъ золотомъ кафтановъ. Сначала раввинисты были на ножахъ съ франкистами, но увидѣвъ, что франкисты остаются въ душѣ іудеями, не рождаются съ гоимами и всячески поддерживаютъ своихъ братьевъ, не принадлежащихъ къ сектѣ, они тоже протянули имъ руку примиренія. Не задолго до смерти Франка, послѣдовавшей, кажется, въ девяносто первомъ году, варшавскій вице-патріархъ возсталъ противъ его власти и началъ тѣснить старика, присылая ему мало денегъ. Франкъ скончался отъ апоплектического удара на рукахъ сына, назначивъ его своимъ преемникомъ. Но франкисты не признали патріархомъ молодого кутилу, и патріаршество осталось за Лабенцкимъ, онъ же Нотовичъ. Политическія смуты, погубившія Польшу, не погубили франкистовъ; напротивъ, онѣ были для нихъ выгодны, въ мутной водѣ они ловили рыбу, и во второмъ поколѣніи уже до того слились внѣшними чертами съ кореннымъ населеніемъ, что ихъ можно было отличить только по длиннымъ носамъ и курчавымъ волосамъ. Но свой сектантскій культъ, которому они были обязаны процвѣтаніемъ, они отправляли съ неослабнымъ рвеніемъ. Во время прусскаго владычества, нѣмецкая полиція однажды открыла подземную синагогу франкистовъ. Наполеоновская полиція сдѣлала то же открытіе; но франкистовъ оставили въ покоѣ, когда узнали, что собираются они не съ патріотическими цѣлями, а съ религіозными. Понятно, что съ уравниемъ евреевъ въ политическихъ правахъ съ кореннымъ населеніемъ, сабатеизмъ долженъ исчезнуть, и въ Европѣ онъ повсемѣстно исчезъ, навѣрно. Но въ Россіи онъ существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока сохранится хоть малѣйшая нетерпимость къ еврейству. Какъ ни консервативно еврейство, но внѣшнія формы его измѣняются, какъ видите, въ зависимости отъ

обстоятельствъ. Въ польское время громадную роль, напимѣрь, въ жизни еврейскаго народа играли кагалы; но теперь значеніе ихъ сузилось, и такихъ характерныхъ кагалныхъ постановленій, какія приведены въ качествѣ архивныхъ документовъ въ книгѣ о кагалѣ Брафмана, вѣроятно, уже нельзя встрѣтить. Такъ измѣнился и сабатеизмъ, такъ и хассидизмъ, распространившійся среди польскихъ евреевъ въ началѣ XVIII вѣка. Надъ цадиками, порожденными хассидизмомъ, теперь смѣются сами мало-мальски образованные евреи. Цадикъ, или хассидъ, значитъ праведный. Хассидиты раздѣляются на общины, и каждая изъ нихъ имѣетъ своего царька, или цадика. Каждый еврей долженъ считать за величайшую честь служить цадикѣ и доставлять ему средства къ самой роскошной жизни. Рѣшеніе цадика — законъ, отвѣтъ его на какой бы то ни было предложенный ему вопросъ непогрѣшимъ. За право видѣть его надо платить; кто съ нимъ хочетъ побесѣдовать, платитъ вдвое, а за благословеніе втрое. Онъ врачуетъ прикосновеніемъ и разрѣшаетъ безплодіе. Дотронуться до его руки значитъ получить отпущеніе грѣховъ. Эти еврейскіе чудотворцы пользуются обожаніемъ своихъ и чужихъ общинъ. Я самъ видѣлъ, какъ подъ фаетонъ цадика бросались люди десятками, цѣловали колеса, обнимали ноги лошадей и рыдали отъ счастья. Я помню, что извѣстный еврейскій беллетристъ Багровъ называетъ цадиковъ ядовитыми паразитами, питающимися кровью своихъ безсловесныхъ жертвъ. И что же, хассидизмъ существуетъ только въ областяхъ русской и австрійской Польши, то-есть тамъ, гдѣ очень мало просвѣщенія. Съ распространеніемъ общечеловѣческой грамотности царство цадиковъ окончится навсегда. Но, кажется, милая Елена, мы черезчуръ заговорились. Смотри, уже свѣтаетъ. А тебѣ рано надо вставать.

— Спокойной ночи! Въ самомъ дѣлѣ, скоро четыре часа. Какъ летитъ время! Итакъ вы думаете, что нашъ бѣдный Тарновицъ дурно кончитъ?

— Ни минуты не сомнѣваюсь, — отвѣчалъ профессоръ. — Сами же евреи арестуютъ его, наклеветуютъ на него, и его сошлютъ куда нибудь, какъ безпокойную личность. А можетъ, и еще хуже будетъ: жида отвернутъ отъ него съ молчаливымъ презрѣніемъ. У меня былъ товарищъ изъ евреевъ такой же реформаторъ. Все кричалъ, что земной шаръ есть еврейская территорія, и что не надо никакихъ еврейскихъ земледѣльческихъ колоній, и тѣмъ болѣе не нуждается еврейство въ Палестинѣ. Обновленіе еврейства онъ видѣлъ въ социализмъ и коммунизмъ. Съ такою проповѣдью онъ явился однажды въ синагогу; его отколотили; онъ въ другую — такой же результатъ. Бросилъ онъ университетъ и скитался по разнымъ мѣстечкамъ, какъ Тарновицъ, вездѣ проповѣдуя еврейско-общность имущества. Социализмъ его былъ, впрочемъ, какой-то

мистическій, онъ тоже что-то черпалъ изъ кабалистической литературы. Совративъ двухъ-трехъ жидовочекъ и женившись на нихъ по особому своему обряду, онъ, наконецъ, усталъ бороться, пріѣхалъ Петербургъ и поступилъ въ оперетку на вторыя роли, благо у него былъ хорошій голосъ. У Тарновица нѣтъ даже такого ресурса въ запасъ... Не холодно ли вамъ, Елена? Мнѣ кажется, что я дрожу, или я дѣйствительно дрожу? Прощай, Елена!—сказалъ онъ, не дождавшись отъ нея отвѣта.—У меня голова шумить. Не вѣрится, а вѣдь правда—мы скоро мужъ и жена!

Онъ поцѣловалъ невѣсту въ лобъ и поцѣловалъ у ней руку. Когда она ушла, дулъ предразсвѣтный вѣтерокъ. Сухіе листья, уже упавшіе кое-гдѣ, шуршали подъ ея ногами. Профессоръ вздохнулъ. Холостая жизнь кончалась.

ЛII.

Профессору надо было посѣтить священника отца Гervasія, жившаго въ четырехъ верстахъ отъ хутора, въ селѣ Негрязяхъ. Въ негрязевской церкви должно было совершиться вѣнчаніе. Священникъ читалъ «Сынъ Отечества», когда пріѣхалъ профессоръ. Сверхъ ожиданія, онъ оказался болѣе или менѣе просвѣщеннымъ человѣкомъ. У него нашлась библіотека историческихъ книгъ, а колоссальный зубъ мамонта, которымъ вмѣсто пресъ-папье отецъ Гervasій придавливалъ бумаги и метрическія книги на столѣ, свидѣтельствовалъ о его любви къ старинѣ. О профессорѣ онъ давно ужъ слышалъ и выразилъ искреннее сожалѣніе, что не познакомился съ нимъ раньше. Конечно, онъ постарался показать свой товаръ лицомъ.

— Есть у меня древнія рукописи,—сказалъ онъ:—могу вручить ихъ вамъ за незначительную мзду. Самъ я ужъ старъ и облѣнился, и воспользоваться ими не могу, а во славу науки радъ пожертвовать почти безкорыстно. Церковь наша замѣчательная, обратите вниманіе. Строена запорожскими выходцами; имѣетъ девять банъ и долгое время могла похвастать отсутствіемъ иныхъ гвоздей, кромѣ деревянныхъ. Впослѣдствіи же перестали соблюдать... Впрочемъ, я уже не засталъ деревянныхъ гвоздей. Живопись у насъ старинная съ уніатскимъ пошибомъ и хорошая. Два паникадила есть съ надписаніемъ, что они собственность благовѣрнаго князя Константина Острожскаго; придана имъ форма семи-свѣщниковъ и, хотя низкой пробы, но все же серебряныя. Утвари мало. Не угодно ли взглянуть, профессоръ? А кто тамъ? А позвать ко мнѣ Вавилу! Пусть ключи подастъ отъ церкви! Отъ ризницы дайте мнѣ ключи!

Задыхаясь, отчасти отъ тучности, отчасти отъ волненія и же-

ланья угодить высокому гостю и продать по сходной цѣнѣ рукописи, стець Гервасій надѣлъ поярковую шляпу, вооружился высокою тростью съ бронзовымъ набалдашникомъ и повелъ профессора въ церковь.

Древняя архитектура бросалась въ глаза: корабль несоразмѣрно высокъ, и казалось, будто нѣсколько мельницъ разной величины соединены вмѣстѣ, только нѣтъ крыльевъ. Окна были прорублены тоже высоко. Дерево еще крѣпкое; весь храмъ былъ сложенъ изъ дуба и могъ простоять много лѣтъ. Иконостасъ обновленъ, и обновлена была живопись. Остался нетронутымъ только запрестольный образъ,—страшный судъ. Въ числѣ грѣшниковъ изображены были евреи и какой-то панъ въ кунтушѣ и высокою казацкой шапкѣ, смуглый, длинноносый и съ пейсами. При немъ были полковничьи клейноды. Черти тащили его въ адъ, онъ упирался и смотрѣлъ на жидовъ.

— Старая живопись, лѣтъ триста,—пояснилъ священникъ.

Въ ризницѣ профессоръ заинтересовался полотенцами, богато шитыми золотомъ и цвѣтными шелками, и древней холщевой ризой съ золотыми и блѣдно-лиловыми лиліями. Стариннаго серебра не было: церковь неоднократно грабили свои и чужіе, и только съ присоединеніемъ края къ Россіи кончились для нея тяжелыя времена.

— Нѣтъ ли евангелій?

— Есть,—торжественно объявилъ отецъ Гервасій.— Немного: одно рукописное на пергаментѣ съ миниатюрами. По небреженію нѣсколько листовъ вырвано, неизвѣстно для какой надобности. Конечно, оно ужъ не употребляется, а хранится въ воспоминаніе былыхъ временъ. Преосвященный владыка Амфилохій,—пониживъ голосъ, началъ священникъ:—запросилъ всѣ приходы о евангеліяхъ, писанныхъ уставомъ, и нѣтъ ли также львовскихъ; но грѣшный человѣкъ, востоквала душа моя, и я отрекся, что евангелій древнихъ нѣтъ, достойныхъ вниманія, по моему крайнему разумѣнію. А какъ извѣстно впоследствии стало, что владыка предоставленныхъ евангелій не поворотилъ, то и возблагодарилъ я Бога за внушенную мнѣ осторожность, какъ бы свыше. Также пріѣзжалъ профессоръ археологъ изъ Петербурга по фамиліи Овцынъ—можетъ быть, изволили слышать—и осматривалъ достопримѣчательности въ краѣ, взглянулъ и на нашу церковь. Съ нимъ былъ большой багажъ: весьма усердствовалъ онъ по собиранію священныхъ полотенцевъ и книгъ въ эмалевыхъ и бронзовыхъ окладахъ. Конечно, я евангелія не показалъ! Я такъ рассудилъ: возьметъ въ Петербургъ, представитъ куда слѣдуетъ, получить награду, а между тѣмъ Украина лишится одной изъ своихъ святынь! Вамъ же рѣшилъ обнаружить на томъ простомъ основаніи, что вы нашъ мѣстный человѣкъ и можете только воспрянуть

душой отъ созерцанія подобныхъ предметовъ, хотя, съ одной стороны, безгласныхъ, но, съ другой, весьма краснорѣчивыхъ, а главное—намъ родныхъ.

Пока отецъ Гервасій болталъ, молодой профессоръ взялъ евангеліе, обложенное серебромъ въ богатой рѣзбѣ и подъ чернью, и развернулъ его. Нельзя было опредѣлить, въ какомъ году оно писано, такъ какъ недоставало именно заглавнаго листа. Но профессоръ подумалъ, что предъ нимъ «учительное евангеліе», переложенное съ церковно-славянскаго на малорусскій языкъ. Судя по необыкновенной чистотѣ страницъ, можно было заключить, что оно рѣдко употреблялось. Продолжая перелистывать евангеліе и разсматривать миниатюры, сдѣланныя съ большой тщательностью и любовью, профессоръ спросилъ:

— А вы, батюшка, пробовали читать?

— По обязанностямъ, на мнѣ лежащимъ, и за давностью лѣтъ знаю даже наизусть,—отвѣчалъ священникъ съ улыбкой.

— И не заглянули?

— А что?

— Малороссійское евангеліе. Дѣло сочиніанскихъ рукъ! Конечно, половины шестнадцатаго вѣка, не позже. Учительное евангеліе было издано литовскимъ гетманомъ Григоріемъ Александровичемъ Ходкевичемъ въ 1568 году. Въ предисловіи онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе переложить книгу «разумѣнія ради на простую мову», но не рѣшился только изъ опасенія ошибокъ. Но раньше него въ 1561 г. съ болгарскаго языка, т. е. церковно-славянскаго, было переведено евангеліе на малорусскую рѣчь пересопницкимъ архимандритомъ Григоріемъ. Переводъ предназначался не только для частнаго чтенія, но и для церковно-богослужебнаго употребленія. Въ 1581 г. Неголевскій перевелъ «новый завѣтъ». А въ то самое время, какъ трудился онъ надъ переводомъ, было напечатано даже какое-то малорусское евангеліе вмѣстѣ съ славянскимъ текстомъ, въ два столбца. Помните, существуетъ указаніе на два рукописныхъ южно-русскихъ перевода евангелія въ рукописномъ отдѣлѣ Виленской публичной бібліотеки и въ Москвѣ въ бібліотекѣ Румянцевскаго музея. Ваше евангеліе имѣетъ большое значеніе, какъ доказательство, что евангеліе Ходкевича было всетаки переведено, если не имъ, то какимъ нибудь другимъ малороссомъ. Періодъ подобныхъ открытій у насъ въ юго-западной Россіи далеко еще не законченъ.

— Такъ, такъ... Не примите за кощунственность, но на ловца и звѣрь бѣжитъ. Въ концѣ евангелія вплетено нѣчто—никакъ не могъ разобрать что. Взгляните, будьте добры.

Профессоръ нашель.

— На какомъ языкѣ?—спросилъ священникъ.

— На макароническомъ,—отвѣчалъ профессоръ:—была такая

смѣсь польскаго, малорусскаго и латинскаго, а буквы готическія. Мнѣ приходилось разбирать макароническія рукописи. Но каждая требуетъ особаго приспособленія. Прочитаешь одну страницу, и ужъ всё ясно; но до тѣхъ поръ рукопись кажется китайской та-рабарщиной.

Священникъ внимательно слушалъ.

— Буду имѣть въ виду ваше евангеліе: некогда мнѣ теперь. Можетъ быть, въ слѣдующемъ году, гостя у тестя, попрошу позволенія пріѣхать къ вамъ. Евангеліе слѣдуетъ описать...

Но вдругъ ему бросилось въ глаза слово: «Корицкій». Онъ пробѣжалъ страницу.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ: — откладывать нечего! Сейчасъ же послѣ вѣнца потревожу васъ.

Онъ самъ завернулъ евангеліе и бережно положилъ въ ларецъ. Когда онъ уходилъ изъ ризницы, невольный вздохъ сжалъ его грудь. На языкѣ его вертѣлась крупная сумма, которую онъ готовъ былъ предложить священнику за разрѣшеніе увезти евангеліе съ собой. Рукописи о. Гервасія, не имѣвшія никакой цѣнности, онъ пріобрѣлъ безпрекословно. О. Гервасій попросилъ его остаться и выпить стаканъ чаю. Профессоръ исполнилъ бы и не такую просьбу о. Гервасія; о. Гервасій сталъ необыкновенно привлекателенъ для него; и во все время бесѣды съ нимъ онъ не могъ отдѣлаться отъ мучительнаго тоскливаго чувства, которое вызывалось въ его душѣ воспоминаніемъ объ учительномъ евангеліи и приложенной при немъ макаронической хроникѣ. Въ головѣ у него шумѣло, кровь стучала въ вискахъ, во рту пересохло, дрожали пальцы рукъ. Наканунѣ женитьбы на молоденькой дѣвушкѣ профессоръ влюбился. Страсть быстро и безумно охватила его и все разгоралась. Онъ пилъ чай, спрашивалъ о. Гервасія, не знаетъ ли онъ чего объ Юрьевой могилѣ и о каменнородскихъ подвалахъ, получалъ отрицательные отвѣты, то-есть такіе, которые нисколько не разъясняли его недоразумѣній и не дополняли его собственныхъ свѣдѣній; а передъ умственными взорами его все носились красивыя черныя строки, писанныя уставомъ, съ очаровательными миниатюрами, полныя смысла, загадочныхъ откровеній и тайнъ страницы макаронической хроники.

Онъ плѣнилъ о. Гервасія своей любезностью и щедростью, и поздно разстался съ нимъ. Ничтожный случай—пожаръ—можетъ лишить его сокровища!.. Нельзя оставлять евангелія... Вопреки всѣмъ своимъ правиламъ и завѣтамъ благоразумія и разсудительности, влюбленный молодой человекъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, вернулся съ поль-пути въ Негрязи и насилу достучался. О. Гервасій самъ вышелъ.

— Что такое? Не случилось ли съ вами чего недобраго, профессоръ?

Обьясненіе въ любви относится къ самымъ труднѣйшимъ моментамъ юношеской жизни: красавица откажетъ, прогонитъ или, наконецъ, отвѣтитъ: «подождите, нельзя же сразу; вы съ ума сошли?!». Хорошо, что былъ сумракъ; Павелъ Ивановичъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проговорилъ заплетающимся языкомъ:

— Ничего не случилось дурного. Но я вернулся просить, какъ милости, позволенія взять съ собой евангеліе и, въ обезпеченіе, предлагаю какую угодно сумму. Я не завладѣю имъ, но меня... Ну, вотъ что: можно выдѣлить хронику, я возьму только хронику, а евангеліе останется у васъ.

— Да отчего-жъ такъ?..

— Дѣлать нечего, страдаю бессонницей,—началь вратъ профессоръ.—Я знаю, я васъ тревожу, но сейчасъ же готовъ пожертвовать... на церковь... Возьмите ключи, пойдете! Такъ какъ я ужъ началъ, то долженъ довести до конца начатое... Я не уйду до тѣхъ поръ, пока вы не исполните моей просьбы!—рѣзко и рѣшительно заключилъ профессоръ.

О. Гервасій покряхтѣлъ, вздохнулъ, проворчавъ:

— Что нибудь не спроста... Не нашли ли указанія на кладъ? Въ одной древней рукописи имѣлось, говорятъ, указаніе, и дьяконъ, нашедшій оное, въ короткое время сдѣлался миллионеромъ... Съ условіемъ подѣлиться?—шутливо произнесъ священникъ.—Ужъ такъ и быть, потѣшу васъ! Ахъ, ученая горячка! Въ молодости я самъ увлекался. Сколько-жъ на церковь пожертвуете?—опять шутливо спросилъ священникъ, выходя съ ключами и съ фонаремъ.—Пожалуйте!

Такъ страсть профессора быстро добилаь своего, и недоступное стало доступнымъ. Но надо было насладиться еще обладаніемъ недоступнаго. Всю дорогу онъ ѣхалъ, держа евангеліе обѣими руками. Его ужасала мысль, что, можетъ быть, Елена не спитъ и ожидаетъ его—она отниметъ у него нѣсколько минутъ, а, можетъ быть, и цѣлый часъ, и ревность закипала въ его душѣ.

Но Елена уже спала; никто не встрѣтилъ профессора. Онъ заперся на ключъ, зажегъ лампу, плотнѣе спустилъ штору, развернулъ хронику и съ терпѣливостью и сладострастіемъ скупца, считающаго червонцы, сталъ разбирать букву за буквой...

Онъ не спалъ до утра.

ЛІІІ.

Кондратию Захарычу хотѣлось созвать на свадьбу побольше гостей и задать пиръ на весь міръ. Отысканъ былъ поваръ Янъ, уже глубокой старецъ, помнившій еще польскую роскошь крѣпостныхъ временъ. Онъ былъ привезенъ на хуторъ, и въ его распоряженіе предоставили другого повара попроче. Цѣлый возъ разныхъ

пряностей привезли изъ уѣднаго города. Разсланы были приглашенія сосѣднимъ помѣщикамъ. Кондратій Захарычъ рассчитывалъ, что на свадебный балъ пріѣдетъ и вдовая графиня Заіонць со своей дочерью Лаурой, маленькаго горба которой его родительскій глазъ не замѣчалъ. Торжественный день приблизился и насталь. Съ утра накрапывалъ дождь. Всѣ въ домѣ подтянулись; и Бовтунъ былъ въ черномъ скюртукѣ, и самъ Кондратій Захарычъ надѣлъ крахмальное бѣлье и бѣлый галстухъ. Экипажи были вымыты и подновлены.

Вѣнчаніе состоялось въ негрязевской церкви. Павелъ Иванычъ былъ великолѣпенъ; свѣтлые волосы его отросли за осень еще больше, а безукоризненный фракъ свидѣтельствовалъ, что у жениха довольно широкія плечи. Иллюзія была выгодная... На его блѣдномъ, почти сѣромъ лицѣ блуждало серьезное выраженіе. Невѣста вся въ бѣломъ приводила въ восхищеніе публику. Улыбка играла на ея румяныхъ губахъ. Она была счастлива; осуществилась ея мечта; и недаромъ она была на курсахъ. Послѣ вѣнца профессоръ съ юной профессоршей возвратились домой. Молодымъ были приготовлены брачныя комнаты въ главномъ домѣ. Едва они взопли на крыльцо, какъ осыпали ихъ хмелемъ изъ серебряной кружки. Вездѣ на Украинѣ еще соблюдаются кое-какіе старинные обычаи.

Гости, собравшіеся въ залѣ—молодые люди, барышни и пожилые господа во фракахъ и въ свѣтлыхъ платьяхъ, стали поздравлять новобрачныхъ. Подано было шампанское. Музыка заиграла тушъ.

Быстро стемнѣло. Старый домъ освѣтили лампами и канделябрами. Балъ открылся польскимъ. Профессоръ повелъ юную профессоршу, Кондратій Захарычъ—Авдотью Ивановну, Николай Кондратычъ долженъ былъ подать руку прелестной Лаурѣ. На груди его красовался букетъ, отличающій шафера. Молодой человекъ былъ такъ эффектенъ, что многіе старики и старухи подумали, какъ бы хорошо было, еслибъ онъ женился на графинѣ Заіонць; тѣмъ болѣе, что не съ горбомъ жить, а съ женой. Горбъ замѣтенъ будетъ только на первыхъ порахъ; пройдетъ какой нибудь годъ, и наружность отодвинется на задній планъ, выступять впередъ душевныя качества. По части же душевныхъ качествъ m-lle Лаура считалась недосягаемымъ совершенствомъ.

Елена получила въ подарокъ отъ матери старинную шкатулку съ драгоценностями. Гости поднесли ей букеты. Но неизвѣстно, кѣмъ былъ присланъ тяжелый серебряный съ позолотой калачъ съ надписью: «Знаменитому ученому, профессору Павлу Ивановичу monsieur Кленовичу въ день его высокобракосочетанія отъ сосѣдей въ знакъ замѣчательнаго уваженія къ его свѣтлой личности».

Танцы слѣдовали за танцами, кадрили смѣнялась вальсомъ, полька опять кадрилию, и снова польки и вальсы. Дождь полилъ,

какъ изъ ведра, и, не смотря на духоту, всѣ принуждены были толпиться въ низенькихъ комнатахъ. Развѣвались платяя и, случалось, били кавалеровъ по губамъ. Пары сталкивались. Но тѣсноту Богъ любить. Хозяева были радушны и веселы. Когда же наступило время ужинать, были сдвинуты столы, на которыхъ заблестало серебро, и радужными искрами заигралъ хрусталь. Всѣмъ нашлось мѣсто. Въ концѣ стола сидѣли молодые — «князь и княгиня». Столъ былъ убранъ фруктами, цвѣтами и малороссійскими красными караваями съ калиной. Продолжался ужинъ до полного разсвѣта. Такъ ѣли только во времена Богдана Хмельницкаго. Подавалось нѣсколько суповъ, четыре перемѣны жаркихъ. Древній поваръ всѣхъ удивилъ, когда два человѣка внесли высокой сахарный замокъ, съ пылавшимъ внутри его ромомъ, и поставили на столъ. Музыка непрестанно гремѣла; гудѣлъ контрабасъ, и заливалась скрипка. Гости ѣли, пили, и все не видно было конца. Иные вставали, пошатываясь, уходили и, не простившись, уѣзжали. Раньше другихъ, съ соблюденіемъ, впрочемъ, самага утонченнаго этикета, удалилась графиня Заюнцъ съ дочерью. Николай Кондратьичъ былъ приглашенъ «не забывать», и этому было придано нѣкоторое значеніе тѣми, до кого долетѣла вѣжливая фраза графини. Въ числѣ ихъ былъ, разумѣется, Кондратій Захарычъ. Онъ толкнулъ сына и шепнулъ: «Ступай же, проводи до экипажа да, усаживая, поцѣлуй ручку». Такъ какъ солнце не всходило, то разсвѣтъ тянулся дольше, чѣмъ можно было ожидать, и, вѣроятно, только часовъ въ восемь утра уѣхали послѣдніе гости.

Елена, вся трепеща, ожидала мужа. Вдругъ онъ вошелъ въ спальню и почти злымъ голосомъ спросилъ:

— А гдѣ евангеліе?

— Какое?

— Евангеліе, которое лежало у меня во флигелѣ подъ подушкой! — вскричалъ онъ и сталъ метаться по комнатѣ.

— Успокойтесь, Павелъ Ивановичъ! Что съ вами? — произнесла Елена.

— Кто переносилъ вещи сюда?

— Почему же я знаю! Всѣ спятъ — кого спросить? — встревоженно и обиженно сказала Елена.

Павелъ Ивановичъ мрачно посмотрѣлъ на нее.

— Пропажа евангелія можетъ свести меня съ ума! Евангеліе изъ негрязевской церкви князя Евстаѳія Корицкаго!

Еленѣ показалось, что мужъ бредитъ. Полное безучастіе его къ ней въ такую минуту глубоко уязвило ее. Слезы навернулись на ея глаза, и она приникла головой къ подушкѣ, чтобы скрыть ихъ. Но подъ подушкой было что-то твердое. Она просунула руку и радостно сказала:

— Типе, я вамъ говорю — евангеліе нашлось. Оно, не правда ли?

Елена вынула евангеліе и подала мужу. Онъ любовно взялъ массивную книгу, взглянулъ виноватыми глазами на жену и улыбнулся. Это была первая улыбка его.

LIV.

Прошло около двухъ недѣль.

Профессоръ съ женою сдѣлалъ визиты; и въ одинъ прекрасный осенній день онъ, Елена Кондратьевна и Авдотья Ивановна — Кондратій Захарычъ оставался дома—проводили до желѣзнодорожной станціи Николая Кондратьевича, который уѣхалъ за границу. Сердце профессора не сжалось родственной тоской, когда тронулся поѣздъ; Елена тоже оставалась равнодушна къ брату. Но Авдотья Ивановна залилась слезами.

— Меня предчувствіе терзаетъ! Сегодня ночью мнѣ снилось, будто я нянчу Николая—онъ еще маленькій—и я нагнулась къ колодцу и уронила его. Павелъ Иванычъ, почему-то кажется мнѣ, что я больше не увижусь съ Николаемъ. Ахъ, все проходитъ, и дѣти вырастаютъ и, какъ ласточки, улетаютъ изъ гнѣзда, а мы начинаемъ скучать, скучать, и одиноко умираемъ!

— Проводили?—спросилъ Кондратій Захарычъ, сидя на крыльцѣ въ тепломъ картузѣ и въ пальто.—Не грусти, Авдотья Ивановна: вернется, никуда не дѣнется. А пшеницу я ловко продалъ: дождалась своей цѣны. Жидкамъ продалъ, безъ нихъ не обойдешься. А нельзя Бога гнѣвить—великолѣпно продалъ!

Онъ потеръ руки и указалъ на толстую пачку ассигнацій, лежавшую возлѣ него въ газетной бумагѣ.

— Будетъ на что содержать Николая за границей, да и вамъ на дорожку хватить, господа. Скоро намѣрены покинуть насъ?—спросилъ онъ.

— Къ десятому октября обязательно я долженъ быть въ университетѣ.

— Не каждый годъ будете такъ опаздывать!

— Меня ужъ, правду сказать, беретъ нетерпѣніе,—начала Елена.—Надо будетъ устраивать квартиру и заводить кухню. На хуторѣ онъ какъ будто поправился, вы не замѣчаете, мама? Я его подымаю, какъ перышко; онъ гораздо легче, чѣмъ я даже думала! Ха-ха-ха!

— Нечего критиковать, все кончено!—сказалъ Кондратій Захарычъ.—Теперь, все равно, не развѣнчаешься. А посмотримъ, какой внукъ будетъ. Чтобъ внукъ былъ, господа, непременно! Оно хоть и не Корицкій, а наша кровь. Еслибъ подлець Колька женился, когда вернется! А къ графинямъ такъ и не поѣхалъ. Упрямый человѣкъ. Дрожитъ передо мной, знаю; но все по-своему, все по-

своему. Павелъ Иванычъ, зашла у насъ рѣчь о Корицкихъ... Не подѣлитесь ли вы сегодня, какъ общали? Что вычитали?

— Я могу восстановить почти всю исторію вашего рода,—сказалъ профессоръ.—Не хватаетъ кое-какихъ кирпичей—только.

— Будете страшно удивлены и обрадованы, папаша!—сказала Елена Кондратьевна съ счастливой улыбкой.—Мнѣ хотѣлось рассказать, но онъ самъ... и, къ тому же, онъ умѣетъ рассказывать гораздо лучше меня, мой милый профессоръ!

Было рѣшено, что вечеромъ послѣ чаю въ столовой Павелъ Иванычъ сообщитъ о своемъ послѣднемъ открытіи.

LV.

Профессоръ въ назначенное время бережно положилъ евангеліе на столъ (сдунувъ со скатерти крошки) и далъ полюбоваться на него. Авдотья Ивановна и Кондратій Захарычъ удивились тонкой серебрянной работѣ и не сразу повѣрили, что евангеліе рукописное: такъ красивы и правильны были буквы, и такъ неподражаемы миниатюры.

Когда любопытство было удовлетворено, Павелъ Иванычъ застегнулъ евангеліе и началъ:

— Въ тетрадкѣ, находящейся въ зеленомъ портфельчикѣ, я наткнулся только теперь на указаніе, что въ Негрязевской запорожской церкви хранится евангеліе, писанное по заказу князя Евстаѳа Корицкаго и жены его Галжбеты, то-есть Елизаветы. Но евангеліе я уже видѣлъ раньше, и о. Гервасій довѣрилъ мнѣ его... Когда я въ первый разъ перелистывалъ евангеліе, я былъ того мнѣнія, что оно относится къ эпохѣ Неголевскаго или, въ лучшемъ случаѣ, Ходкевича. Я даже принялъ его за «учительное евангеліе», за переводъ на малороссійскомъ языкѣ. Но, рассмотрѣвъ его, я убѣдился, что оно относится къ болѣе раннему времени, и вѣроятнѣе всего къ 1548 или 1550-му году. Помимо свидѣтельства тетрадки, которое могло быть ошибочно, принадлежность евангелія Евстаѳію Корицкому подтверждается присутствіемъ герба. Родъ древнихъ Корицкихъ эмблемой своей принималъ лилію, разсѣкаемую мечемъ. Въ негрязевской ризницѣ хранится полотно, расшитое блѣдно-лиловыми и золотыми лиліями; рисунокъ прелестный, и возможно, что это собственноручная благочестивая работа княгини Галжбеты. Ясно, что и Негрязи принадлежали Корицкимъ, а каменная церковь, стоявшая на мѣстѣ теперешней деревянной, была воздвигнута иждивеніемъ отца Юрія, князя Евстаѳа Корицкаго, одного изъ первыхъ магнатовъ на Волыни, принявшихъ соцініанство. Такъ какъ лилія, разрубаяемая мечемъ, есть только часть герба Корицкихъ, а общій гербъ все-

таки сохраняетъ въ себѣ фигуру Георгія Побѣдоносца, то несомнѣнно, что они производили себя отъ русскихъ князей Рюриковичей. Кто авторъ макаронической хроники, приложенной при евангеліи, неизвѣстно; вѣрнѣе всего, что священникъ, питавшій самъ склонность къ соцініанству и человѣкъ болѣе или менѣе образованный. Хроника его ведена по годамъ и обнимаетъ собою сорокъ девять лѣтъ. Написана она сжато и сухо, но нигдѣ нѣтъ вымысла, и историческіе факты, о которыхъ упоминаетъ хронистъ, точно совпадаютъ съ фактами, составляющими достояніе исторіи. Въ хроникѣ нѣтъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, что Корицкіе владѣли удѣльнымъ княжествомъ, но говорится, что имъ принадлежало тридцать сель, что по тогдашнимъ временамъ еще не считалось, однако, признакомъ крайняго богатства. Начало матеріальнаго упадка фамиліи Корицкихъ приписывается князю Евстаѳію, который занимался чернокнижіемъ, но былъ «свѣтель умомъ» и много добра сдѣлалъ тѣмъ, кто искалъ истины, то-есть соцініанамъ, а еще вѣрнѣе, жидовствующимъ. За то, что онъ сообщался съ инославными богословами, отрицалъ таинство Святой Троицы, божество Іисуса Христа и Св. Духа и хульно говорилъ о Богѣ, отвергалъ безсмертіе души, рай, адъ, судъ и будущую жизнь, онъ былъ позванъ въ трибунальскій судъ; но былъ оправданъ, а судьи пріобрѣли по сходнымъ цѣнамъ двѣ трети его имѣній, то-есть онъ принужденъ былъ дать взятку. Иначе ему грозила казнь, состоявшая въ томъ, что у богохульника вырывали языкъ чрезъ затылокъ. Замокъ Каменный Бродъ принадлежалъ сначала Конецпольскимъ, но въ промѣнъ за полтавскія маенности былъ уступленъ Корицкимъ. Князь Евстаѳій Корицкій жилъ уже въ Каменномъ Бродѣ и тамъ же занимался чернокнижіемъ—должно быть, алхиміей, на что опять могло много уходить денегъ. Сынъ его Юрій воспитывался за границей и славился ученостью. Его готовили къ военной карьерѣ; но онъ предался изученію еврейскаго языка и кабалистики и, вернувшись на родину, постоянно бесѣдовалъ и дружилъ съ евреями; раввины были первыми его совѣтниками. Онъ тайно принялъ іудейство и сочетался бракомъ съ еврейкой, хотя передъ тѣмъ женился на княжнѣ Заславской и имѣлъ отъ нея сына. Хронистъ замѣчаетъ, что князь Юрій чаще бывалъ въ синагогѣ, которую богато разукрасилъ на свой счетъ, чѣмъ въ христіанскомъ храмѣ, и, наконецъ, ревность свою къ іудейству довелъ до того, что велѣлъ срубить крестъ на негрязевскомъ храмѣ. Рубили крестъ ночью, чтобы не видѣлъ народъ, и было чудесное знаменіе: изъ креста летали искры. Князь Евстаѳій умеръ отъ испуга, когда ему доложили, что сдѣлалъ сынъ. Князь Юрій пріѣхалъ въ Каменный Бродъ, похоронилъ отца, посыпалъ главу пепломъ и много дней плакалъ и стоналъ по

еврейскому обычаю. Когда же успокоился, то созвалъ раввиновъ и справилъ пасху у себя во дворцѣ, скорбя душою, что іудеи не вполне признають его своимъ. Онъ ходилъ въ талесъ. Славился онъ добрыми дѣлами, и всѣ жидаы его благословляли, но съ христианами онъ былъ суровъ и обременялъ народъ непосильными податями и работами. Нѣсколько лѣтъ безнаказанно жидовствовалъ князь Юрій Корицкій, пока жили старые судьи, разбогатѣвшіе на счетъ его отца. Когда же были назначены новые, то они сообразили, что можно сдѣлаться изъ тощихъ жирными, замѣчаютъ хронистъ, если со свидѣтелями пріѣхать въ пятницу на шабасъ въ Каменный Бродъ. Такъ они и сдѣлали. Арестовали князя Юрія и его незаконную жену еврейку. Но онъ не сталъ откупаться отъ судей, а захотѣлъ пострадать, къ чему склоняли его и евреи, увѣряя, что вѣнцомъ мученическимъ онъ стяжаетъ себѣ право на равную награду на небесахъ съ Авраамомъ и Моисеемъ. Онъ во всемъ признался и держалъ себя на судѣ гордо и надменно. За переходъ въ іудейство онъ былъ приговоренъ къ сожженію на кострѣ, въ 1550 г. недалеко отъ Каменнаго Брода, по дорогѣ къ мѣстечку Богополю, на перекресткѣ, чтобы видѣлъ народъ и ужасался. Около того же времени было въ Польской Украинѣ и въ Великой Польшѣ сожжено еще нѣсколько благородныхъ шляхтичей за отступленіе отъ католической вѣры, за богохульство и жидовство. Всѣ они, а въ ихъ числѣ и князь Юрій Корицкій, были лишены имѣній, которыя конфискованы въ казну, а у дѣтей ихъ отняты титулы. Съ Юріемъ Корицкимъ угасъ княжескій родъ Корицкихъ.

— А откуда же я взялся?—вскричалъ Кондратій Захарычъ въ волненіи.

— А у князя Юрія, какъ гласитъ та же хроника,—продолжалъ профессоръ, любовно дотрогиваясь рукой до евангелія:—былъ, какъ я уже упоминалъ, сынъ отъ княжны Заславской. По рѣшенію трибунала, мальчикъ былъ лишенъ права именоваться княземъ, такъ какъ фамилія Корицкихъ считалась опозоренною. А чтобы тестъ казненнаго молчалъ, ему заткнули ротъ тремя богатыми мѣстечками, съ жидами, торговля которыхъ процвѣтала, благодаря ревностному покровительству владѣльца. Мальчика звали Андреемъ. Взявъ съ собой документы, доказывающіе его происхожденіе и право на конфискованное имущество, шестнадцатилѣтній Андрей бѣжалъ къ запорожцамъ. Между тѣмъ, мать его, пользовавшаяся титуломъ мужа, княгиня Ева Корицкая, будучи рѣдкой красавицей, уѣхала въ Варшаву, сошлась съ женатымъ челоувѣкомъ княземъ Яномъ Замойскимъ и родила отъ него трехъ дѣтей, которыя получили привилегію на дворянство и названы въ ней Корицкими. Казнь нѣсколькихъ шляхтичей и польскихъ магнатовъ взволновала всю Польшу; прежде никогда подобнаго не

бывало. Такимъ образомъ, на сеймѣ 1552 г. было постановлено, чтобы впредь дѣла по обвиненію родовитыхъ шляхтичей въ измѣнѣ религіи и вообще въ отступленіи отъ правилъ католической церкви не могли быть возбуждаемы ни подъ какимъ предлогомъ, дабы тѣмъ не нарушалась шляхетская вольность, а дѣтямъ казенныхъ возвратить конфискованныя имущества и шляхетское званіе. Но только въ нѣкоторыхъ случаяхъ было приведено въ исполненіе постановленіе сейма относительно возврата конфискованныхъ имѣній. Имѣнія уже были розданы разнымъ вліятельнымъ лицамъ или составляли собственность короны. Въ теченіе многихъ лѣтъ Каменнымъ Бродомъ владѣли то опять Конопольскіе, то князья Сангушки, то князья Ружинскіе. Корицкіе и Замойскіе, пользуясь отсутствіемъ Андрея Корицкаго, считавшагося безвѣстно-пропавшимъ, начали судебный искъ съ княземъ Протомъ Ружинскимъ, опираясь на постановленіе сейма. Но они не могли добиться правъ, которыя, къ тому же, имъ не принадлежали. Угнетеніе крестьянъ достигло предѣла въ краѣ. Сынъ Прота, Богуславъ Ружинскій, уѣхалъ въ Варшаву, блисталъ при дворѣ и поселился въ Амстердамѣ, куда былъ посланъ сначала, какъ представитель Польской республики; а Каменный Бродъ сдалъ въ долгосрочную аренду жиду Карафѣ съ правомъ чинить судъ надъ подданными. Каменный Бродъ представлялъ собою не уединенную усадьбу, какъ теперь, а укрѣпленную цитадель, возвышавшуюся посреди многолюднаго мѣстечка, населеннаго преимущественно евреями, которые торговали съ Турціей, съ Валахіей, съ Крымомъ, съ Москвой и съ Австріей. Татары два раза нападали на Каменный Бродъ и получали богатыя дани. Можетъ быть, жидовскій гнетъ ничѣмъ не отличался отъ панскаго, но крестьянамъ было досадно, что жида распоряжаются ихъ личностью и даже совѣстью. Въ 1590 г. негрязевскій священникъ былъ схваченъ, привезенъ въ Каменный Бродъ и высѣченъ на жидовской конюшнѣ за то, что не хотѣлъ отпустить въ крѣпостную работу жиду своихъ дочерей. Въ самый разгаръ народныхъ страданій стали ходить слухи о скоромъ избавленіи отъ ига. Андрей Корицкій, узнавъ о несчастіяхъ и несправедливостяхъ, которыя терпятъ бывшіе подданные его отца, явился въ Польшу, представилъ документы, сослался на сеймъ и сталъ требовать, чтобъ возвратили ему Каменный Бродъ съ окрестными хуторами и деревнями. Но домогательство его не было уважено, такъ какъ на чужбинѣ онъ не нажилъ денегъ и не могъ дать чиновникамъ ни одного червонца. Онъ былъ женатъ на дочери простаго лѣвобережнаго казака и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей. Хроника всѣхъ ихъ называетъ. Отчаявшись добиться правды, Андрей Корицкій возвратился въ Запорожье. Политическій горизонтъ омрачился; возсталъ Наливайко. Андрей Корицкій, кажется, въ значительной

мѣръ способствовалъ возстанію. Онъ такъ надоѣдалъ Наливайкѣ, склоняя его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и къ мести полякамъ изъ-за угнетенныхъ казаковъ, что тотъ прозвалъ его Пилою. Прозвище такъ и осталось за Андреемъ Корицкимъ. Когда въ 1591 г. звѣзда Наливайки склонялась къ закату, хотя онъ еще не былъ разбитъ, Пила, облеченный въ званіе полковника, командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, который, какъ туча саранчи, пронесся по всей польской украинѣ, разоряя вездѣ костелы и магнатскіе замки. Полковникъ Пила, онъ же Андрей Корицкій, считая жидовъ главными виновниками гибели отца и всей фамиліи Корицкихъ, расправлялся съ ними съ неслыханнымъ звѣрствомъ. Отецъ его былъ еврейскимъ мученикомъ, а онъ сталъ еврейскимъ мучителемъ. Когда онъ подошелъ къ Каменному Броду, то евреи рѣшились защищаться, зная, что все равно Пила никого не пощадитъ; они даже не предложили ему выкупа. Отчаяніе одушевляло каменнобродскихъ жидовъ. Женщины и тѣ влѣзали на стѣны и палили въ непріятеля.

— Положеніе жидовъ было тѣмъ ужаснѣе и безпомощнѣе, что вся надворная милиція Карафы примкнула къ Пилѣ. Цѣлый день храбро оборонялись жидаы. Но когда они, обманутые Пилою, понадѣялись на себя и бросились догонять разбившагося на кучки непріятеля, онъ вдругъ велѣлъ своимъ сомкнуться и окружить евреевъ кольцомъ. Они были изрублены почти до одного. Въ то время погибъ и рыцарь Берка, сынъ святаго Менделя, а Самуилъ Госелевъ сынъ завладѣлъ его вещами, какъ видно изъ еврейскаго отрывка, переведеннаго для меня Тарновицемъ. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что въ хроникѣ есть неточность: хронистъ все говоритъ о еврейскомъ войскѣ, и можно подумать, что все войско состояло изъ евреевъ. Изъ еврейской-же рукописи видно, что было только тридцать человекъ евреевъ. Войско называлось еврейскимъ потому, что находилось на содержаніи у еврея Карафы, дѣйствовавшаго отъ имени князей Ружинскихъ. Несомнѣнно, что, обезсиленное измѣной надворныхъ казаковъ, каменнобродское войско состояло преимущественно изъ нѣмцевъ или шведовъ. Тогда сплошь и рядомъ въ каждомъ укрѣпленномъ замкѣ по всей Польшѣ служили иностранные отряды. Пила легко овладѣлъ Каменнымъ Бродомъ, вырѣзалъ евреевъ, не пощадилъ даже дѣтей и гнался за Карафой подземнымъ ходомъ до самой Юрьевой могилы—очевидно, до того мѣста, гдѣ былъ казненъ его отецъ, и гдѣ стоитъ мельница. Такъ какъ пещера была длинна, то мало-по-малу казаки, сопровождавшіе Пилу, отстали отъ него; онъ остался вдвоемъ только со своимъ старшимъ сыномъ Ильею. Карафа, напротивъ, былъ во главѣ цѣлаго десятка вооруженныхъ евреевъ, хотя и трусливыхъ, но доведенныхъ до отчаянія, а потому способныхъ въ послѣднюю минуту проявить неожиданную храбрость...

— У Юрьевой могилы, особенно почитаемой каменнобродскими евреями, такъ что тамъ было нѣчто въ родѣ часовеньки или памятника, евреи остановились у самаго выхода; и едва показалась голова Ильи, педшаго впереди отца, какъ самъ Карафа отсѣкъ ее. Пила ринулся на евреевъ. Но та же участь постигла и его. Дѣдъ, отецъ и внукъ, такимъ образомъ, погибли на одномъ и томъ же мѣстѣ. Вскорѣ крестьяне поймали Карафу съ его свитой и предали смерти. Князь Богуславъ Ружинскій узналъ черезъ нѣкоторое время, что произошло въ Каменномъ Бродѣ, и, опасаясь мести со стороны оставшихся въ живыхъ дѣтей Андрея Корицкаго, Кондрата и Симеона, предложилъ имъ мировую. Они должны были отказаться отъ притязаній на Каменный Бродъ, но за то получили Негрязи и хуторъ Юрьеву могилу со всею степью до самаго Буга. Далѣе. Такъ какъ каменная церковь, построенная княземъ Евстаѳіемъ, была разрушена во время похода Наливайки, то запорожскіе зодчіе, вызванные Кондратомъ и Симеономъ, построили новую, деревянную во имя Андрея Первозваннаго. Запрестольная икона, гдѣ изображенъ страшный судъ, должно быть, написана гораздо позднѣе, когда потускнѣло уже преданіе о князѣ Юріѣ, и народная молва слила въ одинъ образъ вѣроотступника Юрія и полковника Пилу. Вотъ почему, въ числѣ грѣшниковъ, на картинѣ, князь Юрій представленъ съ полковничьими клейнодами, между тѣмъ какъ онъ не былъ военнымъ. Я думаю даже, что живописецъ не зналъ, что вѣроотступникъ, влекомый чертями въ адъ, носилъ фамилію Корицкаго... По мнѣнію отца Гервасія, картина писана лѣтъ триста назадъ, а по-моему не больше ста лѣтъ. Хроника обрывается на постройкѣ запорожцами храма. Но дальнѣйшая исторія Корицкихъ легко можетъ быть реставрирована, если не въ подробностяхъ, то въ общихъ чертахъ. Очевидно, они жили всѣ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ, не интересуясь своимъ прошлымъ; и, я думаю, не вы первый, Кондратій Захарычъ, поставили вѣтрякъ на могилѣ пращура. Можетъ быть, еще секундъ-маіоръ подозрѣвалъ, что у него былъ предокъ князь Евстаѳій Корицкій; по крайней мѣрѣ, онъ упоминаетъ объ его евангеліи въ бѣглыхъ замѣткахъ своего дневника, или я не знаю какъ назвать тетрадку. Но о Юріѣ онъ едва ли имѣлъ какое нибудь представленіе. Итакъ, Каменный Бродъ—гнѣздо вашего рода. Надо тамъ порыться. Но едва ли найдется другой такой документъ, какъ негрязевская хроника; все остальное будетъ имѣть второстепенное значеніе. Такъ имѣетъ второстепенное значеніе, а, можетъ быть, даже никакого, для исторіи вашего рода масса негниющихъ труповъ, хранящихся въ каменнобродскомъ подвалѣ. Конечно, они относятся къ гайдамацкому періоду, когда Корицкіе даже забыли, что они владѣли когда-то Каменнымъ Бродомъ. Когда непріятель напалъ на Каменный Бродъ, паны и

жиды бросились спасаться, но имъ уже не было извѣстно, что существуетъ ходъ до самой Юрьевой могилы; а, можетъ быть, ходъ завалился. Эпизодъ съ трупами неясенъ, и я чувствую свое безсиліе. Но, можетъ быть, когда нибудь разгадаю. Главное сдѣлано, и гораздо скорѣе, чѣмъ я могъ надѣяться.

Кондратій Захарычъ заключилъ профессора въ свое могучее объятіе и крѣпко поцѣловалъ.

— Спасибо вамъ! Теперь умру спокойно! Всю ночь не засну: все буду думать, да не одну ночь! А только... вѣтрякъ оставлю! Будетъ страшно, если снять вѣтрякъ... Не правда ли, Авдотья Ивановна?

— Не снимайте, Кондратій Захарычъ!—вскричала Авдотья Ивановна.—Помните, мнѣ Юрій снился? Онъ просилъ не тревожить его. Не будемъ же его тревожить, Кондратій Захарычъ! Боже, сохрани!

Она перекрестилась.

LVI.

Насладившись обладаніемъ, профессоръ подумалъ, что пора возвратить драгоценность о. Гервасію. Со вздохомъ рѣшился онъ на такой подвигъ и отвезъ евангеліе въ Негрязи. Но въ Негрязахъ его ожидала неприятная новость. О. Гервасій объявилъ, что получилъ экстренный указъ изъ епархіи о немедленномъ погребеніи нетлѣнныхъ труповъ по христіанскому обряду на счетъ владѣльца Каменнаго Брода Соломона Борисовича Залшевича, какъ онъ самъ того пожелалъ.

— И что же вы?

— Похоронилъ.

— Позвольте... такъ скоро?

— Николай Кондратьевичъ хлопоталъ.

— Чортъ знаетъ что такое!

— Между нами сказать, дорогой профессоръ, отчего же и не похоронить? Католики или нѣтъ, но христіане.

— Но были и евреи. Какъ согласился Соломонъ Борисовичъ?

— Двухъ сомнительныхъ я колебался было хоронить, и Соломонъ Борисовичъ корчился: не хотѣлось ему поганить жидовъ. Но надо было спѣшить, и мы недолго раздумывали.

Огорченный профессоръ изъ Негрязей прямо отправился въ Каменный Бродъ.

Залшевичъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями.

— Что вы надѣлали!—вскричалъ профессоръ.—Зарыли?

— Увы! зарыли! Ихъ отвезли на кладбище! Я ничего не имѣлъ противъ нихъ... Они расхаживали по саду и по двору, и по комнатамъ, не дѣлая дурного,—было бы смѣшно жаловаться! Такихъ

мирныхъ сосѣдей можно, положимъ, не желать, но, когда они есть, отчего-жъ ихъ преслѣдовать? Но я исполнилъ просьбу моего молодого друга Николая Кондратыча. На прощаніе они порядочно пощипали меня. Сто шестнадцать гробовъ по пяти рублей — пятьсотъ девяносто; пятьдесятъ рублей могильщикамъ — шестьсотъ сорокъ, и надо было дать священникамъ... однимъ словомъ, вышла довольно большая тысяча рублей. Но, по крайней мѣрѣ, мы сломали заборъ съ гвоздями, и на томъ мѣстѣ я намѣренъ строить винокуреннаго завода. Романтическія эпохи пусть уступаютъ мирнымъ затѣямъ человѣка, желающаго честно наживать деньги. Не грустите, ничего любопытнаго въ трупяхъ. Ни одной золотой и даже серебряной вещицы не было отыскано. Можно подумать, что въ старину магнаты были нищѣ!..

— Лія Николаевна!—закричалъ онъ.—Мы хотимъ кофе съ хорошенькими печеньями!

— Сарра уѣхала въ Петербургъ учиться, — прищурившись послѣ паузы, произнесъ Соломонъ Борисовичъ. — Мы не очень охотно отпустили ее, но что-жъ дѣлать! Сила, угнетающая волю родителей... plus forte que nous!

— Прошу васъ, — началъ профессоръ, озабоченный своими мыслями и соображеніями: — въ вашемъ домѣ нигдѣ нѣтъ люка?

— Люка нѣтъ. Откуда? Зачѣмъ? А если былъ, то домъ столько разъ перестраивался! Слава Богу, плотно сдѣланъ!

— А портреты есть?

— Въ столовой висятъ. Много князей, епископовъ и вообще магнатовъ. Они лежали на чердакѣ. Но когда я пріѣхалъ изъ Парижа, то подумалъ себѣ: «мои портреты тоже чегонибудь стоятъ». Я не дворянинъ, но если я владѣю Каменнымъ Бродомъ, чѣмъ я хуже дворянина? А кто знаетъ мою родословную? А что, если я потомокъ какогонибудь іудейскаго царя? Лія Николаевна? Готово? Милости прошу! En avant!

Профессоръ вошелъ въ столовую. По гербамъ, изображеннымъ въ углахъ каждой картины, онъ сразу опредѣлилъ, кто Сангушко, кто Ружинскій, кто Вишневецкій. Были тутъ и Зборажскіе, и Конопольскіе, и Заславскіе. Каменный Бродъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Но кто, вы думаете, тотъ, который такъ похожъ, *rag-don*, на жида? — спросилъ Залшевичъ, попыхивая благовоной сиварой.

— Князь Юрій Корицкій, — безъ колебанія отвѣчалъ профессоръ.

— Князь?!

— Внѣ всякаго сомнѣнія: гербъ — лилія, разсѣкаемая мечемъ, на фонѣ, въ правомъ углу. Князя Юрія Корицкаго я знаю лучше, чѣмъ васъ!

Онъ разсказалъ исторію князя юдофила.

— Удивительно!—вскричалъ Соломонъ Борисовичъ, хлопнувъ себя по бедрамъ. — А, Лія, ты понимаешь, что Николай Кондратичъ есть потомокъ князя Юрія Корицкаго, который погибъ за евреевъ! Слушай, что говорить первѣйшій ученый нашего времени, который снисходительно пьетъ съ нами кофе! Онъ можетъ видѣть въ туманѣ древности! Ахъ! Боже! Какое стеченіе изумительныхъ обстоятельствъ! Павелъ Ивановичъ, не насмѣхайтесь надо мною, я хочу сдѣлать одно странное предположеніе, которое подъ вліяніемъ вашей исторической гениальности зашевелилось въ моемъ мозгу и требуетъ выхода! Именно, если еврейчики считаютъ, что такой-то Карафа имѣетъ юридическое право на имѣніе Каменный Бродъ, который надо взять въ аренду у Ружинскаго, то они всѣ сговорятся въ его пользу, и никто не станетъ перебивать Карафу. Такъ я думаю, ну, что, если Карафа былъ сынъ князя Юрія Корицкаго отъ еврейки? Нѣтъ?

— Указаній никакихъ,—отвѣчалъ ученый: — но предполагать можно, что угодно.

— Но въ моихъ словахъ дикаго вы не предусматриваете?

— Дикаго ничего не вижу.

— Охъ! Я съ ума схожу! Я всегда говорилъ, что наука выше всего! Она можетъ переворачивать вверхъ дномъ кого угодно! Портретъ я окружу великолѣпной рамой въ двѣ ладони шириной. О, смотри, Лія Николаевна, я предчувствовалъ и назвалъ голубую комнату княжеской палатой! Но теперь больше, чѣмъ когда нибудь, хотѣлось бы мнѣ сдѣлать миръ съ Кандратіемъ Захарычемъ! У меня сердце обливается кровью. За что мы поссорились? Онъ перебивалъ мнѣ цѣны, а я ему. Но, слава Богу, есть у него копейка, есть и у меня. Богъ мнѣ помогъ. Неужели онъ думаетъ, что на его деньги я сталъ капиталистомъ?

Онъ долго еще болталъ о величіи науки, о Кондратіи Захарычѣ, о себѣ. Профессоръ осмотрѣлъ каменнобродскую бібліотеку. Не оказалось ни рукописей, ни очень старинныхъ книгъ. Предшествующій владѣлецъ Каменнаго Брода, графъ Сапѣжанскій, имѣлъ обыкновеніе топить баню древними фоліантами и манускриптами. Онъ пощадилъ только нарядныя золотообрѣзныя книги.

— Знаете что, профессоръ,—сказалъ Соломонъ Борисовичъ: — когда вы напечатаете ваше новое сочиненіе о Корицкихъ, то присылайте мнѣ одного экземпляра... Каменный Бродъ я передамъ de pouveau въ родъ Корицкихъ... Лія Николаевна, ты понимаешь? а?

— Тс!—произнесла Лія Николаевна.

— Тс!—повторилъ Залшевичъ.— Silence! тс?

LVII.

Отъ Николая не было писемъ. Что съ нимъ? Неизвѣстность тревожила Авдотью Ивановну и Кондратія Захарыча.

Между тѣмъ, насталъ день отъѣзда молодыхъ супруговъ. Съ утра Елена была возбуждена и припоминала, все ли она уложила. Она постоянно смотрѣла на часы, и нетерпѣніе ея было безгранично. Ранній обѣдъ былъ наскоро съѣденъ. Кондратій Захарычъ угрюмо молчалъ. Авдотья Ивановна нѣсколько разъ принималась плакать.

Наконецъ, были вынесены чемоданы и отправлены на станцію. Черезъ часъ поданъ былъ фаятонъ. Молодые люди простились съ Авдотьей Ивановной и Кондратіемъ Захарычемъ и уѣхали.

За хуторомъ Елена Кондратьевна почувствовала угрызение совѣсти: она черезчуръ холодно просталась. Но чувство было мимолетно и смѣнилось хозяйственной тревогой: въ верхнемъ комодѣ осталась коробка съ батистовыми платками. Не даромъ все утро что-то гвоздемъ сидѣло въ головѣ Елены Кондратьевны.

Станція была маленькая, поѣзда останавливались на минуту, на двѣ. По деревенскому обычаю, Павелъ Ивановичъ съ Еленой явились за два часа до поѣзда. Надо было ждать. Возня съ багажомъ кое-какъ наполнила время. Потомъ профессоръ, у котораго не хватило папирозъ, сталъ розыскивать буфетчика. Закуривъ папиросу, онъ возвратился на платформу и увидѣлъ, что Елена читаетъ газету.

— Откуда газета?—спросилъ онъ.

— Любезность начальника станціи.

— А! Какая газета?

— «Одесскій Еврейскій развѣдчикъ». Представь!—вскричала Елена Кондратьевна:—пишутъ о Львѣ Тарновицѣ; хочешь, я прочитаю? Слушай: «Въ нашъ городъ прибылъ третьяго дня съ своей молодой женой нѣкто Левъ Тарновицъ и остановился въ лучшей гостинницѣ. Онъ началъ съ того, что публично съѣлъ свиное мясо, а въ синагогѣ молился наравнѣ съ прочими. Всѣ спрашивали, кто онъ, ходящій въ синагогу и кушающій свиное мясо? Очень многіе качали головой и опасались его. Онъ же вдругъ возгласилъ, что желаетъ говорить, и сталъ приглашать евреевъ къ забвенію талмуда и къ сближенію съ христіанами во имя братства народовъ, пребывая, однако же, іудеями по прежней системѣ. Но тутъ сдѣлался ропотъ и гвалтъ въ синагогѣ, и злополучнаго проповѣдника стащили съ возвышенности, которую онъ себѣ устроилъ изъ стула, и не только били талмудомъ по шеѣ, но фанатическіе приверженцы еще искололи его иголками и булавками, такъ что на крикъ его

вмѣшалась полиція, и онѣ, будучи мученикомъ своей симпатической идеи, въ настоящее время пробирается въ Петербургъ, намѣреваясь всетаки на пути своемъ сѣять святаго сѣмена новыхъ своихъ убѣжденій. Мы полагаемъ, что евреи, ближе проникнувъ въ духъ его ученія, увидятъ, что оно практично и общаетъ намъ въ концѣ концовъ выгоды».

— Вѣроятно, онъ самъ о себѣ пишетъ корреспонденціи, — сказалъ профессоръ.

Вдали показалось облачко — подходилъ поѣздъ. Елена Кондратьевна и профессоръ стали на самомъ краю платформы и, едва поравнялся съ ними вагонъ перваго класса, какъ поспѣшили сѣсть. Кондукторъ захлопнулъ дверку, и поѣздъ помчался дальше.

— Однако-жъ, какая жестокость! — сказала Елена Кондратьевна, въ вагонѣ возобновляя разговоръ о Тарновицѣ. — Исколотъ человѣка!

— Помнится, въ покойномъ «Голосѣ» въ эпоху антиеврейскихъ беспорядковъ, т.-е. въ 1881 г., была напечатана корреспонденція о томъ, какъ евреи искололи иголками какого-то телеграфиста. Какая-то осиная жестокость, мелкая и страшная! Но возможно и то, что авторъ корреспонденціи о Тарновицѣ присочинилъ. Когда евреи ссорятся между собой, они не разбираютъ средствъ и пишутъ другъ на друга ужасающіе доносы!

— Намъ ѣхать восемнадцать часовъ. Завтра будемъ дома, — съ улыбкой сказала Елена. Мысль ея перебѣгала съ предмета на предметъ. — Не сиди у открытаго окна... Наймемъ квартиру въ городѣ или намъ отведутъ въ университетъ? Но всетаки — бѣдный Тарновицъ! Жалкій нахаль!

Такъ разговаривая, они доѣхали до станціи Перекрестной, гдѣ сходятся двѣ дороги, и гдѣ большой буфетъ. Уже стемнѣло, и въ вокзалѣ ярко горѣли лампы подъ матовыми лиліями. Толпилась разнообразная публика, и дорожная суতোлка, новыя лица, шумъ и движеніе производили сильное впечатлѣніе послѣ деревенскаго одиночества и тишины. Поглазѣвъ на людей, Елена ушла въ дамскую комнату, а профессоръ сталъ бродить по вокзалу.

Ему захотѣлось выпить стаканъ чаю. Онъ занялъ мѣсто за столомъ и — очутился рядомъ съ Николаемъ Кондратьичемъ.

Профессоръ пристально посмотрѣлъ на молодого человѣка, а тотъ смутился, и въ глазахъ его сверкнулъ непріязненный огонекъ. По ту сторону рядомъ съ Николаемъ сидѣла Сарра.

Нечего дѣлать, надо было поздороваться.

— Сестра съ вами? — спросилъ Николай.

— Она въ уборной.

— Сарра, выйдемъ, пожалуйста, на платформу. Профессоръ, на два слова!

Павелъ Ивановъ пошелъ вслѣдъ за Николаемъ и Саррой.

— Что угодно?

— Я догадываюсь, вы меня терпѣть не можете, и я тоже не люблю васъ. Не понимаю, отчего мы такъ относимся другъ къ другу. Но инстинктъ сильнѣе разсудка, и я предпочитаю отдаваться чувству. Впрочемъ, въ честности вашей и даже въ добротѣ я не сомнѣваюсь. Я обращаюсь къ вамъ съ просьбой не говорить никому, что вы меня видѣли. Теперь я дѣйствительно ѣду за границу. Но пока я былъ въ Одессѣ. Съ Саррой я... случайно встрѣтился... Она также ѣдетъ за границу въ Бернъ... учиться.

— Маленькая неточность: Соломонъ Борисовичъ сообщил мнѣ, что Сарра Соломоновна уѣхала въ Петербургъ. Но продолжайте.

— Больше ничего.

— А вы были въ Каменномъ Б'одѣ? Недавно? Что, наши здо'овы?—спросила Сарра и кокетливо засмѣялась.—Не выдавайте насъ. Коля васъ не любитъ, но я положительно васъ люблю. Жу'авль все в'етъ, и я удивляюсь, какъ у него языкъ пово'ачивается. Мы были въ Одессѣ у моей бабушки, а тепе'ь отп'авляемся въ Вѣну. Между нами пока ничего нѣтъ, но мы женимся, честное и благо'одное слово. Я бы вамъ все 'азказала, но довольно съ васъ!

— Будьте спокойны, я потому не сообщу никому о нашей встрѣчѣ, что не желалъ бы огорчить Кондратія Захарыча. Желаю вамъ всего лучшаго.

— Благодарю васъ. Вамъ желаю того же самаго.

— Не забудьте написать старикамъ; они страшно беспокоятся, ожидаютъ отъ васъ вѣсточки ежеминутно и думаютъ, что вы больны. Въ особенности убивается Авдотья Ивановна.

Раздался звонокъ, призывающій пассажировъ, ѣдущихъ на Волочискъ. Сарра торопливо пожала руку профессору, и въ сумракѣ онъ видѣлъ, какъ она привѣтливо улыбнулась ему. Рука его долго потомъ пахнула острыми духами. Николай и Сарра сѣли въ вагонъ, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ двинулся и исчезъ вдали.

Дождавшись своей очереди, уѣхали и молодые супруги туда, гдѣ безконечной и заманчивой перспективой развертывалась передъ ними новая жизнь.

І. Ясинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Ѳ. КАМЕНСКОЙ ¹⁾.

ХІ.

Какъ я любила Н. В. Кукольника.—Кукольникъ—душа общества.—Записочка.—Пріемъ государя.—Смерть Мартоса.—Лѣто 1834 года; дача дѣда Ѳедора Андреевича.—Французепки.—Благоволеніе дѣда къ папенькѣ.—Интересный подарокъ.—Раскольница-жена Ѳедора Андреевича.—Моя размолвка съ Н. В. Кукольниковъ; мое горе.—Моё рожденіе; балъ у отца.—Смерть няни Матрены Ефремовны.—Моё объясненіе съ Н. В. Кукольниковъ.—Еще неудачное сватовство.—Скульпторъ Теребеневъ.—Генераль Шенелевъ.—Скотти гувернерствуетъ.—Баронъ Ровень.—Появленіе Осипа Аванасьевича Петрова и Анны Яковлевны Воробьевой.—Михаилъ Ивановичъ Глинка.—Его дружба съ Кукольниковъ.—Появленіе Василія Андреевича Каратыгина и его жены Александры Михайловны, урожденной Колосовой.—Ея столкновеніе съ Кукольниковъ; любовь къ бабѣ.—Смерть маменьки.—Сестра Лиза визионерка; болѣзнь ея и кончина.—Я у отца одна, какъ порохъ въ глазѣ.

ВЪ ПРЕДЫДУЩЕЙ главѣ моихъ «Воспоминаній» я обѣщала поговорить о чемъ-то въ родѣ «романа» моего съ Несторомъ Васильевичемъ Кукольниковъ, который такъ нелюбезно обошелся со мною при первомъ нашемъ знакомствѣ. Не смотря на это, онъ мнѣ очень понравился, и мнѣ обидно было, что онъ ушелъ, даже не взглянувъ на меня... Когда онъ скрылся за дверями кабинета, я обиженно сказала папенькѣ:

— Что это какой онъ бука?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 315.

— Нѣтъ, Маша, онъ не бука, онъ просто не привыкъ къ дамскому обществу и конфузится... Да погоди, у насъ въ домѣ эта застѣнчивость скоро пройдетъ! Вѣдь онъ милѣйшій человѣкъ, душа общества, его нельзя не любить, — отвѣтилъ мнѣ папенька, вѣроятно, желая изгладить непріятное впечатлѣніе, какое произвелъ на меня новый его гость.

И напророчилъ тогда дорогой отецъ мой! Точно, я скоро познакомилась съ Кукольниковъ, подружилась съ нимъ и потомъ—сама не знаю уже какъ—крѣпко полюбила его... Конечно, за другого человѣка отвѣчать трудно, но я знала, чувствовала, что онъ также любитъ меня... хотя во все время, что мы были такъ близки другъ другу, Несторъ Васильевичъ ни разу не сказалъ мнѣ ни одной любезности, ни одного комплимента, да и вообще между нами о нашей любви никогда и помину не было. Ни разу онъ не назвалъ меня «Машенькой», а я его «Несторомъ»; мы все оставались Марьей Ѳедоровной и Несторомъ Васильевичемъ. И во все это счастливое для меня время онъ ни разу не поцѣловалъ не только меня, даже руки моей; а между тѣмъ мы съ нимъ составляли точно одно существо: онъ зналъ всѣ мои вкусы, угадывалъ мои желанія и старался исполнить ихъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, а я такъ даже чувствовала, когда онъ ѣдетъ къ намъ, и всегда выбѣгала въ приемную встрѣтить его... И тутъ онъ наскоро передавалъ мнѣ новости о дѣлахъ своихъ, и все, что интересовало его въ ту минуту, онъ спѣшилъ сообщить мнѣ первой... Я этимъ очень гордилась! И радовало меня тоже, что папенька и маменька видимо очень полюбили Нестора Васильевича. Короче сказать, на моемъ горизонтѣ тогда не виднѣлось еще ни одной темной тучки, и я была счастлива вполнѣ.

И воскресенья наши, съ появленіемъ у насъ Кукольника, оживились еще больше. Съ его умомъ, веселымъ характеромъ и изобрѣтательностью чего не дѣлалъ онъ для того, чтобы доставить удовольствіе отцу моему и старымъ и молодымъ гостямъ нашимъ. Бывало, читалъ у насъ, у первыхъ, все что ни напишетъ новенькаго изъ своихъ драматическихъ произведеній. За ужиномъ вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ и Василиемъ Ивановичемъ Григоровичемъ рассказывалъ такіе хохлацкіе анекдоты, что отъ нихъ можно было умереть со смѣху, или придумывалъ для потѣхи старыхъ и молодыхъ разныя забавныя и остроумныя игры. Правду сказалъ про него папенька, онъ былъ именно «душа компаніи»... Всѣ знакомые наши были отъ него въ восхищеніи. Только теткамъ онъ, казалось мнѣ, не нравился... Можетъ быть, потому, что у нихъ былъ уже свой любимчикъ: московскій кузень тети Нади, графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой... Красавчикъ собой, двѣ капли воды—лордъ Байронъ... grand genre съ головы до пятъ; онъ за сѣдалъ всегда около Анны Николаевны и тетокъ и потѣшалъ ихъ

своими остротами и великосвѣтскою любезностью. Я этого моего бомонднаго дядюшку не жаловала: во-первыхъ, за то, что онъ трактовалъ меня всегда, какъ маленькую дѣвочку, всякую минуту дѣлалъ мнѣ замѣчанія и давалъ разные совѣты, и даже написалъ въ мой альбомъ стихи, въ которыхъ сказано:

И какъ же иначе? на васъ я глядя,
Не забываю то, что я вамъ дядя!..
Et l'oncle sévère n'est pas sentimental..

Во-вторыхъ, злилась я на него за то, что онъ хотя и былъ съ Несторомъ Васильевичемъ на «ты», но все-таки обращался съ нимъ какъ-то свысока, точно хотѣлъ показать ему, что между ними есть большое разстояніе. Кукольникъ, какъ умный человѣкъ, не обращалъ на этотъ странный тонъ Толстого ровно никакого вниманія; за то я за него выходила изъ себя. И потомъ мнѣ казалось, что Дмитрій Николаевичъ все наблюдаетъ и подсматриваетъ...

Несторъ Васильевичъ бывалъ у насъ аккуратно всякое воскресенье и часто заѣзжалъ къ намъ по буднямъ, когда у него было свободное время. Помню, въ одно изъ воскресеній онъ пріѣхалъ что-то позднѣе обыкновеннаго. Я выбѣжала встрѣчать его. Съ перваго взгляда я тотчасъ догадалась, что онъ сообщитъ мнѣ что нибудь новенькое, и точно, не снимая еще шубы, онъ сунулъ мнѣ въ руку маленькую сложенную бумажку и, весело улыбаясь, сказалъ: «прочтите одни». Я сейчасъ же подбѣжала къ огню отъ кенкетки, развернула бумажку и прочла: «Николай Романовъ ждетъ къ себѣ Кукольника завтра въ девять часовъ утра». Я вспыхнула отъ радости и шепотомъ спросила: «Государь?». Несторъ Васильевичъ, молча, съ счастливымъ лицомъ, только утвердительно кивнулъ мнѣ головой, а потомъ прибавилъ: «сейчасъ получилъ и къ вамъ!»...

— Можно показать папенькѣ и маменькѣ?—спросила я также тихо.

— Имъ? разумѣется, можно!—отвѣтилъ онъ.

И я убѣжала отъ него въ залу, захватила тамъ отца моего и маменьку, привела въ нашу съ Лизанькой комнату и показала имъ записочку государя. Папенька сейчасъ же узналъ руку Николая Павловича и также, какъ я, вспыхнулъ отъ радости... Потомъ онъ побѣждалъ отыскивать Кукольника, поймалъ его за руку и проговорилъ:

— Очень, очень радъ за васъ. Но теперь дѣло не въ томъ, а въ томъ, есть ли у васъ мундиръ, въ чемъ представиться государю?

— Ничего у меня нѣтъ: ни мундира, ни шляпы, рѣшительно ничего нѣтъ. Не знаю, что и дѣлать? Теперь праздникъ, портные всѣ гуляютъ, въ одну ночь шить не успѣютъ... Положеніе мое безвыходное,—смѣясь сказалъ Несторъ Васильевичъ.

— Однако-жъ, надо изъ него выйти: нельзя же вамъ не явиться на призывъ государя... Надо у когонибудь признаться мундиръ. Вы какого вѣдомства?—озабоченно спросилъ папенька.

— Я, придворнаго!..

Отецъ мой бросился узнавать, нѣтъ ли у когонибудь изъ его гостей мундира придворнаго вѣдомства. Оказалось, что онъ есть у дяденьки Константина Петровича. Но и тутъ бѣда: Кукольникъ былъ очень высокаго роста, худой, съ длинной таліей, а дядя Константинъ средняго роста, толстый, съ короткой таліей... Но «на нѣтъ и суда нѣтъ»... Пришлось взять то, что есть. Сейчасъ же послали за дядинымъ мундиромъ и шляпой; какъ только принесли, мужчины заперлись съ Несторомъ Васильевичемъ въ кабинетъ отца, и началось примѣриванье. Изъ-за закрытыхъ дверей то и дѣло слышались взрывы неудержимаго хохота. И было надъ чѣмъ хохотать: дядинымъ мундиромъ въ ширину можно было обернуть Кукольника два раза, а въ длину талія хватала ему только до половины туловища, такъ что двѣ пуговицы у фалдочекъ сидѣли у него какъ разъ между крылецъ. Но Несторъ Васильевичъ этимъ нисколько не смущался, а морилъ всѣхъ со смѣху, представляя, какъ онъ на пріемѣ у его величества будетъ все время поворачиваться къ государю передомъ, чтобы не показать спины.

На другой день утромъ представленіе состоялось. Необыкновенно просто, мило и ласково обошелся государь съ молодымъ нашимъ писателемъ. Сказалъ ему, что пожелалъ познакомиться съ нимъ потому, что много слышалъ хорошаго объ его драматическомъ талантѣ. Очень интересовался новой его драмой: «Рука Всевышняго отечество спасла», которую Несторъ Васильевичъ въ это время оканчивалъ, и милостиво распростился съ нимъ, обѣщаясь непременно пріѣхать на первое ея представленіе.

Изъ дворца Кукольникъ прямо пріѣхалъ къ намъ рассказать о милостивомъ пріемѣ. Мы всѣ отъ души его поздравили. Потомъ папенька, разсмѣявшись, сказалъ ему:

— Ну, Несторъ Васильевичъ, вижу, что вы мастерски лавировали въ мундирѣ брата Константина, и государь вашей спины не видалъ.

— А почему вы это узнали, графъ?

— Да потому, голубчикъ мой, что если бы Николай Павловичъ хоть разъ взглянулъ на двѣ пуговицы, которыя сидятъ у васъ между лопатокъ, онъ бы навѣрно покотился со смѣху. Слава тебѣ, Господи, я по опыту знаю, какъ государь смѣшливъ!

Въ скоромъ времени былъ назначенъ день перваго представленія «Руки Всевышняго». Кукольникъ привезъ намъ ложу, и мы всею семьей поѣхали въ Александринскій театръ. Когда мы еще шли по корридору, я услышала, что кто-то изъ публики, проходя мимо меня, проговорилъ: «смотрите, смотрите! вотъ графиня Тол-

стая, невѣста Кукольника!». Можно себѣ представить, какъ отъ этихъ словъ сладко забилося мое сердце, и съ какимъ блаженнымъ лицомъ я усѣлась въ нашей ложѣ. Зрительная зала была уже полна публикой, которая волновалась отъ любопытства, и слышались хлопки, требующіе поднятія занавѣса.

Пріѣхала царская фамилія, вошла въ боковую ложу, тотчасъ занавѣсъ взвился, и представленіе началось. Новая драма Нестора Васильевича прошла блистательно. Актеры играли превосходно; аплодисментамъ не было конца. Много хлопалъ и государь. Авторъ выходилъ въ директорскую ложу нѣсколько разъ, чтобы раскланиваться публикѣ, и всякій разъ его встрѣчали оглушительными криками «браво» и неистовыми аплодисментами. Въ райкѣ простой народъ, которому «Рука Всевышняго» приплась по душѣ, такъ оралъ и бѣсновался, что всякую минуту можно было ожидать, что оттуда кто нибудь вывалится.

А что я чувствовала въ это время, я и рассказать не могу... Положительно я была на седьмомъ небѣ отъ успѣха и триумфа Нестора Васильевича. Когда я послѣ этого увидала его въ первый разъ, я до того расчувствовалась, что не могла сказать ему ни слова, а только крѣпко, крѣпко пожала ему руку. Да, вѣрно, полные слезъ глаза мои досказали ему все, что я не смогла тогда выговорить.

Слухъ о блистательномъ представленіи «Руки Всевышняго», а главное о милостивомъ расположеніи государя императора къ молодому автору, дошелъ до Ивана Петровича Мартоса, и старецъ пожелалъ непременно видѣть молодого человѣка, котораго такъ обласкалъ государь. Василій Ивановичъ Григоровичъ поторопился исполнить желаніе тестя и съ гордостью представилъ ему своего земляка. Но Кукольникову что-то у Мартосовъ не полюбилося. Особенно не понравилось ему шумное веселье и постоянный хохотъ внучекъ Ивана Петровича; онъ нашель, что эти дѣвицы держатъ себя неприлично, и даже сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что, по его мнѣнію, въ этой компаніи я ничему полезному не научусь. Сказалъ онъ мнѣ это при маменькѣ, и она сейчасъ же ему поддакнула:

— Вы совершенно правы, добрѣйшій Несторъ Васильевичъ. Я Машѣ это много разъ говорила, а она все мнѣ не вѣрила. Я очень рада, что вы со мною одного мнѣнія.

Послѣ этого замѣчанія, чтобы угодить моему сердечному другу, я стала рѣже бѣгать къ Мартосамъ, а вскорѣ и большое горе посѣтило ихъ домъ и еще больше разъединило меня съ ними. Девяностолѣтій Иванъ Петровичъ какъ-то простудился и опасно захворалъ. Чего ни предпринимали доктора, чтобъ спасти старика, но въ его годы помочь ему было трудно.

Во время его болѣзни я видѣла его только одинъ разъ: онъ лежалъ въ своей спальнѣ въ сильномъ жару, со льдомъ на головѣ.

Милѣйшій человѣкъ оставался вѣренъ себѣ, до послѣдней минуты не пересталъ быть вѣжливымъ дамскимъ кавалеромъ: когда я подошла къ нему, онъ засуетился, началъ прикрывать свою голую грудь простыней и протянулъ слабую руку къ пузырю со льдомъ, вѣроятно, воображая, что на немъ надѣта его соломенная шапочка, и захотѣлъ снять ее. Мнѣ такъ стало жалко бѣднаго старичка, что я еле могла удержаться, чтобы не заплакать при немъ.

Въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ заслуженнаго ректора Академіи Художествъ не стало. Убитая горемъ Авдотья Аванасьева не захотѣла и слушать совѣтовъ похоронить мужа-благодѣтеля прежде четырехъ сутокъ. А тамъ подошли послѣдніе дни Страстной и три первые дня Святой, когда хоронить уже нельзя, потому она продержала покойника у себя на дому ровно 10 дней. Можно себѣ представить, какой воздухъ былъ въ мастерской Ивана Петровича, гдѣ онъ стоялъ въ малиновомъ бархатномъ гробу на парадномъ катафалкѣ. И, не смотря на это, около него старшіе ученики Академіи составляли дни и ночи почетный карауль. Первые три дня праздника около памятника Потемкина былъ накрытъ столъ съ розговѣньемъ, закусками и винами, и ученики безпрестанно окружали его, ѣли и пили преисправно. Маленькіе сыновья Василя Ивановича Григоровича, которыхъ къ больному дѣдушкѣ не пускали изъ боязни, что они обезпокоятъ старичка, изъ мертваго дѣдушки сдѣлали себѣ игрушку: продѣли веревку въ ручку въ ногахъ у гроба и всякій день впрягались въ нее и представляли изъ себя лошадей, которыя скачутъ куда-то галопомъ.... Слава Богу, я ничего этого не видѣла, потому что, надо правду сказать, покойниковъ тогда сильно побаивалась, а потому не ходила къ нимъ въ эти дни, и пишу все это со словъ очевидцевъ.

Въ четвергъ на Святой Ивана Петровича съ превеликимъ парадомъ отвезли на Смоленское кладбище и похоронили по правую руку отъ воротъ, сейчасъ же за главною церковью, гдѣ вскорѣ надъ ректоромъ Академіи Художествъ былъ поставленъ памятникъ изъ краснаго гранита, съ лаконическою и вѣскою надписью, сочиненною Василемъ Ивановичемъ Григоровичемъ: «Ваятелю IX-го на X вѣка».

Вскорѣ вдова Мартоса съ дочерью и всѣми домочадцами, прирѣнными покойнымъ ея мужемъ (изъ которыхъ она никого не покинула), переѣхала въ 4-ю линію, въ рововый каменный домъ противъ Академіи, а оттуда на лѣто въ собственный домъ на Петербургскую сторону.

Мы это лѣто, не знаю почему, нигдѣ на дачѣ не жили. Папенька часто возилъ насъ съ Лизанькой къ дѣдушкѣ Ѳедору Андреевичу, который жилъ тогда на собственной дачѣ въ началѣ Крестовскаго острова по Невѣ, противъ дачи Лавала. Тогда это было самое модное мѣсто. Въ павильонѣ, къ которому сходятся лу-

чами всѣ просѣлки Крестовскаго острова, всегда по вечерамъ играла музыка, и мимо дачи дѣда постоянно каталась въ экипажахъ царская фамилія и весь петербургскій beau-monde... Дѣдушкина дача отъ мостика съ Каменнаго острова приходилась вторая. Это былъ прелестный домъ: одноэтажный, съ громадной террасой, укрытой тропическими растеніями до самой крыши, удобный, просторный, меблированный дорогою старинною мебелью краснаго дерева. И что было въ немъ дороже всего—это окружавшій его садикъ, буквально утопающій въ розанахъ всѣхъ возможныхъ сортовъ. Это уже была охота дѣда, который, говорятъ, выписывалъ красныя розы со всего бѣлаго свѣта, но въ настоящее время бѣдный старикъ всей этой прелести уже не видѣлъ: у него на обоихъ глазахъ были катаракты, и онъ ждалъ только, когда доктора скажутъ ему, что пора ѣхать за границу, чтобы снять ихъ, а куда не видѣлъ ни зги...

Смолоду, говорятъ, графъ Федоръ Андреевичъ былъ великій любитель женскаго пола, и до сихъ поръ всѣ стѣны спальни его на дачѣ были еще сплошь завѣшаны портретами красавицъ Греведоновской работы. И хотя онъ былъ совершенно слѣпъ, но про него рассказывали, что камердинеръ его, Марушка, часто привозилъ къ нему въ гости изъ Петербурга хорошенькихъ французенокъ. Графъ объяснялся съ ними на русскомъ языкѣ, потому что не зналъ ни одного иностраннаго языка, усаживалъ, говорятъ, этихъ «мамзюлекъ» около себя и говорилъ имъ:

— Марушка сказалъ, что ты хорошенькая! Подвинься ко мнѣ, я проведу рукой по твоему лицу и увижу, какая ты есть такая! У меня глазъ нѣтъ, такъ руки за нихъ видятъ.

И начнеть старикъ водить пальцами по лицу.

— Точно носишь у тебя маленькій, вздернутый—это очень мило, и ротикъ маленькій, и губки пухленькія...

И водить, водить пальцами по рожицѣ безъ конца, а французенка только молча подставляетъ свою мордочку подъ старческую руку, запачканную во французскомъ табакѣ...

Господи ты Боже мой, чего не въ состояніи вытерпѣть французенка изъ-за денегъ! Да и слѣпенькій дѣдушка Федоръ Андреевичъ, нечего сказать, хорошъ былъ старичекъ!

Намъ онъ всегда былъ очень радъ. Любовь его къ своему крестнику Федюшѣ далеко еще не прошла, и всякій разъ онъ придумывалъ, чѣмъ бы потѣшить папеньку. Разъ до того расходился, что сказалъ:

— Знаешь что, Федюша, я хочу подарить тебѣ эту дачу. Я жить въ ней больше не буду... Сперва съѣзжу за границу катаракты снять, а потомъ буду жить съ Закревскими на ихъ дачѣ на Аптекарскомъ островѣ, а эта дача, ты такъ и знай, твоя. И будущее лѣто ты живи въ ней.

Отець мой былъ очень благодаренъ дѣду за этотъ прелестный подарокъ. И послѣ точно мы много лѣтъ сряду каждое лѣто проводили на этой дачѣ. Самому Ѳедору Андреевичу подарила эту дачу со всѣми ея угодьями старушка княгиня Бѣлосельская, хозяйка Крестовскаго острова, которая приходилась ему по женѣ его близкой родственницей.

Дѣдъ былъ женатъ на дочери богатѣйшаго откупщика, Степанидѣ Алексѣевнѣ Дурасовой, и на ея средства сдѣлался самъ богатымъ человѣкомъ. Она была раскольница, женщина безъ всякаго образованія, но большого природнаго ума. У нихъ съ дѣдомъ была всего одна дочь, Аграѣна Ѳедоровна, которую они выдали замужъ за адъютанта фельдмаршала графа Каменскаго, Арсенія Андреевича Закревскаго, человѣка совсѣмъ бѣднаго, правда трезваго и чрезвычайно аккуратнаго, но не блиставшаго умственными способностями.

Выдавая дочь замужъ и богато наградивъ ее движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, Степанида Алексѣевна все-таки давала мужу умный совѣтъ:

— Смотри, графъ, много имъ сразу не давай. Пусть они лучше смотрятъ изъ нашихъ стариковскихъ рукъ... Почтенія тогда отъ нихъ больше будетъ. Смотри же, графъ, уговоръ лучше денегъ: я умру — все тебѣ, ты умрешь — все мнѣ.

Да, хорошо бы было, еслибъ дѣдушка никогда не забывалъ умнаго совѣта Степаниды Алексѣевны, а то, кажется, со смертью жены и мудрые совѣты ея испарились изъ головы дѣдушки, и онъ началъ передавать въ руки дочери и зятя свое имущество.

Женившись на Аграѣенѣ Ѳедоровнѣ, Закревскій, по милости фельдмаршала Каменскаго, который не переставалъ ходатайствовать за него, быстро пошелъ въ гору: скоро былъ сдѣланъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ, потомъ попалъ въ министры внутреннихъ дѣлъ и былъ пожалованъ въ графы. Но за какое-то опрометчивое распоряженіе въ 1831 году, во время первой холеры, съ этого мѣста слетѣлъ и попалъ въ сильную немилость государя Николая Павловича, которую, много лѣтъ спустя, могъ переломить своею силою только канцлеръ графъ Нессельроде. Но объ этомъ поведи рѣчь послѣ, а теперь настало время мнѣ повѣдать о первомъ моемъ сердечномъ горѣ въ жизни.

Все у насъ въ домѣ шло спокойно и благополучно, какъ всегда, и я была безмятежно счастлива. Только разъ выбѣжала я весело встрѣчать своего обожаемаго Кукольника; онъ вошелъ въ пріемную какой-то странный, серьезный, совсѣмъ не похожій на себя. Я было протянула къ нему обѣ руки и только что хотѣла заговорить съ нимъ, какъ онъ поклонился мнѣ какъ-то неловко и сейчасъ же, не сказавъ мнѣ ни слова, прошелъ въ кабинетъ отца моего. Меня что-то ударило точно ножомъ въ сердце: я поняла,

что съ нимъ случилось чтонибудь новое, ужасное. Я такъ и замерла на мѣстѣ... Въ головѣ моей завертѣлись вопросы: но если съ Нестромъ Васильевичемъ и случилось чтонибудь непріятное, я-то чѣмъ виновата? за что онъ меня такъ нестерпимо обидѣлъ? А тутъ вдругъ меня подстрекнуло женское самолюбіе; мнѣ не захотѣлось показать ему, что я замѣтила его странный со мною поступокъ: я сейчасъ же скорчила равнодушное лицо, вышла, какъ ни въ чемъ не бывало, въ залу и весело начала заниматься гостями, но въ сердцѣ моемъ что дѣлалось въ это время, только одному Богу извѣстно. Такой муки не желаю я врагу лютому.

Немного погодя, Кукольникъ пришелъ въ залу, началъ, какъ всегда, устраивать разныя игры, былъ очень любезенъ со всѣми гостями и со мною говорилъ въ общихъ разговорахъ. Но ко мнѣ отдѣльно не подошелъ ни разу и не сказалъ мнѣ ни одного задушевнаго слова. Женская гордость не позволила мнѣ даже подойти къ нему спросить, что значитъ эта перемѣна, и я держала себя съ нимъ также, какъ онъ со мной. И съ этого самаго дня невинное чистое счастье ни разу ко мнѣ не возвращалось. Осталось на мою долю только страшное горе, которое я глубоко припрятала на душѣ. И даже отцу и матери не пожаловалась на мое несчастье; но они, кажется, замѣтили перемѣну въ обращеніи Нестора Васильевича со мною и очень ею огорчились; можетъ быть, они, добрѣйшіе мои, между собою тоже составили какойнибудь радужный планъ насчетъ моего будущаго счастья съ Кукольникомъ, и когда онъ у нихъ неожиданно рушился, тоже стали грустны и печальны, но тоже молчали, потому что стараніе разъяснить странную перемѣну Нестора Васильевича въ отношеніи меня могло бы навести его на мысль, что меня хотятъ навязать ему насильно, чего онъ, повидимому, совсѣмъ не желалъ. Должно быть, это соображеніе возмутило гордость отца моего, и онъ также, какъ и я, хотѣлъ показать Кукольнику, что никакой перемѣны въ немъ не замѣтилъ, и остался съ нимъ всегда милъ и ласковъ, какъ прежде. И никогда о своемъ тайномъ горѣ ни мнѣ, никому не сказалъ ни слова.

Маменька вела себя съ Несторомъ Васильевичемъ точно также, какъ отецъ мой, совсѣмъ попрежнему. Но, какъ женщина, она тоньше чувствовала и, должно быть, понимала мои страданія, потому что ея глаза не переставали слѣдить за мною. И если она не говорила мнѣ объ этомъ ни слова, то только потому, что не могла ничѣмъ помочь моему горю, и я ей за это была сердечно благодарна, потому что тогда жизнь моя была разломана на двѣ половины и ничѣмъ даже не напоминала моего прежняго безмятежнаго счастья. Днемъ женская гордость моя заставляла меня притворяться спокойной, веселой, обманывать себя и другихъ, а по ночамъ отъ невыносимаго горя — обливаться горючими слезами.

Все это было такъ непохоже на меня, нервы мои были такъ натянуты, что стоило только маменькѣ спросить меня: «Маша, что съ тобой?»—и я бы разразилась потокомъ неудержимыхъ слезъ, измучила бы мать мою, а горю нашему всетаки мы обѣ ничѣмъ бы не помогли.

Кукольникъ все это время не переставалъ быть «душею компаніи» въ нашемъ домѣ, былъ миль, равно любезенъ со всѣми. И всѣ дамы и кавалеры были отъ него въ восторгѣ. Я одна только между всѣми знала, что Несторъ Васильевичъ не то для меня, что былъ прежде, и мукамъ моимъ не было конца.

Но я такъ заболталась о своихъ радостяхъ и горестяхъ, что даже перестала считать свои года; совсѣмъ забыла упомянуть, что вскорѣ послѣ появленія Кукольника въ нашемъ домѣ мнѣ минули мои желанныя шестнадцать лѣтъ, а теперь въ 1834 году, 30 октября, стукнули и всѣ 17 лѣтъ. Въ этотъ день папенька, для того, чтобы повеселить меня, устроилъ танцевальный вечеръ; была даже взята бальная музыка Финляндскаго полка, что прежде составляло для меня особенное блаженство, но теперь сердце мое отъ этого нисколько не дрогнуло. Всѣ гости наши веселились, танцевали до упаду, и я старалась быть веселѣе всѣхъ и танцевать больше всѣхъ, но на душѣ у меня отъ этого не было весело: я танцевала безъ усталости, точно кукла, которую завели, и она вертится безъ сознанія. вмѣсто ужина подавали маменькины гомерическія блюда съ тартинками; пробки отъ папенькиной чудной водянки летѣли въ потолокъ; кавалеры угощали дамъ, усаживались съ ними по уголкамъ, ѣли съ аппетитомъ и подставляли съ восхищеніемъ узенькіе бокалы подъ шипучую влагу нашего доморощеннаго шампанскаго. Помню, что и меня кто-то угощаль, но ѣсть я ужъ не могла, это было выше силъ моихъ: у меня весь вечеръ было стянуто горло какою-то судорогой, и мнѣ думалось только: ахъ, кабы поскорѣе всѣ ушли! Я бы убѣжала въ нашу комнату и упала бы на мой диванъ; вѣдь мнѣ хочется плакать, а нельзя; я должна быть веселой и танцевать. И точно, этимъ еще не кончилось мое терзаніе: я еще протанцевала котильонъ, носилась въ шумномъ грессфатерѣ, и это былъ еще не конецъ. Старички еще потребовали для себя свой собственный классическій кадрилъ, составили его сами и протанцевали, не слѣша, со всѣми онѣрами, ригодонами, *pas de пижонами*, *pas de басками* и антреша. Во всѣхъ этихъ старинныхъ танцевальныхъ премудростяхъ отличался лучше всѣхъ мой дорогой дядя, Константинъ Петровичъ, увѣшанный орденами за войну 1812 года. Видно, не даромъ въ 1798 г., когда дядя Костя, служа въ Рязанскомъ мушкетерскомъ полку, въ капитанскомъ чинѣ, дѣлалъ шведскую кампанію, и ему удалось гдѣ-то танцевать съ шведскою королевою, ея величество выразилась про него такъ: «этотъ молодой человекъ прелестно танцуетъ!». И теперь, черезъ 36 лѣтъ, каждый прыжокъ стараго графа,

подъ сводомъ академической нашей залы, сопровождался громкими аплодисментами. Правда, что няня Матрена Ефремовна не была согласна съ мнѣніемъ шведской королевы и стояла на своемъ, что Костинька настоящая ступа. Но вѣдь Матрена Ефремовна во многомъ и со многимъ никогда не была согласна; но ужь съ этимъ ничего не подѣлаешь, это дѣло ея вѣка.

Наконецъ, кончилось торжество моего рожденія; гости разъѣхались. Я пошла лечь, поплакать и этимъ только развязала мучительный узелокъ, который весь вечеръ стягивалъ мнѣ горло. На другое утро я опять была весела.

Помню, что утромъ маменька, разливая нашъ чай, была что-то очень грустна, и темы ея разговора со мной и сестрой Лизанькой были какія-то печальныя.

— Какъ бы я желала, чтобы хоть одна изъ васъ вышла замужъ, тогда бы я была покойна и за другую,—грустно говорила она.

— Да мы обѣ ни за что не выйдемъ замужъ: коли одна выйдетъ, то другая останется съ вами,—крѣпко цѣлуя маменьку, сказала я.

— Разумѣется, мы никогда не оставимъ васъ одну,—добавила Лизанька со слезами на глазахъ.

— А если я отъ васъ уйду?—вдругъ спросила маменька.

И тутъ ужь мы обѣ начали плакать.

— Не плачьте, это вѣдь въ натурѣ вещей, чтобы мать умерла прежде дочерей. Я прошу у Бога одной милости, чтобы онъ дозволилъ мнѣ умереть ударомъ, чтобы я умерла, не зная, что расстаюсь съ вами. Знать это для меня будетъ слишкомъ мучительно.

— Маменька, какъ вы—христіанка, а говорите такія ужасныя слова, значить, вы хотите умереть безъ покаянія?—прервала Лизанька маменьку.

— Мнѣ кажется, что достаточно стараться жить такъ, чтобы всякую минуту быть готовой къ смерти. Но простите меня, мнѣ взгрустнулось, и я наговорила чего не надо и васъ разстроила. Утѣшьтеся, Богъ дастъ, я еще поживу съ вами,—ангельски улыбнувшись намъ, сказала маменька, поцѣловала еще разъ Лизаньку и меня, повидимому, успокоилась, и опять жизнь наша потекла попрежнему.

До сихъ поръ я живо помню это грустное утро. И еслибъ мы тогда могли знать съ Лизанькой, сколько оно пророчило намъ горя въ скоромъ будущемъ, то вѣрно не успокоились бы такъ легко.

Конецъ 1834 года у насъ прошелъ не совсѣмъ благополучно. Старушка, папенькина няня, Матрена Ефремовна, собралась скончаться отъ старости и сама этому не хотѣла вѣрить, бунтовала до конца; когда тетя Надя увидѣла, что дѣло плохо, и послала позвать къ умирающей нашего академическаго священника, и онъ явился со Святыми Дарами, Матрена Ефремовна разсердилась и встрѣтила добраго отца Василія словами:

— Съ чего ты взялъ, что я умираю? Я умирать не хочу, я буду жить, и приобщаться не буду... Убирайся отсюда вонь! Жить хочу, жить!..

И такъ никто не могъ ее уговорить покаяться въ грѣхахъ, и она, спровадивъ отъ себя батюшку, скончалась безъ исповѣди. Читатель уже знаетъ, съ какимъ почетомъ похоронилъ ее отецъ мой.

Вскорѣ послѣ смерти Матрены Ефремовны пришло время покинуть Божій міръ и старушкѣ Прасковѣ, женѣ того бобыля, который предалъ добро господь своихъ французамъ, и котораго и французы, и свои русскіе мужички забили до смерти. Маменька призрѣла у себя несчастную бобылиху, жену его, съ двумя ребятами, мальчишкой Ванькой и дѣвочкой Грушей. И вотъ ей суждено было умереть у насъ въ домѣ. Но какъ несчастливо умерла бѣдная вѣрующая старушка: она умоляла позвать къ ней батюшку, чтобы исповѣдать и приобщить ее, но отецъ Василій отчего-то не поторопился придти къ ней, и бѣдная женщина скончалась въ страшномъ горѣ о томъ, что умираетъ съ неразрѣшенными грѣхами на душѣ. И Прасковью похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, подлѣ Матрены Ефремовны. Послѣ старой бобылихи у маменьки на рукахъ остались двое ея сиротъ: прекрасная дѣвочка Груша и страшный негодяй мальчишка Ванька, который впослѣдствіи столько надѣлалъ хлопотъ отцу моему и всему нашему семейству.

Канунъ новаго 1835 года встрѣтили у насъ чѣмъ-то въ родѣ маскарада. Мы и всѣ дамы въ этомъ году не наряжались, но за то приходило много наряженныхъ изъ учениковъ академіи и такъ же пріѣзжало много знакомыхъ въ прелестныхъ костюмахъ. Очень умно и мило былъ наряженъ «старымъ 1834 годомъ» скульпторъ Рамазановъ. Онъ изобразилъ изъ себя древняго сѣдого старца въ рубашкѣ, обвѣшаннаго съ головы и до ногъ старыми объявленіями и газетами за прошлый годъ, и печально съ старенькой поломанной дубинкой въ рукѣ бродилъ по нашей залѣ, въ ожиданіи новаго года. Какъ только зашипѣли часы, чтобы начать бить полночь, въ залу влетѣлъ «новый 1835 годъ», Несторъ Васильевичъ Кукольникъ, одѣтый въ новенькій съ иголочки свѣтло-сѣренькій фракъ, съ большимъ букетомъ свѣжихъ розъ въ петлицѣ фрака. Влетѣлъ и прямо кинулся весело обдирать со стараго 1834 года всѣ отжившія свое время объявленія и новости, а самого беззащитнаго старца схватилъ поперекъ сгорбленнаго туловища и безъ церемоніи выкинулъ за дверь залы. Все это безжалостное торжество новаго надъ старымъ свершилось по-театральному — въ одно мгновеніе ока; часы били еще первые свои удары на новый годъ, когда о старомъ годѣ не было уже и помину. А новый съ свѣжили розами, стоя одинъ въ торжественной позѣ посреди залы, проворно вынималъ изъ своихъ новыхъ кармановъ и кидалъ въ публику новыя, своей страпни, четырехстишія съ пожеланіями и пророчествами на новый

1835 годъ. Лакеи разносили на подносахъ въ бокалахъ папенькину водянку, она шипѣла и поднималась бѣлою пѣною; гости пили ее, цѣловались, и все въ залѣ кипѣло жизнью и весельемъ... Всѣ, сами не зная, кажется, почему, съ такимъ восторгомъ встрѣчали неизвѣстный еще никому новый годъ. Я одна знала, почему съ грустью провожала мой милый старый годъ: я чувствовала, что все, что было въ немъ мнѣ дорогого, ушло отъ меня навсегда.

Несторъ Васильевичъ въ этотъ вечеръ, можно сказать, былъ неистощимъ. Онъ придумалъ еще для папеньки сюрпризъ: говорящія живыя картины. Я попала въ картину «девять музъ и Аполлонъ». Кукольникъ долженъ былъ представлять Аполлона, вдовушка Глинка и насъ восемь барышень получили роли девяти музъ. Меня Несторъ Васильевичъ назвалъ Мельпоменой, далъ мнѣ маску, кинжалъ и сунулъ въ руку бумажку, на которой было написано:

«Мельпомена восклицаетъ
И въ трагедіи возрыдаетъ»...

И такъ каждой изъ дѣвицъ онъ роздалъ атрибуты той музы, которую она должна была изображать, и стихи, которые ей слѣдовало сказать. Самъ же взялъ въ руки бумажную лиру, сталъ въ середину, а насъ всѣхъ поставилъ кругомъ себя въ разныя подходящія сюжету позы. Я сначала храбрилась, но когда Несторъ Васильевичъ приподнял мнѣ руку, прикрылъ мнѣ маскою полъ-лица и показалъ, какъ держать кинжалъ, у меня вдругъ потемнѣло въ глазахъ, я забыла все: кто я? что я? и думала только объ одномъ: онъ выбралъ для меня атрибутомъ маску и кинжалъ, значить онъ думаетъ, что я коварная и злая. Что я сдѣлала? за что еще эта новая обида?

Кукольникъ началъ декламировать съ анфазомъ уморительныя стихи Тредьяковскаго. Кто-то сбоку мнѣ подсказалъ: «Машенька, вамъ говорить!»—и я рѣшительно не помню, какъ я, вмѣсто того, чтобы «восклицать и возрыдать», какъ слѣдовало Мельпоменѣ, едва слышно проговорила мои стихи и вдругъ почувствовала, что кто-то крѣпко поцѣловалъ меня въ голую шею и добрымъ, тихимъ голосомъ сказалъ мнѣ на ухо: «Маша, вѣдь Мельпомена его муза». Я сейчасъ узнала родной мнѣ голосъ: это была маменька, которая хотѣла ободрить и поддержать меня въ ту минуту, когда я теряла силу. Дорогая моя не выдержала, проговорила и показала мнѣ, что она все знаетъ и страдаетъ вмѣстѣ со мною. Отъ словъ ея я сейчасъ ожила и поняла, что я—Мельпомена, муза трагедіи; значить я его муза. Я точно прозрѣла; давно покинувшее меня счастье вновь ворвалось въ мою больную душу. Вообще ночь новаго 1835 года открыла мнѣ много новаго. Послѣ ужина, когда я присѣла на диванъ, чтобы отдохнуть отъ галопы, въ которомъ кавалеры затаскали меня,—представьте себѣ мое удивленіе,—Несторъ Василье-

вичь вдругъ очутился около меня и прежнимъ задушевымъ голосомъ заговорилъ со мною:

— Марья Ѳедоровна, я пришелъ сказать вамъ, что я ѣду ставить на Московскомъ театрѣ мою «Руку Всевышняго».

— Когда?—едва выговорила я, совсѣмъ позабывъ въ эту минуту роль моего напукснаго равнодушія.

— Завтра. Прощайте, не поминайте лихомъ...

Я ничего уже не могла сказать ему; слезы поднялись, душили меня, я вскочила и убѣжала отъ него въ нашу комнату, гдѣ по старинному обычаю для гостей, которые должны были остаться ночевать у насъ, свалены были на коверъ перины, тюфяки, подушки. Я какъ только вбѣжала туда, сейчасъ же налетѣла на нихъ, упала со всѣхъ ногъ и разразилась неудержимыми рыданіями и вдругъ надъ собою услышала опять его голосъ:

— Марья Ѳедоровна, не плачьте, не разрывайте мнѣ душу. Вѣдь я также страдаю, какъ и вы. Вѣрьте мнѣ, что во всемъ, что случилось, не я виноватъ. Какъ честный человѣкъ, я долженъ былъ поступить такъ, какъ я поступилъ. Молю васъ, не обвиняйте меня. Нашли, что мы съ вами оба еще слишкомъ молоды, чтобы намъ уѣсться на мѣсто. Послѣ вы узнаете все и сами скажете, что я былъ невиноватъ.—Задыхающимся голосомъ онъ все продолжалъ что-то мнѣ говорить, и мнѣ показалось, что и онъ тоже плакалъ. Это уже было выше силъ моихъ, и я начала его умолять, чтобы онъ ушелъ отъ меня, не мучилъ меня, оставилъ меня одну.

Послѣ этого я услышала надъ собою еще одно только слово: «прощайте!». Дверь въ комнату, гдѣ я лежала на полу между перинъ, захлопнулась, и я очутилась въ совершенной темнотѣ. И странное дѣло: вмѣсто того, чтобы продолжать разрываться и плакать, у меня вдругъ стало гораздо легче на душѣ; я сейчасъ же привстала и начала припоминать все, что сказалъ мнѣ Несторъ Васильевичъ, и каждое слово его отозвалось во мнѣ давно забытымъ счастіемъ. Онъ невиноватъ въ томъ, что между нами случилось; значить, его кто нибудь вынудилъ поступить такъ, какъ онъ поступилъ; онъ страдаетъ вмѣстѣ со мною; значить, онъ еще любить меня. Съ меня этого было довольно; только бы мнѣ не думать, что онъ совсѣмъ разлюбилъ меня, а если на насъ съ нимъ вмѣстѣ обрушилось что-то ужасное, для меня непонятное, то страдать и молчать я сумѣю всегда. Такъ, сидя впотѣмахъ, разсуждала я и такъ сумѣла утѣшить и успокоить себя, что даже скоро, какъ ни въ чемъ не бывало, съ душою полною свѣтлыхъ надеждъ на будущее, вышла въ залу. Съ этой минуты у меня вдругъ отпала охота обманывать себя и другихъ, казаться шумно-веселой, когда у меня на душѣ кошки скребли. Я стала ровнѣе, тише, натуральнѣе и почувствовала себя гораздо лучше. Да и воскресное общество наше во многомъ измѣнилось: пріятель-

ницы мои, академическія дѣвицы, какъ-то отстали отъ насъ, стали бывать у насъ гораздо рѣже; у всѣхъ у нихъ завелись свои интересы. У Мартосовъ въ домѣ неожиданно разыгралась драма: смиренная вдовушка Катенька Глинка, которую мать попрежнему держала около себя на привязи, какъ маленькую дѣвочку, какъ-то сворковалась со скромнымъ, тихимъ, повѣреннымъ въ дѣлахъ Авдотьи Аванасьевны, Ѳедоромъ Петровичемъ Крашенинниковымъ, они полюбили другъ друга не на шутку. Онъ, не предвидя бѣды, какъ человѣкъ самъ съ хорошимъ состояніемъ, посватался къ Катенькѣ. Авдотья Аванасьева взбеленилась, приписала это сватовство тому, что Ѳедоръ Петровичъ хочетъ жениться на ея дочери потому, что, занимаясь ихъ дѣлами, вывѣдалъ, сколько у вдовушки денегъ, и хочетъ жениться не на ней, а на деньгахъ. Вспыльчивая, влюбленная въ дочь свою Авдотья Аванасьева побранилась съ Ѳедоромъ Петровичемъ хуже, чѣмъ съ барономъ Клодтомъ, и объявила ему, что, покуда она жива, ни за что на свѣтѣ не отдастъ свою Катеньку за человѣка, который женится на ней только ради интереса. Отказала ему наотрѣзъ и со скандаломъ выгнала его изъ своего дома. Обиженный этимъ поступкомъ, Ѳедоръ Петровичъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свою деревню. Слабохарактерная, привыкшая къ вѣчной покорности, вдовушка осталась попрежнему въ полной власти матери; но, разумѣется, ей было уже не до того, чтобы ходить по гостямъ: она заперлась у себя дома и только потихоньку плакала по уголкамъ.

Моя пріятельница Дуничка Егорова въ это время находилась вся «въ амурахъ и зефирахъ» съ будущимъ своимъ мужемъ, ученикомъ старшаго класса Академіи Художествъ, скульпторомъ Тербеневымъ, тѣмъ самымъ, который послѣ такъ изукрасилъ Императорскій Эрмитажъ своими каріатидами и статуями. Ну, и этой счастливой тогда четѣ, разумѣется, было не до насъ.

У Алексѣя Егоровича около этого же времени прибылъ новый очень выгодный заказчикъ, извѣстный богачъ генералъ Шепелевъ, который заказалъ написать съ себя портретъ Егорову, аккуратно ѣздилъ къ нему на сеансы, оставался болѣе чѣмъ доволенъ работою профессора, не переставалъ присылать ему и женѣ его Вѣрѣ Ивановнѣ богатые подарки, а дочкамъ ихъ бралъ ложи во всѣ театры и присылалъ за ними свою богатую, нагруженную конфектами, карету. Алексѣй Егоровичъ былъ отъ этого въ восхищеніи и почти всякій вечеръ отпускалъ своихъ барышень, подъ конвоемъ ученика своего Миши Скотти, повеселиться на даровщинку въ какомънибудь театрѣ. Говорять, это гувернерство надъ дочерьми его профессора сильно надоѣдало Мишѣ и, по словамъ самихъ дѣвицъ, онъ во время этихъ увеселеній обращался очень жестоко съ двумя меньшими дѣвицами, Вѣрочкой и Соничкой; сидя важно въ обитой бѣлымъ атласомъ каретѣ, онъ безпрестанно на нихъ крикивалъ:

— Ну, вы, деревенщина, сидите смирно; нечего въ окошко выглядывать: чего тамъ не видали? Да не жрите такъ много конфектъ, еще у васъ животы заболятъ, и мнѣ придется васъ разваживать. Такъ вы и знайте, что я васъ брошу тогда; я срамиться изъ-за васъ не намѣренъ.

И не смотря на всѣ эти дерзости Скотти, бѣдныя дѣвочки съ жадностью кидались на всѣ эти новинки; и очень понятно, что имъ въ театрахъ было веселѣе, чѣмъ у насъ, тѣмъ болѣе, что у насъ тогда мало танцовали, а все читали, рассказывали что нибудь новенькое, интересное, или занимались музыкою.

Къ нашимъ воскреснымъ гостямъ прибавилось еще нѣсколько литераторовъ и музыкантовъ. Между литераторами появился у насъ тогда уморительный нѣмецъ, баронъ Розенъ, тотъ самый, который послѣ на своемъ ломанномъ русскомъ языкѣ сочинялъ забавныя либретто для русскихъ оперъ. Помню, что около этого времени появился у насъ въ первый разъ молодой пѣвецъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ и еще совсѣмъ юная пѣвица (почти еще дѣвочка) Анна Яковлевна Воробьева, которую тогда мучила и терзала театральная дирекція. Помню, что у бѣдной дѣвушки тогда умерла мать и, не смотря на это, убитую горемъ Анну Яковлевну безжалостно заставляли пѣть въ это время на сценѣ. Помню, какъ отецъ мой, маменька и тетки мои старались приглубить ее въ это тяжелое для нея время.

Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ и Анна Яковлевна Воробьева часто пѣли у насъ и приводили всѣхъ въ восторгъ своими молодыми чудными голосами. Петровъ, вѣроятно, тогда и не предполагалъ, что эта голосистая маленькая худенькая дѣвушка сдѣлается со временемъ его женою.

Несторъ Васильевичъ Кукольникъ точно скоро возвратился изъ Москвы, и у насъ по воскресеньямъ стали больше всего заниматься музыкой и пѣніемъ. Тогда же всегдашнимъ нашимъ воскреснымъ гостемъ сдѣлался и Михаилъ Ивановичъ Глинка, который въ это время задумывалъ уже свою оперу «Жизнь за царя», и все, что напишетъ новенькаго, игралъ и пѣлъ у насъ самъ. Съ Кукольникомъ они были большіе друзья, и дружба эта не кончилась до самой смерти Глинки.

Я хорошо помню Михаила Ивановича Глинку въ это время: онъ былъ маленькій человѣчекъ, съ большимъ хохломъ волосъ на головѣ; ему, кажется, очень хотѣлось быть большимъ: онъ все привставалъ нацыпочки и вытягивался, держалъ голову высоко и правую руку важно закладывалъ между петлицъ своего сюртука. Но все это «великому человѣку» росту на взглядъ не прибавляло; онъ все-таки казался «маленькимъ» человѣчкомъ. Хорошаго большого голоса я что-то у него не помню, и когда онъ пѣлъ и старался выразить что нибудь съ особенною силою, то всегда натуживался.

Но такъ какъ мнѣ придется впереди много еще рассказывать про Глинку, эту восходящую звѣзду первой величины, про дружбу его съ Кукольникѣмъ и впослѣдствіи съ мужемъ моимъ, Павломъ Павловичемъ Каменскимъ, который много лѣтъ сряду былъ съ ними неразлученъ,—то, чтобы не повторяться, оставлю покуда Михаила Ивановича и поговорю о томъ, что случилось раньше.

Вернувшись изъ Москвы, Кукольникъ началъ себя вести со мною опять такъ же, какъ онъ велъ себя до новаго года, и никакого больше сближенія между нами не произошло. Точно онъ боялся у насъ въ домѣ показать свое доброе чувство ко мнѣ. Я тоже съ своей стороны не дѣлала ни одного шага къ сближенію, и такъ мы съ нимъ зажили опять, повидимому, совершенно равнодушные другъ къ другу. О завѣтной ночи подъ новый годъ и мину больше не было.

Въ эту же зиму плѣнились нашими воскресеньями и стали бывать у насъ часто Василій Андреевичъ Каратыгинъ и жена его Александра Михайловна, два знаменитые артиста того времени, которые прежде привозили только въ подарокъ моимъ родителямъ билеты на свои бенефисы, а теперь вошли въ составъ нашего самаго интимнаго общества.

По-моему, чудный актеръ Василій Андреевичъ Каратыгинъ внѣ сцены представлялъ изъ себя мало интереснаго; для простой комнаты онъ былъ какъ-то слишкомъ громаденъ, говорилъ оглушительнымъ голосомъ и вообще не могъ отдѣлаться отъ привычныхъ ему театральныхъ эффектовъ, которые на сценѣ были у мѣста, а въ гостинныхъ казались дикими. Глубоко вдумчивый актеръ, строгій исполнитель всего, что требовало отъ него лицо, которое онъ изображалъ, важный, благородный, картинный во всякомъ своемъ движеніи,—онъ внѣ кулисъ дѣлался необыкновенно тихъ, молчаливъ и терялъ рѣшительно всѣ свои достоинства, кромѣ тѣлесной своей громадности. Какая разница—жена его, Александра Михайловна, дочь знаменитой танцовщицы Колосовой! Куда ее ни посади, вездѣ была у мѣста; попадетъ она, бывало, къ бомонднымъ людямъ и тамъ, бывало, кого угодно своимъ умомъ и любезностью «за поясъ заткнетъ»; попадетъ она въ кругъ артистовъ, людей «погривуазнѣ», и тамъ найдетъ и сумѣетъ насмѣшить и распотѣшить всѣхъ. Короче сказать, какъ хороша она была на сценѣ въ роли греческой строгой женщины, какъ она была мила въ роли веселенькой жены адвоката, такъ же отыгрывалась она во всякой домашней обстановкѣ, куда ее нечаянно забрасывала судьба. По своей наружности, по образованію, по чисто французскимъ туалетамъ, она тоже, если бы захотѣла, не дала бы ходу ни на волосъ передъ собой ни одной женщинѣ. Я не знаю, какъ другіе, а папенька, кажется, былъ влюбленъ въ мужа и жену Каратыгиныхъ, а я въ одну Александру Михайловну. И всѣ кавалеры были съ нею тише

воды, ниже травы. Особенно побаивался ея нашъ молодой поэтъ Кукольникъ; у него съ знаменитой актрисой на подмосткахъ вышла большая непріятность. Давали въ первый разъ какую-то драму Нестора Васильевича, если я не ошибаюсь, это была «Елена Глинская». Еще за сценой бунтъ, народъ оретъ, кричить... Бьютъ въ колокола, хотятъ убить эту Елену... Ночь, она одна на сценѣ, мечется, молится, даетъ обѣщанія дѣлать добрыя дѣла, служить во всѣхъ церквахъ молебны и затѣмъ кричитъ: «колокола, московскіе колокола!»... Она кричитъ, а колоколь хоть бы одинъ въ это время звякнулъ; полное молчаніе!.. Видно, люди, приставленные къ колоколамъ, ушли и забыли о нихъ думать. Въ партерѣ поднялся хохотъ. Можно себѣ представить, что происходило въ душѣ актрисы въ это время. Наконецъ упалъ занавѣсъ. Александра Михайловна только накинула на себя салопъ, захватила въ руку свой неизбѣжный лорнетъ (она была близорука) и полетѣла въ уборную къ мужу съ жалобой. Василій Андреевичъ въ эту минуту успѣлъ спустить съ себя послѣднюю рубашку и совершенно голый, сидя передъ авторомъ, обливался одеколономъ. Увидавъ жену, онъ испугался, вскочилъ съ мѣста и сконфуженно закричалъ:

— Александра Михайловна, побойтесь Бога, зачѣмъ вы вошли? Я въ такомъ видѣ...

— А чорртъ тебя возьми (Каратыгина сильно картавила), въ какомъ ты видѣ! Я не къ тебѣ пришла, а къ этому мальчишкѣ!— заорала она громче мужа, указывая лорнетомъ на Нестора Васильевича, который хотѣлъ улизнуть отъ нея за кулисы; она загородила ему дорогу.

— Врешь, мальчишка, не уйдешь! Я тебя не выпущу!..— начала кричать она, совершенно выйдя изъ себя, махая передъ носомъ Кукольника своей лорнеткой: — коли ты, шенокъ этакой, пишешь дррамы съ колоколами, такъ ты стой у меня около нихъ и самъ звони!..

При этомъ лорнетка вырвалась у нея изъ руки, полетѣла и больно щелкнула въ большой носъ Нестора Васильевича. Съ тѣхъ поръ онъ бѣдный сталъ такъ ея бояться, что всякій разъ, какъ давали эту несчастную Елену Глинскую, онъ выскакивалъ изъ-за стола и летѣлъ звонить въ закулисные колокола...

— Пустите меня, пустите! Мнѣ нельзя,—всегда говорилъ онъ:— Александра Михайловна барыня властная...

Не могу еще никакъ воздержаться, чтобы не сказать, какъ Каратыгина разъ уморила отца моего за ужиномъ, рассказывая ему про свою страсть къ русской банѣ.

— Для меня, дорррогой грррафъ, русская баня доррроже всего. Не надо мнѣ ни концеррттовъ, ни оперрръ, а только пустите меня въ баню, и я буду на седьмомъ небѣ... У меня тамъ есть пррррестная старушка, которая меня моетъ; она было вообразила,

что я баррыня, и стала меня мыть очень деликатно, но я ее выучила: послушай, милая старрушка, говоррю я ей, я такъ нѣжно не люблю; ты мой меня такъ, какъ ты моешь свой полъ, крррѣче, не жалѣй! И съ тѣхъ поръ это одинъ восторргъ, какъ она меня моетъ. Одинъ рразъ она, видно, желала угодить мнѣ и сдѣлала со мною одну штучку, которую я — умирать буду — не забуду. Вообрразите, графъ, что это мое брррюхо! — при этомъ Александра Михайловна своими бѣлыми руками, въ бриллиантовыхъ кольцахъ, разостлала свою салфетку:—потомъ вдругъ схватила меня пальцами за самую серрредину и начала веррртѣть, какъ буррравомъ, а потомъ подняла рруку и пррристукнула меня въ то же мѣсто, что есть силы, кулакомъ. Я заорала, какъ бѣлуга, а она говоритъ: «ничего, матушка, это очень здорррово». Какова прелестная старушка, ей кажется, что это очень здорррово, но я ей говоррю: дѣлай со мною все, что хочешь, кррромъ этой штучки!... Что бы было, если-бъ эту прелестную старушку пустить въ Паррижъ съ этой штучкой? Какъ вы думаете, гррафъ? Вѣдь что ррусскому здорррово, то нѣмцу смерть, а фрранцузу и подавно!...

Быстро пролетѣло время отъ новаго года до весны. Я почти все сидѣла дома съ сестрой Лизанькой и съ маменькой, которыя обѣ что-то нехорошо себя чувствовали. Бѣдная Лизанька все страдала глазами; ей открыли фонтанели на рукахъ; нервы ея были сильно разстроены. Но какъ только ей дѣлалось немного получше, она сейчасъ принималась за дѣло: много читала, переводила съ англійскаго и работала на бѣдныхъ. Кромѣ того, у нея были странности, которыя можно было приписать только болѣзненному состоянiю ея здоровья; какъ только она оставалась одна, ей сейчасъ же начинало что нибудь чудиться, и такъ ясны были видѣнiя, что разуверить ее въ томъ, что этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, было невозможно. То, бывало, подымется она снизу къ теткамъ наверхъ и скажетъ:

— Гдѣ у васъ тотъ старичекъ, что шелъ передо мной на лѣстницѣ?

— Нѣтъ, душа моя, у насъ нѣтъ никакого старичка. Тебѣ это показалось,—отвѣтять ей, бывало, тетки.

— Вотъ прекрасно! Да вѣдь я вамъ говорю, что я за нимъ шагъ за шагомъ поднималась по лѣстницѣ, и онъ вошелъ къ вамъ. Сѣдой такой, въ коричневомъ сюртукѣ... Еще меня такъ удивило, что на немъ сюртукъ спитъ, какъ французскій кафтанъ.

То ей видѣлась дѣвочка въ локонахъ и въ розовомъ кушакѣ. Одинъ разъ она меня на улицѣ страшно испугала. Пошли мы съ нею что-то купить въ Андреевскій рынокъ; шли, шли мы рядышкомъ, вдругъ она отъ меня отстала; я обернулась, смотрю, а она стоитъ на тротуарѣ одна одинешенька и о чемъ-то горячо

разговариваетъ, и, представьте себѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, который она ненавидѣла и всегда заявляла, что не понимаетъ на немъ ни слова. Я вернулась и спросила ее:

— Лизанька, что ты это одна тутъ разговариваешь?

— Молчи, не мѣшай! — махнула она мнѣ рукой; сказала еще слова три понѣмецки, поблѣднѣла вся, какъ полотно, и вдругъ пустилась опротясь бѣжать назадъ въ Академію.

Я нашла ее уже въ комнатѣ тетокъ, всю въ слезахъ. Она рассказывала имъ, что сейчасъ встрѣтила нѣмца, и онъ сказалъ ей, что маменька наша умретъ нынѣшнимъ лѣтомъ или въ маѣ, или въ сентябрѣ.

— Лизанька, ты вѣдь не понимаешь нѣмецкаго языка; тебѣ это все почудилось,—уговаривали ее тетки, стараясь успокоить.

Но утѣшить ее нельзя было: она вѣрила въ страшное предсказаніе какого-то человѣка, котораго совѣмъ съ нею и не было.

Въ началѣ мая дѣдушка Ѳедоръ Андреевичъ прислалъ папенькѣ сказать, что наша дача на Крестовскомъ островѣ совѣмъ готова, и что мы можемъ переѣхать, если хотимъ. Дѣйствительно мы скоро переѣхали.

Въ серединѣ мая маменька вдругъ опасно захворала необыкновенною болѣзнью, которую доктора назвали столбнякомъ. Она сидѣла на креслѣ точно, какъ окаменѣлая, ничего не говорила, не просила, даже кормить ее докторъ Шестаковъ долженъ былъ силою, пропуская ей въ ротъ пищу. Всѣ мы были въ отчаяніи. Лизанька вѣрила въ предсказаніе и всякую минуту ждала смерти бѣдной матери нашей, но на этотъ разъ насъ помиловаль Богъ. Приглашенный извѣстный докторъ вмѣстѣ съ Андреемъ Егоровичемъ спасли нашу дорогую... Она скоро поправилась и даже поздоровѣла къ концу лѣта, такъ что мы всѣ успокоились.

Я положительно была въ восторгѣ отъ дачи, отъ массы розановъ, въ которыхъ она, можно сказать, тонула. Кромѣ того, я много гуляла и часто ходила въ гости къ madame Lioseun, которая занимала тогда мѣсто воспитательницы при дѣвицахъ Чертковыхъ и жила на Каменномъ островѣ. Уморительный былъ со мною случай въ одно изъ моихъ путешествій къ Чертковымъ. Отъ насъ къ нимъ надо было пройти недалеко по берегу Невы, между стриженныхъ акацій. Иду я, задумавшись, и вдругъ слышу, что на террасѣ дачи княгини Голицыной какой-то странный охрипый голосъ кричитъ: «Княгиня, княгиня! позовите сюда эту хорошенькую барышню, чтѣ мимо идетъ. Это дочка вашего сосѣда, графа Толстого, того самаго, что зимою, въ лентахъ и орденахъ, съ прачками бѣлье чрезъ Исаакіевскій мостъ возить».

Я взглянула на террасу и увидѣла цѣлую публику, которая съ любопытствомъ вглядывалась въ меня, да еще маленькую старушку въ запаканномъ черномъ коленкоромъ платьѣ и въ чепцѣ;

она-то и приказывала княгинѣ меня позвать. Я переконфузилась, прибавила шагу и скоро дошла до дачи госпожи Чертковой. У меня все время не выходило изъ головы: отчего эта старушка узнала меня? и отчего она говоритъ, что мой отецъ съ прачками бѣлье возить? На другое же утро мнѣ Богъ послалъ всему этому разгадку.

Только успѣла я войти въ нашъ садикъ, какъ ко мнѣ въ калитку вошла та же самая женщина въ чепцѣ, которую я видѣла вчера на террасѣ у княгини Голицыной. Она вошла, очень важно и жеманно присѣла передо мною и проговорила на французскомъ языкѣ:

— *Bonjour, comtesse!* Я—Оленька, меня всѣ любятъ, я у всѣхъ бываю и къ вамъ пришла, теперь я голодна, и потому я называюсь Оленькой, а когда я поѣмъ, я буду Ольга Ивановна! *Chère comtesse, donnez moi petit morceau de quelque chose...* мнѣ кушать хочется.

Я сейчасъ же побѣжала, принесла ей на тарелкѣ вчерашнее жаркое, хлѣбъ, вилку, ножикъ, и поставила все это передъ ней на балконѣ.

— Нѣтъ, перенесите сюда на скамеечку; я подъ крышкой не вкушаю, я боюсь: она можетъ обрушиться и убить меня, и этого тоже не надо, унесите: я этого тоже боюсь,—и она отодвинула отъ себя ножикъ и вилку.

Я поспѣшила исполнить ея желаніе, и она съ аппетитомъ начала ѣсть руками, сидя на скамеечкѣ.

— Вотъ теперь вы можете меня называть Ольгой Ивановной, потому что я совсѣмъ сыта.

Меня сильно разбирало любопытство узнать, что это она говорила про моего отца, что онъ съ прачками бѣлье возить. Я ее спросила:

— Что это, Ольга Ивановна, вы вчера говорили, что мой отецъ въ лентѣ и орденахъ съ прачками бѣлье возить? Вы развѣ это видѣли?

— Видѣла, *ma chère*, видѣла. Графъ идетъ, шуба распахивается, лента и ордена всѣ видны, а онъ впрягся съ бабой въ сазанки и мокрое бѣлье везетъ. Какъ же, разумѣется, я это видѣла! *Je ne m'en savais rien,*—отрапортовала мнѣ Оленька.

Послѣ я пристала къ папенькѣ, чтобы онъ мнѣ сказалъ, что это все значить, и онъ мнѣ со смѣхомъ отвѣтилъ:

— Точно это со мною одинъ разъ случилось: шелъ я въ 9 часовъ утра къ государю. На Исаакіевскомъ мосту была гололедица страшная, и какая-то баба никакъ не могла стащить съ мѣста сазанки съ мокрымъ бѣльемъ; ну, я ей помогъ, вотъ и все.

Прелестный человекъ, какъ у него это все просто дѣлалось: «я ей помогъ», и конецъ. Скоро эта помѣшанная Оленька сдѣла-

лась и нашей постоянной гостьей. Послѣ уже дѣдушкинъ садовникъ объяснилъ мнѣ, кто такая эта странная Оленька. Оленька, или Ольга Ивановна, по словамъ его, была бѣдная дворяночка, опредѣленная какими-то благодѣтелями на мѣщанскую половину Смольнаго монастыря. Тамъ все у нея шло благополучно, покуда къ несчастной дѣвушкѣ не сталъ ѣздить на пріемъ какой-то франтикъ, который сталъ за нею сильно ухаживать, влюбилъ глупую дѣвочку въ себя, уговорилъ ее послѣ выпуска бѣжать съ нимъ, что она, очертя голову, и сдѣлала. А послѣ оказалось, что этотъ франтикъ не что иное, какъ бѣглый крѣпостной лакей какого-то важнаго барина. И романъ этотъ кончился тѣмъ, что лакей женился на монастырочкѣ, спился съ круга, въ пьяномъ видѣ ранилъ свою жену топоромъ въ черепъ; и хотя ее тогда вылѣчили, но разума ей ужъ не вернули, и она осталась на всю жизнь любимицей знати, «забавной дурочкой Оленькой». Отъ этой злосчастной раны вѣрно и остался у нея навсегда паническій страхъ къ ножамъ и ко всему острому.

Ахъ, я и забыла сказать, что дѣдушка Ѳедоръ Андреевичъ Толстой, уѣзжая за границу снимать свои катаракты, вмѣстѣ съ дачей надѣлалъ отцу моему еще много подарковъ: во-первыхъ, онъ купилъ для него чудную верховую лошадь, жеребца арабской породы, Гектора; потомъ подарилъ еще ньюфаундлендскую собаку Зюлему, которая у него всегда жила при этой дачѣ; еще для балкона большой дорогой телескопъ и наконецъ шести-весельный морской катеръ, чтобы кататься въ немъ по Невѣ. Дѣдушка хорошо зналъ вкусы своего крестника, а потому и всѣ его подарки пришлись отцу моему по душѣ. Особенно влюбился папенька въ своего красавца Гектора и всякій вечеръ гарцовалъ на немъ передъ публикой. И эта огневая лошадь слушалась его, какъ маленькая собачка. Очень я любила смотрѣть, какъ онъ удивляетъ всѣхъ своею молодецкою ѣздой. И вѣдь какой онъ былъ хитрый: какъ только никто ему не попадаетъ на встрѣчу, Гекторъ идетъ себѣ смирно, не ворохнется. Но только завидитъ папенька гдѣ нибудь вдали людей, и въ особенности дамъ, такъ этотъ страшный конь и взбѣсится, и пойдетъ выкидывать разныя штуки, и становится на дыбы. Тутъ-то отецъ мой и сидитъ на конѣ, точно изъ одного куска съ нимъ вырубленъ, и покоряетъ разъяренное животное своей волѣ. И публика, бывало, дивится, а встрѣчные знакомые даже ему аплодируютъ. Я этого очень боялась, но тетקי мнѣ открыли за тайну, что папенька нарочно потихоньку бѣситъ своего Гектора, а потомъ усмиряетъ его, и что это ему ничего не стоитъ.

Ньюфаундлендку Зюлемку, дочь почтенныхъ, украшенныхъ медалями, родителей, папенька тоже залюбилъ безъ памяти и всегда купалъ ее при дамахъ самъ. Но зато, когда мужчины наши ѣздили на катерѣ купаться на Лавалевъ берегъ, то эту свободную амери-

канскую гражданку принуждены были покрѣпче запирать въ сарай, а то она никакъ не могла привыкнуть къ тому, что на Невѣ ей не надо спасать купающихся людей. И изъ этого выходили постоянные скандалы: чуть бывало не доглядятъ, Зюлема тутъ какъ тутъ, схватить какого нибудь несчастнаго купальщика за волосы и давай его спасать.

. Да и послѣдній подарокъ дѣдушки, чудный телескопъ, у насъ на террасѣ составлялъ положительное блаженство всѣхъ кавалеровъ. Бывало, у нихъ изъ-за него дѣло доходило чуть не до драки: всякому хотѣлось завладѣть имъ прежде другого и навести его на купальщицъ на Лавалевой дачѣ. И какъ только счастливецъ наведетъ его, такъ ему и кажется, что всѣ эти голыя женщины совсѣмъ около него, тутъ у насъ на террасѣ. Дивный былъ телескопъ. Послѣ, когда папенька ставилъ его на крышѣ академіи и смотрѣлъ на городъ Кронштадтъ, то ясно были видны всѣ улицы и люди, которые по нимъ ходили. Помню, что я, грѣшница, разъ рано утромъ, когда на террасѣ у насъ никого не было, тоже навела телескопъ на Лавалевъ берегъ и, представьте себѣ, какъ я испугалась, когда совсѣмъ около меня очутились Василій Андреевичъ и Александра Михайловна Каратыгины, которые, пользуясь утречкомъ, извоили купаться въ Невѣ «maritalement», вдвоемъ. Уморительно, какъ-то особенно нѣжно, Александра Михайловна поливала своего мастодонта-мужа водою изъ дѣтской кружечки.

Но сколько я ни тяни рассказъ про это для меня сравнительно веселое лѣто, все-таки мнѣ придется переѣхать съ него на самую ужасную осень въ моей жизни. Пятнадцатаго августа мы, какъ всегда, переѣхали съ дачи, а семнадцатаго сентября, въ день именинъ тети Нади, въ 12 часовъ утра, сбылось страшное предсказаніе Лизанькинаго нѣмца и маменькино страстное желаніе умереть такъ, чтобы она не знала, что разстается съ нами. Такъ и случилось: въ 12 часовъ послѣ завтрака маменька, какъ всегда, легла немного отдохнуть и не проснулась больше. Совсѣмъ никѣмъ неожиданный сильный нервный ударъ унесъ ее отъ насъ навсегда. Позванные доктора ничѣмъ не могли помочь ей; все уже было кончено.

Сестру Лизаньку и меня въ какомъ-то одурѣніи утащили наверхъ, въ комнату тетокъ. Скоро прибѣжалъ къ намъ и папенька и попросилъ у тетокъ позволенія пріютиться въ комнатѣ покойной бабушки Маріи Степановны, чтобы быть ближе къ намъ. Мы съ сестрою сейчасъ же жалко прижались къ нему и не отходили отъ него все это ужасное время. Странное дѣло, что слабенькая болѣзненная Лизанька перенесла этотъ страшный переворотъ въ жизни нашей гораздо тверже, чѣмъ я, полная здоровая дѣвушка. Она могла ходить на панихиды и плакать, и молиться; я же пробыла всѣ три дня, покуда маменька стояла у насъ въ залѣ, въ какомъ-

то одереვენѣнни, не могла ни жалѣть маменьку, ни плакать, ни молиться. И только поутру 21 сентября, въ день похоронъ, когда я увидѣла тетущку Прасковью Васильевну Толстую и кузинъ моихъ, Лизаньку и Сашеньку, изъ груди моей вырвалось первое страшное рыданіе. Помню, что добрѣйшая теть Нада, которая очень любила изъ себя представлять «esprit fort», очень разсердилась на меня за это шумное проявленіе моихъ чувствъ, даже закричала на меня: «Машенька, жельзя ли безъ этихъ театральныхъ эффектовъ! Я этого терпѣть не могу!». Я страшно обидѣлась и сейчасъ же спряталась отъ нея подъ папенькино теплое крыло. И онъ, и тетущка Прасковья Васильевна, сейчасъ же заступились за меня и уняли порывъ благоприличія тети Нади.

21 сентября въ этомъ году было такъ жарко, что мы всѣ шли за гробомъ маменьки въ однихъ платьяхъ. Помню, что добрѣйшій профессоръ Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, идя съ нами, сказалъ: «этотъ тихій теплый день—живое изображеніе характера покойницы графини». Народу на похоронахъ маменьки, особенно бѣдныхъ, которыхъ она всю жизнь свою не переставала поить-кормить, было столько, что казалось некуда было яблоко бросить. И всѣ эти бѣдные съ громкими благословеніями провожали благодѣтельницу свою до Смоленскаго кладбища.

Есть у насъ, у русскихъ, повѣрье, что «бѣда одна не ходитъ, а бѣда за собою бѣду ведетъ». Такъ и у насъ случилось: не прошло съ маменькиной смерти полъ-года, какъ наша вѣчная страдалица сестра Лизанька отправилась вслѣдъ за ней, въ злѣйшей скоротечной чахоткѣ. Послѣ смерти маменьки Лизанька, полная надежды еще выздоровѣть, если къ ней пригласятъ доктора Оверлаха, опять пристала къ отцу моему съ этой просьбой. Онъ на этотъ разъ нашель, что жестоко будетъ отказать ей въ ея желаніи, и Оверлахъ былъ приглашенъ. Но тутъ уже пришелъ чередъ исполниться предсказаніямъ нашего стараго друга, Андрея Егоровича Шестакова. Молодой докторъ слишкомъ поусердствовалъ, желая сильными средствами подогнать запоздавшую натуру, и добился этимъ только того, что подкошенные прежде продолжительными болѣзнями силы бѣдной страдалицы не выдержали, и она 10 февраля 1836 года, 24-хъ лѣтъ отъ роду, въ страшныхъ страданіяхъ, отдала Богу душу. Все время болѣзни несчастной сестры моей я была съ нею неразлучна, и памятенъ мнѣ до сихъ поръ всѣ ея муки и ея послѣдняя улыбка, именно переходная улыбка отъ міра страданій и слезъ къ міру вѣчнаго блаженства. Голубушка моя Лизанька въ эту минуту, должно быть, увидала что нибудь очень хорошее и улыбнулась, и эта неземная улыбка такъ и застыла на мертвыхъ ея устахъ.

Похороны Лизаньки вышли очень оригинальны: всѣ академическія дѣвицы выпросили у папеньки позволеніе нести подругу

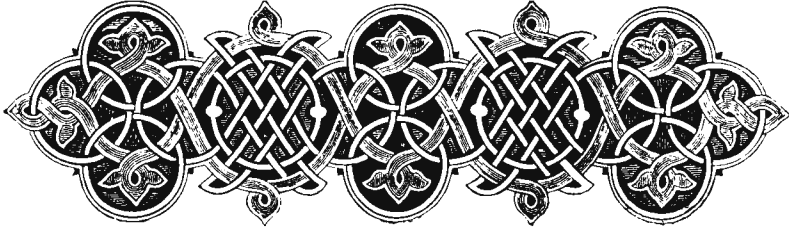
свою на рукахъ отъ самой квартиры нашей вплоть до Смоленскаго кладбища, и для этого одѣлись, какъ на свадьбу, въ бѣлыя платья съ розовыми кушаками. Въ церкви видъ былъ удивительный. На Смоленскомъ, въ головахъ могилы нашей незабвенной матери, онѣ опустили свою подругу въ особую могилу и закидали ее цвѣтами... Послѣ этого я осталась у папеньки одна, по поговоркѣ, какъ порохъ въ глазу...

Въ будущемъ мѣсяцѣ, Богъ дастъ, расскажу про мою новую, мнѣ самой до тѣхъ поръ еще неизвѣстную жизнь и льщу себя надеждой, что она займетъ сколько нибудь моихъ благосклонныхъ читателей. А покуда попрошу позволенія отдохнуть немного и припомнить милую мнѣ старину-матушку, для того, чтобы начать снова нескончаемую мою болтовню.

М. Каменская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ШУЛЬГИНСКАЯ РАСПРАВА.

(Этюдъ изъ истории Булавинскаго возмущенія.)

ВЪ НАЧАЛѢ сентября 1707 года по пыльному и широкому шляху Задонской степи двигался полкъ солдатъ. Ихъ усталыя ноги, обутыя въ башмаки съ тупыми, широкими носками, съ трудомъ подымаясь и не соблюдая такта, съ какимъ-то ожесточеніемъ били сухую и твердую, какъ желѣзо, землю. Знойное солнце невыносимо пекло. Чистое небо рѣзало глаза своею ослѣпительно сверкающею лазурью. На бурой, выжженной степи, дремавшей въ тяжелой истомѣ, далеко кругомъ не было видно ни кустика. Лишь кое-гдѣ одиноко торчалъ изъ засохшаго, приникшаго къ землѣ ковыля, сѣрый, дымчатый полынокъ, да оголенные сибирьки съ маленькими, покрытыми пылью листочками.

Нестройный, однообразно шлепающій шумъ солдатскихъ шаговъ какъ-то странно гармонировалъ съ пустыннымъ однообразіемъ степи, не внося оживленія въ нее и какъ будто не нарушая ея мертвой тишины, царствовавшей кругомъ. Сѣрая пыль тяжело и невысоко поднималась изъ-подъ ногъ и садилась на истомленные и суровыя солдатскія лица, на ихъ темнозеленые, потертые мундиры, на короткіе штаны и чулки, и всему давала сѣрый, однообразный колоритъ.

Сзади скрипѣло нѣсколько телѣгъ полкового обоза, поднимая густую и тяжелую пыль, которая долго потомъ стояла въ воздухѣ, медленно и словно нехотя опускаясь на дорогу.

Далеко впереди ѣхалъ командиръ полка, полковникъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій, въ сопровожденіи пяти казачьихъ старшинъ и десяти офицеровъ. Князь сидѣлъ верхомъ на высокой карей лошади, вспотѣвшей и низко державшей шею. Онъ былъ невысокій, полный человекъ, лѣтъ сорока съ небольшимъ. Широкое, сытое, нѣсколько обрюзгшее лицо его съ толстымъ, короткимъ и красноватымъ носомъ, съ крупными бритыми губами и двойнымъ сизымъ подбородкомъ, было некрасиво и жестко.

Рядомъ съ нимъ ѣхалъ на рыжей степной лошади старшина Ефремъ Петровъ, красивый казакъ лѣтъ пятидесяти, съ широкой свѣтлорусой бородой, въ сѣрой папахѣ и въ красномъ, кармазинномъ казачьемъ кафтанѣ. Онъ помахивалъ своей дорогой плеткой съ ручкой, окованной серебромъ, и глядѣлъ кругомъ, беззаботно и весело посвистывая.

— А что скоро Шульгинъ? — спросилъ князь у Ефрема Петрова, доставая изъ кармана трубку.

— Теперь-ча скоро. Вонъ энтотъ пригорокъ перевалимъ, какъ разъ и станицу увидимъ.

— Григорій Машлыченковъ! — широко улыбаясь и растягивая бритыя и сизыя губы, крикнулъ князь старшинѣ, ѣхавшему на сѣрой круглой лошади немного въ сторонѣ отъ дороги.

Старшина въ огромной куньей шапкѣ съ алымъ верхомъ обернулъ къ нему свое сухое, бронзовое лицо съ острымъ, ястребинымъ носомъ и съ сѣрой узенькой бородкой.

— Покуримъ что-ль? а? — сказалъ Долгорукій.

— Кури, кури, государь мой! Какъ-то ты на томъ свѣтѣ закуришь, погляжу я...

— Эхъ, ты! — шутливо воскликнулъ князь, закуривая трубку: — тоже законникъ, а не знаетъ, что самъ преподобный Гавріиль табакъ курить...

— Тьфу!

Князь залился громкимъ, раскатистымъ хохотомъ, довольный столько же собственной остротой, сколько раздраженіемъ Григорія Машлыкина, человека стараго завѣта, упрекавшаго князя и офицеровъ за брадобритіе, за табакъ и развлекавшаго всѣхъ своей желчною ворчливостью.

— А вонъ и Шульгинская станица, — сказалъ Ефремъ Петровъ, когда они вѣхали на пригорокъ.

Въ полуверстѣ, подъ самой горой, блестяла узкая рѣчка Айдаръ, и около нея столпились въ кучку небольшіе, крытые камышемъ, кугой и лубомъ курени Шульгинскаго казачьяго городка, окруженнаго высокими тыномъ съ двумя раскатами. Зеленая кайма вербъ съ трехъ сторонъ обходила станицу и сливалась съ синеватой полосой лѣса, который протянулся далеко по берегамъ рѣчки и за рѣчкой.

— Куда прешь? ку-у-да прешь, чортъ мазаный? — крикнулъ рѣзко капраль на хохла, который, пропустивъ мимо себя начальниковъ, хотѣлъ переѣхать дорогу съ двумя возами сѣна наперерѣзъ полку.

Хохоль, испугавшись грознаго капрала, остановилъ быковъ и началъ осаживать ихъ назадъ, съ удивленіемъ и опасеніемъ оглядываясь на проходившихъ солдатъ. Сердитый капраль, проходя мимо, погрозилъ ему багинетомъ.

— А што за рѣчка, милый человекъ? — мягкимъ теноркомъ спросилъ сухощавый и сутуловатый солдатъ, встряхнувъ ранецъ на плечахъ и обратившись къ хохлу.

— Хайдарь, — хриплымъ голосомъ отвѣчалъ хохоль.

— Ишь ты! — сказалъ солдатъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и крикнулъ, возвысивъ свой тонкій голосъ: — Скоробогатовъ!

— Я за него, — отвѣчалъ откуда-то изъ рядовъ густой басъ.

— Готовься кашу ѣсть!

— А што?

— А заразы привалъ будетъ.

— Жди, коли будетъ... Верстовъ тридцать ишшо обломаемъ...

— Держись, мазица! — крикнулъ какой-то веселый солдатъ, нацѣлившись ружьемъ въ хохла.

— Солдатъ — сипъ содрать! — прохрипѣлъ хохоль.

— А ты галушкой подавился!

— А у васъ рубахи изъ портовъ!

II.

Подѣхавъ къ тыну, окружавшему станицу, князь Долгорукій приказалъ сдѣлать привалъ, а самъ съ старшинами вѣхалъ въ станицу.

Станица была небольшая, около 100 дворовъ. Одна узкая и кривая улица кружила по ней, развѣтвляясь на нѣсколько проулковъ и пустырей. Курени сосновые и простыя мазанки, выѣленные бѣлой глиной, стояли тѣсно другъ къ другу. Дворы были огорожены невысокими плетнями; на улицу же выходили и сараи, обмазанные глиной. Изъ-за плетней, около нѣкоторыхъ хатъ, привѣтливо выглядывалъ вишневый садикъ; передъ маленькими, подслѣповатыми окошками, въ которыхъ стекла блестѣли всѣми цвѣтами радуги, почти вездѣ торчали и пестрѣли цвѣтки — розовые, голубые и бѣлые «выюны», кначки и алыя «вори».

Никого не было видно на улицѣ, когда князь съ Ефремомъ Петровымъ подѣхали къ запертой станичной избѣ. Лишь ребяташки бѣгали на майданѣ и играли въ городки. Какая-то старуха въ темномъ кубелекѣ и красномъ платочкѣ, повязанномъ такъ, что

его издали можно было принять за кичку, выглянула изъ сосѣдняго двора и скрылась опять.

— Гдѣ же у нихъ народъ?—спросилъ князь, слѣзая съ лошади.

Ефремъ Петровъ, глядя по сторонамъ и, по обыкновенію, насвистывая что-то, подѣхалъ къ плетню того двора, изъ котораго выглядывала старуха.

— Бабушка! а, бабушка! гля-ка суды!—приподнявшись на стременахъ и опираясь съ лошади руками на плетень, крикнулъ онъ.

Со двора никто не откликнулся.

— Да ты не бойсь, родимущка! Поди-ка-сь ко мнѣ! Идѣ у васъ атаманъ тутъ живеть?

Старуха долго еще не показывалась, но, наконецъ, рѣшилась подойти къ воротамъ и недовѣрчиво посмотрѣла на обоихъ незнакомыхъ всадниковъ. Долгорукій въ своей шляпѣ съ плюмажемъ и большой пуговицей, его бритое лицо и длинные, прямые волосы внушали старухѣ, повидимому, большое сомнѣніе относительно благонадежности обоихъ пріѣзжихъ. Ефремъ повторилъ свой вопросъ.

— А вонъ!..—сказала басомъ старуха, указывая на бѣлый курень, стоявшій на другой сторонѣ майдана.

— Вонъ парнишка-то его бѣгаетъ... Минка!—крикнула она своимъ могучимъ голосомъ:—поди-ка отца позови въ станишное...

Старуха ушла. Князь слѣзъ съ лошади и сѣлъ на рундукъ у станичной избы. Минка скоро вернулся назадъ; атамана не оказалось дома: ушелъ за рыбой.

— Сгинулъ народъ!—съ досадой сказалъ Ефремъ Петровъ и послалъ Минку за есауломъ.

Черезъ полчаса къ станичной избѣ пришелъ высокій, съ узкой рыжей бородой казакъ въ черной старой черкескѣ и въ чирикахъ. Онъ снялъ папаху и, поклонившись короткимъ поклономъ, сказалъ:

— Добраго здравія, атаманы-молодцы!

— Здорово,—мелькомъ взглянувъ на него, сказалъ небрежно князь:—ты есаулъ?

— Онъ самый.

— А атаманъ гдѣ?

— На рыбальствѣ... на сѣжу ушелъ.

— Ловится рыбка-то?—спросилъ Ефремъ.

— Да разно... Глядя по погодѣ,—отвѣчалъ есаулъ:—подъ ущербъ мѣсяца такъ вовсе плохо идетъ.

— Ну, ты, есаулъ, отыщи князю вотъ фатеру получше. По царскому указу посланъ...

— А что, много у васъ бѣглыхъ тутъ?—спросилъ князь, глядя искоса испытующимъ окомъ на есаула.

Есауль внимательно посмотрѣлъ для чего-то вверхъ и послѣ значительной паузы сказалъ:

— А кто ихъ считаль? Народъ у насъ вольный, не записной: кто ни пришелъ — живи! Земля, вода — достоянье Божіе, а у насъ запрета на это никому нѣтъ...

— Ворами потакаете, — сердито и враждебно сказалъ князь, поворачиваясь спиной къ есаулу.

— Всѣ люди, — отвѣчалъ есауль и вдругъ заботливо воскликнулъ: — да что же ты, ваша милость, такъ-то сидишь? Пожалуйте вотъ въ станичную избу, отдохните. Вотъ вамъ и фатерка будетъ, на первый случай лучше требовать некуда: просторно и слободно.

III.

За станицей, гдѣ полкъ раскинулъ свои палатки, было большое оживленіе. На яру, надъ рѣчкой, краснѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ огоньки; кашевары и добровольцы изъ солдатъ суетились около нихъ съ котелками и сухими дровами. Почти половина полка купалась въ рѣкѣ, барахтаясь, брызгая и гогоча. Веселый крикъ далеко кругомъ оглашалъ окрестность. Два солдата достали гдѣ-то бредень и ловили раковъ, плеская около камыша, въ надеждѣ выгнать щуку.

— Мушкетъ пр-редъ се-бя! — выкрикивалъ заливистымъ басомъ солдатъ Скоробогатовъ въ одной рубахѣ, съ мокрыми волосами, держа въ рукахъ хворостину и выкидывая ею артикулы передъ собравшимися изъ станицы ребятишками.

— А ну-ка стрѣльни! — говорилъ толстый, съ лупленнымъ носомъ мальчуганъ въ синей рубахѣ.

— Мушкетъ на пле-е-чо!.. Это вотъ какъ, — продолжалъ Скоробогатовъ, не удовлетворивъ просьбы своего зрителя: — такъ, Фокинъ?

— Такъ-то, — равнодушно отвѣчалъ Фокинъ, сидѣвшій накорточкахъ у ближайшей телѣги полковаго обоза. Фокинъ былъ тотъ самый солдатъ съ мягкимъ теноромъ, который спрашивалъ хохла про рѣчку.

— Ряды-ы сдвой! Это вотъ какъ... Видалъ?

Толстый казаченокъ внимательно смотрѣлъ на Скоробогатова, заложивъ руки за спину, и конфузливо улыбался, когда онъ обращался къ нему съ вопросомъ, но былъ очень доволенъ и счастливъ этимъ вниманіемъ.

— Эй, крупа, крупа! откель васъ нелегкая нанесла? — весело и беззаботно сказалъ проходившій мимо старый казакъ съ сѣтми за плечами.

— Ишь вѣдь сила какая! — прибавилъ онъ, останавливаясь противъ Фокина и оглядывая лагерь: — расейскіе люди да, небось, за

расейскими и пришли?.. Эхъ вы, овца глупая! прѣ, овца глупая! Ты откель?—обратился онъ къ Фокину.

— Пензенскій.

— Ишь гѣбы-то какъ оскоблить!

— Ничего не подѣлаешь: приказъ такой.

Старикъ однимъ движеніемъ плеча сбросилъ ловко сѣти на землю и сѣлъ на нихъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поболтать съ солдатами.

— А чишолая, говорятъ, ваша служба? — спросилъ онъ, обращаясь къ Фокину.

— Да, нелегкая,—отвѣчалъ Фокинъ:—зато доходная, шишки не заживаютъ...

— Знаю, дружокъ! Бывалъ и я съ вашими въ походахъ не въ давнее время—подъ Азовомъ...

— Ваша служба—совсѣмъ особая,—сказалъ басомъ Скоробогатовъ, доставшій уже гдѣ-то ломоть арбуза:—а вотъ мы сутокъ по трое хлѣба не видимъ, воду ржавую пьемъ... а иногда не чаешь, что и въ живности-то останешься—вотъ!..

И онъ кивнулъ головой, выразительно приподнявъ свои вылинявшія желтыя брови.

— А то коли замѣсто пропащей собаки примутся бить до умертвія,—прибавилъ стоявшій возлѣ солдатъ съ подбитымъ глазомъ и тоже съ ломтемъ арбуза въ рукахъ.

— Велятъ командеры,—продолжалъ Скоробогатовъ, утершись рукавомъ рубахи и съ завистью посмотрѣвъ на остатокъ арбуза въ рукахъ солдата съ подбитымъ глазомъ:—велятъ, чтобы у всѣхъ головы были прямо, плечо съ плечомъ ровно, ноги—чтобы въ единую струну... отойдутъ отдалѣ, по плечамъ поглядятъ, ровно ли стоятъ солдаты, не шатаются-ль у нихъ фузеи въ рукахъ. Коли чуть чего не такъ, заразъ затрещину въ морду, аль въ грѣди саданеть такъ, что лишь охнешь. Покель обучишься всему,—повороты чтобы дѣлать скоро, въ ширинкахъ ходить ровно, фузею вскидывать легко чтобы,—такъ отъ подтыченъ-то и свѣту бѣлаго не будешь видѣть.

— Ишь ты!—задумчиво проговорилъ растроганный старикъ:—гляди, все нѣмцы эти проклятые?

— Всякіе... Есть и изъ нашихъ не лучше...

— Крестъ, стало быть, утеряли...

— Минка! Ми-и-нка-а!—послышался звонкій молодой женскій голосъ въ воротахъ станицы.

— Чаво-о?—пронзительно закричалъ въ отвѣтъ толстый мальчуганъ съ облупленнымъ носомъ. Изъ всѣхъ зрителей пріемовъ Скоробогатова онъ одинъ лишь оставался теперь въ лагерѣ и слушалъ съ живѣйшимъ любопытствомъ разговоръ солдатъ со старикомъ.

— Иди домой, дьяволина! Вечерять давно собрали, а ты вѣшаешься...

Минка съ видимымъ сожалѣніемъ оставилъ лагерь и побѣжалъ въ станицу. Синяя рубаха его скоро исчезла въ воротахъ станицы. Старикъ продолжалъ сидѣть на своихъ сѣтяхъ и задумчиво и разсѣянно смотрѣлъ на свѣтлую гладь рѣчки.

— А што, дѣдушка,—заговорилъ Фокинъ: — не слыхалъ, нѣту въ вашихъ мѣстахъ мужика Фокина, Якимъ Титова?

— А-а?—поднявъ голову, переспросилъ старикъ: — Фокина, говоришь? а каковъ изъ себя?

— Такъ, мелкаго роста, сутулый. На лицо со мной схожъ; борода рыжая...

— Да кто же ихъ тутъ всѣхъ упомнить? — отвѣтилъ старикъ послѣ довольно долгой паузы: — умножилось дюже вашего расейскаго народу у насъ... Ты откель, говоришь, родомъ-то?

— Да мы пензенскіе.

— Не въ примѣту, братъ, не видалъ, да и наврядъ онъ тутъ: ваши все по Медвѣдицѣ, по Хопру останавливаются, а тутъ какіе по близности, все воронежскіе...

— То-то я прослышалъ въ Троицкомъ,—мы въ гарнизонѣ тамъ служили,—какъ разъ случился тамъ въ работныхъ людяхъ нашъ оттольній, пензенскій мужикъ, такъ онъ-то и разказалъ мнѣ: «ушелъ, говоритъ, отецъ твой на Донъ, въ казаки».

— Ну, тамъ, стало быть, не иначе,—сказалъ старикъ и всталъ. Одначе пойтить, видно, и мнѣ домой, — проговорилъ онъ, глядя на станицу, утонувшую уже въ лѣтнихъ сумеркахъ, и взвалилъ на спину свои сѣти:—прощайте, братцы!

И покачивая мѣрно своей широкой спиной, онъ зашагалъ и скрылся въ сумеркахъ въ томъ же направленіи, гдѣ за нѣсколько минутъ исчезъ Минка.

Фокинъ легъ на спину и вздохнулъ.

— Эхъ, спина моя, горемычная спина! — громко зѣвая, проговорилъ онъ и задумался.

Скоробогатовъ помолился на востокъ и легъ съ нимъ рядомъ, накрывшись шинелью. Ночь была тихая и ясная. Звѣзды мерцали въ высокой и темной лазури и ласково глядѣли на землю. Глядя на нихъ, Скоробогатовъ вспомнилъ о своей далекой родинѣ, о маленькой деревушкѣ на Волгѣ, близъ Ярославля... Что-то тамъ дѣлается теперь? Живы ли его старики и братъ? Вотъ ужъ третій годъ, какъ его взяли, и ни слуху ни духу объ нихъ. Домашнія картины одна за другой торопливыми вереницами понесли въ его головѣ, и страстная тоска охватила его. Ему вспомнился такой же тихій и прозрачный вечеръ дома, на покосѣ. Такъ же блестяли и мигали звѣздочки, такая же свѣжесть была кругомъ; тоскливые, неотразимо влекущіе звуки пѣсни лились и дрожали въ воздухѣ:

Ты объ чемъ, моя кукушечка,

Объ чемъ ты кукуешь?

Хорошо и счастливо все было! Гдѣ же все это? Кто отобралъ счастье? Кто лишилъ силъ и здоровья и свободы?

И другая мрачная и горькая картина смѣняетъ первую и заставляеть занять тупую, неизъяснимою болью его сердце... Подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній онъ горько, неудержимо заплакалъ, закрывшись шинелью, и долго судорожно подергивались отъ неслышныхъ никому, беззвучныхъ рыданій его широкія, согнутыя плечи.

IV.

На другой день съ утра на майданѣ собрался станичный кругъ. Тутъ была почти вся станица, тутъ были вѣкоторые и изъ російскихъ бѣглыхъ людей, знавшихъ, зачѣмъ явился князь Долгорукій, но простодушно вѣрившихъ и убѣжденныхъ, что казаки ихъ не выдадутъ. Болѣе предусмотрительные изъ нихъ скрылись заблаговременно подальше, узнавъ о цѣли пріѣзда «царскаго розыщика», но другіе не только не сочли нужнымъ сдѣлать это, но даже неустрашимо пришли посмотрѣть, какой онъ есть, этотъ розыщикъ, и какъ-то онъ «наткнется» на казаковъ.

Казаки разбились на группы, разговаривали, спорили и бранились все по поводу этихъ же бѣглыхъ русскихъ людей. Одни говорили, что надо посмотрѣть самый указъ царскій, подлинный ли онъ; можетъ быть, это бояре отъ себя присылаютъ «ради бездѣльныхъ взятокъ своихъ». Были такіе, которые шли и дальше: хотя бы грамота была и подлинно царская, исполнять ее все равно нѣтъ нужды, потому что на Дону, на всемъ Полѣ, вольны только одни они, казаки: захотятъ, отдадутъ, а не захотятъ, такъ и царъ ничего не сдѣлаетъ. Была, наконецъ, третья группа, въ которой стоялъ и разговаривалъ, между прочимъ, и Ефремъ Петровъ. Эта группа, самая малочисленная, совѣтовала покориться требованію правительства, покориться въ силу необходимости: у царя большое войско, и въ случаѣ «противности» онъ можетъ двинуть его на казаковъ и разсѣять ихъ въ одно мгновеніе. «Пропастъ тогда намъ и нашимъ головамъ»,—повторяли сторонники этой группы.

Было уже не рано, а полковникъ все еще не показывался изъ станичной избы. Шумъ на майданѣ замѣтно началъ притихать. Онъ походилъ теперь на жужжаніе пчелъ въ ульѣ, которыя начинаютъ мало-по-малу успокоиваться послѣ какой нибудь тревоги, когда весь рой вылеталъ послѣшно изъ улья и грозно гудѣлъ, готовясь къ защитѣ. Небольшія группы—человѣкъ въ пять, шесть, наскучивъ ожиданіемъ, отдѣлялись и направлялись къ кабаку, который находился неподалеку, сейчасъ за угломъ проулка.

— Пойти, знать, побезпокоить,—сказалъ Ефремъ Петровъ и вошелъ въ станичную избу.

Долгорукій всталъ сердитый, съ головной болью и съ горечью во рту (вчера вечеромъ онъ изрядно выпилъ съ старшинами и офицерами). Онъ потребовалъ майора и велѣлъ ввести въ станицу двѣ роты солдатъ. Черезъ полчаса онъ вышелъ на майданъ и сѣлъ на скамейку за маленькимъ, аляповато сдѣланнымъ, некрашенымъ столикомъ.

Передъ нимъ стояли казаки въ высокихъ черныхъ шапкахъ— бобровыхъ, кунныхъ и барашковыхъ, въ бѣлыхъ, сѣрыхъ папачкахъ, въ кафтанахъ всѣхъ цвѣтовъ—въ красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, темнозеленыхъ, въ халатахъ, черкескахъ и безрукавкахъ; виднѣлись тутъ же, въ казачьихъ рядахъ, и простыя россійскія сермяги. Впереди стоялъ атаманъ, старикъ съ сухимъ, сморщеннымъ и суровымъ лицомъ, и глядѣлъ немного искоса и исподлобья. Этотъ взглядъ бросился прежде всего въ глаза князю и безъ видимой причины разозлилъ его. За атаманомъ стоялъ есаулъ съ своимъ длиннымъ есаульскимъ костьюлемъ, съ нимъ рядомъ какіе-то старики съ большими бѣлыми бородами, за ними — тѣсно сдвинувшаяся толпа казаковъ и позади всѣхъ небольшая группа казачекъ. Долгорукій приподнялъ голову, замѣтивъ красивое смуглое лицо какой-то казачки, которая съ любопытствомъ глядѣла на его полковничью треуголку съ плюмажемъ и пуговицей и на длинные, прямые и рѣдкіе волоса.

Черезъ четверть часа солдаты рядами вступали въ станицу, мѣрно и въ тактъ отбивая ногами, звякая шпагами и багинетами и поднимая пыль. Казаки глядѣли на нихъ враждебно. Молодые острили и громко смѣялись, ничуть не стѣняясь присутствіемъ князя.

— Бритоусые дьяволы!—слышались голоса изъ толпы казаковъ и затѣмъ покрывались дружнымъ смѣхомъ.

— Кислая муницья!

— Обжорная команда!

— Указомъ его царскаго величества, — началъ сердитымъ, трескучимъ и слегка осиплымъ голосомъ полковникъ, когда солдаты установились на майданѣ и выровнялись:—предписано мнѣ...

— П-по-мол-чи честная станица!—крикнулъ вдругъ громко есаулъ и взмахнулъ вверхъ своимъ костьюлемъ.

Князь на минуту остановился. Смѣшанный, негромкій говоръ толпы сталъ затихать.

— Царскимъ его величества указомъ, — заговорилъ опять, сердито сдвинувъ брови, Долгорукій:—долженъ я чинить розыскъ разнаго роду бѣглымъ людямъ—холопямъ, солдатамъ, ворами и всѣмъ, кои бѣжали отъ службы великаго государя и отъ своихъ господъ и укрылись въ вашихъ мѣстахъ. Кто ежели таковыхъ людей удерживаетъ, тотъ противность чинить волѣ его царскаго величества. А потому вы должны указать и прямо выдать всѣхъ пришлыхъ

таковыхъ людишекъ, чтобы я, по указу его царскаго величества, могъ водворить ихъ на своихъ мѣстахъ, кто откуда пришелъ, и руки должны дать въ томъ, что примать къ себѣ больше таковыхъ бѣглыхъ не будете...

Долгорукій остановился. Кругъ молчалъ.

— Слыхали?—возвысивъ голосъ, обратился князь къ казакамъ и увидѣлъ передъ собою упорный, полувраждебный, полупрезрительный взглядъ атамана, его суровое, смуглое лицо, увидѣлъ угрюмые сѣдыя, бородатыя лица и ни слова не услышалъ въ отвѣтъ.

— Всѣ, кто пришелъ къ вамъ послѣ второго Азовскаго походу,—заговорилъ опять Долгорукій, стараясь придать голосу какъ можно болѣе внушительности и строгости:—должны воротиться на старыя свои мѣста. А теперь вы должны объявиться поименно, всѣ жители этого городка, сколько душъ кого есть.

— Этого допрежь у насъ не водилось,—заговорилъ кто-то среди казаковъ сзади.

— А-а?—нахмутивъ брови, крикнулъ князь своимъ трескучимъ голосомъ.

Никто не отозвался. Войсковой старшина Ефремъ Петровъ снялъ папаху и, поклонившись кругу, сказалъ:

— Атаманы молодцы! Послали насъ, старшинъ, изъ Черкаскаго города на тотъ конецъ, чтобы объявить волю войска — не чините противности царскому его величества указу...

Сзади, въ кругу, зашумѣли голоса:

— Воля войска, воля войска! А войска и не собирали для совѣту!

— Говори, атаманъ, сколько казаковъ у тебя въ станицѣ,—рѣшительно приказалъ Долгорукій.

— А кто ихъ считалъ?.. У насъ людъ не записной, вольный,—невозмутимо спокойно и не торопясь отвѣтилъ атаманъ.

— А?! не записной?—начиная краснѣть, крикнулъ князь еще громче и грознѣе, чѣмъ прежде:—всѣ вы воры и мошенники! Я вамъ дамъ «не записной»! Го-во-ри!—хлопнувъ по столу кулакомъ, грозно повторилъ онъ.

— Нечего мнѣ говорить, — глухо и съ разстановкой отвѣчалъ атаманъ, выдерживая грозный взглядъ князя:—и никакихъ воровъ и бѣглыхъ у насъ нѣтъ, и безъ приказу войска мы не выдадимъ никого—вотъ весь мой сказъ...

И вдругъ, послѣ этихъ рѣшительно сказанныхъ словъ, разомъ заговорилъ весь кругъ, зашумѣлъ, загудѣлъ, какъ потревоженный улей.

— А... а... а...—закипѣлъ князь, весь багровѣя и не могши сначала отъ гнѣва выговорить ни одного слова, и подскочилъ къ атаману.

— У васъ нѣтъ?! Противность?.. Гго-вор-ри!..—крикнулъ онъ, сжавъ кулаки и потрясая ими передъ бородой атамана. Лѣвая

щека у него судорожно задергалась, и сѣрые глаза округлились и горѣли огнемъ. Но тотъ же спокойный, полуравнодушный, полупрезрительный взглядъ узкихъ черныхъ глазъ, разозлившій князя еще раньше, дерзко, не моргая, глядѣлъ на него и сейчасъ.

— Въ пыль сотру!—прохрипѣлъ взбѣшенный князь и взмахнулъ своимъ пухлымъ, мягкимъ кулакомъ.

— Не изволь драться, ваше здоровье, а то ручка отсохнетъ,—сказалъ атаманъ, поймавъ его руку и отводя ее.

Сзади кругъ зашумѣлъ еще громче. Нельзя было разобрать, о чемъ онъ шумѣлъ, но шумъ былъ грозенъ.

— А... а... а!.. Господинъ маіоръ! изволь взять!.. кандалы!.. всѣхъ въ кандалы!.. обрить его наголо!..—затопалъ князь ногами, обутыми въ башмаки съ золочеными бляхами, и вдругъ съ размаху ударилъ кулакомъ есаула, который, получивъ совершенно неожиданно княжескій ударъ, нѣсколько разъ ковыльнулъ назадъ на пяткахъ. Онъ хотѣлъ было уже пустить въ дѣло свой трехаршинный костыль, но былъ окончательно сбитъ съ ногъ однимъ изъ солдатъ, которые окружили и схватили подъ руки атамана.

— Нехристи, супостаты!.. Вы и Расею-то всю перевели, хриstopродавцы окаянные! — вдругъ громко закричалъ атаманъ съ искаженнымъ отъ злобы темнымъ лицомъ, усиливаясь вырваться изъ рукъ солдатъ.

Взбѣшенный князь схватилъ за бороду какого-то дряхлаго старика, который, согнувшись и опершись на свой костыль обѣими руками, недоумѣвая смотрѣлъ на него своими выцвѣтшими, полуслѣпыми глазами.

— А ты что за человѣкъ? откуда?—налетѣлъ затѣмъ Долгорукій на мужика въ лаптяхъ и въ заплатанной сермягѣ, и не успѣлъ мужикъ снять свою рваную шапку, какъ голова его мотнулась на бокъ отъ удара княжескаго кулака.

— Батоговъ! всѣхъ перепорю! Клейми его!

Казачи были совсѣмъ озадачены и сбиты. Шумъ, поднявшійся было между ними, стихъ и уступилъ мѣсто страху и сознанию своего безсилія и безпомощности.

Атаману на площади стали брить бороду и усы. Онъ вырывался и отбивался въ изступленіи отъ солдатъ, и лицо его было все въ крови отъ порѣзовъ. Тутъ же нѣсколькихъ человѣкъ изъ пришлыхъ высѣкли кнутами, нѣсколько молодыхъ мужиковъ и казаковъ забрили и заковали въ кандалы, чтобы отправить въ солдаты или на галеры. Ужасы, никогда не виданные казаками, испытывалъ теперь Шульгинскій городокъ.

Станица побѣжала въ разныя стороны, кто куда успѣлъ. Страхъ напалъ на всѣхъ, во всѣхъ куреняхъ поднялся плачъ, всѣ стали скрываться въ лѣса, бросая курени и захватывая съ собою, что только можно было захватить въ такой поспѣшности.

На другой день то же повторилось въ Заказномъ городкѣ, на третій въ Трехъ-Избянскомъ, на четвертый еще въ другихъ. Почти всѣ айдарскіе казаки стали разбѣгаться по лѣсамъ. Иные побѣжали на Медвѣдицу и Хоперь, разнося по дорогѣ страшныя слухи, невѣроятныя прежде у казаковъ ужасы насилія и надругательства.

V.

Голытьба заволновалась.

Второй мѣсяцъ съ Дона бѣгутъ и бѣгутъ казаки и несутъ все новыя и новыя тревожныя слухи и страшныя вѣсти о царскомъ розыщикѣ: разоряетъ станицы князь Долгоруковъ, стариковъ старожилыхъ бьетъ и вѣшаетъ, рветъ повдри, заковыываетъ въ кандалы и посылаетъ на каторги, молодыхъ казаковъ беретъ въ солдаты, красныхъ дѣвушекъ во постелю, а маленькихъ младенцевъ кидаетъ за заборы.

И заволновалось все безпокойное, свободолюбивое населеніе Дона, и съ нимъ зашумѣла казачья голытьба.

Широкая сиротская дорога на Донъ никогда не заростала. Какъ въ обѣтованную землю, бѣжали сюда съ Руси всѣ обиженные, разоренные, голые, нагіе и босые—всѣ, у кого въ родныхъ мѣстахъ горбъ трещалъ отъ нужды, отъ палокъ и разоренія. Весь этотъ голодный, обездоленный, несчастный людъ на своей родинѣ жилъ, не видя свѣтлыхъ дней, терпѣлъ невыносимую тяготу, переносилъ ругательства, насильства и всевозможныя утѣсенія; кнутъ писалъ на его спинѣ судъ и расправу. Непрестанныя требованія рублей, полтинъ, подводъ, сухарей вымотали всѣ его «животишки», и увѣчья сопровождали это выматыванье. Не видѣлось впереди конца взяткамъ и обидамъ, не видѣлось конца оброкамъ и рекрутчинѣ; все обременительнѣе съ каждымъ днемъ становились поборы, еще невыносимѣе гнеты, а ненавистныя лиходѣи—дьяки и воеводы—еще злѣе и безпощаднѣе...

Гдѣ же свѣтлые дни? Гдѣ правда и справедливость, гдѣ праведныя суды и законъ? Гдѣ нѣтъ этого стихійнаго гнета, этихъ надругательствъ и насилія?

Слышалъ и зналъ обездоленный и пригнетенный людъ объ одной вольной землѣ. Какъ бѣднякъ, не перестающій мечтать о богатомъ кладѣ, мечталъ этотъ народъ о волѣ. Чудною и обаятельною представлялась она въ мечтахъ... Зеленая, широкая степь грезилась мечтателю. Гуляютъ по этой степи люди, равныя между собой, ни отъ кого не зависящія, свободныя, какъ вѣтеръ, который вмѣстѣ съ ними летаетъ по широкому, синему простору... Никакихъ стѣсненій, никакихъ ограниченій—одинъ просторъ, одна воля. И гуляютъ на этой волѣ эти люди, празднуютъ и бражничаютъ безъ конца по чистому полю, сладко пьютъ и ѣдятъ, ще-

голяютъ въ богатыхъ одеждахъ, не знаютъ подневольнаго труда... «Живуть—не тужать и никому не служить».

И эта мечта кружила и туманила голову. Сердце рвалось туда, къ этой очаровательной красавицѣ-волѣ, къ этому широкому празднику, неотразимо влекущему своимъ безграничнымъ удалствомъ, къ этой свободной жизни—безъ господъ, безъ тягла, безъ рекрутчины, безъ жестокихъ воеводъ и неправедныхъ судей. И бѣжалъ по сиротской дорогѣ на тихій, вольный Донъ обездоленный человѣкъ искать пріюта и блага свѣта, даннаго на волю,— бѣжалъ, унося въ сердцѣ тоску по оставляемой разоренной родинѣ и злобу противъ безжалостныхъ злодѣевъ-разорителей, начальныхъ людей.

Въ Хоперскихъ, Медвѣдичскихъ и Чирскихъ лѣсахъ находилъ онъ пріютъ, безопасность и волю, и былъ увѣренъ, что ничто теперь не можетъ возвратить его назадъ, къ оброкамъ и тяглу, къ воеводамъ и дьякамъ.

Но воля оказалась на дѣлѣ не такой обаятельной и красивой, какую была въ грезахъ забитаго и измученнаго человѣка, не такой безпредѣльной и нестѣсняемой; а благополучія, о которомъ мечталось до побѣга и во время побѣга, и совсѣмъ почти не было: тотъ же холодъ и голодъ, та же нужда неотступно ходила слѣдомъ. Чтобы сладко попить и поѣсть, чтобы щегольнуть богатой одеждой, приходилось рисковать жизнью, рисковать быть посаженнымъ на колъ. Праздникъ былъ широкій, шумный, головокружительный, но недолгій и мимолетящій, и та же сѣрая и суровая нужда стояла послѣ за плечами.

Но все-таки жилось легче, чѣмъ прежде, потому что не было такихъ начальныхъ людей, которые могли бы надругаться и изувѣчить ни за что, ни про что, некого было страшиться и трепетать: всѣ были равны и всѣ становились другъ за друга противъ притѣснителей...

Но вотъ страшная, властная рука протягивается и въ эти мѣста, въ которыхъ ожившіе было отъ гнета и притѣсненій люди чувствовали себя вполне безопасными и считали дорогу назадъ совсѣмъ заросшею,—протягивается и требуетъ бѣжавшихъ «людишекъ и холопей» назадъ, грозя кнутомъ, вырываніемъ ноздрей и каторгой. Ужасъ охватываетъ бѣглецовъ, едва успѣвшихъ вкусить вольной жизни, и страшнѣе смерти, безпросвѣтнѣе могилы кажется имъ все, что они оставили назадъ, убѣгая изъ родныхъ мѣстъ. А властная рука все надвигается и грозитъ раздавить и уничтожить всякое сопротивление.

И заматались въ разныя стороны, зашумѣли и заволновались всѣ «голотвенные» люди.

Они собирались въ кабакахъ, кричали, напивались, шумѣли еще больше и не знали, что дѣлать. Они были голодны, плохо одѣты

и плохо вооружены; сильныхъ и удалыхъ людей среди нихъ было не особенно много; всѣ пока были совершенно безпомощны и лишь шумѣли и бурлили.

Грозный шумъ и ропотъ подымался и съ другой стороны.

Выросшіе на волѣ, не знавшіе ни воеводъ, ни неправедныхъ судей, привыкшіе жить «при войсковой булавы да при своей головѣ», казаки возмутились безцеремоннымъ пограниемъ старыхъ, исконныхъ правъ своихъ—не давать въ обиду пригнетенныхъ братій по вѣрѣ и по народности, нашедшихъ пріютъ на ихъ родномъ Полѣ. Еще болѣе возмутились они притѣсненіями, которыя стало терпѣть это ихъ родимое Старое Поле,—то Поле, за неприкосновенность и волю котораго отцы, дѣды и прадѣды ихъ пролили столько крови и сложили много буйныхъ, свободолюбивыхъ головъ. А теперь въ это Поле вторглись какіе-то невѣдомые и непрошеные царскіе посыльщики, бояре и дьяки и стали переписывать вольный «не записной» людъ и вымогать насиліями «бездѣльные» взятки. А на святую, старую Русь сдѣлали нашествіе нехристи иноземцы и попираютъ старую, исконную вѣру и домъ Пресвятой Богородицы...

Гулъ ропота росъ и грозилъ вспыхнуть и разлить далеко огонь бунта, отмстить за всѣ притѣсненія, за пограніе своихъ правъ, грозилъ смертью боярамъ, неправеднымъ судьямъ, прибыльщикамъ и нѣмцамъ.

Но пока совершалось это смутное и грозное броженіе на верху Дона, по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку, отважный Бахмутскій атаманъ Кондратій Аванасьевичъ Булавинъ, не дождавшись отсюда на свой призывъ опредѣленно-сочувственнаго отклика, страшнымъ, кровавымъ дѣломъ положилъ начало рискованному и безумно смѣлому возмущенію.

VI.

Недалеко отъ Шульгинскаго городка находилась широкая балка, заросшая густымъ лѣсомъ. По тропинкамъ, протореннымъ скотомъ, сквозь корявые и старыя, обломанныя дубовыя вѣтви, шатромъ сплутавшіяся на верху, можно было хотя съ большимъ трудомъ, постоянно пригибаясь, проникнуть въ самую середину балки. Тутъ была небольшая, почти круглая полянка. Молодая трава, поднявшаяся на ней отъ недавнихъ осеннихъ дождей, ласкала глазъ своимъ ярко-зеленымъ, веселымъ блескомъ. Густая, почти непроницаемая стѣна колючаго терновника, ронявшаго уже свои покраснѣвшіе листья, дѣлала эту полянку почти недоступной и вполне безопасной для укрывающихся здѣсь двухъ старцевъ Айдарской пустыни, которые успѣли бѣжать отъ князя Юрія Долгорукова. Они уже сдѣлали себѣ здѣсь небольшую землянку и зажили тихою, трудовою жизнью.

8-го октября 1707 года, человекъ двѣсти вооруженныхъ людей скрывались съ самаго утра на этой полянкѣ. Они дожидались своего атамана Кондратія Аванасьевича Булавина, который назначилъ имъ въ этомъ мѣстѣ сборный пунктъ. Всѣ собравшіеся люди имѣли самый спокойный, обыденный видъ; такъ же, какъ и въ повседневной, обычной жизни, сидѣли, беззаботно грызли сухари, смѣялись и ругались. Повидимому, всѣ ни о чемъ важномъ не думали, ни къ чему не готовились такому, что потомъ заволнуеть и подыметъ многія тысячи людей.

У землянки, накрытой дерномъ, сидѣлъ на свѣжемъ, недавно срубленномъ обрубокѣ толстаго тополя рыжий, невысокій и коренастый человекъ въ лохматой шапкѣ съ желтымъ верхомъ, въ синемъ короткомъ кафтанѣ и въ пестрядинныхъ порткахъ. Маленькіе и умные сѣрые глазки его постоянно перебѣгали съ предмета на предметъ. Онъ вертѣлъ въ рукахъ кинжалъ въ желтыхъ потертыхъ ножнахъ и съ беззаботной улыбкой смотрѣлъ, какъ два здоровые, молодые, безусые казака играли въ чехарду, прыгая другъ черезъ друга, падая и хохоча во все горло.

Подъ повѣткой, у самаго входа въ землянку, спалъ толстый старый запорожецъ, уткнувшись лицомъ въ высокую баранью шапку и показывая бритый широкій затылокъ. Онъ раскидалъ широко свои ноги, обутыя въ когда-то щегольскіе, а теперь стоптанные сафьянные чоботы. Старая, съ заплатами, запорожская свитка, во время оного бывшая красной, а теперь какого-то страннаго, желто-бураго цвѣта, служила ему подстилкой, а могучее тѣло, прикрытое одной только худой рубахой, оставлено было на произволь стихій.

Солнце подвинулось уже далеко на западъ. Лучи его, прорываясь изъ сѣрыхъ и рылыхъ облаковъ, которые быстро плыли по небу и собирались на горизонтѣ въ тучу, освѣщали жидкимъ и кроткимъ, осеннимъ блескомъ поляну. Вѣтеръ порывами пролеталъ по деревьямъ, шумѣлъ въ ихъ вѣтвяхъ, срывалъ листья и кружилъ ихъ въ воздухѣ. Высокій старый тополь, раскинувшій свои могучія вѣтви надъ самой землянкой, трепеталъ весь отъ низу до верху своими желтыми листьями, и частый, шуршащій шелестъ ихъ былъ похожъ на отдаленный, тревожный людской говоръ.

— Отецъ Пафнугій!—крикнулъ рыжий человекъ, полуоборотясь къ маленькому отверстию въ стѣнѣ землянки, изображавшему окошко.

— Ась?—отозвался оттуда дряхлый старикинский голосъ.

— Нѣтъ ли чего покусать? оголодалъ...

— Есть хлѣбецъ, коль хошь... грушонки есть...

— Давай-ка ихъ суда! А нашего Аванасьевича все нѣтъ... Ужъ и ночь на дворѣ...

— Дѣло-то большое, все съ опаской надо,—говорилъ маленькій, сутулый и хилый отецъ Пафнугій, выходя изъ землянки и неся

въ рукахъ краюшку хлѣба и груши въ деревянной чашкѣ. Онъ подалъ все это рыжему человѣку, сидѣвшему у землянки, и сталъ раскачивать за плечо спавшаго запорожца, приговаривая:

— Лука Хохоль! а, Лука Хохоль! ты бы куда нибудь перешелъ въ иное мѣсто, а то что же тутъ-то?.. загородилъ... э!..

Но Лука Хохоль ограничился на это лишь однимъ соннымъ мычаніемъ и продолжалъ храпѣть еще съ большимъ усердіемъ.

— Ёдетъ,—сказалъ сѣдой казакъ, проходя мимо Семена Драного (тотъ рыжій человѣкъ, который разговаривалъ съ о. Пафнутіемъ, былъ Семень Драный, казакъ Старо-Айдарской станицы, вполсѣдствіи правая рука Булавина).

— Ёдетъ? Ну, слава Богу!—не переставая ѣсть, проговорилъ Драный:—давно пора, цѣлый день протомились..

Изъ-за чащи донесся отдаленный топотъ копытъ скачущей лошади; топотъ приближался и становился все слышнѣй и слышнѣй, потомъ онъ вдругъ оборвался и смѣнился сильнымъ шумомъ вѣтвей: всадникъ пробирался черезъ чащу къ полянѣ по немногимъ извѣстной дорожкѣ, по которой можно было проѣхать и на лошади.

Минуты черезъ двѣ изъ-за покраснѣвшихъ вѣтвей клена съ лапчатыми большими листьями показался казакъ верхомъ на рыжей вспотѣвшей лошади.

— Здорово дневали, молодцы!—крикнулъ онъ громкимъ, разливистымъ голосомъ казакамъ и бурлакамъ, которые стали подниматься съ земли и подходить къ землянкѣ.

— Семень, здорово!—ловко спрыгнувъ съ лошади и зацѣпивъ ее по ногамъ кривой шашкой, висѣвшей у него черезъ плечо на узкомъ ремнѣ, сказалъ онъ Драному, который всталъ съ обрубка, но продолжалъ ѣсть.

— Слава Богу, Кондратій Аѳанасьевичъ,—кланяясь и отбирая у него поводъ лошади, сказалъ Драный:—долго ты чего-то... я ужъ вотъ, грѣшнымъ дѣломъ, и проголодался..

— Сразу ничего не сдѣлаешь—не такое дѣло!—сказалъ Булавинъ, садясь на обрубокъ.

Булавинъ былъ казакъ лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, съ роскошной черной бородой, отливавшей чуть замѣтно красноватымъ цвѣтомъ, съ красивымъ, правильнымъ, сухимъ лицомъ, съ живыми и блестящими глазами. Темно-зеленый теплый казацкій кафтанъ ловко сидѣлъ на немъ и плотно обтягивалъ его сильное тѣло. Бобровая шапка съ голубымъ верхомъ и съ широкимъ серебряннымъ позументомъ, надѣтая набекрень, открывала съ лѣвой стороны его черные вьющіеся, подстриженные казацки волосы. Голубые шаровары дорогого англійскаго сукна, сафьянные желтые сапоги съ красивыми узорами на голенищахъ, пестрый шелковый поясъ, за которымъ былъ воткнутъ кинжалъ съ дорогой костяной ручкой,—однимъ словомъ, вся роскошная, казацкая, одежда его показывала въ немъ богатаго, щеголиваго казацкаго атамана.

— Ну, вотъ, милые мои братцы и молодцы,—заговорилъ онъ, обращаясь къ собравшейся и окружившей его толпѣ:—говорить вамъ долго не буду,—сами вѣдаете, на какое дѣло идемъ и за что руки мы промежъ себя давали... Нонѣшней ночью надо намъ совершить, о чемъ мы пересовѣтовали и уговорились, стало быть, хлопочите, какъ не могà больше... Чтобъ головъ намъ своихъ зря не погубить! Вотъ въ чемъ я васъ больше всего, молодцы, попрошу...

Онъ остановился и поглядѣлъ на тѣсно сдвинувшуюся толпу. На всѣхъ лицахъ было напряженное и торжественное вниманіе; даже вѣчно сонные и пьяные глаза запорожца Луки Хохлача выражали теперь эту напряженность и вниманіе.

— Въ чемъ я васъ попрошу, молодцы,—продолжалъ Булавинъ:—это, чтобы наипаче всего тишину блюли... Ихъ—много, а насъ—чего тутъ? гореть! Никто чтобы ни шорохнулъ, ни ворохнулъ. А какъ я знакъ подамъ, тогда попроворнѣй—ужь сами вы тамъ знаете. Спуску имъ, супостатамъ, никакого не давать: они не жалѣли, грабили насъ. Помните лишь, что на случай неудачи намъ—конецъ!.. Сами уже объ себѣ промышляйте. Ну, думаю, что Пресвятая Богородица поможетъ намъ противъ притѣснителей... Какъ стемнѣетъ, тогда подойдите и остановитесь за станицей, а я заразъ поѣду. Илья, убирайся со мной!

Высокій казакъ, сухощавый и черный, съ торчащими врозь изъ-подъ шапки курчавыми волосами, отдѣлился отъ толпы и пошелъ за лошадью. Казака этого звали Ильей Гулякомъ. Онъ былъ первый удалецъ и пѣсенникъ по всему Айдару.

VII.

Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій уже второй мѣсяцъ кутилъ съ старшинами и офицерами въ Шульгинской станицѣ. Наступила осень, хотя теплая и больше похожая на весну въ этомъ краю, но всетаки очень скучная. Князь сталъ уже порядочно тяготиться своимъ пребываніемъ среди казаковъ, тѣмъ болѣе, что ихъ осталось меньше половины, а остальные невѣдомо куда скрылись. Да и эти оставшіеся глядѣли такъ угрюмо, косо и загадочно, что лучше было бы, если бы ихъ и совсѣмъ не было. Вчера бѣжали изъ полка два солдата—Фокинъ и Скоробогатовъ, три дня назадъ сбѣжала казачка Аксинья, на которую князь израсходовалъ не мало денегъ и которую въ теченіе трехъ недѣль называлъ своею «сударушкою», не предполагая, что она огорчитъ его такимъ неожиданнымъ и неблагодарнымъ поступкомъ. Князь утѣшалъ себя лишь тѣмъ, что всѣ эти три дня и ночи напролетъ кутилъ съ старшинами и офицерами.

Обыкновенно бывало такъ: первымъ являлся Ефремъ Петровъ.

«истор. вѣсти.», сентябрь, 1894 г., т. LVII.

6

Онъ съ неизмѣнною аккуратностью, беззаботно посвистывая и не снимая папахи при входѣ, вынималъ изъ-подъ полы своего краснаго кафтана сулею съ виномъ и ставилъ на столъ передъ полковникомъ.

— Есть? — задавалъ серьезно свой обычный, ежедневный вопросъ князь и получалъ такой же обычный и неизмѣнный отвѣтъ:

— Ужъ я не достану, кто и достанетъ...

Затѣмъ приходилъ толстый майоръ-нѣмецъ съ краснымъ, широкимъ, добродушнымъ лицомъ и съ желтыми кудрями, и тоже ставилъ на столъ штофъ.

— Есть?—спрашивалъ князь.

— Москателенъ-вейнъ, — широко и глупо улыбаясь, отвѣчалъ нѣмецъ.

Третьимъ являлся обыкновенно Григорій Машлыкинъ или ктонибудь другой и точно такъ же, какъ Ефремъ, не снимая папахи, отвернувъ полу кафтана, извлекалъ бутылку.

— Помаранцевая, заморская! — торжественно говорилъ онъ, ставя ее на столъ.

— Знато!—тѣмъ же тономъ отвѣчалъ князь.

И такъ одинъ за другимъ являлись остальные старшины и офицеры, и каждый обыкновенно приносилъ по бутылкѣ съ виномъ или водкой.

Изба, пропитанная виннымъ запахомъ уже съ перваго дня приѣзда Долгорукова, тотчасъ же наполнялась табачнымъ дымомъ и винными испареніями. Послѣ первыхъ трехъ рюмокъ наступало веселое оживленіе, всѣ начинали разомъ говорить, смѣяться безъ причины, разстегивали или даже совсѣмъ скидали верхнее платье. Первый примѣръ подавалъ самъ хозяинъ-князь, который сильно потѣлъ и всегда сидѣлъ въ одной рубахѣ.

— Григорій! чеколату хочешь?—громко и весело кричалъ Долгорукій, обращаясь къ Машлыкину.

— Чаво-о?

— Чеколату! мнѣ изъ Петербурга связку цѣлую прислали...

— А это што за штука?

— Штука, братъ, занятная!.. въ родѣ кофею или бы...

— Тьфу!..—ожесточенно плевалъ Машлыкинъ, отворачиваясь въ сторону:—на кой она мнѣ идолъ?! Кофей на семи соборахъ проклятъ!..

Князь заливался раскатистымъ, довольнымъ хохотомъ. Ему вторилъ нѣмецъ-майоръ, а за нимъ и всѣ остальные. Всѣ смѣялись, не зная чему, но всѣмъ было просто очень весело. А чарка еще нѣсколько разъ обходила кругомъ стола.

8-го октября, въ станичной избѣ происходила такая же обычная пирушка. Къ девяти часамъ вечера всѣ были уже значительно нагружены, всѣ были веселы, всѣ шумѣли. Ефремъ Петровъ, сбивъ на затылокъ папаху и нагнувшись къ князю, говорилъ:

— Ты попроси меня—въ одну минуту оборудую!..

— Н-ну?! а есть?..—съ блестящими глазами спросилъ князь.

— Насчетъ бабъ?!.. Го-о-споди Боже мой! Чего больше!.. Тутъ заразы нѣтъ, а знаю, гдѣ есть. Въ Старомъ Айдарѣ, аль въ Закатномъ надо искать: тамъ по этой части—стога!..

— О?..

Долгорукій поднялся съ мѣста и протянулъ руку Ефрему.

Въ это время съ улицы донеслись стройные и плавные звуки пѣсни. Одинъ голосъ, — густой, немного надтреснутый, какой бываетъ у людей, большую часть времени проводящихъ на открытомъ воздухѣ или у пьющихъ, — велъ ровную низкую ноту; другой—рѣзкій и высокій, но гибкій грудной подголосокъ—заливался красивыми и причудливыми переливами, то удаляясь и замирая, то подымаясь и звеня на высочайшей нотѣ.

— Кто это?—съ удивленіемъ вслушиваясь, спросилъ Долгорукій: — солдаты?..

Онъ ни разу за всѣ два мѣсяца не слышалъ ночью пѣсни въ Шулъгинскомъ городкѣ; днемъ иногда пѣли солдаты.

— Какіе солдаты! наша казачья пѣсня,—съ оттѣнкомъ досады въ голосѣ сказалъ Машлыкинъ. Онъ до страсти любилъ слушать и пѣть свои казачьи пѣсни.

— А играютъ знатно!.. Ну-ка, заверни ихъ, Ефремъ,—сказалъ князь.

Ефремъ вышелъ на майданъ. Онъ довольно долго оставался тамъ и, наконецъ, возвратился, ведя за собой двухъ человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ Кондратій Булавинъ, другой—Илья Гулякъ. Оба они, войдя въ станичную избу, отыскивали сначала глазами икону и довольно долго, пораскольничьи, молились на нее.

— Пиръ да веселье вашему сіятельству и всѣмъ предсѣдѣющимъ!—громко сказалъ, помолившись и кланяясь низкимъ, почтительнымъ поклономъ, Булавинъ. Илья Гулякъ молча поклонился вмѣстѣ съ нимъ.

— Здорово! Кто ты есть, какой человѣкъ? — строго насупившись, спросилъ Долгорукій.

— Кондратій Аванасьевъ сынъ Булавинъ, атаманъ Бахмутскаго городка...

— А, Булавинъ? слыхаль, братъ, слыхаль!—заговорилъ вдругъ весело Долгорукій: — вѣдь это ты Шидловскому полковнику да Горчакову носы-то утиралъ?

— Это точно... Было дѣло...

— М-ма-ла-дець! похваляю!.. Слыхаль, слыхаль! И варницы соляныя у казны отбилъ?.. А ты, братъ, того... разбойникъ, а молодець! Право, молодець!..

— Не побрезгуй, ваше сіятельство, на угощеніи. Ежели милость твоя будетъ... — заговорилъ, перебивая, Булавинъ и вынулъ изъ кармана бутылку вина.

— Вотъ люблю за обычай!.. Славный ты парень!—воскликнулъ совсѣмъ весело и одобрительно князь:—а это что? и ты?.. знатно!—прибавилъ онъ, увидѣвъ, что и Гулякъ молча досталъ изъ кармана бутылку и ставилъ ее на столъ.

— Ефремъ! наливай! — крикнулъ въ восторгѣ князь:— садись, ребята!

И опять пошла кругомъ гулять чарка. Дымъ табачный, духота и жара постепенно усиливались и кружили головы опьянѣвшимъ уже старшинамъ и офицерамъ. Черезъ полчаса князь, весь красный и вспотѣвшій, смотря на все пьяными, счастливыми глазами, просилъ Булавина пѣть ту пѣсню, которую онъ пѣлъ на улицѣ. Булавинъ все отказывался, говоря:

— У насъ вѣдь пѣсни-то какія!.. Можетъ, вашей милости и не по здраву...

— Валяй! чего тамъ!..—кричалъ во все горло князь.

Майоръ-нѣмецъ, сидѣвшій на концѣ стола возлѣ князя, заснулъ, положивъ на столъ свою лохматую голову. Князь сильно толкнулъ его кулакомъ въ плечо, и онъ, покачнувшись и потерявъ равновѣсїе, медленно и грузно свалился на полъ, но не проснулся. Панкратъ, денщикъ князя, съ трудомъ оттащилъ его за ноги въ уголь. Машлыкинъ, забившись въ задній уголь, гдѣ онъ всегда обыкновенно садился, тоже дремалъ. Младшіе офицеры и одинъ старшина ушли на свои квартиры. Ефремъ Петровъ запѣвалъ тонкимъ, фальшивымъ голосомъ пѣсню и бросалъ на первыхъ же порахъ со словами: «нѣтъ! нагустилъ!».

— Либо ужъ сказать одну?—обратился Булавинъ къ Гуляку.

— Какъ знаешь,—отвѣтилъ Гулякъ и кашлянулъ въ руку, готовясь пѣть.

— «Ой да чѣмъ наша славная земелюшка распахана», — облокотившись на столъ и глядя внизъ, запѣлъ Булавинъ своимъ густымъ, сильнымъ басомъ и махнулъ рукой Гуляку. Тотъ подхватилъ, и тѣ самые плавные и тоскливые звуки, которые слышались съ улицы, полились теперь и наполнили собой всю избу. Задремавшій Григорій Машлыкинъ вдругъ встрепенулся, вышелъ изъ своего угла къ столу и сталъ помахивать плавно руками, умильно и счастливо глядя на пѣвцовъ. Долгорукій опустилъ голову и, задумавшись, слушалъ внимательно эту незнакомую ему, горькую пѣсню, и какое-то безотчетно-грустное настроеніе овладѣло имъ.

Пѣсня говорила:

«Не сохами-то славная земелюшка наша распахана, не плугами,
 Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
 А засѣяна славная земелюшка казацкими головами.
 Чѣмъ-то нашъ батюшка славный тихій Донъ украшенъ?
 Украшенъ-то нашъ тихій Донъ молодыми вдовами.
 Чѣмъ-то нашъ батюшка тихій Донъ цвѣтенъ?»

Цвѣтень нашъ батюшка славный тихій Донъ, цвѣтень?

Чѣмъ-то въ славномъ тихомъ Дону волна наполнена?

Наполнена волна въ тихомъ Дону отцовскими-материными следами.

— А пѣсня, братъ, знатная! — сказалъ князь, когда Булавинъ и Гулякъ кончили пѣть:—только ты извини меня, братъ Кондратій... какъ тебя тамъ по батюшкѣ-то?

— Аеанасьевъ сынъ...

— Ну, Аеанасьевичъ, — извини, братъ, а рожа у тебя самая разбойницкая.

Булавинъ размѣялся съ самымъ, повидимому, добродушнымъ и безобиднымъ видомъ.

— Нехорошій взглядъ! — не улыбаясь и настойчиво добавил Долгорукій, пристально глядя на него своими мутными, пьяными глазами. Потомъ, помолчавъ довольно долгое время, онъ взялъ Булавина за плечо, потрепалъ и сказалъ уже соннымъ голосомъ:

— А какъ у васъ тамъ... въ Богучарѣ или гдѣ это ты живешь-то... насчетъ... гм... живого мяса?..

— Насчетъ, то-есть, бабьей части? — показывая бѣлые сплошные зубы и блестя глазами, спросилъ Булавинъ:—это у насъ слободно... Да тебѣ, ваше сіятельство, въ такую далю зачѣмъ? Ты бы тутъ потрудилъ себя пройтиться по станицѣ да пустилъ бы взоръ кой-куда...

— Нѣту! Ефремъ сказалъ—нѣту!—съ безнадежной увѣренностью сказалъ князь.

— Анъ есть! Я давеча у шинкаря тутошняго, у грека, видалъ: жена ли, сестра ли — не знаю, только, ахъ, доброврачна, собаки ее заѣшь!..

— О?

— Божиться только не хочу, а то — вѣрное слова!..

Долгорукій опять протянулъ руку къ широкому плечу Булавина и сталъ трепать его, улыбаясь и пристально глядя ему въ глаза.

— Ежели хочешь, государь мой, — близко нагибаюсь къ нему и глядя на него въ упоръ, въ полголоса заговорилъ Булавинъ: — ежели желательно, обхлопочу — заравъ тутъ будетъ...

— Ммм... н-не вр-решъ?..

— Проводи лишь гостей, — прошепталъ онъ, взявъ безцеремонно княжескую голову своей широкой рукой и нагнувъ ее къ себѣ.

— Дѣло! — сказалъ заплетающимся языкомъ князь, качнувъ головой, и громко крикнулъ:

— На покой всѣмъ! Живо!

Ефремъ Петровъ, дремавшій, прислонясь спиной къ стѣнѣ и испачкавъ въ бѣлую глину свой кафтанъ, вскинулъ удивленно глазами, потомъ сообразивъ, въ чемъ дѣло, засуетился, отыскалъ шапку и, повторяя: «вѣдь и то пора! и то давно пора!» сталъ раскачивать за плечи спавшихъ сидя двухъ другихъ старшинъ: Обро-

сима Савельева и Никиту Алексѣева. Григорій Машлыкинъ молча всталъ, надѣлъ свою мохнатую шапку и, не прощаясь ни съ кѣмъ, вышелъ. Булавинъ безъ шапки вышелъ за нимъ и догналъ его на майданѣ.

— Григорій, погоди-ка! — сказалъ онъ ему.

Машлыкинъ остановился въ ожиданіи. Булавинъ подошелъ къ нему, обнявъ одной рукой его за плечи и, нагнувшись такъ близко, что борода его захватила по лицу Машлыкина, сталъ говорить:

— Вотъ чего, другъ Григорій... Заразъ, какъ домой придешь, осѣдай лошадь и ѣзжай изъ станицы. И товарищамъ скажи своимъ... А то какъ бы не было плохо!

Машлыкинъ испуганно посмотрѣлъ на наклонившееся къ нему красивое, возбужденное лицо Булавина и робко спросилъ:

— А што? Ай чего вздумалъ?.. Гляди, Аванасьевичъ, кабы промашки не было!

— Слыхалъ, чего я сказалъ? — перебилъ холодно Булавинъ и, не дождавшись отвѣта, прибавилъ: — гляди же! — и повернулъ назадъ къ станичной избѣ.

У дверей избы онъ нашелъ Гуляка и что-то шепнулъ ему. Гулякъ снялъ шапку, перекрестился и быстро, но безъ малѣйшаго шума, побѣжалъ отъ избы къ станичнымъ воротамъ. Булавинъ постоялъ, посмотрѣлъ вверхъ, въ застланное сплошными облаками небо, и по сторонамъ, и ничего не увидѣлъ, кромѣ глубокой темноты осенней ночи. Ночь была тихая и теплая. Мелкая и влажная пыль стояла въ сыромъ воздухѣ. Земля послѣ недавнихъ дождей была еще мягкая и нѣсколько сырая. Шаги по такой землѣ были почти совсѣмъ не слышны.

Булавинъ сѣлъ на рундукъ у дверей станичной избы. Всѣ поспѣтители Долгорукаго, кромѣ майора-нѣмца, уже разошлись по своимъ квартирамъ сейчасъ же вслѣдъ за Григоріемъ Машлыкинымъ, такъ что Булавинъ и не видѣлъ, кто куда пошелъ. Пріотворивъ дверь, онъ увидѣлъ только, что князь разлегся на лавкѣ и козловатымъ, дикимъ голосомъ напѣвалъ:

Ба-ху-се пѣ-нѣй-шій главо-бо-лѣ-ні-я,
Баху-се мер-зѣй-шій руко-тря-се-ні-я...

Кондратій осторожно, нацыпочкахъ вошелъ въ избу, взялъ съ лавки свою шапку и вышелъ незамѣченнымъ опять на рундукъ.

Тишина была невозмутимая. Ни малѣйшаго звука, ни шороха не было слышно въ станицѣ. Солдаты, разставленные на квартирѣ по казачьимъ куренямъ, спали глубокимъ сномъ. Булавинъ, сидя на рундукѣ, слышалъ лишь мѣрное храпѣніе майора-нѣмца да глосъ Долгорукаго, разговаривавшаго съ самимъ собой и по временамъ начинавшаго пѣть:

Бахусе хребтомъ вихлянія...

VIII.

— Готово!—шепотомъ сказалъ вдругъ выросшій точно изъ-подъ земли Лука Гулякъ.

Булавинъ вздрогнулъ отъ неожиданности и, поднявши голову, проговорилъ:

— Ну, пойдѣмъ. Благослови, Господи!..

Они вошли въ избу. Князь сидѣлъ на лавкѣ, разстегнувши воротникъ рубахи и обнаживъ волосатую, мягкую отъ жировыхъ наростовъ грудь. Онъ покачивалъ головой въ тактъ напѣву своей пѣсни, похожему на извѣстный церковный напѣвъ. Булавинъ остановился у печки и, прислонившись къ ней, сталъ глядѣть на рас-трепаннаго, пьянаго князя съ злорадной усмѣшкой, а Гулякъ, не останавливаясь, прошелъ въ другую половину избы, гдѣ спалъ денщикъ Долгорукаго.

— Ты губернаторъ и ч-чортъ съ тобой!—переставши пѣть, но продолжая покачивать головой, заговорилъ Долгорукій:—ты думаешь—птица большая? Ха!.. Я самъ вонъ какой крови... Придетъ наше время! Ты не думай, братъ... Нынѣ и пирожники въ свѣтлѣйшіе пожалованы... да не надолго...—разсуждалъ онъ, размахивая руками и не замѣчая Булавина.

— Придетъ мое время — я покажу!.. Т-т-тварь к-какаянибудь!.. Ба-ху-се, вѣрнымъ топ-но-та, Ба-ху-се, пор-товъ про-пи-тіе...

— Пирожники... нѣмота... и всякая пакость... Нашъ родъ издревле... Ты исколоталъ, чтобы послали меня воровъ ловить,—думаешь, загрозишь этимъ? Э-эхъ ты... губернаторъ!.. Ты кто?—поднявъ голову и свирѣпо смотря пьяными, бессмысленными глазами на Булавина, крикнулъ онъ.

— Эка очижелѣлъ ты, ваше сіятельство! — сказалъ Булавинъ, дѣлая шагъ къ нему.

— Ч-чего надо?! Въ шапкѣ передо мной... Долой, сволочь!.. — вскочивъ съ налившимися кровью глазами, крикнулъ Долгорукій тѣмъ самымъ трескучимъ, хриповатымъ голосомъ, которымъ нагналъ страху въ первый день своего пребыванія въ Шульгинскомъ городкѣ.

Булавинъ подошелъ къ столу. Князь вдругъ схватилъ чарку и съ размаху кинулъ ею въ него, но промахнулся. Чарка пролетѣла далеко мимо и со звономъ ударилась дверь.

— Передо мною въ шапкѣ! Смердь!.. Смѣяться?! — продолжалъ кричать князь, но въ это время Булавинъ размахнулся и ударилъ его кулакомъ въ голову. Князь упалъ на лавку, какъ-то странно болтнувъ головой и ударившись сильно ею объ оконный косякъ.

— О-о!.. Ч-чортъ!.. Ахъ ты... Ты что же!..

И крѣпкія ругательства посыпались изъ устъ князя. Собравъ силы, онъ вскочилъ опять, но почувствовалъ, что въ глазахъ у него начинается желтѣть и все передъ нимъ кружится, только этотъ черный, огромный человѣкъ стоитъ и злобными глазами усмѣхается. Вотъ онъ опять взмахнулъ рукой, и князь тотчасъ же вслѣдъ за этимъ взмахомъ ощутилъ въ своемъ горлѣ что-то холодное, острое и непріятное... Черный человѣкъ запрыгалъ, захрипѣлъ, оскалилъ бѣлые зубы... Князь хочетъ кинуться на него и душисть, душисть... Онъ дѣлаетъ отчаянное усиліе, взмахиваетъ руками, но опять острое и холодное впивается нѣсколько пониже, потомъ горячая струя обливаетъ его.

— Ахъ, ты, — хрипя и падая, произноситъ послѣднее ругательство князь и бьется на полу, судорожно царапая руками.

Но Булавинъ, не посмотрѣвъ даже на его послѣднія судороги, хладнокровно наступаетъ ногой на голову безмятежно храпѣвшаго майора и вонзаетъ кинжалъ въ правый его бокъ. Гулякъ, входившій въ это время изъ другой половины, крикнулъ съ громкимъ смѣхомъ:

— Оставь! не порти кафтана!

Булавинъ ударилъ ногой забившагося на полу нѣмца и выбѣжалъ изъ избы, оставивъ Гуляка покончить съ нимъ.

Безмолвная, звѣрская рѣзня закипѣла въ станицѣ. Ни пощады, ни жалости тутъ не было; была одна страшная месть озлобленныхъ и оскорбленныхъ людей своимъ притѣснителямъ. Въ какойнибудь часъ все было кончено. Тысяча солдатъ, десять офицеровъ и полковникъ князь Юрій Владимировичъ Долгорукій—все были перебиты и перерѣзаны. Пощажены были лишь старшины.

Булавинъ слышалъ, какъ Ефремъ Петровъ, скача по улицѣ къ воротамъ станицы, что-то кому-то кричалъ, потомъ видѣлъ, какъ вслѣдъ за нимъ промчались еще четыре всадника, и знакомый ему голосъ Григорія Машлыкина крикнулъ:

— Гребни, ребята!

И удалившійся дружный топотъ ихъ лошадей скоро замеръ въ нѣмой темнотѣ ночи...

Къ утру за станицей были уже готовы двѣ огромныя ямы. Тѣла убитыхъ сваливали на повозки и везли туда. Нѣкоторые казаки успѣли уже напиться. Горбоносый цѣловальникъ грекъ былъ за что-то страшно избитъ, тощій и юркій казакъ Никита Желтоусъ щеголялъ уже въ темнозеленомъ майорскомъ мундирѣ съ позументами.

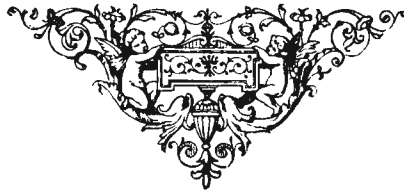
— Эхъ, жирный чортъ этотъ нѣмецъ развѣлся!—говорилъ онъ, помогая взвалить на арбу желтокудраго толстаго майора и чувствуя себя какъ бы обязаннымъ отдать сей послѣдній долгъ тому, въ чьемъ кафтанѣ щеголялъ.

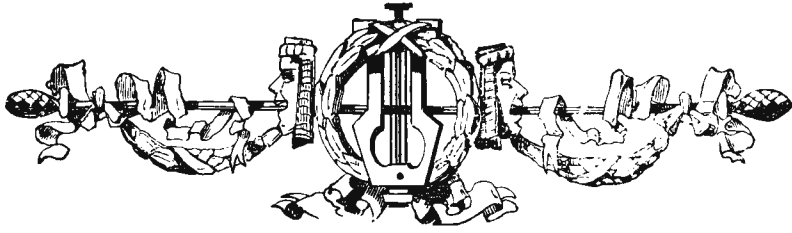
— Хлѣбъ вольный ѣлъ, — сумрачно замѣтилъ старый бурлакъ съ сѣдой бородой, начинавшейся почти отъ глазъ.

Взошло солнце, веселое и не жаркое, осеннее солнце. Облака сбѣжали на западъ; день былъ ясный и свѣжій; молодая и яркая зелень весело блестя по степи отъ сильной утренней росы; лѣса съ пожелтѣвшею и покраснѣвшею листвою стояли спокойно и задумчиво.

Казаки зарыли убитыхъ и начали гулять.

А. Березинцевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА А. А. НИЛЬСКАГО ¹⁾.

XXXII.

К. Г. Бродниковъ.—Его авторскія способности.—Его самообольщеніе своей персоной.—Обожаніе сцены.—Служба въ провинціи.—Прямые и косвенные доходы Бродникова.—Театральное агентство.—Оригинальность его выраженій.—«Приѣздъ ко двору».—Почему онъ пристроился на службу въ дирекцію.—Его режиссерство въ балаганахъ.—Муштровка балаганныхъ «чертей».—Домашняя жизнь Бродникова.—«Переездъ на дачу».—Любимое занятіе Бродникова.—Бродниковъ, какъ погребальный церемоніймейстеръ.—Похороны актера Пронскаго.—Переговоры съ гробовщикомъ.—Природный юморъ Бродникова.—По дорогѣ къ кладбищу.—Помпальный обѣдъ съ шампанскимъ.—Хлопоты Бродникова за обѣдомъ.—Каламбуръ Васильева.—Болѣзнь Бродникова.—Его отъѣздъ въ Крымъ.—Смерть въ одиночествѣ.

ВЪ ЧИСЛУ оригинальныхъ и остроумныхъ личностей безспорно нужно отнести и Константина Григорьевича Бродникова, долгое время занимавшаго неопредѣленное амплуа въ труппѣ Александринскаго театра. Онъ умеръ уже лѣтъ семь тому назадъ, но память о немъ, какъ о незаурядномъ анекдотистѣ, до сихъ поръ еще жива среди бывшихъ его сослуживцевъ.

Какъ актеръ, онъ обладалъ весьма ограниченными способностями, но былъ очень притязателенъ на хорошія роли, въ душѣ тяготился недостаточностью своего образованія, однако никому этого не высказывалъ, стараясь казаться начитаннымъ и умудрен-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LVII, стр. 318.

нымъ житейскимъ опытомъ. О своей непривлекательной наружности Бродниковъ имѣлъ ложное понятіе, претендовалъ на успѣхъ у прекраснаго пола, къ которому питалъ неравнодушіе, свою чутъ ли не чрезмѣрную полноту называлъ «солидностью», свои крошечные постоянно-моргавшіе глаза находилъ «выразительными», а о совершенно плѣшивомъ черепѣ своемъ старался умалчивать, не находя въ немъ ничего утѣшительнаго. Отъ его красныхъ, всегда влажныхъ рукъ дамы приходили въ ужасъ, но онъ этого не замѣчалъ.

Сцену Бродниковъ положительно обожалъ, хотя встрѣчалъ на ней болѣе терніевъ, чѣмъ розъ. Начавъ свою артистическую карьеру съ юныхъ лѣтъ, онъ долгое время подвизался въ провинціи, а въ 1866 году пристроился къ Александринскому театру на небольшое содержаніе, котораго, впрочемъ, при его умѣннѣ ограничивать свои нужды и желанія, было вполне для него достаточно. Свои ресурсы Константинъ Григорьевичъ дополнялъ небольшимъ заработкомъ «театральнаго агента», т.-е. онъ занимался рекомендаціей и поставкой актерской братіи на провинціальныя сцены, за что получалъ извѣстную мзду. Благодаря этому коммисіонерству, отъ него частенько можно было слышать такія фразы, для непосвященнаго весьма странныя:

— Вы спрашиваете: гдѣ Игрековъ? Тю-тю! Онъ черезъ меня попалъ въ Сибирь... Блаженствуетъ въ Иркутскѣ и очень доволенъ своей участію...

Или:

— Ну, наконецъ-то, я выжилъ изъ Петербурга Икса! Мѣстомъ его временнаго пребыванія я избралъ Рыбинскъ. Пусть отдохнетъ на Волгѣ отъ столичныхъ тревоженій...

Какъ-то, проходя съ Бродниковымъ по Дворцовой набережной, я спросилъ его между прочимъ:

— Чѣмъ обусловлено ваше поступленіе на Императорскую сцену?

— О, это очень сложная исторія!—съ паѳосомъ отвѣтилъ Константинъ Григорьевичъ.

Я выразилъ удивленіе.

— Да-съ, весьма сложная!—повторилъ онъ и, указывая на Зимній дворецъ, многозначительно произнесъ: — Вотъ это зданіе внушило мнѣ мысль во что бы то ни стало зачислиться на службу въ дирекцію.

— Какъ такъ?

— Я долженъ былъ сдѣлаться казеннымъ актеромъ всенепремѣнно, иначе мнѣ пришлось бы имѣть пріѣздъ ко двору.

— Ну, такъ что-жь?

— А то-жь, что пріѣздъ-то ко двору предстоялъ съ ружьемъ на плечахъ... вотъ какъ тому часовому на углу. Вѣдь я долженъ былъ вступить въ ряды, а это человѣку съ возвышенными идеями не легко. Что было дѣлать? Какъ избѣгнуть этой участи? Ду-

малъ-думалъ и надумалъ поступить въ театръ. Это былъ единственный якорь спасенія. Какъ къ дирекціи пристроился, такъ, конечно, моментально отъ солдатчины освободился. Тогда это было очень возможно.

Кромѣ казенной службы и актерскаго коммисіонерства, Бродниковъ занимался режиссерствомъ въ любительскихъ спектакляхъ и очень часто ставилъ фееріи и «комедійныя представленія» въ балаганахъ на Марсовомъ полѣ, гдѣ обыкновенно устроиваются народные гулянья на масленицѣ и пасхѣ.

Мнѣ какъ-то случилось проходить по этому полю въ то время, когда въ балаганѣ Малафѣева шла репетиція какой-то трескучей пьесы подѣ управленіемъ Бродникова. Онъ съ такой энергіей и такъ зычно кричалъ на участвующихъ, что голосъ его раздавался буквально по всему плацу.

— Эй, вы, черти!—оралъ режиссеръ—Опять прозѣвали выходъ? Кѣмъ дьяволомъ вы заняты? Гдѣ васъ сатана носилъ?!. Куда прете? Назадъ! Вамъ нужно въ преисподнюю идти, а вы на небеса залѣзаете?!. Очертенѣли, проклятые?!

Константинъ Григорьевичъ всегда жилъ своимъ хозяйствомъ и окружалъ себя комфортомъ, конечно, не превышавшимъ его матеріальнаго достатка. Занималъ онъ небольшую квартирку, имѣвшую весьма симпатичный видъ, благодаря кокетливому убранству и уютности. Оставаясь на лѣто въ городѣ, онъ съ приходомъ первыхъ весеннихъ дней говаривалъ товарищамъ:

— Поздравьте меня съ новосельемъ! Сегодня я перебрался на дачу.

— Какъ? Когда же вы успѣли?—удивленно замѣтитъ ему ктонибудь.—Да вѣдь я не дальше, какъ вчера вечеромъ, былъ у васъ и не замѣтилъ ни малѣйшаго намека на переѣздъ.

— У меня-съ скоро... Выставилъ нынче утромъ раму, открылъ окно, поставилъ на него горшокъ съ геранью да клѣтку съ канарейкой—вотъ вамъ и дача. Теперь наслаждаюсь воздухомъ и зеленью.

Но самымъ любимымъ занятіемъ Бродникова было устройство похоронъ. Онъ еще и въ провинціи питалъ неодолимую страсть къ погребальному церемоніймейстерству. И нужно отдать ему полную справедливость: никто не могъ устраивать такъ дешево и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ торжественно похороны, какъ онъ. Въ этомъ Константинъ Григорьевичъ не имѣлъ соперниковъ, и ни одни артистическія похороны не обошлись безъ его участія, да не только артистическія, но даже очень многіе изъ знакомыхъ, должно быть, изъ желанія доставить ему удовольствіе приглашали его быть главнымъ распорядителемъ печальной процессіи.

Вспоминая иногда про свою провинціальную жизнь, Бродниковъ любилъ хвастнуть успѣхами въ качествѣ «факельщика», какъ

въ шутку его называли товарищи. Такъ, однажды, повѣствуя мнѣ о смерти какого-то провинціального актера, онъ между прочимъ сказалъ гоголевскимъ языкомъ:

— Да и вообще много талантовъ привелось мнѣ зарыть въ землю. Чуть кто, бывало, окачурится, сейчасъ ко мнѣ курьеры: Иванъ Александровичъ ¹⁾, пожалуйста департаментомъ управлять. Ну, я и начинаю тотчасъ же хозяйничать.. Такимъ-то образомъ на своемъ вѣку я много на тотъ свѣтъ переправилъ...

Случилось мнѣ, при неизбѣжной помощи Бродникова, хоронить нашего товарища, актера П. П. Пронскаго. И вотъ тутъ-то мнѣ пришлось воочию убѣдиться въ его распорядительскихъ способностяхъ и подивиться его энергіи и юмору, который билъ въ немъ неизсякаемымъ ключемъ вообще всегда, при исполненіи же печальныхъ обязанностей похороннаго распорядителя въ особенности. Его переговоры съ гробовщикомъ были такъ оригинальны, что слѣдовало записывать ихъ на мѣстѣ, чтобъ сохранить въ цѣлости ихъ неподражаемый колоритъ. Ужъ не говоря о томъ, что Бродниковъ началъ торгъ съ суммы втрое меньшей, нежели спросилъ гробовщикъ, но онъ придирался положительно ко всему. Требовалъ на осмотръ себѣ глазеть, стружки, позументъ и пр.

— Какой же это у тебя, братецъ, глазеть? А?—недовольнымъ тономъ замѣчалъ Константинъ Григорьевичъ, дѣлая презрительныя гримасы.—Это не глазеть, а грошовая кисея... дрянъ... непрочная...

— Помилуйте, первый сортъ, лучшая-съ... износу не будетъ...

— Черезъ нее только клюкву для морса выжимать; ты покажи-ка что нибудь поплотнѣе... А что у тебя за стружки? Лучины какія-то... На твоихъ стружкахъ полежать, такъ зановъ не оберешься...

— Тоже-съ первосортныя, сосновыя...

— Ты со мной лучше и не толкуй. Въ жизни своей съ вашимъ братомъ мнѣ много приходилось имѣть дѣла, и меня не проведешь. Этому товару я знаю цѣну лучше, чѣмъ хлѣбу... Бери половину того, что просишь, и по рукамъ!.. Тоже вотъ насчетъ лошадей и балдахина, чтобъ все было въ порядкѣ и хорошо.. А коли не возьмешь, что даю, отправлюсь къ другому, хоть, на примѣръ, къ Зотову или Шумилону, и любой изъ нихъ за эти деньги мнѣ рысакъ отпускать, которые твоимъ-то одрамъ всегда носъ утрутъ...

Точно такъ же Бродниковъ торговался и спорилъ при заказѣ похоронныхъ поминокъ, и даже церковные расходы не обошлись безъ скидки, которую онъ настоялъ долгимъ и упорнымъ увѣщаніемъ церковнаго старосты.

Пронскій похороненъ на Стародеревенскомъ кладбищѣ. Его прахъ перевозили черезъ Неву, по спуску, проложенному отъ Га-

¹⁾ Хлестаковъ изъ «Ревизора».

гаринской улицы къ часовнѣ Спасителя, что на Петербургской сторонѣ. Былъ сильно морозный декабрьскій ¹⁾ день; глубокий снѣгъ затруднялъ шествіе... Когда процессія спустилась на Неву и медленно потянулась по льду, я предложилъ Бродникову сѣсть со мной въ сани и опередить кортежъ, чтобы ранѣе прїѣхать въ церковь и встрѣтить уже тамъ вмѣстѣ съ духовенствомъ останки покойнаго. Онъ согласился, и мы отправились впередъ. Поровнявшись съ колесницей, Бродниковъ привсталъ въ саняхъ и крикнулъ усталымъ факельщикамъ, едва передвигавшимъ ноги по глабокому снѣгу:

— Чего заснули?.. Веселѣе, веселѣе маршируйте! Олухи!!!

Не смотря на несоотвѣтствующую обстановку, я не удержался отъ смѣха, а Бродниковъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ путь, оставаясь серьезнымъ и насупившись...

Послѣ похоронъ Пронскаго, согласно его предсмертному желанію, я устроилъ обѣдъ въ Мало-Ярославцѣ, на которомъ присутствовали его друзья и товарищи. На похоронномъ обѣдѣ этомъ, вопреки обычаю, но опять-таки по завѣщанію покойнаго, было шампанское. Надо было видѣть, съ какой изумительной неутомимостью хозяйничалъ тутъ Константинъ Григорьевичъ.

— Да будьте, господа, безъ церемоніи,—усовѣщевалъ обѣдавшихъ Бродниковъ,—пейте на доброе здоровье. Не даромъ же о васъ покойничекъ заботился...

Какъ и слѣдовало ожидать, обѣдъ съ шампанскимъ былъ очень сомнительнымъ поминальнымъ обѣдомъ. Послѣ шишучей влаги спалъ гнетъ съ присутствующихъ, и многіе почувствовали себя въ прїятномъ настроеніи, когда слезамъ и печали не удѣляется вниманія.

Въ концѣ обѣда актеръ В. Т. Васильевъ, теперь тоже покойный, развеселилъ все общество каламбуромъ, на которые онъ былъ большимъ мастеромъ.

Сотрапезники начали приставать къ драматургу Н. А. Потѣхину съ просьбой, чтобъ онъ сказалъ какуюнибудь рѣчь о покойномъ. Тотъ долго отнѣкивался и въ оправданіе свое повторялъ:

— Извините... я не могу... положительно не могу... мнѣ это трудно, такъ какъ это неожиданно... я не готовился... я не готовъ... Ей-Богу, не готовъ...

Однако, въ концѣ концовъ, онъ принужденъ былъ уступить настойчивому требованію компаніи и произнесъ экспромптомъ что-то весьма похвальное для виновника поминальнаго обѣда.

Когда же онъ кончилъ, привсталъ съ своего мѣста Васильевъ и громко произнесъ:

— Господа, вы все приставали къ Николаю Антиповичу, требуя отъ него рѣчи. Онъ предупреждалъ васъ, что не готовъ...

¹⁾ 13-е декабря.

Теперь позвольте мнѣ убѣдительноше просить васъ: не вздумайте съ тѣмъ же приставать и ко мнѣ... Я васъ предупреждаю, что я тоже ничего не могу говорить, потому что я готовъ...

Возвращаюся опять къ герою этой главы, Константину Григорьевичу Бродникову.

Схоронивъ такимъ образомъ множество людей, самъ онъ, по странному стеченію обстоятельствъ, не былъ похороненъ съ тою дружескою заботой, которую проявлялъ ко всѣмъ умиравшимъ товарищамъ.

Простудившись зимою въ балаганѣ, гдѣ режиссерствовалъ, онъ занемогъ тяжелой болѣзью: у него образовалась горловая чахотка. Бродниковъ началъ быстро хирѣть, похудѣлъ и въ короткое время измѣнился до невѣроятности.* Такой сильный ходъ болѣзни принудилъ его отправиться на поправку въ Крымъ, гдѣ онъ послѣ недолгаго пребыванія въ Ялтѣ и скончался.

Кто его хоронилъ и распоряжался погребальной церемоніей, кажется, до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Даже могилу его долгое время не могли отыскать...

XXXIII.

И. Е. Чернышевъ.—Моя съ нимъ дружба.—Его актерское дарованіе.—Его непочтительность къ старшимъ.—Игнорированіе закулисныхъ авторитетовъ.—Капустникъ у Леонидова.—Пріѣздъ на капустникъ актера Н.—на съ письмомъ Чернышева.—Бестактность и несдержанность Чернышева.—Мнѣніе Каратыгина по поводу письма.—Раскаяніе Чернышева.—Страсть къ алкоголю, изуродовавшая его характеръ.—Занятіе Чернышева лятатурой.—Отношеніе Мартынова къ Чернышеву.—«Испорченная жизнь».—Затруднительная постановка ея на Александринской сценѣ.—Распри Самойлова съ Васильевымъ.—Авторское воздѣйствіе на Самойлова.—Магическая фраза.—«Шкаликъ», прозвище Васильева.—Любовь Чернышева.—Мотивъ пьянства.—Болѣзь и смерть.—Квартира Чернышева и ея обстановка.—Похороны его.—Неумѣлые распорядители.—Г. Н. Жулевъ.—Чернышевъ, украшенный въ гробу виноградомъ.—Изумленіе дякова.—Его настояніе.—Пожертвованіе винограда сиротамъ.

Съ Иваномъ Егоровичемъ Чернышевымъ, имя котораго уже не разъ упоминалось въ этихъ запискахъ, я былъ въ близкихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, не смотря на разность нашихъ лѣтъ. Онъ былъ значительно старше меня, что, однако, нисколько не мѣшало ему водить со мною компанію еще въ то время, когда я находился въ театральномъ училищѣ. Но большаго удивленія наша дружба заслуживала тѣмъ, что мы имѣли совершенно противоположные вкусы и характеры. Чернышевъ любилъ кутежи и даже пьянство, находилъ удовольствіе въ либеральничаньи по отношенію къ начальству, старался разыгрывать изъ себя авторитетнаго вершителя судебъ театра и нещадно казнить всѣхъ окружающихъ,

кто не входилъ въ число его друзей. Въ этомъ отношеніи онъ былъ и несправедливъ и чрезмѣрно строгъ.

Я всегда уважалъ въ немъ умнаго человѣка и талантливаго драматурга и искренно радовался его авторскимъ успѣхамъ, въ особенности, когда его «Отецъ семейства» и «Не въ деньгахъ счастье», благодаря гениальной игрѣ Мартынова, не сходили съ репертуара и вызывали бурю восторга въ зрителяхъ. Такъ же и онъ не разъ доказывалъ мнѣ свое участіе при моихъ дебютахъ на Александринской сценѣ.

Какъ актеръ, Иванъ Егоровичъ никогда не выдѣлялся изъ ряда посредственностей. Игралъ онъ по большей части злодѣевъ, въ родѣ Меццарьяка въ извѣстной драмѣ Полевого «Ермакъ Тимофеевичъ»...

Чернышевъ не признавалъ заслуженныхъ актеровъ и относился къ нимъ крайне непочтительно. Это было его слабостью. Каламбуры и водевили П. А. Каратыгина игнорировалъ и при всякомъ удобномъ случаѣ позволялъ себѣ публично глумиться надъ нимъ. Точно такъ же и Сосницкаго онъ всегда осыпалъ насмѣшками. Въ сужденіяхъ о своихъ товарищахъ, въ особенности старшихъ по лѣтамъ и выслугамъ, онъ никогда не стѣснялся выборомъ выраженій и однажды въ этомъ сильно покаялся, послѣ одного изъ безтактныхъ своихъ писемъ. Дѣло было такъ. Въ старые годы актеры имѣли обыкновеніе собираться въ первый день великаго поста къ А. Л. Леонидову, на такъ называемый «капустникъ». Леонидовъ славился своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ, почему у него всегда было шумно и людно. Его «капустникъ» обыкновенно затягивался по поздней ночи, время пролетало незамѣтно, и всѣ присутствующіе выносили пріятнѣйшее впечатлѣніе. Конечно, постоянно говорилось много рѣчей, читалось много стиховъ и, кромѣ того, гости имѣли право пѣть и плясать въ полное свое удовольствіе. Въ одинъ изъ такихъ чистыхъ понедѣльниковъ собралась у Леонидова почти вся драматическая труппа во главѣ съ самыми старѣйшими ея представителями. Среди завтрака, когда веселый тонъ общества казался ненарушимымъ, является провинціальный актеръ, стяжавшій славу знаменитаго чтеца, Н—нъ. Хозяинъ встрѣтилъ его ласково и радушно, однако, не упустивъ случая попенять за опозданіе, изъ-за чего, молъ, много пропустилъ интереснаго. Н—нъ на это отвѣтилъ извиненіемъ и мотивировалъ свою задержку визитомъ къ большому товарищу Чернышеву, съ которымъ онъ одновременно учился въ театральномъ училищѣ.

— Онъ шибко хвораетъ, — прибавилъ Н—нъ, — при большихъ усиліяхъ поднимается съ постели и ужасно хандрить. Однако о сегоднешнемъ вашемъ торжествѣ онъ не забылъ и прислалъ со мной къ вамъ товарищеское письмо. Позвольте ли прочесть?

Конечно, какъ хозяинъ, такъ и гости, немедленно дали свое разрѣшеніе, ожидая услышать что нибудь веселое, остроумное или вообще интересное. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда Н—нъ, уже ранѣе гдѣ-то возбужденный винными парами, съ явнымъ удовольствіемъ и присущимъ ему подчеркиваніемъ, началъ докладывать обществу нѣчто возмутительно жолчное, переполненное клеветой и бранью на всѣхъ присутствующихъ. Говоря объ искусствѣ и объ его настоящемъ положеніи, Чернышевъ почти каждому изъ артистовъ наговорилъ дерзостей и обидныхъ нелѣпостей. При упоминаніи имени Сосницкаго онъ вмѣсто «ветеранъ сцены» насмѣшливо написалъ «ветеринаръ сцены» и все прочее въ этомъ же духѣ.

Письмо Ивана Егоровича такъ ошеломило всѣхъ, что никто не прервалъ Н—на, который, окончивъ чтеніе, надменно сталъ разглядывать все еще продолжавшихъ недоумѣвать слушателей.

Раньше всѣхъ нашелся отвѣтомъ П. А. Каратыгинъ, который, поднявшись съ мѣста, сказалъ, обращаясь къ присутствующимъ:

— Господа, что сейчасъ намъ довелось слышать, не должно нисколько насъ оскорблять. Жолчное и несправедливое содержаніе этого письма нисколько не удивительно, потому что это писалъ человѣкъ больной. Гораздо поразительнѣе то, какъ могъ рѣшиться прочитать все это человѣкъ здоровый!?

Актерскій праздникъ омрачился... Однако, на другой день Чернышевъ спохватился и прислалъ Леонидову письмо съ извиненіемъ, въ которомъ приносилъ чистосердечное покаяніе. Угрызенія совѣсти долго мучили его, и онъ впоследствии неоднократно высказывалъ сожалѣніе о своемъ необдуманномъ поступкѣ.

По натурѣ Иванъ Егоровичъ не былъ злымъ, но въ силу многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ онъ иногда являлся таковымъ, благодаря чему имѣлъ много враговъ. Его загубила страсть къ алкоголю, которой онъ предавался за послѣднее время неудержимо. Эта страсть изуродовала его характеръ, притупила нервы, помутила разумъ...

Заниматься литературой Чернышевъ началъ со школьной скамьи. Еще будучи воспитанникомъ театральнаго училища, онъ сочинялъ пьесы, и одна изъ нихъ въ то же время попала на подмостки Александринскаго театра. На вызовы публики авторъ выходилъ въ казенной курточкѣ.

А. Е. Мартыновъ питалъ привязанность къ Чернышеву и много помогалъ ему, какъ драматургу, своими совѣтами и указаніями, которыми съ благодарностью пользовался Иванъ Егоровичъ, въ свою очередь обожавшій Александра Евстаѣевича. Мартыновъ его пьесы бралъ для своихъ бенефисовъ и игралъ въ нихъ главные роли, благодаря чему онъ имѣли большой успѣхъ. Лучшаго Боярышниковъ въ комедіи «Не въ деньгахъ счастье», отца въ драмѣ «Отецъ

семейства» и Ладышкина въ «Женихъ изъ долговаго отдѣленія» нельзя себѣ представить.

Уже послѣ смерти Мартынова Чернышевымъ была написана комедія «Испорченная жизнь», впоследствии сдѣлавшаяся извѣстною и репертуарною какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Ея постановка на Александринской сценѣ сопровождалась большими для автора непріятностями, которыя только послѣ долгихъ хлопотъ удалось ему одолѣть. Главныя роли въ этой пьесѣ онъ назначилъ В. В. Самойлову и Павлу Васильеву, но такъ какъ Самойловъ не выносилъ Васильева и не игралъ съ нимъ въ однѣхъ пьесахъ, то, конечно, и на этотъ разъ онъ не пожелалъ сдѣлать исключенія. Василій Васильевичъ наотрѣзъ отказался отъ участія въ «Испорченной жизни», хотя роль обманутаго супруга ему очень понравилась. По этому поводу Чернышевъ долгое время пререкался съ капризнымъ премьеромъ и въ концѣ концовъ настоялъ таки на томъ, что Самойловъ въ его комедіи игралъ вмѣстѣ съ своимъ закулиснымъ врагомъ. Иванъ Егоровичъ достигъ этого одной фразой, удачно вклеенной въ письмо къ Самойлову, самолюбіе котораго было ею затронуто, что и требовалось доказать. Только такимъ рѣшительнымъ образомъ авторъ и могъ достигнуть успѣха. Магическая фраза, задѣвшая за живое Самойлова, была такова: «Неужели, Василій Васильевичъ, справедливы слухи, что вы будто бы потому не хотите играть въ моей комедіи, что боитесь соперничества Васильева?»

— Никто въ мірѣ не можетъ внушить мнѣ боязни соперничества,—запальчиво воскликнулъ Самойловъ, вслухъ негодуя на Чернышева, усомнившася въ его обширныхъ способностяхъ.—Я никого не боюсь, а не только какого-то шкалика...

«Шкаликомъ» онъ постоянно называлъ за глаза Павла Васильевича.

Послѣдніе годы жизни Чернышева были омрачены чуть ли не беспросыпнымъ кутежомъ. Онъ и вообще-то никогда не отказывалъ себѣ въ этомъ удовольствіи, но тутъ къ простой «привычкѣ», какъ говорили про него собутыльники, присоединился «резонный мотивъ». Иванъ Егоровичъ имѣлъ неосторожность влюбиться въ премьершу N. N., которая нисколько ему не сочувствовала. Эта безнадежная любовь была для него роковой. Онъ предался пьянству, желая заглушить въ себѣ порывы лучшаго изъ чувствъ, но вмѣсто ожидаемаго облегченія нажилъ тяжкую болѣзнь «водянку», которая и свела его въ могилу.

Умеръ онъ въ нищенской обстановкѣ, создавшейся случайно. Онъ жилъ въ комнатѣ, которую нанималъ отъ хозяйки. Во время его тяжелой болѣзни эта хозяйка вздумала перемѣнить квартиру и переѣхала съ прочими жильцами на другую, оставивъ умирающаго Чернышева на произволь судьбы. Впрочемъ, изъ жалости она дала

ему на поддержаніе старую потасканную клеенчатую кушетку, небольшой столъ и пару табуретокъ. Когда я пришелъ поклониться его праху, то къ своему удивленію нашелъ его не на столѣ, а на кушеткѣ, хотя послѣ его смерти прошло около сутокъ.

Родныхъ у Ивана Егоровича не было, похоронами его завѣдывали два-три самыхъ близкихъ пріятели, изъ которыхъ мнѣ памятнѣе всѣхъ бывший нашъ актеръ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Скорбнаго поэта», Г. Н. Жулевъ. На погребеніи Чернышева я не могъ быть вслѣдствіе постигшей меня болѣзни, но одинъ изъ присутствующихъ разсказалъ мнѣ про оригинальную выходку друзей покойнаго, рѣзкими штрихами характеризующую актерскій бытъ.

Завѣдывавшіе похоронами Чернышева условились отправить прахъ покойнаго на Смоленское кладбище наканунѣ погребенія, но объ этомъ не предупредили кладбищенское начальство, благодаря чему имъ чуть-чуть не пришлось возвращаться съ мертвецомъ обратно домой. И только послѣ многихъ хлопотъ неумѣлымъ распорядителямъ удалось оставить почившаго товарища подъ сводами часовни на ночь.

Передъ отправленіемъ процессіи на кладбище кто-то предложилъ купить цвѣтовъ и украсить ими гробъ.

— Что за цвѣты!—возразилъ Жулевъ:—они ему не къ лицу.

— Нѣтъ, очень къ лицу. Человѣку, встрѣчавшему на своемъ жизненномъ пути только терніи, хоть на смертномъ одрѣ нужно быть окруженному розами.

— Эта идея не выдерживаетъ критики, — опять воскликнулъ Жулевъ:—ужъ если чѣмъ можно украсить покойника, такъ только виноградомъ. Онъ любилъ виноградный сокъ и виноградное вино, а потому болѣе приличествуетъ осыпать его тѣло гроздьями этой восхитительной ягоды.

Всѣ согласились, что мысль «Скорбнаго поэта» оригинальна. Тотчасъ же закупили чуть не съ полпуда винограда и уложили его картинными группами вокругъ усопшаго, причѣмъ лицо его совершенно утопало въ этой необычайной зелени.

На другое утро, передъ началомъ отпѣванья, сторожа открыли гробъ и пришли въ изумленіе отъ невиданнаго убранства. Призвали они дьякона для разрѣшенія ихъ сомнѣній относительно возможности погребенія покойника съ ягодами. Дьяконъ тоже выразилъ удивленіе и, пожимая плечами, спросилъ у распорядителей:

— Что это, господа, за овощная лавка?

— Вмѣсто цвѣтовъ,—отвѣтилъ Жулевъ.

— Очень неудачная замѣна, допустить которую я не смѣю. Украшать виноградомъ покойника—вѣдь это нѣчто языческое! Ужъ не сектанты ли вы, Боже васъ упаси?

— Нѣтъ, не сектанты. Мы положили покойнику то, что онъ

любилъ при жизни. Почившій въ большихъ дозахъ употреблялъ вино и былъ далеко не сентименталенъ, такъ что цвѣты для него были бы проніей. Послѣ зрѣлаго размышленія мы пришли къ заключенію, что лучше всего обложить его виномъ въ пилюляхъ...

— Очень это хорошо, поступлено потоварищески, но допустить сего я не въ правѣ. Позвольте сію минуту вынуть весь виноградъ. Я даже попрошу васъ отдать его для добраго дѣла.

— Для какого добраго дѣла? Куда онъ годится?

— У меня есть сироты. Они съ удовольствіемъ помянутъ имъ новопреставленнаго Іоанна.

Конечно, его желанію уступили, и когда весь виноградъ былъ выбранъ изъ гроба Чернышева, дьяконъ разрѣшилъ перенести покойника изъ часовни въ церковь.

Вотъ при какой обстановкѣ похоронили одного изъ талантливейшихъ драматическихъ писателей, загубленнаго воспитаніемъ и безалаберною театрално-провинціальною жизнью.

XXXIV.

Начало знакомства съ А. Н. Островскимъ.—Первая встрѣча съ нимъ въ стѣнахъ гимназіи.—Воспоминанія изъ далекаго прошлаго.—Мои посѣщенія Малаго Московскаго театра.—Московская труппа.—А. А. Григорьевъ.—Устройство имъ спектакля въ гимназіи.—Гимназисты-исполнители.—Исполненіе мною женской роли.—Визиты Островскаго.—И. Ѳ. Горбуновъ.—Первый успѣхъ.—Мечты объ актерствѣ.—Прощальный вечеръ въ честь попечителя учебнаго округа В. И. Назимова.—Торжественный спектакль въ 4-й гимназіи.—Мой второй дебютъ.—Программа вечера.—Репетиція подъ руководствомъ П. М. Садовскаго.—Обаяніе этимъ замѣчательнымъ артистомъ.—Прерванный спектакль.—Комедія Островскаго «Не въ свои сани не садись» признана неудобной.—Выговоръ Григорьеву за неудачный выборъ пьесы.—Разказы Садовскаго.

Знаменитаго драматурга Александра Николаевича Островскаго я зналъ съ юношескаго возраста. Моя первая встрѣча съ нимъ произошла въ первой московской гимназіи, гдѣ я воспитывался. Вспоминая объ этомъ эпизодѣ, не могу не остановиться на его подробностяхъ, тѣмъ болѣе для меня драгоценныхъ, что имъ я обязанъ своимъ настоящимъ положеніемъ и карьерой.

Съ самаго дѣтства, какъ я себя только запомню, ни къ чему не былъ я такъ привязанъ, какъ къ театру. Никакія игры и развлечения не занимали моего воображенія такъ, какъ тогдашній Московскій Малый театръ и его неизбвенные артисты. Болѣе богатой талантами труппы нельзя себѣ и вообразить: Щепкинъ, Садовскій, Живокини, Самаринъ, Шумскій, Сергѣй Васильевъ, П. Г. Степановъ, Никифоровъ, Полтавцевъ, Дмитревскій, А. Т. Сабурова, Львова-Синецкая, Никулина-Косицкая, Колосова, Медвѣдева, Е. Н. Ва-

силева, Акимова, Кавалерова и др. были въ полной силѣ своихъ дарованій.

Однако, не смотря на то, что театръ былъ моею мечтою съ дѣтства, я не смѣлъ и надѣяться посвятить себя сценѣ прежде окончанія курса въ гимназіи, а затѣмъ и университета. Такова была воля родителей. Но судьба распорядилась иначе, и въ этой же самой гимназіи, послѣ четырехъ проведенныхъ въ ней лѣтъ, состоялся мой первый дебютъ, послѣ котораго вскорѣ я имѣлъ возможность пристроиться къ театру и очутиться въ водоворотѣ петербургской театральной жизни. Случилось это неожиданно, и вотъ какія обстоятельства предшествовали этому.

Однажды, на рождественскихъ праздникахъ, нашъ преподаватель законовѣдѣнія Апполонъ Александровичъ Григорьевъ (впослѣдствіи извѣстный критикъ) затѣялъ устроить въ гимназіи домашній спектакль при исключительномъ участіи воспитанниковъ. Не долго думая, онъ выбралъ для представленія только что явившуюся и имѣвшую огромный успѣхъ новую комедію Островскаго «Не въ свои сани не садись» и, кромѣ того, одинъ актъ изъ драмы Н. В. Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», въ которой главную роль Минина взялся исполнить самъ. Не допуская къ участію постороннихъ, Григорьевъ и женскія роли роздалъ воспитанникамъ. На меня, какъ на страстнаго любителя сцены, указали устройтелю спектакля старшіе ученики. Благодаря ихъ лестной рекомендаціи, я получилъ двѣ роли: Маломальскаго въ комедіи Островскаго и выходную, въ нѣсколько словъ, роль какого-то нижегородскаго парня Петрова, въ драмѣ Кукольника. Главная роль Авдотьи Максимовны въ комедіи была поручена самому красивому гимназисту кн. Урусову, который, вначалѣ согласившись на исполненіе ея, впослѣдствіи сталъ ею тяготиться, что было видно изъ его манкированія репетиціями. За отсутствовавшаго Урусова мнѣ приходилось читать роль Авдотьи Максимовны, и это я дѣлалъ, кажется, на столько успѣшно, что послѣ третьей репетиціи Григорьевъ сталъ уговаривать меня играть вмѣсто Урусова. Сначала я рѣшительно отказался отъ этого, не желая такъ же, какъ, вѣроятно, и мой предшественникъ, изображать страдающую, влюбленную героиню, но потомъ, соблазнившись предложеніемъ Апполона Александровича въ награду сыграть еще третью роль Бурдюкова въ «Тяжбѣ» Гоголя, согласился на его предложеніе.

На одну изъ послѣднихъ репетицій и спектакль пріѣзжалъ авторъ, Островскій, и привозилъ съ собой, въ то время мало еще извѣстнаго молодого человѣка, И. Ѳ. Горбунова, тогда еще не служившаго на сценѣ, а только что начинавшаго появляться въ свѣтъ съ своими неподражаемыми разсказами. Объ этомъ памятномъ спектаклѣ я, Островскій и Горбуновъ впослѣдствіи часто вспоминали.

Итакъ первые мои дебюты были весьма разнообразнаго амплуа,

что, однако, не помѣшало мнѣ получить пріятныя одобренія отъ самого автора, Григорьева и Т. И. Филиппова, въ то время нашего учителя словесности, а нынѣ виднаго государственнаго дѣятеля. Если къ этому прибавить похвалы директора гимназіи, Шпеера, товарищей и зрителей, то получится нѣчто, что могло бы вскружить голову не только мнѣ, страстному обожателю театра, но и вообще всякому, даже никогда не державшему мечтать объ артистической карьерѣ. Я вообразилъ, что совершилъ такой подвигъ, послѣ котораго надо бросать всякую ученую премудрость и смѣло идти на сцену. Рѣшеніе сдѣлаться актеромъ еще болѣе укрѣпилось во мнѣ послѣ втораго школьнаго спектакля, устроеннаго въ залѣ 4-й гимназіи (въ извѣстномъ домѣ Пашкова, гдѣ въ настоящее время музей). Спектакль этотъ носилъ прощальный характеръ: гимназисты прощались съ попечителемъ учебнаго округа В. И. Назимовымъ, получившимъ высшее назначеніе и поэтому покидавшимъ свою настоящую должность. Всѣ четыре гимназіи соединились вмѣстѣ въ 4-й и каждая представила своихъ воспитанниковъ, преуспѣвшихъ на артистическомъ поприщѣ. Наша первая гимназія должна была повторить «Не въ свои сани не садись», а потому мнѣ еще разъ пришлось сыграть роль Дуни, но уже при болѣе торжественной обстановкѣ.

Афиша этого спектакля, въ которой я значусь подъ своей настоящей фамиліей Нилуса, до сихъ поръ сохраняется у меня. Надѣюсь, что нѣкоторымъ участвовавшимъ въ этомъ вечерѣ, здравствующимъ донинѣ, не безынтересно припомнить свои артистическіе дебюты. Вотъ она:

ПРОГРАММА

прощальнаго вечера, даваемого московскими гимназіями Его Превосходительству
Генераль-Адъютанту Владиміру Ивановичу Назимову.

А) Часть 1-я.

1) Septuor comp. Beethoven—для скрипки (г. Милановъ), віолончели (г. Давыдовъ)¹⁾, кларнета, волторна, альты, фюгата и контрабаса.

2) Concerto comp. Artot—для скрипки (г. Новицкій) съ аккомпаниментомъ фортепьянъ (г. Коневъ).

3) Второе дѣйствіе изъ ком. Писемскаго.

Ипохондригъ.

Дѣйствующія лица:

1) Николай Михайловичъ Дурнопечинъ, 35 лѣтъ, *Шереметьевскій 2.*

2) Прохоръ Прохоровичъ Дурнопечинъ, братъ Н. М.

Дурнопечина въ 4-мъ кол. *Павловъ.*

¹⁾ Воспитанникъ Давыдовъ впоследствии сдѣлался знаменитымъ віолончелистомъ и былъ директоромъ С.-Петербургской консерваторіи.

- 3) Настасья Кириловна Вѣжорибова, дама лѣтъ 50,
дальняя родственница Н. М. Дурнопечина *Николаевъ.*
Ваничка, сынъ ея, 21 года *Зиновьевъ.*
Михайлъ Ивановичъ Коноричъ, 33 лѣтъ *Ленской.*
Никита, слуга Дурнопечина, 40 лѣтъ *Шереметевскій 1.*

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

4) Carnaval de Venise par Neske, solo для фортепіано, исп. г. Коневъ.

5) L'ouverture de l'opéra Zamra—для двухъ фортепіано въ восемь рукъ исполняютъ гг. Матвѣевъ, Ренаръ, Козловъ, Барабинъ.

6) Отрывокъ Н. В. Гоголя.

Дѣйствующія лица:

- 1) Марья Александровна, пожилыхъ лѣтъ дама *Николаевъ.*
2) Михайло Андреевичъ, сынъ ея *Волковъ.*
3) Собачкинъ *Малющевъ.*
4) Лакей *Черновъ.*

В. Часть 2-я.

1) Trio comp. Humel—для фортепіано (г. Дюшенъ), скрипки (г. Милавовъ и віолончели (г. Давыдовъ).

2) Fantaisie de Lucia, comp. Prudent—для фортепіано (исполнить г. Надеждинъ).

3) Изъ Guillaum Tell duo для фортепіано (г. Ауербахъ) и скрипки (г. Давыдовъ).

4) Mazurca, comp. Wieniawsky, исполнить г. Гиватовскій, съ аккомпаниментомъ фортепіано (г. Ауербахъ).

5) Choeur des brigands, исполнить Залеманъ.

5) Не въ свои сани не садись.

Комедія, соч. Островскаго.

Въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Дѣйствующія лица:

- Максимъ Ѳедотычъ Русаковъ *Ненароковъ.*
Авдотья Максимовна, его дочь *Нилусъ.*
Арина Ѳедотовна, его сестра *Таратыкинъ.*
Селиверстъ Потапычъ Маломальскій, содержатель
гостинницы *Валуховъ.*
Анна Антоновна, жена его *Жарковъ.*
Иванъ Петровичъ Бородинъ, молодой купецъ *Григорьевъ.*
Викторъ Аркадьевичъ Вихоревъ *Глѣбовъ.*
Баранчевскій, чиновникъ и помѣщикъ *Органскій.*
Степанъ, слуга Вихорева *Ѳедоровъ.*
Половой въ гостинницѣ *Волковъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ.

Желая отличиться предъ болѣе многочисленной публикой въ 4-й гимназіи, А. А. Григорьевъ, при повтореніи уже бойко игранный нами комедіи «Не въ свои сани не садись», возобновилъ репетиціи, на которыя, какъ и на самый спектакль, сумѣлъ залучить своего пріятеля, знаменитаго Прова Михайловича Садовскаго. Тотъ охотно слѣдилъ за нашимъ дѣтскимъ исполненіемъ типовъ Островскаго и дѣлалъ весьма серьезныя замѣчанія. Для меня лично это было истиннымъ торжествомъ, потому что предъ талантомъ этого артиста я всегда благоговѣлъ. Это была моя первая съ нимъ встрѣча; до этого я видѣлъ его только на сценѣ, слѣдовательно издали. Его серьезность, костюмъ, тонъ рѣчи, всякое движеніе и слово приводили меня въ восторгъ. По окончаніи же репетицій, когда онъ уѣзжалъ отъ насъ, я старался какъ можно явственнѣе запомнить всѣ его указанія, его оригинальный наружный видъ, полурусскій-полунѣмецкій костюмъ, особенную манеру нюхать табакъ, и съ нетерпѣніемъ дожидался его возвращенія на слѣдующую репетицію. Такъ велико было обаяніе, производимое этимъ замѣчательнымъ сценическимъ художникомъ.

На сколько были пріятны репетиціи съ такимъ руководителемъ, какъ Садовскій, на столько былъ печаленъ «по независящимъ отъ насъ причинамъ» самый спектакль. Музыкальная и драматическая части, исполненныя нашими сотоварищами другихъ гимназій, прошли весьма удачно, и начальство было очень довольно, такъ что мы, «актеры 1-й гимназіи», заранѣе предвкушали успѣхъ, но каково было наше удивленіе, когда, послѣ второго акта сыгранной нами комедіи, является на сцену какое-то власть имущее лицо и приказываетъ прекратить представленіе.

— Что такое? Почему?

— Эта пьеса неудобна для представленія въ учебномъ заведеніи. Она не прилична...

Затѣмъ послѣдовало объясненіе съ Григорьевымъ...

Не знаю, на сколько это распоряженіе имѣло тогда основаніе, но помню одно, что это происшествіе глубоко огорчило меня. Я забился въ свою импровизированную уборную и плакалъ навзрыдъ. Однако, кто-то изъ воспитанниковъ успѣшилъ успокоить меня и сталъ торопить переодѣться въ гимназическій мундиръ, для того, чтобы скорѣе отправиться на вытяжку въ залъ, гдѣ всѣ учащіеся становились въ ранжиръ для прощанія съ попечителемъ.

На этотъ разъ мы одобренія не получили, и только одинъ Аполлонъ Александровичъ удостоился получить... выговоръ за неудачный выборъ пьесы. Однако тѣмъ дѣло и кончилось.

Послѣ спектакля, прерваннаго по срединѣ, всѣ присутствовавшіе упростили Садовскаго прочесть одинъ изъ его рассказовъ. Прова Михайловича усадили на диванъ въ одной изъ большихъ и отлично убранныхъ комнатъ дома Пашкова, и онъ началъ читать рассказъ

купца о «Злокачественномъ Наполеондрѣ» (Наполеонъ I). Такого гомерическаго смѣха слушателей и такого спокойствія, безъ единой улыбки на лицѣ, рассказчика, мнѣ никогда болѣе встрѣчать не приходилось... Какъ рассказчика, я слышала Садовскаго тогда впервые и, конечно, не могъ въ своемъ восторгѣ не дойти до энтузіазма, который и заставилъ меня забыть всѣ неприятности этого вечера. Послѣ этого я сталъ мечтать объ актерствѣ серьезно и убѣдиль своихъ родителей позволить мнѣ самому распорядиться своей судьбой. Послѣ долгихъ колебаній послѣдовало ихъ согласіе, и я поступилъ въ петербургское театральное училище...

Возстановивъ въ памяти этотъ характерный эпизодъ изъ милаго прошлаго, продолжаю повѣствованіе объ А. Н. Островскомъ, знакомство съ которымъ у меня продолжалось вплоть до его смерти, случившейся въ 1886 году.

XXXV.

А. Н. Островскій.—Его причуды и мнительность.—Юморъ и остроуміе Островскаго.—Его рассказы.—Пристрастіе къ друзьямъ.—Дружба съ Бурдянымъ.—Ея дурные результаты.—Ухаживаніе Бурдина за Островскимъ.—Единственная измѣна Бурдину.—Представленіе «Воеводы».—Волненіе автора.—По адресу бенефицианта.—Отвѣтъ Г. Н. Жулева.—Самодовольство Бурдина.—Его разговоръ съ молодыми актерами.—Анекдоты про Островскаго.—Пристрастіе къ крестному сыну.—Заступничество за Бурдина.—Сила убѣжденія.—Рассказъ Островскаго о молодомъ человѣкѣ, желавшемъ сдѣлаться драматургомъ.—«Неизвѣстный».—Мѣткій отвѣтъ провинціальному актеру.—Островскій въ должности управляющаго московскими театрами.—Недовольство имъ, какъ начальникомъ.—Форма официальнаго человѣка.—Логика Островскаго по поводу оперныхъ несправедливостей.—Пробные великопостные спектакли.—Моя бесѣда съ нимъ объ этихъ спектакляхъ.—Напускное недомоганіе.—Островскій во время игры въ карты.—«Входъ воспрещается». — Острота Островскаго. — Примѣръ нетвердости убѣжденій его.—Рассказъ Андреева-Бурлака.

Я искренно любилъ и уважалъ Островскаго, не только какъ писателя, поражающаго своимъ огромнымъ талантомъ, но и какъ человѣка. Онъ совершенно заслуженно слылъ милѣйшею личностью и имѣлъ массу обожавшихъ его друзей, въ особенности въ театральномъ мірѣ. Обладая мягкимъ, отзывчивымъ сердцемъ и оригинальнымъ умомъ, Александръ Николаевичъ на всякаго производилъ неотразимо-симпатичное впечатлѣніе, переходившее обыкновенно вскорѣ же въ привязанность къ этому доброму, ласковому и всегда снисходительному человѣку.

Островскій былъ причудникомъ. Его причуды вполнѣмъ въ послѣдствіи перешли въ капризы, которые иногда дѣлали его несноснымъ... Самою рѣзкою чертою его характера была мнительность, очень часто надѣдливая и до приторности скучная. Вѣчно онъ жало-

вался на всевозможныя болѣзни, кряхтѣлъ, стоналъ и морщился, и въ большинствѣ случаевъ, конечно, совершенно напрасно. Страданіе отъ мнимыхъ болей у него въ концѣ концовъ вошло въ привычку, и онъ никогда не отказывалъ себѣ въ удовольствіи «хвастнуть нездоровьемъ», какъ шутя про него говорили. Своимъ постояннымъ недомоганіемъ онъ точно рисовался, напрашиваясь на сочувствіе, въ которомъ, разумѣется, не было недостатка.

Въ своихъ обыденныхъ сношеніяхъ съ людьми и въ разговорахъ Александръ Николаевичъ проявлялъ неподдѣльный юморъ, отличался остроуміемъ и, какъ собесѣдникъ, былъ незамѣнимъ. Его разсказами, выхваченными прямо изъ жизни и переполненными сатирическими замѣчаніями, можно было заслушаться. По этимъ разсказамъ лучше всего можно было судить, какою громадною наблюдательностью владѣлъ покойный драматургъ.

Отрицательною стороною его характера было пристрастіе. Люди, которыхъ онъ любилъ, были безупречны и безпорочны. Актеры, къ которымъ онъ питалъ пріязнь, были гени, и никто въ противномъ его не могъ разубѣдить. Правда, находили на него минуты, когда онъ отрѣшался отъ своихъ убѣжденій, но это было мимолетно. Нечаянно вырвавшійся порывъ негодованія скоро разсѣивался, и Александръ Николаевичъ вновь становился искреннимъ поклонникомъ своего пріятели или друга.

Это пристрастіе, обусловленное мягкостью его сердца, часто мѣшало успѣху лучшихъ его пьесъ. Напримѣръ, покойный актеръ Бурдинъ пользовался такимъ расположеніемъ Островскаго, что на петербургской сценѣ почти всѣ новыя произведенія Александра Николаевича впервые шли по желанію автора непременно въ его бенефисъ, причемъ лучшія въ нихъ роли безпощадно гибли отъ игры самого бенефицианта. Иногда драматургъ сознавалъ артистическую несостоятельность своего друга, но не имѣлъ силы воли и характера отказать ему «въ своемъ расположеніи»...

За это Бурдинъ окружалъ драматурга услужливостью и угодливостью, подкупающе дѣйствовавшей на Островскаго. Бурдинъ старался предупредить всякое желаніе его и бралъ на себя всѣ хлопоты и заботы «по проводкѣ пьесы», какъ чрезъ цензуру, такъ и чрезъ всѣ другія мытарства. Съ Александромъ Николаевичемъ онъ былъ на ты и сильно этимъ кичился передъ товарищами.

Единственный, кажется, разъ въ своей авторской практикѣ Островскій измѣнилъ Бурдину и ни за что не рѣшился отдать ему главной роли старика купца въ своей комедіи «Сердце—не камень», которая, замѣчу кстати, шла по обыкновенію въ его же бенефисъ. Какъ противъ этого Бурдинъ ни протестовалъ, но Александръ Николаевичъ настоялъ-таки на своемъ. Назначивъ эту спорную роль мнѣ, онъ намѣтилъ своему другу другую, менѣе отвѣтственную. Бурдинъ покорился, но въ день своего бенефиса

онъ внезапно захворалъ, такъ что за него игралъ другой. Такимъ образомъ бенефисъ былъ безъ бенефицианта, о чемъ своевременно и былъ извѣщенъ Островскій.

Мнѣ не разъ приводилось быть очевидцемъ, какъ Александръ Николаевичъ при первыхъ представленіяхъ своихъ пьесъ волнуясь расхаживалъ за кулисами и вслухъ высказывалъ неудовольствіе на Бурдина. Помню я, какъ при первомъ представленіи «Воеводы» въ Маринскомъ театрѣ Островскій возмущался Бурдинымъ, избравшимъ молодого, лихого парня Дубровина. Сердито морщась и нетерпѣливо пожимая плечами, Островскій почти метался за кулисами и, не сдержавъ волненія, быстро вошелъ въ одну изъ уборныхъ, гдѣ находилось нѣсколько актеровъ, и проговорилъ, ни къ кому не обращаясь:

— Ахъ, Ѳедоръ, Ѳедоръ!..¹⁾ Что онъ дѣлаетъ?!.. Такъ играть невозможно... невозможно... положительно невозможно... Что онъ дѣлаетъ?! Боже ты мой милостивый!..

Высказавшись такимъ образомъ, онъ немедленно удалился опять на сцену.

Г. Н. Жулеву («Скорбный поэтъ»), бывшій немного навеселѣ, сосредоточенно выслушалъ тираду драматурга и, когда тотъ скрылся за дверь, многозначительно произнесъ ему въ слѣдъ:

— Что, братъ, не нравится?!.. Коробить!!! А кто виноватъ? Самъ. Поменьше бы дружилъ съ Ѳедоромъ-то, не кушалъ бы его пироговъ... Не былъ бы этотъ самый Ѳедоръ твоимъ другомъ, и пьесы бы шли лучше!..

Бурдинъ же, однако, не унывалъ. Отчаянно играя новыя роли въ пьесахъ Островскаго, онъ въ антрактахъ ловилъ въ кулисахъ когонибудь изъ неучаствующихъ въ спектаклѣ молодыхъ актеровъ и задавалъ имъ такіе вопросы:

— Смотрите, юноша, пьесу?

— Да, смотрю.

— Ну, что? Какъ?

— Комедія превосходная.

— А у меня... какъ идетъ роль?

— Очень хорошо!—слѣдуетъ отвѣтъ смущеннымъ голосомъ.

— Тепло?

— Да, тепловато...

— Сердечно?

— Очень...

— То-то же... вы смотрите, что дальше будетъ!.. Въ послѣднемъ дѣйствіи я дридумалъ совсѣмъ новый, небывалый эффектъ...

Что Островскій былъ весьма пристрастный человѣкъ, доказа-

¹⁾ Бурдина звали Ѳедоромъ Алексѣевичемъ.

тельствѣмъ этого можетъ послужить множество краснорѣчивыхъ фактовъ.

Такъ, напримѣръ, однажды кто-то замѣтилъ ему, что онъ не совсѣмъ удачно назначилъ роли въ комедіи «Красавецъ-мужчина», во время постановки ея на московской сценѣ.

— Чѣмъ же это, по-вашему, не удачно? — спросилъ онъ, по привычкѣ подергивая плечами.

— Помилуйте, Александръ Николаевичъ, заглавную роль красавца вы поручили Садовскому¹⁾!

— Ну, такъ что же?

— Какъ что? Садовскій превосходный актеръ, но не на подобное амплуа... Да, наконецъ, какой же онъ красавецъ?

— А чѣмъ же онъ, по-вашему, не красавецъ?

— Конечно, наружнымъ видомъ... Онъ очень милъ, симпатиченъ, но не красавецъ...

— Что вы со мной спорите!? Неужели я не зналъ, кому поручить роль?! Вѣдь Миша мой крестникъ...

Противъ этой аргументаціи идти было нельзя, и оппонентъ поневолѣ согласился съ доводомъ крестнаго папаши.

Почти такъ же онъ убѣдилъ въ Петербургѣ режиссера, который, при возобновленіи на сценѣ Александринскаго театра «Бѣдность не порокъ», роль Любима Торцова не отдалъ прежнему ея исполнителю, Бурдину, а поручилъ другому актеру.

— Почему же не Федя играетъ Любима? — спросилъ Александръ Николаевичъ. — Это его роль, онъ долженъ ее играть, нельзя обижать стараго заслуженнаго актера...

— Бурдинъ сталъ слабымъ на ноги... за послѣднее время онъ шибко хворать началъ... Такую большую роль теперь ему страшно поручить, того и гляди — споткнется...

— Это ничего не значить! Конь о четырехъ ногахъ, и то спотыкается!

Противъ этого такъ же трудно было протестовать, и расслабленный Бурдинъ вновь выступилъ въ своей любимой роли.

Изъ анекдотическихъ разсказовъ Островскаго мнѣ помнится одинъ весьма характерный.

— «Повадился ко мнѣ ходить какой-то молодой человѣкъ, — разсказывалъ Александръ Николаевичъ, — и просить моихъ совѣтовъ и указаній относительно того, какъ сдѣлаться драматургомъ... Ко мнѣ вообще такихъ молодыхъ людей очень много является въ Москвѣ. Я имъ всегда обыкновенно совѣтую выждать удобнаго случая. «Это, говорю я имъ, само свыше налетитъ, ждите очереди»... Но только этотъ, про котораго я рѣчь веду, былъ надобѣдливѣ всѣхъ. Написалъ онъ какую-то сумбурную комедію и пред-

¹⁾ Мих. Пров. Садовскій, сынъ знаменитаго Прова Михайловича.

ставилъ ее мнѣ для оцѣнки. На досугѣ я просмотрѣлъ ее, и оказалась она никому не годной: ни складу, ни ладу, просто одна глупость. Является онъ ко мнѣ за совѣтомъ съ робкой, печальной физиономіей. Жаль мнѣ вдругъ его стало, я и говорю:

— «Ну, батюшка, сочиненіе ваше прочелъ, и ничего не могу сказать вамъ утѣшительнаго... Комедія очень слаба, такъ что и исправлять ее невозможно...

— «Какъ же быть-то?— спрашиваетъ онъ, уныло опустивъ голову на грудь.

— «Да какъ быть?— отвѣчаю.— Если не побрезгуете моимъ добрымъ совѣтомъ, то вотъ онъ: оставьте все это и займитесь чѣмъ нибудь другимъ...

— «Да чѣмъ же-съ? Я, ей-Богу, не знаю...

— «Женитесь, что ли,— говорю ему шутя,— это все-таки лучше.

«Ушелъ. Мѣсяца черезъ два является опять.

— «Что вы?— спрашиваю.

— «Я, говорить, исполнилъ ваше приказаніе.

— «Что такое? Объяснитесь толкомъ, я васъ не понимаю...

— «Вы мнѣ велѣли жениться,— я женился...

«Я просто ротъ разинулъ отъ изумленія. Глупость моего собесѣдника превзошла всякія смѣлыя ожиданія.

— «Ну, что-жь, поздравляю,— говорю.— Давай вамъ Богъ счастья...

— «И вотъ еще новая пьеска, только что написалъ...

— «Вотъ тебѣ разъ! Да вѣдь я вамъ совѣтоваль-то жениться нарочно, чтобъ отвлечь васъ отъ писательства, а вы все-таки продолжаете стремиться къ литературѣ.

— «А я-съ думалъ, что вы нарочно заставляли меня жениться, чтобъ у меня пьесы лучше выходили...

— «Ну, ужъ коли вы такъ разсудили, то дѣлайте, что знаете, а мнѣ теперь вашихъ произведеній читать некогда. Извините.

«Только такимъ образомъ я и отдѣлался отъ этого непризнаннаго собрата по оружію»,— закончилъ свой разговоръ Александръ Николаевичъ.

Пришелъ къ Островскому знакомый и, не заставъ его дома, вошелъ въ квартиру и сталъ дожидаться его возвращенія. Слуга Александра Николаевича сказалъ ему, что баринъ обѣщался скоро пріѣхать. Минутъ черезъ пятнадцать дѣйствительно вернулся домой драматургъ и, войдя въ переднюю, спрашиваетъ лакея:

— Никто не былъ?

— Какой-то господинъ васъ дожидается...

— Кто такой?

— Не могу знать... Неизвѣстный!

— Чего ты врешь! «Неизвѣстный» только одинъ и есть въ

оперѣ Верстовскаго «Аскольдова могила», но онъ до меня никакихъ дѣлъ не имѣетъ.

Во времена существованія московскаго артистическаго кружка Островскій былъ его частымъ посѣтителемъ. Однажды подходитъ къ нему тамъ провинціальный актеръ изъ категоріи «посредственностей» и здороваётся съ драматургомъ, который, будучи всегда пріятнымъ, на почтительный поклонъ его отвѣтилъ вопросомъ:

— Въ Москву за пѣснями? Погулять да отдохнуть къ намъ пожаловали?

— Да. Хочу взглянуть на вашихъ знаменитостей, — насмѣшливо проговорилъ актеръ, — надо намъ, провинціаламъ, отъ вашихъ хваленыхъ геніевъ позаимствоваться...

— Доброе дѣло! — спокойно замѣтилъ Александръ Николаевичъ. — Но только врядъ ли усвоите что либо. Мудрено отъ талантовъ позаимствоваться...

— Ну, ужъ и мудрено!

— Да вотъ кстати я расскажу вамъ, какой со мной сегодня случай произошелъ. Нанялъ я къ кружку извозчика. Попался дрянной. Лошаденка дохлая, еле ноги волочить. Стегаль онъ ее, стегаль, ругаль, ругаль, а она не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на его энергичное понуканье и даже, точно нарочно, тише пошла. Я и говорю ему: пора бы твою клячу на живодерню, для извоза она не годится, на хлѣбъ себѣ съ ней не достанешь.

— Это вѣрно, — отвѣчалъ извозчикъ, — подлости въ ейномъ характерѣ много. Ужъ чего я на ней не перепробовалъ: и ласку, и кормежку хорошую, и кнутовище здоровое, а ей хоть бы что, ничѣмъ не пронять. Сколько разовъ я ее на бѣга водилъ, чтобы, значить, поглядѣла на рысаковъ да переняла бы съ нихъ проворство, но и это она безъ всякаго вниманія оставляетъ.

Актеръ, конечно, понялъ намекъ и поспѣшилъ скрыться.

Въ концѣ своей жизни, какъ извѣстно, Александръ Николаевичъ получилъ важную административную должность. Его поставили во главѣ управленія московскими императорскими театрами. Однако, ему не суждено было долго занимать этотъ постъ: онъ неожиданно скончался въ своемъ костромскомъ имѣніи.

Не смотря свой умъ, доброту и пріязнь къ артистамъ, имъ многіе были недовольны во время его кратковременнаго начальства. Островскій всю жизнь свою прожилъ «вольнымъ» человекомъ, никогда нигдѣ не служилъ, и поэтому немудрено, что къ своимъ служебнымъ обязанностямъ приступилъ крайне неумѣло, неловко, что ставилось ему въ вину. Дѣйствительно, многія распоряженія его были странны, но къ нимъ нельзя было относиться строго, принимая во вниманіе его неопытность, которая въ механизмѣ театральнаго дѣла несомнѣнно играетъ первенствующую роль.

Первое, съ чего началъ Островскій свою дѣятельность, было то, что онъ облачился въ форменный вицъ-мундиръ и фуражку съ кокардой. Затѣмъ устроилъ себѣ въ домѣ дирекціи особую приемную комнату, посреди которой поставилъ громадный столъ и покрылъ его краснымъ сукномъ.

Когда его кто-то спросилъ:

— Къ чему это вы, Александръ Николаевичъ, надѣли на себя не идущій къ вамъ вицъ-мундиръ и съ краснымъ околышемъ фуражку? Васъ никто не привыкъ видѣть въ такомъ странномъ одѣяніи.

Онъ серьезно отвѣтилъ на это:

— Къ чему?! Я удивляюсь вашему вопросу... Я вѣдь теперь человѣкъ оффиціальныи.

Бывая въ Москвѣ, я часто посѣщаль Островскаго. Во время его «управленія театрами» мнѣ случилось гостить въ Бѣлокаменной продолжительное время. Однажды онъ спрашиваетъ меня между прочимъ:

— Поди, вы частенько встрѣчаетесь съ артистами?! Не слышали ли чего? Что говорятъ? Довольны ли мной?

— Кажется, довольны, всѣ васъ очень любятъ, но за нѣкоторыя распоряженія по вашему адресу шлются упреки и осужденія.

— За какія же это? Любопытно... Я, кажется, ничего такого еще не натворилъ...

— Да вотъ, напимѣръ, говорятъ, что вы съ оперными не совсемъ справедливы.

— Въ чемъ же обнаружилась моя несправедливость? Это для меня новость!

— Я слышалъ, что вы незаслуженно и жестоко поступили съ пѣвцомъ N., уволивъ его въ отставку. Вы почему-то нашли его лишнимъ, между тѣмъ, по общему отзыву, это былъ весьма полезный и добросовѣстный труженикъ, да и получалъ-то онъ въ сущности гроши.

— Его окладъ понадобился для прибавки другому...

— Вотъ за это-то больше и негодуютъ. Обездоливая одного, вы дѣлаете другому ни за что, ни про что прибавку.

— Вотъ это мнѣ нравится!— вдругъ заволновался Александръ Николаевичъ.— Я несправедливъ! Да кто же можетъ быть справедливымъ-то?.. Прежде чѣмъ упрекать меня, недовольные мною спросили бы лучше: много ли я прибавилъ X.? Онъ получалъ девять тысячъ рублей, а я ему для округленія накинулъ только одну тысячу... Развѣ-жъ это для него много?.. При девяти тысячахъ одна—пустяки... Да, кромѣ того, за него очень ужъ просилъ меня Рубинштейнъ. А какъ ему откажешь?! Вотъ вы и поймите, какова логика у неразумительныхъ людей! Имъ-то легко меня обвинять, а побыли бы въ моей шкурѣ, не то-бъ запѣли...

По инициативѣ Островскаго, въ Московскомъ Маломъ театрѣ учреждены ежегодные пробные спектакли во время сѣзда провинціальныхъ актеровъ Великимъ постомъ. Александръ Николаевичъ очень охотно допускалъ всѣхъ и каждого до этихъ такъ называемыхъ «закрытыхъ» дебютовъ.

Я гостилъ въ Москвѣ какъ разъ въ самый разгаръ пробныхъ спектаклей, когда «испытывали свои малыя силы на большой сценѣ» чуть ли не всѣ захоластные премьеры и премьерши, собирающіеся въ Бѣлокаменной постомъ на обычный актерскій рынокъ.

Какъ-то Островскій говоритъ мнѣ:

— Вы бы заглянули въ театръ, полюбовались бы на дебютантовъ...

— А развѣ это интересно?

— Еще-бы! Въ будущемъ многообѣщающіе...

— А въ настоящемъ?

— Стараются быть многообѣщающими...

— Бываете ли сами-то на этихъ представленіяхъ?

— Нѣтъ...

— Почему?

— Надоѣло.

— Чѣмъ же?

— Безобразіе.

— А будетъ ли ктонибудь изъ нихъ принять?

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же давать имъ дебюты?

— Изъ состраданія...

— Изъ состраданія? Какого состраданія?

— Пусть поразвлекутся постомъ... Это даже, можетъ быть, отъ кутежа отвлечетъ тѣхъ, которые пить люты...

Островскому нравилось напускать на себя болѣзненный видъ. Онъ дѣлалъ страдальческія гримасы, охалъ, стоналъ и въ этомъ доходилъ до того, что вѣрилъ самому себѣ въ страшномъ недомоганіи. Это была вѣчная слабость знаменитаго драматурга, впрочемъ, очень невинная и ни для кого не безпокойная.

На репетиціи своихъ новыхъ пьесъ Островскій часто прѣзжалъ совсѣмъ едва двигавшимся, съ неизмѣнною жалобою на свою застарѣлую хирагру *). Бывало, подойдетъ къ нему ктонибудь изъ артистовъ и, взглядываясь въ его недовольное лицо и въ нервное подергиванье плечъ, сочувственно спроситъ:

— Какъ ваше здоровье, Александръ Николаевичъ?

Островскій начнетъ еще болѣе пожимать плечами, бессильно опуститъ руки, склонитъ голову на бокъ и тихимъ, жалобнымъ голосомъ отвѣтитъ:

*) Болѣзнь рукъ.

— Извините, сейчас ничего не могу вамъ на это сказать... спросите немного погодя... ночью же было худо...

Александръ Николаевичъ любилъ играть въ «винтъ». За картами онъ былъ всегда разговорчивъ, и забавныя выраженія, одно другого лучше, типичнѣе, такъ и слетали съ его языка. Для партнеровъ это было большимъ наслажденіемъ. Сдадутъ ему, бывало, плохія карты, онъ начнетъ усиленно пожимать плечами и ворчать:

— Что же это такое? Что вы мнѣ сдали?.. Это не карты, а слезы... да-съ, слезы и ничего больше... Ни одной представительной физиономіи, — все какія-то аллегоріи. Для гаданья, можетъ быть, онѣ и очень хороши, и пріятны, и насчетъ интереса многое говорятъ, а для винта совсѣмъ негодящія.

Проигрывая игру и отдавая штрафъ противникамъ, Островскій частенько восклицалъ не безъ сердца:

— Боже мой! Что же это такое?.. Какъ я хорошо играю и... какъ при этомъ несчастно. Удивительно, необъяснимо, ужасно!

Когда-то давно на сценѣ Большого театра въ Москвѣ произошелъ за кулисами крупный скандалъ: какая-то служившая при гардеробной французенка-портниха за что-то разобидѣлась на одного изъ администраторовъ и во время энергичнаго съ нимъ объясненія забылась до того, что нанесла ему оскорбленіе дѣйствіемъ. Конечно, она была уволена, дѣлу не дали огласки, но на всѣхъ дверяхъ въ обоихъ казенныхъ театрахъ немедленно вывѣсили объявленіе: «на сцену входъ постороннимъ лицамъ строго воспрещается».

Вскорѣ послѣ этого Островскій приѣзжаетъ въ Малый театръ съ кѣмъ-то изъ артистовъ на считку своей новой пьесы. Входитъ съ актерскаго подъѣзда ¹⁾ и наталкивается на это объявленіе. Перечитавъ его два раза, онъ удивленно спрашиваетъ своего спутника:

— Это что же такое? Никогда прежде ничего подобнаго не бывало? Почему это?

— Это вызвано скандаломъ, случившимся въ Большомъ театрѣ. Вы вѣдь знаете, что тамъ надѣлала строптивая портниха?

— Какъ не знать, — знаю, очень хорошо знаю... Но только помоему это не резонно, подобное объявленіе ни къ селу, ни къ городу. Вѣдь будутъ-то свои своихъ, за что же постороннихъ-то не пускать?

Покойный актеръ Вас. Ник. Андреевъ-Бурлакъ рассказывалъ мнѣ, какъ однажды Островскій дѣлалъ ему выговоръ за одну актрису, дочь извѣстнаго литератора П., служившую подъ режиссерствомъ и распорядительствомъ Бурлака въ частномъ Пушкин-

¹⁾ Съ Неглиннаго подъезда.

скомъ театрѣ ¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что эта барышня не обладала ни красотой, ни дарованіемъ, и къ довершенію всего была лишена яснаго произношенія.

— Какъ же вамъ не стыдно, Василій Николаевичъ, обижать талантливую и милую дѣвицу, да еще къ тому же дочь извѣстнаго и уважаемаго литератора?—сказалъ недовольнымъ тономъ Островскій.—Мнѣ родитель ея на васъ жаловался, и это меня сильно тронуло. Вы буквально ничего не даете ей играть.

— Право, я въ этомъ такъ мало виноватъ,—началъ защищаться Андреевъ-Бурлакъ.—Въ новыхъ пьесахъ она не появляется по желанію авторовъ, которые ни за что не хотятъ назначить ей роли, благодаря ея недостаткамъ, а старыя пьесы, въ которыхъ она могла бы играть, не даютъ сборовъ, да и времени нѣтъ для репетированія ихъ.

— Что за вздоръ! У нея нѣтъ никакихъ недостатковъ...

— А некрасивая наружность? А картавость?

— Всетаки, если бы вы захотѣли, такъ могли бы изъ уваженія къ ея отцу дать ей возможность хоть изрѣдка фигурировать на сценѣ. Кромѣ того, по-моему, она не безъ дарованія, даже съ огонькомъ, да и собой премиленькая...

Затѣмъ разговоръ перешелъ на другіе вопросы. Передъ самымъ уходомъ Бурлака Островскій спросилъ:

— Ну, что новенькаго въ театрѣ?

— Да вотъ намѣреваемся поставить вашу драму «Безприданница». Не угодно ли будетъ пожаловать къ намъ на репетицію и на представленіе.

— Съ удовольствіемъ. Мнѣ, признаться, давно желалось, чтобы вы поставили ее у себя. А кто будетъ играть Ларису? На нее нужна хорошая исполнительница,—это сложная роль.

— Да вотъ кстати: можно будетъ поручить ее дочери П.

Островскій, позабывъ недавніе свои упреки Бурлаку, вдругъ нервно сталъ пожимать плечами и сердито воскликнулъ:

— Да что это вдругъ съ вами сдѣлалось? Съ ума сошли, что ли? Какъ же можно такую отвѣтственную роль поручать П—й! Она хоть и дочь уважаемаго литератора, но фізіономія-то ея какова? Да еще и картавая... Если вы дѣйствительно намѣрены отдать ей Ларису, такъ я не только не приѣду, но убѣдительно прошу васъ и вовсе не ставить моей драмы...

Такъ Александръ Николаевичъ былъ не твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ.

¹⁾ Въ Москвѣ, на Тверской. Дѣло происходило во время антрепризы г-жи Бренко.

XXXVI.

Чтець А. С. Полонскій.—Склонность къ трагизму.—Его любимыя поговорки.—Протезированіе градоначальника.—Хлопоты по устройству на казенную сцену.—Задержка дебютовъ.—Концертъ Манжана въ Михайловскомъ театрѣ.—Цензурированные стихи.—Колоритное чтеніе ихъ Полонскимъ.—Декламаторъ на замѣчаніи министра Тимашева.—Гнѣвъ Ѳедорова.—Переложеніе монолога Чацкаго на Полонскаго.—«Оскорбленный чтець».—Дружба его съ куплетистомъ Монаховымъ.—«Весельчакъ».

Недолгое время служилъ въ труппѣ Александринскаго театра извѣстный всему Петербургу чтець Александръ Сергѣевичъ Полонскій. Одно время онъ былъ въ модѣ и пользовался значительнымъ успѣхомъ, какъ декламаторъ. Не было такой эстрады или частной сцены въ столицѣ, гдѣ бы Полонскій не появлялся. Это былъ непремѣнный участникъ всевозможныхъ концертовъ, даже такихъ, которые устраивались въ Императорскомъ театрѣ. Благодаря этому, онъ былъ знакомъ и друженъ почти со всѣмъ театральнымъ міромъ еще задолго до своего поступленія въ дирекцію.

Собою онъ былъ видный, высокій, статный; имѣлъ склонность къ трагическому репертуару и потому для чтенія выбиралъ стихотворенія исключительно мрачнаго характера. Въ обыкновенномъ разговорѣ онъ любилъ пустить драматическую нотку. Излюбленными его поговорками были двѣ: «Бродяга!» и «Что вы шутите!». Александръ Сергѣевичъ всегда произносилъ ихъ патетически, выразительно и съ паэосомъ.

Его поступленію на сцену предшествовали многія препятствія, не смотря на очень вліятельное протезированіе тогдашняго градоначальника Ѳ. Ѳ. Трепова, который питалъ къ Полонскому большую благосклонность. Онъ за него неотступно ходатайствовалъ въ дирекціи, и, конечно, просьба Ѳедора Ѳедоровича не могла быть не уважена, хотя начальникъ репертуара П. С. Ѳедоровъ высказывался всегда противъ принятія въ составъ драматической труппы этого артиста.

Много перестрадалъ Александръ Сергѣевичъ прежде, чѣмъ окончательно сдѣлался императорскимъ актеромъ. Ему были обѣщаны дебюты, онъ торжествовалъ, радовался, надѣялся, но одно непріятное происшествіе чуть было не разбило всѣхъ его иллюзій, замысловъ и расчетовъ. Дебюты задержались, и едва онъ ихъ совѣтъ не лишился.

Непріятное происшествіе, имѣвшее такое серьезное вліяніе на его карьеру, заключалось въ слѣдующемъ. Великимъ постомъ въ Михайловскомъ театрѣ ежегодно устраивался концертъ въ пользу капельмейстера французской труппы Манжана, который приглас-

силъ къ участію Полонскаго, вскорѣ долженствовавшаго фигурировать въ качествѣ дебютанта на Александринской сценѣ.

Въ день концерта, утромъ, является Александръ Сергѣевичъ въ театрално-литературный комитетъ, въ которомъ я тогда состоялъ членомъ, и, вызвавъ таинственно меня въ приемную, попросилъ представить для немедленнаго разрѣшенія на предметъ чтенія въ концертѣ два довольно извѣстныхъ стихотворенія. Принимая отъ него тетрадь, я освѣдомился, были ли эти стихи въ главной цензурѣ, безъ предварительнаго пропуска которой мы не могли давать никакихъ разрѣшеній.

— Были, они разрѣшены тамъ давно, даже безъ исключеній... У меня имѣется цензурный экземпляръ, да я забылъ его прихватить съ собой.

Повѣривъ ему, я отнесъ стихи въ комитетъ и передалъ просьбу Полонскаго. Сочлены согласились прослушать ихъ сейчасъ же. Я прочелъ, и никто не нашелъ въ нихъ ничего подозрительнаго. Послѣдовало разрѣшеніе. Полонскій остался очень доволенъ скорымъ исходомъ и скрылся.

Вечеромъ же, какъ мнѣ передавали, онъ придалъ такое выраженіе читаннымъ стихотвореніямъ, прочелъ ихъ такимъ тономъ, что произвелъ ими эффектъ совершенно неожиданный и крайне рискованный. Въ креслахъ, недалеко отъ цензора, сидѣлъ министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Е. Тимашевъ, который обратилъ вниманіе на чтеца и спросилъ сосѣда:

- Кто изъ васъ пропустилъ эти стихи?
- Только не я...
- Впрочемъ, они, можетъ быть, и не были у васъ...
- Я сію минуту пройду на сцену и разужнаю.
- Потрудитесь.

Такимъ образомъ дѣло приняло опасный оборотъ. Цензоръ послѣ бесѣды съ декламаторомъ донесъ министру, что дѣйствительно стихи не цензурованы.

Поднялись непріятности. На бѣднаго Полонскаго посыпался градъ тяжкихъ обвиненій, его чуть не величали преступникомъ. П. С. Ѳедоровъ выходилъ изъ себя, кричалъ, ругался и объявилъ рѣшительно, что проштрафившемуся будущему дебютанту не только не бывать на казенной сценѣ, но ему будетъ запрещено выходить чтецомъ даже и на частныхъ. Александръ Сергѣевичъ былъ въ отчаяніи, однако черезъ нѣкоторое, непродолжительное время дѣло это благополучно уладилось, и онъ дебютировалъ хотя позже, чѣмъ первоначально было назначено.

По поводу этого событія было много разговоровъ, шутокъ и остротъ, а одинъ изъ пріятелей неудачнаго чтеца передѣлалъ по этому поводу послѣдній монологъ Чацкаго изъ «Горе отъ ума»,

примѣнная положеніе оскорбленнаго Чацкаго къ положенію несчастнаго Полонскаго. Монологъ этотъ былъ названъ «Оскорбленный чтець»:

Не образумлюсь! Виновать!

И слушаю—не понимаю.

Какъ будто все еще мнѣ дать дебютъ хотять,
Принять въ дирекцію... и гдѣ-то все читаю!
Бродяга я! На что потратилъ столько я трудовъ?!
Ораль, потѣль, дрожалъ! Дебютъ вотъ, думалъ, близко.
Не думалъ я, что могутъ подло и такъ низко
Вдругъ поступить съ чтецомъ изъ всѣхъ чтецовъ.
А вы? Кого изъ дебютантовъ набрали?
Варламова и Петица мнѣ предпочли!
Зачѣмъ меня въ концерты завлекли?
Зачѣмъ читать меня вы безъ цензуры выпускали?!..
Ужели чтеніемъ своимъ я вызвалъ только смѣхъ?
За что же стая рецензентовъ вдругъ ко мнѣ остыла,
И нѣтъ ни отъ кого ни дружбы, ни утѣхъ...
О, Господи! За что судьба такъ подкузьмила?!

При чтеніяхъ моихъ не находили мѣсть,
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ непрерывно,
И вдругъ... въ театрѣ Михайловскій пріѣздъ,
И мой талантъ, и чтенье сдѣлалъ все противно!
Съ Манжаномъ тотчасъ я-бъ сношеніе пресѣкъ,
Въ концертѣ у него не сталъ бы распинаться.
Ну, что вы шутите! Приятно ли дожидаться,
Что Треповъ говоритъ: «онъ вредный человѣкъ!».

Хоть я истерзанъ весь душой и тѣломъ,
Но больше не грущу... и для чего?
Подумайте: что цензоръ? подписи его?
И всякій вздоръ, что вы зовете дѣломъ?
Всѣ куплетисты ваши и чтецы, актеры,
Передо мной годятся развѣ въ полотеры.

Довольно! Съ дирекціей горжуся я своимъ разрывомъ!!

А вы? Вы, старшины собраній благородныхъ¹⁾!

Желаю приглашать Жюдикъ²⁾ съ смазливимъ рыломъ,

Никитиныхъ и Вейнберговъ³⁾ негодныхъ.

Пуускай цензурный, благошравный

Читааетъ передъ вами чтець,

Или какой нибудь подлець

Играетъ за меня актеръ провинціальный «славный»,

А самъ читать предъ вами не намѣренъ.

Не скажутъ обо мнѣ, что глупъ, какъ сивый меринъ.

Теперь не худо-бъ было сряду

¹⁾ Полонскій игралъ и читалъ преимущественно на клубной сценѣ Благороднаго собранія.

²⁾ Извѣстная опереточная пѣвица Жюдикъ не одинъ разъ участвовала въ концертахъ по приглашенію старшинъ Благороднаго собранія.

³⁾ Извѣстные: чтець П. А. Никитинъ и разсказчикъ П. И. Вейнбергъ.

На Рейслера и на Михно¹⁾

Излить всю желчь и всю досаду.
 Зачѣмъ къ Сосновскому²⁾ меня закинула судьба,
 Гдѣ собирается съ провинцій всѣхъ толпа
 Актеровъ, и чтецовъ, и куплетистовъ,
 Чумазыхъ Д....ри³⁾ аферистовъ,
 Іудовъ Вейнберговъ и Л—ныхъ⁴⁾ пьянчугъ,
 Которыхъ бы сослать подальше, въ Кременчугъ;
 Фонъ-Беземановъ⁵⁾ разныхъ, нищихъ Вересаевъ⁶⁾,
 Армянь, жидовъ и нѣмцевъ негодяевъ.

За то, что напугалъ въ концертѣ я цензуру вздоромъ,
 Меня вы дуракомъ прославили всѣмъ хоромъ.
 Вы правы! Попадетъ вѣдь каждый въ желтый домъ,
 Кто съ вами былъ когда нибудь знакомъ.
 Не думалъ я, что ужъ по милости навѣтовъ
 Начнетъ меня бранить градоначальникъ Треповъ.

Скорѣй изъ вашего собранья! удираю,
 Вѣгу, не оглянусь... Изъ Петербурга вонъ!
 Сейчасъ же въ Нижній уѣзжаю
 И съ Волги всѣмъ задамъ трезвонъ!

Какъ подобаетъ трагику, громчѣе, чѣмъ разносчикъ,
 На Невскомъ закричу: «Въ вокзалъ вези, извозчикъ!».

Этотъ монологъ ходилъ по рукамъ въ спискахъ, и самъ Полонскій отъ души смѣялся надъ нимъ, нисколько не претендуя на автора, мило вышутившаго его.

Александръ Сергѣевичъ былъ особенно друженъ съ куплетистомъ Монаховымъ, который, однако, не взирая на пріязнь, безпрерывно бомбардировалъ его своими мѣткими и подчасъ злыми эпиграммами.

Слабостью Полонскаго было, какъ уже упомянуто выше, считать себя трагикомъ, хотя онъ не отказывался ни отъ какихъ ролей. Недолгое время я ставилъ спектакли съ нашими казенными артистами въ Купеческомъ клубѣ. При постановкѣ комедіи «Друзья—пріятели» Полонскій просилъ меня дать ему сыграть какую нибудь роль въ этой пьесѣ.

— Съ удовольствіемъ бы, — отвѣчаю я ему, — но всѣ роли уже распредѣлены и розданы.

— Кому же вы отдали Талазанова?

— Петру Степановичу.

1) Тогдашніе старшины Благороднаго собранія.

2) С. М. Сосновскій, актеръ, завѣдывавшій клубной сценой Благороднаго собранія.

3) Извѣстный актеръ, пѣвецъ и гитаристъ.

4) Фамилія популярнаго любителя.

5) Художникъ и поэтъ, принимавшій дѣятельное участіе въ увеселительной части собранія.

6) Пѣвецъ былинъ.

— Степанову?!—съ ужасомъ воскликнулъ Александръ Сергѣевичъ и съ слезой въ голосѣ добавилъ: — Что же это вы дѣлаете?!
 — Развѣ эта роль ему не подходитъ?
 — Ну, конечно!.. Какое можетъ быть сомнѣніе?!
 — Почему?
 — Эта роль вполне моя. Вѣдь Талазановъ—весельчакъ.
 — А развѣ вы, Александръ Сергѣевичъ, весельчакъ?—спросилъ я съ удивленіемъ, разсматривая его мрачную фѣзіономію.
 — А вы этого не знали? Вотъ такъ-такъ, благодарю покорно!
 Въ общемъ это былъ милый, добрый и отзывчивый товарищъ и чрезвычайно симпатичный человѣкъ, всей душой преданный сценѣ. Его преждевременную смерть оплакивали многіе...

XXXVII.

М. А. Максимовъ.—Его афишное отличіе отъ братьевъ Максимовыхъ.—Острота Ленскаго.—Происхожденіе Максимова.—Исполняемыя имъ роли.—Водевильный любовникъ въ парикѣ.—Актерское самолюбіе Максимова.—Жалобы на начальство.—Ужины послѣ исполненія любимыхъ ролей.—Визитъ къ директору.—«Уголино».—Неудачный спектакль.—Предательскій гоголь-моголь.—Потеря башмака на сценѣ.—Отставка.—Хлопоты о незаслуженной пенсіи.—Моя встрѣча съ нимъ на Невскомъ.—Его восторгъ, что онъ признанъ сумасшедшимъ.—Перевѣздъ въ Одессу.—Его специальное амплуа.—Кстати о фигурированіи военнаго мундира на сценѣ.—Случай съ антрепренеромъ М—вымъ.—Строгій генераль.—Извиненіе передъ обществомъ офицеровъ.

При поступленіи моемъ на Императорскую сцену, между прочими актерами служилъ Михайлъ Андреевичъ Максимовъ, въ слѣдствіи извѣстный владѣлецъ «Русскаго театра» въ Одессѣ, гдѣ онъ не особенно давно умеръ въ очень почтенномъ возрастѣ. На афишахъ онъ значился «М. Максимовъ», въ отличіе отъ знаменитаго Алексѣя Михайловича Максимова 1-го, имѣвшаго еще брата, такъ же актера, Максимова 2-го. По поводу этой афишной отмѣтки прославленный актеръ московскаго театра Д. Т. Ленскій сказалъ однажды кому-то:

— У васъ на петербургской сценѣ есть два хорошихъ актера подъ одинаковымъ именемъ: «ѣмъ Максимовъ» и «пью Максимовъ».

Этотъ каламбуръ будетъ понятенъ, если припомнить слабость Алексѣя Михайловича къ спиртной влагѣ.

М. А. Максимовъ былъ актеромъ «по любви къ искусству». На театральные подмостки онъ забрался безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей, такъ какъ при поступленіи на сцену былъ весьма состоятельнымъ. Михайлъ Андреевичъ происходилъ изъ богатой купе-

ческой семьи Лоскутовыхъ. Свою закулисную карьеру онъ началъ въ провинціи, будучи молодымъ человѣкъ. Я же засталъ его на Александринской сценѣ уже довольно пожилымъ, хотя все еще продолжавшимъ играть молодыхъ повѣсь и вторыхъ любовниковъ, Почему-то режиссеры охотно поручали ему эти подходящія для него роли и совершенно не принимали во вниманіе того, что онъ не только на сценѣ, но и въ жизни постоянно носилъ парикъ, скрывавшій его солидную лысину.

Михаилъ Андреевичъ былъ до смѣшнаго самолюбивъ и щепетилень. Онъ не допускалъ никакихъ «но» при разсужденіи объ его актерскомъ дарованіи, а тѣмъ болѣе не терпѣлъ никакихъ замѣчаній, даже самаго невиннаго свойства, по поводу исполняемыхъ имъ ролей. Онъ считалъ себя выдающимся талантомъ и не признавалъ критики, считая ее неумѣстной, если она не была въ его пользу. Максимовъ вѣчно жаловался на директора, на начальника репертуара, на режиссера, обвиняя ихъ всѣхъ въ интригѣ, въ неумѣннн распоряжаться силами, въ недосмотрѣ. Всегда плакался на то, что его не выпускаютъ въ его лучшихъ и любимыхъ роляхъ, въ которыхъ будто бы онъ могъ имѣть колоссальный успѣхъ и тѣмъ способствовать увеличенію сборовъ. Но зато, когда давали ему сыграть Хлестакова (въ «Ревизорѣ») или Чечоткина (въ вод. «Харьковскій женихъ»), Михаилъ Андреевичъ былъ въ неописуемомъ восторгѣ и послѣ спектакля устраивалъ у себя ужинъ для пріятелей, охотно праздновавшихъ вмѣстѣ съ нимъ эти рѣдкія событія.

Однажды явился онъ къ директору А. М. Гедеонову и сталъ жаловаться на свою горькую участь: хорошихъ ролей не поручаютъ, въ несомнѣнное дарованіе его не вѣрятъ и безъ всякой причины «затираютъ», почему-то опасаясь дать ему ходъ. Гедеоновъ разжалобился и участливо спросилъ:

— Чего же ты хочешь? Прибавки, что ли?

— Зачѣмъ она мнѣ? Я такъ мало работаю, благодаря ненормальному положенію дѣлъ, что скоро не буду стоять и того, что получаю нынѣ. Другое дѣло, если-бъ мнѣ дали возможность проявить свои силы,—тогда, можетъ быть, дирекція и безъ просьбы прибавила бы...

— Такъ чего же тебѣ?

— Предоставьте возможность отличиться. Разрѣшите сыграть роль Нино въ трагедіи «Уголино»?

Директоръ, нимало не споря, разрѣшилъ.

Къ общему удивленію, эту знаменитую пьесу добраго стараго времени поставили въ репертуаръ. Максимовъ торжествовалъ и заранѣе предвкушалъ выдающійся успѣхъ, который долженствовалъ разомъ поднять его закулисные фонды. Наступилъ спектакль, но что это былъ за несчастный спектакль для добродушнѣйшаго Ми-

хаила Андреевича! Прежде всего, совершенно неожиданно для самого себя, свою дебютную роль онъ сыгралъ пьянымъ. Случилось это такимъ образомъ: для подкрѣпленія своего голоса онъ вздумалъ во время спектакля пить «гоголь-моголь», заправлявшійся слишкомъ большимъ количествомъ рома; наглотавшись этого рискованнаго снадобья, онъ захмелѣлъ и чуть ли не съ третьяго акта сталъ путаться въ репликахъ, перевирать роль и, къ довершенію всего, въ одной изъ горячихъ сценъ какъ-то ухитрился потерять съ ноги башмакъ. Въ общемъ, перекофуженный и посрамленный, онъ едва окончилъ спектакль, о которомъ никогда безъ негодованія не могъ вспомнить.

Не видя ничего отраднaго на сценѣ, Михаилъ Андреевичъ началъ настойчиво хлопотать о назначеніи ему полной пенсіи, на которую въ сущности не имѣлъ права, такъ какъ она еще не была имъ выслужена. Однако его старанія увѣнчались успѣхомъ: онъ получилъ «отставку по болѣзни», и потому ему не отказали въ пенсіи. Покинувъ Александринскій театръ, Максимовъ удался на службу въ Одессу, гдѣ обжился, разжился и сдѣлался собственникомъ дорогаго театральнаго зданія.

Вскорѣ послѣ отставки я встрѣтился съ нимъ на Невскомъ проспектѣ. Онъ имѣлъ необычайно восторженный видъ. Дружески расцѣловавшись со мной, Михаилъ Андреевичъ съ присущимъ ему паѳосомъ воскликнулъ:

— Знаете ли, милый другъ, какую радостную вѣсточку я сейчасъ получилъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Мнѣ назначена пенсія! Безъ всякихъ препирательствъ и умаливаній я дѣлаюсь пенсионеромъ... и вѣдь, представьте себѣ, незаконнымъ...

— Поздравляю...

— Спасибо, дорогой!.. Вотъ всѣ бранять Павла Степановича (Федорова), а онъ между тѣмъ превосходнѣйшая, милѣйшая, любезнѣйшая личность. Онъ мой благодѣтель; исключительно только ему я обязанъ тѣмъ, что могу, наконецъ, уѣхать въ Одессу и навсегда покинуть тошный для меня Питеръ.

— Что же такое сдѣлалъ для васъ Федоровъ?

— Какъ что? Онъ далъ обо мнѣ прекрасный отзывъ: онъ призналъ меня сумасшедшимъ и уговорилъ докторовъ подтвердить это. Вотъ, батенька, счастье-то! И если бы не Федоровъ, то мнѣ бы никогда не додуматься до сумасшествія, все бы считалъ себя дуракомъ съ здоровымъ умомъ и твердою памятью.

Во время службы его на императорской сценѣ почему-то всѣ военныя роли всегда поручались ему. Это было его собственное, неотъемлемое амплуа, и нужно отдать ему справедливость, онъ бы-

валъ весьма типичнымъ офицеромъ и умѣло носилъ военный мундиръ.

Кстати. Заговоривъ о «спеціальномъ амплуа» Максимова, я припомнилъ очень характерный эпизодъ изъ жизни извѣстнаго антрепренера и актера М-ва, который однажды перенесъ большія непріятности изъ-за военного мундира. Дѣло происходило въ Саратовѣ, въ началѣ 60-хъ годовъ. М-въ игралъ молодого гарнизоннаго офицера въ пьесѣ П. Д. Боборыкина «Однодворецъ». Офицеръ этотъ выведенъ авторомъ въ непривлекательномъ видѣ: онъ и плутовать, и глумоваться.

Приготовляясь къ постановкѣ «Однодворца», М-въ выпросилъ у одного знакомаго мѣстнаго гарнизоннаго офицера его полную форму, чтобы появиться въ ней на сценѣ. Офицеръ, не задумываясь, одолжилъ ему просимое. Наступилъ спектакль. Въ одинъ изъ антрактовъ вдругъ появляется за кулисами военно-окружной начальникъ и отчетливо грубымъ голосомъ произноситъ, адресуясь къ М-ву:

— Я съ вами въ одномъ полку служить не желаю!

М-въ, не вникнувъ сразу въ смыслъ этой фразы, недоумѣваяще отвѣтилъ:

— Да, кажется, ваше превосходительство, мы съ вами въ одномъ полку и не служимъ.

Начальникъ, еще болѣе возвышая голосъ, повторилъ:

— Я вамъ говорю, что съ вами въ одномъ полку служить не желаю... и это докажу...

М-въ опять что-то хотѣлъ возразить, но генераль смѣрилъ его свирѣпымъ взглядомъ и быстро удалился.

На другой день М-ва экстренно требуетъ къ себѣ губернаторъ. М-въ поспѣшно отправляется къ нему и застаётъ его крайне встревоженнымъ. Не успѣлъ антрепренеръ переступить порога, какъ губернаторъ набросился на него съ упрекомъ:

— Что вы вчера надѣлали въ театрѣ?! Какъ васъ угораздило?! Вѣдь это скандалъ!!

— Какой скандалъ? Что я надѣлалъ?

— Да какъ же не скандалъ, вѣдь вы вчера вышли на сцену въ настоящей гарнизонной формѣ здѣшняго батальона?

— Ну, такъ что-жь?

— А то же, что окружный генераль такъ возмущенъ, что хочетъ объ этомъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства въ Петербургъ. Объ этомъ онъ извѣстилъ меня сегодня рано утромъ. Если вы сію же минуту не поправите дѣла своимъ извиненіемъ, то простите, при всемъ моемъ къ вамъ расположенію, я буду обязанъ пріостановить ваши представленія.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. М-въ прямо отъ губерна-

тора отправился къ генералу и чистосердечно покаялся въ своемъ необдуманномъ поступкѣ.

— Клянусь, ваше превосходительство, что, надѣвая гарнизонный мундиръ здѣшняго баталіона, я не имѣлъ умысла оскорбить его изображеніемъ антипатичной личности. Я позволилъ себѣ надѣть его на себя только потому, что никакого другаго мундира не имѣлъ подъ руками. Вамъ, вѣроятно, не безызвѣстно, какъ скуденъ гардеробъ провинціального театра.

— Не мое дѣло-сь! Для меня лично ваши извиненія не представляютъ никакой цѣнности. Вы должны извиниться передъ всеѣмъ обществомъ гарнизонныхъ офицеровъ, только въ такомъ случаѣ я не прибѣгну къ мѣрамъ строгости. Не угодно ли послѣзавтра въ 10 часовъ утра пріѣхать въ казармы?!

Черезъ день М—въ былъ въ казармахъ. Все офицеры были въ сборѣ. Къ назначенному часу пріѣзжаетъ и грозный генераль.

— Господа, — обратился онъ къ офицерамъ, — вотъ предъ вами тотъ актеръ, который три дня тому назадъ на сценѣ здѣшняго театра фигурировалъ въ мундирѣ нашего полка. Онъ изображалъ офицера съ мерзвѣйшими качествами и этимъ, конечно, нанесъ оскорбленіе всеѣмъ намъ. Теперь онъ проситъ у васъ извиненія. Если вы его не простите, онъ за свой необдуманный поступокъ жестоко поплатится. Я это пообѣщаль ему въ тотъ же вечеръ и, разумѣется, приведу въ исполненіе свое обѣщаніе, такъ какъ я шутить не люблю... Говорите: извиняете вы его, или нѣтъ?

Офицеры смущенно переглянулись. Генераль нетерпѣливо повторилъ:

— Ну, что же, извиняете, что ли, или нѣтъ?

Тѣ въ одинъ голосъ проговорили:

— Извиняемъ!

М—въ облегченно вздохнулъ, и недоразумѣніе это счелъ вполне исчерпаннымъ, но генераль не далъ ему насладиться пріятнымъ впечатлѣніемъ.

— Ну-сь, это дѣло поконченное, — сказалъ онъ, обращаясь къ актеру, — и я очень радъ, что гг. офицеры прощаютъ вамъ вашу оплошность, но это, однако, не освобождаетъ васъ отъ обязанности назвать во всеуслышаніе фамилію того изъ нихъ, который предалъ вамъ свой мундиръ для публичнаго осмѣянія.

Знакомый М—ва, виновникъ этого происшествія, измѣнился въ лицѣ. Опасаясь предательскаго отвѣта, онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, что не ускользнуло отъ глазъ М—ва, котораго вдругъ осѣнило вдохновеніе. Онъ моментально придумалъ такой спасительный отвѣтъ:

— Мундиръ этотъ еще въ прошломъ году полученъ мною въ подарокъ отъ одного изъ бывшихъ здѣшнихъ офицеровъ, который въ настоящее время служитъ гдѣ-то на западѣ...

— Гм! — стиснувъ зубы, прошипѣлъ генераль. — Ну, счастливъ же онъ!

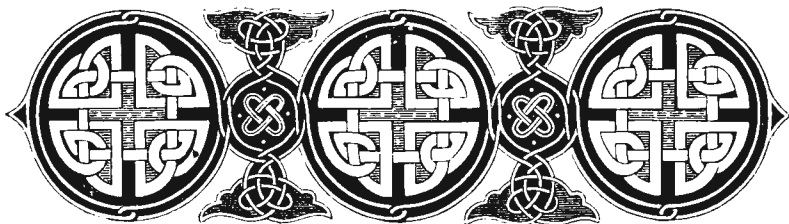
Всѣ офицеры очень хорошо поняли, какимъ счастьемъ обладаетъ ихъ мнимо-отсутствующій товарищъ.

Послѣдствій не было, но съ тѣхъ поръ М—въ сталъ весьма осмотрительнымъ при выборѣ военной формы для появленія въ ней на сцену...

А. А. Нильскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ОЧЕРКИ МОСКВЫ.

I.

Отличительный характеръ древней Москвы. какъ лѣснаго города.—Растрата лѣсныхъ богатствъ подъ Москвой.—Купеческое вліяніе до и послѣ крестьянской реформы.—Чему обязанъ подмосковный округъ сбереженіемъ лѣсныхъ богатствъ.—Измайловскій звѣринецъ.—Лоспинный островъ.—Сокольники.—Волчья долина.—Грабировка.—Разбойничьи шайки.—Танька Ростокинская и преданія о пей.—Теперешній характеръ Сокольниковъ.—Недегальные дачники.—Ихъ отвага и находчивость.—Сокольниковскіе дикари.—Современная Грабировка.

НЗЪ ВСѢХЪ столичныхъ городовъ не только Европы, но и цѣлаго міра, едва ли не одна Москва до сихъ поръ остается близкою сосѣдкой обширныхъ, чуть не первобытныхъ лѣсовъ, подходящихъ къ ней, особенно на ея сѣверной и сѣверо-восточной границѣ, чуть не до самой городской черты.

Это, впрочемъ, и не должно представляться удивительнымъ. Извѣстно, что первопрестольная столица возникала среди дремучихъ лѣсовъ, и что въ долгій періодъ своего медленнаго, строго постепеннаго историческаго роста какъ бы украдкой, шагъ за шагомъ, отнимала у лѣснаго царя пространство за пространствомъ изъ его необъятныхъ владѣній. Несомнѣнное историческое указаніе на это представляютъ множество даже современныхъ прозвищъ, искони присвоенныхъ народомъ различнымъ мѣстностямъ

и урочищамъ города, каковы, напимѣрь: Елохово или Елхово (отъ еловой роши), Ольховцы (отъ ольховой), Подъ вязками (отъ вязовой), на Бору, подъ Боромъ, подъ Вязомъ, Боровицкій холмъ; всѣ эти прозвища безспорно указываютъ на то, что мѣстности, коимъ они присвоены, основались взаимѣнъ вырубленныхъ лѣсовъ и рощъ. Равнымъ образомъ мѣстности: Полянка, Воронцово поле, Гороховое поле, у Троицы въ Поляхъ, у Троицы и у Рождества въ Лужникахъ и т. п.,—указывая на свое, расположеніе среди полей и луговъ, вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно указываютъ и на то, что эти поля и луга заняли мѣсто лѣсной чащи, да и окружены были долгое время ею же. Такимъ образомъ, про Москву можно сказать, что она вся какъ бы поднялась изъ лѣсной чащи, и потому долгое время единственною чертою этого лѣснаго города и были тѣ же лѣса, часть которыхъ уступала свое мѣсто осѣдлымъ жилымъ усадьбамъ постепенно, по мѣрѣ надобности, обусловливавшейся приливомъ въ городъ населенія. Немудрено, поэтому, что и доселѣ не успѣли исчезнуть изъ-подъ Москвы остатки древнихъ дремучихъ лѣсовъ, хотя и вынуждены были, въ силу культурныхъ требованій, отступить на болѣе или менѣе почтительное отъ нея разстояніе.

Не безъ основанія, однако, можно и пожалѣть, что такихъ лѣсовъ осталось не много, и во всякомъ случаѣ не столько, сколько могло бы остаться.

Виною послѣдняго обстоятельства является чрезмѣрная щедрость московскихъ царей, а позже и русскихъ императоровъ и въ особенности императрицъ, до Александра I включительно, въ раздачѣ земельныхъ, а въ томъ числѣ и лѣсныхъ угодій въ видѣ особыхъ наградъ за заслуги отечеству, а то и въ знакъ личной къ своимъ вѣрнымъ слугамъ и любимцамъ милости и расположенія. При этомъ разстояніе жалуемой территоріи отъ столичной принималось въ соображеніе въ томъ преимущественно смыслѣ, что чѣмъ большую предполагалось проявить милость, тѣмъ ближе оказывался и земельный подарокъ къ воротамъ Москвы. Такъ, Кунцево изстари считалось за Нарышкиными, Влахернское-Кузьминки за Голицыными, Ильинское и Никольское за другими Голицыными, Троицкое-Кайнарджи за Голицыными-Прозоровскими, Архангельское за Юсуповыми, Быково за Воронцовыми-Дашковыми, Кусково съ Вишняковымъ и Останкино съ Марьинымъ за Шереметевыми, Перово, Горенки и Петровское за Разумовскими, и т. п. Нельзя сказать, чтобъ всѣ вельможи, столь богато высканные царскими милостями, дорожили этими щедрыми земельными подарками: значительная часть такихъ подаренныхъ имѣній разновременно ушла отъ первоначальныхъ владѣльцевъ въ другія, а то и въ третьи, и въ четвертыя руки, и даже изъ нѣсколькихъ помянутыхъ здѣсь нами наиболѣе обширныхъ владѣній Кунцево,

напримѣръ, съ Филіями и историческою Кутузовскою избой давно уже подѣлено между тремя фамиліями московскаго позолоченаго купечества: Солдатенковыхъ, Солодовниковыхъ и Шелапутиныхъ; Марьино роща, числящаяся при деревнѣ Марьиной и отдѣленная отъ города лишь однимъ Камеръ-Коллежскимъ валомъ, не далѣе какъ въ первой половинѣ истекающаго столѣтія представлявшая собою прекрасный довольно густой лѣсокъ, нынѣшнимъ ея владѣльцемъ, графомъ А. Д. Шереметевымъ, обречена къ совершенному истребленію, распланирована подъ застройку и частію уже застроена, такъ что въ ближайшемъ будущемъ не избѣжитъ судьбы обыкновенныхъ пригородныхъ слободъ, въ родѣ Даниловской, Александровской, Новой Деревни и т. п.; Быково уже на нашей памяти перешло въ руки разбогатѣвшаго желѣзнодорожнаго полковника Ильина, начавшаго свою денежную карьеру съ скромной должности начальника Московской станціи Рязанской желѣзной дороги; Перово, по свѣдѣніямъ извѣстнаго историка московской старины, И. М. Снегирева, столь знаменательное въ семейной исторіи рода графовъ Разумовскихъ, составляетъ собственность купцовъ Гульшиныхъ; Горенки давно уже не принадлежатъ ни Разумовскимъ, ни ихъ свойственникамъ, а Петровское, послѣ цѣлаго ряда владѣльцевъ, смѣнившихъ графа Разумовскаго, находилось даже въ рукахъ нѣмецкаго аптекаря Шульца, пока не сдѣлалось пріютомъ сельско-хозяйственнаго просвѣщенія. Само собою разумѣется, что при каждомъ такомъ переходѣ изъ однѣхъ рукъ въ другія всѣ эти и подобныя имъ земельныя богатства теряли ту или другую часть своей цѣнности, то-есть украшавшихъ ихъ лѣсныхъ угодій, такъ какъ въ то доброе старое время земля съ прикрѣпленнымъ къ ней крестьянствомъ не слишкомъ ходкій товаръ представляла собою на торговой биржѣ, а лѣса, по обилію въ Москвѣ и подъ Москвой всякаго размѣра фабрикъ и заводовъ, и тогда спрашивались коммерческимъ людомъ и съ охотой покупались имъ исключительно, конечно, на вырубку. Ради этихъ цѣлей, какъ извѣстно, покупались купечествомъ, на имя подставныхъ лицъ, даже и цѣлыя помѣстья въ ихъ полномъ составѣ, то-есть не только съ четвероногимъ, но и съ двуногимъ живымъ инвентаремъ, котораго пріобрѣтать лица, не принадлежавшія къ столбовому дворянству, по закону не имѣли права. Такихъ фиктивныхъ купеческихъ помѣстій къ концу 40-хъ годовъ были подъ Москвой цѣлыя десятки, если не сотни, и, конечно, нелегальные хозяева ихъ не церемонились съ тѣмъ товаромъ, изъ-за котораго преимущественно и взваливали себѣ на шею такую тяжелую и рискованную обузу, какъ затрата большаго капитала на предприятие, эксплуатація коего имъ была воспрещена закономъ. Всѣ эти дворяне первой и второй гильдіи безпощадно сводили съ своихъ земель всякую растительность, какая только могла представлять

изъ себя топливо, и, благодаря ихъ усердію въ этомъ направленіи, окрестности Москвы начинали становиться все болѣе и болѣе открытыми, и нерѣдко на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отцы собирали въ густолиственной чащѣ грибы и ягоды, сыновья уже пахали землю подъ посѣвъ, а внуки разбивали гряды подъ огородъ.

Этимъ обстоятельствомъ объясняется, между прочимъ, и то, что Московская губернія вообще, Московскій уѣздъ въ частности и подмосковныя окрестности въ особенности даже ко времени эмансипаціи представлялись, что касается растительныхъ украшеній, значительно оплѣшивѣвшими. Когда же совершилось освобожденіе помѣстнаго дворянства отъ вѣковаго попечительства надъ землей и ея обитателями, состоялась фактическая развѣрстка отношеній между первымъ и послѣдними, и помѣщичье сословіе вдругъ заболѣло эпидеміей абсентеизма изъ своихъ насиженныхъ дворянскихъ гнѣздъ, имъ, какъ извѣстно, овладѣло лихорадочное стремленіе во что бы то ни стало, какъ можно быстрѣе реализовать остатки недавняго дореформеннаго благополучія: началась повальная купля-продажа помѣстій со всѣмъ ихъ даже усадебнымъ и домашнимъ скарбомъ, не говоря уже о сравнительной роскоши, какую представляли лѣса, особенно возбуждавшіе алчныя вожделѣнія покупателей. Когда же въ руки послѣднихъ перешла большая часть помѣщичьихъ лѣсныхъ угодій, началась такая же повальная вырубка лѣсовъ, чтобы выручить на нихъ однихъ затраченные на имѣнія капиталы, а затѣмъ самыя имѣнія съ одною голою землей да не выкорчеванными пнями перепродать за какую бы ни было цѣну въ новыя руки. Чѣмъ кончилась эта лѣсоистребительная горячка для Россіи—извѣстно; въ частности для Московской губерніи, равно какъ и для Московскаго уѣзда, ближайшимъ ея результатомъ явилось то, что дрова стали возить въ Москву не только изъ-за Клина, но даже изъ Твери, и еще въ половинѣ 70-хъ годовъ для московскихъ лѣсопромышленниковъ уже не представлялось нисколько страннымъ арендовать роши, напримѣръ, въ Старицкомъ уѣздѣ, чтобы оттуда, то-есть за 250—300 верстъ, доставлять дрова въ Москву на продажу, тогда какъ лѣтъ пятнадцать раньше 100-верстный путь откуда нибудь изъ окрестностей Клина для грузовъ считался едва выносимой тягостью.

Подъ самую Москву, окрестности которой и раньше уже значительно обѣднѣли частновладѣльческими лѣсными угодьями, эта эпидемія лѣсоистребленія грозила бы, конечно, совершеннымъ исчезновеніемъ всякихъ лѣсонасаженій, если бы, къ счастью для нихъ, онѣ не изобиловали болѣе или менѣе обширными лѣсными угодьями, недоступными для неразборчиваго топора частновладѣльческой собственности.

Дѣло въ томъ, что, не смотря на свою щедрость, ни цари, ни императоры, ни даже императрицы не успѣли раздать всѣхъ своихъ

подмосковныхъ имуществъ въ частныя руки, и какъ московская губернія, такъ и въ частности Московскій уѣздъ доселѣ считаютъ въ составѣ своей территоріи не мало государственныхъ земельныхъ имуществъ, среди которыхъ имѣются и драгоцѣнные заливные луга, и заманчивыя для охотниковъ болота, и безцѣнные, при современномъ лѣсномъ оскудѣніи, весьма значительныя по размѣрамъ, пространства стариннаго, рослаго, но хорошо сбереженнаго лѣса. На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ столицы, на громадномъ, широко раскинувшемся пространствѣ между Петербургскимъ шоссе съ одной стороны и большою Владимірскою дорогою съ другой, частныя земельныя владѣнія то и дѣло чередуются съ государственными имуществами, при чемъ послѣднія рѣзко отличаются отъ первыхъ, почти обнаженныхъ отъ всякой растительности, своими лѣсными богатствами. Если еще и поднесь, проѣзжая по Николаевской желѣзной дорогѣ до Клина и по Ярославской до Троицкой лавры, путешественникъ можетъ нерѣдко услаждать свои взоры созерцаемъ не однѣхъ безконечныхъ равнинъ и болотныхъ кочекъ, а весьма часто и прелестныхъ рощицъ, и прекрасныхъ лѣсовъ, то этимъ онъ преимущественно обязанъ управленію государственными имуществами Московской губерніи, которое свято хранить вѣрныя его попеченію лѣсныя богатства, оберегая и разрабатывая ихъ строго сообразно съ требованіями и указаніями лѣсохозяйственной науки.

Въ окрестностяхъ Ярославской желѣзнодорожной линіи, въ дачахъ Лосинной, Пушкинской, Мытищинской и Тайнинской и нѣсколько правѣе, въ дачахъ Щитниковской и Измайловской, доселѣ, можно сказать, сохраняются безцѣнные лѣсныя богатства. Такъ, напримѣръ, наилучшимъ украшеніемъ Измайловской дачи остается первобытный, исторически славный Звѣринецъ, лѣсъ, раскинувшійся отъ Измайлова на Стромынкѣ до Гиреева на Владиміркѣ, то-есть на пространствѣ въ окружности болѣе 20 верстъ. Нѣкогда онъ былъ любимымъ пріютомъ отдохновенія и развлечения для царя Алексѣя Михайловича, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ и одинъ изъ его дубовъ, его царскою рукою посаженный и теперь привѣтливо укрывающій подъ своими вѣтвями московскую публику, любящую, во время прогулокъ по Звѣринцу, отдохнуть подъ этимъ священнымъ для московскихъ сердецъ деревомъ. И раскинуло свои вѣтви это могучее дерево какъ разъ среди того мѣста, гдѣ, по преданію, помѣщался царскій звѣринецъ, въ которомъ содержались во множествѣ различныя экземпляры звѣриныхъ породъ, какъ поступавшіе съ царскихъ охотъ, такъ и привозимые и присылаемые въ даръ московскимъ царямъ иноземными монархами, послами и гостями.

Расположенъ Звѣринецъ въ полуверствѣ отъ Измайловской военной богадѣльни, которая занимаетъ прежнюю усадьбу Измайловскаго дворца, и въ двухъ съ небольшимъ верстахъ отъ московской

городской черты. Но едва ли пройдет слишком много времени до той поры, когда Москва достигнетъ въ своемъ, непрестающемъ ростѣ, его опушки, ибо сейчасъ за Семеновской заставой, уже за чертой Каммеръ-Коллежскаго вала, возникаетъ пригородная слободка, прибавляя каждый годъ что нибудь новое къ своимъ прежнимъ постройкамъ и все дальше и дальше протягиваясь по Измайловскому шоссе въ направленіи къ Звѣринцу, въ то время какъ опушка Звѣринца, съ другой стороны, хоть и туго, но обстраивается дачами. Въ концѣ концовъ Москва и здѣсь повторить то же самое, что, какъ извѣстно, много разъ совершала въ теченіе своей восьмивѣковой исторіи, и какъ Красное село незамѣтно слилось съ Сокольничьими слободками, раньше отдѣленными отъ него чуть не верстою разстоянія, и такимъ образомъ придвинуло Сокольничью рошу къ самой чертѣ городскихъ построекъ, такъ, вѣроятно, не въ очень далекомъ будущемъ и Семеновскіе выселки, протянувшись по шоссе и встрѣтившись съ Измайловскими дачами лицомъ къ лицу, тѣмъ самымъ придвинутъ Звѣринецъ къ общей сѣти московскихъ поселеній.

И что это будетъ несомнѣнно такъ, въ томъ неопровержимый свидѣтель Лосинный островъ, чуть ли не единственный подъ Москвою остатокъ сѣдой древности, ровесникъ тѣхъ лѣсовъ, среди которыхъ расчищали мѣста для своей осѣдлости первые поселенцы Кучкова поля въ тѣ времена, когда о Москвѣ не было и рѣчи, да и ея самой не существовало.

Лѣсъ этотъ и теперь занимаетъ собою огромную площадь свыше 5.000 десятинъ, слѣдовательно почти такую же, какую занимаетъ современная Москва, и тянется почти правильнымъ, длиннымъ и не особенно широкимъ прямоугольникомъ отъ Москвы до села Большихъ Мытищъ, между Троицкой и Стромьинской большими дорогами, и доселѣ фактически оправдываетъ присвоенное ему охотничье названіе, ибо въ немъ, хотя и не въ изобиліи, а все же несомнѣнно водятся лоси, что доказывается ежегоднымъ появленіемъ ихъ то, съ одной стороны, въ ближайшихъ къ лѣсу селахъ Большевѣ, Большихъ и Малыхъ Мытищахъ, то, съ другой, подъ самою Москвой—въ Гальяновѣ, Черкизовѣ и Богородскомъ, расположенныхъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ островомъ.

По новѣйшей распланировкѣ государственныхъ имуществъ, введенной, если не ошибаемся, не далѣе, какъ въ первой половинѣ истекающаго столѣтія, границы Лосиннаго острова нѣсколько урѣзаны, и ему указано начинаться, со стороны Москвы, отъ долины рѣки Яузы и отъ крутаго холма, на которомъ въ тѣ времена ютилась жалкая деревнюшка Богородское, которое, вмѣстѣ съ Яузой, и сдѣлалось его новою границей. До той же поры островъ подступалъ къ Москвѣ гораздо ближе, ибо, если придерживаться той же терминологіи, и Сокольничья, и Оленья роши,

нынѣ извѣстныя подѣ общимъ наименованіемъ Сокольниковъ, составляютъ не что иное, какъ незначительный мысокъ, выдавшійся изъ громаднаго острова къ самой Москвѣ, и самостоятельное значеніе получили лишь на планахъ да въ официальныхъ бумагахъ министерства государственныхъ имуществъ, въ сущности оставаясь небольшимъ, примкнувшимъ плотно къ Москвѣ, краюшкомъ одного и того же Лосиннаго лѣса.

Но, съ другой стороны, это официальное отдѣленіе Сокольничьей лѣсной колоніи отъ ея Лосинной метрополіи вполнѣ оправдывалось совершенно естественными причинами: Сокольники и сами по себѣ, въ границахъ отъ Яузы до Пятницкаго кладбища и отъ Каммеръ-Колежскаго вала до села Алексѣевскаго, представляютъ площадь въ 520 десятинъ слишкомъ; по сравнительной близости къ Москвѣ, они издавна служили излюбленнымъ мѣстомъ для охотничьихъ развлеченій московскаго двора, а впослѣдствіи удостоились чести сдѣлаться постоянной резиденціей царскихъ соколовъ и оленей; оставаясь тѣмъ же хвойнымъ лѣсомъ смѣшаннаго характера (ель и сосна), какъ и Лосинный лѣсъ, они скоро утратили присущую ему доселѣ дикость и первобытность, и, представляя кратчайшій путь отъ Мытищъ, Ростокина, Свиблова, Леонова и др. сель къ Москвѣ, издавна обзавелись нѣсколькими проѣзжими дорогами, благодаря чему скоро освободились отъ своего первоначальнаго населенія, состоявшаго изъ четвероногихъ хищниковъ-волковъ и прочаго болѣе смиреннаго и мелкаго звѣрья; старинная Волчья долина, близъ теперешняго такъ называемаго Стараго гулянья, куда, по преданіямъ, дошедшимъ до старожилловъ, во времена оны, когда голодовки посѣщали Москву гораздо чаще нынѣшняго, сѣрые четвероногіе рыцари собирались на сходку и откуда предпринимали цѣлыми стаями набѣги на Москву, точно также не долго сохраняла за своимъ прозвищемъ острый практическій смыслъ, оставивъ въ немъ лишь одну память о томъ значеніи, какое раньше имѣла въ ряду московскихъ окрестностей; ее замѣнило другое урочище, которое народъ окрестилъ характернымъ названіемъ Грабиловки.

Столь не двусмысленное прозвище присвоено той мѣстности Сокольниковъ, гдѣ проѣзжая дорога отъ Ростокина къ Москвѣ вступала изъ долины, окаймляющей Яузу, въ лѣсъ, и откуда теперь начинается застроенный сплошь великолѣпнѣйшими дачами шестой просѣкъ отъ Яузы до такъ называемаго парка или круга. Какъ только пролегли чрезъ Сокольничій лѣсъ первые пути сообщенія, такъ они и жили подѣ вліяніемъ постояннаго, чрезъ нихъ направлявшагося, движенія. Это обстоятельство заставило, съ одной стороны, волковъ навсегда покинуть излюбленное ими мѣсто жительства, но съ другой стороны стало привлекать въ Сокольники уже другихъ волковъ, двуногихъ, охотившихся не за па-

далью, а за проѣзжими и прохожими. Бѣгле, бездомовные, преступные и всякихъ другихъ сортовъ подозрительные и темные люди основали постоянные притоны на привольѣ обширнаго лѣса, дѣйствуя то по одиночкѣ, то партіями, то даже цѣлыми дисциплированными разбойничьими шайками, которыя не переводились въ теченіе сряду нѣсколькихъ столѣтій. Деревня Ростокино дала даже одной изъ такихъ шаекъ мужественную и отважную амазонку въ лицѣ крестьянской дѣвки Таньки Ростокинской, которая, въ качествѣ безстрашной и искусной атаманши, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ наводила ужасъ не только на случайныхъ Сокольничьихъ путниковъ, но и на всѣ села и деревни, лежавшія на Троицкой дорогѣ и въ ея окрестностяхъ, и даже на московскіе пригороды, расположенные въ близкомъ сосѣдствѣ съ Сокольничьей рощей, въ первой половинѣ XVIII вѣка. Преданія о ней доселѣ живы среди крестьянства всей этой округи по крайней мѣрѣ на нѣсколько десятковъ верстъ и даже послужили источникомъ поэтическаго вдохновенія для какого-то нескладнаго романиста тридцатыхъ годовъ, который, наслушавшись рассказовъ о знаменитой Танькѣ, не устоялъ противъ соблазна сочинить историческій романъ изъ жизни этой придорожной героини, подъ заглавіемъ: «Танька Ростокинская, или Сокольничій боръ», или что-то въ этомъ родѣ, гдѣ и воспѣлъ, по силѣ по мочи, ничуть не героическія дѣянія полудикой разбойницы и ея сподвижниковъ. Романъ одинаково нелѣпый какъ по содержанію, такъ и по изложенію; что же касается устныхъ преданій о ея героинѣ, то они интересны своими варіаціями: такъ, по однимъ рассказамъ, Танька была содержательницей кабака, основавшагося на Грабиловкѣ, и, конечно, пристанодержательницей; но послѣдняя роль не удовлетворяла ея предприимчивости и алчности, и она, не довольствуясь грабежами и насиліями, совершаемыми въ нѣдрахъ ея притона, будто бы частенько мѣняла кабацкую стойку на коня, водила подъ своею командой цѣлыя толпы разбойничьяго люда на вооруженные грабежи, возвращалась съ болѣе или менѣе богатою добычей и снова отдыхала за стойкой до новой экскурсіи. По другимъ; она была независимой ни отъ какихъ житейскихъ заботъ предводительшей заправской разбойничьей шайки, не имѣвшей ничего общаго съ презрѣннымъ постояннымъ кабацкимъ отребьемъ Грабиловки, и всѣ отношенія къ ней ограничивала тѣмъ, что въ ея кабакѣ держала военные совѣты съ главнѣйшими вожакими своей шайки, опредѣляла планъ и детали предстоящаго похода и, по возвращеніи изъ него, производила дѣлежъ добычи между своими вѣрными слугами, обижая ихъ при этомъ случаѣ самымъ безсовѣстнымъ манеромъ. Наконецъ, существуетъ и третій вариантъ, который подтверждаетъ и атаманскую дѣятельность Таньки, и хазійничанье ея въ кабакѣ, но только не въ Грабиловскомъ, а въ

Ростокинскомъ, находившемся, будто бы, въ домѣ ея отца, на краю деревни, около тропинки, которая вела черезъ такъ называемый Лихой боръ въ сосѣднюю деревню, и до сихъ поръ носящую названіе Лихоборы: прозвища эти народная молва и объясняетъ именно дѣятельностью Таньки, во времена которой этотъ боръ и сдѣлался лихимъ, давъ свое имя и расположившейся позади его деревушкѣ.

Какъ бы то ни было, а во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что и Танька съ своею шайкой существовала, и Грабиловка съ своимъ кабакомъ процвѣтала на страхъ прохожимъ и проѣзжимъ, и Сокольничій лѣсъ былъ постояннымъ пріютомъ грабителей и разбойниковъ. И что, при этомъ, замѣчательно: тотъ же характеръ сохранился за Сокольниками и до сихъ поръ. Вся разница въ томъ, что вышесказанныя явленія, такъ сказать, размѣнялись на мелочь и измѣнились сообразно новымъ условіямъ времени и быта. Нѣтъ, конечно, ни легендарныхъ Танекъ съ ихъ грандіозными шайками: почти весь лѣсъ изрѣзанъ вдоль и поперекъ и шоссейными дорогами, и прекрасными аллеями, застроенъ богатыми дачами; для лѣсной чащи съ каждымъ годомъ остается все меньше и меньше мѣста; о глухо заросшихъ мѣстахъ осталось одно лишь воспоминаніе: постоянно слышится въ немъ то звонокъ конки, то стукъ экипажей и дилижансовъ, то громаханье и скрипъ воевъ; народъ кипитъ съ утра до ночи, полицейская стража въ изобиліи. Но... горе той дачницѣ, которая вздумаетъ отойти отъ своего жилища въ глубь рощи хотя бы на четверть версты: если она одна, то рискуетъ въ девяти изъ десяти случаевъ встрѣтиться съ однимъ, а то двумя-тремя такими кавалерами, костюмировка которыхъ мгновенно напоминаетъ вамъ индѣйцевъ Америки и дикарей Африки, а воинственная осанка располагаетъ къ добровольной передаче имъ всего находящагося при васъ лишняго имущества. Горе и тому усталому путнику, который вздумаетъ отдохнуть на зеленой травкѣ подъ отраднымъ навѣсомъ вѣковыхъ сосенъ и елей: онъ рискуетъ проснуться если не безъ одежды, то по крайней мѣрѣ безъ шапки и сапогъ. Благодаря тому, что на пространствахъ слишкомъ 500 десятинъ частыя полицейскія облавы затруднительны, да и успѣхъ ихъ проблематиченъ, въ Сокольникахъ, съ ранней весны до поздней осени, бокъ-о-бокъ съ осѣдлыми дачниками, наслаждается истинно вольнымъ воздухомъ, не стѣсняемое ни крышею, ни стѣнами, ни даже плотною одеждой, цѣлое дачное населеніе, перекочевывающее подъ зеленую сѣнь изъ московскихъ ночлежныхъ труппъ: чередуя свой вѣчный досугъ то визитами въ Москву на заработки, то засѣданіями по ближайшимъ къ рощѣ кабакамъ, то, наконецъ, прогулками по наиболѣе укромнымъ уголкамъ лѣса, эти оригинальные дачники на подобныхъ прогулкахъ, конечно, не могутъ упустить случая, чтобъ не воспользоваться за-

работкомъ, если таковой представляется, и не проходить ни одного лѣта, чтобы не повторилось по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ случаевъ попутнаго ограбленія этими нелегальными дачниками, во время ихъ прогулокъ по рощѣ, дачниковъ и дачницъ, хотя совершенно легальныхъ, но не въ мѣру отважныхъ, забывающихъ спасительную осторожность и позволяющихъ себѣ заходить далеко за черту своей дачной осѣдлости. Извѣстенъ анекдотъ объ одной такой дачницѣ, попавшей даже въ юмористическую московскую печать въ видѣ карикатуры, какъ она, ушедши по крайней мѣрѣ за полверсты отъ своего жилища, въ совершенно безлюдной чащѣ имѣла неприятность встрѣтиться съ полураздѣтымъ незнакомцемъ и на заявленное имъ категорическое требованіе кошелька, часовъ съ цѣпочкой и бархатной накидки отвѣчала не безропотнымъ повиненіемъ, а предостереженіемъ грабителю въ томъ смыслѣ, что она будто бы не одна, и что за ней слѣдуютъ еще двое мужчинъ изъ ея же компаніи. Въ отвѣтъ на это заявленіе лѣсной рыцарь, загадочно потрясая огромною дубиной, съ своей стороны объяснилъ, что и я, дескать, барыня, здѣсь не одинъ, еще вонъ шестеро въ кустахъ сидятъ. Смѣемъ увѣрить, что это не анекдотъ, а истинное происшествіе, случившееся, при томъ, отнюдь не при царѣ Горохѣ, а всего какихъ нибудь десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, съ одною замоскворѣцкою купчихой, фамилію которой намъ называли, да и доселѣ ежегодно повторяющееся не одинъ разъ съ тѣми или другими вариациями.

Держа, такимъ образомъ, всю рошу подъ своимъ неусыпнымъ наблюденіемъ, а дачниковъ въ границахъ надлежащей осторожности, босоногіе золоторотцы для успѣшнѣйшаго достиженія этихъ цѣлей устраиваютъ себѣ и постоянныя квартиры въ предѣлахъ самой рощи, въ томъ ея участкѣ, который выходитъ къ Пятницкому кладбищу, окружая свои дачныя помѣщенія извѣстными удобствами, необходимыми для сколько нибудь комфортабельнаго существованія. Такъ напримѣръ, въ 1889 году, въ концѣ лѣта, послѣ того какъ въ весьма краткій періодъ времени множество дачниковъ провинились слишкомъ неблагоразумною отвагой и понесли за то заслуженное наказаніе, мѣстная полиція вынуждена была произвести внезапную и строжайшую ревизію всей Сокольничьей рощи: что же оказалось въ результатѣ этой ревизіи? Цѣлая толпа разутыхъ и полураздѣтыхъ, совершенно дикообразныхъ субъектовъ обоого пола, изможденныхъ въ одно и то же время и пьянствомъ, и голодомъ, а отчасти и холодомъ августовскихъ ночей, какъ бы нѣкое дикое племя, обитала въ Пятницкомъ участкѣ рощи, прячась по вырытымъ въ землѣ обширнымъ ямамъ, предаваясь въ нихъ отдохновенію, варя себѣ пищу въ котелкахъ, подкрѣпляя силы въ окрестныхъ кабакахъ Сокольничьей слободки, и работая то въ самой рощѣ, то уходя на подходящія заработки въ

городъ—обитала никому оффициально невѣдомая, нигдѣ не зарегистрированная, никакимъ властямъ не подвѣдомственная. Нечего и говорить, что какъ только племя этихъ дикарей было выселено съ лѣтнихъ своихъ становищъ, то грабежи и разбои въ Сокольникахъ сейчасъ же и прекратились, и на тотъ разъ, за близостью осени, опять и не возобновлялись.

Что касается Грабиловки, то она сохранилась не только въ видѣ мѣстности съ этимъ названіемъ, но и въ видѣ полного комплекта торговыхъ заведеній: овощной, мясной, булочной и винной лавокъ, съ трактиромъ, конечно, во главѣ. Трактиръ этотъ, прямой потомокъ грабиловскаго кабака, до послѣдняго времени и репутацію сохранялъ за собою похожую на ту, какую оставилъ въ народной памяти его предокъ, служа пріютомъ для московскихъ и подмосковныхъ кутилъ низшаго разбора въ такъ называемой «дворянской половинѣ» своей, и для простонароднаго отребья въ своемъ «русскомъ (или черномъ) отдѣленіи».

Съ проведеніемъ конно-желѣзной дороги, ему, однако, пришлось значительно измѣнить свою фізіономію, и подтянуться и подчиститься если не внутренне, то по крайней мѣрѣ по наружности, ибо черезчуръ уже люднымъ пунктомъ сдѣлалась прежняя пустынная и полудикая Грабиловка, ставшая центромъ, отъ котораго во всѣ стороны рощи радіусами протягиваются и проѣзжія шоссированныя дороги, съ непрекращающимся отъ ранняго утра до глубокой ночи движеніемъ, и рельсовая линія конки, и нѣсколько просѣковъ, сплошь застроенныхъ дачами и густо населенными, и прочно охраняемыми.

II.

Сокольники въ до-Петровской Москвѣ. — Охотничьи развлечения московскихъ царей. — Охотничій Урядникъ. — Соколиная охота. — Преданіе о мученикѣ Трифонѣ. — Администрація соколиныхъ охотъ. — Ударъ охотничьимъ развлеченіемъ. — Преданіе о Петрѣ Великомъ и боярахъ. — Сокольники послѣ Петра. — Нѣмцы въ качествѣ создателей майскаго гулянья. — Постоянныя гулянья въ Сокольникахъ. — Самоварницы. — Начало дачной жизни въ Сокольникахъ. — Дача Ростопчина. — Танцевальный вокзалъ Куртенера. — Пятницкая дорожка. — Собственныя скамейки. — Сокольничій паркъ. — Чиншевики въ Оленьей рощѣ, на Ширяевомъ полѣ и въ шестомъ просѣкѣ. — Сокольничій храмъ св. Тихона Задонскаго. — Его разрушеніе и построеніе вновь. — Продолжающійся ростъ Сокольничьяго лѣснаго городка. — Что осталось отъ древняго Сокольничьяго бора.

Извѣстность и даже славу пріобрѣтаетъ Сокольничья роща одновременно съ утвержденіемъ Московскаго царства и съ укрѣпленіемъ на его тронѣ сначала Рюриковой, а затѣмъ Романовской династіи.

Охота по естественнымъ причинамъ была для московской Руси

искони неизбѣжнымъ и излюбленнымъ занятіемъ, и, какъ истинные представители и вожди своего народа, московскіе князья и цари были первыми ея любителями.

Понятно, что когда они, съ ослабленіемъ, а затѣмъ и совершеннымъ прекращеніемъ опасностей, грозившихъ изъ татарской орды, могли вздохнуть посвободнѣе и посвящать свои досуги не на однѣ только политическія заботы объ обезпеченіи себѣ и своему народу безопасности отъ татарскихъ набѣговъ и опустошеній, первое, на что они употребили этотъ излишекъ досуга, была охота.

Точно также и при новой династіи, какъ только гроза смутнаго времени миновала и уступила мѣсто прочному порядку, внѣшнему миру и внутреннему благосостоянію, охота опять среди царскихъ досуговъ выступаетъ на первый планъ. Въ гуманнѣйшемъ и миролюбивѣйшемъ наслѣдникѣ народнаго избранника, Алексѣѣ Михайловичѣ, мы видимъ страстнаго любителя охотничьихъ развлеченій, страстнаго до педантизма, если вспомнить, что этотъ царственный законодатель, наряду съ своимъ безсмертнымъ Уложеніемъ, трудился и надъ составленіемъ свода, такъ сказать, охотничьихъ законовъ, въ своемъ охотничьемъ Урядникѣ собравъ всѣ правила, касающіяся многоразличныхъ видовъ охоты.

Но и помимо его личнаго къ ней расположенія, какъ къ развлеченію, этотъ фактъ, что относительно охоты государь имѣлъ возможность составить цѣлый сводъ постановленій, и главное, что въ подобномъ сводѣ ощущалась надобность и предполагалась польза, несомнѣнно указываетъ на то, что въ эту эпоху московской исторіи охота была и развлеченіемъ, и промысломъ любимыми, весьма распространенными и популярными, имѣвшими за собою массу преданій.

И дѣйствительно при этомъ второмъ царѣ новой династіи мы уже находимъ подъ Москвой и специальный Звѣринецъ, и Лосинный лѣсъ, и Оленью рощу, и Сокольничью рощу, обѣ съ слободами на ихъ опушкѣ, и вдобавокъ къ тому въ самой Москвѣ цѣлый поселокъ Кречетниковъ.

А послѣднія два обстоятельства, въ связи съ извѣстнымъ преданіемъ о мученикѣ Трифонѣ, спасшемъ отъ страшнаго гнѣва царскаго неизвѣстнаго по имени боярина, которому грозила по крайней мѣрѣ опала, если не что либо еще худшее, за утрату любимаго царскаго сокола, — указываютъ и на то, что въ ряду различныхъ видовъ охоты, соколиная была одною изъ любимѣйшихъ и пользовалась наибольшимъ значеніемъ, и на то, что болѣе или менѣе значительной степени развитія достигла много раньше временъ Алексѣя Михайловича, ибо ни въ его царствованіе, ни въ царствованіе его родителя не было указаннаго происшествія съ бояриномъ, да и церковь мученика Трифона, что въ Напрудной слободѣ, созданная этимъ бояриномъ въ память чудеснаго засту-

плениа за него угодникомъ Божимъ, уже существовала при первыхъ двухъ царяхъ новой династiи. Слѣдовательно, случай этотъ нужно отнести къ эпохѣ, предшествовавшей смутному времени, а отсюда заключить, что и въ тѣ времена именно соколивая охота процвѣтала въ ряду прочихъ ея видовъ, ко временамъ же Алексѣя Михайловича достигла еще болѣе высокой степени значенiя и наибольшаго развитiя.

И дѣйствительно мы видимъ, что для управленiя надъ царскими соколами создано уже чуть не цѣлое маленькое министерство; для наблюденiя и ухода за ними учрежденъ цѣлый особый классъ специальныхъ служилыхъ людей разныхъ ранговъ; люди эти поселены въ особыхъ слободкахъ возлѣ лѣсной резиденци, которая устроена для любимой царской птицы въ огромной прекрасной рощѣ, расположенной рядомъ съ той, гдѣ содержались придворные олени, привозимые и присылаемые въ даръ московскому двору отъ его сѣверныхъ подданныхъ Архангельскаго и Печорскаго края.

Выше мы уже упоминали, что подъ общимъ наименованiемъ Сокольниковъ разумѣются двѣ рощи, собственно Соколиная и Оленья. Теперь, за исчезновенiемъ и оленей, и соколовъ, это раздѣленiе потеряло практической смыслъ, но историческое значенiе за нимъ сохраняется: собственно Оленью рощю была въ тѣ времена та часть Сокольничьяго лѣса, которая отъ заставы и Ширяева поля расположена вправо, къ сторонѣ Сокольничьяго поля, Преображенскаго и Богородскаго; лѣвая же сторона, считая отъ заставы и Ширяева поля, выходящая къ Троицкому шоссе и Пятницкому кладбищу, и составляла рощу собственно Сокольничью, и проѣзжая дорога отъ заставы черезъ Ширяево поле на Грабировку и составляла нѣкогда ея границу отъ Оленьей рощи.

Что царскiя охоты въ Сокольникахъ справлялись каждый разъ съ большею или меньшею торжественностью; что каждая такая охота считалась придворнымъ событiемъ и обставлялась болѣе или менѣе параднымъ церемонiаломъ, напрягавшимъ нервы тогдашней придворной боярской знати въ высшей степени, это извѣстно. Извѣстно и то, какъ великiй Петръ, еще на разсвѣтѣ юности, однимъ ударомъ своей несокрушимой дѣловой логики убилъ это традиционное боярское раболовное воззрѣнiе на охоту, насмѣявшись надъ нею, какъ надъ праздною потерей времени, недостойною взрослыхъ и разумныхъ людей. Преданiе гласитъ, что однажды онъ, къ великой радости державшагося прежнихъ традицiй боярства, изъявилъ, наконецъ, согласiе принять участiе въ охотѣ и предводительство ею; что масса боярской знати, въ богатыхъ охотничьихъ костюмахъ и украшенiяхъ, съѣхалась въ Красное Село, на обширное поле передъ Сокольничьею рощю; что долго ей пришлось дожидаться царственнаго распорядителя этимъ желаннымъ празднествомъ, и что,

когда онъ прибылъ изъ своего милаго Преображенскаго, то охота все-таки не состоялась. Не состоялась потому, что юный царь, вмѣсто открытія торжества, обратился къ боярамъ, въ большинствѣ мужамъ зрѣлымъ и пожилымъ, съ энергической рѣчью, смыслъ которой сводился къ тому, что предположенное времяпрепровожденіе представляетъ лишь «много шума изъ пустяковъ», и что не пристойно на подобные пустяки тратить столько и притомъ столь драгоценнаго предмета, каково время, которое можетъ и должно быть употребляемо на дѣла, и для отечества, и для народа болѣе полезныя.

Этотъ мѣткій ударъ по боярскимъ охотничьимъ симпатіямъ и вождѣльнѣямъ имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что боярство болѣе уже и не заикалось о восстановленіи при Петровомъ дворѣ придворныхъ охотъ въ ихъ недавнемъ блескѣ, а съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ новыя воззрѣнія начали все болѣе и болѣе, хотя и незамѣтно, вѣдаться въ его собственное міросозерцаніе, бояре и сами стали охладѣвать къ охотничьимъ забавамъ, какъ къ развлеченію, отжившему свой вѣкъ.

Само собою разумѣется, что съ этого времени и судьба Сокольниковъ лѣса должна была круто измѣниться: его поляны перестали оглашаться зычными кликами охотниковъ, проживавшіе въ слободахъ на его опушкѣ придворные сокольники обречены были кончать свой вѣкъ въ заброшенныхъ избушкахъ и въ абсолютномъ бездѣйствіи, и самому лѣсу грозила бы, можетъ быть, печальная участь быть или вырубленнымъ, или проданнымъ, или подареннымъ въ частную собственность; къ счастью для него, за прежнее время процвѣтанія соколиной охоты, онъ успѣлъ пріобрѣсти такую славу, что съ именемъ Сокольниковъ стало соединяться представленіе какъ бы о чемъ-то священномъ, не доступномъ ни для какихъ и ничьихъ посягательствъ, заповѣдномъ.

Такъ въ этомъ качествѣ заповѣднаго Сокольниковъ лѣсъ, вмѣстѣ съ своимъ родоначальникомъ Лосиннымъ и Измайловскимъ, сохранившимъ древнее имя Звѣринца, безмятежно и простоялъ въ теченіе всего прошлаго столѣтія; въ нынѣшнемъ же, когда возобладали болѣе разумные взгляды на государственное имущество, а по мѣрѣ оскуднѣнія лѣсныхъ богатствъ, они стали считаться наилучшимъ украшеніемъ и главнѣйшею цѣнностью этихъ имуществъ, Сокольники сдѣлались, понятно, предметомъ наиболѣе рачительнаго попеченія со стороны завѣдывающаго ими вѣдомства: въ нихъ введено было рациональное лѣсное хозяйство, охранявшее многолѣтнюю лѣсъ отъ истощенія, обновлявшее его новыми насажденіями и постепенно способствовавшее ему пріобрѣтать все болѣе и болѣе популярность въ столичномъ населеніи.

Этому, впрочемъ, не мало помогла и Нѣмецкая слобода Петровскихъ временъ: многочисленная нѣмецкая колонія, не стѣсняемая

въ свободѣ слѣдовать обычаямъ своей родины, немедленно обратила на Сокольники свое вниманіе, какъ на мѣсто, въ высшей степени удобное для привольнаго празднованія традиціоннаго нѣмецкаго праздника весны, который и стала справлять ежегодно 1 мая. А такъ какъ москвичи, въ качествѣ славянъ вообще и русскихъ въ частности, испоконъ вѣка уличаются въ подражательности, то и не мудрено, что черезъ самый короткій срокъ времени майское гулянье въ Сокольникахъ сдѣлалось, изъ специально нѣмецкаго, общенароднымъ и популярнѣйшимъ гуляньемъ для всей Москвы.

Первоначально москвичи чтили Сокольники лишь 1-го мая, и въ этотъ день съѣзжались и сходились въ рощу со всѣмъ необходимымъ для *dejeuners-champêtres* домашнимъ скарбомъ: самоварами, чайной посудой, питьями и яствами. Потомъ, когда Сокольники сдѣлались мѣстомъ постоянныхъ загородныхъ прогулокъ москвичей въ теченіе всего лѣта, въ той части рощи, которая прилежала къ слободкѣ бывшихъ сокольниковъ, естественно образовалось повседневное майское гулянье въ миниатюрѣ: женское населеніе слободки выносило каждое утро въ рощу самовары съ чайными приборами и предлагало ихъ гуляющей публикѣ за условленный гонораръ, который не могъ быть слишкомъ высокимъ уже потому, что самовары кипятились не углями, а ихъ бесплатнымъ суррогатомъ въ видѣ еловыхъ шишекъ, въ изобиліи покрывавшихъ всю территорію рощи. Путемъ столь же естественнаго спроса возникла въ рощѣ и разносная торговля различной снѣдью: яйцами, ветчиной, рыбой, огурцами и лакомствами незатѣливаго калибра, и развивалась тѣмъ быстрѣе, что барыши давала гораздо больше, ибо имѣла дѣло съ народомъ гуляющимъ, приходившимъ для того, чтобы повеселиться, слѣдовательно располагавшимъ вольными деньгами. Позже завелись въ рощѣ и постоянные торговцы, раскидывавшіе гдѣ нибудь подъ кущей дырявыя палатки со всевозможными предметами существовавшаго въ Сокольникахъ спроса, отъ колбасы и пряниковъ до дѣтскихъ игрушекъ и тросточекъ включительно.

Все это больше и больше располагало вкусы и простонародья, и среднихъ кружковъ московскаго общества къ Сокольникамъ, какъ къ привольному мѣсту гулянья, а прекрасная, обширная и въ то время еще очень густая роща, раскинувшаяся на нѣсколько верстъ въ окружности, манила къ себѣ людей болѣе достаточныхъ на постоянное пребываніе въ теченіе лѣтняго сезона. Къ послѣднему представляли немалое удобство домики придворныхъ служителей, доживавшихъ свой вѣкъ, за уничтоженіемъ охоты, въ Сокольничьей слободкѣ на весьма скудномъ казенномъ иждивеніи: каждый изъ нихъ готовъ былъ, для увеличенія денежныхъ средствъ, переселиться на лѣто хоть въ коровникъ или сарай, если только Богъ

посылалъ ему временнаго жильца изъ городскихъ жителей. Такимъ образомъ у опушки Сокольничьей роци намѣчался обстоятельствами дачный поселокъ, который во второй четверти текущаго столѣтія разросся во множество улицъ и переулковъ на протяженіи почти двухъ верстъ отъ Краснаго Села до Сокольничьей заставы и отсюда далѣе до слободки, носившей и доселѣ носящей названіе Тишины и расположенной у береговъ Яузы, на мѣстѣ, какъ гласитъ преданіе, древней Преображенской придворной усадьбы съ ея знаменитымъ Преображенскимъ дворцомъ. Дворянская знать, послѣ отечественной войны во множествѣ наѣхавшая въ Москву для постояннаго жительства, точно также оказала справедливое вниманіе лѣтнимъ прелестямъ Сокольнической дачной жизни, и та ея часть, которую почему либо не привлекали ея дальнія помѣстья, такъ же начала гнѣздиться въ Сокольничьихъ слободкахъ, съ легкой руки знаменитаго графа Ростопчина, какъ извѣстно, весь тяжелый періодъ времени передъ отдачей Москвы французамъ проживавшаго здѣсь на обширной дачѣ, поступившей послѣ того въ собственность гг. Митьковыхъ, во владѣніи которыхъ она и находилась до послѣдняго времени.

Мало-по-малу Сокольники сдѣлались мѣстомъ если не аристократическаго, тѣмъ не менѣе моднаго гулянья, и пріютомъ дачниковъ если и не изъ высшаго круга, то во всякомъ случаѣ изъ зажиточнаго дворянства, чиновничества и купечества. Не подальку отъ лѣсной опушки, немного не доходя исторической Волчьей долины, о которой мы уже имѣли случай упомянуть, выстроилось нѣчто въ родѣ вокзала, деревянное продолговатое зданіе, напоминавшее обыкновенный сарай и стоявшее въ глубинѣ обширнаго песчанаго двора, съ котораго тщательно была удалена всякая растительность. Сарай предназначался для танцевъ, а дворъ для прогулки нетанцующей публики; два раза въ недѣлю въ этомъ загонѣ, огороженномъ отъ роци деревянною рѣшеткой и получившемъ, по имени перваго антрепренера-нѣмца, названіе Куртеновскаго, устраивались танцевальные вечера, на которые приглашался оркестръ бальной музыки, а иногда хоръ военныхъ музыкантовъ. Молодежь отплясывала на этихъ балахъ съ величайшимъ воодушевленіемъ и собиралась въ такомъ количествѣ, что Куртеновъ терялъ счетъ собираемымъ за входъ рублямъ, а танцы, независимо отъ сарая, устраивались и на всемъ пространствѣ во дворѣ. Пятницкая дорожка, пролегавшая мимо загона и названная такъ потому, что направлялась черезъ всю роцу къ Пятницкому кладбищу, кишѣла во все время танцевъ гуляющими, совершавшими чужое веселье сквозь рѣшетчатую загородку и наслаждавшимися даровой музыкой. Чтобы обставить это бесплатное удовольствіе возможными удобствами, постоянные жители Сокольничьей слободки, равно какъ и ихъ квартиранты-дачники, завели собствен-

ныя скамейки, которыми въ нѣсколько рядовъ и устали всю широкую аллею передъ танцевальнымъ плацомъ, а чтобы не разсаживаться по чужимъ мѣстамъ, каждый отмѣчалъ свое сѣдалище своими именемъ, отчествомъ и фамиліей, и мы помнимъ, напри- мѣръ, скамьи съ надписями: А. Я. Булгаковъ, В. А. Лукьяновъ, С. А. Протопоповъ, и т. п. Когда же любители дароваго топлива перестали принимать въ уваженіе эти указанія, и скамейки стали пропадать, не смотря на свои отмѣтки о принадлежности такому-то или такому-то лицу, собственники ихъ завели въ складчину и сторожа, котораго обязанность была въ теченіе всего лѣтнаго сезона спать ночью на одной изъ скамеекъ и богатырскимъ храпомъ поощрять и соблазнять смѣльчаковъ къ похищенію скамеекъ чуть не изъ-подъ спавшихъ на нихъ сторожей. И дѣйствительно рассказы- вали анекдотъ, какъ однажды скамейку, вмѣстѣ съ храпѣвшимъ на ней сторожемъ, бережно подхватили четыре дюжія руки, сволокли къ Сокольничьей заставѣ, и тамъ, прикрѣпивъ къ ней спавшаго сторожа веревками, приперли ея полицейскую будку, въ которой, въ свою очередь, мирно храпѣли три будочника. И только подъ утро, благодаря проѣзжавшему дозоромъ казацкому пикету, обнаружена эта двойная шутка, при чемъ, впрочемъ, казакамъ пришлось будить какъ всѣхъ трехъ будочниковъ, такъ и привязаннаго къ скамѣ, кверху брюхомъ, сторожа.

Съ теченіемъ времени гулянье на Пятницкой дорожкѣ становилось все болѣе и болѣе многолюднымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря близкому сосѣдству съ самоварницами, принимало слишкомъ ужъ простонародный оттѣнокъ: тогда уѣздное лѣсничество, завѣдывавшее рощей, выбрало для чистой публики другой пунктъ, правѣ Пятницкой дорожки, близъ Сокольничьей заставы, въ самомъ узлѣ, изъ котораго распозались по всѣмъ направленіямъ рощи радіусами правильные просѣки, разбило вокругъ него прекрасный паркъ и въ центрѣ его поставило массивную бесѣдку для музыкантовъ, окруженную двумя рядами удобныхъ и помѣстительныхъ скамеекъ. Вся чистая публика немедленно перекочевала въ этотъ новый паркъ или кругъ, какъ его доселѣ называютъ, предоставивъ Пятницкую дорожку разночинцамъ, купцамъ, мѣщанамъ и мастеровымъ; съ этого времени Пятницкая дорожка получила названіе Стараго гулянья, и сдѣлалась еще многолюднѣе, хотя Куртеновскій вокзалъ и началъ одновременно съ тѣмъ упадать, привлекая все меньше и меньше публики на свои вечеринки.

Одновременно съ устройствомъ парка предпринята была и задача въ чиншевую аренду, подъ постройку дачъ, участковъ земли со всѣми на нихъ произрастеніями, и первый разъ произведена была на территоріи Оленьей рощи, вправо отъ Ширяева поля, въ треугольникѣ мѣстности, ограниченной этимъ послѣднимъ, рѣкою Яузой и Камеръ-Коллежскимъ валомъ. Скоро вся эта мѣстность

была застроена прекрасными дачами, прорѣзана нѣсколькими прочными дорогами и потеряла всю свою первобытную дикость, какою дотолѣ отличалась. Вслѣдъ затѣмъ и Ширяево поле, названное такъ по имени купца Ширяева, имѣвшаго его въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ арендѣ подъ посѣвъ картофеля, а послѣ того пустовавшее безъ всякой надобности и почти обнаженное отъ лѣса, также было застроено дачами на арендномъ правѣ. Наконецъ въ 50-хъ годахъ сразу былъ застроенъ сплошнымъ рядомъ дачъ, принадлежащихъ, какъ на подборъ, богатѣйшимъ фамиліямъ именитаго купечества, самый глухой дотолѣ шестой просѣкъ, пролегалшій отъ парка къ Грабилонкѣ: здѣсь воздвигли себѣ роскошныя лѣтнія хоромы, посреди благоухающихъ садовъ, разбитыхъ подъ прикрытіемъ вѣковыхъ сосенъ и елей, и Третьяковы, и Обидины, и Щаповы, и Лямины, и Лепешкины, и еще десятокъ-другой московскихъ миллионеровъ.

А такъ какъ благочестіе въ Москвѣ не чуждо даже и миллионерамъ, а особенно замоскворѣцкимъ, то и они, не успѣвъ обжиться въ своихъ дачныхъ палаццо, уже ощутили и нравственный дефицитъ въ итогѣ своего благополучія,—дефицитъ, заключавшійся въ отсутствіи среди Сокольничьихъ дебрей храма Божія.

И вотъ, по инициативѣ И. А. Лямина и Дм. С. Лепешкина, съ благословенія митрополита Филарета, въ началѣ 60-хъ годовъ сооружена была, въ честь новоявленного угодника Божія святителя Тихона Задонскаго, близъ Ширяева поля, позади того мѣста, гдѣ раньше разбивалась для майскаго праздника генераль-губернаторская палатка, деревянная церковь, на деньги, собранныя по подпискѣ дачниками. Но, или очень ужъ спѣшили ея постройкой, или архитекторъ ошибся въ своихъ соображеніяхъ, или, быть можетъ, подрядчики покривили душой при поставкѣ матеріала и производствѣ работъ, только новосозданный храмъ, простоявъ не болѣе года, весь обрушился, къ счастью не во время службы, а запертый, и потому эта бѣда обошлась безъ несчастій съ людьми. Были немедленно собраны вторыя деньги, въ еще болѣшемъ количествѣ, и храмъ заново выстроенъ въ лучшемъ и, безъ сомнѣнія, прочномъ видѣ, ибо въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ со времени катастрофы стоитъ незыблемо и несокрушимо, не обнаруживая ни малѣйшей наклонности къ разрушенію. Приписанный первоначально къ одной изъ ближайшихъ московскихъ церквей, храмъ св. Тихона впослѣдствіи былъ возведенъ въ рангъ самостоятельнаго прихода, и ему дарованъ былъ штатный причтъ въ обычномъ полномъ составѣ: священника, дьякона и двухъ причетниковъ. Всѣ они живутъ въ церковныхъ домахъ, выстроенныхъ на средства дачниковъ, и отъ ихъ же благочестія имѣютъ доходы, болѣе чѣмъ достаточные для совершенно обезпеченной жизни.

Съ того времени, какъ Москва сдѣлалась всеобщимъ желѣзно-

дорожнымъ центромъ, и появилась мода жить на дачахъ по линиямъ желѣзныхъ дорогъ, Сокольники сначала стали какъ бы упадать въ качествѣ дачнаго мѣста, но это замѣчалось лишь нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ прежнее благоденствіе вернулось къ нимъ, и еще съ лихвою. Ростъ Сокольничьяго лѣснаго городка попрежнему продолжается, и въ настоящее время, кромѣ стороны, лежащей между Старымъ гулянемъ и Пятницкимъ кладбищемъ, едва ли найдется два-три просѣлка, не застроенныхъ дачами, такъ что большая часть Сокольниковъ представляется какъ бы рядомъ перелѣсковъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ между линиями сплошныхъ дачныхъ поселковъ.

III.

Происхожденіе майскаго гулянья въ Сокольникахъ.—Утрата имъ нѣмецкаго характера и быстрое завоеваніе популярности.—Примитивные обычаи майскаго гулянья.—Самовары, какъ специфическій признакъ майскаго гулянья.—Возрастающая популярность гулянья.—Его аристократическій оттѣнокъ.—Катанье 1-го мая въ Сокольникахъ.—Палатка главнокомандующаго.—Многолюдство и дороговизна на майскомъ гуляньѣ.—Самоварницы.—Движеніе по всему городу въ день 1-го мая.—Офіціальные маршруты для экипажей.—Полицейскія поминки майскаго гулянья.—Упадокъ Сокольниковъ.—Августѣйшіе гости въ Сокольникахъ.—За-атлантическіе друзья въ Сокольникахъ.—Братья-славяне въ Сокольникахъ.

Раньше мы уже упомянули, что весеннее гулянье 1-го мая не было извѣстно древней Москвѣ; она искони справляла свое весеннее торжество въ семикъ, приурочивъ этотъ языческій праздникъ къ православному Троицыну дню, передъ которымъ онъ приходится всего за двое сутокъ, и отличивъ оба празднества, и христіанское и языческое, одинаковыми атрибутами зелени, цвѣтовъ и березокъ.

Что касается 1-го мая, то гулянье въ этотъ день выдумалъ тотъ же нѣмецъ, который, по шутливому утверженію русскаго просто-народа, выдумалъ и обязыану. И какъ Москва справляла свой семикъ въ Марьиной роцѣ, такъ и за-Кокуюевская Нѣмецкая слобода выбрала для своего 1-го мая ближайшую къ ней роццу Сокольничью.

Долго москвичи лишь косились на басурмановъ, стекавшихся въ этотъ день цѣлыми многолюдными толпами въ Сокольники и методично, какъ бы по заранѣе составленному плану, угощавшихъ себя всѣми возможными и доступными тамъ удовольствіями, но въ концѣ-концовъ убѣдились, что у нѣмца и по части гульбы губа не только не дура, а, пожалуй, и поумнѣ ихъ собственной: роцца Сокольничья была и обширнѣе, и уединеннѣе Марьиной, и гулять въ ней оказывалось много привольнѣе и пріятнѣе, нежели въ послѣдней. А разъ убѣдившись въ этомъ, они, не отворачиваясь отъ

традиціоннаго семика, приобщили и нѣмецкое первое мая къ числу гулевыхъ дней и стали справлять его также въ Сокольникахъ, какъ и нѣмцы, скоро догнали послѣднихъ въ уваженіи къ ихъ басурманскому празднику, а позже стали считать его чуть ли не такимъ же священнымъ, какъ и семикъ.

Съ первыхъ еще лѣтъ текущаго столѣтія сокольничье гулянье 1-го мая получило характеръ всенародный, такъ что его первоначальныя нѣмецкія особенности совершенно ступшевались предъ напоромъ чисто московскихъ вкусовъ и обычаевъ, требовавшихъ непремѣннаго чаепитія на вольномъ воздухѣ. А такъ какъ для чаепитія, по правиламъ, предписываемымъ московскими обычаями, требовался самоваръ, то и гулянье 1-го мая напоминало, со стороны на него глядя, какую-то самоварную и посудную ярмарку, на которую со всѣхъ концовъ Москвы валилъ и пѣшій, и конный людъ, для распродажи своихъ самоваровъ, чайниковъ, чашекъ и блюдецъ и пр. т. п. скарба. Съ ранняго утра до поздняго вечера по всѣмъ направленіямъ отъ Москвы къ Сокольникамъ нескончаемыми вереницами по обѣимъ сторонамъ улицъ тянулись пѣшеходы, тащившіе на своихъ плечахъ или везшіе въ ручныхъ телѣжкахъ самовары, со всѣми принадлежностями; тѣ же предметы торчали изъ дрожекъ и домашнихъ телѣжекъ, въ которыхъ болѣе зажиточный людъ спѣшилъ на гулянье. Достигнувъ рожи, каждая компанія, сообщая владѣвшая самоваромъ и нѣсколькими чашками, разсаживалась по различнымъ укромнымъ уголкамъ лѣса, разогрѣвала самовары одинъ за другимъ, заваривала чай и принималась потреблять его съ какою-то ненасытимою жаждой. Смѣнивши не одинъ самоваръ и выпивши по доброй дюжинѣ чашекъ, гуляки безъ особаго замедленія укладывали принесенный и привезенный ими скарбъ, снимались съ мѣста, навьючивались кто чѣмъ пришлось и направлялись въ обратный путь въ какіе нибудь Кожевники, Хамовники, Сыромятники и т. д. Въ этомъ невинномъ чаепитіи на травкѣ и вольномъ воздухѣ заключался въ тѣ времена весь смыслъ сокольничьяго гулянья: пришли, усѣлись, до отвалу налились чаемъ и ушли домой, какъ будто стоило дѣлать пѣшкомъ или на лошади, все равно, нерѣдко десятокъ верстъ и даже больше, притомъ съ тяжелымъ грузомъ, для того, чтобы напиться чаю, того же самаго, который каждый истинный москвичъ и дома, и повсюду хлещетъ съ утра до ночи безъ милосердія. Подлинно обычай—деспотъ межъ людей. Замѣчательно, что въ общемъ характеръ сокольническаго гулянья остался неизмѣннымъ и доселѣ: рѣдкій москвичъ идетъ въ Сокольники не за тѣмъ, чтобы напиться чаю, и точно также рѣдкій, напившись чаю, предастся прогулкѣ. Обыкновенно, какъ войдутъ въ рошу, такъ и усаживаются за самоваръ, и какъ отъ него отвалится, такъ и поднимаются домой, развѣ прошедшишь полверсты отъ Стараго гулянья до заставы.

Послѣ французскаго нашествія, когда Сокольники начали обзаводиться постепенно дачниками, а роща вокруг Стараго гулянья—самоварницами, торговцами-разносчиками, шарманщиками и т. п., популярность ихъ стала возрастать гигантскими шагами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и майское ихъ гулянье—привлекать все большее и большее расположеніе москвичей. «Идти на май», т. е. 1-го мая въ Сокольники, сдѣлалось чуть не священною обязанностью каждаго нелишеннаго употребленія ногъ гражданина; «не быть на маю» было и стыдно, и жалко, и позволительно развѣ старымъ, малымъ и хворымъ. Фабрики не открывали работъ въ этотъ день, мастерскія также справляли праздникъ, въ учебныхъ заведеніяхъ устраивались рекреаціи, и даже многіе лавочники—всѣ спозаранку запирали лавки и кончали дѣла, чтобы дать и фабричному, и мастерскому, и торговому люду, и даже учителямъ съ ихъ питомцами возможность сходить на май. Когда послѣ французскаго погрома Москву стали наводнять богатые помѣщики, основываясь въ ней для болѣе или менѣе осѣдлаго жительства, и многіе изъ нихъ облюбовали Сокольничью слободку въ качествѣ дачнаго пріюта, сокольничій май началъ измѣнять даже свой вульгарный характеръ на болѣе эффектный, и гулянье, не переставая быть народнымъ и только увеличивая свою популярность, приняло въ значительной степени аристократическій оттѣнокъ. Вечернее катанье, до того времени носившее свойственный простонароднымъ и купеческимъ катаньямъ характеръ разухабистости и разнузданности, доходившихъ до неприличія, и походившее на обычныя масляничныя катанья Рогожской, Таганки, Замоскворѣчья и Черкизова, остепенилось, благодаря великолѣпнымъ и изящнымъ экипажамъ, въ которыхъ выѣзжали на него представители знатнаго московскаго барства и зажиточнаго дворянства, и съ 20-хъ годовъ было подчинено даже правиламъ опредѣленнаго церемоніала, допускавшаго въ ряды катанья лишь экипажи и упряжки извѣстныхъ, допущенныхъ къ участию въ немъ полицейскою администраціей, типовъ. Именитое или просто богатое купечество, особенно любившее участвовать въ этомъ катаньи, вынуждено было сообразоваться своими экипажами и упряжью съ аристократической модой и ужъ, конечно, должно было оставлять на сей разъ въ покоѣ свои традиціонныя телѣжки, въ которыхъ совершало свои обычныя поѣздки по городу.

Со времени, если не ошибаемся, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, извѣстнаго главнокомандующаго Москвы 20-хъ годовъ, сокольническому гулянью 1-го мая было присвоено даже значеніе официальнаго народнаго торжества: для популярнаго начальника столицы разбивалась широкая, богатая палатка въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ тогдашняго Сокольничьяго лѣса, на границѣ Сокольничьей рощи съ Оленьей, не доѣзжая, по дорогѣ отъ заставы, до Ширяева поля, возлѣ прудика, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ

настоящее время вотъ уже много лѣтъ сряду помѣщается каждый дачный сезонъ сокольническая фотографія; своимъ параднымъ поѣздомъ князь-главнокомандующій передъ вечеромъ и открывалъ сокольническое катанье: за его коляской отъ самой Тверской слѣдовала непрерывная цѣпь щегольскихъ экипажей, принадлежащихъ представителямъ высшей московской администраціи и аристократіи, и по дорогѣ, у каждой улицы и каждого перекрестка, увеличивалась новыми длинными рядами такихъ же экипажей, такъ что, когда, наконецъ, князь подѣзжалъ къ своей палаткѣ, хвостъ его кортежа далеко не достигалъ Сокольниковъ. Въ княжеской палаткѣ вмѣстѣ съ ея хозяиномъ пировали, подъ звуки оркестровъ военной и бальной музыки, пѣсенниковъ и цыганскихъ хоровъ, многочисленныя гости, приглашенные хлѣбосольнымъ главнокомандующимъ къ участію въ торжествѣ. Послѣ обильной закуски на вольномъ воздухѣ, князь и его гости снова разсаживались по экипажамъ и объѣзжали вокругъ Ширяева поля, загроможденнаго балаганами, качелями, торговыми шатрами и прочими принадлежностями широкаго русскаго народнаго гулянья. Многолюдство въ этотъ день доходило по всѣмъ Сокольникамъ до положительной тѣсноты, а по мѣстамъ до давки. Дороговизна на незатѣйливыя лакомства для простоародья и вообще на всѣ предметы праздничнаго торга доходила до безсовѣстности. Самоварницы становились настоящими героинями дня, и за плохо вскипяченный крошечный самоварчикъ съ убогимъ чайнымъ приборомъ, безъ чаю и сахару, драли по рублю и больше, тогда какъ въ обыкновенные праздничные дни съ признательностью получали за него пятялтынный, а если потрговаться, то и гривенникомъ удовлетворялись. Нечего и говорить, что на каждый самоварный столикъ оказывалось по цѣлой толпѣ кандидатовъ, и не успѣвали тѣ, кому выходила очередь, выпить по чашкѣ, какъ самоварница, всю остальную часть лѣта обыкновенно раболѣпствующая предъ посѣтителями, а въ этотъ день наверстывавшая съ лихвою свое предъ ними униженіе, начинала понукать гостей, заявляя, что они непомѣрно долго разсидѣлись, и что ей изъ-за нихъ не приходится упускать другихъ гостей, быть можетъ, гораздо болѣе выгодныхъ. Чуть не въ толчки выгоняемые изъ-за самовара гуляки, проклиная и судьбу, и сварливую самоварницу, и свою глупость, скрѣпя сердце или облегчивъ его ругательствами, уступали мѣсто другимъ, съ которыми повторялась та же исторія. Шишекъ на разогрѣванье самоваровъ въ этотъ день потреблялось неимовѣрное количество, и если когда либо и надѣ чѣмъ либо, согласно поговоркѣ, стоялъ дымъ коро-мысловъ, то именно 1-го мая надѣ Сокольничьей рощей.

Шумъ и гамъ ея годоваго праздника не ограничивался ея предѣлами и ближайшими окрестностями: отголоски Сокольническаго гулянья во весь день 1-го мая разносились далеко по всей Москвѣ

и даже за Москвой съ ранняго утра до поздней ночи. Такъ какъ рѣдкій здоровый, сколько нибудь благополучный и свободный въ своемъ времени, московскій обыватель не желалъ въ этотъ день побывать въ Сокольникахъ, то усиленное пѣшее и конное движеніе со всѣхъ концевъ города по направленію къ гуляню начиналось чуть не съ 7—8 часовъ утра и, начиная отъ Садовой, то-есть, на протяженіи отъ Красныхъ воротъ по Каланчевскимъ улицѣ и площади и далѣе по Красносельскому и Сокольническому проѣздамъ, выражалось нескончаемыми толпами пѣшеходовъ по сторонамъ улицъ и также нескончаемыми вереницами разнокалиберныхъ экипажей; то же самое происходило и на Покровкѣ, отъ церкви Іоанна Предтечи, что на Земляномъ валу, на протяженіи Старой Басманной, Елоховской и Большой Покровской улицъ, до переулковъ Гаврикова и Рыкова, чрезъ которые былъ проѣздъ на Сокольничье поле; съ другой стороны, по Семеновской и Преображенскимъ улицамъ: Генеральной, Суворовской и Божеиновой, а также по Стромынкѣ, валили сплошныя толпы, во-первыхъ, фабричныхъ, населявшихъ Преображенское и Семеновское, во-вторыхъ, подмосковныхъ крестьянъ Черкизова, Колошина, Измайлова, Гальянова и даже Щитникова (въ 12 верстахъ за Преображенской заставой) и другихъ окрестныхъ селъ и деревень.

Что касается самой Москвы, то, для соблюденія надлежащаго порядка и во избѣжаніе чрезмѣрнаго скопленія экипажей въ какомъ либо одномъ пунктѣ, скоро понадобилось полицейское вмѣшательство: заранѣе намѣчался подробный маршрутъ для разнаго рода экипажей, причемъ лучшимъ изъ нихъ предоставлялся кратчайшій путь по лучшимъ улицамъ, а второстепеннаго разбора и плохимъ назначалось достигать гуляня въ объѣздъ, загибая крюкъ въ добрую версту, а не то и двѣ. Такъ, напримѣръ, многочисленнымъ тогда такъ называемымъ «калибернымъ» извозчикамъ, обладавшимъ неуклюжими дрожками съ высокимъ, узкимъ и длиннымъ сидѣньемъ, которыя носили названіе «калибера», равно какъ и позже вошедшимъ въ употребленіе омнибусамъ, извѣстнымъ подъ именемъ «линеекъ», которыя въ томъ же допотопномъ видѣ существуютъ и до сихъ поръ, успѣшно конкурируя съ конножелѣзными дорогами, указывался путь отъ Землянаго вала по Старой Басманной, Елоховской и Большой Покровской улицамъ до Рыкова переулка, далѣе этимъ переулкомъ, затѣмъ стороною Сокольничьяго поля до Чориковской дачи, что послѣ стала владѣніемъ Гучковыхъ, а нынѣ дѣтской больницы св. Владиміра, и наконецъ-то оттуда поперекъ всего Сокольничьяго поля къ заставѣ, гдѣ сѣдоки и обяваны были высаживаться и входить въ рощу уже на собственныхъ парахъ. Домашнимъ экипажамъ въ одну лошадь, а равно появившимся впослѣдствіи извозничьимъ полуколяскамъ на рессорахъ, извѣстнымъ съ тѣхъ поръ и понынѣ подъ именемъ «пролетовъ», доз-

волялся кратчайшій путь, съ поворотомъ отъ Покровки въ Гавриковъ переулокъ, изъ котораго они и выѣзжали, мимо Переведеновской улицы и Лѣсного ряда, на Сокольничій проѣздъ, откуда и слѣдовали, стороною этого проѣзда, до заставы, гдѣ сѣдоки также спѣшивались. Наконецъ, экипажи, запряженные не менѣе какъ парой, имѣли право ѣхать черезъ Мясницкую, подъ Красныя ворота, оттуда по Каланчевской улицѣ и площади, мимо Краснаго пруда и затѣмъ по Красносельскому и Сокольничьему проѣзду до заставы, гдѣ могли вѣзжать въ ряды катающихся и достигать до самой княжеской палатки и далѣе, до Ширяева поля. Только экипажамъ этого разряда и дозволялось участвовать въ катаньи, одиночки же въ ряды не допускались. Вечеромъ вокругъ палатки главнокомандующаго зажигалась иллюминація, равно какъ и на Ширяевомъ полѣ, и иногда надъ прудикомъ пускался фейерверкъ, послѣ котораго начинался разѣздъ «чистой» публики, а народное гулянье превращалось въ безпардонное дебошество, причемъ каждая купа деревьевъ, каждый кустъ бузины и т. п. становился пріютомъ для веселой кампаніи, конечно, чаще всего пьяной. Многие изъ сокольничьихъ гулякъ въ эту ночь съ 1-го на 2-е мая оставались въ этихъ же кустахъ и ночевать; таковыя, если имъ и сходилась даромъ эта смѣлость, и они просыпались на утро не раздѣтыми и не разутыми, отправлялись домой съ однимъ похмельемъ въ головѣ; если же ночные промышленники облегчали ихъ отъ излишняго движимаго имущества въ то время, пока они сами представляли изъ себя недвижимость, то съ памятнымъ урокомъ, какъ не слѣдуетъ вести себя на майскомъ гуляньи. Въ руки полиціи за эту ночь попадалась такая масса народа, что на другое утро, для конвоированія ихъ до Лефортовской части, къ которой были причислены Сокольники, отряжался цѣлый отрядъ солдатъ и пикетъ казаковъ, а окрестные жители, мимо которыхъ лежалъ путь слѣдованія этой хмельной команды, выбѣгали на улицу посмотреть на злополучныхъ забудыгъ и поскорбѣть объ ожидающей ихъ участи, такъ какъ въ тѣ времена въ частныхъ домахъ съ такими гражданами практиковалась старинная педагогическая мѣра, заключающаяся въ повальной ихъ поркѣ по усмотрѣнію частнаго пристава. Число такихъ преступниковъ всегда переходило за сотню, а иногда достигало и двухъ, и потому на дворѣ частнаго дома въ этотъ день съ полдня до поздняго вечера раздавались послѣдніе, уже плачевные отголоски вчерашняго гулянья.

Болѣе или менѣе парадно и торжественно справлялся день 1-го мая въ Сокольникахъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и графъ Арс. Андр. Закревскій, во все время своего генераль-губернаторства надъ Москвой, свято блюлъ этотъ праздникъ и неизмѣнно каждый годъ появлялся въ Сокольникахъ для оффиціального открытія московской весны. И послѣ него генераль-губернаторъ Тучковъ, помнится, не забылъ о Сокольничьемъ маѣ.

Только съ конца 50-хъ годовъ, съ проведеніемъ отъ Москвы нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ линій и съ основаніемъ на нихъ новыхъ дачныхъ колоній, Сокольники стали утрачивать свое прежнее значеніе, меньше привлекали дачниковъ, и въ это же время ихъ майское гулянье было лишено административной санкціи: кн. Вл. Андр. Долгоруковъ, напримѣръ, за все время своего 25-лѣтняго губернаторства, кажется, ни разу не побывалъ въ Сокольникахъ на гулянья 1-го мая. Но это не помѣшало ему сохранить за собою прежнюю популярность, и до сихъ поръ всю Москвою въ этотъ день, какой бы онъ притомъ ни былъ, хоть бы и дождливый, и холодный, и даже морозный, овладѣваетъ какая-то нервная лихорадка, заставляющая ея населеніе бросать и работу, и соображенія благоразумія, и цѣлыми нескончаемыми толпами валить по всевозможнымъ направленіямъ къ одному пункту—Сокольничьей рошѣ. Такова несокрушимая сила историческаго преданія и народной симпатіи!

Взысканная издревле милостивымъ вниманіемъ къ себѣ обѣихъ царственныхъ династій Русской державы, благополучно пережившая почти полуторавѣковой періодъ всеобщаго къ ней забвенія, какъ бы затерявшаяся въ это долгое пространство времени среди множества другихъ государевыхъ имуществъ, съ половины минувшаго царствованія Сокольничья роща снова напомнила о себѣ не только Россіи, но и всему міру, и съ той поры слава ея продолжала расти чуть не съ каждымъ годомъ.

Въ 1866 г., какъ извѣстно, Соединенные Штаты, движимые исконнымъ чувствомъ благорасположенія и дружелюбія, коимъ связаны взаимно два исполинскіе народа Стараго и Новаго Свѣта, снарядили чрезвычайное посольство въ Россію для принесенія поздравленій отъ лица всего великаго американскаго народа русскому царю, по поводу чудеснаго избавленія его Божественнымъ Промысломъ отъ руки фанатика-убійцы.

Въ программу путешествія американскихъ пословъ входила и поѣздка въ Москву, на поклонъ первопрестольной столицѣ Русскаго царства. Поѣздка эта состоялась 11-го августа, и на другой день Москва встрѣтила американцевъ въ своихъ стѣнахъ.

Послѣ цѣлаго ряда торжественныхъ празднествъ и обѣдовъ, продолжавшихся безъ перерыва нѣсколько дней, московское городское управленіе возымѣло счастливую мысль устроить въ честь рѣдкихъ и дорогихъ гостей такой праздникъ, на которомъ могли бы видѣть нашихъ за-атлантическихъ друзей городскіе обыватели всѣхъ сословій, званій и состояній: наилучшимъ мѣстомъ для такого праздника совершенно справедливо признаны были Сокольники. Днемъ этого всенароднаго торжества назначено было 15-е августа, великій праздникъ Успенія.

Съ утра этого дня по направленію къ Сокольникамъ потянулись вереницы экипажей и толпы народа; весь день производились

приготовленія къ иллюминаціи, и едва наступили августовскія не позднія сумерки, какъ всѣ просѣки рощи и путь отъ Ширяева поля къ Яузѣ освѣтились огнями, а на Ширяевомъ полѣ огласили воздухъ звуки оркестра, чередовавшагося съ хорами пѣсенниковъ.

Гости прибыли въ Сокольники къ 7 часамъ вечера и, проѣхавшись по парку, были приглашены въ увеселительный садъ Брауна, теперь уже давно уничтоженный, находившійся среди глухой лѣсной чащи, между двухъ просѣкъ позади парка.

Едва пробравшись черезъ плотныя толпы народа въ садъ, американцы заняли предложенныя имъ мѣста при звукахъ музыки, встрѣтившей ихъ національнымъ гимномъ. Садъ засіялъ электрическимъ солнцемъ, которое освѣтило своими яркими лучами до 4.000 посѣтителей, собравшихся въ садъ для присутствія на этомъ торжественномъ вечерѣ.

Черезъ нѣсколько времени гостей пригласили изъ сада на такъ называемый «кругъ» Новаго Гулянья. Переходъ этотъ, за незначительностью разстоянія, совершенъ былъ пѣшкомъ, но и на этомъ краткомъ пути имъ пришлось преодолѣть не мало трудностей: ибо пролагать дорогу нужно было сквозь несмѣтныя толпы простонародья, державшаго весь паркъ въ крѣпкой осадѣ.

У входа на кругъ горѣла иллюминаціонная декорація въ видѣ триумфальныхъ воротъ, на верху которыхъ съ одной стороны свѣтился въ транспарантѣ гербъ Америки, имѣя по бокамъ транспаранты съ надписями: на одномъ — «Washington», «Lincoln», «Johnson»; на другомъ — «E pluribus unum». По другую сторону воротъ сіяли русскій гербъ и транспаранты съ надписями: «Боже, Царя храни!».

При неумолкаемыхъ кликахъ «ура» американцы съ трудомъ вошли въ бесѣдку парка, гдѣ ихъ ожидали чай и жженка.

По всѣмъ направленіямъ обширнаго парка отъ бесѣдки до рощи, равно какъ и въ самой рощѣ чуть не на версту въ окружности, кипѣли толпы народа, оглашавшія воздухъ пріветственными кликами, изъ-за которыхъ ни пѣсенниковъ, ни музыки рѣшительно невозможно было слышать.

Московскій генералъ-губернаторъ, кн. Вл. А. Долгоруковъ, оставался на праздникѣ до конца, занимая гостей своею бесѣдой.

Въ 11 часовъ вечера нѣкоторые изъ нихъ вынуждены были проститься съ Сокольниками, но большинство остались, чтобы снова вернуться въ садъ Брауна, гдѣ праздникъ и заключился фейерверкомъ, который оказался великолѣпнымъ, вполне достойно увѣнчавъ собою всѣ поистинѣ возвышенныя и прекрасныя впечатлѣнія этого достопамятнаго дня.

1-е мая 1867 года было для исторической рощи днемъ поистинѣ знаменательнымъ: въ этотъ памятный день въ Возѣ почивающій императоръ Александръ Николаевичъ, гостившій въ Москвѣ съ

августѣйшими «молодыми» наслѣдникомъ цесаревичемъ и государыней цесаревной, нынѣ благополучно царствующими Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей, почтилъ своимъ милостивымъ посѣщеніемъ, вмѣстѣ со всѣми членами августѣйшаго семейства, устроенный въ честь августѣйшихъ высоко-новобрачныхъ московскимъ купечествомъ въ нѣдрахъ Сокольничьей рощи, посрединѣ Ширяева поля, блестящій раутъ.

Спеціально для этого праздниства, словно по щучьему велѣнью, руками 500 плотниковъ въ нѣсколько дней сооруженъ былъ изящный, необычайно легкаго стиля, двухъ-этажный деревянный павильонъ, богато разукрашенный снаружи и великолѣпно убранный внутри. Живо помнимъ мы этотъ день 1-го мая, къ сожалѣнію, холодный, съ небольшимъ, но нѣсколько разъ накрапывавшимъ дождикомъ, который къ вечеру, то-есть ко времени праздниства, смѣнился даже изрѣдка порхавшимъ снѣгомъ, при погодѣ ничуть не весенней.

Послѣдняя, однако, не мѣшала Москвѣ высыпать густыми толпами по пути слѣдованія кортежа съ августѣйшими гостями изъ Кремля въ Сокольники: юную цесаревну Москва принимала въ своихъ стѣнахъ первый разъ, и понятно, что всякому москвичу отъ души хотѣлось хоть глазкомъ взглянуть на прекрасную подругу августѣйшей жизни своего будущаго государя.

Къ сожалѣнію, предполагавшаяся первоначально августѣйшая поѣздка въ Сокольники въ открытыхъ экипажахъ, въ виду такой неблагоприятной погоды, не могла состояться, но юная цесаревна, снисходя къ нетерпѣнію народа, жаждавшаго насладиться ея лицезрѣніемъ, почти непрерывно во всю дорогу сквозь окно кареты ласково привѣтствовала народныя толпы привѣтливыми поклонами, и та сторона улицы, къ которой обращалось прекрасное лицо цесаревны, почитала себя на верху земнаго благополучія, которое и выражалось нескончаемымъ, громовымъ ура, встрѣчавшимъ и провожавшимъ августѣйшій поѣздъ на протяженіи длиннаго пути по крайней мѣрѣ въ семь-восемь верстъ.

Покойный государь Александръ Николаевичъ, дотолѣ ни разу не изволившій посѣщать Сокольниковъ, былъ глубоко пораженъ величавымъ видомъ древней рощи, глядящей на Москву своими могучими вѣковыми елями и соснами и въ общемъ доселѣ производящей на незнакомыхъ съ ней наблюдателей чарующее впечатлѣніе дремучаго дѣвственнаго лѣса, и по прибытіи въ павильонъ, какъ тогда передавали, немедленно изволилъ сообщить о произведенномъ на его величество впечатлѣніи одному изъ распорядителей праздниства, обратившись къ нему, какъ бы къ старому знакомому. Этой чести удостоился извѣстный въ то время московскій коммерсантъ Михаилъ Леонтьевичъ Королевъ, послѣдній московскій городской голова до-реформенной шестиглавой думы, имѣвшій счастье за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, незадолго до реформы городского само-

управленія, принимать въ своемъ домѣ, на Лужницкой улицѣ, близъ Зацѣпы, Его Величество вмѣстѣ съ императрицей Маріей Александровной, навѣстившихъ его, какъ представителя и главу московскаго самоуправления. Въ свое время это августѣйшее посѣщеніе далеко не первостепеннаго изъ магнатовъ московской коммерціи надѣлало много шума въ Первопрестольной и было объяснено тѣмъ, что царственный реформаторъ, въ виду новаго строя, который онъ вознамѣрился сообщить городскимъ управленіямъ и хозяйствамъ, особою почестью, оказанною городскому головѣ, полагалъ возвысить престижъ и поднять нравственное достоинство городского самоуправления, вообще до реформы, какъ извѣстно, не пользовавшагося ни особымъ почетомъ отъ обывателей, ни должнымъ уваженіемъ отъ администраціи.

Какъ бы то ни было, а на Сокольническомъ раутѣ государь припомнилъ и узналъ маститаго старца, отличилъ его среди цѣлой толпы незнакомыхъ ему представителей купечества, распорядившись раутомъ, неоднократно обращался къ нему за различными объясненіями, и даже, когда было предложено шампанское, изволил шуточно обратиться къ нему съ словами: «ну, Королевъ, проложи дорогу».

Раутъ отличался большой оживленностью, тѣ два часа, которые августѣйшіе гости посвятили пребыванію въ павильонѣ, прошли незамѣтно, а когда настало время ихъ отбытія, Сокольничья роща, уже успѣвшая окутаться сумерками, зажглась иллюминаціей и огласилась, по всему своему протяженію отъ Ширяева поля до заставы, неумолкавшими ни на мгновеніе кликами народа, кишмя кишѣвшаго не только на шоссе и аллеяхъ, къ нему прилегающихъ, но и по всѣмъ кустамъ и газонамъ рощи, въ надеждѣ увидѣть если не самихъ августѣйшихъ гостей, что было бы трудно за темнотою, то хотя экипажи, въ которыхъ они поѣдутъ, и лошадей, которыя ихъ повезутъ.

Само собою разумѣется, что обычнаго въ этотъ день гулянья состояться не могло, ибо кто же бы пошелъ разсѣживаться за чайнымъ столомъ, зная, что въ двухъ шагахъ отъ него поѣдутъ государь съ сыномъ и невѣсткой? И это былъ, конечно, первый случай въ исторіи Сокольниковъ, что 1-е мая прошло въ нихъ безъ обычнаго разгула, хотя на маю, какъ и всегда, было съ доброй полъ-Москвы.

Павильонъ, предполагавшійся въ непродолжительномъ времени къ сломкѣ, былъ, однако, сохраненъ, какъ скоро стало извѣстнымъ, что въ этомъ мѣсяцѣ пріѣдутъ на этнографическую выставку, только что открытую въ стѣнахъ московскаго экзерциргауза (манежа), депутаціи отъ славянскихъ народностей Австріи и Турціи. Пріѣзжихъ гостей, кто бы они ни были, а тѣмъ паче братья славяне, Москвѣ, конечно, было бы вазорно отпустить домой безъ хлѣба-соли, а потому и рѣшено было предложить и тотъ и другую

ожидаемымъ гостямъ опять въ тѣхъ же Сокольникахъ, и въ той же «Царской бесѣдкѣ», какъ народъ прозвалъ украсившій Ширяево поле павильонъ, что и состоялось 21-го того же мая. Такимъ образомъ, всего черезъ три недѣли послѣ «царскаго праздника» суждено было павильону въ своихъ стѣнахъ собрать для дружественной трапезы весь цвѣтъ тогдашней московской и славянской интеллигенціи, съ Аксаковымъ, Катковымъ, кн. Черкасскимъ, Ю. Самаринимъ во главѣ—съ одной стороны, Палацкимъ и Ригеромъ—съ другой. Трапеза эта, какъ извѣстно, не обошлась безъ недоразумѣній, которыя грозили даже дружественности ея характера, если бы, помнится, князь Черкасскій, съ свойственною ему силой слова и ясностью мысли, не успѣшилъ поставить должныхъ границъ чешской политической заносчивости Ригера и тѣмъ не спасъ и гостей и хозяевъ отъ бесплодныхъ, но вредныхъ для русско-славянскаго дружелюбія, политическихъ пререканій.

Эпизодъ этотъ, впрочемъ, не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и мы знаемъ, что братья-славяне увезли съ собой изъ Москвы самыя отрадныя воспоминанія и о ея гостепрѣимствѣ, и о ея хлѣбосольствѣ, и о ея чудесной пригородной рошѣ, среди которой имъ довелось воочию убѣдиться въ этихъ двухъ достоинствахъ первопрестольной столицы. Славяне были послѣдними гостями въ павильонѣ, и онъ, за отсутствіемъ въ немъ надобности, былъ обреченъ на уничтоженіе, что и не замедлило совершиться, такъ что теперь отъ него давнымъ давно и слѣда не осталось.

IV.

Переходъ Сокольниковъ въ собственность города Москвы.—Муниципальное хозяйство въ рошѣ.—Неблагопріятные толки о немъ.—«Черная сотня текинцевъ».—Ихъ предводитель Шестеркинъ.—«Современныя Извѣстія» и ихъ обличительныя статьи.—Результаты ихъ для думы.—Негодованіе гласныхъ.—Слѣдственная коммиссія и ея докладъ.—Отставка городского головы и двухъ членовъ городской управы.—Послѣдующее хозяйничанье города въ рошѣ.—Современное состояніе Сокольниковъ.—Ротонда на Сокольническомъ кругу.—Высочайшее ея посѣщеніе.—Ближайшая будущность Сокольничьей рощи.

Въ 1879 году совершилось важное для Сокольничьей рощи событіе. Въ особо милостивомъ вниманіи къ городу Москвѣ государь императоръ Александръ Николаевичъ соизволилъ выразить согласіе на уступку первопрестольной столицѣ за незначительную цѣну и со льготною разсрочкой платежей всей территоріи Сокольничьей рощи, съ единственною оговоркой относительно того, чтобы городское хозяйственное управленіе охраняло этотъ драгоценный лѣсъ во всей его неприкосновенности и рачительно заботилось о его сохраненіи и цѣлесообразномъ обновленіи. Москва вступила въ права

собственности надъ заповѣдной рощей, и ея городское самоуправленіе не замедлило установить надъ рощей надлежащее хозяйственное завѣдываніе.

Слишкомъ два года относительно этого муниципальнаго хозяйничанья надъ лѣсомъ все было шито да крыто, но затѣмъ поднялись толки болѣе или менѣе неблагопріятнаго характера. Ихъ подняла, поддерживала и настойчиво распространяла выдѣлившаяся къ этому времени изъ состава думскихъ гласныхъ многочисленная партія, принадлежащая къ третьему разряду и вся, поэтому, наполненная мелкимъ промышленнымъ людомъ: сухаревскими мебельщиками, третестепенными булочниками, цырюльниками и сапожниками, содержателями грязныхъ трактировъ и харчевенъ, лавочниками и кабатчиками и прочими тому подобными представителями не первосортной коммерціи. Большинство членовъ этой партіи по социальному положенію принадлежали или къ мѣщанскому, или къ цеховому сословію, и отсюда, быть можетъ, проистекло и прозвище ея «черною сотней», данное ей перворазрядными и второразрядными гласными изъ тузовъ коммерсантовъ и болѣе или менѣе окультурившихся и поприумывшихся зажиточныхъ купчиковъ, смотрящихъ на свою меньшую братію съ худо скрытыми презрѣніемъ и насмѣшливостью. Они же, руководимые этими чувствами, дали черной сотнѣ и другую кличку, прозвавъ ея членовъ «текинцами», за упорное сопротивленіе, оказывавшееся послѣдними на думскихъ засѣданіяхъ всѣмъ безъ разбора мѣропріятіямъ и затѣямъ, исходившимъ изъ нѣдръ первыхъ двухъ разрядовъ. Такъ вотъ эта-то «черная сотня» текинцевъ, изъ которыхъ большинство частенько навѣщали Сокольниковскихъ самоварницъ ради чаепитія на вольномъ воздухѣ, вдругъ стали поговаривать, что рациональное лѣсное хозяйство, заведенное въ Сокольниковей рошѣ городскою управой, ведется безъ толку, и мало того, что безъ толку, а таки прямо хищническимъ способомъ, что на ряду съ сухоподстоемъ и подъ видомъ онаго вырубаются цѣлыми десятками и сотнями хотя и вѣковыя, но еще далеко не отжившія своего вѣка, по истинѣ роскошныя сосны и ели, способныя, уцѣлѣй онѣ, еще долгое время быть наилучшимъ украшеніемъ заповѣднаго лѣса. Отъ разговоровъ, какъ и водится, рѣшили приступить къ дѣлу. Тогдашній руководитель и негласный предводитель черной сотни, нынѣ уже пресловутый заштатный гласный думы и (тоже заштатный) старшина мѣщанскаго общества, Иванъ Ивановичъ Шестеркинъ, имѣлъ въ то время знакомство съ Современными Извѣстіями и обратился за совѣтомъ и указаніями къ одному изъ сотрудниковъ этой тогда еще популярной газеты, особенно близко принимавшему къ своему сердцу все, что касалось городского самоуправления и хозяйства. Рѣшено было на общемъ совѣтѣ, согласно указанію этого Гиляровскаго публициста, подать въ думу заявленіе, которое, за огульнымъ невѣжествомъ и

безграмотностью черной сотни въ цѣломъ ея составѣ, ему же пришлось и сочинять. Заявленіе вышло и хлестко, и ядовито, и вмѣстѣ съ тѣмъ логически основательно, а такъ какъ, пока оно лежало у городского головы въ ожиданіи своей очереди поступить къ докладу, съ черновикомъ его успѣли подробно ознакомиться всѣ гласные, и черной сотни и другихъ партій, и всѣ были болѣе или менѣе изумлены и сконфужены его содержаніемъ, то и немудрено, что прочтенное въ думѣ оно вызвало чуть не бурю и имѣло результатомъ назначеніе специальной комиссіи для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Слѣдственная комиссія составила почти сплошь изъ самыхъ безпардонныхъ текинцевъ, которые не падали себя для спасенія остатковъ Сокольничьей рощи отъ хозяйственного урагана, въ ней бушевавшего, и по мѣрѣ накопленія слѣдственныхъ матеріаловъ, не дожидаясь изготовленія обстоятельнаго доклада, сообщали о своихъ изысканіяхъ своему литературному пособнику, и тотъ, по мѣрѣ надобности, въ цѣломъ рядѣ язвительныхъ замѣтокъ и статей знакомилъ съ ними Москву на столбцахъ «Современки», тогда еще не потерявшей ни нравственнаго кредита, ни публицистическаго голоса. Долго, впрочемъ, ея голосъ оставался одинокимъ въ печати, но наконецъ вынуждены были запѣть ей въ унисонъ одна за другой и всѣ остальные московскія газеты. «Общественное мнѣніе», не на шутку взбудораженное этимъ газетнымъ гвалтомъ, насторожило уши, воспыало ревностью о городскихъ интересахъ и о Сокольническихъ лѣсныхъ насажденіяхъ и, съ другой стороны, пока теоретическимъ, но оттого еще болѣе острымъ и враждебнымъ негодованіемъ къ предполагаемымъ нарушителямъ этихъ интересовъ и расхитителямъ заповѣдныхъ елей и сосенъ. Подъ давленіемъ такимъ образомъ настроеннаго общественнаго мнѣнія пришлось работать комиссіи о Сокольническихъ порубкахъ. Не мудрено, что если ея личный составъ и былъ одушевленъ стремленіемъ къ безпристрастію и справедливости, все же оставалось слишкомъ много соблазна къ преувеличеніямъ въ выводахъ и къ ихъ окраскѣ въ болѣе или менѣе густой и мрачный цвѣтъ. Такъ именно и случилось: своимъ докладомъ о злоупотребленіяхъ въ Сокольническомъ лѣсномъ хозяйствѣ комиссія рѣзала не на животь, а на смерть всю городскую управу, обвиняя чуть ли не въ намѣренномъ попустительствѣ преступленія, а тѣхъ ея дѣльцовъ, которымъ поручено было ближайшее завѣдываніе рощей, чуть ли не въ злонамѣренной вырубкѣ многихъ сотенъ деревъ совершенно крѣпкаго, исполинскаго лѣса съ корыстной цѣлью, и высчитывая при этомъ ущербъ, нанесенный городу, чуть ли не въ сотню тысячъ рублей. Засѣданіе думы, когда обсуждался докладъ комиссіи, было, какъ и водится въ подобныхъ случаяхъ, безпардонно бурное: и членамъ городской управы, и самому городскому головѣ, благодушному и (вотъ ужъ совершенно-то!) безгрѣшному въ этомъ дѣлѣ Сергѣю Ми-

хайловичу Третьякову, пришлось выслушать массу невѣжливостей, колкостей, намековъ и инсинуацій, до того ожесточенныхъ, что не прошло послѣ того нѣсколькихъ дней, какъ разстроенный происшествіемъ Сергѣй Михайловичъ подалъ въ отставку, оставивъ думу, какъ бы въ отмщеніе за ея къ нему неучтивость, безголовой. Его примѣру послѣдовали обѣ его управскія руки, и правая и лѣвая, то-есть оба члена управы, и А. Ст. Холмскій, пресловутый строитель классическаго крытаго рынка, въ которомъ послѣ его отстройки оказалось невозможно торговать, и А. Н. Петунниковъ, не менѣе пресловутый магистръ ботаники, ѣздившій на городскія двѣ тысячи рублей въ заграничное путешествіе для спеціальнаго изученія европейскихъ мостовыхъ, по возвращеніи оттуда переведшій съ нѣмецкаго какую-то книжонку объ этомъ предметѣ и выдавшій ее за собственное свое сочиненіе.

Такимъ-то образомъ геній Сокольнической роци отомстилъ главарямъ городского хозяйства за ихъ нерадивость и небреженіе къ охраняемымъ имъ лѣснымъ сокровищамъ.

Но чтобъ это былъ злой геній, сказать нельзя: по крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ думскаго происшествія онъ совсѣмъ угомонился и пересталъ настраивать гласныхъ противъ городской управы, такъ что, когда имъ пришлось высказываться по вопросу о преданіи суду отставныхъ управцевъ съ отставнымъ головою во главѣ, они и разговаривать долго не стали, а просто махнули на все это дѣло рукой, постановивъ предать его волѣ Божіей и сдать въ архивъ.

Въ архивъ же сдана и доселѣ тамъ безмятежно покоится и вообще всякая заботливость думы о Сокольникахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключать хотя бы изъ того факта, что предполагавшіеся главные недоброжелатели роци, гг. Холмскій и Петунниковъ, въ то время добровольно удалившіеся отъ грѣха, уже давно опять оба вернули себѣ свои отставки и также благополучно пристроились въ той же самой городской управѣ, на порогѣ которой нѣкогда съ напускнымъ негодованіемъ оскорбленнаго достоинства отрясали прахъ отъ ногъ своихъ.

Совершенно примирившаяся съ этимъ фактомъ, дума столь же апатично относится и вообще къ хозяйничанью управы въ Сокольникахъ и даже не интересуется знать, что тамъ дѣлается, и управа творить тамъ еже хочетъ, хотя это и не значитъ, что она дѣлаетъ только дурное. Напротивъ: за то, что она упорядочила самоварную торговлю, провела новыя дороги и аллеи, починила и обрядила прежнія, устроила прекрасныя аллеи по каймѣ роци вдоль всей Сокольнической слободки, населила еще нѣсколько новыхъ глухихъ мѣстностей роци дачниками, раздавъ имъ земельные участки въ долгосрочную аренду съ обязательствомъ сохранить произрастающій на нихъ лѣсъ — за все это она заслуживаетъ никакъ не порицанія.

Точно также признательности заслуживаетъ она и за то, что вмѣсто музыкантской бесѣдки въ Сокольническомъ паркѣ, устарѣвшей и обветшавшей, она подарила ему прекрасную, помѣстительную ротонду для танцевальныхъ вечеровъ, хотя справедливость и требуетъ сказать, что сооруженіе ротонды объясняется не одною заботливостью управы о благоустроеніи Сокольниковъ, а и другими обстоятельствами.

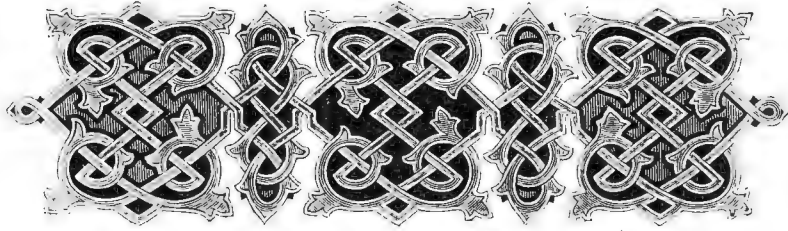
Она выстроена была къ коронаціоннымъ празднествамъ 1883 г. и специально предназначена была мѣстомъ для угощенія Преображенцевъ и Семеновцевъ въ день ихъ юбилейнаго торжества, послѣ молебствія и парада на Преображенской площади, каковое угощеніе и состоялось въ ней въ присутствіи вмѣстѣ, съ прочими августѣйшими особами, Его Величества Государя Императора, который, благодаря этому обстоятельству, и изволилъ вторично осчастливить Сокольники своимъ посѣщеніемъ черезъ 17 лѣтъ послѣ того, какъ вмѣстѣ съ почивающимъ въ Бозѣ Родителемъ своимъ принималъ отъ московскаго купечества угощеніе на раутѣ въ павильонѣ Ширяева поля.

Строенная специально для угощенія двухъ гвардейскихъ полковъ, ротонда эта по размѣрамъ своимъ оказалась вполне удобною для вечеринокъ, баловъ, концертовъ, дѣтскихъ игръ и просто для отдохновенія среди прогулокъ, и потому ей продлена жизнь до тѣхъ поръ, пока она не умретъ естественною смертію, отъ обветшанія.

Застраиаясь внутри все новыми и новыми дачными поселками, Сокольники обстраиваются и со стороны своихъ окрестностей, прилегающихъ къ Москвѣ: нѣкогда громаднаго Сокольничьяго поля въ настоящее время почти не существуетъ, ибо огромные участки его заняты то подъ частныя владѣнія, то подъ общественныя учрежденія. Изъ послѣднихъ особенно крупныя — Бахрушинская и Боевская больницы, богадѣльня извѣстнаго благотворителя Ермакова и Сокольническій частный домъ, изъ первыхъ — цѣлая Старо-Газовская слободка со множествомъ улицъ и переулковъ, такъ называемая Новая стройка, между желѣзнодорожными вокзалами и рощей, позади Краснаго пруда, сахарный заводъ бывшій Борисовскихъ, фабрика бывшая Ахенбахъ и мн. др., и едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ неособенно далекомъ будущемъ и весь Сокольничій лѣсъ сольется съ Москвою въ одно цѣлое, превратившись не болѣе, какъ въ городской паркъ, въ родѣ, на примѣръ, Екатерининскаго.

Д. Покровский.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ.

К. К. Случевскій.

I.

ВЫЦИМЪ недостаткомъ нашей критики всегда было и остается неумѣніе захватить возможно широкій кругъ литературныхъ явленій, заниматься возможно большимъ количествомъ авторовъ. У каждаго критика имѣются излюбленные поэты и романисты, которымъ онъ отдаетъ все вниманіе, лишь мелькомъ останавливаясь на писателяхъ не изъ «его компаніи». Поэтому каждый русскій критикъ очень быстро обособляется и опредѣляетъ свое подлинное значеніе. Если вы читатель наблюдательный, вы прекрасно знаете, у кого изъ критиковъ что найдете, кто чѣмъ интересуется, кто кого хвалить или бранить. Не выходя за предѣлы заколдованнаго круга, критика оставляетъ нерѣдко малоислѣдованными такіа развѣтвленія современнаго художественнаго творчества, которыа читающей публикой уже отмѣчены и отчасти поняты. Иными словами, у насъ не трудно встрѣтить писателей, пользующихся значительной извѣстностью и въ то же время лишь иногда, случайно только, удостоиваемыхъ вниманія со стороны критики. Быть признаннымъ публикой и незамѣчаемымъ критикой, конечно, лучше, нежели наоборотъ, но мы говоримъ теперь не съ точки зрѣнія авторовъ. Неповоротливость критики, ея упорное стремленіе вертѣться вокругъ

двухъ-трехъ литературныхъ явленій имѣть прискорбное значеніе для читателя. Читатель не видитъ въ критикѣ того, что долженъ онъ видѣть. Критика не то что отстаеъ отъ него, а просто обособила себя отъ читателя и даже не выказываетъ претензіи навязывать ему своихъ интересовъ. Пусть читатель интересуется чѣмъ угодно—критика этимъ не озабочена, ибо современный читатель слишкомъ пестръ и обладаетъ не вполне опредѣленной фізіономіей. Возиться съ нимъ, уяснить его себѣ, критика не желаетъ. Въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ упрощеній труда упрощается и трудъ критики. Даже больше слѣдовало бы сказать: трудъ критики уже упростился и свелся къ одному выписыванію «избранныхъ мѣстъ».

Собственно учинять нападеніе на современную критику занятіе неблагодарное уже по тому одному, что всѣ такія нападенія банальны. Если я рѣшаюсь предаться этому банальному занятію, то въ силу крайней необходимости. Писатель, которому посвященъ настоящій этюдъ, имѣетъ полное право сказать, что съ читающей публикой ему всегда приходилось имѣть дѣло непосредственно, что худо ли, хорошо ли, понимаетъ публика—она понимаетъ его по-своему, и никто ей ничего не пытался уяснять. Шаблонныя похвалы опять не могутъ идти въ счетъ; шаблонныя порицанія также не заслуживаютъ чести быть отмѣченными. Кажется, талантъ К. К. Случевского ни въ комъ не возбуждалъ сомнѣній, но критика не знала, къ какой категоріи отнести этотъ талантъ, каково его истинное значеніе. Я не удивился, не найдя фамиліи г. Случевского въ «исторіи новѣйшей литературы», составленной г. Скабичевскимъ. Не было тутъ ничего удивительнаго по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, г. Скабичевскій понимаетъ только такихъ поэтовъ и беллетристовъ, которые проводятъ въ своихъ произведеніяхъ затверженныя нашимъ критикомъ «идеи». Затверженныя имъ идеи ему дороги, милы и близки; если же идея не принадлежитъ къ данной счастливой категоріи, то г. Скабичевскій ее уже не понимаетъ, она кажется ему вздоромъ, подлежащимъ упраздненію. А такъ какъ авторъ «новѣйшей литературы» человекъ весьма самомнительный, натурально, онъ преувеличиваетъ представленіе о «силѣ своего молчанія» и наивно думаетъ, что замолчать писателя значитъ упразднить его. Во-вторыхъ, г. Скабичевскій критикъ съ опредѣленными закулисными тенденціями. По нѣкоторымъ важнымъ соображеніямъ, онъ отводитъ мѣсто только поэтамъ ультра-идейнымъ, въ родѣ Надсона, гг. Виленкина и Фруга. Въ такую превосходную компанію, разумѣется, г. Случевского помѣстить нельзя. Г. Скабичевскій и не помѣщаетъ его.

Представьте себѣ, что, не найдя въ «идейныхъ» матеріалахъ, собранныхъ г. Скабичевскимъ, указаній относительно литературной дѣятельности К. К. Случевского, вы, благодаря необъяснимому случаю, открываете книгу почтеннаго автора на повѣсти «Профес-

сорь безсмертія». Я заранѣе предвижу ваше безмѣрное удивленіе. У васъ невольно рождается вопросъ: не слѣдуетъ ли, прежде всего, посмотрѣть на г. Случевского, какъ на писателя идейнаго?

Дѣйствительно, съ этого и слѣдуетъ начать. Г. Случевскій писатель идейный, но не въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ его употребляютъ гг. Скабичевскіе. Нашъ авторъ нигдѣ не проповѣдуетъ святыхъ истинъ о необходимости голоднаго накормить, страннаго пріютить, болящему помочь. Онъ, слава Богу, давно вышелъ изъ пеленокъ такой идейности, и ему кажется просто дикимъ приставать къ читателю съ подобнымъ вздоромъ. Г. Случевского интересуетъ болѣе интимный, болѣе сложный и глубокій смыслъ наблюдаемыхъ явленій. Здѣсь, чтобы разъ навсегда покончить со всякими «но», я отмѣчу одну особенность художественнаго творчества г. Случевского, особенность, на мой взглядъ, отрицательнаго значенія. Г. Случевскій слишкомъ сдержанъ и остороженъ. Онъ чувствуетъ всю оригинальность своего міросозерцанія и какъ бы боится высказываться до конца. Можетъ быть, я ошибаюсь, но на меня этотъ талантливый писатель производитъ въ извѣстныхъ случаяхъ такое впечатлѣніе: онъ не желаетъ вводить cadaго читателя въ соблазнъ. Пусть тотъ, кто уже готовъ къ «соблазну», соблазнится, но людей первобытнаго склада понятій онъ не хочетъ сбивать съ позиціи своимъ позитивнымъ отношеніемъ къ жизни и житейскимъ явленіямъ, своей научно-художественной критикой историческихъ дѣятелей, событій и т. п. Результатомъ этого является нѣкоторая неясность основной мысли. Читателю приходится производить лишнюю работу, отстраняя элементы наносные и освобождая изъ-подъ нихъ настоящую идею произведенія.

Ближайшимъ образомъ моя оговорка относится къ повѣсти «Профессоръ безсмертія», лучшему изъ прозаическихъ произведеній г. Случевского. Въ современной нашей литературѣ я не знаю ничего болѣе интереснаго и оригинальнаго. На содержаніи «Профессора безсмертія» необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе. Молодому петербургскому чиновнику Семену Андреевичу Подгорскому, кандидату Московскаго университета, побывавшему и въ заграничныхъ университетахъ, пришлось отпроситься въ далекую командировку—въ калмыцкія степи. Собирая различныя свѣдѣнія относительно предстоящаго путешествія, Семень Андреевичъ получилъ, между прочимъ, совѣтъ заѣхать по дорогѣ къ нѣкоему Петру Ивановичу Абатулову, доктору медицины, имѣющему на Волгѣ усадьбу, Родниковку, настоящій земной рай. Петра Ивановича Подгорскому отрекомендовали «чудакомъ перваго разбора», а такъ какъ «чудачками» у насъ обыкновенно называютъ людей оригинальнаго, умственнаго и нравственнаго склада, часто людей выдающихся, то характеристика оказалась не совсѣмъ невѣрной.

Посѣтивъ Родниковку, Подгорскій очень скоро заинтересовался

чудакомъ-владѣльцемъ. Впечатлѣніе нѣсколько портила супруга Петра Ивановича, молодая, красивая, но въ высшей степени легкомысленная и, повидимому, не строгихъ правилъ женщина. Она постоянно «развлекалась», устраивала parties de plaisir, принимала ухаживателей и ухаживанія, менѣе всего удѣляя вниманія мужу. Замѣчалъ ли Петръ Ивановичъ слабости жены, бросавшіяся въ глаза постороннимъ людямъ? Вѣроятно, нѣтъ, потому что онъ любилъ ее «такъ искренно, такъ нѣжно», какъ любятъ лишь женщинъ, которымъ безусловно вѣрятъ. Но жизнь Петра Ивановича была полна не одною любовью къ женѣ. Много времени отнимали у него больные, стекавшіеся въ Родниковку цѣлыми толпами и находившіе здѣсь если не всегда исцѣленіе, то самое сердечное стремленіе помочь. Занятый любимымъ дѣломъ, довольный внѣшнею обстановкой, владѣлецъ Родниковки производилъ впечатлѣніе глубоко-уравновѣшеннаго, счастливаго въ своемъ прочномъ спокойствіи человѣка. Вскорѣ Подгорскому представился случай убѣдиться, что Петръ Ивановичъ дѣйствительно уравновѣшенный и счастливо-спокойный человѣкъ, основывающій уравновѣшенность и спокойствіе на строго-научной, выведенной имъ, теоріи. Произошло это такимъ образомъ. Супруга Петра Ивановича отправилась съ большою и веселою компаніею знакомыхъ на прогулку, которая должна была продлиться нѣсколько дней. Подгорскій отказался участвовать въ прогулкѣ. Между оставшимися дома хозяиномъ и гостемъ завязался разговоръ, принявшій вскорѣ очень опредѣленное направленіе. Петръ Ивановичъ отрекомендовался человѣкомъ, «искоренившимъ въ себѣ все мистическое». Бесѣдуя на эту тему, Подгорскій коснулся вопроса о безсмертіи души. Вопросъ о безсмертіи души являлся какъ бы вызовомъ для Петра Ивановича, и онъ принялъ вызовъ. Подгорскій узналъ тутъ, что у Петра Ивановича доведена до конца большая работа, доказывающая единоличное безсмертіе души человѣка естественно-научнымъ путемъ. Чтобы ознакомиться подробнѣе съ теоріею Петра Ивановича, его слушатель долженъ былъ признать два вывода: во-первыхъ, тотъ выводъ, что организмы на землѣ неуклонно совершенствуются, и, во-вторыхъ, тотъ, что однажды достигнутое совершенство сохраняется. Далѣе, «профессоръ безсмертія» устанавливаетъ существованіе полнаго единенія, неразрывной связи между міромъ органическимъ и неорганическимъ, находя такое же единеніе и законы, управляющіе всѣми царствами природы. Признавъ, такимъ образомъ, «божественный строй мірозданія», авторъ теоріи доказываетъ вслѣдъ за этимъ, «что и человѣкъ не составляетъ никакого исключенія и ни въ чемъ не является снабженнымъ особыми привилегіями, кромѣ одной: въ качествѣ послѣдняго слова творенія, въ качествѣ его согопа triumphalis, дальнѣйшее развитіе мірозданія можетъ совершаться впредь, такъ сказать, только сквозь него».

Въ послѣдующемъ развитіи теоріи Петру Ивановичу приходится прибѣгать къ «психофизикѣ», на которую онъ возлагаетъ большія надежды. По его мнѣнію, «въ недалекомъ будущемъ психофизика дастъ недостающія доказательства *ad oculos*, при наличности которыхъ будетъ уже совершенно ясно, что все, исходящее отъ души человѣка (т. е. изъ его мыслей, фантазіи, чувствъ и т. д.) и составляющее субъекты его творчества, а именно: науки, искусства, законодательства, дѣянія, военное дѣло, ораторская рѣчь, симфонія, домъ, философская система, каналъ и пр., и пр.,—составляютъ не что иное, какъ продолженіе творчества самой природы, творчество ея черезъ посредство человѣка, нѣчто подобное тому, что совершаетъ дерево, наливая свой плодъ и давая сѣмя». Произведенія творческой силы человѣка авторъ теоріи называетъ «психическими организмами», потому что они являются «въ своеобразномъ мірѣ произведеній творчества человѣческаго духа» какъ бы самостоятельными, отдѣльными, имѣющими свое бытіе «индивидуумами». Къ «психическимъ организмамъ» «профессоръ безсмертія» относитъ все, создаваемое духомъ человѣка: дѣяніе, пѣсню, картину, мость, химическій опытъ, битву, исторію, законодательство и т. д. Для объединенія всѣхъ этихъ частичныхъ выводовъ и заключеній Петру Ивановичу нужна была соответственная система. Изъ существующихъ онъ выбралъ систему Дарвина и воспользовался, какъ наиболѣе «сподручной», схемой физиологическихъ и біологическихъ явленій Геккеля.

Такимъ путемъ нашъ «профессоръ» пришелъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ основаніямъ, общимъ для міра произведеній природы и произведеній творчества человѣка: 1) въ исторіи развитія организмовъ всего міра, начиная отъ протоплазмы и кончая мыслью Ньютона или Шекспира, ясно, какъ Божій день, что, съ нѣкоторыми исключеніями, съ нѣкоторыми отступленіями (регрессами), все твореніе несомнѣнно совершенствуется (по Дарвину — дифференцируется), улучшается, и что 2) усовершенствованіе, однажды имѣвшее мѣсто, съ малыми исключеніями и отступленіями, сохраняется и на будущее время, чѣмъ обуславливается нарожденіе еще болѣе усовершенствованныхъ формъ, устраняющихъ и замѣняющихъ формы менѣе совершенныя.

Теперь, присоединяя къ ранѣ сдѣланнымъ выводамъ строгую, законную логичность бытія вселенной и стремленіе его къ извѣстной цѣли, легко уже переходъ къ безсмертію человѣческой души. Можетъ ли быть, чтобы твореніе, то-и-дѣло развиваясь, съ трудами и необычайными усиліями вырабатывая, на основаніи непреложныхъ законовъ, высшую форму, душу человѣка, непремѣнно «индивидъ», «личность», сразу обрывалось на смерти этого «индивида», на уничтоженіи, съ такимъ трудомъ и въ такое долгое время, доразвившейся души? Тутъ что нибудь одно: «или все

бытіе земное не что иное, какъ безуміе, иронія, мыльный пузырь, — но тогда зачѣмъ же предвѣчные, несомнѣнные, непреклонные, математически-точные законы мірозданія, зачѣмъ вся эта обстановка строгой логичности—для надувательства кого-то, для какого-то важнаго, триумфальнаго, законнаго шествія въ глупѣйшее ничто? или, наоборотъ, если законы — не шутка, если жизнь дѣйствительно логична и развитіе въ извѣстномъ направленіи—ея суть, тогда признайте въ гибели единоличной души человѣка, т. е. высшаго индивида, совершеннѣйшую невозможность, полное отрицаніе всей остальной жизни, всѣхъ несомнѣнныхъ законовъ бытія, какой-то невѣроятный, безпричинный скачекъ по совершенно противоположному всему движенію бытія направленію? Но, признавъ невозможность гибели души, что будетъ совершенно правильно, предоставьте же ей, въ силу сохраненія однажды выработанныхъ улучшенныхъ формъ, дальнѣйшее развитіе, т. е. загробную жизнь».

Совершенно естественно, что вслѣдъ за этими пунктами теоріи выступаетъ вопросъ: можно ли представить себѣ душу безъ тѣла, и гдѣ будетъ происходить дальнѣйшее развитіе индивидуальной души? Первую половину вопроса «профессоръ безсмертія» оставляетъ безъ отвѣта; чтобы дать его, ему пришлось бы прибѣгнуть къ метафизикѣ, изгнанной изъ всѣхъ предшествовавшихъ разсужденій. Что же касается второй половины, то здѣсь Петръ Ивановичъ основывается на законѣ Карно относительно преобразованія тепла въ механическую силу при переходѣ его отъ тѣла болѣе нагрѣтаго къ менѣе нагрѣтому. Этотъ законъ помогаетъ автору теоріи сдѣлать заключеніе, что вѣчный покой мірозданія обуславливается равномѣрностью температуры. Очевидно, что уже «не бессмысленно посмотрѣть на индивидуумъ человѣка, совершившій свое земное, видимое бытіе, какъ на нѣкое жизненное явленіе, поглотившее, устранившее изъ міроваго обращенія весьма значительное количество тепла; смерть человѣка, въ такомъ случаѣ, была бы не чѣмъ инымъ, какъ кажущимся исчезновеніемъ нѣкакого количества тепла, и душа его, за гробовою доскою, чѣмъ-то совершившимъ вполне жизненный круговоротъ, кончившимъ возможную, въ условіяхъ нашего нынѣшняго міра, работу и безвозвратно отошедшимъ отъ участія въ жизни, но не сгинувшимъ».

Такова теорія Петра Ивановича. Она нарождаетъ много, по его выраженію, «вопросиковъ», которые авторъ теоріи лишь намѣчаетъ, останавливая вниманіе слушателя лишь на одномъ, чрезвычайно важномъ ея слѣдствіи: въ признаніи безсмертія души кроется цѣлая система высокой нравственности, своеобразная естественно-научная этика, возбраняющая человѣку быть злымъ, мстительнымъ и т. п.

Но при всей стройности теоріи «профессора» въ ней замѣчается пробѣлъ, который сознаетъ и онъ самъ: въ теоріи не

остаются мѣста ни вѣрѣ, ни церкви, ни молитвѣ. Зачѣмъ, однако, вѣра, когда вѣришь только одному убѣжденію, вытекающему отъ доводовъ разсудка? И все-таки непониманіе «трехъ психическихъ организмовъ» мучить «профессора безсмертія», наводя его иной разъ на страшную мысль: а что если вся система—фантазія, мыльный пузырь?

Едва собесѣдники успѣли докончить разговоръ, какъ въ Родниковку прискакалъ калмыкъ съ письмомъ отъ исправника. Исправникъ увѣдомлялъ Петра Ивановича, что пароходъ, на которомъ отправилась веселая компанія, претерпѣлъ крушеніе. Путешественники перешли въ лодку, лодка опрокинулась, и двое изъ бывшихъ въ ней утонули, въ томъ числѣ жена Петра Ивановича.

Что же пережилъ и перечувствовалъ Петръ Ивановичъ съ того момента, когда узналъ о внезапной смерти жены и до того момента, когда, отысканная, она была перевезена въ Родниковку, отпѣта и похоронена? Послѣ похоронъ горе всегда становится какъ-то безплотно, если не переходитъ въ истое отчаяніе. Петра Ивановича оно не сломило. «Да-съ,—говорилъ онъ при послѣдующей встрѣчѣ Подгорскому,—горе жизни есть великое просвѣтлѣніе души человѣка! При томъ горѣ, которое такъ негаданно быстро постигло меня, я убѣдился въ многомъ, совершенно для меня новомъ и даже неожиданнымъ. Вотъ, напримѣръ, самое важное, въ чемъ я убѣдился, это то, что я уразумѣлъ значеніе вѣры. Помните, Семенъ Андреевичъ, я говорилъ иначе, я въ ея причинности сомнѣвался, я неясно понималъ, какое именно можетъ она занимать мѣсто, къ чему она, если допустить, что объясненія науки вполне достаточно. Теперь я знаю. Есть минуты въ жизни, когда, въ силу внутренняго сокрушенія всей духовной системы, парализуются въ человѣкѣ не только всѣ орудія мышленія, но,—и это главное,—нѣтъ времени на соображеніе, на приведеніе въ дѣйствіе этихъ орудій самоуясненія и самозащиты. Это тѣ страшныя минуты жизни, въ которыя вѣрующій накладываетъ на себя руки, или совершаетъ преступленіе, или, наоборотъ, вполне бездѣйствуетъ и тѣмъ обуславливаетъ горе и себѣ, и другимъ. Для вѣрующаго въ такія минуты достаточно одной только мгновенной мысли о Богѣ, достаточно ухватиться»...

Петръ Ивановичъ вспомнилъ, какъ однимъ изъ первыхъ его движеній было, едва онъ узналъ о смерти жены, послать за священникомъ о. Игнатіемъ, какъ онъ, упавъ передъ нимъ, въ краткихъ восклицаніяхъ излилъ скорбь. «Какъ воздухъ задыхающемуся,—продолжалъ «профессоръ безсмертія»,—мнѣ нуженъ былъ служитель церкви, вещественный знакъ церкви, этого прямого свидѣтельства Бога на землѣ! Мнѣ казалось, что душа моя уходитъ, и она ушла бы непременно, если бы не появился мой дорогой

о. Игнатій! Да-съ, Семень Андреевичъ, въ минуты полной распатанности человѣка, когда онъ сокрушенъ въ себя,—а, слѣдовательно, для него сокрушенъ и весь міръ,—церковь, какъ внѣшняя изобразительница молитвы, вѣры и Бога, церковь въ ея неподвижности отъ вѣка, въ ея текстахъ и реченіяхъ, записавшихся въ безконечной давности, церковь, чуждая измѣняемости въ смыслѣ моды и развитія, одна только остающаяся незыблемою, неподвижной въ верченіи времени, становится вполне необходимо!»..

До сихъ поръ мы слѣдили исключительно за идеей автора, который рисовалъ ее въ образахъ и подкрѣплялъ художественно воспроизведенными картинами ничего не ждущей, совершающей свое обычное движеніе, жизни. Какъ тѣсно слита и та, и другая часть теоріи съ внѣшними обстоятельствами существованія «профессора безсмертія»! Раньше его мысль работала спокойно, ничѣмъ не отвлекаемая. Ея работа становилась все увѣреннѣе и смѣлѣе, пока не приняла вида стройной, научно обоснованной, богатой неопровержимыми доказательствами системы. И вдругъ внѣшнія условія измѣняются. Неожиданно, точно буря въ ясный день, налетѣло на Петра Ивановича тяжелое несчастіе. Оно перешибло высокой преградой мирное, величавое теченіе его мысли, погнало ее къ другому, новому руслу. И новое русло скорѣе привело къ истинѣ, потому что прежнее было проложено далеко отъ жизни и со временемъ отходило все дальше и дальше.

Мой сравнительно подробный пересказъ «Профессора безсмертія» даетъ слабое понятіе о повѣсти. Она идейна, но въ лучшемъ, благородномъ смыслѣ слова. Только писатель, одаренный большимъ художественнымъ талантомъ, могъ уравновѣсить интересъ между теоретическою, такъ сказать, частью произведенія и частью художественной. Петръ Ивановичъ вовсе не олицетворенная идея; это человѣкъ, у котораго есть извѣстная, завѣтная идея, и человѣкъ живой. Г. Случевскій съ большимъ мастерствомъ избѣгъ натянутости и неестественности при передачѣ теоріи Петра Ивановича. Онъ излагаетъ ея основаніе отдѣльно, въ формѣ записки, составленной «Профессоромъ безсмертія». Бесѣда съ Подгорскимъ оживляется не однѣми репликами, въ повѣстяхъ нѣкоторыхъ авторовъ производящими впечатлѣніе «абзаца для разнообразія»; она оживляется теченіемъ жизни, просто и естественно отвлекающимъ собесѣдниковъ отъ разговора. Вы получаете, вмѣстѣ съ ними, возможность дать отдыхъ напряженному вниманію и разобратъся въ массѣ пестрыхъ, но одинаково важныхъ, подробностей.

Если прибавить къ этому обиліе превосходныхъ описаній природы, то будетъ ясно, въ какой мѣрѣ не похожа повѣсть г. Случевского на обыкновенныя «идейныя» повѣсти, какъ оригинально она задумана и мастерски выполнена авторомъ. Я уже говорилъ,

что изъ прозаическихъ произведеній г. Случевского «Профессоръ безсмертiя» наиболѣе замѣчательное. Въ русской литературѣ ему принадлежитъ почетное мѣсто.

II.

Переходимъ къ другимъ рассказамъ талантливаго автора. «Историческiя картинки» представляютъ собою рядъ иллюстрацiй къ тѣмъ или инымъ событiямъ прошлаго. Каждая картинка, помимо художественной стороны, заключаетъ еще сторону идейную: мы знакомимся съ взглядомъ автора на различные событiя и эпохи. Этотъ взглядъ всегда оригиналенъ, всегда обличаетъ въ авторѣ высоко-образованнаго и мыслящаго человѣка. Какъ поэтъ-художникъ, г. Случевскiй беретъ обыкновенно художественную сторону событiй и эпохъ. Напримѣръ, въ рассказѣ «Боровъ» воспроизведена картина средневѣковой казни. На пустырь, около городскихъ воротъ, въ виду горъ, среди которыхъ пестрѣютъ замки рыцарей, свуютъ пестрыя толпы народы. Палачъ, весь въ пурпурѣ, рассказываетъ около висѣлицъ. Тутъ же—по близости кабачекъ. Въ кабацкѣ—веселыя женщины, нѣсколько человѣкъ королевскихъ арбалетчиковъ и латниковъ. Зашелъ въ кабачекъ и палачъ. Онъ молча выпилъ кружку сидра, молча бросилъ деньги на столъ и опять направился къ висѣлицамъ. Кабатчикъ швырнулъ деньги, полученные отъ палача, въ толпу женщинъ и калѣкъ.

Раздаются удары колокола равномѣрно, одинъ за другимъ. Вдали показывается печальная церемонiя. Приближаясь, она становится все виднѣе и виднѣе. Впереди монахъ, съ чернымъ покрываломъ и распятiемъ въ рукѣ. Сзади него—опять монахи. Они несутъ факелы. За ними осужденные. Далѣе слѣдовала телѣга съ большою деревянною клѣткой. Въ клѣткѣ былъ дородный, усердно хрюкавшiй боровъ. Боровъ случайно убилъ человѣка. Теперь онъ долженъ искупить преступленiе.

Процессiя остановилась. Латники принялись отгонять слишкомъ приблизившiйся народъ. Палачъ приступилъ къ послѣднимъ приготовленiямъ... «Толпа молчала упорно и глухо; зато черная, несмѣтная стая воронъ, налетѣвшая изъ сосѣдняго лѣса и расположившаяся на крышѣ и изгороди кабака, заявляла о своемъ прибытiи карканiемъ...». Борова одѣли въ привезенную юбку, и правосудiе исполнило свое дѣло надъ нимъ; формальное правосудiе ошиблось, однако, и на этотъ разъ: борова не слѣдовало вѣшать въ юбкѣ.

Историческая картинка «Въ скудельницѣ» переноситъ насъ въ эпоху Иоанна IV, во времена опричины. Опричники прямо съ полночнаго пира отправляются въ объѣзды. Все это молодцы къ молодцу, лихiя, но вмѣстѣ и отпѣтыя головы. Предметомъ экс-

курсіи опричники выбрали скудельницу. Тамъ сегодня мертвыхъ хоронить будутъ, сойдутся родственники — и дѣвки, и жены. Молодцы и тутъ, конечно, умудряются погулять.

Дѣйствительно, въ скудельницѣ оказалось большое сборище. Одинъ изъ опричниковъ, Петка, замѣтилъ красивую дѣвушку и бросился за ней въ погоню. Дѣвушка юркнула въ открытыя двери скудельницы, опричникъ за ней. Смердный воздухъ охватилъ Петку, но онъ продолжалъ преслѣдованіе. А дѣвушка отходила отъ него дальше и дальше, какъ бы обращаясь въ яркое видѣніе. Опричникъ задыхался. «Сквозь отдушину, обращенную прямо на востокъ, обильнымъ потокомъ вливались румяные лучи утренняго солнца и золотили пламенемъ и багрянцемъ лицо притаившейся въ углу дѣвушки...». Колѣни подогнулись у опричника... Онъ рухнулъ вдоль уступа, окружавшаго логовище.

Какая яркая, своеобразная, до мелочей типичная картина! Разумѣется, автору ея не достаточно было одного знанія эпохи. Еще болѣе важными элементами тутъ являются художественное творчество и художественное чутье.

А дальше — поэтический образъ Форнарины, Рафаэля, Рибейра, полный романтическаго интереса эпизодъ съ знаменитымъ впоследствии граверомъ Жакомъ Калло, торжественная встрѣча Кановы въ родномъ его мѣстечкѣ, Разумовскій, сжигающій бумаги, удостовѣряющія его бракъ съ Елизаветой Петровной, путешествіе императрицы Екатерины II къ кievскимъ угодникамъ. Сколько разнообразія, сколько эпохъ, сколько яркихъ лицъ, яркихъ событій, ослѣпительно сверкающихъ красокъ!.....

Оригинальны и талантливы бытовые очерки К. К. Случевского но мы отдали бы предпочтеніе историческимъ картинкамъ. Въ нихъ художникъ чаще и рѣзче беретъ перевѣсъ надъ мыслителемъ. Въ бытовыхъ очеркахъ, особенно изъ свѣтской жизни, нашъ авторъ обнаруживаетъ много тонкой наблюдательности, но порою здѣсь слишкомъ рѣзко чувствуется саркастическое отношеніе къ дѣйствующимъ лицамъ, къ окружающей ихъ обстановкѣ, къ ихъ тревогамъ, радостямъ, любви и ненависти.

Чрезвычайно своеобразное впечатлѣніе, изъ серіи названныхъ очерковъ, производятъ два: «Слова на улицѣ» и «Воображающіе». Идея перваго очерка раскрывается передъ читателемъ изъ первыхъ же строкъ. «Можно ли, — такъ думалъ человекъ среднихъ лѣтъ, приличной наружности, порядочно одѣтый, — можно ли изъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, доходящихъ до слуха на улицѣ, составить себѣ какой либо характерный узоръ, картинку, что либо сильное, что бы говорило о сегодняшнемъ днѣ, о характерѣ времени и рисовало бы ихъ?» Во второмъ эпизодѣ изображенъ чудакъ, ловко мистифицирующій мало занятыхъ людей, которыхъ ему приходится встрѣчать на многолюдныхъ собраніяхъ. Онъ разсказывалъ своей

жертвѣ всякія небылицы о мужчинахъ и дамахъ, представляя ихъ «воображающими», что они значатъ то-то и то-то, тогда какъ въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго.

Сатирическая струйка пробивается замѣтно, пробивается даже въ такихъ разсказахъ, какъ «Завянетъ ли?», заключающій трогательный, хотя и «житейскій» эпизодъ изъ жизни только-что повѣнчавшихся супруговъ. Молодой женщинѣ пришла мысль посадить отпрыскъ померанцеваго дерева, связавъ его судьбу и долговѣчность съ собственной судьбою. Деревцо, не смотря на тщательный уходъ, погибло. Увяданіе и наконецъ гибель деревца внесли въ безоблачное существованіе молодыхъ супруговъ тревогу, искреннее огорченіе. Но судьба рѣшила утѣшить ихъ такъ или иначе: умерло померанцевое дерево — около него зародилась другая жизнь: изъ скромной ивовой палочки, подоткнутой для поддержки деревца выступили четыре почки... вмѣсто померанцеваго дерева выросла ива. Когда она поднялась, ее пересадили въ садъ. Она выросла въ великолѣпное, красивое дерево.

Все это разсказано въ сжатой, изящной формѣ. Только двѣ заключительныя строки открываютъ мысль автора; однако насмѣшливое отношеніе его и къ героямъ, и къ самому эпизоду чувствуется отъ начала до конца.

Намъ пришлось бы останавливаться почти на каждомъ разсказѣ и каждомъ очеркѣ, если бы мы имѣли въ виду не общую характеристику писателя, но подробное ознакомленіе читателей съ его оригинальными замыслами—въ отдѣльности. Все свѣжо, оригинально, колоритно. Конечно, одинъ разсказъ производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, другой кажется слабѣе. Но нигдѣ у г. Случевского не найдется и слѣда того, что называется банальнымъ.

III.

Стихотворенія К. К. Случевского — теперь мы переходимъ къ нимъ — носятъ на себѣ характеръ той же оригинальности и самобытности. Единственно, въ чемъ можно упрекнуть автора, это въ снисходительномъ отношеніи къ такъ называемымъ «прозаическимъ оборотамъ». Г. Случевскій, разумѣется, легко отнял бы «прозаическіе обороты», если бы придавалъ имъ серьезное отрицательное значеніе. Нашъ талантливый поэтъ всегда и болѣе всего занятъ образомъ, точною и сильною передачей чувства въ его сложныхъ, прихотливыхъ проявленіяхъ. Я не могу удѣлить много мѣста цитатамъ и потому долженъ ограничиться лишь нѣсколькими стихотвореніями, которыя показались мнѣ типичными въ какихъ либо отношеніяхъ.

Многія описанія природы проникнуты у него глубокою, одухотворяющею поэзіей. Приведу хотя бы VII пьесу изъ «Мурманскихъ отголосковъ»:

И подумаешь, бросивъ на край этотъ взоры:
Здѣсь, когда-то, въ огняхъ допотопной земли,
Кто-то сложилъ у моря высокія горы,
И лежать онѣ такъ, какъ когда-то легли!

Непривѣтны, черны громоздятся уступы...
То какой-то до вѣка погасшій костеръ,
То какихъ-то мечтаній безличныя трупы,
Чей-то каменный сонъ, наводнившій просторы!

Въ немъ угрюмые люди, поморы, толкуются,
Призываются къ жизни на краткіе дни...
Не дано имъ ни мыслью, ни чувствомъ проснуться!
Ужъ не этимъ ли счастливы въ жизни они?

Сопоставьте это стихотвореніе съ пѣснею «Будто мѣсяць съ шатра голубого», передающей сильный, страстный лирическій порывъ:

Будто мѣсяць съ шатра голубого,
Ты мнѣ въ душу глядишь, какъ въ ручей..
Онъ струится, журча безтолково,
Въ чистомъ золотѣ горнихъ лучей.

Искры блещутъ, что риза живая...
Какъ былъ темень и мраченъ родникъ,—
Какъ зажегся ручей, отражая
Твой живой, твой трепещущій ликъ!..

Достаточно сопоставить эти два стихотворенія, чтобы понять, какъ много красокъ на палитрѣ нашего художника, и какъ разнообразны мотивы его поэзіи.

И въ стихотвореніяхъ г. Случевского, точно также какъ и въ разсказахъ и повѣстяхъ, видное мѣсто принадлежитъ идеѣ. Но здѣсь она, конечно, пріобрѣтаетъ инныя очертанія, сливаясь то съ образомъ, то съ чувствомъ. Изъ стихотвореній послѣдней категоріи приведу «Будущимъ могиканамъ»:

Да, мы молчимъ... въ концѣ концовъ—безспорно
Юродствующій вѣкъ проходитъ надъ землей,
Хотя не желѣвною, но ловкою рукой
Онъ душитъ тихо, ласково, упорно!
Ну, что же? положимъ такъ, что вовсе не заорно
Молчать и гнаться заодно съ толпой,
Въ весельи чувственности сытой и шальной
Засмѣивать печаль и шествовать попарно!
Толпы всегда толпы! въ толпѣ себя не видно;
Сойти въ могилу съ нею можно безобидно;

Но каково же тѣмъ, кому судьба—старѣть,
Дождаться, какъ придуть иныя поколѣнья
И окружать собой ихъ, ждущихъ отпущенья,
Послѣднихъ могиканъ, забывшихъ умереть.

Кромѣ лирическихъ пьесъ, въ четырехъ книжкахъ стихотвореній К. К. Случевского находится нѣсколько поэмъ и драматическихъ произведеній: «Ересіархъ», «Картинка въ рамѣ», «Попъ Елисей», «Землетрясеніе» (драматическія сцены), «Мефистофель» и цѣлый рядъ балладъ.

Если г. Случевского-прозаика можно назвать писателемъ не общедоступнымъ, то Случевскій-поэтъ еще требовательнѣе и разборчивѣе по отношенію къ читателю. Любители «нѣжныхъ», но достаточно банальныхъ чувствъ, переданныхъ «гладкими» стихами, не будутъ удовлетворены, прочитавъ хотя бы одну книжку нашего поэта. Не произведетъ она впечатлѣнія и на критиковъ, которыхъ одобряютъ за преданность «идеѣ» (смѣшиваемой въ данномъ случаѣ съ тенденціей) и презрѣніе къ «эстетическимъ прелестямъ». Г. Случевскій художникъ и эстетикъ, но онъ смотритъ на задачи поэзіи широко, что, по стройной практической логикѣ, должно суживать кругъ понимающихъ его читателей. Передача примитивныхъ «нѣжныхъ чувствъ» гладкими стихами, разумѣется, мало имѣетъ общаго съ поэзіей. Но кто нынче приступаетъ къ стихамъ такъ, какъ приступали еще не очень давно. Кто способенъ слѣдить за развитіемъ художественной идеи поэта, за изгибами его чувства, за воплощеніемъ въ образы и звуки тѣхъ интимныхъ, но яркихъ впечатлѣній, которыя понятны лишь болѣе или менѣе тонко организованнымъ въ нравственномъ отношеніи натурамъ. Я вовсе не дурного мнѣнія о современномъ человѣкѣ и вѣрю, что не перевелись еще современные знатоки поэзіи. Но знатоки становятся всѣ несообщительны, всѣ пристальнѣе берегутъ отъ непосвященныхъ драгоценныя «перлы поэзіи». А современному писателю всегда какъ-то некогда, всегда онъ чѣмъ-то занятъ и рѣшительно не имѣетъ времени для воспитанія въ себѣ эстетики.

Такимъ образомъ аудиторія г. Случевского—не большая аудиторія, но аудиторія избранная. Поворотъ, ясно обозначившійся въ нашей беллетристикѣ, даетъ основаніе предполагать, что аудиторія эта будетъ не уменьшаться, а увеличиваться. Хотя современному писателю и «некогда», и онъ не успѣваетъ преобразиться въ эстетика, однако вкусы его отнюдь не благопріятствуютъ процвѣтанію пустоцвѣтнаго или узкотенденціознаго творчества.

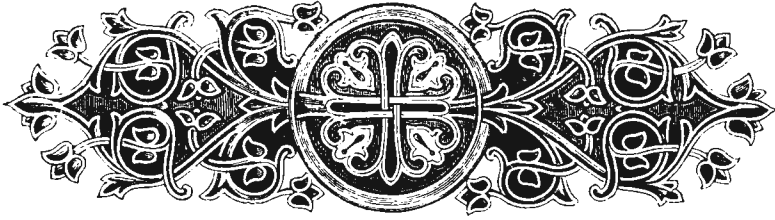
Пусть наши истинно талантливые поэты и беллетристы остаются до времени только на половину понятыми; не нужно настраивать себя на пессимистическій ладъ. Здѣсь просто приходится примириться съ мыслью—прожить въ своихъ произведеніяхъ дольше, чѣмъ полагается жить человѣку плотскому. А «пережить прахъ и

тлѣнія избѣжать» хотя бы и на вѣчныя времена—все же завидная доля того, кто способенъ чувствовать восторгъ при мысли о безсмертіи всего, созданнаго творческимъ духомъ человѣка.

Не приводя никакихъ параллелей и дополняя лишь общую мысль, укажу на примѣръ Фета: до сихъ поръ еще его, какъ слѣдуетъ, не судили и, вѣроятно, еще не скоро будутъ судить. Но, разумѣется, Фетъ не умеръ.

К. Медвѣдскій.

ГОЛЛАНДЕЦЪ КЛЕНКЪ ВЪ МОСКОВІИ.

ОВНО двѣсти двадцать лѣтъ тому назадъ крохотная Голландская республика переживала весьма трудное время. Съ одной стороны напалъ на нее французскій король Людовикъ XIV, съ другой тѣснилъ ее флотъ англичанъ, съ третьей ежеминутно готовы были напасть архіепископъ Кельнскій и епископъ Мюнстерскій. Страна была близка къ гибели. Къ счастью ея, однако, энергія молодого принца Оранскаго, поставленнаго народомъ во главѣ правленія, остановила на время успѣхи французскихъ войскъ, зима и свирѣпыя бури въ Каналѣ и Нѣмецкомъ морѣ разогнали флоты союзныхъ королей, и удалось, такимъ образомъ, отсрочить конецъ республики. Непродолжительный перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ далъ возможность уладить дѣло съ однимъ изъ союзниковъ: съ англійскимъ королемъ, котораго общественное мнѣніе его страны заставило прекратить дружбу и союзъ съ исконными врагами Англій — французами. Но перемиріе продолжалось недолго, и у голландцевъ снова появился сильный врагъ. На этотъ разъ это былъ король шведскій, въ данное время все еще считавшійся однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей Европы. Все зависѣло теперь отъ того, какъ республика отдѣлается отъ этого врага, мѣшавшаго дѣйствіямъ ея союзниковъ.

Голландцы рѣшили пустить въ ходъ чрезвычайное средство. Имъ пришла мысль отвлечь Швецію отъ войны нападеніемъ съ тылу. Для этой цѣли долженъ былъ послужить не кто иной, какъ великій государь Московіи, Алексѣй Михайловичъ, владѣнія котораго съ востока окаймляли шведскія земли. Не мѣшкающая долго —

обстоятельства не допускали замедленія — они снарядили «великое и чрезвычайное» посольство въ Москву и во главѣ его поставили Кунради или Конради фанъ-Кленка. Кленкъ происходилъ изъ богатаго аристократическаго рода, имѣлъ значительныя поземельныя владѣнія въ одномъ изъ штатовъ и въ описываемое время былъ амстердамскимъ городскимъ совѣтникомъ. Надѣленный хорошими природными дарованіями, онъ былъ извѣстенъ еще, какъ прекрасный знатокъ русскаго языка. Много лѣтъ онъ прожилъ въ Москвѣ, велъ тамъ торговлю и пользовался большими царскими милостями; въ качествѣ гостя иноземнаго, онъ тамъ пользовался разными льготами. Надѣялись поэтому, что посольство увѣнчается желаннымъ успѣхомъ.

Какъ извѣстно, голландцы не много ошиблись въ своихъ расчетахъ: нашъ государь не началъ войны со шведами. Но это съ одной стороны въ моментъ возвращенія посольства уже не такъ было нужно, съ другой посольство все-таки осталось не совсѣмъ безъ результатовъ. Во-первыхъ, блестящій приемъ его оказалъ нѣкоторое политическое давленіе на Швецію: заставилъ ее часть войскъ, предназначенныхъ для другихъ цѣлей, придвинуть къ московской границѣ. Во-вторыхъ, оно способствовало оживленію торговыхъ сношеній Голландіи не только съ Россією, но и съ Персією и другими восточными странами.

Но рядомъ съ этимъ посольство Кленка принесло Нидерландамъ другого рода пользу, болѣе отвлеченную, которой генеральные штаты вовсе не имѣли въ виду: ознакомленіе съ Московскимъ государствомъ, такое подробное и полное, какого голландцы до этого времени не могли имѣть. Ознакомленію этому способствовали два труда: реляція самого Кленка генеральнымъ штатамъ и книга, составленная однимъ изъ членовъ его свиты и изданная въ Амстердамѣ въ 1677 году. Какъ первый, такъ и второй, труды эти весьма интересны по своему содержанію, но до сихъ поръ у насъ мало извѣстны. Реляція Кленка великой княгиней Анною Павловною въ 1845 году была вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ ея доставлена въ нашу академію, въ коей по сію пору и хранится. Книга же, содержащая описаніе путешествія Кленка, большинству нашихъ историковъ была извѣстна лишь по заглавію. Лишь въ первомъ томѣ почтеннаго труда Е. Е. Замысловскаго о Θεодорѣ Алексѣевичѣ на немногихъ страницахъ было сдѣлано указаніе на значеніе этого произведенія.

Ниже читатель найдетъ нѣкоторыя любопытныя подробности о чрезвычайномъ посольствѣ Голландскихъ штатовъ къ царю московскому, извлеченныя изъ вышеназванной книги. Авторъ ея, занимавшій видное мѣсто въ свитѣ Кленка, пользовался подробнымъ дневникомъ и всѣми возможными документами, а, кромѣ того, какъ человѣкъ очень наблюдательный, отмѣчалъ все, что его

сколько нибудь поражало въ полудикой, по его понятіямъ, Московіи. Авторъ хотѣлъ остаться неизвѣстнымъ, но, какъ мы увидимъ ниже, въ книгѣ есть данныя, позволяющія приблизительно опредѣлить его личность.

Тутъ же воспроизводятся рисунки, приложенные къ книгѣ, которые, какъ современные, представляютъ весьма высокой интересъ. Они представляютъ слѣдующіе моменты изъ путешествія Кленка: 1) отплытіе его изъ Архангельска вверхъ по Сѣверной Двинѣ; 2) вѣздъ его на саняхъ въ г. Вологду; 3) торжественный вѣздъ въ Москву и 4) первую аудіенцію его у государя Алексѣя Михайловича.

Въ подлинникѣ эти рисунки были вытравлены на мѣди знаменитымъ въ то время въ Голландіи Ромейномъ де-Гохе (Romeyn de-Googe).

I.

Снаряженіе посольства.—Отплытіе.—Русскіе рыболовы.—Бѣлое море.—Соловецкіе старцы.—Прибытіе въ Архангельскъ.—Обѣды и подарки.—Сколько стоилъ приемъ посла государю.—Архангельскъ при Алексѣѣ Михайловичѣ.—Путь къ югу.—Знакомство съ богатами.—Вавила Никитичъ, купецъ устюжскій.—Травля зайцевъ.—Фейерверкъ въ Устюгѣ.—Метаморфоза въ русскіихъ избахъ при появленіи чужого.—Городъ Вологда.—Воевода Федоръ Александровичъ.—Село Никольское.—Ходынка.

Посольство снаряжали довольно торопливо. Это, однако, нужно понимать съ точки зрѣнія того времени: на всякаго рода хлопоты и приготовленія ушло до семи мѣсяцевъ. Въ это время былъ посланъ впередъ, согласно обычаю, гонецъ, чтобы оповѣстить царя; такимъ гонцемъ былъ выбранъ капитанъ Рихардъ Кейзеръ, который и поѣхалъ сначала морскимъ путемъ до Балтійскаго моря, а затѣмъ черезъ Пруссію и Литву въ Москву. Кленкъ, которому былъ присвоенъ титулъ превосходительства и званіе «чрезвычайнаго и великаго посланника высокомогущихъ штатовъ и его высочества принца Оранскаго», избралъ себѣ между тѣмъ свиту. Въ многочисленный составъ ея входили: обергофмейстеръ или маршалъ, секретари, казначей, проповѣдникъ, толмачи, конюшіе, кравчіе, повара, трубачи, пажы, лакеи и цѣлый рядъ другихъ лицъ, числомъ сорокъ три. Всѣхъ ихъ постарались одѣть какъ можно лучше, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ московскимъ государемъ. Платье взяли съ собой трехъ родовъ: было и простое дорожное платье, и обыкновенная ливрейная одежда, и наконецъ парадная одежда; послѣдняя, очень дорогая, изъ краснаго сукна на желтой фланелевой подкладкѣ, обшитая золотыми позументами и укрѣпленная красными и желтыми снурками. Одежды и пояса пажей

были также очень дорогіе; бахрома на нихъ была изъ настоящаго золота «безъ всякой примѣси желтаго шелку»; шляпы ихъ укрѣплены были изящными перьями. У трубачей кафтаны такъ были обшиты позументами, «что на груди и на спинѣ не видно было и сукна». На всякій случай было захвачено съ собою болѣе сорока сѣделъ, богато украшенныхъ. Для посла везли красивую дорогую карету съ позолотою и зеркальными окнами; внутри она была обита бархатомъ съ пунцовыми цвѣтами на серебристомъ полѣ; верхъ представлялъ балдахинъ съ тяжелою золотою и серебряною бахромою. Была и другая карета, менѣе убранная. Съ собою брали очень много лошадей, больше, чѣмъ собственно было нужно, такъ какъ приходилось считаться со всѣми возможными случайностями. Тутъ были, между прочимъ, восемь гнѣдыхъ рысаковъ, на поножахъ которыхъ значился вензель принца Оранскаго; послѣдній ихъ отъ себя посылалъ въ даръ московскому государю. И самъ посолъ везъ для той же цѣли двухъ гнѣдыхъ жеребцовъ и одну бѣлую лошадь, «которые и по росту и по красотѣ едва ли имѣли себѣ равныхъ».

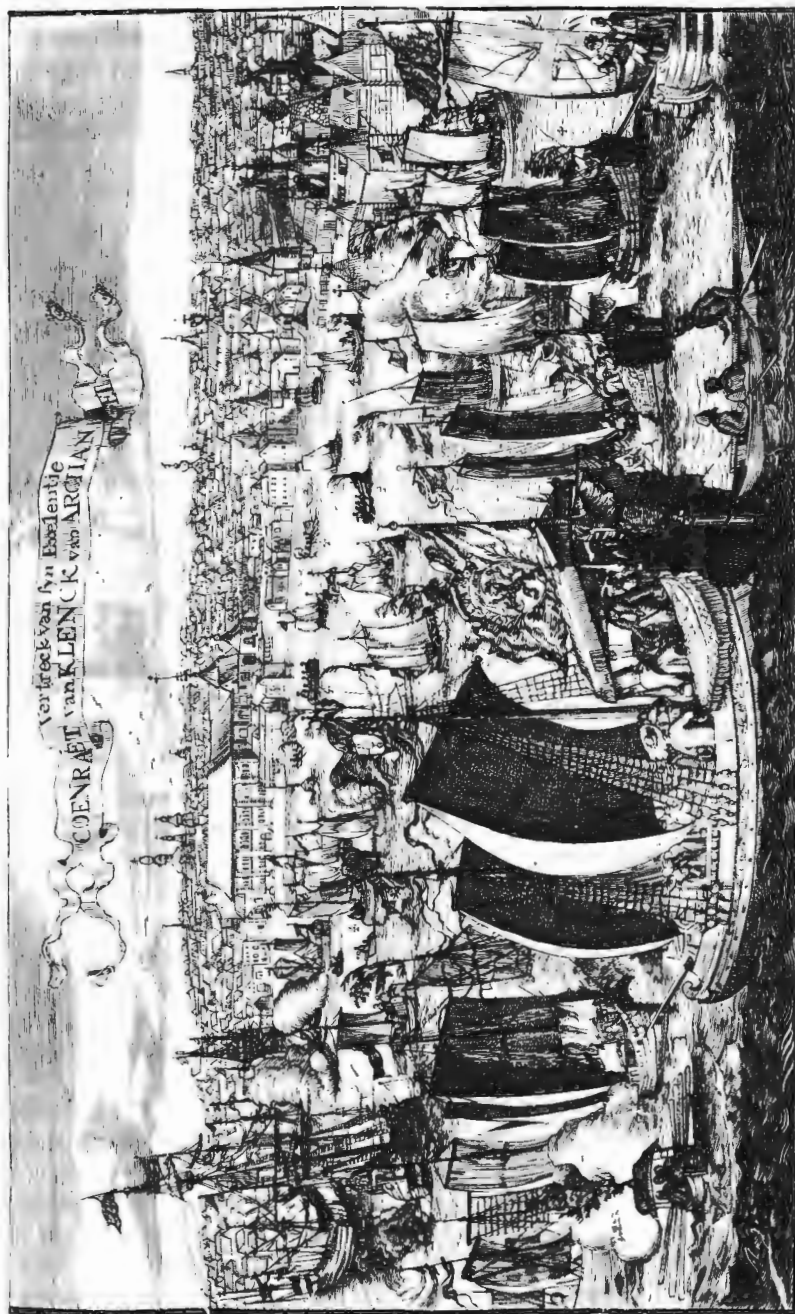
Самыя грамоты отъ голландскаго правительства къ государю Алексѣю Михайловичу постарались не только со стороны стилиа составить какъ можно лучше, но и съ внѣшней стороны поразукрасить. Онѣ были написаны на пергаментѣ и все больше золочеными буквами, особенно титулы царя, генеральныхъ штатовъ и принца. Сверху текста были изображены три золотыхъ короны, по бокамъ маленькія, а въ серединѣ большія. Короны эти были разноцвѣтныя, и по бокамъ ихъ на пергаментѣ изображены были разнообразныя цвѣты, птички и плоды, «все въ натуральномъ видѣ». Къ грамотамъ были приложены печати штатовъ и принца съ большими золотыми и серебрянными кистями.

Наконецъ посольство было снаряжено какъ слѣдуетъ. Все, что необходимо было для посла и для его свиты, было собрано на трехъ судахъ: одномъ военномъ и двухъ транспортныхъ, которыя стояли на рейдѣ Тесселя вмѣстѣ съ цѣлою флотиліей, собранною здѣсь подъ начальствомъ адмирала Рейтера.

Въ послѣднее число іюля мѣсяца новаго стилиа наконецъ посольская эскадра двинулась въ путь; за одно, вмѣстѣ съ нею, тридцать два купеческихъ судна собрались также въ Архангельскъ съ коммерческими цѣлями. На морѣ въ тѣ времена нужна была охрана, и практическіе амстердамскіе купцы не могли не воспользоваться удобнымъ случаемъ. Вѣтеръ былъ попутный, и неуклюжія парусныя суда голландцевъ сравнительно быстро пробѣжали мимо береговъ Норвегіи и добрались до Ледовитаго океана. Во вторникъ 28-го августа, утромъ рано, эскадра приблизилась къ Мурманскому поморью и направилась вдоль него, подвигаясь впередъ на близкомъ разстояніи отъ берега. Здѣсь на пути встрѣтился

цѣлый рядъ шлюпокъ и ладей русскихъ рыбаковъ, промышлявшихъ въ этихъ мѣстахъ. Нѣсколько голландцевъ распорядились спустить шлюпку, чтобы закупить рыбы. Потомъ и сами рыбаки пришли на корабль, гдѣ фанъ-Кленкъ лично съ ними разговаривалъ и угощалъ ихъ водкою и голландскимъ пивомъ. Треска и камбала, которую пришлось купить у нихъ, удивили голландцевъ своею величиною: одна изъ камбалъ, по словамъ очевидца, была длиною въ восемь футь, а шириною въ четыре фута (?!). Въѣшность рыбаковъ, ихъ частые поклоны и крестныя знаменія показались голландцамъ въ высшей степени курьезными. Удивлялись они и дешевизнѣ рыбы: ихъ второй штурманъ за громадную камбалу заплатилъ лишь копейку и, еслибъ не присутствіе болѣе совѣстныхъ товарищей, онъ за ту же копейку выторговалъ бы еще одну рыбицу. Въ дальнѣйшемъ слѣдованіи судовъ не обошлось безъ опасностей. При входѣ въ Бѣлое море суда настигъ сильнѣйшій туманъ, и они чуть не разбрелись всѣ въ разныя стороны, не зная, куда направиться. Эта опасность, однако, миновала благополучно. Стали встрѣчаться острова разнообразнѣйшихъ величинъ. На одномъ изъ нихъ оказалась небольшая каменная крѣпостца, комендантъ которой явился на корабль посланника и здѣсь былъ угощенъ виномъ и водкою и получилъ въ даръ отъ Кленка червонецъ. Комендантъ объяснилъ, что онъ уже пять недѣль сидитъ на этомъ островѣ и ожидаетъ прибытія посольства съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же дать знать въ Архангельскъ, гдѣ столько же времени дождался пріѣзда Кленка воевода Михаилъ Степановичъ Уваровъ, нарочно для этой цѣли откомандированный сюда. Другую новость сообщилъ голландцамъ лопцманъ, прибывшій на корабль посланника. Соловецкій монастырь, мимо котораго должна была проѣхать эскадра, былъ уже нѣсколько лѣтъ какъ охваченъ бунтомъ. Десять тысячъ стрѣльцовъ осаждали непокорныхъ старцевъ и жестоко ихъ обстрѣливали. Голландцамъ передавали, что едва ли осада увѣнчается успѣхомъ: у старцевъ де болѣе трехъ сотъ пушекъ и пищалей, а провизіи вдоволь хоть на тридцать лѣтъ. Въ скоромъ времени оказалось однако, что предсказанія эти были неосновательны: большая часть монаховъ разбѣжалась, и стрѣльцамъ удалось овладѣть укрѣпленіями монастыря.

Эскадра подвигалась къ Архангельску среди безчисленнаго множества зеленыхъ острововъ. Въ пятницу 6-го сентября новаго стиля состоялась торжественная встрѣча. Къ эскадрѣ подъѣхалъ воевода на роскошно убранномъ суднѣ. Онъ ѣхалъ въ большой лодкѣ съ павильончикомъ, въ которомъ поставленъ былъ столъ; все это обвѣшано было краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣли приставъ, дьякъ, стрѣлецкій сотникъ Антонъ Лукьяновъ, котораго голландцы звали капитаномъ (потомъ онъ провожалъ ихъ до Москвы), писарь и еще нѣсколько человѣкъ. Кругомъ лодки помѣщались много стрѣльцовъ,

Отплытіе посольства изъ Архангельска.

- 1) Крытая лодка Кленке. — 2) Вице-адмиральская лодка. — 3) Лодка съ припасами. — 4) Много лодокъ, вшедшихъ провожать. — 5) Кулеческія суда.

пять или шесть трубачей и четыре или пять мальчиковъ съ литаврами; всѣ они поднимали невѣроятный шумъ. Вокругъ этой лодки суетилось до двадцати пяти другихъ, которыя шли частью на веслахъ, частью подъ парусами; на нихъ сидѣло много стрѣльцовъ, пики и мушкеты которыхъ были украшены разноцвѣтными значками и флагами. Изъ всѣхъ лодокъ несея ни на мгновеніе не умолкавшій шумъ трубъ и литавръ, издали казавшійся довольно мелодичнымъ.

Воевода Михаилъ Степановичъ Уваровъ взошелъ на корабль. Послѣ церемонной встрѣчи онъ представилъ пристава, съ которымъ посольство должно было совершить путешествіе до Москвы. Обмѣнъ грамотъ закончился пиромъ съ зазданными тостами, послѣ чего Кленку и свитѣ его переданы были жалуемые ему государемъ съѣстные припасы на двое сутокъ.

Вообще, какъ замѣтили голландцы, пріемъ пословъ составлялъ немаловажный расходъ московскаго государя. Государь устраивалъ торжественныя встрѣчи посла во всѣхъ городахъ, черезъ которые тотъ проѣзжалъ, доставлялъ ему повозки, средства передвиженія, пищу и питье за все время его пребыванія въ предѣлахъ государства.

Громадное стеченіе народа на обоихъ берегахъ рѣки встрѣтило эскадру, когда она подъѣзжала къ городу Архангельску. На недалекомъ разстояніи отъ города члены посольства, разодѣтые въ парадныя формы, пересѣли въ лодки и въ сопровожденіи трубачей направились къ городу. Въ торжественную встрѣчу голландцевъ нѣкоторую дисгармонію внесла лишь явная зависть и недоброжелательство англичанъ. Среди всеобщаго ликованія, находившіяся вблизи города англійскія суда и виду не подали, не дали залпа и не подняли даже флаговъ. На берегу Кленкъ вручилъ приставу списокъ лицъ своего посольства, который должно было отправить въ Москву. Голландцамъ отвели просторное помѣщеніе, и начались взаимныя угощенія и обмѣнъ подарковъ. Кленкъ, узнавшій, что воевода не совсѣмъ здоровъ, послалъ ему своего хирурга и доктора, а тотъ, въ свою очередь, отвѣчалъ присылкою продовольствія. Тридцать человекъ изъ челяди воеводской на громадномъ столѣ принесли въ домъ посла двадцать четыре различныхъ кушанья, нѣсколько печеній, три большихъ кувшина съ водкою и достаточное количество вина, чернаго пива и меду. Носильщиковъ Кленкъ угостилъ водкою и подарилъ имъ немного денегъ.

Слѣдующіе дни прошли точно также въ обмѣнѣ вѣжливостей и взаимныхъ разспросахъ о здоровьѣ, продолжались и подарки другъ другу. Кленку былъ доставленъ отъ имени государя пѣлый обовъ всѣхъ возможныхъ припасовъ съ грамоткою, въ которой въ точности было указано, что назначалось для самого посла, что для маршала и свиты, что для прислуги и что, наконецъ, для лошадей. Дьякъ

Аванасій Тихоновъ, принимавшій также участіе въ встрѣчѣ, и съ своей стороны угощалъ посольство.

Тѣмъ временемъ подоспѣли суда, нарочно построенныя для доставки посольства вверхъ по рѣкѣ. Суда эти представляли изъ себя нѣчто среднее между лодками и баржами. Въ нихъ были устроены просторныя помѣщенія для самого Кленка, для его свиты, для вещей, которыя посольство везло съ собою, и для лошадей. На судахъ были поставлены мачты съ большими флагами и вымпелами, причемъ количество и величина послѣднихъ соображалась съ важностью лица, ѣхавшаго на суднѣ. На большой мачтѣ висѣлъ большой парусъ, сшитый изъ лоскутовъ и съ изображеніемъ креста по срединѣ; къ передней мачтѣ привязывался крѣпкій канатъ, за который тащили лодку пятьдесятъ или шестьдесятъ человѣкъ ярыжекъ, или бурлаковъ, которые дѣлились на двѣ смѣны. На борту движеніемъ управляли двое кормчихъ и наметчикъ, съ палкою для наматыванія, стоявшій на носу. Приставъ съ супругою своею, стрѣльцами и стрѣлецкимъ сотникомъ Антономъ Лукьяновымъ провожалъ флотилію въ небольшой крытой лодкѣ.

20-го сентября Кленкъ получилъ еще въ даръ отъ воеводы и дьяка нѣсколько живыхъ куръ, гусей и быковъ и двинулся въ путь.

Въ городѣ Архангельскѣ свита его успѣла пробить достаточно, чтобы осмотрѣть этотъ единственный въ то время морской портъ Московскаго государства. Если смотрѣть съ набережной, Архангельскъ являлся расположеннымъ въ видѣ полумѣсяца, обращеннаго рогами назадъ. Строенія растянуты были болѣе вдоль берега, чѣмъ въ ширину. Единственная длинная улица съ двумя рядами домовъ шла отъ одного конца города къ другому, мимо мяснаго рынка и такъ называемаго англійскаго двора, гдѣ находились кладовыя купцовъ-англичанъ. Вблизи этихъ кладовыхъ находилось единственное большое каменное строеніе города — нѣмецкій гостиный дворъ, окруженный крѣпкими стѣнами съ двойными желѣзными окнами и дверями. Кремль находился въ узкой части города, недалеко отъ лучшаго моста — Нѣмецкаго. Кремль былъ окруженъ высокою деревянною стѣною и рвомъ; въ немъ помѣщалось много лавокъ, деревянная церковь и острогъ изъ толстыхъ бревенъ. Между бревнами въ иныхъ мѣстахъ были небольшія отверстія, черезъ которыя арестантамъ подавались подаянія. Арестантовъ вообще встрѣчалось довольно много въ городѣ. Они проходили по городу съ пѣнями на обѣихъ ногахъ и съ колодкою за плечами, иногда въ сопровожденіи пристава, вооруженнаго толстою дубиною, и собирали добротныя даянія въ мѣшокъ, перекинутый черезъ плечо. Въ Кремлѣ находилось помѣщеніе воеводы, въ которомъ этотъ послѣдній жилъ во время ярмарки, или когда въ Архангельскѣ находились иноземные гости; обыкновенное же его мѣсто-

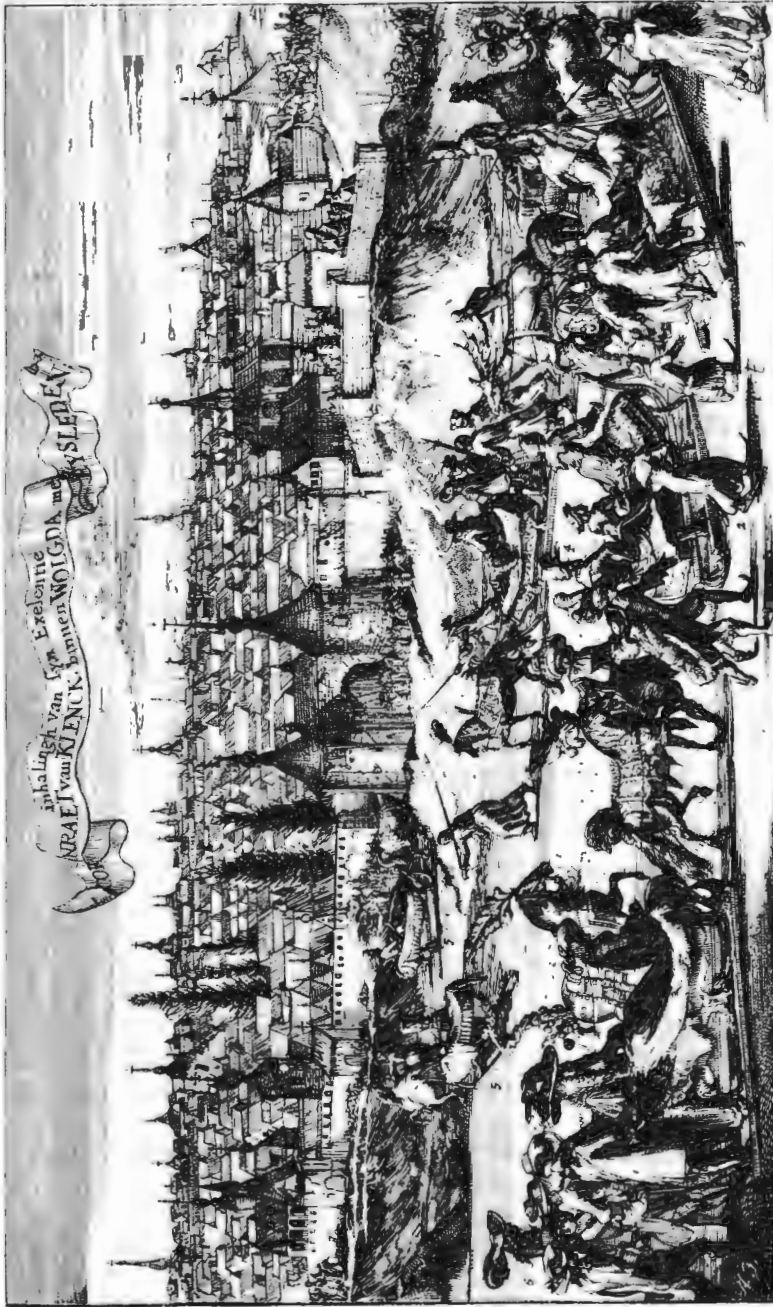
пребываніе было въ Холмогорахъ. Въ противоположномъ концѣ города строенія группировались вокругъ красивой церкви и монастыря. Здѣсь находилась и башня съ часами, бившими время «по русскому счету»; часы считались отъ восхода до захода солнца. Со стороны суши городъ примыкалъ къ болотамъ, на которыхъ зимою бродили иногда медвѣди и волки. На набережной до Нѣмецкаго моста встрѣчались еще морскія суда, далѣе же вверхъ она была занята баржами, ладьями съ однимъ парусомъ и множествомъ лодокъ. Торговля со стороны русскихъ производилась вещами весьма простыми: здѣсь продавались иноземнымъ купцамъ поташъ, конопля, смола и деготь, мачты, шерсть и мѣха, взаимнѣ которыхъ привозились разнообразныя издѣлія западной мануфактуры, аптекарскіе товары, пряности и вина.

Мелей на Двинѣ было порядочное количество, и путешественники, идя вверхъ, не разъ оставались сидѣть въ своихъ нарядныхъ лодкахъ. Но красивыя картины окружающаго, тѣнистыя рощицы, зеленѣющіе луга и нивы по берегамъ, пріятнымъ своимъ видомъ искупали это неудобство; кромѣ того, замѣчательная дешевизна провизіи также содѣйствовала веселому расположенію членовъ посольства: за дюжину и даже полторы дюжины яицъ платили копейку, гусь или курица стоили 3 копейки, рябчикъ копейку, молоко на шесть человѣкъ копейку и т. д.

Конечно, гдѣ бывали продолжительныя остановки, тамъ опять слѣдовали взаимныя угощенія и обмѣнъ подарками; голландцамъ при этомъ обыкновенно дарили что нибудь изъ живности.

Начинался октябрь, и суровый климатъ Московіи уже давалъ себя чувствовать: пошли морозы. Остановки по деревнямъ стали чаще и все въ томъ же родѣ: жители дарили Кленку живность, а онъ ихъ угощалъ водкою. Нѣсколько разнообразія внесло въ путешествіе своеобразное зрѣлище, которому членамъ свиты пришло быть свидѣтелями. Они узнали, *wat het is de Battogge*, «что такое батоги». Одинъ изъ ярыжекъ въ чемъ-то провинился, и его, по распоряженію пристава, угостили батогами. Процедура эта совершенна была слѣдующимъ образомъ. Наказуемаго оставили въ одной рубахѣ, растянули на полу, затѣмъ одинъ стрѣлецъ усьлся ему на затылокъ, другой на ноги, и стали его поочередно бить тоненькими прутиками, которые глубоко врѣзывались въ тѣло и оставляли кровавые слѣды. Болѣе всего поразило иностранцевъ то обстоятельство, что стрѣльцы очень охотно выполняютъ такого рода наказанія, не видя въ занятіи палача ничего позорнаго.

Въ среду, 16-го октября новаго стilia, флотилія появилась на виду города Устюга. Городъ лежалъ полукругомъ, главнымъ образомъ по рѣкѣ Сухонѣ. Въ немъ было четыре или пять большихъ красивыхъ каменныхъ церквей и великолѣпный монастырь; были также обширныя помѣщенія для товаровъ съ крѣпкими огнеупор-

Въездъ Кленка въ Вологду.

- 1) Посоль Кленка. — 2) Приставъ. — 3) Знатные русскіе люди. — 4) Голландскіе кушцы, за которыми слѣдуютъ лигаврщны. — 5) Нѣсколько русскыхъ дворянъ. — 6) Царя.

ными стѣнами. Встрѣча была устроена опять-таки весьма торжественная, причѣмъ подарки доставлены были не только отъ официальныхъ лицъ, но и отъ неофициальныхъ. Вавила Никитичъ Грудцынъ, купецъ устюжскій, принесъ въ даръ Кленку слѣдующіе припасы: большой хлѣбъ, тринадцать малыхъ хлѣбовъ, два ведра пива, два ведра браги, два ведра простой водки, бутылъ двойной водки, овцу, гуся, утку и двухъ курицъ.

Въ Устюгѣ для увеселенія посланника устроена была травля зайцевъ. На нѣсколькихъ саняхъ посланникъ съ воеводою и свитою выѣхали за городъ на открытую снѣжную поляну. Здѣсь кавалькада остановилась, и воеводскій ловчій вынулъ изъ мѣшка бѣлаго зайца и пустилъ его на волю. Черезъ секунду были выпущены три собаки, которыя погнались за звѣремъ и наконецъ настигли его у дверей какой-то крестьянской хаты. Зайца отбили, и тотъ же ловчій всунулъ ему ножъ въ грудь и выпустилъ кровь, затѣмъ заднія лапки зайца были отрѣзаны и брошены псамъ, а самъ заяцъ воеводою подаренъ Кленку. Также точно были затравлены еще два зайца, и, вдоволь натѣшившись, вся кампанія воротилась и закусила на дому у воеводы.

Кленкъ на слѣдующій день отвѣчалъ роскошнымъ обѣдомъ, послѣ котораго былъ устроенъ фейерверкъ. Было пущено нѣсколько ракетъ и шутихъ и, кромѣ того, зажжено цѣлыхъ сто смоленыхъ бочекъ при громадномъ стеченіи народа, собравшагося на это необычайное зрѣлище. На этомъ берегу рѣки собрались и крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, но ракеты были приняты ими за огненныхъ змѣй, и они въ страхъ разбѣжались. Соловецкому воеводѣ угощеніе и зрѣлище очень понравились, и онъ сказалъ Кленку, что уже три раза приходилось ему быть приставомъ у пословъ, но такого роскошнаго и богатаго посольства онъ еще не видывалъ, что онъ де поэтому непременно сейчасъ же напишетъ въ Москву Кириллу Полуехтовичу Нарышкину, отцу государыни.

Далѣе гости направились уже на саняхъ. Изъ Устюга имъ устроили торжественные проводы, причѣмъ ихъ сопровождало болѣе двухсотъ саней съ трубачами, стрѣльцами, литаврщиками. Остановокъ по дорогѣ было мало; лишь въ городѣ Тотмѣ произошла опять торжественная встрѣча. Дальше путь шель черезъ деревни. Путешественники отмѣтили интересное явленіе, сопровождавшее ихъ приходъ въ какую либо избу. Обыкновенно во внутренности избы находились собранные въ одну кучу бабы, дѣти, куры, овцы, поросята и всякая животины. Но лишь только появлялась незнакомая личность, какъ сейчасъ же животныя, что побольше, выгонялись на дворъ, приподнималась одна изъ половицъ, и въ подполье прятались не одни лишь куры и гуси, но весь женскій полъ.

Въ среду, 11 декабря новаго стиля, утромъ въ 7 или 8 часовъ,

пріѣхали въ небольшую деревеньку, лежащую на разстояніи трехъ верстъ отъ Вологды. Здѣсь посланника поджидало нѣсколько русскихъ бояръ съ санями. Они были посланы впередъ воеводою съ извиненіями, что ему не удалось приготовить все какъ слѣдуетъ къ встрѣчѣ посольства. Дѣлать, однако, было нечего, и пришлось поторопиться принять посла и такъ.

Вологда показала голландцамъ большимъ городомъ въ сравненіи съ другими видѣнными ими русскими городами. Въ ней было нѣсколько большихъ каменныхъ церквей. На одну изъ нихъ съ высокою колокольнею было обращено особое вниманіе путешественниковъ. Имъ сообщили, что эта церковь построена была на скорую руку во время чумы, свирѣпствовавшей здѣсь; лишь только она была построена, какъ чума вдругъ прекратилась. Изъ коммерческихъ сооруженій замѣчательны были въ городѣ гостиные дворы, какъ русскіе, такъ и иноземные, окруженные прелестными садами. Въ городѣ были также старинныя ворота и стѣны, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе ветшавшія. Кромѣ большого рынка, гдѣ продавались разные товары, былъ еще рыбный рядъ, гдѣ лежала сложенная горами мерзлая рыба, главнымъ образомъ судаки и окуни.

При звукахъ трубъ и литавръ совершился въѣздъ Кленка въ Вологду. На прилагаемомъ современномъ рисункѣ голландца Ромейна де Гохе читатель увидитъ изображеніе этого событія. На дальнемъ планѣ городъ Вологда со своими колокольнями и башнями, впереди слѣва на саняхъ Конрадъ фанъ-Кленкъ. Непосредственно передъ нимъ ѣдетъ приставъ, а открывается процессія русскихъ боярами и голландскими дворянами купцами; за санями верхомъ на коняхъ слѣдуютъ послы.

По мѣрѣ того, какъ процессія подвигалась впередъ, народъ толпился по сторонамъ, и путешественники не могли не замѣтить массы дѣвушекъ и женщинъ, смотрѣвшихъ изъ-за оконъ на невиданное зрѣлище.

Съ ранняго утра слѣдующаго дня послу пришлось принимать въ своемъ помѣщеніи поздравленія, привѣтствія и подарки. Воевода принялъ у себя на дому дворянъ изъ свиты Кленка и много съ ними разговаривалъ полатыни и поитальянски; эти языки онъ зналъ вполне порядочно. Вышла къ гостямъ и супруга его со своими дѣвушками. Она угощала гостей различными пряниками и конфетами. Все время она стояла, не говоря ни слова, «какъ спящая». Гости подходили по очереди, цѣловали ее, какъ того требовалъ обычай, и получали изъ ея рукъ по чаркѣ водки; въ общемъ визитъ у воеводы произвелъ на голландцевъ благоприятное впечатлѣніе. Свита съ воеводою стала видѣться довольно часто и узнала и біографію его. Оказалось, что онъ, по происхожденію, былъ полякъ, много времени провелъ на войнахъ и одно время занималъ

въ Украинѣ должность провинціала въ доминиканскомъ орденѣ. Здѣсь его взяли въ плѣнъ и сослали въ Сибирь. Въ ссылкѣ пробылъ онъ десять лѣтъ, принялъ тамъ православіе, женился на русской и былъ въ концѣ концовъ назначенъ вологодскимъ воеводою.

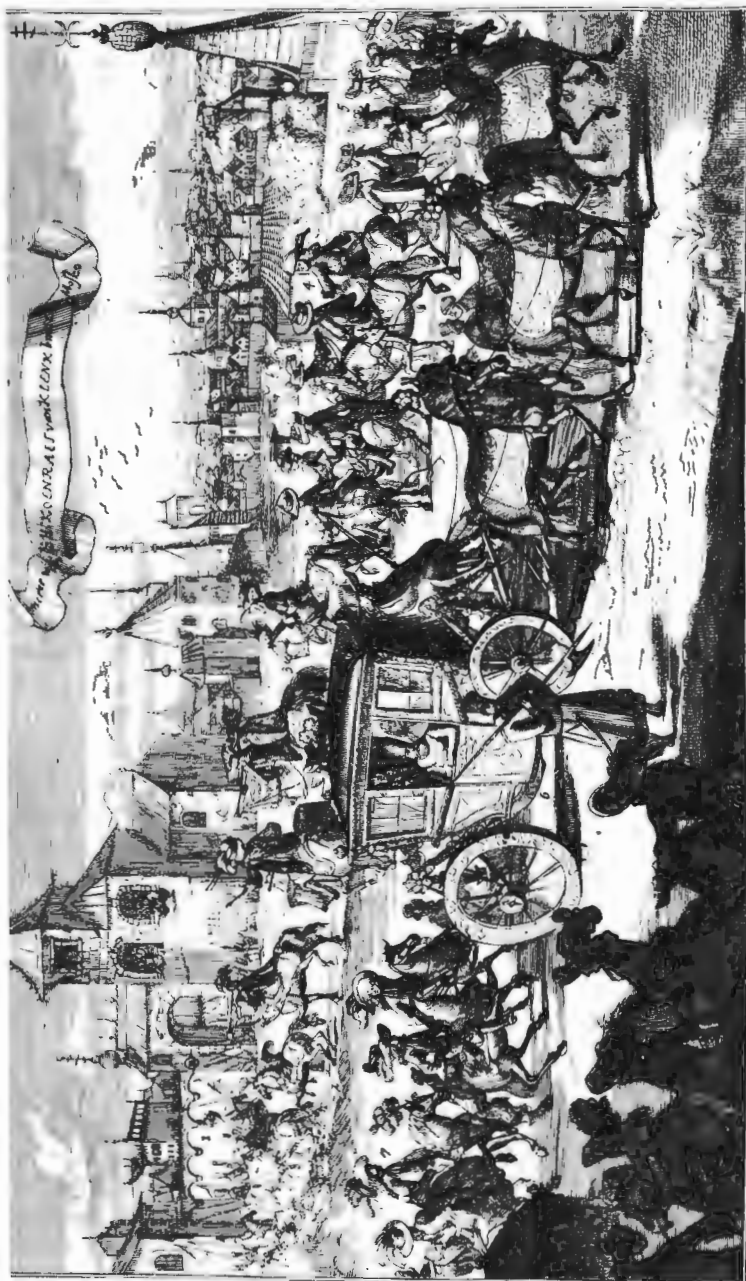
Почти три недѣли посольство пробыло въ Вологдѣ, занимаясь исключительно банкетами, пирами и выѣздами. Оффиціальныхъ переговоровъ посоль съ воеводою вести не могъ: ему слѣдовало раньше еще «увидѣть ясныя очи государевы».

Въ послѣднихъ числахъ декабря голландцы наконецъ выѣхали, и въ среду 1-го января они были въ селеніи Даниловкѣ недалеко отъ Ярославля. Въ самомъ Ярославлѣ Кленкъ остановился у нѣкоего Димитрія Ивановича Борейскаго. Послѣдній въ бытность Кленка въ первый разъ въ Россіи былъ у него наемнымъ слугою, но теперь разбогатѣлъ и имѣлъ нѣсколько десятковъ тысячъ капитала. Послѣ обмѣна подарковъ съ воеводою, Кленкъ, пробывшій двое сутокъ въ Ярославлѣ, прослѣдовалъ дальше на югъ и уже пятого числа послѣ захода солнца былъ въ Переяславлѣ. Здѣсь добыли свѣжихъ лошадей, и черезъ сутки посоль со свитою, проѣхавъ мимо Троицы-Сергія, оказались въ Николаевскомъ селѣ подъ Москвою. Мѣсто это въ то время принадлежало князю Михаилу Яковлевичу Черкасскому. Сюда пріѣхали вечеромъ и рѣшили первоначально переночевать у крестьянъ. Едва наплось сколько нибудь чистое помѣщеніе для Кленка, свита его должна была переночевать въ черной избѣ, гдѣ и повернуться было негдѣ, когда всѣ расположились здѣсь.

На слѣдующій день голландцевъ перевели въ помѣщеніе Никольскаго дворца, часто служившаго прибѣжищемъ для посланниковъ. Дворецъ оказался, однако, въ довольно жалкомъ видѣ: онъ недавно погорѣлъ, и его не успѣли еще перестроить. Нашлась лишь одна комната, украшенная изразцами, въ которой помѣстился Кленкъ. Свита помѣстилась въ маленькой передней и просторной конюшнѣ. Отъ нечего дѣлать, голландцы пошли искать, нѣтъ ли чего интереснаго въ самомъ селѣ. Архитектура церкви имъ понравилась, но, осматривая ее внутри, они ничего не нашли интереснаго. Въ алтарь ихъ, конечно, не пустили. Съ досадою они сообщаютъ, что «должны были воротиться передъ дверью съ разными картинками».

Послѣдностіе пріѣзда Кленка, котораго предполагали еще въ Ярославлѣ, смутила немного въ Москвѣ, и къ нему тотчасъ же былъ посланъ нарочный изъ посольскаго приказа съ извиненіемъ въ томъ, что не были приняты необходимыя мѣры; вмѣстѣ съ тѣмъ ему сообщалось, что постараются по возможности скорѣе доставить его въ Москву.

Помѣщеніе для посла на Ходынскомъ полѣ подъ Москвою строилось, однако, довольно мѣшкотно. Пришлось прождать до 21-го чи-

Въездъ Кленка въ Москву.

- 1) Шталмейстерь.—2) Восемь лошадей съ бѣлыми гривами и хвостами.—3) Маршалъ.—4) Дворяне свиты.—5) Двѣнадцать лагесевъ.—6) Карета, въ которой сидитъ посоль.—7) Пажи верхами.

сла новаго стилиа, пока поспѣло помѣщеніе, и посоль съ свитою могъ переѣхать. Все это время ушло на переговоры о порядкѣ въѣзда въ Москву. Въѣздъ долженъ былъ состояться въ томъ же порядкѣ, какъ предыдущій въѣздъ шведскаго посланника.

Наконецъ, все было улажено, опредѣлено и предусмотрѣно, и въ полдень 21-го числа Конрадъ фанъ-Кленкъ торжественно въѣхалъ въ Москву.

II.

Торжественный въѣздъ въ Москву. — Смерть пристава отъ испуга. — Первая аудіенція. — Рѣчь посла и поднесеніе подарковъ. — Посоль второй разъ видитъ ясныя очи государевы. — Переговоры съ «коммиссарами». — Неожиданное событіе.

Тѣ три версты, которыя отдѣляютъ Ходынку отъ Москвы, посольство подвигалось впередъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

Впереди медленно ѣхалъ на разубранной лошади голландскій шталмейстеръ, или главный конюшенный. За нимъ вели восемь сѣропѣгихъ лошадей съ бѣлыми гривами и бѣлыми хвостами; къ каждой было приставлено по два конюха, и покрыты онѣ были попонами съ гербомъ принца Оранскаго. Ихъ предполагалось презентовать царю.

Дальше слѣдовалъ гнѣдой жеребецъ съ бѣлою гривой и такимъ же хвостомъ, покрытый красною шелковою попоною съ вытканными на ней большими золотыми цвѣтами и съ пучкомъ пестрыхъ перьевъ на головѣ; это былъ подарокъ самого фанъ-Кленка государю. Какъ бы свиту этого жеребца составляли въ процессіи еще три лошади: гнѣдой жеребецъ, осѣдланый и покрытый красной фланелевою попоною, вороной меринъ въ парчевой попонѣ и любимая лошадь Кленка, красивый бѣлоснѣжный жеребецъ, конечно, также, въ золотомъ съ краснымъ убранствѣ.

За лошадьми ѣхали литаврщики и трубачи: впереди всѣхъ, совершенно отдѣльно, трубачъ-негръ въ яркочерной ливреѣ; за нимъ литаврщикъ, также отдѣльно отъ другихъ; замыкали походный оркестръ два трубача, ѣхавшіе рядомъ, съ серебрянными позолоченными трубами, на которыхъ развѣвались флаги, съ гербами Кленка.

За оркестромъ, верхомъ на конѣ, слѣдовалъ почтенный обер-гофмейстеръ или маршалъ фанъ-Келлеръ, бывшій каноникъ города Утрехта. Въ нѣкоторой дистанціи отъ него подвигались, подвое въ рядъ, дворяне почетной свиты, офицеры и нѣкоторые изъ слугъ. Двѣнадцать лакеевъ въ красныхъ кафтанахъ съ галунами шагали за ними.

Описанная нами уже раньше карета Кленка слѣдовала далѣе, запряженная шестеркою вороныхъ лошадей съ пучками перьевъ на головѣ. По бокамъ кареты шли четыре солдата съ алебардами, на которыхъ висѣли шелковыя, золотыя и серебрянныя кисточки.

Въ каретѣ сидѣлъ самъ чрезвычайный посолъ фанъ-Кленкъ и сопровождавшій его приставъ; тутъ же рядомъ помѣщался и переводчикъ. Четыре пажы ѣхали въ рядъ за каретою. Вторую карету, внутри обитую зеленымъ сукномъ, тянули четыре вороныхъ лошади; въ ней часть пути помѣщались шталмейстеръ, секретарь и четыре дворянина почетной свиты. Процессію замыкали дорожныя сани Кленка, покрытыя турецкимъ ковромъ, и сани служителей его и его свиты.

Пока процессія подвигалась, по обѣ стороны ея были на всемъ протяженіи отъ Ходынки до Москвы разставлены войска. Съ правой стороны стояли конные, съ лѣвой пѣшіе; между ними кое-гдѣ стояли группы знатныхъ лицъ изъ Москвы, а также представители московскаго купечества, какъ русскаго, такъ и иноземнаго.

Когда доѣхали до предмѣстій, произошла остановка. Здѣсь выѣхали на встрѣчу на саняхъ два пристава, которые везли съ собою и Андрея Виніуса, извѣстнаго придворнаго переводчика царя Алексѣя Михайловича. Пристава вышли изъ своей повозки, Кленкъ также изъ своей, и начался церемонный обмѣнъ привѣтствій, состоявшій въ слѣдующемъ.

Присутствующіе обнажили головы, и приставъ, перечисливъ всѣ титулы государя, обратился къ Кленку, котораго титулы онъ также перечислилъ, съ привѣтомъ отъ имени государя и запросомъ о здоровьѣ. Кленкъ въ отвѣтъ перечислилъ титулы царя, затѣмъ произнесъ титулы генеральныхъ штатовъ, принца Оранскаго и свои собственные и наконецъ отвѣчалъ:

«Сохрани, Боже, его царское величество, а также и моихъ государей! Божьею милостью и содѣйствіемъ его царскаго величества, я со всѣми моими дворянами и офицерами прибылъ сюда въ добромъ здравіи».

Послѣ того, какъ эти слова были переведены переводчикомъ, пристава сообщили, что государь изволилъ для посла и свиты его прислать собственную карету и лошадей. Кленка взяли подъ руки и подвели къ каретѣ, гдѣ его усадили на почетное мѣсто. Свита поѣхала рядомъ, верхомъ на царскихъ лошадяхъ, большею частью бѣлой масти.

Такимъ образомъ въѣхали въ городъ по улицамъ, запруженнымъ массою народа, среди котораго много было и женщинъ. Проѣхавъ черезъ Неглинныя ворота, у которыхъ царь съ царицею изъ-за рѣшетчатаго окна наблюдали за въѣздомъ, посолъ и свита остановились на площади. Здѣсь забили въ литавры, трубачи заиграли въ трубы, и лошади рысью помчались по улицамъ, усѣяннымъ конными и пѣшими войсками, къ помѣщенію, которое уже задолго до пріѣзда было приготовлено къ приему пословъ.

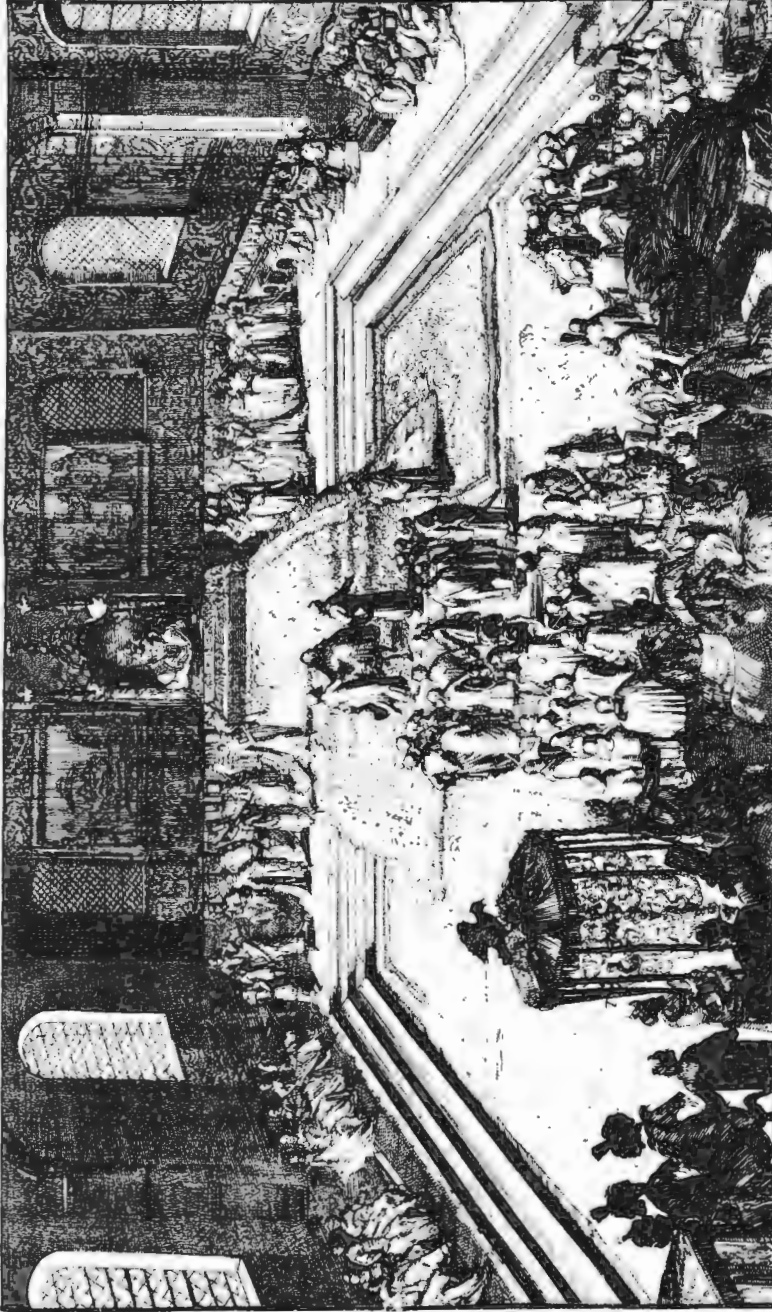
Утомленные продолжительной церемоніею, голландцы уснули, наконецъ добравшись до цѣли своего путешествія. Имъ казалось,

что внѣшнимъ своимъ видомъ они произвели на «москвитовъ» благопріятное впечатлѣніе. На самомъ Кленкѣ было столько позументовъ, что не видно было, изъ какого сукна у него кафтанъ, а шляпа его была украшена чрезвычайно дорогимъ самоцвѣтнымъ камнемъ. Дворяне почетной стражи, какъ и офицеры, были въ шляпахъ съ громадными пучками разноцвѣтныхъ перьевъ и въ кафтанахъ яркокраснаго цвѣта. Красное сукно и золотые позументы украшали и всѣхъ прочихъ членовъ посольства, даже конюховъ и поваренковъ. Было, дѣйствительно, на что посмотреть «москвитамъ».

Въ среду, на слѣдующій день по приѣздѣ, пристава сообщили послу о необходимѣйшихъ церемоніяхъ при приѣмѣ и просили у него списка лицъ, составлявшихъ его свиту. Тотъ прежде всего поспѣшилъ доставить имъ «меморію» о подаркахъ, какіе онъ предполагалъ поднести государю какъ отъ имени штатовъ, такъ и отъ себя лично. Въ «меморію» входили весьма разнообразныя вещи. Тутъ были и верховыя лошади, и пустыя бутылки изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, и всякія вина заморскія, и сукна, и ящики съ пряностями, и многое другое.

Между тѣмъ, какъ Кленкъ переговаривался съ московскими приставами, съ однимъ изъ тѣхъ приставовъ, которые его сопровождали до Москвы, случилось несчастье. Это былъ нѣкій Михаилъ Степановъ, который не особенно рьяно исполнялъ въ пути свои обязанности. Теперь про это узналъ ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и послалъ ему письмо съ тяжкими укорами, грозилъ немилостью и опалою царскою. Бѣдный приставъ былъ до того напуганъ письмомъ, что тутъ же тяжело заболѣлъ и на четвертый день испустилъ духъ, будучи всего двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Въ понедѣльникъ (17-го) 29-го января пришли рано утромъ къ послу двое подьячихъ изъ посольскаго приказа. Они сообщили, что царь посылаетъ двѣсти стрѣльцовъ на помощь при перенесеніи подарковъ во дворецъ. Для свиты въ то же время было доставлено тридцать аргамаковъ. Рано же утромъ зашли и пристава сообщить, что процессія должна двинуться, какъ только зазвонятъ въ большой колоколъ. Потомъ они опять ушли и, придя черезъ нѣсколько времени, уже переодѣтые въ богатую парчевую одежду, сообщили, что пора двигаться. Кленкъ сѣлъ на почетное мѣсто въ каретѣ, первый приставъ сѣлъ по лѣвую руку его, второй приставъ, голландскій толмачъ и Виніусъ сѣли напротивъ. Свита слѣдовала въ томъ же порядкѣ, какъ при вѣздѣ. Секретарь въ этотъ разъ замыкалъ ея шествіе. Онъ ѣхалъ какъ разъ передъ каретою и въ протянутой вверхъ правой рукѣ держалъ письмо Штатовъ къ царю московскому; письмо было завернуто въ большой кусокъ парчи. Впереди всѣхъ слѣдовали подарки въ такомъ порядкѣ: восемь

Аудієнція Кленка у царя Алексея Михайловича.

- 1) Царь на тронѣ. — 2) Посоль Кленка. — 3) Стольник и приставъ. — 4) Переводчикъ Виниусть. — 5) Думный дьякъ. — 6) Секретарь
посольства. — 7) Дорогая люстра. — 8) Подарки царю.

лошадей въ богатыхъ попонахъ; каждую вели подъ уздцы два конюха; двадцать четыре бутылки, изъ которыхъ каждую несъ особый стрѣлецъ; четырнадцать стрѣльцовъ подвое несли ящики съ пряностями; шестнадцать человекъ несли гордость Кленка: трехъ-ярусную люстру, которую онъ лично презентовалъ государю. Люстра была укрѣплена подъ особымъ переноснымъ балдахиномъ. Двадцать человекъ шли каждый со сверткомъ сукна на плечѣ и т. д., и т. д. вплоть до кареты съ зеркальными окнами, которая была окружена шестнадцатью стрѣльцами во избѣжаніе несчастія со стеклами. Для пушей торжественности, конечно, во всю дорогу били въ литавры и трубили въ трубы.

Наконецъ доѣхали до дворца.

«Послѣ того, какъ мы слѣзли съ коней,—разсказываетъ участникъ посольства,—мы прошли черезъ галерею, рядомъ съ которою находится какая-то церковь, и пришли на террасу передъ аудіенцъ-заломъ. Носильщики подарковъ остановились здѣсь, выстроившись въ рядъ. Мы здѣсь промедлили также нѣсколько минутъ и затѣмъ вошли въ переднюю, полную дьяковъ и придворныхъ, которые всѣ были наряжены въ парчевыя дорогія одежды и держали въ рукахъ высокія черныя лисьи шапки. Здѣсь одинъ изъ стольниковъ и дьякъ привѣтствовали его превосходительство г. фанъ-Кленка отъ имени его величества; затѣмъ внезапно были отворены двустворчатыя двери въ аудіенцъ-заль. Его превосходительство оказался лицомъ къ лицу съ государемъ, сидѣвшимъ на высокомъ серебрянномъ съ позолотою тронѣ, къ которому вели двѣ ступени. Онъ былъ весьма роскошно одѣтъ и имѣлъ на головѣ красивую дорогую корону; въ правой рукѣ у него былъ скипетръ, а рядомъ съ нимъ весьма лежала держава на золоченой треугольной пирамидѣ. Передъ трономъ лежалъ дорогой коверъ съ золотыми и серебрянными узорами; съ обѣихъ сторонъ его стояли по два человека въ сѣрыхъ кафтанахъ, обшитыхъ мѣхомъ, и въ очень высокіхъ шапкахъ. Въ рукахъ у нихъ были серебрянные топорыки, а вокругъ шеи, груди и спины шли у нихъ тяжелыя золотыя цѣпи, крестообразно наложенныя другъ на друга. Ближе всѣхъ къ трону справа стояли бояре Никита Ивановичъ Одоевскій и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, подалше немного къ стѣнѣ находились нѣсколько молодыхъ людей, исполнявшихъ должность какъ бы камергеровъ. Государственный секретарь (думный дьякъ) стоялъ приблизительно на полдорогѣ между его величествомъ и его превосходительствомъ, а за господиномъ посломъ помѣщались оба пристава, переводчикъ Виніусъ и много знатныхъ бояръ, стольниковъ и другихъ лицъ, разодѣтыхъ въ дорогія парчевыя одежды. По лѣвую сторону его величества близко къ трону стоялъ воевода князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, а на скамьяхъ вдоль стѣны сидѣли бояре и думные дворяне въ роскошныхъ одѣяніяхъ. Раньше всѣ они сидѣли въ вы-

сокихъ черныхъ лисихъ шапкахъ, а теперь всѣ обнажили свои головы, кромѣ четырехъ молодыхъ людей съ топориками. Весь полъ былъ покрытъ прекраснымъ турецкимъ ковромъ, а стѣны были обвѣшаны тканями, на однѣхъ изъ которыхъ представлялась исторія побѣды Давида надъ Голиаѳомъ; висѣло здѣсь и еще много золотыхъ тканей, которыми покрыты были и скамьи. Дворяне, офицеры, даже лакеи до послѣднихъ мальчиковъ стояли здѣсь же, въ залѣ, построеныя въ ряды, начиная отъ дверей; секретарь стоялъ между ними и г. посломъ и держалъ въ рукахъ письмо къ государю...

«Когда посолье остановился передъ его царскимъ величествомъ (который не только не тронулся съ мѣста, но и даже и не шевельнулся вовсе), дьякъ вынулъ грамотку и обратился къ государю со словами, что прибылъ посолье высокомогущественныхъ Штатовъ и его высочества принца. Затѣмъ онъ обратился къ его превосходительству, прося его высказать государю свои пропозиціи, или предложенія»...

Кленкъ сталъ на указанное ему мѣсто и началъ свою рѣчь. Сначала произнесъ онъ полный титулъ государя Алексѣя Михайловича, потомъ перечислилъ десятка три-четыре титуловъ генеральныхъ Штатовъ и принца Оранскаго и затѣмъ лишь перешелъ къ самому дѣлу. Наговорилъ онъ довольно много, но пока еще выражался лишь въ общихъ чертахъ о желательномъ мирѣ, согласіи и дружбѣ между Россіей и Голландіею. Одинъ изъ дворянъ почетной свиты его сохранилъ намъ эту рѣчь, уснащенную массою коверканыхъ французскихъ словъ, какъ то требовалось обычаемъ того времени.

Послѣ рѣчи посла послѣдовалъ перерывъ, во время котораго Виніусъ прочелъ изготовленный уже заранѣе переводъ ея. Затѣмъ дьякъ сдѣлалъ заявленіе о подаркахъ, доставленныхъ посольствомъ. Врученіе ихъ сопровождалъ коротенькой рѣчью посла. Онъ выразилъ надежду, что старая «дружба и корреспонденція» не только будутъ «конфирмированы и обновлены», но и болѣе еще увеличатся, и что въ знакъ этого и подарки, презентуемые какъ его правительствамъ, такъ и имъ лично, будутъ благосклонно приняты. Вмѣстѣ съ подарками вручены были тутъ же и вѣрительныя грамоты.

Когда послѣ этого Кленкъ воротился на мѣсто, государь обратился къ нему съ запросомъ о здоровьѣ генеральныхъ Штатовъ и его высочества. Кленкъ отвѣчалъ, что и тѣхъ и другаго оставилъ онъ въ добромъ здравіи. Затѣмъ черезъ дьяка было объявлено, что государь допускаетъ посла къ своей рукѣ. Кленкъ подошелъ къ трону и поцѣловалъ руку государеву, «сказавъ при этомъ небольшой комплиментъ порусски, что, повидимому, весьма понравилось его величеству». Потомъ къ рукѣ допущенъ былъ и маршалъ и еще нѣсколько человекъ изъ свиты, всего семнадцать человекъ.

Въ заключеніе аудіенціи послу было объявлено, что письма, доставленныя имъ, будутъ отданы переводчику, а что его и свиту государь жалуетъ кушаньемъ со своего стола.

Слѣдующій день прошелъ въ обмѣнѣ визитовъ съ нѣкоторыми изъ бояръ и съ иностранными посланниками въ Москвѣ, а въ среду, 19-го (29-го) января, состоялась вторая аудіенція. Церемоніаль былъ тотъ же, что и во время первой аудіенціи. Рѣчь посла теперь перешла уже прямо къ настоящей цѣли его поѣздки.

Онъ указалъ на тѣ обстоятельства, которыя сближаютъ оба, повидимому, столь отдаленныя другъ отъ друга государства, Голландію и Москву, ихъ оживленныя торговыя сношенія, которыя давно уже ведутся между этими государствами для обоюдной пользы и процвѣтанія. Затѣмъ онъ превознесъ громадныя владѣнія и силу Москвы, но въ то же время отдалъ должное и той значительной морской силѣ, которою владѣетъ на видъ столь незначительная республика Нидерландская. Далѣе, онъ краснорѣчиво описалъ нынѣшнее горестное положеніе своего отечества, почти лишеннаго союзниковъ и тѣснимаго могущественнымъ врагомъ. Онъ заключилъ свою рѣчь просьбою, чтобы государь разрѣшилъ ему вести переговоры съ кѣмъ нибудь изъ царскихъ думцевъ о возможномъ оборонительномъ союзѣ между обѣими державами.

Государь благосклонно выслушалъ его рѣчь и отвѣчалъ, что просьба его будетъ уважена.

Для переговоровъ указаны были фанъ-Кленку, какъ уполномоченные (голландцы называли ихъ «коммиссарами»), ближніе бояре князь Михайло Юрьевичъ Долгорукій и Артамомъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и три дьяка. Посолъ съ ними тутъ же удалился въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ, гдѣ всѣ вмѣстѣ усѣлись за столъ, покрытый парчевою скатертью, на которой стояла золотая чернильница со всѣмъ приборомъ. На уполномоченныхъ были тяжелыя золотыя цѣпи, шедшія вокругъ шеи и плечъ и крестообразно сходявшіяся на груди. Кленкъ передъ ними уяснилъ то же самое, о чемъ онъ говорилъ уже на аудіенціи. Бояре его молча выслушали, обѣщали обо всемъ доложить государю и затѣмъ удалились.

Приблизительно недѣля прошла въ банкетахъ, взаимныхъ угощеніяхъ и обмѣнѣ подарковъ. Кленкъ все ждалъ отвѣта, какъ вдругъ случилось событіе, которое многое должно было измѣнить.

III.

Болезнь и смерть царя Алексѣя Михайловича.—Разсказъ очевидца голландца.— Торжественный выносъ тѣла.—Визиты къ вельможамъ.—Масленица.—Пьянство на улицахъ.—Траурная конференція.—Голова Стеньки Разина.—Московскія бани.—Новый Иерусалимъ.—Пасха.—Первая аудіенція у царя Θεодора Алексѣевича.— Придворный докторъ Розенбургъ.—Какъ принимали лѣкарство наши цари и царицы.—Пожаръ.—Сожженіе поджигателя.—Послѣдняя аудіенція.—Отсылка войскъ къ шведской границѣ.—Выѣздъ изъ Москвы и отплытіе.

Рано утромъ, 17-го февраля новаго стilia, пришли къ Кленку оба пристава сообщить, что государь Алексѣй Михайловичъ при смерти боленъ, и что вотъ уже нѣсколько дней и ночей знатнѣйшіе бояре находятся при немъ неотлучно.

Приводимъ о дальнѣйшемъ разсказъ нашего голландца.

«Государь,—пишетъ онъ,—заболѣлъ на слѣдующій день послѣ второй аудіенціи, и болѣзнь его нѣсколько времени держалась въ тайнѣ. Недомоганіе, однако, между тѣмъ до того усилилось, что по просьбѣ духовныхъ лицъ многіе изъ должниковъ его величества были освобождены отъ обязательствъ: этотъ обычай соблюдается обыкновенно при кончинѣ кого либо изъ правителей, причемъ общая сумма прощаемыхъ долговъ иногда доходитъ до многихъ сотенъ тысячъ гульденовъ. Въ этотъ же день его величество принялъ помазаніе елеемъ и причастіе; на рынкѣ массаами закупали черное сукно и другія траурныя ткани.

«Въ субботу, 8-го февраля, вечеромъ, часовъ въ 7, великій государь Алексѣй Михайловичъ послѣ непродолжительной болѣзни скончался.

«Какъ сказано, на второй аудіенціи нашего посланника, въ среду, 28-го января, мы видѣли государя; онъ былъ свѣжъ и здоровъ, и мы не могли ожидать ничего дурного. Онъ даже на слѣдующій день еще просилъ прислать къ себѣ мальчика изъ посольской свиты, который превосходно игралъ на разныхъ инструментахъ. Тотъ и былъ во дворцѣ и игралъ здѣсь въ присутствіи царицы и вельможъ къ замѣтному удовольствію государя. Но въ субботу, 1-го февраля, когда нашъ посоль второй разъ при дворѣ велъ переговоры съ уполномоченными, его величество занемогъ такъ, что черезъ недѣлю, въ субботу, 8-го числа его похитила смерть. Ему было сорокъ восемь лѣтъ отъ роду, и на престолѣ онъ пробылъ тридцать одинъ годъ... Что касается его болѣзни, доктора первоначальною причиною называли цыngu (обыкновенную у москвитянъ болѣзнь), къ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ присоединилась водянка; между тѣмъ никоимъ образомъ не удавалось убѣдить его величество принять какія либо лѣкарства. Незадолго передъ кончиною онъ немного простудился, и затѣмъ къ простудѣ

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1894 г., т. LVII.

присоединилась лихорадка, съ каждымъ днемъ все увеличивавшаяся, такъ что доктора наконецъ отчаялись въ благополучномъ исходѣ болѣзни. Последнее—тѣмъ болѣе, что вмѣсто лѣкарствъ онъ во все время пилъ лишь квасъ до того холодный, что въ немъ плавали кусочки льда; кромѣ того, для умѣренія жара велѣлъ онъ класть на животъ толченый ледъ, а также и въ руки бралъ ледъ. Вслѣдствіе этого нездоровье его быстрыми шагами увеличивалось, и уже седьмого числа вечеромъ были въ присутствіи патріарха совершены надъ нимъ обыкновенныя въ греческой церкви церемоніи. Принявъ послѣднее напутствіе, государь прожилъ еще сутки; незадолго передъ кончиною онъ успѣлъ еще передать скипетръ и всѣ державныя права старшему сыну.

«Лишь только онъ скончался, какъ старшій сынъ его царь Теодоръ Алексѣевичъ, отрокъ лѣтъ пятнадцати, боярами былъ препровожденъ въ большой залъ и здѣсь въ царскихъ регаліяхъ посаженъ на тронъ. Онъ поцѣловалъ крестъ, и вслѣдъ за нимъ вельможи и бояре принесли ему присягу въ вѣрности, цѣлуя крестъ въ рукахъ патріарха. Цѣлую ночь продолжалась присяга дворянъ, стольниковъ и разныхъ дворцовыхъ служителей. Посланы были гонцы во всѣ концы государства; всѣ иностранные офицеры и чиновники призваны были во дворецъ, гдѣ они принесли присягу передъ двумя проповѣдниками, однимъ реформатскимъ и другимъ лютеранскимъ.

«Въ воскресенье девятого числа, рано утромъ, явились передъ дворцомъ всѣ низшіе офицеры и всѣ тѣ, которые въ предыдущую ночь не успѣли присягнуть, такъ же какъ и земскіе люди московскіе. Здѣсь было также и много лицъ духовнаго званія и самъ патріархъ. Все это громадное скопище народа принесло присягу, стоя передъ дворцомъ подъ открытымъ голубымъ небомъ. Другіе офицеры и слуги царскіе присягали въ своихъ приказахъ. Эта церемонія еще не успѣла кончиться, какъ уже оказалось десять часовъ, и изъ дома патріарха потянулась процессія духовныхъ во дворецъ. Отсюда они вышли часовъ въ 11 въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего мы увидѣли человѣкъ триста или четыреста священниковъ въ великолѣпномъ облаченіи; всѣ они пѣли и держали въ рукахъ горящія восковыя свѣчи. Пучки восковыхъ свѣчъ въ то же самое время въ огромномъ количествѣ были брошены въ народъ для раздачи. Затѣмъ явился патріархъ съ митрою на головѣ въ сопровожденіи двухъ знатныхъ вельможъ; передъ нимъ несли двѣ золотыя хоругви. За патріархомъ шли митрополитъ, архіепископъ, епископъ и проч., всѣ въ богатыхъ облаченіяхъ и бѣлыхъ золоченыхъ митрахъ. За ними несли крышку гроба, покрытую дорогимъ парчевымъ покровомъ; ее несли нѣсколько вельможъ въ черномъ одѣяніи. Потомъ слѣдовали носилки, на которыхъ подъ парчевымъ балдахиномъ покоился гробъ съ тѣломъ почившаго государя. Вокругъ гроба несли много большихъ восковыхъ свѣчъ, а также и

курильницъ, которые окружали гробъ благовоннымъ дымомъ. Трудно повѣрить, какой плачь и какія рыданія раздались въ толпѣ народа при видѣ гроба. Крики и воли присутствовавшихъ, казалось, могли бы даже облака разорвать (sic); можно было подумать, что со смертію этого государя подданные лишились единственнаго своего утѣшенія и надежды. Новый царь, одѣтый въ трауръ, слѣдовалъ съ обнаженной головою въ носилкахъ, покрытыхъ чернымъ сукномъ. Рядомъ съ нимъ находились самые старшіе вельможи страны, ближніе бояре, лица которыхъ выражали сильнѣйшую скорбь. За нимъ слѣдовала царица, также на носилкахъ, покрытыхъ траурнымъ сукномъ. Ея свиту составляли множество царевенъ, боярынь и боярышенъ. Вся эта процессія направилась въ церковь архангела Михаила, вблизи дворца, гдѣ гробъ поставили съ большими церемоніями въ общую усыпальницу великихъ князей и царей московскихъ. Лишь недѣль черезъ шесть тѣло было окончательно предано землѣ».

Голландцы, конечно, также должны были надѣть трауръ. Вмѣсто переговоровъ о союзѣ пришлось прежде всего заняться визитами для выраженія соболѣзнованія по поводу горестной утраты.

Во вторникъ трое изъ свиты Кленка были отправлены къ Артамону Сергѣевичу Матвѣеву. Дворецкій встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ со слезами на глазахъ. Ихъ повели вверхъ въ комнату, гдѣ они увидѣли много людей, все съ грустными лицами. Матвѣевъ вышелъ навстрѣчу и ласково принялъ гостей. Когда голландскій маршалъ сталъ говорить о причинѣ своего прихода, самъ Артамонъ Сергѣевичъ и всѣ присутствовавшіе вдругъ навзрыдъ заплакали. Бояринъ со слезами велѣлъ передать послу свое сердечное спасибо за соболѣзнованіе и желаніе утѣшить его. Онъ увѣрялъ, что дѣло голландскаго посольства нисколько не пострадаетъ, что тѣ же лица стоятъ во главѣ власти, и что за юностью государя вмѣстѣ съ нимъ будутъ править четыре знатнѣйшихъ боярина. Посланные поблагодарили боярина и возвратились къ своему начальнику.

Подобнымъ же образомъ посолъ распорядился передать свое соболѣзнованіе и князю Ивану Алексѣевичу Воротынскому, котораго голландцы называли «первымъ и знатнѣйшимъ вельможею московскимъ».

Приблизилась масленица. Въ Москвѣ стояли сильныя холода, которые, однако, нисколько не мѣшали страпному пьянству, поразившему иностранцевъ своими неимовѣрными размѣрами. Пьянствовали не одни лишь мужчины, но и женщины. Часто приходилось видѣть, какъ изъ кабаковъ выволакивали мертвецки пьяныхъ, сваливали ихъ, какъ дрова, на сани и увозили домой. Много пьяницъ замерзло при этомъ до смерти; другіе отдѣлывались отмороженными руками или ногами. Опасно было въ это время по вечерамъ

выходить на улицу: буйные пьяницы, озвѣрѣлые отъ сивухи бродяги и настоящіе грабители и разбойники попадались на каждомъ шагу.

Къ Кленку заѣхалъ въ гости польскій резидентъ въ Москвѣ. За обѣдомъ рѣчь зашла о пьянствѣ, и этотъ послѣдній разсказалъ много интереснаго и поучительнаго. Между прочимъ, въ одномъ новомъ кабацѣ въ польской слободѣ за время отъ начала ноября до половины января выпито было водки на сто тридцать шесть рублей—сумму, которой голландцы съ трудомъ повѣрили. «Люди здѣсь,—разсказывалъ резидентъ,—до того падки до вина, что рады пропить не только свои деньги, но и одежду, женъ и дѣтей, наконецъ даже свою собственную свободу».

15-го (26-го) февраля Кленкъ снова былъ на совѣщаніи съ уполномоченными. Поѣздка во дворецъ совершилась также торжественно, какъ и раньше, но уже безъ трубъ и литавръ. Кромѣ того, и кареты и лошади всѣ были покрыты черными покрывалами, и вся свита въ черномъ одѣяніи. Бояре и царскіе слуги и гости также были всѣ въ траурѣ, большинство въ черной одеждѣ, иные въ рваныхъ кафтанахъ, что также считалось признакомъ печали и скорби.

Самъ посолье пока занялся одной изъ побочныхъ своихъ цѣлей—завязать сношенія съ Персією, а свита тѣмъ временемъ знакомилась съ интересною для нея московскою жизнью и осматривала всѣ возможныя диковинки. Такъ, между прочимъ, ѣздили осматривать голову, руки и ноги Стеньки Разина, уже шесть лѣтъ хранившіяся на мѣстѣ казни въ назиданіе современникамъ. Часто были также банкеты и вечеринки въ нѣмецкой слободѣ. День покаянія и молитвы—нѣмецкій постъ—былъ справленъ по голландскому обычаю, причемъ присутствовало много гостей изъ слободы. Послѣ проповѣди былъ устроенъ обѣдъ. Десертъ состоялъ изъ сложенныхъ красивою пирамидою разныхъ конфетъ; послѣ обѣда онѣ дѣлились между присутствовавшимъ здѣсь прекраснымъ ломъ, Веселгя попойка продолжалась до поздней ночи.

Голландцамъ пришлось познакомиться и съ характеромъ русскихъ бань того времени. По субботамъ часто приходилось видѣть, какъ мужчины и женщины направлялись въ бани. Каждый полъ мылся въ особомъ помѣщеніи, но между отдѣленіями была лишь бревенчатая перегородка обыкновенно съ такими громадными щелями, что мывшіеся преспокойно могли видѣть другъ друга. Кромѣ того, въ мыльню обыкновенно и мужчинамъ и женщинамъ приходилось идти черезъ ту же дверь, что они и дѣлали, лишь прикрывая свою наготу вѣшникомъ. Голландцы удивлялись изумительной выносливости, съ которою москвитяне парились, и тому, какъ даже бабы, распарившись докрасна, выбѣгали зимою на дворъ и валялись въ снѣгу.

Двое изъ свиты голландской верхомъ направились посмотрѣть знаменитый монастырь Новый Иерусалимъ, построенный Никономъ въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы. Строеніе голландцамъ весьма понравилось, хотя оно и было еще не окончено, такъ какъ послѣ ссылки Никона работы были приостановлены. Старикъ монахъ показалъ гостямъ всѣ достопримѣчательности монастыря: и копию гроба Господня, и тюрьму Петрову, и всѣ церкви, и даже ту, гдѣ самъ патріархъ совершалъ службу. Въ одномъ изъ помѣщеній показали имъ и портретъ Никона во весь ростъ, написанный какимъ-то нѣмецкимъ мастеромъ. Голландцы вошли и на колокольню, къ которой вели двѣсти двѣ ступени; колокольня была не докончена, по первоначальному плану она предполагалась еще выше. Осмотрѣвъ все, гости удалились, конечно, давъ монаху приличное вознагражденіе.

Тѣмъ временемъ прошли и шесть недѣль великаго поста, наступило вербное воскресенье, и Кленку и его свитѣ удалось увидѣть своеобразное, столько разъ описанное «шествіе на осляти». Мѣсто государя въ процессіи заступалъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынской.

Наступила пасха. Иностранцевъ поразили звонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, возгласы «Христосъ воскрес!» и «Воистину воскрес!», троекратные поцѣлуи между встрѣчными, даже всадниками, которые при этомъ не слѣзали съ коней. Приставленная къ посланнику стража, переводчики и др. пришли въ первый день съ поздравленіями, неся въ подарокъ красиво изукрашенныя красками и позолотою яйца. Ихъ угощали водкою и виномъ и дарили имъ деньги.

На улицахъ шло тоже безобразное пьянство, какъ и въ масленицу.

Въ субботу на святой вся свита посла была въ гостяхъ у переводчика Виніуса. Угощеніе было роскошное. Голландцамъ особенно понравились какіе-то персидскіе пряники, привезенные изъ Астрахани. Жена Виніуса три раза вставала изъ-за стола и являлась все въ новыхъ нарядахъ: это считалось особою честью для гостей.

Въ пятницу 24-го апрѣля, наконецъ посольство дождалось аудіенціи у новаго государя. Часовъ въ 10 утра явились пристава съ лошадьми и каретою отъ государя. Процессія двинулась въ путь въ обыкновенномъ порядкѣ. Секретарь на этотъ разъ держалъ въ рукѣ черный платокъ съ письмами отъ генеральныхъ Штатовъ и принца Оранскаго. Адресъ этихъ писемъ былъ къ государю Алексѣю Михайловичу, такъ какъ про смерть государя Штаты въ моментъ написанія писемъ не знали. Передъ дворцомъ находилось гораздо меньше стрѣльцовъ, чѣмъ прежде; не было слышно ни трубъ, ни литавръ. Члены посольства попарно вошли на верхъ въ передній залъ государя, гдѣ ихъ пристава размѣстили по по-

рядку. Отсюда направились въ аудіенцъ-залъ. Впереди шель секретарь, высоко поднявъ въ рукѣ своей грамоту Штатовъ. Два стольника встрѣтили посла у дверей и привѣтствовали его отъ имени государя. Залъ былъ весь обвѣшанъ чернымъ сукномъ. Кленкъ сталъ передъ государемъ, немного вправо отъ него, а свита была помѣщена какъ разъ напротивъ трона. Государь Теодоръ Алексѣевичъ произвелъ на голландцевъ впечатлѣніе юноши, довольно красиваго, но съ болѣзненнымъ и желтымъ цвѣтомъ лица. Онъ сидѣлъ на тронѣ отца, обитомъ чернымъ сукномъ; на немъ была длинная черная одежда, опушенная соболемъ. На головѣ у него была высокая суконная шапка съ собольимъ краемъ и въ рукѣ тяжелый костыль, на который онъ иногда опирался, такъ какъ былъ очень слабъ.

Кленкъ сказалъ коротенькую рѣчь, въ заключеніе которой пожелалъ голударю лѣта Маѳусаиловы, мудрость и богатства Соломоновы и счастье и удачу Александра Великаго. Онъ выразилъ надежду, что снискаетъ и у сына ту же милость, какъ у отца. Виніусъ перевелъ эту рѣчь пославянски, а Артамонъ Сергѣевичъ принялъ письма нидерландскаго правительства и отнесъ ихъ на храненіе. Затѣмъ послѣ разспросовъ о здоровьѣ Кленкъ былъ допущенъ къ рукѣ государевой и получилъ разрѣшеніе сѣсть, пока члены свиты подходили къ рукѣ. Когда эта церемонія кончилась, всѣ отвѣсили по поклону государю и удалились.

Въ субботу 15 (25) апрѣля обѣдалъ у голландскаго посла бренденбургскій агентъ. Присутствовавшій на обѣдѣ докторъ Розенбургъ разсказалъ интересныя подробности о томъ, какъ царь и царица принимаютъ лѣкарства.

Прежде чѣмъ лѣкарство будетъ принято, оно должно быть испробовано цѣлымъ рядомъ бояръ или боярынь, хотя бы и совершенно здоровыхъ. Часто бывало, что приготовленное для государя лѣкарство принималось сначала тридцатью или сорока придворными. Розенбургъ подтвердилъ случаемъ, бывшимъ съ нимъ лично. Когда первая супруга покойнаго государя разъ занемогла, будучи беременной, онъ прописалъ ей лѣкарство для приема внутрь. Аптекарь, который долженъ былъ приготовить микстуру, вынулъ изъ ящика, **на которомъ** стояло названіе требуемаго корешка, не тотъ, а лишь **схожій** съ нимъ по цвѣту, но не по вкусу. Настоящій корешокъ былъ горьковатаго вкуса, а этотъ, кажется, белена (dolvortel), былъ сладковатый. Питье, такимъ образомъ невѣрно приготовленное, было принесено царицѣ. Царица дала его сначала выпить одной изъ княгинь своей свиты, и та, по принятіи лѣкарства, почувствовала себя плохо. Бояринъ, начальникъ аптеки, сильно разгнѣвался. Онъ пришелъ къ доктору Розенбургу и спросилъ его, что онъ такое прописалъ. «Вотъ,—отвѣчалъ докторъ,—мой рецептъ, и вотъ моя голова, если я въ чемъ повиненъ». Хозяинъ аптеки

велѣлъ аптекарю сейчасъ же приготовить микстуру еще разъ; такъ какъ на этотъ разъ взять былъ настоящій корешокъ, то это питье, которое пошло на разслѣдованіе къ другимъ докторамъ, было приготовлено какъ слѣдуетъ. Самому доктору Розенбургу, однако, пришлось выпить остатокъ изъ той стеклянки, которой чуть не отравилась боярыня. Это онъ и сдѣлалъ «за здравіе царицы». Потомъ онъ пошелъ домой. Его проводили два аптекаря (между ними и приготовившій скверную микстуру), чтобы посмотреть, что съ нимъ сдѣлается. Дома Розенбургъ оказался не въ состояніи ѣсть, его клонило ко сну, затѣмъ появилась сильная истерика и судороги въ конечностяхъ. Аптекари ушли въ сильномъ безпокойствѣ; въ случаѣ несчастія съ докторомъ имъ пришлось бы плохо. Когда они на слѣдующее утро зашли къ доктору, тому все еще сильно нездоровилось, но они умолили его прійти къ нимъ въ аптеку, чтобы бояринъ не могъ чегонибудь заподозрѣть. Докторъ согласился на ихъ просьбы и, принявъ, на сколько ему удалось, веселый видъ, прицель въ аптеку. Бояринъ былъ успокоенъ насчетъ микстуры и рѣшилъ, что, вѣроятно, съ боярыней случилось чтонибудь независимо отъ лѣкарства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого обѣда въ Москвѣ случился сильный пожаръ. И въ предыдущіе дни ихъ было не мало, но случившійся теперь выходилъ уже изъ ряда вонъ. Домовъ сгорѣло изрядное количество, и чуть не погорѣло и само посольство. Едва удалось спрятать вещи въ подвалы и переѣхать въ другое помѣщеніе. Жители почти ничего не дѣлали для тушенія пожара, такъ что голландцы недоумѣвали, что за причина этому: лѣнь ли, или глупость, или желаніе подъ шумокъ поживиться чужимъ добромъ. Огонь чуть не добрался до помѣщенія царской семьи. Этому удалось помѣшать лишь быстрымъ сломомъ промежуточныхъ зданій. Почти сутки длился пожаръ и поглотилъ общимъ числомъ болѣе пяти тысячъ домовъ и дворовъ.

Нѣсколько дней еще повторялись пожары, и по городу рьяно розыскивали поджигателей. Было поймано таковыхъ человекъ пятнадцать, хотя все на основаніи уликъ довольно сомнительнаго свойства. Тѣмъ не менѣе одного изъ нихъ привязали къ столбу и сожгли на медленномъ огнѣ, хотя онъ все время кричалъ, что ни въ чемъ не виновенъ. Очевидецъ справедливо замѣчаетъ, что врядъ ли настоящіе поджигатели и дали бы себя словить тутъ же, рядомъ съ горѣвшими домами. Попадались больше простые зѣваки и ни въ чемъ не повинные пьяницы.

1 (11) мая, въ понедѣльникъ, состоялась послѣдняя аудіенція голландскаго посольства. Фанъ-Кленкъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой въ изысканнѣйшихъ выраженіяхъ благодарилъ государя за гостепримство и многія его милости. Царь Θεодоръ Алексѣевичъ со своей стороны пожаловалъ посольство кушаньями со своего стола,

а Кленку велѣлъ передать поклонъ свой генеральнымъ Штатамъ и принцу Оранскому.

Черезъ три недѣли,—посольство все еще не выѣзжало,—былъ доставленъ Кленку списокъ русскихъ войскъ, посылаемыхъ къ шведской границѣ. Государь, не желавшій начинать войны со шведами, все-таки рѣшилъ устрашить шведскаго короля этимъ передвиженіемъ войскъ. Расчеты эго отчасти оправдались, такъ какъ болѣе десяти тысячъ шведскихъ солдатъ были собраны у московскихъ границъ и не были двинуты къ мѣсту военныхъ дѣйствій, въ Германію.

Выѣздъ произошелъ лишь 11 (21) іюня, послѣ прощальныхъ визитовъ ко всѣмъ знатнымъ русскимъ и иностранцамъ въ Москвѣ. Голландцы ѣхали назадъ по тому же пути. До Вологды везли ихъ на лошадахъ, а здѣсь пересадили на лодки и барки и повезли внизъ по Сухонѣ, а затѣмъ по Сѣверной Двинѣ. Остановокъ на пути было не много, но все-таки до Архангельска доѣхали не раньше 2-го августа. Здѣсь пришлось почти три недѣли ждать прибытія новаго воеводы, Ивана Андреевича Хованскаго.

8-го сентября Кленкъ вмѣстѣ со свитою при звукѣ трубъ и литавръ вошли на суда, чтобы на слѣдующій день съ попутнымъ вѣтромъ выѣхать изъ Архангельска.

Въ средія октябры чрезвычайный посолъ уже рапортовалъ «высокомощнымъ» Штатамъ и принцу Оранскому о благополучномъ окончаніи порученія.

IV.

Данныя объ авторѣ книги.—Надежды издателя.—На сколько онѣ могли оправдаться.—Отзывы о книгѣ и ея значеніе.

Прошло не болѣе года послѣ возвращенія Кленка на родину, какъ въ Амстердамѣ въ книжномъ складѣ Яна Клазсенса Тень-Горна появилось «Описаніе путешествія, совершеннаго въ свитѣ Кунрада фанъ-Кленка», это до сихъ поръ не появлявшееся въ русскомъ переводѣ сочиненіе, которое и послужило главнымъ матеріаломъ при написаніи нашей небольшой статьи. Издатель въ предисловіи заявлялъ, что любители рассказовъ о путешествіяхъ за появленіе настоящаго «должны благодарить одного изъ дворянъ свиты благороднаго К. фанъ-Кленка»; онъ замѣчаетъ при этомъ, что составитель былъ причастенъ ко всѣмъ важнымъ дипломатическимъ дѣламъ посольства и скорѣе, чѣмъ всякій, ниже него стоящій, былъ въ состояніи дать отчетъ о событіяхъ путешествія. Латинское стихотвореніе въ честь автора (очевидно, отъ имени издателя, хотя и не имъ подписанное) превозноситъ послѣдняго за то,

что онъ, рожденный въ славной семьѣ, умножаетъ дѣлами своими славу предковъ, не только обогащаяся знаніями, но и берясь за описаніе суровой полуудикой страны. Спрашивается, кто же авторъ.

Обращаясь къ составу посольства, мы здѣсь находимъ слѣдующихъ почетныхъ лицъ, кромѣ самого Кленка: Янъ Виллемъ фанъ-Келлеръ, деканъ утрехтскій; Павелъ Болье, конюшенный офицеръ; Адамъ Бессельсъ, секретарь; Вальтазаръ Койстъ, Германъ Гримъ, Арнольдъ Будейнъ и Вруно Виллерсъ, дворяне почетной свиты; затѣмъ переводчикъ, проповѣдникъ, докторъ, казначей, помощникъ маршала, подсекретарь и др. Изъ многихъ упоминаній въ книгѣ видно, что авторъ не принадлежалъ ни къ первымъ тремъ, ни къ послѣднимъ изъ перечисленныхъ. Очевидно, что его нужно предполагать въ числѣ четырехъ членовъ почетной свиты. Два отрывка изъ первой и четырнадцатой главъ дѣлаютъ возможнымъ еще болѣе точное опредѣленіе. Говоря о лицахъ, на особой шлюпкѣ (Kaag) отправившихся на главное посольское судно, авторъ перечисляетъ слѣдующихъ: «насъ всѣхъ было восемь, именно проповѣдникъ, докторъ, помощникъ маршала, переводчикъ, я, подсекретарь, одинъ писарь и пажъ». Какъ видно дальше, этотъ «я» остается на адмиральскомъ суднѣ до самаго прибытія Кленка; при этомъ въ дальнѣйшемъ приводится слѣдующій списокъ лицъ съ названнаго судна: самъ посолъ, маршалъ, секретарь, дворяне: Койстъ и Гримъ, переводчикъ, проповѣдникъ, докторъ, главный хирургъ и т. д. («низшихъ чиновъ» я не перечисляю). Очевидно, или Койстъ или Гримъ былъ составителемъ путевыхъ записокъ. Окончательное рѣшеніе въ пользу Койста (Будейнъ и Виллерсъ были на другомъ суднѣ) даетъ мѣсто изъ четырнадцатой главы: «мы ѣхали кавалькадою саней въ двадцать, причемъ маршалъ сидѣлъ съ Sr. Vos'омъ въ первыхъ, Бессельсъ съ Гутнамомъ въ вторыхъ, а г. Гримъ со мною въ третьихъ». Упоминается въ книгѣ еще авторомъ его племянникъ, но къ опредѣленію личности этого послѣдняго нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Большія подробности о самомъ Койствѣ въ видѣ біографическихъ свѣдѣній также пока еще доставить нѣтъ возможности.

Издатель, очевидно, бывшій въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ Койстомъ, не пожалѣлъ средствъ на возможное улучшеніе внѣшности его сочиненія. «Надѣюсь,—заканчиваетъ онъ свое предисловіе,— что интересъ любителей къ книгѣ будетъ столь же великъ, какъ велики были труды и издержки наши для приведенія настоящаго сочиненія въ надлежащій видъ. Я не сомнѣваюсь также, что всѣ люди, надѣленные здравымъ сужденіемъ и свѣтлой головой, благосклонно взглянутъ на книгу въ нынѣшнемъ ея видѣ и будутъ ее читать, какъ она того заслуживаетъ. Я буду считать себя достаточно вознагражденнымъ за издержки и труды, когда увижу, что читатели не поспеютъ на то же; если они докажутъ намъ этимъ

свое расположеніе, то печатня будетъ въ состояніи продолжать свои занятія и впредь».

Конечно, въ настоящее время трудно рѣшить, тронула ли лирическая тирада книгопродавца Яна Тентъ-Горна флегматичныхъ нидерландцевъ, и стали ли они покупать его книгу. Рѣдкость экземпляровъ «Путешествія въ свитѣ Кленка» въ настоящее время можетъ быть объяснена небольшимъ количествомъ изданныхъ Горномъ экземпляровъ, а также быстрымъ расхватомъ ихъ публикою: въ частныхъ рукахъ книги за болѣе чѣмъ двухстолѣтній періодъ времени легче могли исчезнуть, чѣмъ въ складахъ. Небольшимъ количествомъ экземпляровъ изданія, можетъ быть, объясняется и рѣдкое упоминаніе книги историографами. Считаю не лишнимъ перечислить тѣ случаи, гдѣ сдѣланы наиболѣе важныя указанія на «Путешествіе въ свитѣ Кленка».

Въ изданной въ 1798 году К. Мейнерсомъ въ Лейпцигѣ книгѣ «Сравненіе древней и новѣйшей Россіи»¹⁾ въ числѣ источниковъ фигурируетъ и голландскій анонимъ на ряду съ записками бранденбургца Скультета, относящимися къ тому же времени. По замѣчанію Мейнера, «голландское сочиненіе содержитъ не многія, но гораздо болѣе интересныя детали, чѣмъ нѣмецкое» (т. е. Скультета). Далѣе у него приводятся изъ Койста данныя о казенной великой монополіи, о рабскомъ духѣ русскихъ, о доходахъ государства, о похоронныхъ обрядахъ, о присягѣ.

Наиболѣе важное изъ непосредственно послѣ этого слѣдовавшихъ упоминаній о книгѣ Койста находимъ въ извѣстномъ трудѣ Аделунга «Обзоръ путешественниковъ въ Россію», вышедшемъ въ 1845 году. Аделунгъ находитъ у анонима «много весьма драгоцѣнныхъ и интересныхъ свѣдѣній о тогдашнемъ состояніи Россіи». Особенно отмѣчаетъ онъ свѣдѣнія, которыми Кленкъ и его свита могъ позаимствоваться у царскаго лейбъ-медика д-ра Иоганна Костеруса Розенбурга, напимѣръ, относительно болѣзни Алексѣя Михайловича, способовъ лѣченія и т. п.²⁾

Названный уже выше трудъ Е. Е. Замысловскаго заканчиваетъ короткій списокъ болѣе подробныхъ указаній на «Путешествіе въ свитѣ Кленка». Е. Е. Замысловскій отмѣчаетъ весьма важное извѣстіе относительно состава правительства при воцареніи Θεодора, указываетъ на сообщеніе о польскихъ музыкантахъ въ домахъ знатныхъ москвитянъ и, наконецъ, сравниваетъ дневникъ путешествія Кленка съ рукописными книгами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ³⁾.

¹⁾ C. Meiners, Vergleichung etc., Ss. 29, 225, 275 n., 318 n., 364; II, 267.

²⁾ Adlung, Uebersicht etc., Ss. 359—360.

³⁾ Списокъ сходныхъ мѣстъ приведенъ Замысловскимъ: Царств. Θεодора Алексѣевича, I, 204, прим. Относительно одного недоразумѣнія см. мое примѣч. къ выдержкамъ изъ Койста въ Русской Старинѣ, 1893 г., № 12.

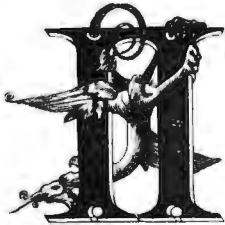
Приведенные мною отзывы о книгѣ Койста достаточно характеризуютъ значеніе этого мало извѣстнаго историческаго источника. Я съ своей стороны считаю необходимымъ отмѣтить у Койста еще цѣлый рядъ документовъ какъ голландскихъ, такъ и русскихъ въ переводѣ на голландскій языкъ, списки бояръ, окружавшихъ царей Алексѣя Михайловича и Θεодора Алексѣевича, обширное и весьма своеобразное «Опроверженіе русскихъ суевѣрій», въ 1644 году посланное графомъ Шлезвигъ-Голштинскимъ патриарху Іосифу, рядъ данныхъ географическихъ и статистическихъ, интересные списки подарковъ и т. п. Вполнѣ достойнымъ русской науки сдѣлаются всѣ эти свѣдѣнія, конечно, лишь по появленіи полного перевода книги Койста.

А. М. Л.

ЧТО ТАКОЕ ИБСЕНЬ?

ПОШЛО болѣе тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ, по словамъ исторической легенды, новгородскіе славяне, убѣдившись, что сами не могутъ установить порядка въ своей обширной и богатой странѣ, призвали варяговъ и предоставили имъ власть. Такимъ образомъ исчезло у насъ безначаліе въ политической жизни; но въ умственной—мы все еще напоминаемъ тѣхъ отдаленныхъ нашихъ предковъ, которые сами никакъ не могли водворить у себя порядка. Сколько разъ мы призывали къ себѣ разныхъ «варяговъ»! И, нужно замѣтить, мы тутъ оказывались менѣе самостоятельными, чѣмъ въ политической жизни. Призывая Рюрика, Синеуса и Трувора, наши предки лично, собственнымъ опытомъ убѣдились въ ихъ боевыхъ и иныхъ способностяхъ; когда же мы впослѣдствіи то и дѣло мѣняли въ умственной жизни иноземныхъ властителей, мы избирали ихъ вовсе не по собственному разуму, а потому, что другіе признавали ихъ людьми выдающимися, передовыми или великими. Такова была исторія воцаренія у насъ и Лейбница, и Вольтера, и Гегеля вплоть до Милля, Бокля, Спенсера и т. д.

Въ настоящее время у насъ по прошествіи слишкомъ тысячи лѣтъ, повидимому, опять воцаряется настоящій «варягъ», отдаленный потомокъ тѣхъ нормановъ, которые наводили страхъ и ужасъ на всю Европу, разрушая царства и создавая новыя. Имя этого варяга или, по нынѣшнему, норвежца—Генрихъ Ибсенъ, и хотя нѣкоторые наши критики оказываютъ предпочтеніе недавно умершему Гюи Мопасану, но, кажется, что пальма первенства всетаки останется за Ибсеномъ, что онъ одолѣетъ въ нашихъ сердцахъ всѣхъ своихъ соперниковъ. По крайней мѣрѣ, ему поютъ такіе хвалеб-

ные гимны, имъ такъ восторгаются, что окончательное воцареніе его въ ближайшемъ будущемъ кажется неминуемымъ.

Однако, возвеличивая Ибсена, мы также поемъ только съ чужого голоса. Ибсенъ провозглашенъ царемъ не нами, не мы, такъ сказать, открыли его: мы стремимся сдѣлать его властителемъ нашихъ думъ только потому, что вѣчно находимся въ погонѣ за новымъ словомъ, за новымъ «пророкомъ», а на Западѣ нашлись нѣкоторые критики, провозгласившіе Ибсена такимъ новымъ пророкомъ. Какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ остроумный нѣмецкій писатель, Ибсену теперь отводится черезъ мѣру усердными его поклонниками мѣсто, которое въ прошломъ вѣкъ занималъ Вольтеръ, въ первой трети нынѣшняго вѣка—Гете, а затѣмъ хотя и не по общему признанію—Викторъ Гюго. Онъ, какъ оказывается, не только выдающийся драматургъ, но и провозвѣстникъ совершенно новаго міросозерцанія, далеко оставляющаго за собою всѣ прежнія. Понятно, что такой писатель является въ то же время и глубокимъ психологомъ, и первокласснымъ мыслителемъ, и самымъ радикальнымъ политикомъ, и реальнѣйшимъ художникомъ,—словомъ, что въ немъ совмѣщается все, что есть лучшаго. Эти неумѣренные похвалы, этотъ азартъ, съ какими Ибсенъ провозглашается властителемъ думъ не только современнаго, но и будущихъ поколѣній, естественно, вызвалъ реакцію: явились критики, въ томъ числѣ весьма извѣстные и талантливые, какъ, напримѣръ, Максъ Нордау, которые поставили себѣ задачею низвести Ибсена съ его пьедестала. Кажется, при такихъ обстоятельствахъ истинное значеніе Ибсена должно было выясниться, т. е. читатель, познакомившись съ сужденіями и аргументаціею обѣихъ сторонъ, могъ составить себѣ объективное сужденіе о норвежскомъ драматургѣ. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Дѣло въ томъ, что критики обоеихъ лагерей сбиваютъ читателя съ толку, совершая естественную при данныхъ обстоятельствахъ, но тѣмъ не менѣе очень прискорбную ошибку. И поклонники Ибсена, въ родѣ Брандеса, Мельхіора де-Вогюэ, Эргарда и пр., и его антагонисты руководствуются въ своихъ сужденіяхъ тѣми или другими мыслями, высказываемыми не самимъ Ибсеномъ, а его дѣйствующими лицами. Между тѣмъ внимательное знакомство съ драмами Ибсена приводитъ къ тому несомнѣнному выводу, что у него нѣтъ ни одного героя, устами котораго говорилъ бы самъ авторъ: онъ относится, какъ мы увидимъ, ко всѣмъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ болѣе или менѣе отрицательно, потому что главный импульсъ его творчества—критика господствующихъ въ норвежскомъ обществѣ нравовъ, понятій и мировоззрѣній. Мы подробно выяснимъ этотъ тезисъ, но прежде всего намъ надо показать, какъ сильно заблуждаются лица, усматривающія въ норвежскомъ драматургѣ не талантливаго бытописателя норвежскаго общества, а провозвѣстника совершенно новыхъ психологическихъ,

соціальныхъ, политическихъ, философскихъ и художественныхъ истинъ.

Если послушать нашихъ молодыхъ поэтовъ или критиковъ, восторгающихся Ибсеномъ, то оказывается, что онъ—и глубокий философъ, и тонкій знатокъ движеній сердца современнаго чело-вѣка, и такой художникъ, какихъ за послѣднее время на свѣтѣ не бывало. Итакъ, Ибсенъ большой художникъ. Съ этимъ можно до известной степени согласиться. Если рѣчь идетъ лишь о томъ, что Ибсенъ далъ намъ чрезвычайно рельефныя картины нравовъ норвежскаго общества, то мы не только этого оспаривать не станемъ, но, напротивъ, первые готовы это признать. У Ибсена не найдется ни одной драмы, въ которой не встрѣчались бы чрезвычайно интересные типы изъ норвежскаго общества, выхваченные съ чрезвычайнымъ мастерствомъ изъ жизни. Но на эту самую цѣнную сторону дарованія Ибсена обыкновенно не обращаютъ вниманія. Да и въ самомъ дѣлѣ, какое кому дѣло до норвежскаго общества? Признать, что Ибсенъ—только бытописатель этого общества, значитъ сразу лишить его всякаго обаянія. Онъ долженъ быть пророкомъ, провозвѣстникомъ какихъ-то новыхъ словъ, чтобы заинтересовать русскаго читателя. И вотъ наши критики возводятъ его въ великіе художники совершенно независимо отъ тѣхъ достоинствъ, которыя ему дѣйствительно присущи. Прежде всего, какъ водится, восторгаются «реализмомъ» его произведеній. Но въ самомъ ли дѣлѣ Ибсенъ—реалистъ? Несомнѣнно, но только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. въ той степени, на сколько въ его драмахъ вѣрно отражается жизнь норвежскаго общества. Тутъ Ибсенъ создалъ замѣчательные по жизненной правдѣ типы или характеры. Въ то же время, однако, въ всякой драмѣ Ибсена найдете безконечныя натяжки, совершенно фальшивыя положенія, разгулъ романтически настроенной фантазіи. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, почерпнутыхъ изъ тѣхъ пьесъ Ибсена, которыя посвящены воспроизведенію современной жизни. Въ «Столбахъ общества» злодѣи и мошенники, въ теченіе всей своей жизни обкрадывавшій общество, жинившійся по холодному расчету, не задумавшійся послать десятки людей на вѣрную смерть, только чтобы поддержать свою репутацію ловкаго чело-вѣка, вдругъ въ концѣ пьесы публично кается въ своихъ грѣхахъ изъ «любви къ правдѣ». Можетъ быть, такіе случаи и бываютъ, но они такъ рѣдки, что простое ихъ изложеніе безъ очень обстоятельной и глубокой мотивировки всегда будетъ производить впечатлѣніе фальши, жизненной лжи. Чичиковы или Моры кающимися Магдалинами не бываютъ. Въ «Норѣ» жена, прожившая много лѣтъ съ любимымъ мужемъ и горячо любящая своихъ дѣтей, вдругъ въ одинъ прекрасный день прозрѣваетъ, что она была только куколкой въ домѣ и внезапно бросаетъ и мужа, и дѣтей, чтобы безъ всякой опредѣленной цѣли

отправиться въ широкій свѣтъ и найти своему «оскорбленному чувству уголокъ». Въ «Росмергольмѣ» герой пьесы, общественный дѣятель, очень просвѣщенный, безукоризненно честный, думающій только о благѣ своихъ согражданъ и уже далеко не молодой, отрекается отъ своихъ консервативныхъ убѣжденій и переходитъ въ либеральный лагерь съ тѣмъ, чтобы снова вступить на поприще энергической общественной службы, но какъ только узнаетъ, что возлюбленная его обманывала, хотя этотъ обманъ принадлежитъ къ числу довольно безобидныхъ и при данныхъ обстоятельствахъ простительныхъ, или на повѣрку даже вовсе не оказывается обманомъ, сразу утрачиваетъ вѣру въ плодотворность своей дѣятельности и вмѣстѣ съ обманувшей его возлюбленной кончаетъ жизнь, какъ герой самыхъ вульгарныхъ мелодрамъ, романическимъ самоубійствомъ. Въ «Геддѣ Габлерѣ» пустая свѣтская дама, выходящая замужъ по расчету, ищущая однихъ свѣтскихъ развлеченій, вѣчно скучающая, относящаяся весьма легкомысленно даже къ жизни любимаго человѣка, точно такъ же прибѣгаетъ къ романическому самоубійству безъ всякаго серьезнаго основанія. Если Ибсенъ хотѣлъ намъ изобразить психопатку, то онъ достигъ цѣли. Но намѣренія его были другія, и поэтому «Гедда Габлеръ» представляется намъ произведеніемъ совершенно нереальнымъ. Что же сказать о послѣдней пьесѣ Ибсена, о «Строителѣ Сольнесѣ»? Тутъ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, представляющимъ олицетвореніе безпощадной борьбы за существованіе, неумолимымъ относительно своихъ соперниковъ, вѣчно озабоченнымъ только тѣмъ, чтобы молодая сила не оставила его за флагомъ, но въ то же время весьма склоннымъ къ романическимъ увлеченіямъ и столь мало предусмотрительнымъ, что даже не заботится о прочности лѣсовъ, по которымъ ему приходится взобраться на большую высоту, вслѣдствіе чего онъ и гибнетъ опять таки при чисто романической обстановкѣ. Если прибавить къ этому, что почти во всѣхъ пьесахъ Ибсена встрѣчаются такія же романическія самоубійства или катастрофы, что ни одинъ актъ не обходится безъ сильныхъ эффектовъ, иногда весьма мало правдоподобныхъ и явно рассчитанныхъ на то, чтобы поразить публику полною неожиданностью, то мы уяснимъ себѣ вполне, почему Ибсена никакъ нельзя включить въ число реальныхъ художниковъ, избѣгающихъ жизненной неправды. Исключительные характеры, исключительныя положенія постоянно встрѣчаются у норвежскаго драматурга, а исключительное никогда не производитъ впечатлѣнія естественнаго, т. е. реальнаго.

Можно ли далѣе сказать, что Ибсенъ тонкій психологъ? Тутъ приходится условиться относительно значенія этого слова. Человѣкъ можетъ быть тонкимъ психологомъ въ субъективномъ или объективномъ смыслѣ. Большинство писателей глубоко изучили только движенія собственной души, и поэтому ихъ психологія

имѣть чисто субъективную основу. Та объективная психологія, которая въ такой высокой степени проявляется у Шекспира, рѣдко встрѣчается, хотя бы и въ гораздо меньшей степени, даже у выдающихся писателей. Изобразить данный характеръ совершенно объективно въ состояніи лишь весьма немногіе даже первоклассные художники. Гораздо чаще встрѣчается даръ вѣрнаго изображенія общественныхъ нравовъ. Но собственно это уже не психологія, во всякомъ случаѣ психологія не индивидуальная, а такъ сказать коллективная, то-есть авторъ изображаетъ намъ, какими внутренними мотивами руководствуется цѣлая группа лицъ, живущихъ одновременно въ данной странѣ при данныхъ условіяхъ. Наша отечественная литература богата прекрасными произведеніями этого рода, но она очень бѣдна произведеніями чисто психологическими, то-есть изслѣдующими основные законы душевныхъ движеній человѣка. Возьмемъ ли мы Достоевскаго, Толстого, Тургенева, мы увидимъ, что разнообразіе у нихъ проявляется въ этой, такъ сказать, коллективной психологіи, а что въ раскрытіи душевныхъ движеній человѣка вообще у нихъ наблюдается большое однообразіе. Такъ, у Достоевскаго главными героями постоянно являются разнаго рода психопаты, у Тургенева люди съ мягкою душою, съ недостаткомъ энергіи въ дѣйствіяхъ при пылкой фантазіи и неумѣннн вѣрно оцѣнить реальныя жизненныя условія; у Толстого герои вѣчно тяготятся прозою жизни и порываются къ высшимъ идеальнымъ благамъ, крайне озабочены мыслью о смерти и т. д. Словомъ, субъективная психологія играетъ тутъ первенствующую роль и соединена въ ихъ произведеніяхъ съ тонкою наблюдательностью надъ нравами общества. Къ числу подобныхъ психологовъ всецѣло принадлежитъ и Ибсенъ. Мы у него встрѣтимъ даже меньше, чѣмъ у нашихъ писателей, типовъ, которые могли бы претендовать на обще-человѣческое значеніе. Ибсенъ не создалъ ни одного типа, который могъ бы быть понятъ и вѣрно оцѣненъ помимо чисто-мѣстныхъ и временныхъ условій, и если нѣкоторые изъ выведенныхъ имъ характеровъ интересны для людей различныхъ національностей, то только потому, что жизненныя условія, окружающія интеллигентныхъ людей въ разныхъ странахъ, имѣютъ иногда большее или меньшее сходство. Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Возьмемъ хотя бы ту же всѣмъ извѣстную «Нору». Въ этой пьесѣ Ибсенъ какъ бы изучаетъ основы счастливой супружеской жизни, и общій его выводъ тотъ, что супружеское счастье невозможно, если мужъ смотритъ на жену и дѣтей исключительно, какъ на средство удовлетворенія личныхъ, довольно низменныхъ инстинктовъ и потребностей. Въ сущности это такая избитая истина, что писать на эту тему драму положительно не стоитъ, а между тѣмъ пьеса Ибсена имѣла громадннй успѣхъ, но имѣла она успѣхъ преимущественно въ скандинавскихъ

государствахъ, затѣмъ въ Германіи; у насъ же она хотя и была поставлена на сценѣ, и главную роль въ ней исполняла Савина, она очень скоро была снята съ репертуара, не возбудивъ никакого интереса въ публикѣ. Объяснить себѣ причину этого явленія весьма не трудно. Дѣло въ томъ, что пьеса Ибсена принадлежитъ вовсе не къ числу произведеній, тонко задуманныхъ въ психологическомъ отношеніи, а къ произведеніямъ правоописательнымъ. При разли-

Ибсенъ.

чіи нравовъ одна и та же пьеса можетъ имѣть успѣхъ въ одной странѣ и вызывать только скуку въ другой. Нора, возмущенная буржуазными взглядами и чувствами своего супруга, рѣшается на шагъ чрезвычайно смѣлый по понятіямъ скандинавцевъ и нѣмцевъ, но довольно обычный въ нашемъ обществѣ, гдѣ понятія о женской эмансипаціи сдѣлали несомнѣнно болѣе быстрые успѣхи. Жена, покидающая мужа и дѣтей,—явленіе крайне исключительное въ Германіи, Даніи и Норвегіи; у насъ же къ прискорбію это явленіе весьма распространенное въ интеллигентныхъ кружкахъ.

Ибсенъ почти во всѣхъ своихъ пьесахъ постоянно заставляетъ жену бѣжать отъ мужа. Это его излюбленный эффектъ; у насъ же въ рукахъ беллетриста или драматурга—это только холостой выстрѣлъ. Затѣмъ все остальное въ «Норѣ» построено на мѣстныхъ нравахъ: отъ героини и остальныхъ дѣйствующихъ лицъ вѣетъ чѣмъ-то захолустнымъ, мѣщанскимъ; глубины психологическаго анализа нѣтъ; есть только болѣе или менѣе удачныя или ѣдкія выходки противъ настроенія, взглядовъ и понятій норвежскаго общества, во многомъ напоминающихъ настроеніе, взгляды и понятія нѣмецкаго общества. Вотъ почему, какъ мы уже упомянули, пьеса имѣла блестящій успѣхъ въ скандинавскихъ странахъ и въ Германіи, а у насъ прошла безслѣдно.

Великій ли мыслитель Ибсенъ, открылъ ли онъ міру новыя истины, обогатилъ ли онъ человѣческой духъ новымъ міровоззрѣніемъ? Даже самые рьяные поклонники норвежскаго драматурга не могутъ намъ въ точности сказать, въ чемъ заключается возвѣщенное имъ міру новое слово. Мы сейчасъ постараемся выяснитъ основную мысль всѣхъ его произведеній и тогда увидимъ, что новаго онъ въ сущности ничего не сказалъ, и что просто смѣшно возводить его въ провозвѣстники какого-то небывалаго по широтѣ и глубинѣ міросозерцанія. А теперь скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, можно ли признавать Ибсена социальнымъ или политическимъ реформаторомъ.

Политикою онъ занимается очень много, если подъ политикою разумѣть отношеніе индивида къ объединенному въ государственномъ смыслѣ обществу. При этомъ оказывается, что Ибсенъ—рьяный анархистъ, приглашающій своихъ друзей, «революціонныхъ ораторовъ», вызвать въ мірѣ новый потопъ и похваляющійся тѣмъ, что онъ «взорветъ динамитомъ ковчегъ», въ которомъ спасется остатокъ человѣчества («Къ моему другу»). Въ то же время, однако, этотъ анархистъ воодушевленъ узко-національными стремленіями, совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ подражать Кавуру и Бисмарку («Къ тысячелѣтней годовщинѣ объединения Норвегіи»), воспѣваетъ королей («4-е іюля 1859 года», «Фридрихъ VII» и т. д.), воодушевленъ официальнымъ патриотизмомъ («Привѣтъ шведамъ»). Ибсенъ—либераль, но питаетъ презрѣніе къ общественному мнѣнію («Союзъ молодежи», «Врагъ народа»), вступаетъ съ нимъ въ борьбу и не находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеить его мелочность и недомысліе. Онъ—большой патриотъ, но почти никогда не живетъ на родинѣ; врагъ гнилой Европы («Поэтическое письмо»), но вѣчно стремится на югъ, въ Германію, Италію. Онъ возстаетъ противъ властвованія толпы и въ то же время клеймитъ своимъ сатирическимъ бичомъ всѣхъ тѣхъ, кто думаетъ установить аристократію духа. Словомъ, можно смѣло держать пари на какую угодно сумму, что никто не разберется въ

политическихъ воззрѣнiяхъ Ибсена. Если кто либо пожелаетъ изобразить его яримъ консерваторомъ, то онъ найдетъ у него массу доказательствъ въ пользу своего взгляда, и наоборотъ, если кто нибудь пожелаетъ изобразить его либераломъ, радикаломъ или анархистомъ, то и въ пользу этого взгляда въ произведенiяхъ Ибсена найдется сколько угодно аргументовъ.

Спрашивается, чѣмъ же объясняются эти противорѣчiя, которыхъ не оберешься у Ибсена? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны уяснить себѣ общее настроенiе Ибсена и тѣ условiя, подъ влiянiемъ которыхъ оно сложилось. Задача эта не легкая. Дѣло въ томъ, что, хотя Ибсенъ имѣетъ много горячихъ сторонниковъ, но никто изъ нихъ до сихъ поръ не составилъ сколько нибудь обстоятельной его биографiи. Намъ приходится, слѣдовательно, собрать данныя, разбросанныя въ разныхъ газетахъ, журналахъ или предисловіяхъ къ его произведенiямъ и такимъ образомъ попытаться дать общую картину его душевной жизни и источниковъ его творчества.

Прежде всего мы должны отмѣтить, что Ибсенъ никакого систематическаго образованiя не получилъ. Онъ родился въ 1828 г. въ маленькомъ норвежскомъ городкѣ, жители котораго отличались pietизмомъ, въ семьѣ торговца, обанкротившагося, когда Ибсену было восемь лѣтъ отъ роду. Мать его нѣмецкаго происхожденiя, дочь пастора. Вотъ почему онъ такъ часто выводитъ въ своихъ пьесахъ пасторовъ и такъ часто останавливается на ходячей религіозной морали. Вслѣдствіе банкротства отца, Ибсена пришлось уже очень рано пристроить, и его опредѣлили аптекарскимъ ученикомъ въ другомъ норвежскомъ городкѣ. Но онъ самъ мечталъ объ изученiи медицины и подготовлялся въ свободные отъ занятій часы къ университетскому экзамену. Двадцати двухъ лѣтъ онъ дѣйствительно поступилъ на медицинскій факультетъ, но курса не окончилъ, потому что увлекся писательствомъ. Его приготовленiя къ экзамену совпали съ очень бурнымъ временемъ въ Европѣ, т. е. съ періодомъ, предшествовавшимъ 1848 году. Молодой Ибсенъ, какъ большинство молодыхъ людей того времени, увлекся политикою, социальными идеями. Вѣроятно, поэтому-то онъ и подготовлялся цѣлыхъ семь лѣтъ къ университетскому экзамену: политическія увлеченiя мѣшали его занятiямъ. Уже двадцати лѣтъ отъ роду онъ написалъ первую свою драму, матеріалъ которой почерпнулъ изъ изученiя классиковъ. Его «Катилина» представляетъ собою пламенный протестъ, неизвѣстно только во имя чего. Его герой жаждетъ какихъ-то высшихъ цѣлей, но рѣшительно не знаетъ, что это за цѣли, и какъ приняться за ихъ осуществленіе. Да и трудно ему сосредоточиться на этомъ вопросѣ, потому что ему мѣшаютъ двѣ женщины, изъ которыхъ одна представляетъ собою злое, а другая—доброе начало. Обѣ онѣ такъ терзаютъ несчастнаго Кати-

лину, что тотъ окончательно теряетъ голову, и читатель отъ души радъ, когда наконецъ представительница злого начала успокоиваетъ своего возлюбленнаго, нанося ему смертельный ударъ кинжаломъ. Драма эта никакого успѣха не имѣла. Она была напечатана въ 1850 г. и разошлась въ трехъ экземплярахъ, а остальные Ибсену пришлось продать на макулатуру, чтобы на вырученныя деньги купить себѣ кофе и хлѣба, т. е. то, чѣмъ онъ главнымъ образомъ питался въ это тяжелое для него время. Мы упоминаемъ объ этой драмѣ потому, что, не смотря на всю ея несостоятельность, она является крайне характерною для Ибсена и до извѣстной степени предрѣшаетъ все его дальнѣйшее творчество. Дѣйствительно, какъ мы увидимъ, Ибсенъ вѣчно протестуетъ, самъ въ точности не зная, во имя чего. Бурное время, предшествовавшее 1848 г., наложило на него неизгладимый отпечатокъ: недовольство существующимъ составляетъ характеристическую его черту; точно такъ же онъ, по-видимому, глубоко убѣжденъ, что въ революціяхъ все спасеніе, но въ то же время рѣшительно отрекается отъ всякихъ политическихъ революцій, представляющихся ему «ерундою», и требуетъ «возмущенія человѣческаго духа», не договаривая, однако, противъ чего человѣческій духъ собственно долженъ возмутиться.

Впрочемъ, мы на первый разъ хотѣли только установить, что Ибсенъ родился въ мѣщанскомъ обществѣ, въ средѣ людей, всецѣло преданныхъ узкимъ буржуазнымъ интересамъ, проникнутыхъ узкою моралью и сухимъ протестантскимъ пѣтизмомъ, что онъ не получилъ систематическаго образованія и увлекся въ молодости революціонными идеями. Въ то же время въ немъ проявился сильный писательскій зудъ, такъ что онъ, подготовляясь къ университетскимъ экзаменамъ и состоя въ университетѣ, то пишетъ длинный эпосъ, то сочиняетъ лирическія стихотворенія, то вдругъ пишетъ политическую сатиру подъ заглавіемъ: «Норма или любовь политика, музыкальная трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ», то издаетъ еженедѣльный листокъ, — все это, конечно, безуспѣшно, съ тѣмъ единственнымъ результатомъ, что все-таки обращаетъ на себя вниманіе нѣкоторыхъ лицъ, слѣдящихъ за новыми, молодыми талантами. Благодаря чисто-случайнымъ обстоятельствамъ, проявленная имъ на этомъ поприщѣ энергія приводитъ его сразу къ довольно видному общественному положенію. 1848 годъ пробудилъ въ норвежцахъ національный духъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, норвежское общество вдругъ пожелало имѣть и собственную литературу, и собственный языкъ, и собственную сцену. Въ Бергенѣ и Христианіи возникли норвежскіе театры; актерами на нихъ должны были быть исключительно норвежцы; требовались и норвежскія пьесы, которыхъ, однако, не оказывалось. Пришлось, слѣдовательно, создавать и драматурговъ. На этомъ поприщѣ въ особенности отличился знаменитый скрипачъ Оле Буль,

нажившій значительныя деньги своими концертами. Онъ-то и создалъ національный театръ въ Бергенѣ и обратилъ вниманіе на совершенно неизвѣстнаго Ибсена, котораго пригласилъ въ качествѣ драматурга для созданнаго имъ театра. Съ этого момента Ибсенъ начинаетъ поставлать ежегодно ко 2-му января по пьесѣ. Такъ возникаетъ цѣлый рядъ пьесъ, сочиненныхъ въ 50-хъ годахъ, но интересно при этомъ, что всѣ эти пьесы не представляютъ никакой оригинальности, являются какъ бы сколкомъ съ датскихъ пьесъ того же содержанія, основанныхъ на воспроизведеніи разныхъ отдаленныхъ историческихъ событій или эпизодовъ изъ богатой сокровищницы скандинавскихъ сагъ. Большая часть ихъ даже не была напечатана, только двѣ или три въ родѣ «Праздника въ Сольгаугѣ», «Ночь на Ивана Купалу» и др. были переработаны вполнѣ авторомъ и предложены публикѣ, но никакого успѣха не имѣли. Затѣмъ Ибсенъ переселяется въ Христианію уже въ качествѣ директора тамошняго театра. Тутъ онъ продолжаетъ писать пьесы въ родѣ «Гельгеландскихъ воиновъ», все-таки черпая свое вдохновеніе изъ древней норвежской исторіи или изъ скандинавскихъ сагъ. Вдругъ, крайне неожиданно для всѣхъ его пріятелей онъ пишетъ драму совершенно иного содержанія,—драму, на этотъ разъ чисто бытовую, прямо выхваченную изъ современной жизни. Драма эта, озаглавленная «Комедія любви», вызываетъ сильнѣйшую сенсацию, приводитъ въ негодованіе норвежскую интеллигенцію и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ основаніемъ для славы Ибсена на родинѣ, а затѣмъ постепенно и въ Европѣ.

Чтобы понять, почему драма эта произвела такое сильное впечатлѣніе, мы должны принять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства, которыя обыкновенно упускаются совершенно изъ виду. Нельзя сказать, чтобы Ибсенъ проявилъ въ данномъ случаѣ особенную оригинальность. Какъ въ своихъ трагедіяхъ, онъ не открылъ новыхъ путей, а только рѣшительно вступилъ на путь, указанный ему другими, преимущественно Бьернсономъ. «Комедія любви» появилась въ 1862 г., т. е. въ такое время, когда національное направленіе уже сильно отразилось на литературѣ и дало своеобразные плоды. Было произнесено великое слово: «народъ»; надо было изучить этотъ народъ, потому что борьба велась главнымъ образомъ изъ-за него и для него. Въ этомъ отношеніи проложилъ новые пути въ норвежской литературѣ знаменитый Бьернсонъ. Онъ первый началъ писать крестьянскіе рассказы и занимаетъ приблизительно такое же мѣсто въ норвежской литературѣ, какое въ нашей занимаетъ Тургеневъ. Его крестьянскіе рассказы, несомнѣнно, имѣютъ, однако, субъективную окраску; и онъ, какъ и нашъ Тургеневъ, перешелъ отъ описанія крестьянскаго быта къ изученію современнаго интеллигентнаго общества или даже пустился въ составленіе тенденціозныхъ драмъ. Какъ бы то ни было, новое

направленіе было указано Бьернсономъ: онъ рѣшительно оставилъ историческіе или легендарные сюжеты и обратился къ описанію современности, изучая всѣ классы норвежскаго населенія, начиная отъ простаго крестьянина и дохода до цвѣта интеллигенціи или до правительственныхъ сферъ, причемъ тенденція его произведеній измѣнялась, согласно перемѣнѣ въ собственномъ настроеніи, такъ что строго религіозное направленіе смѣнилось вольнодумствомъ и демагогическими тенденціями.

Только принявъ это во вниманіе, мы поймемъ, почему Ибсенъ такъ неожиданно для своихъ друзей выступилъ въ началѣ 60-хъ годовъ съ чисто-бытовою пьесой. Разказы Бьернсона имѣли громадный успѣхъ, и Ибсенъ, очевидно, увлекся этимъ успѣхомъ. Какъ трудно ему, однако, достался новый жанръ, видно изъ того, что онъ надъ «Комедіею любви» проработалъ слишкомъ три года, постоянно измѣняя ея форму и переходя отъ прозы къ стихамъ. Прежнія же подражательныя свои вещи Ибсенъ писалъ очень скоро, такъ что большія трагедіи поспѣвали у него въ нѣсколько недѣль.

На «Комедіи любви» надо остановиться подробнѣе, потому что ею опредѣляется основное содержаніе всѣхъ другихъ пьесъ Ибсена или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ пьесъ, которыя доставили ему такую громкую извѣстность. Мы видѣли, что Ибсенъ родился и провелъ свою молодость въ маленькихъ норвежскихъ городкахъ и имѣлъ, слѣдовательно, случай наблюдать главнымъ образомъ населеніе этихъ городковъ. Изъ этой-то среды и взяты герои «Комедіи любви», возбудившей бурю негодованія въ странѣ. Его трагедіи не имѣли успѣха и держались только благодаря своимъ сценическимъ эффектамъ, хотя и не спасли норвежскіе національные театры на первый разъ отъ крушенія; его же «Комедія любви» имѣла громадный успѣхъ въ смыслѣ общественнаго скандала.

Нѣтъ надобности входить въ подробное разсмотрѣніе запутаннаго сюжета этой пьесы. Какъ въ «Норѣ», «Росмерсгольмѣ», «Привидѣніяхъ», «Геддѣ Габлерѣ» и другихъ пьесахъ Ибсена, основная тема касается супружескаго счастья, т. е. вѣчнаго вопроса о нормальныхъ условіяхъ брака. Въ этомъ вопросѣ Ибсенъ неистощимъ. Но какъ въ первой его бытовой пьесѣ, такъ и во всѣхъ послѣдующихъ, ему не удалось указать на сколько нибудь ясное или хотя бы своеобразное рѣшеніе этого вопроса. Онъ недоволенъ существующими порядками, осмѣиваетъ установленную брачную мораль, старается замѣнить ее новою, болѣе широкою, но всѣ его попытки не увѣнчиваются успѣхомъ и вмѣсто того, чтобы разъяснить вопросъ, онъ только еще болѣе его спутываетъ. Такъ и въ «Комедіи любви». Въ этой комедіи выведенъ цѣлый рядъ любящихъ паръ, но зритель рѣшительно не въ состояніи себѣ уяснить, на которой изъ нихъ сосредоточиваются симпатіи автора. Собственно онъ относится ко всѣмъ съ одинаковою ироніею; онъ осмѣиваетъ и узкую,

мѣщанскую любовь мелкаго чиновника, въ теченіе семи лѣтъ копящаго деньги, чтобы соединиться брачными узами съ предметомъ своей упорной страсти, и любовь пастора, распѣвающаго въ дни молодости «жестокіе романсы» своей возлюбленной, но затѣмъ думающаго только о томъ, какъ бы добыть презрѣнный металлъ для своей супруги-кофейницы и для многочисленнаго своего потомства, и любовь поэта, — совершенно неспособнаго найтись въ жизни, поэтому вѣчно недовольнаго и подвергающаго ожесточенной критикѣ всѣхъ и все, — къ романтической дѣвицѣ, также неспособной устроиться въ жизни, неудавшейся гувернанткѣ, актрисѣ и поэтессѣ, наконецъ даже любовь реалиста, проповѣдующаго солидныя чувства и отрѣшеніе отъ всякихъ иллюзій, требующаго признанія долга и глубокаго взаимнаго уваженія между супругами. Но въ концѣ-концовъ все-таки симпатіи автора какъ будто на сторонѣ трезвой любви, чуждой всякихъ романтическихъ прикрасъ. Спрашивается, почему же въ такомъ случаѣ эта пьеса вызвала такую бурю негодованія въ норвежскомъ обществѣ, и почему авторъ навлекъ на себя обвиненіе въ нигилистическихъ тенденціяхъ? Неужели потому, что онъ осмѣиваетъ распѣваніе «жестокіхъ романсовъ» подъ аккомпаниментъ гитары или лирическія изліянія канцелярскаго писца? Нѣтъ, понятно, не эта насмѣшка надъ обычными проявленіями любовныхъ чувствъ озлобила норвежское общество противъ автора, — озлобило его то, что оно себя узнало въ изображаемыхъ авторомъ лицахъ, что и канцелярскій писецъ, и дѣвушка-неудачница съ романическими наклонностями, и разныя тетушки, вмѣшивающіяся въ чужія любовныя дѣла, и пасторша-кофейница, и самъ пасторъ — словомъ всѣ эти личности, составляющія такъ называемое общество въ мелкихъ норвежскихъ городкахъ, почувствовали себя обиженными издѣвательствами автора. Особенно же читатели были скандализированы тѣмъ, что авторъ рѣшился осмѣять пастора, т. е. лицо, пользующееся въ Норвегіи особеннымъ уваженіемъ.

Эта буря негодованія, вызванная его пьесою, сильно озлобила автора. Въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ то и дѣло жалуется на своихъ соотечественниковъ, говоритъ, что среди нихъ нѣтъ жителя, что онъ, покидая отечество, навсегда сжигаетъ корабли, и т. д. Не знаемъ, какое направленіе приняло бы творчество нашего драматурга, если бы въ это же время ему не была назначена государственная стипендія для совершенія заграничнаго путешествія. Эта временная стипендія была превращена въ постоянное казенное пособіе. Кроме того, и частныя лица оказали Ибсену матеріальное содѣйствіе, и такимъ образомъ, не смотря на полное отсутствіе собственныхъ денежныхъ средствъ, онъ былъ поставленъ въ возможность поѣхать за границу и жить тамъ припѣваячи. Уѣхалъ онъ изъ Норвегіи въ 1864 г. и вернулся только

черезъ десять лѣтъ, но вслѣдъ затѣмъ снова уѣхалъ, чтобы вернуться для продолжительнаго пребыванія на родинѣ лишь по прошествіи двадцати лѣтъ. Такимъ образомъ Ибсенъ за всѣ эти тридцать лѣтъ наблюдалъ норвежскую жизнь только издалика, хотя онъ тѣмъ не менѣе беретъ свои сюжеты, какъ мы сейчасъ увидимъ, исключительно изъ норвежской жизни, т. е. продолжаетъ постоянно разрабатывать впечатлѣнія и матеріалы, собранные имъ преимущественно въ молодые годы.

На первый разъ, впрочемъ, могло казаться, что онъ отрѣшается отъ подобнаго рода сюжетовъ. Друзья его сообщали тотчасъ послѣ его отъѣзда изъ Норвегіи въ 1864 г., что онъ работаетъ надъ какою-то грандіозною трагедіею, сюжетъ которой взятъ изъ очень отдаленной эпохи всемірной исторіи. Надъ этою трагедіею Ибсенъ проработалъ десять лѣтъ, которыя онъ прожилъ въ Римѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ. Сюжетъ ея дѣйствительно оказался всемірно-историческимъ. Своимъ героемъ онъ избралъ Юліана Отступника. Но даже по заявленію самыхъ горячихъ поклонниковъ Ибсена его трагедія «Императоръ и (вѣрнѣе: или) галилеянинъ» принадлежитъ къ числу самыхъ неудачныхъ его произведеній. Правда, сторонники Ибсена сравниваютъ ее со второю частью Фауста, но стоитъ только открыть любую страницу трагедіи Ибсена, чтобы убѣдиться, какъ преувеличено это сравненіе. Во второй части «Фауста» нѣтъ страницы, на которой бы не встрѣтились глубокія мысли, свидѣтельствующія о гениальномъ міровоззрѣніи нѣмецкаго поэта; въ трагедіи же Ибсена преобладаетъ мистическій туманъ, мотивы дѣйствій и чувствъ выведенныхъ Ибсеномъ лицъ по большей части совершенно неясны, основной замыселъ интересенъ, но разработанъ весьма слабо. Императоръ Юліанъ вступаетъ въ борьбу съ христіанствомъ, и «галилеянинъ» его побѣждаетъ, но побѣждаетъ ученіе Христова не человѣка, стоящаго на высотѣ древне-классическаго міросозерцанія, обладающаго нравственною силою, способностью энергически дѣйствовать въ жизни, а субъекта, снѣдаемаго честолюбіемъ, слишкомъ занятаго своею собственною борьбой и слишкомъ буруемаго духомъ сомнѣнія и разными софизмами, чтобы въ его лицѣ борьба между древне-классическими и христіанскими міровоззрѣніями могла быть интересною и поучительною. Ибсенъ, очевидно, глубоко задумался надъ основнымъ смысломъ христіанства, надъ законностью тѣхъ жертвъ, которыхъ оно требуетъ отъ человѣка, но не располагалъ ни достаточною философскою подготовкою, ни достаточною широтою взгляда, чтобы разрѣшить этотъ сложный и трудный вопросъ. Онъ сознавалъ, какое громадное значеніе имѣетъ христіанская религія для всего міра вообще, и въ частности для его отечества, но представить это значеніе въ законченномъ художественномъ произведеніи онъ рѣшительно оказался неспособнымъ какъ въ разбираемой нами

трагедіи, такъ и въ другихъ пьесахъ, косвенно посвященныхъ этой темѣ.

Еще до появленія въ 1873 году «Императора и галилеянина», Ибсенъ напечаталъ нѣсколько пьесъ, въ томъ числѣ одну, посвященную исторической темѣ и написанную въ національномъ духѣ. Это — такъ называемые «Претенденты», всецѣло принадлежащіе къ серіи историческихъ трагедій Ибсена съ тѣмъ только различіемъ, что въ этой трагедіи мысль о національномъ единствѣ подчеркнута особенно сильно. Кромѣ того, въ этотъ же періодъ времени появились двѣ его драмы, признаваемые лучшими произведеніями Ибсена: «Брандъ» и «Петръ Гинтъ», и пьеса, написанная совершенно въ томъ же духѣ, какъ и «Комедія любви», — «Союзъ молодежи». Эта послѣдняя пьеса появилась въ 1869 году послѣ «Бранда» и «Петра Гинта» и составляетъ вторую пьесу того бытового жанра, которому Ибсенъ окончательно посвятилъ себя только съ 1877 года, когда появились его «Столпы общества». Съ этого времени онъ даетъ уже аккуратно черезъ каждые два года по одной пьесѣ того же жанра. Онѣ-то и создали ему европейскую извѣстность въ слѣдующемъ порядкѣ: «Нора» въ 1879 году, «Привидѣнія», «Народный врагъ», «Дикая утка», «Росмерсгольмъ», «Женщина моря», «Гедда Габлеръ», «Строитель Сольнесъ». Изъ нихъ почти всѣ переведены на русскій языкъ, между тѣмъ какъ пьесы, появившіяся до 1877 года, на сколько намъ извѣстно, остались всѣ непереведенными.

Мы указываемъ на это обстоятельство потому, что и въ критическихъ статьяхъ, посвященныхъ Ибсену, мы наблюдаемъ аналогичное явленіе. Тотъ циклъ пьесъ, который начинается съ «Комедіи любви» и «Союза молодежи» и кончается «Геддой Габлеръ» и «Строителемъ Сольнесомъ», подвергся сравнительно довольно обстоятельному изученію, между тѣмъ какъ всѣ остальные пьесы Ибсена критикою почти совершенно не изучались. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ творчество норвежскаго драматурга выяснено далеко не полно, и писательскій обликъ Ибсена остается для большинства читателей туманнымъ. Допустимъ, что раннія историческія трагедіи Ибсена не заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что онѣ по основному своему сюжету представляются мало оригинальными. Но, работая надъ этими трагедіями, Ибсенъ достигъ большого совершенства въ сценической Technikѣ, обращая преимущественно вниманіе на эффекты, которые обезпечили бы за его произведеніями успѣхъ въ широкой публикѣ. Съ этой точки зрѣнія и эти историческія трагедіи не лишены значенія для оцѣнки писательскаго облика Ибсена. Если онъ впоследствии и не писалъ пьесъ съ исключительною цѣлью повліять на публику разными сценическими эффектами, то онъ тѣмъ не менѣе весьма часто жертвовалъ художественными достоинствами

своихъ произведеній въ угоду публикѣ, жадной до подобнаго рода эффектовъ, особенно когда они предлагаются ей съ такимъ несомнѣннымъ мастерствомъ, какое выработалъ Ибсенъ въ теченіе своей почти полулѣтней драматической дѣятельности.

Но еще менѣе прощительно проходитъ молчаніемъ такія пьесы Ибсена, какъ «Брандъ» или «Петръ Гинтъ». Въ нихъ сказался весь Ибсенъ, все его міросозерцаніе, весь его писательскій темпераментъ, всѣ тѣ идеи, которыми пользуются его поклонники для провозглашенія его передовымъ писателемъ и смѣлымъ реформаторомъ. Собственно говоря, съ идейной точки зрѣнія «Брандомъ» и «Петромъ Гинтомъ» исчерпывается весь Ибсенъ, такъ что всѣ послѣдующія его пьесы составляютъ только варіаціи на мысли, изложенныя въ этихъ двухъ произведеніяхъ. Въ обманъ можетъ ввести насъ лишь форма. «Брандъ» и «Петръ Гинтъ» написаны стихами, въ нихъ сказочный элементъ еще очень силенъ; но эта форма составляетъ только естественный переходъ отъ прежнихъ историческихъ произведеній Ибсена къ позднѣйшимъ его произведеніямъ, т. е. къ современнымъ его бытовымъ драмамъ.

Что же представляютъ собою эти двѣ капитальныя пьесы Ибсена? Нельзя не признать, что, не смотря на узость сферы наблюденія Ибсена, не смотря на большое однообразіе, представляемое жизнью норвежскаго общества, онъ умѣетъ придавать своимъ произведеніямъ внѣшнее разнообразіе, придумывать положенія, изъ которыхъ каждое, какъ будто, отличается новизною. Въ сущности же по основному своему содержанію, или, точнѣе говоря, по основной своей идеѣ, всѣ его произведенія почти тождественны. Въ отличіе отъ главныхъ повѣстей Тургенева, по которымъ читатель можетъ составить себѣ понятіе о постепенномъ развитіи русской общественной мысли, драмы Ибсена какъ бы представляютъ собою полнѣйшій застой: то, что, судя по нимъ, волновало норвежское общество тридцать лѣтъ тому назадъ, когда написана «Комедія любви», волнуетъ его и теперь, когда возникъ «Строитель Сольнесъ». Вы тутъ не замѣтите никакого движенія общественной мысли: она какъ бы застыла въ однихъ понятіяхъ, злобахъ, стремленіяхъ. Но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ жизнь ушла впередъ, но самъ писатель, вслѣдствіе указаннаго разобщенія съ нею, застылъ въ однихъ и тѣхъ же вопросахъ и не даетъ намъ никакого понятія о поступательномъ движеніи своей родины. Это въ значительной степени облегчаетъ нашу задачу. Намъ не приходится входить въ разборъ всѣхъ произведеній Ибсена: достаточно остановиться на одномъ или двухъ, и мы исчерпаемъ всю сущность творчества норвежскаго драматурга. Затѣмъ намъ останется только указать, какимъ варіаціямъ онъ подвергаетъ однообразную свою основную мысль.

Выведенные въ «Брандѣ» и «Петрѣ Гинтѣ» герои, повидимому,

не имѣютъ между собою ничего общаго. Одинъ, то-есть Брандъ (деревенскій священникъ)—человѣкъ съ сильною волею, чуждый всякихъ увлеченій, сосредоточенный въ себѣ, преслѣдующій съ жельзною энергіею свою жизненную цѣль; другой (крестьянинъ)—человѣкъ всецѣло подчиняющійся своему воображенію, пылкій, разбитной, отличающійся крайнимъ непостоянствомъ въ своихъ стремленіяхъ. Первый думаетъ только объ одномъ, какъ бы обезпечить благополучіе своей деревни; второй, увлекаясь своей фантазіею, живетъ только для себя, мечтаетъ о фантастическихъ подвигахъ, то воображаетъ себя какимъ-то Ильею Муромцемъ, то добивается даже императорскаго престола. Но, не смотря на все различіе этихъ двухъ людей по настроенію, темпераменту, жизненнымъ цѣлямъ, они оба терпятъ полную неудачу въ жизни и оказываются одинаково бесполезными для своей родины. Отсюда прямой выводъ, что они оба не сумѣли избрать себѣ вѣрную жизненную цѣль. Очень трудно опредѣлить жизненную цѣль Бранда: онъ хочетъ принести себя въ жертву своему селу, онъ жертвуетъ для него и своимъ единственнымъ ребенкомъ, и своею женою, и своимъ состояніемъ. Но всѣ эти жертвы ни къ чему не приводятъ. Благодаря его несокрушимой энергіи, самоотверженности, готовности пострадать за другихъ, онъ увлекаетъ за собою толпу, но въ рѣшительный моментъ, когда толпа у него спрашиваетъ: куда онъ ее ведетъ,—отвѣтъ Бранда оказывается въ высшей степени неубѣдительнымъ. Бранду находится только отвѣтить, что онъ желаетъ покончить съ обманомъ, установить царство свободы, уничтожить нужду, бѣдствія, и приглашаетъ толпу съ этою цѣлью порвать со всѣми обязательствами, которыя она трусливо приняла на себя, приглашаетъ ее, кромѣ того, послѣдовать за нимъ изъ равнины, изъ половинчатой жизни, на высоты, туда, гдѣ духъ человѣческій можетъ свободно развернуться, гдѣ его не сковываютъ безконечные пути. Толпа долго слѣдуетъ за нимъ, видя въ немъ пророка, но безконечное восхожденіе на горы, какъ занятіе, совершенно безцѣльное, понятно, ее утомляетъ, тѣмъ болѣе, что мѣстныя власти прельщаютъ ее богатымъ уловомъ сельдей: толпа возвращается къ морскому берегу ловить сельдей, а Брандъ остается въ горахъ одинъ и погибаетъ подъ снѣжнымъ обваломъ, услышавъ передъ смертью голосъ свыше, который ему заявляетъ, что у него не было достаточно любви. Мы не знаемъ, какой любви можно еще требовать отъ человѣка, жертвующаго всѣмъ для него дорогимъ, чтобы прійти на помощь ближнему, но Ибсенъ постоянно возвращается къ этой мысли о недостаткѣ любви. Петръ Гинтъ, думающій всю свою жизнь только о разныхъ подвигахъ для обезпеченія личнаго своего благополучія, какъ оказывается, тоже гибнетъ вслѣдствіе недостатка любви. Символически Ибсенъ это выражаетъ тѣмъ, что вмѣсто императорской короны, которой доби-

вается Петръ Гинтъ, директоръ больницы для душевно-больныхъ въ Каирѣ увѣнчиваетъ его не императорскою короною, а короною всѣхъ себялюбцевъ. Выходить, слѣдовательно, что и фантазеръ-эгоистъ, и человѣкъ, всецѣло преданный общественному благу, одинаково терпятъ крушеніе въ жизни вслѣдствіе недостатка настоящей любви. Но, спрашивается, какова эта настоящая любовь, о которой мечтаетъ Ибсенъ? Во всѣхъ его пьесахъ затрогивается эта тема, но ни въ одной изъ нихъ мы не находимъ сколько нибудь вразумительнаго отвѣта на жгучій вопросъ.

Для него, впрочемъ, основной вопросъ заключается, повидимому, не въ этой любви, хотя онъ и постоянно къ ней возвращается. Брандъ остается на родинѣ, работаетъ по своему разумѣнію для нея и гибнетъ, никѣмъ не понятый; Петръ Гинтъ живетъ исключительно для себя, бросаетъ родину и все-таки гибнетъ. Значитъ, жить для родины и жить для себя—одинаково бесполезно. Это—другой выводъ, несомнѣнно, вытекающій изъ двухъ капитальныхъ произведеній Ибсена,—выводъ столь парадоксальный, что серьезнаго вниманія онъ, понятно, не заслуживаетъ. Въ «Петръ Гинтъ» есть, однако, эпизодъ, очень интересный и до нѣкоторой степени разъясняющій намъ мысли автора. Герой этой драмы, выступая Ильею Муромцемъ, ведетъ между прочимъ борьбу съ какимъ-то чудовищемъ «громаднымъ, холоднымъ, скользкимъ». Чудовище это никогда не наноситъ ударовъ, оно «побѣждаетъ выжиданіемъ». Въ какую сторону Петръ Гинтъ ни направляется, вездѣ онъ на него наталкивается. Когда онъ ранитъ, то крови не показывается ни капли; когда онъ его убиваетъ, оно продолжаетъ жить. Что это за чудовище? Оно не выдумано Ибсеномъ, а взято имъ изъ народныхъ преданій, какъ многое другое въ его «Петръ Гинтъ». Это какое-то мифическое существо, носящее названіе «Бѣйгъ» и представляющее собою таинственную и непобѣдимую силу. Съ нею не справляется Петръ Гинтъ; съ нею не можетъ справиться и Брандъ. Только въ «Брандъ» эта сила пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленную и современную форму. Когда Брандъ жертвуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы воздвигнуть новую прекрасную церковь вмѣсто прежней, полуразвалившейся, люди склонны объяснить его поступокъ желаніемъ выслужиться передъ начальствомъ; когда врачъ Штокманнъ въ пьесѣ «Врагъ народа» вступаетъ въ энергическую борьбу съ мѣстными властями, чтобы добыть безвредной, чистой воды въ городѣ, люди объясняютъ его дѣйствія тѣмъ, что онъ хочетъ получить прибавку жалованья; когда въ «Росмерсгольмъ» герой пьесы задумываетъ посвятить себя великой задачѣ «облагороженія» своихъ соотечественниковъ, ему приписываютъ разныя мелочныя или своекорыстныя побужденія. Словомъ вездѣ, гдѣ только человѣкъ во имя какихъ ни-

будь высшихъ благъ вступаетъ въ борьбу съ остальными людьми, ему ставятъ безконечныя мелкія препятствія, которыя обезоруживаютъ его, дѣлаютъ его безсильнымъ, и онъ гибнетъ или терпитъ рѣшительное пораженіе. Кто же его побѣждаетъ? Не кто иной, какъ Бѣигъ, чудовище, съ которымъ никакъ справиться нельзя, которое можно убить, но которое тѣмъ не менѣе будетъ жить. Словомъ, это — вся совокупность понятій, взглядовъ, чувствъ, которыя по наслѣдству передаются отъ одного поколѣнія другому и составляютъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію высшихъ цѣлей, таящихся въ человѣческой душѣ. И Брандъ и Петръ Гинтъ гибнутъ въ борьбѣ съ этимъ чудовищемъ; гибнутъ или терпятъ крушеніе въ своихъ жизненныхъ цѣляхъ: и Нора, и г-жа Альвингъ въ «Привидѣніяхъ», и врачъ Штокманнъ во «Врагѣ народа», и поэтическая Гедвига въ «Дикой уткѣ», и Росмеръ въ «Росмерсгольмѣ», и Гедда Габлеръ, и Сольнесъ, словомъ, главные герои ибсенскаго репертуара. Всѣ они оказываются несостоятельными предъ Бѣигомъ, предъ огромнымъ чудовищемъ, подавляющимъ всякій благородный порывъ, всякое возвышенное стремленіе. У насъ, какъ извѣстно, этотъ Бѣигъ называется «житейскимъ болотомъ», о которомъ также говорятъ, что оно засасываетъ всѣ благородныя порывы, всѣ возвышенныя стремленія. Таковъ общій выводъ изъ произведеній норвежскаго драматурга.

На этомъ выводѣ и застыла муза Ибсена. Въ его пьесахъ мы не найдемъ никакихъ указаній, какъ примирить идеалы съ требованіями жизни. Да и странно было бы искать у Ибсена отвѣта на этотъ вопросъ, потому что собственные его идеалы по всей линіи остаются совершенно неясными, сбивчивыми и противорѣчивыми... Его пьесы очень поучительны, если на нихъ взглянуть, какъ на отраженіе норвежской жизни въ данное время. Но искать въ нихъ указаній на разрѣшеніе жгучаго вопроса о томъ, какъ примирить въ современномъ обществѣ идеальныя стремленія съ требованіями жизни, значило бы бесплодно тратить трудъ и время. А между тѣмъ наши поклонники Ибсена, возводящіе его въ провозвѣстники какихъ-то новыхъ истинъ, именно поступаютъ такъ. Они съ упоеніемъ указываютъ на разныхъ Норъ, Элидъ, Ревекъ и Гильдъ, какъ на героинь, въ которыхъ воплотился духъ новаго времени съ его возвышенными стремленіями, отвергающими безотрадную прозу современной жизни. Трудно представить болѣе яркое доказательство полного непониманія духа времени и отчасти самого Ибсена. Что такое эти Норы, Элиды, Гедды, Габлеръ, г-жи Альвинги и проч.? Признавать ихъ представительницами какихъ-то новыхъ вѣяній, какого-то новаго міровоззрѣнія, просто смѣшно. Что такое, напримѣръ, Нора? Женщина, много лѣтъ прожившая къ счастливомъ супружествѣ, народившая дѣтей и

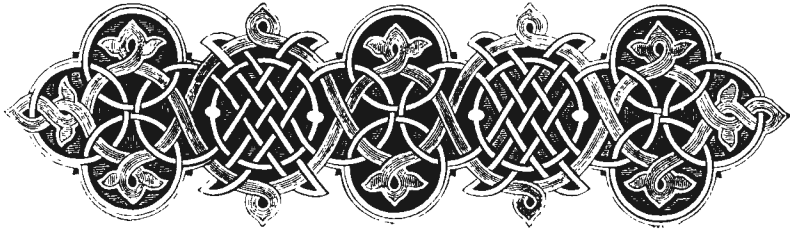
вдругъ требующая, чтобы ея мужъ, солидный дѣловой человѣкъ, публично признался, что онъ выдалъ подложный вексель. Когда же мужъ отъ этого отказывается, не желая поставить на карту благополучіе собственное, жены и дѣтей, Нора тотчасъ же разочаровывается въ немъ и покидаетъ семью, чтобы куда-то бѣжать. Многимъ ли лучше г-жа Альвингъ? Она по расчету выходитъ замужъ за камергера, влюбляется въ пастора и бѣжитъ къ нему, тотъ приводитъ ее обратно къ мужу, а она отравляетъ послѣдному жизнь, считая себя, какъ водится, невинною жертвою. Что далѣе сказать объ Элидѣ, о Геддѣ Габлеръ? Элида имѣетъ образцоваго мужа, но когда-то, въ ранней молодости она влюбилась въ неизвѣстнаго человѣка съ «рыбьими глазами». И вотъ она мучитъ и себя, и мужа этою фантастическою любовью, чуть ли не ставитъ на карту свое семейное счастье. Наконецъ Гедда Габлеръ — просто забалмошная женщина, принадлежащая къ тому типу людей, о которыхъ говорятъ, что они съ жиру бѣсятся. У нея достойный мужъ, ее окружаютъ прекрасные люди, а она ищетъ сильныхъ ощущеній и глупѣйшимъ образомъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Неужели это какія-то новыя женщины? Да вѣдь такія женщины существовали во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, но только ихъ никто не считалъ передовыми женщинами, а просто называлъ психопатками. Мы не сомнѣваемся, что и самъ Ибсенъ не лучшаго о нихъ мнѣнія, потому что онъ въ каждой изъ своихъ пьесъ, гдѣ главными героинями являются подобнаго рода психопатки, выводитъ другого рода женщинъ — любящихъ, преданныхъ семьѣ, готовыхъ нести жертвы для обезпеченія благополучія близкихъ людей и родины. Слѣдовательно, нельзя сомнѣваться, что Ибсенъ, изображая разныхъ Норъ, Элидъ и т. п., имѣлъ въ виду дать намъ отрицательные типы, осмѣять тѣхъ женщинъ, которыя не умѣютъ найтись въ жизни и жертвуютъ для миража существенными интересами семьи и родины. Можно даже сказать, что всѣ дѣйствующія лица ибсенскаго репертуара, за очень небольшими исключеніями, типы отрицательные, и что даже относительно положительныхъ типовъ трудно сказать, на сколько авторъ имъ дѣйствительно сочувствуетъ. Дѣло въ томъ, что самъ Ибсенъ — человѣкъ, какъ мы видѣли, недовольный. Къ тому же у него нѣтъ опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ. Въ этомъ отношеніи онъ сильно напоминаетъ многихъ другихъ современныхъ писателей. Жажда добра, правды, свободы въ немъ сильна, но въ то же время онъ никакъ не можетъ уяснить себѣ средствъ, которыя приводятъ къ водворенію всѣхъ этихъ благъ на землѣ. Какъ характеренъ съ этой точки зрѣнія сборникъ его стихотвореній! Сильное монархическое чувство, жалобы на безотрадное положеніе Европы, на несовершенство современной цивилизаціи, пламенный

официальный патриотизмъ, анархическія увлеченія, осмѣяніе родины и въ то же время глубокая тоска по ней — все это чередуется въ какомъ-то невообразимомъ безпорядкѣ, такъ что рѣшительно нельзя понять, чего собственно хочетъ поэтъ. Онъ какъ будто либераль, а между тѣмъ осмѣиваетъ общественное мнѣніе, печать и своихъ единомышленниковъ либераловъ. Стоитъ прочесть его двѣ политическія пьесы: «Союзъ молодежи» и «Врагъ народа», чтобы въ этомъ убѣдиться. Въ «Союзѣ молодежи» онъ рисуетъ намъ либеральнаго общественнаго дѣятеля, въ сущности заботящагося только о своемъ личномъ благополучіи и тѣмъ не менѣе одерживающаго успѣхи въ жизни и стоящаго на пути къ высшимъ должностямъ; во «Врагѣ народа» онъ намъ рисуетъ общественнаго дѣятеля противоположнаго типа, всецѣло преданнаго интересамъ общества и тѣмъ не менѣе въ сущности ничего не достигающаго, какъ не достигъ ничего и Брандъ. Но этого мало: обѣ пьесы испещрены самыми язвительными выходками противъ общественнаго мнѣнія, противъ печати, противъ демократическихъ тенденцій нашего времени. Издѣвательства надъ обществомъ, надъ его недомысліемъ, тупоуміемъ, нравственною испорченностью достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ. Но нигдѣ мы у Ибсена не найдемъ ни малѣйшаго указанія на путь, который можетъ вывести общество изъ его теперешняго безотраднаго состоянія. Онъ рѣшительно не въ состояніи указать намъ, каковы тѣ ближайшіе общественные идеалы, которые могли бы служить переходною ступенью отъ безотрадной, по его мнѣнію, дѣйствительности къ тому совершенному состоянію, къ которому смутно, хотя и сильно рвется его душа, какъ и душа всѣхъ лучшихъ людей нашего времени. Такимъ образомъ мы въ пьесахъ Ибсена найдемъ интересную, хотя и нѣсколько запоздалую бытовую картину норвежскаго общества, мѣстами очень яркую, очень талантливую, и въ этомъ смыслѣ пьесы его заслуживаютъ серьезнаго вниманія, въ этомъ смыслѣ Ибсенъ, несомнѣнно, — заслуженный писатель, но глубокаго мыслителя или провозвѣстника какихъ-то новыхъ истинъ мы въ немъ напрасно будемъ искать. Тутъ онъ только одинъ изъ многихъ воиновъ, вступившихъ въ безпорядочную борьбу съ «огромнымъ, холоднымъ и скользкимъ чудовищемъ», или, по нашему, одинъ изъ тѣхъ благородно настроенныхъ людей, которые никакъ не могутъ понять, что осушить великое житейское болото, засасывающее хорошіе порывы и благородныя стремленія, можно только постепенно, при точно обдуманномъ планѣ и большой выдержкѣ. Пьесы Ибсена убѣждаютъ, что въ Норвегіи, не смотря на сравнительную ея культурность, это болото существовало и отчасти существуетъ; но мизантропія и озлобленіе норвежскаго драматурга мѣшаютъ ему ясно видѣть, гдѣ должны быть про-

ложены каналы, и гдѣ въ этомъ болотѣ существуютъ твердые пункты, тѣ оазисы, которые, постоянно расширяясь, могутъ привести къ созданію осушенной почвы, пригодной для торжества истинно демократическихъ принциповъ, помимо которыхъ, что бы тамъ ни говорили ярые поклонники Ибсена, то-есть народившіеся нынѣ символисты и аристократики-мистики, солидные успѣхи въ народной жизни невозможны.

Р. Сементковскій.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ПРОШЛАГО.

— — —

I.

КАКЪ ТѢПЕРЬ, вижу передъ собой Елизавету Оминишну, всегда такъ чистенько, аккуратно одѣтую, въ туго-накрахмаленномъ чепцѣ, бѣлыя ленты котораго завязывались подъ подбородкомъ тщательно расправленнымъ бантомъ, — въ широкой черной мантильѣ и черныхъ легкихъ вязаныхъ полуперчаткахъ на полныхъ ручкахъ. Вижу ея нѣсколько припухлое, бѣлое лицо, съ острымъ носикомъ, быстро мигавшими глазами и всегда привѣтливой улыбочкой. Привѣтлива она была чрезвычайно: для всѣхъ у нея было доброе слово и широкое, чисто-русское гостепріимство.

— Ну, вотъ чашечку-то кофейку выпейте! — умоляла она пришедшаго, немного нараспѣвъ: — а кофей у меня чудо какой — чистый мокка, и сливки чудесныя.

И точно: и сливки у нея всегда были чудесныя, и кофе такой, какого я ни у кого другого и не пивала. Елизавета Оминишна сама его поджаривала и сама же, только передъ тѣмъ какъ пить, молола въ крошечной мельницѣ, чтобъ аромать лучше сохранить; и точно кофе, самый высшій сортъ мокка, аромать сохранялъ въ совершенствѣ, а Елизавета Оминишна подастъ его вамъ и наслаждается вашими похвалами. Любила она, чтобы къ ней заходили, сама же послѣднее время почти никуда, кромѣ храма Божьяго, не выходила: сидитъ себѣ въ своей просторной, всегда сильно-натопленной комнатѣ, уставленной тяжелой, старинной ме-

белью; вяжетъ что нибудь или вышиваетъ, — рукодѣльница она была большая и до самой смерти очковъ не носила, какъ не употребляла у себя лампъ, а жгла свѣчи, и при свѣчахъ же цѣлыми вечерами, когда была одна, читала запоемъ... вы подумаете «жизнiя святыхъ»?—нѣтъ: романы, оригинальные и переводные, отдавая предпочтенiе самымъ раздирательнымъ, надъ которыми могла вволю поплакать. Плакала она надъ ними такъ много, что если заранѣе ожидала грустнаго конца, то заранѣе же, усаживаясь за чтенiе, клала подлѣ себя полотенце, зная, что ее не удовлетворитъ платокъ.

Не смотря на веселый нравъ и полное довольство жизнью, Елизавета Ѳоминишна была всегда не прочь поплакать, для чего даже любила ходить въ церковь на панихиды и отпѣванiя лицъ, совершенно ей постороннихъ, съ единственною цѣлью поплакать.

— Поплачешь, такъ на душѣ какъ-то легче станеть!—оправдывалась она, бывало, застѣнчиво улыбаясь.

Передавая Елизаветѣ Ѳоминишнѣ разныя городскiя новости, ничѣмъ такъ нельзя было угодить ей, какъ новостями придворными: онѣ болѣе всего интересовали ее, такъ какъ она и себя отчасти считала «придворной».

— Мой папенька прежде вѣдь служилъ при дворѣ великой княгини Марiи Павловны мундшенкомъ,—такъ разъ начала она мнѣ;—а какъ великая-то княгиня вышла замужъ, папенькѣ пенсiю положили такую, какъ тогда только генералы получали: 260 р. ассигнацiей. Гдѣ онъ ни служилъ потомъ, пенсiя эта ему все шла да шла. У папеньки сохранился его и нарядъ придворный; бывало показываетъ намъ: кафтанъ зеленый съ пуговицами больше, чѣмъ въ полтинникъ; потомъ этакiя большущiя шпильки, на которыхъ пукли держались, да еще длинныя, предлинныя булавки съ шишечками: это чтобъ въ головѣ почесывать тихохонько, чтобъ пудру не потревожить, да пукли не смять. А то еще у маменьки хранился въ огромномъ дубовомъ сундукѣ ея нарядъ старинный, платье этакое двуличное, шелковое, зеленое, да вѣдь какое широкое! Мы, бывало, его почти на всю залу растянемъ. Лифъ этакъ четырехугольничкомъ вырѣзанъ, а рукава обшиты въ два ряда кружевными оборками; да вѣдь какiя кружева-то? пуанъ д'алансонъ, да все плетены-то на волоскахъ; только желтыя, прежелтыя. Мы и говоримъ маменькѣ: «да ихъ бы побѣлить!»—Какое побѣлить!—ихъ еще нарочно прежде въ шафранѣ мыли. А фижмы-то всѣ на косточкахъ, на камышѣ, то-есть, раздвижныя: назадъ особо и напередъ особо; это чтобъ, какъ въ карету садиться, такъ сдвинуть ихъ другъ на дружку, а то и не влѣзтъ бы! А ужъ бабушка у насъ какая щеголиха была! Ужъ и въ старости-то, хоть фижмъ и не носила, а все старой моды придерживалась: чепчики стали носить ужъ съ ушками, а она все круглые, въ три ряда кружевами обшитые, а

на лбу, посреди чепчика, большущій бантъ съ концами. И шли же очень къ ней эти чепчики.

— Бабушка у насъ богачиха была, дочь купца, перваго въ Петербургѣ богача; какой-то царь, — не припомню только какой, — у него даже денегъ занималъ. Въ Петербургѣ улицы не было (да и то сказать, не много тогда и улицъ-то было), на которой бы его дома не было. Лавки были серебряныя. Отъ первой жены одна только дочь и была, а потомъ онъ на другой женился, и какъ мачиха-то ее уважала! «Раскапризуюсь, — бывало рассказываетъ бабушка, — возьму книгу и уйду въ свою комнату; вотъ къ обѣду и шлютъ за мной; я все нейду. Мачиха сама ко мнѣ идетъ, да и то не прямо пойду: поцеремонюсь прежде!» И вѣдь какъ умна и образована была! Въ ея время мало кто и изъ знатныхъ грамотѣ зналъ, а она такъ надъ книгами и сидѣла: и божественныя, и романы, и исторіи всякія читала, да какъ начнетъ, бывало, что рассказывать, такъ точно пишетъ. А вышла замужъ она совсѣмъ за бѣдняка, зато раскрасавецъ-красавецъ былъ! Я его ужъ не видала живаго-то, а на патретѣ. И бабушкинъ патретъ былъ въ томъ нарядѣ, какъ ихъ обручали: платье этакое, называлось обдиринное, по бѣлому полю точно, этакъ, кое-гдѣ чиркнуто: тамъ розовымъ, а то палевымъ и золотымъ. Волосы кверху подобраны, а у одного виска розанъ. А прежде, какъ еще юбки носили, такъ какихъ только у нея не было: парчи такой, что двѣ дѣвки держатъ, какъ надѣвать надо.

— Я одно время у бабушки жила. Занимала она цѣлый этажъ; комнаты и парадныя и простыя, и къ каждой половинѣ подъѣздъ особый. Парадный подъѣздъ только разъ одинъ въ годъ, въ бабушкины именины, отворялся: обѣдъ большой бывалъ, гостей наѣдетъ тьма; и вѣдь бабушка съ какими важными зналась: и графини, и княгини къ ней ѣзжали, а объ генералахъ и говорить нечего. Она себя сама, какъ графиня, держала, деликатно такъ; съ тѣми, кто попроче-то, не то, чтобъ она ими гнушалась, а всеже мало съ ними знакомилась. Какъ гости бывало поваѣдутъ, то насъ, дѣтей, къ нимъ выведутъ. Ручки сложимъ, книксенъ сдѣлаемъ и стоимъ смиренхонько. Одѣвали насъ хорошо; бабушка это любила; платьица всегда пышныя, панталончики въ оборочкахъ, точно мохноножки. А то, вотъ какъ стали носить зеленые переднички да бархатныя пелериночки, и намъ такіе понадѣлали. Прежде я въ локонахъ ходила; а тамъ пришла мода стричься, и насъ обстригли, и маменька сама обстриглась; она, конечно, въ чепчикѣ ходила, а дѣвицы такъ просто стриженныя и ходили. Шляпокъ въ то время еще не носили; пойдѣмъ, бывало, въ праздникъ въ Лѣтній садъ, все парочками, дамы въ чепчикахъ, а дѣвицы такъ стриженныя, только съ зонтиками; а зонтики все тогда носили бѣлыя каленкоровые, съ бѣлой же бумажной бахромой. Только это съ 13

или 14 года шляпки стали въ моду входить, и какъ это сначала на нихъ дивились! А съ вуалемъ сохрани Богъ надѣтъ: за дурную женщину примуть. Тоже дѣвицы не смѣй этакъ мантилью или что надѣтъ: все безъ ничего, да еще съ короткими рукавами; жмешься, бывало, въ холодъ-то!

II.

Другой разъ рассказала мнѣ Елизавета Ѳомииншна объ ея житьѣ въ Новгородской губерніи и о графѣ Аракчеевѣ.

— Назначили папеньку смотрителемъ дорогъ и перевели насъ въ Спасскую Полисть, — такъ начала она.—Тутъ мы весело жили. Мнѣ тогда пятнадцатый годъ пошелъ. Домъ у насъ хорошенькій, съ садикомъ, былъ, и рѣчка близехонько протекала; а ужъ какой видъ отъ рѣчки-то неподобный былъ! Кусточки да деревья словно нарисованные; зеленая этакая горушечка, а на горушечкѣ часо-венка: образъ въ ней былъ старинный, кажется мнѣ, что Петра и Павла. Только помню, что туда въ засуху съ крестами ходили и Егорію молебень служили. Дальше большое мѣсто — Софронова гарь прозывалось, а вотъ почему: незадолго, какъ намъ пріѣхать, прислучился тамъ пожаръ, — большой пожаръ, всѣ деревья выгорѣли, черные пни только торчали, и какъ посмотрите — одинъ точно баба сидитъ, другой, какъ мужикъ; а прозвали Софроновой по той причинѣ, что въ Софроновъ день было. За Софроновой гарью шли все курганы: этакія зеленыя горки, а курганами онѣ назывались потому, что тутъ могилы были, какъ еще поляки къ Новгороду подходили, да тутъ бились. По ту сторону рѣчки поселенія были, только за восемь верстъ; а ближе-то, какъ армейскіе полки приходили, такъ лагеремъ становились. Бывало, палатки-то издали, точно стадо лебединое, бѣлѣются.

— Ну, вотъ, какъ поселеніе-то отъ насъ близко было, офицеровъ много, устроятъ, бывало, танцы въ сараѣ, гдѣ рабочимъ хлѣбы пекли. Велятъ солдатамъ скамейки сколотить; накроютъ ихъ запаснымъ солдатскимъ сукномъ: вотъ и диваны для маменокъ готовы, а дочки-то себѣ отплясываютъ; да вѣдь какъ веселились! Наряды сами себѣ смастеримъ, да все это такъ дружно, другъ дружкѣ помогаемъ; чего у кого нѣтъ — даемъ, не то въ Новгородъ пошлемъ (онъ отъ насъ въ 48 верстахъ былъ). Недалеко отъ насъ было Грузино, село графа Аракчеева, а какое село-то: просто царство небесное! Домъ какъ дворецъ, а садъ-то! — рѣшетки все съ позолотой, мостики на цѣпяхъ, въ ручейкахъ лебеди да утки разноцвѣтные плаваютъ; лужечки, цвѣтники, оранжереи. Клубника какая неподобная была, ахъ, какая неподобная! почти что въ полвершка, толстая, красная. Церковь въ селѣ чудесная, и стояла она на этакой горочкѣ, такъ весь Волховъ и виденъ. А по де-

ревнѣ чистота какая! Графъ-то злой вѣдь былъ; съ крестьянами ужасъ какъ обращался, а болѣе того его любезная, Настасей Ѳеодоровной звали. Была она, говорятъ, матросская жена; онъ мужу-то и платилъ за нее. И вѣдь за что, кажется, любилъ? Собою, нельзя сказать, чтобъ и красива была; болѣе за то и уважалъ, что ее всѣ какъ бы ворожеей считали; и точно ворожила она хорошо, и такъ онъ ей это вѣрилъ. Вотъ вѣдь какіе темные умы были! А самъ-то какой не казистый былъ: длинный-предлинный, рябой, косоглазый, носъ пребольшой и вдобавокъ еще и гнусливый; вотъ какой красавецъ былъ! А какъ солдаты-то на поселеніи отъ него терпѣли: помѣшанъ онъ былъ на чистотѣ; между домами все этакія дорожки были расчищены, деревья посажены по краямъ, а дорожки песочкомъ усыпаны. Боже сохрани, кто корову на дорожку выпустить—бѣда! А то еще къ рѣчкѣ вела каменная лѣсенка; бывало, зимой несесть солдатъ ведра на коромыслѣ; ну, какъ не сплеснуть? Какъ можно! замерзнетъ, кочка на ступенькѣ будетъ; вотъ и бѣжитъ другой солдатъ съ ножичкомъ скрести, а тому солдату дѣстанется. Дома,—съ улицы вы смотрите,—игрушечки, чистенькіе, желтой краской повыкрашены; а стоять-то они на стульяхъ, это значить на подпоркахъ этакихъ, какъ на сваяхъ, такъ что отъ земли до полу пустота: гуляй вѣтеръ, сколько угодно! Снаружи-то этого не видно, досками, какъ фундаментомъ, прикрыто, а какъ взглянешь въ окошечки крохотныя и видишь тамъ пустоту, хоть бы подвалы сдѣлали: вѣдь холодъ-то какой снизу, и все это для чистоты, чтобъ сырости не было, вѣтромъ продувало. А въ самыхъ палатахъ все какъ по стрункѣ. Въ кухнѣ—ухваты, кочерги; все это по стѣнкамъ въ рядъ стоитъ, и надъ ними ярлычки: помѣшаетъ баба въ печи кочергой и тотчасъ же должна кочергу подъ ярлыкъ ставить. Утромъ придетъ офицеръ осматривать, замѣтитъ, что не на мѣстѣ,—ну, вѣдь не успѣетъ иногда въ ту же минуту сунуть,—и бѣда! Кладовыхъ никакихъ, хоть бы чуланчишко какой, вѣдь люди семейные; надо что, такъ за каждымъ качаномъ капусты въ артель, за версту бѣги. Все вѣдь для глазъ только, а людямъ-то каково?

— А ужъ Настасья Ѳеодоровна—эта презлющая была. Въ пріемахъ (мы къ ней таки ѣзжали) такая ласковая, обходительная; да вѣдь какая деликатная, и не узнаешь, что изъ простыхъ: точно знатная барыня. Франтиха была страшная. Поведетъ насъ, бывало, въ мастерскую, гдѣ у нея дѣвушки золотомъ шили. А вышивали онѣ разныя разности: и ризы, и ленты, и пояса, и повойники; и вотъ, у кого по деревнѣ изба чище содержится, да хозяйство порядочнѣе, той хозяйкѣ она, либо самъ графъ, повойники шитые дарили: такъ, они и сохранялись подъ названіемъ «графскихъ». Лѣтомъ устроить у себя праздникъ, или балъ, и кого только не позовутъ! Музыки не занимать стать, своя, военная; да такъ-то мы

тамъ отплясывали, что чудо! А то затѣютъ въ саду, на лужкѣ въ рюхи играть; этакая игра была. Наставятъ въ рядъ, словно какъ бабки, этакихъ деревянныхъ столбиковъ, а сами стануть напротивъ, тоже въ рядъ; и кому очередь, возьметъ тотъ въ руки двѣ палочки связанныя, вотъ какъ бы цѣпы, веревочкой; отойдетъ подале, прицѣлится и пуститъ палочки въ столбики. Не знаю, какъ ужъ тамъ у нихъ выигрышъ считался, только кто выиграетъ, того слѣдующій, очередной, долженъ три раза назакукоркахъ провезти: наклонится, тотъ ему сядетъ на спину, обхватитъ руками за шею, да и развѣзжаетъ. Разъ такъ самому графу одного юнкера довелось возить,—ну, и возилъ; только какъ это смѣшно было! Юнкерь-то ни живъ, ни мертвъ на графѣ сидитъ, а тотъ возитъ. Я вѣдь молода, почти что дитя была; не могу удержаться, сижу, хохочу; а маменька меня за платье дергаетъ, да шепчетъ: «не смѣйся, не смѣйся!». И вѣдь какіе гости-то тутъ были; генералы пріѣзжали и всѣ это у Настасьи Ѳедоровны ручки цѣловали, какъ у графини. Императоръ Александръ частенько къ нему въ гости жаловалъ.

— Наконецъ пришлось людямъ-то не втерпеть отъ Настасьи Ѳедоровны: задумали они ее извести. И вотъ какъ дѣло было, и что еще болѣе смерть ея ускорило. Была у нея этакая крошечная собаченочка; все ее на подушкахъ носили, только какъ-то нечаянно и задѣвъ ее горничная Настасья Ѳедоровны; она и завизжала. Горничную-то мало того что она прибила, да велѣла еще на конюшнѣ отодрать; а она въ ту же ночь, какъ барыня-то ужъ въ постель легла, и подведи къ ней въ спальню своего брата, повара; онъ ее ножомъ и зарѣзалъ. Ну, конечно, всю эту семью, и правыхъ, и виноватыхъ, наказали и въ Сибирь сослали. Ужъ какъ графъ тосковалъ по Настасьѣ Ѳедоровнѣ, хотѣлъ ее въ соборѣ, что у поселеній въ Штабѣ былъ,—похоронить; да вѣдь гдѣ же?—въ алтарѣ, у самаго престола! Только этого ему не позволили, а похоронили ее таки въ соборѣ, у стѣнки. И какія похороны были—чуть что не царскія; а люди про себя шептали: «собакъ—собачья смерть!».

С. Лаврентьева.

КЪ БІОГРАФІИ Н. С. ТИХОНРАВОА.

ВЪ ЯНВАРСКОЙ и февральской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» помѣщены статьи въ память покойнаго Н. С. Тихонравова. Я недостаточно близко зналъ его, чтобы сообщить какія либо новыя біографическія подробности, слишкомъ мало знакомъ былъ съ его профессорскою и ученою дѣятельностью, чтобы сказать что нибудь въ этомъ отношеніи, но я знаю одну сторону его дѣятельности, которая едва ли многимъ извѣстна, и которая имѣла громадное значеніе для тѣхъ, кого она касалась. Я говорю объ учительствѣ Николая Саввича, въ концѣ 50-хъ годовъ, въ III специальномъ классѣ 1-го Московскаго кадетскаго корпуса.

Надо знать строй и характеръ жизни военно-учебныхъ заведеній того времени, чтобы понять, какое значеніе для насъ, кадетъ, имѣло вступленіе въ число преподавателей молодого, талантливаго профессора университета.

Я не буду описывать подробности того быта, подчеркивать всѣмъ извѣстныя его особенности, — скажу только, что необходимая въ военно-учебныхъ заведеніяхъ дисциплина принимала въ то время какой-то странный характеръ — полнаго преобладанія строеваго элемента надъ научнымъ, фронтовыхъ занятій надъ классными, учебными... Представителями этого военнаго элемента были, такъ называемые, дежурные офицеры, большею частію, хорошіе фронтовики изъ армейскихъ полковъ, относительно педагогическихъ способностей которыхъ оставалось очень много желать. Какъ ни молоды мы были, какъ ни невысока была степень нашего развитія, мы это чувствовали, понимали. Молодость очень чутка. И не-

богатый запасъ знаній нѣкоторыхъ изъ этихъ офицеровъ педагоговъ былъ богатомъ матеріаломъ для множества комическихъ рассказовъ...

Преподаватели научныхъ предметовъ были значительно лучше, но во всякомъ случаѣ и ихъ заѣдала рутина, уроки задавались въ большинствѣ случаевъ отъ сихъ и до сихъ, и, кромѣ учебныхъ книгъ, намъ не позволяли ничего читать. Привозимыя изъ дому книги, если попадались на глаза начальству, безъ церемоніи отбирались и безслѣдно исчезали... Въ курсѣ литературы мы учили по литографированнымъ запискамъ о Шекспирѣ, Байронѣ, Гёте и никогда не читали ни одного изъ ихъ произведеній. Не читали и русскихъ, особенно новѣйшихъ. Учили наизусть Державина — Оду «Богъ», Пушкина—«Клеветникамъ Россіи», Лермонтова—«Бородино», «Завѣщаніе» (въ исправленномъ видѣ, съ пропускомъ послѣдней строфы о сосѣдкѣ) и т. под. Преподавателемъ литературы былъ Ѡ. Б. Миллеръ, извѣстный впослѣдствіи издатель «Развлеченія». И только во 2-мъ спеціальному классѣ преподавателемъ явился Басистовъ, совершенно вѣрно описанный Тургеневымъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». Было чрезвычайно замѣтно даже намъ, ученикамъ, что Басистовъ пораженъ былъ совершеннымъ незнакомствомъ нашимъ съ самыми выдающимися литературными произведеніями и послѣ чтенія Остромирова Евангелія и т. под., что слѣдовало по программѣ,—вынималъ изъ портфеля «Мертвыя души» или рукопись «Горѣ отъ ума» (безъ пропусковъ, какъ въ печатныхъ изданіяхъ), и начиналось чтеніе. Наступила мертвая тишина, слушатели всецѣло сосредоточивались на предметѣ чтенія и не обращали вниманія на барабанъ... (у насъ перемѣны между уроками происходили не по звонку, а барабанщикъ билъ отбой).

Но шестидесятые года приближались, жизнь брала свое, и движеніе коснулось и кадетскихъ корпусовъ. Во главѣ ихъ тогда стоялъ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ. Человѣкъ государственнаго ума, которому такъ обязана Россія за участіе его въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса, онъ понялъ, что пришло время, когда военно-учебныя заведенія должны поставятъ въ войска дѣйствительно военныхъ людей, а не *chair de canon*,—и былъ предпринятъ цѣлый рядъ преобразованій: учреждены III спеціальныя классы, такъ сказать, подготовляющіе своихъ воспитанниковъ къ высшему военному образованію, въ военныхъ академіяхъ генеральнаго штаба, артиллерійской и инженерной, сообразно чему и были организованы три отдѣленія въ III спеціальному классѣ; выработаны новыя программы, приглашены новыя преподаватели. Въ Московскій корпусъ приглашенъ былъ преподавателемъ исторіи С. М. Соловьевъ, литературы — А. Д. Галаховъ, а когда онъ, среди курса, перешелъ въ Петербургъ, въ академію генеральнаго штаба, гдѣ и былъ много лѣтъ профессоромъ, то на мѣсто его —

Николай Саввичъ Тихонравовъ. Тутъ мы его въ первый разъ и увидали.

Молодой, чрезвычайно ученый, всезнающій профессоръ, онъ обращался съ нами, кадетами, весьма просто, снисходительно, добродушно, и такъ какъ намъ обязательно было представлять курсовыя сочиненія, то входилъ въ прямыя личныя сношенія съ каждымъ изъ воспитанниковъ, приглашалъ насъ къ себѣ на квартиру, тамъ съ нами и занимался, толковалъ, разъяснялъ, что было совершенно необходимо, такъ какъ мы большею частью очень плохо были знакомы съ тѣмъ, о чемъ приходилось писать такъ называемое сочиненіе.

Я помню, на примѣръ, трагическое положеніе одного товарища, которому задано было указать, какія мѣста, выраженія изъ «Горя отъ ума» вошли въ обыденную разговорную рѣчь, стали, такъ сказать, пословицами, а онъ, бѣдняга, только тутъ прочиталъ въ первый разъ «Горе отъ ума».

Другому дана была тема: провести параллель между наказомъ Екатерины II и *Esprit des lois* Монтескье и сочиненіемъ Беккарія о наказаніяхъ. Работа—хотя бы и не кадету. Пришлось знакомиться съ сочиненіями Монтескье, переводить цѣлыя главы, что было не легко, въ виду философскихъ терминовъ прошлаго столѣтія; кое-что удалось схватить, и вышла довольно слабая компиляція, а Беккарій такъ и остался не тронутъ; но темъ этихъ Николай Саввичъ измѣнить не могъ; онъ, кажется, присланы были изъ главнаго штаба, и приходилось подчиняться необходимости.

Но намъ живо памятливы эти вечера, когда мы, написавъ нѣсколько листовъ, разработавъ часть заданнаго, пріѣзжали къ Николаю Саввичу часа на два, на три; шли занятія, потомъ начиналась простая душевная бесѣда. Николай Саввичъ отъ сочиненія переходилъ къ разнымъ вопросамъ, знакомился съ нашимъ міровоззрѣніемъ, указывалъ на его ненормальности, устанавливалъ правильные взгляды на разные вопросы,—и все это необыкновенно просто, безъ всякаго подавляющаго авторитета. Потомъ начинались шутки, анекдоты, надъ которыми онъ самъ смѣялся первый, больше и громче всѣхъ. Той грусти, того скорбнаго выраженія лица, которое присуще всѣмъ появляющимся нынѣ его портретамъ, тогда и въ поминѣ не было. Это было молодое полное лицо, иногда очень серьезное, иногда поражающее своимъ веселымъ добродушнымъ юморомъ, съ которымъ онъ рассказывалъ разные случаи, анекдоты, не переходившіе никогда во что нибудь рѣзкое.

Читалъ лекціи онъ замѣчательно хорошо; начиналось обыкновенно очень просто, съ какой нибудь самой простой фразы, затѣмъ слѣдовала другая, третья; говорилось очень коротко и ясно, даже внѣшность не была особенно рельефна, Николай Саввичъ немного

шепелявилъ, но не проходило 5, 10 минутъ, и весь классъ былъ въ рукахъ профессора; между этими просто сказанными фразами чувствовалась глубокая логическая связь, необыкновенная послѣдовательность, точность, опредѣленность выраженій, выводовъ и въ концѣ концовъ рисовалась картина полная, ясная, законченная. Прочитаннаго профессоромъ совѣтъ нельзя было забыть, все такъ стройно укладывалось въ молодую, свѣжую голову, что, кажется, и теперь я хорошо помню многое. Напримѣръ, по поводу сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, «Живописца» Новикова, полемики его съ императрицею Екатериною II и проч. Николай Саввичъ рисовалъ цѣлую картину общественной жизни въ прошломъ столѣтіи, рисовалъ смѣлыми штрихами ту эпоху, о которой мы почти не имѣли и понятія. То же самое по поводу дѣятельности Бецкаго и т. д. А какой запасъ источниковъ и пособій по всѣмъ вопросамъ былъ у него постоянно въ распоряженіи, — это трудно себѣ и представить! Библиотека его была очень богата. Зала и кабинетъ его были уставлены по стѣнамъ простыми полками въ ростъ человѣка, на которыхъ стояли тысячи томовъ. Но поразительнѣе всего была его память: онъ все зналъ и все помнилъ.

Немного лѣтъ спустя, приходилось бывать съ нимъ вмѣстѣ въ театрѣ на выдающихся спектакляхъ русской драматической труппы; тогда шли новыя всѣхъ увлекавшія пьесы Островскаго напр., «Гроза» и другія. Бывали интересные бенефисы: драматическій театръ въ Москвѣ тогда высоко стоялъ, и мы старались попадать на эти спектакли, брали билеты по возможности близко къ Н. С. и въ антрактахъ пользовались его бесѣдою. Тутъ нерѣдко бывали такія сцены. Подходить къ Н. С. ктонибудь и прямо безъ дальнѣйшихъ разговоровъ спрашиваетъ его: гдѣ я могу найти то и то, или статью о томъ-то? Н. С. немедленно отвѣчаетъ, указываетъ на сочиненіе или журналъ, часто даже № журнала, говорить, гдѣ можно найти нужную книгу. Черезъ нѣкоторое время подходит другое лицо и опять предложить какой либо научный вопросъ; Н. С. съ полною готовностью отвѣчаетъ и на него, дѣлаетъ всевозможныя указанія, и все это среди шутокъ, смѣха, замѣчаній о пьесѣ, игрѣ актеровъ.

А его субботнихъ вечеровъ я, кажется, никогда не забуду. Въ эти дни онъ охотно всѣхъ принималъ, и тутъ мы, недавніе ученики его, встрѣчали самыхъ выдающихся лицъ. Тутъ бывалъ и Ѳ. И. Буслаевъ, и П. М. Садовскій, и много другихъ. Мы, конечно, больше слушали, и много интереснаго, много важнаго въ смыслѣ научномъ, литературномъ, художественномъ высказывалось на этихъ вечерахъ. Товарищи мои по корпусу, Ив. Петр. З., и Семень Никол. В., многое изъ этого записывали; вѣроятно, у нихъ сохранились эти замѣтки. Однажды Провъ Михайловичъ Садовскій раз-

сказаль нѣсколько эпизодовъ изъ начала своей артистической дѣятельности въ Орлѣ. Мы всѣ были растроганы почти до слезъ. А на другой день Ив. Петр. З. пришелъ ко мнѣ съ рукописью, гдѣ записанъ рассказъ Прова Михайловича, и заставилъ меня подписаться, какъ свидѣтеля этого разказа, который несомнѣнно когда нибудь послужить цѣннымъ матеріаломъ для біографіи знаменитаго артиста.

Итакъ вліяніе Н. С. на кружокъ его учениковъ кадетъ было громадное; онъ далъ толчекъ нашему сознанию, приучилъ мысль работать, и плоды его вліянія тотчасъ же и выразились; выйдя въ офицеры, вмѣсто обычной шумной военной жизни въ большомъ городѣ, въ Москвѣ, мы записались вольными слушателями въ университетъ, посѣщали лекціи выдающихся профессоровъ: С. М. Соловьева, Ѳ. И. Буслаева, Вызинскаго, Ешевскаго, Рулье, Кудрявцева (который вскорѣ и умеръ) и друг. Тогда это было легко и просто: стоило явиться къ ректору Альфонскому, который выслушивалъ просьбу, изъявлялъ согласіе,—и вамъ выдавался билетъ на посѣщеніе лекцій, а въ правленіи получалось росписаніе лекцій, и затѣмъ вы свободно посѣщали всѣ лекціи по всѣмъ факультетамъ. И за оба года посѣщенія университета никто у меня этого билета ни разу не спрашивалъ.

Посѣщеніе лекцій, конечно, не могло быть вполнѣ акуратно и систематично, потому что служебныя занятія, караулы и проч. совпадали съ часами лекцій, но такъ какъ осенью и зимою фронтковыя занятія большею частью производились въ экзерциргаузѣ, тутъ же на Моховой, рядомъ съ университетомъ, то прямо съ ученія часто случалось идти въ университетъ на лекціи и проводить тамъ 2—3 часа. Хорошіе это были часы!

Затѣмъ большинство учениковъ Н. С. пошло въ академію генеральнаго штаба, или артиллерійскую, а потомъ, когда въ 1860 и 1861 году Н. С. работалъ надъ организаціею воскресныхъ школъ въ Москвѣ, многіе изъ нихъ работали надъ веденіемъ воскресныхъ школъ въ Петербургѣ, подъ руководствомъ другого выдающагося профессора М. И. Драгомірова. Молодое, хорошее было время. Къ сожалѣнію, дѣятельность Ник. Саввича въ кадетскомъ корпусѣ скоро прекратилась; у меня сохранилось его письмо объ этомъ, но напечатать его еще не наступило время.

А. Мансуровъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ КНЯЗЯ БАГРАТІОНА.

КНЯЗЬ БАГРАТІОНЪ, общій любимецъ русской арміи, былъ выразителемъ ея духа и пользовался безграничнымъ довѣріемъ солдатъ, которыхъ столько разъ водилъ къ побѣдамъ, и которые совершали съ нимъ легендарные подвиги. Любимецъ Суворова, онъ дѣлилъ съ нимъ труды швейцарскаго похода 1799 года; блистательный бой его при Голлабрюнѣ въ 1805 г. (съ 5.000 противъ трехъ корпусовъ) стяжалъ ему бессмертную славу въ русской арміи, и имя его произносилось въ ней съ восторгомъ. Какъ главнокомандующій арміею на Дунаѣ въ 1809 году, онъ доставилъ ей нѣсколько побѣдъ (какъ при Рассеватѣ) и въ генеральномъ бою при Татарицѣ, съ силами въ пять разъ слабѣйшими, не уступилъ противнику ни одного вершка своей позиціи.

Замѣчательныя соображенія его по плану кампаніи 1810 года не были приведены въ исполненіе, такъ какъ его замѣнилъ графъ Каменскій 2-й, совершенно отступившій отъ предположеній князя Багратіона.

Боевыя качества князя Багратіона остановили на немъ выборъ императора Александра I, ввѣрившаго ему командованіе 80.000 арміею, для дѣйствій противъ Наполеона въ 1812 году. Армія князя Багратіона носила названіе 2-й арміи; армія же графа Баркляя-де-Толли, изъ 120.000—названіе 1-й арміи.

По плану, составленному Пфулемъ, 1-я армія должна была отступать отъ Вильно къ Дриссѣ, задерживая французовъ съ фронта; а 2-я армія, сосредоточенная около Волочиска, назначалась для дѣйствія въ тылу наступающей арміи Наполеона. Такое ошибочное назначеніе обѣихъ армій, съ самаго начала кампаніи, ставило ихъ въ отдѣльное другъ отъ друга положеніе, и по мѣрѣ выполненія ими предположенныхъ операцій (движеніе 1-й арміи къ Дриссѣ)

обѣ арміи болѣе и болѣе разобщались. Наполеонъ воспользовался этою ошибкою и, слѣдуя за 1-ю арміею къ Дриссѣ, выслалъ 80.000 противъ 2-й арміи, князя Багратіона, а 80.000 маршала Даву направилъ, сверхъ того, въ разрѣзъ между 1-ю и 2-ю нашими арміями. Такимъ образомъ, князь Багратіонъ, изъ арміи котораго было приказано отдѣлить значительную часть войскъ на Волынь, имѣлъ противъ себя до 160.000, насчитывая въ рядахъ своихъ не болѣе 60.000 ч.; къ тому же, стратегическое положеніе его было крайне невыгодное: онъ, при отступленіи на соединеніе съ 1-ю арміею, преслѣдовался съ тыла и обходился арміею Даву съ лѣваго фланга, препятствовавшюю ему соединиться съ Барклаемъ.

Князь Багратіонъ имѣлъ, поэтому, трудную задачу для выполненія и былъ возмущенъ положеніемъ, которое создано было для его арміи планомъ Пфуля.

Ближайшимъ намѣреніемъ князя Багратіона было идти на соединеніе съ Барклаемъ кратчайшимъ путемъ изъ Волочиска на Минскъ. Но лѣса и непроходимыя болота заставили его остановиться на болѣе кружномъ пути, чрезъ Могилевъ къ Витебску. Даву, слѣдуя по кратчайшему пути, сдѣлалъ и это предположеніе невозможнымъ и принудилъ князя Багратіона избрать еще болѣе кружный путь, на Смоленскъ, гдѣ онъ, наконецъ, и соединился съ арміею Барклая, въ двадцатыхъ числахъ іюля.

Обладая пылкимъ и рѣшительнымъ характеромъ, помня завѣты Суворова, князь Багратіонъ рвался впередъ, тогда какъ по ходу принятыхъ операцій онъ долженъ былъ идти назадъ, на каждомъ шагѣ пробивая себѣ путь оружіемъ. Это тѣмъ болѣе возмущало героя Голлабрюна, что, по его мнѣнію, отступать вовсе не слѣдовало, а надлежало въ началѣ войны соединить обѣ арміи (до 200.000 ч.) и смѣло наступать на Наполеона (что было бы очень рискованно, въ виду его почти полумилліонной арміи). Характеризуя свои дѣйствія графу Аракчееву, князь Багратіонъ писалъ ему: «Я ни въ чемъ не виноватъ: растянули меня сперва, какъ кишку (отдѣленіемъ части войскъ на Волынь), пока... непріятель ворвался къ вамъ безъ выстрѣла. Мы начали отходить, не вѣдаю за что; никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, чтобъ мы не были проданы. Я одинъ защищать всю Россію не могу. 1-я армія тотчасъ должна идти и наступать къ Вильно (отъ Дриссы), непремѣнно, чего бояться? Я весь окруженъ, и куда продерусь, ранѣе сказать не могу. Что Богъ дастъ, а дремать не стану, развѣ здоровье мое мнѣ измѣнить—уже нѣсколько дней очень чувствую. Я васъ прошу непремѣнно наступать, какъ пріятели ¹⁾, а то худо

¹⁾ Подобное наступленіе 1-й арміи отъ Дриссы къ Вильно облегчило бы князю Багратіону соединеніе съ Барклаемъ, почему онъ и настаивалъ на этомъ движеніи.

будеть и отъ непріятели, а, можетъ быть, и дома: шутить не должно. Русскіе не должны бѣжать—это хуже прусаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продрагаться, конечно, и съ потерей, но вамъ стыдно, имѣвши въ задѣ укрѣпленный лагерь (у Дриссы), фланги свободныя, а противъ себя слабые корпуса (?). Надобно атаковать. Мой хвостъ (аррьергардъ) всякій день теперь въ дракѣ, а на Минскъ и на Вилейку мнѣ не можно пройти отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покою и не живу для себя. Богъ свидѣтель, радъ все сдѣлать, но надобно имѣть и совѣсть и справедливость! Вы будете отходить назадъ, а я все пробиваюсь!.. Ежели для того что фигуру мою не терпятъ, лучше избавь меня отъ ярма, которое на шеѣ моей (подчеркнуто въ оригиналѣ), а пришли другого командовать, но за что войска мучить безъ цѣли и безъ удовольствія? Совѣтую наступать тотчасъ. Не слушайте никого. Пуля баба—штыкъ молодець. Такъ я полагаю. Остроуміе Фуля—что онъ дѣлаетъ насъ бабою».

Въ припискѣ къ этому письму князь Багратионъ говоритъ далѣе: «Пожалуйте государя и Россію. Зачѣмъ предаваться законамъ непріятели тогда, когда мы можемъ ихъ побѣдить весьма легко. Можно сдѣлать, приказать двинуться впередъ. Сдѣлать сильную рекогносцировку кавалеріей и наступать цѣлою арміей. Вотъ и честь и слава! Иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ (у Дриссы). Онъ (Наполеонъ) на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ ¹⁾. Наступайте, ради Бога—войско ободрится. Уже нѣсколько приказовъ дано, чтобъ драться, а мы бѣжимъ! Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, а я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 100—500 верстъ! Но, видно, есть злодѣй государю и Россіи, что гибель намъ предлагаетъ. Я вамъ сказалъ все, какъ русскій русскому: но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу въ томъ простить».

Мы привели это письмо, чтобъ показать, какой взглядъ на значеніе нашего отступленія господствовалъ въ войскахъ, горѣвшихъ желаніемъ дать противнику твердый отпоръ, и которымъ приказывается отступать и отступать. Въ стратегическую оцѣнку плана Пфуля мы здѣсь не вдаемся, хотя лагерь у Дриссы, не выгодный по отношенію операцій Наполеона къ Москвѣ, отвѣчалъ бы своему назначенію, въ случаѣ его движенія къ Петербургу, чего, впрочемъ, предполагать не было оснований, зная военный талантъ Наполеона и стратегическія соображенія его, указывавшія на то, что ему было выгоднѣе направиться на Москву, а не на Петербургъ.

¹⁾ Это дѣйствительно и послѣдовало: Наполеонъ, не доходя до Дриссы, быстро повернулъ вправо на Витебскъ, на путь отступленія 1-й арміи къ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, указанія князя Багратіона не остались безслѣдными. Подъ вліяніемъ ихъ, графъ Аракчеевъ еще въ іюнѣ заготовилъ свою записку, начинающуюся словами: «Военныя дѣйствія наконецъ достигли нынѣ до необходимости рѣшительнаго сраженія». Дѣйствительно, по соединеніи обѣихъ армій въ Смоленскѣ, графъ Барклай-де-Толли рѣшился наступать на армію Наполеона, растянувшуюся между Витебскомъ и верховьями Днѣпра. Но наступленіе принято въ ошибочномъ направленіи на Витебскъ, что открывало путь на Москву, защищаемый только отрядомъ Багратіона, оставленнымъ въ Смоленскѣ. Наполеонъ, узнавъ объ этомъ, быстро переходитъ Днѣпръ и атакуетъ Смоленскъ, взявъ который онъ отрѣзалъ бы отъ Москвы всю нашу 1-ю армію, направившуюся въ противоположную сторону, къ Витебску. Во что бы то ни стало, слѣдовало отстоять Смоленскъ, чтобы дать время Барклаю вернуть назадъ, выступившія къ Витебску, войска.

5-го августа, весь день, велся ожесточенный бой подъ Смоленскомъ. Князь Багратіонъ, понимая, что тутъ его задача та же, что была при Голлабрюнѣ въ 1805 г., съ такимъ же геройствомъ ведетъ цѣлый день бой противъ всей арміи Наполеона, отражаетъ многочисленныя, упорнѣйшія штурмы и даетъ время Барклаю возвратиться къ Смоленску. Казалось бы, что теперь-то и слѣдовало не только отстаивать Смоленскъ, но и наступать на армію Наполеона, ослабленную неудачными штурмами 5-го августа и не выполнѣ сосредоточенную. Но, вмѣсто того, графъ Барклай-де-Толли рѣшается снова отступить 6-го числа, приказывая князю Багратіону первому начать отступленіе.

По поводу предшествовавшихъ соединенію армій обстоятельствъ, князь Багратіонъ писалъ графу Аракчееву еще 26-го іюля изъ деревни Катани:

«Весьма стыдно Даву, что меня не задержалъ: теперь подняли нашего вождя! Дай Богъ добрый часъ и благополучіе. Я думаю, непріятель, гдѣ ни на есть, да сильно собирается, ибо со всѣхъ пунктовъ кавалерія его отходитъ ¹⁾. Сего мы узнаемъ не ранѣе, какъ послѣзавтра. Вся армія просила меня гласно, чтобы я всѣми командовалъ; но я на сіе ничего не отвѣчалъ, ибо есть воля на то государя моего; и хотя я до крайности и огорченъ лично отъ министра (Барклая), между нами сказать, но онъ самъ опомнился и писалъ простить его въ томъ. Я простилъ, и съ нимъ обошелся не такъ, какъ старшій (въ чинѣ), но такъ, какъ подкомандующій. Сіе я дѣлалъ и дѣлаю точно, по привязанности моей къ государю.

¹⁾ Это замѣчаніе, упущенное Барклаемъ изъ вида, достаточно указывало, что и Наполеонъ готовился къ чему-то, а потому до разъясненія его намѣреній предпринимать наступленіе къ Витебску, открывая дорогу на Москву, было не основательно.

«Совѣтую вамъ, чтобы молдавская армія (Тормасова) спѣшила идти къ намъ, ради самого Бога. Тормасова подвигать ближе, а ту армію (на Волыни) тамъ имѣть на мѣсто Тормасова, а особливо нужна кавалерія. Ежели Богъ допуститъ насъ до осени, что мы по привычкѣ бѣжать не будемъ, тогда могу васъ поздравить, что Наполеонъ найдетъ въ Россіи второй Египетъ (sic) и гибель себѣ. Вотъ какъ я думаю. Признаюсь вамъ откровенно, сколько мнѣ было пріятно сойтись съ первою арміею, столько же и прискорбно, ибо продовольствіе для меня весьма плохое. Когда одинъ шелъ, тогда все имѣлъ».

«Огорченіе», о которомъ говоритъ князь Багратіонъ, доставленное ему Барклаемъ, состояло въ томъ, что послѣдній, не выяснивъ себѣ трудностей, представлявшихся князю Багратіону на пути его соединенія съ 1-ю арміею, упрекалъ его въ томъ, что онъ не шелъ кратчайшимъ путемъ на Минскъ, а взялъ направленіе вправо, сперва на Могилевъ, а потомъ на Смоленскъ. «Направленіе, принятое арміею князя Багратіона, отклонявшееся слишкомъ въ правую сторону, привело меня въ отчаяніе» (m'a rendu au désespoir),—писалъ онъ императору Александру, отъ 18-го іюля 1812 года.

Только впоследствии, когда князь Багратіонъ доказалъ невозможность избранія другаго пути, графъ Барклай-де-Толли согласился съ нимъ. Но это не могло улучшить личныхъ отношеній между двумя главнокомандующими, не смотря на то, что князь Багратіонъ безусловно подчинялся, хотя и былъ старшимъ. Особенно былъ возмущенъ князь Багратіонъ отступленіемъ отъ Смоленска, въ чемъ онъ не видѣлъ никакой надобности, и бесполезною тратою времени, проходившаго въ неопредѣленныхъ рѣшеніяхъ, послѣ соединенія армій въ Смоленскѣ.

«Истинно и по совѣсти скажу вамъ,—писалъ онъ графу Аракчееву отъ 29-го іюля,—что я никакой претензіи не имѣю; но со мною поступаютъ такъ неоткровенно и такъ непріятно, что описать всего невозможно. Воля государя моего! я никакъ вмѣстѣ съ министромъ (Барклаемъ) не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу. Вся главная квартира нѣмцами наполнена такъ, что русскому жить невозможно, и толку никакого нѣтъ.

«Воля ваша, или увольте меня, хотя отдохнуть на мѣсяцъ. Ей-Богу, съ ума свели меня отъ ежеминутныхъ перемѣнъ, я-жъ никакой въ себѣ не нахожу. Армія (моя) называется только, но около 40 тысячъ, и то растягиваютъ, какъ нитку, и таскаютъ назадъ и въ бокъ. Армію мою раздѣлить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думалъ, истинно служу государю и отечеству, а на повѣрку выходитъ, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу».

Высказываясь подобнымъ образомъ, графъ Багратіонъ находился

подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него отзывами Барклая объ извѣстномъ уже давно во всей арміи атаманѣ донскаго войска Платовѣ и о никому еще неизвѣстномъ графѣ Паленѣ, начальствовавшемъ авангарднымъ коннымъ отрядомъ. Донося о дѣйствіяхъ подъ Витебскомъ, Барклай писалъ о графѣ Паленѣ: «этотъ генераль слишкомъ рѣзко отличается (*se distingue à merveille*) между всѣми генералами всей арміи какъ своими военными качествами, такъ и распорядительностью и хладнокровіемъ. Было бы чрезвычайно полезно въ интересахъ службы предоставить ему болѣе обширный кругъ дѣйствій» и проч.

Четыре дня спустя послѣ этого отзыва Барклай писалъ объ атаманѣ Платовѣ: «Генераль Платовъ, въ качествѣ начальника иррегулярныхъ войскъ, облеченъ слишкомъ высокимъ чиномъ, не имѣя достаточно благородства въ характерѣ (*n'ayant assez de noblesse dans son caractère*), которое ему соответствовало бы. Онъ эгоистъ, сдѣлавшійся сибаритомъ въ высшей степени». вмѣстѣ съ тѣмъ, Барклай предлагалъ удалить подъ какимъ нибудь предлогомъ Платова изъ арміи, поручивъ ему, на примѣръ, формировать на Дону новыя войска или что нибудь подобное. Понятно, что князь Багратіонъ, доносившій еще въ 1809 году о Платовѣ, по поводу его дѣйствій въ бою при Рассеватѣ, что Платовъ «украсилъ свою сѣдую главу вѣнцомъ славы, вездѣ былъ впереди»,—былъ возмущенъ такими о немъ отзывами.

Но императоръ цѣнилъ заслуги и кн. Багратіона и Платова и зналъ, что оба они нужны въ арміи, какъ лучшіе ея генералы. Геройскою защитою Смоленска, 5 августа, съ одною частью своихъ войскъ, противъ упорныхъ атакъ Наполеона, кн. Багратіонъ доказалъ, на сколько онъ былъ нуженъ въ арміи, которой, какъ онъ полагалъ не безъ основаній, не слѣдовало отступать, а дать бой подъ Смоленскомъ.

Вотъ что писалъ онъ по этому поводу гр. Аракчееву, отъ 7-го августа.

«Я думаю, что министръ (Барклай) уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска. Больно, грустно, и вся армія въ отчаяніи, что самое важное мѣсто понапрасну бросили. Я, съ моей стороны, просилъ лично его убѣдительноѣйшимъ образомъ и наконецъ писалъ: ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ мѣшкѣ, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ держатся, какъ никогда. Я удержалъ съ 15.000 болѣе 35 часовъ и билъ ихъ, но онъ (Барклай) не хотѣлъ остаться и 14 часовъ. Это стыдно и пятно арміи нашей. Ежели онъ доносить, что потеря велика—неправда. Можетъ быть, около 4.000, не болѣе, да и того нѣтъ. Хотя бы и десять—какъ быть: война; но зато непріятель потерялъ бездну.

«Наполеонъ, какъ ни старался и какъ жестоко ни форсировалъ, и даже давалъ и обѣщалъ большія суммы награжденія начальникамъ, только бы ворваться, но вездѣ опрокинутъ былъ. Артиллерія наша, кавалерія моя истинно такъ дѣйствовали, что непріятель сталъ въ пень.

«Что стоило еще оставаться 2 дня?

«По крайней мѣрѣ, они бы сами ушли, ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей.

«Онъ (Барклай) далъ слово мнѣ, что не отступить; но вдругъ прислалъ диспозицію, что онъ въ ночь уходитъ. Такимъ образомъ воевать не можно, и мы можемъ непріятели скоро привести въ Москву. Въ такомъ случаѣ не надо медлить государю. Гдѣ что есть новаго войска, тотчасъ собирать въ Москву, какъ изъ Калуги, Тулы, Орла, Нижняго, Твери, гдѣ оно только есть, и быть московскимъ въ готовности. Я увѣренъ, что Наполеонъ не пойдетъ въ Москву скоро, ибо онъ усталъ, кавалерія его тоже, и продовольствіе его не хорошо. Но на сіе смотрѣть не должно, а надо спѣшить непремѣнно, готовить людей, по крайней мѣрѣ, сто тысячъ, съ тѣмъ, что если онъ приблизится къ столицѣ, всѣмъ народомъ на него навалиться—или побить, или у стѣнъ отечества лечь. Вотъ какъ я думаю: иначе нѣтъ способа».

Говоря потомъ о слухѣ по поводу вопроса о примиреніи, кн. Багратіонъ восклицаетъ: «Чтобы примириться... Боже сохрани! Послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій мириться: вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставить носить мундиръ. Ежели уже такъ пошло, надо драться, пока Россія можетъ, и пока люди на ногахъ, ибо война теперь не обыкновенная, а національная, и надо поддерживать честь свою и всю славу манифеста и приказовъ данныхъ.

«Надо командовать одному, а не двумъ».

Дѣлая оцѣнку гр. Барклая-де-Толли, котораго онъ называетъ всегда въ письмахъ министромъ (а не главнокомандующимъ), кн. Багратіонъ выражается такъ: «Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генералъ—не то что плохой, но... (еще хуже).

«Я пишу вамъ правду: готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя.

«Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи господинъ флигель-адъютантъ В—енъ. Онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели нашъ, и онъ все совѣтуетъ министру».

Нельзя согласиться съ кн. Багратіономъ въ его дальнѣйшей характеристикѣ гр. Барклая, котораго онъ упрекаетъ въ нерѣшительности, медлительности и даже въ недостаткѣ мужества. Но постоянныя отступленія сильно поражали современниковъ и, прежде всего, кн. Багратіона, который пишетъ гр. Аракчееву, что «всѣ отъ досады и грусти съ ума сходятъ; вся армія плачетъ. Не смѣлъ

остаться съ 90.000 у Смоленска! Охъ, грустно, больно... Никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога. Я лучше пойду солдатомъ, въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ съ Б..... Вотъ вашему сіятельству всю правду отписаль» и проч.

Извѣстная истина, что «все то хорошо, что хорошо кончается», оправдываетъ и наше отступленіе къ Москвѣ и самое оставленіе столицы. Но нельзя не согласиться съ кн. Багратіономъ, что если бы подъ Смоленскомъ вмѣсто 15.000, участвовавшихъ въ бою 5 августа, на другой день были введены въ дѣло всѣ войска обѣихъ соединенныхъ армій, превышавшихъ 100.000 чел., то Смоленскъ, не смотря на произведенные въ немъ пожары, былъ бы нами удержанъ, и армія Наполеона, атакуя его твердыни, потеряла бы больше, чѣмъ потомъ при Бородинѣ. Къ тому же, масса его кавалеріи оставалась бы безъ участія въ ходѣ боя, по невозможности употребить ее въ дѣло противъ крѣпости. Дать генеральный бой подъ Смоленскомъ было бы поэтому для насъ несравненно выгоднѣе, чѣмъ принять бой на поляхъ Бородина. Отбитая, а, можетъ быть, и преслѣдуемая армія Наполеона, въ всякомъ случаѣ, понесла бы громадныя потери, ослабѣла бы духомъ и не рѣшилась бы идти послѣ пораженія къ Москвѣ. Ей пришлось бы надолго остановиться, чтобы прійти въ порядокъ, или отступить къ Могилеву. Москва была бы спасена, и исходъ кампаніи 1812 года ускорился бы самъ собою, оправдавъ слова Багратіона, что Наполеонъ найдетъ въ Россіи второй Египетъ, т. е. долженъ будетъ бросить армію и лично бѣжать изъ нея.

Кутузовъ поправилъ дѣло Барклая, Наполеонъ всетаки бѣжалъ; но Москва была принесена въ жертву, которой могли и не потребовать обстоятельства, если бы голосъ кн. Багратіона имѣлъ болѣе вліяніе на ходъ боевыхъ операцій.

А. Орельскій.

ЗОХАРА.

(Мусульманская легенда).

ВЫЛО БЫ большою ошибкою предполагать мусульманское міровоззрѣніе строго цѣльнымъ, стройнымъ, сложившимся. Распространяя свое могущество огнемъ и мечемъ и чаруя народы Востока потворствомъ чувственности, простымъ до послѣдней степени культомъ и несложной до наивности моралью, исламъ явился въ сущности лишь, такъ сказать, религіознымъ наслоеніемъ, твердо, правда, осѣвшимъ и укоренившимся, но не пересоздавшимъ внутренняго духовнаго строя воспріявшихъ его народностей. Персидскій шиизмъ, съ его разнообразными сектами (распадающимися, въ свою очередь, на многочисленныя толки, до такой степени отклонившимися отъ первоначальной мусульманской догмы, что врядь ли самъ Мухамедъ узналъ бы въ нихъ свое ученіе), подтверждаетъ вышесказанное. Подъ внѣшней оболочкой ислама живо сохранились и легко чувствуются разнородныя элементы предшествовавшей жизни его прозелитовъ, обнажая предъ нами то языческія вѣрованія кочевниковъ Средней Азіи, то своеобразныя идеи парсизма, процвѣтавшаго въ домусульманскомъ Иранѣ.

Въ справедливости сказаннаго можно лишній разъ убѣдиться хотя бы въ двойственномъ взглядѣ мусульманъ на женщину. По строго-опредѣленному ученію корана она является рабой, вещью, полной собственностью мужа. Такой именно мы и видимъ ее въ жизни. Произволъ ревниваго «пророка», имѣвшаго много красивыхъ молодыхъ женъ, которыхъ онъ постарался удалить отъ постороннихъ взоровъ, засадилъ мусульманку въ вѣчное и унижительное заточеніе, въ гаремъ, откуда она врядь ли когда нибудь осво-

бодится, вырвалъ ее навсегда изъ соціального строя, лишилъ гражданственности и сдѣлалъ ее служанкой мужа-повелителя и предметомъ его грубыхъ удовольствій. Одновременно съ этимъ, однако, мы видимъ у мусульманскихъ юристовъ, законниковъ, толкователей корана несомнѣнныя попытки, хотя бы на бумагѣ, возвеличить приниженное положеніе женщины въ исламѣ,—попытки, являющіяся отзвукомъ иного положенія женщины на Востокѣ, пользовавшейся до ислама и относительной свободой, и правомъ жить въ качествѣ члена общества, а не жалкой гаремной затворницы. По толкованіямъ мусульманскихъ цивилистовъ, поклонницы пророка имѣютъ право быть свидѣтельницами на судѣ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, являться опекунами и даже ходатаями по разнымъ дѣламъ¹⁾. Для cadaго очевидно, на сколько всѣ эти права восточной женщины не серьезны, и всякому ясно, что они красуются только на страницахъ юридическихъ кодексовъ, не будучи даже извѣстны большинству гаремнаго населенія Турціи и Персіи. Но характерно и многознаменательно уже одно то, что эти права существуютъ хотя бы только на бумагѣ, показывая, что въ мусульманскомъ сознаніи гнѣздится пониманіе ненормальности женскаго вопроса въ исламѣ, являясь какъ бы протестомъ навязанному кораномъ дикому и грубому обычаю гаремныхъ затворовъ.

Среднеазиатскія пѣсни и легенды еще благодарнѣе въ этомъ отношеніи. Будучи эхомъ прошлаго до-мусульманскаго періода, онѣ рисуютъ намъ женщину въ свѣтломъ ореолѣ красоты и нравственной силы. Женщина является въ нихъ благотворнымъ, а иногда пагубнымъ элементомъ, единственно благодаря душевной прелести и красотѣ, данной ей природою, какою она представляется въ возрѣвнѣяхъ культурныхъ народовъ Запада.

По всей Азіи ходитъ легенда о красавицѣ Узунъ-чашъ, ея служанкѣ-карлицѣ и Карâ-джигитѣ, черномъ наѣздникѣ. Черный, какъ мракъ ночи, и страшный, какъ сама смерть, разѣзжаетъ Карâ-джигитъ изъ страны въ страну, принося съ собою бѣдствія и гибель. Трава сохнетъ подъ копытомъ его коня; дерзающіе съ нимъ бороться падаютъ въ мукахъ предсмертной агоніи... Въ сказочномъ ханствѣ идетъ веселый пиръ. Стонетъ флейта, тонко поетъ зурна подъ акомпаниментъ барабана. Молодежь джигитуетъ. Впереди всѣхъ дочь царя, красавица Узунъ-чашъ, лихая наѣздница. Удалые всадники гонятся за нею: кто сумѣетъ догнать ее, получить въ награду поцѣлуй царевны. Но нѣтъ такого счастливца: всѣ далеко сзади нея... Вдругъ въ толпѣ, беззаботно смотрящей на веселое состязаніе, появляется Карâ-джигитъ. Онъ быстро скачетъ за царевной, настигаетъ ее, и между ними завязывается борьба. Нѣтъ спасенія красавицѣ царевнѣ, черный рыцарь на ворономъ

¹⁾ The spirit of Islam by syed-Amer-Ali, London, 1891, стр. 316—365.

конѣ одолѣваетъ ее, она должна погибнуть въ его страшныхъ объятіяхъ. Но на подмогу является карлица, вѣрная рабыня царевны, маленькая Гюльзумъ, привязанная къ своей повелительницѣ съ нѣжностью сестры и преданностью собаки. Она бросается на чернаго всадника, и на глазахъ у толпы свершается чудо: онъ падаетъ побѣжденный, а маленькая Гюльзумъ въ видѣ бѣлой голубки улетаетъ съ грѣшной земли къ свѣтлому престолу могучаго Аллаха, свершивъ свое назначеніе.

Какъ рѣзко противорѣчитъ эта глубокая по мысли легенда, представляющая зло побѣжденнымъ чистотою и невинностью, олицетвореніемъ которой является преданная женская душа, съ общимъ воззрѣніемъ мухамеданства на женщину, какъ гаремную пустую игрушку, не болѣе!

Извѣстная мусульманская легенда о женскомъ ханствѣ, имѣющая цѣлью показать назначеніе женщины быть царицей у домашнего очага, а не на тронѣ, также даетъ намъ много своеобразныхъ женскихъ типовъ и оригинальныхъ женскихъ характеровъ, такъ не похожихъ на неразвитыхъ и отупѣвшихъ отъ бездѣлья мусульманокъ современныхъ восточныхъ гаремовъ.

Женскіе образы многихъ восточныхъ легендъ то величавые, то нѣжные, то полные душевной чистоты, то блистающіе нравственной мощью, невольно напоминаютъ собою поэтическія фигуры героинь несравненной эпопеи древняго Ирана «Шахъ-намѣ»¹⁾, несомнѣнно повліявшей на легенды и сказки мусульманскаго Востока.

Словомъ, женщины мусульманской дѣйствительности, не играющія почти никакой роли въ жизни мужскаго населенія Востока, въ силу корана и обычая, и мусульманской легенды, въ которой женщина зачастую представляется интересною героинею,—являются двумя рѣзкими крайностями, подтверждающими ранѣе высказанный взглядъ на наносный элементъ, коренящійся въ исламѣ, не успѣвшемъ и не сумѣвшемъ пересоздать тѣ или иныя воззрѣнія и понятія своихъ послѣдователей.

Апогей преклоненія народовъ Востока предъ всемогущими чарами женской красоты и прелести мы находимъ въ любопытной арабской легендѣ, слѣды которой, въ разныхъ вариантахъ, можно найти и въ комментаріяхъ къ корану²⁾, изображающей красоту женщины непобѣдимою силою міра.

По словамъ этой оригинальной саги, шайтанъ, или сатана, желая отмстить небу за свое паденіе, за изгнаніе изъ сонма свѣтлыхъ ангеловъ, среди которыхъ онъ прежде жилъ, не могъ придумать другого болѣе дѣйствительнаго средства, какъ всеильное обаяніе красоты и молодости, столь неотразимое, что предъ нимъ не устояли

¹⁾ Les femmes dans l'épopée iranienne par le baron d'Avril, Paris, 1889.

²⁾ Les légendes de la Perse, par Ed. Montagne, Paris, 1890.

даже чистые и мудрые ангелы, посланные Аллахомъ на землю для водворенія правды между людьми.

Легенда эта встрѣчается также и въ устномъ народномъ пересказѣ, придающемъ ей, между прочимъ, и тотъ глубокий нравственный смыслъ, что людямъ слѣдуетъ меньше полагаться на свои собственные силы, если даже ангелы,—въ своеобразномъ понятіи мусульманъ, конечно,—не могли устоять предъ соблазномъ грѣха.

Помимо всего остального, упомянутая легенда интересна еще и въ томъ отношеніи, что въ ней встрѣчается много библейскихъ событій и именъ, въ особомъ характерномъ колоритѣ, показывающихъ, какъ много черпалъ исламъ изъ священныхъ книгъ Ветхаго Завета, прибавимъ кстатѣ, и Новаго, имѣвшаго несомнѣнное, но, къ сожалѣнію, непродолжительное вліяніе на автора корана.

Мы приводимъ здѣсь эту характерную легенду въ томъ видѣ, въ какомъ намъ удалось ее слышать отъ крымскихъ и кавказскихъ мусульманъ, передающихъ ее почти въ совершенно одинаковой редакціи съ незначительными вариантами, касающимися главнымъ образомъ мѣстности, въ которой жилъ Сахебъ съ семьєю, одинъ изъ героев драмы.

I.

По мусульманскимъ преданіямъ міръ былъ населенъ сначала дивами, или джиннами, существами на подобіе ангеловъ, съ тѣломъ, созданнымъ изъ огня и свѣта. Аллахъ далъ имъ власть надъ вселенной, и они были владыками земли въ теченіе семидесяти вѣковъ, до того времени, пока за упорное непослушаніе его велѣніямъ ихъ не смѣнили пери, за двѣ тысячи лѣтъ до появленія человѣка. Они не были ни ангелами, ни демонами, но созданіями смертными, доступными страданіямъ. Одинъ изъ нихъ, однако, одаренный болѣе тонкой и возвышенной натурой, сравнялся съ ангелами, достигъ безсмертія и былъ сдѣланъ Аллахомъ главой надъ пери. Онъ назывался Харетъ, правитель, хранитель. Пери были также непокорны небу, какъ и дивы. Не разъ посылались имъ свыше наказанія, но напрасно: они не исправлялись. Тогда Аллахъ приказалъ Харету усмирить ихъ. Пери для борьбы съ нимъ соединились съ разсѣянными по землѣ, лишенными прежней власти, дивами. Побѣда осталась за Харетомъ. Но и онъ не былъ лучше побѣжденныхъ, и гордость и высокомеріе его не знали границъ.

— Кто можетъ равняться со мною? — говорилъ онъ. — Когда я хочу, я поднимаюсь на небо, а когда опускаюсь на землю, она покорно лежитъ у ногъ моихъ.

Такая гордость возмутила Аллаха.

— Сыны огня непокорны мнѣ, — сказалъ онъ: — создадимъ человѣка!

И появился въ мірѣ человѣкъ...

— Харетъ, — возгласилъ Аллахъ, — ты оскорбилъ меня: лишаю тебя власти! Вотъ твой властелинъ.

— Нѣтъ, я не потерплю униженія, я буду бороться! У меня легіоны рабовъ моихъ, даже среди твоихъ ангеловъ.

— Смирись!

— Нѣтъ!

— Смирись, раскайся!

— Нѣтъ!

— Такъ будь же проклятъ!

Отвергнутый Аллахомъ, лишенный власти надъ міромъ, низверженный въ прахъ, прежній ангелъ уже не былъ болѣе Харетъ, властелинъ, онъ сталъ съ этихъ поръ шайтанъ клеветникъ, зблизъ — сатана.

Затаивъ мщеніе и проклиная вселенную, онъ удалился, полный злобы, съ покорными ему джиннами, ставшими съ тѣхъ поръ демонами, на ту отдаленную отъ земли блестящую звѣзду, которая на Западѣ слыветъ подъ названіемъ Люцифера, а на Востокѣ носитъ названіе Зохары, являясь въ то же время въ представленіи обоихъ міровъ олицетвореніемъ самого царя тьмы, которому, по суевѣрному сказанію, она стала трономъ.

Люди оказались, однако же, не лучше пери и дивовъ. Первый человѣкъ былъ выгнанъ изъ рая. Кабилъ ¹⁾ убилъ Хабила ²⁾. Кровь обагрила землю. Страсти, борьба, злодѣянія, преступленія наполнили землю.

Часъ возмездія насталъ. Аллахъ отвратилъ свой взоръ отъ людей, наступила тишина по всему лицу земли, и ангелъ Сорофайлъ прочелъ громкимъ голосомъ слова грознаго повелѣнія, начертаннаго огненными буквами на безконечномъ жемчужномъ свиткѣ, ниспадающемъ съ седьмого неба, и вотъ рѣки и источники вышли изъ береговъ, ключи заклокотали въ своихъ нѣдрахъ, облака окутали небосклонъ, и воды покрыли землю и потопами въ себѣ непокорныхъ потомковъ Кабиля. Одного только благочестиваго Нуха ³⁾ съ семействомъ пощадилъ страшный гнѣвъ Аллаха.

Но исправился ли родъ людской послѣ столь ужаснаго наказанія? Ницуть! Едва человѣкъ почувствовалъ землю подъ ногами, какъ продолжалъ жить попрежнему. Прежняя гордость обуяла его, и вотъ все выше и выше, все смѣлѣе и смѣлѣе стала подниматься отъ земли гигантская башня, которую стали воздвигать смертные, какъ видимый знакъ своего единенія, намѣреваясь въ безумствѣ своемъ упереть ее въ небо.

¹⁾ Каинъ.

²⁾ Авель.

³⁾ Ной.

Но что может человекъ противъ Аллаха?

Часть водъ Тигра и Евфрата была искусно удалена изъ своего ложа. Цѣлый лѣсъ гнутыхъ столбовъ изъ кедроваго дерева, соединенныхъ прямыми перекладинами изъ сосны и мастики, укрѣпленныхъ желѣзными скобами, быстро разростался, образуя многоэтажную башню, Барсъ Нилугудъ, и стройные своды этой чудовищной пирамиды, Бабель, уже терялись въ облакахъ поднебесья, какъ вдругъ поднялся страшный ураганъ, который разогналъ строителей, разбѣжавшихся во всѣ концы земли, оставившихъ неконченной свою гордую затѣю.

Но люди въ гордомъ безумствѣ своемъ все не слушались велѣній свыше, и вотъ Аллахъ созвалъ своихъ ангеловъ и сказалъ имъ:

— Я раскаиваюсь, что создалъ дивовъ и пери. Я жалѣю, что создалъ родъ людской, забывшій Бога. Но я все еще жалѣю человека и не хочу его погубить. Я рѣшилъ послать къ нему пророковъ, чтобы спасти его. Выберите же изъ васъ двухъ наиболѣе праведныхъ и достойныхъ, и я пошлю ихъ на землю, и они будутъ опорой и прибѣжищемъ для идущихъ по стезѣ добра и правды и судомъ и наказаніемъ для тѣхъ, кто забылъ Бога...

И ангелы избрали изъ своей среды двухъ небесныхъ судей надъ людьми—Хорута и Морута.

И вотъ, когда Аллахъ отправилъ ихъ на землю, сатана увидѣлъ ихъ съ той отдаленной звѣзды, на которой возвышался его мрачный престоль. Онъ видѣлъ, какъ они стремительно пронеслись мимо него съ высоты седьмаго неба, разсѣкая, какъ двѣ пламенные стрѣлы, необъятныя пространства безграничнаго эира.

Презрительная улыбка мелькнула на устахъ царя тьмы. Онъ предсталъ предъ Аллахомъ и гордо сказалъ ему:

— Неужели человекъ достоинъ большаго снисхожденія, чѣмъ ангель? Я одинъ только разъ не исполнилъ твоей воли, и ты отвергъ меня. О, не думай, что я прошу прощенія, что я жажду прикоснуться къ чашѣ милосердія, — нѣтъ, скажи мнѣ только, справедливо ли, чтобы эти жалкія существа, называющіяся людьми, которыя много разъ оскорбили тебя своимъ непослупаніемъ, достойны были на каждомъ шагу, при каждомъ новомъ паденіи, встрѣчать опору, чтобы снова подняться и сдѣлаться обладателями блаженства, котораго я навсегда лишень... Ты послалъ теперь къ нимъ ангеловъ, но дай мнѣ ихъ на испытаніе, и я покажу тебѣ, что Хорутъ и Морутъ безсильны предъ соблазномъ, также безсильны, какъ и родъ людской, который судить ты ихъ посылаешь.

И Аллахъ позволилъ испытать Хорута и Морута въ надеждѣ, что они восторжествуютъ.

Эблисъ вернулся на свою звѣзду, созвалъ демоновъ, объявилъ имъ, что улетаетъ на землю, и назначилъ одного изъ нихъ управлять его царствомъ во время его отсутствія.

Затѣмъ, распустивъ свои черныя крылья во всю ихъ ширину, онъ, какъ пловецъ, бросающійся въ воду, съ одного размаха низвергнулся въ пространство и ринулся въ безконечный океанъ міровъ, кометъ и свѣтилъ, наполняющихъ вселенную.

Когда онъ спустился на землю, Симъ, Хамъ и Іафетъ жили еще, также какъ и ихъ отецъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности святыню преданія, а Хорутъ и Морутъ, небесные судьи надъ людьми, ходили, подъ видомъ странниковъ, по землѣ, награждая праведныхъ, наказуя злыхъ и поучая людей глаголамъ Аллаха.

II.

Въ счастливой Аравіи, въ Іеменѣ, жилъ въ ту отдаленную эпоху младенчества міра, въ которую переноситъ насъ восточная легенда, арабъ, по имени Сахебъ, изъ племени Кахтана, сына пророка Худа, правнука Сима, племени давно исчезнувшаго, вытѣсненнаго повсюду изъ Аравіи потомствомъ Измаила, сына Авраама и Агари. Происходя изъ знатнаго рода, имѣя отцомъ Хеміара, сына самаго славнаго Кахтана, Сахебъ могъ бы, на подобіе братьевъ своихъ (которымъ Аллахъ предоставилъ Аравію въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ), быть также, какъ и они, владыкой Іемена; но, не чувствуя къ тому призванія, жилъ въ простотѣ и уединеніи, предаваясь въ мысляхъ Богу, сотворившему вселенную, и благоговѣя предъ небеснымъ промысломъ. Онъ страшился бурнаго потока жизни, въ которомъ протекали дни его братьевъ, и удалился съ женой и матерью подальше отъ кипучей дѣятельности, въ самый отдаленный пунктъ берега Бабъ-Эль-Мандеба. Невдалекъ отъ моря раскинулъ онъ свою палатку, на равнинѣ, гдѣ потомъ хеміариты выстроили торговый городъ Моку.

Сахебъ обладалъ слабымъ здоровьемъ и, хотя далеко не былъ старикомъ, имѣлъ старческій видъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ, задумчивъ. Осанка его была проста, а глаза выражали благородство души, доброту и смиреніе предъ судьбой.

Полною противоположностью ему была жена его.

Красавица Азиза была горда и своенравна, что происходило, вѣроятно, отъ невольнаго признанія своей чарующей прелести и обаянія. Стройная, какъ кипарисъ, и проворная, какъ газель, которую такъ воспѣли поэты Востока, она приковывала къ себѣ вниманіе каждымъ движеніемъ гибкаго стана, каждымъ поворотомъ дивной головки, обрамленной черными, какъ уголь, густыми косами. Когда она говорила, бѣлые, какъ снѣгъ Ливана, зубы виднѣлись между пурпурныхъ, какъ роза, устъ, которые могли свести съ ума смертнаго, когда складывались въ улыбку. Одни только глаза, то темно-синіе, то почти черные, большіе, красивые, блестящіе глаза,

свѣтились иногда какимъ-то особеннымъ, страннымъ, горделивымъ блескомъ, придавая, впрочемъ, лицу чудной аравитянки особую, несказанную привлекательность.

Откуда была эта женщина? Изъ земли Нодъ, на востокъ отъ Эдема, или изъ племени, живущаго на западъ? Происходила ли она отъ кого нибудь изъ каинитовъ, спасшихся, въ числѣ немногихъ, на горѣ Кафъ отъ потопа, каинитовъ, въ жилахъ которыхъ текла кипучая кровь героевъ и гигантовъ, смѣшанная съ природою ангеловъ? Никто не зналъ этого. Какой-то купецъ привелъ ее изъ-за Евфрата и продалъ вождямъ хеміаритовъ, стоявшимъ тогда у пастбищъ Ашура. Сахебъ, мечтавшій уже тогда покинуть братьевъ, выкупилъ ее и женился на ней, чтобъ сдѣлать изъ нея себѣ по-другу въ своемъ добровольномъ уединеніи.

Но его надежды не сбылись: онъ не нашелъ въ ней того, чего искалъ. Какая-то странная, необъяснимая неприязнь воцарялась между ними. Тихой, задумчивой натурѣ Сахеба были, можетъ быть, непонятны горделивые порывы Азизы, онъ не могъ, можетъ быть, привыкнуть къ ея пылкости и порывистости, или его пугалъ странный, трудно выносимый, какой-то зловѣщій огонь, которымъ, какъ мы сказали, загорался подчасъ ея чудный взоръ,—трудно сказать. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ мѣсяцемъ неприязнь между ними, отчужденность росла. Точно что-то непонятное все болѣе и болѣе отвращало Сахеба отъ красавицы Азизы, точно какое-то непреодолимое препятствіе легло между ними и увеличивалось, увеличивалось, переходя подчасъ въ затаенную взаимную вражду и ненависть. Мать Сахеба Сарра не разъ упрекала сына въ охлажденіи къ женѣ, которую, хотя тоже не любила, но, какъ женщина, жалѣла. Однако все было напрасно.

III.

Былъ лѣтній вечеръ. Солнце, словно громадный золотой шаръ, медленно заходило, освѣщая землю косыми лучами и отражаясь въ хрустальной поверхности пролива.

Медленно подходили къ шатру Сахеба два путника.

Сахебъ, сидѣвшій на порогѣ палатки рядомъ съ Саррой и Азизой, не успѣлъ подняться имъ на встрѣчу, какъ они стояли уже передъ нимъ.

— Здѣсь жилище Сахеба, сына Хеміара? — спросилъ одинъ изъ нихъ.

— Здѣсь, господинъ мой, и да низойдетъ благословеніе небесъ на главы посланныхъ мнѣ Богомъ гостей моихъ,—отвѣчалъ Сахебъ, почтительно привѣтствуя пришельцевъ.

— Все сущее на землѣ послано въ міръ Аллахомъ; всѣ живущіе праведно, равны предъ нимъ. Всякій, исполненный добрыми намѣ-

реніями, достоинъ любви и уваженія ближняго... Меня зовутъ Хезарь,—сказалъ путникъ,—а его Джерахъ,—и онъ указалъ на своего товарища.

— Да позволено будетъ Сахебу принять гостей по всѣмъ правиламъ гостепріимства,—и Сахебъ захлопалъ, по восточному обычаю, въ ладоши, призывая слугъ. На звукъ этотъ вышли изъ палатки два раба.

— Скорѣй принесите воды, Кафторъ и Шусхимъ; прежде всего надо омыть ноги странниковъ. Можетъ быть, это говоритъ во мнѣ гордость,—продолжалъ онъ, когда слуги принесли тазъ съ чистою водою и тончайшій кусокъ полотна,—но я хочу исполнить самъ этотъ священный обычай и не уступлю удовольствія совершить его ни моей матери, ни женѣ.

Сарра добродушной старческой улыбкой одобрила сына. Выраженіе Азизы было надменно и холодно-неподвижно.

Это выраженіе не укрылось отъ пронизательныхъ глазъ странниковъ, и пока сынъ Хеміара, усадивъ гостей на большой камень предъ палаткой и почтительно склонившись предъ ними, исполнялъ древній священный обычай омовенія ногъ, пришельцы пристально смотрѣли на Азизу, остававшуюся неподвижной, какъ статуя, на прежнемъ мѣстѣ, на порогѣ шатра.

— Это жена твоя? — спросилъ Хезарь.

— Да, господинъ мой.

— Зачѣмъ ты зовешь меня господиномъ? Развѣ я не сказалъ, что меня зовутъ Хезарь, а его Джерахъ?

— Да, также какъ двухъ изъ сыновей Кахтана,—тихо замѣтилъ Сахебъ.

— Всѣ люди, также какъ и ангелы, славятъ одного господина повелителя, Творца неба и земли, людей и ангеловъ,—заключилъ свою мысль Хезарь.

Его многозначительный тонъ, свѣтлое выраженіе лица, проникновенный взоръ — все говорило, что предъ Сахебомъ не простые странники. Онъ понималъ, что съ нимъ говоритъ просвѣтленный небомъ пророкъ, праведникъ, существо высшаго порядка, также какъ и его спутникъ.

— Но развѣ, — замѣтилъ онъ, — нельзя назвать господиномъ избранника Божія?

— Если бы люди были послушны велѣніямъ небесъ, имъ не надо было бы посылать провозвѣстниковъ высшей воли, слава которыхъ не принадлежитъ имъ, а пославшему ихъ Элохому,—замѣтилъ какъ бы про себя Джерахъ.

— О, какъ это справедливо! — воскликнулъ Сахебъ, кончивъ оmyвать ноги своимъ гостямъ. Онъ искоса бросалъ взглядъ на Азизу и потомъ перевелъ его на раба, державшаго наготовѣ свернутое полотенце, какъ бы прося жену взять его изъ рукъ Шу-

схема и самой подать его мужу, чтобы, хоть этимъ, принять участіе въ чествованіи дорогихъ гостей. Но Азиза не видѣла, или не хотѣла видѣть, взгляда мужа и оставалась попрежнему неподвижной, какъ бы не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходитъ предъ ея глазами.

Эта нѣмая сцена была замѣчена, однако, пришельцами.

— Жена не повинуется мужу?!—съ удивленіемъ, почти въ одинъ голосъ воскликнули они, обращаясь на этотъ разъ уже прямо къ Азизѣ.

— Развѣ онъ мужъ мнѣ? — былъ отвѣтъ молодой женщины.

— Слышишь? — спросилъ Джерахъ, смотря съ удивленіемъ на Сахеба.

— Я уже сказалъ, что это моя жена, — возразилъ тотъ: — повторяю еще разъ, что она жена мнѣ, — и онъ приложилъ руку къ сердцу, какъ бы желая тѣмъ подтвердить истину своихъ словъ.

— По названію, можетъ быть, — сухо замѣтила красавица.

— Что это значитъ?

Румянецъ смущенія и досады покрылъ щеки Сахеба. Онъ хотѣлъ говорить, но Азиза не дала ему начать.

— Странники! — сказала она, вставая съ своего мѣста у порога и выступая впередъ, — странники, я не назову васъ моими господами, такъ какъ это названіе вамъ не нравится, и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ вы правы, отказываясь отъ него. Я не хочу знать, кто вы, простые ли смертные, или ангелы, прилетѣвшіе къ намъ отъ престола Элохома, мнѣ все равно: знайте напередъ, что, если бы это было и такъ, я никогда не чувствовала бы къ вамъ большаго уваженія, чѣмъ къ первому слабому сыну грѣшной земли, чтущему Творца и оберегающему въ душѣ законъ его.

И она обвела незнакомцевъ гордымъ вызывающимъ взглядомъ.

Они молча переглянулись. Какъ странно звучали эти слова! Какъ смущало ихъ, съ перваго же взгляда, и въ то же время неотразимо привлекало своей властной красотой это странное существо.

Смутная тревога уже стала овладѣвать ими.

— Ты жалуешься на мужа? — спросилъ ее тотъ, который назывался Хезаромъ.

— Какъ могу я жаловаться на мужа, когда его нѣтъ у меня, когда мужъ — врагъ мнѣ?

— Говори всю правду, объясни намъ все! — сказалъ Джерахъ.

— Не теперь, послѣ, — возразила аравитянка. — Теперь позвольте же и мнѣ исполнить долгъ гостепріимства.

И она быстро порхнула въ палатку, откуда вернулась спустя минуту съ сосудомъ молока и подносомъ свѣжихъ финиковъ.

Она проворно поставила угощенье между странниками, продолжавшими сидѣть на камнѣ.

Вся эта сцена произошла такъ быстро и неожиданно, что Сахебъ и Сарра стояли неподвижные отъ удивленія, молча переглядываясь.

— А теперь, о Хезаръ и Джерахъ,—продолжала Азиза, и на губахъ ея заиграла дивная улыбка, отъ которой все лицо красавицы исполнилось неотразимой, чарующей прелести,—позвольте мнѣ называть васъ моими господами и повелителями, такъ какъ я подчиняюсь напередъ вашему суду, какъ двухъ истинныхъ посланниковъ неба.

— Мы слушаемъ,—быль отвѣтъ.

— Ваша рабыня не ошибается,—заговорила Азиза тихимъ голосомъ, опустивъ глаза и прижавъ руку къ пышной груди, какъ бы желая сдерживать биеіе сердца,—что Творецъ вселенной, создавъ женщину, повелѣлъ мужу прилѣпиться всѣмъ сердцемъ къ данной ему отнынѣ подругѣ, такъ какъ они составляютъ едину плоть?

— Именно такъ говоритъ преданье,—подтвердилъ Хезаръ.

— Не сказалъ ли Элохомъ Адаму и Евѣ ранѣе, чѣмъ изгнать ихъ изъ Эдема: идите, наполняйте землю, плодитесь и множитесь!

— Именно,—замѣтилъ Джерахъ.

— Если, взявши жену и проживъ съ ней недѣлю въ согласіи, ее, неизвѣстно почему, отдалаютъ отъ себя и презираютъ, то не оскорбляется ли этимъ божескій законъ?—спросила красавица со всѣмъ тихо.

— Кто же можетъ сомнѣваться въ этомъ?!—воскликнули Хезаръ и Джерахъ въ одинъ голосъ.

— Не мной оскорбленъ законъ,—промолвила, помолчавъ, Азиза.

— Твоимъ мужемъ?

— Пусть онъ самъ отвѣтитъ вамъ. Я достаточно сказала, я молчу,—и красавица отвернулась въ сторону, а на губахъ ея появилась та полная яда и невыразимой, сатанинской гордости, улыбка, которая искажала по временамъ ея чудныя черты.

Странники испытующимъ окомъ молча смотрѣли на Сахеба и Сарру. Сарра была невыразимо смущена, непривычная краска покрывала ея старческія щеки. Сахебъ растерянно смотрѣлъ на своихъ неожиданныхъ судей, не зная, что сказать, и не смѣя нарушить молчанья. Онъ чувствовалъ, какъ блѣднѣетъ, какъ постепенно теряетъ самообладаніе подъ проникающимъ въ глубину души взглядомъ двухъ странныхъ людей, неожиданный приходъ которыхъ нарушилъ миръ и тишину его уединенной жизни, хотя бы только наружные, и разбередилъ рану его сердца, которую онъ такъ упорно скрывалъ отъ постороннихъ глазъ.

— Что можешь ты сказать въ свою очередь? — послышался строгій вопросъ.

— Ничего,—пролепеталъ Сахебъ.

— Зачѣмъ ты удалился въ пустыню?—спросилъ Хезаръ.

— Чтобъ приблизиться къ тому, кого надо любить больше всего и всѣхъ...

— Для чего искать Элохома въ пустынь? Аллахъ вездѣ и всюду! Если его рабы будутъ убѣгать отъ міра, то гдѣ же борьба, въ чемъ же преданность? Зачѣмъ взять ты жену, если такъ скоро отвергнуль ее?

— Правда,—невольнo вырвалось изъ устъ Сарры.

— Имѣешь ты чтонибудь и противъ этой женщины?—спросилъ Хезарь, обращаясь къ Сахебу.

— Я ее прощаю...

— Итакъ, чего ты желаешь,—развода, чтобы выйти замужъ за другого?—спросилъ онъ у Азизы.

— О, нѣтъ... Я была рабою, онъ возвысилъ меня до себя, и я никогда не забуду благодаренія...

— Чего-жъ ты хочешь?

— Чтобы онъ отвезъ меня обратно къ купцу, который меня продалъ, или пусть обращается со мной, какъ прежде, какъ подобаешь супругу, чтобы мнѣ не ставили люди въ упрекъ его презрѣнья, точно я во всемъ виновата...

— Что ты на это скажешь?—спросилъ Джерахъ у Сахеба.

— Чего она требуетъ!—воскликнулъ Сахейбъ,—могу ли я, научивъ ее вѣрѣ въ единого Аллаха, отпустить ее, чтобы она опять стала язычницей? Могу ли я отдать ее купцу, сдѣлать жену мою, какова бы она ни была, опять рабою?!

— Тогда не отвергай ее, живи съ ней, какъ подобаешь—сказалъ Хезарь, но въ тонѣ его приказанія слышалось колебаніе, словно онъ говорилъ его нехотя, думая о чемъ-то другомъ, желая чего-то другого.

— Да, подумай объ этомъ. Это дѣло твоей совѣсти,—добавилъ Джерахъ тоже какъ-то нерѣшительно, не сводя глазъ съ красавицы, жадно внимавшей ихъ разговору.

— Моя совѣсть чиста, господинъ мой,—воскликнулъ Сахейбъ:—видитъ Богъ, что я не презираю Азизу.

— Ты ее любишь?

— Зачѣмъ бы мнѣ было брать ее въ жены, если бы я не любилъ ее?

— Но что значить твоя холодность?

— О господинъ,—и въ голосѣ Сахеба послышалось глубокое страданье,—зачѣмъ принуждаешь ты меня открывать предъ тобою тайну моего сердца, которую я отъ всѣхъ скрываю? Зачѣмъ хочешь ты, чтобы я признался здѣсь, что духъ гордыни, духъ вражды царить надъ душой Азизы и заставляетъ меня страшиться ея, ея надменныхъ безопасныхъ рѣчей, ея презрѣнія къ ближнимъ, ея вызововъ, которые нерѣдко посылаетъ она самому небу? Я до сихъ поръ не могъ даже допытать у нея, откуда она родомъ—изъ бродячихъ ли племенъ ханаанскихъ, расцѣянныхъ отъ моря до горы, отъ Сидона до Шебоима и Лехера, изъ неукротимаго потомства

Анака, соединившагося съ послѣдними изъ оставшихся на землѣ дивовъ и гигантовъ,—не знаю... Когда-то, недолго, правда, она была другою, но теперь я не узнаю ее, я не понимаю, что овладѣло ею, точно царь тьмы,—да будетъ онъ проклят!—вселился въ ея душу!..

— Но изъ чего же это видно?

— Да ужъ изъ одного того, что она посмѣла обвинить мужа,—произнесъ добродушный сынъ Хеміара, собравъ всю свою энергію, чтобы дать такой рѣшительный отвѣтъ, столь несвойственный его мягкой, уступчивой натурѣ.

— Требовать справедливаго не значитъ быть одержимымъ духомъ гордыни и вражды,—возразилъ Джерахъ.—И это все?

— Нѣтъ, есть еще,—заговорилъ Сахебъ нерѣшительно, точно боясь чего-то:—есть еще... Она,—и онъ повелъ глазами на жену,—не Азиза, это я называю ее такъ, она зоветъ себя Зохарой, она почему-то упорно зоветъ себя этимъ именемъ, названіемъ той прекрасной и блестящей звѣзды, которая сопровождаетъ восходъ и заходъ солнца... Сколько разъ я заставалъ ее ночью молча смотрящей подолгу на эту звѣзду, словно она молилась ей, забывая Творца и обожая звѣзды, точно язычница...

Едва упомянулъ Сахебъ имя Зохары, какъ незнакомцы вздрогнули и опять быстро переглянулись. На мгновенье въ ихъ взорѣ мелькнуло недовѣріе и даже угроза, но буря прошла также скоро, какъ налетѣла; на нихъ довѣрчиво и лукаво смотрѣли черные глаза красавицы Зохары (будемъ и мы такъ называть ее), и они не могли долго противиться ихъ обаянію.

— Зохарѣ нравится имя, которое она носить?—спросили они ее ласково.

— Почему бы не такъ?—отвѣтила она кокетливо.—Купецъ, воспитавшій меня, съ дѣтства называлъ меня Зохарой, такъ какъ говорилъ, что мои глаза также ярко свѣтятся, какъ эта звѣздочка, которую онъ такъ любилъ. Можетъ быть, онъ и былъ немножко правъ,—добавила она, лукаво улыбаясь и стыдливо опуская глаза.

— У Зохары не было другого имени?

— Не помню.

— И Зохара не могла даже сказать мужу, откуда она родомъ?

— Нѣтъ! Я помню только, словно сквозь сонъ, пустыню, красный огромный дискъ солнца на западѣ, медленно утопавшій въ ея пескахъ, я помню, какъ, съ появленіемъ луны и звѣздъ, ихъ чувствовали музыкой на барабанахъ, кимвалахъ и флейтахъ. О, съ какимъ наслажденіемъ любовалась я блескомъ, ихъ игрой на темной выси неба! Я не знала, что, восхищаясь ими, мы оскорбляемъ Творца вселенной, создавшаго ихъ...

— О, она сама выдаетъ себя!—воскликнулъ Сахебъ.—Я не ошибся, когда предчувствовалъ, что она изъ одного изъ языческихъ племенъ, блуждающихъ въ странѣ Набы, которыя смѣшали въ себѣ

кровь Кабиля съ сѣменемъ развратныхъ потомковъ Анака, которыхъ ни Сиеъ, ни Рохаивъ¹⁾ не могли стереть съ лица земли...

Пришельцы не дали ему кончить. Рѣзкимъ движеніемъ руки заставили они его умолкнуть.

— Довольно! Мы разсудимъ!—сказали они тономъ, не терпящимъ возраженій.

Солнце между тѣмъ скрылось за горизонтомъ, и наступила почти сразу темнота, какъ это всегда бываетъ на востокѣ, безъ промежутокка, безъ сумерекъ, словно ангелъ ночи задулъ ярко пылавшій весь день костеръ солнца и окуталъ міръ въ свои темныя ризы, устѣянные милліонами звѣздъ. Море тихо дремало, подернутое синеватою дымкой, словно брошенная среди песковъ длинная полоса прозрачнаго кристала, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражались и дробились безчисленные хороводы свѣтилъ.

Молча любовались незнакомцы чарами этой дивной весенней ночи, не отводя почти глазъ отъ чудной Зохары, задумчиво сидѣвшей противъ нихъ и смотрявшей вдаль. Порывъ невѣдомаго доселѣ чувства охватилъ незнакомцевъ, въ душѣ ихъ творилось что-то необычайное: спокойствіе духа неудержимо таяло подъ огнемъ глазъ красавицы, и земная, жгучая страсть прокрадывалась къ нимъ понемногу, неумоимо разрушая всѣ нравственныя преграды, всѣ чистые помыслы...

Вдругъ они оба сразу поднялись, точно испугавшись своихъ мыслей.

— На сегодняшнюю ночь мы твои гости, — сказала Джерахъ кладя покровительственно руку на плечо Сахеба, — но чтобъ это не причинило ни малѣйшаго безпокойства ни тебѣ, ни домашнимъ, мы проведемъ ночь въ первой части шатра²⁾. Не возражай, это будетъ лишнее. Ступай, прощай! До завтра!

Это было сказано такъ категорически, что оставалось повиноваться. Сахейбъ удалился во внутреннее отдѣленіе палатки въ сопровожденіи обѣихъ женщинъ, а незнакомцы, въ которыхъ читатели давно уже, конечно, узнали двухъ ангеловъ, посланныхъ Аллахомъ на землю, Харута и Морута, вошли въ переднюю часть шатра, называемую современными арабами рабха, гдѣ слуги приготовили для нихъ на ночь низкія деревянныя скамейки, старательно покрытыя коврами и кожами.

Все стихло. Наступила ночь.

¹⁾ Младшій братъ Сиеа, по мусульманскимъ преданіямъ.

²⁾ Восточная палатка, какъ это можно видѣть у бедуиновъ, дѣлится на три части: переднюю, первую отъ входа, играющую роль пріемной, среднюю, самую большую, гдѣ помѣщается хозяинъ съ семьей, и заднюю, нѣсколько меньше первой, соответствующую кухнѣ и кладовой, гдѣ помѣщаются слуги. Наружныя стѣны палатки и внутреннія перегородки дѣлаются обыкновенно изъ плотной своеобразной тканя, выработываемой изъ верблюжьего волоса.

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1894 г., т. LVII.

IV.

Средняя часть палатки, своего рода домашнее святилище, доступъ куда открытъ лишь для родныхъ и особенно почетныхъ посьтителей, была, въ свою очередь, раздѣлена на три небольшія части, отдѣленные другъ отъ друга и отъ передняго помѣщенія плотными занавѣсками изъ верблюжьей ткани, раздвигающимися на день. Въ отдѣленіи, занимавшемъ середину, крѣпко заснулъ Сахебъ, утомленный только что пережитыми волненіями, а по обѣимъ сторонамъ помѣщались женщины, Сарра и Зохара, каждая за своей перегородкой.

Быль поздній часъ ночи, когда вся природа вкушаетъ сладкій покой. Зохара, однако, не спала. Въ ея маленькомъ помѣщеніи все еще горѣлъ ночникъ. Неподвижно лежала она на мягкой тахтѣ съ широко открытыми глазами. Густыя косы ниспадали въ беспорядкѣ на мраморныя плечи, пышную грудь прикрывала лишь длинная бѣлая шелковая рубашка.

Она точно чего-то ждала.

Вдругъ послышался легкій шорохъ, занавѣсъ колыхнулась, и Хоруть и Моруть неожиданно предстали передъ нею.

Глаза ихъ горѣли той непобѣдимой, палящей страстью дѣтей земли, которая, разъ побѣдивъ сердце, влечетъ все дальше и дальше, не внимая укорамъ совѣсти.

— Ты хочешь,—сказалъ Хоруть шепотомъ,—чтобы тебя отдали купцу, который тебя продалъ, иди лучше къ намъ!—и онъ протянулъ къ ней свои могучія руки.

— Иди, иди за нами!—молилъ Моруть.—Мы завтра же заставимъ сдѣлать тебя свободной!..

И онъ прикоснулся къ ея роскошнымъ волосамъ.

— Назадъ руки!—проговорилъ глухимъ голосомъ Хоруть.

— Я дѣлаю то же, что и ты,—возразилъ насмѣшливо Моруть.

— О, Алла!—воскликнула Зохара, быстро приподнявшаяся съ своего ложа при появленіи странниковъ, но не выказавшая при этомъ ни страха, ни даже удивленія,—вы хотите оспаривать меня у мужа...

— Мы его и твои судьи, повинуйся намъ!—сказали ангелы.

— И вы не боитесь, какъ Сахебъ, что во мнѣ теперь бурная кровь Анака, смѣшанная съ кровью Каина?—спросила красавица, коварно улыбаясь.—Хватить ли у васъ золота, чтобъ меня выкупить у Сахеба?—прибавила она насмѣшливо.

— Ты хочешь золота?—воскликнули ангелы, громко засмѣявшись,—на, возьми!—и горы золотыхъ монетъ, жемчуга, изумрудовъ, сафировъ, брилліантовъ лежали у ногъ Зохары.

— Тише! Мужъ можетъ васъ услышать!—сказала она испуганно.

— Услышать? Смотри!

Безшумно, сама собой, раздвинулась занавѣска, отдѣлявшая помещеніе Сахеба, и Зохара увидѣла его на постели безъ малѣйшаго движенія, погруженнаго въ волшебный сонъ, такой глубокой, что онъ походилъ скорѣе на летаргію, чѣмъ на обыкновенный сонъ.

— Но, Сарра, слуги!

— Смотри!

Повторилось то же, занавѣси раздвинулись по мановенію руки Хорута и Морута, и глазамъ Зохары представилось прежнее зрѣлище: Сарра и слуги спали мертвымъ сномъ почти безъ признаковъ жизни.

— Но кто же вы, кто? скажите мнѣ, кто вы?— вскричала Зохара въ испугѣ.

— Ты не догадываешься?.. Но довольно! Иди за нами! Чего-жь ты медлишь?

— О, нѣтъ! Я ни за что не рѣшусь оставить мужа, пока онъ живъ, ни за что!

— А, когда такъ, такъ пусть же онъ умретъ!—воскликнули ангелы. Они бросились къ ложу Сахеба. Моруть сжалъ ему горло, Хоруть сдавилъ колѣномъ грудь. Все было кончено въ одно мгновеніе..

— О, зачѣмъ, зачѣмъ!?—вскричала Зохара.— Зачѣмъ вы убили, вы, которые движеніемъ руки могли сдѣлать его безвреднымъ?!

Хоруть и Моруть стояли потрясенные, взволнованные..

— Это все для тебя.. Изъ-за тебя мы будемъ прокляты, мы это знаемъ!— проговорили они въ смятеніи.

— Такъ ужъ кончайте заразъ, чтобы никто не могъ обвинить меня въ томъ, что случилось..

Въ слѣпомъ изступленіи, въ порывѣ дикой страсти, которая видитъ только одну цѣль — разбить всѣ преграды, отдѣляющія отъ желаннаго блаженства, они бросились на Сарру и слугъ и безжалостно убили ихъ также, какъ Сахеба.

Дыша гибелью, съ налившимися кровью глазами, съ волосами, вставшими дыбомъ, они вернулись къ Зохарѣ.

— Мы сдѣлали для тебя все, теперь ты свободна, теперь ты на вѣки принадлежишь намъ, какъ и мы тебѣ!..

— Нѣтъ, вы еще не все сдѣлали,— спокойно возразила красавица, насмѣшливо глядя на своихъ поклонниковъ.

— Прокляты! Что же еще?! Говори!.

— Я могу принадлежать только одному изъ васъ, я не хочу, чтобы меня упрекали, что у меня два мужа...

— Если такъ, выбирай,—закричалъ Хоруть.

— Выбирай же скорѣй, или я тебя убью!—повторилъ за нимъ Моруть.

— Я не боюсь васъ,—сказала Зохара,—напрасно вы хотите утратить меня!.. Мнѣ ли дѣлать выборъ между вами?

— Говори скорѣе, чего ты хочешь!

— Пусть рѣшитъ судьба,— сказала она тономъ зловѣщей ироніи и точно нечаянно выронила изъ сжатого кулака лѣвой руки игральныя кости.

— Пусть же кости насъ разсудятъ,— закричалъ Хоруть.— Намъ нѣтъ возврата, мы давно погибли! О, смѣйся надъ нами, торжествуй, твоя дьявольская красота погубила насъ! Начнемъ!— и онъ бросилъ кости.— Пять и четыре!

— Судьба тебѣ благопріятствуетъ и согласуется съ моимъ тайнымъ желаньемъ,— шепнула красавица.

— Намъ нѣтъ дѣла до твоего желанья,— закричалъ Моруть гнѣвно.— Ты должна подчиниться судьбѣ! Теперь моя очередь. Я возьму больше.

— Почему ты знаешь?— спросилъ его противникъ.— Или ты сплутуешь?

— Не твое дѣло, подавай кости, мой чередъ!

Хоруть долго трясъ ими въ пригоршнѣ и съ размаха выбросилъ ихъ на коверъ. Маленькіе кубики изъ слоновой кости тихонько подпрыгнули, ударившись о мягкія складки ковра, и, откатившись въ разныя стороны, легли неподвижно.

— Шесть и шесть! Я выигралъ!

— Ты сплutowалъ!— возразилъ Моруть задыхающимся отъ ярости голосомъ.

Они молча вскочили съ ковра, на которомъ сидѣли, и также молча разошлись въ противоположные углы палатки, готовясь къ поединку.

Мускулы на ихъ рукахъ и ногахъ вздулись, стиснутые зубы скрежетали, жилы на лбу натянулись, глаза метали искры.

Они бросились другъ на друга. Схватка была страшная: то одинъ, то другой уступалъ, пригибаясь къ землѣ подъ яростнымъ натискомъ противника, то одинъ, то другой содрогался, какъ стройный кипарисъ подъ порывомъ грознаго вихря, но ни одинъ изъ нихъ не падалъ побѣжденнымъ. Зохара, загадочно и злобно улыбаясь, молча наблюдала за ихъ борьбой, скрестивъ на груди руки и гордо откинувъ назадъ голову.

— Проклятіе!— воскликнули они,— ни одному изъ насъ не суждено пасть въ борьбѣ, ни одному изъ насъ не суждено погибнуть! Какъ рѣшимъ нашъ споръ?!

— Довольно, довольно!— воскликнула Зохара.— Ваша борьба напрасна: вы бессмертны также, какъ и я. Неужели не узнаете вы меня, Хоруть и Моруть, свѣтлые ангелы, поклонники небесъ, дивныя благовѣстники мира и любви, которые должны водворить на землѣ справедливость, согласіе и братство?.. Довольно! прекратите вашъ поединокъ, мнѣ жалъ васъ, ангелы, васъ, которые пришли соблазнять меня, и которыхъ я смутила. Васъ ждетъ наказа-

ніе, міръ опять въ моей власти!.. Прощайте, Хоруть и Моруть, и вспоминайте про меня, Эблиса, шайтана, змія, сатану, который сіяетъ міру съ высоты небесъ въ лучахъ Зохары!..

При этихъ словахъ Хоруть и Моруть въ ужасѣ отступили и упали на землю, безсиленные, смущенные...

.....
Они видѣли, какъ обольстительныя формы красавицы исчезали предъ ихъ глазами, словно таяли въ облакѣ, бѣлѣвшемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ за минуту предъ тѣмъ стояла Зохара. Крыша палатки раскрылась, и Хоруть и Моруть увидѣли небо, усыпанное звѣздами, по которому быстро летѣлъ сверкающій огненный метеоръ, направляясь къ звѣздѣ Зохарѣ.

Это былъ шайтанъ, возвращавшійся въ свое царство.

С. Уманецъ.

ИНОСТРАНЦЫ О ВОЙНѢ 1812 ГОДА.

ВЪ ОБШИРНОЙ, быстро увеличивающейся, Наполеоновской литературѣ особый интересъ представляютъ для насъ тѣ книги и журнальныя статьи, въ которыхъ говорится о войнѣ 1812 года. Въ послѣднее время появилось три замѣчательныхъ сочиненія по этому предмету на французскомъ и англійскомъ языкахъ, именно: «Переходъ черезъ Нѣманъ» Альбера Вандаля¹⁾, мемуары жены маршала Удино²⁾ и «Упадокъ и паденіе Наполеона» лорда Вольслея³⁾. Къ нимъ еще можно прибавить статьи итальянскаго публициста Медина о неизвѣстныхъ доселѣ письмахъ его соотечественниковъ, имѣвшихъ предметомъ войну 1812 года⁴⁾, и нѣмецкаго историка Густава Дамса⁵⁾—«Наполеонъ I въ Россіи»; хотя послѣдняя статья и напечатана въ прошедшемъ году, но, какъ составленная по недавно вышедшимъ историческимъ трудамъ и мемуарамъ о данной эпохѣ, можетъ служить фактическимъ подкрѣпленіемъ блестящаго очерка Вандаля. Оба эти автора затрогиваютъ новую сторону колоссальнаго предпріятія Наполеона, который похоро-

¹⁾ Le Passage du Niemen: I) L'Irruption, par Albert Vandal, «Revue des Deux Mondes», 15 juillet 1894; Le Passage du Niemen: II) L'Arrivée à Wilna et la dernière négociation, par le même, «Revue des Deux Mondes», 1 août 1894.

²⁾ Le Maréchal Oudino, duc de Reggio d'après les souvenirs inédits de la marche, par Gaston Stiegler, Paris, 1894.

³⁾ «The Decline and Fall of Napoleon», by lord Wolseley, «Pall Mall Magazine», january, 1894.

⁴⁾ Nuova Antologia, 1894, №№ 10, 12.

⁵⁾ Napoleon I in Russland, von Gustav Dahms, Westermann's Illustrierte Monatshefte, 1893, №№ 4—5.

нили подъ русскими сѣтями не только свою славу и могущество, но и величайшую, когда либо виданную армию, именно недостаточность продовольствія, болѣзни и разстройство внутренняго строя громаднаго, разношерстнаго войска, которыя также гибельно дѣйствовали на французовъ, какъ пресловутые морозы. Лордъ же Вольслей, о трудѣ котораго уже упоминалось въ «Историческихъ мелочахъ», видитъ главную причину неудачи героя столькихъ славныхъ походовъ въ томъ, что онъ постарѣлъ, утомился и страдалъ таинственнымъ недугомъ, о чемъ говорить и Дамсъ. Наконецъ герцогиня Реджіо, не вдаваясь ни въ какія теоретическія разсужденія, просто, рельефно рассказываетъ всѣ ужасы роковаго отступленія изъ Россіи остатковъ великой армии, при чемъ она лично присутствовала, отвозя раненнаго мужа изъ Вильны во Францію. Пользуясь этими матеріалами, мы постараемся набросать картину двухъ крайнихъ эпизодовъ исторической эпопеи, двухъ противоположныхъ переходовъ черезъ Нѣманъ и Березину, съ ихъ прямыми послѣдствіями, при чемъ, конечно, мы остановимся только на новыхъ данныхъ, оригинальныхъ взглядахъ и своеобразныхъ личныхъ воспоминаніяхъ.

I.

«10-го мая 1812 года Наполеонъ, по словамъ Вандаля, основавшаго свой мастерской разсказъ главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ въ военныхъ и дипломатическихъ архивахъ, а также на неизданныхъ мемуарахъ, между прочимъ, на воспоминаніяхъ генерала Лиотэ, тогда бывшаго артиллерійскимъ офицеромъ, и запискахъ одного изъ выдающихся лицъ императорскаго главнаго штаба, котораго онъ не называетъ по имени,—отправился изъ Парижа официально въ Дрезденъ и Варшаву, а тайно въ Москву. Подъ предлогомъ путешествія съ цѣлью визита королю Саксонскому и военной инспекціи, онъ въ сущности имѣлъ цѣлью принять начальство надъ громадной арміей, сформированной на сѣверѣ путемъ соединенія многихъ армій, и которая ждала только отъ него сигнала, чтобъ двинуться на Россію. Составленная изъ двадцати народовъ, изъ французовъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, швейцарцевъ, поляковъ, иллирійцевъ, испанцевъ и португальцевъ, она была великолѣпна и одушевлена военнымъ пыломъ; даже тѣ изъ союзниковъ Наполеона, которыхъ онъ насильно велъ за собою, подверглись общему увлеченію и гордились тѣмъ, что будутъ сражаться подъ начальствомъ такого главнокомандующаго. Во Франціи и во всѣхъ частяхъ его имперіи уныніе достигло апогея, иго давило всѣхъ, нищета росла, торговля прекратилась, чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ, голодъ свирѣпствовалъ въ двадцати про-

винціяхъ; кровавыя возстанія голодныхъ произошли въ Нормандіи; во всѣхъ ста тридцати департаментахъ легучія колонны жандармовъ преслѣдовали лицъ, отказывавшихся идти въ рекруты или платить подати, и производили безжалостную человѣческую травлю; со всѣхъ сторонъ среди официальнаго еиміама слышались глухой ропотъ истощенныхъ поколѣній и стоны матерей. Наполеонъ зналъ о существованіи этихъ золъ и не ослѣплялъ себя на счетъ ихъ серьезнаго значенія, но намѣревался уничтожить ихъ своимъ обычнымъ средствомъ противъ всѣхъ недуговъ — побѣдой. Онъ говорилъ себѣ, что однимъ быстрымъ ударомъ на сѣверѣ онъ подчинитъ себѣ Россію и, отнявъ всякую надежду у Англии на привлеченіе къ себѣ новыхъ союзниковъ, доведетъ до крайности своего стараго, доселѣ неуязвимаго врага; тогда, повелѣвая безраздѣльно всей Европой, неподвижной и покорной, онъ могъ бы распустить натянутые поводья, дать вздохнуть Франціи и всему міру, наконецъ, посвятивъ въ Парижѣ храмъ славы, создать на высотахъ Монмартра, по плану, уже предложенному на конкурсъ, — храмъ мира. Вотъ съ какими иллюзіями начиналъ Наполеонъ роковую войну 1812-го года, и потому естественно, что онъ не хотѣлъ слушать благоразумныхъ совѣтовъ своего посла въ Петербургѣ, генерала Коленкура, который грозилъ, что императоръ найдетъ въ Россіи вторую Испанію, болѣе страшную по своему безконечному пространству, желѣзному климату и рѣшимости государя отступать до глубины Азіи, но не соглашаться на безчестный миръ. «Пустьяки,—отвѣчалъ Наполеонъ на пророческія рѣчи Коленкура, продолжавшіяся въ одномъ случаѣ цѣлыхъ семь часовъ:—одно хорошее сраженіе, и вашъ другъ Александръ измѣнитъ своей прекрасной рѣшимости». Всѣ окружавшіе императора только поощряли этотъ оптимистическій взглядъ, и блестящая аристократическая молодежь, начинавшая наполнять главные штабы его армій и желавшая соперничать по славы съ плебейскими героями революціи, громко кричала, что русскій походъ будетъ шестимѣсячнымъ охотничьимъ пикникомъ, а благоразумнаго совѣтника Коленкура представляли въ живыхъ картинахъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ салонахъ, автоматомъ, котораго приводила въ движеніе рука «хромого кудесника», Талейрана. Наполеонъ до того увлекался своими иллюзіями, что, по замѣчанію Вандала, поддался хитрому обману Александра, который, не смотря на свое твердое желаніе войны и намѣреніе начать ее сюрпризомъ въ 1811 году, что ему не удалось по совершенно независившимъ отъ него обстоятельствамъ, дѣлалъ все, чтобъ разыграть прекрасную роль въ глазахъ Европы и возложить на соперника всю отвѣтственность разрыва, какъ ему и удалось не только въ глазахъ современниковъ, но и потомства впродолженіе восьмидесяти лѣтъ. Не видя въ политикѣ своего бывшаго союзника опредѣленнаго рѣшительнаго плана,

а напротивъ считая, что, постоянно уклоняясь отъ окончательныхъ мирныхъ переговоровъ или представляя невозможныя требованія, онъ обнаруживалъ свою обычную нерѣшительность, Наполеонъ только боялся, чтобъ русскіе его не предупредили, перенеся войну въ предѣлы Пруссіи, что разстроило бы всѣ его планы, осуществленіе которыхъ не могло начаться ранѣе конца мая, когда всѣ приготовленія къ походу будутъ окончены, и наступитъ благопріятное для него время года. Поэтому, чтобъ выиграть еще нѣсколько недѣль, онъ послалъ своего адъютанта, графа Нарбонна, къ Александру въ Вильну съ новыми мирными предложеніями, отказалъ въ выдачѣ паспортовъ русскому послу въ Парижѣ, князю Куракину, который потребовалъ ихъ по собственному почину, и самъ, путешествуя по Германіи съ пышностью азіатскаго властелина, остановился на двѣнадцать дней въ Дрезденѣ, гдѣ ждали его всѣ нѣмецкіе государи. Здѣсь не было конца банкетамъ, празднествамъ, торжественнымъ спектаклямъ, иллюминаціямъ и фейерверкамъ. «Они, должно быть, принимаютъ меня за дурака»,—сказалъ Наполеонъ, когда во время одного спектакля его глазамъ представилось солнце съ надписью: «менѣе велико и менѣе прекрасно, чѣмъ онъ». Но все-таки онъ продолжалъ пускать пыль въ глаза Европѣ этимъ зрѣлищемъ колѣнопреклоненныхъ передъ нимъ государей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ время заниматься всѣми мелочами подготавливавшагося похода, принимать присягу вѣрности Австріи и Пруссіи, а также организовать возстаніе поляковъ. Только когда онъ нашелъ, что все готово, императоръ прекратилъ своимъ неожиданнымъ отъѣздомъ «прекрасный, но слишкомъ скоро разсѣявшійся сонъ», по выраженію короля Саксонскаго.

За этой торжественной прелюдіей къ великой эпопеѣ начался ея лихорадочно-трудоуемой прологъ. Получивъ уклончивый, холодный отвѣтъ Александра на посольство Нарбонна и видя, что гдѣто быстро наступаетъ, Наполеонъ полетѣлъ, нигдѣ не останавливаясь, изъ Дрездена въ Познань, гдѣ поляки устроили ему самую восторженную встрѣчу, а оттуда подъ оффиціальнымъ предлогомъ отъѣзда въ Варшаву повернулъ налѣво и направился въ Торнъ. Тамъ онъ очутился уже въ центрѣ своей арміи, которая представляла непрерывную на разстояніи ста двадцати миль цѣпь въ четыреста тысячъ человекъ, девяносто двѣ тысячи лошадей и тысячу орудій и прежде чѣмъ двинуть эту массу на враговъ, ея геніальный главнокомандующій посвящаетъ себя всецѣло принятію необходимыхъ мѣръ для обезпеченія будущихъ побѣдъ. Онъ пододвигаетъ резервы, созываетъ отставшія дивизіи, пополняетъ всѣ недочеты въ рядахъ великой арміи, приказываетъ переложить изъ магазиновъ въ зарядные ящики, а изъ ящиковъ въ патронташи миллионы зарядовъ, которые были заготовлены во всѣхъ городахъ по Вислѣ. Всего болѣе занимаетъ его вопросъ о продовольствіи, и онъ видитъ въ

немъ главное затрудненіе, главную опасность. Поэтому онъ рѣшаетъ, что каждый корпусъ долженъ быть снабженъ съѣстными припасами на двадцать, или на двадцать пять дней, независимо отъ громадныхъ запасовъ хлѣба, сухарей и риса, которые слѣдовали за тыломъ арміи. Для достиженія этой цѣли начальникамъ корпусовъ предписано захватить въ занимаемой ими мѣстности всѣ имѣющіеся тамъ хлѣбные злаки и превратить ихъ въ муку. Съ удивительной энергіей и методичной аккуратностью самъ императоръ руководить этимъ дѣломъ и торопить его окончаніе. Въ двадцати мѣстахъ: въ Плоцкѣ, Модлинѣ, Варшавѣ и по всей линіи Вислы, мелятъ зерна по его распредѣленію и смолотую муку доставляютъ по корпусамъ. Для перевозки муки онъ прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ и даже изобрѣтаетъ новыя; онъ забираетъ лошадей тысячами, формируетъ баталіоны быковъ, собираетъ повозки всякаго рода и образуетъ громадную передвижную силу для слѣдованія за арміей. Въ началѣ іюня всѣ эти приготовленія, по видимому, окончены, или приближаются къ окончанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ страна, разстилающаяся за Нѣманомъ, уже покрыта высокою, густой растительностью, обещающей обильный фуражъ, а потому наступилъ часъ для открытія военныхъ дѣйствій. Наполеонъ добился своей цѣли: онъ все подготовилъ для войны, и русскіе ему ни въ чемъ не помѣшали. До сихъ поръ онъ сдерживалъ воинственный пылъ великой арміи, а теперь неожиданно спустилъ ее на врага и вмѣсто благоразумныхъ задержекъ сталъ всѣхъ торопить, всѣхъ двигать впередъ. Но все-таки онъ еще не объявляетъ войны, надѣясь застать врасплохъ русскихъ и, неожиданно перейдя Нѣманъ, близъ Гродно, отрѣзать армію Багратиона отъ арміи Витгенштейна и уничтожить ихъ по частямъ. Для этого онъ еще разъ посылаетъ графа Лористона въ Вильну для возобновленія мирныхъ переговоровъ, а самъ тайно приводитъ въ движеніе всю великую армію, лично осматривая гвардію передъ самымъ ея походомъ. Съ удовольствіемъ замѣчаетъ онъ бравую выправку своихъ солдатъ и энтузіазмъ, блестящій въ ихъ глазахъ; съ удовольствіемъ слышитъ восклицаніе одного артиллерійскаго полковника: «Ваше величество, можете съ такими войсками предпринять завоеваніе Индіи!». «Теперь,—разсказываетъ Вандаль,—онъ уже вполне отдается своимъ солдатскимъ инстинктамъ, такъ какъ онъ величайшій и пламеннѣйшій солдатъ, когда либо бывшій на землѣ. Онъ думаетъ и мечтаетъ только о побѣдахъ, самъ увлекается идеей вести въ бой такую массу войскъ, и однажды ночью дежурные офицеры слышали, какъ онъ, ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ, громко пѣлъ знаменитую строфу изъ революціаннаго гимна, подъ звуки котораго такъ часто французы одерживали побѣды,—«*Le chant du départ*»:

Et du nord au midi la trompette guerrière
 A sonné l'heure des combats,
 Tremblez, ennemies de la France)...

6-го іюня Наполеонъ выѣхалъ изъ Торна и, опередивъ свои войска, заѣхалъ въ Данцигъ для осмотра этого военного центра, хотя онъ и оставался за линіей наступательнаго движенія. Тамъ онъ встрѣтился съ Мюратомъ, котораго онъ вызвалъ для картиннаго украшенія будущихъ битвъ, но не желалъ смѣшиваться съ настоящими государями въ Дрезденѣ. Не только это обстоятельство, но и многія другія причины побудили Мюрата оказать холодный пріемъ своему зятю, но Наполеонъ, какъ всегда, быстро очаровалъ легкомысленнаго, добродушнаго героя. Вечеромъ, въ средѣ близкихъ ему лицъ, императоръ хвастался, что онъ ловко сыгралъ эту комедію, такъ какъ «съ этимъ итальянскимъ Pantaleone необходимо и посердиться и посентиментальничать». «Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — у него доброе сердце, и онъ любитъ меня больше своихъ лаццарони; когда онъ меня видитъ, онъ мой, но вдали отъ меня онъ, какъ человѣкъ безхарактерный, принадлежитъ всякому, кто ему льститъ. Онъ совершенно подъ башмакомъ жены, и эта честолюбивая женщина вбиваетъ ему въ голову всякіе пустяки; благодаря ей, онъ мечтаетъ быть государемъ всей Италіи и не хочетъ сдѣлаться королемъ польскимъ. Все равно я посажу на польскій престолъ Жерома и устрою ему хорошенъкое королевство, но для этого необходимо, чтобъ онъ прославилъ себя, потому что поляки любятъ славу». Затѣмъ, придавъ разговору общій характеръ, Наполеонъ сталъ жаловаться на созданныхъ имъ королей, которые ему не помогали, не исполняли своего долга и думали только о роскоши, о пышности и расходахъ, не смотря на то, что онъ подавалъ имъ хорошій примѣръ своимъ неустаннымъ трудомъ и строгой экономіей. «Я народный государь! — воскликнулъ онъ, — я расходую народныя деньги только на полезныя дѣла, на поощреніе искусствъ, на прославленіе великихъ событій. Никто не можетъ сказать, чтобъ я обогащалъ своихъ любимцевъ и фаворитокъ. Я вознаграждаю только людей за оказанныя услуги отечеству».

Вернувшись изъ Данцига, Наполеонъ нагналъ великую армію въ Кенигсбергѣ, гдѣ окончательно направилъ общее движеніе впередъ и издалъ свой извѣстный манифестъ, въ которомъ онъ объяснялъ причины, побудившія его предпринять войну, сваливая, конечно, всю вину на Россію. Что касается до внутренняго устройства арміи, то его особенно озабочивали уже оказавшіяся съ самаго начала недостатки въ исполненіи благоразумно, основательно составленнаго имъ плана. Онъ все придумалъ для продовольствія

¹⁾ Съ сѣвера до юга звучитъ военная труба, къ битвамъ зоветъ она; трепещите, враги Франціи.

своихъ войскъ и требовалъ, чтобъ въ проходимыхъ мѣстностяхъ все покупали на деньги, но солдаты обращались съ дружественными странами, какъ съ завоеванными: грабили житницы и срывали съ крышъ солому. При этомъ, странно сказать, южные нѣмцы безжалостно опустошали селенія своихъ сѣверныхъ братьевъ, и, видя ихъ примѣръ, также поступали и французы, что подрывало дисциплину. Императоръ принималъ строгія мѣры противъ этихъ постыдныхъ дѣйствій великой арміи и самымъ энергичнымъ образомъ лично наблюдалъ за продовольственной частью. «Все дѣло въ хлѣбѣ», пишетъ онъ начальникамъ корпусовъ и учреждаетъ летучіе отряды рабочихъ солдатъ, которые на всѣхъ стоянкахъ пекутъ хлѣбъ въ походныхъ печкахъ. Наконецъ онъ становится съ своимъ главнымъ штабомъ во главѣ авангарднаго корпуса маршала Даву и рано утромъ 21-го іюня достигаетъ Вильковишки, откуда остается только семь миль до Нѣмана. Тутъ нетерпѣнне овладѣваетъ имъ, и онъ, опережая свой авангардъ, отправляется въ сопровожденіи только четырехъ ближайшихъ къ нему лицъ: Дюрока, Коленкура, Беѣра и Кастеллана, прямо на Нѣманъ чтобъ лично выбрать мѣсто переправы для арміи. По его приказанію, ни одинъ французскій отрядъ еще не показывался на берегу этой пограничной рѣки, и только нѣсколько инженерныхъ офицеровъ изучали мѣстность подъ самой строгой тайной. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы первый французъ, котораго увидятъ русскіе, нимало не ожидавшіе враговъ, былъ понтонецъ, наводящій мостъ. Только польскіе отряды двигались взадъ и впередъ по этому берегу, не возбуждая опасенія русскихъ въ сосѣднемъ Ковно, такъ какъ они уже давно привыкли къ этому зрѣлищу, и поляки находились на своей собственной территоріи. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, — рассказываетъ Вандаль, — былъ расположенъ въ полторѣ верстѣ отъ Нѣмана, и какъ солдаты, такъ и офицеры спали ночью съ 22-го на 23-е іюня, когда вдругъ на большой дорогѣ показалась почтовая карета, запряженная шестью лошадьми и окруженная нѣсколькими всадниками. Она останавливается, и изъ нея выходитъ запыленный, пожелтѣвшій отъ усталости императоръ. Польскіе офицеры его тотчасъ узнаютъ, покраснѣвъ отъ стыда за то, что онъ засталъ ихъ спящими. Онъ не обращаетъ на это никакого вниманія, пристально осматривается по сторонамъ и отрывисто спрашиваетъ необходимыя для него свѣдѣнія. Въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ находится селеніе Алексита, за которымъ протекаетъ Нѣманъ. Оттуда можно было видѣть не только рѣку, но и лежавшее на другой сторонѣ Ковно. Съ этой мѣстности Наполеонъ рѣшилъ начать свою рекогносцировку. Но его мундиръ и треуголка съ трехцвѣтной кокардой могли обратить на себя вниманіе непріятеля и нарушить данный имъ приказъ, чтобъ ни одинъ французъ не показывался на берегу. Поэтому онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ переодѣванію и при всѣхъ въ открытомъ

полѣ снялъ свой мундиръ и надѣлъ сюртукъ польскаго полковника. Для довершенія новаго костюма ему подали уланскую шапку, но, надѣвъ ее, онъ нашель, что она слишкомъ тяжела, и предпочель ей простую фуражку. Заставивъ также передѣться и Бертъе, онъ вмѣстѣ съ нимъ и польскими офицерами направился въ селенье; тамъ онъ вошелъ въ главный домъ, окна котораго выходили на рѣку, и изъ этой обсерваторіи увидалъ впервые Россію. На правомъ берегу виднѣлось Ковно, незначительный мрачный городъ, по-видимому, пустынный и покинутый войсками. Съ обѣихъ его сторонъ тянулся берегъ, частью зеленый, частью песчаный. Подробно разсмотрѣвъ эту картину, которую онъ читалъ, какъ карту, и запечатлѣвъ въ своемъ умѣ всѣ мелочныя топографическія подробности разстилавшейся передъ нимъ мѣстности, Наполеонъ вернулся къ стоянкѣ польскихъ уланъ и, весело спросивъ, идетъ ли къ нему ихъ мундиръ, сказалъ: «Ну, теперь надо отдать то, что намъ не принадлежитъ». Затѣмъ онъ снова передѣлся и, сѣвъ на лошадь, предпринялъ вторую рекогносцировку въ сопровожденіи своего главнаго штаба, который теперь присоединился къ нему. На этотъ разъ онъ взялъ направо и черезъ поля выѣхалъ на холмы, которые тянулись по берегу, маскируя рѣку. Тамъ онъ снова сошелъ съ лошади и съ генераломъ Гаксо, который командовалъ инженерами, изслѣдовавшими заранѣе эту мѣстность, прошелъ до деревни Понемоны, гдѣ и рѣшилъ совершить на другой день переправу черезъ Нѣманъ, какъ въ самомъ удобномъ стратегическомъ пунктѣ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ вернулся къ своей свитѣ и поскакалъ черезъ поля, расположенныя за холмами, и мысленно распредѣлялъ въ этой мѣстности всѣ отряды своихъ войскъ, которые невидимо для враговъ должны были построиться тутъ ночью для переправы на слѣдующее утро. Онъ, какъ всегда, неся маршъ-маршемъ, а за нимъ слѣдовали на небольшомъ разстояніи Дюрокъ, Бертъе, Коленкуръ, Бесьеръ и Гаксо. «Неожиданно,—разсказываетъ Вандалъ,—они увидали, что лошадь императора спотыкнулась, онъ упалъ съ сѣдла и исчезъ изъ вида. Они поспѣшили къ мѣсту происшествія. Наполеонъ уже вскочилъ и стоялъ неподвижно, вытянувшись во весь ростъ, у своей дрожавшей всѣмъ тѣломъ лошади. Онъ отдѣлался легкимъ ушибомъ бедра; этотъ же случай произошелъ отъ того, что заяцъ неожиданно выскочилъ изъ-подъ ногъ лошади, и она бросилась въ сторону, а императоръ, всегда ѣздившій верхомъ безъ всякой осторожности и разсѣянно, потерялъ равновѣсіе. Это случилось съ нимъ нерѣдко въ походахъ, и онъ всегда приходилъ въ ярость противъ лошади и всѣхъ винилъ въ своей оплошности; но теперь онъ не сказалъ ни слова. Мрачный и какъ бы непріятно пораженный, онъ молча сѣлъ на лошадь и продолжалъ свой путь въ сопровожденіи свиты. Всѣми овладѣло грустное предчувствіе, такъ какъ, по словамъ одного изъ этихъ лицъ, «невольнo становишься

суевѣрнымъ въ важныхъ обстоятельствахъ и наканунѣ столь великихъ событій». «Намъ бы лучше не переходить Нѣмана,—сказалъ Бертье, приближаясь къ Коленкуру и взявъ его за руку:—это дурное предназначеніе». Повидимому, и самъ Наполеонъ находился подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ случившагося; цѣлый день онъ энергично, неустанно занимался дизлокаціей арміи, изученіемъ карты, составлялъ подробную инструкцію для перехода черезъ рѣку и наблюдалъ изъ своей ставки за движеніями быстро подходившихъ войскъ. Онъ распоряжался всѣмъ, не упуская изъ вида ни малѣйшей подробности, но не былъ веселъ, какъ всегда въ минуты великихъ военныхъ операцій, а казался очень серьезнымъ, озабоченнымъ и даже печальнымъ. Суевѣрный, какъ Цезарь, онъ не переставалъ думать о своемъ несчастномъ случаѣ; по временамъ говорилъ о немъ шутя, но въ его смѣхѣ слышались фальшивыя ноты, и его сердило, что онъ видѣлъ на лицахъ окружавшихъ его людей безпокойство, въ которомъ отражалось его собственное тревожное настроеніе. Вечеромъ онъ позвалъ въ свою палатку Коленкура и началъ разговоръ съ вопроса о томъ, взволновалъ ли главную квартиру утренній несчастный случай, и продолжаютъ ли говорить о немъ. Потомъ онъ заговорилъ о своемъ будущемъ планѣ военныхъ дѣйствій и на всегдашнія предупрежденія Коленкура, что русскіе будутъ отступать хотя бы до Камчатки, онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, черезъ два мѣсяца Александръ попроситъ у меня мира. Крупные землевладельцы заставятъ его это сдѣлать. Къ тому же, въ моихъ рукахъ будетъ еще Польша. Какой стыдъ для Александра потерять ее безъ битвы! Это значитъ покрыть себя позоромъ въ глазахъ поляковъ». Но, тѣша себя иллюзіями, Наполеонъ на этотъ разъ слушалъ своего благоразумнаго совѣтника терпѣливѣе прежняго, точно его слова теперь болѣе глубоко западали въ его умъ.

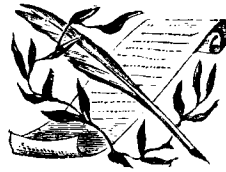
Вечеромъ императоръ объѣхалъ верхомъ всѣ стоянки войскъ, приказалъ передвинуть свою палатку ближе къ рѣкѣ и удалился въ нее, чтобъ отдохнуть нѣсколько часовъ передъ переправой. Ночью, въ самой безмолвной тишинѣ, построены были три понтонныхъ моста, и перешедшіе на правый берегъ первые французы помѣнялись выстрѣлами съ казаками, которые быстро исчезли въ темнотѣ. Во второмъ часу утра солнце взошло на безоблачномъ небѣ, и великая армія тихо, стройно, въ полномъ порядкѣ и одушевленная военнымъ энтузіазмомъ стала переходить черезъ Нѣманъ. Всѣ были веселы, полны надеждъ, и если кое-гдѣ слышались замѣчанія о трудностяхъ начатаго похода, то они тонули въ общемъ восторженномъ настроеніи. Громко сказанныя слова одного гвардейскаго маіора, что 15-е августа армія будетъ праздновать въ Петербургѣ, повторялись во всѣхъ полкахъ. Особенно же усиливалось чувство общаго довольства сознаниемъ, что гениальный полководецъ между ними, что онъ всюду и вездѣ, что глазъ его слѣдитъ за всѣмъ, а рука рас-

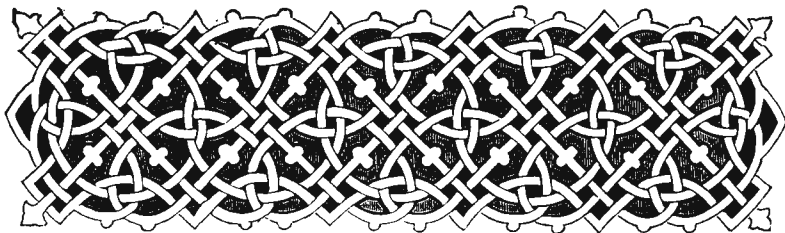
поражается всѣми мельчайшими подробностями движенія. Онъ уже былъ на лошади въ три часа утра и только на минуту занялъ мѣсто на приготовленномъ ему у края дороги, изъ травы и сучьевъ, какъ бы импровизованномъ тронѣ, а потомъ быстро скакалъ съ мѣста на мѣсто, чувствуя невозможность оставаться неподвижно. Съ первыми отрядами онъ перебрался черезъ мостъ и вступилъ на русскую землю. Все, что происходило вокругъ него, наполняло его душу сознаниемъ могущества, и снова вернулись къ нему увѣренность въ успѣхѣ и добродушная веселость: онъ игралъ своимъ хлыстомъ и напѣвалъ въ полголоса: «Мальбрукъ въ походѣ пустился». «Эта пѣсня, звучавшая какъ нельзя болѣе кстати, — пишетъ капитанъ Дюпюи, — очень позабавила насъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, но въ послѣдствіи ея слова, увы, осуществились слишкомъ вѣрно». На протяженіи двухъ миль императоръ слѣдовалъ съ авангардомъ, самъ указывая отрядамъ дорогу и спрашивая попадавшихся на встрѣчу мѣстныхъ жителей, но когда стало очевиднымъ, что русскіе не представляютъ никакого сопротивленія, то онъ допустилъ вступленіе въ Ковно французовъ безъ себя, а самъ отправился на лѣвое крыло, гдѣ надо было построить понтонный мостъ черезъ рѣку Вилию. Тутъ произошелъ извѣстный эпизодъ, описанный Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ», но, по словамъ Вандаля, который основываетъ свой рассказъ на новыхъ документальныхъ свѣдѣніяхъ, дѣло было не такъ, какъ блестяще и картинно описываетъ великій романистъ, «преувеличивая и выворачивая факты». Уже не говоря о томъ, что по простой опискѣ пера Толстой называетъ Вилию Вислой и переноситъ это событіе съ 12-го іюня на 13-е, но и героемъ эпизода былъ не польскій полковникъ, а французскій полковникъ де-Гехенѣкъ, командиръ 13-го линейнаго полка, а главное, если вѣрить Вандалю, а сомнѣваться въ правдивости рассказа этого вообще очень безпристрастнаго и даже сочувствующаго Россіи историка нѣтъ основанія, — вся эта исторія вовсе не бросаетъ мрачной тѣни на Наполеона, какъ художественная, но, повидимому, фантастичная картинка тенденціознаго романиста. Вотъ какъ Вандаль передаетъ этотъ эпизодъ: «13-му линейному полку было поручено найти бродъ въ рѣкѣ Вилии подъ наблюдениемъ самого императора. Это дѣло очень долго тянулось, и полковой командиръ де-Гехенѣкъ, уставъ дожидаться, вызвалъ охотниковъ, чтобы переплыть рѣку и сдѣлать рекогносцировку на противоположномъ берегу. Триста солдатъ вышли изъ рядовъ и съ успѣхомъ исполнили опасное порученіе. Но этотъ успѣхъ возбудилъ зависть въ другихъ, и къ тому же смѣлая отвага дѣйствуетъ заразительно. Нѣсколько французскихъ и польскихъ кавалеристовъ, находившихся на берегу и желавшихъ отличиться передъ императоромъ, бросились въ рѣку на лошадяхъ и въ полномъ вооруженіи. Быстрое теченіе ихъ стало уносить, и вскорѣ нѣкоторые изъ нихъ, потерявъ

силы, начали исчезать въ пучинѣ съ крикомъ: «да здравствуетъ императоръ!». При видѣ этой катастрофы полковникъ де-Гехенекъ бросается въ воду также на лошади и въ мундирѣ, спѣшитъ на помощь утопающимъ и, схвативъ одного изъ нихъ, возвращается на берегъ съ своимъ трофеемъ. Императоръ очень холодно встрѣчаетъ его, находя, что подобный поступокъ, чрезвычайно похвальный въ частномъ человѣкѣ, не заслуживаетъ такого же одобренія въ начальникѣ отряда, который въ глазахъ непріятели долженъ жертвовать собою только отечеству. Принявъ тотчасъ заботливыя мѣры для спасенія несчастныхъ, изъ которыхъ погибъ лишь одинъ, онъ упрекнулъ полковника за его храбрый и гуманный порывъ, доказывавшій, что онъ совершенно не кстати расточаетъ свое геройское мужество». Этотъ памятный день 24-го іюня Наполеонъ окончилъ въ Ковнѣ, гдѣ поселился въ католическомъ монастырѣ, пока вторженіе продолжалось, не прерываясь, и безконечная масса войскъ вступала въ Россію, разверзавшую передъ ними свой безпредѣльный горизонтъ.

В. Т.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1891 годъ.
Спб. 1894.

ВЪ СКОЛЬКО разъ твердили міру», что отчеты нашей Публичной библіотеки выходятъ безобразно поздно, но всё замѣчанія, сѣтованія остаются «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Почему это происходитъ, загадка Эдипа, которая, кажется, такъ никогда и не разгадается. Въ то время, какъ остальные «вѣдомства» отечества щеголяютъ быстротою, или, по крайней мѣрѣ, стараются щегольнуть, на Невскомъ проспектѣ, близъ памятника Екатерины, держатся древне-классическаго правила «festina lente», т. е. ежегодно на три года опаздываютъ. Что-жъ и на томъ спасибо, а то, вѣдь, можно бы было еще тише... Ничего не подѣлаешь — «и по громче насъ были витіи»... и фактъ приходится брать, каковъ онъ есть. Текущій «отчетъ» составленъ по обычному шаблону, и по существу рецензенту ничего не приходится сказать. Изъ цѣнныхъ пріобрѣтеній библіотеки за 1891 г. слѣдуетъ отмѣтить собраніе старинныхъ армянскихъ рукописей (45) и печатныхъ книгъ (54), хранившихся въ архивѣ армяно-католической церкви въ Каменецъ-Подольскѣ; собраніе индійскихъ рукописей (300), принадлежавшихъ покойному профессору С.-Петербургскаго университета И. П. Минаеву, собраніе южно-славянскихъ рукописей (34), принадлежавшее сербско-болгарскому археологу С. И. Верковичу; собраніе писемъ, стиховъ и автографовъ В. И. Туманскаго; бумаги Стронина. Отдѣлъ гравюръ и портретовъ сдѣлалъ также нѣсколько цѣнныхъ пріобрѣтеній. Поступило въ видѣ пожертвованій и пріобрѣтено немало древнихъ изданій и отдѣльныхъ рукописей, напр., «Путникъ» сибирскаго митрополита Іоанна Максимовича, русскія народныя сказки Сахарова, «сборники» полууставомъ почерковъ XV и XVII вѣковъ' «истор. вѣстн.», сентябрь, 1894 г., т. LVII.

автографы В. А. Жуковского и нѣкоторыхъ друг. Въ общемъ въ библиотеку за текущій годъ поступило 28.879 сочиненій въ 31.704 томахъ. Обращаясь къ вопросу о пользованіи бібліотекою, необходимо отмѣтить, что билетовъ для занятій было выдано 11.594, въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 1.808; читателей было въ общей читальной залѣ 108.373; общее количество книгъ и номеровъ повременныхъ изданій, бывшихъ въ обращеніи въ залѣ, составляетъ 274.931 томъ и номеръ. Статистическія таблицы «отчета» сами по себѣ не даютъ матеріала для размышленій; здѣсь необходимо бы было сдѣлать параллель съ таковыми же за нѣсколько лѣтъ, что не входитъ въ задачи настоящей замѣтки. Нельзя, однако, не отмѣтить, между прочимъ, извѣстнаго колебанія спроса на журналы въ текущемъ году сравнительно съ прошлымъ, находящагося въ непосредственной зависимости отъ судьбы этихъ изданій. Такъ, спросъ на «Вѣстникъ Европы» значительно понижился, а на «Сѣверный Вѣстникъ» вдвое поднялся, что объясняется переменою редакціи и оживленіемъ журнала за тотъ годъ.

По обыкновенію наиболѣе интересной частью «Отчета» являются «приложенія». Въ текущемъ году «приложенія» состоятъ изъ писемъ къ А. А. Краевскому извѣстнаго издателя литератора начала столѣтія А. Воейкова, а также молодого ученаго Ю. И. Венелина, но наибольшаго вниманія заслуживаютъ «политическія и философскія замѣтки и мысли В. А. Жуковского». Въ письмахъ Воейкова обрисовывается до нѣкоторой степени энергичная и опытная, но вмѣстѣ съ тѣмъ кулачская фізіономія Краевскаго, а въ письмахъ Венелина мы видимъ грустную старую, но, кажется, вѣчно новую исторію пренебреженія русскаго ученаго со стороны нашей нѣмецкой академіи наукъ.

«Политическія и философскія замѣтки» заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія, что авторъ, какъ извѣстно, состоялъ воспитателемъ наслѣдника престола, будущаго императора Александра II; поэтому можно смѣло предположить, что взгляды В. Жуковскаго легли въ основаніе и его воспитательной программы для вѣнценоснаго ученика. Особенно интересно сдѣлано имъ опредѣленіе самодержавія. «Самодержавіе, — говоритъ онъ, — есть высшая и самая простая форма верховной власти, если оно соотвѣтствуетъ смыслу своего имени. Самъ держу и самого себя держу. Надобно, чтобы власть была подъ командою воли, подвластной правдѣ всевышней. Власть: самъ держу. Воля: самого себя держу. Самодержавіе и то и другое вмѣстѣ. Одна власть и одна воля—нѣтъ самодержавія. Власть безъ воли—уродливое самовластіе, восточный деспотизмъ, опирающійся на фатализмъ; воля безъ власти—не возможно властвовать. Власть, руководимая богоподвластною волею,—самодержавіе во всей чистотѣ его и во всей благотворительной силѣ». Сдѣлавъ краткій очеркъ возникновенія самодержавія на Руси, указавъ, почему оно органически связано съ народомъ, и каково его будущее, авторъ говоритъ: «Правда, правда, Божія правда, и болѣе ничего. Вотъ тайна верховной власти и самое легкое средство властвовать: умѣй только во время, не обманывая себя никакими софизмами, вѣрующимъ, полнымъ страха Божія сердцемъ примѣнять Божію правду къ дѣламъ человѣка. Самодержецъ не ограниченъ въ исполненіи Божіей правды; монархъ болѣе или менѣе ограниченъ постановленіями, которыхъ сохраненіе, разъ признанное, принадлежитъ уже Божіей правдѣ; республиканское правительство также точно подчинено закону Божіей правды, какъ и самодержецъ. Никто не говоритъ: моя воля,

всѣ должны говорить: воля высшая, и въ ней видѣть свою. И такъ, ни самодержецъ, ни монархъ, ни демократія, не могутъ слѣдовать одной собственной волѣ. И если свою волю кто изъ нихъ признаетъ главнымъ источникомъ власти, то изъ законнаго владыки онъ обращается въ беззаконнаго деспота. Воля самодержца также ограничена, какъ воля толпы, съ тою только разницею, что на немъ лежитъ наибольшая отвѣтственность, ибо на одномъ его лицѣ лежитъ все, тогда какъ монархъ имѣетъ своею опорю и ограниченіемъ воли своей постановленія, тогда какъ демократія не лице, а масса, и отвѣтственность лежитъ на всѣхъ вмѣстѣ, а не на каждомъ особенно. Самодержецъ не имѣетъ права быть самовластнымъ; когда онъ говоритъ: я такъ хочу, онъ долженъ въ то же время присоединить къ этому слову: потому что Богъ или Божія правда такъ хочетъ. Принимать свою волю за высшую волю есть святотатство; произволъ есть нарушеніе Божіей правды и самый опасный врагъ власти самодержавной, которая въ своей чистотѣ есть величайшее достоинство, какое только можетъ имѣть на землѣ человекъ смертный. Смирненіе христіанское есть вѣнецъ самодержавія; оно должно быть святѣйшею добродѣтелью самодержца, понеже между христіанами онъ долженъ занимать ближайшее мѣсто къ Богу Спасителю. Но, представляя Бога, онъ не есть Богъ, а только самый могущественный исполнитель Божіей воли, то-есть Божіей правды». Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіе теоретическихъ взглядовъ поэта-воспитателя; нельзя, однако, не обратить вниманія, что взгляды Жуковскаго чрезвычайно было бы любопытно сопоставить съ таковыми же взглядами на существо самодержавія славянофиловъ — Хомякова, Кирѣевскаго, К. Аксакова. Что послѣдними было пространно развито и иллюстрировано примѣрами изъ русской исторіи, Жуковскимъ было высказано еще ранѣе только въ болѣе сжатой и очищенной формѣ. Любопытную работу для исследователя могла бы составить задача прослѣдить по остальнымъ поэтическимъ и прозаическимъ произведеніямъ нашего писателя развитіе этого его философскаго міросозерцанія. Минуты остальныя краткія, но очень интересныя главы «Замѣтокъ» приводимъ взглядъ автора на «любовь къ отечеству». Поэтъ говоритъ: « Сдѣлайте, чтобы намъ было хорошо на родинѣ, и смѣло отворите настежь дверь на чужбину. Не мѣшайте никому жить, какъ онъ хочетъ, про себя; тогда онъ будетъ съ любовью жить про васъ. Пусть будетъ каждый покоенъ и счастливъ дома, тогда онъ будетъ дорожить покоемъ и счастьемъ государства, ограждающаго домъ. Уважайте святую семейной жизни, тогда будетъ уважаема святая власть государственной. Однимъ словомъ: основывайте благо общее на благѣ частномъ; тогда каждый частно будетъ другомъ общаго блага. Храните законъ, производите законность». Эта замѣтка очень характерна. Необходимо принять во вниманіе, что она относится къ Николаевскому времени, когда именно двери чужбины были заперты, и русская жизнь достигла крайней степени регламентаціи, и о частномъ благѣ рѣдко подымались разговоры. Эти свободныя воззрѣнія Жуковскаго, вѣроятно, не остались безъ вліянія на воспитанника, такъ какъ въ послѣдующее время элементы проповѣди воспитателя нашли себѣ нѣкоторое примѣненіе въ такъ называемую «освободительную эпоху».

Б. Г.

Графъ Алексисъ Жасминовъ (В. Буренинъ). Пипа и Пуся или горе отъ любви. Разказы и комедіи во вкусѣ *fin de siècle*. Спб. 1894.

«Историческій Вѣстникъ» слѣдитъ за произведеніями нашего даровитаго писателя только съ той точки зрѣнія, какіе изъ созданныхъ имъ типовъ перейдутъ въ исторію русской литературы, помимо ихъ отношеній къ современнымъ влѣбамъ дня, которыми не будутъ нисколько интересоваться наши потомки. Многихъ изъ выиѣшнихъ борзописцевъ, или, какъ ихъ называютъ теперь, графомановъ, читаютъ, можетъ быть, съ большимъ интересомъ, чѣмъ остроумнаго критика и фельетониста, но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и никто не вспомнитъ даже ихъ имени—и это потому, что они не болѣе какъ беллетристы, угождающіе только вкусамъ, нерѣдко совершенно испорченными, нашего вѣка, тогда какъ В. П. Буренинъ, помимо его повѣстическаго дарованія, литераторъ серьезный, не смотря на его юморъ и склонность къ шаржу, слабѣющую съ каждымъ годомъ. Такъ и въ вышедшемъ нынѣ новомъ сборникѣ его сатирическихъ разсказовъ и очерковъ, печатавшихся болѣею частью въ «Новомъ Времени», мы нашли нѣсколько сценъ, смягченныхъ сравнительно съ помѣщенными въ газетѣ. Видно, что авторъ отредактировалъ ихъ, собирая въ отдѣльный томъ, и кое-что отбросилъ, а не помѣщалъ въ сборникъ, какъ дѣлаютъ борзописцы, всего, что умѣстно въ газетѣ и совершенно излишне въ книгѣ. А въ книгѣ г. Буренина, хотя и довольно объемистой (480 страницъ), столько любопытныхъ типовъ нашего времени, что, разводя ихъ многописаньемъ нынѣшнихъ беллетристовъ, можно было бы составить еще два-три тома. Первое мѣсто въ сборникѣ занимаетъ романъ, названіемъ котораго озаглавлена вся книга. По содержанію это не болѣе, какъ фарсъ, хотя весьма возможный въ петербургской жизни, по характеромъ—мѣткая, бойкая, мѣстами безпощадная сатира, въ которой зло, хотя, конечно, не безъ шаржа, осмѣяно нѣсколько лицъ, знакомыхъ нашему интеллигентному міру. Въ салонѣ маркизы и виконтесы російскаго происхожденія (были у насъ и такія, выходявшія за своихъ французскихъ парикмахеровъ и покупавшія имъ разные титулы въ Европѣ) собираются представители искусствъ, литературныя извѣстности: поэтъ Чижикъ, съ его поклонницами и поклонниками. Это, конечно, карикатуры, какъ и всѣ гости маркизы, но въ нихъ переданы всѣ типическія особенности лицъ, съ которыхъ сняты ихъ портреты. Автора болѣе всего упрекали за насмѣшки надъ бѣднымъ поэтомъ, вскорѣ потомъ умершимъ отъ чахотки. Но не говоря уже о томъ, что двѣ трети молодыхъ писателей умираютъ или алкоголя, безвременная смерть поэта не оправдывала его непоумѣрнаго самолюбія, смѣшныхъ претензій на гениальность и особенно идіотскаго поклоненія передъ его не крупнымъ и не разившимся талантомъ разныхъ скорбныхъ главою дамъ и кавалеровъ. Нельзя безъ искренняго, веселаго смѣха читать сценъ, продѣлываемыхъ этимъ ломающимся еврейчикомъ, Лаурою Козья Нога, Элеопорою Обжюки и юнкеромъ медалянскаго пѣхотнаго полка Наивнымъ. И при этомъ нельзя не поставить въ особенную заслугу В. П. Буренину, что онъ едва ли не одинъ изъ всѣхъ современныхъ авторовъ возбуждаетъ въ читателей задушевный, непритязательный смѣхъ своими юмористическими разсказами, полными неподдѣльнаго комизма, выдающимися живымъ, блестящимъ остроуміемъ среди за душу таяущихъ очерковъ нынѣшнихъ беле-

тристовъ. За поэтомъ является типъ мнимо-политическаго дѣятеля, вольнаго чеченца Кулебяки, неудавшагося Ермака и покорителя Абиссиніи. Въ то время, когда явился романъ г. Буренина, общественное мнѣніе было заинтересовано попыткою плутоватаго мужика основать колонію въ горахъ Африки, на землѣ, принадлежащей Франціи. Глупость этого колонизатора чужихъ земель, вдумавшаго сопротивляться приказаніямъ—отправиться восвояси, равнялась только глупости французскихъ министровъ и адмираловъ, приказавшихъ бомбардировать проходимцевъ съ дѣтьми и женами, но тѣмъ не менѣе объ этомъ фактѣ заговорили въ Европѣ, и г. Буренинъ мѣтко осмѣялъ этого незваннаго Кортеса, не предвидя, конечно, печальной развязки его похожденій. Еще рѣзче и остроумнѣе очерчены портреты художественнаго критика Барабанова, еврейскаго скульптора и русскаго живописца реальной школы. Всѣ эти лица слишкомъ извѣстны въ интеллигентныхъ кружкахъ и, не смотря на всѣ преувеличенія ихъ недостатковъ, вѣрны себѣ въ основныхъ чертахъ характера, въ сужденіяхъ, въ манерѣ выражаться и держать себя. Такъ же замѣчательны типы фельетониста Козявки, чухны и діда Вертихвиста, выдающаго себя за малоросса, публичнаго увеселителя Развязнаго, борющаго Строчилы Строчиловича, «дѣйствительныхъ пипильоновъ», выкреста изъ евреевъ Зайца, его слишкомъ развязной супруги и тещи, бердичевскаго цадика Шпината, называющаго себя Спиновой. Есть и дѣлая исторія объ открытіи «рамолина», средства возстановлять старческія силы. Изъ двухъ процессовъ замѣчательно «дѣло объ убійствѣ воробья», напоминающее своей заразительною веселостью прежніе рассказы автора въ томъ же родѣ: «Мертвая нога», выдержавшіе уже четыре, и «Хвостъ» — три изданія. Рѣзко выдается изъ этихъ бойкихъ фарсовъ «Дѣло о П. Д. Боборыкинѣ». Это уже не шаржъ, а серьезная критическая оцѣнка значенія и дарованія писателя, мѣсто которой не вѣдься, а въ «критическихъ очеркахъ» автора. Полнѣе и правдивѣе этой оцѣнки мы не знаемъ въ нашей литературѣ, и это заставляетъ насъ пожалѣть, что авторъ обращаетъ болѣе вниманія на юмористическія, чѣмъ на серьезныя стороны своего таланта. Но и въ своихъ шуткахъ, когда онъ захочетъ открыто заклеить какого нибудь дѣятеля, онъ является безопаснымъ сатирикомъ и находитъ въ своемъ героѣ такія черты, какихъ никто не замѣчалъ. Такъ по поводу отказа В. И. Лихачева отъ званія петербургскаго головы репортеръ говоритъ: «у меня наклеиваются двѣ статьи «Кто тебя обидѣлъ, душенька? топя ножкой!», вторая «Человѣкъ, который отовсюду выходитъ». Вѣдь Владиміръ Ивановичъ только и дѣлалъ дѣлъныхъ тридцать лѣтъ, что уходилъ откуда нибудь. Въ сенатѣ былъ — изъ сената ушелъ. Въ кредитѣ былъ — изъ кредитки ушелъ. Въ мировомъ свѣдѣ былъ — изъ свѣзда ушелъ. Въ газетѣ былъ — изъ газеты ушелъ. И главное вотъ что замѣчательно: уходитъ онъ, ровно нигдѣ ничего не довершивши, потому что, собственно говоря, ничего настоящаго-то, путнаго, относящагося къ дѣлу и не начиналъ». Эти десять строкъ характеризуютъ человѣка лучше, полнѣе обширныхъ біографій. Что если бы у насъ было побольше оцѣнокъ подобныхъ дѣльцовъ, притворяющихся дѣятелями? До сихъ поръ мы знали только, что они всюду пролѣзаютъ; сатирикъ подмѣтилъ, что они отовсюду выходятъ, и, конечно, не по своей волѣ. Чтожъ, и это по крайней мѣрѣ утѣшительное явленіе...

В—ъ.

«Землевѣдѣніе». Периодическое изданіе географическаго отдѣленія Императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Книжка I, съ картинами, фототипіями, профилями, видами и т. п. Москва. 1894.

Въ концѣ 1890 г. въ Москвѣ организовался небольшой географическій кружокъ, въ видѣ особаго отдѣла при обществѣ любителей естествознанія. Не задаваясь обширными цѣлями, географическое отдѣленіе желаетъ главнымъ образомъ посильно помочь людямъ, интересующимся землевѣдѣніемъ, которое представляетъ само по себѣ высокой научный интересъ и является важнымъ подспорьемъ какъ для естествознанія, такъ и для исторіи, статистики и многихъ прикладныхъ наукъ. Въ этихъ видахъ отдѣленіе и включило въ планъ своей дѣятельности изданіе трудовъ и основаніе географическаго журнала. Но недостаточность средствъ болѣе чѣмъ на три года отдалила осуществленіе намѣченныхъ отдѣленіемъ предпріятій и только теперь, благодаря сочувствію и матеріальнымъ поддержкамъ членовъ, какъ заявляетъ редакція, оказалось возможнымъ воплотить идею въ живое дѣло.

Въ вышедшей книжкѣ «Землевѣдѣнія» первой помѣщена небольшая статья редактора Д. Н. Анучина: «Нѣсколько словъ о развитіи русскаго землевѣдѣнія и о задачахъ географическаго кружка въ Москвѣ». Прослѣдивъ вкратцѣ исторію развитія русскаго землевѣдѣнія съ древнѣйшихъ временъ, когда составлялись «Хожденія», «Странники» и «Паломники», до настоящаго времени, авторъ говоритъ, что въ современномъ русскомъ обществѣ интересъ къ географіи развитъ гораздо менѣе, чѣмъ на Западѣ, гдѣ издается цѣлый рядъ географическихъ журналовъ, и ежегодно выходитъ масса книгъ по различнымъ отдѣламъ землевѣдѣнія. Придя къ такому выводу, авторъ посылаетъ косвенный упрекъ русскому обществу, которое не менѣе своихъ западныхъ сосѣдей нуждается въ развитіи и распространеніи географическихъ знаній, въ познаніи собственной страны, въ обстоятельномъ изученіи своихъ естественныхъ богатствъ и тѣхъ факторовъ, которыми обуславливается ея земледѣльческая производительность. Эти мысли отчасти и были побудительнымъ импульсомъ къ образованію географическаго кружка, поставившаго себѣ задачею содѣйствіе развитію въ нашемъ отечествѣ землевѣдѣнія, которое дѣйствительно находится въ какомъ-то угнетенномъ состояніи. Статья эта, представляющая собою въ сущности profession de foi редакціи, заканчивается обращеніемъ ко всѣмъ лицамъ и учреждениямъ, сочувствующимъ цѣлямъ географическаго отдѣленія, оказать помощь въ собраніи матеріаловъ, свѣдѣній, наблюденій, коллекцій, картъ, плановъ, приборовъ, писемъ, портретовъ и т. п., а также помощь и матеріальную, въ которой отдѣленіе на первыхъ порахъ особенно нуждается.

Слѣдующая статья «Заростающія и періодически исчезающія озера Обонежскаго края» принадлежитъ перу Г. Н. Куликовскаго, изучавшаго лѣтомъ 1891 г. въ этомъ малоислѣдованномъ, полудикомъ краѣ нѣкоторыя гидрографическія явленія на малыхъ озерахъ. Въ своей статьѣ г. Куликовскій констатируетъ прежде всего тотъ фактъ, что этимъ краемъ до сихъ поръ интересовались болѣе въ отношеніи къ его населенію, чѣмъ къ его природѣ; а между тѣмъ вода, являющаяся для края «то доброй матерью, то злою мачихой», остается неизученной. Здѣсь вода является силой совидательной

(образование дюнь) и разрушительной (размытие канала), она всюду преследует человека, и понятно, почему культ «Водяного» разработанъ здѣсь до мелочей. Здѣсь вода творитъ чудеса: на мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояла деревня, уже ловятъ рыбу, или, какъ говорятъ мужики — «встаетъ неводъ». Высказавъ желаніе о необходимости изучить Обонежскую гидрографію, авторъ приступаетъ къ изложенію своихъ изслѣдованій о заростающихъ и исчезающихъ озерахъ. Статья эта, иллюстрированная нѣсколькими фототипіями и написанная литературнымъ языкомъ, читается съ захватывающимъ интересомъ; она представляетъ собою яркую картинку той дикой прелести и тѣхъ необычайныхъ явленій, которыя присущи нашему полузабытому сѣверу. Обратнотекущія рѣчки, заростающія озера, рыба подъ землею, ледяныя горы на озерахъ, посѣвы на днѣ озера и сѣнокосы, провальныя озера, грязныя фонтаны и т. п. — все это такія явленія Обонежскаго края, которые дивятъ своею оригинальностью и приковываютъ къ ихъ озерцанію пытливыя умы человѣка.

Далѣе. Маленькая, всего въ 8 страничекъ статьяка, Д. М. Мамина-Сибиряка «Гора Ирмель» разсѣиваетъ ходячее убѣжденіе, что гора эта покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, и что доступъ на нее окруженъ непреодолимыми препятствіями; все это оказывается нелѣпостью, чистѣйшимъ вымысломъ. Едва ли нужно добавлять, что талантливымъ писателемъ ярко, картинно и интересно разсказано какъ о восхожденіи его на Ирмель, такъ и о дикой природѣ этой высочайшей вершины Южнаго Урала. Три фототипіи иллюстрируютъ интересное описаніе г. Мамина.

Заслуживаетъ серьезнаго вниманія чисто-научная статья В. Г. Михайловскаго «Горныя группы и ледники центральнаго Кавказа». Статья эта составлена по даннымъ новой одноверстной карты Кавказа, на которую нанесены образцовыя съемки, предпріятыя кавказскимъ военно-топографическимъ отдѣломъ. Не имѣя возможности остановиться на этой обширной и поучительной статьѣ, мы отмѣтимъ лишь выводы и новый взглядъ автора на распредѣленіе и характеръ кавказскихъ глетчеровъ: 1) по числу перворядныхъ ледниковъ Кавказъ уступаетъ только Гималаю и Каракоруму и превосходить Альпы; 2) число ледниковъ въ общемъ уменьшается отъ запада къ востоку; 3) наибольшіе ледники находятся въ мѣстахъ пересѣченія главнаго хребта съ высочайшими его отрогами, и 4) нижняя граница кавказскихъ ледниковъ спускается, относительно снѣжной линіи, ниже альпійскихъ. Статья заканчивается таблицами вершинъ, переваловъ и ледниковъ центральнаго Кавказа, съ показаніемъ ихъ географическаго положенія и высоты надъ уровнемъ моря. Отчетливо сдѣланный профиль главнаго кавказскаго хребта и двѣ прекрасныя фотографіи — «Горная панорама» и «Видъ съ Эльбурса» — довершаютъ собою несомнѣнныя достоинства статьи г. Михайловскаго.

Самой крупной по размѣрамъ (72 стр.) статьєю является монографія Д. Н. Анучина «О судьбѣ Колумба, какъ исторической личности, и о спорныхъ и темныхъ пунктахъ его біографіи». Статья эта есть плодъ изученія обширной литературы, какая только существуетъ на обоихъ полушаріяхъ объ этой исторической личности, которой то оказывали почести, слагали въ честь его поэмы, возвеличивали въ историческихъ произведеніяхъ, то, наоборотъ, видѣли въ немъ жаднаго авантюриста, трусливаго интригана, полупомѣшаннаго фанатика, завлечули его въ оковы и кончили тѣмъ, что совершенно его позабыли. Всѣ эти перипетіи судьбы знаменитаго генуэзца авторомъ прослѣжены обстоятельно и послѣдовательно; главное же

мѣсто въ статьѣ отведено его исторіи великаго открытія. Г. Анучинъ считаетъ многія брошенныя въ Колумба обвиненія несправедливыми и крайне преувеличенными. Темныя же стороны и нравственныя пятна своей личности Колумбъ искупилъ беззащитнымъ стремленіемъ къ осуществленію одной идеи, увѣнчаншейся грандіознымъ открытіемъ, которое произвело существенный переворотъ въ исторіи культуры и открыло новые пути къ европейской колонизаціи. Считаемо необыкновеннымъ достоинствомъ статьи г. Анучина то, что такая, такъ сказать, громоздкая исторія умѣло и талантливо уложена въ столь скромныя рамки, и что при чтеніи ея интересъ не ослабѣваетъ ни на минуту. Статья закончена коротенькимъ очеркомъ о портретахъ Колумба; таковыхъ приложено четыре, всѣ они изображаютъ одно лицо и признаны дѣйствительными.

Достаточно и этого небольшого перечня статей для установленія правильного взгляда на фізіономію и характеръ «Землевѣднія», а потому объ остальныхъ статьяхъ, представляющихъ также достаточный интересъ, мы упомянемъ вскользь.

Статья Н. В. Шкловскаго «Очерки природы и населенія крайняго сѣверо-востока Сибири» представляетъ собою жизненныя, колоритныя этнографическія страницы. Очерки будутъ продолжаться и въ слѣдующихъ книжкахъ.

«Въ верховьяхъ Томи» Д. М. Головачева даетъ обстоятельное описаніе мало-извѣстнаго Кузнецкаго округа Томской губ. и указываетъ тѣ мѣропріятія, которыя необходимы для роста производительности этого края и его колонизаціи. Статья иллюстрирована недурными рисунками.

Напечатано въ извлеченіи гевне графини П. С. Уваровой «Конгрессы и выставки, бывшіе въ Италіи и Испаніи осенью 1892 г., по случаю 400-лѣтняго юбилея открытія Америки».

Географическій обзоръ, выдѣленный въ особую рубрику, имѣетъ назначеніе давать отчеты объ экспедиціяхъ, изслѣдованіяхъ, путешествіяхъ, конгрессахъ, выставкахъ и проч. Для первой книжки въ эту рубрику включены «Африка», «Новѣйшія экспедиціи на Памиръ», «Скорость образованія и разрушенія горъ», «Французскій отзывъ о московской географической выставкѣ 1892 г.» и «Некрологъ А. В. Потаниной».

Цѣлый рядъ библиографическихкихъ замѣтокъ завершаетъ литературную часть книжки.

Въ концѣ книжки напечатанъ отчетъ о московской географической выставкѣ 1892 г. и протоколы засѣданій географическаго отдѣленія общества любителей естествознанія за все время его существованія; протоколы эти съ достаточною подробностью обрисовываютъ жизнь и дѣятельность кружка географовъ, успѣвшихъ въ столь короткій срокъ такъ энергично и производительно заявить о своемъ безкорыстномъ служеніи на пользу родной страны.

Исходя изъ того положенія, что «Землевѣдніе» не преслѣдуетъ узко-спеціальныхъ задачъ, облакаемыхъ чаще всего въ сухія, безжизненныя формы, а даетъ матеріалъ въ живыхъ краскахъ и на чисто-литературномъ языкѣ, — мы убѣждены, что этотъ безусловно интересный и полезный журналъ получитъ въ русскомъ обществѣ широкое распространеніе.

С. И. Слестниковъ.

С. Н. Южаковъ. Доброволецъ Петербургъ. Спб. 1894.

Книжка г. Южакова представляетъ собою нѣкотораго рода отчетъ о его странствованіяхъ въ 1891 и 1892 годахъ по дальнимъ странамъ и распадается на двѣ части. Первая «Въ странѣ хунъ-хувовъ и тумановъ» обнимаетъ собою описаніе Уссурийской колоніи, ея природы, быта, нравовъ и значенія; вторая— «На теплыхъ водахъ» группируетъ впечатлѣнія сѣверянина, попавшаго подъ тропики и чувства сухопутнаго жителя, очутившагося во власти океана. Въ соотвѣтствіи съ этимъ содержаніемъ читатель встрѣчается съ двумя характерными свойствами писателя. Съ одной стороны, въ главахъ, касающихся Уссурийскаго края, г. Южаковъ является тѣмъ знакомымъ уже публикѣ изслѣдователемъ, какимъ она знаетъ его по прекраснымъ социологическимъ и политико-экономическимъ очеркамъ, каковы «Соціологическіе этюды», «Афганъ и сопредѣльные страны», «Статистическое описаніе крестьянскаго хозяйства Ямбургскаго уѣзда». Авторъ разсматриваетъ здѣсь преимущественно явленія не съ описательной точки зрѣнія, но подходитъ къ нимъ съ общественнымъ мѣриломъ. Отмѣчая фактъ, онъ анализируетъ его по составнымъ частямъ, изслѣдуетъ его, ставитъ въ связь съ окружающей средой и дѣлаетъ умозаключеніе. Онъ спрашиваетъ, на сколько происходящее соотвѣтствуетъ законамъ правды и справедливости, интересамъ государства, народной массы, а не отдѣльныхъ личностей; на сколько совершающееся дѣлается образно и умно. Здѣсь факты не изолированы, но нарисованы на живомъ фонѣ человѣческой жизни. Соціологъ и политикъ-экономистъ сказываются на каждой страницѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія главы: «Восточная Америка», «На десятой верстѣ», «Поселенческими работами», «Изъ колониальнаго вѣдоса», «По русскимъ колоніямъ». Заслуживаетъ вниманія читателей и XIV гл. книги, гдѣ авторъ обстоятельно разбираетъ вопросъ о положеніи постройки Сибирской желѣзной дороги. Необходимо отмѣтить, что г. Южаковъ ѣздилъ въ Уссурийскій край въ качествѣ завѣдующаго канцеляріей главнаго строителя дороги инженера А. И. Урсати. вмѣстѣ съ послѣднимъ и онъ покинулъ занимаемую должность. Какъ человѣкъ близко причастный къ дѣлу, авторъ на основаніи точныхъ данныхъ доказываетъ успѣхи, достигнутые инженеромъ Урсати въ періодъ его руководства дѣломъ, и реабилитируетъ почтеннаго дѣятеля отъ введенныхъ на него нареканій недоброжелательныхъ людей.

Вторая часть «На теплыхъ водахъ» носитъ уже иной характеръ. Здѣсь передъ читателемъ выступаетъ описательный элементъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ запасъ удивительно богатыхъ красокъ, яркихъ образовъ, юмора, историческихъ познаній. Въ роли художника-путешественника г. Южаковъ дебютируетъ впервые, и нужно ему отдать полную справедливость—съ большимъ успѣхомъ. Я не впаву въ преувеличеніе, если поставлю эту часть книги на одну доску съ «Фрегатомъ Паллада» Гончарова. Здѣсь что ни страница, то чарующая картина, то залитая яркимъ солнцемъ юга, то волнующая васъ страхомъ неизвѣстности, то вводящая васъ въ невѣдомый міръ полярной жизни. Особенный интересъ по новизнѣ матеріала представляютъ главы, гдѣ авторъ описываетъ свое восхожденіе на Адамовъ пикъ, описаніе растительности этой удивительной и таинственной горы, пребываніе въ буддійскомъ храмѣ, спускъ съ горы и всѣ перипетіи пути. Здѣсь столько души захватывающаго интереса, неожиданностей и эффектовъ, что приходится только пожалѣть, зачѣмъ судьба не кинула г. Южакова еще въ

какія нибудь инія невѣдомыя страны. Мы бы имѣли не мало новыхъ и прелестныхъ страницъ. Удѣляя по свойству работы въ этой части главное мѣсто описательному элементу, авторъ, однако, не забываетъ и своего главнаго литературнаго амплуа—соціолога-экономиста. И во второй части поставлено не мало живыхъ вопросовъ, близкихъ каждому образованному человеку. Вообще книгу г. Южакова можно рекомендовать всѣмъ и каждому, какъ занимательное и полезное чтеніе, особенно нашей молодежи, которая по части путешествій не избалована русскими литераторами-туристами.

Б. Глинскій.

Исторія новаго времени. 1610—1789. Составилъ Лакуръ-Гайе. Переводъ съ французскаго. Изданіе Л. Пантелѣва. Спб. 1894.

Г. Пантелѣвъ принадлежитъ къ числу не многихъ добросовѣстныхъ петербургскихъ издателей, заботящихся не о наживѣ, а о распространеніи въ нашей литературѣ серьезныхъ и дѣльныхъ сочиненій. Не смотря на всѣ свои злочкиненія, на борьбу со всякаго рода препятствіями и тяжелыми обстоятельствами, онъ уже много лѣтъ упорно и настойчиво ведетъ однажды избранное имъ дѣло, не уклоняясь отъ намѣченной имъ цѣли. Издавъ Добролюбова, М. Куторгу, Н. Карѣва, Эварницкаго, Тацита, Спинозу, Гюйо, Ланге (исторія матеріализма), Тэна, Монтескье, Шерера, Масперо и множество другихъ классическихъ книгъ, онъ, кромѣ исторіи Польши Бобржинскаго и очерковъ среднихъ вѣковъ Ланглюа и Маріедаля, не выпускалъ въ свѣтъ большихъ трудовъ по отдѣлу историческихъ знаній. Только теперь издалъ онъ объемистый томъ, историческихъ чтеній о времени, которое авторъ напрасно называетъ «новымъ». Мы развиваемся такъ быстро въ социальномъ отношеніи, что даже 1789-й годъ, которымъ историкъ заканчиваетъ свои этюды, для насъ во многихъ отношеніяхъ уже «древняя исторія». И потому, что за мысль была vybrать для перевода на русскій языкъ книгу второстепеннаго французскаго писателя, не отличающуюся ни новостью взглядовъ, ни глубиной выводовъ, ни стройнымъ изложеніемъ. Событія переданы въ книгѣ достаточно вѣрно и безпристрастно, безъ тенденціозныхъ выходовъ, но вѣдь этого мало для серьезной исторіи. Авторъ при характеристикѣ каждаго дѣятеля, каждаго политическаго положенія, цитируетъ цѣлыя страницы изъ прежнихъ сочиненій объ этомъ предметѣ; но вѣдь тогда это не исторія, а хрестоматія. Авторъ начинаетъ свой рассказъ словами: «узнавши о смерти Генриха IV, канцлеръ Брюкаръ-де-Сильери, президентъ Жаненъ и государственный секретарь Вилльруа послѣдшили къ плачущей королевѣ», какъ будто для Франціи было гораздо важнѣе знать, плачетъ ли королева, а не о томъ, какія мѣры всѣ эти господа Жанены и Брюкары, до имени которыхъ никому нѣтъ дѣла, приняли для провозглашенія регентства Маріи Медичи. Генеральные штаты 1614 года рассказаны по плохому сочиненію Базена. Характеристика Ришелье составлена по Вуатюру, Давенету и Минье,—неужели нельзя было обратиться къ болѣе современнымъ писателямъ? Тридцатилѣтняя война, исторія Австріи, рассказаны по французскимъ источникамъ, смерть Карла I по Гизо—и послѣ этого ни одного слова о томъ, какое впечатлѣніе произвело это событіе, о Кромвелѣ, о положеніи Англій, къ которой авторъ возвращается только по поводу революціи 1688 года, о завоеваніи Индіи, и въ концѣ книги война съ Американскими штатами переданы очень коротко. Съ V главы почти всѣ главы до послѣдней XXIII посвящены почти исключительно Франціи. Разби-

рается довольно подробно умственное движеніе во французскомъ обществѣ начала XVII вѣка. Отдѣльныя главы посвящены отелю Рамбулье, «esprit grésieux», театру, академіи, благотворительности. Вѣкъ Людовика XIV изобразенъ не много подробнѣе. Тутъ говорится и о мемуарахъ Сен-Симона, и объ организаціи военныхъ силъ, и о божественномъ правѣ королей, и о г-жѣ Ментенонъ (по крайней мѣрѣ по современнымъ писателямъ Полю Жанэ и Греару). Умственное движеніе при Людовикѣ XV обрисовано довольно обстоятельно, но объ энциклопедіи авторъ ограничивается цитатою изъ анекдотовъ Вольтера о какомъ-то графѣ, высчитавшемъ, что запрещеніе этой книги во Франціи принесло иностраннѣмъ книгопродавцамъ мильоновъ восемьсотъ тысячъ эку прибыли. Для чего-то тутъ же приведена и обширная выписка изъ мемуаровъ Мармонтеля о томъ, какъ его посадили въ Бастилію. Вообще появленіе тѣхъ или другихъ статей въ книгѣ нигдѣ ничѣмъ не мотивируется, и ее можно было составить не въ 500 страницъ, а втрое, вчетверо больше. Между главами нѣтъ никакой связи, отсутствуетъ даже хронологическій порядокъ. Оканчивается книга нѣсколькими словами Лавясса о значеніи философіи, «проповѣдующей терпимость, устранивающей религію и секуляризирующей политику, подготовляющей смутное и новое будущее своими широкими идеями о чело-вѣчности и справедливости, своею ненавистью ко всему, освященному обычаемъ, даже своими сарказмами противъ послѣднихъ слѣдовъ варварства». И все-таки мы не видимъ причинъ появленія этой книги на русскомъ языкѣ, совершенно излишней и неинтересной для насъ. Къ ней приложено 76 политипажей, но такихъ плохихъ и избитыхъ, что ихъ даже совѣстно встрѣтить въ серьезной русской книгѣ, особенно въ виду тѣхъ рисунковъ, какіе выпускаютъ въ свѣтъ жидовскія изданія.

Вл. З—ъ.

«Тарасъ Бульба», Н. В. Гоголя. Разборъ повѣсти для учащихся, съ приложеніемъ статьи «Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя». Составилъ С. Бураковскій. Новгородъ. 1894.

Какъ авторъ различныхъ руководствъ (между которыми особенно выдается «Новая русская литература отъ Ломоносова до Пушкина» въ разборахъ главнѣйшихъ произведеній, въ біографіяхъ и характеристикахъ), г. Бураковскій хорошо извѣстенъ въ учебной литературѣ. Его книги встрѣчаются сочувственно всей критикой и имѣютъ широкое распространеніе въ школьныхъ сферахъ. И успѣхъ книжекъ вполне заслуженный. Онѣ являются прекрасными пособіями для учащихся и несомнѣнно полезны даже для взросло-го читателя, слегка знакомаго съ литературою. Книжки Бураковскаго, дополняя собою знанія, ранѣе приобрѣтенныя, именно «освѣжаютъ эти послѣднія» по удачному выраженію одного библиографа. Книжка, названіе которой выписано выше, отличается тѣми же достоинствами, какія отмѣчены критикой при разборѣ прежнихъ руководствъ опытнаго педагога. Особенно цѣнна статья «Характеристика и значеніе поэзіи Гоголя», такъ какъ подобной, цѣльной характеристики Гоголя въ учебныхъ руководствахъ до сихъ поръ еще не было. Если мы добавимъ, что языкъ книжки вполне литературный, характеристика вѣрна и уясняетъ отчетливо учащемуся личность Гоголя, какъ писателя,—то мы этимъ самымъ приваежъ за книжкой г. Бураковскаго большое значеніе, какъ учебнаго пособія.

А. К.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

ОТКРЫТИЕ Америки китайцами. Недавно канадскій профессор Джонъ Кембль доказывалъ путемъ строго научныхъ аргументовъ, что американскіе индѣйцы туранской расы явились въ Новый Свѣтъ изъ Сибири, Корея и Японіи въ VIII вѣкѣ, а теперь Фредрикъ Мастерсъ въ послѣднемъ номерѣ калифорнійскаго журнала *Overland monthly* окончательно развѣнчиваетъ Колумба и представляетъ безспорныя данныя, подтверждающія, что Новый Свѣтъ открытъ китайцами. Прежде всего въ доказательство новой теоріи онъ приводитъ, съ одной стороны, сродство китайскаго языка съ индѣйскими нарѣчїями, а съ другой—физическое сходство китайцевъ съ индѣйцами, благодаря чему китайки часто переодѣваются индианками Сивашскаго племени, чтобы безопасно проникнуть въ Вашингтонъ, а потомъ онъ выписываетъ нѣсколько страницъ изъ 231-го тома великой китайской энциклопедїи Генъ-Кинъ-Ли-Ханъ, которая цитируетъ знаменитый Ма-Тванъ-Линъ въ его извѣстномъ сочиненїи «Венъ-Хіенъ-Тонгъ-Као» о посѣщенїи китайцами страны Фузангъ, впоследствии—Мексики. «Въ первый годъ царствованїа Вангъ-Хена, изъ династїи Тци, одинъ буддистскій священникъ, по имени Гвей-Ханъ, вернулся въ городъ Кингъ-Шо послѣ путешествїа въ царство Фузангъ и рассказывалъ слѣдующее: царство Фузангъ находится на западѣ отъ царства Тай-Ханъ, на разстоянїи не болѣе 20.000 ли. Оно также находится на западъ отъ Серединой имперїи и названо Фузангомъ отъ изобилїа тамъ деревьевъ того же имени. Листья этихъ деревьевъ похожи на китайское дерево Тцунгъ и они также высоки, какъ бамбукъ; его первые отрпыски употребляются въ пищу, плоды сходны съ грушами, но розоваго цвѣта, а изъ волоконъ выдѣлываютъ ткань. Жители этой страны строить

дома, но ихъ города не окружены ни стѣнами, ни укрѣпленіями. У нихъ есть письмена, и они готовятъ бумагу изъ коры дерева фузангъ. У нихъ нѣтъ ни солдатъ, ни оружія, и они никогда не ведутъ войны. По ихъ законамъ устроено двѣ тюрьмы: на сѣверѣ и на югѣ. Ихъ государи носятъ титулъ Гуть-Хи, высшее дворянство—Туи-Ло, среднее—Луи-ло, а низшее—На-та-шѣ. При выѣздѣ государя сопровождаютъ трубы и барабаны. Цвѣтъ его одежды измѣняется согласно годамъ: во время перваго и втораго года десятилѣтняго цикла она синяя, третьяго и четвертаго—красная, пятаго и шестого—желтая, седьмого и восьмого—бѣлая девятаго и десятаго—черная. У скота въ Фузангѣ большіе рога; повозки запряжены лошадьми, быками и оленями. Туземцы дѣлаютъ сыръ изъ молока; у нихъ цѣлый годъ остаются на деревьяхъ красныя груши. Виноградъ также въ изобиліи. Въ странѣ нѣтъ желѣза, но есть мѣдъ. Золото и серебро не имѣютъ никакой цѣнности; въ торговлѣ нѣтъ опредѣленныхъ цѣнъ. Вообще тамъ не существуетъ ни налоговъ, ни податей. По мѣстнымъ обычаямъ, молодой человѣкъ, желая жениться, долженъ построить противъ дома своей возлюбленной шалашъ и цѣлый годъ мести и поливать площадку передъ ея домомъ. Если подъ конецъ года молодая дѣвушка не изъявитъ согласія, то онъ долженъ удалиться, а въ противномъ случаѣ происходитъ брачная церемонія, совершенно схожая съ китайской. Послѣ смерти отца трауръ продолжается семь дней, послѣ смерти бабки и дѣда—пять дней, послѣ братьевъ, сестеръ, дядей и тетокъ—три дня. Передъ изображеніями покойниковъ молятся утромъ и вечеромъ. Траурныхъ одеждъ вовсе не носятъ, пари не занимаютъ государственными дѣлами впродолженіе трехъ дней послѣ восшествія на престолъ. Въ древнія времена страна Фузангъ совершенно не знала ученія Будды, но во второй годъ царствованія Та-Минга, изъ династіи Сунгъ, пять схимниковъ изъ провинціи Ки-Пингъ ввели въ Фузангъ законы, правила и изображенія Будды, а также видоизмѣнили обычаи и привычки туземцевъ». Что эта страна Фузангъ была дѣйствительно Мексикой, Мастерсъ нимало не сомнѣвается, такъ какъ только въ ней находится то дерево, которое описано въ старой китайской книгѣ и только объ этой странѣ писали средневѣковые авторы, что въ ней нѣтъ желѣза, а золото и серебро не имѣютъ рыночной цѣны. По словамъ Мастерса, буддистскіе схимники попали въ Мексику чрезъ Желтую рѣку, берегъ залива Лего-Тонгъ, Корею, Японію, Курильскіе острова, Аляску, Орегонъ и Калифорнію. Онъ удостовѣряетъ, что приведенный имъ рассказъ Гвея-Хава пользуется въ Китаѣ научнымъ авторитетомъ, входитъ въ программу школъ и съ незапамятныхъ временъ введенъ въ текстъ «Императорскихъ Китайскихъ Анналъ», касающихся описанія чужеземныхъ странъ. Такимъ образомъ оказывается, что ученики первоначальныхъ китайскихъ школъ знали о существованіи Америки за 600 или 700 лѣтъ до Колумба. При этомъ замѣчательно, что китайцы, явившіеся въ Новый Свѣтъ, стали мирно проповѣдывать догматы буддизма, а европейцы, прибывъ туда послѣ столькихъ вѣковъ, залили кровью всю страну и разорили ея жителей. «Всѣ, бывавшіе въ Китаѣ и близко знакомые съ его жителями,—говоритъ въ концѣ своей статьи Мастерсъ,—не могутъ не признать поразительной аналогіи между законами, религіями и обычаями Китаа, Мексики и Перу. Китайцы, работавшіе при постройкѣ желѣзной дороги въ Мексикѣ и путешествовавшіе по центральной Америкѣ, рассказывали мнѣ, что они видѣли на многихъ утесахъ гіероглифы, бывшіе въ сущности водозвмѣненными китайскими письменами. Извѣстный уче-

ный, пасторъ Лобшиде, посѣтившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ Мексику, указывалъ на удивительное сходство между нею и Китаемъ. Выпуклыя крыши на домахъ, якори о четырехъ лопастяхъ безъ загибовъ, моносиллабическій языкъ, идеографическій характеръ письменъ, отсутствіе буквы р — все это общія черты китайцевъ и американскихъ индѣйцевъ, которые, кромѣ того, имѣютъ одинаковыя религиозныя церемоніи, домашнія божества, догматы переселенія душъ, амулеты, сожженіе труповъ, свадебныя обряды, одну законную жену, при большомъ числѣ наложницъ, способъ обдѣлки драгоценныхъ металловъ и т. д. Наконецъ не слѣдуетъ забывать, что еще Гумбольдтъ пришелъ къ убѣжденію, что существовали сношенія между Мексикой и Азіей, задолго до открытія Колумба, въ виду сходства календаря мексиканскаго и нѣкоторыхъ азіатскихъ народовъ.

— Жизнь на минеральныхъ водахъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. *Nouvelle Revue* продолжаетъ и въ первой іюльской книжкѣ оканчиваетъ любопытную серію статей Фернана Энжерана о томъ, какъ жили въ старину на минеральныхъ водахъ. Въ XVI вѣкѣ изъ французскихъ минеральныхъ водъ прославились пиренейскія, именно: Ваньеръ, гдѣ Жанна Дальбре, благодаря цѣлительнымъ свойствамъ одного источника, по словамъ тогдашнихъ хроникеровъ, излѣчилась отъ безплодія и родила сына, будущаго Генриха IV, а также Eau de Bonnes, воды которыхъ благотвительно дѣйствовали на Маргариту Валуа, Монтена и самого Генриха IV; Энкосъ, извѣстный тѣмъ, что возвращалъ волосы лысымъ, и Котрэ, одинъ изъ источниковъ котораго названъ постоянной его посѣтительницей Маргаритой Наваррской «Фонтаномъ Любви». Хотя послѣдняя изъ этихъ мѣстностей привлекала собственно больныхъ не водою, а грязными ваннами, дѣйствовавшими чрезвычайно благотвительно, но «Маргарита изъ Маргаритъ», какъ называли ее современники, придавала ей совершенно романическій характеръ, и Рабле очень цинично рассказываетъ причину чудодѣйственнаго вліянія «Фонтана Любви». Однако, не смотря на всю славу пиренейскихъ минеральныхъ водъ, ихъ отдаленность и многочисленныя затрудненія, сопряженныя съ путешествіемъ туда, мѣшали большому увеличенію ихъ посѣтителей и мало-по-малу возникли ихъ соперники въ болѣе центральныхъ мѣстностяхъ Франціи. Изъ ихъ числа наибольшую извѣстность имѣли Бурбонъ-Ланси и Форжъ, водамъ которыхъ приписывались рожденія ребенка у Екатерины Медичи и будущаго Людовика XIV у Анны Австрійской, а въ особенности Спа, Виши и Пломбьеръ. Первая изъ этихъ трехъ мѣстностей одинаково славилась своимъ дѣйствіемъ на безплодныхъ женщинъ, но для этого необходимо было женщицѣ желающей имѣть ребенка, пить въ продолженіе девяти дней по девяти стакановъ воды изъ Совеньерскаго источника, стоя одной ногой въ отверстіи утеса, носившемъ названіе ноги св. Ремакла; это чудодѣйственное вліяніе воды въ Спа подтверждается однимъ нѣмецкимъ докторомъ изъ Лимбурга, хотя онъ ехидно задаетъ себѣ вопросъ, «не способствовали ли совершенію чуда прогулки въ тѣни деревьевъ, окружавшихъ источникъ». Виши обяванъ своимъ процвѣтаніемъ Генриху III, который не только самъ посѣщалъ эти воды, но посылалъ туда свою сестру Маргариту Валуа, когда она учиняла какой нибудь слышкомъ громкій скандалъ, и тамъ она уже на свободѣ предавалась удовольствіямъ, танцамъ и музыкѣ, какъ на сушѣ, такъ и на водѣ. Что касается до Пломбьера, то онъ былъ въ то время самымъ моднымъ курортномъ, и туда стекались мнимые больные со всѣхъ концовъ Европы.

Извѣстный нѣмецкій ученый Камерари описываетъ, въ самыхъ яркихъ краскахъ, какъ въ большомъ общемъ бассейнѣ купались мужчины и женщины, въ самыхъ легкихъ костюмахъ, а иногда безъ всякихъ, что, по его словамъ, «въ присутствіи на половину, если не совершенно обнаженныхъ женщинъ, придавало мрачной водѣ веселый, улыбающійся видъ». Точно также и Монтенъ съ удовольствіемъ распространяется объ этихъ общихъ купаньяхъ, но увѣряетъ, что все происходило очень скромно, очень прилично, и женщинамъ было обязательно купаться въ рубашкахъ, «хотя послѣднія и обнаруживали болѣе, чѣмъ скрывали ихъ прелести». Въ доказательство своихъ словъ онъ приводитъ постановленіе мѣстныхъ властей о томъ, что проституткамъ не дозволялось не только являться въ ванны, но и подходить къ нимъ на пятьсотъ шаговъ, подъ опасеніемъ тѣлеснаго наказанія, что всѣмъ посѣтителямъ воспрещалось приводить подобныхъ созданій, подъ опасеніемъ тюремнаго заключенія, и что такому же наказанію подвергались лица, позволявшія себѣ неприличные разговоры, или дѣйствія. Конечно, эти строгія правила не мѣшали Пломбьеру быть центромъ веселой жизни того времени, и вообще къ словамъ Монтена надо относиться очень осторожно, потому что онъ и въ Баденѣ не нашелъ ничего не приличнаго, или безнравственнаго, тогда какъ бывшій тамъ незадолго передъ нимъ Поджъ рисовалъ болѣе чѣмъ эротическую картину тамошнихъ нравовъ. Впрочемъ, къ концу XVI вѣка и въ этомъ «всесвѣтномъ саду сладострастія» произошли нѣкоторыя перемѣны, и самыя соблазнительныя сцены происходили не въ общихъ бассейнахъ, а въ отдѣльныхъ ваннахъ, отличавшихся необыкновенною роскошью. Вообще Баденъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи далеко оставлялъ за собою всѣ французскія и итальянскія воды. Его гостиницы отличались необыкновеннымъ удобствомъ и богатствомъ; можно судить о количествѣ бывавшихъ въ нихъ посѣтителей по тому факту, что главная гостиница, гдѣ останавливался Монтенъ, могла приютить триста человѣкъ. Конечно, жизнь была тамъ сравнительно дорога, и въ этомъ отношеніи гораздо болѣе привлекали къ себѣ итальянскіе курорты, славившіеся своей дешевизной. Изъ нихъ болѣе тогда были извѣстны Лука, Витерба, Пиза, Абано и въ особенности Баталія, гдѣ находились знаменитыя грязи. Перехода къ XVII вѣку, Энжеранъ уже ограничивается въ своихъ очеркахъ одними французскими курортами; по его удостовѣренію продолжалась тогда слава Форжа и Виши, а, кромѣ того, вошли въ моду нѣсколько новыхъ, между прочимъ Барезъ, гдѣ лѣчились повидимому съ успѣхомъ маркиза Ментенонъ и Людовикъ XIV, изъ ванны котораго царедворцы пили воду, увѣряя, что она дѣйствовала благотворно, такъ какъ, «прикоснувшись къ королю, творившему чудеса, она не могла сама не производить ихъ». Форжъ долго занималъ первое мѣсто, въ особенности послѣ того, какъ герцогъ Орлеанскій построилъ въ немъ великолѣпную залу для представителей свѣтскаго общества, которые вскорѣ вмѣсто веселыхъ, невинныхъ разговоровъ предались такимъ сплетнямъ и клеветамъ, что Вольтеръ говорилъ: «въ одной бутылкѣ воды изъ Форжа болѣе кислоты, чѣмъ въ бутылкѣ чернилъ». Виши соперничалъ съ Форжемъ насчетъ свѣтскаго блеска, и знаменитая г-жа Де-Севинье подробно описываетъ въ своихъ письмахъ пріятную и по ея свидѣтельству чрезвычайно приличную и нравственную жизнь, которую вели тамъ больные и здоровые посѣтители. Вообще въ эту, далеко не славившуюся нравственностью, эпоху доктора въ курортахъ, гдѣ они разыгрывали чрезвычайно важную роль, настаивали на

необходимости, при лѣченіи водой, вести самую скромную, спокойную и безупречную жизнь. Одинъ изъ нихъ Бертменъ, докторъ въ Пломбьерѣ, прямо говоритъ въ своей книгѣ, что такъ какъ ванны для здоровья, а не для удовольствія, то въ числѣ развлеченій «не должна участвовать почтенная дама Венера, развѣ только могутъ быть допускаемы краткія бесѣды честной любви». Парижскій медицинскій факультетъ шелъ далѣе и прямо заявлялъ, что въ водахъ надо мужчинамъ и женщинамъ помѣщаться отдѣльно. Впрочемъ, врядъ ли всѣ эти совѣты примѣнялись на практикѣ, такъ какъ докторъ Питонъ въ Э, упоминая о томъ, что по римскимъ законамъ конфисковалось приданое каждой молодой дѣвушки, которую заставляли въ ваннѣ съ мужчиной, замѣчаетъ: «сколько бы теперь пропадало приданыхъ, если бы примѣнялись эти законы». Сами доктора, повидимому, нарушали предписываемыя ими правила воздержанія, и поэтъ Сень-Павенъ описываетъ въ эротическомъ стихотвореніи, какъ нѣкоторые изъ нихъ лѣзали изъ кожи, чтобы удовлетворить самымъ неестественнымъ страстямъ ихъ пациентовъ. Вообще о тогдашнихъ докторахъ модныхъ водъ ходила самая дурная слава, и ихъ постоянно упрекали въ невозможной корысти, а также въ чрезмѣрномъ самолюбіи, доходившемъ до того, что одинъ докторъ въ Бурбонѣ подвергъ чрезъ знакомаго ему судью штрафу въ 100 ливровъ своего пациента за то, что тотъ назвалъ его осломъ. И это происходило въ 1765 году, въ самый разгаръ славы Мольера. XVIII вѣкъ произвелъ громадную перемѣну во французскихъ курортахъ, введя въ нихъ азартную игру. До тѣхъ поръ въ Европѣ мѣсто теперешняго Монако занимали два нѣмецкихъ города Ахенъ и Швальбахъ. Въ послѣднемъ существовало два большихъ игорныхъ дома, изъ которыхъ главный имѣлъ обширную залу съ галлерейми на тысячу человѣкъ. Въ этой залѣ было расположено тридцать игорныхъ столовъ, на которыхъ играли во все что угодно, но не менѣе, какъ по золотому, хотя принцессамъ дозволялось играть и по маленькой, такъ какъ окружавшіе ихъ кавалеры составляли обильную наживу для банкометовъ. Въ Ахенѣ были введены всѣ, запрещенныя въ другихъ европейскихъ городахъ, игры, какъ, напримѣръ, рулетка, запрещенная въ Англіи, бириби — во Франціи и фараонъ — въ Германіи. Городъ отдавалъ право содержать игорный домъ одному лицу за четыре тысячи золотыхъ въ годъ, а тотъ перепродавалъ свое право третьему за двойную цѣну; игра начиналась съ 12 часовъ дня и продолжалась до 3 часовъ слѣдующаго утра. Конечно, шулерами изобиловали эти оба нѣмецкіе вертепы игры, но ни ихъ безсовѣстныя продѣлки, ни частыя самоубійства несчастныхъ игроковъ не могли уничтожить ихъ привлекательную силу. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія азартная игра начала распространяться на французскихъ водахъ, и Барезъ первый завелъ игорный домъ, а его примѣру послѣдовалъ Баньеръ, вскорѣ сдѣлавшійся царемъ тогдашнихъ курортовъ, благодаря не столько своимъ прекраснымъ тридцати двумъ источникамъ, сколько игрѣ, привлекавшей до десяти тысячъ посѣтителей со всѣхъ концовъ Европы. Въ этихъ и во многихъ другихъ, соперничавшихъ съ ними французскихъ курортахъ игра велась на самую широкую ногу, какъ въ казино, такъ и въ частныхъ домахъ, при чемъ въ какіе нибудь полчаса проигрывали въ «фараонъ» до шести тысячъ франковъ, и даже бывали игры въ пикетъ, оканчивавшіяся проигрышемъ въ двѣнадцать тысячъ франковъ. Только одинъ Пломбьеръ сохранялъ свой прежній характеръ и не завелъ игорнаго дома, но зато, кромѣ краткаго времени, когда ему покровительство-

валь Людовикъ XV, онъ сдѣлался исключительно мѣстомъ для лѣченія больныхъ. Такъ какъ въ это время пить воды сдѣлалось самымъ моднымъ лекарствомъ, то было открыто много новыхъ источниковъ и даже подъ самымъ Парижемъ въ Пасси, который быстро сдѣлался модной велиджіатурой. Кромѣ того, благодаря общему употребленію минеральныхъ водъ, ихъ стали выписывать въ Парижъ, и такимъ образомъ мало-по-малу установился обычай пить воды и на значительномъ разстояніи отъ ихъ истичниковъ. Революція не уничтожила курортовъ, но измѣнила ихъ характеръ и дала имъ новыхъ кліентовъ. По постановленію Комитета общественной безопасности главнѣйшіе минеральные источники во Франціи были посвящены на пользу гражданъ, раненыхъ и заболѣвшихъ, защищая отечество; для нихъ были устроены великолѣпныя больницы и богадѣльни, но если республиканскія минеральныя воды представляютъ замѣчательную страницу въ исторіи филантропіи, то, конечно, жизнь тамъ далеко не была такой веселой, какъ въ прежнія времена.

— Авторъ «Полусвѣта» о маркизѣ Ментенонъ. Въ послѣднее время въ французской литературѣ чрезвычайно возло знаменитой фавориткѣ Людовика XIV, маркизѣ Ментенонъ, и не только многіе покладистые историки возвели ее на величественный пьедесталъ, но и почтенные моралисты доказывали, что она была самая правственная женщина, чуть ли не святая, уже не говоря о благотѣльномъ вліяніи ея, какъ основательницы Сен-Сирской школы, на развитіе образованія во Франціи; эта реабилитация одного изъ злыхъ геніевъ Франціи и творца отмѣны Нантскаго эдикта отразилась и на другихъ европейскихъ литературахъ. Такъ, большимъ успѣхомъ пользуется въ Англіи и даже въ Германіи недавно вышедшій историческій романъ Конона Дойла «The Refugees» (Изгнанники), въ которомъ авторъ, подражая манерѣ творца «Мускетеровъ», рассказываетъ самыя невозможныя приключенія гугенотовъ во Франціи и въ Новомъ Свѣтѣ, но, подчиняясь новой модѣ, рисуетъ въ картинѣ Версальскаго двора маркизу Ментенонъ въ самыхъ сочувственныхъ краскахъ, съ ореоломъ святости на челѣ. Конечно, подобныя извращенія исторической истины не могли не вызвать реакціи, и за это дѣло взялся извѣстный французскій педагогъ и публицистъ Камилль Сэ, который въ своей книгѣ «L'université et madame de Maintenon» блестяще доказалъ всю неосновательность защиты великой куртизанки и развѣнчавъ ее окончательно свелъ съ воздвигнутаго пьедестала ея легкомысленными почитателями. Но онъ не довольствовался этимъ успѣхомъ и обратился къ литературнымъ звѣздамъ нашего времени съ просьбой изложить ихъ взглядъ на предметъ разрѣшеннаго имъ спора, и одинъ изъ этихъ отвѣтовъ, именно письмо Александра Дюма, напечатанъ въ августовской книжкѣ парижскаго педагогическаго журнала «L'enseignement secondaire des jeunes filles». Какъ извѣстно, сынъ автора столькихъ историческихъ романовъ и пьесъ, въ которыхъ бѣдная исторія извращалась самымъ безцеремоннымъ образомъ, никогда не выступалъ въ своихъ произведеніяхъ на историческую почву, словно опасаясь впасть въ отцовскую ошибку, но этотъ, если не ошибаемся, первый дебютъ Александра Дюма въ новой для него области представляетъ замѣчательно блестящую, остроумную и вѣрную историческую характеристику «торжественной авантюристки», какъ онъ окрестилъ маркизу Ментенонъ. «Спрашивая мое мнѣніе, — пишетъ онъ, — вы попали удачно, такъ какъ у меня составила совершенно опредѣленная идея объ этой ловкой бабѣ. Я

знаю, что теперь многіе стараются прославить великую маркизу и даже выдать ее за святую; конечно, она столько сдѣлала для насильственнаго торжества католицизма въ Франціи, что католическая церковь должна была бы возвести ее хоть въ санъ блаженной. Съ другой стороны мнѣ извѣстно, что нѣкоторые стараются отвергнуть ея участіе въ отмѣнѣ Нантскаго эдикта, не смотря на находящіеся въ ея письмахъ доказательства противоположнаго. Дѣйствительно же она сдѣлала все, что могла, для достиженія этой цѣли съ фанатизмомъ ренегата и рабской благодарностью выскочки къ духовенству, которое помогло ей выскочить. Когда женщина, начавъ свою карьеру такъ, какъ она, сумѣла женить на себѣ короля Людовика XIV и присутствовала на всѣхъ министерскихъ совѣтахъ, даже при туалетѣ своего царственного супруга, то нельзя допустить, чтобы она дѣлала это для собственнаго удовольствія, а напротивъ надо признать, что хотя она держала языкъ за зубами, но слышала все, что говорилось, и соображала все, что должно было дѣлаться. Она никогда не говорила на министерскихъ совѣтахъ, какъ доказываютъ ея защитники, но она была слишкомъ умна и ловка для этого. По словамъ народной поговорки: «ночь даетъ совѣтъ», и женщины, владѣющія ночью, предоставляютъ мужчинамъ разсуждать днемъ. Впрочемъ она находилась всегда въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ съ министрами, которые въ противномъ случаѣ теряли свои мѣста, и когда она хотѣла, то у нея спрашивали совѣта, какъ въ дѣлѣ духовнаго завѣщанія испанскаго короля, хотя она тогда и высказывала свое мнѣніе въ самой скромной формѣ. Лучшимъ доказательствомъ, еслибъ таковое было необходимо, что она не только поощряла, но прямо внушила мысль этой второй Вареломеевской ночи, служить фактъ, что она ничего не сдѣлала, съ цѣлью помѣшать этому событію, хотя подобное отношеніе къ дѣлу было обязательно для бывшей протестантки. Она даже не ходатайствовала ни за кого изъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и не спасла никого въ своей комнатѣ, какъ королева Марго. Напротивъ, если она не выказывала ни малѣйшаго сожалѣнія, то въ ея письмахъ находятся многочисленныя доказательства, что она спекулировала на покупкѣ помѣстій, которыя еретики должны были спѣшно продавать. Это была холодная, безчувственная, невозмутимая, корыстная содержанка, имѣвшая вѣсы вмѣсто сердца. Это была самая пагубная изъ женщинъ, эксплуатировавшихъ королевское ложе. Рядомъ съ нею Діана, Габріелла, маркиза Помпадуръ и даже Дю-Барри кажутся невинными Хлоями, играющими въ дѣтскія игры. Съ экономической, политической, общественной и нравственной точекъ зрѣнія, она сдѣлала болѣе вреда Франціи, чѣмъ всѣ вѣшнія пораженія. Но она хорошо писала и этимъ съ самаго начала привлекла къ себѣ короля, такъ какъ мы во Франціи все въ грошъ не ставимъ, кромѣ литературы. Что же касается до позднѣйшихъ поколѣній, то она позируетъ передъ ними въ своемъ строгомъ черномъ платьѣ и черной кружевной наколкѣ, казавшейся митрой, или тиарой, а потому эти поколѣнія, всегда падкія къ живописнымъ позамъ и къ прощенью тѣхъ преступленій, отъ которыхъ они сами ничего не терпѣли, легко поддались обману. Въ результатѣ оказалось, что эта ловкая куртизанка кажется многимъ добрымъ людямъ почтенной, полурелигіозной, полусвѣтской компаньонкой, директрисой школы въ Сень-Сирѣ, сестрой милосердія въ Версальѣ, даже «всесвѣтной настоятельницей». Однако, чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо признать, что она была интриганкой перваго сорта. Она

сумѣла замѣнить г-жу де-Монтеспанъ, которой была всеѣмъ обязана, и поняла, что король, хотя, еще сорока лѣтъ, дошелъ до физиологической минуты, когда уже нельзя было болѣе вліять на его застывшее сердце и на чувственную, совершенно истощенную, а слѣдовало ублаживать его для необходимаго покоя симфоніей раскаянія и религіи; она не заступила вульгарно мѣсто покинутой фаворитки, а возвратила развратнаго мужа къ супружеской любви, послѣ чего переспѣлый плодъ могъ бы показаться первой вишенкой; вслѣдъ за смертью королевы, умершей, вѣроятно, отъ удивленія, она законнымъ образомъ наслѣдовала ей, т. е. всему, чему могла наслѣдовать, и въ доказательство своей власти показывала бывшему сластолюбцу двѣсти пятьдесятъ дѣвственницъ своей школы, при чемъ слуга Божій не подымалъ глазъ ни на одну изъ нихъ; женщина, достигшая всего этого, такъ начавшая свою жизнь и такъ кончившая ее, заслуживаетъ полного вниманія тѣхъ, которые имѣютъ эстетическіе инстинкты и приходятъ въ восторгъ отъ всякаго хорошо, художественно исполненнаго плана, каковъ бы онъ ни былъ по существу, и къ каковымъ бы послѣдствіямъ ни привело его осуществленіе. Если люди, защищающіе или прославляющіе Франциску Д'Обинье, желаютъ научить бѣдныхъ ученицъ нашихъ школъ эксплуатированью мужчинъ вопреки нравственности, то они не могутъ найти лучшаго примѣра, какъ жизнь этой торжественной авантюристки».

— Настоящая г-жа Безъ-Стѣсненій. Модная пьеса Сарду «Г-жа Безъ-Стѣсненій» (Madame Sans-Genes), выдержавшая въ Парижѣ болѣе трехсотъ представленій и переведенная уже на нѣмецкій и англійскій языки, сдѣлала совершенно популярной оригинальную фигуру героини этой пьесы, жены маршала Лефевра, герцога Данцигскаго, которая, по словамъ автора, была известна подъ прозвищемъ «Г-жи Безъ-Стѣсненій», но оказывается, что это совершенно несправедливо, и настоящей г-жей Безъ-Стѣсненій была не хорошенькая, разбитая прачка Катерина, сдѣлавшаяся потомъ герцогиней Данцигской, а Тереза Фигеръ, исторію которой болѣе интересную, чѣмъ любой романъ, рассказываетъ А. Вандамъ въ июльской книжкѣ New Review. Марбо въ своихъ мемуарахъ нѣсколько разъ и съ большою похвалою говоритъ объ этой необыкновенной женщинѣ, но въ сообщаемыхъ имъ свѣдѣніяхъ встрѣчается нѣсколько ошибокъ. Напримѣръ, онъ выдаетъ ее за дочь одного изъ федеральныхъ инсургентовъ Ліона въ 1793 году, а известно, что этотъ городъ возсталъ противъ Конвента и былъ послѣ долгой осады взятъ, но отецъ героини, Шьеръ Фигеръ, умеръ уже десять лѣтъ передъ тѣмъ, а ея мать еще ранѣе. Въ дѣйствительности Тереза, съ которой очень дурно обращалась ея мачиха, покинула Ліонъ еще ребенкомъ и жила въ Авиньонѣ у дяди, который воспиталъ ее, какъ свою собственную дочь. Когда возмутился Ліонъ, то пламенный авиньонецъ, горячо сочувствовавшій жирондецамъ, вступилъ въ отрядъ волонтеровъ, послѣдившихъ къ нему на помощь и взявъ съ собою племянницу, одѣтую канониромъ. Какъ она, такъ и ея дядя были взяты въ плѣнъ арміей генерала Канкло, но имъ оказано было самое теплое сочувствіе, и самъ генералъ предложилъ имъ обоимъ вступить въ ряды регулярной арміи, хотя онъ очень хорошо зналъ, что юный канониръ былъ дѣвухой. Впрочемъ, въ республиканскихъ войскахъ женщина-солдатъ не была рѣдкостью, а послѣ перехода ихъ въ императорскіе легіоны это явленіе стало еще болѣе зауряднымъ, и при Ватерло подъ наполеоновскими знаменами считалось двѣнадцать женщинъ. Поступивъ солда-

томъ въ конно-егерскій полкъ, Тереза Фигеръ, по предложенію подпоручика Шастеля, приняла имя г. Бевъ-Стѣсеней и вскорѣ сдѣлалась популярной во всемъ корпусѣ. Однажды, передъ Тулономъ, ей поручили отвезти приказаніе на сосѣдній постъ; на возвратномъ пути она захала въ импровизованную сержантомъ, а впоследствии маршаломъ Жюно, маркитантскую палатку и подвѣршила свои ослабѣвшія силы хорошимъ кускомъ баранины; но когда она вернулась въ главную квартиру, то, пославшій ее, офицеръ посмотрѣлъ на часы и спокойно сказалъ: «довольно было сорока пяти минутъ на поѣздку туда и обратно, а вы употребили часъ десять минутъ. Ступайте подъ арестъ». Тереза могла бы отвѣчать, что она только останавливалась поѣсть, и то уже исполнивъ свое порученіе, да еще въ такое время, когда войска были на отдыхѣ, но она предпочла изъ принципа повиноваться и молча отправилась подъ арестъ, откуда ее выпустилъ на свободу сынъ генерала Дюгомье, который заступился за нее передъ арестовавшимъ ее офицеромъ, но г-жа Бевъ-Стѣсеней не простила послѣднему его чрезмѣрной строгости и за офицерскимъ столомъ, къ которому ее всегда приглашали, что вообще не было рѣдкостью для солдата въ тѣ времена республиканскаго равенства, она высказала ему все, что думала объ его поступкѣ, и даже прибавила нѣсколько шутокъ относительно его некрасивой фивіоніи, при чемъ назвала его уродливымъ негромъ. Этотъ офицеръ былъ Бонапартъ, и хотя онъ сначала нѣсколько смутился, но потомъ добродушно смѣялся со всѣми товарищами надъ ея шутками. Впродолженіе семи лѣтъ, слѣдовавшихъ за осадой Тулона, во время которой она была серьезно ранена, Тереза быстро переходила отъ одного подвига или приключенія къ другому. Въ Кастрѣ, гдѣ она стояла съ 15-мъ драгунскимъ полкомъ, ее обвинили въ похищеніи молодой дѣвушки, принадлежавшей къ хорошей семьѣ, и можно себѣ представить удивленіе отца, когда полковой командиръ объявилъ ему, что обвиняемый драгунъ была женщина. Не менѣе поразительную картину представила и слѣдующая сцена: какой-то адъютантъ влюбился въ Терезу и предложилъ ей свою руку, на что получилъ согласіе, такъ какъ всѣ товарищи уговорили ее не отказываться отъ такого блестящаго брака, не смотря на ея давнишнюю любовь къ товарищу своего дѣтства Клемаву Зуттеру; но когда женихъ и невѣста въ мундирахъ явились къ мѣру, то онъ спросилъ: «виноватъ, господа, но кто же изъ васъ невѣста?» Эти слова произвели такое непріятное впечатлѣніе на Терезу, что она отказалась отъ этого брака и впоследствии вышла замужъ за Зуттера, а адъютантъ остался на всю жизнь холостымъ. Въ Испаніи Тереза спасла жизнь генералу Нугезу на полѣ брани, вытащила изъ воды двухъ тонувшихъ товарищей и подъ ней убито двѣ лошади. Въ Италіи, куда она перешла со своимъ полкомъ, съ ней случилась очень забавная исторія. Выходя изъ госпиталя въ Буске, гдѣ она ухаживала за раненымъ карабинеромъ, она подверглась неожиданному нападенію отряда австрійскихъ гусаръ, которые убили у нея лошадь, но она успѣла скрыться въ домѣ графа Белена, французскаго эмигранта. Вообще Тереза не жаловала эмигрантовъ, хотя многихъ изъ нихъ спасала въ Испаніи только потому, что они были ея соотечественники, и, входя въ домъ графа Белена, она рѣшительно не знала, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, но оказалось, что графъ уже помирился съ новыми идеями, и какъ онъ, такъ и жена его приняли ее съ распростертыми объятіями. Узнавъ, что французскій драгунъ была женщина, они

снабдили ее женскимъ костюмомъ и, пригласивъ къ обѣду, представили своимъ гостямъ, какъ недавно пріѣхавшую французенку. Между гостями оказалось нѣсколько молодыхъ эмигрантовъ изъ легіона Бюсси, которые хвалились, что они скоро приведутъ Францію къ одному знаменателю. Г-жа Безъ-Стѣсеней долго молча ихъ слушала, но наконецъ не выдержала и воскликнула: «вы слишкомъ зазнаетесь, господа, думая, что у васъ за спиной вся Европа, но республика плюетъ на васъ и на всю Европу, а я, хотя и женщина, справлюсь съ любымъ изъ васъ, если мнѣ дадутъ саблю, и между такими трусами найдется храбрецъ, чтобы помѣяться съ женщиной». Поднялся страшный шумъ, и хозяинъ съ хозяйкой не знали, что дѣлать, но Тереза продолжала: «да, господа, я не только французенка, но гражданка республики и драгунъ ея арміи». Тутъ всѣ эмигранты вспомнили, что они все-таки французы, дали клятву, что не выдадутъ ея тайны, и, узнавъ всѣ подробности ея интересной жизни, восторженно пили за ея здоровье, а на другой день съ торжествомъ проводили ее въ женскомъ костюмѣ, чрезъ ряды того самаго полка, который недавно пытался взять ее въ плѣнъ. Спустя три дня, она дѣйствительно была взята въ плѣнъ, послѣ того какъ подъ ней было убито три лошади, и на этотъ разъ дѣло едва не кончилось трагически. Австрійцы не хотѣли вѣрить, чтобы женщина могла совершить такіе подвиги, какъ Тереза, и, признавъ ее за вѣдьму, приговорили къ разстрѣлянью, но въ послѣднюю минуту къ ней на выручку явился герцогъ Де-Линъ и спасъ ее отъ вѣрной смерти. Ей дозволили свободно вернуться во Францію, но ея здоровье было такъ разстроено, что она была вынуждена подать въ отставку и дѣйствительно получила ее 19 января 1800 года съ ежегодной пенсіей въ 200 франковъ. Сначала она поселилась въ Монтельмаръ, а потомъ въ Шалонъ, гдѣ вскорѣ совершенно поправилась и, явившись въ Парижъ, снова поступила на военную службу въ 9-й драгунскій полкъ. Ея слава уже давно достигла столицы, и она тотчасъ сдѣлалась львицей въ высшемъ парижскомъ обществѣ. Всѣ генералы приглашали ее къ обѣду, и наконецъ сама Жозефина вызвала ее въ Сень-Клу. Вотъ какъ описываетъ она сама свое свиданіе съ Наполеономъ: «Я надѣялась, что Бонапартъ забылъ сцену, происшедшую въ Тулонѣ семь лѣтъ тому назадъ, но, увидавъ меня, онъ прямо подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и сказалъ: «а господа поди въ Безъ-Стѣсеней, находите ли вы, что я такой же уродъ, какъ при осадѣ Тулона?». Я покраснѣла до корней волосъ и едва нашла достаточно смѣлости, чтобы отвѣтить: «нѣтъ, генераль». Но онъ не слушалъ меня и, обращаясь къ Жозефинѣ, сказалъ: «знаешь, она назвала меня уродливымъ негромъ». И онъ, громко разсмѣявшись, сталъ расхваливать меня своей женой». По словамъ Вандама, Наполеонъ распорядился, чтобы Тереза осталась въ Сень-Клу, но придворная атмосфера ей не была по сердцу, и она вскорѣ отпросилась обратно въ полкъ. Спустя нѣсколько дней, она навѣстила генерала, впоследствии маршала Ланна, и на вопросъ его объ убитыхъ подъ ней лошадяхъ она отвѣчала: «мнѣ всего непріятнѣе, что изъ этихъ четырехъ лошадей три были мои собственныя». Ланнъ совѣтовалъ ей требовать вознагражденія за этихъ лошадей, а на ея замѣчаніе, что отъ нихъ никогда ничего не добьешься, онъ возразилъ, что берется самъ устроить дѣло на первомъ же смотру у Тюльери. Но, повидимому, онъ забылъ объ этомъ, а хорошо помнившая его обѣщаніе Тереза подняла такой скандалъ, вступивъ въ рукопашную съ непускавшими ее во дворецъ придворными, что

Наполеонъ обратилъ на нее вниманіе, дружески кивнулъ ей головой и спросилъ у Ланна: «что ей нужно?»—«Она требуетъ вознагражденія за убитыхъ подъ нею лошадей»,—отвѣчалъ генераль.—«Хорошо,—сказалъ Наполеонъ,—пусть ей уплатятъ».—«Конечно, ей уплатятъ,—воскликнула Тереза во все горло:—но когда?». Первый консулъ улыбнулся и произнесъ: «а вы все такая же сорви-голова, г-жа Безъ-Стѣсненій?»—«Все такая же,—отвѣчала Тереза,—и маленькая солдатка Безъ-Стѣсненій готова служить вамъ, генераль, еще въ восьми или десяти кампаніяхъ». Спустя двѣ недѣли, она получила свои деньги, а затѣмъ исполнила слово и участвовала почти во всѣхъ походахъ Наполеона. Она находилась въ битвахъ подъ Ульмомъ и Аустерлицомъ, а въ Вѣнѣ во время французской оккупаци такъ обворожила Бернадотта, будущаго короля Швеціи, что онъ предложилъ ей свою руку, но лѣвую, и она дала ему такой отвѣтъ, что онъ сразу прекратилъ свои ухаживанія. Въ 1807 году она снова была равена и вынуждена отдыхать два года. Въ 1809 году во время испанской войны ее взяли въ плѣнъ знаменитый вождь гвериль-жсовъ, Мерино, и передалъ англичанамъ, которые держали ее нѣсколько лѣтъ въ заточеніи въ Вольдервудѣ, близъ Саутгемптона. Въ 1814 году она возвратилась во Францію и присутствовала на послѣднемъ смотру Наполеона на Карусельской площади. Послѣ Ватерло Тереза открыла вмѣстѣ съ извѣстной тогда воздухоплавательницей, г-жей Гарнеренъ, ресторанъ и нажила въ три года много денегъ; послѣ этого она могла выйти замужъ за товарища своего дѣтства, Клемана Зутера, который тогда былъ жандармскимъ квартирмейстеромъ. По тогдашнимъ обычаямъ жандармамъ дозволялось жениться, только имѣя ежегоднаго дохода не менѣе шести сотъ франковъ, но парижскій губернаторъ, генераль Деспинуа, даль согласіе на этотъ бракъ, говоря со смѣхомъ: «какъ можно мѣшать курьезной свадьбѣ жандарма съ драгуномъ». Они были обвѣнчаны 2 іюля 1818 года, и хотя невѣстѣ было тогда сорокъ четыре года, но она была еще очень видной женщиной, а ея талія была одинаковой величины съ ногой ея жениха. Въ виду ея громадной популярности въ Парижѣ, торговки центрального рынка поднесли ей букетъ изъ fleur d'orange и, по словамъ Вандама, она вполне заслуживала этихъ дѣйственныхъ цвѣтовъ, что само по себѣ составляетъ одну изъ наиболѣе интересныхъ чертъ ея жизни.

— Неизданное сочиненіе Наполеона I о любви. Во второй августовской книжкѣ «Revue de Paris» Массонъ печатаетъ еще одинъ отрывокъ изъ подготовляемыхъ имъ къ печати неизданныхъ сочиненій Наполеона подъ названіемъ «Диалогъ о любви». Этотъ маленькій любопытный разговоръ между Бонапартомъ и его другомъ де-Мази написанъ въ 1791 г., когда его авторъ находился съ своимъ полкомъ въ Валенсѣ, и ему было двадцать два года. На шести страницахъ, служащихъ изложеніемъ бесѣды, будто бы происходившей между нимъ и его товарищемъ по Лаферскому полку, а потомъ бывшимъ камергеромъ его двора, будущій императоръ самъ излагаетъ очень рѣзкій, враждебный любви къ женщинамъ, взглядъ, а въ уста Де-Мази влагаетъ защиту этого могущественнѣйшаго изъ человѣческихъ чувствъ. По словамъ Массона: «Въ то время, когда Наполеонъ писалъ этотъ трактатъ о любви, онъ самъ почти не имѣлъ никакого понятія объ этомъ чувствѣ, и его авторитетное, отвлеченное мнѣніе о женщинѣ обнаруживаетъ вполне тогдашнее его состояніе бѣднаго, цѣломудреннаго, дикаго юноши; только когда Жозефина появилась на горизонтѣ его жизни, онъ

дѣйствительно узналъ, что такое любовь, но и тогдашнее пламя любви, не смотря на всю его могучую силу, недолго поддерживалось. Обезумѣвъ отъ сластолюбія, онъ вскорѣ пресытился имъ и отвергъ любовь, подчиняющую себѣ все существо человѣка, его тѣло и его умъ, а сталъ отводить женищиѣ ту долю своего времени и своихъ чувствъ, которую ему угодно было этому посвятить. Любовь, не повелѣвающая всецѣло человѣкомъ, не любовь, но тотъ, кто повелѣваетъ и любовью, — повелитель всего и всѣхъ». Предметомъ «Диалога о любви» служитъ то обстоятельство, что Де-Мази влюбился въ какую-то Аделаиду и для нея забылъ все на свѣтѣ, а Бонапартъ старается его образумить. «Я не стану останавливаться, — говоритъ онъ въ отвѣтъ на пламенную картину своей любви, которую рисуетъ страстный юноша: — на опредѣленіи любви, я самъ былъ когда-то влюбленъ и хорошо помню свое тогдашнее состояніе, а потому считаю излишнимъ всѣ метафизическія тонкости, только затемняющія всякій вопросъ. Я не только отрицаю существованіе любви, но считаю ее вредной для общества и для каждаго отдѣльнаго человѣка; она творитъ столько зла, что было бы благодарнѣе, если бы судьба избавила отъ нея все человѣчество». — «Какъ уничтожить любовь, — восклицаетъ его собесѣдникъ: — безъ любви нѣтъ жизни, нѣтъ счастья». — «Не горячитесь, — продолжаетъ Бонапартъ, — а хладнокровно скажите мнѣ, что случилось съ вами съ тѣхъ поръ, какъ вы бросили занятія, родственниковъ, друзей и принесли все въ жертву ежедневной монотонной, скучной прогулкѣ съ вашей Аделаидой». — «Какое мнѣ дѣло до вашей науки и до всего остальнаго, — отвѣчаетъ Де-Мази, — я до сихъ поръ прозябалъ, а живу только съ тѣхъ поръ, какъ люблю. Среди вашихъ занятій я чувствовалъ свое сердце пустымъ, а теперь я уже не спрашиваю себя, зачѣмъ солнце свѣтитъ? Но вы смѣетесь, я васъ возненавижу». — «Я смѣюсь надъ вашимъ пыломъ, — произноситъ Бонапартъ, — и долженъ говорить съ вами хладнокровно во имя нашей дружбы. Вы теперь одержимы тяжелымъ недугомъ и не понимаете ни вашей болѣзни, ни до чего она можетъ дойти. Поэтому я не стану разсуждать о томъ, достойны ли человѣка тѣ удовольствія, которымъ вы теперь предаетесь. Я готовъ признать, что человѣкъ, царь вселенной по силѣ, уму и другимъ своимъ способностямъ, находитъ величайшее блаженство въ рабскомъ подчиненіи унижающей его страсти и созданію, которое уступаетъ ему по уму и физической силѣ. Я согласенъ допустить, что ваша Аделаида, ея образъ и разговоръ, мысли о ней, замѣняютъ вамъ и научныя занятія и общество. Но развѣ вы счастливы? Вы пламенно желаете достигнуть того, въ чемъ отказываетъ вамъ добродѣтель Аделаиды. А потомъ васъ волнуютъ всякаго рода случайности: если она уѣдетъ на двѣ недѣли, если кто нибудь другой станетъ ухаживать за ней, если ея мать найдетъ ваши частые визиты компрометирующими молодую дѣвушку, то куда дѣнется ваше счастье? А если пришлось бы спасать отечество въ опасности, развѣ можно поручить судьбу государства и благоденствіе ближнихъ мальчишкѣ, у котораго нѣтъ своей воли?» — «Все это пустыя слова, — восклицаетъ влюбленный юноша: — какое мнѣ дѣло до вашего государства!» — «Вотъ видите, до чего вы доходите, отдавшись всецѣло сладострастію, — возражаетъ Бонапартъ, — все въ васъ исчезло: и сила, и добродѣтель, и ваши прежнія стремленія къ добру. Вы теперь забыли и государство, и общество, и согражданъ, а желаете только жить вдвоемъ съ Аделаидой подъ тѣнью деревьевъ, въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ. О,

другъ мой, какъ я ненавижу ту страсть, которая можетъ произвести въ человѣкѣ такую метаморфозу. Вы не думаете, что руководитесь однимъ эгоизмомъ и ради одного взгляда, одного рукопожатія, одного поцѣлудя приносите въ жертву отечество, родственниковъ и друзей. Положимъ, что любовь даетъ несравненные ни съ чѣмъ удовольствія, хотя она же причиняетъ еще большія горести, и рассмотримъ только ея вліяніе на общество. Конечно, человѣкъ имѣетъ душу независимую и рожденъ для того, чтобы быть счастливымъ, но общество наложило на него необходимыя увѣ, почему естественныя чувства человѣка замѣнились общественными предразсудками. Вотъ основа всѣхъ общественныхъ учрежденій. Безъ существованія этихъ предразсудковъ голодные не стали бы терпѣть, чтобы рядомъ съ ними жили богатые вельможи и возвышались великолѣпные дворцы. Сила составляетъ законъ среди животныхъ, а условность среди людей. Для защиты себя отъ звѣрей и отъ взаимной борьбы люди условились признать право собственности, а для охраненія его установлены власти. Вотъ происхожденіе неравенства между людьми и существованія съ одной стороны правящихъ, а съ другой стороны — управляемыхъ. Для утѣшенія несчастныхъ, не имѣющихъ никакой собственности и угнетаемыхъ властями, явилась религія съ ея духовенствомъ и еще болѣе закрѣпостила человѣка. Что онъ униженъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, но нельзя не признать, что общественный строй имѣетъ законное основаніе, и безмолвное согласіе людей на его существованіе служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Послушайте, другъ мой, вамъ двадцать лѣтъ и вамъ предстоитъ одно изъ двухъ: или отказаться отъ вашего положенія въ свѣтѣ, отъ вашего состоянія и отъ общества, которое вы такъ ненавидите, или вступитъ въ число гражданъ и подчиниться законамъ. Вы пользуетесь всѣми выгодами общественнаго договора, а потому, какъ честный человѣкъ, должны нести возлагаемая имъ обязанности. Вы обязаны выказать себя достойнымъ тѣхъ преимуществъ, которыя вамъ даетъ государство, и обезпечить благоденствіе общества, которое васъ отличаетъ. Для этого вамъ необходимо быть полнымъ хозяиномъ своего сердца, своего ума и своего времени, необходимо руководствоваться только свѣточемъ разума и справедливо смотрѣть на права человѣка, необходимо быть всегда готовымъ на служеніе государству въ качествѣ воина, чиновника, или даже царедворца, если этого требуетъ интересъ вашего народа и вашей націи. И какъ велика будетъ ваша награда! Вы не будете бояться ни клеветы, ни зависти, ни болѣзни, ни старости. Общее уваженіе будетъ вашимъ удѣломъ: одинъ будетъ рассказывать въ своей хижинѣ о вашихъ заботахъ насчетъ бѣдныхъ, другой станетъ объяснять, какъ вы спасли его отъ несправедливыхъ преслѣдованій. Нѣтъ, другъ мой, не тебѣ быть на колѣняхъ передъ женщиной и презирать несчастья твоихъ согражданъ. Нѣтъ, ты будешь жить всѣми уважаемымъ за услуги, оказанныя тобой обществу и народу, а послѣ твоей смерти тебя будутъ оплакивать, какъ оракула всѣхъ знающихъ тебя и отца твоихъ васаловъ». — «Я васъ не понимаю, — говоритъ Де-Мазз: — любовь не можетъ помѣшать мнѣ осуществить вашей программы. Напротивъ, Аделаида поможетъ мнѣ исполнить мой долгъ, оказать помощь несчастнымъ, любить родину и служить человѣчеству. Нѣтъ, рѣшительно вы никогда не любите». — «Отъ всего сердца я сожалею васъ, — заканчиваетъ Бонапартъ этотъ любопытный разговоръ: — вы думаете, что любовь путь къ добродѣтели, но она

васъ связываетъ на каждомъ шагу, и съ того времени, какъ эта пагубная страсть нарушила вашъ покой, вы думаете только о любви, и такъ будетъ до ея конца. Но если вы признаете, что долгъ богатаго человѣка помогать бѣднымъ выйти изъ ихъ несчастнаго положенія, что долгъ гражданина защищать отечество и заботиться о его благоденствіи, что долгъ добраго сына... но, нѣтъ, другъ мой, я лучше замолчу, чѣмъ высказывать такія безспорныя истины.

— Фридрихъ III и Вильгельмъ II. Въ своихъ августовскихъ номерахъ «Revue des Revues» и «Revue de Paris» знакомятъ читателей съ нѣкоторыми новыми любопытными данными для характеристики императора философа и его безпокойнаго сына. Относительно перваго Н. Филозъ освѣщаетъ совершенно невѣдомую еще сторону Фридриха III, именно его французское образованіе подлинными его письмами къ своему французскому наставнику Шарлю Фурнелю и замѣчаніями о немъ, найденными въ бумагахъ послѣдняго. Тринадцать лѣтъ Фурнель находился при молодомъ принцѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ, и доброе вліяніе этого гуманнаго, образованнаго и поэтически настроеннаго француза не мало способствовало умственному и нравственному развитію будущаго императора. Самъ Шарль Фурнель происходилъ отъ лотарингской семьи ученыхъ и артистовъ, но въ виду преждевременной смерти отца долженъ былъ прекратить свои учебныя занятія, прежде чѣмъ кончилъ университетскій курсъ, и поступить въ секретари къ австрійскому дипломату, графу Кейзерлингу, съ которымъ посѣтилъ Венецію и Берлинъ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ нашель радушный приемъ у барона Ла-Моттъ-Фука, автора «Улианы», но заподозрѣнный въ томъ, что онъ былъ секретнымъ агентомъ французскаго правительства, молодой человѣкъ долженъ былъ удалиться въ Франкфуртъ, тогда свободный городъ; тамъ онъ открылъ курсъ лекцій по французской литературѣ и напечаталъ томъ стихотвореній подъ названіемъ «Ombres et Rayons». Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся въ Берлинъ, и подружившійся съ нимъ Поль Аккерманъ рекомендовалъ его Александру Гумбольдту, какъ достойнаго своего преемника по обученію французскаго языка при прусскомъ дворѣ. Дѣйствительно это назначеніе состоялось, и Фурнель началъ посвящать принцевъ и принцессъ прусскаго королевскаго дома, а въ особенности принца Фридриха-Вильгельма, во всѣ тайны французскаго языка и литературы. Предоставивъ другимъ знакомить этого способнаго юношу съ философскими тонкостями, онъ спеціально занимался съ нимъ поэзіей; они вмѣстѣ изучали Рюккерта, Гейне, Ронсара и преимущественно поэтическія легенды среднихъ вѣковъ, къ которымъ они относились съ пламеннымъ энтузіазмомъ. Какъ учитель, такъ и ученикъ питали культъ не только къ поэзіи, но и къ искусству среднихъ вѣковъ. Уже не говоря о готической архитектурѣ, которая производила глубокое впечатлѣніе на ихъ мечтательный умъ, они съ любовью собирали старинныя картины и гравюры. Кромѣ того, Фурнель научился рисовать прелестныя на золотомъ фонѣ миниатюры по образцу старинныхъ иллюстрацій молитвенниковъ и снабдилъ ими нѣсколько старинныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ издалъ новый томъ стихотвореній, въ которыхъ главнымъ образомъ воспѣвалъ средневѣковыхъ рыцарей, прелестныхъ фей и т. д. Такимъ образомъ отъ 1840 г. до 1853 г. принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ посвящалъ лучшіе часы своей жизни изученію французскаго языка и литературы, а пристрастіе къ среднимъ вѣкамъ не мѣшало

ему восторгаться великими французскими писателями XVII вѣка. Мало-помалу подъ влияніемъ своего наставника онъ приучился любить Францію, а Фурнель не упускалъ ни одного удобнаго случая, чтобы убѣдить его въ французскомъ характерѣ своей родины, такъ какъ уже тогда проповѣдывалось въ Германіи, что Эльзась и Лотарингія нѣмецкія провинціи. Фридрихъ-Вильгельмъ, по словамъ Н. Филоза, не забылъ ни своего учителя, ни его аргументовъ, и когда дѣло шло о присоединеніи къ Пруссіи этихъ провинцій, онъ одинъ возсталъ противъ такой несправедливой мѣры. Трудно сказать, до чего могло бы дойти влияніе на Фридриха его французскаго наставника, если бы неожиданно, благодаря придворной интригѣ, онъ не былъ удаленъ. По несчастью, Фурнель былъ, по словамъ Амьеля, «блестящій тридцатилѣтній красавецъ, статный, изящный, съ правильными чертами, кастильскимъ цвѣтомъ лица, черными волосами и усами, большими гордыми глазами, однимъ словомъ литературный гидальго». Въ него влюбилась одна изъ принцессъ королевскаго дома, ихъ поймали, и онъ былъ немедленно удаленъ отъ двора. Что въ сердцѣ его ученика сохранилась на вѣки къ нему любовь и уваженіе, доказывается приводимыми Н. Филозомъ подлинными тремя письмами Фридриха. Въ первомъ изъ нихъ, отъ 1853 года, онъ благодаритъ Фурнеля за присылку прекрасныхъ иллюстрацій къ одной средневѣковой рукописи, а въ концѣ говоритъ: «Будьте увѣрены, что вашъ старый ученикъ питаетъ къ вамъ и будетъ вѣчно питать чувства высокаго уваженія и глубокой благодарности въ память того времени, когда мы занимались вмѣстѣ изученіемъ литературы и беллетристики вашей родины». Второе относится къ 1863 году, когда Фурнель уже женился и для поддержанія своей семьи принялъ скромное мѣсто учителя нѣмецкаго языка въ одномъ изъ провинціальныхъ французскихъ лицеевъ, что не мѣшало ему издать два тома стихотвореній подъ названіемъ «Folles Images» и «Légendes Dogées». Последняя изъ этихъ книгъ была посвящена великой герцогинѣ Баденской, и Фридрихъ по этому случаю не только выпросилъ у отца для французскаго поэта орденъ прусской королевской короны 4-го класса, но и, посылая ему этотъ орденъ, написалъ собственноручно: «Я встрѣтилъ вашу новую книгу съ той старой любовью, которую питаю къ моему старому учителю, и очень счастливъ, что могу поставить новое произведеніе вашего прекраснаго литературно-художественнаго таланта рядомъ съ другими сочиненіями того же автора». Последнее письмо Фридриха уже писано не Фурнелю, а издателю его драматическихъ опытовъ, Амьелю, напечатанному послѣ смерти автора, который скончался на пятьдесятъ второмъ году своей жизни, подававшей столько блестящихъ надеждъ и безвременно окончившейся, подобно существованію его великаго ученика. Посмертное его произведеніе, о которомъ Викторъ Гюго сказалъ, что въ немъ «отражались благородный умъ и возвышенная душа», побудило Фридриха черезъ восемь лѣтъ послѣ французской кампаніи написать слѣдующія слова о своемъ любимомъ и глубоко сожалѣемомъ учителѣ: «я прочту эту книгу съ большой грустью, возбуждаемой во мнѣ потерей этого прекраснаго, сердечнаго чело- вѣка, поэта и артиста высокаго достоинства, о которомъ я всегда сохраняю самое нѣжное, сочувственное воспоминаніе».

Что касается до Вильгельма II, то Жюль Симонъ живо рассказываетъ свои впечатлѣнія во время пребыванія въ Берлинѣ на пресловутомъ конгрессѣ по рабочему вопросу, и если не представляетъ полной характеристики

императора, то передаетъ нѣсколько любопытныхъ съ нимъ разговоръ, а также рельефно изображаетъ нѣкоторыя черты этой до сихъ поръ не вполне выяснившейся, не вполне опредѣлившейся исторической личности. Невольно подкупаемый чрезвычайно любезнымъ приемомъ Вильгельма, онъ отзывался о немъ самымъ сочувственнымъ образомъ, придаетъ какое-то эпическое величіе удаленію отъ дѣлъ Бисмарка, которое совершилось при немъ, и приписываетъ ему громадное вліяніе на дѣла всего свѣта, сравнивая его могущество только съ могуществомъ русскаго государя, при чемъ замѣчаетъ, что эти двѣ силы совершенно различны въ своемъ корнѣ, такъ какъ русскій царь представитель Бога, отецъ своего народа и символъ отечества, а повиновеніе императору германскому основано на философскомъ умозрѣніи. Но все-таки многія его замѣчанія очень мѣткі; такъ, онъ характеристично называетъ Вильгельма «воплощеннымъ движеніемъ», и сообщаемые имъ отрывки изъ разговоръ съ императоромъ представляютъ значительный интересъ. Не смотря на всю важность, которую онъ повидимому придавалъ созванному имъ конгрессу, Вильгельмъ не былъ ни при его открытіи, ни на одномъ изъ его засѣданій, а удовольствовался тѣмъ, что пригласилъ выдающихся членовъ конгресса на придворный выходъ, на концертъ, данный въ честь принца Уэльскаго, и на торжественный банкетъ; кромѣ того, Жюль Симонъ былъ допущенъ въ маленькое еженедѣльное собраніе личныхъ друзей императора. Приглашая своего французскаго гостя на это собраніе, Вильгельмъ сказалъ: «я принимаю разъ въ недѣлю запросто около двадцати человекъ офицеровъ и профессоровъ; публика думаетъ, что мы собираемъ тайный совѣтъ и занимаемся политикой, а мы имѣемъ только цѣлью развлечься и выпить; мы говоримъ обыкновенно о литературѣ и искусствѣ». Вообще, говоря пофранцузски, какъ увѣряетъ Симонъ, совершенно легко, правильно, безъ всякаго акцента и словно настоящій парижанинъ, императоръ при этомъ случаѣ однако употребилъ слово, не принятое между образованными французами, именно *godailler* (пить, пьянствовать), и когда онъ потомъ спросилъ у Симона, не замѣтилъ ли послѣдній въ его разговорѣ какую нибудь неправильную французскую фразу, а членъ французской академіи указалъ на неупотребительность слова *godailler*, то Вильгельмъ воскликнулъ: «однако это слово французское и стоитъ въ вашемъ академическомъ словарѣ». На это Симонъ отвѣчалъ: «Да, оно стоитъ въ словарѣ, но его не произносятъ ни въ академіи, ни въ академическихъ салонахъ».—Я буду это помнить—, сказалъ императоръ и прибавилъ съ безпокойствомъ:—но это единственное неправильное слово, которое вы замѣтили въ моемъ разговорѣ?». Утвердительный отвѣтъ Симона очевидно успокоилъ Вильгельма, и онъ прибавилъ, что не можетъ не говорить хорошо пофранцузски, такъ какъ у него былъ десять лѣтъ профессоромъ и теперь еще состоитъ при немъ не только парижанинъ, но пуристъ. Однако врядъ ли этотъ парижанинъ такой пуристъ, какимъ считаетъ его императоръ, если онъ подъ его вліяніемъ составилъ свои литературные вкусы и предпочитаетъ всѣмъ французскимъ романистамъ Онэ, а Зола бранить съ плеча, увѣряя, что успѣхомъ своихъ произведеній этотъ великій романистъ обязанъ только тѣмъ безвравственнымъ гадостямъ и свиствамъ, которыми онъ приправляетъ свои сочиненія. На замѣчаніе Симона, что Зола читаютъ столько же въ Берлинѣ, сколько въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, здѣсь его читаютъ очень немногіе и то съ отвращеніемъ, по одному любопытству, а у васъ, напримѣръ, каждая его новая книга въ рукахъ всѣхъ».

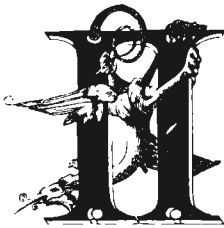
Несправедливость этого замѣчанія обнаружилась вполнѣ на другой день, когда Симонъ увидалъ въ окнахъ всѣхъ берлинскихъ книжныхъ магазиновъ новый романъ Зола, вытѣснившій всѣ остальные книги, и узналъ отъ книгопродавцевъ, что они обязаны были потребовать по телеграфу новый запасъ экземпляровъ этого романа: такъ великъ былъ на него спросъ. О политикѣ Вильгельмъ говорилъ съ Симономъ очень неохотно, и послѣдній могъ только вырвать отъ него нѣсколько знаменательныхъ фразъ: «Я много размышлялъ со времени моего вступленія на престолъ, — сказалъ онъ, между прочимъ:—и пришелъ къ убѣжденію, что въ моемъ положеніи лучше дѣлать добро людямъ, чѣмъ застрашивать ихъ. Что касается Франціи, то я откровенно скажу вамъ, что ваша армія сдѣлала большой прогрессъ, и что она совершенно готова. Если бы теперь она сошлась съ нашими войсками на полѣ брани, то никто не могъ бы предсказать результата. Поэтому я призналъ бы за сумасшедшаго, или преступника того, кто побудилъ бы къ войнѣ обѣ націи». О социальныхъ вопросахъ Вильгельмъ говорилъ гораздо охотнѣе и относился къ этой, повидимому, основательно изученной имъ великой задачѣ, не какъ филантропъ, а какъ государственный человекъ. Онъ очень былъ озабоченъ быстрымъ развитіемъ социализма въ Германіи и задумчиво сказалъ, что не могъ бы сдѣлать ничего подобнаго недавней тогда социалистской демонстраціи, устроенной въ теченіе четырехъ часовъ вожаками этой партіи, которые, рѣшивъ въ два часа ночи оказать послѣднія почести умершему стороннику, уже къ шести часамъ собрали толпу въ десять тысячъ человекъ. Конечно, планы императора для разрѣшенія рабочаго вопроса были самые авторитетные съ одной стороны и вполнѣ буржуазные—съ другой: такъ, онъ хотѣлъ образовать изъ рудокоповъ правильные полки, а женскій трудъ ограничить съ цѣлью восстановленія всѣхъ прелестей семейной жизни у домашняго очага.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская литература съ іюля 1893 по іюль 1894 года.—Русскій профессоръ въ Лондонѣ и Оксфордѣ.—Французы, рекомендующіе публикѣ новаго русскаго писателя.—Писатель, брелеръ и авантюристъ.—Объленіе Домиціана.—Г-жа Варенъ въ частной жизни.—Гогенцолерны.—Начало французской революціи въ оцѣнкѣ нѣмца.

НО ПРИНЯТОМУ ОБЫЧАЮ, англійскій «Атенеумъ» помѣстилъ въ нумерѣ, начинающемъ его второе полугодіе, обзоръ состоянія литературы въ двѣнадцати главныхъ государствахъ Европы. (Въ прошломъ году къ нимъ присоединялось и 13-ое, Швеція, теперь почему-то отсутствующее). Какъ и въ прошломъ году, русскую литературу обзрѣваетъ московскій писатель Павелъ Милюковъ и точно также напоминаетъ читателямъ, что онъ уже два года указываетъ имъ на симптомы возрожденія въ Россіи общественной жизни. И это въ то время, когда всѣ жалуются на упадокъ этой жизни. Съ прошлаго іюля по іюль нынѣшняго симптомы эти сдѣлались, будто бы, такъ ясны и многочисленны, что нельзя ихъ не замѣтить. И чѣмъ же доказываетъ г. Милюковъ это возрожденіе? Обиліемъ литературныхъ произведеній, особенно переводныхъ! Въ оригинальной литературѣ оно не выразилось, и она вообще въ разладѣ съ русской жизнію. Такъ въ чемъ же эти симптомы возрожденія? Новые русскіе таланты,—прибавляетъ г. Милюковъ не безъ ироніи,—сидятъ еще въ школѣ или оканчиваютъ университетскіе курсы. Затѣмъ критикъ увѣряетъ, что мы находимся на «поворотномъ пунктѣ», какъ это видно изъ неоконченнаго еще романа г. Боборыкина, гдѣ выведена «величественная» фигура гегелианца 1840—1850 годовъ и «привлекательнаго» прогрессиста эпохи Александровскихъ реформъ. Ничего величественнаго и привлекательнаго нѣтъ въ этихъ характерахъ, и самъ критикъ говоритъ, что

этотъ «аристократическій метафизикъ и либеральный профессоръ окаменѣли въ системахъ, на которыхъ утвердили свои вѣрованія, и являются одиночками среди мнѣняющей вокругъ нихъ атмосферы». Болѣе современный намъ поэтъ выведенъ въ представители періода 1870—1881 годовъ. Авторъ послѣдовательно проводитъ его черезъ крестьянство и толстоизмъ и доводитъ до разочаровавающей характеристики 1890 года, до теоріи эгоизма, проповѣдуемой Ницше, до теоріи неограниченной индивидуальности. Критикъ обращается затѣмъ къ своему излюбленному Потапенкѣ и хвалитъ также неоконченную повѣсть его, но сознается, что въ своей попыткѣ явиться на сценѣ писатель не имѣлъ успѣха. Упоминается также о послѣдней повѣсти Чехова «Женское царство» и о его прекрасномъ описаніи острова Сахалина. Любопытныя указанія приводятъ и г. Короленко въ своихъ замѣткахъ о голодовкѣ. Маминъ, Гаринъ, Саловъ и Альбовъ издали сборники своихъ сочиненій, причемъ извѣстность Мамина нѣсколько приподнялась, а Гарина опустилась. Такіе же сборники издали Баранцевичъ, Мачетъ, Нефедовъ, Шеллеръ и Ольга Шапиръ. Вышло также полное собраніе сочиненій поэта Плещеева, хотя мы объ немъ ровно ничего не знаемъ. Л. Н. Толстой издалъ трактатъ о христіанствѣ, какъ о новой теоріи жизни, а не о мистической религіи. Критикъ называетъ наивною попытку реформаціи XVI вѣка въ концѣ XIX. Передовыя партіи наши въ прошломъ году разсуждали очень много о народничествѣ, теперь обсуждаются ихъ собственныя идеи. Новая радикальная партія, называемая «марксизмомъ», считаетъ главнымъ предметомъ своимъ изученіе не духа народа, а его учрежденій. Тутъ критикъ впадаетъ въ такую абракадабру по поводу Маркса, что въ ней трудно разобраться. Гг. Михайловскій и Кривенко въ «Русскомъ Богатствѣ» напрасно старались найти путь между Судилою марксизма и Харибдою крестьянства, но «Русское Богатство» удвоило число своихъ подписчиковъ. Въ духѣ народничества писали В. Воронцовъ и Каблицъ, рано умершій. По части философіи національно-ортодоксальной вышли изслѣдованія А. Введенскаго и Чичерина, развивающаго логику изъ метафизическаго штандпункта и отождествляющаго законы мышленія съ законами существованія. Казанскій профессоръ Снегиревъ издалъ психологію съ точки зрѣнія эмпирической школы. Замѣчательны также психологическія изслѣдованія М. Ланге. Изъ историческихъ книгъ выдаются Винтсера — монографія церкви и кантона Женевы, Линиченко изслѣдовалъ исторію общества въ Галиціи въ XIV и XV столѣтіяхъ, Любавскій—литовско-русское государство въ эпоху публикаціи литовскаго статута; о томъ же писалъ и Леонтовичъ. Миклашевскій издалъ исторію сельскаго хозяйства въ южной Россіи въ XVII столѣтіи. По исторіи литературы вышли: изслѣдованіе «Боккачіо» А. Веселовскаго, изслѣдованіе «Кудруна» Шепелевича и сына Марка Королевича Халандскаго. Труды Истрина, Сазоновича, Житевскаго также замѣчательны. Академія наукъ издала сочиненія Котляревскаго и Ломоносова. Всѣ эти свѣдѣнія не систематичны, не послѣдовательны и далеко уступаютъ, напримѣръ, тому очерку современной русской литературы, какой помѣстилъ г. Михайловскій въ *Revue des Revues*.

— Мы говорили недавно о дѣятельности въ Лондонѣ англо-русскаго литературнаго общества, но должны возвратиться къ нему, такъ какъ въ послѣднее время явился въ немъ почетнымъ гостемъ и провнесъ въ немъ рѣчь нашъ профессоръ, г. Мевделѣвъ. Мы говорили уже о полной любопытныхъ свѣдѣній рѣчи генераль-маіора Тирреля: «о русскихъ въ войнѣ съ востокомъ». Въ слѣдую-

щемъ засѣданіи докторъ Франкъ Клемовъ прочелъ рефератъ «о Россіи и холерѣ», хотя научный предметъ чтенія и не подходилъ къ литературной программѣ. Докторъ любезно замѣтилъ, что этою заразою Россія обязана Англіи въ ея индѣйскихъ владѣніяхъ. Болѣзнь не пощадила однако и Англіи, и въ 1848—1849 году умерло отъ холеры до 54 тысячъ. Подѣлюющіе приступы ея были гораздо слабѣе. Ничего впрочемъ особеннаго докторъ не высказалъ о сущности страшной болѣзни. Исторія холеры на мѣстѣ ея происхожденія въ Азіи давно извѣстна. До 1892 года болѣзнь лѣтъ 20 не появлялась въ Россіи, когда она пришла черезъ Туркестанъ, но зимою 93 года почти совсѣмъ прекратилась. Послѣ неудачныхъ опытовъ Коха съ его запятыми, профессоръ Мечниковъ гораздо успѣшнѣе изслѣдуетъ сущность болѣзни съ своими фагоцитами, а докторъ Гавкинъ теперь на мѣстѣ въ Индіи дѣлаетъ прививки холеры. Въ первомъ лѣтнемъ засѣданіи Е. Аничковъ прочелъ этюдъ о майскихъ шекспировскихъ праздникахъ. Англійскій драматургъ былъ учителемъ графа Алексѣя Толстого и Островскаго. Появленіе пьесъ Шекспира на лондонской сценѣ совпало съ майскимъ правдникомъ начала весны. Шекспиръ не разъ говоритъ объ этихъ праздникахъ въ своихъ трагедіяхъ, хотя на народные обычаи въ то время мало обращали вниманія. Въ Россіи празднованіе перваго мая введено только при Петрѣ великомъ, и народъ давно забылъ праздновать свои коляды. Исчезъ даже обычай украшать свои жилища зеленью въ Троицынъ день. Е. Аничковъ утверждаетъ, что культъ Ярилы празднуется и теперь въ Казани и въ Воронежѣ въ праздникъ пятидесятницы. Не вѣрнѣ ли, что общій культъ Вахха замѣнилъ всѣ подобныя праздники. Въ заключеніе засѣданія прочтенъ переводъ туркестанской легенды объ Іовѣ, г. Лохвицкаго. Азіатская фантазія прибавила только другое окончаніе къ библейскому преданію. Прокаженный, по совѣту ангела, вынимаетъ изъ своихъ ранъ червей и опускаетъ въ воду; одинъ червякъ превращается въ пивку, другой посаженный на дерево дѣлается шелковымъ червемъ, третій—пчелою, самыми полезными насѣкомыми по мнѣнію мусульманъ. Въ іюньскомъ засѣданіи президентъ Казалетъ представилъ обществу русскаго гостя, какъ выдающагося представителя экономическихъ вопросовъ, содѣйствовавшаго разработкѣ послѣдняго таможеннаго тарифа. Г. Веселитскій сказалъ привѣтствіе профессору, прославившемуся своими открытіями въ химіи и другихъ естественныхъ наукахъ. Д-м. Ив. Менделѣевъ говоритъ, что на тарифные вопросы навелъ его фактъ, что сельское хозяйство въ Россіи недостаточно для пропитанія увеличивающагося населенія, и потому необходимо прибѣгнуть къ обрабатывающей промышленности тѣмъ болѣе, что цѣны на хлѣбъ падаютъ съ каждымъ годомъ не только во всей Европѣ, но и въ мѣстахъ его производства. Даже Африка грозитъ вскорѣ сдѣлаться житницей этого продукта. Профессору указала и исторія, что государства обогатились промышленностью, а не хлѣбной торговлей. Два съ половиной вѣка тому назадъ англійскій торговый флотъ разнесъ по всему міру образцы товаровъ своей родины, а Англія въ то время была еще далеко не такъ развита въ промышленномъ отношеніи, какъ теперь Россія. Монополія, какою пользовался тогда англійскій флотъ въ силу акта о навигаціи, заставила государственныхъ русскихъ людей обратиться къ покровительственному тарифу, который ограничилъ бы ввозъ иностранныхъ товаровъ и поощрилъ производительность страны. Менделѣевъ говорилъ объ огромномъ развитіи нефтянаго дѣла на Кавказѣ и хлопка въ средней Азіи. Развитіе этихъ продуктовъ произошло отъ пош-

линъ, наложенныхъ на американскую нефть и хлопокъ, привозимые прежде безъ пошлинъ. Теперь изъ Россіи вывозится въ большомъ количествѣ нефть, то же будетъ скоро и съ хлопкомъ. Говорили на эту тему и другіе члены общества и далеко не за свободную торговлю. Въ июньскомъ засѣданіи Марчансъ читалъ рефератъ о Пушкинѣ; ораторъ утверждалъ, что русскій поэтъ своимъ развитіемъ обязанъ Шекспиру и Байрону, даже въ «Каменномъ Гостѣ» видно вліяніе Шекспира. Слогъ его блестящій и пріятный, но не глубокой. Еще раньше этого засѣданія г. Менделѣвъ въ Оксфордскомъ университетѣ получилъ докторскій дипломъ. Въ честь новозабранныхъ говорили рѣчи на латинскомъ языкѣ, и новые доктора отвѣчали на томъ же языкѣ. Г. Менделѣвъ былъ представленъ университету, какъ ученый мужъ, принесшій пользу наукѣ, не только въ своемъ громадномъ отечествѣ, но и во всемъ свѣтѣ, послужившій цѣлому человечеству. Русскій гость въ своемъ латинскомъ отвѣтѣ говорилъ о химіи, упоминалъ о Ньютонѣ, цитировалъ стихи Лукреція.

— *Revue bleue* помѣстило переводъ повѣсти новаго русскаго писателя Льва Львовича Толстого, сына нашего извѣстнаго романиста и моралиста. На русскомъ языкѣ это уже третій опытъ молодого автора. Французскій журналъ говоритъ, что читатели найдутъ здѣсь нѣсколько моральныхъ идей автора «Крейцеровой сонаты» и его манеру разсказа и творчества. Но журналъ сознается, что въ разсказѣ видна неопытность, и онъ представленъ публикѣ только въ видѣ рѣдкости (*curiosité*). У насъ такой фактъ, какъ появленіе въ литературѣ сына знаменитаго писателя, прошелъ почти не замѣченнымъ, но надо сознаться, что и французскій переводъ разсказа не придастъ ему извѣстности. Имя автора такъ громко, что обязывало его выступить въ свѣтѣ съ чѣмъ нибудь болѣе содержательнымъ. Л. Л. Толстой явно старается слѣдовать по пути, проложенному отцомъ, и хочетъ быть художникомъ моралистомъ. Всѣ три разсказа его направлены противъ чувственности, и герой «Синей тетради» (*Le cahier bleu*) помѣщенной въ *Revue*, гибнетъ жертвою этой страсти. Этотъ юноша—студентъ, пріѣзжающій въ деревню къ пріятелю, женатому на очень страстной особѣ; онъ бѣжитъ отъ нея, какъ отъ жены Пентефрія, и она называетъ его дуракомъ. Побѣдивъ соблазны, студентъ, вернувшись въ городъ, неизвѣстно для чего начинаетъ пить, развратничать, наживаетъ скоротечную чахотку и умираетъ, дѣлая такой выводъ, что онъ не совладалъ съ чувственностью, и она погубила его; но для чего же тогда онъ мѣнялъ страсть пламенной дамы на мелкое распутство? Все это разсказано не дурно, хотя вяло и растянута, и мы не видимъ всетаки цѣли разсказа. Чувственность господствовала въ молодежи во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, и въ настоящее время вовсе не главное зло конца вѣка. Анекдоты, разсказанные въ трехъ повѣстяхъ, ни къ чему не послужатъ и никого не исправятъ; все это слишкомъ слабо и не зрѣло.

— Выѣстъ съ изслѣдованіемъ своихъ современныхъ писателей, французы часто обращаются къ старымъ работникамъ мысли и вновь изучаютъ ихъ произведенія, разработывая ихъ жизнь, даже если эти лица не принадлежатъ къ первокласснымъ дѣятелямъ. Брюнъ написалъ цѣлую книгу о «Сирано Вержеракѣ» (*Savinien de Cyrano Bergerac. Sa vie et ses oeuvres*), хотя объ немъ существуетъ уже не мало монографій, а Теофиль Готье въ своемъ сборникѣ «Гротески» помѣстилъ мастерскую, хотя и слишкомъ сжатую, біографію этого авантюриста писателя, цитируемаго даже Буало за его коми-

ческую смѣлость. Въ исторіи литературы Сирано является типомъ смѣлаго гуляки и забіяки, охотнѣе пускавшаго въ дѣло свою шпагу, чѣмъ перо. Въ этюдѣ Брюна этотъ гасконецъ прежде всего является парижаниномъ. Онъ родился вовсе не въ Бержеракѣ, въ Перигорѣ, а въ Парижѣ, и былъ сыномъ королевскаго совѣтника, служилъ въ гвардіи, но былъ раненъ сначала мушкетною пулею, потомъ уларомъ шпаги; 20-ти лѣтъ онъ долженъ былъ оставить военную службу. Онъ учился философіи у Гассенди, занялся литературой и умеръ 36 лѣтъ. Онъ поминутно дрался на дуэляхъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ, и все изъ-за своего огромнаго носа, хотя и утверждалъ, что отъ длины носа зависитъ храбрость, умъ, страсть. Съ нимъ случались героическія и комическія происшествія: актеру, вздумавшему посмѣяться надъ нимъ, онъ запретилъ появляться на сценѣ въ теченіе мѣсяца и вызвалъ однажды на дуэль весь партеръ. Съ его именемъ соединилось прозваніе разгульнаго, означавшее въ то время свободомыслящаго. Сирано не признавалъ другого божества, кромѣ природы: «я не вѣрю колдунамъ,—писалъ онъ,—какъ многіе изъ нашихъ вельможъ, я вѣрю только въ разумъ». Въ политикѣ онъ былъ очень консервативенъ и защищалъ Мазарина и принципъ самодержавной монархіи. Народное правленіе,—говоритъ онъ,—величайшее зло, какое только можетъ постигнуть страну. И со времени смерти этого человѣка вышло 36 изданій его сочиненій, изъ нихъ 13 полныхъ. Онъ оставилъ письма, романы и пьесы. Письма его о разныхъ предметахъ довольно остроумны. Въ нихъ видна любовь къ природѣ, рѣдко проявляющаяся въ XVII вѣкѣ, и сильно отдѣланъ Скарронъ. Романовъ его два: «Другой свѣтъ или государства и имперіи на лунѣ», и его неоконченное продолженіе «Исторія солнечной республики»; это былъ довольно удачный опытъ «романовъ будущаго», гдѣ съ фантастическими измышленіями соединялись научныя идеи и сатира современнаго общества съ планами его пересозданія. Сатира писателя довольно поверхностная, хотя въ ней встрѣчаются мѣткія наблюденія. Образцомъ Бержераку служили появившіяся до него: «Путешествіе на островъ Утопію» Томаса Моруса и «Человѣкъ на лунѣ» Годвина. Научныя свѣдѣнія Бержерака были довольно обширны по тому времени, и онъ началъ даже писать трактатъ о физикѣ, въ которомъ проводилъ идеи Декарта и популяризовалъ положенія принца Ламоть-Вайе. Гораздо замѣчательнѣе романовъ Сирано двѣ оставленныя имъ пьесы: пяти-актная комедія въ прозѣ «Одураченный педантъ» была играна съ большимъ успѣхомъ въ 1654 году. Типы пьесы принадлежатъ итальянской комедіи, но характеръ педанта чисто французскій. Авторъ долженъ былъ встрѣчать въ своей жизни такія лица и даже прямо писалъ портретъ со своего современника, измѣнивъ не много его имя Гранжье въ Гранже. Онъ былъ директоръ школы въ Бове, и Сирано одно время учился у этого грубаго, крутого, суевѣрнаго, продажнаго педанта. Но еще замѣчательнѣе въ комедіи типъ настоящаго крестьянина, едва ли не въ первый разъ выведенный на сцену. Лица эти такъ вѣрны дѣйствительности, что Мольеръ не поцеремонился перенести цѣликомъ изъ этой пьесы двѣ сцены въ свои «Плутни Скапена»: взаменитую сцену «Зачѣмъ онъ отправился на эту галеру» и расказъ Зербинеты Геронту, какъ его обманули. Кромѣ того, великій писатель взялъ у Бержерака много отдѣльныхъ фразъ изъ его комедіи. Другая пьеса Сирано, трагедія «Смерть Агрипины, вдовы Германика», имѣла еще больше успѣха въ 1653 году въ Парижѣ. Сюжетъ ея—заговоръ Сеяна противъ Тиверія. Пьеса интересна, хорошо написана, хоть и не безъ

искусственнаго паэса, которымъ были проникнуты всѣ трагедіи той эпохи, не исключая Корнелевскихъ. Авторъ представилъ Сеяна философомъ, вольнодумцемъ и атеистомъ, не вѣрящимъ ни въ предсказанія, ни въ будущую жизнь, смѣющимся надъ богами и ихъ громами. Эта сторона трагедіи возбудила неудовольствіе властей, и пьесу запретили. Бальзакъ совѣтовалъ Сирано выбросить изъ трагедіи 30—40 строкъ, и тогда она могла бы дѣлать большіе сборы. Въ 1872 году вздумали возобновить «Смерть Агрипины» на театрѣ Gaité. Представленію предшествовала конференція Витю; пьеса прошла не безъ успѣха.

— Къ числу попытокъ обѣленія непривлекательныхъ историческихъ личностей принадлежитъ историческій опытъ Кзелля о царствованіи императора Домиціана. Царствованіе это, правда, передано намъ только его врагами, и императоръ пользуется незавидною славою какъ между языческими, такъ и между христіанскими историками. Плиній и Тацитъ только повторяли общезвѣстные факты. Личность и царствованіе Домиціана любопытны: онъ много сдѣлалъ для Рима и управленія провинціями. Онъ поддерживалъ, по сознанію и по ходу событій, императорскую власть противъ аристократіи и потому старался ограничить власть сената. Сенатъ возсталъ за свои привилегіи, и Домиціанъ прибѣгнулъ сначала къ строгимъ, потомъ къ крайнимъ мѣрамъ. Окруженный льстецами и доносчиками, для которыхъ была выгодна всякая строгость, императоръ сдѣлался жестокимъ и кровожаднымъ. Онъ началъ преслѣдовать ни въ чемъ неповинныхъ лицъ, философовъ, ораторовъ, видѣлъ заговоры тамъ, гдѣ ихъ не было, какъ между христіанами. Терроръ кончился, какъ всегда, катастрофою: аристократія прибѣгла къ убійству, чтобы избавиться отъ своего врага, и зарѣзаннаго Домиціана смѣнилъ Нерва. Авторъ ведетъ поспѣдовательно рассказъ обо всемъ царствованіи, но оставляетъ его безъ объясненія и не дѣлаетъ никакого введенія. За то онъ собралъ всѣ современные документы, относящіеся къ этой эпохѣ и къ исторіи всѣхъ трехъ представителей дома Флавіевъ.

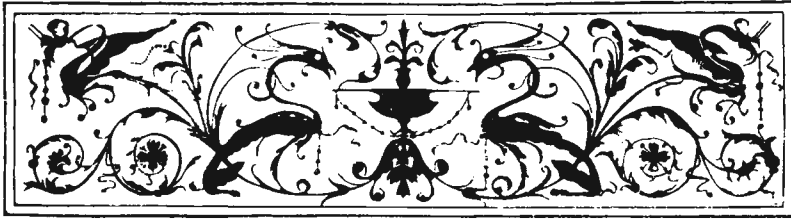
— Два этюда Альберта Монте и Мюнье посвящены наставницѣ и возлюбленной Жанъ-Жака Руссо, госпожѣ Варенсъ. Первый рассказываетъ жизнь ея въ кантонѣ Вальдензе. Авторъ собралъ всѣ свѣдѣнія объ ней и о ея мужѣ, членѣ совѣта 12-ти въ Веве. Не смотря на почетное положеніе мужа, Варенсъ основала чулочную мануфактуру, но дѣла пошли плохо и, предвидя финансовую катастрофу, она бѣжала за Женевское озеро и прибѣгла къ покровительству Сардинскаго короля; онъ послалъ ее въ Авниси, гдѣ она перешла изъ протестантства въ католичество. Въ 1726 году къ ней пріѣхалъ покинутый ею супругъ, и она устроила его денежные дѣла, но у него было такъ много кредиторовъ, что онъ бѣжалъ въ Англію, потомъ поступилъ учителемъ къ маленькому нѣмецкому принцу. Мюнье, на основаніи документовъ, исправляетъ множество невѣрностей въ «Привзаніяхъ Руссо», но госпожа Варенсъ является у него большой охотницей до спекуляцій и аферъ всякаго рода, что и было причиною путаницы въ ея дѣлахъ, разоренія, болѣзни и смерти въ Шамбери. Объ интимныхъ отношеніяхъ ея къ Руссо говорится очень мало.

— Книга Нейкомма «Гогенцоллерны» возбудила интересъ, такъ какъ у насъ до сихъ поръ нѣтъ настоящей исторіи этого дома, играющаго такую важную роль въ судьбахъ Германіи и Европы. Отъ Пруссіи давно перестали ждать серьезной исторіи ея монарховъ, такъ какъ въ этомъ государствѣ они

отступаютъ на второй планъ и называютъ себя только первыми слугами отечества, неизмѣнно слѣдующими политической системѣ управленія. Всѣ панегирики Дройзена, Ранке, Трейчке и друг. рисуютъ намъ прусскихъ монарховъ только генералами; непривилегированныя историка изображаютъ ихъ лишенными всякаго гражданскаго, а тѣмъ болѣе психологическаго значенія. Мы знаемъ хорошо политику великаго электора, но не его характеръ. Фридрихъ-Вильгельмъ I является какимъ-то страннымъ лицомъ, надъ которымъ потѣшался дворъ Фридриха II-го. Патологическое помѣшательство Фридриха-Вильгельма IV до сихъ поръ не изслѣдовано. Но и вообще характеристики Гогенцоллерновъ нѣтъ и слѣда въ книгѣ Нейкомма, хотя она полна анекдотами сомнительнаго происхожденія. Нельзя писать исторію Пруссіи, называя ея влстителей грубыми, мало интеллигентными психопатами, гуляками. Въ этомъ отношеніи книга Нейкомма становится уже не памфлетомъ, а пасквилемъ.

— Довольно интересны для характеристики начала французской революціи нѣмецкія письма музыканта Рейхардта, переведенныя и на французскій языкъ. Онъ описываетъ прежде всего, съ какимъ легкомысліемъ держали себя французскіе эмигранты, какъ бездарный интриганъ принцъ Конде называлъ нѣмцевъ канальями, а кардиналь Роганъ занимался тѣмъ, что травилъ жидовъ своими собаками. Всѣ эти надутые аристократы сдѣлались невозможными на берегу Рейна. Изъ Страсбурга Рейхардтъ отправился въ Ліонъ, находя, что составители новой французской конституціи слишкомъ много разсчитывали на культуру націи. Въ Парижѣ, въ законодательномъ собраніи его удивили депутаты въ высокихъ сапогахъ, въ шпорахъ, съ палками, кричащіе среди страшнаго шума. Въ клубѣ якобинцевъ онъ увидѣлъ Робеспьера съ его плоскимъ точно придавленнымъ лицомъ, смотрящаго исподлобья, но съ наглыми манерами; Кондорсе, очень довольнаго своими рѣчами и самимъ собою, никогда не улыбавагося Бриссо, безобразнаго, грубаго Верньо, но популярнаго оратора съ твердыми убѣжденіями. Пруссака болѣе всего удивляетъ легкомысліе французовъ; кажется, они не въ состояніи серьезно взвѣсить ни одну предложенную имъ мѣру. Съ непостижимымъ легковѣріемъ распространяютъ они самыя нелѣпыя слухи. Они очень мало развиты. Нѣмецъ извиняетъ, однако, народныя увлеченія и видитъ въ нихъ отместку за тѣ грабежи и убійства, къ которымъ приучили его короли и аристократія въ послѣднія 200 лѣтъ. Надо еще удивляться, что этотъ народъ, страдавшій столько времени, не совершилъ болѣе варварскихъ поступковъ. Нѣмецъ относится къ нему съ полнымъ сочувствіемъ, раздѣляетъ его энтузіазмъ и вполне убѣжденъ, что онъ удачно совершитъ свою удивительную революцію, которой міръ будетъ обязанъ своимъ перерожденіемъ.

СМѢСЬ.

ПАМЯТНИКЪ императору Николаю I. Кіевскія газеты сообщаютъ, что 20-го іюня комитетъ подъ предѣдательствомъ начальника края А. П. Игнатьева осматривалъ въ университетскомъ паркѣ памятникъ Николаю I. Уже за нѣсколько дней до этого, лѣса, окружавшіе верхнюю часть памятника, были сняты, и статуя была покрыта полотномъ. Послѣ прибытія комитета, полотно это постепенно опустилось, и предстала грандіозная статуя императора. Онъ изображенъ во весь ростъ, стоя съ открытою головою, съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону университета. Вышина статуи 7 арш., и громадный гранитный монолитъ, служащій ей подножіемъ, въ сравненіи съ нею, кажется, не смотря на свои 2.000 пуд. вѣса, чѣмъ-то очень небольшимъ. Императоръ одѣтъ въ простой двубортный мундиръ съ длинными фалдами и съ генеральскими эполетами, но безъ ленты и орденовъ. Правая рука согнута, палецъ заложенъ за нижнюю пуговицу мундира, лѣвая рука опущена и упирается на колонну, на которой лежитъ плащъ. На обращенной къ университету сторонѣ монолита помѣщается у подножія статуи большой вензель императора Николая; на противоположной сторонѣ монолита помѣщено изображеніе архистратига Михаила. Ниже монолита на четырехъ сторонахъ памятника изображены: университетъ св. Владимира, первая гимназія, кадетскій корпусъ и цѣпной мостъ. Лежація ниже части памятника пока закрыты лѣсами и еще не закончены. На окончательную отдѣлку памятника потребуется еще нѣсколько времени.

Раскопки въ Московскомъ кремлѣ продолжаютъ въ прежнихъ мѣстахъ около крѣпостной стѣны. Со стѣны 3-го Александровскаго сада, отъ Боровицкой по направленію къ Водовзводной башнѣ, проведена около самой стѣны траншея, на протяженіи которой обнаруженъ круглый витой бортикъ изъ бѣлаго камня. Есть основаніе предполагать, что со стороны 3-го Александровскаго сада, въ углу Боровицкой башни и Кремлевской стѣны, производились въ болѣе позднее время перестройки. Въ брешіи, пробитой въ Кремлевской стѣнѣ со стороны 2-го Александровскаго сада, раскопки обнаружили суще-

ствование свода, идущаго въ направленіи стѣны. Надъ сводомъ, обнаруженны въ провѣдѣ Боровицкой башни, настланы бревна, и разрытый провѣздъ теперь засыпанъ и покрытъ булыжною мостовой. При дальнѣйшихъ раскопкахъ у Водовзводной башни, съ внутренней стороны Кремля, оказалась кирпичная настилка, идущая на 2 аршина отъ основанія стѣны вглубь сада. Служила ли она въ прошломъ тротуаромъ или имѣла другое назначеніе, пока неизвѣстно. Въ тайникѣ, открытомъ въ Кремлевской стѣнѣ надъ холмомъ, между Боровицкими и Троицкими воротами, оказалось нѣчто въ родѣ невысокой стѣнки изъ сгнившихъ деревьевъ. За ними открыто дерево, упирающееся въ сводъ. При производствѣ канализаціонныхъ работъ въ кремлевскомъ провѣздѣ, между Круглою и Никольскою башнями, противъ Историческаго музея, на самой срединѣ мостовой, близъ послѣдней башни, на глубинѣ 15 аршинъ, обнаруженъ туннель сводами, направляющійся къ Кремлевской стѣнѣ. Ходъ прямо простирается на 14 аршинъ, за нимъ идетъ поднимающаяся кверху на 9 аршинъ кирпичная лѣстница, заканчивающаяся площадкою, съ которой открываются три арки съ ходами—прямо, вѣроятно, подъ Кремль, и направо и налево, какъ надо полагать—подъ кремлевскую стѣну. Ходы эти насыпаны дальше землею. Къ изслѣдованію этихъ тайниковъ уже приступлено.

Археологическое общество. Въ общемъ собраніи русскаго археологическаго общества, по выслушаніи доклада комисіи по присужденію медалей общества за представленныя на соисканіе медалей сочиненія, присуждена золотая медаль Н. В. Покровскому за его сочиненіе «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи» и серебряныя медали: г. Преображенскому за его сочиненіе «Памятники древняго русскаго зодчества въ предѣлахъ Калужской губерніи» и профессору Мальмбергу за его сочиненіе «Метопы въ древне-греческихъ храмахъ». Членами новой комисіи по присужденію медалей избраны: Н. И. Веселовскій, В. Г. Васильевскій, баронъ В. Р. Розенъ, Л. Н. Майковъ и В. В. Латышевъ. Въ томъ же засѣданіи Н. В. Веселовскій сдѣлалъ докладъ объ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ и И. П. Хрущовъ — о перстнѣ XI—XII в., найденномъ въ м. Бѣлгородкѣ, близъ Кіева, мѣстнымъ священникомъ о. Модестомъ Чечотомъ.

Въ засѣданіи классическаго отдѣленія общества подъ предѣдательствомъ И. В. Помяловскаго, К. Н. Лишинъ сдѣлалъ сообщеніе «О типахъ еракійскихъ монетъ». Докладчикъ продемонстрировалъ при этомъ рѣдчайшіе экземпляры изъ своего нумизматическаго собранія. Среди этихъ монетъ особенное вниманіе обращаетъ на себя найденная близъ Филиппополя монета съ изображеніемъ императора Септимія Клавдія съ одной стороны и коронованной змѣи съ другой стороны, что представляетъ особый интересъ, въ виду распространенности въ Родопскихъ горахъ преданія о змѣиномъ царѣ. Монеты эти вообще сохранили замѣчательныя черты древне-греческаго искусства, давая воспроизведенія всего пантеона греко-римскихъ божествъ. Впрочемъ, послѣднее докладчикъ замѣчаетъ лишь въ императорскій періодъ; въ автономный же періодъ существованія еракійскихъ госуларствъ усматривается на монетахъ преобладаніе Діониса и Геркулеса. Въ томъ же засѣданіи С. А. Жебелевъ прочиталъ рефератъ: «О древнѣйшихъ сношеніяхъ Аѳины съ Римомъ». Точно датированнымъ моментомъ, когда Аѳины и Римъ вступили въ непосредственныя сношенія, остается 228 годъ до Р. Х., когда, по призыву греческихъ городовъ, римляне явились для обузданія иллирійскихъ разбойниковъ. Преданіе о римскомъ посольствѣ въ Аѳины, отправленномъ будто бы въ 463 г. до Р. Х., какъ говоритъ Ливій, для ознакомленія съ законодательствомъ Солона, докладчикъ признаетъ недостовернымъ, примыкая въ данномъ случаѣ къ новѣйшимъ изслѣдователямъ этого вопроса.

Сдѣланы были сообщенія В. Г. Васильевскимъ: «Годъ, мѣсяцъ и число перваго нашествія Руси на Константинополь» и С. К. Буличемъ «Новѣйшія

данныя къ вопросу о прародинѣ въ предѣлахъ нынѣшней Европейской Россіи». В. Г. Васильевскій сообщилъ въ своемъ рефератѣ о вновь найденномъ источникѣ для точнаго датированія похода Аскольда и Дира, относимаго нашей лѣтописью къ 865 году. Профессоръ Гентскаго университета, Fr. Simon, издалъ въ настоящее время сохранившійся въ брюссельской библіотекѣ памятникъ византійской литературы XI—XIII в., въ видѣ сборника, заключающаго въ себѣ хронику Манассія, списокъ императоровъ римскихъ и списокъ императоровъ византійскихъ, съ краткими замѣчаніями о событіяхъ при каждомъ изъ нихъ, и при имени императора Михаила здѣсь говорится о нашествіи Руси, случившемся 18-го іюня 860 года. С. К. Буличъ посвятилъ свой рефератъ ознакомленію съ многочисленными работами нѣмецкихъ ученыхъ, направленными противъ теоріи Шрадера, предположившаго прародину индусовъ въ предѣлахъ Европейской Россіи и именно въ степной ея полосѣ. Новѣйшія лингвистическія соображенія приводятъ къ заключенію, что такую мѣстностью могло быть скорѣе южное побережье Балтійскаго моря.

Римскія монеты въ Юго-Западномъ краѣ. Какъ извѣстно, отъ времени до времени у насъ находятъ римскія монеты, главнымъ образомъ серебряныя, типа называемаго протонародьемъ «сивановыми головками», величиной немного меньше копейки новѣйшаго образца, съ изображеніемъ чеканки головы римскаго кесаря на одной сторонѣ и какой нибудь фигуры, преимущественно мѣологическаго характера—на другой. Обрѣзъ этихъ монетъ неправильный, но серебро отличное, а чеканка нѣрѣдко артистическаго достоинства. Всѣ онѣ относятся къ первымъ столѣтіямъ нашего лѣтосчисления. Народъ утверждаетъ, что находящаяся на лицевой сторонѣ голова представляетъ собою усѣкновенную главу Іоанна Предтечи, приписываетъ монетѣ свойства талисмана, приносящаго счастье, и тщательно хранитъ ее отъ глазъ любопытныхъ. Случалось видѣть у крестьянъ по нѣсколько такихъ монетъ. Монеты эти находятъ преимущественно близъ такихъ рѣкъ, какъ Днѣстръ, Бугъ, Двѣпръ и ихъ главныхъ притоковъ. Самая крупная находка такого рода была за послѣднее время произведена вблизи рѣки Горыни (Волинской губ., Ровенскаго уѣзда), гдѣ найдено около двухъ ведеръ такого серебра. Въ настоящее время, въ Ямпольскомъ уѣздѣ, въ 22-хъ верстахъ по прямой линіи отъ р. Буга, при прокладываніи полевой канавы, найдена серебряная монета, не подходящая къ выше обозначенному типу. Она по размѣру величинной двухъ копеекъ новѣйшаго чекана, но гораздо толще ихъ, а обрѣзъ ея сравнительно правильный. На лицевой сторонѣ изображеніе бюста императора Адріана съ надписью. На оборотѣ изображеніе стоящей богини Юноны, съ протянутою правою рукою, на ладони которой стоитъ маленькая фигура человѣка. Такъ какъ римляне смотрѣли на Юнону, какъ на покровительницу домашняго очага, то монету эту, быть можетъ, слѣдуетъ отнести ко времени женитвы императора Адріана на внучкѣ императора Траяна, то-есть къ 100 году по Р. Х. Въ мѣстности, гдѣ найдена монета теперь, находили и прежде римскія монеты.

Двадцатипятилѣтняя годовщина смерти Ершова. 18-го августа исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти поэта П. П. Ершова, автора «Конька-Горбунка», скончавшагося въ 1869 году. Въ петербургскихъ газетахъ появилось извѣстіе, что изъ Петербурга отправленъ въ Tobольскъ памятникъ на могилу П. П. Ершова, заказанный его родными и почитателями. Извѣстіе это было перепечатано и «Тобольскими Губернскими Вѣдомостями». Въ настоящее время близкіе родственники покойнаго поэта заявляютъ, что никакого памятника Петру Павловичу ими заказываемо не было, тѣмъ болѣе, что на могилѣ покойнаго есть уже мраморный памятникъ. Могила П. П. Ершова находится на тобольскомъ кладбищѣ, саженьяхъ въ 8—10 отъ алтаря кладбищенской церкви. Памятникъ небольшой, въ видѣ пирамиды, сдѣланъ

изъ сѣраго мрамора; наверху его—ангелъ въ бѣлой одеждѣ, имѣющій въ одной рукѣ золотой крестъ, а другою указывающій на небо. На западной сторонѣ памятника надпись: «Петръ Павловичъ Ершовъ, авторъ народной сказки «Конекъ-Горбунокъ». Родился 1815 года, февраля 28-го дня. Скончался 1869 года, августа 18-го дня». Памятникъ на могилѣ покойнаго поэта поставленъ не болѣе пятнадцати лѣтъ.

† Сенаторъ межевого департамента сената, Николай Ивановичъ Ланге, 15-го іюля. По окончаніи курса въ университетѣ св. Владимира со степенію кандидата правъ, онъ началъ свою служебную карьеру учителемъ уѣзднаго училища, но вскорѣ перешелъ въ министерство юстиціи. Здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе юридическими познаніями. Когда началось преобразование суда въ 60-хъ годахъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ реформахъ, былъ однимъ изъ первыхъ прокуроровъ петербургскаго окружнаго суда и членомъ петербургской судебной палаты. Сенаторомъ назначенъ въ 1877 г. Досуги служебной дѣятельности онъ посвящалъ изученію русскихъ юридическихъ древностей. Ему принадлежитъ нѣсколько цѣнныхъ ученыхъ трудовъ. Академія наукъ присудила Н. И. Ланге за обстоятельный разборъ «Русской правды» уваровскую премію; его изслѣдованіе «Древняго русскаго уголовного судопроизводства», изданное отдѣльной книгой въ 1884 г., выяснило многія темныя стороны суда XIV—XVII вѣковъ. Изъ другихъ многочисленныхъ работъ покойнаго замѣчательно изслѣдованіе «О покушеніи на преступленіе по дѣламъ печати» («Журналъ Министерства Юстиціи» 1868 г.). Умеръ Н. И. послѣ продолжительной болѣзни, 74 лѣтъ, оставивъ память неутомимаго труженика и добраго человѣка.

† Бывшій профессоръ археологическаго института Дмитрій Ивановичъ Прозоровскій, 12-го іюля. Онъ заслужилъ своими научными трудами имя одного изъ лучшихъ метрологовъ. Его труды и изслѣдованія по древней метрологіи палеографіи, нумизматикѣ, филологіи и исторіи считаются цѣнными вкладами въ русскую историко-археологическую литературу. Изъ его многочисленныхъ литературныхъ трудовъ лучшіе «Лекціи по русской метрологіи», «Новгородъ и Псковъ», «Монета и вѣсъ», «О кунахъ» и др. Д. И. работалъ неутомимо въ продолженіе 50-ти лѣтъ и принадлежалъ къ скромнымъ научнымъ труженикамъ, избѣгавшимъ славы и популярности. Его первая научная работа, посвященная исторіи грузинской церкви, была напечатана въ «Маякѣ» въ 1844 г. Когда былъ основанъ археологическій институтъ, Н. В. Калачовъ предложилъ покойному чтеніе лекцій по метрологіи и палеографіи. Занимая кафедру въ институтѣ до 1892 г., онъ пользовался симпатіями слушателей. Умеръ онъ 73 лѣтъ.

† 4-го іюля въ Кавани писательница и переводчица Серафима Никитична Бажина, работавшая съ 1867 г. и до послѣдняго времени въ «Женскомъ Вѣстникѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Словѣ», «Дѣлѣ», «Русскомъ Богатствѣ», «Наблюдателѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи» и въ другихъ журналахъ. Года два назадъ ея разсказы для дѣтей были изданы отдѣльнымъ сборникомъ подъ названіемъ «Влуждающіе огоньки». Это была даровитая труженица.

† 14 августа въ Петербургѣ отъ рака въ желудкѣ одинъ изъ газетныхъ тружениковъ, Дмитрій Алексѣевичъ Покровскій. Онъ получилъ образованіе въ духовной семинаріи и до 1890 г. жилъ въ Москвѣ, гдѣ участвовалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и, между прочимъ, завѣдывалъ хроникой въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» при покойномъ Гиляровѣ-Платоновѣ. Въ 1890 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ г. Порохошниковымъ редактировать прибрѣтенную послѣднимъ газету «Русская Жизнь», но черезъ годъ разошелся съ издателемъ и долгое время бѣдствовалъ, пока, наконецъ, не сдѣлался редакторомъ издаваемаго графомъ Шереметевымъ журнала «Пожарный», которому онъ сумѣлъ придать интересъ и разнообразіе. Д. А. помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» рядъ «Очерковъ Москвы», изъ ко-

торыхъ послѣдній напечатанъ въ настоящей книжкѣ. Корректуру его онъ держалъ всего за два дня до своей кончины. Покровский былъ человекъ въ высшей степени скромный и сѣмпатичный и пользовался искреннимъ расположеніемъ всѣхъ, кто его зналъ близко.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ.

По поводу приписываемыхъ Лермонтову стихотвореній.

Недавно вышло полное двухтомное собраніе сочиненій Лермонтова, подъ редакціей В. В. Чуйко, въ изданіи М. О. Вольфа. На 303 страницъ перваго тома, въ числѣ стихотвореній, «приписываемыхъ Лермонтову», мы нашли два, несомнѣнно принадлежація не Лермонтову, а И. С. Аксакову.

Стихотвореніе:

Клеймо домашняго повора
Мы носимъ, славные извнѣ, и т. д.,

написано въ 1850 г. въ Ярославлѣ и навѣяно было И. С. Аксакову чтеніемъ сочиненій по исторіи Индіи: индійскій мотивъ удивительно подошелъ къ тогдашнему общественному настроенію; стихотвореніе Аксакова стало ходить въ спискахъ и по своему страстному тону дѣйствительно могло быть приписано Лермонтову. У Аксакова имѣется еще строфа, которой не находимъ въ названномъ изданіи сочиненій Лермонтова:

И слово правды оробѣло,
И рѣже шепотъ смѣлыхъ думъ;
И сердце въ насъ одобелѣло,
Порывовъ нѣтъ; въ забвенья дѣло;
Спугнули мысль, сталъ правденъ умъ!

(См. «И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», томъ II, стр. 277—278).

Второе стихотвореніе, ошибочно приписанное Лермонтову:

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты угнѣшенъ? и т. д.,

написано Аксаковымъ нѣсколько раньше, именно въ 1847 г. въ Калугѣ, въ то время, какъ на него произвела сильное впечатлѣніе переписка Гоголя съ друзьями. Читатель найдетъ это стихотвореніе—съ нѣкоторыми отступленіями въ текстѣ, впрочемъ, не важными—въ приложеніи къ первому тому писемъ Аксакова, на стр. 92—93. На стр. 421, въ письмѣ отъ 15 февраля 1847 г., Аксаковъ самъ говоритъ объ этомъ стихотвореніи, какъ о своемъ.

Кому принадлежать тамъ же помѣщенные стихотворенія:

- 1) «И ты думаешь, буду я хладенъ и нѣмъ»?
- и 2) «И на театрѣ, какъ на сценѣ свѣта»,—не знаемъ.

Вас. Чешихинъ.

гіозныхъ процессій, но въ этомъ не было никакого политическаго характера. Она поклонялась Богу и Его святымъ при Наполеонѣ также, какъ и при королѣ Людовикѣ. Но сердце ея не было покойно, и она очень тревожилась о продолжительномъ отсутствіи Хоеля, который долженъ былъ уже давно вернуться домой.

Со времени происшедшихъ перемѣнъ Марселла очень рѣдко ходила въ церковь, гдѣ совершалъ службы отецъ Роанъ. Она никакъ не могла простить патеру его дружбу съ роялистами, и вмѣсто посѣщенія церкви молодая дѣвушка стала часто ходить въ маленькую часовню на горной вершинѣ, гдѣ она могла спокойно молиться, такъ какъ почти никто туда не заглядывалъ.

Наступило лѣто: въ отдаленныхъ уголкахъ Бретани царило мирное благоденствіе. Въ долинахъ зрѣлъ хлѣбъ; на горныхъ скатахъ росла сочная трава, и пестрѣли полевые цвѣты; быстрые потоки вошли въ свои берега и лѣниво протекали серебристой лентой. Народъ забылъ о всѣхъ перенесенныхъ имъ лишеніяхъ въ надеждѣ на хорошій урожай, и только солдаты ворчали, видя, что ихъ ремесло не имѣло будущности.

Однажды, въ свѣтлый, прекрасный день, выйдя изъ маленькой часовни, Марселла увидала Роана, который повидимому ждалъ ея. Она подошла къ нему съ прежней ясной улыбкой, и хотя лице его было очень блѣдно, очень печально, но оно дышало спокойствіемъ и нѣжностью. Поздоровавшись они пошли вмѣстѣ къ селенію, но долго ни одинъ изъ нихъ не произносилъ ни слова. Наконецъ Роанъ, указывая рукой на море, сказалъ задумчивымъ тономъ:

— Я часто недоумѣваю, о чемъ онъ тамъ думаетъ.

— О комъ ты говоришь?—спросила Марселла съ удивленіемъ.

— О Наполеонѣ. Его поселили на маленькомъ островкѣ и только въ шутку называютъ королемъ Эльбы, а вся его сила, все могущество на вѣки исчезли. Его положеніе должно быть ужасно. Каждую ночь ему должны сниться тысячи и тысячи несчастныхъ, убитыхъ по его милости.

Роанъ произносилъ эти слова какъ-то странно, безсознательно, и Марселла, приписывая ихъ умственному его разстройству, въ которомъ многіе теперь были увѣрены въ Кромлэ, не сердилась на него за очевидное неуваженіе къ ея кумиру, а, желая перемѣнить разговоръ, тихо сказала:

— Дядя Евенъ часто спрашиваетъ о тебѣ и жалуется, что ты не заходишь къ намъ.

Роанъ дико засмѣялся, но проводилъ молодую дѣвушку до самаго ея жилища, и когда она протянула ему руку, чтобъ проститься съ нимъ, онъ спокойно произнесъ:

— Я найду съ тобой къ дядѣ Евену.

Она вздрогнула, такъ какъ не ожидала такого быстрого результата своихъ словъ и въ сущности произнесла ихъ только для пе-

ремѣны разговора, а въ глубинѣ сердца боялась встрѣчи любимыхъ ею лицъ, которыя могли поссориться, благодаря противоположности ихъ политическихъ мнѣній. Но сказать ему теперь, чтобъ онъ не заходилъ къ дядѣ, было невозможно, и она только промолвила тономъ пламенной мольбы:

— Обѣщай мнѣ, что ты не будешь говорить объ императорѣ.

Онъ далъ слово исполнить ея желаніе, и они вошли въ хижину. Ветеранъ сидѣлъ въ креслѣ у огня и читалъ старую газету; кромѣ него, не было никого въ кухнѣ.

— Посмотрите, дядя, я привела къ вамъ гостя,— сказала съ улыбкой Марселла, подходя къ старику.

Онъ поднималъ глаза и сразу не узналъ племянника: такъ онъ посѣдѣлъ и опустился.

— Это ты, молодецъ? — произнесъ онъ наконецъ: — какъ ты измѣнился.

— Да, это я, дядя Евенъ, — отвѣчалъ спокойно Роанъ, и они оба крѣпко пожали другъ другу руки.

Они долго разговаривали очень дружелюбно, и послѣ этого посѣщенія бывшій дезертиръ часто заходилъ къ капралу. Они совершенно помирились и, даже разговаривая о Наполеонѣ, не выходили изъ себя.

— Знаешь что, Марселла? — сказалъ капраль послѣ одного изъ такихъ визитовъ Роана: — онъ молодецъ, и у него сердце львиное, но тутъ у него что-то не въ порядкѣ, — прибавилъ старикъ, указывая на лобъ: — объ этомъ можно было догадаться, когда онъ не хотѣлъ идти въ солдаты. Учитель Арфоль также полусумасшедшій, и эта зараза перешла отъ него къ Роану. Я ему все прощаю; онъ бѣдный не въ здоровомъ умѣ.

ЛII.

В о с к р е с ь .

Лѣто прошло, и солнце снова стало подвигаться къ равноденствію. Франція тихо дремала, убаюканная церковнымъ пѣніемъ. Скептики безмолвно качали головой, республиканцы и имперіалисты въ тайнѣ готовили заговоры, заключенный въ клѣтку левъ безмолвствовалъ, а новый король спокойно благодушествовалъ.

Мѣсяцы шли за мѣсяцами; капраль Дерваль примирился съ положеніемъ дѣлъ и уже говорилъ объ императорѣ съ той торжественной печалью, съ которой говорятъ о дорогомъ покойникѣ. Роанъ Гвенфернъ сталъ вторить старику въ этомъ отношеніи и потому выигралъ много въ мнѣніи капрала.

— Онъ настоящій молодецъ, — говаривалъ о своемъ племянникѣ дядя Евенъ: — онъ умѣетъ съ уваженіемъ относиться къ проигранному дѣлу. Я очень виноватъ передъ нимъ.

Мало-по-малу, подъ смягчающимъ вліяніемъ окружающей его среды, Роанъ началъ приходить въ себя. Его щеки оставались блѣдными и волоса сѣдыми, но вся его фигура пріобрѣла прежній, мощный видъ. Онъ постарому сталъ ходить по утесамъ, и въ этихъ прогулкахъ его часто сопровождала Марселла, какъ въ дни ихъ счастливаго дѣтства.

— Онъ спасъ ея жизнь, и почему бы имъ не жениться! — говорилъ не разъ капраль, обращаясь къ вдовѣ, и она не противорѣчила его словамъ, такъ какъ въ послѣднее время перешла на сторону враговъ, которые научили ее ненавидѣть Наполеона, отнявшаго отъ нея столько дѣтей и въ томъ числѣ не возвратившагося до сихъ поръ Хоеля.

Только Марселла и мать Роана знали причину, по которой онъ не рѣшался сдѣлать предложеніе. Перенесенныя имъ тяжелыя страданія такъ потрясли его нервную систему, что онъ хотя и любилъ попрежнему Марселлу, но не со страстью влюбленнаго, а скорѣе съ привязанностью брата. Конечно, время могло воскресить въ немъ старое пламенное чувство, но теперь оно проявлялось лишь раза два въ неожиданномъ порывѣ, побуждавшемъ его дико обнимать и цѣловать Марселлу.

— Она никогда не выйдетъ замужъ за Гвенферна, — говорили кумушки въ Кромлэ: — она знаетъ, что онъ сумасшедшій.

Но, говоря это, они ложно судили о сердцѣ Марселлы. Напротивъ, временное потемнѣніе, которому подвергался свѣтлый умъ Роана, увеличивало въ ней желаніе посвятить ему всю свою жизнь. Къ тому же ея натура была странная, и любовь къ двоюродному брату преобладала въ ней надъ всѣмъ.

Мишель Гральонъ теперь рѣдко попадался ей на глаза; онъ очевидно боялся столкновенія съ человѣкомъ, котораго онъ недавно безжалостно преслѣдовалъ. Кромѣ того, онъ былъ теперь яримъ сторонникомъ короля и считалъ нужнымъ не только избѣгать встрѣчъ съ капраломъ, но и искать себѣ лучшей невѣсты, чѣмъ его племянница.

Однажды въ свѣтлое холодное утро, когда уже снѣгъ лежалъ на землѣ, Роанъ сказалъ Марселлѣ:

— Ты помнишь, что ты когда-то говорила мнѣ, что любишь меня и выйдешь за меня замужъ?

— Помню.

— А ты сдержишь свое слово?

— Да, если дядя согласенъ.

— Однако подумай, Марселла. Я очень измѣнился и врядъ ли когда буду прежнимъ Роаномъ. Для тебя найдутся лучшіе женихи.

— Но я тебя люблю, Роанъ, — отвѣчала она просто и взглянула на него съ полнымъ довѣріемъ.

Въ тотъ же день они переговоры съ капраломъ, и онъ радостно благословилъ ихъ, а отецъ Роланъ, узнавъ объ этомъ, обѣщалъ хлопотать разрѣшеніе епископа, безъ котораго нельзя было совершить брака между двоюроднымъ братомъ и сестрой.

Когда объ этомъ узнали въ селеніи, то многіе стали качать головой, а Мишель Гральонъ громко произнесъ:

— Епископу не слѣдуетъ разрѣшать этой свадьбы: Роанъ сумасшедшій и очень опасный.

Но епископъ не представилъ никакихъ возраженій, и было рѣшено, что свадьба произойдетъ весной.

Въ одинъ изъ первыхъ дней марта 1815 года Роанъ вошелъ рано утромъ въ кухню капрала, гдѣ Марселла хлопотала по хозяйству. Она молча подбѣжала къ нему и протянула губы для поцѣлуя.

— Весна пришла,—сказалъ онъ, сіяя давно невиданной на его лицѣ счастливой улыбкой: — посмотри, я принесъ тебѣ первую фіалку.

Такъ какъ появленіе фіалокъ дѣйствительно означало наступленіе весны, а весной должна была произойти ихъ свадьба, то Марселла невольно покраснѣла. Она взяла цвѣтокъ и спрятала его за пазуху, а Роанъ крѣпко обнялъ ее.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ отворилась, и вошелъ въ хижину капраль, махая газетой въ сильномъ волненіи.

— Марселла, Роанъ! — воскликнулъ онъ, — какія я принесъ новости!

— Что случилось?—спросила Марселла, освобождаясь изъ объятий Роана.

— Долой бурбоновъ! — крикнулъ старикъ съ своей прежней энергіей: — 1-го марта императоръ высадился въ Каннѣ и быстро идетъ на Парижъ. Да здравствуетъ императоръ!

При этихъ словахъ Роанъ всплеснулъ руками, и изъ его груди вырвался болѣзненный стонъ.

ЛІІІ.

Еще разъ подъ землей.

Извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы было совершенно справедливо. Послѣ долговременныхъ подготовленій онъ сбросилъ съ себя маску мирнаго Цинцината и, вырвавшись на свободу изъ клѣтки, дверь которой намѣренно была оставлена открытой, снова очутился во Франціи во главѣ арміи.

Вѣсть объ этомъ поразила Роана Гвенферна, какъ громовымъ ударомъ. Для него возвращеніе Наполеона значило — отчаяніе, новыя преслѣдованія, вѣрная смерть. Почему Провидѣніе допустило

подобное неожиданное прекращеніе водворившагося во Франціи мира? вмѣстѣ со всѣми другими, Роанъ привыкъ мѣсяць за мѣсяцемъ дышать свободно; на его лицѣ начали мало-по-малу ступевываться слѣды перенесенной имъ тяжелой пытки, и наконецъ онъ собрался съ силами и протянулъ свои уста къ очарованной чашѣ любви. Но въ эту самую минуту снова вокругъ него все померкло, и онъ, еще разъ низвергнутый съ высоты своихъ надеждъ, находился въ безднѣ отчаянія. Мадонна Ненависти услышала его молитву, но съ какой-то злой ироніей исполнила его желаніе. Она свергла съ престола ненавистнаго его врага, но лишь для того, чтобъ черезъ годъ вернуть ему этотъ престоль. Она, повидимому, дозволила бѣдному народу вздохнуть свободно только для того, чтобъ новая пытка была для него еще ужаснѣе прежняго.

Съ начала, впрочемъ, оставался кое-какой лучъ надежды. Патеры усердно молились, а роялисты хвастливо увѣряли, что съ узурпаторомъ легко справятся. Но каждая газета приносила новое подтвержденіе, что не только Наполеонъ воскресъ, но и вмѣстѣ съ нимъ воскресла прежняя военная гроза.

Почти съ такимъ же ужасомъ, съ какимъ Роанъ думалъ о Наполеонѣ, онъ смотрѣлъ теперь на капрала. Извѣстія о возвращеніи его кумира придали старику новыя силы. Онъ снова принялъ на себя прежній авторитетный тонъ и прежнюю Наполеоновскую позу. Онъ былъ блѣденъ и слабъ на ногахъ, но старый воинственный духъ вернулся къ нему, хотя зная, что Кромлэ сохранилъ свои роялистскія наклонности, онъ преимущественно высказывалъ империалистскій энтузіазмъ въ четырехъ стѣнахъ своего жилища. Сначала Гильдъ не соглашался съ дядей, увѣряя, что пока маршалъ Ней стоитъ за короля, то дѣло Наполеона безнадежно, но когда Ней съ арміей перешелъ на сторону своего бывшего повелителя, то они оба рѣшили, что торжество Наполеона обезпечено.

Безмолвно переходя съ мѣста на мѣсто, какъ тѣнь, Роанъ жадно прислушивался ко всѣмъ толкамъ, ко всѣмъ новостямъ. Но съ каждымъ днемъ его будущность все болѣе и болѣе омрачалась. Куда ни являлся Наполеонъ, цѣлыя арміи возникали словно изъ земли, и на его могучій голосъ откликались безчисленные легіоны. Всего тяжелѣе для Роана было то, что Марселла также сіяла, какъ ея дядя, точно забывая, что источникъ ея радости былъ сигналомъ гибели для любимаго ею человѣка. Онъ цѣлыми днями скитался по берегу, такъ какъ не въ силахъ былъ сидѣть дома, а тѣмъ болѣе въ хижинѣ капрала, который шумно ликовалъ. Онъ инстинктивно избѣгалъ Марселлы и почти не говорилъ съ нею. Хотя еще никто не напоминалъ ему объ его возстаніи противъ воли императора и никто не налагалъ на него руки, но онъ зналъ, что во всякую минуту могли возобновиться его преслѣдованія.

Въ одинъ изъ этихъ печальныхъ дней ему пришла въ голову

мысль посѣтить театръ его прежней борьбы. Погода была тихая, солнечная, и, очутившись въ соборѣ св. Гильда, онъ увидалъ тамъ стаю птицъ, которыя, прилетѣвъ съ юга, вили гнѣзда и выводили птенцевъ въ этомъ безопасномъ убѣжищѣ. Онъ поднялся въ пещеру, гдѣ такъ долго выдерживалъ осаду, а оттуда пробрался темными проходами въ свой воздушный покой на высотѣ утеса. Выглянувъ изъ его отверстія, онъ снова могъ лицезрѣть мирное зрѣлище гладкой поверхности океана, по которой скользили рыбацьи лодки. Въ эту минуту въ головѣ его блеснула мысль, почему Провидѣніе дозволило снова тѣни меча омрачить мирный свѣтъ. Онъ съ ужасомъ вспоминалъ, что убилъ Пиприака, и невольно пожалѣлъ, что подъ его рукой погибъ не Наполеонъ, а одинъ изъ скромныхъ исполнителей его воли.

Спустя нѣсколько времени Роанъ пробрался въ открытый имъ подъ землю римскій водопроводъ, гдѣ на каждомъ шагу видѣлись слѣды наводненія, и наконецъ остановился передъ громадной черной массой, заслонявшей ему дорогу. Это была мраморная статуя римскаго императора, которая возвышалась на краю водопровода, а теперь, низвергнутая и увлеченная бѣшенымъ потокомъ, застряла между стѣнами узкаго прохода. Роанъ долго задумчиво смотрѣлъ на этотъ бездушный образъ низвергнутаго величія и думалъ о другомъ живомъ символѣ человѣческой силы, который пытался снова возстановить себя на своемъ старомъ могучемъ пьедесталѣ.

Уже садилось солнце, когда онъ вышелъ изъ собора св. Гильда и, поднявшись по лѣстницѣ св. Трифина, пошелъ медленно по вершинѣ утесовъ. Странныя мысли тѣснились въ его головѣ. Онъ никакъ не могъ понять, что одна и та же природа создавала тигра и огнца, что одно и то же Провидѣніе начертало въ человѣческой душѣ вѣчную заповѣдь любить другъ друга и создавало бездушныхъ жестокихъ тирановъ, изъ которыхъ одинъ по волѣ того же Провидѣнія теперь готовился снова омрачить землю роковой тѣнью меча.

LIV.

Послѣдняя надежда.

Проходя мимо маленькой часовни, Роанъ увидалъ какую-то фигуру, стоявшую въ дверяхъ. Это была его мать; она схватила его за руку, и онъ тотчасъ прочелъ на ея полномъ страха и отчаянія лицѣ, какую вѣсть она принесла.

— Спасайся бѣгствомъ, Роанъ, — воскликнула она: — тебя опять преслѣдуютъ и ищутъ всюду. Получены ужасныя извѣстія. Императоръ въ Парижѣ, и объявлена война.

Въ глазахъ Роана помутилось, и онъ схватился рукой за сердце. Давно онъ ожидалъ этой роковой вѣсти, но все-таки она произвела на него потрясающее впечатлѣніе.

— Войдемте въ часовню,—сказалъ онъ, и старуха послѣдовала за нимъ.

Все въ часовнѣ было въ томъ же самомъ видѣ, какъ въ тотъ моментъ, когда влюбленная чета, преклонивъ колѣна передъ Мадонной, поклялась во взаимной любви.

Въ нѣсколькихъ краткихъ словахъ вдова Гвенфернъ рассказала сыну о томъ, что случилось: селеніе находилось въ большомъ волненіи, такъ какъ съ одной стороны была получена вѣсть о торжествѣ императора, а съ другой роялисты не хотѣли признавать совершившейся переменѣны, но жандармы изъ Сень-Гурло уже начали травлю дезертировъ именемъ императора. Они произвели обыскъ въ ея домѣ и грозно заявили, что пришла пора отомстить за убійство Пиприака.

Слушая этотъ рассказъ, Роанъ такъ измѣнился, что все смягчающее вліяніе послѣдняго времени какъ бы исчезло, и его глаза засверкали тѣмъ дикимъ блескомъ, который такъ пугалъ Марселлу. Когда мать замолкла, онъ истерически захохоталъ, и въ этомъ болѣзненномъ смѣхѣ слышалась безумная нота.

— Роанъ! Роанъ!—воскликнула испуганная женщина, схвативъ его за руку:— не смотри на меня такъ. Скажи что нибудь. Вѣдь тебя не схватятъ, не правда ли?

Онъ молча посмотрѣлъ на нее и продолжалъ смѣяться. Бѣдная женщина залилась слезами.

Въ ту же ночь капраль Дерваль сидѣлъ у огня и читалъ газету внимательно слушавшимъ его Марселлѣ и ея матери. Онъ былъ очень взволнованъ извѣстіями, полученными изъ Парижа, о томъ, что Европа отказалась войти въ переговоры съ узурпаторомъ и двинула снова на Францію миллионную армію Россіи, Австріи и Пруссіи. Англія же, какъ всегда, приняла участіе въ борьбѣ деньгами, т. е. субсидіей въ 36 миллионъ, уже не говоря о восьмидесяти-тысячномъ отрядѣ, подъ начальствомъ герцога Веллингтона.

— Какіе трусы!—воскликнулъ капраль, скрежеща зубами:— они посылаютъ миллионъ войскъ на Францію и маленькаго капрала, но мы съ ними справимся.

— Еще война!—грустно промолвила вдова, вспоминая о неизвѣстной судьбѣ Хоеля.

— Да, и теперь война будетъ жестокая,—сказалъ дядя Евень:— императоръ долженъ уничтожить своихъ враговъ, или они сотрутъ его съ лица земли. Парижъ сильно укрѣпляется, и его вторично не возьмутъ хитростью. Черезъ нѣсколько дней императоръ выступитъ въ походъ, и дѣло закипитъ.

Въ эту минуту въ кухню вошелъ Гильдъ и, озираясь кругомъ, сказалъ:

— Не видалъ ли кто Роана? На него опять началась облава.

— Къ намъ уже приходили жандармы, и я имъ сказалъ, что Роанъ на этотъ разъ исполнить свой долгъ,— отвѣчалъ капраль:— императору нужны солдаты, и всякій, кто теперь окажетъ ему помощь, можетъ разомъ загладить свое прошедшее. Пусть только Роанъ явится въ армию и поступитъ въ ея ряды, то все ему простится.

— Ну, я въ этомъ не увѣренъ,— произнесъ Гильдъ:— я только что пилъ въ кабацкѣ съ жандармомъ Пенвенномъ, другомъ стараго Пиприака, и онъ говорилъ, что Роана непременно разстрѣляютъ.

— Пенвень дуракъ,— воскликнулъ ветеранъ:— я тебѣ говорю, что Роану все простится, если онъ поступитъ въ солдаты. Я лучше знаю императора и его намѣренія. Ну, а ты, Марселла,— прибавилъ онъ, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ:— какъ ты думаешь, твой женихъ снова окажется трусомъ, или нѣтъ?

— О, дядя!— промолвила Марселла, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ты права, я совсѣмъ и забылъ, что онъ доказалъ самымъ блестящимъ образомъ свою храбрость. Я увѣренъ, что онъ теперь не упуститъ случая возстановить свое доброе имя, а императоръ приметъ его съ распростертыми объятіями, какъ блуднаго сына, возвратившагося къ отцу.

Въ эту минуту дверь отворилась, и на порогѣ показался Роанъ съ прежнимъ выраженіемъ затравленнаго дикаго звѣря на лицѣ.

— А, это ты,— воскликнулъ капраль:— Гильдъ, запри дверь.

Когда это приказаніе старика было исполнено, то онъ произнесъ:

— Не бойся ничего, молодець. Тебя ищутъ, но я все устрою. Нечего терять ни минуты, иди прямо въ Сень-Гурло къ капитану Фигье и скажи, что я тебя прислалъ. Ты поступишь въ солдаты, и все будетъ кончено. Но что съ нимъ, онъ съ ума сошелъ?

Дѣйствительно Роанъ стоялъ посреди кухни и молча, дико смѣялся.

— Роанъ,— воскликнула Марселла, схвативъ его за обѣ руки и со страхомъ смотря ему прямо въ глаза:— ты слышишь, что говорить дядя? Тебѣ надо поступить въ солдаты, или тебя казнить.

— Что будетъ, если я отдамся въ ихъ руки?— спросилъ Роанъ спокойно, не спуская глазъ съ молодой дѣвушки.

— Все будетъ забыто,— отвѣчалъ капраль:— тебѣ дадутъ ружье, ты вступишь въ ряды великой армии, покроешь себя славой и, вернувшись домой, женишься на Марселлѣ.

— А если я не отдамся?

— Тогда тебя разстрѣляютъ, какъ собаку. Но ты никогда не будешь такимъ сумасшедшимъ.

— А нѣтъ другого выхода,— промолвилъ Роанъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; не теряй драгоцѣннаго времени на пустые разговоры.

— Другой выходъ есть, — произнесъ Роанъ страннымъ голосомъ: — еслибъ императоръ умеръ! Еслибъ его убили!

— Боже избави, — промолвилъ въ ужасѣ дядя Евенъ: — одна мысль объ этомъ измѣна.

Не обращая вниманія на слова дяди и продолжая смотрѣть на Марселлу, Роанъ промолвилъ, какъ бы говоря про себя и во снѣ:

— Еслибъ кто нибудь пробрался къ нему, спящему ночью, и убилъ его, то это было бы доброе дѣло. Одной смертью спасены были бы тысячи жизней, и миръ водворился бы во всемъ свѣтѣ.

— Роанъ, — воскликнула Марселла: — замолчи ради Бога, замолчи.

Глаза его и все лицо ясно выражали безумную рѣшимость совершить убійство.

— Оставь его, — воскликнулъ капраль, обращаясь къ Марселлѣ: — онъ богохульствуетъ и можетъ убить кого нибудь.

— Это правда, — сказалъ Роанъ, блѣдный, какъ смерть: — но я здѣсь никого не трону, прощайте, дядя Евенъ, я ухожу.

И онъ медленно направился къ двери.

— Постой, Роанъ, — воскликнула Марселла, схвативъ его за руку: — куда ты идешь?

Онъ молча оттолкнулъ ее и черезъ минуту исчезъ въ темнотѣ.

Капраль въ отчаяніи опустился въ свое кресло, Гильдъ сталъ свистать отъ удивленія, старуха тихо плакала, а Марселла молча молилась.

Когда на другое утро жандармы стали шарить во всемъ Кромлѣ и въ его окрестностяхъ, отыскивая Роана Гвенферна, то нигдѣ уже не было видно его слѣдовъ.

L.V.

На дорогѣ.

Сцена на время измѣняется, передъ нами не залитые солнцемъ, прибрежные утесы и зеленая пастбища вокругъ Кромлэ, а внутреннія равнины, заволакиваемые мрачной дымкой постоянного дождя. Сквозь эту дымку виднѣются медленно движущіяся по большимъ дорогамъ массы пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Въ воздухѣ стоятъ, напоминающій шумъ моря, человѣческій и лошадиный топотъ, а также тяжелый грохотъ пушекъ и фуражныхъ повозокъ, которые прерываются лишь по временамъ громкой командой и барабаннымъ боемъ. Цѣлые дни и цѣлыя ночи не прекращается это безконечное шествіе, а среди его подвигается безмолвно и невидимо духъ смерти на бѣломъ конѣ.

Великая армія направляется къ границѣ, и при ея проходѣ исчезаетъ колосащійся на поляхъ хлѣбъ, умолкаетъ веселая пѣснь птицъ въ рощахъ. На дорогахъ появляются глубокія борозды орудій; на улицахъ селеній останавливаются кавалерійскіе эскадроны и привязываютъ своихъ лошадей къ заборамъ. Вся страна наполнена глухимъ ропотомъ, возвѣщающимъ и сопровождающимъ войну. Медленно шагъ за шагомъ движутся колонны, слѣпо повинувся указывающей имъ путь десницѣ. За ними слѣдуетъ стая человѣческихъ коршуновъ, которые всегда снуютъ за арміей на походѣ, а среди нихъ виднѣется человѣкъ, который, судя по его внѣшности, происходитъ изъ самой отвратительной трущобы и принадлежитъ къ подонкамъ общества: высокаго роста, странный, дикій на взглядъ, онъ, казалось, не имѣетъ ни рода, ни племени. Его волосы висятъ въ беспорядкѣ по плечамъ, его длинная борода не расчесана, его ноги и руки обнажены, а остальное тѣло покрыто лохмотьями. Ночь за ночью онъ проводитъ на открытомъ воздухѣ, или въ сараяхъ, откуда его гоняютъ сердитыя собаки и еще болѣе жестокіе люди. Онъ говоритъ пофранцузски, но на такомъ мѣстномъ нарѣчій, что его понимаютъ рѣдкіе изъ туземцевъ, и онъ всегда спрашиваетъ одно и то же:

— Гдѣ императоръ? проѣдетъ онъ здѣсь?

Всѣ видѣвшіе этого человѣка принимали его за сумасшедшаго, и дѣйствительно онъ въ какомъ-то безсознательномъ забытѣ слѣдовалъ за арміей. По дикому, но рѣшительному взгляду его тревожныхъ глазъ можно было заключить, что имъ руководитъ какая-то опредѣленная мысль, но во всѣхъ его движеніяхъ виднѣлись беспомощность и невмѣняемость. Трудно сказать, чѣмъ онъ существовалъ. Онъ не просилъ милостыни, но солдаты иногда давали ему изъ сожалѣнія хлѣба, а офицеры бросали ему мелкія монеты. Повидимому, его терзалъ голодъ, но не физическій, а нравственный. Нѣсколько разъ его принимали за шпіона и хотѣли повѣсить, но, выслушавъ роковой приговоръ, онъ принимался такъ дико хохотать, что его отпускали на свободу съ презрительной улыбкой. Онъ шелъ все далѣе и далѣе, шепотомъ произнося про себя:

— Когда же явится императоръ?

Золотисто колосились поля въ мирной Бельгіи, душистое сѣно лежало на лугахъ, тихо журчали ручьи подъ сѣнью тѣнистыхъ деревьевъ, медленно вертѣлись въ воздухѣ, пропитанномъ ароматомъ цвѣтовъ, крылья мельницъ. Но что это блестѣло на улицахъ селеній и по деревенскимъ дорогамъ? Это были каски прусскихъ солдатъ. Иноземныя войска уже заняли всю страну и ожидали появленія французовъ.

Великая армія не заставила себя долго ждать. Выстрѣлы, слышавшіеся то тутъ, то тамъ, ясно указывали, что начались схватки. Вотъ раздается громкая команда со стороны Катръ-Бра; громовые

залпы слѣдуютъ одинъ за другимъ. Авангарды встрѣтились, и бой закипѣлъ. Кавалерійскіе эскадроны скачутъ по всѣмъ направленьямъ. Устрашенные поселяне ищутъ спасенія въ бѣгствѣ.

На опушкѣ лѣса стоитъ та отталкивающая фигура, которая упорно слѣдовала за французскимъ войскомъ на походѣ. Онъ дико прислушивается ко всѣмъ звукамъ, долетающимъ до него по дорогѣ, которая извивается передъ нимъ, и не обращаетъ никакого вниманія на падающій дождь. Неожиданно показывается группа всадниковъ, во главѣ которыхъ скачетъ маленькій человѣчекъ въ треуголкѣ и сѣромъ сюртукѣ; за нимъ слѣдуетъ дорожная карета четверкой. Остановившись на минуту у лѣсной опушки, онъ продолжаетъ свой путь въ сопровожденіи блестящей свиты генераловъ и офицеровъ.

Мрачная фигура быстро исчезаетъ въ чащѣ.

LVI.

Смерть капрала.

— Дядя! Дядя! Посмотрите на меня! Послушайте! Получены славныя вѣсти! Произошла битва, и императоръ одержалъ побѣду! Это... я... Марселла!

Капралъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ и какъ будто спалъ; но глаза его были широко открыты, и онъ тяжело дышалъ. Марселла, только что вернувшаяся домой съ газетей въ рукахъ, нашла его въ этомъ безсознательномъ положеніи и сначала, полагая, что онъ спитъ, тихо взяла его за руку и старалась привести въ себя. Но видя, что это ни къ чему не ведетъ, и опасаясь, что съ нимъ серьезный припадокъ, она стала звать на помощь свою мать. Та немедленно явилась съ верху и начала тереть старику руки и прыскать въ лицо водой. Но все было тщетно.

— Онъ умретъ!—воскликнула Марселла, ломая себѣ руки:—ему никогда не было такъ худо. Мама сбѣгайте поскорѣе за Плуэ... ему надо пустить кровь. Учитель Арфоль говорилъ, что это единственное средство.

— Не лучше ли сходить за патеромъ?—промолвила вдова. Ее мучила мысль, что зять умретъ безъ покаянія, а практическая Марселла заботилась о томъ, чтобъ принять всѣ мѣры къ его выздоровленію, полагая, что онъ послѣдетъ приготовиться къ смерти, когда исчезнетъ всякая надежда на сохраненіе жизни.

Вскорѣ цырюльникъ явился и пустилъ кровь пациенту, но, окончивъ свое дѣло, онъ тихо произнесъ:

— Кровь идетъ очень тихо. Онъ чрезвычайно слабъ и врядъ ли оправится.

Только когда его раздѣли и положили въ постель, старикъ очнулся и, узнавъ Плуэ, улыбнулся, но это была очень печальная улыбка, и на глазахъ его показались слезы.

— Будьте молодцемъ, какъ всегда, сосѣдь,—сказалъ цырюльникъ:—вамъ теперь вѣдь лучше, и я вамъ скажу пріятную новость. Нашъ авангардъ встрѣтился съ пруссаками въ Шарлеруа и разбилъ ихъ на голову.

Глаза дяди Евена засверкали, и онъ хотѣлъ что-то промолвить, но языкъ ему не повиновался.

— Это правда, дядя,—произнесла Марселла, съ любовью смотря на больного старика.

— Пріятная новость, — прсмолвилъ онъ наконецъ едва слышнымъ голосомъ и, закрывъ глаза, снова умолкъ.

Сильное волненіе, которому онъ подвергался въ послѣднее время, окончательно уничтожило остатки его распатаннаго здоровья. День за днемъ онъ чрезмѣрно напрягалъ свои нервы и, шагая по улицамъ Кромлэ, старался возратить себѣ прежнее вліяніе. Онъ не могъ оставаться спокойнымъ, и его пульсъ бился въ унисонъ съ барабаннымъ боемъ на отдаленныхъ поляхъ битвъ. Онъ надѣялся, что императоръ снова одержитъ побѣду, и что вмѣстѣ съ восстановленіемъ могущества императора возстановится и его собственный престижъ. Это возстановленіе уже отчасти совершилось, и онъ пріобрѣлъ снова въ значительной мѣрѣ свое старое значеніе. Никто уже не смѣлъ теперь спорить съ нимъ зная, что его повелитель попрежнему господствуетъ въ странѣ. Этотъ неожиданный переходъ отъ отчаянія къ радости и отъ общаго презрѣнія къ выраженіямъ если не общаго уваженія, то страха, подорвалъ его послѣднія силы и причинилъ новый, сильнѣйшій припадокъ болѣзни.

Опасаясь за жизнь дяди, Марселла теперь почти забыла о своемъ собственномъ горѣ. Не было ни слуху, ни духу о Роанѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ исчезъ, и никто не зналъ, живъ ли онъ, или умеръ; сердце молодой дѣвушки естественно не вѣдало покоя ни днемъ, ни ночью, и она постоянно молила небо сохранить любимаго ею человѣка здоровымъ физически и умственно.

Отъ послѣдняго припадка дядя Евенъ отдѣлался не такъ легко, какъ отъ прежнихъ. Онъ лежалъ въ постели въ продолженіе многихъ дней и, казалось, все находился на краю могилы. Однако онъ не хотѣлъ, чтобъ послали за отцемъ Роланомъ, роялистскія наклонности котораго возмущали душу ветерана, и постоянно требовалъ, чтобъ ему читали газеты. По счастью извѣстія были хорошія, и они болѣе, чѣмъ лекарство, помогли ему наконецъ одѣться и сѣсть въ кресло у огня.

Въ этотъ день неожиданно въ хижину капрала вошелъ учитель Арфоль, и хотя Марселла испугалась его прихода, но дядя Евенъ

принялъ его съ большой радостью, а учитель ничѣмъ не нарушилъ его дружескаго къ себѣ расположенія.

— Я виноватъ передъ нимъ, — сказалъ ветеранъ послѣ ухода Арфоля:—онъ прекрасный и разумный человѣкъ.

На слѣдующій день Арфоль снова пришелъ и долго разговаривалъ съ больнымъ. Ихъ бесѣда даже коснулась политики, и дядя Евенъ, не смотря на слабость, осѣдлалъ своего конька, но учитель не спорилъ съ нимъ, а соглашался, что еслибъ Наполеонъ не былъ великимъ человѣкомъ, то не могъ бы возбудить любви и энтузіазма въ сердцахъ столькихъ людей. Онъ самъ видѣлъ императора и уже болѣе не сомнѣвался въ томъ, что онъ великій человѣкъ, уже болѣе не удивлялся, что ему поклонялись, какъ кумиру.

Неизвѣстно, какъ это случилось, но Марселла услышала сверху, что Арфоль послѣ продолжительнаго молчанія, слѣдовавшаго за политической бесѣдой, началъ читать вслухъ библію, которую онъ всегда носилъ въ карманѣ для обученія дѣтей. При этомъ онъ выбралъ не воинственные эпизоды ветхаго завѣта, которые были болѣе сродны ветерану, а новый завѣтъ, и, къ его удивленію, притчи Христовы пришлись по сердцу старику.

— Однако, — произнесъ учитель, закрывая библію, —нельзя не сознаться, что война страшное зло, и что миръ лучше.

— Конечно,—отвѣчалъ капралъ:—но война необходимость.

— Нѣтъ, еслибъ люди любили другъ друга.

— Да какъ же любить враговъ!—промолвилъ дядя Евенъ, скрежеща зубами:—какъ любить пруссаковъ и англичанъ?

Учитель тяжело вздохнулъ и перемѣнилъ разговоръ, а когда онъ вскорѣ послѣ этого простился со всей семьей и вышелъ изъ дома, то на порогѣ его остановила Марселла.

— Учитель Арфоль, — сказала она тихимъ, дрожащимъ голосомъ:—какъ вы думаете, онъ умретъ?

— Не знаю... Но онъ очень боленъ.

— А онъ выздоровѣетъ?

— Онъ не молодъ, и такіе тяжелые удары не проходятъ подъ старость, — сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія: —я не думаю, чтобъ онъ долго жилъ. А есть извѣстія о вашемъ двоюродномъ братѣ?

Она отвѣчала отрицательно и грустно вернулась къ дядѣ.

Въ этотъ же вечеръ весь Кромлэ былъ взволнованъ извѣстіемъ о битвѣ подъ Линьи, и бонапартисты, расхаживая по улицамъ съ криками и пѣснями, торжествовали побѣду императора.

— Да, дядя, вы правы,—воскликнулъ Гильдъ, вбѣгая пьяный въ кухню:—вашъ маленькій капралъ вздулъ на славу пруссаковъ, а теперь онъ уничтожитъ проклятыхъ англичанъ.

— Гдѣ газета!—воскликнулъ старикъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и нетерпѣливо протягивая руки.

Гильдъ подалъ газету, и капралъ, надѣвъ свои роговыя очки, началъ пожирать глазами желанныя вѣсти. Но вскорѣ буквы закружились въ его глазахъ, и онъ долженъ былъ передать газету Марселлѣ, которая громко прочла бюллетень о побѣдѣ Наполеона. Старикъ внимательно слушалъ, и глаза его наполнились слезами радости.

Въ эту ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ, а къ утру сталъ бредить.

Ясно было, что въ его болѣзни наступилъ кризисъ и къ худшему. Онъ метался по постели, повторялъ имена своихъ старыхъ товарищей и часто говорилъ объ императорѣ. Неожиданно онъ поднялся и хотѣлъ соскочить съ кровати.

— Тревога!—воскликнулъ онъ, дико озираясь по сторонамъ.

Голосъ Марселлы, сидѣвшей подлѣ него всю ночь, заставилъ его прійти въ себя на минуту, и онъ снова тихо опустилъ голову на подушку. Но еще нѣсколько разъ онъ нервно вздрагивалъ и приподнимался, словно слыша зовъ.

Рано утромъ пришелъ учитель и сѣлъ у его кровати, но больной его не узналъ. Арфоль понималъ кое-что въ врачеваніи и сказалъ, что положеніе капрала критическое. Услыхавъ объ этомъ, вдова Дерваль тотчасъ послала за отцемъ Роланомъ, но когда онъ явился, то дядя Евенъ былъ не въ состояніи пріобщиться святыхъ тайнъ.

— Я боюсь, что онъ умираетъ,—сказалъ учитель Арфоль.

— И безъ причастія,—промолвила со слезами вдова.

— Онъ пріобщится, если только придетъ въ себя,—произнесъ отецъ Роланъ:—посмотрите на меня, почтенный капралъ. Это я, отецъ Роланъ.

Но душа дяди Евена была далеко, на какомъ-то полѣ брани, гдѣ онъ видѣлъ передъ собой обожаемаго имъ императора на бѣлой лошади. Онъ постоянно повторялъ свой пресловутый разговоръ о разговорѣ съ Наполеономъ при Симонѣ, звалъ своего товарища Жака Монье и простиралъ руки, какъ бы грѣя ихъ передъ костромъ. По временамъ лице его пылало, и, воображая себя среди жестокой сѣчи, онъ громко кричалъ:

— Никому пощады!

Марселла молча плакала, а ея мать горячо молилась. Гильдъ стоялъ у очага и готовъ былъ каждую минуту расплакаться, какъ ребенокъ. Съ одной стороны кровати сидѣлъ учитель Арфоль, а съ другой патеръ.

— Онъ былъ славный человекъ,—сказалъ наконецъ послѣдній,—но энтузіастъ, и побѣда подъ Линьи вскружила ему голову. Онъ былъ вѣрный слуга императора и Франціи.

Это имя императора имѣло какъ бы магическую силу для капрала, и не успѣлъ патеръ произнести его, какъ больной открылъ

глаза и посмотрѣлъ въ упоръ на отца Ролана. Но онъ, казалось, не узналъ его, а, обернувшись къ учителю Арфолою, улыбнулся, но такъ печально, что Марселла воскликнула, всхлипывая и схвативъ его за руку:

— Дядя Евень! Дядя Евень!

— Это ты, дитя мое,—промолвилъ слабымъ голосомъ капраль:— что это ты читала о большой битвѣ?

Она не могла отвѣтить отъ душившихъ ее слезъ, а отецъ Роланъ поспѣшно произнесъ:

— Теперь не время, капраль, говорить о битвахъ; вы очень нездоровы и вскорѣ предстанете предъ Господомъ. Я пришелъ приобщить васъ и подготовить вашу душу къ переходу въ вѣчность. Нечего терять ни минуты.

Всѣ удалились изъ кухни, и патеръ остался одинъ съ умирающимъ. Прошло довольно много времени, и обѣ женщины тревожно переглядывались. Наконецъ отецъ Роланъ позвалъ всѣхъ; дядя Евень лежалъ спокойно на постели, съ закрытыми глазами, а рядомъ съ нимъ видѣлись крестъ и четки патера.

— Все кончено,—сказалъ патеръ:—онъ не въ полномъ разсудкѣ и не узналъ меня, но Господь милостивъ. Этого довольно; умъ его успокоился, и онъ готовъ смиренно, набожно предстать передъ своимъ Творцемъ.

Въ эту минуту умирающій широко открылъ глаза, сознательно посмотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ и, впервые узнавъ патера, громко произнесъ:

— Долой Бурбоновъ! Да здравствуетъ императоръ!—и съ этимъ боевымъ крикомъ на устахъ онъ ушелъ въ лучшій мѣръ, гдѣ нѣтъ ни армій, ни полководцевъ.

LVII.

Наполеонъ.

Возвратимся къ плодороднымъ долинамъ, гдѣ началась кровавая борьба могучихъ армій, къ той опушкѣ вѣковаго лѣса, въ которомъ исчезъ жалкій отверженецъ. Не успѣлъ онъ скрыться, какъ всадникъ въ сѣромъ скотукѣ и треугольной шляпѣ остававляется на горбѣ возвышенности, соскакиваетъ съ лошади и вперяетъ глаза въ ту сторону, гдѣ находится Линья. Дождь идетъ ливнемъ, но онъ также не обращаетъ на него вниманія. Засунувъ руки за спину и опустивъ голову, онъ стоитъ въ глубокомъ раздумьи. Свита молча окружаетъ его.

Вдали слышна канонада. Вдругъ она прерывается, но императоръ не спускаетъ глазъ съ горизонта. Онъ начинаетъ нетерпѣливо ходить взадъ и впередъ, какъ бы поджидая кого-то. Нако-

нець на дорогѣ показывается офицеръ съ обнаженной головой; онъ скачетъ сломя голову. Черезъ минуту онъ въ присутствіи Наполеона. Въ глазахъ его виднѣтся, что онъ привезъ добрую вѣсть, но императоръ молча беретъ депешу и читаетъ ее. Потомъ онъ съ улыбкой говоритъ что-то окружающимъ его людямъ, и они, махая шпагами, громко кричатъ: «да здравствуетъ императоръ!». Пруссаки отступаютъ отъ Линьи; первый ударъ въ начавшейся войнѣ— побѣда.

Не сядя на лошадь, Наполеонъ идетъ тихими, медленными шагами подъ гору.

Когда всѣ исчезли изъ вида, жалкій отверженецъ показывается снова на опушкѣ лѣса: онъ теперь дрожить всѣмъ тѣломъ, и глаза его сверкаютъ болѣе дикимъ, голоднымъ блескомъ, чѣмъ прежде. Онъ быстро слѣдуетъ за группой всадниковъ; только они тихо идутъ у подножья горы, а онъ поспѣшно пробирается по верхамъ, обросшимъ деревьями. Ему на встрѣчу не попадается ни одного живого существа, дождь идетъ попрежнему, и наступаетъ темнота. Наконецъ передъ нимъ вырастаетъ какъ бы изъ земли старинная бельгійская ферма, окруженная житницами, скотнымъ дворомъ, фруктовымъ садомъ и золотистыми полями. Въ окнахъ жилища не видать огня, и ферма, повидимому, совершенно покинута; даже большая голодная собака, увидавъ человѣка, убѣгаетъ съ громкимъ воемъ. Испугавшій ее человѣкъ заглядываетъ въ отворенную дверь и потомъ бросаетъ взглядъ внизъ подъ гору. Тамъ слышится лошадиный топотъ, который все болѣе и болѣе приближается. Но прежде чѣмъ всадники достигли фермы, онъ уже скрывается въ ней.

Внутри все темно; онъ ощупью пробирается черезъ кухню въ сосѣднюю большую комнату съ двумя окнами. По срединѣ деревянная лѣстница ведетъ на темный сѣнникъ, въ одномъ углу виднѣтся старинный каминъ, а тамъ и сямъ стоятъ высокіе дубовые кресла и стулья. На столѣ валяется ломоть хлѣба и кусокъ сыра, очевидное доказательство, что ферму недавно покинули ея обитатели. Извнѣ слышенъ топотъ и звуки голосовъ. Съ быстротою молніи, вошедшій человѣкъ взлѣзаетъ по лѣстницѣ на верхъ и быстро исчезаетъ въ темнотѣ чердака.

Черезъ минуту въ дверь входитъ офицеръ, сопровождаемый солдатами, изъ которыхъ одинъ несетъ фонарь. Онъ осматриваетъ пустую комнату, со смѣхомъ беретъ ломоть хлѣба со стола и что-то приказываетъ солдатамъ, которые тотчасъ выходятъ и, возвращаясь съ охапкой дровъ, разводятъ огонь въ каминѣ. Еще мгновение, и у фермы раздаются топотъ многихъ лошадей и громкіе голоса; она окружена теперь со всѣхъ сторонъ войскомъ, а комнату наполняютъ слуги, которые ставятъ на столъ маленькую серебряную лампу и опускаютъ тяжелыя извѣденныя молью занавѣси на

окнахъ. Они говорятъ между собой тихо, словно въ присутствіи высшаго существа.

Неожиданно дверь открывается, и входитъ императоръ, все въ томъ же сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ. Онъ сбрасываетъ мокрый сюртукъ и, оставшись въ простомъ генеральскомъ мундирѣ, подходитъ къ огню. Ему подають ломоть хлѣба и вина. Онъ отламываетъ кусочекъ хлѣба и пьетъ нѣсколько глотковъ вина; потомъ онъ произноситъ нѣсколько словъ и движеніемъ руки удаляетъ всѣхъ изъ комнаты.

Оставшись одинъ, онъ начинаетъ ходить взадъ и впередъ по каменному полу, заложивъ руки на спину и опустивъ голову на грудь. Безмолвная тишина царитъ вокругъ, ее прерываютъ только стукъ дождя объ окна и смутные голоса въ сосѣдней кухнѣ. Въ темной комнатѣ лишь мерцаютъ огонь въ каминѣ и слабый свѣтъ маленькой лампы. Наверху въ отверстіи между почернѣвшими отъ времени стропилами виднѣются два дико сверкающіе глаза, которые жадно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ Наполеона. Часовой, ходившій подъ окномъ, не двигался такъ методично, какъ его повелитель въ этой одинокой комнатѣ. Дождь идетъ ливнемъ, и вѣтеръ свиститъ, но онъ ни на что не обращаетъ вниманія. Онъ погруженъ въ тяжелую думу. Онъ видитъ передъ собою всѣ ужасы битвъ, слышитъ громъ пушекъ и стоны умирающихъ. Въ эту мрачную ночь онъ какъ бы предчувствуетъ свою роковую судьбу. Онъ блѣденъ, какъ мертвецъ, и его орлиные глаза смотрятъ какъ бы внутрь. Онъ нетерпѣливо ждетъ, чтобъ разсѣялась окружающая его ночная темнота и насталъ день, день побѣды. Онъ увѣренъ въ этой побѣдѣ. Всѣ его планы зрѣло обдуманы, всѣ приказанія даны, онъ теперь въ этой уединенной фермѣ отдыхалъ нѣсколько часовъ передъ началомъ великой битвы, которая должна была возратить ему и славу и могущество. Его звѣзда не могла померкнуть на вѣки, и снова она должна была ослѣпить его враговъ, снова подчинить ему весь міръ.

Онъ подходитъ къ окну и смотритъ на дорогу. Не смотря на лѣто, темно, сыро, холодно; до него доносятся шаги часовыхъ и лошадиный топотъ, но онъ все это слышитъ точно во снѣ. Спустивъ занавѣси, онъ возвращается къ огню, который, освѣщая его фигуру, словно заливаетъ ее кровью. Что-то скрипнуло на потолокъ; онъ подымаетъ свое блѣдное лицо. Это крыса пробѣжала по стропиламъ.

Онъ снова начинаетъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Неожиданно кто-то стучится въ дверь.

— Войдите, — произноситъ онъ, и адъютантъ подаетъ ему депешу.

Онъ разрываетъ конвертъ, читаетъ депешу и бросаетъ ее на столъ. Адъютантъ уходитъ, но онъ возвращаетъ его и говоритъ,

чтобъ его не тревожили въ продолженіе двухъ часовъ, конечно, если не будетъ получено важныхъ депешъ. Онъ хочетъ заснуть.

Дверь тихо затворяется, и онъ снова одинъ. Долго стоитъ онъ у камина въ глубокой думѣ, крѣпко сжавъ губы и насупивъ брови. Потомъ онъ подходитъ къ столу и перечитываетъ депешу. Наконецъ, разстегнувъ галстухъ, онъ приближается къ большому креслу, но прежде, чѣмъ искать забвенія во снѣ, онъ опускается на колѣни. Въ этой одинокой комнатѣ, въ тиши ночной онъ молится. Недолго продолжается его молитва, но когда онъ снова встаетъ, то въ немъ произошла удивительная перемѣна; выраженіе его лица смягчилось и стало спокойное, какъ у ребенка, произносящаго на сонъ грядущій: «Отче Нашъ». И однако онъ, безъ сомнѣнія, молился о побѣдѣ, о пораженіи своихъ враговъ, о закрѣпленіи своего престола потоками крови.

Теперь онъ садится въ кресло, протягиваетъ ноги и закрываетъ глаза. Черезъ минуту онъ уже спитъ тихо, мирно, какъ невинный младенецъ. Постоянная привычка искать отдыха во снѣ при всякихъ условіяхъ, на землѣ, въ сѣдлѣ, въ каретѣ, подчинила ему сонъ, какъ раба. Не успѣваетъ онъ закрыть глазъ, какъ уже спитъ.

Сидя въ старомъ креслѣ, съ опущенной головой, съ отвисшимъ подбородкомъ, блѣдными щеками и полуоткрытыми, но неподвижными, стеклянными глазами, онъ казался мертвецомъ. Все его величіе, вся его мощь были только маской, которая служила ему днемъ для господства надъ людьми, а теперь онъ былъ просто слабымъ, истощеннымъ, старымъ человѣкомъ. Волоса его блестѣли сѣдиной, а лобъ былъ испещренъ глубокими морщинами. Вотъ кумиръ, которому поклонялся весь міръ, который залилъ кровью цѣлыя страны, погубилъ тысячи и тысячи людей. И, однако, онъ теперь спалъ тихо, мирно, какъ ребенокъ, словно ничто не мучило его совѣсти.

Все въ комнатѣ тихо. Но вотъ какая-то тѣнь показывается въ отверстіи чердака и неслышно, медленно опускается внизъ по лѣстницѣ.

LVIII.

Sic semper tyrannis.

Наполеонъ стонетъ во снѣ, но не просыпается. Человѣкъ, спустившійся съ лѣстницы, подкрадывается неслышно къ нему, такъ какъ онъ босой, а когда у самага кресла онъ выпрямляется, то по своему высокому росту и странному дикому виду онъ кажется скорѣе призракомъ, чѣмъ живымъ существомъ. Посѣдѣвшіе волосы висятъ въ беспорядкѣ по его плечамъ, щеки впали отъ голода и болѣзни, ротъ широко открытъ, какъ у лютаго звѣря; поражающее при мерцаніи лампы гигантскими размѣрами его тѣло

покрыто лохмотьями; въ рукахъ у него блеститъ большой охотничій ножъ, а глаза злобно сверкаютъ.

Онъ стоитъ передъ Наполеономъ съ ножомъ въ рукѣ и пристально смотритъ на него. Въ этомъ взглядѣ виднѣтся пламенная, страстная жажда мести. Онъ наклоняется къ холодной блѣдной щекѣ спящаго и поднимаетъ ножъ.

Въ эту минуту императоръ вздрагиваетъ, но не просыпается; онъ такъ усталъ, что спитъ непробуднымъ сномъ, не подозревая, что смерть такъ близка, что, достигнувъ высшей ступени человѣческаго величія и подчинивъ себѣ государей всего свѣта, онъ могъ въ эту ночь погибнуть подъ ножомъ убійцы.

Въ сосѣдней комнатѣ слышно какое-то движеніе, а подъ окнами раздается крикъ часового: «кто идетъ?»; затѣмъ снова наступаетъ безмолвная тишина.

Убійца продолжаетъ пристально смотрѣть на спящаго. Его взглядъ также неподвиженъ, и лицо также блѣдно, какъ черты его жертвы. Онъ вторично подымаетъ ножъ, но подъ самымъ окномъ раздаются шаги часового, который какъ бы прислушивается. Черезъ минуту шаги снова удаляются. Все попрежнему тихо.

Какъ спокойно спитъ Наполеонъ! Мерцающій свѣтъ лампы ясно обнаруживаетъ его усталое, истощенное лицо, а огонь въ каминѣ заливаешь красноватымъ блескомъ всю его фигуру. Въ ней теперь нѣтъ никакого величія; это просто слабое, изнуренное человѣческое существо, спящее отъ усталости, какъ простой крестьянинъ послѣ долгой работы. Одна его рука покоится на ручкѣ кресла; она бѣлая, маленькая, какъ у женщины, или ребенка, и, однако, эта самая рука пролила столько крови, подвергла свѣтъ столькимъ бѣдствіямъ.

Чего же ты медлишь, убійца? Столь долго желанная минута настала; ты безумно молил Бога и Мадонну Ненависти о томъ, чтобъ твой врагъ, врагъ твоей страны, погибъ отъ твоей руки. Теперь его судьба зависитъ отъ тебя. Ненавистный тебѣ Наполеонъ, который прошелъ съ мечемъ въ рукахъ по всему свѣту, находится подъ лезвиемъ твоего ножа. Помни герцога Энгіенскаго, Пишегрю и Пальма, помни Іену и Ейлау, помни Москву и Березину, помни тысячи и тысячи убитыхъ имъ жертвъ и вонзи ножъ въ его сердце!

Отчего ты колеблешься? Отчего рука твоя дрожить, и сердце тревожно бьется? Ты пришелъ сюда, ожидая увидѣть величественную, колоссальную фигуру, въ родѣ той, которая возвышалась въ римскихъ катакомбахъ. Издали Наполеонъ казался неестественнымъ, нечеловѣчнымъ, бездушнымъ колоссомъ, и ты жаждалъ убить этого колосса. Но теперь твоя рука опускается, видя передъ собой слабого, утомленнаго, спящаго человѣка. Но вспомни

о проведенныхъ тобою долгихъ голодныхъ дняхъ и бессонныхъ ночахъ; вспомни о милліонахъ людей, которыхъ онъ гналъ на закланье, какъ агнцевъ, вспомни, что онъ не зналъ жалости, и.. убей, убей, убей! Что значить жизнь одного человѣка, когда ео будетъ куплены миръ и счастье всего свѣта! Если онъ проснется отъ этого сна, то тѣнь меча снова омрачить вселенную, снова смерть, голодъ и огонь будутъ царить на землѣ. Убей, убей, убей!

Спящій снова вздрагиваетъ, его стеклянные глаза полуоткрыты, и голова свѣсилась на одну сторону. Лице его блѣдное, какъ мраморъ, теперь освѣщено странной печальной улыбкой. Онъ что-то шепчетъ, и его маленькая рука нервно сжимаетъ и разжимаетъ пальцы, подобно ребенку, который во снѣ ловить бабочку.

Нѣтъ, убійца не можетъ совершить своего кроваваго дѣла. Его жертва окружена очарованнымъ кругомъ, котораго онъ переступить не въ состояніи. Онъ не рожденъ злодѣемъ, и въ его натурѣ нѣтъ слѣдовъ темперамента преступника; его умъ подверженъ безумнымъ вспышкамъ, но его сердце полно любви. Онъ не можетъ убить человѣка, для убійства котораго пришелъ издалека. Онъ не чувствуетъ ненависти къ своему врагу теперь, когда онъ увидѣлъ, какое слабое, смертное существо этотъ врагъ. Онъ также человѣкъ, и Богъ его также создалъ. Быть можетъ, еслибъ онъ не молился передъ сномъ, еслибъ его лице не приняло такого мирнаго, спокойнаго выраженія послѣ молитвы, и онъ не заснулъ бы такъ тихо, какъ ребенокъ, то рука несчастнаго отверженца еще поднялась бы на него. Но онъ не могъ убить человѣка, котораго Богъ осѣнилъ мирнымъ сномъ. Къ тому же, если онъ нарушилъ завѣтъ Божій, проливъ столько крови, то вѣдь и убійство его было бы также противозаконнымъ, безчеловѣчнымъ пролитіемъ крови! Нѣтъ, пусть онъ мирно спитъ, пусть его судьба останется въ рукахъ Божіихъ.

Еще разъ отверженецъ смотритъ на свою жертву и ясно видитъ, что его лице не свѣтится живымъ пламенемъ любви, а его пожираетъ внутренній огонь неутолимаго самолюбія. Онъ никого никогда не жалѣлъ, но, сохранивъ ему жизнь, существо, столь много пострадавшее по его милости, только предоставляло его роковой судьбѣ.

Положивъ тихо ножъ на полъ, отверженецъ бросилъ послѣдній взглядъ на блѣдное лице своего врага, подкрался неслышными шагами къ окну, открылъ его и выскочилъ на дорогу, гдѣ царилъ темнота.

Вдали слышались крики, топотъ, выстрѣлы. Наполеонъ открылъ глаза и, вскочивъ съ кресла, сталъ озираться кругомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но онъ не замѣтилъ лежавшаго на полу ножа, который нѣсколько минутъ передъ тѣмъ былъ направленъ въ его сердце, и если холодъ пробѣгалъ по его спинѣ, то лишь отъ

суевѣрнаго страха, что подобное пробужденіе не предвѣщаетъ счастливаго дня.

Но онъ уже слишкомъ долго спалъ. Вскорѣ должно было наступить утро. Пора на коней! Раздается барабанный бой, онъ садится на лошадь и, предоставленный пожалѣвшимъ его убійцей своей судьбѣ, скачетъ во главѣ своей блестящей свиты на встрѣчу— Ватерло.

ЭПИЛОГЪ.

Прошелъ годъ. Снова шильниковая трава желтѣетъ на береговыхъ утесахъ въ Бретани, морскія птицы кружатся въ воздухѣ, колосятся поля на внутреннихъ равнинахъ, и рыбаки собираютъ водоросли у береговъ. Наступила первая годовщина роковой битвы, окончательно рѣшившей судьбу Наполеона.

На вершинѣ утеса, возвышавшагося надъ соборомъ св. Гильда, сидѣли двѣ фигуры, молча смотрѣвшія на тихую безконечную гладь разстилавшагося передъ ними океана. Это были неподвижный, какъ статуя, молодой высокаго роста мощный человѣкъ, сѣдины и изрытое морщинами лице котораго доказывали, что онъ прошелъ черезъ тяжелыя испытанія, и прелестная молодая дѣвушка, съ блѣдными щеками въ черномъ платьѣ.

День за днемъ приходили эти оба существа на морской берегъ и проводили тутъ долгіе часы въ безмолвномъ молчаніи. Она не сводила глазъ съ его отуманеннаго мрачнымъ облакомъ чела, а онъ бессознательно смотрѣлъ на море, хотя, повидимому, находилъ утѣшеніе чувствовать свою руку въ ея рукѣ.

Но теперь, въ этотъ знаменательный день, онъ отрываетъ свой взглядъ отъ чарующаго его океана и, взглянувъ на молодую дѣвушку, тихо произноситъ:

— Марселла.

— Роанъ.

— Еслибъ плыть по морю далеко, далеко, то можно было бы достигнуть того утеса, на которомъ сидитъ онъ. И онъ также смотреть на море, и у него то же блѣдное лице, которое я видѣлъ наканунѣ роковой битвы.

— Милый Роанъ,—произноситъ со слезами на глазахъ Марселла:—о комъ ты говоришь?

Онъ ничего не отвѣчаетъ, но только молча улыбается. Его слова непонятны для нея. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ, послѣ долгихъ мѣсяцевъ отсутствія, вернулся домой, часто его уста произносили странныя слова о битвахъ, о Наполеонѣ, о свиданіи съ нимъ, но они казались ей лихорадочнымъ бредомъ, и она терпѣливо ждала, чтобъ разъяслось отуманившее его разсудокъ облако.

Онъ снова смотритъ на море, но онъ не бредитъ, говоря о другомъ человѣкѣ, который за волнами океана также уныло, мрачно смотритъ вдаль. Но для Роана не все погибло; его одинокую жизнь согрѣваетъ любовь Марселлы, которая любить его теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, пламенной, вѣрной и преданной до смерти, любовью.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА.

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ АВГУСТЪ 1894 Г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Агаповъ, Д. Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по арифметикѣ. Для старшихъ классовъ среднеучебн. заведеній. Оренбургъ. 1893 г. Ц. 50 коп.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Оренбургъ. 1894 г. Ц. 33 к.

— Новая тригонометрія. Рѣшеніе треугольниковъ помощью теоремы Агапова. Оренбургъ. 1894 г. Ц. 85 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Оренбургъ. 1894 г. Ц. 60 к.

«Артистъ», журналъ изящныхъ искусствъ и литературы, № 39, июль, 1894 г. Ц. 2 р.

Басни и баснописцы. Съ жизнеописаніями и примѣчаніями. („Приходская Библиотека“). М. 1894 г. Ц. 25 к.

Бойсъ, Ч. Мыльные пузыри. 4 лекціи о волосности, прочитанія предъ молодой аудиторіей. Перев. съ франц. перевода. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Брамсонъ, Н. Вредныя наѣкомыя и мѣры для борьбы съ ними. Ч. I, изд. 2-е дополненн. Екатеринбургъ. 1894 г. Ц. 1 р. 80 к.

Браунеръ, А. Замѣтки о птицахъ Херсонской губ. Одесса. 1894 г. Ц. 20 к.

Брине, А., и Россинскій, Д. Голубиная почта. Практич. наставленіе для голубеводовъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.

Бреддонъ, м-съ. Соблазны міра. Ром. М. 1894 г. Ц. 1 р.

Владиміровъ, П. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человекъ и какъ поэтъ. Кіевъ. 1894 г. Ц. 30 к.

«Галицко-Русскій Вѣстникъ», ежемѣсячный историко-литературный и политическій журналъ, № 1, августъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Neller Julius. Новыя работы относительно леченія сифилиса. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.

Гейнце, Н. Князь Тавриды. Историч. ром. въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Гиляревскій, А. (священникъ). Пособіе къ изученію психологіи. Изд. 4-е, исправл. и дополн. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Hoffa, A., д-ръ. Руководство ортопедической хирургіи. Съ 555-ю рис. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 4 р.

Григоровскій, С. О родствѣ и свойствѣ. Изд. 3-е. Спб. 1894 г. Ц. 50 к.

Гротъ, Н. Основные моменты въ развитіи новой философіи. М. 1894 г. Ц. 60 к.

Де-Воллакъ, Г. По бѣду свѣту. Путевыя замѣтки. Ч. 2-я (Бирма-Ява-Китай-Тонкинъ-Конхинхина-Камбоджа-Сіамъ). Спб. 1895 г. Ц. 2 рубля 25 коп.

Демичъ, В. Очерки русской народной медицины. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ леченіе у русскаго народа. Спб. 1894 г. Ц. 60 к.

Джаншіевъ, Гр. Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е дополн. изд. М. 1894 г. Ц. 2 рубля 40 коп.

Дѣдловъ, П. Переселенцы. Новыя мѣста. (Путевыя замѣтки). Спб. 1894 г. Ц. 1 р.

- Золя, Э.** Хурдь. Романъ. Переводъ Ю. Загуляевой. Ц. 1 р. 25 к.
- Лурдь Романъ, перев. съ франц. Н. Шелгуновой. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Какъ возникаютъ и распространяются** кустарные промыслы. Вятка. 1894 г. Ц. 10 коп.
- Календарь для учителей на 1894—95 г.** Составилъ Н. Сангурскій. Ц. 1 р.
- Каманинъ, И.** Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмѣльницкаго. Киевъ. 1894 г. Ц. 90 к.
- Карелинъ, А.** Краткое изложеніе политической экономіи. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- «Книжный Вѣстникъ», № 8. Ц. 30 к.
- Корневъ, А.** (Ковнеръ). Около золотого тельца. Повѣсть. (2-е испр. и дополн. изд.). Сиб. 1895 г. Ц. 75 к.
- Корню, А.** Взаимное отношеніе явленій статическаго и динамическаго электричества и опредѣленіе электрическихъ единицъ. Тифлисъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Красноразенскій, М.** Казаоскій демонъ и его проказы. Бытокия сатиры-юмористическая поэма. Казань. 1894 г. Ц. 20 к.
- Курціусъ, Е.** (Проф.). Апостоль Павелъ въ Аѳинахъ и слѣды греческаго вліянія въ его языкѣ и міросозерданіи. Перев. съ нѣмецкаго. Сиб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Ландышевъ, Е.** (Священникъ). Слутникъ священника во время развѣздовъ его по приходу или простые домашніе врачевн. совѣты, испытан. на практикѣ, съ соединен. замѣтки о кумысѣ изъ коровьяго молока и краткаго описанія болѣзней. Изд. 3-е. М. 1894 г. Ц. 15 к.
- Leblong.** Диагностика нарывовъ печени. Сиб. 1894 г. Ц. 30 к.
- Мале, Г.** Богатая партія. Повѣсть. Сиб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Мансфельдъ, Ю.** Сводъ правилъ ношенія формен. одежды штатными чинами гражд. вѣдомствъ, а также чинами судебн. вѣд. Изд. 2-е. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Марновичъ, А.** Историч. и статистическая записка о дворянскомъ сословіи и дворянскихъ имуществвахъ Черниговской губ. Черниговъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Мижуевъ, П.** Ричардъ Кобденъ (Разсказъ о хорошихъ людяхъ, № 12). Ц. 40 к.
- Мольеръ.** Скупой. Комедія въ 5-ти дѣйств. Перев. В. Лихачева. Изд. 2-е. („Дешев. Библиотека“ А. С. Суворина № 115). Ц. 15 к.
- Школа женъ. Комедія въ 5-ти актахъ. Перев. В. Лихачева. Изд. 2-е. Ц. 15 к.
- Москва, ея святыни и памятники.** („Приходская Библиотека“). М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Мясницкій, И.** Нашего поля ягодки. Юмористическіе рассказы. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Настольный энциклопедическій словарь.** Вып. 87-й. Ц. на простой бумагѣ—30 к.; на велен.—40 к.
- Наумовичъ, І.** Сироты. Историч. повѣсть для народа. Съ галицко-русскаго нарѣчія переложилъ А. Давидовичъ. („Приходская Библиотека“). М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Завѣтныя три липы. Историч. повѣсть для народа. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Псалтырникъ. Повѣсть изъ галицко-русской народной жизни. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Четыре путеводаителя доброй жизни: страхъ Божій, мудрость, трезвость, трудъ. М. 1894 г. Ц. 20 к.
- Нинифоръ** (Глякасъ), митрополитъ. Слово о пользованіи временемъ. Перевелъ съ греческаго іеродіаконъ Теофілъ Пасхалидись. Сиб. 1894 г. Ц. 6 к.
- Слово объ упованіи на Бога. Ц. 10 к.
- Оксеновъ, А.** Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ, М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Плансинъ, С.** Медвѣжья услуга. Драма. этудь въ одномъ дѣйствіи. Изд. 2-е. Одесса. 1894 г. Ц. 35 к.
- Поддубный, И.** Русская земля. (Природа страны, населеніе и его промыслы). Сборникъ для народа, чтеція. Сѣверный край. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Подруга.** Календарь для учащихся въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ на 1894—1895 г. Ц. 35 к.
- Положеніе о видахъ на жительство** (Высочайш. утвѣрж. 3-го іюня 1894 г.). Изд. Морозова. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Поморцевъ, М.** О законѣ распредѣленія скоростей вѣтра. Географич. распредѣленіе силы вѣтра. Работа вѣтра. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Птицынъ, Вл.** Древніе адвокаты и наши присяжные Цицероны. Сиб. 1894 г. Ц. 50 к.
- Пзнь, С.** Наша старина. Разрушеніе Іерусалима. Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Roger, G.** Заразныя болѣзни, свойственныя какъ людямъ, такъ и животнымъ. Перев. съ франц. Сиб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Санчурскій, Н.** Краткая грамматика латинскаго языка. Ч. I. Этимологія. Сиб. 1893 г. Ц. 60 к.
- Синтаксисъ. Изд. 2-е. Сиб. 1894 г. Ц. 70 к.
- «Сельскій Хозяинъ», № 40. Ц. 20 к.
- Семеновъ, В.** Забытый путь изъ Европы въ Сибирь. Енисейская экспедиція 1893 года. Сиб. 1894 г. Ц. 75 к.
- Симсонъ, Э.** О завладѣніи по началамъ международнаго права. Сиб. 1894 г. Ц. 4 р.

- Слово** Анастасія Синаита о святомъ собраніи и о томъ, что не слѣдуетъ судить и злопамятствовать, Съ греч. перев. іеродіаконъ Теофілъ Пасхалидись. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Сованъ, С.** Россійская Императорская армія. 16 наглядн. таблицъ формъ обмундированія. Спб. 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Современный календарь на 1895 г.** Ц. 15 к.
- Современный календарь на 1895 г.** Ц. 15 к.
- Soward Alfred.** Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М. 1894 г. Ц. 75 к.
- Таможенные тарифы** европейскихъ государствъ, примѣняемые при ввозѣ товаровъ въ Россію. I. Германскій таможенный тарифъ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к. II. Австро-венгерскій таможенный тарифъ. Спб. 1894 г. Ц. 25 к.
- Троицкій, Ѳ.** Апостольскія языковъ Павелъ и апостолы обрѣзанія въ ихъ отношеніи другъ къ другу въ жизни и ученіи. Вып. II. Казань. 1894 г. Ц. 1 р.
- Турчиновичъ, Т.** Устройство и содержаніе фабрикъ и заводовъ въ связи съ мѣрами къ достиженію пожарной безопасности. Съ таблицъ, чертежей и 45 полит. въ текстѣ. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Узаконенія о бесплатныхъ народныхъ библиотекахъ (читальняхъ).** Съ приложеніемъ примѣрныхъ ихъ уставовъ, составл. Спб. Комитетомъ грамотности, Изд. 2-е, дополн. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Фулье, А.** Психологія мужчины и женщины и ея психологическія основанія. („Международная Библіотека“, №№ 16 и 17). Одесса. 1894 г. Ц. 25 к.
- Цейнеръ, М.** Стихотворенія и элегіи въ прозѣ. Томскъ. 1894 г. Ц. 85 к.
- Ziegler, Th.** 4-г. Карманный, терапевтическій словарь. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Цыбульскій, С.** Греческія монеты. Нумизматическій атласъ для школы и любителей греческихъ древностей. Спб. 1894 г. Ц. съ текстомъ 3 р. Ц. текста отдѣльно 20 к.
- Чернощенокъ, Н.** Право промышленной клиентелы. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство спайки и луженія. Перев. съ англ. Съ 66 полиптипаж. въ текстѣ. М. 1894 г. Ц. 85 к.
- Шахматы, № 12.** Ц. 30 к.
- Шевелевъ, А.** О двойныхъ звѣздахъ. Очерки астрономіи. Вып. I. М. 1894 г. Ц. 30 к.
- Шеллеръ, А. (А. Михайловъ).** Полное собраніе сочиненій Т. VIII. Чужіе грѣхи.—Надъ обрывомъ.—Разказы. Т. IX. Побѣдители.—На разныхъ берегахъ.—Господинъ пророкъ.—Разказы. Ц. за все собраніе сочин. 25 р. Каждый томъ отдѣльно по 2 р.
- Шекспиръ, В.** Король Ричардъ Третій. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ А. Дружинина. Изд. 2-е. („Дешевая Библіотека“ А. С. Суворина, № 58). Ц. 25 к.
- Шекспиръ, В.** Полное собраніе сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Перевелъ И. Капшинъ. Съ портрет. и рисунками. 12 т. Спб. 1894 г. Ц. 6 р., въ перепл. 10 р. 80 к.
- Шилле, А.** Походъ въ Хиву и ея покореніе. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 10 к.
- Штрайслеръ, Ф.** Происхожденіе семьи. („Международная Библіотека“, № 15). Одесса. 1894 г. Ц. 15 к.
- Энциклопедическій словарь.** 24-й полутомъ. (Земперъ-Имидокаслоты). Ц. 3 р.
- Языновъ, Д.** Евгеній Абрамовичъ Баратынскій. (Жизнь русскихъ дѣятелей). М. 1894 г. Ц. 10 к.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ, ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ.

СЪ 52 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ЦѢНА 3 РУБЛЯ.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 г.— Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дефтфордъ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ въ 1722 году.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія.—Кирияново, дача княгини Дашковой.—Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 г.—Пѣвица Габриелли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература.

Лица, выписывающія эту книгу чрезъ контору «Историческаго Вѣстника» (Спб., Невскій просп., 38), за пересылку ничего не платятъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ О СТИПЕНДІИ ИМЕНИ ГРАФА КЛЕЙНМИХЕЛЯ.

Ноября 30-го дня сего 1894 года исполнится 100 лѣтъ со дня рожденія графа Петра Андреевича Клейнмихеля, бывшаго главноуправляющаго вѣдомствомъ Путей Сообщенія и публичныхъ зданій въ продолженіе 14-ти лѣтъ.

Всѣмъ извѣстно, какимъ неограниченнымъ довѣріемъ покойнаго императора Николая I пользовался графъ Клейнмихель. Такимъ образомъ графъ Клейнмихель былъ однимъ изъ важнѣйшихъ сотрудниковъ славнаго и могучаго царствованія императора Николая I, волю государя исполнялъ всегда съ самоотверженіемъ, чего требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ.

Здѣсь мы не будемъ перечислять государственныхъ заслугъ графа Клейнмихеля, какъ необыкновенно талантливаго, необыкновенно энергичнаго и твердаго администратора, которыя не относятся къ дѣятельности его до вступленія во главу вѣдомства Путей Сообщенія, а обратимъ вниманіе лишь на его дѣятельность съ этого времени.

Самые выдающіеся факты этой дѣятельности суть: 1) постройка Николаевской жел. дороги, этой первой какъ по достоинству дороги въ Европѣ, такъ и первой по времени въ Россіи. Не смотря на ограниченность въ то время практическихъ знаній по желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи, всѣ сооруженія и подвижной составъ были исполнены своими инженерами, ибо Царскосельская дорога, построенная нѣсколько прежде, представляла скорѣе игрушку; 2) Николаевскій черезъ Неву мостъ; 3) 11.000 верстъ образцоваго шоссе; 4) устройство телеграфа; 5) улучшеніе всѣхъ искусственныхъ водяныхъ сообщеній.

Нося званіе главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, графъ Клейнмихель, обладая государственнымъ умомъ, счелъ прямою своею обязанностью совокупить всѣ работы въ государствѣ подъ вѣдѣніе одного вѣдомства, специально для того въ государствѣ организованнаго. Въ виду этого, онъ раздѣлил Россію на округа, упорядочилъ законодательнымъ путемъ строительный уставъ и урочное положеніе, предоставляя хозяйственные и экономическіе вопросы вѣдѣнію мѣстныхъ губернскихъ властей, а техническіе вопросы и общій надзоръ вѣдѣнію вѣдомства публичныхъ работъ. Это уже одно было заслугой для вѣдомства, поднявшей его значеніе въ глазахъ всѣхъ.

Одной изъ главныхъ чертъ графа Клейнмихеля было стремленіе къ независимости, и онъ придавалъ такой характеръ всему вѣдомству, имъ управляемому. Графъ Клейнмихель не выносилъ и не терпѣлъ какого либо вмѣшательства въ его дѣла или какого либо посторонняго вліянія на нихъ. Кто бы то ни былъ и какъ бы высоко ни стоялъ, не могъ и думать обидѣть вѣдомство или какое либо лицо, подчиненное графу Клейнмихелю. Самъ онъ былъ необыкновенно строгъ и въскателенъ къ нимъ, но ни подъ какимъ видомъ не допускалъ постороннихъ инсинуацій.

Графъ Клейнмихель любилъ знакомиться съ своими подчиненными, и потому всякій прїѣзжающій изъ провинціи обязанъ былъ явиться въ штабъ и затѣмъ явиться въ первый же пріемный день, въ 10 часовъ утра, къ главноуправляющему.

Можно бы цитировать не одинъ примѣръ того, что, стремясь узнавать своихъ подчиненныхъ, при выдающемся свойствѣ графа подмѣчать людей, онъ угадывалъ способности и характеръ ихъ иногда съ перваго раза и потомъ двигалъ ихъ къ дѣлу.

Графъ Клейнмихель былъ тоже неутомимъ въ ходѣ обзора работъ. По большей части онъ объѣзжалъ ихъ ранней весной и поздней осенью. По крайней мѣрѣ, онъ всегда лично осматривалъ два раза въ годъ наиболѣе интересовавшія его работы на Николаевской жел. дорогѣ. Никакая распутица въ означенныя времена года не останавливала его. Нерѣдко приходилось ему ночевать въ крестьянскихъ избахъ и ѣздить въ глубокую осень на крестьянскихъ дровняхъ. При этихъ объѣздахъ графъ обыкновенно спрашивалъ, нѣтъ ли готовыхъ проектовъ къ его утвержденію. Случалось, что проекты были готовы только вчернѣ. Не смотря на это, онъ приказывалъ подать ихъ, дать ему подлежащія объясненія, и тутъ же утверждалъ ихъ, зная, что до утвержденія проекта обыденнымъ путемъ пройдетъ, быть можетъ, полгода и, сообразно этому, затянутся и работы. Иначе говоря, онъ не придавалъ особаго значенія соблюденію обыденной формальности въ живомъ дѣлѣ.

Графъ Клейнмихель требовалъ отъ инженеровъ быстро, прочнаго, отчетливаго и притомъ красиваго исполненія сооружений, чѣмъ отличаются и въ настоящее время всѣ произведенныя въ его время постройки.

Графъ Клейнмихель вступилъ въ управленіе вѣдомствомъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, однако, быстро познакомившись съ корпусомъ инженеровъ, онъ полюбилъ вѣдомство, полюбилъ его, можно сказать, всей душой и пронесъ его знамя съ гордостью, славой и честью.

При очевидности факта поднятія значенія вѣдомства Путей Сообщенія графомъ Клейнмихелемъ тѣ живые еще люди, которые служили въ тѣ времена въ вѣдомствѣ, пришли къ мысли оставить въ немъ память о графѣ Клейнмихелѣ учрежденіемъ стипендіи его имени, въ основывающемся нынѣ общежитіи для студентовъ Института Путей Сообщенія, на счетъ посильныхъ пожертвованій тѣхъ, которые сочувствуютъ ему доброму дѣлу.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ и Саратовѣ, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

